СИБИРЬ
И
КАТОРГА.

С. В. Максимова.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1900.

Паровая типографія (Барона Криденера). Лиговская, 57.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НЕСЧАСТНЫЕ.

Въ дорогѣ, на каторгѣ, въ бѣгахъ, на пропитаніи и на поселеніи. Тюремныя пѣсни. Тюремный языкъ.

ГЛАВА I.

ВЪ ДОРОГѢ.

Милосердная.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до каторги: дорожныя и тюремныя злоключенія.—Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старыя неурядицы.—Окровавленные колодники.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе полушубковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смирные и сердитые.—Тобольская тюрьма.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапные кабаки.—Этапныя зданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Привалъ.—Майданщики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Бритье головъ и случай съ поляками.—Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенства этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу.

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте насъ невольниковъ,
Заключенныхъ,—Христа-ради!—
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!
Сожалѣйтеся, наши батюшки,
Сожалѣйтеся, наши матушки,
Заключенныхъ, Христа-ради!
Мы сидимъ во неволюшкѣ—
Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшетками за желѣзными,
За дверями за дубовыми,
За замками за висячими.
Распростились мы съ отцомъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ—племенемъ.

Пѣсня «Милосердная».

Вотъ въ какую простую форму сложилась и какою нехитрою пѣснею сказалась просьба проходящихъ по сибирскимъ этапамъ арестантовъ,—просьба, обращаемая обыкновенно къ сердоболію обитателей спопутнаго селенія. Немного въ этой пѣснѣ словъ, не особенно богата она содержаніемъ, но слова ея не мимо идутъ, а содержаніе и складъ ея, а особенно напѣвъ, трогаютъ не одни только мягкія, настроенныя на благотвореніе сердца.

Я слышалъ эту пѣсню одинъ разъ въ жизни, но никогда не забуду того впечатлѣнія, какое оставила эта пѣсня въ моей, на тотъ разъ сильно утомленной памяти, въ моемъ усталомъ воображеніи, притупленномъ разнообразіемъ картинъ и пораженномъ неприглядностью и несовершенствомъ картинъ этихъ.

Не помню дня, числа и часа; помню свѣтлый апрѣльскій день, весенняя теплота котораго обязала меня отворить окно и смотрѣть на дешевыя, не богатыя содержаніемъ подробности дѣловой и однообразной жизни сибирской деревни. Созерцаніе такихъ картинъ далеко не ведетъ: отъ нихъ скоро отрываешься и скоро забываешь о нихъ, ради воспоминаній прошлаго, всегда готовыхъ къ услугамъ, всегда живыхъ и свѣжихъ, и чаще всего о родинѣ, которая тогда была для меня и далекою и удаленною.

Такъ было со мною и на этотъ разъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ деревень Забайкальскаго края, у окна одного изъ ея утлыхъ и старыхъ домовъ, одного въ которомъ засадила меня весенняя распутица и бездорожица.

Я сидѣлъ и слушалъ; и слышалъ на тотъ разъ отдаленные звуки какого-то неопредѣленно-тоскливаго напѣва и строя. Звуки эти унесли воображеніе мое на Волгу, гдѣ, ломая путину и разламывая натруженную и наболѣвшую грудь жесткою лямкою, бурлакъ тянетъ свою унылую пѣсню, подлаживая къ ней свой шагъ, пріурочивая свои разбитыя ноги. Сходство напѣва сибирской пѣсни съ волжскою бурлацкою на первыхъ порахъ казалось мнѣ поразительнымъ. Но пѣсенные звуки становятся яснѣе и опредѣленнѣе и досужее воображеніе мое спѣшитъ рисовать уже иныя картины. Вотъ, думалось мнѣ, безжалостныя подруги расплели у невѣсты дѣвичью косу, чтобы накрыть ея голову повоемъ;

и вотъ она, невѣста эта, вспомнивъ скорую утрату всей своей дѣвичьей воли,

Что во нѣгѣ у матушки,
Въ прохладѣ у братьецовъ,—

выливаетъ все свое горе въ пѣсенный плачъ, у котораго готова только внѣшняя форма, но наружное проявленіе въ напѣвѣ всегда такое самобытное и сильное. Невѣста какъ будто собрала въ груди все накипѣвшее горе и всѣ слезы и какъ будто въ послѣдній разъ въ жизни рѣшилась вылить ихъ всѣ вдругъ и вслухъ всѣмъ. Напѣвъ въ нашей пѣснѣ въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ не менѣе тоскливый и не менѣе щемитъ онъ сердце. На этотъ разъ онъ показался мнѣ схожимъ съ тѣмъ, который доносился до моего слуха съ улицы сибирской деревни. Но вотъ пѣсня послышалась еще ближе. Воображеніе поспѣшило подладить къ ея напѣву другія, новыя, но знакомыя и похожія картины— и въ воспоминаніяхъ всталъ, какъ живой, сельскій погостъ: бѣдные и покрившіеся кресты, погнившая и обвалившаяся ограда, много могилъ на погостѣ. На одной могилѣ распластался, упавши на грудь, живой человѣкъ. Изъ груди его несется стонъ, слышатся тѣ тоскливые тоны, какими богаты всѣ могильные плачи. Однообразны плачи эти въ содержаніи, одинаковы и въ напѣвѣ. Тоскливѣе напѣва этихъ плачей я не зналъ прежде и не чаялъ встрѣтить потомъ другихъ, которые были бы равномѣрно закончены, одинаково вѣрны своей цѣли и своему смыслу. Но когда изъ-за угла сибирской деревни показалась толпа арестантовъ съ верховыми казаками впереди, съ солдатами по бокамъ, и когда послышалась и пѣсня, вся цѣликомъ, я забывалъ о всяческихъ сравненіяхъ. Я бросилъ ихъ какъ невѣрныя, далекія отъ образовъ, навѣянныхъ настоящею пѣснею. Тоны арестантской пѣсни сливались въ одинъ; переливы такъ были мелки, что ихъ почти нельзя было отличать и выдѣлить изъ цѣлаго. А въ этомъ цѣломъ слышался одинъ стонъ и самая пѣсня эта показалась тогда сплошнымъ стономъ: но стоналъ на этотъ разъ не одинъ человѣкъ—стонала цѣлая толпа. Словъ не было слышно (при всѣхъ моихъ напряженныхъ усиліяхъ я не могъ поймать ни одного), слова и тоны слились въ одинъ гулъ; и гулъ этотъ и стонъ этотъ щемили сердце до того, что становилось положительно жутко и неловко. Такъ и вѣяло отъ пѣсни сыростью рудниковыхъ подземельевъ, мракомъ тюремныхъ стѣнъ, свинцовою тяжестью всяческой каторги, гдѣ человѣку хуже и безвозвратнѣе, чѣмъ въ другихъ какихъ либо отчужденныхъ мѣстахъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, на всемъ земномъ шарѣ.

Цѣлые дни потомъ преслѣдовали меня мучительные звуки арестантской пѣсни и, возвратившись теперь къ ней воспоминаніями, я не могу указать иной, которая отличалась бы болѣе тоскливымъ напѣвомъ. Смѣю увѣрить, что ни одна русская пѣсня не пріурочена такъ къ выраженію внутренняго смысла въ напѣвѣ, ни одна изъ нихъ не бьетъ прямо въ цѣль и въ самое сердце, какъ эта пѣсня, выстраданная арестантами въ тюрьмахъ и на этапахъ. На этотъ разъ кандальная партія осиливала послѣднюю сотню верстъ изъ долгаго и тяжелаго, семитысячнаго и годового пути своего. Ей оставалось идти уже немного верстъ, чтобы попасть домой, т. е. прямо на каторгу.

Пока колодники у насъ передъ глазами, мы отъ нихъ не отстанемъ. Не отстанемъ мы отъ толпы этой, хотя она и движется вдоль улицы мучительно-медленнымъ шагомъ, едва волочитъ ноги. Самый звукъ кандаловъ сталъ какой-то тупой, и слышный и громкій потому только, что идущая партія ссыльно-каторжная, въ которой—какъ давно и всякому извѣстно — на каждыя ноги надѣваются тяжелыя пятифунтовыя цѣпи. На этотъ разъ медленная поступь — преднамѣренная, ради сбора подаяній, и вышла она торжественною потому, что всякій арестантъ увлеченъ пѣніемъ и вводитъ въ артельную пѣсню свой разбитый голосъ, чтобы, такимъ образомъ, мольба была общею и конечнѣе била въ сердобольныя сердца слушателей.

Стонтъ на улицѣ сплошной стонъ отъ пѣсни и бережно несетъ свою пѣсенную мольбу эта густая арестантская толпа, точно боится выронить изъ нее слово, сфальшивить тономъ, и поетъ усиленно громко, словно обрадовалась случаю торжественно и окончательно высказать вслухъ всѣмъ свое неключимое горе.

Задумались, цѣликомъ погруженные въ слухъ и вниманіе, и конные и пѣшіе: казаки и солдаты. Задумались даже эти привычные люди до того, что какъ будто не видятъ и не хотятъ видѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ отдѣляются изъ толпы арестанты, чтобы принять подаяніе. Пѣсня возымѣла успѣхъ, достигла цѣли: подаянія до того щедры и часты, что принимающіе ихъ даже и шапку поднимать не успѣваютъ— и не поднимаютъ.

А между тѣмъ, несетъ къ нимъ посильное подаяніе всякій. Несетъ и знакомая мнѣ старушка, у которой единственный сынъ погибъ на Амурѣ, которая отъ многихъ лѣтъ и многихъ несчастій ушла вся въ сердце и живетъ уже однимъ только сердобольемъ и говоритъ одними только вздохами. У нее нѣтъ (я это вѣрно знаю), нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, нѣтъ и силъ, но откуда взялись послѣднія, когда она заслышала на улицѣ эту „милосердную“, откуда взялись и деньги, когда бабушка моя очутилась на глазахъ проходящихъ. Дастъ бабушка деньги изъ скопленныхъ ею на саванъ и ладонъ, дастъ она эти деньги, стыдится — и прячется, чтобы не видали всѣ.

За бабушкою Анисьею (хотя и не костлявою, а жирною рукою) даетъ свою обрядовую дачу

и условную милостыню торговый крестьянинъ, купецъ, вчера только успѣвшій оплесть довѣрчиваго казака на овсѣ и хлѣбѣ и давно уже отдавшій всѣ свои помыслы черствому и мертвящему дѣлу „наживанія" капитала. Несетъ онъ свое подаяніе — и оглядывается, даетъ — и не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащитъ свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и сроку, и домашнія невзгоды, которыя скопилъ на казачьи головы пресловутый, тяжелый Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ Богу на свѣчку, изъ спрятанныхъ на черный день и недобрый часъ.

Всѣмъ имъ въ отвѣтъ пропоютъ ужо арестанты за деревнею такую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,
Что не забываете вы насъ,
Бѣдныхъ, несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слывутъ подъ названіемъ „Милосердной". Слышится эта пѣсня въ одной только Сибири, но и тамъ она извѣстна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи — именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣвка нищихъ и сборщиковъ подяній на церкви: „Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ, Христа-ради". Словами этими просили милостыни въ голосъ, т. е. кричали на распѣвъ, пока искуство досужихъ не слило словъ въ пѣсню и не обязало извѣстнымъ своеобразнымъ напѣвомъ. Въ Россіи этой пѣсни не поютъ (да здѣсь она и не извѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освященное обычаемъ, право просить къ недостающему казенному содержанію посильнаго прибавка отъ доброхотныхъ дателей, — но по Россіи „Милосердную" замѣнялъ бой въ барабанъ. Этотъ бой велъ къ той же цѣли и обезпеченъ былъ тѣмъ же результатомъ, хотя, по сознанію арестантовъ, и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говорилъ мнѣ одинъ изъ бѣгло-каторжныхъ), дай-ка намъ эту „Милосердную" вдоль Россіи протянуть, дай-ка! мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ дѣло казенное, въ барабанъ солдатъ бьетъ. Не всякому это понятно, а у всякаго отъ бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно. Телячья шкура того не скажетъ, что языкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣстъ заточенія или изгнанія.

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и довѣренные конвойному офицеру съ командою, выходятъ еженедѣльно, въ урочной день, изъ пересыльнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами на улицѣ, арестантская партія на долгое время затѣмъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идутъ въ дальную и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей сулитъ эта дальняя дорога, много горя обѣщаетъ она арестантамъ тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ круглый годъ: и на лѣтней жарѣ, и на весеннихъ дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злоключеніе! тѣмъ пуще и горче оно, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе которой въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

„Тамъ, — думаетъ народъ: — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, взрыты крутыя, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ вырыты ямы, глубиною въ самые глубокіе рѣчные и озерные омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужъ потомъ не вынутъ и не выпустятъ. И будутъ сидѣть они тамъ, Божьихъ дней не распознавая, Господнихъ праздниковъ не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко натопленныхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни сроку, ни платы, ни отдыху. Изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печаляхъ, затѣмъ, что ужъ имъ всякій выходъ заказанъ, и родина отрѣзана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока — глубока да и запечатана. Съ цѣпи не сорвешься, казна вездѣ найдетъ. Изъ песку веревочки не совьешь, а на чужой дальной сторонѣ помрешь и кости по родинѣ заплачутъ. И помогъ бы такому неключимому горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе заключенники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжелое, да грошъ трудовой, кровный: авось и онъ вамъ пригодится. Пригодится хлѣбца прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставить; онъ вамъ и путь управитъ, и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подастъ, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прощайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копейка не щербатая! чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ"!

Собираетъ арестантская партія, идучи по Москвѣ, мірскія подаянія въ примѣтномъ обиліи и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренни и у которыхъ заработная копейка только насущная, безъ залишка, самому крѣпко нужная. Порывы къ благотворенію въ этой

толпѣ еще не приняли обыденной рутинной формы и еще не успѣли снизойти до обычая, который всегда предполагаетъ срокъ и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій, онъ ждетъ только напоминанія. Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука кандаловъ, чтобы вызвать порывъ этотъ на дѣло и обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ толпы народной сходитъ на арестантскую партію не роскошная дача, тутъ рубль копейки не подшибаетъ. Но, тѣмъ не менѣе, пожертвованія идутъ справа и слѣва въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыркахъ, въ богатомъ купеческомъ Замоскворѣчьѣ, на торговой Таганкѣ и въ извозчичьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, чѣмъ больше благопріятствуетъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подаянія обильнѣе и ощутительнѣе для арестантской артели. Но разобрать трудно, кто подаетъ больше: случайно ли попавшійся на улицѣ прохожій покупатель, или прикованный къ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ торговцевъ и барышниковъ, извозчикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всѣ благотворители равноправны и равносильны, едва ли существуетъ тутъ какая нибудь примѣтная разница.

Разницы этой должно искать въ другомъ разрядѣ благотворителей, и именно тѣхъ, которые кончили уже свое дѣло на улицѣ, которымъ улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благотворители эти засѣли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но за дѣломъ и недосугомъ ждутъ сильныхъ возбужденій. Жизнь людей этихъ, принужденныхъ искать системы и порядка, проходитъ размѣреннымъ шагомъ, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому „дневи довлѣетъ злоба его". Есть въ средѣ дней этихъ и такіе, которые по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по житейскимъ случайностямъ, но опять-таки по предварительному и преднамѣренному назначенію, посвящены дѣламъ благотворенія. Источникъ послѣдняго лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило все широкое раздолье русской земли монастырями и церквами и снабдило тѣ и другія громкими звонами, драгоцѣнными вкладами, богатыми дачами. Родительскія суботы и радуницы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники издавна обусловлены обязательною хлѣбною жертвою и денежнымъ подаяніемъ въ пользу страждущихъ, гонимыхъ и заключенныхъ Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдуемый всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальнихъ, большихъ и малыхъ городовъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, которое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочувствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ ученіе, по смыслу котораго „рука дающаго не оскудѣваетъ", цѣлостнѣе и опредѣленнѣе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны—зажиточная жизнь и матеріальное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которыя, по преимуществу, обстроены домами купцовъ-староверовъ. „Одѣнемъ нагихъ,—говорятъ они въ своей пословицѣ:—обуемъ босыхъ, накормимъ алчныхъ, напоимъ жадныхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе"; „денежка-молитва, что острая бритва: всѣ грѣхи сбрѣетъ", „а потому одной рукой собирай, а другой раздавай", ибо „кто сирыхъ питаетъ, того Богъ знаетъ", а „голаго взыскать, Богъ и въ окошко подастъ". Эти правила-пословицы дошли до насъ отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ сострадания. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характернѣе другихъ рисующемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность посильнымъ приношеніемъ и помощью усладить тяжелые дни жизни всякаго ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Никона, находилъ и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и снохи („пришлютъ кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучьки и овсеца"), и отъ воеводскаго приказчика („мучьки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку да овечекъ съ 5—6, мясцо"). На Байкалѣ незнакомые встрѣчные русскіе люди надѣлили пищею, сколько было надобно, „осетровъ съ 40 свѣжихъ привезли, говоря: вотъ, батюшко, на твою часть Богъ, въ запорѣ, намъ далъ, возьми себѣ всю". Починили ему лодку, зашили парусъ и на дорогу снабдили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣялъ самъ царь съ царицею и боярами („пожаловалъ царь 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ денегъ, Лука духовникъ 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а Ѳедоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть").

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстныя въ Западной Европѣ—у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благотворенія выросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначили такую страшную даль, какова Сибирь, а для ссыль-

ныхъ людей, такимъ образомъ, усложнили страданія, потребовавъ отъ нихъ большаго запаса силъ и терпѣнія. Только при помощи этого благотворнаго участія, облеченнаго въ форму матеріальной помощи, могли наши ссыльные (и первые и позднѣйшіе) отчасти противостоять всѣмъ вражьимъ силамъ, исходящимъ въ одно время и изъ суровой природы и отъ жестокихъ людей. Въ примиреніи этихъ двухъ враждебныхъ и прямо-противорѣчивыхъ началъ (каковы общественное участіе, съ одной стороны, и слишкомъ ревностное и черезчуръ суровое исполненіе службы приставами—съ другой), въ стараніи восполнять избыткомъ участія однихъ крайній недостатокъ того же у другихъ, во всемъ этомъ провели большую часть своей изгнаннической жизни наши первые ссыльные. Свой опытъ и свои пріемы они успѣли завѣщать и позднѣйшимъ несчастнымъ. Обѣ силы, и враждебная и благодѣющая, успѣли прожить долгіе годы и уцѣлѣть до нашихъ дней въ томъ цѣльномъ, хотя отчасти, можетъ быть, и въ измѣненномъ видѣ, что насъ уже особенно и не дивятъ денежныя пожертвованія, высылаемыя въ послѣднее время изъ-за тюремныхъ стѣнъ на помощь страдающихъ, внѣ ихъ, отъ безхлѣбья и голода.

Во всѣ времена нашей исторіи и, въ особенности, въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій правительству представлялась возможность крѣпко опираться на добровольныя приношенія жертвователей и даже подчинять раздачу ихъ различнымъ узаконеніямъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что родившееся въ народѣ чувство благотворенія преступникамъ взлелѣяно и воспитано правительствомъ въ такой сильной степени, что когда ему же понадобилось ослабленіе его, то всѣ мѣры оказывались слабыми и не дѣйствительными. Вотъ коротенькая исторія этой неурядицы.

Царь Θеодоръ узаконилъ выпускать изъ тюремъ сидѣльцевъ по два человѣка на день для сбора подаяній. На этомъ правѣ колодники основывали свои челобитья на имена послѣдующихъ царей, когда встрѣчали прижимки со стороны приставниковъ. Прижимокъ было много и всѣ челобитья тюремныхъ сидѣльцевъ до временъ Петра переполнены подобными жалобами. Петръ, не любившій справокъ съ народными свойствами, недовѣрчивый къ непосредственнымъ народнымъ заявленіямъ, и на этотъ разъ призналъ за дѣйствительныя мѣры — крутыя и рѣшительныя: въ 1711 году онъ постановилъ за отпускъ колодниковъ за милостынею—виновныхъ ссылать на каторгу. Жалобы на то, что заключенные „съ голоду и цынги погибаютъ“, не прекратились; законъ продолжали обходить. Въ Москвѣ водили колодниковъ на связкахъ по городу для прошенія милостыни и сенатъ (указомъ 20 сент. 1722 г.) принужденъ былъ повторить запрещеніе. Тѣхъ, которые, за карауломъ сидя, прокормить себя не могли, стали отправлять въ разныя мѣста: мужчинъ для казенныхъ работъ въ Московскую губернію съ заработанными 4-мя деньгами на день для каждаго, а бабъ и дѣвокъ на мануфактурные прядильные дворы, отъ которыхъ шли имъ кормовыя также по 4 деньги на день. Затѣмъ, если „связки“ будутъ въ употребленіи, судьи обязывались штрафомъ. Но уже черезъ мѣсяцъ практика вызвала уступку. Тамъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ работъ (говоритъ указъ 1722 года отъ 17 октября), отпускать для прошенія милостыни по одной, а гдѣ много человѣкъ, по 2 и по 3 связки. Для связокъ употреблять длинныя цѣпи „съ примѣра того, какія на каторгахъ учинены“. Собранное подаяніе узаконено дѣлить только между тѣми, которые сидятъ въ государственныхъ дѣлахъ, а не въ дѣлахъ челобитныхъ (содержавшіеся за долги прокармливались на счетъ кредиторовъ). Екатерина I, слѣпо слѣдовавшая всѣмъ предначертаніямъ мужа, узнавъ, что колодники все-таки съумѣли отвоевать святочное право ходить съ 1-го января по 6-ое по дворамъ и по улицамъ,—указомъ 1726 г. (23 дек.) предупредила это дозволеніе, запретивъ его и подтвердивъ прежніе указы Петра. Подтвержденія затѣмъ слѣдовали одно за другимъ, обременяя суды излишними бумагами, стѣсняя колодниковъ и мирволя приставникамъ къ излишней поживѣ отъ поборовъ и взымокъ. Въ концѣ концовъ, при Аннѣ разные приказы въ Москвѣ продолжали отпускать преступниковъ на связкахъ, безъ одежды, въ однѣхъ ветхихъ рубахахъ, „а другіе пытанные, прикрывая однѣ спины кровавыми рубахами, а у иныхъ отъ ветхости рубахъ и раны битыя знать“. Велѣно отпускать съ добрыми караульными, безодежныхъ кормить тою милостынею, которую соберутъ одѣтые. Въ 1738 г. (8-го февраля) принуждены были снова формально запретить колодникамъ ходить по міру, потому что просятъ ее не только по разнымъ мѣстамъ, но и въ одномъ мѣстѣ собираются по многу (особенно содержащіеся отъ военной конторы въ подложныхъ отдачахъ рекрутъ). Въ 1744 г. Елизавета (въ указѣ 16 ноября) признавалась, что колодники продолжаютъ собирать подаянія вмѣстѣ съ бродягами-нищими, а потому приказала въ этомъ случаѣ поступать по указамъ. Въ 1753 г. указъ подтвержденъ. По указу 1754 г. (30 марта) опять видно, что колодники нищенствуютъ по старому, ходя на связкахъ и во многомъ числѣ, а по указу 3 ноября 1756 года — что колодники ходятъ въ Москвѣ по церквамъ, „во время совершенія службы“, по домамъ, по кабакамъ, по улицамъ и по торговымъ мѣстамъ съ ящиками, на связкахъ, и притомъ пьянствуютъ и чинятъ ссоры. Указами не унялись. Прокуроръ сыскного приказа Толстой свидѣтельствовалъ,

что колодники „дѣйствительно ходятъ пьяными въ разодранныхъ и кровавыхъ рубашкахъ, объявляя яко бы изъ сыскного приказа пытанные и опредѣленные въ ссылку, и просятъ милостыню съ великимъ невѣжествомъ и необычайнымъ крикомъ". Шатуновъ велѣно ловить и поступать по указу, а съ караульныхъ брать штрафы. По указу 1761 года видно, что колодники все-таки просятъ милостыню „съ невѣжествомъ". Съ учрежденіемъ попечительнаго общества, уже при Александрѣ (въ 1819 г.), шатаніе колодниковъ остановлено не насильственными мѣрами, а регулированною благотворительностью. Къ тюремнымъ воротамъ привинчены были кружки для денегъ. Такія же кружки стали прибивать потомъ въ кордегардіяхъ губернскихъ правленій и къ церковнымъ стѣнамъ. Высыпанныя деньги пошли на улучшеніе пищи въ добавокъ къ кормовымъ казеннымъ. Остатокъ шелъ арестантамъ при освобожденіи изъ заключенія и при отправленіи въ Сибирь. Въ тюрьмахъ заведены были артельные столы: отошла охота шататься со спеціальною цѣлью за подаяніемъ. При отправкѣ въ Сибирь арестанты увидѣли, что пожертвованныя деньги употреблялись на покупку для нихъ нужнаго на дорогу. Увлеченный успѣхами такихъ мѣръ, президентъ коммиссіи князь Голицинъ ходатайствовалъ уже о новой мѣрѣ, желалъ отъ генералъ-губернаторовъ предписанія, чтобы подаватели не давали денегъ арестантамъ на руки, а опускали бы ихъ въ кружки. Предписаніе дано, разумѣется, съ полною охотою и готовностью, но и ему судьба судила начало новой борьбы съ регулированьемъ доброхотныхъ подаяній, на каковую потрачено столько же напрасныхъ силъ, какъ свидѣтельствуетъ разсказанная нами исторія. Выдачу милостыни въ руки сверхъ той, которая уже опущена во внутреннія и наружныя тюремныя кружки, мы видимъ въ наши дни въ той же неприкосновенной цѣлости, не ослабленною, не побѣжденною, во всеоружіи несокрушимаго народнаго закона, однимъ изъ тѣхъ обычаевъ, которые безсильны не только искоренять, но и ослаблять всяческими законами, распоряженіями и предписаніями. Такъ, между прочимъ, еще въ 1767 г. замѣчено было, что подаяніе колодникамъ не выдается, а зачисляется въ кормовую дачу,—велѣно наблюдать, чтобы изъ подаянія въ руки каждаго колодника доходило не болѣе 3 коп. на день. Если затѣмъ явится остатокъ, то на него снабжать нужною одеждою. Не смотря, однако же, на это и на то, что по закону арестантъ не имѣетъ права имѣть при себѣ деньги (и для этого установлены обыски), не смотря на то, что давній опытъ указалъ на ненадежнаго посредника съ завистливымъ и алчнымъ окомъ, —жажда благотворительности не устаетъ и не прекращается. Даже какъ будто возростаетъ она по мѣрѣ того, какъ усложняются противодѣйствующія силы и неблагопріятныя причины.

Обусловливая свое религіозное чувство всякими подкрѣпляющими правилами, взятыми отъ св. писанія и изъ вѣковыхъ вѣрованій, жертвователи изъ торгующаго сословія Россіи, помимо урочныхъ, обязательныхъ дачъ, идутъ на благотвореніе и въ другія времена, но не иначе, какъ возбужденные и вызванные какимъ нибудь внѣшнимъ признакомъ, напоминаніемъ. Арестантская партія въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ, по волѣ и дозволенію начальства, къ единственному доступному имъ средству. Въ Россіи—это барабанный бой, производимый конвойнымъ барабанщикомъ; въ пути по Сибири—пѣніе пѣсни „Милосердной", производимое всею путешествующею артелью арестантовъ. Въ Москвѣ, гдѣ, по сознанію всѣхъ ссыльныхъ, идутъ особенно обильныя и богатыя подаянія, вызовы эти тѣмъ болѣе были необходимы, что маршрутъ шелъ стороною отъ тѣхъ улицъ, гдѣ, по преимуществу, сгруппировались домами тароватые богачи. Имена, отчества и фамиліи богачей-благотворителей помнятъ ссыльные и на каторгѣ. Вотъ, что я слышалъ тамъ.

— Въ нашей партіи на каждаго человѣка по тридцати рублей привелось, и все съ Москвы одной. Мы на первомъ этапѣ дуванъ дуванили (дѣлежъ дѣлали). Пр—въ да С—въ такія жертвы кладутъ, что вся партія дивится. Пр—въ въ Преображенскомъ далъ всѣмъ ситцу на рубахи, да по три рубля на брата, да въ Богородскомъ наказалъ дать серпянки на штаны и по рублю денегъ.

— Москва подавать любитъ: меньше десятирублевой рѣдко кто подаетъ. Имениникъ, который выпадаетъ на этотъ день, тотъ больше жертвуетъ. И не было еще такого случая, чтобы партія какая не везла за собою изъ Москвы цѣлаго воза калачей; мы наклали два воза. Съ офицеромъ былъ такой уговоръ: на улицахъ останавливаться дольше, за пять часовъ остановки сто рублей самому Ивану Филатьичу (офицеру) и 10 рублей Семену Миронычу (унтеръ былъ).

— Владиміръ-городъ (сказывали мнѣ другіе каторжные) всѣхъ городовъ хуже: подаяніе сходило малое. Вязники Владиміра лучше, но тоже не изъ щедрыхъ. Нижній Вязники перехвасталъ, на Нижнемъ Базарѣ жертва большая. И нѣту городовъ богаче и къ нашему брату арестанту сердобольнѣе, какъ Лысково село, Казань-городъ, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Тюмень, а все отъ того, что въ городахъ этихъ старовѣровъ много живетъ. На подаянія они не скупятся...

— Я, вотъ (грѣшный человѣкъ!), хмѣлемъ еще зашибаюсь, а и то въ дорогѣ накопилъ ста два рублей и сюда принесъ; съ тѣмъ и жизнь свою каторжную началъ, а накопилъ бы

и триста, кабы не пьяное хамло. Поселенцы каторжныхъ бережливѣе, такъ тѣ и по пятисотъ рублей накопляютъ.

Помимо этихъ доброхотныхъ подаяній и казенныхъ кормовыхъ копеекъ, выдаваемыхъ арестантамъ на руки, партіи иныхъ стороннихъ доходовъ имѣютъ уже немного. Собственныя арестантскія деньги передъ отправленіемъ отбираютъ въ губернскомъ правленіи и отправляютъ впередъ ихъ въ Тобольскій приказъ съ почтою; у ссыльныхъ, вмѣсто своихъ скопленныхъ денегъ, только квитанціи. Во время остановокъ по тюрьмамъ, арестанты получаютъ иногда подаянія натурою, съѣстными припасами, но отъ этого все-таки артельному капиталу не прибавокъ, при всемъ желаніи и стараніи арестантовъ. Существуетъ для партій еще одинъ доходъ денежный, но доходъ этотъ, при крайней оригинальности и неожиданности своей, случайный и не всегда вѣрный и благонадежный.

Извѣстно, напр., что за нѣсколько верстъ до большихъ губернскихъ городовъ на встрѣчу партіи выѣзжалъ бойкій на языкъ, ловкій и юркій въ движеніяхъ молодецъ, въ сибиркѣ и личныхъ сапогахъ, который обыкновенно оказывался приказчикомъ или повѣреннымъ того купца, который снимаетъ казенный подрядъ на поставку арестантамъ зимней одежды. Молодецъ этотъ обыкновенно находился въ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ партіоннымъ офицеромъ и съ вѣдома его велъ такое дѣло, которое ему привычно и для арестантовъ выгодно. Онъ предлагалъ арестантамъ продать ему имѣющееся на нихъ теплое платье, обыкновенно полушубки, полученные немного времени тому назадъ и въ недальнемъ губернскомъ городѣ, при поступленіи въ пересыльную партію. Давалъ онъ немного, но давалъ наличными деньгами и при этомъ бралъ даже и крѣпко подержанные полушубки, замѣняя ихъ тою рванью, которую привозилъ съ собою, и изумлялъ только однимъ: именно, необыкновенною ловкостью въ покупкѣ, умѣньемъ сойтись и убѣдить арестанта на сдѣлку, для него и для нихъ выгодную. Весь процессъ перекупки совершался въ какихъ нибудь три или четыре часа и притомъ не смотря на количество пересыльныхъ, обстоятельство, приводившее всѣхъ въ изумленіе. Выѣзжая на бойкомъ рысачкѣ, молодецъ этотъ успѣвалъ привезти и сдать купленныя вещи хозяину, а хозяинъ отвезти и сдать податливому начальству прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣть партію, прежде, чѣмъ партія эта придетъ въ городъ. Дальше дѣло немудрое. Полушубки, подсунутые въ казну ловкимъ перекупнемъ, поступали опять на тѣ же плечи, съ которыхъ третьяго дня собраны, даже рѣдко исправленные, рѣдко измѣненные къ лучшему.

— По крайности обнашивать не приходится, меньше полушубокъ отшибаетъ той дрянью и запахомъ, безъ которыхъ ни романовскимъ, ни казанскимъ овчинамъ не жить, — думаютъ арестанты и остаются довольными.

— Хоть и рискованное дѣло приказчикъ обдѣлалъ, а все же я рубль на рубль нажилъ и слава Богу! Въ коммерціи нашей безъ этого нельзя! — думалъ въ свою очередь плутоватый подрядчикъ, самодовольно разглаживая бороду и отпаривая животъ дешевымъ и привычнымъ чаемъ и всякими трактирными благодатями.

— Къ казенному жалованію не лишнее придатокъ получить дѣтишкамъ на молочишко, — смекали про себя третьи и, довольные другъ другомъ, вели подобныя операціи не одинъ годъ и не въ одномъ мѣстѣ.

Вели подобныя операціи съ полушубками и безъ огульнаго участья всѣхъ ссыльныхъ, предлагая принять артельному старостѣ въ большой кучѣ даже и такіе коротенькіе и узенькіе, что и на подростковъ-ребятъ не годятся. Вся суть дѣла на этотъ разъ заключалась въ томъ, чтобы соблюсти форму и записать вещи въ расходъ. У ссыльныхъ большею частью полушубки хорошіе, ибо обношены и не смердятъ; съ таковыми-то, пожалуй, ему разставаться жалко, а полученные вновь арестанты имѣютъ право продать тутъ же. Тотъ же подрядчикъ охотно ихъ покупалъ, чтобы опять всучить ихъ въ тюремный цейхгаузъ *).

Словомъ, довольны всѣ дважды, но, разумѣется, довольнѣе всѣхъ оставались арестанты и потому, что видѣли заботливость начальства (какова она ни на есть), и потому, главное, что имѣли капиталъ въ размѣнной ходячей монетѣ. Она имъ нужна, нужна до зарѣзу и крайней безвыходной необходимости. Для арестантовъ по дорогѣ много соблазновъ: и предугаданныхъ и неожиданныхъ. Одинъ этапный командиръ нѣкогда держалъ, напр., кабакъ (и поэтому этапъ его, помимо казеннаго, носилъ другое названіе — пьянаго) и разсчиталъ правильно: давая изъ личныхъ выгодъ возможную свободу партіи, онъ заставлялъ ее упиваться и пропиваться до нитки, до послѣдняго алтына. Арестанты тѣмъ охотнѣе дѣлали это, что вскорѣ за этапомъ пьянымъ выходитъ на дорогу новый богатый городъ Кунгуръ, щедрый на милостыню и подаянія. Тѣ и другіе пополняли истощенные капиталы, которые вскорѣ и опять усиливались денежными дачами отъ старообрядцевъ въ Екатеринбургѣ и Тюмени. Въ Тюмени, напримѣръ, пожертвованія въ праздники Рождества и Пасхи были столь велики, сытны и обильны, что этапные арестанты платили смотрителю деньги, что-

*) Подъ Тобольскомъ въ подспорье мошнѣ ссыльныхъ существовалъ такой обычай: на послѣдней станціи кандалы у посельщиковъ покупали заранѣе, потому что, по приходѣ въ городъ, здѣшнія желѣза обыкновенно велѣли снимать и бросать въ кучу, которая, разумѣется, никогда не провѣрялась.

бы на эти дни не выпускалъ дальше, а далъ бы возможность поѣсть шанегъ, яицъ, кислаго молока и всего того, за что въ другихъ мѣстахъ и дальше приводится платить собственныя и довольно большія деньги.

Деньги, всесильныя, могущественныя, творящія чудеса, деньги освѣщали этапный путь, богатый мракомъ, спасали арестантовъ отъ множества непредвидѣнныхъ бѣдствій. Безъ денегъ и на этапахъ началась бы каторга, безъ нихъ тяжела бы стала путевая жизнь, подневольная и зависимая. Знали это начальники—и брали, знали это арестанты—и давали деньги за все, за что требовалъ уже установившійся обычай и безпредѣльный, безграничный, безсовѣстный произволъ. Произволъ и обычай сдѣлали то, что этапная жизнь арестанта сцѣплена была изъ разнаго рода притѣсненій и вымогательствъ. Тутъ мы видимъ цѣлую систему, которая за долгое время успѣла установиться и опредѣленно выясниться. Выяснилась она, по нашему крайнему разумѣнію, въ такой формулѣ: всякій человѣкъ по всяческому праву ищетъ свободы, но лишенный ее—еще сильнѣе и настойчивѣе. „Отъ тебя зависитъ моя свобода. Полной свободы ты мнѣ дать не можешь, не въ твоихъ это силахъ, не въ твоемъ это правѣ, ты самъ мало свободенъ. Но ты человѣкъ тертый, бывалый, а потому смѣлый. Дашь себѣ немножко труда и можешь удѣлить намъ частицу, кусочекъ этой свободы. Смѣлости и рѣшимости тебя не учить, а намъ все равно: мы съумѣемъ обмануть себя, не разъ обманутые въ жизни, и частицу твоего права и твоей свободы примемъ за цѣлое. Но ты не хочешь, отчасти не можешь, дать намъ этого даромъ. Ты просишь вознагражденія за ту рѣшимость, за ту жертву, которыми рискуешь ради меня. Возьми! Возьми, сколько потребуешь, сколько это въ силахъ нашихъ! Но дай намъ подышать этой волей хоть на тотъ же пятакъ или грошъ, какими оцѣнилъ ты эту волю. Знаемъ, что мы обманываемъ себя, знаемъ, что завтра же придется намъ горько и слезно посмѣяться надъ собой, болѣзненно пожалѣть о затраченныхъ деньгахъ, попенять на себя за малодушіе: птичьяго-де молока захотѣли! Но сегодня мы хотимъ забыть о кандалахъ и о заднихъ и переднихъ этапахъ. Сегодня мы только люди, имѣющіе деньги, а завтра, пожалуй, варнаки, чалдоны, храпы. Но сегодня мы пьемъ и пляшемъ во всю ивановскую, потому что добыли на этотъ разъ за деньги непокупное завѣтное наше право“.

Покупаютъ арестанты все. Даже право на подаяніе не всегда достается имъ даромъ и оно иногда требуетъ со стороны партіи денежной жертвы. Денежныя жертвы со стороны арестантовъ пойдутъ потомъ въ безконечность, но начало имъ все-таки въ самомъ началѣ пути.

Еще въ Москвѣ, тотчасъ по выходѣ партіи ссыльныхъ изъ пересыльнаго тюремнаго замка, бывалые этапные начальники спѣшили заявлять и объяснять тѣ начала, которыми будутъ руководствоваться они сами, а потомъ всѣ остальные товарищи ихъ, ближніе и дальные, этапные командиры.

— Какими васъ, ребята, улицами вести?—спрашивалъ бывало свою партію опытный этапный

— Хорошими, ваше благородіе!—отвѣчали, бывалые изъ арестантовъ.

— Соблаговолите въ барабанъ бить и прохладу дайте,—прибавляли опытные изъ нихъ.

— Прохлада 50 рублей стоитъ, барабанъ столько же. Стало, ровно сто на меня, да десять на ундеровъ, по рублю на рядовыхъ, согласны ли?—говорилъ офицеръ.

— Идетъ!—отвѣчали бывалые изъ арестантовъ съ полною готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла глухая лѣтняя пора. Они начинали торговаться, если на ихъ сторонѣ не было такихъ сильныхъ и благопріятныхъ условій.

Свѣжіе, мало опытные арестанты задумаются, удивятся такому риску, такой рѣшимости, зная, „что изъ казенной семитки такихъ денегъ не выкроишь, хотя всѣ иди въ складчину“; но не доходили еще до заставы Рогожской, сомнѣнія ихъ разбивались. Партія пойдетъ медленнымъ, примѣчательно медленнымъ шагомъ, и пойдетъ притомъ не тѣми улицами, которыя ведутъ прямо въ Рогожскую заставу и по маршруту, но тѣми, которыя по преимуществу наполняются торгующимъ народомъ или обставлены домами купцовъ-благотворителей (имена этихъ благотворителей, какъ уже сказано, помнятъ ссыльные, а дома ихъ хорошо знаютъ командиры и арестанты). Идетъ партія въ неизмѣнномъ, разъ нарисованномъ и на всегда установленномъ порядкѣ: впереди ссыльно-каторжные въ кандалахъ, въ серединѣ ссыльно-поселенцы, безъ оковъ ножныхъ, но прикованные по рукамъ къ цѣпи по четверо; сзади ихъ, также прикованныя по рукамъ къ цѣпи, идутъ ссылаемыя на каторгу женщины, а въ хвостѣ неизбѣжный обозъ съ больными и багажемъ, съ женами и дѣтьми, слѣдующими за мужьями и отцами на поселеніе. По бокамъ, и впереди и сзади идутъ неизбѣжные конвойные солдаты и ѣдутъ отрядные конвойные казаки. Смотрите на картину эту въ любую среду (часа въ 4 по полудни) въ Петербургѣ, у Владимирской (хотя, наприм., въ Кузнечномъ) или въ Демидовомъ переулкѣ; прослѣдите ее за Томскомъ, за Красноярскомъ, посмотрите на нее въ Иркутскѣ: все одна и та же, разъ заказанная и нарисованная картина, только, можетъ быть, кое-когда окажется пробѣлъ на мѣстѣ казаковъ. Въ этихъ картинахъ, со временъ Сперанскаго, замѣчательное постоянство и однообразіе.

Привычный, не разъ присмотрѣвшійся, замѣтить, пожалуй, во всей этой форменности нѣкоторую фальшь и натянутость, которая стягивалась и вытягивалась во время прохода партіи городами и распускалась, развертывалась свободнѣе за городомъ въ полѣ. Такъ, конечно, это и должно быть. Разглядѣть не трудно, что эта подтянутая форма и поддѣльный порядокъ существуютъ только для Россіи и въ Россіи *); по Сибири арестанты ходили вольнѣе, свободнѣе и распущеннѣе. Тамъ за парадныиъ порядкомъ не гонялись, чѣмъ премного обязывали арестантовъ, которые были довольнѣе дорогами сибирскими, чѣмъ русскими, и прибавляли:

— До Тюмени идемъ, несемъ кандалы на помочахъ, а помочи надѣваемъ прямо на шею, по россійски. И давятъ кандалы шею, давятъ плечи, а имъ и безъ того на ходу тяжело, всѣ онѣ ноютъ. По Сибири несемъ кандалы на ремешкѣ, на поясу. По сибирски легче!

— По Сибири вольнѣе идемъ, легче и думаемъ. А думаемъ такъ: если, молъ, начальники къ тебѣ милостивѣй стали, значитъ, въ свою сторону пришелъ, а если, молъ, не совсѣмъ она тутъ, то теперь уже близко.

— Сибирь тѣмъ хороша, что врать не велитъ. Въ Рассеѣ смиреніе напускай, а за угломъ дѣлай что хочешь; въ Сибири иди какъ хочешь и каковъ ты есть, не притворяйся, не заставляютъ.

— Въ Россіи думаютъ, что ты самый худой человѣкъ, коли „часы потерялъ, а цѣпочкой обзавелся“, а въ Сибири знаютъ, что мы не хуже другихъ и не лучше другихъ! Живутъ и на волѣ люди хуже тебя, а идешь ты на канатѣ затѣмъ только, что проще другихъ, глупѣе говорить надо. Значитъ—попался, хоронить концовъ не умѣлъ...

До Тобольска партіи шли въ полномъ составѣ, т. е. такъ же, какъ снимаются съ мѣстъ: женщины отъ мужчинъ не отдѣлялись, давая, такимъ образомъ, возможность видѣть по-часту на подводахъ, слѣдующихъ за партіею, мужчинъ и женщинъ, сидящихъ вмѣстѣ. Понимающіе дѣло знали, что это счастливыя четы любовниковъ, успѣвшихъ за долгую дорогу перемолвиться и войти въ сношенія между собою и съ этапными; съ послѣдними для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти право принимать за собственныя деньги лишнюю подводу. Любовнымъ изъясненіямъ не препятствуетъ при этомъ то, что по-часту подвода нанимается въ складчину и стало быть на однѣ сани садятся по двѣ и по три любящихся пары. По сознанію знатоковъ, женщины преступницы выработываютъ на этапахъ особое душевное свойство, которое мѣшаетъ имъ любить одного и служить на такой долгій срокъ, какой полагался для перехода партіи до мѣста. Этапная любовница особенной любви къ супружескимъ узамъ не показывала, она рѣдко остается вѣрною тому, кто первый подвелъ подъ ея преступное сердце мину и немного побольше любитъ развѣ только того, кто съ ловкостью соединяетъ важную и существенную доблесть. Доблесть эта для ссыльной женщины заключается въ бережливости, а послѣдняя обезпечиваетъ всегда туго набитый денежный карманъ. Большинство женщинъ идетъ въ Сибирь за поджоги или за убійства дѣтей, а оба эти преступленія вызываются ревностью и обусловливаютъ въ ссыльной женщинѣ присутствіе пылкихъ страстей. Страсти эти, съ одной стороны, послужили къ погибели и ведутъ на каторгу, съ другой—изъ пересыльной женщины дѣлаютъ легкую добычу для аматеровъ. Любители эти—по большей части этапные солдаты (на полуэтапахъ, напр., бабы—по уставу—ночуютъ въ солдатской караульнѣ), меньшая половина—товарищи-арестанты. Впрочемъ, нерѣдки случаи и постоянства въ любви, въ формѣ даже какъ будто гражданскаго брака, въ тѣхъ случаяхъ, когда защемитъ женское сердце тотъ молодецъ, который сосланъ безъ срока на каторгу, а стало быть не имѣетъ права вступать въ бракъ раньше 11 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, эти связи нельзя не считать въ числѣ главныхъ причинъ, что съ этаповъ не бѣгутъ и крѣпко держится народъ обоего пола за невеселый канатъ.

Наблюдающіе за томскимъ острогомъ согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что пересыльные арестанты, пользуясь удобствомъ размѣщенія оконъ, выходящихъ на дворъ противъ бани, цѣлые часы простаиваютъ на одномъ мѣстѣ, любуясь издали на моющихся въ банѣ арестантокъ. Для достиженія желаемой цѣли подкупъ всегда дѣйствителенъ; иногда употребляется и насиліе. Въ тюремномъ острогѣ арестанты ловко прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщинъ; женщины настойчиво лѣзутъ къ мужчинамъ и артелями (человѣкъ въ 20) дѣлаютъ правильныя вылазки, особенно въ больницу. Одинъ фельдшеръ попробовалъ помѣшать: ему накинули на голову платокъ и щекотали до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему не удалось вырваться изъ весьма опаснаго для жизни положенія, словомъ—пока онъ постыдно не бѣжалъ. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ сами смотрители способствовали свиданіямъ мужчинъ и женщинъ и брали за это рубль серебромъ.

Этапы, во всякомъ случаѣ, представляли боль-

*) Художнику Якоби, желавшему уловить характерный безпорядокъ путешествующихъ арестантовъ, такъ и не удалось положить основы для будущей картины. Выѣзжалъ онъ и въ поле, радѣлъ ему и конвойный офицеръ, но арестанты все-таки вытягивали мертвый солдатскій фронтъ, выстраивали шеренги. Художникъ принужденъ былъ ограничиться личною фантазіею и далъ картину, мало напоминающую этапный растахъ въ его настоящемъ правдивомъ видѣ.

ше удобствъ для сближеній на случай любовныхъ интригъ. Такъ объясняютъ и сами арестанты.

— А не выгоритъ дѣло, не удадутся хлопоты?

— Тогда мы въ разбивку идемъ.

— Что же это значитъ?

— Въ большомъ городу или на хорошемъ этапѣ къ лазарету пристраиваемся. Господа дохтура къ нашему брату жалостливы, отдыхать позволяютъ. А то, какъ и фелшаровъ покупаемъ, эти люди дешевые, на деньги слабые.

— Ну, а дальше что?

— Въ лазаретѣ ждешь, навѣдываешься, когда больше бабъ набралось, женская партія изъ Томска приходитъ. У смотрителя тюремнаго выпросишься, три рубля серебромъ подаришь ему успѣха ради, онъ тебя къ женской партіи и припишетъ, на то законъ есть. И пойдешь съ бабами. Дорого это, да что дѣлать?! Фелшаръ, однако, дешевле смотрителя. Этотъ за четвертакъ на койку положитъ, за двугривенный выпуститъ *).

— Кто до женскаго полу охотникъ (разсказывали намъ многіе другіе арестанты), тому траты большія, тому денегъ надо много: деньги ему надо на подводы, надо всякому солдату дать, офицеру—статья особенная. Опять же на водку изведетъ онъ денегъ двойное, а не то и тройное количество. Смотрите-ка, во сколько ему дорога-то обойдется! А дорога дальная, трудная. По Сибири денежныя подаянія меньше, все больше харчомъ да вздохами. Коли не скопилъ денегъ въ Россіи, въ Сибири не наживешь. Такъ и знай!

— Въ Сибири наживаютъ деньги одни только майданщики (т. е. откупщики **). Майданщику и баба другой стороной кажетъ, въ ней онъ пользу видитъ и по портняжному дѣлу. Во всякой рухляди каторжному большая нужда настоитъ.

— Кто же шьетъ, когда въ партію не попадутъ бабы?

— Пьянаго народу въ партіи всегда больше бываетъ, чѣмъ трезвыхъ. Такихъ совсѣмъ почти нѣтъ. А пьетъ народъ, такъ и пропивается, а затѣмъ и забираетъ въ долгъ у майданщика и табакъ и водку. А забралъ, такъ и плати чѣмъ сможешь, кто какое ремесло съ собой унесъ: портной ты—иглой ковыряй; сапожникъ—дратву въ зубы, и все такое. Въ каждой партіи рѣдкій кто ремесла не знаетъ и ужъ и во всякой партіи по каждой части найдется доточникъ. Такъ это все майданщики и разумѣютъ и припасъ покупаютъ мастерамъ сами въ деревняхъ у крестьянъ. Оттого у майданщиковъ навсегда деньгамъ водъ большой; майданщикъ первый богачъ въ свѣтѣ. Копейка у него сильная, да и та алтыннымъ гвоздемъ прибивается. Такіе ужъ и люди на это дѣло идутъ, особенные.

Въ Тюмени ожидаетъ этапныя партіи тюрьма и въ ней отдыхъ. Тамошняя тюрьма самая большая, самая просторная изо всѣхъ существующихъ въ Россіи по пути арестантовъ. Отдыхъ или пребываніе въ этой тюрьмѣ самое продолжительное изо всего времени, назначаемаго для растаховъ (отдыховъ отъ 2 до 5-ти недѣль). Въ Тобольскѣ, какъ извѣстно, со времени учрежденія сибирскихъ губерній, по проэктамъ гр. Сперанскаго, существовалъ приказъ о ссыльныхъ, учрежденный вмѣсто „общаго по колодничьей части присутствія“, бывшаго до 1823 года въ городѣ Тюмени *). Приказъ занимается сортировкою всѣхъ ссыльныхъ по разрядамъ, назначаетъ опредѣлительно мѣста ссылки, провѣряетъ частные статейные списки и составляетъ новые. Истрачивая на все это примѣтное количество времени, приказъ, такимъ образомъ, даетъ арестантамъ нѣкоторую возможность перевести духъ, придти въ сознаніе, сообразить прошедшія и отчасти будущія обстоятельства жизни. Тобольская тюрьма, однимъ словомъ, играла весьма важную роль во всей этапной жизни арестантовъ. Знающіе люди примѣчали, что арестанты выходили оттуда опытнѣе, артели ихъ устроивались плотнѣе и прочнѣе. Тюрьма эта, богатая событіями разнаго рода и вида, дающая обильный и разнообразный дневникъ происшествій, являлась чѣмъ-то центральнымъ, какимъ-то высшимъ и важнымъ мѣстомъ, гдѣ арестанту преподается всякая наука, дается всякое поученіе, столь необходимое для исключительнаго его положенія, для его новой жизни въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ быта. Рядомъ съ разбивкою по отдѣламъ, по разрядамъ, за тюрьмою идетъ все тотъ же порядокъ, какой былъ установленъ на прежнихъ этапахъ, но съ тою только разницею, что теперь порядокъ этотъ имѣетъ уже опредѣленныя, законченныя формы и правила. Рядомъ съ правомъ приказа назначать пересыльныхъ арестантовъ на разныя городскія работы, существовалъ побѣгъ и изъ тюрьмы и съ

*) Замѣчено, что женщины родили, до прихода въ Тобольскъ, дорогою. Придя въ приказъ, просили вступить въ бракъ или назначить въ одну губернію съ влюбленнымъ. «Были даже неоднократные примѣры, что оставившіе на родинѣ жену или мужа съ дѣтьми и не лишенные всѣхъ правъ состоянія, а слѣдовательно, не расторгнутые въ бракѣ, просили при жизни еще кого-либо изъ супруговъ о вступленіи въ новый бракъ съ лицомъ, въ одной партіи идущимъ»—свидѣтельствуетъ одна оффиціальная бумага. По закону до Тобольска женщинамъ не позволялось выходить замужъ и ни въ какомъ случаѣ не дозволялся бракъ каторжной женщинѣ съ идущимъ на поселеніе.

**) Это—денежные и ловкіе изъ арестантовъ, снимающіе подряды на содержаніе и продажу водки, картъ, съѣстного и пр. Но обѣ нихъ подробно скажемъ въ слѣдующей главѣ.

*) Сюда же обратно переведенъ приказъ изъ Тобольска на настоящее свое мѣсто, по справедливости.

этихъ работъ. Вмѣстѣ со строгостью тюремнаго заключенія и надзора шло объ руку дѣланье фальшивой серебряной монеты, составленіе фальшивыхъ видовъ, паспортовъ и печатей. Тюрьма тобольская, не смотря на то, что играла какъ будто неопредѣленную роль, какъ мѣсто временнаго помѣщенія, какъ бы роль проходнаго только постоялаго двора, — важна была для проходящихъ партій главною стороною: коренною и самостоятельною наукою—наукою жизни въ ссылкѣ, на каторгѣ, на поселеніи и на тѣхъ же этапахъ. У тюрьмы тобольской своя исторія, оригинальная и поучительная, исторія, могущая служить прототипомъ для всѣхъ россійскихъ тюремъ. Это—резервуаръ, куда стекались всѣ нечистоты, скопившіяся во всѣхъ другихъ русскихъ тюрьмахъ. Ее и на каторгѣ разумѣли въ томъ же смыслѣ, какъ разумѣютъ Москву другіе города, торгующіе тѣмъ же товаромъ, по тѣмъ же самымъ пріемамъ и законамъ. Тобольская тюрьма сама даже нѣкогда исполняла роль каторжнаго мѣста и соблюдала въ своихъ стѣнахъ прикованныхъ на цѣпь, къ тачкѣ и проч.

Въ тобольской тюрьмѣ арестантскія партіи дѣлились на десятки, для каждаго десятка назначался особый начальникъ — десятскій, надъ всѣми десятками—главнокомандующій староста, выбираемый всею партіею. Приказъ о ссыльныхъ утверждалъ выборъ и затѣмъ уже ни одинъ этапный офицеръ не имѣлъ права смѣнить старосту, развѣ только пожелаетъ этого вся путешествующая община арестантовъ. Староста этотъ, обыкновенно, собираетъ подаянія, когда даютъ таковыя по пути. Онъ же ходитъ съ конвойнымъ по дворамъ тѣхъ селеній, гдѣ стоитъ этапъ и когда назначена въ немъ дневка.

Изъ тобольской тюрьмы арестантъ выходилъ богачомъ, съ запасомъ новыхъ свѣденій на счетъ своего общественнаго значенія и съ запасомъ новыхъ вещей на счетъ казеннаго интереса. Въ мѣшкѣ у него появлялись двѣ рубахи, двое портовъ; на плечахъ новый армякъ — зипунъ изъ толстаго сѣраго сукна, съ желтымъ либо краснымъ тузомъ или двойкою на спинѣ, и съ единошерстнымъ родичемъ — штанами, а на ногахъ бродни — не сапоги и не калоши — обувь сибирскаго изобрѣтенія и вкуса, простая, но недолговѣчная, либо коты, т. е. мелкіе башмаки, начиненные бумагою *). На зимнее время движимое имущество его еще больше возростаетъ въ силу требованій суровой страны: на плечи — душистый тулупъ, на руки варежки и голицы, на ноги суконныя портянки, на голову треухъ — ту уродливую шапку на манеръ башлыка, которую любятъ въ дорогѣ, по глухимъ мѣстамъ Россіи, старики-попы и торгующе крестьяне. Лѣтняя казенная шапка изъ сѣрагоі сукна безъ козырька, открывающая затылокъ и уши, дѣлаетъ изъ арестанта чучелу. Имущество это арестантъ можетъ уберечь, можетъ и продать кому угодно, охотниковъ много: тотъ же конвойный солдатъ, свой братъ торговецъ-майданщикъ, крестьянинъ спопутной деревни и проч. Тулупъ идетъ не свыше двухъ рублей, но бываетъ и дешевле полтинника; цѣна бродней колеблется между трехгривеннымъ и двумя двугривенными, рукавицы (т. е. шерстяныя варежки и кожанныя голицы вмѣстѣ) не свыше двугривеннаго. Продаютъ больше по частямъ, но можно и все разомъ, особенно, если подойдетъ дорога подъ большой губернскій городъ. Тамъ разговоръ извѣстный: скажешь, что потерялъ, проѣлъ, товарищи украли. Выпорютъ за это непремѣнно или, для ускоренія взысканія, побьютъ по зубамъ, но накажутъ непремѣнно, потому что арестанту безъ этого прожить невозможно. Новыми вещами снабдятъ также непремѣнно, потому что казнѣ безъ этого нѣтъ иного выхода, было бы нечего дѣлать. Одевка, такимъ образомъ, производилась въ каждомъ губернскомъ городѣ, а проматыванье вещей существуетъ во всей силѣ, не смотря на указы, изъ которыхъ первый изданъ былъ еще въ 1808 году; продавались даже кандалы, т. е. сибирскіе, фунтовъ 10 — 12 вѣсомъ, и обмѣнивались у мѣстныхъ барышниковъ на 5 и 4-хъ фунтовые. Барышники, за недостающее количество желѣза до вѣсу казенныхъ, доплачивали арестантамъ по взаимному договору.

Тобольская тюрьма на этапный путь производила то вліяніе, что составу партій давала иное направленіе. До сихъ поръ шли по Россіи всѣ вмѣстѣ, отсюда уже отдѣльно: каторжные — своею партіею, посельская партія особо, женщины, по указу 1826 года, также въ своей отдѣльной партіи. Потомъ, на дальнѣйшемъ пути, арестанты умѣли эти партіи спутать и и намѣченный законнымъ уставомъ видъ измѣняли по своему уставу, но въ приказѣ объ сортировкѣ усердно хлопотали. Разъ въ недѣлю выходили оттуда либо кандальная, либо женская и потомъ посельская, либо такъ: первая кандальная, первая, вторая, третья посельскія, потомъ женская, опять посельскія четвертая, пятая, вторая кандальная и потомъ опять четыре-пять посельскихъ, одна за другою по недѣльно. Идущіе въ кандалахъ шли вольно, отдѣльно. Посельщиковъ по три, по четыре пары приковывали къ цѣпи въ наручникахъ по-двое. Наручникъ этотъ изобрѣтенъ командиромъ отд. корп. внутр. стражи, генераломъ Капцевичемъ, и былъ утвержденъ 1 марта 1832 года. Для него потребовалась цѣпь, а прежде ходили прикованными къ пруту. Прутъ оказался неудобнымъ: при ходьбѣ рука каждаго терлась объ

*) Въ этомъ случаѣ гражданскіе арестанты не могли надивиться и наплакаться тому предпочтенію, которое оказывается военнымъ арестантамъ. Эти вмѣсто котовъ, какъ извѣстно, получаютъ сапоги.

его собственный наручникъ, который не всегда приходился по рукѣ. Высокіе люди тащили вверхъ малорослыхъ, а эти тянули руки высокихъ внизъ; слабые за сильными не поспѣвали. Отъ безпрестаннаго тренія на рукахъ появлялись опухоли и раны, на прикрѣпленныя къ пруту руки нельзя было надѣвать рукавицъ. Холодъ отъ желѣза причинялъ ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что нельзя было дѣлать руками этими никакихъ движеній, чтобы согрѣться. Унтеръ-офицеръ, сопровождавшій партію, не имѣлъ права, во время пути, отворять замка, укрѣпленнаго на концѣ прута; ключъ отъ замка хранился въ особомъ ящикѣ, за казенною печатью, изъ-подъ которой могъ быть вынутъ только по прибытіи въ этапъ, гдѣ находился офицеръ. Слѣдовательно, если заболѣвалъ одинъ изъ арестантовъ въ дорогѣ, то должно было всѣхъ вмѣстѣ сажать на повозку. На ночлегахъ арестанты не имѣли нужнаго покоя, ибо движеніе одного чувствовали всѣ прочіе, прикрѣпленные къ пруту. Каждый разъ, когда нужно было одному изъ нихъ выходить ночью на дворъ, всѣ товарищи должны были его сопровождать. „Ужасъ и уныніе, — свидѣтельствуетъ оффиціальный актъ: — замѣчаемые въ арестантахъ въ то время, когда дѣлались приготовленія прикрѣплять ихъ къ пруту, всеобщая радость и благодарность, возсылаемыя къ благодѣтельному начальству, когда отправляютъ ихъ порознь въ кандалахъ, явно убѣдили въ томъ, что прутья для нихъ, безъ всякаго сравненія, отяготительнѣе кандаловъ“. Прутья, просуществовавшіе восемь лѣтъ (съ 1824 года), были замѣнены цѣпью различной длины (отъ 11 вершковъ до 1½ аршина). На цѣпи теперь другое горе: бойкіе на ногу тянутъ заднихъ тихоходовъ; остановится одинъ за нуждою — всѣ должны стоять и дожидаться, а сковываютъ иногда человѣкъ по восьми, по десяти. Но арестанты и этотъ способъ съумѣли медленнымъ хожденіемъ (при чемъ нельзя распознавать перваго виноватаго) до того обезобразить, что сами конвойные охотно перестаютъ примѣнять его. Они хорошо знаютъ, что надо пройти въ день до стоянки верстъ 30 и больше. Утромъ вышли — надо ночевать на полуэтапѣ; опять день идти, чтобы попасть на этапъ. Здѣсь дневка — дается отдыхъ (растахъ, по тамошнему). На третій день опять путь-дорога до ночевки на полуэтапѣ и дневки на этапѣ. А тамъ и пошла писать эта медленная путина, долговременная ночевка до мѣста назначенія. Пойдемъ вслѣдъ за арестантами.

Выйдемъ изъ тобольской (а теперь изъ томской) тюрьмы, чтобы слѣдовать за арестантами снова вдоль этапнаго пути, у котораго конецъ еще не ближній и во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ для самаго дальняго преступника находится теперь мѣсто его родины. Вотъ что мы слышимъ.

На первомъ привалѣ и отдыхѣ арестанты устроиваютъ въ средѣ своей отдѣльную и самостоятельную артель, которая имѣетъ такой же смыслъ, значеніе и важность, какія имѣютъ всяческія артели, успѣвшія поглотить въ себя все работающее населеніе, во всѣхъ углахъ и странахъ нашего отечества. Устроиваемая на первомъ привалѣ арестантская артель существуетъ затѣмъ во все время этапнаго пути и существуетъ самостоятельно и отдѣльно отъ той, которая установлена и поощряется закономъ. Не уничтожая, даже не ослабляя смысла и значенія той, которая сочиняется въ Тюмени по приказу чиновниковъ, эта новая артель, въ то же время, имѣетъ особенный, самобытный характеръ, съ которымъ плотнѣе и сильнѣе дружится путешествующій преступникъ. Она тоже не требуетъ особыхъ нововведеній, измѣненій и улучшеній, она тоже является въ готовой формѣ, Богъ вѣсть когда придуманной, но до сихъ поръ свято соблюдаемой. Арестанты такую артель любятъ и безъ нее не только не ходятъ по этапамъ, но и не живутъ въ тюрьмахъ. Эта артель—жизнь и радость арестантской семьи, ея отрада и покой. Въ казенной артели полагается староста, въ арестантской—откупщики, майданщики; вотъ въ чемъ вся разница этихъ двухъ артелей, повидимому, ничтожная, но, въ сущности, огромная.

Образованію арестантской артели предшествуютъ торги, со всѣми признаками этого обычнаго вида коммерческихъ операцій. Торги производятся на отдѣльныя статьи: 1) содержаніе водки, 2) содержаніе картъ, съѣстныхъ припасовъ, 3) одежныхъ вещей и проч. (иногда въ примѣчательной подробности). Къ торгамъ допускается всякій, безъ различія, но выигрываетъ только тотъ конечно, у котораго потолще другихъ мошна, который самъ бывалъ въ передѣлкахъ, а дѣло торговли ему и знакомое и привычное. Это большею частью люди бережливые, скопидомы, у которыхъ замерало въ сердцѣ всякое поползновеніе на соблазнъ, для которыхъ и въ тюрьмѣ жизнь не безпорядочна, не разбита отчаяніемъ, а несетъ тѣ же живыя струи и рисуется съ тѣми же оттѣнками, какъ и жизнь на свободѣ. Бѣднякъ и разочарованный на такое дѣло не пойдутъ, но не выпустятъ его изъ своихъ рукъ тѣ, которые и на свободѣ маклачили торговлею и по этапамъ съумѣли уберечь и припрятать кое какую копейку.

Откупныя статьи поступаютъ, по большой части, въ однѣ двое руки, но если идетъ большая партія (напр., свыше ста человѣкъ), торги становятся дробными. Въ однѣ руки сдаютъ право на содержаніе картъ, костей, юлки и другихъ игорныхъ принадлежностей; въ другія руки поступаетъ торговля табакомъ, водкою и всѣми возбуждающими сластями и удовлетворяющими наслажденіями; въ третьи руки

идетъ торговля харчомъ и доставка съѣстныхъ припасовъ. Дробность эта иногда бываетъ еще мельче, но во всякомъ случаѣ, торги устанавливались обыкновенно не на всю дорогу отъ Тобольска до каторги. Одни торги существовали до Томска, гдѣ впервые разбивалась партія и на первомъ же этапѣ за Томскомъ устроивались новые торги до Красноярска, въ Красноярскѣ—до Иркутска, въ Иркутскѣ уже вплоть до Нерчинска. По Сибири ходятъ партіи человѣкъ въ 200 и болѣе *). Заплативъ артели нѣсколько рублей, а иногда и десятковъ рублей за право торговли, откупщики-майданщики обязаны уже имѣть все, по первому затребованію арестантской общины. Часть денегъ, полученныхъ съ откупщиковъ этихъ, дѣлится поровну между всѣми остальными, другая, меньшая, сдается на руки казеннаго старосты, который обязанъ, на правахъ казначея, блюсти эту сумму какъ зѣницу ока. На эти деньги староста, съ согласія цѣлой артели и съ ея разрѣшенія, покупаетъ всякія льготы у этапныхъ начальниковъ (офицера или унтеръ-офицера): право пропѣть „Милосердную“ и собрать въ попутной деревнѣ на артель деньги и съѣстные припасы; право сходить въ баню на этапѣ, иногда выкупаться въ рѣкѣ, сбѣгать въ кабакъ откупщику или его подставному помощнику; снять кандалы на честное варнацкое слово и принанять, сверхъ казенной, на артельныя деньги, лишнюю подводу, куда садятся слабые и больные и складываются, снятыя для облегченія въ дорогѣ со всей партіи, кандалы **).

— Гдѣ же нанимаютъ подво́ды?

— Сами этапные лошадей держатъ. Солдаты тѣмъ и живутъ, живутъ тѣмъ же и господа офицеры.

— Да справедливъ ли этотъ послѣдній сказъ?

— На правду-то дѣло пойдетъ, такъ мы (арестанты) и отвѣтить не знаемъ какъ, кто изъ насъ лучше: тѣ ли, кто водятъ, или тѣ, что ходятъ. Подъ Казанью былъ этапъ и прозывался пьянымъ; пьяный и былъ: тамъ спаивали всѣ партіи. Въ Енисейской губерніи другой такой этапъ стоялъ и офицеръ жилъ. У него было пять дочерей, а при нихъ онъ кабакъ содержалъ. Мы люди гиблые, а душа въ насъ все та же: на всякую сласть соблазновъ не отняли и силушки не хватаетъ сладить съ духомъ.

Прислушайтесь!

„Вышли мы изъ Тобольскаго городу и не отошли верстъ десяти, слышимъ, кричитъ этапный, который шелъ съ нами:

„— Староста!

„Подбѣжалъ къ нему староста.

„— Спроси партію, по скольку дастъ за статейные списки?

„Спросилъ староста партію. Отвѣчаютъ:

„— Давай по пятаку съ рыла.

„— Мало,—отвѣчаетъ,—пускай-де даютъ по гривнѣ!—и отослалъ старосту.

„Тотъ къ артели.

„— Давай по восьми копеекъ!

„— Не беретъ, безъ запросу-де.

„— Ну, чертъ съ нимъ, отсчитывай ему по гривнѣ.

„Развязали мошны, отсчитали деньги, передали старостѣ. Развернули намъ бумагу и вычитали каждому—куда и какъ. А знаемъ, даромъ долженъ сдѣлать; даромъ доведетъ до тѣхъ мѣстъ, кому какое уготовано. Надо бы было намъ слышать это самое въ приказѣ. Тамъ не сказали, а тутъ зудъ беретъ: всякому впередъ знать о себѣ хочется. Всякому это лестно. Вотъ тутъ первый соблазнъ. Приказъ сказывать долженъ, да захотѣлъ онъ, видно, помирволить офицеру; инъ быть дѣлу такъ! А бывало дѣло и не одинъ разъ бывало такое дѣло. Этапный начальникъ тоже человѣкъ бѣдный“.

— То ли бываетъ!—говорили другіе ссыльные:—И кто знаетъ, съ чего это: отъ того ли, что такъ подобаетъ, или по какому по другому закону, мы не домекались. А слыхали не разъ, какъ звалъ офицеръ старосту и наказывалъ:

*) Законъ ограничиваетъ число людей въ партіяхъ во внутреннихъ губерніяхъ отъ 20 до 60 и въ сибирскихъ отъ 50 до 60, 100 и болѣе. Между тѣмъ, среднее число людей въ партіяхъ при еженедѣльной (50 разъ въ году) отправкѣ по этапамъ бывало:

Отъ Полтавы до Харькова	30
» Харькова до Воронежа	34
» Воронежа до Тамбова	40
» Тамбова до Пензы	43
» Пензы до Симбирска	47
» Симбирска до Казани	69

Въ Казани же присоединялась и московская партія (изъ ссыльныхъ окрестныхъ губ.), пополненная петербургскою (изъ арестантовъ финляндскихъ, остзейскихъ, литовскихъ, псковскихъ и олонецкихъ). Московская (соединенная) партія росла такъ:

Отъ Москвы до Владимира	72
» Владимира до Нижняго	80
» Нижняго до Казани	85

Въ Казани, такимъ образомъ, собиралось уже 154 арестанта; въ Дебесахъ (куда сходились изъ Вятск., Волог., Костр., Оренб. и друг. губ.) число ссыльныхъ среднимъ счетомъ бывало 171.

Отъ Дебесъ до Перми	178
» Перми до Кунгура	182
» Кунгура до Камышлова	189
» Камышлова до Тюмени	194
» Тюмени до Тобольска	220.

**) На тѣ времена, когда по малолюдству партіи не сладится откупъ, и не будетъ майданщика, обязаннаго оберегать арестантскія удовольствія, запроданныя на откупъ,—на тѣ времена карточные игроки на этапахъ защищались полтинникомъ противъ унтеръ-офицера. За 10—15 коп. съ майдана охотно берутся защищать игру часовые и тогда ведутъ подходы за себя противъ унтера. Впрочемъ, подробности тюремной жизни дадутъ намъ дальше возможность объяснить этотъ вопросъ въ болѣе полномъ оконченномъ и опредѣленномъ видѣ.

„Староста! а что бы партіи-то этапнаго начальника яичками попотчивать“. Приходилъ староста въ партію, объявлялъ:

„— Можно!—сказывали и отбирали человѣкъ съ десять, самыхъ голосистыхъ. Пѣвуны эти шли по деревнѣ, пѣли заунывную „Милосердную“, на пѣсню выносили яйца, а изъ яицъ господинъ начальникъ яичницу себѣ стряпалъ и кушалъ въ полное свое удовольствіе“.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и разспросовъ мы узнаемъ, что съ офицерами и другими провожатыми партія старается жить ладно и во всемъ имъ угождаетъ. Въ свою очередь и офицеръ, глазъ на глазъ поставленный съ преступниками, обязанъ мирволить и подлаживаться къ общему тону арестантской артели, чтобы не лопнуло звено въ казенной цѣпи и она не разсыпалась бы. Этапному офицеру сдѣлать это не трудно, потому что ему самому трудиться не надобно: до него все придумано, испробовано и подогнано въ самую мѣру. Онъ самъ искалъ этого мѣста и получилъ его въ награду за долгое терпѣніе, какъ древній русскій воевода, и съ тою же самою прямою цѣлью. Обманывать и обманываться тутъ не для чего, дѣло всему міру извѣстное. Малаго ребенка объ этомъ спросите и тотъ съумѣетъ отвѣтить. Тутъ чѣмъ ни замазывай, подгрунтовка сейчасъ окажется не тѣмъ, такъ другимъ краемъ. Инвалидныя мѣста въ недавнюю старину тѣмъ и славились, что лучше крѣпостной деревни были. Хороши были инвалидныя команды вообще, да и этапныя таковы же въ частности. Между тѣмъ, не трудно было распознать человѣку, что вотъ и еще житейская задача—влачить и ладить утлое житейское судно свое между ножемъ и артельнымъ полуштофомъ, между крупными ругательствами и десяткомъ яицъ за кротость нрава и уживчивость. Законъ уступокъ не знаетъ, на него надѣяться нечего; если по закону: когда убѣжитъ поселенецъ—накажетъ солдата командиръ, но за то, если убѣжитъ каторжный — военный судъ, какъ снѣгъ на голову. Опять же законъ больше себя очищаетъ, съ силами твоими не всегда справляется; велитъ прилагать стараніе къ поимкѣ бѣглыхъ и воровъ, которые укрываются вблизи дороги, или, по крайней мѣрѣ, быть для нихъ страшными своею дѣятельностью и поисками. Законъ въ то не входитъ, какъ приспособить желаніе его и гдѣ взять для исполненія его возможность, досугъ и силы. Хорошенько поглядишь на дѣло и видишь, что жизнь даритъ только двѣ крайности: либо въ стремя ногою, либо въ пень головою; сегодня—деньги на приварокъ отъ артели изъ доброхотныхъ подаяній, если дано ей посильное послабленіе, завтра—всѣ въ лѣсъ убѣгутъ, если нажилъ человѣкъ крутой нравъ и натрудилъ сердце, а за то ему: лишеніе годового оклада жалованья, судъ, клейменая отставка.

Вотъ тѣ искуственныя крѣпы, какими спутываются набалованные бродяжничествомъ и тюрьмою люди съ тѣми людьми, у которыхъ сердито сердце отъ житейскихъ неудачъ, а пожалуй и отъ той же забалованности. Арестанты забываютъ на время пути по этапамъ свою бродячую повадку; приставники, въ свою очередь, должны поступиться коекакими изъ своихъ личныхъ правъ. Въ итогѣ у тѣхъ и другихъ выходила круговая порука, взаимное обязательство жить между собою мирно и ладно. Отсюда замѣчательная случайность: арестанты съ этаповъ и съ этапной дороги почти никогда не бѣгутъ. Бываютъ примѣры, но очень рѣдко, и тѣ выпадаютъ большею частью на Забайкалье, на мѣста, сосѣднія каторгамъ или на пустынныя, вродѣ странъ заленскихъ *); а, кажется, чего бы легче и удобнѣе: у самой дороги такая лѣсная треща, что стоитъ вскочить въ нее—съ собаками не сыщешь, особенно если не зимнее время, не лежитъ снѣгъ глубокими сугробами, а стоитъ весна-красна или лѣто жаркое, трава-мурава шелковая, а промежъ ней всякое коренье сладкое и ягоды рдяныя. Стоитъ, сговорившись всѣмъ, крикнуть „уру“, чтобы вся партія разомъ схватилась съ мѣста и брызнула, что вода изъ чана, въ разныя стороны. Что тутъ какихъ нибудь 20 — 30 конвойныхъ противу ста или попредстали принять могутъ? И на плечахъ-то у нихъ старыя кремневыя ружья съ осѣчкою. Да не въ томъ дѣло.

— Бѣжать съ этапа невыгодно, — увѣряли бывалые арестанты:—да и артель наша такого дѣла не терпитъ. Умѣлые начальники такъ сказываютъ: „Дѣлайте, братцы, что хотите, а мнѣ чтобы ни одного бѣглаго въ партіи не было. Урвется который, всю партію къ цѣпи прикую“. А наложатъ цѣпь—для нашего брата ни въ которое время хорошо не бываетъ. Лѣтомъ эта цѣпь суставы ломаетъ, зимою отъ цѣпи всѣ кости ноютъ. На нашей партіи одинъ разъ стряслось такое дѣло: наложили! На морозѣ цѣпь настыла, холоднѣе самого мороза стала, и чего-чего мы на переходъ-отъ этотъ не напринимались! Мозгъ въ костяхъ, кажись, замерзать сталъ, таково было мастно и больно, и не въ людскую силу и не въ лошадиную!.. **).

*) Пустыни по тракту въ Якутскъ и дальше до Охотскаго края и Камчатки съ двумя винокуренными и одинъ солеваренныхъ Охотскимъ заводомъ издавна служили исключеніемъ для этого правила. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія ссыльные организовались очень часто въ большія разбойничьи шайки. Въ 1832 г. высшее правительство знало, что при вниманіи конвойныхъ въ небольшомъ числѣ, ссыльные дѣлали побѣги и производили грабежи, а потому указомъ 26 февраля установило на этомъ пространствѣ въ 400 верстъ три этапа.

**) Освобождали отъ каната, т. е. цѣпи желѣзной, за 2 коп. съ человѣка, каковыя деньги удерживались изъ кормовыхъ.

— У насъ (говорили другіе ссыльные), изъ нашей партіи единожды бѣжалъ молодой да небывалый, горяченькій. Іокнуло сердце и суставы затрещали прежде времени. Думали: цѣпи не минуемъ, а зима во всей силѣ. Собрались мы въ кучу, потолковали, померекали, пришли къ начальнику:

„— Такъ молъ и такъ, ваше благородіе. А вы намъ сдѣлайте эту милость: пустите на поиски! Мы вамъ этого бѣглаго сыщемъ, чтобы вамъ со счету не сбиваться и передъ начальствомъ своимъ не отвѣтствовать.

„— Ладно!—говоритъ.

„Офицеръ былъ старый, свое дѣло зналъ, да зналъ онъ и нашего брата; чутокъ былъ на варнацкое слово *).

„— Ступайте!—говоритъ и конвойныхъ намъ не далъ. Пошли мы отъ своей артели, пошли на ея страхъ, сами изъ себя и сыщиковъ выбрали. Въ лѣсу сдѣлали облаву. Проходили ночь, много утра, на другой день взяли. Въ полуденъ черезъ сутки сошлись, гдѣ сказано, и къ начальнику привели прибылого да новенького: бѣжалъ отъ насъ молодой парень лѣтъ восемнадцати, а наши ребята старика сгребли, лѣтъ пятидесяти. Старикъ бродяга былъ, на бѣгахъ, а бродягъ въ сибирскихъ лѣсахъ, что пня, не искать стать.

„— Не того привели!—сказываетъ офицеръ.

„— А вамъ, молъ, ваше благородіе, не все равно?!

„Подумалъ начальникъ, согласился принять этого. Былъ бы, значитъ, счетъ вѣренъ, а тамъ наводи справки, на чьемъ этапѣ смѣна сталась".

— Ну, а старикъ?—спрашивалъ я.

— Ломался, упирался на первыхъ порахъ, дѣло извѣстное. Мнѣ-де, слышь, и погулять хочется, и кого-де вы еще мнѣ подставите: можетъ каторжнаго, можетъ безсрочнаго... и въ лѣсу-де мнѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ съ вами... Сказывалъ много, всѣмъ намъ слова его смѣшны даже сдѣлались.

„— Ты, молъ, старъ человѣкъ, а глупъ очень. Чертъ тебѣ мѣшаетъ въ Иркутскѣ сказаться: я-де не я, по ошибкѣ за другого въ списокъ включенъ. Тамъ начнутъ казенныя справки дѣлать, а ты сиди въ теплѣ. На морозѣ-то, молъ, дуракъ, хуже, да и не на всякій день харча промыслишь, а въ острогѣ казенный.

„Подумалъ старикъ, сдаваться сталъ. Обсказываетъ:

„— Не осерчало бы начальство которое...

„— А тебѣ, молъ, съ нимъ дѣтей крестить! Пущай серчаетъ, пущай справляется, не что ему дѣлать, начальству-то твоему! вишь, пожалѣлъ!.. Ты думаешь, на спину-то тебѣ оно крестъ повѣситъ за то, что ты волкомъ-то по лѣсамъ бродилъ? Этого, братъ, баловства и въ Рассеѣ не любятъ.

„Старикъ опять подумалъ, а мы ему ото всей артели рубль серебромъ положили: согласился. И пошелъ этотъ старикъ съ нами. Послѣ будетъ сказываться непомнящимъ. Такъ его начальство и писать вездѣ и всегда станетъ".

Обычай мѣняться именами, любовь къ псевдонимамъ, на этапахъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Иногда за самое ничтожное вознагражденіе соглашается бобыль-поселенецъ сказаться каторжнымъ для этаповъ, чтобы объявиться потомъ поселенцомъ вблизи самой каторги, когда облагодѣтельствованный имъ, прикрытый его званіемъ каторжникъ остался далеко назади и гдѣ либо въ волости воспользовался болѣе легкими и льготными правами посельщика. Обычая этого не остановило и строгое рѣшеніе закона, повелѣвающаго поселенца съ псевдонимомъ оставлять на каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами лозъ, къ двадцатилѣтнему сроку прибавлять еще пять лѣтъ. Обмѣнъ именами не прекратился и между поселенцами, не смотря на то, что обоимъ предстояло пробыть за то на заводской работѣ по два года.

Другой случай, переданный намъ очевидцемъ, поразительно доказываетъ отсутствіе въ арестантской партіи стремленій къ побѣгу и возможность существованія такихъ стремленій при томъ плотномъ устройствѣ артели, въ какомъ неизбѣжно шествуетъ каждая партія.

Дѣло было около Тюмени. Партія состояла изъ трехъ сотъ человѣкъ. Пришла она въ полуэтапъ, всегда тѣсный и непомѣстительный. Цѣлью сдѣлки было желаніе партіи идти слѣдующія лишнія версты, чтобы отдохнуть въ этапѣ и отдохнуть подольше, съ зачетомъ выиграннаго времени. Офицеръ согласился. Партія пошла впередъ послѣ коротенькаго отдыха. Съ дороги, вопреки ожиданіямъ, бѣжали трое. Офицеръ собралъ партію въ кругъ, выбранилъ всѣхъ, раскаялся въ своемъ довѣріи и крѣпко пригрозилъ. Партія почувствовала неловкость своего положенія и всю отвѣтственность приняла на себя. Тѣмъ же путемъ облавы, черезъ выбранныхъ доточниковъ-скороходовъ и бывалыхъ бродягъ, но также безъ конвойныхъ, добыли арестанты къ слѣдующему утру всѣхъ троихъ бѣглецовъ своихъ. Привели ихъ къ начальнику. Офицеръ возъимѣлъ желаніе наказать и, не встрѣтивъ со стороны товарищей противодѣйствія, далъ каждому по сто розогъ.

*) Варнацкое слово, варнацкая честь—условныя названія хорошо извѣстнаго сибирякамъ новаго элемента въ народномъ духѣ. Основаніе его лежитъ на тѣхъ же самыхъ данныхъ, какими руководствуются купцы, ввѣряя на честное слово, по одной накладной, товары возчикамъ, а смыслъ самыхъ словъ сдѣлается окончательно понятнымъ, когда обнажатся въ послѣдующихъ нашихъ разсказахъ тюремныя тайны. Слово варнакъ, чалдонъ—бранныя прозвища, адресуемыя сибирскими старожилами всѣмъ бѣглымъ изъ тюремъ, съ заводовъ и съ мѣстъ поселенія и водворенія.

— Теперь позвольте намъ самимъ еще раздѣлаться съ ними,—просила вся артель.

Получивъ согласіе, прибавила отъ себя каждому еще пятьсотъ розогъ, да такихъ горячихъ, что жестокость ихъ изумила самого привычнаго къ тѣлеснымъ наказаніямъ этапнаго офицера.

Третья партія въ жаркій іюльскій день соблазнилась на озеро холодное, искупаться захотѣла. Получивъ дозволеніе, сняла кандалы, разбрелась по берегу (партія была довольно большая), насладилась запретнымъ удовольствіемъ, но на сборномъ пунктѣ явилась вся до послѣдняго человѣка. На Борщовскомъ хребтѣ (въ Забайкальѣ) отъ строгаго офицера изъ слѣдующей четвертой партіи бѣжало сразу 6 человѣкъ и товарищи искать не ходили.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Взаимныя отношенія арестантовъ и конвойныхъ примѣтно усложняются и каждая партія разскажетъ непремѣнно не одинъ случай вымогательствъ съ одной стороны, сильной и надзирающей, и не одинъ случай уступокъ со стороны слабой и подчиненной. Конвойные не упускаютъ ни малѣйшаго повода, чтобы сдѣлать съ арестантовъ поборъ, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи изумительна.

Въ большей части случаевъ придирки солдатъ носятъ какой-то отчаянный, злобный характеръ. Этапный солдатъ, получающій отъ казны около 3 руб. въ годъ, какъ будто хочетъ наградить себя за многотрудную службу свою и немудреный уходъ за арестантами крохами тѣхъ, за кѣмъ надзираетъ. Словно цѣлую жизнь онъ не ѣлъ и вотъ теперь, въ боязни умереть голодною смертью, хватаетъ зря, что попадется, не гнушается никакою скверною, не боится грѣха, что вотъ и нищаго грабитъ въ ослѣпленіи и изступленіи ума своего и деретъ съ его голыхъ плечъ послѣдній копель. На практикѣ выходитъ такъ, что гдѣ солдаты линейные, тамъ и каторга, но гдѣ сибирскіе казаки (какъ, напр., въ Восточной Сибири), тамъ и пѣсня другая. Казакъ не ѣлъ крупы, не жилъ въ казармѣ, не получалъ въ придачу палки, а потому, умягчившись на мирныхъ деревенскихъ работахъ, на мягкомъ воздухѣ — нравомъ кротче и къ арестантамъ жалостливѣе, на желанія ихъ податливѣе и уступчивѣе. За казаками арестантамъ лучше. Послушайте и судите!

Одна этапная партія кончаетъ въ Сибири дневку, Рано по утру она слышитъ обычную команду: „Вставай“! На дворѣ четыре часа ночи, морозъ во всей силѣ утренника, а дѣло зимнее. Въ казармѣ этапной холодно до того, что у арестантовъ зубъ не попадаетъ на зубъ.

Началась суматоха: „Въ дорогу собирайся“! Грохочетъ барабанъ обычный сказъ: „по возамъ“! Выходи на дворъ. Тамъ въ суматохѣ согрѣваются, по командѣ собрались. Выведены на дворъ. Надо бы слушаться барабана, укладывать мѣшки на подводы и садиться больнымъ на воза, а тамъ барабанъ замолчалъ. Раздается команда словесная: „Полы мыть“!

— Устали мы, изныли всѣ. Да и не наше дѣло.

— Кто дрянилъ, тотъ и чиститъ, вездѣ это такъ. Мой полы—таково положеніе.

— Положенія такого не слыхали и не видали. Смотри на стѣнѣ, начальство притѣснять не велитъ.

— Это въ прошломъ году было сказано. Нынче другой годъ идетъ и потому положенія новыя.

— Гдѣ онѣ?

— Приколотить не успѣли.

— Покажи ихъ.

— Въ другой разъ приходи! посмотришь.

И затѣмъ унтеръ-офицеръ отбираетъ изъ партіи, вмѣсто обычной переклички, троихъ или четверыхъ самыхъ говорливыхъ. При этомъ этапные ворота запираются, ружья беретъ конвой подъ прикладъ и дѣлаетъ цѣпь. Выбранные выводятся впередъ и получаютъ въ руки шайки съ холодною водою. Вода дается холодною затѣмъ, чтобы мыть приводилось больше, чтобы партія стояла на холоду и неподвижно на одномъ мѣстѣ дольше. А комнатъ въ казармѣ пять-шесть, а грязи налипло за цѣлый годъ, если не больше; и не видать конца поломойной работѣ. Партіи придется ждать долго, иззябнетъ она вся, измерзнетъ: думаетъ и надумается. Ворота хотя заперли, подъ прикладъ взяли, но осталась лазейка, — зовутъ арестанты старосту.

— Поди, староста, спроси: сколько положенія по новому закону. Чертъ съ ними!..

— По грошу съ брата!

И конецъ дѣлу. И обычная по положенію стройка во фрунтъ въ двѣ шеренги, конвойные въ авангардѣ, арріергардѣ и съ боковъ. Барабанъ бьетъ генералъ-маршъ: выходи рядами, а тамъ уже иди какъ хочешь. На новомъ этапѣ опять порядокъ послѣ того, какъ разобрали котомки, опять фронтъ въ двѣ шеренги. На правомъ флангѣ — каторжные, въ центрѣ—поселенцы, на лѣвомъ флангѣ—бабы. На новомъ этапѣ опять поборы. Маршъ къ нимъ на встрѣчу!

Новый видъ поборовъ столько обыкновененъ и общеупотребителенъ, что безъ него и не идти, кажется, арестантской партіи, пока существуютъ эти этапы и живутъ на этихъ этапахъ солдаты, и жестокіе и сребролюбивые, отъ самаго Томска до Сахалина.

Партія желаетъ получить баню по положенію и по закону.

— Баня въ починкѣ!—отвѣчаютъ имъ.

— Въ починкѣ была, братцы, прежняя, тамъ указали на вашу.

— Указъ не приказъ, да и мы на ту стать указать вамъ умѣемъ; нѣтъ у насъ бани, ступайте дальше, тамъ баня новая.

— Да можетъ и она въ починкѣ. Законъ велитъ топить баню каждую суботу.

— А по копейкѣ съ брата положите, такъ и наша поспѣетъ, какъ нибудь законопатимъ...

Почешутся арестанты, подумаютъ да и велятъ старостѣ развязать мошну съ артельными деньгами, ибо знаютъ, что—по закону—„могутъ ходить въ баню и мыть бѣлье, но не иначе, какъ съ позволенія этапнаго начальника (!?)“.

Недозволеніе огня—новая статья солдатскихъ доходовъ, въ особенности около ссыльныхъ дворянъ *) а вмѣстѣ съ этимъ запрещеніемъ и невозможность самимъ, для ускоренія, ставить самовары,—предполагаетъ новый, непредвидѣнный расходъ для ссыльныхъ путешественниковъ.

Но до сихъ поръ солдаты, а вотъ и настоящіе этапные начальники, по тѣмъ несомнѣннымъ даннымъ, которыя попадаются въ слѣдственныхъ дѣлахъ и оффиціальныхъ бумагахъ разнаго рода **).

Первый примѣръ.

Арестантъ на спросѣ въ Томскѣ показалъ, что у него одинъ этапный начальникъ взялъ въ займы 15 руб. сер.—и не отдалъ. Навели справки, написали батальонному командиру и получили отвѣтъ, что деньги съ офицера взысканы и отправлены по принадлежности къ мѣсту нахожденія кредитора.

Другой примѣръ оправданъ не однимъ десяткомъ случаевъ.

Во многихъ этапныхъ зданіяхъ пропадали казенныя вещи, большею частью желѣзныя, имѣющія передъ прочими большую цѣнность: дверныя петли и скобы, печныя заслонки и душники, а на одномъ этапѣ изчезли даже цѣликомъ новыя сосновыя двери. Наведены были справки; оказалось, что всѣ эти вещи проданы торговцамъ и продавали ихъ сами этапные командиры.

— И нѣтъ никакихъ средствъ искоренить это зло!—говорили намъ люди знающіе, заинтересованные этимъ дѣломъ, какъ люди, ремонтирующіе этапныя зданія.

— А подумать, пріискать!—было у насъ на умѣ, но знающіе люди предупредили отвѣтомъ:

— Придумать могли одно только: душники закладываютъ кирпичемъ, вмѣсто заслонокъ рогожу моченую вѣшать, а двери и безъ скобокъ живутъ...

Третій случай.

Въ Пермской губерніи, почтовымъ трактомъ отъ Екатеринбурга къ Москвѣ, тянется небольшой обозъ съ чаемъ, съ пятью-шестью возчиками. Сзади партіи ѣдетъ на подводѣ въ одну лошадку офицеръ. По обыкновенію господинъ этотъ кричитъ арестантамъ: „Давайте по два рубля съ человѣка и дѣлайте, что хотите“!

Состоялось согласіе, учинилась сдѣлка, отсчитаны деньги. Арестанты бросились на возы всею партіею, сорвали нѣсколько цибиковъ (т. е. мѣстъ). Возчики сбѣжались въ кучу, бросились отбивать пограбленное, но конвой сдѣлалъ цѣпь—не пустилъ. Награбленный чай въ сосѣднемъ городѣ сбытъ былъ темными путями черезъ надежныхъ людей, деньги получены натурою, раздѣлены поровну на каждаго человѣка. Затѣялось слѣдствіе, тянулось долго и много.

Таковы бывали начальники смирные, а бываютъ и сердитые.

— Иной придетъ будить партію да увидитъ, что нашъ братъ-нѣженка распустился на ночь, чтобы слаще спать: кандалы съ ногъ спустилъ для легкости; подавай штрафныя деньги по положенію. А положеніе это онъ въ трубѣ углемъ пишетъ...

— Бывало и вотъ что: у меня отъ морозу лицо опухло. Увидалъ это этапный офицеръ, въ рыло съѣздилъ.

„— Ты (говоритъ) клейма вытравляешь.

„— И не думалъ, ваше благородіе, морозъ со мной пошутилъ.

„Затопалъ ногами, закричалъ зычнымъ голосомъ:

„— Плетей подавай!

„Дать мнѣ ему было нечего, вздулъ меня. Другой, денежный, откупился отъ такой же напасти. Саломъ бы гусинымъ смазать надо и сало подъ рукой, всякій этапный солдатъ сало это на тотъ случай держитъ, а сунься — четвертакомъ за махонькій кусочекъ не отдѣлаешься. Не дашь, начальству подъ страхъ подведетъ, а дать не изъ чего. По Сибири нашъ братъ идетъ совсѣмъ безъ денегъ. Тамъ деньгами помогаютъ мало, больше живьемъ да харчами“.

Четвертый случай.

Послѣ извѣстнаго омскаго дѣла, когда тамошніе ссыльные поляки затѣяли крупный побѣгъ черезъ Киргизскую степь, началось передвиженіе ихъ по Сибири. Между прочими составлена была партія изъ 30 поляковъ, находившихся въ Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (близь Канска), и, закованною въ кандалы, отправлена была въ Нерчинскъ. Въ Иркутскѣ увеличенная новоприбывшими, она выведена была изъ острога для дальнѣйшаго путешествія. Окруженные конвоемъ со всѣхъ сторонъ, поляки очутились въ одной партіи съ прочими преступниками. Этимъ выбрили полъ-головы тутъ же, на тюремномъ дворѣ; тоже самое хотѣли сдѣлать и съ поляками. Впрочемъ, конвойный офицеръ согласенъ былъ взять по 60 коп. съ

*) Тюремныя предписанія, между прочимъ, превратно поняли свойства огня, не дозволивъ его въ первобытномъ видѣ, но разрѣшивъ пользованье имъ въ видѣ угольевъ; ссыльнымъ изъ дворянъ не позволяютъ ставить самовары, но подаютъ ихъ съ угольями и уже не боятся опасности поджоговъ. Арестанты изъ дворянъ, какъ извѣстно, пользуются передъ другими еще тѣмъ преимуществомъ, что освобождаются отъ оковъ и могутъ проѣдать въ сутки 15 коп., тогда какъ другіе должны быть сыты только на 10 коп., хотя бы эти другіе и живали въ ненасытныхъ извозчикахъ.

**) Этапные начальники обязаны провожать партіи, если въ ней больше 80 человѣкъ.

каждой головы, чтобы избавить ихъ отъ операціи, отъ которыхъ освобождалъ политическихъ преступниковъ давній обычай. Поляки, не имѣя денегъ и желанія подчиняться капризамъ конвойнаго, сдѣлали нѣсколько рѣшительныхъ и крупныхъ замѣчаній, въ отвѣтъ на которыя офицеръ выслалъ впередъ цирюльника съ тупою бритвою и грязною бритвенницею. Первый, къ которому подошелъ солдатъ-брадобрѣй (полякъ Венярскій), ударилъ цирюльника въ ухо, а когда послѣдній сорвалъ съ него шапку, взялъ его за шиворотъ и бросилъ отъ себя съ замѣчательною силою. Всѣ солдаты, при видѣ такого поступка, съ крикомъ „поляки бунтуютъ"! кинулись на остальныхъ. Началась общая свалка, которую прекратилъ самъ губернаторъ, явившійся въ острогъ по призыву. Офицера посадилъ онъ на гаупвахту, а поляковъ отправилъ дальше небритыми. Когда партія пришла въ Верхнеудинскъ, тамошній полиціймейстеръ распорядился прогнать изъ тюремнаго двора всѣхъ продавцовъ и продавщицъ съѣстного подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы поляки, идущіе партіею, не имѣли свиданія съ живущими въ городѣ. Для большаго обезпеченія себя, онъ даже заперъ ихъ въ казематахъ на замки, а между тѣмъ о пищѣ не распорядился. Одинъ повстанецъ изъ жмудяковъ выломалъ двери въ своемъ номерѣ и высвободилъ товарищей изъ другихъ номеровъ, чтобы общими усиліями докричаться и доискаться пищи. Начался шумъ и прежній крикъ: „поляки бунтуютъ"! Прибѣжалъ полиціймейстеръ и далъ разрѣшеніе на очередной выходъ съ конвойнымъ въ городъ за припасами. А за бунтъ въ острогѣ отомстили — говорятъ — тѣмъ, что дальше отправили польскую партію окруженною крестьянами съ кольями и собаками. Подъ такою обороною, какъ говоритъ преданіе, прошли они всю Братскую степь и только въ г. Нерчинскѣ конвой былъ уменьшенъ и принялъ обычный форменный видъ.

Пятый случай.

Идетъ по этапамъ арестантъ бывалый и тертый, изъ бродягъ. Дорогою онъ, по обыкновенію, крѣпко промотался, надо добыть денегъ покрупнѣе и побольше. Нехитрая штука въ займы взять у старосты или въ артелѣ, мудреная штука взять деньги у офицера и взять безъ возврата. Попробовать надо, такого случая на этапахъ не слыхивали. Задумалъ арестантъ про себя и товарищамъ объ этомъ передалъ. Выслушали тѣ, посмѣялись: выдумка понравилась. Рѣшили всѣ стоять за одно, помогать ему, а на несчастный случай выручить. И пошло дѣло въ ходъ такимъ образомъ: пускаетъ арестантъ между спутниками слухъ, что добылъ онъ контрабандное золото въ порошкѣ по случаю. Штука дорогая, да онъ бѣдный заключенникъ, не стоитъ за цѣною и продалъ бы съ радостью, да не кому; ходячее-де серебро для него лучше. Въ лавку снести — конвой не велитъ, а начальству своему онъ не прочь передать за все, за что ему будетъ угодно взять. Пошелъ этотъ слухъ отъ арестанта къ другому, дошелъ до конвойныхъ солдатъ, а изъ устъ солдатскихъ попалъ и въ офицерскія уши. Разгорѣлся офицеръ на легкую добычу, присталъ къ арестанту:

— Продай!

— Извольте!

Взялъ офицеръ золото, отнесъ къ серебрянику (дѣло было въ Томскѣ), показалъ мастеру:

— Гдѣ взяли?

— У арестанта.

Подумалъ серебряникъ, смекнулъ и отвѣтилъ:

— Золото. Покупайте его, давайте что ни спроситъ.

— А купишь его у меня?

— Отчего не купить! Зайдите на обратномъ пути, когда проводите партію; теперь денегъ нѣтъ да и свидѣтели близко, а тогда куплю.

Проводилъ офицеръ партію, пришелъ къ серебрянику.

— Ступайте, ваше благородіе, въ котельный рядъ, тамъ не возьмутъ ли? Порошокъ вашъ — тертая сущая мѣдь, безъ обмана. Золото бываетъ не такое.

Приводя всѣ эти частные случаи, объясняющіе взаимныя отношенія арестантовъ и провожатыхъ, мы брали ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они попадались намъ, и не составляемъ связной и общей картины, потому что не имѣемъ на то права. Право наше безсильно и потому еще, что приведенные примѣры частные: сегодня одинъ случай, завтра другой; одинъ за другой не отвѣчаетъ, одного за другимъ ни предвидѣть, ни ожидать невозможно. Каждый имѣетъ свой характеристическій оттѣнокъ, одинъ на другой не похожъ и если нѣтъ крупныхъ противорѣчій и отрицаній, то потому, что мастера-художники одни и тѣ же, одной и той же школы. Для картины кладется все-таки одинъ только грунтъ прочный, все другое для насъ мало опредѣлилось. Краски накладываются такою грубою кистью, что въ рисункѣ не ожидаешь ни изящества, ни полноты, ни законченности. Мастера, правда, умѣлые и досужіе, но, какъ владимирскіе богомазы, они на работѣ не спѣлись, въ пріемахъ не условились, идутъ особнякомъ, на двѣ стѣны и смѣны: одинъ пишетъ лица, другой только одежду, „долишное". Работа раздвоилась. Одинъ пишетъ, что можетъ, другой — что хочетъ: нѣтъ, стало быть, ни лица, ни образа. Иногда вмѣшивается третій и тогда совсѣмъ уже нельзя разпознать не только деталей, но и общаго въ картинѣ...

Записокъ пересылаемые арестанты не ведутъ, да и вести не могутъ: бумага, перо и чернила для преступника вещи запрещенныя. Отрывочные разсказы ведутъ къ одному — къ вѣрѣ

на слухъ и къ такому заключенію, что только на взаимныхъ договорахъ и условіяхъ и можетъ существовать вся эта гниль и путаница отношеній. Пока существуетъ этапная система препровожденія ссыльныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была — характеръ этихъ отношеній измѣниться не можетъ. Язва слишкомъ застарѣла для того, чтобы прочить ей благопріятный исходъ. Такія язвы медицина лечитъ только хирургическимъ ножемъ. Накладывать пластыри, дѣлать мѣстныя и поверхностныя перевязки — значитъ, обманывать себя и больныхъ. Больные сами хорошо это знаютъ и въ выводахъ не затрудняются.

— Какъ вы водку въ тюрьмѣ достаете? — спрашивалъ я одного изъ арестантовъ.

— Штофъ водки стоитъ на волѣ 80 коп., дамъ солдату 1 р. 60 к. и принесетъ.

Т. е. таковъ законъ, таково положеніе; иначе и быть не можетъ, иначе никогда и нигдѣ не бывало и не будетъ.

— Арестантское дѣло такое (объясняли мнѣ другіе преступники): не согласенъ одинъ — другого попроси, этотъ заупрямился — третьяго попробуй. На четвертомъ не оборвешься, посчастливитъ, соблазнится четвертый. Такого и примѣра не запомнимъ, чтобы четыре солдата вмѣстѣ всѣ каменные были.

Только крѣпкая и давняя практика даетъ такіе смѣлые и рѣшительные выводы и заключенія. Язва продолжаетъ гнить, а между тѣмъ болѣзни далеко еще до кризиса и до благопріятнаго исхода. Арестанты все-таки продолжаютъ говорить и думать свое.

— Этапы старые, холодные; ихъ не починяютъ; солдаты на нихъ народъ перемытой, перетертый, ихъ не смѣняютъ. Хорошихъ — говорятъ — въ Сибири найти никакъ не возможно. Нашему брату оттого не легче. Тутъ нашъ братъ поневолѣ черезъ хлѣбъ калачъ достаетъ и много на это денегъ изводитъ. Этапные себя соблюдаютъ да и мы глядимъ въ оба, чтобы и наша кроха нигдѣ не пропадала. Рука руку моетъ, обѣ чисты бываютъ.

— Ребята! — говоритъ одинъ офицеръ своей партіи: — Мнѣ надо поспѣвать къ сроку по важному дѣлу. Пойдемте дальше на этапъ, безъ остановокъ, сразу. Дѣло небольшое, всего 12 верстъ.

Арестанты прошли уже пятнадцать верстъ; офицеръ не изобидѣлъ, смирный былъ человѣкъ. Пора стояла лѣтняя, время теплое. Посулилъ офицеръ накормить за это горячими щами на собственной счетъ, обѣщалъ достать мяса на этапѣ.

— Ладно, братцы! Пойдемъ дальше. Ведите, ваше благородіе...

Зимнее время сулитъ другое и судитъ иначе. Между городами Нижнеудинскомъ и Красноярскомъ гдѣ-то сгорѣлъ этапъ (кажется, Камышедской *). Сгорѣлъ онъ осенью, на зимніе холода. Починить и поправить его не успѣли, а между тѣмъ на вольныя квартиры становить арестантовъ запрещено, подъ строжайшею отвѣтственностью. Вести ихъ дальше силы не позволятъ: вмѣсто 25 верстъ придется сдѣлать 60 — пространство не въ силахъ человѣческихъ плечъ и ногъ. Что тутъ дѣлать? Одинъ командиръ надумалъ наскоро опростать уцѣлѣвшія отъ пожара этапныя конюшни. Арестанты помѣщеніемъ остались какъ будто довольны и безропотны, не смотря на то, что на дворѣ стояла глухая морозная осень, которую въ Россіи свободно называютъ зимою. На покушеніе вести дальше слѣдующая партія отвѣчала крикомъ, обѣщаніемъ употребить съ своей стороны насиліе, хотѣла разбѣжаться.

— Человѣколюбіе и справедливость арестанта ободряютъ, — наивно замѣчалъ мнѣ одинъ изъ этапныхъ.

— Да кто ихъ не любитъ? — хотѣлъ я замѣтить ему, но зная, что не всѣ знаютъ объ этихъ доблестяхъ и довѣряютъ имъ, вписалъ въ дневникъ свой слѣдующія строки:

„Деревянные этапы и полуэтапы, за долгое стояніе со времени постройки своей, производившейся въ Сибири между 1824 и 1830 годами, пришли въ такую вѣтхость, что современный ремонтъ даетъ возможность исполняющимъ строительскія обязанности класть большія деньги въ карманъ и большія, но дешевыя заплаты на старыя и гнилыя прорѣхи. Дѣло, естественнымъ образомъ, отъ этого не выиграетъ. Не тесомъ обшивать и потомъ проходиться по этой обшивкѣ казенною желтою или сѣрою краскою, а выстроить вновь и совсѣмъ уничтожить эти утлые, гнилые и холодные сараи. Вотъ прошла только одна недѣля послѣ того, какъ поправленные этапы сданы были ремонтеромъ пріемной коммиссіи, я вижу 10 этаповъ такихъ (вижу зимою) и во всѣхъ углахъ намело снѣгу, намерзли такъ называемые зайчики. Въ одномъ углу даже цѣлая груда снѣгу, сбитая вѣтромъ по всей длинѣ этапной казармы, подъ нарами. Не помѣшали вѣтру и досчатыя заплаты, не помѣшали злу и надзоръ коммиссіи и ревизія ея. Предатель-вѣтеръ выдаетъ дѣло въ наготѣ.

„И другое горе: этапы противъ прежнихъ плановъ и соображеній сдѣлались тѣсны, не способны вмѣщать всего количества проходящихъ арестантовъ. Въ пяти-шести комнатахъ на этапахъ, въ трехъ на полуэтапахъ, приводится иногда помѣстить до 500 человѣкъ. Арестанты ложатся на полъ, чуть не другъ на друга, валятся подъ нары, гдѣ ихъ встрѣчаетъ сквозной, сырой и холодный вѣтеръ.

*) На случай подобныхъ этому затрудненій этапный солдатъ обязанъ — по закону — носить въ ранцѣ провіантъ на два дня.

„Во всякомъ случаѣ, лежащимъ на нарахъ всегда такъ тѣсно, что они едва поворачиваются и полагаютъ обыкновеннымъ явленіемъ, если многіе, прицѣпившись на краю наръ, лежатъ поперекъ другихъ товарищей, прямо и непосредственно у нихъ на ногахъ. И вотъ отсюда новое злоупотребленіе въ ущербъ общаго арестантскаго интереса: бывалые и опытные изъ нихъ платили солдатамъ нѣсколько денегъ, чтобы ѣхать впередъ товарищей. Отъ 8 до 15 коп. съ человѣка платятъ за то, чтобы сѣсть на подводу, и прибавляли четыре коп. съ человѣка, чтобы подшибить шаткую совѣсть инвалиднаго солдата и уѣхать денежнымъ и желающимъ на этапъ впереди другихъ *). Здѣсь счастливые и занимали мѣста лучшія, мѣста на печи, на нарахъ. Продѣлки подобнаго рода такъ часты и денежныя вымогательства со стороны солдатъ столь обыкновенны, что арестанты, не придавая имъ особеннаго значенія, смотрѣли на нихъ, какъ на дѣло законное, неизбѣжное, роковое. Услаждая себя потомъ въ разсказахъ объ этомъ всѣмъ желающимъ вѣдать, арестанты и тогда относятся къ прошлому со всѣмъ равнодушіемъ и безъ всякой озлобленности. Вообще, требовательные на равноправность общую по идеѣ артельнаго устройства и нетерпѣливые, не уступчивые при поползновеніяхъ на привиллегію, арестанты въ этихъ случаяхъ отчасти измѣняютъ своимъ обычнымъ правиламъ. Только одни кандальные, т. е. ссылаемые на каторгу, остаются имъ неизмѣнно вѣрны. У этихъ право удобно помѣститься въ казармѣ предоставляется тому, кто ловчѣе, кто шибче бѣгаетъ. Принято за правило бросаться въ кандальную казарму опрометью тотчасъ послѣ того, какъ перекликали ихъ по списку и произвели осмотръ (если не успѣли и не догадались откупиться): нѣтъ ли денегъ, трубокъ, ножей.

„Я въ крѣпко морозный день зашелъ въ одинъ спопутный этапъ за Томскомъ, часъ спустя послѣ того, какъ въ него вошла партія, и увидѣлъ безобразную картину безпорядочнаго размѣщенія арестантовъ, какъ овечьяго гурта, какъ стада: большая часть путешественниковъ толпилась около топившейся печи. Одинъ взгромоздился на уродливое громадное чудовище-печь и свѣсилъ свои ноги въ кандалахъ.

„— Пошелъ прочь!—ожесточенно и грозно закричалъ на него вошедшій вмѣстѣ со мною офицеръ, не этапный, но имѣвшій на такое приказаніе нѣкоторое право.

„Я изумился его смѣлости, пораженъ былъ его крикливостью и рѣшился робко замѣтить ему свое простое:

*) Иногда право обижать товарищей покупалось желающими за меньшую плату, но въ такомъ случаѣ не иначе, какъ передъ самымъ этапомъ и тѣми, которые пѣшешествуютъ. Солдатъ отбиралъ охотниковъ и велъ ихъ впередъ другихъ, конечно, пѣшкомъ.

„— Пусть погрѣется!

„— Помилуйте!—продолжалъ кричать офицеръ:—Кандалами замазку околачиваетъ, кирпичи обламываетъ, печь портитъ. Не успѣешь выбѣлить, опять замазывай.

„— Но здѣсь холодно, даже морозно.

„— Казармы старыя, обвѣтшалыя!—замѣтилъ со своей стороны этапный командиръ.

„— Не вѣрьте, ваше благородье!—послышался иной голосъ изъ толпы, сзади:—Печь-то они затопляютъ передъ тѣмъ, какъ партіи придти, вонъ и дрова не прогорѣли. Всю недѣлю этапъ холоднымъ стоитъ, его въ два дня не протопишь.

„Крикливый офицеръ опять закричалъ, силился оправить товарища по оружію, но рѣчь арестанта была выговорена. Его искали, но, за многолюдствомъ и тѣснотою толпы и ловкостью говоруна, не нашли".

Зло этапнаго холода остается все-таки зломъ и живою струною, которая звучитъ при самомъ ничтожномъ уколѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней. Звучитъ она одно, хотя и въ разныхъ тонахъ:

— Стынешь, стынешь дорогой-то, а придешь, и согрѣться негдѣ!—замѣчали кроткіе, а умѣренные прибавляли къ тому слѣдующее:

— Трубу закроемъ, угаръ такой, что головы на плечахъ не держишь. Случалось, другіе опивались этимъ угаромъ до смерти. Не закрыть трубы, зубъ не попадаетъ на зубъ, цыганскій потъ обезсилитъ.

— Куда ни кинь—вездѣ клинъ (заключали озлобленные). Въ маленькихъ полу-этапахъ навалятъ народу въ казармѣ—не протолкаешься. Окна двойныя, съ рѣшетками—не продохнешь. Есть въ дверяхъ окошечко, открыть бы! такъ солдатъ снаружи защелкнулъ. „Отвори, молъ, служивый, сдѣлай милость"!—Давай, слышь, грошъ!—„Возьми, чертъ съ тобой"! Вотъ наше дѣло какое!

Заѣзжалъ я на этапы и теплою порою, въ весеннее время, и писалъ въ дневникъ на ту пору такія строки:

„Сазановскій этапъ (между Тобольскомъ и Тюменью).

„Въ этапныхъ казармахъ, по случаю весенней бездорожицы и задержки на Иртышѣ, скопилось 230 человѣкъ арестантовъ. На небольшомъ и тѣсномъ этапномъ дворѣ, образуемомъ обыкновенно, съ одной стороны, арестантскою казармою, съ другой—офицерскимъ флигелемъ, выходящимъ на улицу, и съ двухъ остальныхъ—острожными палями (бревенчатымъ тыномъ), на дворѣ этомъ происходилъ рѣшительный базаръ. Кругомъ двора сидѣли бабы, дѣвки, дѣвченки, солдаты. Передъ каждымъ и каждою лежали разные продукты и товары: творогъ, молоко, квасъ, щи, каша, пироги. Какой-то солдатъ продаетъ всякую мелочь: мыло, пуговки, нитки, и сладкое: конфекты, изюмъ, пряники.

„— Кто это покупаетъ?—спросилъ я солдата.

„— Поселенцы своимъ ребятенкамъ, да мало.

„Вижу: несетъ одинъ бритый арестантикъ съ тузомъ на спинѣ и въ кандалахъ, несетъ ковшикъ съ квасомъ и шаньгу (колобокъ).

„— Сколько заплатилъ?

„— По три копейки серебромъ.

„На крылечкѣ поселенецъ, съ семьею, впятеромъ хлебаетъ молоко (на дворѣ стояли послѣдніе дни Святой недѣли). Я спросилъ и его о цѣнѣ припасовъ.

„— Гривенникъ далъ, вишь, великіе дни идутъ, захотѣлось“...

А получаетъ отъ казны только $3^1/_2$ — 6 коп., а иногда и меньше, потому что количество кормовыхъ зависитъ отъ справочныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ данной губерніи. Хотя цѣны мѣняются въ теченіи года, но положеніе казенное на круглый годъ остается одно и то же. Продавцы этого не принимаютъ въ разсчетъ и соображеніе: берутъ все, что вздумаютъ и что захотятъ. Контроля нѣтъ, наблюденій и не бывало. Продавцы эти (преимущественно женщины, жены тѣхъ же этапныхъ солдатъ, рѣдко деревенскія бабы, иногда сами солдаты, въ особенности отставные изъ этапныхъ), дѣйствуютъ огуломъ, шайкою, предварительно сговорившись, между собою условившись *): 50 коп. сер. (по ихъ таксѣ, стоитъ $1^1/_2$ фунта варенаго мяса неопредѣленнаго вида и сомнительной доброты; 25—35 коп. берутъ онѣ, эти бабы-торговки, за чашку щей, которые и названіе носятъ щей арестантскихъ, купоросныхъ, и слывутъ вездѣ съ такимъ приговоромъ: „Наши щи хоть кнутомъ хлещи, пузыря не вскочитъ и брюха не окормятъ“ **). При покупкахъ подобнаго рода арестанты обыкновенно дѣлаютъ складчину, человѣка по два, по четыре вмѣстѣ и „хоть немножко да похлебаешь горяченькаго, а безъ того на сухомяткѣ просто бѣда“! замѣчаютъ они и жалуются всегда на постоянную рѣзь въ желудкѣ, на продолжительную и сильную одышку и прочее.

— По Сибири, однако, все-таки харчъ подешевле, — толкуютъ другіе:—по Пермской губерніи тоже сходныя цѣны живутъ, ѣдимъ слаще: покупаемъ дичь, варимъ и жаримъ ее, а вотъ по Казанской—просто приступу нѣтъ ни къ чему.

— Отъ казны на этапъ, — говорилъ мнѣ этапный офицеръ:—ничего не полагается, кромѣ тепла и свѣчъ; но и свѣчи прежде клали на цѣльную ночь, а теперь только до зари, до зари только...

И послѣднія слова офицеръ старается громче выкричать, можетъ быть для пущаго внушенія арестантамъ, что вотъ-де я и стороннимъ людямъ то же, что и вамъ сказываю. Можетъ быть и отъ того громко говоритъ этапный, что на дворѣ творится рѣшительный базаръ, со всѣми признаками сходокъ подобнаго рода: крикомъ, шумомъ, гамомъ. Все это слилось, по обыкновенію, въ одинъ гулъ. Въ этапномъ базарѣ было только то особенное, что звенѣли цѣпи да покупатели были безъ шапокъ, съ бритыми на половину головами и съ желтыми тузами на спинахъ.

Мы пошли по казармамъ. Ихъ было шесть, какъ и прежде, какъ несомнѣнно увидимъ и впереди, потому что ни въ чемъ нѣтъ такого однообразія и постоянства, какъ въ устройствѣ этаповъ: изобразить одинъ, значитъ, все описать.

Два дома: одинъ окнами на улицу для офицера и команды, другой внутри на дворѣ, окруженный частоколомъ, для арестантовъ. Посмотрѣть съ фаса: стоитъ желтенькій домикъ, въ серединѣ крылечко, съ боковъ примыкаетъ частоколъ. Въ немъ также по серединѣ широкія ворота: правыя на арестантскій дворъ, лѣвыя—на конюшенный дворъ, отдѣленный отъ перваго частоколомъ. Войдешь крылечкомъ черезъ пролетъ сѣней въ сквозной корридоръ наружной казармы и знаешь: въ правой половинѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ ближнюю прокуриваютъ тютюномъ этапные солдаты, дальнюю—конвойные казаки. Въ лѣвой половинѣ двѣ комнаты для этапнаго офицера, завѣдующаго двумя ближними полуэтапами; тамъ же его прихожая и кухня. На этапѣ, кромѣ офицера, живетъ еще каморникъ-сторожъ и уже больше никого.

Войдешь корридоромъ на дворъ, вотъ и арестантская казарма, чуть не на самомъ носу, и совершенно противъ первой, той же длины и того же плана, т. е. также она раздѣлена на двѣ половины и каждая половина на двѣ казармы: правая и лѣвая для идущихъ на поселеніе. Двѣ заднія казармы (правая и лѣвая) раздѣлены поперечною стѣною на двѣ поменьше. Изъ нихъ стало четыре маленькихъ: въ одной направо—женщины, налѣво—запоздавшіе на этапъ поселенцы. Въ двухъ заднихъ помѣщаются кандальные, т. е. ссыльно-каторжные. Чтобы попасть къ нимъ, надо обойти кругомъ всей казармы и попадать дверями съ внутрен-

*) Изъ прежней исторіи этаповъ видно, что сперва вольныхъ торговцевъ не пускали, торговали сами офицеры, но по многимъ жалобамъ, что «офицеры берутъ вдвое противъ вольной цѣны», торговать офицерамъ запретили. Однако, злоупотребленіе не уничтожилось и только прикрылось маскою, особенно тамъ, гдѣ этапы стоятъ далеко отъ селеній.

**) Высокія цѣны объясняютъ тѣмъ, что торговцы сами покупаютъ право на торговлю у этапныхъ начальниковъ и не всегда безъ прижимокъ. Приходившія партіи нерѣдко заставали еще крикливый финалъ переторжки, а бывали и такіе случаи, что торговцы долгое время оставались на улицѣ передъ офицерскимъ флигелемъ. Унтерамъ, обыкновенно, платилъ не больше 1 коп. сер. каждый торговецъ, а иногда просто за всѣ разы, бывало, отпотчуетъ водкою или пивомъ на деревенскомъ праздникѣ.

няго фаса ея. Тамъ узнаешь, что правѣе арестантской казармы дворъ называется женскимъ, а домишко на немъ—банею.

Оглядимся въ казармѣ.

Въ одной и той же помѣщены были и холостые и женатые поселенцы на общій соблазнъ. Ссыльно-каторжные отдѣлены, но отсюда въ Томскъ пойдутъ и тѣ и другіе и женщины, въ общей кучѣ, не дѣлясь и не дробясь, какъ шли они изъ Россіи.

Въ казармахъ поразилъ насъ возмутительно-дурной запахъ, хотя на то время открыты были окна. Болѣе тяжелымъ и съ трудомъ выносимымъ запахомъ отшибали тѣ казармы, въ которыхъ помѣщались женщины. Съ женщинами въ одной казармѣ жили дѣти.

— Бѣдныя дѣти!—говорилъ мнѣ со вздохомъ ко всему привыкшій и ко многому въ жизни равнодушный этапный офицеръ:—Зимою,—продолжалъ онъ:—на дѣтей смотрѣть страшно: коченѣлыя, испитыя, больныя, кашляютъ, многія кругомъ въ язвахъ, сыпь на всѣхъ...

Но еще не столько опасны язвы физическія, сколько тѣ, которыя упадаютъ на мягкое дѣтское сердце отъ сосѣдства съ такими взрослыми. Впрочемъ, не лучше участи дѣтской участь и взрослыхъ арестантовъ, которымъ путь до Иркутска тянется иногда около года. Лишенія и болѣзни неизбѣжны и встрѣчаютъ ихъ вездѣ, во всякое время года. Тобольская тюремная больница наполнялась каждою зимою больными отмороженіемъ членовъ (pernio) до антонова огня; тюменскую и екатеринбургскую тюремныя больницы нашелъ я (въ апрѣлѣ 1862 года) наполненными до тѣсноты больными тифозною горячкою *). Арестанты обязаны идти 500 верстъ въ мѣсяцъ, не разбирая никакой погоды. Только двѣ распутицы, и то по поводу вскрытія и остановки рѣкъ (весенняя и осенняя), задерживали проходящія партіи въ тюрьмахъ и на этапахъ. На мой проѣздъ по тюменскому тракту на одномъ накопилось 250, на другомъ 230, на третьемъ 290 человѣкъ. Въ тобольской тюрьмѣ собралось до двухъ тысячъ, въ тюменскомъ острогѣ до полуторы тысячи *).

Удивительно ли, что при такомъ накопленіи арестантовъ, такая духота въ казармахъ и такое зловоніе, когда стѣны успѣли прогнить цѣликомъ, когда большая часть зданій построена на мѣстахъ болотистыхъ, когда многіе этапы, въ половодье, очутятся стоящими на острову, залитыми со всѣхъ сторонъ водою, когда вода эта на полъ-аршина въ глубину застаивается и промозгнетъ на самыхъ этапныхъ дворахъ, въ самыхъ этапныхъ зданіяхъ.

Въ особенности нестерпима казарменная духота и сильно зловоніе, когда арестанты, въ ненастную погоду, приходятъ всѣ мокрые. Ночью, когда ставятъ парашу, т. е. ночную кадку, казарменная атмосфера перестаетъ имѣть себѣ подобіе. По словамъ очевидца: „Смрадъ отъ этой параши нестерпимый! И эти несчастные какъ будто стараются какъ можно болѣе высказать отвратительную сторону своего человѣчества. Они, такъ сказать, закаливаются здѣсь во всѣхъ порокахъ. Между ними всегда шумъ, крикъ, карты, кости, ссоры или пѣсни, пляска (Боже, какая пляска!). Однимъ словомъ, тутъ истинное подобіе ада"!

Понятно, почему тобольская тюрьма тяготилась множествомъ больныхъ острыми болѣзнями; понятно, что въ такихъ случаяхъ и самая смертность увеличивалась за недостаткомъ фельдшеровъ и лекарствъ **). Къ чистотѣ и опрятности зданій приставники изъ солдатъ не пріучены. Большая часть изъ нихъ не живетъ при мѣстахъ. Солдаты присылаются женатыми, а потому на новомъ мѣстѣ спѣшатъ поскорѣе обзавестись собственнымъ домомъ и хозяйствомъ. Заплативъ 15, 18, 30 рублей за цѣлую избу, солдатъ отдаетъ ей все свободное время и потомъ маклачитъ около арестантовъ торговлею и продаетъ имъ за 3 к. кринку молока, за три жареныхъ рыбки беретъ 6 коп., за фунтъ хлѣба —$1^1/_2$ и копейку за небольшую чашку промозглаго, съ плесенью, квасу. Въ этомъ—всѣ отношенія приставниковъ къ проходящему люду, а затѣмъ все для себя и для собственнаго хозяйства. Семейнымъ солдатамъ положено отводить земли подъ поля и сѣнокосы, но военный человѣкъ на мирныя и кропотливыя занятія не идетъ, предпочитая имъ крохоборливыя, но настойчивыя вымогательства и поборы съ проходящихъ арестантовъ. Полей солдаты не пашутъ, хлѣба не сѣютъ, сѣнокосные луга отдаютъ въ кортому. Припомнимъ при этомъ, что каждый этапный солдатъ, исправляя ка-

*) Вотъ средній выводъ изъ цифръ въ трехлѣтней сложности. Изъ 9.500 человѣкъ (среднее годовое количество ссыльныхъ, проходящихъ черезъ Сибирь) задерживаются по болѣзни въ дорогѣ до Нерчинска 1.260. Изъ нихъ 260 умираютъ, что составитъ 0,027 съ долями всего числа ссыльныхъ. По прибытіи въ Томскъ, во время содержанія въ тюремномъ замкѣ, въ теченіи года умираютъ изъ пересыльныхъ арестантовъ до ста человѣкъ. Въ числѣ главнѣйшихъ арестантскихъ болѣзней на этапахъ самая обычная—венерическая, чаще приносимая изъ Россіи и нерѣдко пріобрѣтаемая въ дорогѣ.

*) Эти остановки произошли вслѣдствіе половодья рѣкъ Тобола и Иртыша. Въ 1860 году разливъ Иртыша собралъ на одномъ изъ тюменскихъ этаповъ 512 человѣкъ.

**) Кромѣ больницъ при большихъ тюрьмахъ въ городахъ, больницы устроены еще черезъ каждые три этапа при четвертомъ. Вмѣсто лекарей въ этапныхъ больницахъ фельдшера, которые, такъ же какъ и больницы, носятъ только званіе, не отличаясь надлежащими качествами. Благодаря этимъ заведеніямъ и трудностямъ путешествія, бываютъ случаи, что вмѣсто года нѣкоторые арестанты попадали на мѣсто назначенія года черезъ четыре.

зенную службу, долженъ пройти пѣшкомъ 100 верстъ въ недѣлю, въ годъ (50 недѣль) больше 5 тысячъ и во весь срокъ службы (отъ 15—20 лѣтъ обязанъ обработать 75—100 тысячъ верстъ! О правильномъ и прочномъ хозяйствѣ тутъ нечего думать: много-много, если хозяйка солдата съумѣетъ обзавестись огородомъ, капусту съ котораго во щахъ продаетъ она потомъ дорогою цѣною тѣмъ же арестантамъ *).

На одномъ полу-этапѣ встрѣтилъ я двухъ солдатъ сторожей. Полу-этапъ былъ пустъ, хотя сосѣдніе этапы были биткомъ набиты **). Одинъ изъ солдатъ былъ семейный, а такъ какъ вблизи не было селенія, то онъ помѣщался съ семьею на полу-этапѣ. Въ комнатѣ его уютно и опрятно, на стѣнѣ виситъ конская сбруя.

— Лошадку, — говоритъ: — держу. Двоихъ дѣтей кормить надо, въ работу лошадку пускаю, отдаю мужикамъ.

— А что же арестантовъ на ней не возишь?

— Никакъ нѣтъ! Я около арестантовъ не поживляюсь,—отвѣчалъ солдатъ на вопросъ мой и лгалъ, лгалъ сколько потому, что селеніе было далеко, столько и потому, что чѣмъ же дѣтей кормить, чѣмъ же самому заниматься? Усталыя партіи нуждаются въ конныхъ подводахъ и особенно на вторую половину пути, и именно отъ полу-этапа. Да и кто же отъ денегъ прочь?..

Не совралъ солдатъ на этотъ разъ въ одномъ только, что и на этомъ полу-этапѣ бываетъ огромное стеченіе арестантовъ и что всю громадную массу ихъ поведутъ тѣ же 20 конвойныхъ (немного больше, немного меньше), наряжаемыхъ обыкновенно отъ этапа. Къ этому числу прибавятъ четырехъ казаковъ конвойныхъ и на взаимномъ довѣріи, на взаимныхъ уступкахъ и одолженіяхъ, пойдетъ огромная толпа преступниковъ съ такимъ ничтожнымъ числомъ конвойныхъ. Три дня слаживаются съ одними конвойными; на четвертый, поступая въ распоряженіе новой команды, смотритъ партія, какъ бы не потерять чего нибудь своего и у этой.

*) Насколько выгодна торговля около арестантовъ, можно судить изъ того, что, напр., на Вилижанскій этапъ торгующія бабы приносятъ съѣстные припасы изъ деревень верстъ за 6 и за 8.

**) Устройство полу-этаповъ проще, но за то они и не удобнѣе. Здѣсь съ фасу видишь только стойкомъ торчащія заостренныя на верху бревна и середи нихъ огромныя ворота съ низенькою, пробитою въ нихъ и непомѣрно захватанною калиткою. Изъ-за острія палей торчатъ трубы и крыши. Войдя туда, узнаемъ, что по правую руку отъ воротъ караулка, по лѣвую, также въ углу, конюшня. Середи двора стоитъ казарма меньше этапной, но съ поперечнымъ корридоромъ, на который глядятъ четыре двери: изъ нихъ трое ведутъ въ большія комнаты для поселенцевъ; четвертая выходитъ изъ заднихъ узенькихъ сѣнецъ. Тамъ дверь № 4, куда запираютъ кандальныхъ и, такимъ образомъ, держатъ ихъ ночью подъ двумя замками.

Дальше мы знаемъ, что дневки или растахи (черезъ два дня въ третій) мало помогаютъ дѣлу, мало подкрѣпляютъ силы путешественника. Самый законъ на крайніе случаи, въ губернскихъ городахъ напр., дольше 6—7 дней держать не велитъ, за остановки же ссыльныхъ на пути велитъ наказывать какъ за укрывательство бѣглыхъ. Арестанты, пришедшіе въ Тобольскъ (почти всѣ до единаго), обыкновенно жаловались на общую слабость во всемъ организмѣ, на ломоту въ ногахъ, на сильное удушье. Ревматизмъ, такой частый и неизбѣжный гость, что получилъ названіе этапной болѣзни. Сверхъ того, у мужчинъ открываются грыжи, у женщинъ маточныя болѣзни *). Понятно, отчего Приказъ о ссыльныхъ вынужденъ бывалъ большее число приходящихъ преступниковъ назначать въ разрядъ такъ называемыхъ н е с п о с о б н ы х ъ. Неспособные эти, составляя въ составѣ сибирскаго населенія, особый классъ людей, не платящій податей, обременительны для обществъ, на большую половину бродятъ и весь классъ людей этихъ, дѣйствительно, н е с п о с о б н ы й.

Самое направленіе этапнаго пути, Богъ вѣсть когда и кѣмъ намѣченнаго, въ настоящее время, при современныхъ требованіяхъ, не выдерживаетъ никакой критики. Намъ выставляютъ множество неудобствъ, высказываютъ примѣчательное количество справедливыхъ сѣтованій. Тратилось лишнее число государственныхъ суммъ, лишнее количество человѣческихъ силъ, излишнее число верстъ и пространствъ. Въ древнія времена, когда ближайшій сибирскій путь шелъ въ Тобольскъ на Вологду и черезъ Верхотурье, крюкъ для ссыльныхъ былъ, конечно, значительнѣе; но и теперь, когда повернули его на Пермь черезъ Екатеринбургъ, путь для ссыльныхъ не сдѣлался настоящимъ. Арестанты идутъ далеко въ сторону отъ тѣхъ сибирскихъ трактовъ, которые проложила себѣ коммерція, всегда соблюдающая пространство и время, всегда намѣчающая короткіе и прямые пути вездѣ, гдѣ бы то ни было даже и въ нашей безпредѣльной и дикой Сибири. Арестанты не идутъ тамъ и почтовыми трактами, которые обыкновенно длиннѣе купеческихъ, но короче казеннаго этапнаго. Такъ, напр., съ Тюмени партіи преступниковъ, вмѣсто того, чтобы черезъ Барабинскую степь идти прямо на Томскъ, сворачивали на Тобольскъ по старому преданію и шли прямо на сѣверъ, подвергаясь по зимамъ неблагопріятному, зловредному вліянію сѣверныхъ вѣтровъ и непогодъ.

*) Ежегодное среднее число больныхъ въ тобольскомъ тюремномъ лазаретѣ составляло $^1/_5$ часть слишкомъ всего пересылаемаго количества (изъ 11 тысячъ 2.070 больныхъ). Изъ этой $^1/_5$ части умирало въ годъ 163 человѣка. Весною каждая партія оставляла больныхъ на пути между Тюменью и Тобольскомъ человѣкъ въ 10 среднимъ счетомъ.

Если эти послѣдніе упорно стояли долгое время (что случается замѣчательно часто), арестанты приносили въ Тобольскъ всѣ поголовно одышку, колотье въ груди, отмороженные носы и щеки, отвалившіеся пальцы. Изъ Тобольска партіи шли на Тару, совершая огромный новый излишекъ пространствъ, и шли, въ то же время, по мѣстамъ мало населеннымъ, климатически и экономически неблагопріятнымъ. Одинъ Иртышъ партіи переходили нѣсколько разъ, безъ всякой нужды и какъ будто для того только, чтобы своими посѣщеніями поддержать быстро упадающую славу древняго и нѣкогда очень большого города Тобольска. Теперь, съ перенесеніемъ Приказа въ Тюмень, все это—слава Богу—уничтожилось *). Не говоримъ также о томъ излишкѣ переходовъ, которые, напр., принуждены дѣлать поселенцы, назначенные въ округа Тюменскій, Ялуторовскій, Курганскій и Туринскій, и обязанные, такимъ образомъ, идти старымъ пройденнымъ путемъ назадъ изъ Тобольска, куда они ходили только ради одного приказа о ссыльныхъ и отъ того сдѣлали отъ 435 до 517 верстъ лишнихъ. Не говоримъ уже о неудобствахъ этапныхъ помѣщеній, о той мучительной трудности, съ какою сопряженъ неблагопріятный во всѣхъ случаяхъ образъ пѣшаго хожденія, и проч. и проч. Не говоримъ мы обо всемъ этомъ потому, что, во первыхъ, много объ этомъ говорено въ недавнее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, а во вторыхъ и потому, что мы видимъ теперь облегченіе арестантамъ тяжести этапнаго пути. Когда выяснилось дѣло въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что значеніе Тобольска померкло передъ значеніемъ другого города, Тюмени, того самаго, изъ котораго, по проэкту графа Сперанскаго, перевели „по колодничьей части присутствіе" въ Тобольскъ и переименовали его тамъ въ „приказъ о ссыльныхъ". Вѣруемъ въ одно, что способъ препровожденія ссыльныхъ безполезенъ и далеко не оправдывалъ тѣхъ ожиданій, которыя клали на него въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда совершалось, по проэктамъ графа Сперанскаго, преобразованіе сибирскихъ губерній.

Возвратимся опять назадъ къ тѣмъ же этапамъ, каковыхъ по одной Сибири считалось 60, да сверхъ того еще 64 полуэтапа.

Этапную жизнь собственно арестанты любятъ, хотя она и представляетъ цѣпь стѣсненій и вымогательствъ, и любятъ они ее потому, можетъ быть, что она какъ будто ближе къ свободной жизни, дорогой для всякаго человѣка. Съ этапами арестанты разстаются неохотно. Я видѣлъ ихъ наканунѣ каторги и могу свидѣтельствовать, что въ лицахъ, въ поступи, въ тонѣ „Милосердной" и видится и чуется гнетущая тоска и отчаяніе. То и другое объясняется близостью мѣста, при одномъ воспоминаніи о которомъ у всякаго сжимается сердце; не всякій съумѣетъ собрать силы и показаться наблюдателю сохранившимъ твердость духа, а тѣмъ болѣе храбрымъ въ поступкахъ и поступи. Арестанты приходятъ на каторгу безъ денегъ, рваные, голые, безъ надежды и безъ родины...

Медленно подвигается партія къ заводу, молчаливая, окруженная всяческою форменностью. Еще за нѣсколько верстъ надъ арестантскими головами уже прогремѣла команда: „Приформиться"!—по которой всѣ должны быть по мѣстамъ, всѣ въ кандалахъ и при котомкахъ. Всѣ должны приготовиться какъ бы къ какому великому таинству.

Вотъ партія на мѣстѣ. Мѣстное начальство принимаетъ арестантовъ по списку.

— Надо кандалы расковать!—говоритъ оно на томъ основаніи, что дорожныя кандалы возвращаются конвойнымъ, а на каторгѣ надѣваютъ новыя.

— Да ужъ завтра сдѣлаемъ это! Сегодня не успѣемъ всѣхъ очистить и опять запаять,—замѣчаетъ пріемщикъ въ простотѣ сердца.

— Расковать недолго!—объясняетъ этапный офицеръ, бывалый и много смекающій, и проситъ:

*) Нѣкогда черезъ Байкалъ перевозили ссыльныхъ на судахъ сибирскаго флота, выстроенныхъ на иркутской верфи—единственное облегченіе въ старыя времена и единственно полезное примѣненіе флота. Иркутское адмиралтейство, какъ извѣстно, существовало только 30 лѣтъ. Дѣйствія его выразились тѣмъ, по словамъ одного анонимнаго автора, оставившаго рукопись, что бригъ, вылетѣвшій изъ Ангары на просторъ Байкала, по непостижимому невѣжеству штурмана, который былъ назначенъ командиромъ этого судна, съ пустымъ трюмомъ, безъ баласта, тотчасъ же перевернуло порывомъ вѣтра. Сибиряки, видя такую неудачу европейскихъ пріемовъ мореплаванія, убѣдились еще плотнѣе въ томъ, что ихъ Байкалъ, знать, не чета другимъ разнымъ морямъ и океанамъ и что единственные мореходы, какіе умѣютъ валандаться въ этомъ морѣ, остаются все-таки, до скончанія вѣка, ихъ любимые доморощенные аргонавты съ сопцами. Адмиралтейство снабжалось не только бракомъ вещей, но и чиновъ. Оно двигалось, суетилось, 30 лѣтъ вело обширную переписку, мѣняло своихъ владыкъ и, наконецъ, пришелъ часъ—оно скончалось. Ссыльныхъ продолжали водить пѣшкомъ по непролазной Кругоморской дорогѣ или перевозить на обыкновенныхъ байкальскихъ судахъ, у которыхъ кузовъ вродѣ бочонка, представляющій, между тѣмъ, всѣ неудобства неповоротливой рѣчной барки. Единственная мачта позади судна, парусъ глупъ до нельзя, вмѣсто руля—ужасной величины весло, величаемое сопцомъ, которое ворочать могъ бы развѣ одинъ только Голіаѳъ. Этотъ сопецъ въ трудомъ ворочаетъ своего левіафана, у котораго передняя часть тѣла въ два раза длиннѣе задней. Наконецъ, въ довершеніе всего, румпель этого уродливо-громаднаго руля самый короткій, такъ что придуманъ какъ бы нарочно для того, чтобы и два Голіаѳа не могли управиться. Эти суда движутся только по вѣтру. Теперь къ услугамъ ссыльныхъ кое-какіе пароходы, которые съ трудомъ оправдываютъ здѣсь свою всесвѣтную славу.

— Мнѣ очень нужно спѣшить назадъ, позвольте сейчасъ!

И въ радости сердца, что и еще одну партію сбылъ съ рукъ благополучно и не лишился, за отсутствіемъ бѣглыхъ, годового жалованья въ награду (по положенію), этапный офицеръ велитъ партіи снимать кандалы и въ два-три часа очищаетъ всѣ ноги.

Мало опытный горный офицеръ удивлялся, видя, что арестанты снимаютъ кандалы, какъ сапоги, но бывалый и догадливый зналъ, что на всякіе замки существуютъ отмычки, и что чѣмъ больше стѣсненія и строгости, тѣмъ больше исканій противоборства, а рѣдкое исканіе у настойчивыхъ и сильныхъ людей не вѣнчается успѣхомъ. Къ тому же, арестантская партія дѣйствуетъ огуломъ, артелью, въ ней сто головъ, сто умовъ.

Пришли рабочіе люди слабыми, болѣзненными, отвыкшими отъ труда, а нѣкоторые даже и вовсе къ нему неспособными, но, что всего важнѣе, большая часть изъ нихъ глубоко испорчена нравственно. Иные пришли сюда за болѣзнями и остановками, на четвертый годъ по выходѣ изъ Россіи, но пришли во всеоружіи долгаго опыта. Приспособляйте ихъ къ работѣ и доглядывайте: все это мастера, но на особую стать, все это такіе рабочіе, какихъ уже въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается.

Въ тюрьмѣ и на каторгѣ преступники скажутся въ иныхъ находкахъ и изобрѣтеніяхъ. И тамъ съумѣютъ они перехитрить природнымъ умомъ то, что прилаживается искуственно, поддерживается внѣшнею, грубою силою. На чьей сторонѣ окажется побѣда, просимъ выслушать.

ГЛАВА II.

НА КАТОРГѢ.

Моя поѣздка на строгую перворазрядную каторгу.—Нижній промыселъ на Карѣ.—Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.—Иванушка-дурачекъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойникъ въ водовозахъ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жилье.—Цынга.—Каторжные.—Каторжныя работы.—Смотрители.—Раскомандировки.—Казенные порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взаимныя отношенія тюремныхъ сидѣльцевъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносчики.—Товарищество.—Смотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра. — Азартныя игры.—Юлка.—Юрдовка.—Едно.—Бѣгунцы. — Тюремный языкъ (argôt). — Откупные тюремные законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитрость.—Влазное.—Тюремный капиталъ.—Парашники.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои и историческія лица.—Тумановъ и живая пирамида.—Искуственно-развиваемыя арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утка.—Каторжныя забавы.

Въ началѣ декабря, темною ночью, подъѣзжалъ я къ Нижнему Карійскому промыслу, одному изъ центральныхъ мѣстъ, предназначенныхъ для работъ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые, по судебнымъ приговорамъ, назначаются въ такъ называемые Нерчинскіе рудники.

Дорога шла въ сторону отъ рѣки Шилки густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Вовсе не разчищенная, мало приспособленная къ проѣзду, но, въ то же время (сколько можно судить по ныркамъ, т. е. ухабамъ), крѣпко подержанная, дорога эта казалась торною. Вѣтви деревьевъ хлестали по лошадямъ, совались къ намъ въ сани; надо было изловчаться, чтобы не потерять глазъ, не исцарапать лица. Къ тому же, дорога до того была узка, что мы принуждены были снять у саней отводы, хотя, въ то же время, сани наши были приспособлены именно для такихъ окольныхъ, мало-наѣзженныхъ дорогъ и сани эти уже успѣли съ достоинствомъ выдержать испытаніе слишкомъ на тысячѣ верстъ.

Темнота и густота лѣса усиливали наши несчастья: мы налѣзали на пни и съ трудомъ съ нихъ снимались. Сани безъ отводовъ валились въ первую глубокую и покатую выбоину. Провожатые мои ворчали и сердились.

— Ужъ во истину дорога каторжная,—замѣчалъ одинъ.

— Оттого и каторжная, что ведетъ на каторгу!—острилъ другой.

— Такъ-то, парень, поглядишь,—толковалъ первый:—дорога на каторгу ка-быть узенькая, а подумаешь, такъ она выходитъ больно широкая.

— Туда-то широкая,—мудрствовалъ второй:—а оттуда-то опять узенькая. Попасть легко, а не вырвешься.

— Сказано, милый человѣкъ, не отпирайся ни отъ сумы, ни отъ тюрьмы.

Разговоръ кончился обоюднымъ вздохомъ.

Тишина и темнота давали широкій просторъ воображенію: рисуй, что хочешь, но не дальше заданной темы. Вотъ впереди то самое мѣсто, гдѣ соединяются вмѣстѣ всѣ тяжкіе преступники, высланные изъ Россіи, всѣ убійцы, разбойники и грабители. Работа на этихъ казенныхъ золотыхъ промыслахъ полагается самою высшею мѣрою наказанія для всѣхъ подобнаго рода злодѣевъ. Съ ослабленіемъ въ послѣдніе десятки лѣтъ серебрянаго промысла въ нер-

чинскихъ горныхъ заводахъ и за уничтоженіемъ разработки рудниковъ руками ссыльныхъ преступниковъ, Карійскіе промыслы (Верхній, Средній, Нижній и Лунжанкинскій) представляли единственный матеріалъ для изученія истиннаго значенія такъ называемой каторги. Я поѣхалъ туда съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ Нерчинскомъ краѣ только при этихъ четырехъ промыслахъ (да еще при Петровскомъ желѣзномъ заводѣ) остались тюрьмы собственно каторжныя.

Ночь была до того темна, что мы съ великимъ трудомъ могли распознать, гдѣ кончился лѣсъ и начался перелѣсокъ. Запахъ жилого мѣста, не смотря на жгучій морозъ, вскорѣ далъ намъ знать, что селеніе у насъ уже на носу, а вотъ и самая каторга гдѣ-то тутъ же и очень близко. Откуда-то вырвался звонкій выкрикъ и раскатился въ морозномъ воздухѣ длинною трелью, которой, казалось, и конца не было. Во всякомъ случаѣ, вела эту ноту здоровая грудь съ ненатруженными легкими. На окликъ послѣдовалъ отвѣтъ, который также со звономъ разсыпался въ разрѣженномъ воздухѣ по горамъ и заглохъ только въ перелѣскѣ. У третьяго оборвалась нота безъ трелей: голосъ осѣкся отъ морозной струи, судорожно захватившей крикливое горло. Оклики посыпались одинъ за другимъ. Кричащіе, что пѣтухи, играли въ перегонку, кто кого лучше и чище споетъ, и такихъ очень много! Значитъ, мы на каторгѣ, но распознать за темнотою ничего не можемъ.

Успѣваемъ припомнить прошлогоднее событіе, разсказъ о томъ, какъ на этихъ самыхъ промыслахъ, изъ какой-то тюрьмы вырвался одинъ звѣрь и въ одну ночь, въ разныхъ домахъ, зарѣзалъ пятерыхъ и въ томъ числѣ погубилъ мать съ двумя младенцами, такъ, изъ любви къ чужой крови, безъ всякаго повода и причины. На душѣ становится не совсѣмъ покойно: воображеніе говоритъ, что впереди насъ звѣринецъ, наполненный кровожадными и голодными звѣрями. Къ тому же, звѣринецъ этотъ плохо сколоченъ, дурно и не крѣпко запертъ, но разсудокъ старается увѣрить въ томъ, что, вѣроятно, и здѣсь полагается недремлющій сторожъ, имѣется укротитель. Теперь, въ неопредѣленной темнотѣ, всего этого распознать мы не можемъ, но завтра навѣрное увидимъ.

Тяжелыя, гнетущія сердце мысли не покидаютъ насъ и въ уютной, теплой квартирѣ, до самаго утра, до разсвѣта. Пойдемъ же смотрѣть, что день укажетъ. Вотъ мы и на улицѣ.

На право и на лѣво сильно-подержанныя, покривившіяся утлыя хаты; онѣ идутъ въ порядкѣ, изъ порядковъ образуется улица одна, другая, пятая. Передъ нами цѣлое селеніе, которое только тѣмъ и отличается отъ шилкинскихъ и другихъ, что оно бѣдное, совсѣмъ не подновляемое. Нѣкоторые дома, какъ мазанки, грязноваты снаружи, заборы полуобрушенные. Видно, что голь и бѣдность строились тутъ; видно, она же и теперь тутъ живетъ. Но селеніе это, какъ извѣстно, казенное: вотъ неизмѣнный хлѣбный и соляной амбаръ, съ неизбѣжнымъ часовымъ, товарищи котораго, а можетъ быть и самъ онъ кричалъ такъ усиленно и настойчиво-громко цѣлую прошлую ночь. Но гдѣ же тюрьма, частоколъ, острогъ—жилище главныхъ хозяевъ селенія? Смотрю кругомъ—и не вижу. Вижу опрятнѣе другихъ чистенькій домикъ—вѣроятно, начальника промысла, пристава; вижу другой, почти такой же, можетъ быть, смотрителя тюремнаго. Но гдѣ же тюрьма, когда кругомъ обыкновенные обывательскіе дома, свободные отъ часовыхъ и караула?

— Вонъ и тюрьма!—говорятъ мнѣ, указывая на одинъ изъ домовъ, наружною постройкою похожій на обыкновенныя деревянныя сибирскія казармы. Домъ и я принялъ за казарму, не разглядѣвъ только въ окнахъ ея желѣзныхъ рѣшетокъ, отсутствіе которыхъ въ другомъ сосѣднемъ домѣ характеризировало настоящую, дѣйствительную казарму. Близость тюрьмы объяснилась отчасти сосѣдствомъ гаузтвахты, нѣсколькими физіономіями въ папахахъ, принадлежащихъ сибирскимъ казакамъ.

Но кто же эти люди, которые идутъ мнѣ на встрѣчу? Люди эти безъ кандаловъ, стало быть, не тюремные сидѣльцы, а, по всему вѣроятію, выслужившіе свой срокъ ссыльно-каторжные. Вѣжливо предупреждаютъ они поклонъ нашъ, снимая шапки и кланяясь. А вотъ и сами преступники, побрякивая кандалами, творятъ свое домашнее дѣло: сопровождаемые часовымъ, несутъ они вдвоемъ на палкѣ ушатъ, накрытый тряпками. Изъ ушата этого валитъ паръ и щекочетъ обоняніе знакомымъ запахомъ національнаго „горячаго“, извѣстнаго въ казармахъ подъ названіемъ купоросныхъ щей. И эти преступники вѣжливо снимаютъ намъ шапку: смѣшно намъ за вчерашнія грезы и страхи, и готовы мы оправдаться только тѣмъ, что свѣтъ дневной всякіе страхи гонитъ.

— Хотите вы видѣть каторжнаго, вотъ вамъ первый изъ нихъ!—говоритъ мнѣ приставъ промысла, обязательно вызвавшійся познакомить меня со всею подробностью своей службы.

— Иванушка, поди-ко сюда!—кричалъ онъ встрѣчному.

Изъ воротъ сосѣдняго дома вышелъ человѣкъ въ рваной шапчонкѣ, съ всклоченною рѣденькою бороденкою. Шея его была голая, армячишко совсѣмъ слѣзъ съ плечъ и даже рубаха у него была рваная. На ноги этого человѣка я уже и рѣшимости не имѣлъ посмотрѣть. Иванушку всего подергивало: голова не твердо держалась на плечахъ, онъ то приклонитъ ее къ правому плечу, то быстро отдернетъ къ лѣвому.

Лѣвое плечо ходуномъ ходитъ и самого Иванушку какъ будто всего ведутъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что всѣ его конечности не на своихъ мѣстахъ, и онъ употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобы вправить ихъ кости въ чашки, въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрено ему ладить. По видимому, онъ не тяготится этою работою; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голыя.

— Работа каторжная такъ его изуродовала? Въ серебряныхъ фабрикахъ наглотался онъ ртутныхъ паровъ и качаетъ теперь головою? Принялъ что нибудь такого внутрь, по совѣту доброхота-злодѣя, чтобы умягчить для себя ядовитую болѣзнь или тяжесть каторги, и тѣмъ записать себя въ разрядъ неспособныхъ?

— Ни то, ни другое, ни третье,—отвѣчаютъ намъ:—Иванушку сюда именно такимъ и прислали, готовымъ.

Иванушка былъ передъ нами.

— Гдѣ ты былъ? — ласково спрашивалъ его приставъ.

— Снѣжку отгребалъ, покормили за то! — отвѣчалъ Иванушка и брызгалъ; голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ, лѣвое плечо такъ и приподнялъ онъ до самыхъ ушей.

— А кто ты такой? — продолжалъ разспрашивать приставъ.

— Я... Божій человѣкъ! — гнусливо растянулъ старичокъ.

— Какъ прозываешься-то?

— Поселенцомъ велятъ зваться.

— Откуда ты родомъ?

— Съ Вятки родомъ.

— За что присланъ-то сюда?

— Я и самъ не знаю. Мнѣ бы ужъ домой идти надо. На родину пора... Тамъ у меня тятька съ маткой остались.

— Да вѣдь уже нельзя тебѣ возвращаться-то...

— Можно, говорятъ вонъ тамъ.

Иванушка указалъ рукою на тюрьму.

— Надо, слышь, только бумагу этакую достать. Безъ бумаги-де не пропустятъ и назадъ вернутъ. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Рассею уйти, сколько прошу!! (и въ послѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

— Всякій разъ обращается онъ ко мнѣ съ этою просьбою! — объяснилъ мнѣ приставъ потомъ, когда мы оставили Иванушку.

Вотъ что мы слышали потомъ объ Иванушкѣ. Въ статейныхъ спискахъ (которые сопровождаютъ всякаго ссыльнаго, какъ паспортъ и аттестатъ), онъ показанъ приговореннымъ въ ссылку за скотоложство. Самъ онъ разсказываетъ, что присланъ сюда за расколъ; знающіе люди увѣряли, что расколъ усугубилъ только степень наказанія. Но дѣло станетъ понятнымъ и яснымъ, если представить себѣ, что Иванушка родился боженикомъ (и не только къ какой нибудь умственной, догматической работѣ, но и ни къ какой валовой домашней былъ неспособенъ) и попалъ за то въ пастухи. Обездоленный идіотизмомъ (не помѣшавшимъ, однако, развиться въ немъ грубымъ, извращеннымъ животнымъ инстинктамъ), онъ въ скотскомъ стадѣ впалъ въ тотъ грѣхъ, который увелъ его въ самое дальное мѣсто поселенія. Ближніе судьи судили въ немъ отвлеченную идею, дальніе вершители не видали въ глаза подсудимаго. Приговоръ былъ подписанъ и, вотъ, приведенъ въ исполненіе. Надъ Иванушкою въ тюрьмѣ смѣются, посмѣшищемъ онъ былъ и во всю дорогу по этапамъ. Всѣ его любятъ, всѣ его учатъ, кто чему можетъ, и хорошему и худому. Ходитъ онъ по чужимъ дворамъ просить милостыню. Объ одеждѣ онъ не заботится; одѣнутъ другіе, онъ полагаетъ, что это такъ и слѣдуетъ, и спасибо не скажетъ. На Карѣ Иванушка человѣкъ неспособный и совсѣмъ лишній.

— Дай мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Рассею можно уйти! — просилъ онъ меня, придя ко мнѣ на квартиру.

— Далъ бы я тебѣ такую бумагу, да дать не могу.

— А мнѣ въ тюрьмѣ сказали, что можешь.

— Далъ бы я тебѣ, Иванушка, такую бумагу, которая бы тебя въ богадѣльню увела и тамъ оставила, да не въ силахъ я.

— Въ богадѣльню бы мнѣ хорошо.

— Хорошо, Иванушка, такъ хорошо, что тамъ тебѣ только и мѣсто! Лечить бы тебя — вылечили. Здоровый бы вышелъ, дѣвку бы полюбилъ, полюбилъ бы ты дѣвку, женился бы на ней.

— Нѣту! Я дѣвокъ смерть не люблю, въ дѣвкахъ-то черти-дьяволы сидятъ.

Иванушка мой заплевался, разворчался, сердитъ сталъ не въ мѣру. Самыя судороги его пошли примѣтно-учащеннѣе и озлобленнѣе. Иванушка былъ просто идіотъ и притомъ, по свойству многихъ больныхъ болѣзнями нервными, имѣлъ одно больное мѣсто (антипатію), прикосновеніе къ которому вызывало ожесточенные припадки. Иванушка, по общимъ сказамъ, не любилъ два-три слова и, смирный вообще, при напоминаніи словъ этихъ выходилъ изъ себя, бросалъ чѣмъ ни попало въ равныхъ себѣ и знакомыхъ и бѣгалъ отъ неровней и отъ незнакомыхъ, какъ это онъ сдѣлалъ и со мною. Сдѣлались ли слова эти ненавистными больному съ самаго того времени, когда онъ уразумѣлъ практическій смыслъ ихъ, или напротивѣли они ему до омерзѣнія отъ частаго напоминанія въ насмѣшкахъ досужихъ и праздныхъ товарищей — рѣшить теперь трудно. Иванушка, во всякомъ случаѣ, былъ вѣренъ антипатіи къ словамъ ненавистнымъ и во все время на каторгѣ не измѣнилъ себѣ ни одного раза. Безконечно жалко Иванушку, который, вмѣсто богадѣльни,

попалъ на каторгу, и страшно за него, когда знаешь, что въ сосѣдствѣ съ нимъ живутъ люди настоящіе каторжные. Не прилипнетъ къ нему злодѣйская грязь по причинѣ крайней неподатливости его почвы, но и не вылечатъ его здѣсь отъ болѣзни, для которой въ медицинѣ нашлись бы кое-какія облегчающія снадобья*).

— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжнаго! — говорилъ мнѣ карійскій приставъ, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе необыкновенно правильными чертами лица; въ глазахъ его еще было много жизни, а во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядѣлъ онъ бодро, честно и открыто, шелъ смѣло и увѣренно. Сложенъ онъ былъ превосходно и даже той сутулости, которая характеризируетъ всякаго ссыльнаго, битаго кнутомъ, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда нибудь въ сторону и въ уголъ, мы въ немъ не замѣтили. Наконецъ, той робости, которая велитъ скидавать шапку всякому встрѣчному (что такъ любятъ и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ), въ старикѣ нашемъ также замѣтно не было. Внѣшній видъ расположилъ меня въ его пользу и я готовъ былъ усумниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава, но послѣдній настаивалъ на своемъ:

— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

Самъ старикъ разсказывалъ потомъ:

— Въ Калугѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ямщикомъ убили.

И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ разсказа своего.

— А за что тебя на цѣпь посадили? — спрашивалъ за меня приставъ.

— Сами знаете, ваше благородіе! — отвѣчалъ старикъ и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то же время меня обманула, но я и теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ея, но лицо старика, при дальнѣйшихъ разспросахъ, оставалось невозмутимо спокойнымъ. Думалъ ли онъ на этотъ разъ, что передъ прямымъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрываться нечего, тотъ все знаетъ, или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность и тяжесть котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, сосредоточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ, — старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался. Онъ повѣдалъ другое:

— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

Опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто во свидѣтельство того, что старикъ теперь не боится за себя. Знать „умыкали бурку крутыя горки“.

— Взялъ я его къ себѣ въ водовозы и не нахвалюсь стараніемъ и усердіемъ; запиваетъ иногда, но очень рѣдко!—говорилъ мнѣ приставъ:—У нашего начальника жила въ кормилицахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такою любовью, что иная мать не прилагаетъ столько нѣжности и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искуственною, подогрѣтою любовью замыть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія, но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтяхъ и вотъ уже четвертый годъ такая же неустанная, безсонная, честная и нѣжная работница.

Третій, Мокѣевъ, и также случайно попавшійся намъ на глаза, былъ именно изъ ѣтхъ

*) Петръ I подобныхъ безумцевъ велѣлъ отправлять въ монастыри. Екатерина I этотъ указъ подтвердила, велѣвъ отправлять по надлежащемъ въ тайной канцеляріи наказаніи въ 1727 г. Анна Ивановна, въ 1735 г., преступниковъ, лишившихся разсудка, велѣла также отсылать, въ монастыри «къ неисходному ихъ тамо содержанію и крѣпкому за ними смотрѣнію». Въ 1860 году, кромѣ моего знакомаго, извѣстны были еще два дурачка, изъ которыхъ одинъ помѣшанный, нѣмецъ изъ Риги, присланъ былъ за поджогъ архива, жилъ въ Горной (въ 4 верстахъ отъ Благодатскаго рудника), все время былъ убѣжденъ въ томъ, что живетъ въ 4 миляхъ отъ Риги. Очень часто тайкомъ скрывался, принимая Нерчинскій заводъ за Ригу, рвался и кричалъ, кода его брали для возвращенія на мѣсто водворенія. Здѣсь либо шатался по улицамъ, либо, погруженный въ молчаніе, вперялъ свой неподвижный взоръ въ даль, останавливая его на какой либо точкѣ. Изъ прошлаго осталось одно воспоминаніе объ отцѣ во фракѣ, причемъ онъ всегда простодушно смѣялся. Говорили, что онъ сошелъ съ ума еще въ Ригѣ, вскорѣ послѣ того, какъ его суженая вышла замужъ за другого. Другой сумасшедшій, также признанный неспособнымъ къ работамъ, шатался тамъ же въ рубахѣ, сшитой изъ лоскутьевъ, которые бились отъ вѣтру. Цѣлые дни носился онъ съ корзинкою, наполненною куклами, тряпками и другою ненужною дрянью, принимая все это за имущество, которое тщательно берегъ изъ боязни, чтобы не украли. Присланъ былъ изъ Костромской губ. неизвѣстно за что. Ходилъ по окрестностямъ и искалъ работы и, не находя таковой, занимался покупкою тряпокъ, не покидая надежды найти работу; надъ нѣмцемъ любилъ подсмѣиваться и не удостоивалъ его разговоромъ, называя его дуракомъ. Нѣмецъ почиталъ блаженствомъ получить трубку табаку; костромичъ былъ доволенъ, когда накормятъ его. Костромичъ любилъ ходить безъ шапки, нѣмецъ носилъ громадную шляпу, но сквозь одежду его также сквозило голое тѣло.

боязливыхъ и робкихъ, которые привыкли прятать свой взглядъ, привыкли быть замкнутыми и не откровенными на любой изъ вызывовъ вашихъ. Ссыльный этотъ писалъ, напр., стихи, и одно время исполнялъ даже обязанность полкового піиты: написалъ по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Онъ же сочинилъ цѣлую тетрадку виршей, посвященныхъ описанію всяческаго быта ссыльнаго въ тюрьмѣ и за тюрьмою. Я долго упрашивалъ его подѣлиться плодами его досуговъ, въ разсчетѣ встрѣтить въ немъ одного изъ тѣхъ сочинителей пѣсенъ, которые приготовляютъ на тюремный обиходъ казарменныя новыя пѣсни въ замѣнъ старыхъ народныхъ, но получилъ отвѣтъ, что стихи онъ забылъ, а тетрадку зачитали товарищи. При дальнѣйшихъ просьбахъ, я добился только обѣщанія принести на-дняхъ; ждалъ я недѣлю и тетрадки все-таки не получилъ. Мокѣевъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы по дѣлу объ ограбленіи и умерщвленіи какого-то купца, гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ, и принесъ съ собою рекомендательныя письма. По письмамъ этимъ онъ обвинялся только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Письма говорили, между прочимъ, и то, что онъ, нося веселое званіе купеческаго сына или брата, велъ, въ то же время, и жизнь, приличную этому званію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребковъ. Онъ жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощились отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабакъ, въ кабакѣ онъ попалъ на развеселыхъ товарищей, которые образовали шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и подсластить пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого друзья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежомъ, они сгоряча и въ противоборствѣ совершили убійство, но безъ участья Мокѣева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцъ, не давшій во время знать начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные присылали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ судей. Мокѣевъ успѣлъ затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги наживать началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездольѣ и роднѣ—и запилъ. Запой сокрушилъ всѣ его средства; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько ни валили потомъ щебня въ болото, гати не сдѣлали; разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смывала всѣ преграды. На время (и только на время) пріостановилась было вода на мельницѣ, не рвала гати и обѣщала по ней прямое и надежное русло туда, куда надо: Мокѣевъ полюбилъ вольную казачку, полюбился и ей, и женился. Торговля опять пошла на ладъ, колеса на мельницѣ завертѣлись, мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ и опять прорвало плотину. Суетилась жена, хлопотали сосѣди, суетились и хлопотали много и долго, а добились одного только, что больной сталъ пить не загулами, а запоемъ, что, какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталъ Мокѣевъ человѣкомъ убитымъ и потеряннымъ; и скрежещетъ теперь зубами на свою шаль и дурь, и жену любитъ и всѣми сосѣдями былъ бы любимъ за кроткій податливый нравъ, да слабость свалила и не позволяетъ встать на ноги. Мокѣевъ теперь на все рукою махнулъ.

— Нечего съ нимъ не подѣлаешь, — говорила жена его: — самый безпутный человѣкъ! Пѣсни писать пуще прежняго началъ, станетъ тебѣ читать какую, слезой прошибетъ. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣе ложился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера пьянехонекъ домой пришелъ и завтра такой же будетъ.

Отдѣльно взятыя случайныя личности мало значатъ. Живя на свободѣ, онѣ могли утратить много того, чѣмъ отличается настоящій каторжный, да и жизнь на свободѣ, хотя и подлѣ самыхъ воротъ каторги, далеко не каторга. Про людей, вышедшихъ изъ тюрьмы, и самые сосѣди многого не скажутъ: многое забыли они, многое стараются забыть, зла не помня. И сами мы намѣрены не біографіи писать, мы хотимъ видѣть каторгу.

Каторги, однако, мы видѣть не могли. Постоянные холода, стоявшіе все время ниже 30°, и человѣколюбіе горныхъ офицеровъ задержали работы на разрѣзѣ до благопріятнаго времени. Каторжныхъ изъ тюрьмы не выпускали, кромѣ нарядовъ на легкія и недолговременныя работы. Тѣмъ лучше, стало быть, мы увидимъ тюрьму въ полномъ составѣ и сборѣ. Идемъ туда.

Вотъ эта тюрьма Нижняго Карійскаго промысла у насъ передъ глазами. На тюрьму, въ томъ смыслѣ, какъ бы хотѣло представлять наше воображеніе, она не похожа. Нѣтъ даже и того казеннаго вида, какимъ поражаетъ всякій старый этапъ по сибирскимъ дорогамъ. Нѣтъ этихъ заостренныхъ сверху бревенъ, плотно приставленныхъ одинъ къ другому, черныхъ, погнившихъ, нѣтъ и этихъ огромныхъ воротъ по срединѣ, съ низенькою захватанною калиткою и двумя полуразвалившимися будками по обѣимъ сторонамъ скрипучихъ, громадныхъ, тяжелыхъ воротъ, которыя отворяются только два раза въ недѣлю, чтобы проглотить и потомъ выбросить проходящую партію. Карійская тюрьма глядитъ рѣшительною казармою и много-много

если она похожа на такую, гдѣ существуетъ такъ называемая сибирка, кутузка—мѣста для временнаго полицейскаго ареста. Снаружи казарма эта очень ветхая и даже не видать, чтобы она была недавно починена. Рѣшетки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полинялая, но за то все остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности.

— Ефрейтора!—закричалъ надъ нашимъ ухомъ часовой солдатъ, стоявшій у наружной двери.

Явилось требуемое лицо. Наряжены были еще двое конвойныхъ съ ружьями и пущены впередъ.

— Старосту!—закричалъ сзади насъ въ свою очередь ефрейторъ.

Явился и староста, съ бритою на половину головою, съ угодливостью въ лицѣ, съ судорожными движеніями во всемъ тѣлѣ, какъ будто готовый летѣть, растянуться въ воздухѣ по первому призыву и приказу начальника.

Передъ нами отворилась дверь и, словно изъ погреба, въ которомъ застоялась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насъ облила струя промозглаго, спершагося, гнилого воздуха, теплаго, правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переводили послѣднее, съ трудомъ могли опомниться и придти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ наръ всѣ закованныя ноги и тотчасъ же, тутъ подлѣ, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по солдатски. Многіе были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ серединѣ которой въ два ряда положены были деревянныя нары; тѣ же нары обходили кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизбывный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держатъ людей для казенной надобности въ артелѣ, въ ротахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кое-какія лоскутья, рвань, тоненькіе какъ блинъ матрацы, измызганные за долгій срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, не имѣющая никакой цѣны и достоинства собственность людей, лишенныхъ добраго имени, лишенныхъ той же собственности. Вопіющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастье, которыя, въ добавокъ, еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышатъ отравою его до цынги, ступаютъ босыми ногами съ жесткихъ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола превзошла всякое вѣроятіе: на немъ пальца на два (буквально) накипѣло какой-то зловонной слизи, по которой скользили наши ноги, не разъ ходило сильное властью и средствами начальство и не замѣчало, а если и замѣчало—то навѣрное забыло. Половина смрада въ казармѣ копилась на полу и наполнила потомъ всю ее до самого потолка, который также оказался неспособнымъ отправлять свою трудную службу. Отворялись и форточки, но не помогали дѣлу ни мало; топятся и уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. Вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные повадкою, охотно прибиваемъ ко всякому мѣсту, которое сквозитъ, свиститъ и просвѣчиваетъ, не въ загрунтовкѣ мѣстъ, которыя проболѣли до того, что заразились гноемъ и сочатся гнилою, порченною кровью, вся сила—въ коренной перетрускѣ стараго и въ рѣшительномъ созданіи новаго. На прежнемъ мѣстѣ, пожалуй, но свѣжая казарма должна быть, во что бы то ни стало, и притомъ не по старому образцу и не старыми балованными руками сдѣланная, а по образцамъ новымъ, руками не запачканными, но чистыми, не выверченными изъ вертлюговъ на безполезныхъ работахъ, но здоровыми и сильными, которыя зла не творили, а за добромъ давно тянутся и всякому живому гуманному движенію давно уже распростерли горячія объятія *). Еще долго проживутъ каторжные въ своихъ вонючихъ и сырыхъ норахъ, пока и до нихъ добѣжитъ лучъ свѣта по казеннымъ инстанціямъ, послѣ множества бумажныхъ справокъ и выправокъ.

— А дай-то Богъ, чтобы поскорѣе время шло!—говоритъ каторжный, въ ожиданіи тюрем-

*) Лѣтомъ 1857 года въ тюрьмахъ карійскихъ гнѣздилась повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ ста пудовъ золота, когда всѣ ссыльные каторжные сгруппированы были здѣсь и размѣщены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатѣ было то, что свыше тысячи человѣкъ умерло да въ архивахъ есть свидѣтельство мѣстнаго лекаря. Онъ писалъ, что причина тому «больше всего обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри оныхъ». Мѣрою къ исправленію лекарь полагалъ просушку зданій, а для того совѣтовалъ на два лѣтнихъ мѣсяца открывать окна или, лучше всего, вовсе выставить рамы до 20 числа августа. «Для осушенія болотистаго грунта полезно было бы провести по близости около оныхъ тюремъ канавы. Для будущаго лѣта запасти нынѣшнимъ солсній черемши (дикаго чесноку)». Прошло десять лѣтъ и на Карійскихъ промыслахъ тѣ же порядки, тѣ же тюрьмы, а съ ними та же цынга съ раннихъ весеннихъ мѣсяцевъ до глубокихъ осеннихъ. Вотъ сравнительная таблица больныхъ цынгою по мѣсяцамъ: къ апрѣлю цынготныхъ 37, заболѣваетъ вновь 2; къ маю 39, вновь 4; къ іюню заболѣваетъ вновь 11, выздоравливаютъ 7; къ іюлю заболѣваетъ вновь 26, выздоравливаетъ 3, умираетъ 1; въ августѣ выздоравливаетъ 8. Въ октябрѣ, изо всего числа остается больныхъ только 7 человѣкъ. Замѣчательно, что рѣдкій изъ пріѣзжихъ, хотя бы велъ и регулярную жизнь, не заболѣваетъ цынгою, много черезъ годъ. За цынгою и отъ нее нерѣдки случаи гнилости во рту (водяного рака). Кислое молоко (простокваша), вино, настоенное березовыми почками, табакъ, дикій хрѣнъ — обыкновенныя домашнія средства.

наго срока содержанія; старательно клеитъ онъ и терпѣливо ладитъ себѣ балалайку или скрипку, ради утѣхи и возможнаго сокращенія досаднаго, безполезнаго времени тяжелой, скучной каторжной жизни.

Снялъ онъ намъ съ гвоздочка скрипку свою, далъ осмотрѣть, дернулъ смычкомъ по струнамъ—ничего!

— Пѣсни къ этой скрипкѣ голосомъ не подладишь, а плясать можно.

— За что ты попалъ сюда?—спросилъ я перваго попавшагося мнѣ на глаза арестанта.

— Лошадь своровалъ, много чужой лошадь своровалъ!—отвѣчалъ татаринъ.

— А ты за что?

— Заграницной матеріи наси евреи возили...—началъ было выясняться передъ нами обитатель западной русской границы, да перебилъ его другой досужій и знающій:

— А кто контрабанду черезъ границу возилъ и въ таможенную стражу изъ ружей стрѣлялъ, двухъ солдатъ положилъ на мѣстѣ?

Смолчалъ еврей.

— А ты за что?

— А я, ваше сіятельство, совсѣмъ понапрасну. Спрашивалъ я у начальства, ничего не сказали. Наказаніе получилъ, сюда привели. Ей Богу, лопни глаза мои! занапрасно попалъ.

Арестантъ забожился, а въ рѣзкомъ акцентѣ его выяснился для насъ цыганъ, пришедшій сюда, по всему вѣроятію, за что нибудь покрупнѣе конокрадства; можетъ быть, за грабежъ на большой дорогѣ, подлѣ которой стояли родичи его таборомъ.

— Не хотите ли,—предлагаютъ намъ:—задаться задачей пройтись по губерніямъ. Спросите изъ любой представителя, изъ всякой можемъ представить. Выбирайте наугадъ!

Подвернулась первою на память Кіевская—нашлось цѣлыхъ трое. Прошлись по Волгѣ отъ вершины до устья, отозвались отъ каждой изъ девяти губерній по одному; на Симбирскую выкрикнули опять трое.

— Такъ и должно быть,—поясняютъ намъ:—изъ густо населенныхъ губерній захлопнетъ наша западня всегда не меньше одной пары, и при этомъ всегда больше другихъ отличаются югозападныя, а изъ приволжскихъ — Симбирская. Впрочемъ, больше идутъ и погуще даютъ преступленія губерніи ближнія къ Сибири: Оренбургская и особенно Пермская, изъ Вятской поменьше. Изъ Финляндіи и инородцы чаще попадаютъ на поселеніе и если являются къ намъ, то не прямо съ родины, а уже съ мѣстъ поселенія. Замѣчаемъ, что Тобольская губернія преступнѣе всѣхъ и сердитѣе.

— Можемъ утѣшить васъ вотъ чѣмъ: изъ губерній глухихъ и лѣсныхъ, каковы Архангельская, Вологодская и Олонецкая, мы на столько рѣдко получаемъ къ себѣ паціентовъ, что я вотъ въ 12 лѣтъ ни одного не принялъ оттуда. Людей этихъ мѣстностей не знаю и родовъ болѣзней ихъ объяснить себѣ не могу. Изъ инородцевъ не видимъ вовсе лопарей, самоѣдовъ, остяковъ и тунгусовъ; въ Березовѣ даже и тюрьмы не существуетъ. Татаринъ идетъ къ намъ заурядъ со всѣми, обвиненный по роду тѣхъ преступленій, которыя водятъ на каторгу. Кавказскіе горцы идутъ за грабежи, а киргизы, кромѣ этого, ни въ какомъ уже иномъ преступленіи и не завиняются; баранта у нихъ—племенная добродѣтель, какъ у голодныхъ горцевъ набѣгъ. Еврей рекомендуется больше контрабандистомъ, цыганъ мы привыкли понимать за конокрада и ужъ давно цыганъ проговорился, что краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленной обходится. Другіе инородцы для насъ безразличны.

— Женщины приходятъ къ намъ за убійство дѣтей, но чаще за поджоги. Поджогъ также преступленіе дѣтей. Стариковъ мы знаемъ, какъ кровосмѣсителей и растлителей, получали ихъ также за ересь и расколъ.

— Разбирая преступниковъ по возрастамъ, мы имѣемъ таблицу, которая говоритъ намъ, что сосланные до 40 лѣтъ составляютъ 0,65% всего количества, отъ 40 до 50 лѣтъ 0,2; отъ 50 до 60 лѣтъ 0,8 и выше 60 лѣтъ 0,025.

— Соображая по состояніямъ и по отношенію ссыльныхъ къ общей числительности того и другого сословія, мы можемъ увѣренно сказать и доказать, что преступленія тяжкія, ведущія прямо къ намъ, всего чаще совершаются мѣщанами и солдатами — сословіями искуственно созданными. Они, вмѣстѣ съ другими, значительно облегчаютъ тяжесть упрека, который привыкли валить на крестьянъ, и въ сильной степени ослабляютъ въ общей цифрѣ обвиненіе ихъ въ черныхъ и тяжкихъ преступленіяхъ. Вотъ, не угодно ли вамъ будетъ провѣрить слова наши хоть на промыслахъ нашихъ, хоть, пожалуй, и здѣсь въ тюрьмѣ.

Узнавать въ короткихъ и скороспѣлыхъ вопросахъ мы не рѣшились, да къ тому же и не имѣли этого въ виду, а задавали вопросы по вызову со стороны пристава и для того, чтобы сдѣлать что нибудь въ отвѣтъ на любезную предупредительность и имѣть больше времени осмотрѣться и познакомиться съ наружнымъ видомъ каторжной тюрьмы. Спрашивать самихъ арестантовъ объ ихъ преступленіяхъ намъ казалось не ловкимъ и не деликатнымъ (мы въ этомъ и каемся теперь). Да притомъ же, давно и хорошо извѣстно, что они никому и никогда не говорятъ истинной причины ссылки, стараясь затемнить ее окольнымъ показаніемъ или новымъ сочиненіемъ. Къ правдѣ не пріучили ихъ прежнія слѣдствія наши и отбили всякую охоту тюремные обычаи и тюремная наука.

Разспросы свои мы прекратили, въ разсчетѣ

и съ надеждою серьезнымъ изученіемъ провѣрить наблюденія нашихъ проводниковъ (чего мы и достигли впослѣдствіи). На этотъ же разъ рѣшились прекратить и самое пребываніе въ тюремной казармѣ, гдѣ уже оставаться становилось не въ мочь головѣ и легкимъ (голова разболѣлась, грудь защемило), до того съ непривычки удушливо-тяжела была тюремная атмосфера! Какимъ же образомъ живутъ въ ней люди, что они успѣваютъ тамъ дѣлать и чѣмъ вознаграждаютъ себя за эти лишенія и мученія? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ мы принуждены были искать на сторонѣ, узнавать отъ людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу, и если не слишкомъ заинтересованныхъ имъ, то и не совсѣмъ чуждыхъ. Отъ нихъ мы узнали многое. Все это многое мы провѣрили отчасти собственнымъ наблюденіемъ (насколько это позволяли обстоятельства), отчасти выяснили себѣ по архивнымъ бумагамъ, по разсказамъ самихъ ссыльныхъ, по свидѣтельствамъ ихъ приставниковъ. Все, что досталось намъ въ добычу, несемъ на общій судъ и вниманіе.

Всѣхъ ссыльно-каторжныхъ, находившихся въ то время на Карійскихъ промыслахъ, насчитывалось около 1200 человѣкъ (во всемъ же нерчинскомъ округѣ до 4 тысячъ). Всѣ карійскіе содержались въ четырехъ тюрьмахъ и размѣщены были почти въ одинаковомъ числѣ въ двухъ тюрьмахъ при Среднемъ и Нижнемъ промыслахъ, въ меньшемъ числѣ въ тюрьмѣ Лунжанкинскаго промысла, а самое меньшее, сравнительно, число помѣщено было въ тюрьмѣ Верхняго промысла. Эта послѣдняя тюрьма находилась прежде въ самомъ селеніи, но, по удаленіи промысловыхъ работъ (въ 1850 году), она перенесена на новое мѣсто, вверхъ по теченію золотоносной рѣки Кары, на одну версту отъ центра промысла, къ подножію горы. Въ тюрьмѣ этой 8 комнатъ, изъ которыхъ каждая способна вмѣщать не болѣе 50 человѣкъ. Средняя тюрьма, построенная въ 1851 году, находится въ самомъ селеніи (Средне-Карійскомъ) и походитъ на первую: лицевая сторона ея также не забрана палями. Лунжанкинская тюрьма, по удаленіи промысловыхъ работъ, перенесена въ 1856 году вверхъ по рѣчкѣ, давшей свое названіе промыслу, за три версты и поставлена на мѣстѣ, называемомъ Коврижка. Это—самая маленькая изо всѣхъ тюремъ (только съ двумя комнатами), но за то прочнѣе прочихъ; при ней службы еще весьма удовлетворительны *).

Вотъ оффиціальное топографическое описаніе тюремъ, которое потребуетъ отъ насъ дополненій.

Каждая тюрьма имѣетъ при себѣ непосредственнаго начальника, должностное лицо государственной службы, смотрителя. Каждому смотрителю дается помощникъ, извѣстный подъ именемъ тюремнаго надзирателя. Кромѣ того, каждая тюремная артель выбираетъ изъ среды себя старосту (на 40 человѣкъ арестантовъ полагается одинъ такой выборный). Староста получаетъ отдѣльный нумеръ отъ прочихъ и онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и артельный экономъ, обязанный заботиться о пищѣ, и помощникъ надзирателя (субъ-инспекторъ), обязанный быть комнатнымъ соглядатаемъ и фискаломъ. Старостъ этихъ, такимъ образомъ, въ каждой тюрьмѣ, судя по числу заключенныхъ, находится 3, 4 и 5 человѣкъ. Надъ ними полагается еще одинъ набольшій, старшій староста, который на тюремномъ языкѣ называется общимъ.

Такова должностная іерархія и тюремная бюрократія. А вотъ какова и вся процедура ихъ обязанностей, въ краткихъ и общихъ чертахъ, набросанныхъ однимъ изъ смотрителей карійскихъ тюремъ. „Смотритель, — говоритъ онъ:—завѣдуетъ, какъ хозяйственною, такъ и письменною частью. Надзиратель заботится о пищѣ и объ одеждѣ арестантовъ и, кромѣ всего этого, ведетъ отчетность. Поутру, въ назначенные часы для работъ, онъ идетъ на р а с к о м а н д и р о в к у въ тюрьму. По приходѣ съ караульнымъ урядникомъ строитъ всѣхъ арестантовъ въ строй, дѣлаетъ перекличку по имѣющейся у него табели, чтобы узнать, всѣ ли арестанты на лицо (точь въ точь, какъ дѣлалось это на этапахъ). Кончивъ таковую, сдаетъ партіи военному караулу, наряженному въ конвой. По уходѣ арестантовъ на работу, онъ выдаетъ старостамъ провизію на день, слѣдующую по желанію, которая принимается заблаговременно имъ отъ коммиссара промысловъ *).

*) Нижній промыселъ отъ рѣки Шилки и устья рѣки Кары находится въ разстояніи 15 верстъ, Нижній отъ Средняго въ 5 верстахъ, Средній отъ Верхняго въ 3-хъ.

*) Каждому арестанту полагается по фунту мяса лѣтомъ и по 3/4 ф. въ прочее время, 1/4 ф. крупы и 10 золотн. соли. Правда, что они ѣдятъ и щи, и картофель и лукъ, но за то все это покупается на собственныя арестантскія деньги, заработываемыя въ праздничные дни. На это же идутъ и тѣ деньги, которыя получаются артелями за перевозку тяжестей на артельномъ рогатомъ скотѣ, и тѣ проценты, которые накопляются съ разныхъ ссудъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ изъ артельной экономической суммы (въ 1860 г. остатки ея простирались до 2781 р. 26 3/4 к.). Весь доходъ тюрьмы состоитъ изъ платы, заработываемой арестантами въ праздничные дни. Каждый изъ нихъ получаетъ въ мѣсяцъ изъ окладовъ: рабочіе по 75 к. и мастеровые третьей статьи—1 р., второй—1 р. 50 к., первой—2 р. Казна даетъ отъ себя только кормовыя деньги 5 к. въ сутки и 4 ф. печенаго хлѣба. Лѣтомъ, во время промысловъ, идетъ 5 ф. хлѣба и по 1 ф. мяса. Больнымъ выдается половинный окладъ платы безъ кормовыхъ и провіанта; остальная часть удерживается въ уплату лазаретной пищи. По выпускѣ изъ тюрьмы, слѣдующая изъ артельныхъ суммъ выдается каждому на руки. «Точно также и тѣмъ, которые хорошимъ поведеніемъ заслужили довѣріе, по-

Окончивъ все это, онъ идетъ въ канцелярію тюремнаго смотрителя разводить арестантовъ по работамъ по имѣющемуся у него журналу (о выводѣ арестантовъ на работу), и въ оном отбирается росписка съ военнаго караула относительно принятія арестантовъ на работы, а потомъ уже составляется кормчая табель, въ коей показывается число людей, ушедшихъ на работу, и пища, употребленная для нихъ. Съ нею идутъ на рапортъ къ смотрителю. Вечеромъ, когда арестанты сойдутъ съ работы, надзиратель дѣлаетъ счетъ, всѣ ли приведены съ работъ, и по завѣркѣ кладетъ о принятіи свою росписку въ вышеупомянутомъ журналѣ".

Приводя эти строки, мы съ намѣреніемъ остановились на тѣхъ подробностяхъ, какія даютъ онѣ намъ. По видимому, не можетъ быть ничего однообразнѣе жизни арестантовъ, и не даромъ у нихъ существуетъ поговорка: „каторжный—хлѣбъ кончалъ, сухарь кончалъ, казенной службы не могъ кончать". Но, тѣмъ не менѣе, заключенные всегда находятъ средства разнообразить свою жизнь и первое утѣшеніе представляетъ имъ пѣсня. Дѣйствительно, тюремный сидѣлецъ поетъ на каторгѣ съ великаго горя кручинныя пѣсни и любитъ онъ въ досужій часъ эти пѣсни. Съ любовью бросается онъ и на дѣланныя, сочиненныя. Поетъ онъ и тѣ, которыя искренно вылились у какого нибудь горемыки въ крайнюю минуту искренняго, неподкупнаго вдохновенія *).

Въ какой бы формѣ не привелось выливать свое тюремное горе, которое, главнымъ образомъ, сказывается въ лишеніи свободы, испытывается въ недостаткѣ участія со стороны милыхъ сердцу, какъ бы строго ни преслѣдовалась пѣсня, арестанты часто поютъ пѣсни хоромъ, а въ одиночку всегда и каждый вечеръ:

Бывало у соколика времячко:
Леталъ-то соколъ высокохонько,
Высокохонько леталъ по поднебесью.
Ужъ-то онъ билъ-побивалъ гусей-лебедей,
Гусей-себедей, утокъ сѣрыхъ.
А нонѣ соколу время нѣту:
Сидитъ-то соколъ во поимани,
Во той во золотой клѣточкѣ,
На серебряной сидитъ на шесточкѣ,
Рѣзвы его ноженьки во опуточкахъ.

Или:

Перекрѣпъ-то, перезябъ я, добрый молодецъ,
Стоючи подъ стѣнкой бѣлокаменной,
Глядючи на городъ на Катаевской.
У города воротцы крѣпко заперты,
Они крѣпко заперты воротцы—запечатаны.
Караульные солдатушки больно крѣпко спятъ,
Крѣпко больно спятъ солдатушки—не пробудятся.
Одна лишь не спитъ красна-дѣвица,
Красна дѣвица—королевска дочь.
Брала она со престолику короночку,
Надѣвала ее на свою буйну головушку,
Еще брала со престолику златы ключи,
Отмыкала-отпирала каменну тюрьму,
Отпускала невольниковъ-подтюремщиковъ.

Пока „красная дѣвица—королевская дочь" въ воображеніи только, а „златы ключи на престоликѣ" въ пѣснѣ хороши отвлеченнымъ смысломъ своимъ и безъ всякаго практическаго примѣненія: ворота тюремныя, дѣйствительно, крѣпко заперты и караульные солдаты всю ночь не спятъ. Бдительность дозора ихъ, приправленнаго крѣпкимъ и строгимъ наказомъ, до того сильна и закончена въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, что для арестантовъ нѣтъ другого исхода, кромѣ покорности, подчиненія и надежды не на настоящее, а на будущее. Конечно, покорность эта только временная и подчиненіе условное, но арестанты все-таки видятъ строгость надзора, неумолимость наказанія за проступки и ищутъ утѣшенія, по свойству человѣческой природы, въ другихъ путяхъ и средствахъ. Средства эти они находятъ въ собственной натурѣ, въ натурѣ русскаго человѣка, и гнету и преслѣдованіямъ сверху сопоставляютъ сильный оплотъ и противодѣйствіе снизу, въ средѣ своей. Противоборство это заключается въ такъ называемой артелѣ тюремной, въ арестантской общинѣ. Община эта ладится плотно, очень скоро и просто. Правила для нее Богъ вѣсть когда и кѣмъ придуманы, но уже приняли опредѣленную и законченную форму. Форма эта, по долгому опыту, состоятельна при практическомъ примѣненіи, а существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Арестанты этого не скрываютъ и, можетъ быть, утаивая мелкія подробности, объявляютъ общія черты, по которымъ можно составить приблизительное описаніе. Описаніе это мы основываемъ на разсказахъ самихъ преступниковъ и провѣряемъ свѣдѣніями, сообщенными намъ тюремными приставниками на словахъ и въ оффиціальныхъ бумагахъ.

Одна и та же участь, равная степень наказанія, поразительное до мельчайшихъ подробностей сходство житейской обстановки — все это, естественнымъ образомъ, помогаетъ сближенію, дѣлаетъ это сближеніе не только возможнымъ,

---

купаются одежныя вещи и припасы смотрителемъ. Одежда приготовляется при промысловомъ цехѣ и выдается на сроки. На два съ половиною мѣсяца: холщевая рубаха, суконные порты, три пары юфтевыхъ чирковъ (вм. сапоговъ) и пара рукавицъ. На годъ поступаютъ арестанту: шинель сермяжнаго сукна и поддевка сукменная». Разсчитано примѣрно, что содержаніе всякаго арестанта на артельныя деньги обходится въ годъ въ 33 р. 22 к. «Но рѣдко случается (особенно въ лѣтнее время при разрѣзныхъ работахъ), чтобы арестанты вынашивали одежду въ срокъ, особенно чирки и рукавицы, которыя отъ гальки и мокроты глины не служатъ и двухъ недѣль».

Свѣденія эти мы взяли изъ описанія тюремъ Шилкинскаго округа, сдѣланнаго однимъ изъ смотрителей этихъ тюремъ.

*) По возможности полный сборникъ тюремныхъ пѣсенъ (на большую часть сибирскихъ, на меньшую русскихъ) читатель найдетъ въ приложеніи къ этому тому.

но даже и совершенно необходимымъ, по силѣ закона: „дружно — не грузно, а врозь — хоть брось“. Сближеніе это, при одинаковой степени нравственнаго развитія и душевнаго настроенія, совершается тѣмъ скорѣе, чѣмъ вѣроятнѣе усталость и уступка со стороны противодѣйствія. Сближеніе становится прочнымъ и дѣйствительнымъ по мѣрѣ того, какъ преслѣдованіе дѣлается озлобленнѣе, а стало быть и бездарнѣе и недальновиднѣе. Пользуясь всякимъ благопріятнымъ моментомъ, тюремная община, не вѣдающая усталости, не желающая отдыха, накопляетъ внутри себя силы и притомъ въ такомъ количествѣ, что, при напорѣ ихъ, по неволѣ должны уступить всякія внѣшнія противоборства, хотя бы они и велись систематически. Кажется, сколько глазъ слѣдятъ за преступниками, сколько законовъ, правилъ и постановленій обрушилось на нихъ въ теченіи недолгаго времени, и все-таки тюремная община живетъ своею самостоятельною особенною жизнью. Она цѣла и самобытна, не смотря даже на то, что тюрьма не вѣчная неизбывная квартира, что она скорѣе постоялый дворъ, гдѣ однѣ лица смѣняются другими новыми. Правила для тюремной общины какъ будто застываютъ въ самомъ воздухѣ, какъ будто самыя тюремныя стѣны пересказываютъ ихъ. Преемственная передача убѣжденій, жизнь старыми преданіями, на вѣру, едва ли сильнѣе въ другой какой общинѣ.

Закономъ для всякой арестантской артели полагается выборный изъ среды преступниковъ— староста. Онъ, прежде всего, заботится о приготовленіи пищи товарищамъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ экономомъ. Въ его рукахъ скопляется вся сумма денегъ, образуемая изъ доброхотныхъ подаяній; вотъ и казначей. Староста—отвѣтственное лицо за проступки всей артели передъ начальствомъ, которое обязываетъ себя глядѣть на него, какъ бы на лицо оффиціальное и должностное, а по уставу—даже и утверждаетъ его въ этомъ званіи. Въ случаѣ, если бы онъ рѣшился скрыть какое нибудь преступленіе, затѣянное недовольными и обиженными арестантами, задумалъ бы не сказать о проступкѣ одного изъ нихъ, за все про все отвѣчаетъ онъ, староста. Отвѣчаетъ онъ своею спиною, но не лишеніемъ мѣста. Лишить его званія, отрѣшить отъ должности начальство безъ согласія всей артели не можетъ, точно такъ же, какъ выборный въ старосты, изъ уваженія къ общинѣ, дѣлающей ему такую честь и довѣріе, отказаться отъ должности не имѣетъ права. Условія взаимнаго уваженія, основаннаго съ одной стороны на довѣріи и съ другой на благодарности, одинаковую имѣютъ силу и въ обществѣ преступниковъ, какъ и во всякомъ другомъ.

Такимъ образомъ, староста стоитъ между двухъ огней. Та и другая сторона заявляетъ на него свои права, та и другая требуетъ исполненія обязанностей. Обязанности эти или, скорѣе, угожденія, въ сущности своей, діаметрально противоположны другъ другу. Какъ быть? Какъ выпутаться?

А на что же существуетъ община? отвѣтимъ мы на эти два вопроса также вопросомъ. Тюремная община держитъ своего старосту въ границахъ, положенныхъ его обязанностями: позволяетъ ему принимать съѣстные припасы и подаянія, хранить артельныя деньги — и только. Этимъ власть его и ограничивается; и тѣни нѣтъ вліянія на нравственную сторону заключенныхъ. Арестанты опасаются навязать себѣ агента своихъ блюстителей, а потому отъ старосты требуется чрезвычайная осторожность и глубокая осмотрительность. Всякій изъ нихъ долженъ знать, что множество глазъ заботливо слѣдятъ за всѣми его дѣйствіями и съ особеннымъ вниманіемъ за сношеніями его съ тюремными властями. Малѣйшая ошибка (простая, преднамѣренная), и староста смѣняется.

— Я бывалъ свидѣтелемъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ заключенныхъ), какъ смѣняемыхъ старостъ прогоняли сквозь строй жгутовъ (наказаніе, по сказанію самихъ виновныхъ, могущее поспорить съ таковымъ же оффиціальнымъ наказаніемъ, послужившимъ первому образцомъ и примѣромъ). Смѣщенный староста подвергается затѣмъ общему презрѣнію, самому тяжкому изо всѣхъ нравственныхъ наказаній, какія только могутъ быть придуманы въ мѣстахъ заключенія. Въ старостахъ, по избранію арестантовъ, чаще всего является тотъ изъ нихъ, который и у свободныхъ людей носитъ прозваніе сквозного плута и который прошелъ въ тюрьму сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы, а въ тюрьмѣ съумѣетъ не остаться между двухъ наголѣ, напоитъ и вытрезвитъ, обуетъ и разуетъ.

Такимъ образомъ, ябеда, доносъ—самое нетерпимое изо всѣхъ тюремныхъ преступленій. Хотя ябедникъ и доносчикъ тамъ явленіе очень рѣдкое, но, тѣмъ не менѣе, бывалое и если больного этою трудно-излечимою болѣзнью не вылечатъ два испытанныхъ средства (каковы жгуты и презрѣніе), то его отравляютъ растительными ядами (обыкновенно дурманомъ). Къ исключительному средству этому прибѣгаютъ примѣчательно рѣдко и въ такомъ только случаѣ, когда начальство не имѣетъ средствъ или не сдается на просьбы товарищей и не перемѣститъ виновнаго въ отдѣльный покой или (если есть) въ другую тюрьму.

Товарищество соблюдается свято и строго и въ тюрьмѣ, какъ соблюдается оно, напр., во всѣхъ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ также часто мелкій проступокъ возводится на степень преступленія, гдѣ также излишняя строгость вызываетъ неизбѣжную скрытность, какъ единственное подручное орудіе протеста. Въ этомъ отношеніи у корпусовъ, пансіоновъ и институтовъ сходство

въ пріемахъ съ пріемами тюремными поразительно. Грани сходятся и только въ результатахъ они, естестественнымъ образомъ, должны расходиться и расходятся. Преступники идутъ дальше по пути преслѣдованія виновныхъ, идутъ смѣлѣе и рѣзче, какъ то и подобаетъ людямъ крѣпкаго житейскаго закала, сильныхъ и крупныхъ характеровъ и страстей.

Арестанты виноватаго (но не уличеннаго) товарища ни за что и никогда не выдадутъ. Уличенный, но не пойманный съ поличнымъ, въ преступленіи своемъ никогда не сознается и не было примѣра, чтобы пойманный въ извѣстномъ проступкѣ выдалъ своихъ соучастниковъ; онъ принимаетъ всѣ удары и всю тяжесть наказанія на себя одного. Равнымъ образомъ, если арестантъ и попался съ поличнымъ, оказался совершенно виновнымъ и смотритель его наказываетъ, арестанты довольны и не препятствуютъ исполненію приговора, слѣпо вѣруя, что наказаніе научитъ ихъ товарищей другой разъ быть осторожнѣе, заставитъ его потомъ концы хоронить подальше и повѣрнѣе.

Стремясь къ согласію и возможной дружбѣ, заботясь объ единодушіи, какъ главныхъ основаніяхъ всякаго товарищества, тюремная артель не терпитъ строптивыхъ, черезчуръ озлобленныхъ, сутягъ и всякаго рода людей безпокойныхъ. Бывали примѣры, что арестанты огуломъ жаловались начальству на такихъ озорниковъ, прося объ удаленіи ихъ изъ своей среды. Не рѣшаясь прибѣгнуть къ средствамъ, приложимымъ къ ябедникамъ (на томъ предположеніи, что наушничество—неисправимое зло), они оставались довольны, если безпокойнаго товарища запирали въ отдѣльную камеру на одиночное заключеніе. Озлобленнаго и безпокойнаго человѣка арестанты, по долгому опыту, считаютъ исправимымъ и—говорятъ—не ошибаются; удаленные на время „злыдни“ очень часто возвращались потомъ въ тюремную семью тихими, кроткими и примиренными. Одиночное заключеніе арестанты ненавидятъ и боятся его пуще всѣхъ другихъ. Разъ извѣдавъ его, всѣми мѣрами они стараются избѣжать въ другой разъ. Для всякаго арестанта дорога тюремная артель, мила жизнь въ этой общинѣ, оттого-то всѣ они съ такимъ стараніе и такъ любовно слѣдятъ за ея внутреннимъ благосостояніемъ: удаляютъ безпокойныхъ и злыхъ, исключаютъ наушниковъ, обставляютъ непререкаемыми правилами, сурово наказываютъ своимъ судомъ виновныхъ, а судъ тюремный, какъ мы сказали, самый неумолимый и жестокій.

На сколько сильно и крѣпко товарищество—вотъ примѣръ (первый, подвернувшійся на память изъ сотни другихъ). Дѣло было на одномъ изъ заводовъ Восточной Сибири (на какомъ именно, не упомню).

Тюремный смотритель сердитъ былъ на арестанта за его дерзкія грубости, за непочтеніе къ особѣ начальника, за что-то, однимъ словомъ, такое, чего никакъ не могъ забыть и умягчить въ своемъ сердцѣ смотритель. Арестантъ былъ ловокъ, увертливъ; смотритель, при всѣхъ стараніяхъ, поймать его не могъ, а между тѣмъ хотѣлось удалить непріятеля изъ завода и удалить такъ, чтобы онъ его помнилъ.

Смотритель призываетъ къ себѣ другого арестанта и начинаетъ уговаривать его допытаться: кто такой преслѣдуемый и ненавистный ему преступникъ, и если перемѣнилъ онъ свое имя и живетъ подъ чужимъ, то уйдетъ прямо на золотые Карійскіе промыслы, т. е. въ самую каторгу.

— Я бы допытался, ваше благородіе, да мнѣ жизнь еще не надоѣла, сами знаете наши порядки. Тяжелы такія дѣла!

— Я тебѣ въ нихъ защитникъ и покровитель.

— Если такъ, то было бы изъ-чего начать дѣло.

— Вотъ тебѣ три рубля.

— Такъ неужели я товарища-то своего продамъ такъ дешево. Да и на три рубля что я могу сдѣлать?! ни обуви купить, ни одежды завести.

Стали толковать, торговаться — на десяти рубляхъ сер. порѣшили дѣло. Беретъ арестантъ деньги, идетъ въ тюрьму и прямо къ товарищу:

— А я, братъ, тебя смотрителю продалъ, сказалъ, что ты чужое имя носишь; вотъ и денегъ десять рублей получилъ. Раздѣлимъ пополамъ, а ты меня выручи: нѣтъ ли здѣсь въ селеніи на тебя кого похожаго? Не осрами передъ смотрителемъ!

— Шелъ одинъ въ пересыльной партіи похожій на меня, да и живетъ-то онъ здѣсь на заводѣ, фамилія Клыгинъ.

— Клыгинъ! — рапортовалъ подговоренный смотрителю. Справился тотъ въ статейныхъ спискахъ: примѣты подходятъ (да и много ли такихъ примѣтъ въ казенныхъ паспортахъ, каковыхъ нельзя было бы примѣнить ко всякому въ особенности и ко всѣмъ остальнымъ разомъ).

Наскочилъ смотритель на врага своего, радъ-радехонекъ. Тотъ открекается, идти на дальнюю каторгу не хочетъ, слѣдствія проситъ: „Мало ли-де чего на свѣтѣ не бываетъ! я самъ своего двойника въ пересыльной партіи видѣлъ, да онъ и теперь живетъ на заводѣ, здѣсь“. Даютъ очную ставку; смотритель дѣйствуетъ смѣло, въ разсчетѣ на купленнаго доносчика. Очная ставка съ мнимымъ двойникомъ не удалась, смотритель остался въ дуракахъ; наскочилъ на своего довѣреннаго:

— Зачѣмъ ты оболгалъ?

— Пошутить захотѣлось надъ вашимъ благородіемъ, что я стану таить теперь по пустому?!.

Долго и громко смѣялась тюрьма надъ этою выходкою. Многіе о ней и теперь не забыли и мнѣ разсказали.

На сколько арестанты блюдутъ тайны своей артели и стерегутъ ея интересы, узнаемъ также изъ множества примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, болѣе характерный и смѣлый.

— Былъ у насъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ ссыльныхъ, жившій въ послѣднее время въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ), былъ у насъ при тюрьмѣ унтеръ-офицеръ сердитый, тяжелый и неподкупный. Такіе люди несносны. Арестанты рѣшились его удалить во что бы то ни стало, но какъ это сдѣлать? Надо было найти смышленаго человѣка. Ходили за нимъ недалеко. Содержался вмѣстѣ съ нами изъ бродягъ Сенька, ловкій на всѣ руки и калачъ тертый съ солью, ни надъ чѣмъ онъ не задумывался и на жизнь легко смотрѣлъ. Въ Россіи ходилъ по ярмаркамъ съ Петрушкою—фокусы показывалъ; не посчастливилось тамъ — въ Москвѣ жуликомъ долго былъ, ловко таскалъ платки изъ кармана, часы обрѣзывалъ. Ограбилъ тамъ церковь—въ Сибирь попалъ. Къ этому Сенькѣ и обратились арестанты:

„— Помоги—говорятъ:—смѣни ундера!

„— Ладно!—говоритъ:—Сѣчь меня будутъ, такъ положите ли по двѣ копейки за розгу съ артели?

„— Идетъ!—говорятъ. Сами смотрятъ, что будетъ.

„Ходитъ Сенька по казармѣ, ходитъ, бурлитъ, ко всѣмъ привязывается, притворяется пьянымъ. Увидалъ это ундеръ, донесъ смотрителю. Пришелъ смотритель и спрашиваетъ:

„— Гдѣ взялъ водку, кто принесъ?

„— Вотъ онъ!—говоритъ Сенька и показываетъ на ундера.

„— Врешь,—говоритъ смотритель:—не вѣрю, не таковскій человѣкъ этотъ ундеръ.

„Божится Сенька.

„— Дохни!

„Дохнулъ Сенька такъ, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ въ сосѣднемъ кабакѣ двери отворили.

„— Розогъ!—закричалъ смотритель.

„Сенька мигнулъ товарищамъ: „Считайте-де, братцы, а я васъ самъ повѣрять буду, чтобы потомъ не отжилили.

„Стали считать: пятьдесятъ розогъ насчитали.

„Смотритель опять спросилъ: „Врешь-де, собачій сынъ“! Побожился Сенька и снова драть его стали. Еще пятьдесятъ розогъ сосчитали: по счету на серебро два рубля приводилось съ артели. Артельному кошелю тяжело стало, закричали арестанты Сенькѣ:

„— Будетъ, Сенька! Проси, шельмецъ, прощенія!

„Не проситъ.

„— Кто принесъ вина?

„— Этотъ самый ундеръ.

„Опять положили. Арестанты громче шумъ подняли:

„— Сказывай, Сенька, ну, тебя, къ черту! (много-де артельскихъ денегъ изводишь и самъ-де того не стоишь).

„Лежитъ себѣ Сенька подъ вторую сотню. Арестанты еще громче зашумѣли: „Тебѣ-де, дьяволу, ничего, шкура-то у тебя барабанная, стало привычная, да артельнымъ-то деньгамъ изъянъ большой“.

„Сенька стоитъ на своемъ: ундеръ принесъ. Получилъ двѣсти и всталъ. Всталъ и говоритъ.

„— Сказывалъ я вамъ, что сказывалъ; не повѣрили вы мнѣ, ваше благородье! Осмотрите-ко ундера, можетъ, онъ и четушку-то (косушку) еще не успѣлъ спрятать.

„Послушался смотритель совѣта его, осмотрѣлъ ундера и въ ранцѣ у него нашелъ ту посудину (успѣлъ-таки ловко подложить свою вещь Сенька, умѣвшій таскать изъ тѣхъ же кармановъ и всякихъ ручныхъ мѣшковъ чужія вещи).

„Артель достигла цѣли: ундера убрали, Сенька получилъ свои четыре рубля серебромъ. Смѣялись всѣ долго и еще пуще полюбили всѣ Сеньку“.

Вообще, не скупясь ни на какія средства, не задумываясь ни передъ какими препонами, тюремная артель строго блюдетъ свою тайну, старательно прячется за завѣсою ея, у которой, если приподнять одинъ только уголокъ, мы увидимъ вотъ что.

Во всякой тюрьмѣ (русской и сибирской) существуетъ такъ называемый **майданъ**. Это, въ тѣсномъ смыслѣ, подостланная на нарахъ тряпка, полушубокъ или просто очищенное отъ этой вѣтоши мѣсто на нарахъ, на которомъ производится игра въ карты, кости, въ юлку и около котораго группируются всѣ игроки изъ арестантовъ. По тюремной примѣтѣ-пословицѣ: на всякаго майданщика по семи олуховъ.

Игра, какъ извѣстно, есть одна изъ самыхъ прилипчивыхъ и упорныхъ страстей между преступниками. Безпрестанная боязнь быть открытыми (не смотря на существованіе сторожей у дверей) заставляетъ преступниковъ торопливо играть и въ волненіяхъ душевныхъ, разжигаемыхъ игрою, находить самыя любезныя имъ наслажденія, самыя пріятныя и дорогія имъ утѣхи. Существованіе азартныхъ игръ присуще тюрьмамъ всего земного шара. Вотъ что говоритъ Фрежьэ въ своемъ сочиненіи „Des classes dangereuses“ о французскихъ тюрьмахъ: „Арестанты, привыкшіе въ одинъ моментъ терять плоды недѣльной работы, доводятъ свою страсть къ игрѣ до того, что ставятъ на конъ хлѣбъ, которымъ должны кормиться мѣсяцъ, два, три мѣсяца. Но что всего удивительнѣе: между арестантами встрѣчаются такіе, которые, во время раздачи порцій, оказываются нетерпѣливыми, даже жадными, тѣ, которые рвутъ хлѣбъ изъ рукъ и потомъ легко примиряются съ лишеніемъ пищи, проигранной въ карты. Прибавлю послѣднюю черту, показывающую до какой степени помѣшательство можетъ доводить

разумное существо страсть къ игрѣ. Врачи центральнаго дома Mont-Saint-Michel наблюдали за однимъ преступникомъ, который игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что, лежа въ больницѣ, ставилъ на конъ порцію бульона и вина, когда тотъ и другое были крайне необходимы для возстановленія его растраченныхъ силъ. Этотъ несчастныхъ умеръ отъ истощенія силъ".

Право содержать майданъ въ нашихъ тюрьмахъ отдается съ торговъ, независимо отъ содержанія другихъ оброчныхъ статей (о чемъ мы будемъ говорить ниже). Откупщикъ майдана бываетъ, большею частью, самый бережливый изъ арестантовъ, скопидомъ и, во всякомъ случаѣ, обладающій извѣстнымъ капиталомъ. Онъ называется майданщикъ и если не пользуется уваженіемъ и любовью арестантовъ, то, во всякомъ случаѣ, находится подъ покровительствомъ артели. Въ средѣ ея онъ всегда найдетъ такихъ голышей, которые за нѣсколько копеекъ становятся на стражу и оповѣщаютъ играющихъ о приближеніи опасности (играютъ обыкновенно по ночамъ). Для этого существуютъ въ тюрьмахъ условныя выраженія, особенныя слова.

— Стрема!—кричитъ сторожъ въ нерчинскихъ тюрьмахъ.

— Вода идетъ! — оповѣщаетъ сторожъ въ тобольскомъ и другихъ спопутныхъ острогахъ.

Майданъ исчезъ: свѣча погашена, карты спрятаны, такъ что самый опытный смотритель не найдетъ ихъ. А уйдетъ дозорщикъ (стрема, вода), и опять пошли переходить съ рукъ на руки и курынча (мѣдныя деньги, по тюремному названію) и сары (т. е. бумажки и серебро, которое водится во всѣхъ видахъ, даже иностранные талеры, пятифранковики, старинные цѣлковые и проч.).

— „Таланъ на майданъ"!— желаетъ арестантъ играющему въ карты товарищу. „Шайтанъ на гайтанъ"! — шутливо отвѣчаетъ этотъ.

— „Давай въ святцы смотрѣть", — говоритъ другой арестантъ третьему, желая натравить его на игру. „Быковъ гонять" на условномъ тюремномъ языкѣ значитъ въ кости играть, бросать пару обыкновенныхъ игральныхъ квадратныхъ костей (со значками въ точкахъ до 6-ти). „Свѣтомъ вертѣть", „головой крутить" — въ юлку *) играть.

„Хамло пить" зоветъ арестантъ товарища, когда онъ досталъ водки и желаетъ угостить его. Дыму желаетъ купить арестантъ, когда табакъ захочетъ курить — и куритъ его теперь въ папиросахъ или, лучше сказать, въ тюрикахъ, свернутыхъ изъ самой толстой бумаги, ибо чѣмъ толще бумага, тѣмъ мягче махорка. Бумага краденая, табакъ купленный (у майданщика); иногда и бумагою торгуютъ, но чаще добываютъ ее изъ тѣхъ книгъ, которыя раздаютъ для чтенія члены попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ (всякій другой сортъ бумаги — плодъ, закономъ воспрещенный въ тюрьмахъ). Папиросы еще тѣмъ хороши, что прячутся ловко, да и налетишь съ нею на дозорщика, не жаль разставаться, а трубокъ — ненапасная пропасть переводится. Трубки держатъ только тамъ, гдѣ дозоръ посходнѣе и пристава попроще.

Арестантъ мастеритъ самъ или у другихъ покупаетъ змѣйку, когда намѣренъ перепилить тюремную рѣшетку въ окнѣ или дужку замка на кандалахъ, ради побѣга. Кандалы называются ножные брушлеты (браслеты); кнутъ — лыко, или съ добавленіемъ адамово лыко. Заводская собака лаетъ — острилъ ссыльный рабочій, когда звонилъ колоколъ, призывавшій на работу.

Бѣглый идетъ на тюремномъ языкѣ подъ названіемъ горбача (за ношу, которая всегда имѣется у него сзади, на спинѣ). „Гляди въ маршлутъ: долго ли намъ идти"?—говоритъ горбачъ своему товарищу, когда не желаетъ заходить въ спопутную деревню за милостынею и надѣется найти въ этомъ маршлутѣ (т. е. буракѣ или, по сибирски, туесѣ) достаточное количество запаса для прокормленія себя.

Бѣжитъ арестантъ изъ тюрьмы „къ генералу Кукушкину на вѣсти" или просто „кукушку слушать"; но нерѣдко сходитъ только „простокишки (т. е. простокваши) поѣсть", т. е. дойдетъ до Верхнеудинска и, возвращенный оттуда опять на Кару, осмѣивается въ этомъ послѣднемъ выраженіи товарищами. Бѣжитъ арестантъ, не думая о послѣдствіяхъ, и самъ остритъ и смѣкаетъ, что „лиха бѣда нагнуться (подъ плети), а не лиха бѣда отдуться".

Въ тюрьмѣ арестантъ умоляетъ строгихъ по виду, на самомъ дѣлѣ податливыхъ сторожей, „привести мазиху" (т. е. женщину) и не щадитъ никакихъ денегъ, а на волѣ старается „краснаго пѣтуха пустить" въ отмщеніе той деревнѣ, въ которой покусились схватить его, бѣглаго, и представить по начальству, т. е. спѣшитъ „пожаръ въ ней сдѣлать". „Берись за жуликъ" (т. е. за ножъ), кричали арестанты, когда поднимали бунтъ противъ приставниковъ.

Вотъ почти всѣ тѣ слова, которыя находятся въ тюрьмахъ въ оборотѣ; едва ли есть больше, потому что нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами крайне случайныя, мало употребительныя; другія отзываются легкою насмѣшкою, третьи легко и просто замѣняются самими сторожами, какъ было принято, напр., въ тобольскомъ острогѣ,

*) Юлку дѣлаютъ изъ говяжьихъ костей, которыя распиливаютъ крученою суровою ниткою, постоянно смачивая ее въ растворѣ золы и березоваго угля. Одинъ пилитъ, другой подливаетъ щелокъ. Счетъ у юлки особенный: 9—лебедь, 11—лебедь съ пудомъ, 5—пѣтушки, 4—чевка и пр.,—какъ у клубныхъ игроковъ въ лото и у бостонистовъ (6—филадельфія, 8—индепандансъ и проч.).

гдѣ сторожа, по увѣренію ссыльныхъ, особенно дешевы. Тамъ, если кричали со двора „унтеръ-офицеръ“! значило „вода“, начальникъ идетъ, берегись! Кричатъ „ефрейтора“, продолжай майданъ, идутъ люди не опасные, свои купленные. Часть условныхъ тюремныхъ словъ, судя по внѣшнимъ знакомымъ признакамъ, введена московскими жуликами или петербургскими мазуриками; другая часть, по всему вѣроятію, оставлена арестантамъ въ завѣщаніе волжскими и другими разбойниками, не такъ давно наполнявшими тюрьмы Сибири и Забайкалья *).

Майданъ въ сибирскихъ тюрьмахъ принимаетъ болѣе обширные размѣры, а потому и откупная цѣна на него, по торгамъ, значительно выше, чѣмъ та же во время путешествія арестантовъ по этапамъ. Во время этапнаго пути майданъ, какъ мы уже выше сказали, снимался за Тобольскомъ на время, необходимое арестантской партіи для того, чтобы дойти до Томска. Въ Томскѣ опять торги до Красноярска, въ Красноярскѣ до Иркутска (самая меньшая цѣна майдана) и въ Иркутскѣ до Нерчинскихъ заводовъ (самая большая цѣна майдана). Принимая въ разсчетъ большее или меньшее количество верстъ (а стало быть и время), необходимое для путешествія, арестантская община, при сдачѣ майдана, имѣетъ также въ виду и большее или меньшее число желающихъ и могущихъ вести игру. Потому за продажу картъ полагается откупная плата отъ 15 до 30 руб. Майданщикъ обязуется при этомъ поставлять игрокамъ и освѣщеніе въ видѣ сальныхъ свѣчей. Деньги эти вносятся въ общую артельную кассу и сдаются на руки выборному старостѣ (онъ иногда бываетъ и майданщикомъ, но рѣдко, хотя въ старосты арестанты иногда стараются выбирать денежнаго, слѣдовательно, и вліятельнаго до нѣкоторой степени). Чаще всего сдаютъ карточный откупъ въ тѣ же руки, въ которыхъ находится откупъ съѣстныхъ припасовъ, какъ тому лицу, которое въ тюремной общинѣ носитъ названіе харчевника. Условія откупа и выгоды, гарантирующія майданщика картъ, полагаются слѣдующія:

1) За карты, требуемыя въ круговую игру, платится играющими въ первый разъ 30 коп., во второй — 20 коп., въ третій — 10 коп.; затѣмъ обыгранныя карты отдаются для игры даромъ, безплатно, грошовымъ игрокамъ, для которыхъ на тюремномъ саркастическомъ языкѣ имѣется прозваніе жигановъ.

2) Съ тѣхъ игоръ, которыя идутъ рука на руку, взыскивается всякій разъ 10 коп. съ выиграннаго рубля, за вычетомъ возвращенныхъ проигравшему.

Въ тюрьмахъ городскихъ карты, черезъ сторожей, покупаются у торговцевъ, иногда новыя, иногда играныя. Наружныхъ достоинствъ не требуется, были бы только очки примѣтны, а самыя карты до невозможности засалены и обмочалены. Но въ тюрьмахъ, помѣщенныхъ не въ городахъ (каковы, напр., всѣ каторжныя и заводскія тюрьмы), карты дѣлаются самими арестантами. При этой операціи самую серьезную трудность — приготовленіе фигуръ — обходятъ условнымъ пріемомъ въ размѣщеніи очковъ и достигаютъ цѣли тѣмъ, что валета дѣлаютъ изъ двойки, даму изъ четверки, короля изъ тройки — словомъ, изо всѣхъ тѣхъ картъ, которыя выкидываются при игрѣ въ три листика. Къ двойкѣ придѣлываютъ два очка, по одному наверху слѣва и внизу справа, рядомъ съ существующими; въ четверкахъ прибавляютъ по одному очку наверху и внизу, въ серединѣ готоваго ряда. Своеобразная четверка служитъ, такимъ образомъ, за валета, а оригинальная, условная шестерка—за даму. Короля рисуютъ вновь изъ тройки: стираютъ старыя очки и намѣчаютъ новыя, располагая значки ромбомъ по четыре наверху и по четыре внизу. Я пріобрѣлъ одинъ экземпляръ этихъ чалдонокъ (такъ называются самодѣльныя карты), но онѣ сдѣланы всѣ до одной заново изъ простой сѣрой писчей бумаги, проклеенной простымъ столярнымъ клеемъ. Исподки выкрашены подъ одинъ цвѣтъ (красный); черные очки наведены краскою изъ сажи съ клеемъ (иногда чернильными орѣхами съ купоросомъ); красные изъ мелкаго кирпичу съ тѣмъ же клеемъ. Форматъ картъ для удобства почти вдвое мельче обыкновенныхъ. Но мой экземпляръ великолѣпный: очки наведены какъ бы какою-то печатною формою. Я видѣлъ другія несравненно грубѣйшей работы. По видимому, карты дѣланы на спѣхъ, подъ множествомъ зоркихъ глазъ и притомъ въ самой строгой тюрьмѣ, можетъ быть именно въ военной омской (крѣпостной) тюрьмѣ. Красныя очки выведены кровью и даже сажа для черныхъ очковъ растворена на той же крови. Такими жертвами покупается право игры!

И сколько еще у арестантовъ выходовъ, если конфискуются, по несчастью, всѣ карты. Удобоскрываемыя кости, на случай конфискаціи, замѣняются юлкою. Отнимутъ юлку—въ тюрьмахъ есть дешевая и простая игра въ шашки, доска для которыхъ всегда готова на нарахъ; но въ особенности подручна игра въ такъ называемые бѣгунцы, игра извѣстная во всей Россіи. Бѣгунцы родятся въ волосахъ, выпускаются на стекло, смазанное саломъ, въ кругъ или на бумагу съ двумя концентрическими кругами. Разомъ всѣхъ бѣгунцовъ выпускаютъ въ меньшій кругъ. Чья осилитъ кругъ прежде другой, тотъ и выигрываетъ. Побѣжденную казнятъ тутъ же на мѣстѣ преступленія, побѣдительницу сажаютъ опять въ старое убѣжище, въ перушко. Двѣ переползутъ въ одно время—конъ или ставка пополамъ.

Игроки нарочно составляютъ такіе звѣринцы,

*) О тюремномъ словарѣ см. статью въ приложеніи къ этому тому (Приложеніе II).

тщательно сберегають и держать при себѣ всегда на головѣ. Также всегда на-готовѣ и во всякое время къ услугамъ простѣйшій способъ игры въ петлю: заложившій банкъ беретъ въ руки веревку или нитку и дѣлаетъ изъ нихъ нѣсколько петель. Желающіе сорвать ставку стараются попасть въ петли пальцемъ такъ, чтобы одна изъ нихъ защемила палецъ (или палочку) и сдѣлался узелъ. Но и здѣсь бываетъ подтасовка: въ ловкихъ рукахъ фокусника всѣ петли срываются и никогда узла не схлестываютъ.

Изъ игоръ карточныхъ самая употребительная въ Россіи подкаретная или въ три листика съ фальками и бардадымами, но самая любимая—едно, въ Сибири составляетъ нѣкоторый родъ видоизмѣненія первой, съ разницею въ счетѣ очковъ по уговору: тузъ считается либо за 14, либо за одинъ очокъ, король всегда 13, дама 12 и валетъ 11. Существуетъ еще игра юрдовка, иначе зернь, основанная на игрѣ въ оставшіяся отъ выброски карты: двойки, тройки, четверки и пятерки. Именемъ этой игры называлась отдѣльная слобода на Нижнемъ Карійскомъ промыслѣ по дорогѣ въ Средній. Назвалась она такъ потому, что при началѣ промысла на Карѣ на этомъ мѣстѣ собирались записные картежники изъ каторжныхъ и вели сильнѣйшую зерню (игру). Господствуетъ она въ нерчинскихъ тюрьмахъ, гдѣ, какъ извѣстно, арестанты проигрываютъ все: одежду казенную, отъ полушубка до онучки, паекъ до послѣдней крошки и зерна, хлѣбъ, соль, по пословицѣ: „рубль и тулупъ и шапка въ гору“.

Тобольскій острогъ, по поводу преслѣдованія картъ, сохранилъ разсказъ о слѣдующемъ весьма характерномъ случаѣ (передаемъ его по возможности такъ, какъ онъ записанъ въ тюремной хроникѣ): „27 іюня (1849 г.), по окончаніи вечерней повѣрки и запора во всѣхъ казармахъ и секретныхъ камерахъ арестантовъ, смотритель, чувствуя себя, послѣ дневныхъ трудовъ ослабѣвшимъ въ силахъ, намѣренъ былъ успокоиться сномъ и потому, въ 11 часовъ ночи, пригласивъ къ себѣ на ужинъ караульнаго офицера прапорщика Спб. лин. бат. № 1 Тидемана и, по окончаніи онаго, пожелавъ доброй ночи, осторожнаго и благополучнаго наблюденія за постовыми караулами, разстался съ нимъ въ началѣ 12 часовъ и послѣ того, раздѣвшись, легъ въ постель и въ ту же минуту уснулъ. Въ продолженіи каковаго сна смотрителя, самаго кратчайшаго (т. е. сна), упомянутый офицеръ, подойдя къ окну кухни смотрительской, въ коей тогда послѣ ужина случилось еще быть его женѣ, требовалъ сказать смотрителю о замѣченной часовымъ картежной игрѣ въ казармѣ кандальныхъ арестантовъ. Жена смотрителя, пожалѣвъ разбудить мужа, распорядилась отдать ключъ отъ упомянутой казармы г. Тидеману съ покорнѣйшею просьбою потрудиться въ сказанную казарму безъ надзирателей или приставниковъ комнатныхъ не ходить да и замѣченныхъ имъ арестантовъ, играющихъ въ карты, не брать или шуму съ ними въ ночное время не заводить, сказавъ притомъ, что съ виновными утромъ поступитъ, какъ должно, самъ смотритель. Г. Тидеманъ, уважая, хотя и неумѣстный женскій, но предупредительный для него же совѣтъ, приказалъ своимъ караульнымъ позвать дежурныхъ надзирателей. Самъ рѣшился стремглавъ броситься въ казарму, чтобы врасплохъ захватить игравшихъ. Случилось, однако же, не такъ. Это распоряженіе заставило въ ту же минуту встревожить всѣхъ въ казармѣ арестантовъ, въ коей находилось ихъ 126 человѣкъ, крикомъ и ужаснымъ стономъ лежавшихъ у самыхъ дверей отъ причины непомѣрной духоты голыми, которыхъ бросившіеся караульные должны были, по необходимости крайней тѣсноты, топтать по чемъ приходилось сапогами и, безъ сомнѣнія, падая черезъ нихъ, причинять имъ съ досадою побои и кулаками, отчего еще болѣе увеличился крикъ, сколько отъ лежавшихъ передъ дверьми на полу, по причинѣ чувствуемой ими боли, столько и отъ находившихся подъ нарами и на нарахъ (изъ жалости своихъ товарищей), безвинно переносимыхъ отъ солдатъ побой. При увеличившемся же крикѣ, г. Тидеманъ принужденъ былъ изъ казармы бѣжать, а за нимъ и солдаты, которыми былъ выпихнутъ одинъ каторжный (Мухановъ), котораго стоявшіе на дворѣ солдаты съ ружьями, избили при г. Тидеманѣ прикладами до такой степени, что онъ былъ брошенъ въ казарму почти безъ памяти, что еще прежде взволновало каторжныхъ до такой степени, что караульные, боясь дальнѣйшихъ происшествій, поспѣшили припереть дверь. Разбудили смотрителя, прибѣжалъ: солдаты жердями приперли дверь и идти не совѣтуютъ, убьютъ-де. Смотритель не послушался: избитаго отправилъ въ больницу, гдѣ ему пустили кровь, каторжныхъ уговорилъ быть покойными и не шумѣть. Потомъ дѣлалъ осмотръ: въ двухъ секретныхъ камерахъ, замѣтивъ потушенный огонь, велѣлъ зажечь свѣчи. Затѣмъ началъ ссору съ офицеромъ, когда послѣдній потребовалъ его къ себѣ и обозвалъ бабою при тѣхъ же нижнихъ чинахъ, на что смотритель, хотя и съ вѣжливостью, но рекомендовалъ ему себя не бабою, а старшимъ ему службою“.

3) Съ майдана никто безъ проигрыша не уходитъ. Такъ, напр., одинъ пускаетъ въ игру на конъ три рубля и всѣ проигралъ; выигравшій обязанъ возвратить ему третью часть (т. е. рубль), по правилу, Богъ вѣсть когда и кѣмъ постановленному и свято соблюдаемому во всѣ времена и всѣми арестантами. Точно также выигравшій казенныя вещи (платье, рубашку, сапоги и проч.) обязанъ ихъ возвратить про-

игравшему безплатно по истеченіи нѣкотораго времени, достаточнаго, по соображеніямъ арестантовъ, для того, чтобы охолодить горяченькаго и удержать его отъ опаснаго азарта. Не исполнившій этого правила во многихъ тюрьмахъ лишался права на всякій выигрышъ, т. е. принужденъ былъ самъ запереть себѣ двери къ игрѣ. Правила эти столько же предупредительны на случай могущихъ быть ссоръ, споровъ, драки и, можетъ быть, убійства, сколько придуманы онѣ въ видахъ круговой поруки на случай, если бы всѣ игрецкія деньги перешли въ однѣ руки къ счастливому и, такимъ образомъ, остановили бы игру. На другой день вчера проигравшійся и получившій на руки свою третью часть, пускаетъ ее опять на конъ и если проигрываетъ, то снова получаетъ свою третью часть изъ рубля (33 коп.) и играть въ тотъ день больше не имѣетъ права (да съ нимъ уже и не станутъ). На третій день онъ опять при деньгахъ и при правѣ на игру, т. е. на четвертый день обезпеченъ 11-ю коп. и т. д. Перестанетъ онъ играть, раззорившись въ пухъ, если онъ не почетное лицо въ средѣ арестантовъ и играетъ въ безконечность, если онъ аристократъ острога, т. е. бродяга—человѣкъ бывалый и тертый, а потому находящійся у всѣхъ на почетѣ.

4) Бродягамъ майданщикъ обязанъ вѣрить всегда на $1^1/_2$ руб. сер., хотя бы они ничего за душою своею не имѣли. Эта фантастическая сумма, никогда не облекаемая въ существенный матеріалъ денежной, имѣетъ все-таки наглядное значеніе въ видѣ порціи вина для пьяницъ и въ видѣ возможности участвовать въ игрѣ на кредитъ. Достаточно бродягѣ поставить на майданъ кирпичъ или просто собственный кулакъ, чтобы подъ видомъ этихъ вещественныхъ знаковъ шелъ въ кругѣ и въ круговой игрѣ и его отвлеченный, кредитованный майданщикомъ капиталъ въ $1^1/_2$ руб. сер. Играющій долженъ вѣрить бродягѣ, хотя бы онъ и проигралъ свои полтора цѣлковыхъ; въ отвлеченномъ понятіи они не пропадаютъ и все-таки остаются въ кредитѣ. Не захочетъ вѣрить банкометъ—всѣ проигранныя деньги отдавай, таково уже тюремное правило; станетъ упираться, его повалятъ огуломъ и всѣ деньги отнимутъ. На это арестанты просты и къ тому же слѣпо вѣрятъ бродягѣ на его честное варнацкое слово, а за словомъ этимъ (но не за дѣломъ) ни одинъ бродяга не постоитъ. Кончается срокъ откупа обыкновенно разъ въ мѣсяцъ. Остаются за бродягами долги, долги эти пропадаютъ, прощаются должникамъ по закону, хотя бы ихъ было и 50 человѣкъ. Весело шумятъ бродяги въ казармѣ и самые порывистые и малодушные изъ нихъ прыгаютъ на одной ногѣ и приговариваютъ на своемъ тюремномъ условномъ языкѣ: „Лахманъ долгамъ, долгамъ лахманъ"! При новомъ откупщикѣ для бродягъ опять идетъ кредитъ въ $1^1/_2$ руб., и, такимъ образомъ, идетъ онъ въ безконечность, а потому майданщики, снимая подрядъ и сходясь въ откупной платѣ, при установленіи цѣны принимаютъ въ соображеніе и эти безпроигрышныя бродяжьи права. Не бываетъ лахману, исключаются эти статьи права и закона, только въ такомъ случаѣ, когда садится на майданъ бродяга—человѣкъ такой же почетный и также уважаемый всею тюремною общиною.

5) Если играетъ бродяга съ бродягою, то проигравшійся получаетъ не треть проиграннаго, а уже цѣлую половину. Изъ этой половины, по окончаніи игры, бродяга спѣшитъ заплатить всѣ свои долги по крайнему своему разумѣнію и безъ всякихъ обязательствъ; можетъ, однако, и не заплатить (что, впрочемъ, рѣдко бываетъ), ибо все-таки имѣетъ право играть въ другой разъ на свои вѣчные полтора цѣлковыхъ. Бродяга можетъ и украсть у майданщика деньги, хотя это и почитается нѣсколько предосудительнымъ; иной товарищъ обзоветъ при случаѣ, выкоритъ. Но смѣло можетъ бродяга воровать вино у майданщика. Въ этомъ до сихъ поръ ни одинъ преступникъ ничего не находитъ позорнаго, столько же и потому, что откупщикъ питейнаго майдана не пользуется ничьимъ расположеніемъ и даже презирается, какъ мытарь и стяжатель неправильно пріобрѣтаемыхъ каторжныхъ варнацкихъ грошей. Впрочемъ, воровство—не тюремный, не арестантскій порокъ, напротивъ даже, тюрьма противъ этого непріятеля объявлена въ вѣчномъ осадномъ положеніи. Оба стана всегда на готовѣ: когда одна половина смотритъ, гдѣ у другой слабое мѣсто и у каждаго изъ нападающихъ чешутся руки на все безъ разбора (на деньги, на рухлядь, на съѣстное, на всякую бездѣлушку отъ осколка стекла до клочка бумаги, пригоднаго на папироску), въ то же время другая сторона высматриваетъ каждую щель и, пользуясь оплошностью нападающаго, заручается всякою замысловатою и секретною хоронушкою, чтобы отвести чужіе глаза отъ соблазна и уберечь отъ нихъ свою наживную, несчастную собственность. Въ особенности тщательно уберегаютъ деньги, подвязывая ихъ подъ мышками, закладывая въ выдолбленные каблуки сапоговъ (при чемъ послѣдніе и не снимаютъ на ночь), зашиваютъ деньги въ канты, въ бѣлье и проч., и проч. Впрочемъ и тутъ не всегда достигается цѣль и воръ у вора дубинку крадетъ, воръ вору терпитъ. Украденныя вещи сначала спрячутъ такъ, какъ у жидовъ, т. е. не найдется тѣхъ человѣческихъ силъ, которыя могли бы ихъ отыскать, а потомъ тѣмъ же жидовскимъ способомъ пускаются по этапной дорогѣ и, напр., кіевскія вещи надо уже искать не ближе Иркутска. Воровство въ тюрьмахъ не дѣлается

повальнымъ, потому что арестанты умѣютъ наблюдать другъ за другомъ; лишенные по суду права на недвижимую и стѣсненные въ правахъ на движимую собственность, они поколебались только въ разумѣніи истиннаго значенія ихъ и спутались, но понятія о собственности не совсѣмъ утратили.

6) Содержаніе питейнаго майдана существуетъ, обыкновенно, какъ отдѣльное тюремное откупное учрежденіе; питейный майданщикъ рѣдко принимаетъ на себя содержаніе картъ, но старается иногда захватить въ свои руки содержаніе съѣстныхъ припасовъ. За право продажи вина беретъ община въ артельный капиталъ обыкновенно отъ 30 до 60 руб., имѣя въ виду то, что майданщикъ будетъ продавать водку чайными чашками (120 штукъ въ ведрѣ), за каждую чашку будетъ брать или 30 или 50 к. с., а средній расходъ вина—по давнимъ соображеніямъ и разсчету—простирается въ большомъ острогѣ до одного ведра въ сутки. Всякій болѣе или менѣе значительный выигрышъ сопровождается попойкою, ни одинъ праздничный день безъ нее не обходится. Существуютъ во множествѣ такіе аматеры, которые, кромѣ водки, уже ни въ чемъ не находятъ для себя утѣхи. Сколько, въ то же время, ни существуетъ постановленій, чтобы арестанты не имѣли при себѣ денегъ и инструментовъ, не употребляли водки, не играли въ карты и не имѣли сношеній съ женщинами—всѣ эти постановленія остаются безъ дѣйствія, всѣ мѣры ничтожны противъ ухищреній арестантской общины и откупа продолжаютъ существовать и процвѣтать. Появленіе въ тюрьмахъ водки и другихъ запретныхъ вещей обезпечивается подкупностью сторожей-приставниковъ. Сплошь и рядомъ тюремные смотрители, въ своихъ рапортахъ по начальству, со всею откровенностью разсказываютъ о подобныхъ событіяхъ. „У часового, стоявшаго у воротъ замка, нашли завернутый въ „постовой“ тулупъ или въ броню сермяжную, по выраженію одного юмористическаго стихотворенія (туезъ, т. е. буракъ) съ виномъ, котораго было болѣе ¼ ведра“. „Принесла вино арестантка, бывшая въ прачкахъ, выпущенная изъ острога ефрейторомъ за рубль серебромъ“. Въ другомъ случаѣ арестантъ изъ чиновниковъ, вѣчно пьяный и во хмѣлю безпокойный, выявилъ унтеръ-офицера, который закупалъ вино заранѣе, хранилъ на вышкѣ кордегардіи и вечерами передавалъ покупку во второй этажъ и секретный корридоръ, приставляя къ окну лѣстницу. Въ третьемъ случаѣ былъ купленъ сторожъ, ходившій съ ящикомъ за лекарствами для больныхъ арестантовъ въ аптеку. Разъ онъ споткнулся, упалъ, уронилъ ящикъ, разбилъ склянки и распустилъ такой винный запахъ, какъ будто спиртную бочку откупорилъ. Слѣдствіе обнаружило, что сигнатурки были поддѣльныя, прилаживалъ это дѣло на сторонѣ (на волѣ) одинъ подкупленный доточникъ и что сторожъ носитъ въ лазаретъ, вмѣсто лекарствъ, водку уже не первый мѣсяцъ, и проч. и проч. Туевами пользуются какъ посудою объемистою и общеупотребительною, а гдѣ уже, какъ въ аду строго, прибѣгаютъ солдаты къ ружейнымъ стволамъ для сокрытія водки.

7) За продажу припасовъ (куда входитъ также и табакъ *) и сласти) платится отъ 5 до 10 руб. въ мѣсяцъ, смотря по числу потребителей. При продажѣ этой статьи назначается обязательная такса для всѣхъ жизненныхъ припасовъ, употребляемыхъ въ острогѣ. Дивиденду назначается не болѣе 20%. Майданщикъ и этой статьи, какъ и двухъ остальныхъ (игорной и водочной), обязанъ вѣрить бродягамъ на завѣтные и неизмѣнные 1½ рубля. И у этого майданщика бываетъ долгамъ **лахманъ**, когда откупъ переходитъ въ руки другого. Но существуютъ и исключенія: если майданщикъ понесетъ какіе нибудь случайные, не предвидѣнные артелью убытки, тогда долги становятся для всѣхъ обязательными. Они вычитаются потомъ при общемъ дѣлежѣ какихъ либо случайныхъ доходовъ (каковыми бываютъ обыкновенно подаянія) или долги эти переходятъ къ слѣдующему майданщику, а этотъ выплачиваетъ уже ихъ своему предшественнику.

Всякій новичекъ, поступая въ острогъ и въ тюремную общину, обязанъ внести извѣстное количество денегъ такъ называемаго **влазнаго**. Крестьянинъ и всякаго свободнаго состоянія человѣкъ вноситъ единовременно 3 руб. сер.; поселенецъ (т. е. идущій на поселеніе)—50 коп.; бродяга — 3 коп. **). Вообще же, всякій неопытный и не искусившійся новичекъ, поступая въ тюрьму, дѣлается предметомъ насмѣшекъ и притѣсненій. Если у него замѣтятъ деньги, то стараются ихъ возможно больше вы-

*) Табакъ, впрочемъ, идетъ иногда, при большой массѣ арестантовъ, отдѣльнымъ майданомъ на откупъ. За право продажи нюхательнаго и курительнаго табаку откупщикъ платитъ въ артель отъ 2 до 3 руб. Обязательная такса очень умѣренная; покупка изъ осторожности и въ виду конфискаціи производится по мелочамъ: берутъ на одну трубку (или, что то же, папиросу), много на три разомъ. Вся торговля майданщиковъ самая дробная.

) Взносъ влазнаго—остатокъ весьма древняго обычая, перешедшій изъ рукъ властей къ арестантамъ и уничтоженный еще въ концѣ XVII-го вѣка, когда воспрещенъ былъ этотъ поборъ съ «колодниковъ, приводимыхъ на тюремный дворъ и за рѣшотку, чтобы въ томъ бѣднымъ людямъ тяготства и мучительства не было». Въ тобольскомъ острогѣ и эта статья сбора **влазнаго со вновь поступающихъ отдавалась иногда на откупъ. Взявшій се вносилъ отъ 2 до 3 рублей въ мѣсяцъ и обязывался на свой счетъ нанимать профосовъ, но пользовался за себя и за своихъ помощниковъ двойною противъ другихъ дѣлежкою.

манить; если онъ довѣрчивъ и простосердеченъ, его спѣшатъ запугать всякими страхами, уничтожить въ немъ личное самолюбіе и самосознаніе. Доведя его до желаемой грани, помѣщаютъ обыкновенно въ разрядъ чернорабочихъ, т. е. станутъ употреблять на побѣгушки, въ сторожа майдановъ карточнаго и виннаго, заставятъ выносить ночное ведро, такъ называемую парашу, или чистить отхожія мѣста (что, какъ извѣстно, лежитъ на обязанностяхъ арестантовъ *). Слабые сдаются, твердые начинаютъ вдумываться и задумываться, а кончаютъ тѣмъ, что обращаются за совѣтомъ къ бывальцамъ. У этихъ за деньги и водку нѣтъ ничего завѣтнаго и запретнаго: милости просимъ! Правилъ немного, но всѣ приперты крѣпко, стоятъ твердо, незыблемо и нерушимо. Вотъ они: „за товарищей горою; свято хранить тайны, и если нѣтъ выходу, подопрутъ рогатиною въ уголъ, старайся впутывать въ вину свою и свое дѣло побольше такихъ арестантовъ, у которыхъ денегъ много, которые богаты; и путай ихъ больше, сколько возможно больше: начальники деньги любятъ; начальниковъ за деньги всегда можно купить. Твоихъ, голышъ, денегъ не хватитъ, а богатые начальника купятъ непремѣнно и примѣровъ такихъ не было, чтобы арестанты начальниковъ своихъ не подкупали. А купятъ, такъ тебя и на цѣпь не посадятъ и въ кучумку не запрутъ; самое большое, что на розгахъ дѣло сойдется; а любятъ тебя богатые товарищи, такъ и того не будетъ“.

Второе дѣло для новичка: заставь себя полюбить! Полюбятъ, не выдадутъ, да еще уму-разуму научатъ. Научатъ, какъ врать на показаніяхъ, если живешь въ тюрьмѣ подсудимыхъ; научатъ, какъ оговаривать и куда, въ какія дальныя мѣста отправлять за справками, чтобы, такимъ образомъ, отдалить время наказанія или ослабить мѣру его, и проч. На этотъ предметъ, какъ извѣстно, существуетъ въ тюрьмахъ особая самостоятельная наука, имѣются профессора-законники, которымъ позавидовали бы московскіе стряпчіе, имѣвшіе притоны свои около Иверской часовни. Около законниковъ своихъ новичокъ-арестантъ, въ весьма непродолжительное время, становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. арестантомъ. Его трудно было ловить на слѣдствіяхъ, его мудрено было спутать на очныхъ ставкахъ, его не устрашить тюрьмою и въ самой каторгѣ онъ уже не видитъ того страха, какимъ преисполнялось его тревожное воображеніе съ самаго ранняго возраста.

Потомъ вновь поступившій, безъ руководства и объясненій, понимаетъ уже весь внутренній смыслъ тюремнаго быта на практикѣ, въ самомъ теченіи дѣлъ, и черезъ недѣлю онъ — полноправный членъ этой общины, у которой существуютъ свои тенденціи, свои правила, какъ многомогущій рычагъ и двигатель.

Артельный капиталъ, образуемый, такимъ образомъ, изъ оброчныхъ статей, простирается отъ 50 до 100 руб., которые обыкновенно и дѣлятся поровну между всѣми арестантами.

При этомъ выдается двойная дѣлежка старостѣ и парашникамъ. Новички при этомъ обдѣляются: сидящимъ недѣли двѣ — ничего не даютъ. Утроенная часть (за троихъ) полагается палачу. Ему, сверхъ того, выдается на рогожку изъ общей кассы (образуемой добровольными подаяніями и неприкосновенной до конца тюремныхъ сроковъ); выдается на рогожку всегда, когда отправляютъ къ наказанію бродягу. Кромѣ того, палачъ считаетъ „рогожкою“ и всѣ тѣ подаянія, которыя сходятся къ преступнику за то время, когда ведутъ послѣдняго изъ тюрьмы на эшафотъ, къ мѣсту торговой казни.

Деньги, уходящія изъ острога вонъ, на покупку вина, картъ и съѣстныхъ припасовъ, пополняются преимущественно вновь поступающими арестантами. Мы не говоримъ уже о тѣхъ деньгахъ, которыя попадаютъ съ воли въ острогъ и въ руки искусниковъ, владѣющихъ какимъ либо мастерствомъ или досужествомъ, на издѣлія, нужныя или ненужныя тамъ за острожными стѣнами. Водятся въ тюрьмахъ такіе искусники, которые отлично приготовляютъ игрушки, бездѣлушки: изъ лучинокъ или тоненькихъ планочекъ мастерятъ такихъ голубковъ, которыхъ ни одинъ купецъ средней руки не задумается для украшенія подвѣсить въ серединѣ потолка гостиной или залы. Дѣтскія игрушки, въ особенности, отличаются замысловатостью и тщательною отдѣлкою изъ хлѣба, изъ вываренной говяжьей кости. Мудрено вообразить себѣ какое либо мѣстечко или городокъ, сосѣдній съ каторжною тюрьмою, гдѣ бы не показывали какихъ либо мастерскихъ издѣлій арестантовъ, преимущественно столярныхъ и токарныхъ. Въ Сибири пользовался сильною извѣстностью повсюду Цезикъ, успѣвшій побывать и пожить во многихъ тюрьмахъ. Въ этомъ человѣкѣ тюремное досужество дошло до своего апогея и выразилось уже въ замѣчательномъ искуствѣ лѣпныхъ работъ. Работа Цезика для сибиряка предметъ серьезнаго значенія и высокой цѣны въ нравственномъ и матеріальномъ значеніи слова: въ особенности рѣдки и цѣнны стали его работы со смертью мастера, самого старика, со-

*) Эта часть также иногда отдавалась на отдѣльный откупъ, какъ и право собирать влазное. Новичекъ, чтобы откупиться отъ параши, платилъ въ артель, обыкновенно, отъ 3 до 5 руб. сер.; опытные и тутъ попадали на 50 коп.; но бродяги вносили только 3 коп. Право топить баню артель также продавала одному лицу, называемому банщикомъ. Стоило право 2—3 р., а гарантія этихъ денегъ заключалась въ устройствѣ за условную (и довольно высокую) плату любовныхъ свиданій.

сланнаго сюда въ 1830 году изъ Литвы во время польскаго мятежа. За недостаткомъ его работъ, которыми кичились и хвастались самые богатые и изысканные кабинеты золотопромышленниковъ и сибирскихъ начальниковъ, стали охотливо удовлетворяться работами его сына, но уже почти ничего не имѣющими общаго съ художественными работами отца. И за эти работы продолжали платить хорошія деньги. Старикъ передалъ сыну секретъ составлять различныхъ сортовъ и цвѣтовъ глину, завѣщалъ нѣсколько образчиковъ лѣпныхъ фигуръ, силуэтовъ и проч., но унесъ съ собою въ могилу тотъ секретъ, который оживлялъ всѣ его работы, прыскалъ на нихъ живою водою смысла и значенія. Въ истинномъ широкомъ значеніи слова отецъ Цезикъ художникомъ не былъ, но искуство дѣлать миніатюрныя работы, дѣйствительно, достойно всякаго изумленія, особенно если вѣрить преданію, увѣряющему въ томъ, что нѣкоторыя работы производилъ онъ въ тюрьмѣ, не имѣя ничего остраго (по общему тюремному положенію) — осколкомъ стакана, обломкомъ гвоздя и проч. Принявъ мѣры противъ возможно-кругового и постояннаго перелива денегъ изъ рукъ въ руки въ тюремныхъ стѣнахъ, арестанты безсильны противъ неизбѣжнаго выхода ихъ за тюремныя стѣны или въ руки приставниковъ. Въ сибирскихъ же тюрьмахъ прибылыхъ денегъ отъ подавателей бываетъ очень мало по той причинѣ, что сибирскіе купцы даютъ больше натурою: молокомъ кислымъ, булками, калачами, солониною и прочими припасами, большею частью порченными, каковые арестанты либо бросаютъ, когда подарокъ обзавелся червями, либо съѣдятъ, когда приношеніе только духъ даетъ.

Арестанты, въ видахъ усиленія денежнаго обращенія въ общинѣ своей, принуждены бываютъ искать побочныхъ средствъ и путей. Путей этихъ очень много и за ними слѣдить трудно, но извѣстно, напр., что тобольскій острогъ искони славился мастерствомъ приготовлять фальшивую монету серебряную (изъ олова) *). Рубль продавался обыкновенно за 30 копеекъ и караульные солдаты охотно брали эти деньги за таковую плату для сбыта темнымъ киргизамъ, остякамъ и татарамъ. Вторую статью дохода и въ томъ же тобольскомъ острогѣ составляла продажа фальшивыхъ печатей и видовъ; печать стояла въ цѣнѣ между полтинникомъ и рублемъ, а видъ продавался отъ одного до трехъ рублей серебромъ. Продается между собою все, что продать можно, и въ этихъ случаяхъ расходуются больше другихъ прихотливые; такъ, напр., продаются на нарахъ мѣста съ краю, какъ самыя удобныя, а потому и соблазнительныя среди общей и всегдашней тюремной тѣсноты. Цѣна за мѣсто стоитъ между 2 коп. и 1 рублемъ. Продавшій мѣсто спитъ уже на полу. Иркутскій острогъ придумалъ новую статью откупа, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что за водою для арестантовъ надо было ходить чуть не за версту—на рѣку Ушаковку. Воду эту арестанты сдали на откупъ водоносамъ, а въ водоносы записались тѣ два компаньона, которые исключительно стали заниматься этою работою и затѣмъ неустанно таскали воду цѣлый день съ утра до вечера (воды на большой острогъ требуется много). Во время этихъ прогулокъ оба возмѣщали съ большимъ избыткомъ тѣ два-три рубля, которые внесены ими въ артель за право, — подаяніями, полученными на переходахъ до рѣки и тюрьмы, отъ всякихъ благотворителей, клавшихъ въ руки гроши и копейки добровольно или по вызову, по просьбѣ самихъ арестантовъ *). Для мастеровыхъ и ремесленниковъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, за примѣтнымъ недостаткомъ въ Сибири такихъ людей, всегда находится работа и лишнія деньги въ тюремные капиталы, про домашній обиходъ. Арестанты работаютъ дурно, на спѣхъ, казенными испорченными инструментами, но хорошо и то, когда нѣтъ ничего, а тѣмъ болѣе, что и плата арестанту на волѣ властей и начальства: ближайшему даромъ, дальнѣйшему за полцѣны. Все-таки это игры не останавливаетъ; пріобрѣтенію вина и иныхъ сластей благопріятно даже и въ томъ случаѣ, если мастеровыхъ мало, но подрядчикамъ настоитъ нужда въ поденныхъ работникахъ. Если арестанту и гривенникъ одинъ дадутъ за день — онъ поворчитъ и на другой день охотливо лѣзетъ въ казенную шинель или полушубокъ, чтобы и этотъ гривенникъ изъ рукъ не выскочилъ и можно было подышать вольнымъ воздухомъ, въ кабакъ забѣжать, а пожалуй на рискъ и совсѣмъ убѣжать въ лѣса темные, дебри дремучія.

Всѣхъ этихъ удобствъ почти не вѣдаютъ и измыслить что нибудь подходяще собственно каторжныя тюрьмы не могутъ. Эти тюрьмы, напр., карійскія, самыя бѣдныя своими домашними внутренними средствами и здѣсь проигрывается и пропивается все казенное: и одежда и даже пища. Тюремныя деньги свободно выплываютъ на волю. На карійскихъ промыслахъ деньги на вино и вещи на чужой обиходъ сбываются тѣмъ бывалымъ тюремщикамъ, которые вышли изъ тюрьмы на такъ называемое пропитаніе и на краю селенія, въ особой слободкѣ, обзавелись домкомъ-лачужкою, а въ ней и юрдовкою, т. е. заведеніемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ арестантскимъ нуждамъ и аппетиту на вино и харчи, на игру и мазихъ. Вещи, сбываемыя сюда всегда

*) Чтобы дольше и прочнѣе держалась ртуть на оловѣ, приготовленный для монеты оловянный кружокъ арестанты кладутъ въ ротъ на цѣлую ночь, чтобы, такимъ образомъ, отдѣлить съ него окись.

*) Во время Святой недѣли откупъ воды сдавался рублей за семь.

въ наличности, уходили, хотя и на наличныя деньги или на обмѣнъ, ухо на ухо, уходили, разумѣется, далеко ниже своей стоимости; напр., шинель, стоившая казнѣ 2 руб. 17 коп., отдавалась въ юрдовкахъ за 75 коп. и, самое, большее, за полтора рубля. Передача вещей вольнымъ людямъ производится тамъ во время работъ на разрѣзѣ, но часто и непосредственно и въ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ.

Въ каторжныхъ тюрьмахъ сходство пріемовъ и правилъ съ тюрьмами русскими и сибирскими пересыльными поразительно: и въ нихъ бродяга—почетный человѣкъ, любимое и нѣжное дѣтище всей тюремной общины, хотя въ каторжной онъ уже и носитъ названіе **оборотия**—не въ смыслѣ звѣря миѳическаго, но по тому обстоятельству, что бродяга, попавшій на нерчинскую каторгу, былъ уже когда-то здѣсь, жилъ въ одной изъ здѣшнихъ тюремъ и теперь **обороченъ** (обращенъ), возвращенъ назадъ послѣ полученнаго ихъ наказанія гдѣ нибудь въ Россіи или въ той же Сибири.

Въ бродягѣ товарищи видятъ человѣка много испытавшаго на своемъ вѣку, много видавшаго и потому опытнаго; за многочисленныя страданія ему уваженіе отъ сердца, за его опытность почтеніе изъ практическаго разсчета самимъ поучиться. Возводя бродягу въ идеалъ тюремнаго быта, тюремные сидѣльцы любуются въ немъ образомъ мученика, страдальца (и притомъ многострадальнаго). Арестанты убѣждены, что одна часть совершенныхъ имъ преступленій невольная, сдѣланная отъ простоты, другая часть ему приписана судьями, о чемъ онъ узналъ только тогда, когда уже очутился въ тюрьмѣ. Знаютъ арестанты, что для товарища ихъ и въ будущемъ нѣтъ ничего отраднаго и живого. Въ силу этихъ положеній идеалъ бродяги для всѣхъ любезенъ и всѣ относятся къ нему съ любовью и простосердечіемъ, сколько по преданію и предразсудкамъ тюремнымъ, столько же и потому, что въ участи бродяги провидятъ свою будущую. Типъ этотъ, въ свою очередь, выработывается такъ кругло и опредѣленно, что, съ какой стороны ни подходи къ нему, арестантъ вездѣ встрѣтитъ черты, ему любезныя и понятныя. Бездольная жизнь по тюрьмамъ, таcканье по этапамъ—породили въ бродягѣ непониманіе, отчужденіе, даже отвращеніе ко всякаго рода собственности. Онъ не цѣнитъ и воруетъ чужую, не питаетъ никакой привязанности, не понимаетъ и своей личной собственности (арестанты давно уже выговорили про себя: „ѣдимъ прошенное, носимъ брошенное, живемъ краденнымъ"). Бродяга сдѣлался простосердеченъ и добръ до того, что если у него завелись деньги, ступай къ нему смѣло всякій—отказа не получитъ. Бродягѣ ничего не нужно, бродяга потерялъ къ себѣ всякое уваженіе и себя не цѣнитъ ни въ грошъ, ни въ денежку. Вотъ за это-то и цѣнятъ его другіе, такіе же, какъ онъ, бездольные и скорбные люди, которые сами черезъ годъ, много черезъ два, бѣгутъ съ каторги, сдѣлаются такими же бездомными бобылями, бродягами. У бродягъ нѣтъ никогда денегъ (и это новый поводъ къ сочувствію къ нимъ), но за то они богаты сердцемъ и, въ сущности, люди не злые, хотя иногда и озлобленные. Тюремные сидѣльцы, впрочемъ, и не требуютъ этой мягкости и, по особому складу ума своего и понятій, готовы полюбить въ бродягѣ и противоположный образъ—злодѣя, лишь бы только злодѣй этотъ удовлетворялъ главнымъ требованіямъ: былъ человѣкомъ твердаго нрава и несокрушимаго характера, былъ преданъ товариществу, общинѣ, былъ ловокъ на проступки и умѣлъ концы хоронить, никого не задѣвая и не путая; не дѣлалъ бы никакихъ уступокъ начальству, преслѣдовалъ бы его на каждомъ шагу, насколько это въ его тюремныхъ средствахъ, и вымогалъ отъ него всякими средствами льготы (не себѣ, а товарищамъ), а главное, умѣлъ бы смотрѣть легко на жизнь и на себя самого. Во имя этихъ доблестей, объ его старыхъ грѣхахъ никто не помнитъ, никто не знаетъ да и знать не хочетъ; довольно, если онъ теперь добрый молодецъ удалой, хотя бы вродѣ Коренева (который обязываетъ насъ отдѣльнымъ разсказомъ).

Арестанты, по свидѣтельству всѣхъ стоявшихъ къ нимъ близко, неохотно и очень рѣдко разсказываютъ о своихъ похожденіяхъ, объ злодѣйствахъ же никогда. Когда бывали попытки, то вся община строго приказывала смѣльчаку молчать. Бывали случаи, что арестанты разсказывали о своихъ похожденіяхъ легковѣрнымъ, всегда съ крайностями и циническимъ преувеличеніемъ мнимыхъ подвиговъ, но дѣлали это въ надеждѣ большого вознагражденія за разсказы. Возвратясь къ своимъ, разсказчики эти вслухъ глумились надъ легковѣріемъ любопытныхъ.

Арестанты, окруженные и вещественною и нравственною грязью, сами дѣлаются циниками и затѣмъ уже озлобленно питаютъ отвращеніе къ тѣмъ людямъ и тѣмъ постановленіямъ, которые, доведя ихъ до преступленія, лишили свободы. Выработывая свои правила, часто смѣшныя, рѣдко несправедливыя, они въ правилахъ этихъ бываютъ жестоки и всегда оригинальны. Такъ, напримѣръ: не привыкая хвастаться своими преступленіями и видѣть въ нихъ какое нибудь удальство, арестанты все-таки съ большимъ уваженіемъ относятся къ тому изъ бродягъ, который испробовалъ уже кнутъ и плети, стало быть, повиненъ въ сильномъ уголовномъ преступленіи. Такіе бродяги почетнѣе кроткихъ. Имена ихъ дѣлаются именами историческими, какъ бы имена героевъ, на манеръ Суворова, Кутузова, Паскевича. Такимъ образомъ, тобольская тюрьма помнитъ имена бродягъ: Жуковскаго, Туманова,

Островскаго (просидѣвшаго на стѣнной цѣпи въ Тобольскѣ десять лѣтъ), Коренева; нерчинскія тюрьмы: Горкина, Апрѣлкова, Смолкина, Дубровина, Невзорова и др. Память о нихъ переходитъ изъ артели въ артель съ приличными разсказами и легендами, а такъ какъ легенды эти имѣютъ много жизненнаго смысла и силы, то онѣ, въ то же время, служатъ поучительнымъ образцомъ и руководствомъ.

Чтобы судить о степени вліянія на артель тюремную этихъ бродягъ изъ злодѣевъ, мы приводимъ одну изъ множества легендъ, сказывающую въ то же время, до какой степени плотно и прочно тюремное товарищество. Дѣло—говорятъ—происходило въ тобольскомъ острогѣ, въ старомъ, стоявшемъ на обрывѣ надъ оврагомъ (нынѣшній новый замокъ построенъ на берегу Иртыша).

Живетъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи судебнаго приговора, одинъ изъ бродягъ—Тумановъ. Много преступленій скопилось на его головѣ, отъ многихъ онъ отвертывался, впутывалъ разныхъ лицъ, затягивалъ слѣдствія на цѣлый годъ и подъ шумокъ судопроизводства жилъ себѣ въ тюрьмѣ припѣваючи, пользуясь всякими ея благодатями. Къ концу года Тумановъ сообразилъ, что время его близко, раскинулъ умомъ и вышло, что быть рѣшенію скоро и рѣшеніе выйдетъ немилостивое, отъ военнаго суда. Ему ли, старому бродягѣ-законнику, не знать того, что шпицрутеновъ изломанной спинѣ его не миновать. Онъ и число палокъ сосчиталъ впередъ; не хуже любого законника. Разсказалъ онъ объ этомъ союзникамъ и попечалился имъ. Не шутя и чуть не черезъ слезы, высказалъ онъ имъ, что все это надоѣло ему крѣпко. Онъ говорилъ имъ: „Братцы, для меня кнутъ бы еще ничего, не люблю я солдатскихъ палокъ, да и нерчинская каторга дѣло бывалое. Вся бѣда въ томъ, что каторга эта стоитъ далеко, скоро ли съ каторги этой выберешься? А ужъ мнѣ это надоѣло, два раза уходилъ оттуда. Не надоѣла мнѣ мать-Россія: въ ней дураковъ больно много, а народъ въ ней простъ и нашему брату лучше тамъ жить, способнѣе. Какъ ни какъ, а мнѣ уходить отъ каторги надо дальше, ближе къ Россіи. Пособите братцы! Вся моя просьба: больше молчите теперь, а смѣкайте дѣло послѣ. Такъ или этакъ, а бѣжать мнѣ надо! Такъ это дѣло я порѣшилъ въ себѣ и средства придумалъ: вы только не мѣшайте, объ одномъ прошу“.

Было за этимъ Тумановымъ художество: умѣлъ онъ фокусы показывать; дѣло, собственно, вниманія не стоющее и въ тюрьмѣ пригодное въ досужій часъ, какъ праздничная забава. Поиграй оловянными рублевиками — товарищи посмотрятъ, глотай горячую смолу — они подивятся, привѣсь смѣшливому товарищу замокъ къ щекѣ — посмѣются. Да и не учащай этого дѣла, не налегай на него: дуракомъ почтутъ, уваженіе всякое потеряешь; въ тюрьмѣ живетъ народъ угрюмый, серьезный, формалистъ и большой рутинеръ.

Тумановъ такъ и поступалъ до сихъ поръ. Но съ нѣкотораго времени арестанты стали замѣчать, что Тумановъ началъ старыя штуки припоминать, новыя выдумывать и даромъ ихъ не показываетъ. Кто смотрѣть желаетъ—давай деньги! Смекнули это арестанты и, памятуя наказъ и просьбу, помогать ему стали. Отгородили ему мѣсто на нарахъ, занавѣску придѣлали изо всякой рвани, солдатъ повѣстили, что у нихъ теперь „кіятры“ будетъ Тумановъ показывать. Театръ въ Тобольскѣ дѣло рѣдкостное, любопытное, охотниковъ много нашлось. Со своихъ товарищей Тумановъ бралъ грошъ, съ солдатъ пятакъ. Копились у него деньги, но росла и слава, лучи которой сначала достигали до караулки, а потомъ хватили и до квартиры смотрителя. Приходилъ и онъ, старичекъ, съ семействомъ, похвалилъ Туманова и заплатилъ ему четвертакъ за посмотрѣнье. Не великое дѣло четвертакъ, больше четушки водки его не вытянешь, но велика сила, что смотритель его далъ. Теперь можно вести себя посмѣлѣе, бить на вѣрняка. Тумановъ и началъ бить.

Ни съ того, ни съ сего началась въ казармахъ возня и ломка; Тумановъ командуетъ всѣми, ставитъ одного къ стѣнѣ, другого къ нему на плечи, поставитъ двухъ рядомъ и опять къ нимъ одного на плечи. Цѣлое утро возится Тумановъ съ арестанскими ногами: и на одной оставляетъ многихъ и чуть у другихъ изъ вертлюговъ не выворачиваетъ. Въ казармѣ пыль столбомъ, смѣхъ и шумъ. Сторожа смотрятъ на все это, ничего не подозрѣваютъ, думая: „Казеннаго добра арестанты не портятъ, стеколъ не бьютъ, штукатурку не обламываютъ, пусть себѣ ломаются Тумановъ съ арестантами, стало быть, потѣшное что нибудь надумали. Дѣло же подходитъ къ празднику, намъ же арестанты забаву готовятъ, насъ хотятъ тѣшить. Придетъ къ нимъ и начальство смотрѣть, благо разъ уже удостоило“. Молчали солдаты.

Подошли, тѣмъ временемъ, праздники. Пошелъ по казармамъ слухъ, что Тумановъ намѣренъ дать „чрезвычайное и небывалое представленіе“: пройдетъ онъ съ шестомъ и изобразитъ живую пирамиду, но такъ какъ дѣло это въ казармахъ сдѣлать неспособно—потолокъ помѣшаетъ, то и не худо бы представить все это на тюремномъ дворѣ, на просторѣ, позволитъ ли только начальство, т. е. смотритель?

— Пусть,—говоритъ:—представляютъ! Я самъ приду посмотрѣть.

— А нельзя ли (просятъ) на томъ дворѣ, который къ задамъ идетъ, земля тамъ глаже и дѣлать способнѣе?

— Можно (велитъ передать), можно и на задахъ сдѣлать.

Назначенъ день представленія. На выбран-

номъ мѣстѣ арестанты скамеечку для начальстваприладили, обѣщалось начальство прибыть не одно, а съ гостями. Сбѣжался на представленіе чуть ли не весь острогъ: прибѣжали солдаты изъ караулки, хотя однимъ глазкомъ посмотрѣть, дежурный офицеръ явился въ киверѣ и чешуйки разстегнулъ, ждали гостей начальника и его самого—дождались!

Шли сначала мелкіе фокусы, изъ такихъ, которые уже видѣли; были такіе, которыхъ не видывали. Дошло дѣло до пирамиды. Стали ее ладить: стала пирамида, что одинъ человѣкъ, словно изъ мѣди вылитая. Взгромоздился на самый верхъ Тумановъ, шестъ въ руки взялъ. Пошла пирамида неразрывною стѣною... Тумановъ шестомъ заигралъ. Шла пирамида тихо, торжественно. Туманову снизу полушубокъ бросили, подхватилъ и не оборвался, новую штуку показалъ: на ногахъ устоялъ. Арестанты закричали, гулъ подняли. Дежурный офицеръ, изъ выгнанныхъ кадетъ, захлопалъ въ ладоши, чтобы показать свое столичное происхожденіе передъ дурами изъ смотрительскихъ гостей. Всѣ, однимъ словомъ, остались довольны.

А пирамида шла себѣ дальше, не шелохнувшись, а Тумановъ стоитъ себѣ выше всѣхъ, выше стѣны тюремной. Держится пирамида ближе къ стѣнѣ, подошла къ углу, остановилась. Глянули зрители на верхъ: нѣтъ Туманова, только пятки сверкнули. Пока опомнились (а опомнился первымъ смотритель), пока побѣжали черезъ дворъ (а дворъ очень длинный), сбили команду, побѣжала команда кругомъ острога, а острожная стѣна еще длиннѣе,—прошло времени битыхъ полчаса. Стали искать—и слѣдовъ не нашли! Шла битая тропинка круто подъ гору, ускоряя шагъ и поталкивая, и вились цѣпкіе, густые кусты, которымъ не было конца. А тамъ овраги, глубокіе овраги пошли въ пустыя мѣста, чуть ли не до самой Тюмени. Чертъ въ этихъ оврагахъ заблудится, дьяволъ въ этихъ кустахъ увидитъ! И зачѣмъ тропа и зачѣмъ овраги, когда, можетъ быть, лежитъ Тумановъ подъ стѣною съ изломанною ногою, съ отшибленнымъ легкимъ? Оглядѣли то мѣсто по примѣтамъ: и трава отошла и ничьего и никакого слѣду не видно. Полѣзли на стѣну и увидѣли, что стѣну арестанты ловко и предусмотрительно обдумали: стѣна была ординарная въ этомъ углу, тогда какъ во всѣхъ другихъ и на всемъ дальнемъ пространствѣ она была двойная. И на стѣнѣ нѣтъ Туманова. Нашли только на гвоздѣ его большую кудельную бороду. Для смѣху ее Тумановъ привязывалъ. Взяли это отребье, принесли къ смотрителю. Смотритель рапортъ написалъ по формѣ, бороду къ рапорту приложилъ и припечаталъ, а самъ поѣхалъ съ докладомъ къ губернатору.

Генералъ разсердился, раскричался на смотрителя. Вырвалъ у него изъ рукъ не рапортъ, а куделю, приложилъ кудельную бороду къ бритому подбородку смотрителя, да и вымолвилъ:

— Вотъ велю привязать тебѣ, дураку, эту бороду и станешь ты ходить съ нею до гробовой доски. Ну, зачѣмъ ты мнѣ принесъ ее, а не привелъ бѣглаго? Зачѣмъ? Отчего? Почему?...

Кричалъ начальникъ долго, а Тумановъ тѣмъ временемъ былъ уже далеко.

— Пошехонцы въ трехъ соснахъ заблудились, какъ сказываютъ, а нашему брату, бродягѣ, два дерева, только два дерева дай: мы такъ спрячемся, что десять человѣкъ не найдутъ. Дѣло это для насъ плевое, потому, какъ мы на томъ стоимъ, все въ лѣсахъ живемъ, все около деревьевъ этихъ водимся, одно слово—лѣсные бродяги.

Вотъ что разсказываютъ сами бродяги, которые знали Туманова лично, но что съ нимъ сталось дальше — разсказать не могли, не знали. Знали только то, что генералъ простилъ смотрителя и далъ арестантамъ возможность еще не одинъ разъ надъ нимъ посмѣяться.

— Смѣшной былъ человѣкъ, смотритель этотъ!—разсказывали мнѣ:—Дуракъ не дуракъ, а съ роду такъ. Бѣжалъ у насъ одинъ арестантъ черезъ трубу изъ нужнаго мѣста, бѣжалъ и тоже слѣдъ простылъ. Сказали смотрителю. Пришелъ онъ въ тюрьму, зашелъ къ намъ въ казарму подсудимыхъ, зашелъ и головкою сѣденькой помахиваетъ.

„— Этакая (говоритъ) скотина, въ какое мѣсто полѣзъ!... И какъ ему въ голову это пришло? И какъ, ребята, лѣзъ онъ туда, окаянный?!

„— Головой, думаемъ, ногами не способно.

„— Перепачкался, поди, весь!

„— И что за охота, что за охота собачьему сыну лѣзть?! Чертъ, дьяволъ толкалъ его, распроклятаго. Что за охота!!

„Головушкой трясетъ старичекъ и все одно слово повторяетъ. Мы глядѣли, глядѣли на него да такъ и фыркнули всей казармой. Самъ, молъ, ты дуракъ, сѣдой чертъ! Не знаешь, что и крѣпка твоя тюрьма, да чертъ ли ей радъ? Воля, молъ, лучше боли; коли отвага кандалы третъ, такъ она вѣдь и медъ пьетъ“.

Но какъ ни сильна эта отвага, побѣги собственно изъ казематовъ совершаются рѣже и притомъ, какъ замѣчено, на побѣгъ рѣшается удалый и бывалый и притомъ изъ тюремъ такъ называемыхъ пересыльныхъ. Правда, что арестантъ не упуститъ ни одного случая малѣйшей оплошности конвойныхъ, особенно за стѣнами острога на работахъ, и бѣжитъ, но все-таки побѣгъ не единственный выходъ изъ бездолья каторжнаго. Существуютъ и другіе пути, которыми идутъ арестанты къ призрачной свободѣ, и подкопомъ подъ тюрьму завоевываютъ временное облегченіе участи. Случаями этими особенно богаты собственно каторжныя тюрьмы.

Казенная работа изо дня въ день одна и та же, до возмутительно однообразныхъ и мелкихъ подробностей, помимо физическаго истощенія, истощаетъ всѣ нравственныя силы и, какъ вампиръ, высасываетъ запасъ терпѣнія даже и у тѣхъ, у которыхъ мягкость нрава, нерѣшительность характера и слабодушіе—прирожденныя черты характера. Такимъ людямъ до побѣга далеко. Малодушные выбираютъ другія средства и, не богатые вымысломъ и смѣлостью, кидаются на ближайшее.

Лѣтомъ арестантъ надрѣзываетъ (во время работъ) чѣмъ нибудь острымъ (осколкомъ стекла, кусочкомъ желѣза, кремнемъ) кожу какой нибудь части своего тѣла (больше на половыхъ органахъ) и въ свѣжую рану пропускаютъ свой или конскій волосъ. Добившись мѣстнаго воспаленія, нагноенія, онъ идетъ къ лекарю, фельдшеру и попадаетъ въ госпиталь за сифилитика. Туда же идутъ арестанты съ распухшими щеками по зимамъ, когда, по ихъ опыту, стоитъ только наколоть внутри щеки булавкою и выставить эту щеку на морозъ. На Карійскихъ промыслахъ очень часто, во время утреннихъ раскомандировокъ по работамъ, попадаются арестанты съ ознобленными пальцами на рукахъ. Наблюденія и розысканія убѣждаютъ въ томъ, что арестанты, обыкновенно ночью, смачиваютъ какой нибудь палецъ подручною жидкостью и достаточно нагрѣтый и теплый палецъ мгновенно спѣшатъ высунуть въ форточку окна на морозъ. Опыты подобнаго рода арестанты любятъ учащать на томъ основаніи, что во время не захваченный ознобъ скоро ведетъ за собою пораженіе отмороженнаго члена антоновымъ огнемъ, а отрѣзанный лекаремъ палецъ спасаетъ несчастнаго отъ исполненія полнаго числа уроковъ. Вотъ почему въ числѣ запретныхъ вещей арестанты любятъ добывать всякія ѣдкія, разъѣдающія жидкости. Сюда докторъ Кашинъ („Московская медицинская газета" 1860 года) относитъ известь и колчеданъ, а также и шерсть. „Другіе арестанты,—говоритъ онъ:—производятъ язвы приложеніемъ къ тѣлу листьевъ прострѣла (Anemone pulsatilla)". Для распознаванія язвы такого рода докторъ совѣтуетъ перевязывать ихъ самому врачу, подъ бинтъ подкладывать вощенную бумагу и всю повязку припечатывать. Употребленіе вощенной бумаги необходимо для того, чтобы арестантъ не раздражалъ язвы иглою, которую онъ пропускаетъ въ такомъ случаѣ черезъ наложенную повязку. Сдѣланныя иглою отверстія сейчасъ можно видѣть на бумагѣ. „Къ притворнымъ болѣзнямъ арестантовъ и ссыльныхъ,—говоритъ далѣе г. Кашинъ:—относятся также слѣпота, сведеніе конечностей и падучая болѣзнь; но во всемъ этомъ весьма легко удостовѣриться при нѣкоторомъ вниманіи и ловкости. При слѣпотѣ я подносилъ къ глазу свѣчу или иглу, сказавъ, что хочу дѣлать операцію, и обманъ открывался скоро. Въ притворныхъ сведеніяхъ стоитъ только сдѣлать значительный ударъ ладонью по верхнему плечу или по ляшкѣ—и больной отъ боли выпрямляль конечности. Отсутствіе пѣны и сведеніе большого пальца внутрь ладони служитъ вѣрнымъ распознавателемъ притворной падучей болѣзни; также внезапныя вспрыскиванья холодною водою и чувствительность при уколѣ иглою какой нибудь части тѣла. Но за то чесотка (scabies)—непремѣнная принадлежность тюремъ; язвы отъ скорбутнаго худосочія и ревматической боли отъ тренія кандалами, также сифилисъ въ страшныхъ формахъ и часто первичныя язвы не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показано, а circa anum или же in recto, какъ слѣдствія педерастіи. Называютъ эту болѣзнь хомутомъ (насадили хомутъ—заболѣлъ). Скорбутъ, диссентеріи и тифъ—болѣзни очень обыкновенныя. Ознобленія и отмороженія отъ недостатка обуви и вслѣдствіе побѣговъ и бродяжества — явленія столь частыя, что ихъ можно считать обыкновенными не только на этапахъ, но и въ тюрьмахъ. Замѣчено неоднократно воспаленіе глазъ (ophtalmia carceralis), зависящее отъ сѣроводороднаго газа, какъ домашняго продукта собственнаго арестантскаго издѣлія".

Вытяжкою сонной одури они дѣлаютъ искусственную слѣпоту: пуская жидкость въ глазъ, увеличиваютъ (расширяютъ) зрачки и, выставляя глазъ кверху при осмотрѣ, кажутся какъ бы дѣйствительно слѣпыми. При помощи жженной извести съ мушкою или купоросной кислоты вытравляли клейма, но не совсѣмъ удачно: оставалась бѣлизна и большіе шрамы. Это—старый способъ. Также старъ и нерчинскій способъ вызывать на мѣстѣ клейма мѣстное воспаленіе, а потомъ нагноеніе посредствомъ травы прострѣла (на щекахъ) и прижиганія трутомъ (на лбу). Трутъ, обычное народное средство при заволокахъ, въ особаго вида фонтанеляхъ (едно) и проч. замѣненъ былъ новымъ средствомъ — ляписомъ (lapis infernalis), на покупку котораго не щадили большихъ денегъ. Новѣйшій, самый послѣдній способъ уничтожать клейма, теперь уже отмѣненный, вѣрнѣе достигалъ цѣли: помогала высокая трава съ желтыми цвѣточками (Ranunculus acris), ростущая тутъ же передъ глазами, на острожныхъ дворахъ. Обваривъ клейменыя мѣста кипяткомъ, бьющимъ ключомъ, немедленно прикладывали эту траву и, вынеся жестокую пытку отъ боли, достигали цѣли тѣмъ, что траву эту держали на обваренномъ мѣстѣ недолго (не болѣе получаса). Рука краснѣла, а если припухала при этомъ, то творогъ прекращалъ страданія и воспаленіе: выходило ровно и гладко, словно во младенчествѣ мать ошпарила *).

Принимая натощакъ столовую ложку прошки (нюхательнаго табаку), арестанты достигали того,

*) См. доктора Кривошапкина «Описаніе Енисейской губерніи».

что ихъ клали въ больницу, принимая за начальные припадки серьезной болѣзни происходившее отъ того отравленіе, сопровождаемое тошнотою, блѣдностью кожи, біеніемъ жилъ и общею слабостью. Принимавшіе цѣлую деревянную ложку толченаго стручковаго перцу съ сахаромъ добивались грыжи и пили потомъ натощакъ по таковой же ложкѣ соку изъ рѣпчатаго луку, когда грыжа надоѣдала и дѣлалась ненужною. Той же грыжи добивались тѣ, у которыхъ достаточно было смѣлости на то, чтобы проглотить серебро, и столько терпѣнія въ надсадѣ и прыганьяхъ, чтобы, долго натуживаясь, добиться-таки желаемой гостьи. Въ разсчетѣ на глухоту, клали въ ухо смѣсь, вродѣ кашицы, изъ травяного соку, меду и гнилого сыра; послѣдній, разлагаясь, вытекалъ наружу жидкостью, но дурному запаху и бѣлому цвѣту весьма удовлетворительнаго характера. Порошкомъ, наточеннымъ въ древесныхъ дуплахъ червякомъ, дуютъ въ глаза желающему спекулировать бѣльмомъ, которое, однако, скоро проходитъ.

Хорошій флюсъ для арестантской практики также не мудреное дѣло: стоитъ надѣлать внутри щеки уколы иглою, пока не хрустнетъ (но не прокалывать насквозь), а затѣмъ, зажавъ носъ и ротъ, надувать щеку до флюса: щека раздуется, покраснѣетъ и на рожистое воспаленіе это очень похоже. Чтобы вылечить—стоитъ проколоть щеку снаружи насквозь и выпустить воздухъ.

Стягивая подъ колѣномъ кожу въ складки (съ захватомъ жилъ) и продѣвая сквозь морщины свиную щетину на иголкѣ, добивались искусственнаго сведенія ноги; щетина оставалась въ жилахъ. Распаривъ ногу въ банѣ и вынувъ щетину, можно и въ бѣга уйти *). Сушатъ ногу отъ колѣна до ступни тѣмъ, что подъ самымъ колѣномъ перетягиваютъ саржевымъ или шелковымъ платкомъ и помачиваютъ водою, и пр. и пр.

Впрочемъ, нѣкоторые арестанты наивны, какъ школьники, и идутъ на смотръ къ доктору, наколовъ булавкою десну и ноздри и принявъ кровь на рубашку, увѣряютъ въ кровохарканіи; другіе (геморoидалисты) подвязываютъ животъ и жалуются на спазмы. Однако, въ тѣхъ и другихъ случаяхъ легко достигаютъ цѣли, доктора уступаютъ ихъ настоятельнымъ заявленіямъ на отдыхъ и, обманутые и не обманутые, заставляютъ у ссыльныхъ рабочихъ нѣсколько времени, давая имъ перевести духъ и расправить натруженные члены на больничныхъ койкахъ. За то и арестанты считаютъ ихъ своими первыми благодѣтелями и на поселеніи всегда съ любовью вспоминаютъ объ нихъ.

Замѣчательно, что подобнаго рода притворщики (по личному признанію самихъ арестантовъ) въ тюремной іерархіи занимаютъ невидное мѣсто. Это плебсъ—черный народъ, который возбуждаетъ въ товарищахъ малое состраданіе въ такомъ только исключительномъ случаѣ, когда подлогъ ихъ обличится, не достигнувъ цѣли. Сами они, по большей части, не заботятся о возвышеніи своего нравственнаго уровня; мало блюдутъ за своими паденіями и довольны бываютъ тѣмъ униженіемъ, въ какое съумѣютъ поставить ихъ товарищи-аристократы изъ бродягъ. Ихъ обыкновенно называютъ „жиганами“. Роль ихъ тогда бываетъ незавидна и была бы тяжела для нихъ, если бы они, въ то же время, не были (за недостаткомъ практической изобрѣтательности) крайними бѣдняками, голышами. Конечно, въ тюрьмѣ найдутся средства кое-какъ добыть кое-какія деньги, но для того требуется униженіе, а разъ униженному далеко до уваженія, даже и до такого, какимъ, напр., пользуются бродяги. Бродяга скорѣе вытерпитъ всякую невзгоду, вынесетъ на обтертыхъ и привычныхъ плечахъ всякую каторжную работу, разъ десять обманетъ сторожей и пристава и смотрителя, но до крайняго униженія своей личности не дойдетъ. Бродяга не унизится передъ богатымъ, не пойдетъ онъ по заказу его уткою *), не согласится, когда заломается арестантъ-богачъ, чувствуя въ карманѣ деньги, и велитъ подать ему воды, принести какую нибудь вещь,

*) Вмѣсто щетины, для этой же цѣли берутъ нитку изъ дерева, называемаго волчье лыко. Кончикъ нитки оставляютъ наружѣ, чтобы послѣ вытянуть, ибо лыко не щетина, держать долго нельзя: дѣлается краснота и приключается большой жаръ.

*) Въ числѣ игръ, выдуманныхъ арестантами въ тюрьмахъ для общаго и частнаго (по заказу богачей) развлеченія, чаще другихъ употребляется эта утка. Желающему быть общимъ посмѣшищемъ и получить за то, смотря по обоюдному договору, пятачекъ серебра или гривенникъ, арестанты связываютъ на спинѣ обѣ руки веревкою и, такимъ образомъ, чтобы между ладонями можно было укрѣпить сальную свѣчку. Свѣчка эта зажигается. Нанятый шутъ обязанъ, не погасивъ огарка, ползти на брюхѣ съ одного края казармы до другого и по тому грязно-скользкому полу, каковъ, напр., въ тюрьмѣ Нижне-Карійскаго промысла, гдѣ эта игра въ большомъ употребленіи. Проползъ потѣшникъ на брюхѣ, не погасивъ свѣчки, онъ получаетъ договоренную монету; погасилъ на дорогѣ—даромъ всѣ труды пропадаютъ.

— Да еще и попадаетъ сверхъ того!—прибавляли мнѣ разсказчики.

— Бьютъ?

— Бить не бьютъ, а поднимутъ на глумъ, да такъ, что въ этотъ разъ битье-то, пожалуй, лучше бы...

Замѣчательно, что всѣ тюремныя забавы—какъ и быть, впрочемъ, слѣдуетъ—грубаго дѣла и большею частью основаны на испытаніи крѣпости зубовъ, волосъ, кожи и проч., на манеръ семинарскихъ бурсъ. Таковы, между прочимъ, и тѣ игры, которыя извѣстны, напр., въ петербургскомъ острогѣ: масло ковырять, покойника отпѣвать, пальто шить, колокола лить, на оленяхъ катать, присяга на вѣрноподданство по замку, Киршинъ портретъ, жгуты, голоса слушать и проч. Въ сибирскихъ тюрьмахъ любимая забава прилѣпить спящему къ подошвѣ голой ноги смазанную саломъ бумагу и зажечь ее.

чтобы за такую услугу, за удовлетворенie празднаго каприза, выдать прислужившемуся грошъ или пятакъ.

Настоящiй бродяга настолько практикъ, чтобы не быть трусомъ и побѣжденнымъ, и настолько свободенъ онъ и не побѣжденъ, что готовъ попасть опять на старое каторжное пепелище, но предварительно побывавъ въ бѣгахъ. Въ бѣга, однимъ словомъ, идутъ только тѣ люди, которые одарены волею и характеромъ, точно такъ же какъ въ госпиталь ложится только живой мертвецъ, побѣжденный и безнадежный.

Изъ нерчинскихъ тюремъ (да и вообще изъ тюремъ Восточной Сибири) побѣги совершаются замѣчательно часто и въ огромномъ числѣ. Какiя обстоятельства предшествуютъ и какими случайностями обставляются побѣги—этимъ всего болѣе обрисовывается каторжный бытъ.

ГЛАВА III.

ВЪ БѢГАХЪ.

Нерчинскiя горы и богатство ихъ.—Серебро.—Зерентуйскiй рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольня.—Шахта.—Лихтлогъ.—Несчастья на каторгѣ этого вида.—Рудниковый хозяинъ.—Заводскiе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: солеваренная и винокуренная.—Улучшенiя на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемъ разнообразiи способовъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглый на балу.—Побѣгъ цѣпного.—Голый бѣглецъ.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чалдонъ.—Лиса.—Побѣгъ на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронушки.—Приготовленiя къ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первые шаги въ бѣгахъ.—Неудачи.—Помощь караульныхъ.—Часовые въ бѣгахъ.—Обилiе побѣговъ.—Варнацкая дорога.—Звѣрское мщенiе.—Сыщики.—Бурята.—Похожденiя и злодѣйство бродягъ.—Медвѣди.—Пристанодержательство.—Заимки.—Старовѣръ Гурiй Васильевичъ.—Преслѣдованiя.—Кандалы.—Лѣсная пища во всемъ разнообразiи.—Саранча.—Горбачи.—Избiенiе цѣлой шайки бродягъ.—Губернаторъ Рупертъ.—Сыщикъ Карымъ.—Убiенныя горы.—Коурый.—Безопасные бродяги.—Левицкiй на Ленѣ и въ нерчинской каторгѣ.—Кяхтинскiй мѣщанинъ.—Бродяги на Байкалѣ, на Ангарѣ, подъ Казанью, въ Петербургѣ.—Бывальцы.—Бродяжья судьба въ дорогѣ.—Сибирскiе притоны и обычаи.—Предѣлы бродяжничества.—Вооруженные черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани.

Отъѣзжайте отъ такъ называемаго Большого Нерчинскаго завода верстъ на десять (хотя, напр., по направленiю къ Зерентую, на сѣверъ), выберите возвышенное мѣсто на попутной горѣ и оглянитесь назадъ! Полный, широкiй кругозоръ неба, къ которому такъ привыкаетъ глазъ на безбрежныхъ степяхъ и пустыняхъ, на этотъ разъ уменьшился больше чѣмъ на половину и отливаетъ вверху неопредѣленнымъ, примѣчательно тусклымъ свѣтомъ. Живыя и рѣзкiя вѣчныя краски его потускнѣли, истощивъ свою силу передъ тѣмъ, что уменьшаетъ округлость и широту небеснаго горизонта, что заслоняетъ отъ насъ больше чѣмъ половину его и что распласталось внизу. Непрерывною грядою и цѣпью тянется тамъ сплошная стѣна горъ, подтянувшихся одна къ другой и сплотившихся вмѣстѣ. Форма этихъ горъ и этой цѣпи, на первый взглядъ, поражаетъ чѣмъ-то оригинальнымъ, своеобразнымъ и незнакомымъ, но, всмотрѣвшись, узнаешь, однако, кое какiя черты знакомыя, выясняешь кое-гдѣ опредѣленные образы.

Море, казалось намъ, свободное и безпредѣльное море всколебалось до самаго дна въ то время, когда внутри его скопилась громадная сила и поверхность его, не выдержавъ напора внутренней силы, широкимъ и порывистымъ взмахомъ разбилась на густыя и широкiя волны. Волны эти разметались въ прихотливо-разнообразныхъ группахъ, гдѣ простому глазу и издалека примѣтны даже и брызги, густыя и мелкiя, сбившiяся на хребтахъ волнъ, и самая волна, во всю длину ея, вздувшаяся до того состоянiя, когда ей предстоитъ одна возможность уничтожиться отъ собственной тяжести и исчезнуть во вновь набѣжавшей. И вотъ, въ это самое время, когда внутренняя сила, управляющая волнами, готова была на новый напоръ снизу и на ту же работу на верху,—взволнованное и разсерженное море вдругъ онѣмѣло и застыло. Черты и краски, которыя могли исчезнуть безъ слѣда, чтобы уступить мѣсто инымъ и свѣжимъ, стали теперь вѣчными и неизмѣнными. Мало такихъ картинъ на всемъ широкомъ просторѣ Россiи, хотя и много тамъ горъ, холмовъ и пригорковъ! Мало такихъ горъ и по внутреннему достоинству, по подземному богатству ихъ, какъ горы Нерчинскаго края, хотя и есть въ Россiи Уралъ, Колыванскiя и Кузнецкiя горы. Серебромъ наполнены ихъ горныя нѣдра; по золотому песку текутъ выходящiя изъ горъ этихъ рѣки и увалами, своеобразнымъ видомъ, отливаютъ всѣ эти горы потому именно, что обладаютъ онѣ такимъ особеннымъ даромъ, что стоитъ за ними громадное, до сихъ поръ еще вполнѣ не оцѣненное преимущество. Некрасивы онѣ, когда подойдешь къ нимъ слишкомъ близко. Сумрачны издалека эти каменныя горы, голыя, скудныя растительностью,

силу которой какъ будто вэобрали въ себя, обездоливъ поверхность, внутреннія богатства, подспудныя и подземныя сокровища этихъ горъ. Но видъ на группу, на всю сплошную массу Нерчинскихъ горъ издали, не теряетъ всего обаянія и всей своей прелести, подкупаемой, сверхъ того, тѣмъ представленіемъ, какое даютъ практическія наблюденія. Къ нимъ-то мы и подходимъ теперь, опираясь на тѣ данныя, которыя добыты горною наукою.

Нерчинскій горный округъ, на половину обслѣдованный, но далеко еще не вполнѣ разработанный, представляетъ одно изъ сильныхъ и богатыхъ мѣстъ въ свѣтѣ по разнообразію всякаго рода горныхъ породъ металловъ и минераловъ. Окрестности Петровскаго завода и Тункинскія горы, въ западной половинѣ Забайкалья, богаты магнитнымъ желѣзнякомъ. Тотъ же желѣзнякъ находится на восточной сторонѣ Яблоноваго хребта, раздѣляющаго Забайкальскую область на двѣ половины: по рѣкамъ Урову (впадающему въ рѣку Аргунь) и по Тайнѣ (притоку рѣки Газимура). Горы между Нижнею и Среднею Борзею столь богаты тѣмъ же магнитнымъ желѣзнякомъ, что тамошніе жители называютъ ихъ не иначе, какъ „желѣзною цѣпью“. Системы рѣкъ Витима и Чикоя (въ западной половинѣ Забайкалья) и Карійская и Шахтаминская системы (въ восточной половинѣ) давно уже извѣстны разработками золота. Въ этой послѣдней части вездѣ, гдѣ господствуютъ гранито-сіениты, почти сплошная золотоносная система; таковы розсыпи: Лунжанка, Казакова, Култума, Солконконъ, Тайна, Быстрая и другія. Въ 1855 году поисковая казенная партія нашла золото и въ западной части Нерчинскаго округа, въ глухомъ, необитаемомъ югозападномъ углу, ограниченномъ китайскою границею и Яблоновымъ хребтомъ, раздѣляющимъ округъ на двѣ, почти равныя половины. По рѣкѣ Прямой-Бальджѣ, при шурфовкѣ, найдены благонадежные признаки, а по рѣкамъ: Елатую, Каролу, Долтондѣ, Цагано, Іорухану и также Бираю, также богатыя розсыпи, послужившія къ быстрымъ и серьезнымъ обогащеніямъ, когда дозволена была добыча частнымъ людямъ въ началѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и когда золото найдено на рѣкѣ Нерчѣ, почти подъ самымъ городомъ Нерчинскомъ. Золото—однимъ словомъ—оказалось вездѣ тамъ, гдѣ господствуютъ сланцы. Какъ только эти послѣдніе уступаютъ мѣсто гранитамъ, тамъ, вмѣстѣ съ этимъ, исчезаетъ и самая золотоносность. Шахтама и Култума, сверхъ содержанія золота, обѣщаютъ добычу ртути, обладая большимъ количествомъ киновари; въ Нерчинскомъ горномъ округѣ — единственное въ Россіи мѣсто нахожденія олова. Всѣ горныя покатости къ югу отъ системы притоковъ рѣки Шилки, по системамъ притоковъ Аргуни, съ давнихъ временъ даютъ въ замѣчательномъ избыткѣ серебро, которое прославило Нерчинскій округъ. Это — самый главный продуктъ земныхъ сокровищъ Нерчинскихъ горъ и нерчинскіе заводы обязаны главною добычею его съ той самой поры, когда край этотъ, одинъ изъ богатыхъ серебромъ въ цѣломъ свѣтѣ, сдѣлался собственностью Россіи. Серебряные рудники открыты здѣсь давно и въ примѣчательномъ обиліи.

Въ 1722 году императоръ Петръ I именнымъ указомъ своимъ велѣлъ всѣхъ, освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначенныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальніе города, посылать въ Дауры на серебряные заводы. Въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія разработка серебряныхъ рудъ пріостановлена и на нынѣшнее время значительно противъ прежняго ослаблена. Нерчинскій же горный округъ съ его розсыпями и промыслами золотыми и съ его заводами еще до сихъ поръ представляетъ для насъ интересъ ссыльнаго мѣста, а потому мы и останавливаемся на немъ, какъ на мѣстѣ работъ, предназначенныхъ для ссыльно-каторжныхъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ серебряныхъ рудниковъ (Зерентуйскій) у насъ передъ глазами. Онъ открытъ въ 1825 году, вмѣстѣ съ Благодатскимъ. Толщина его не болѣе 2 саженъ, мѣсторожденіе заключается въ известнякѣ, падаетъ почти вертикально и наполнено преимущественно талькомъ, въ которомъ желѣзисто-свинцовыя охры со свинцовымъ блескомъ и бѣлою свинцовою рудою попадаются небольшими гнѣздами. Въ пудѣ руды ½ золотника серебра и 1 фунтъ свинцу, но, черезъ промывку, руды обогащаются серебромъ до 1½ золотника и свинцомъ до 4 фунтовъ. Работа начата шахтою и продолжалась гезенгами и дворами въ 34-саженной глубинѣ. Для движенія воздуха углублена шахта въ висячемъ боку мѣсторожденія *).

Мы у подошвы горы, которая отлого (тянигусомъ—по сибирски) взбирается въ высь и тамъ, гдѣ-то не на виду у насъ, сливается съ другими горами, а можетъ быть и съ цѣлою грядою горъ. Гора наша, по наружному виду, ничѣмъ не отличается отъ окрестныхъ: тѣ же гольцы и камни, обѣщающіе скудную растительность въ живое время, то же обиліе моху и по мѣстамъ примѣчательно-ничтожное количество снѣгу, когда все кругомъ завалено имъ. Раз-

*) Дворы — обыкновенныя горизонтальныя работы (орты ифоршлаги), проводимые непосредственно однѣ надъ другими. Они всегда идутъ по рудамъ и употребляются болѣе для выемки ихъ на очистку, также и для преслѣдованія ихъ по паденію. Сначала ведутъ по рудѣ обыкновенный горизонтальный ходъ, укрѣпляемый временною или фальшивою крѣпью изъ двухъ стоекъ и перeклада на 1—2 сажени; потомъ эту крѣпь замѣняютъ настоящею.

ница одна: у нашей горы, позади насъ и не въ дальнемъ разстояніи, раскинулось довольно большое селеніе со старыми, гнилыми домами, разбросанными въ безпорядкѣ и доказывающими наружнымъ видомъ своимъ, что хозяева ихъ самые бѣдные и несчастные люди во всемъ свѣтѣ: нѣтъ ни одного дома, который говорилъ бы даже о кое-какомъ достаткѣ. Селеніе это казенное и приписано къ руднику. Въ горѣ нашей находится самый рудникъ серебряный, давно уже существующій, какъ сказано выше.

Прямо передъ нами бревенчатый сарайчикъ, по мѣстамъ обшитый досками и однимъ краемъ своимъ вплотную примкнутый къ горѣ, у самой подошвы ея. Досчатая дверь вводитъ насъ въ этотъ теплый и натапливаемый домикъ. Здѣсь предлагаютъ намъ снять шубу на томъ основаніи, что безъ нее будетъ свободнѣе ходить по руднику, гдѣ, говорятъ, теплѣе, чѣмъ въ этомъ домикѣ, тепло, какъ въ банѣ. Но помня, что на дворѣ слишкомъ 30° мороза, мы не рѣшаемся разстаться съ шубою (въ чемъ, однако, пришлось намъ потомъ раскаяться). Намъ надѣваютъ на шею, на длинной веревкѣ, плоскій фонарь съ зажженною свѣчею и мы направляемся въ то чистилище, о которомъ съ самаго дѣтства слыхали такъ много страшнаго. Вотъ за этою-то новою дверью (и опять досчатою)—думалось намъ на тотъ разъ—тѣ каторжныя норы, гдѣ мучилось столько „несчастныхъ“ и погибло въ нихъ безъ слѣда и воспоминаній. За нею-то, за дверью этою, одинъ изъ тѣхъ рудниковъ, о которыхъ ходятъ по всей Россіи такіе мрачные и страшные разсказы. И теперь мы съ трудомъ отдѣлываемся отъ непріятнаго чувства боязни, безсознательнаго страха и тоски, до такой степени неодолимыхъ, что были моменты, когда мы готовы были оставить наше намѣреніе и вернуться назадъ изъ опасенія не подвергать себя крупнымъ и тяжелымъ впечатлѣніямъ. Потребовалось энергическое усиліе воли, чтобы направиться дальше за эту таинственную дверь, и, разъ рѣшившись идти впередъ, мы принудили себя безропотно подчиниться провожатымъ, но непріятное чувство душевной тяжести и безотчетнаго сердечнаго трепета насъ не покидаетъ. Отворилась дверь, словно въ адъ, и истинное подобіе его представилось намъ тотчасъ же, какъ только глаза наши встрѣтили за дверью непроглядный, мертвенный сумракъ. Къ тому же по нѣсколькимъ ступенямъ мы опустились внизъ, на нѣсколько аршинъ ниже подошвы горы. Высокая гора, всею массою, всею своею громадою стояла теперь надъ нами, усиливая тяжесть нашихъ впечатлѣній. Мы въ горѣ и подъ землею, словомъ—мы въ рудникѣ.

Слишкомъ рѣзкій, крайній переходъ отъ дневного свѣта прирудниковой свѣтлицы-передней во мракъ самого подземелья не позволяетъ глазамъ нашимъ что либо видѣть, что либо понять изо всего того, что творится передъ нами, сзади насъ и по бокамъ. Мы слышимъ голоса, но они кажутся намъ такими глухими и робкими, что какъ будто и они, какъ и нашъ голосъ, выходятъ изъ сдавленной и натруженной груди. Гдѣ-то впереди, какъ волчьи глаза, мелькаютъ огоньки, но свѣтъ ихъ, поглощаемый густотою окрестнаго мрака, до того слабъ, что кажется особеннымъ, рудниковымъ. Висящій на груди у насъ фонарь нашъ дѣлаетъ не больше того: свѣтъ его чуть брезжится, ударяетъ въ спину проводниковъ, освѣщая двѣ-три заплаты на полушубкахъ. При поворотахъ въ сторону, свѣтъ сальной свѣчки успѣваетъ обнаружить въ себѣ присутствіе силы настолько, что мы различаемъ досчатыя стѣны, мокрыя, сырыя, и такія же доски наверху, на потолкѣ. Когда глазъ успѣлъ приноровиться, мы—что называется—оглядѣлись: передъ нами и позади насъ оказался несомнѣнный корридоръ, такой же точно, какъ и тѣ, до которыхъ такіе охотники петербургскіе домовладѣльцы и архитекторы, доказывающіе этимъ безсиліе своей изобрѣтательности и несостоятельность своей науки; этотъ корридоръ намѣревался доказать противное. Онъ былъ такой же узкій и теплый и въ такомъ же прямомъ направленіи тянется куда-то вдаль. Мы идемъ ни ниже, ни выше, идемъ также свободно и теперь, какъ шли сначала, и идемъ какъ будто уже много саженъ, не одинъ десятокъ саженъ и — останавливаемся. Передъ нами третья дверь и обитый досками корридоръ кончился.

— Что это значитъ?

— Корридоръ,—отвѣчаютъ намъ: — тунель этотъ называется штольнею. Та часть штольни, которую мы прошли и которая сверху, снизу и съ боковъ забрана досками, уже выработана и къ дѣлу не годится. Рабочіе въ ней только для того, чтобы положить досчатыя заплаты тамъ, гдѣ старыя доски прогнили до слезъ. Разрабатывается вотъ эта...

Отворили дверь—и мы снова погрузились во мракъ, который кажется намъ еще гуще и непрогляднѣе. Мы съ трудомъ передвигаемъ ноги, которыя на каждомъ шагу встрѣчаютъ какія-то рытвины, какіе-то камни, а между ними, по самой серединѣ дороги нашей, тянется цѣлый желобъ. По бокамъ, въ стѣнахъ—каменныя глыбы; наверху, на потолкѣ такіе же голые, неправильной формы обитые камни; и тѣ и другіе на ощупь холодны, сыры, слизисты. Фонарная свѣча на большей части изъ нихъ освѣщаетъ ржавчину, окиси. Ощущенія становятся еще тяжелѣе: каменныя груды начинаютъ давить насъ нравственно всею тягостью внѣшняго вида своего и мы снова съ трудомъ владѣемъ собою при объясненіяхъ.

— Это известнякъ и глинистый сланецъ— подпороды, а вотъ и самая порода—наше богатство. Изъ нее-то мы добываемъ достославное

серебро, которое и въ нашихъ рукахъ стало въ рѣдкость, какъ говорятъ, рѣдко оно и у васъ, въ Россіи.

Черезъ груды этихъ подпородъ и между глыбами породы пробираемся мы дальше. Начинаемъ примѣтно уставать: намъ становится не только жарко, но даже душно (напрасно мы не оставили шубы въ прихожей свѣтлицѣ). Духота, наполняющая на этотъ разъ штольню, напомнила намъ ту насыщенную влагою атмосферу бани, когда разрядился паръ, въ обиліи сорвавшійся съ каменки. Въ духотѣ этой (думалось и выговорилось нами) одинъ изъ видовъ каторги и духота эта, между прочимъ, полагалась одною изъ мѣръ наказанія нѣкогда работавшимъ здѣсь преступникамъ; духота эта едва выносима.

— Отворите дверь! — закричалъ одинъ изъ проводниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе наше.

Крѣпкая струя морознаго воздуха мгновенно и съ неудержимою силою ворвалась въ штольню и выхватила и унесла впередъ въ широкое отверстіе шахты весь тотъ удушливый и гнилой воздухъ, который до этой поры тяготилъ насъ. Пока задняя входная дверь стояла открытою, мы съ трудомъ удерживали на головахъ шапки: до того была сильна тяга воздуха, которая, имѣя для насъ значеніе сквозного вѣтра, становилась уже излишнею и дѣлалась опасною для здоровья. Пока мы подвигались дальше, въ штольнѣ опять накопилось достаточно теплоты, чтобы снова жаловаться на шубу.

Въ одномъ мѣстѣ, влѣво отъ насъ, изъ штольни потянулся глухой и тупой, безъ пролета, корридоръ, никуда не выводящій, и, въ отличіе отъ штольни, на горномъ языкѣ извѣстный подъ именемъ лихтлога. Свѣтъ фонаря освѣтилъ намъ его начало и изнылъ въ той густотѣ мрака, которую не разрѣжалъ ни разу лучъ солнечнаго свѣта и съ которою ведетъ по временамъ борьбу свѣтъ шестериковыхъ сальныхъ свѣчъ въ фонаряхъ рабочихъ.

Войти въ лихтлогъ мы не рѣшились и не пошли туда по той простой причинѣ, что лихтлогъ—тоже штольня, только поперечная, боковая, безъ выхода; боковая оттого, что увела ее туда серебряная жила, ударившаяся въ бокъ отъ основной, давшей направленіе штольнѣ. Безъ выхода лихтлогъ потому, что на тупомъ концѣ его оборвалась надежда на добычу: серебра стало меньше и дальнѣйшая работа не обѣщала возврата затраченныхъ силъ и капитала. Штольня повела насъ дальше и прямо, одинъ лихтлогъ остался въ сторонѣ на право, другой—на лѣво.

Каменныя груды съ боковъ и надъ ними, не укрѣпленныя искуствомъ и сдерживаемыя только силою взаимнаго тяготѣнія и упора, — грозятъ опасностью. Вода, въ избыткѣ просачивающаяся между камнями, усиливаетъ представленіе этой опасности для насъ, непривычныхъ, безсильныхъ схватить всѣ подробности дѣла и на тотъ разъ понять всю систему предосторожностей. Мы радуемся за каждый шагъ, который завоевываемъ при выходѣ изъ штольни и не безсознательно вздрагиваемъ въ боязни за себя, когда слышимъ предостереженіе провожатыхъ спрятаться на бокъ, гдѣ нибудь около стѣнки, въ первое попавшееся углубленіе въ ней. Примѣръ тому видимъ на всѣхъ нашихъ спутникахъ и, спрятавшись какъ умѣли и успѣли, мы вздрагиваемъ во второй разъ отъ сильнаго удара, который глухимъ и тупымъ раскатомъ потрясъ всю штольню и исчезъ безъ отголоска.

— Что это такое?

— Забой дѣлали, взрывъ произведенъ.

Ощущаемъ пороховой запахъ, видимъ впереди себя новую вспышку и тотчасъ новый глухой стукъ взрыва, причемъ снова ощущаемъ запахъ пороха. Идемъ къ тому мѣсту и видимъ или, лучше, слѣпо различаемъ на полу какія-то дыры, видимъ буравы въ рукахъ рабочихъ; намъ объясняютъ:

— Буравъ вертитъ на землѣ скважину и оттого скважинѣ этой даемъ названіе буровой. Она заряжается порохомъ, порохъ рветъ часть грунта, выхватываетъ тѣ камни, которые мѣшаютъ намъ прокладывать жолобъ. Жолобъ этотъ по серединѣ пола штольни надобенъ намъ для стока воды. Вода одолѣваетъ наши работы безгранично; оставить ее на собственный произволъ и не выводить вонъ, значитъ, поступиться всѣмъ рудникомъ: вода зальетъ его, какъ залила уже всѣ разработанные и покинутые или по волѣ начальства или по тому, что они уже сами по себѣ перестали служить свою полезную службу.

— Жолоба для стока воды мы закрываемъ досками, чтобы легче ходить и работать, жолобъ облегчитъ работы въ забояхъ. Полъ облегчитъ перевозку руды въ тачкахъ по штольнѣ до шахты.

— Но гдѣ же каторга, гдѣ тѣ работы, которыя мы привыкли считать самыми тяжелыми, называть каторжными?

— Такихъ работъ нѣтъ въ рудникахъ. Здѣсь мы даемъ молотокъ и ломъ. Молоткомъ рабочій обиваетъ породу, освобождаетъ ее отъ сопровождающихъ ненужныхъ намъ подпородъ; ломомъ вынимаемъ ту глыбу, которую намъ нужно и которую указываетъ и объясняетъ знающій дѣло распорядитель работъ. Глыба эта подается на ломъ, когда молотъ съумѣлъ хорошо распорядиться около нее. Вынутая изъ своего мѣста, она кладется на носилки или въ тачку и рабочій везетъ одинъ или несетъ съ товарищемъ къ бадьѣ, спущенной на дно широчайшей трубы, идущей отъ вершины горы до самой подошвы ея и называемой шахтою. Когда рабочій опростаетъ свою ношу, то кричитъ на верхъ. Бадью верхніе рабочіе поднимаютъ воротомъ на самый верхъ горы. Тамъ опоражниваютъ бадью, складывая руду на носилки. Тачекъ рабочіе не любятъ и предпочитаютъ имъ носилки, всегда пред-

нолагающіе товарища, когда и трудъ раздѣленъ и есть съ кѣмъ перекинуться разговоромъ. Добытую породу сносятъ верхніе рабочіе въ указанное мѣсто въ кучу, изъ которой она уже поступаетъ для сортировки въ такъ называемую рудораздѣльную свѣтлицу. Выйдемъ черезъ шахту на верхъ, я вамъ и это все покажу.

Вотъ до насъ начинаютъ добираться лучи дневного свѣта, падающіе сверху. Свѣтъ нашего фонаря блекнетъ, мы стоимъ подъ крутою деревянною лѣстницею. Мы взбираемся по этой отвѣсно поставленной лѣстницѣ съ широко разставленными приступками, съ обязательно неизбѣжными перилами. Лѣстница плотно придѣлана желѣзными закрѣпами къ каменной стѣнѣ шахты. Съ трудомъ и надсаживая грудь, при помощи перилъ, поднимаемся мы на верхъ и съ трудомъ переводимъ дыханіе, очутившись на первой площадкѣ. Площадка эта однимъ краемъ опять уходитъ въ сырой и непроглядно мрачный лихтлогъ, идущій параллельно нижней штольнѣ и составляющій въ рудникѣ какъ бы второй этажъ его. Другой конецъ площадки обрывается въ ту огромную яму, которая прорыта до самой подошвы горы и до дна той штольни, къ которой мы были, и освѣщается такою же широкою, какъ нижняя яма трубою, составляющею ея продолженіе и выходящею на верхушку горы. Отдохнувъ, осиливаемъ вторую лѣстницу, такую же отвѣсную и крутую, такую же неподатливую, съ такими же крѣпко захватанными перилами, снова устаемъ до изнеможенія и съ радостью узнаемъ на второй площадкѣ, что конецъ мученіямъ близокъ. Узнаемъ здѣсь, что зерентуйская шахта, которая кажется намъ теперь глубокимъ и широкимъ колодцемъ, имѣетъ глубины 24 сажени: первая лѣстница 11 саженъ, вторая 13; что бревенчатый сарай надъ шахтою колодцемъ сооруженъ уже на крайней вершинѣ горы, что вся зерентуйская штольня длиною въ 160 саженъ, но что дѣлаютъ новую—„Надежду“, которая будетъ еще больше, еще длиннѣе, но въ другомъ мѣстѣ.

Отрадно было, по выходѣ изъ шахты, взглянуть на свѣтъ Божій. Весело было вздохнуть свѣжимъ, хотя на этотъ разъ и крѣпко морознымъ воздухомъ, и еще краше и веселѣе глядѣли теперь на насъ со всѣхъ сторонъ окрестные валуны, эти застывшія морскія волны. Еще сумрачнѣе, тяжелѣе и каторжнѣе показалась намъ вся темная мгла подземельевъ—штоленъ, лихтлоговъ и тяжелый полумракъ шахты.

Цѣлыми десятками лѣтъ, не одною тысячью преступныхъ и непреступныхъ рукъ, рылись эти каторжныя подземелья и рудникъ, оцѣненный десятками тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣнѣ отъ того множества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ на тяжелой опасной работѣ, и которые ввѣрены были тѣмъ же бездушнымъ стѣнамъ и тѣмъ же безгласнымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходитъ все то золото, которымъ покупается цѣлый свѣтъ, и только въ немногихъ мѣстахъ къ ключевой водѣ этой примѣшиваются и мутятъ и темнятъ эту воду горькія слезы несчастныхъ. Все серебро, накипѣвшее въ нѣдрахъ земныхъ, добытое въ сибирскихъ рудникахъ, прошло черезъ горькія и также ключемъ бьющія слезы несчастныхъ. Сколько смертей, нежданныхъ и негаданныхъ, накидывалось тамъ, въ этихъ темныхъ и сырыхъ подземельяхъ, на терпѣливую, замѣчательно выносливую и крѣпкую натуру русскаго человѣка, хотя на этотъ разъ и обездоленную крутымъ житейскимъ переломомъ и крутымъ, большею частью непредвидѣннымъ несчастьемъ. Извѣстенъ, между прочимъ, слѣдующій трагическій случай въ рудникѣ „Тайнѣ“, около Газимурскаго завода, въ одномъ изъ наибольшихъ за Байкаломъ. Въ одной изъ штоленъ этого рудника работали трое: два поляка и русскій. Разложенный на днѣ шахты огонь, при запертыхъ дверяхъ, наполнилъ весь корридоръ убійственнымъ сѣрнымъ газомъ. Дымъ, валившійся изъ этого отдѣленія, достигъ и того, гдѣ эти трое кирками обивали оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрою. Будучи не въ состояніи дольше оставаться въ атмосферѣ, насыщенной газами, поляки по лѣстницѣ поднялись на свѣжій воздухъ. Одинъ изъ поляковъ, видя, что товарищъ (русскій) остался внизу и долго не выходитъ, крикнулъ ему сверху, чтобы поспѣшилъ выбираться, иначе непремѣнно погибнетъ. Не получивъ отвѣта, полякъ Рожанскій сошелъ по лѣстницѣ внизъ и едва успѣлъ ступить на дно штольни, какъ упалъ безъ чувствъ, отравленный сѣрными газами. Товарищъ его (Вржосъ) въ безпокойствѣ и съ боязнью выжидалъ земляка и, не дождавшись, поспѣшилъ спуститься въ рудникъ и нашелъ обоихъ товарищей въ безпамятствѣ лежащими на полу. Онъ схватилъ, прежде всего, земляка своего и понесъ по лѣстницѣ. Чувствуя приступы отравы, онъ собиралъ послѣднія силы, дошелъ уже до половины лѣстницы, но здѣсь силы его оставили, онъ опрокинулся съ крутизны навзничь и разможилъ свою и товарища голову о камни. Черезъ нѣсколько дней потомъ лазившіе на дно штольни нашли три трупа. Одинъ изъ нихъ обхватилъ рукою другого; оставалось одно: похоронить обоихъ въ одномъ гробу.

Отпустятъ работника въ полусвѣтъ шахты, проведутъ его въ непроглядный мракъ штольни, — вездѣ одно: та же сосредоточенная, кропотливая, тяжелая работа, съ которою и самая пѣсня, плохо прилаживаясь, недружно живетъ. Дружно живетъ одинъ вымыселъ, сильно работаетъ одно только воображеніе, досужее рисовать по готовымъ образцамъ все, что угодно. Ему ли оставлять свою работу и поступаться

свободою въ то время, когда все является на помощь и содѣйствіе: мракъ кругомъ и только тусклый мерцающій полусвѣтъ около, да неожиданный блескъ, яркая вспышка гдѣ-то вдалекѣ и въ томъ подземельѣ, гдѣ всякій звукъ, всякій стукъ молотовъ возвращается назадъ усиленнымъ, но не разбросаннымъ тупымъ эхомъ, подчасъ извращеннымъ, смотря по тѣмъ условіямъ, въ какихъ находится въ то время слухъ и воображеніе. Паденіе водяныхъ струй и капель со стѣнъ и потолка, трескъ осколковъ породъ и шлепанье глиняныхъ глыбъ, шумъ забоевъ, грохотъ отъ взрывовъ, каждый легкій шорохъ—все это даетъ пищу одиноко поставленному и предоставленному самому себѣ воображенію. Раздражается оно неизбѣжно и при этомъ съ такою быстротою и силою, на которыя способно суевѣрное воображеніе всякаго русскаго рабочаго, и будетъ преисполняться каждый изъ нихъ суевѣрнымъ страхомъ и неестественными представленіями, потому что всякое движеніе, всякій шагъ въ подземельѣ представляется въ иномъ видѣ, отшибается неправильнымъ и извращеннымъ отголоскомъ. Работы въ забояхъ, мракъ лихтлоговъ, полусвѣтъ шахты, при слабомъ освѣщеніи фонаремъ, удлинняющимъ и укорачивающимъ тѣни людей и окружающихъ предметовъ по прихотливому произволу, существованіе большихъ и крупныхъ крысъ, которыя любятъ возиться, пищать, грызть, шумѣть и больше всего поживляться около сальныхъ огарковъ въ фонаряхъ и называются хозяиномъ. Все это намъ объясняетъ существованіе множества разсказовъ и о домовомъ—рудниковомъ хозяинѣ, и о лѣшемъ — врагѣ человѣка и здѣсь, въ этихъ каторжныхъ норахъ. Съ безчисленнымъ множествомъ разсказовъ о нежити—нечистой силѣ—выходятъ оттуда рудниковые рабочіе, суевѣріе которыхъ, вообще, сильнѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Такъ, напр., на этомъ же Зерентуйскомъ рудникѣ, подлѣ самой шахты двѣ горы, изъ которыхъ одну прозвали Шумихою, а другую Звонухою (за какіе-то непонятные и хорошо не изслѣдованные шумъ и звонъ, происходящіе около нихъ и въ нихъ при извѣстныхъ вѣтрахъ), ссыльные и вольные рабочіе считаютъ страшными. Они указываютъ на нихъ, какъ на несомнѣнное гнѣздилище вражьей нечистой силы. Ночные страхи здѣсь дѣятельнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что въ рудниковыхъ подземельяхъ вѣчная ночь, какъ питательное начало, и дѣйствительнѣе уже потому, что рабочіе на цѣлый день, со своею пищею, уходятъ сюда въ густой мракъ. Они кончаютъ работу и выходятъ на вольный воздухъ, когда уже точно такой же мракъ покрываетъ землю и облекаетъ собою все живущее на ней некаторжною жизнью.

Каторжна жизнь рудниковаго рабочаго и потому, что она безплатная, обязательная, казенная и потому еще, что подвергается случайностямъ, недалека отъ несчастій и граничитъ съ нечаянною, скоропостижною смертью.

„Дыркой бьетъ"—кладетъ на смерть и увѣчитъ рабочаго при быстромъ нечаянномъ взрывѣ буровой скважины, сопровождаемомъ неизбѣжными камнями, осколки которыхъ брызжутъ по сторонамъ съ быстротою и силою. Эта опасность для неопытныхъ рабочихъ на каждомъ шагу, потому что на каждомъ шагу буровыя скважины и потому, что при спѣшныхъ работахъ на каждый шагъ не напасешь осторожности и оглядки, если и та и другая не обратились въ привычку.

„Горой давитъ" рудниковаго рабочаго та же оплошность, то же неумѣнье, а часто и невозможность спохватиться во время, — именно въ то время, когда онъ сдѣлалъ подработку своимъ молоткомъ подъ породу и отломятся отъ нее плохо слипшіяся или хорошо отбитыя груды известняка или глинистаго сланца. „Горой" этою и увѣчитъ и давитъ до смерти.

— Хорошъ первый конецъ, когда изувѣчитъ, потому что начальство уменьшитъ уроки или совсѣмъ избавитъ отъ нихъ, а лучше всего—послѣдній конецъ. Съ нимъ все гладко и душа твоя уже потомъ не томится. А худая смерть лучше каторжной жизни,—говорили рудниковые рабочіе въ то время, когда они не были освобождены отъ заводскихъ работъ и работали рядомъ съ каторжными; разница была одна: у каторжныхъ за содѣянныя преступленія положены были сроки, у заводскихъ служителей работа была безсрочная и то только потому, что они родились отъ такихъ же заводскихъ служителей и подзаводскихъ крестьянъ. Бывали случаи, что послѣдніе нарочно дѣлали преступленія, чтобы сдѣлаться каторжными, а стало быть попасть въ срочные рабочіе.

Говорили намъ и другіе, но другое:

— Мы, когда за молотокъ да за лопату, то и молитва у насъ одна на умѣ: авось-молъ и надъ нашими воротами взойдетъ солнышко. Старики наши, помираючи, наказывали намъ: „Кривыхъ нѣтъ во святыхъ, дѣти милые; мы каторжные да и вы такіе же, потому что наше отродье. Не работать нельзя, работайте! Тяжела работа — не бѣгите! Извѣстна пословица: „не зовутъ вола пиво пить, зовутъ вола воду возить". Возите воду, потому что и ваши дѣти возить ее также станутъ, съ тѣмъ и живите!.."

Внуки дожились, однако, до того времени, когда сняли съ нихъ несправедливое обязательство, а самые рудники каторжными покинуты: работа послѣднихъ направлена была на казенные золотые промыслы и казенные винокуренные, солеваренные и желѣзодѣлательные заводы. Каторжные въ Восточной Сибири жили при заводахъ: Александровскомъ винокуренномъ

и Иркутскомъ солеваренномъ (въ Иркутск. губ.), и въ Забайкальѣ: при заводѣ желѣзномъ Петровскомъ, на пріискахъ Верхнемъ, Среднемъ и Нижнемъ Карійскихъ, на Шахтаминскомъ и Казаковскомъ, на заводахъ Лужакинскомъ и Акатуевскомъ. Всѣ остальныя работы на рудникахъ находились въ рукахъ вольнонаемныхъ рабочихъ. Еще весьма не такъ давно они работали на три смѣны: двѣ недѣли по 12-ти часовъ въ день, третью недѣлю получали на отдыхъ. За то, что имѣвшіе достатокъ горные служители брались на собственныхъ лошадяхъ возить руду съ рудниковъ въ Кутомарскій рудникъ, при которомъ плавильная печь, и въ Александровскій заводъ, гдѣ устроена лабораторія, они получали льготный часъ. Работавшіе на рудникахъ ходили на работу иногда верстъ за десять, прихвативъ съ собою хлѣба и овощей, и ѣли въ сухомятку; на ночь опять плелись домой къ горяченькому кирпичному карымскому чаю, ко щамъ и печкѣ. За работу вознаграждались одинаковымъ съ поселенцами содержаніемъ (по 50 к. въ мѣсяцъ, на золотыхъ промыслахъ по 2 р,, на Кудеѣ—самомъ богатомъ и надежномъ, позднѣе открытомъ, плата въ мѣсяцъ доходила до 5 руб.). Къ этой платѣ, сверхъ того, казна прибавляла еще по два пуда муки. Разница у заводскаго служителя съ каторжнымъ состояла еще въ томъ, что первый могъ обработывать землю, имѣть кое-какое хозяйство. Но вернемся къ ссыльнымъ и къ тѣмъ каторжнымъ, которые работаютъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ и на заводахъ, и посмотримъ, какъ выноситъ всякую каторгу русскій человѣкъ на своихъ могучихъ плечахъ и какъ примиряется со всею тяжестью ея, со всѣми невзгодами и злополучіемъ.

Новичекъ-арестантъ, приходящій на крайнюю каторжную работу—на Карійскіе золотые промыслы—назначается обыкновенно „хвосты убирать". Хвостами называются тѣ пустые, ненужные пески, которые остаются на разрѣзѣ послѣ промывки золота и отъ которыхъ золото уже отдѣлено: вода, унеся пески, какъ вещество легчайшее, и не сладивъ съ крупниками золота—веществомъ тяжелѣйшимъ, оставила ихъ осѣвшими на днѣ промывного жалоба. Уборка хвостовъ или пустыхъ песковъ—работа каторжная и потому, что требуетъ усиленныхъ уроковъ и нѣкоторой поспѣшности, чтобы принять съ дороги старую ненужную дрянь и дать мѣсто новой драгоцѣнности,—и потому хвостовая работа тяжела, главнымъ образомъ, тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ и не даетъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознаніе, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣ же животворные, осязательные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рукъ существа разумнаго и мыслящаго. Этотъ трудъ на хвостахъ какъ будто даже безполезно истрачиваетъ физическія силы, и безъ того значительно истощенныя и, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрѣпляетъ духа, не поддерживаетъ жизни его. Носить цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера пустые пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго существеннаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности—дѣло равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того, сознаніе, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ песчаныхъ горъ, такъ называемыхъ отваловъ, сознаніе это безпредѣльно мучитъ и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самыя работы, которыя по всѣмъ правамъ принадлежатъ воламъ, лошадямъ, животнымъ.

Во всякомъ случаѣ, въ уборкѣ хвостовъ промысловые рабочіе полагаютъ настоящую, воловью, тяжелую каторгу. Замѣчено тамъ, что новички, поступившіе на работу для уборки хвостовъ, — первый день выдерживаютъ ее, съ большимъ трудомъ исполняя полный урокъ; на второй день—за ними всегда остается недоимка и право наказанія за неуспѣхъ дѣла. Но если непредусмотрительный, малоопытный или мстительный и горячій приставъ, въ наказаніе за упущеніе, рѣшится назначить новичка на хвосты въ третій разъ, то на четвертый день онъ смѣло можетъ вычеркивать всѣхъ тѣхъ арестантовъ изъ промысловыхъ списковъ. Къ такимъ заключеніямъ пришли сами пристава послѣ долгихъ наблюденій и многочисленныхъ опытовъ. Наблюденія эти и опыты слагаютъ одно заключеніе, даютъ одинъ общій выводъ, что уборка хвостовъ на золотыхъ промыслахъ—самое сильное и дѣйствительное наказаніе для провинившихся и, повторенное одинъ разъ, оно уже имѣетъ характеръ истинной каторги.

Солеваренная каторга была вся тяжела. Тяжела была больше всего для организма, которому представлялись многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заводахъ, построенныхъ на старый образецъ: черно и грязно, старо и грубо. Прежде, когда гнали человѣческою силою разсолъ изъ соляныхъ источниковъ по желобамъ и поднимали бадьями въ бунфы посредствомъ насосовъ — солеваренная каторга была настоящая, тяжелѣе и мрачнѣе всѣхъ. Ссыльные качали насосы на высокихъ каланчахъ иногда при 30° морозу, одѣтые въ казенную рвань. Насосы были первобытной формы, какъ на простыхъ баркахъ, однако, требовали, при каждомъ движеніи, силы и поклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. Разсолъ долженъ былъ пробѣгать по жолобамъ безпрерывно; платье на рабочихъ сначала мокло отъ брызговъ, по-

томъ замерзало. Рабочій, отбывъ свою смѣну, все стоя на ногахъ, дѣйствительно побывалъ на каторгѣ. Тяжелая качалка такъ утомляла троихъ людей, обязанныхъ урокомъ свыше ста раскачиваній, что они часто падали на мѣстѣ въ безпамятствѣ отъ крайняго истощенія силъ. Журавцы были замѣнены ручными насосами въ 1836 г. Къ насосамъ, для большаго облегченія работы, придѣланы маятники,— стало легче: балансиръ маятника стали поталкивать отъ себя уже меньшее количество рукъ съ наименьшими усиліями; люди могли это дѣлать, сидя въ особо прилаженныхъ крытыхъ бесѣдкахъ. Затѣмъ постарались (1838 г.) къ насосамъ приспособить лошадиную силу и двѣ лошади стали дѣлать то, что прежде производили двѣнадцать человѣкъ. Но и послѣ такихъ приспособленій для каторжныхъ осталось довольно мѣста, чтобы видѣть ясно, что силъ ихъ не щадятъ и ихъ тѣло почитаютъ не выше лѣсной гнилушки. Жаръ, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль въ громадномъ чренѣ или сковородѣ, становится, во время горячихъ и спѣшныхъ работъ, до того тяжелымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скидавать съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того неодолимы, что каждый рабочій обязанъ выбѣгать изъ варницы въ бревенчатую холодную пристройку, плохо мшоную и безъ печки, гдѣ, такимъ образомъ, ожидаетъ мокрое и потное тѣло рабочаго свѣжій, морозный, уличной температуры воздухъ. Многія варницы отъ неправильнаго устройства пролетовъ, накопляли такой дымъ, что рабочіе, для направленія огня, не могли и по землѣ ползать. Въ вѣтряное время они задыхались, на лучшій конецъ добивались безвременнаго страданія и боли глазъ, до потери аппетита. Малѣйшій порѣзъ какого нибудь члена, при разъѣдающихъ соляныхъ парахъ варницы, производилъ опасныя жгучія раны. Присоединяя къ нимъ неизбѣжную простуду, при быстрой и крайней перемѣнѣ температуръ, мы встрѣчаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочій выдерживалъ больше двухъ мѣсяцевъ: многіе уходили въ госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмомъ, тифомъ, потерею аппетита. Но еще большое число рабочихъ, не успѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни, уходило въ лѣсъ и въ бѣга при первомъ благопріятномъ случаѣ, на какіе особенно былъ щедръ и богатъ иркутскій солеваренный заводъ или такъ называемое иркутское Усолье. На немъ и по другимъ статьямъ каторжной жизни—примѣчательная неустойка. Казенный срокъ, назначенный для арестантской одежды, былъ крайне несостоятеленъ: таская сырую соль въ важню на плечахъ, арестанты скоро изнашивали платье, такъ что за 80 к. сер., полагаемыхъ въ мѣсяцъ, и признаковъ нѣтъ возможности обезопасить себя даже заплатами на прогнившія дыры. Безъ воровства въ такихъ случаяхъ не проживешь и безъ пособія чужой и преимущественно казенной собственности (какова на этотъ разъ продажная соль) никакъ уже не обойдешься. Въ концѣ концовъ, все-таки нѣтъ возможности видѣть пущей нищеты и рвани, какъ на каторжныхъ рабочихъ солеваренныхъ заводовъ.

На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣнялась, значеніе каторги своеобразнѣе. Тамъ круглый годъ тяжело было жиганамъ, обязаннымъ подкладывать дрова въ печь и, стало быть, цѣлыя сутки стоять у огня въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты. около удушливаго печного жара. Здѣсь значеніе каторги сходствовало съ тѣмъ, которое давала соляная варница и получала разительное подобіе, когда припомнимъ то обстоятельство, что каторжный рабочій—не вольнонаемный. По отношенію къ нему нѣтъ уже никакихъ уступокъ ни вынужденныхъ, ни естественныхъ: возвышенной платы онъ не требовалъ, отъ тяжелой работы не отказывался и не посмѣлъ заявлять открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный человѣкъ, вольный рабочій, старожилый сибирякъ-крестьянинъ. Зимою, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга всею своею тяжестью налегала на *заторщиковъ*, обязанныхъ чистить квашни, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки знобило ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочій, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣвалъ даже *закуржавѣть*, т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицы. Послѣдствія извѣстны врачамъ и даже дознаны на практикѣ: это постоянная дрожь во всемъ тѣлѣ, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого вгоняютъ ее въ тѣло глубоко и близятъ послѣднее къ гробовой доскѣ. Нерѣдко послѣдняя накрывала рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брага, прежде чѣмъ выходилъ оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія браги; рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми и холодными трупами.

— Въ теплую погоду (говорятъ намъ) заторщикамъ лучше, но за то тяжело бываетъ ледоколамъ и ледорѣзамъ (первые мельчатъ льдины, для охлажденія чановъ съ дрожжами и сусломъ на рѣкѣ, вторые — на заводѣ). Постоянная сырость, всегдашняя мокрота гноятъ платье и, давая въ результатѣ почти тѣ же болѣзненные припадки, портила и ослабляла самый крѣпкій организмъ. Въ историческомъ очеркѣ каторжныхъ заведеній читатель увидитъ

и другія тяжести каторжнаго сверла во всѣхъ подробностяхъ (см. томъ III).

Винокуренные заводы также были богаты побѣгами и не меньше всѣхъ другихъ родовъ и видовъ каторги. Вся же каторга, мрачная по тому значенію и смыслу, что она подневольная и трудная, потому что не сулитъ никакихъ вознагражденій, становится невыносимою, когда рабочій, придя не домой, а въ казенную казарму, видитъ только одну наготу и босоту, видитъ безпредѣльное количество такихъ же точно дней и ночей впереди, безъ просвѣта и радостей. Рваныя казенныя тряпки отъ черныхъ и сырыхъ, трудныхъ и тяжелыхъ работъ вѣтшаютъ еще скорѣе, чѣмъ отъ надлежащаго употребленія, вопреки назначеніямъ и срокамъ урочныхъ положеній. Починяя ихъ насколько хватитъ терпѣнія, умѣнья и силъ, каторжный рабочій знаетъ одно, что новое платье обяжетъ его новыми неоплатными казенными долгами, которые потянетъ заводское и промысловое начальство изъ ничтожныхъ заработанныхъ денегъ и, во всякомъ случаѣ, возьметъ свое изъ артельнаго капитала. Въ силу этого артельный капиталъ отъ такихъ вычетовъ всегда находится въ томъ положеніи, что представляетъ собою полное ничтожество. Между тѣмъ, ни это платье, не способное даже прикрывать наготу, ни ремесло или мастерство, пріобрѣтенныя на родинѣ и не приложимыя здѣсь за казенными работами, рабочаго не спасаютъ и ему не помогаютъ.

— Пощупаю ноги, посовѣтуюсь съ бывалыми, улучу минуту да и прощай каторга! можетъ быть на всегда, но, во всякомъ случаѣ, на долгое время.

Бѣгутъ арестанты съ каторги не десятками, а сотнями.

Прислушавшись къ разсказамъ арестантовъ, присмотрѣвшись въ заводскихъ архивахъ къ оффиціальнымъ дѣламъ и бумагамъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ и частнымъ чертамъ всѣхъ вообще побѣговъ изъ тюремъ и съ каторги. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, разсказывая о своихъ похожденіяхъ, бродяги обыкновенно старались обойти молчаніемъ начальную и основную причину несчастья, приведшаго ихъ въ Сибирь, увѣряя обыкновенно, что они сосланы за бродяжество, хотя бы и числились въ ссыльно-каторжныхъ. Въ самомъ тонѣ насъ поражало всегда изумительное хладнокровіе, не допускавшее увлеченій; мученіямъ своимъ на походѣ не придаютъ повидимому никакой цѣны и значенія.

Изъ тюремъ бѣгутъ очень рѣдко (сравнительно) и стараются убѣжать только такіе арестанты, которые посажены на много лѣтъ и притомъ въ одинокую, тѣсную и душную темницу. „До чего доходило ихъ отчаяніе, стремленіе добиться свободы, выйти на вольный воздухъ“! замѣчаетъ одинъ изъ наблюдавшихъ за этимъ дѣломъ и продолжаетъ: „Нѣтъ конца розсказнямъ объ этомъ: кто перепилилъ толстую желѣзную рѣшетку перочиннымъ ножомъ и спустился на изорванной въ полосы простынѣ; кто подрылся подъ полъ, выбрасывая землю щепотками въ оконцо, чтобы скрыть свою работу; кто ушелъ переодѣтымъ; кто въ неволѣ открылъ на досугѣ назначеніе египетскихъ пирамидъ; кто составилъ себѣ чернила изъ ржавчины отъ желѣзныхъ запоровъ и изъ крѣпкаго чая и на измятомъ лоскуткѣ бумажки, въ которой завернутъ былъ этотъ чай, написалъ трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ. Опять иной, услыхавъ отдаленный стукъ въ тюрьмѣ своей, заключилъ изъ этого, что у него есть сосѣди, отдѣленные отъ него толстыми каменными стѣнами. и, полагая, что одинъ изъ близкихъ ему товарищей, можетъ быть, содержится тутъ же, вздумалъ подать ему о себѣ вѣсть счетными ударами половой щетки въ каменный полъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вызвалъ отвѣтъ. Товарищи поняли другъ друга и разговаривали такимъ образомъ, означая каждую букву такимъ числомъ ударовъ, сколько ей принадлежитъ счетомъ по занимаемому ею мѣсту. Но вскорѣ и третій, незванный собесѣдникъ, вмѣшался въ этотъ разговоръ и испортилъ все дѣло... Словомъ — конца нѣтъ этимъ крайне занимательнымъ похожденіямъ“! — замѣчаетъ В. И. Даль (Казакъ Луганскій) въ одномъ изъ своихъ разсказовъ.

Чернила изъ ржавчины съ чаемъ дѣлали тѣ изъ государственныхъ преступниковъ, которые въ 1825 году содержались въ двухъ крѣпостяхъ: петропавловской и шлиссельбургской. Сидѣвшіе въ первой измыслили писать къ роднымъ исторію впечатлѣній недѣли, двухъ и даже мѣсяца и приловчились писать это въ такой сжатой формѣ и такимъ мелкобисернымъ почеркомъ, что на это потребовалось особое искуство и долгая подготовка. Всѣ впечатлѣнія надо было писать и можно было уписать единственно только на тѣхъ маленькихъ лоскуткахъ бумаги, въ которые завертывались содовые порошки, выписываемые докторомъ для освѣженія (иной бумаги въ казематы не допускали). Сидѣвшіе во второй крѣпости (шлиссельбургской) получали, съ дозволенія начальства, апельсины, а въ нихъ, вмѣсто сладкой мякоти, тщательно завернутыя кучки писемъ, свѣжей и чистой бумаги, бумажныя деньги, чернила, перья и проч. Въ Петропавловской стукомъ въ полъ щеткою одинъ заключенный узналъ, что въ сосѣдяхъ у него находится авторъ „Горе отъ ума“, самъ, въ свою очередь, живущій въ ближнемъ сосѣдствѣ (только за досчатою перегородкою) съ евреемъ, содержателемъ почты между сѣвернымъ и южнымъ тайными обществами. О трусливомъ поведеніи еврея онъ успѣвалъ передавать товарищу столь забавныя свѣдѣнія, что слушателю приходилось нѣсколько разъ сбиваться со счету ударовъ.

чтобы кататься со смѣху и, въ концѣ концовъ, узнать, что авторъ „Горе отъ ума" возъимѣлъ твердое намѣреніе, если освободится, написать новую комедію подъ названіемъ „Жидъ въ тюрьмѣ" (обѣщаніе, впрочемъ, не исполненное).

Переодѣтымъ уходилъ изъ иркутскаго острога еврей во франтовскомъ костюмѣ для того, чтобы нашутить въ благородномъ собраніи. Онъ побылъ тамъ, вынулъ изъ кармана прокурора сто рублей, столько же у предсѣдателя губернскаго правленія, у начальника края часы, но въ дверяхъ, уходя, столкнулся съ другимъ евреемъ, угрожавшимъ выдать его, если не подѣлится добычею. Подѣлившись чѣмъ успѣлъ, еврей-арестантъ направился на улицу, а тотъ, который остался въ собраніи, былъ обысканъ, когда спохватились обворованные, и указалъ на виновника. Полицейскіе бросились въ острогъ и въ тотъ секретный номеръ, изъ котораго ловкій воръ ушелъ въ собраніе и въ которомъ, вмѣсто себя, онъ положилъ охотника изъ арестантовъ. Видя номеръ занятымъ и повѣривъ обманному отвѣту допрошеннаго, полиція въ тюремныхъ воротахъ встрѣтила настоящаго жильца секретнаго каземата, подъѣзжавшаго на извозчикѣ. Еврей оттого не умѣлъ схоронить концовъ, что изъ собранія заѣхалъ въ кабакъ кутнуть, обмѣнявъ опасныя вещи на безопасныя деньги. Столкнувшись съ полиціею въ воротахъ, онъ поспѣшилъ выбрасывать вещи и деньги.

О примѣненіи египетскихъ пирамидъ мы разсказали (см. стр. 47), о всѣхъ же другихъ пріемахъ, приспособляемыхъ къ побѣгамъ изъ тюремъ, въ сибирскихъ лѣтописяхъ имѣются слѣдующія несомнѣнныя данныя.

Какъ всѣмъ извѣстно и какъ мы сказали сейчасъ, въ сибирскихъ тюрьмахъ существуетъ одиночное заключеніе, которое понимается тамъ обыкновенно, какъ временная мѣра наказанія и только для закоренѣлыхъ и неисправимыхъ злодѣевъ. Заточеніе это, къ несчастью, до сихъ поръ сопровождалось приковываньемъ на цѣпь.

Одинъ изъ такихъ „цѣпныхъ" лежалъ съ цѣпью въ госпиталѣ большого Нерчинскаго завода, когда еще содержались при этомъ заводѣ ссыльные. „При осмотрѣ утромъ одного дня" на койкѣ больного нашли одну цѣпь и замокъ; „внутри замка, за пружину, зацѣплена была петля, ссученная изъ холщовыхъ нитокъ, надерганныхъ изъ простыни". Бѣглый, какъ видно по дѣлу, не найденъ, но сторожа-солдаты получили каждый по 50 ударовъ палками.

Въ томскомъ острогѣ содержались два арестанта въ секретныхъ казематахъ. Подъ окномъ, у наружной стѣны, по обыкновенію, находился часовой. Однажды одинъ изъ этихъ часовыхъ замѣтилъ, что надъ головою его пролетѣло что-то тяжелое и бѣлое. Едва онъ успѣлъ опомниться, какъ опять пролетѣло что-то другое, но также бѣлое и тяжелое. Это что-то на этотъ разъ показалось ему человѣкомъ. Часовой смекнулъ и выстрѣлилъ, но сдѣлалъ это въ торопяхъ, на угадъ, однако, произвелъ шумъ, вызвалъ тревогу. Прибѣжалъ караулъ, сбѣжались люди, охотники до всякихъ скандаловъ, сдѣлали облаву, обыскали всѣ окрестныя мѣста. Подлѣ тюремной стѣны нашли голаго человѣка съ переломленною ногою. Голый человѣкъ оказался однимъ изъ секретныхъ арестантовъ: тѣло его было намазано саломъ, чтобы ловчѣе могло оно выскользнуть изъ рукъ преслѣдователей. То же сдѣлалъ, по его словамъ, и товарищъ его; и оба они вмѣстѣ изрѣзали казенное платье на ленты, изъ суконныхъ лентъ скрутили веревки, веревки приладили къ рѣшеткѣ, а рѣшетка была подпилена. Спускаясь внизъ, арестанты въ это время предварительно раскачивались для того, чтобы усиленный розмахъ далъ имъ возможность перелетѣть черезъ стѣну, которая приходилась вблизи каземата. Пойманному не посчастливилось прыжкомъ на землю по ту сторону стѣны, онъ получилъ опасный вывихъ; товарищъ его успѣлъ-таки бѣжать, но вскорѣ былъ пойманъ, узнанъ и приведенъ на допросъ. Спрашивали:

— Гдѣ ты былъ въ то время, когда сдѣлана облава и вся окольность острога оцѣплена? дальше бѣжать было нельзя и некуда.

Отвѣчалъ:

— Я сидѣлъ все время въ колодцѣ. Идутъ солдаты около, я окунусь въ воду, голову спрячу; они отойдутъ, я голову высуну и надышусь. Одежду бросилъ мнѣ съ возу проѣзжій крестьянинъ.

Вопроса о томъ, какимъ образомъ была перепилена рѣшетка, и быть не могло: одинъ изъ бѣжавшихъ арестантовъ былъ портной и, по занятію своему и съ дозволенія начальства, имѣлъ приличные своему ремеслу инструменты. При осмотрѣ покинутаго имъ наперстка нашли тутъ пилу, сдѣланную изъ часовой пружины и тщательно мастерски сложенную и уложенную.

Въ омскомъ острогѣ одна арестантка рѣшилась бѣжать изъ секретнаго каземата, улучивъ ту минуту, когда подъ тюремнымъ окномъ ея проходила корова. Баба разсчитала прыжокъ свой такъ ловко, что угодила животному прямо на спину. Испуганное животное понесло бѣглую отъ сторожей и преслѣдователей, но не унесло далеко.

Въ омскомъ же острогѣ мы видѣли арестанта—сухого какъ жимолость, цѣпкаго и ловкаго какъ обезьяна, который съумѣлъ пролѣзть изъ ретираднаго мѣста въ узкую щель, оставленную между сосѣдними стѣнами и не задѣланную въ томъ предположеніи, что щель эта не представляла опасности. Водосточная труба помогла ему изъ второго этажа спуститься на дворъ, со двора подняться на крышку стѣны, окружающей всѣ острожныя строенія, и вco-

браться на нее по водосточной трубѣ сарая. Всѣми своими маневрами арестантъ привелъ слѣдователей и свидѣтелей въ изумленіе и возбудилъ въ первыхъ недовѣріе. Чтобы убѣдить ихъ въ истинѣ хитросплетенныхъ показаній, бродяга не затруднился повторить эту операцію во второй разъ и, на глазахъ чиновниковъ, продѣлалъ свой фокусъ съ прежнимъ блескомъ, со всею ловкостью акробата, опытнаго и бывалаго. Между тѣмъ, этотъ бѣглый былъ не старше 15 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ по роду жизни и сословію къ мѣстнымъ мѣщанамъ.

Всѣ эти случаи указываютъ на смѣлость въ сочиненіи замысловъ, иногда доходящую даже до дерзости. Въ одиночку бѣгутъ весьма рѣдко. Побѣги изъ тюремъ задумываются обыкновенно нѣсколькими арестантами, приводятся въ исполненіе маленькою артелью, которая также, какъ и всякая другая артель, атаманомъ крѣпка, т. е. предполагаетъ зачинщика и руководителя. Въ большей части случаевъ, это—бывалый и опытный, т. е. бродяга. Успѣхъ побѣга, обыкновенно, обезпечиваютъ сторонніе пособники, участники замысла или по подкупу, или потворству, нерѣдко по глупости и тупости сторожей, между которыми особеннымъ ротозѣйствомъ отличаются казаки изъ бурятъ.

Мудрено найти бѣжавшаго арестанта, знающаго всѣ ходы и выходы, но не мудрено различить во всей этой сумятицѣ тюремнаго дѣла главныхъ виновниковъ, подкупныхъ и привычныхъ, глуповатыхъ и тертыхъ, умѣлыхъ и на путанныя показанія, готовыхъ и на наказаніе розгами, тѣмъ болѣе, что рѣдкій изъ этихъ сторожей самъ не битъ уже шпицрутенами гдѣ нибудь въ Россіи. Тюремная исторія также обильно наполняется побѣгами и мы надѣемся впослѣдствіи доказать и то, что если имѣются въ Россіи такія мѣстности и города, гдѣ правительство признало излишнимъ содержать тюрьмы (какъ, напр., въ Березовѣ Тобольской губерніи), но за то вездѣ, гдѣ постоянно содержатся въ тюрьмахъ арестанты—изъ тюремъ этихъ бѣгутъ. Скажемъ больше: можно смѣло биться объ закладъ, что нѣтъ въ Россіи ни одной тюрьмы, изъ которой не сдѣлано бы было побѣговъ.

Какъ ни крѣпка та или другая тюрьма, какъ ни слабо значеніе всѣхъ сибирскихъ трактовыхъ пересыльныхъ тюремъ, какъ мѣстъ временнаго заключенія (на небольшое число подсудимыхъ и на большое пересыльныхъ арестантовъ), побѣги этихъ тюремъ относительно рѣже. Побѣги отсюда не представляютъ такого интереса и не встрѣчаютъ такой трудности, какими живутъ и дышутъ настоящія каторжныя нерчинскія тюрьмы.

Съ каторги бѣгутъ несравненно въ большемъ числѣ, хотя отчасти при тѣхъ же условіяхъ, т. е. не столько изъ самыхъ казематовъ, сколько съ работъ, не столько въ одиночку, сколько въ товариществѣ. Здѣсь уже не выжиданіе перваго благопріятнаго, подвернувшагося подъ руку случая, а систематическое знаніе, направленное давнишнею подготовкою и умѣньемъ. На этотъ разъ уже и причины другія.

Изъ пересыльной тюрьмы бѣжитъ арестантъ, какъ малый ребенокъ, куда—и самъ не всегда хорошо знаетъ. Бѣжитъ оттого, что въ заточеніи жить не хорошо, не нравится ему, авось въ лѣсу будетъ лучше, авось оттуда и удастся куда нибудь выбраться. Онъ бы и не бѣжалъ, если бы не сманивали товарищи, не улыбались поощрительно на побѣгъ сторожа и приставники. Говорятъ, что за тюрьмою все лучше. За бѣглымъ не гоняются, а еще хлѣбомъ кормятъ, да и не Богъ вѣстъ что сдѣлаютъ, когда изъ бѣговъ поймаютъ. Можно тогда сказаться непомнящимъ, поступить въ это хваленое и достопочтенное званіе, которое у насъ имѣетъ такое широкое приспособленіе. Бѣглаго изъ пересыльной тюрьмы скоро ловятъ, его слабѣе наказываютъ; самое большое преступленіе его въ бѣгахъ—мелкое воровство, пьянство. Онъ нерѣдко самъ является на судъ и кается. Одинъ такой и въ томъ же Тобольскѣ, весною 1863 года, не пришелъ въ острогъ съ работы съ двумя другими. Поздно вечеромъ онъ стучался въ острожныя ворота и былъ впущенъ на общій смѣхъ арестантамъ и для показанія на допросѣ о томъ, что двое товарищей его бѣжали, что самъ онъ напился вмѣстѣ съ ними, но покрѣпче ихъ, пьянымъ выспался въ кустахъ, утромъ опохмѣлился, денекъ погулялъ, а теперь вотъ и пришелъ домой, не зная, куда идти и чего искать ему въ бѣгахъ. Другихъ ловятъ и уличаютъ: въ 1851 г. въ тобольской тюремной книгѣ записано: „Расходчикъ по экономической части Петръ Андреевъ, 9 декабря, въ 11 часовъ по полуночи, идя въ острогъ, увидѣлъ впереди идущаго арестанта безъ конвоя, но что несъ, не примѣтилъ. Войдя во дворъ, спросилъ: куда онъ ходилъ? Тотъ сознался, что только сходилъ въ питейный домъ и выпилъ вина 1/4 штофа съ позволенія часового, стоящаго у воротъ, который его, какъ впередъ, такъ и обратно, пропустилъ". Арестантъ былъ татаринъ. Часовой показывалъ, что къ будкѣ его приступило много арестантовъ и онъ не могъ усмотрѣть, когда прошелъ одинъ изъ нихъ, но „почему онъ допустилъ большое скопище арестантовъ къ посту своему, объ этомъ доказать не могъ". Арестанты такой категоріи даже не отвыкли еще путать другихъ, не выучились скрывать своихъ пристаней; они еще оговариваютъ своихъ благодѣтелей, оффиціально называемыхъ пристанодержателями. Они еще не умѣютъ прятаться такъ, чтобы удивлять находчивостью судебныхъ слѣдователей и тюремныхъ дозорщиковъ.

Не таковъ бѣглый съ каторги: тертый калачъ, мятые бока, варнакъ — по сибирски, чалдонъ—по каторжному. У этого другая цѣль и другая сноровка, иные пути, которые намѣчены вѣрно и ладно и твердо изучены. Онъ на нихъ не заблудится, его не спутаетъ никакой законникъ, не запутаютъ никакія трущобы, ни географическія, ни юридическія. Варнакъ берется за дѣло побѣга, какъ за важное и политическое; онъ, какъ артистъ, смѣло постоитъ за свое искуство: и въ лѣсу онъ, какъ рыба въ водѣ, а въ ремеслѣ своемъ, какъ виртуозъ и мастеръ. Бѣглеца тюремнаго поищутъ два-три человѣка только для вида, ради службы и начальства, да и само начальство на такихъ невинныхъ гулякъ одною рукою машетъ, а другою вычеркиваетъ ихъ имена изъ списковъ содержавшихся и помѣчаетъ въ числѣ бѣжавшихъ. Но бѣжитъ варнакъ, бѣглецъ съ каторги, за нимъ для поимки сбивается и посылается цѣлая облава конныхъ и пѣшихъ, отправляются впередъ и назадъ, во всѣ стороны, кучи повѣстокъ и извѣщеній. Бѣжалъ изъ карійской тюрьмы Иванъ Петровичъ Дубровинъ и черезъ часъ объ этомъ знали всѣ обитатели всѣхъ четырехъ промысловыхъ селеній; на всѣхъ, безъ изъятія, напалъ паническій страхъ: тревогу били, по ночамъ не спали, всѣ словно ждали какого-то дива и чуда. На четвертый день Дубровинъ не замедлилъ выказаться: онъ убилъ въ одной изъ крайнихъ избъ одного изъ промысловыхъ селеній женщину съ двумя малютками ни за что, ни про что, изъ одного желанія потѣшить свою злодѣйскую душу. Приходилъ онъ втроемъ и далеко не ушелъ отъ каторги, а грабилъ потомъ съ шайкою своею всѣхъ живущихъ, проѣзжающихъ и проходившихъ по рѣкѣ Шилкѣ. Когда поймали Дубровина, то мало того, что приковали на цѣпь, ему надѣли еще на руки лису *), чтобы и подниматься съ мѣста ему было трудно. А такихъ, какъ Дубровинъ, на истинной каторгѣ не мало. Но объ нихъ потомъ, о другихъ—теперь.

За Байкаломъ живетъ въ народѣ преданіе, что Петровскій заводъ преимущественно богатъ побѣгами, что тамъ у тюремныхъ сидѣльцевъ ведется особенный обычай бѣгать изъ тюрьмы на уру, не въ одиночку, а цѣлымъ огуломъ. На сколько справедливъ первый слухъ, доказываютъ намъ архивныя бумаги, которыя зачастую говорятъ одно и то же, что „всѣхъ здѣшнихъ мѣстъ гораздо болѣе чинятся побѣги въ лѣтнее время изъ Петровскаго завода". На сколько справедливъ второй слухъ, архивныя дѣла не даютъ для того опредѣленныхъ данныхъ, но народные разсказы настойчиво увѣряютъ въ томъ, что побѣги „на уру" производились оттуда довольно часто. Арестанты при этомъ, чтобы устранить наблюденіе и привести въ смятеніе конвойныхъ, кричатъ всею казармою „ура", какъ на сраженіи: надо цѣпь пробить, а тамъ уже легко станетъ, тамъ либо панъ, либо палъ. Рѣшившіеся бѣжать, по знаку того, который подпилилъ рѣшетку и мигнулъ союзникамъ, хватаются за собственныя рубашки, рвутъ ихъ на клочки, обматываютъ этими тряпками кандалы (чтобы не стучали) и бѣгутъ черезъ окно, предполагая, что товарищи ихъ, рѣшившіеся остаться, криками „ура" отвлекутъ на себя вниманіе стражи. Сами бѣглецы, въ то же время, производятъ тотъ же крикъ вслѣдъ за другими. Подобныя попытки—прибавляютъ народные разсказы—всегда вѣнчались полнымъ успѣхомъ и конвойные не могли хватать бѣглецовъ также по тому обстоятельству, что голые арестанты успѣвали предварительно намазывать все тѣло свое саломъ или масломъ. Архивъ Петровскаго завода, при тщательномъ просмотрѣ, не подтвердилъ народныхъ слуховъ, которые, обыкновенно, складываются въ преданіе и въ цѣльный разсказъ изъ множества частныхъ случаевъ, но, вѣроятно, слухи эти имѣютъ основаніе въ быломъ, не занесенномъ въ оффиціальную бумагу изъ личныхъ разсчетовъ и соображеній начальства (чего не бываетъ на каторгѣ!). Тѣмъ не менѣе, архивныя дѣла Дучарскаго завода (теперь упраздненнаго) представляютъ одинъ подобный случай, доказывающій, что побѣги огуломъ, во многолюдствѣ бѣглецовъ — не миѳъ, который, во всякомъ случаѣ, могъ служить поводомъ и лечь въ основаніе народной легенды. Дѣло случилось 8 іюня 1815 года. Изъ тюрьмы сдѣланъ былъ капитальный и серьезный побѣгъ: изъ двадцати заключенныхъ бѣжало четырнадцать человѣкъ. Событіе это обставлялось такими подробностями.

При дучарской тюрьмѣ, на всякія потребы и нужды, находилось восемь человѣкъ караульныхъ солдатъ. Передъ тѣмъ, какъ посадить всѣхъ этихъ арестантовъ на цѣпь, четверо солдатъ отворили рѣшетчатую дверь, а за нею и тюремную, ведущую въ казематъ. Не успѣли солдаты опомниться, какъ арестанты накинулись на нихъ всею массою. Сначала захватили четырехъ переднихъ, а вслѣдъ затѣмъ и остальныхъ четырехъ, заднихъ. У тѣхъ и другихъ цѣпные арестанты отняли тесаки, вырвали штыки изъ ружей, связали всѣхъ крѣпкими веревками и заперли за рѣшетку. Четырехъ переднихъ, сверхъ того, избили полѣньями; унтеръ-офицера связаннымъ бросили въ уголъ казармы. Четырнадцать арестантовъ, выйдя изъ каземата, взломали въ сѣняхъ чуланъ, взяли тамъ ружья, патроны и порохъ. По мѣрѣ того, какъ проходившіе обходомъ солдаты являлись въ тюрьму, ихъ также вязали и сажали къ прочимъ за рѣшетку. Сигналы подавалъ и приказанія кричалъ одинъ изъ нихъ. Затѣмъ, когда всѣ ка-

*) Лиса—желѣзная полоса въ полтора или два пуда вѣсомъ.

раульные были перевязаны, всѣ четырнадцать скрылись. Пришли урочные часы смѣны. Къ дверямъ тюрьмы явился свѣжій часовой, ничего не смѣкавшій, ничего не подозрѣвавшій. Расположившись у дверей, часовой слышитъ разговоры, прислушивается: голоса выходятъ глухіе, изъ подполья. Часовой спрашиваетъ:

— Кто въ подпольѣ?

— Унтеръ-офицеръ Плотниковъ.

Съ трудомъ открываютъ на-глухо заколоченную западню подполья, выпускаютъ оттуда 13 человѣкъ солдатъ, а затѣмъ бьютъ тревогу въ заводскій колоколъ. На набатъ сбѣгается народъ; сбиваютъ облаву, дѣлаютъ окольный обыскъ, но безуспѣшно. Въ Уровское правленіе скачетъ нарочный оповѣстить о принятіи должной осторожности и съ приказаніемъ „немедленно отправить людей, сколько можно для поисковъ“. Правленіе снаряжаетъ также облаву: 12 человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ идутъ на охоту и, соединившись съ заводскою командою, преслѣдуютъ бѣглыхъ варнаковъ къ пади (горной долинѣ), называемой Широкою, устьемъ своимъ выходящей къ рѣкѣ Урову. Въ пади этой сдѣлались примѣтны слѣды: измятая трава, пепелъ отъ свѣжихъ тѣплинъ, на слѣдахъ видятъ и самихъ бѣглецовъ. Завязывается перестрѣлка: у одного крестьянина, на первыхъ выстрѣлахъ, подстрѣлена лошадь и убитъ на повалъ одинъ бѣглый. Тѣмъ и кончилась вся эта встрѣча, не имѣвшая, по неудобству мѣстности, большого успѣха. Между тѣмъ, наступила ночь: ссыльные разсыпались по непроходимымъ чащамъ. На другой день искали ихъ опять, но не нашли, а только черезъ три дня поручикъ Рикъ напалъ на слѣды. Шесть человѣкъ бѣглыхъ скрыты были въ сѣнѣ уровскаго зимовья крестьяниномъ, взявшимъ съ бѣглыхъ за печеный хлѣбъ 10 рублей. У деревни Подозерной, въ колкѣ *), поручикъ Рикъ завязалъ съ бѣглецами перепалку; четырехъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, троихъ захватилъ живыми. Остальныхъ на этотъ разъ найти не могли и уже черезъ пять дней поймали ихъ на воровствѣ, на мельницѣ. Когда бѣглые вырвались и побѣжали, снарядили за ними погоню и въ пади Каменкѣ опять завязали съ ними перестрѣлку. Еще двое бѣглыхъ были убиты, третій скрылся въ густой трещѣ лѣса и его ни убить, ни схватить не могли...

Таковы подробности едва ли не самаго большого побѣга изо всѣхъ нерчинскихъ тюремъ. На немъ какъ будто оборвались, запнувшись, всѣ другія попытки подобнаго рода. Отчаяніе каторги искало другихъ путей, заключенные производятъ другія вылазки, скромныя и подспудныя.

*) Колокъ—сырое мѣсто въ пади съ густою растительностью, среди слабой растительности въ окрестностяхъ.

Задумавъ побѣгъ, арестанты нерчинскихъ тюремъ, прежде всего, хлопочатъ о запасѣ, предварительно смотрятъ на конецъ, не заботясь особенно о началѣ. Оно въ свое время объявится само и по большей части удачно обставленнымъ готовыми средствами, рѣдко нежданными и случайными. Заручаясь новою, свѣжею, не рваною одеждою, арестанты, въ то же время, затягиваются въ неоплатные казенные долги, которые въ круговомъ разсчетѣ дѣлаютъ черезъ то побѣгъ неизбѣжнымъ и единственнымъ средствомъ очистить свою чалдонскую совѣсть и покончить разсчеты съ тяжелою каторгою. Обыкновенно, эта хлопотливая заботливость о запасѣ теплой и новой одежды принимается соузниками за сигналъ на молчокъ. Вторымъ яснымъ признакомъ твердо выясненнаго рѣшенія признается то, когда задумавшій побѣгъ начинаетъ заводить особенную пріязнь съ тѣми товарищами, которые завѣдуютъ съѣстными припасами, и съ тѣми каторжными бабами, которыя завѣдуютъ кухнею: близкія интимныя отношенія, наскоро слаживаемыя и на время устанавливаемыя при помощи водки, считаются въ особыхъ случаяхъ достаточно обезпечивающими средствами. Сношенія эти въ тюрьмахъ, гдѣ рука руку моетъ и оттого обѣ бываютъ чисты, не трудны и передъ законами дружбы неизмѣнно святы и состоятельны. Дѣло слаживается очень скоро, безъ задержки даже и на такомъ тормазѣ, который, по смыслу казенныхъ учрежденій, поставляется въ лицѣ арестанскаго старосты. Староста — свой братъ, самъ не разъ уже вкусившій сладость побѣга и не разъ уже отвѣдавшій бродяжьяго брашна. Онъ это дѣло понимаетъ и дѣлу этому никогда не противникъ; такихъ уже людей и выбираютъ арестанты въ это званіе. Къ тому же опытный бѣглецъ съумѣетъ самъ ловко повести дѣло и никого не затянетъ въ тину допросовъ и слѣдствій, самъ все приметъ на себя и концы запрячетъ. Имѣющій намѣреніе бѣжать готовъ сократить свой паекъ, ѣстъ очень мало, порціи свои копитъ, не беретъ изъ кухни ни хлѣба, ни мяса. Приспѣетъ часъ, онъ выпроситъ то и другое гуртомъ: хлѣба ковригу фунтовъ въ 25, мяса полоть со свою голову; возьметъ все это и спрячетъ. Спрячетъ онъ добро свое въ хоронушку, безъ которой ни одна тюрьма ни живетъ, да и жить не можетъ. Хоронушка затѣмъ и потайное мѣсто, чтобы ни одинъ дозорщикъ не осквернилъ ее своимъ нелегкимъ чернымъ глазомъ. Хоронушекъ этихъ въ каторжныхъ (да и во всякихъ) тюрьмахъ больше, чѣмъ въ окольныхъ лѣсахъ лисьихъ и собольихъ норъ. Деревянная тюрьма, каковыми бываютъ всѣ собственно каторжныя тюрьмы, удобнѣе для такого рода тайниковъ тюрьмы каменной.

Хоронушки эти, обыкновенно, устраиваются въ подпольѣ, по большей части около печей

или за печками, подъ половицами, съ ловко приложенными и замаскированными покрышками. Въ каменныхъ острогахъ (каковы губернскіе и уѣздные пересыльные) хоронушки дѣлаются въ самыхъ стѣнахъ. Въ томскомъ, напр., въ одномъ мѣстѣ, около наръ, стоило только вынуть кирпичъ, чтобы увидѣть огромную пустоту, нѣкогда (при постройкѣ), вмѣсто щебенки и кирпичей, наполненную щепами. Щепы отъ времени и сырости сгнили и образовали огромную хоронушку, въ которую могла свободно помѣститься вся громадная острожная собственность. На этотъ разъ въ ней сберегались инструменты всякаго рода, посуда съ водкою въ стеклянныхъ сосудахъ всѣхъ общепринятыхъ величинъ, ножи, карты, табакъ и проч. Тайникъ этотъ закрывался ловко-приложенною доскою, покрашенною тою же краскою, какая желтѣла на стѣнахъ. Въ тобольскомъ острогѣ у одного изъ прикованныхъ на цѣпь нашли такой же тайникъ въ стѣнѣ напротивъ печи и въ немъ три ножа, два подпилка, зубрило, шило, 5 оловянныхъ и мѣдныхъ печатей и кипы всякаго рода бумаги. Въ тюменской тюрьмѣ, въ кухнѣ подъ квашнею, нашли нѣсколько вынутыхъ кирпичей для пустоты, въ которой пряталась водка, и такъ далѣе—въ безконечность...

Заручаясь, такимъ образомъ, съѣстнымъ на первые, самые трудные дни побѣга, арестанты скопляютъ въ неопредѣленные сроки и деньги. Для таковыхъ хоронушки устроиваются около себя и деньги зашиваются въ воротѣ рубашки, въ воротѣ казенной куртки, гдѣ нибудь въ полушубкѣ, подъ стельками, въ подошвѣ сапога и въ выдолбленныхъ каблукахъ его. Тогда весь секретъ состоитъ только въ томъ, чтобы уберечь накопленное отъ воровского глаза, ибо, какъ извѣстно, тюрьма собственности не признаетъ и воруетъ на обѣ руки и всякими способами. Чтобы вѣрнѣе увеличить копилку новымъ приращеніемъ, арестантъ ложится въ госпиталь, не беретъ денегъ на пищу, наполняетъ ее въ заработанныхъ грошахъ за предыдущіе мѣсяца на текущіе, и, во всякомъ случаѣ, на больничной койкѣ онъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ былъ на казарменныхъ нарахъ, гдѣ, какъ извѣстно, раскладываютъ карточный майданъ, соблазняютъ виномъ и иными сластями.

Такъ или иначе, бывалый арестантъ безъ денегъ и провизіи съ каторжнаго мѣста не снимается. Самый опытный и не одинъ разъ бывалый уходитъ изъ тюрьмы одинъ: всѣ остальные, и въ большей части случаевъ, подговариваютъ товарищей - спутниковъ, а новичекъ нуждается въ вожакѣ: „безъ запѣвалы-де и пѣсня не поется". Для побѣга выбираютъ всегда теплую пору и бѣгутъ обыкновенно весною, когда закукуетъ кукушка (отсюда и выраженія: „идти на вѣсти къ Кукушкину генералу" или „кукушку слушать, какъ поетъ"). Бѣгутъ во множествѣ лѣтомъ, рѣже къ осени и холодному времени, и только отчаяніе и дерзкая рѣшимость уводятъ арестантовъ холодами на зимніе палящіе морозы *). Во всякомъ случаѣ весеннее время и лѣтняя пора всего больше красны на каторгѣ побѣгами даже и изъ такихъ тюремъ, оттуда бѣгутъ всего меньше, каковы Карійскія.

Самый побѣгъ для каторжныхъ, когда готовы всѣ путевые запасы, не мудренъ.

— Была бы охота (говорятъ сами бродяги), а на что—такъ надо спрашивать—человѣку и голова въ плечи ввинчивается?

— А на что и солдаты такіе къ намъ приставлены, что либо плутъ хуже нашего, либо такой, что только сваи имъ вбивать. Слушайте!

Года два тому назадъ (т. е. въ 1859 году). на одномъ изъ карійскихъ промысловъ послано было нѣсколько человѣкъ арестантовъ на работу. При нихъ, по уставу и обычаю, находились конвойные: одинъ изъ штрафныхъ солдатъ, назначенныхъ на Амуръ, но перевернутыхъ въ забайкальскіе казаки, а другой—молодой парень изъ тѣхъ старожилыхъ заводскихъ крестьянъ, которыхъ въ 40-хъ годахъ переименовали въ казаки по имени только, но не на самомъ дѣлѣ.

Пришли арестанты съ конвойными на работу. Солдатъ изъ штрафныхъ говоритъ товарищу, конвойному изъ казаковъ:

— Поди-ко, землякъ, зачерпни водицы, что-то отъ щей нутро жжетъ, а я посмотрю за арестантами. Да шинель-то сними, а не то на офицера наткнешься: обругаетъ и изобьетъ; въ отвѣтѣ будемъ оба.

Тотъ такъ и сдѣлалъ: сходилъ на Кару за водой, вернулся назадъ. Сидитъ на старомъ мѣстѣ одинъ арестантъ.

— А другіе гдѣ?

— Да гулять ушли, тебя не спросились.

— Какъ такъ?

---

*) Вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ въ подтвержденіе нашего свѣденія хроника Петровскаго завода о числѣ бѣжавшихъ, среднимъ счетомъ, по мѣсяцамъ: въ январѣ изъ ссыльно-каторжныхъ 2, въ февралѣ 10, въ мартѣ 4, въ апрѣлѣ 65, въ маѣ 35, въ іюнѣ 32, въ іюлѣ 21, въ августѣ 10, въ сентябрѣ 28, въ октябрѣ 11, въ ноябрѣ 12, въ декабрѣ ни одного. Числовыя данныя побѣговъ по другимъ тюрьмамъ идутъ почти въ той же прогрессіи, на измѣненіе которой, конечно, имѣютъ вліяніе климатическія условія. До нѣкоторой степени эти цифры можно считать барометрическимъ указателемъ, что такой-то зимній мѣсяцъ въ такомъ-то году былъ крѣпко морозенъ и такой-то весенній былъ также холоденъ, какъ въ данномъ примѣрѣ мартъ и декабрь. Устоялъ декабрь съ оттепелями—цифра побѣговъ подцвѣтилась; бѣжало много въ январѣ—значитъ, теплый стоялъ, и тому подобное.

— Да этакъ! И я бы съ ними ушелъ, крѣпко звали, да отдумалъ. Имъ-то было вдоль по каторгѣ (т. е. безъ сроку), а мнѣ вотъ года два до конца осталось, не стоитъ!

— А шинель моя гдѣ?

— Затѣмъ-то тебѣ ее и оставить велѣли, что шинель твоя на одного арестантика поступить должна, на рыжаго-то. На него она и поступила, повѣрь мнѣ!

Вскорѣ прошли на промыслахъ слухи, что идетъ-де по почтовому торному тракту, днемъ и ночью, по направленію къ городу Читѣ, одинъ солдатъ съ сумою и съ ружьемъ и ведетъ съ собою трехъ арестантовъ.

— Куда-де, землякъ?—спрашивалъ купецъ, поставлявшій на арестантовъ муку.

— Вотъ въ Читу на допросъ арестантовъ веду.

Черезъ двѣ недѣли палъ новый слухъ отъ другого торговца, вернувшагося съ верхнеудинской ярмарки: идетъ-де солдатъ подъ Верхнеудинскомъ и ведетъ съ собою только одного арестанта. Ведетъ онъ его также на допросъ, какъ самъ сказывалъ, въ Верхнеудинскъ, изъ бѣговъ-де поймалъ.

— Такъ и уведетъ (думали на Карѣ), уведетъ и самъ уйдетъ бѣглый солдатикъ съ бѣглымъ арестантомъ прямо въ Россію или куда имъ надо, гдѣ имъ лучше понравится, если не попадутъ на какой нибудь рожонъ. Да едва ли-де: въ Сибири дороги тоже торныя живутъ, да и глухи бываютъ, кромѣ купцовъ и проѣзду почти никому нѣтъ; кромѣ бродягъ да бѣглыхъ съ заводовъ и прохожихъ другихъ не видать, да разъ въ недѣлю арестантская партія кандалами прозвонитъ; обозы чайные тоже не во всякое время ходятъ. По дорогѣ простору много.

Случай въ Читѣ сдѣлался извѣстнымъ даже въ Петербургѣ.

Тамошніе гарнизонные солдаты не только выпускали на ночь арестантовъ, но и сами ходили съ ними на грабежъ въ городѣ и сосѣднихъ селеніяхъ. Передъ свѣтомъ аккуратно возвращались: одинъ на часы, другой въ заточеніе. Виновныхъ велѣно было строго наказать, но наказаніе не остановило преступленія. Солдаты снова произвели нѣсколько кражъ и украденныя вещи спрятали на гауптвахтѣ; офицеры оказались по слѣдствію потворщиками. Еще въ 1836 году генералъ-губернаторъ Броневскій свидѣтельствовалъ, что нравственность тѣхъ казаковъ, которые обращались при полиціи и въ частомъ прикосновеніи со ссыльными, была рѣшительно потрясена.

Бываютъ на каторгѣ другія дѣла и другого рода и вида побѣги, когда одинъ старается перехитрить другого, не разбирая (какъ въ данномъ случаѣ) того, что валитъ этого другого себѣ подъ ноги, въ яму. Такъ какъ борьба эта ведется на вагладъ и на счастье, почти въ темную, то и ходы ея разнообразны и мудрены до того, что понять ихъ и услѣдить за всѣми ставками нѣтъ почти никакой возможности. Сами бродяги таятся, слѣды свои тщательно прячутъ, рѣдкіе разсказываютъ кое-какія подробности, но всегда, конечно, оставляютъ про себя и для товарищей всю суть и всю подноготную. Самое вѣроятное и неоспоримое одно только, что каторга даетъ обильное количество побѣговъ.

Всѣхъ бѣглыхъ по всему Нерчинскому округу за 10 лѣтъ (съ 1847 по 1857 годъ) считалось 2.841 человѣкъ такихъ только, которые за побѣги наказаны были на заводахъ. Сверхъ того, бѣжало еще 22 женщины, которыя были пойманы и также наказаны на заводахъ. Къ 1 января 1859 года, т. е. за 11 лѣтъ, во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ считалось въ бѣгахъ невозвращенными: 508 человѣкъ горныхъ служителей и 3.104 ссыльныхъ и ссыльно-каторжныхъ, такъ что, по сравненію съ количествомъ всего сосланнаго населенія, въ бѣгахъ ровно 24%. Таковъ учетъ общаго горнаго управленія въ валовыхъ цифрахъ. Частныя исчисленія также краснорѣчивы, хотя мы и придерживаемся цифры собственно ссыльно-каторжныхъ и не принимаемъ въ разсчетъ поселенцевъ (объ этомъ дальше, въ своемъ мѣстѣ). Знаменитый Петровскій желѣзодѣлательный заводъ, единое изъ дѣтищъ того же Нерчинскаго горнаго округа, тоже считалъ свою усышку и утечку. Къ 1-му сентября 1851 года у него нашлось въ бѣгахъ, тоже въ десятилѣтней сложности, всѣхъ бѣглыхъ 740 мужчинъ и 5 женщинъ. Къ 1-му января 1852 года (т. е. въ два осеннихъ и одинъ зимній мѣсяцъ) успѣло бѣжать еще 26 человѣкъ, стало всего въ неустойкѣ 771 вольная душа. Изъ этого числа поймано только 19 человѣкъ, исключено за десятилѣтнею давностью 31, осталось — стало быть—въ бѣгахъ 716 мужчинъ и 5 женщинъ. Нѣкоторое число таковыхъ заводъ имѣетъ получить назадъ подъ названіемъ оборотней, возвращенными изъ Россіи въ той цифрѣ, которая выясняется въ тобольскомъ приказѣ о ссыльныхъ. Тамъ, между прочимъ, навѣрное утверждаютъ и несомнѣнно доказываютъ, что число пригнанныхъ обратно въ Сибирь на каторгу и поселеніе, съ 1833 по 1845 годъ, двѣнадцать тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ два человѣка (въ томъ числѣ 345 женщинъ) и что одних каторжныхъ въ теченіи десяти лѣтъ (съ 1838 по 1847) принято изъ Россіи съ возвращенными черезъ Тобольскъ 2.446 мужчинъ и 27 женщинъ. Конечно, между ними не всякій укажетъ на то, съ какой онъ бѣжалъ каторги. Бродягами давно уже приспособленъ способъ сочиненія псевдонимовъ, вѣнчающихся общимъ мѣстомъ „непомнящихъ родства“ *).

*) Обязуясь подробнымъ изслѣдованіемъ вопроса о бродягахъ во всемъ его многосторонне мъ

Чѣмъ и какъ обставляются побѣги съ каторги, мы объяснимъ нѣсколькими очерками, сообщенными частью интересовавшимися этимъ дѣломъ, частью самими заинтересованными въ немъ. Разрядъ послѣднихъ разбивается для насъ на двѣ категоріи. Къ первой и главной мы относимъ тѣхъ бывалыхъ бродягъ, которые снимаются съ мѣста для пути дальняго елико возможно и не спуста. Они отлично знаютъ дорогу и эта, издавна пробитая тропа называется варнацкою дорогою, имѣетъ опредѣленное направленіе по лѣсамъ, жилымъ и нежилымъ мѣстамъ и опытнаго бродягу уводитъ далеко, уводитъ въ Россію. Истинный варнакъ снимается съ мѣста для того, чтобы, по возможности, подольше пожить на своей волѣ, старается по мѣрѣ силъ не возвращаться на каторгу, искусно замѣтая слѣды или, если уже для него оборвется счастье, то запишется въ оборотни, но не скоро. Къ другой категоріи бродягъ мы относимъ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые бѣгутъ на авось, иногда просто прогуляться, побродить въ лѣсу и на волѣ, „единственно для отбывательства отъ казенныхъ работъ“, какъ привыкли выражаться оффиціальныя бумаги. Такого рода бѣглые — жиганы, мелкота — зачастую не уходятъ дальше Байкала. Наступающіе холода на измызганную за лѣто въ ходьбѣ по лѣсамъ казенную одежду, незнаніе дороги, пріемовъ и правилъ бродяжьяго дѣла — все это такихъ мелкихъ бродягъ, безъ всякаго участья и усердія со стороны полицейскихъ начальствъ, сгоняетъ на каторгу. Такіе бродяги съ первыми осенними морозами являются въ ближайшій городъ и на судъ съ повинною головою и съ покорными руками и ногами. Похожденія таковыхъ немногосложны.

Бѣгутъ они, при первой открывшейся возможности, на угадъ, куда глаза глядятъ, бѣгутъ обыкновенно шайкою въ томъ предположеніи, что на людяхъ и смерть красна. Если бѣгутъ безъ вожака, то стало быть путаются, наталкиваются на множество случайностей и, въ большей части случаевъ, не выдерживаютъ, т. е. попадаются. Вотъ что разсказывалъ одинъ изъ таковыхъ:

„Бѣжали мы втроемъ съ „хвостовъ“ на Среднемъ промыслѣ. Ходили цѣлую ночь и прошли ка-быть много.

„— Верстъ, молъ, братцы, десятка два будетъ?

„— Будетъ, слышь.

„Стало свѣтать, а мы въ пади какой-то.

„— Идемъ, молъ, товарищи, куда насъ эта падь поведетъ.

„— Валяй!—говорятъ:—перекрестившись?

„Шли шли падью, селеніе какое-то передъ собой увидали, испужалися.

„— Не назадъ ли, товарищи?

„— Чего назадъ? гляди впередъ, затѣмъ вѣдь и ушли. Разбирай, какое жилье!

„Поднялся я на гору, глядѣлъ, глядѣлъ...

„— Лѣшій, молъ, насъ, ребята, водитъ да и лѣшій-то не нашъ, а казенный, промысловой.

„— Чего-де такъ?

„— Поглядите-тко, никакъ къ Верхнему промыслу пришли.

„Стали разглядывать, примѣты распознавать, такъ и есть: Верхній промыселъ, и тюрьма ихняя, и разрѣзъ тутошной, и пристава домъ увидали.

„— Пойдемъ, молъ, ребята, туда, спокаемся, а тамъ поживемъ, повыспросимъ, дороги узнаемъ. А что-то, молъ, мы и бродяжить-то не умѣемъ: не рука знать!

„Стали мы толковать, стали промежъ себя спорить. И ночи-то жаль терять за-напрасно, и тюрьму-то мы видимъ впереди подъ горой и разрѣзъ; жолоба по рѣчкѣ-то, по Карѣ-то этой, обозначались. Чортъ, молъ, съ вами, а теперь у насъ день, пойдемъ лѣсомъ. Бери лѣвѣй! ворочать не станемъ.

„Такъ и рѣшили, а пошли опять наугадъ,

и широкомъ развитіи, мы на этотъ разъ продолжимъ наблюденія наши надъ цифрами бѣглыхъ съ сибирскихъ заводовъ и беремъ намѣренно года на выдержку, не подчиняя ихъ системѣ и при этомъ указывая первые попавшіеся намъ на глаза. Такъ, напр., на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ съ 1 января 1846 года по 1 ноября 1859 бѣжало съ работъ 1.013 мужч. и 19 женщ. Изъ этого числа домашними средствами поймано (а въ томъ числѣ, конечно, и добровольно пришли въ зимнее холодное время) только 277 мужч. и 4 женщ. Въ 1833 году бѣжало изъ этого завода 633 чел., въ 1834—770, въ 1835—754, въ 1836—591, въ 1837—293, въ 1838—32, въ 1839—76, въ 1840—40, въ 1841—71, въ 1842—82, въ 1843—98. Уменьшилась въ послѣдніе года цифра побѣговъ оттого, что въ заводъ стали меньше присылать рабочихъ и замѣтно ослабѣлъ тюремный надзоръ съ уменьшеніемъ командъ, обращенныхъ на другіе заводы. Въ 1843 году изъ 98 человѣкъ возвращено было только 8. Изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобол. губ.) въ 1860 г. бѣжало каторжныхъ 160 человѣкъ, да весною слѣдующаго года успѣло удрать еще новыхъ 22. Бѣглые по другимъ заводамъ Восточной Сибири стояли въ такомъ количествѣ:

Въ 1837	году	изъ	Иркутск.	солевар.	363
» 1838	»	»	»	»	238
» 1839	»	»	»	»	248
» 1840	»	»	»	»	359
» 1841	»	»	»	»	136
Въ 1837	году	изъ	Троицк.	винокур.	181
» 1838	»	»	»	»	164
» 1839	»	»	»	»	206
» 1840	»	»	»	»	171
» 1841	»	»	»	»	79
Въ 1837	году	изъ	Селенгин.	солевар.	38
» 1838	»	»	»	»	74
» 1839	»	»	»	»	36
» 1840	»	»	»	»	28
» 1841	»	»	»	»	27

Все это, конечно, въ десятилѣтней сложности съ увеличеніемъ цифры отъ новыхъ побѣговъ и съ уменьшеніемъ ея за вычетомъ по закону десятилѣтней давности.

пошли лѣвѣй да и взяли прямо. И шли мы еще день. Ночью спали. На пятые сутки животъ тосковать началъ. Сказалъ я объ этомъ товарищамъ.

„— И у насъ, слышь, тоскуетъ.

„— Да по комъ?

„— Не по артельномъ же, слышь, хлѣбѣ, а надо полагать, захотѣло брюхо получше чего, надо быть горячаго.

„— Ягоды бы ему дать хорошо, не спѣсиво оно!—шутимъ это.

„А гдѣ ее возьмешь, ягоду-то эту? Лѣса стоятъ все какіе-то не такіе. Кочки между деревьями-то да трясины и густымъ прегустымъ мохомъ затянуло все; идешь словно по перинѣ, а ягодъ нѣту. А брюхо-то съ голодухи такъ и выворачиваетъ, словно рукавицу.

„Станемъ себя утѣшать, разговаривать, а оно, брюхо-то, нѣтъ-нѣтъ да и завоетъ, ровно въ немъ на колесахъ ѣздятъ. Тошно ему стало, голосъ подаетъ.

„Идемъ впередъ. Заборъ увидали. Стали оглядываться, нѣтъ ли жилья какого? Слышимъ, одинъ товарищъ заревѣлъ заревѣлъ, словно съ него живого лыки драли. Мы кинулись, смотримъ: въ яму какую-то провалился и зѣваетъ по медвѣжьему. Вынули мы его.

„Другой товарищъ смѣкнулъ:

„— Это-де, братцы, для козуль настораживаютъ. Вонъ, въ воротахъ-то, бревно на волоскахъ повѣсили. Чуть упадетъ, то и раздавитъ. Много, слышь, нашего брата, не вѣдая, этакъ свою жизнь кончали. Хорошо еще, что товарищъ въ яму попалъ, а не въ ворота прошелъ.

„Перелѣзли мы черезъ заплотъ (ограду) дальше, а въ ворота не пошли. Сталъ намъ товарищъ разсказывать, какъ бревно такъ ловко прилажено, что козуля пролѣзетъ въ ворота да дотронется только до бревнушка, тутъ и смерть ея. Вышли мы въ поле. Въ полѣ стадо барановъ ходитъ, а при нихъ пастухъ мальчишко. Увидалъ онъ насъ, бросился опрометью прочь отъ насъ. Мы его звать, не слушаетъ, мы божиться, сталъ подходить. Кричитъ намъ:

„— Не убьете?

„— Нечѣмъ, молъ, дуракъ экой! смотри, пустые идемъ. Дашь намъ ѣсть, еще денегъ тебѣ дадимъ.

„— Я не дамъ, боюся васъ! А подойдите-де, сами возьмите, вонъ подъ кустомъ хлѣбъ лежитъ.

„Я пошелъ. Нашелъ тряпичку, развернулъ, хлѣбъ увидалъ, схватилъ его въ обѣ руки. Хотѣлъ сожрать его въ три раза, такъ ужъ и глазами намѣтилъ, какъ надо и зубы наложилъ, да вспомнилъ товарищей. Такъ у меня словно хлѣбъ-отъ кто оторвалъ ото рта. А умомъ-то мекаю: не стану, молъ, ѣсть, дѣлиться велятъ; зачѣмъ и идемъ-то мы вмѣстѣ и другой кто не сдѣлаетъ такъ. Думаю это, а ѣсть еще пуще мнѣ тотъ хлѣбъ захотѣлось. Запахъ-отъ его слышу, такъ животъ-отъ мой и заворчитъ и заворочается въ нутрѣ-то. Стало мнѣ на умъ всходить, что не донести мнѣ хлѣба, съѣмъ я его, а тамъ пущай они приколотятъ меня за то. Тутъ товарищи-то и закричали. А я стою на томъ же мѣстѣ, гдѣ хлѣбъ взялъ. Закричали товарищи-то, стало мнѣ на умъ другое приходить: съѣмъ одинъ—сытъ буду, съ товарищами подѣлю—никто сытъ не будетъ, коврига-то малая. Сдумалъ я такъ-то, стиснулъ краюху зубами, зажалъ глаза, духъ забралъ въ себя, да ужъ и не помню, какъ припустилъ бѣжать. Бѣжалъ я что было силы, во всѣ лопатки. Прибѣжалъ къ товарищамъ, берите, молъ, да и мнѣ оставьте!

„Раздѣлили хлѣбъ поровну. Дальше пошли. Опять бредемъ цѣлый день. Къ вечеру деревенька помеледелась.

„— Пойдемъ, товарищи, въ крайнюю избу, будетъ маяться-то намъ.

„— Стучись, товарищъ!

„Постучались мы, впустили. Мужичекъ не старый сидитъ и таково ласково смотритъ на насъ; спрашиваетъ:

„— Съ Кары, ребята?

„— Съ Кары, молъ, дядюшка.

„— Которыя сутки не ѣли?

„— Пятыя сутки крохи не видали.

„— Садись,—говоритъ:—ребята, за столъ!

„Сѣли. Вынулъ онъ щей изъ печки. Налилъ ихъ въ чашку, хлѣба туда накрошилъ, далъ постоять, ложку взялъ: „Вы-де сами, ребята, не притрогивайтесь, меня слушайте“. Зачерпнулъ онъ щей съ хлѣбомъ, мнѣ далъ, опять зачерпнулъ ложку, товарищу поднесъ, и такъ всѣхъ одѣлилъ по одной и по другой. Мы еще попросили, не далъ. Отошелъ отъ стола и чашку со щами спряталъ. Спрашиваетъ:

„— Вы, ребята, однако, впервые надо быть?

„— Что, молъ, такое впервые?

„— Бѣжите-то?

„— Не случалось, молъ, ни разу о сю пору, впервые бѣжимъ.

„Усмѣхнулся.

„— Однако, ложитесь, говоритъ, спать теперь. Дамъ я вамъ еще этихъ щей, то разорветъ брюхо, помрете. Много-де ко мнѣ заходило вашего брата, я это дѣло знаю, какъ поступать.

„Уложилъ онъ насъ спать въ подъизбицѣ. Спали мы крѣпко; какъ легли, такъ и заснули, и на умъ не пришло поопастися. Да и то думать надо: намъ на ту пору все равно было, что стариковы щи хлѣбать, что заводскую березовую кашу. Чертъ побери все! Однако, проснулись на волѣ. Старикъ опять щей вынесъ: по три ложки намъ далъ и тѣ не вдругъ, а въ очередь. Опять насъ спать уложилъ. Поднялись мы опять, онъ насъ накормилъ до сыта и на дорогу далъ намъ хлѣба и совѣтъ:

„— Ступайте вотъ теперь прямо! На пути

вамъ будетъ распадокъ. Дорога пойдетъ прямо въ него—не ходите, тутъ казаки ловятъ. Берите лучше въ правую падь. Тамъ далеко есть заимка, въ ней казакъ живетъ; хлѣба не сѣетъ, хлѣбъ не ростетъ. Бѣлкуетъ: ходитъ съ ружьемъ за бѣлкой, за козулей ходитъ, пасти поѣдныя и огородныя ставитъ. Казакъ этотъ охотно нанимаетъ вашего брата варнака въ работу да платится за послугу свинцомъ. Такъ вы это помните и на носу зарубите!

„Послушались мы приказу, въ лѣвую падь не ходили, пошли въ правую и въ заимку постучались, силушки нашей не хватило. Ѣсть стало нечего, весь хлѣбъ вышелъ, а днемъ спали, по ночамъ шли. Да можетъ, молъ, старикъ по насёрду на этого казака сказывалъ. Зашли. Казакъ ласковый такой, встрѣтилъ, угощаетъ, суетится:

„— Сейчасъ же, на ваше счастье, козулю убилъ, ѣшьте!

„Покормилъ онъ насъ. Сговаривать сталъ:

„— Оставайтесь, кормить васъ буду, вы только работайте, и работа-то легкая. А спрячу-де васъ такъ, что никакой сыщикъ не доберется. Бывалое дѣло!

„Говоритъ, улещаетъ, все норовитъ, какъ бы за самое сердце наше ухватить, да мы помнимъ стариковъ наказъ — на соблазнъ сдаваться не хотѣли. Проспали мы ночь. Поутру рано ушли такъ, что онъ и не примѣтилъ, спалъ еще. Подъ вечеръ смотримъ, догоняетъ онъ насъ верхомъ на лошади и винтовка у него за спиной торчитъ. Сталъ подъѣзжать, винтовку на руку взялъ, стрѣлять захотѣлъ, прицѣливается. Бросились мы со всѣхъ ногъ на него всѣ трое. Одинъ сгребъ его сзади, оборвалъ ремень и винтовку отнялъ. Поднялъ онъ коня на дыбы, ускакалъ. Въ сумерки опять нагоняетъ и винтовка въ рукахъ у него другая. Кричитъ намъ издали:

„— Отдайте винтовку мою!

„— Не подходи!—отвѣчаемъ:—Мы сами въ тебя палить станемъ, убьемъ.

„Толковалъ онъ съ нами долго, а винтовки мы ему все-таки не отдали. Онъ повернулъ коня назадъ, а намъ вслѣдъ пригрозилъ:

„— Такъ ли, не такъ ли, а вашу-де вину и свою обиду на другихъ варнакахъ вымещу.

„Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ. Въ одной пади мы на народъ наткнулись, опознались: бѣглыми съ Петровскаго завода сказались. Сговорились мы идти всѣ вмѣстѣ; стало насъ 12 человѣкъ, веселѣй ка-быть стало и страху не въ примѣръ меньше. Разложили мы огонь, теплину сдѣлали. Товарищи ушли въ лѣсъ поискать ягоды либо кедровыхъ орѣховъ. А то есть курчаватая такая сарана, корень ея больно сладокъ, ѣдимъ мы ее и сыты бываемъ. На нее намъ въ тюрьмѣ бывальцы указывали: ищите-де ее и ѣшьте, не бойтесь! Я остался у огня, а на огонь медвѣдь вышелъ. И ружье есть, да пороху нема. Цѣлился я въ него, не испужалъ, а на меня же полѣзъ. Началъ я бѣгать кругомъ огня, на огонь онъ не полѣзъ; тоже и самъ сталъ ходить за мной и все норовилъ лапой сгрести меня. Однако, усталъ медвѣдь, въ лѣсъ ушелъ. Товарищи вернулись пошли мы дальше. Опять огонь разложили. Смотримъ, опять надо быть тотъ же медвѣдь къ намъ изъ лѣсу вышелъ и цѣлое дерево въ охапкѣ несетъ. Мы за большое дерево тутъ подлѣ спрятались, а кто и на самое дерево влѣзъ. Подошелъ онъ къ огню, хватилъ изо всей медвѣжьей силы: погасить хотѣлъ, да только искры по сторонамъ полетѣли, да головешка больно высоко подпрыгнула. Осердился онъ, сталъ огонь загребать лапами и такъ-то старался! Тутъ одинъ товарищъ догадался: подошелъ къ нему сзади, да такъ-то хватилъ его по заднимъ ногамъ толстой палкой, что онъ ажъ показалъ намъ, какъ салазки умѣетъ дѣлать, даромъ что былъ неученый и съ татарами въ Рассеѣ на цѣпи не хаживалъ. Полежалъ это онъ, поревѣлъ да и надумалъ хорошее дѣло черезъ голову кувыркаться; ушелъ, значитъ. На третьи сутки опять онъ брелъ за нами слѣдомъ, на четвертыя — опять пужалъ, на пятыя какъ отсталъ, такъ ужъ больше и не показывался *).

„На шестыя сутки попали мы на казаковъ.

---

*) На тему встрѣчъ съ медвѣдемъ вотъ еще одинъ разсказъ бѣглаго:

«Идемъ, отдавшись на волю Божію. Иной разъ, кромѣ зайцевъ, рѣдко кто изъ живыхъ встрѣчается, а иногдь нашъ братъ и на медвѣдя напарывается. Мнѣ разъ встрѣтился; было ружьо у меня, надо бы его поставить на сошку да стрѣлять ему въ сердце, такъ зарядъ-отъ у меня былъ бѣличій. Выстрѣлъ разсердилъ только. Да дерево мнѣ на боку подвернулось — спрятался. Сталъ онъ меня ловить, а я успѣлъ изъ-за пояса топоръ выхватить; хотѣлъ рубить по лапамъ, да онъ всякой разъ сдогадается и отобьетъ топоръ. Попятился разъ, сгребъ въ лапы пень, положилъ его къ дереву, притащилъ другую корягу, третью, четвертую и опять полѣзъ на меня. Разсудило лѣсное чудовище, что пни помѣшаютъ мнѣ бѣгать, да и я не у него учился: черезъ пни прыгалъ, да успѣвалъ и отталкивать временемъ тѣмъ изъ-подъ ногъ своихъ. Свечерѣло; медвѣдь уходился, да и я весь въ мылѣ. Стали мы отдыхать оба. Онъ отошелъ и легъ на землю, голову положилъ на пень, глаза навелъ на меня. Онъ лежитъ, да и я стою, не шевелюсь. Думаю: шевельнись я — и онъ вскочитъ. Легонечко, пріемовъ надо быть въ 20, такъ и этакъ крадучись отъ звѣря, успѣлъ я зарядить ружье. Наступила ночь и темно стало. Зарядилъ я ружье. Востокъ закраснѣлъ, а тамъ и разсвѣло и медвѣжьи глаза не такъ стали страшны. Успѣлъ я поставить ружье на сошку и не снимался съ мѣста, чтобы не огорчить его. Тихимъ манеромъ, ему не въ примѣту, сталъ я наклоняться къ прикладу, а глазъ съ него не свожу. Такъ вотъ поѣдомъ и ѣдимъ другъ дружку буркалками-то своими. Обманулъ я его, выстрѣлилъ; онъ, словно угорѣлый, метнулся на меня, хватился о дерево такъ, что то застонало даже. Растянулся. Я опять зарядилъ всѣмъ зарядомъ,

„— Это вы-де,—сказывают:—въ нашей деревни казака убили?!

„Схватили насъ казаки—и представили“!

Въ разсказѣ этомъ, имѣющемъ поразительное сходство со всѣми другими, для насъ яснѣе другихъ, важнѣе прочихъ одна подробность: это именно готовность сибирскихъ крестьянъ принимать и обогрѣвать ссыльныхъ. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ столько же и чувство сострадація къ голому и голодному искателю приключеній—чувство, завѣщанное отцами, закрѣпленное ихъ примѣромъ и поваженное долгимъ опытомъ, сколько и экономическія причины и условія сибирскаго быта, передъ которыми безсильны и ничтожны всякія угрозы и страхи быть на судѣ и въ отвѣтѣ за укрывательство бѣглыхъ, за пристанодержательство, передержательство. Сибирскій хозяинъ изъ крестьянъ и казаковъ всегда затрудненъ и всегда сильно нуждается въ работникѣ, которыхъ особенно мало въ Забайкальѣ, обездоленномъ тремя тягами: привлеченіемъ большого числа рабочихъ на Амуръ на казенныя работы, наймами ихъ на частные (витимскіе и чикойскіе) золотые промыслы, а въ то же время и въ извозъ подъ чаи, ходившіе въ огромномъ количествѣ изъ Кяхты. Между тѣмъ бѣглый, съ самыхъ давнихъ временъ, очень дешевый рабочій; за однѣ харчи, изъ-за одного хлѣба, онъ готовъ работать все лѣто и на страдѣ въ лугахъ, и на пожняхъ въ поляхъ. Входя въ экономическія сдѣлки, становясь въ условія кругового обязательства, оба (и наемщикъ и батракъ) остаются въ одинаковой отвѣтственности и передъ судомъ и закономъ и передъ личною собственностью. Обычай этотъ такъ простъ и долговѣченъ, что держатся его съ самаго начала заселенія Сибири ссыльными и не только обыватели ближнихъ къ каторгамъ мѣстъ, но и дальніе жители Западной Сибири, Урала и проч. Случаи мести, затѣваемой бродягами по временамъ и вынуждаемой отказомъ въ гостепріимствѣ, въ видѣ подпуска краснаго пѣтуха (т. е. пожара), держатъ этотъ обычай на сторожѣ и во всегдашней готовности облекаться въ фактъ. Факты же эти до такой степени общи и часты, что ими преисполнены разсказы самихъ бѣглыхъ и всѣ оффиціальныя бумаги архивовъ. Отработывая у наемщиковъ урочное время, бродяги идутъ себѣ дальше пытать счастья, искать новыхъ приключеній. Большинство изъ нихъ съ голодухи скорѣе ограбятъ какой нибудь казенный транспортъ (почту напр.), чѣмъ вскинутся на чемоданъ проѣзжаго. Сибирскія дороги славятся безопасностью въ сравненіи со всѣми русскими дорогами, хотя могли бы и имѣютъ право отличаться противоположнымъ свойствомъ. Отбиваются бродяги и совершаютъ убійства только въ такомъ крайнемъ случаѣ, когда встрѣчаютъ вооруженное нападеніе, озлобленность и жестокость со стороны нападающихъ. Предательство вызываетъ месть и месть эта является тѣмъ жесточе и немилостивѣе, чѣмъ преступнѣе и испорченнѣе сердца бродягъ. Случаи такого рода, повторяемъ, рѣдки. Голодъ тутъ играетъ немаловажную роль и бродяга собственно въ сибирскихъ странахъ—мирный путникъ, не рѣшающійся никого обидѣть, изъ боязни самому быть обиженнымъ.

У нѣкоторыхъ страсть къ бродяжничеству принимаетъ форму какого-то особаго рода помѣшательства, со всѣми признаками настоящей серьезной болѣзни, которая требуетъ радикальныхъ средствъ, мучитъ и преслѣдуетъ больного, какъ какая нибудь перемежающаяся лихорадка, имѣя форму болѣзни періодической. Въ Петровскомъ заводѣ имѣлся одинъ изъ такихъ, извѣстный всѣмъ содержавшимся тамъ декабристамъ и, по исключительности своей, памятный многимъ изъ встрѣченныхъ мною. Привычка шататься развилась въ немъ въ такую болѣзнь, что съ каждою весною онъ начиналъ непремѣнно испытывать ея тяжелые, упорные припадки. Онъ начиналъ всѣхъ бояться, дѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, равнодушнымъ ко всему, его окружающему; старался уходить куда нибудь въ уголъ, прятался въ укромныя и темныя мѣста. На работахъ онъ испытывалъ тоску, которая доводила его до истерическихъ слезъ. Слезы эти и тоска разрѣшались обыкновенно тѣмъ, что онъ улучалъ-таки время и убѣгалъ. Больной пропадалъ обыкновенно все лѣто, къ осени же появлялся въ заводъ оборваннымъ, исхудалымъ, но веселымъ. Лицо его было исцарапано, руки и ноги въ снякахъ и въ занозахъ; знакъ, что больной гулялъ не просто, не жилъ въ наймахъ по заимкамъ (иначе принесъ бы мозоли), но, совершая свои экскурсіи, прятался отъ людского глаза въ лѣсныхъ чащахъ. Въ послѣднихъ онъ даже подсмотрѣнъ былъ товарищами, вѣрившими, что все его удовольствіе и самое главное наслажденіе состояло въ томъ, чтобы во все лѣто не видѣть никого, и вся забота хлопотливо направлена была къ тому, чтобы хоронить свои слѣды отъ всякаго. Отшельникъ этотъ на все лѣтнее время отвыкалъ отъ хлѣба и легко примирялся съ дикою пищею, употреблялъ ягоды (бруснику, малину и боярку) и разные коренья и травы (черемшу, сарану, мангирь и бѣлый корень, называемый козьимъ звѣробоемъ). Приходя отъ травъ въ крайнее безсиліе, онъ изрѣдка приближался къ селеніямъ или на страды и воровалъ хлѣбъ, но очень рѣдко выпрашивалъ его и довольствовался имъ только, какъ лакомствомъ. Возвра-

---

что было его у меня, смѣкаю то, что опять, хитрый человѣкъ, обманывать меня выдумалъ, мертвымъ прикинулся. Я рѣзнулъ по немъ полнымъ зарядомъ въ другой разъ, да онъ ужъ и не сказывался. А я дальше пошелъ».

щаясь съ прогулокъ въ заводъ по доброй волѣ, принужденный лишь наступающими крѣпкими осенними холодами, противъ которыхъ не могли устаивать его оборванная и измызганная одежда—отшельникъ все-таки по положенію получалъ наказаніе розгами. Наказаніе это онъ не вмѣнялъ ни во что и для болѣзни своей не считалъ его ни за хирургическое, ни за терапевтическое средство. Затѣмъ онъ всю осень и зиму весело жилъ на работахъ, работалъ за двоихъ послушливо и безпрекословно, такъ что всѣхъ приводилъ въ удивленіе, но трудился такимъ образомъ только до весны, до кукушки. А лишь только снова начинала она свою завѣтную, немудреную пѣсню, арестантъ начиналъ испытывать прежніе припадки, столько же мучительные и невыносимые. Шесть лѣтъ ходилъ онъ такимъ образомъ въ лѣсъ и пріучилъ тюремное начальство смотрѣть на его дѣла сквозь пальцы, снисходительно. На седьмую весну пришелъ отшельникъ къ смотрителю, упалъ ему въ ноги и проситъ:

— Ваше благородье! Кукушка кукуетъ—уйду, слышать не могу, соблазняетъ, уйду. Либо прикажите связать, либо на цѣпь къ стѣнѣ приковать и лису наложить, либо сдѣлайте что хотите. Не втерпежъ мнѣ это дѣло стало, я что нибудь самъ надъ собой сдѣлаю.

Сердобольный смотритель послушался, посадилъ его на цѣпь, предварительно, уже для личнаго удовольствія, задавъ ему впередъ все то количество розогъ, которое ежегодно слѣдовало ему осенью, по возвращеніи изъ отшельничества послѣ созерцательной жизни.

Просидѣлъ арестантъ время припадковъ на цѣпи; осень и зиму прожилъ на свободѣ и не бѣгалъ, а также вмѣстѣ со всѣми работалъ. На слѣдующую весну онъ опять пришелъ къ смотрителю съ тою же мольбою, а на третій годъ ужъ не являлся къ нему и въ лѣсъ не бѣгалъ.

Но вотъ примѣръ особаго вида.

Въ 1808 году въ Удинскій округъ присланъ былъ на поселеніе, за бродяжничество, изъ Екатеринбурга старообрядецъ Гурій Васильевъ. Весною 1815 года онъ, съ двумя товарищами старообрядцами, бѣжалъ на Амуръ съ намѣреніемъ основать скитъ, и для этого поселился близъ Албазина въ пещерѣ около устья р. Урсы. Зиму съ 1815 на 1816 годъ они провели здѣсь, но весною ихъ схватили манчжуры и привели къ начальству въ Айгунъ. Здѣсь манчжуры предлагали имъ обрить бороду и принять подданство, какъ-де сдѣлали это многіе изъ бѣглыхъ русскихъ, проживающихъ въ Китаѣ *). Старовѣры не согласились. Манчжуры, во исполненіе трактата, черезъ Цицикаръ и Хайларъ представили ихъ на нашу границу въ Цурутухайтѣ. Отсюда пригнали ихъ на старое мѣсто жительства въ Удинскій округъ. Гурій Васильевъ не выдержалъ и, по привычкѣ къ уединенной жизни, въ 1818 году бѣжалъ снова на Амуръ и, пойманный лѣтомъ слѣдующаго года, тѣми же путями и средствами, выданъ былъ тамъ же. Его на этотъ разъ наказали плетьми и назначили на каторжныя работы въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ. Въ 1822 году Гурій Васильевъ снова получилъ возможность бѣжать и пробрался опять на Амуръ и снова въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Здѣсь, питаясь кореньями, дичью и рыбою, жилъ до слѣдующей весны (1823 г.), но, боясь старой исторіи, на маленькой лодкѣ изъ бересты рѣшился спуститься внизъ по Амуру. Не проплылъ онъ и ста верстъ по теченію, какъ снова былъ схваченъ манчжурами и увезенъ въ Айгунъ. На этотъ разъ манчжурскія власти въ Россію его не отправили, но, отдавъ подъ присмотръ, отпустили жить въ городѣ на волѣ, вмѣнивъ ему въ обязанность обученіе манчжурскихъ мальчиковъ русскому языку. За это кормили его и одѣвали и, вообще, содержали въ довольствѣ. Въ 1826 году онъ, по распоряженію айгунскихъ властей, отправленъ былъ, вмѣстѣ съ другими, внизъ по теченію Амура на рыбную ловлю. Жестокое обращеніе съ нимъ приставниковъ заставило его бѣжать на маленькой лодкѣ (вѣткѣ) внизъ по Амуру. „Пройдя сліяніе рѣки Сунгари съ Амуромъ (показывалъ Гурій), я былъ внѣ всякой опасности, ибо народъ янты (гольды), обитающій по Амуру, уже не зависитъ отъ манчжуръ и китайцевъ. Продолжая путь свой далѣе по Амуру, съ помощью туземцевъ, къ осени достигъ земли гиляковъ, гдѣ остановился на зимовку". Отъ гиляковъ Гурій узналъ, что къ сѣверу отъ Амура живутъ тунгусы, а потому, весною 1827 года, вышелъ онъ изъ рѣки, на гиляцкой лодкѣ, въ Охотское море. Слѣдуя вдоль берега и не доходя 30 верстъ до устья рѣки

*) Бродяжьи пути не имѣютъ конца. Дороги ихъ не пересѣкаютъ никакія препятствія: кяхтанскій мѣщанинъ Карпъ Патюковъ, наказанный кнутомъ и сосланный, пришелъ на родину изъ Охотскаго порта, не смотря на то, что путь ему лежалъ уже по настоящимъ строгимъ пустынямъ. Путь на Амуръ въ бродяжьей практикѣ издавна былъ дѣломъ обычнымъ, и Гурій Васильевъ съ товарищами—не первый и не послѣдній странникъ на востокъ, совсѣмъ въ противоположную сторону отъ обычной россійской дороги бродягъ. Якобію, собиравшему свѣденія объ Амурѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бѣглые могли дать самыя точныя свѣденія: «Плыли на Амуръ отъ Горбицы 15 лѣтнихъ ночей, а днемъ лежали въ закрытыхъ мѣстахъ. Пойманы китайцами въ виду отъ устья, по поимкѣ ведены были многими селоніями до городовъ Цицигара и Мергеня, лежащихъ въ сторону отъ Амура; а отъ онаго поворотясь къ востоку между полуденнымъ кочевьемъ мунгалъ до Калара ровными и гладкими мѣстами; изъ Калара же выданы на Цурутухайте. Въ дорогѣ были 10 дней, по ночамъ стояли», и проч.

Тугура, остановился у тунгусовъ на зимовку и вмѣстѣ съ ними, къ веснѣ 1828 года, прибылъ въ Удской острогъ. На этихъ показаніяхъ Гурія Васильева генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій, какъ извѣстно, основалъ свои виды на пріобрѣтеніе рѣки Амура еще въ 1822 году, т. е. за 20 лѣтъ до гр. Муравьева. На проэктъ и представленіе его разрѣшенія изъ Петербурга не послѣдовало. Министръ финансовъ, въ 1833 году, отвѣчалъ: „Мнѣ кажется, что всякое предпріятіе плавать по р. Амуру безполезно и въ отношеніи подозрительности китайцевъ опасно, поелику мы не имѣемъ ни силы, ни намѣренія обладать тѣмъ краемъ, а безъ обладанія имъ нельзя думать о судоходствѣ и о торговлѣ, а потому безъ этого и не слѣдуетъ что либо затѣвать“. Вообще, показанія бѣглыхъ, побывавшихъ за китайскою границею, во многомъ послужили къ объясненію Амура и другихъ странъ, сосѣднихъ Забайкалью. Такъ, въ 1805 г. д'Овре изъ посольства Головнина пользовался на Кличкинскомъ рудникѣ свѣденіями отъ бродягъ Дунаевскаго и Прусакова, бывшихъ за границею.

Таковы мирные пути и короткія дороги бродягъ. Такова краткая сторона ихъ замысловъ, направленныхъ къ освобожденію себя отъ работъ ради отдыха и въ виду мало выясненныхъ цѣлей *). Но не такова другая, къ которой мы, въ свою очередь, должны подойти, памятуя, что въ бродягахъ для насъ ясно видится особый видъ, первая и главная категорія бывалыхъ: тѣхъ, которыхъ прозвалъ сибирскій народъ варнаками и чалдонами. За такими бродягами существуютъ поиски, имѣлись когда-то особыя команды. Противъ нихъ сильно озлобленъ народъ, живущій на Харинской степи и около, извѣстный у сибиряковъ подъ именемъ братскихъ, а вообще—подъ названіемъ бурятъ. Народъ этотъ еще не перешелъ отъ степной жизни къ мирнымъ осѣдлымъ занятіямъ, еще не выработалъ въ себѣ кроткихъ нравовъ землепашцевъ.

Во имя этихъ и другихъ причинъ подробности побѣговъ съ каторги принимаютъ иной характеръ, въ которомъ нѣтъ уже свѣтлыхъ сторонъ, а краски и картины становятся рѣзче и ярче. Роли измѣняются: съ одной стороны видимъ ожесточенныхъ преслѣдователей, съ другой—кровавыхъ мстителей за обиду и преслѣдованія. Бурятъ становится олицетворенною карою, какъ бы орудіемъ невѣдомаго ему карающаго закона. Бродяга становится *варнакомъ*, *чалдономъ*.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ буряты перешли изъ монгольскихъ степей на русскую сторону и перемѣнили имъ только названіе (изъ бурятъ въ братскихъ), но, въ сущности, они сами остались тѣми же, какими были. Дикая жизнь въ степи съумѣла задержать въ нихъ въ первобытномъ нетронутомъ видѣ все то, чѣмъ пахнула на ихъ отцовъ дичь Гоби или Шамо. Харинская и другія степи не выгнали этого вонъ, а еще, можетъ быть, подбавили имъ звѣринаго духа. Во всякомъ случаѣ, это вѣрно по отношенію къ предмету, насъ занимающему: бродяги шатаньемъ, воровствомъ и грабежами своими бурятъ раздражаютъ; къ тому же побѣги бродягъ обязали бурятъ новымъ родомъ службы, требующей труда и отвѣта.

Съ мѣстъ своей родины буряты принесли, между многими характерными племенными чертами, два зоркихъ маленькихъ глаза, которые, хотя не глубоко помѣстились подъ узенькимъ бритымъ лбомъ и спрятались въ одутлово-толстыхъ и скуластыхъ щекахъ, но видятъ такъ далеко и хорошо, что ни одинъ зарядъ изъ винтовки не бьетъ мимо и не пропадаетъ даромъ. На винтовкѣ теперь, какъ на лукахъ нѣкогда (и не такъ еще давно), у бурятъ все мастерство и досужество; на выстрѣлахъ изъ нее вся надежда насущнаго пропитанія. Степнякъ голъ да и привыкъ брать добычу тамъ, гдѣ она подвертывается, не разбирая средствъ и не загадывая о послѣдствіяхъ. Для замысловатыхъ измышленій и мудреныхъ отвлеченій въ кочевьяхъ плохая наука, да и степь—не городское поприще. Чтобы жить, надо ѣсть, чтобы кормить себя и своихъ, надо промышлять, и если нѣтъ ничего въ запасѣ, какъ и бываетъ у бурятъ нѣкоторыхъ родовъ, кромѣ зоркаго глаза, то винтовка и пуля—самые лучшіе и важные друзья и пособники. Чтобы ѣсть и кормить, надо бить козулю и птицу. Чтобы одѣться въ пестрый халатъ и прикрыть бритую голову китайскою шапкою съ красной кистью, надо стрѣлять соболей, бѣлокъ и лисицъ, а если доведется случай, глазъ на глазъ, въ глухомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей русскихъ, встрѣтить бѣглаго, то можно и его подстрѣлить. „Худенькій бѣглый лучше доброй козы“—давно уже выговорилъ братскій человѣкъ. Эта поговорка его отшибаетъ въ переводѣ такимъ дико практическимъ смысломъ: „съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣглаго двѣ или три“ (т. е. полушубокъ, азямъ и рубаху).

Все это въ Сибири, въ Забайкальѣ, давно извѣстно, а самимъ бродягамъ еще и съ подробностями. Густыя бурятскія кочевья бродяги стараются обходить, а за Байкаломъ потому и спѣшатъ запастись провизіею, что общая вар-

*) Нѣкоторымъ охотникамъ пошататься на волѣ безъ дальнихъ цѣлей удавалось сходить въ бѣга (судя по оффиціальнымъ бумагамъ) разъ по восьми. Другимъ счастливило одиннадцатью разами, а за нѣкоторыми, но въ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ, заводское начальство считало (самое, впрочемъ, большое) восемнадцать прогулокъ. Служителя больше шести разъ не бѣгали и дольше двухъ мѣсяцевъ въ бѣгахъ не отдыхали.

нацкая дорога идетъ сначала по необитаемымъ мѣстамъ. Такими-то мѣстами, вблизи карійскихъ промысловъ, идетъ она гораздо сѣвернѣе почтоваго тракта прямо на село Торгинское (Торгу) и отъ него хребтами на Читу. Изъ окрестностей Читы бѣглые идутъ на Витимъ и Баргузинъ, но чаще на югъ въ окрестности Петровскаго завода. Окрестности Петровскаго завода и даже самый заводъ считался у бродягъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія. Архивныя дѣла завода даютъ много доказательствъ тому, что въ кабакахъ и притонахъ его попадались бѣглые съ нерчинскихъ заводовъ и изъ тюремъ карійскихъ. Въ окрестностяхъ его бѣглецы находили друзей въ бурятскихъ ламахъ, въ семейскихъ раскольникахъ. Около послѣднихъ селеній извѣстенъ былъ даже, на Мукыртѣ, кедровникъ (кедровый лѣсъ)—любимый притонъ всѣхъ бѣглыхъ изъ Петровскаго и другихъ нерчинскихъ заводовъ. Этотъ Мукыртъ въ показаніяхъ ссыльныхъ играетъ частую роль.

Рѣка Хилокъ выводитъ бѣглыхъ къ устью своему, т. е. на рѣку Чикой, которая, въ свою очередь, направляетъ глухую бродяжью дорогу на собственное устье или на такъ называемую стрѣлку, т. е. на рѣку Селенгу *). Дѣлая такой крюкъ, ради бурятъ и собственной безопасности, бродяги попадаютъ, такимъ образомъ, къ тому же Байкалу и направляются на Тунку, чтобы обойти его. Иногда они рискуютъ переплывать на краденныхъ, забытыхъ рыбаками лодкахъ черезъ Байкалъ и входятъ въ истокъ Ангары. Къ Иркутску они подтягиваются довольно близко и дальше за нимъ, по тайговымъ лѣсамъ Иркутской губерніи, придерживаются вблизи почтоваго тракта. На немъ мы ихъ пока и оставимъ.

Опытный бывалецъ еще раньше освобождалъ свои ноги отъ „ножныхъ браслетъ", предварительно разбивая кандалы камнемъ или желѣзнымъ заводскимъ ломомъ, а чтобы скрыть отъ надзирателей разбитыя мѣста, заливалъ ихъ на время свинцомъ. Особенно начаще поступали такъ варнаки на Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, гдѣ все нужное подъ руками (и огонь и заливка). Кандалы бросались въ первомъ же лѣсу подъ кустомъ, въ первомъ же сопутномъ селеніи бродяга являлся уже правымъ и чистымъ. Опытный приходилъ, по большей части, къ знакомымъ крестьянамъ, съ которыми раньше успѣлъ свести дружбу, или шелъ по рекомендаціи и указанію болѣе опытнаго бывальца. До Харинской степи онъ почти безопасенъ и не боялся за себя, если „маршлутъ" его полонъ, т. е. въ буракѣ (или, по сибирски, въ туезѣ) имѣлась провизія, заготовленная его личною предусмотрительностью. На крайній случай и лѣсъ предлагаетъ свои благодати: кромѣ настей съ козулями и силковъ съ птицами, каковыя могутъ быть только случайнымъ пріобрѣтеніемъ, лѣсная растительность все лѣто къ ихъ бродяжьимъ услугамъ; изъ грибовъ: рыжики, бѣлые грибы, боровики, масляники, которые такъ удобно печь и такъ пріятно ѣсть съ солью. Сухіе грузди (по сибирски) или сыроѣжки (по русски) ростутъ, большею частью, въ березнякахъ, ѣдятъ ихъ охотно сырыми, по сибирскому обыкновенію. Въ низкихъ мѣстахъ умѣлый глазъ всегда различитъ въ другой травѣ малиноваго цвѣта перо, длиною около полуаршина, съ половины расширяющееся въ зеленый полосатый листъ, шириною въ вершокъ: это—достославная по всей Азіи черемша (дикій чеснокъ—Allium ursinum). Сибиряки ее солятъ и квасятъ и въ избыткѣ заготовляютъ въ прокъ, какъ лекарство, излечивающее цынгу и предохраняющее отъ дальнѣйшаго зараженія. Бродяги ѣдятъ ее въ сыромъ видѣ съ тѣмъ же очень пріятнымъ ощущеніемъ въ собственномъ вкусѣ, но съ отвратительнымъ впечатлѣніемъ на обоняніе тѣхъ, кто не вкусилъ ее *).

Кромѣ черемши, сибирскіе лѣса предлагаютъ бродягамъ и другія съѣдобныя благодати, для отысканія которыхъ выучиваются пріемамъ еще въ тюрьмахъ, гдѣ таковыя свѣденія сообщаются охотливо и даромъ, и каторжные нужныя имъ ботаническія свѣденія пріобрѣли долгимъ путемъ опыта и послѣ многихъ злоключеній. Былъ такой случай: одинъ ссыльный, работавшій въ лѣсу, накопалъ кореньевъ и принесъ въ тюрьму Большого Нерчинскаго завода полакомиться, подспорить лѣснымъ злакомъ тюремное варево. Товарищи стали ѣсть, но невѣдомый корень показался прянымъ, возбудилъ сомнѣніе; задумались. Одинъ надоумилъ:

— Не ѣшьте, братцы, не тотъ ли это корень, отъ котораго уже и на Благодатскомъ рудникѣ были худыя послѣдствія.

*) Бѣглые каторжные изъ Кутомарскаго завода обыкновенно ходили привычнымъ путемъ на р. Унду и брели по Онону на тотъ же Чикой, гдѣ отдыхали или направлялись дальше на семейскихъ, Тарбогатайскую волость, сказываясь у раскольниковъ то поселенцами, то пропитанными. Вообще, у бѣглыхъ всегда имѣется одно безопасное мѣсто—притонъ для отдыха. Таковымъ, кромѣ Мукырта съ кедровникомъ, считалась нѣкогда рѣка Хилокъ. При этомъ разсказывали, что, когда разъ бѣжало съ завода двое и для поимки ихъ отправили туда бурятъ,—буряты забрали тамъ 15 человѣкъ разныхъ варнаковъ и, приведя ихъ связанными, говорили: «Вотъ, бачька-начальникъ, пятнадцать голова за два голова».

*) Ягоды черемши (Prunus padus) темныя съ большими косточками и терпкія—спеціальное средство для сибирскихъ приправъ. Черемша дозрѣваетъ въ августѣ, но вообще въ сентябрѣ набирается сласти. Сласть эта утрачивается во время приготовленія для пироговъ, когда ягоды толкутъ вмѣстѣ съ косточками; на зиму сушатъ. Сборъ черемши—одна изъ самыхъ оживленныхъ и любимыхъ прогулокъ сибирячекъ; ходятъ за нею всегда большими толпами.

Бросили. Въ видахъ предостереженія прибѣгли къ обычному тюремному рвотному: стали пить воду съ табакомъ. Товарищи, вновь пришедшіе съ работы и не слыхавшіе предостереженія, наѣлись и двое изъ нихъ умерли. Общеупотребительная и любимая пища бродягъ въ лѣсахъ такъ называемая мунтала (монг. слово), т. е. монгольская жимолость (Lonicera mongolica), ростущая обыкновенно кустарникомъ при рѣчкахъ, въ падяхъ (долинахъ) и по берегамъ, съ черными длинными ягодами, у которыхъ мясистый бѣлокъ и стѣнка плодника скорлуповатая; листья имѣютъ непріятный запахъ, кора обладаетъ вяжущимъ свойствомъ. Изъ ягодъ оказываютъ услугу, чаще другихъ, брусника и и боярка-ягода (Crataegus oxyacantha) *), тернъ, имѣющій красныя вкусныя и сладкія ягоды. Изъ сладкихъ кореньевъ ищутъ мангирь— родъ дикаго чеснока (Allium) и бѣлый корень, называемый также козьимъ звѣробоемъ (hypericum?), ростущій на холмахъ и сухихъ мѣстахъ. Въ особенности же и по преимуществу ищутъ бѣглые растенія крупныхъ формъ курчавой пурпуроваго цвѣта сараны, предполагающаго всегда сладкую луковицу мучнистаго свойства, очень пріятную на вкусъ и весьма питательную. Померанцево-красноватое растеніе это устилаетъ горы отъ подошвы до вершины. Шесть листочковъ ея вѣнчика выгибаются какъ бы поля китайской шляпы, а шесть прутиковъ, сидящихъ кругомъ красиваго стебелька, раскидавшись по землѣ, придаютъ ей красивый колеръ. Другіе сорты лиліи, какъ букеты по ковру, усѣявшіе мураву, въ іюнѣ и іюлѣ украшаютъ онѣ всѣ, болѣе открытыя долины и горы, взбираясь даже на значительныя высоты и скалы. Таковы: стелющаяся стройная лилія обыкновенной породы Lil. spestabile (по туземному „погодайка“), съ нарядными чашевидными цвѣтами, Lil. hemerocalis flava—волчья сарана, лимоннаго цвѣта, которая во множествѣ ростетъ на покатостяхъ. Всѣ эти лиліи здѣсь цвѣтистѣе и плодовитѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ (а на Алтаѣ онѣ еще пышнѣе). Сарана или собственно луковица дикихъ лилій (Lilium martagon) составляетъ предметъ постоянныхъ исканій и заботливости полевой мыши-эконома—очень маленькаго животнаго, роющаго подъ лугами ходы съ большими камерами. Мышь-экономъ (Avricola oeconomus)— трехъ видовъ: красноватыя или бурыя и сѣрыя. Однѣ побольше, другія маленькія, разбиваясь на зиму парами, вдвоемъ успѣваютъ нарыть изъ твердой земли такое количество клубней сараны, что нерѣдко въ трехъ камерахъ гнѣзда находятъ юкагирскія, якутскія и братскія женщины фунтовъ 24—30. Составляя пріятную приправу къ ужину инородцевъ, поспѣваютъ эти клубни на обѣдъ и завтракъ къ варнакамъ, находящимся въ бѣгахъ съ запасомъ знаній ловко отыскивать подземныя постройки запасливой мыши, чтобы воспользоваться добромъ, собраннымъ ея трудами. У этого сорта сараны— желтоватая луковица. Инородцы ее сушатъ, истираютъ въ мучной порошокъ и либо пекутъ въ золѣ въ видѣ лепешекъ, либо варятъ съ просомъ; сибирскіе же сторожилы изъ русскихъ людей приготовляютъ сарану въ формѣ киселей, каши и соуса. Есть еще два вида сараны: одинъ Lil. avriacum съ бѣлою луковицею ¾ вершка длины и ½ вершка въ діаметрѣ, сладкаго мучнистаго вкуса, ростетъ на сухихъ полянахъ. Второй родъ Lil. tenuifolium, съ луковицею помельче первой, ростетъ на скатахъ и у подошвы горъ; обѣ съѣдобны, но L. hemerocalis flava—волчья сарана—ядовитая. Узнаютъ, гдѣ мышиныя норы, стукая по землѣ ногами; часть найденнаго оставляютъ самимъ хозяевамъ, большую отбираютъ обыкновенно осенью. Въ норахъ горностаевъ также находятъ коренья эти, но горностаи не сами ихъ запасаютъ, а отнимаютъ ихъ у мышей. У горностаевъ камчадалы вынимаютъ сараны также по нѣсколько десятковъ фунтовъ. Этотъ корень совершенно безопасенъ и если къ услугамъ бѣглыхъ предлагаетъ лѣсъ и корни Carbinoe acaulis и кедровые орѣхи, то за то соблазняетъ и персиками (собственно дикимъ миндалемъ, Amygdalus nona, и полевымъ макомъ, Papaver hroeas), излишнее употребленіе которыхъ производитъ либо головную боль со рвотою, либо тошноту съ поносомъ. Изъ ягодъ—голубица слегка пьянитъ, а моховка *) при неумѣренности влечетъ тѣ же

*) Боярка — кустовое ягодное дерево, горный кустарникъ изъ рода терновыхъ. Еще Juniperus sabinea, или казачья можжуха, казачій можжевельникъ. Пользованію подобными растительными кореньями русскіе люди въ Сибири выучились у туземцевъ-инородцевъ, въ особенности у бурятъ. Отъ свободныхъ русскихъ людей знаніе перешло и въ тюрьмы. Бѣглые отъ бурятъ часто пользуются ихъ національными кушаньями, изъ которыхъ наичаще указываютъ пойманные бѣглые на арцу. Арца эта есть ни что иное, какъ національное кушанье бурятъ, всегда имѣющееся въ любой юртѣ въ котелкѣ надъ огнемъ: гуща, оставшаяся отъ того молока, изъ котораго выгнали водку; гуща эта въ видѣ арцы пряжена съ мукою. Коровье молоко. разъ пропущенное сквозь кубъ, даетъ водку слабую и терпкую; пропущенная два раза похожа бываетъ вкусомъ на картофельную водку.

*) Моховка (Rubes procumbeus) ростетъ посреди негодной травы на мѣстахъ высокихъ и мокрыхъ, въ колкахъ, низенькими кустиками, со сладкими ягодами, похожими на крыжовникъ. Около рѣчекъ и въ колкахъ, въ мокрыхъ же мѣстахъ, ростетъ на небольшихъ кустикахъ смородина черная и красная; около ключей и рѣчекъ на высокихъ кустахъ жимолостка, поспѣвающая къ Петрову дню, шипшика — крупная ягода, красноватая, длинная, съ большою косточкою внутри, пріятная на вкусъ, сладкая и мучнистая; малина, клюква, брусника, костяника, рябина, черемуха, княженика, морошка—обыкновенныя сибирскія ягоды.

послѣдствія тошноты, поноса и рвоты. Бѣглые все-таки тянутся къ селеніямъ за привычнымъ хлѣбомъ, каковой и находятъ — по завѣтному сибирскому обычаю, извѣстному цѣлой Россіи — на подоконникахъ избъ, молитвою выложенныхъ на ночь съ опасливою и запасливою хозяйкою.

Зная все это, а также и то, главнымъ образомъ, что у братскихъ ждетъ либо пуля, либо петля, опытные бродяги идутъ осторожно, только по ночамъ; днемъ они спятъ въ опасныхъ мѣстахъ и идутъ днями лишь по лѣснымъ трущобамъ. Приготовляясь къ путешествію по послѣднимъ, опытные обыкновенно (и непремѣнно) постараются стащить топоръ; топоръ — первый бродяжій другъ и покровитель. топоръ поможетъ и огонь развести, топоромъ можно положить и зарубку на деревьяхъ, по которымъ задніе, какъ по пробитой тропѣ и по вѣхахъ, пройдутъ впередъ и не заблудятся. Грамотные остряки вырѣзываютъ даже имена, годъ, мѣсяцъ и число своего прохода. Бывалый бродяга, не обтесавъ дерева извѣстнымъ способомъ, не пройдетъ ни за что, а по затесамъ и этимъ зарубкамъ только и можно ходить и выходить изъ трущобъ сибирскихъ громадныхъ лѣсовъ. Въ степи бродягамъ ночью звѣзда Стожаръ свѣтитъ и путь указываетъ, а вечерняя заря съ утреннею ни на востокъ не направитъ, ни въ китайскую сторону не собьетъ; на востокѣ можно съ голоду умереть отъ безлюдья (да и такой путь никуда не выводитъ), на югѣ китайцы привыкли возвращать ссыльныхъ обратно, передавать ихъ въ руки начальства. Оттого-то опытные бродяги никогда со своей варнацкой дороги не сбиваются; оттого-то, по своимъ путямъ, бывалые изъ нихъ съ Кары въ Читу попадаютъ пѣшкомъ въ семь дней, тогда какъ и почта по всей дорогѣ раньше четырехъ сутокъ рѣдко когда поспѣваетъ. Только въ случаѣ крайняго голода и недостатка провизіи бывалый бродяга рѣшится въ Забайкальѣ зайти въ незнакомое селеніе. Жилыя мѣста онъ обходитъ, какъ волкъ, но пуще всего боится и съ особенною осторожностью крадется около Братской степи, боясь встрѣчи съ бурятами. Одинъ такой шелъ въ сторонѣ отъ улуса, прикрываясь кустами, но не укрылся отъ зоркаго степняка. Рысьи глаза бродягу замѣтили, бурятъ съ намѣченнымъ ружьемъ приблизился на нѣсколько шаговъ. Бродяга упалъ на колѣни и, сложивъ на груди руки, молилъ о пощадѣ, обѣщая все, что имѣлъ на себѣ. Бурятъ склонился на просьбу, а когда условились они о цѣнѣ, бродяга поползъ къ врагу на колѣняхъ, не переставая ублажать его пласкивымъ голосомъ, ласковыми словами, и вдругъ, схвативъ съ земли камень, угодилъ имъ въ голову всадника. Оглушенный бурятъ выпустилъ изъ рукъ ружье, бродяга схватилъ его, стащилъ врага съ коня, убилъ и на лошади уже проѣхалъ впередъ остальную часть степи.

Другой разъ кандальная партія, идучи трактомъ къ Нерчинску, разбила конвой, забрала ружья, порохъ и патроны и нѣсколько мѣсяцевъ держала почтовый трактъ въ осадномъ положеніи. Сосѣднихъ бурятъ пригласили на помощь для поимки, сдѣлали облаву, но трусливый народъ этотъ не посмѣлъ прямо напасть на вооруженныхъ людей. Изъ цѣлой большой облавы нашлось только двое отважныхъ. Согнувшись на лошадяхъ степнымъ обычаемъ такъ, что справа заслонены были головами лошадей, два смѣльчака, вооруженные одинъ ружьемъ и пистолетомъ, другой лукомъ и стрѣлами, маневрировали по степи, пригнувшись къ одному боку лошади и стрѣляли одинъ за другимъ въ ретировавшихся бродягъ. Первый выстрѣлъ попалъ въ атамана шайки, другими уложены были нѣкоторые изъ бѣглецовъ. Остальные отстрѣливались и бурятъ съ лукомъ былъ убитъ. Однако, смерть предводителя и нѣкоторыхъ товарищей ослабила смѣлость остальныхъ и охоту отбиваться. Облава, тѣмъ временемъ, сблизилась въ кругъ и забрала всѣхъ оставшихся бродягъ безъ бою.

Между бурятами ведутся такіе молодцы, которые иногда цѣлью своей жизни поставляютъ охоту за горбачами (а горбачъ—тотъ же бродяга съ неизмѣнною котомкою на спинѣ). Эти звѣри изъ монгольскаго племени отыскиваютъ жертву по огоньку, по костру, который разводятъ бродяги по сибирской привычкѣ, чаще для того, чтобы обогрѣться или сварить себѣ грибовъ, кашицу или обогрѣть и дать отойти деревенѣющимъ отъ ходьбы членамъ.

Засвѣтился этотъ огонекъ въ сторонѣ, далеко отъ жилого мѣста, въ дикомъ лѣсу, и идетъ по этому мѣсту варнацкая дорога,—бурятъ налетаетъ, выстрѣломъ кладетъ одного, на всемъ лошадиномъ скаку заряжаетъ свою винтовку во второй разъ, кладетъ другого и затѣмъ третьяго, если этотъ не успѣлъ бѣжать. Лопатина (носильное платье бродяги)—награда буряту за выстрѣлы, а мертвыя тѣла уберетъ начальство земское (если натолкнется) или съѣдятъ волки (если нанюхаютъ).

Въ то время, когда производилось заселеніе Забайкалья назначенными изъ Россіи переселенцами съ зачетомъ за рекрута (и производилось весьма неудачно), промыселъ на горбачей былъ дѣломъ привычнымъ и недиковиннымъ.

— Гдѣ мужчины?—спрашивалъ одинъ проѣзжій бабу, случайно остановившись въ одной избѣ по красноярскому тракту.

— На горбачей пошли,—отвѣчала хозяйка тѣмъ тономъ, какъ будто они пошли „губы ломать“ (т. е. грибы собирать), и объяснила затѣмъ:

— Вчера ходили, промыслили только одного да бѣднаго: поживились лопатинкой одной. Въ

прошломъ году у одного нашли подъ стельками въ сапогахъ 50 рублей.

Иркутскій губернаторъ Рупертъ велѣлъ, говорятъ, загонять 13 человѣкъ такихъ охотниковъ на смерть, и съ той поры грабежи и разбои, систематически веденные, прекратились надолго, но не совсѣмъ. Въ 1805 году бродяги ночью, за 50 верстъ до Иркутска, напали на одного изъ свиты посольства въ Китай гр. Головкина (на камеръ-юнкера Гурьева), ограбивъ котораго, оставили и его самого и людей его привязанными къ деревьямъ. По донесенію Головкина, ссыльные бродили тогда по Сибири тысячами безъ пріюта и средствъ къ существованію. Не такъ давно въ Ачинскѣ судился крестьянинъ за 14 убійствъ, произведенныхъ надъ горбачами. По сознанію его, онъ изо всѣхъ 14 только у одного нашелъ 25 рублей; съ остальныхъ поживился только носильнымъ платьемъ или лопатиною. Попался онъ въ убійствѣ родного дяди, убійствѣ, обставленномъ ужасными подробностями. Изъ спины убитаго убійца вырѣзывалъ ремни, а внутренности его, какъ веревки, вытаскивалъ и наматывалъ себѣ на руку.

Другой изъ такихъ ловцовъ проходившихъ по волѣ варнаковъ считалъ на своей совѣсти до ста человѣкъ, изъ которыхъ меньшая половина была имъ перевязана и представлена живыми (въ чаяніи получить за то назначенную награду въ 3 руб. сер.); остальная большая половина была перебита и ограблена. Сыщикъ, какой-то Грудинкинъ, по представленію начальства (говоритъ забайкальское преданіе) имѣлъ, за поимку ста бѣглыхъ, золотую медаль на шеѣ.

— И теперь бурятъ, увидѣвъ на бѣгломъ порядочную одежду, сократить его жизнь не задумается,—увѣряютъ старожилы.

— На рваную лопать теперь братскіе мало прозираются,—добавляютъ сами ссыльные, но тѣ и другіе, старожилы и ссыльные, держатъ въ памяти слѣдующее событіе изъ быта бродягъ, по разсказу одного изъ нихъ.

„Шли мы втроемъ. Верстъ тридцать отошли отъ завода (Петровскаго). Въ одномъ распадкѣ увидали сыщика изъ карымовъ *), по лицу признали его. Этотъ надо быть самый, про котораго товарищи въ тюрьмѣ сказывали и велѣли бояться. „А увидите-де его, прячьтесь скорѣй, человѣкъ этотъ сердца не имѣетъ и пощады не вѣдаетъ". Да и сами мы знаемъ повадку бурятъ, коли встрѣтитъ нашего брата безъ ружей, а самъ сидитъ на конѣ: либо захочетъ живыми взять и такихъ представить, тогда велитъ перевязать другъ дружку, третьяго спутаетъ самъ; либо велитъ сѣсть на колоду рядомъ, отъѣдетъ въ сторону да пулей изъ винтовки пронижетъ всѣхъ троихъ разомъ и трупы на волковъ покинетъ въ полѣ. Въ его это волѣ. Тамъ у насъ въ тюрьмѣ всѣ объ этомъ сказываютъ.

„Вспомнили про это про самое, какъ встрѣтились съ нимъ глазъ на глазъ; успѣли только другъ на дружку взглянуть да перемигнуться. Всѣ одно разомъ надумали: удирать-де надо, нечего тутъ артель плотить. Всякъ самъ по себѣ ищи спасенья. И прыснули мы въ разныя стороны, сколько силы хватило. Бѣжимъ.

„Я бѣгу безъ оглядки, кажись пуще всѣхъ; золь я былъ бѣгать-то и на каторгѣ за то большія похвалы получалъ. Вижу я это и чувствую, бѣгу. Слышу: выстрѣлъ щелкнулъ, одного, молъ, товарища порѣшилъ окаянный, да котораго?... Сдумалъ я это, а самъ все бѣгу и не распозналъ съ горяча-то, что лѣсъ пошелъ. Опять выстрѣлъ слышу: послѣдняго, молъ, товарища съѣлъ проклятый бурятъ (даромъ этотъ народъ ни одного выстрѣла не теряетъ, къ тому наповаженъ). За мной теперь, значитъ, чередъ состоитъ.

„Глянулъ я въ сторону, а тутъ буря, надо быть, дерево вырвала съ корнемъ и яма обозначилась. Шмыгнулъ я туда и сталъ прятаться, ноги подбирать, всего себя въ комокъ укладывать такъ, чтобы и на мѣстѣ меня не знать было. И все мнѣ кажется, что нога на свѣту; я тутъ и духъ притаилъ, молчу и не дышу, и думаю. Разное думаю, а уши держу на самой макушкѣ и, кажись, весь животъ-отъ свой въ себя забралъ, чуть не замеръ я тутъ на этомъ дѣлѣ. Опомнюсь — топоръ лошадиный слышу, словно вотъ въ самое-то ухо лошадь ѣдетъ. У меня и свѣтъ помутится и дрожь проберетъ, я опять приду въ себя и опять думаю: вотъ-вотъ ухватитъ онъ меня на арканъ и въ торока вскинетъ, а вскинетъ онъ меня, надо быть, потому, что на товарищахъ-де кровяную пасть свою натѣшилъ. Вспомню я все это, опять у меня подопретъ въ груди, опять не переведу духу. Глаза не видятъ, въ ушахъ зазвенитъ, такъ что тошнить даже стало. Приду въ себя, сгребусь за шею, нѣту веревки, стану опять прислушиваться, уши надрывать—опять топотъ слышу. Ишь, думаю, разлакомился чертовъ сынъ! ищетъ! Мало, молъ, тебѣ двухъ-то, и моя лопатина понадобилась. Глянулъ я на себя, смѣхъ подступать сталъ: лопатина-то рваная, заплата заплату ищетъ, дыра на дырѣ. Смѣхъ меня взялъ — и чего смѣшно стало — самъ не знаю. Отъ смѣху-то этого, что ли, ка-быть легче стало и страхъ прошелъ. Сталъ озираться, въ

*) Карымы—забайкальскіе креолы, образовавшіеся отъ помѣси русскихъ съ бурятами, монголами и тунгусами. Таковы почти всѣ жители Приаргунскаго края. На р. Чикоѣ нѣкоторые карымы успѣли уже сдѣлаться осѣдлыми. На р. Аргуни они почти исключительно занимаются контрабандою, отчего во всемъ Забайкальѣ кирпичный чай носитъ еще придаточное названіе карымскаго.

какое, молъ, такое мѣсто угодилъ: корешки висятъ и яма способная. Медвѣдь, молъ, тутъ безпремѣнно жилъ всю зиму и лапу сосалъ. Сдумалъ я это и опять смѣхъ меня пробралъ!.. Прислушался опять—замеръ топотъ. Вздохнулъ я тутъ отъ самаго донушка и крестъ на себя положилъ. Теперь, молъ, я полежу тутъ, пущай уѣдетъ, раздѣнусь.... Такъ я и сдѣлалъ.

„Дождался я въ ямѣ ночи, переспалъ. Проснулся на утрѣ, свѣтло ужъ было; ѣсть захотѣлъ, такъ ѣсть захотѣлъ, что въ ямѣ лежать кабыть стыдно стало, вылѣзъ. Пойду молъ, дальше—что будетъ! Поднялся на хребетъ, все лѣсомъ иду. Первая мнѣ на глаза метнулась березка молоденькая, стоитъ передо мной съ очей на очи. Дай-ко, попробую на ней свою силу, сколь отощалъ? Вздумалъ—рванулъ, съ корнями вырвалъ, обрадовался. Значитъ, во мнѣ еще есть сила и идти могу и подраться могу, коли доведется мнѣ такой случай.

„Иду я дальше, обламываю на ходу съ березки вѣтки, корни у ней оборвалъ — стала палка съ комлемъ, здоровая такая. Сталъ упираться на эту палку, идти легко и пріятно. Дорога вывела меня на самой хребетъ, на вершину. Озираюсь кругомъ: лѣсъ вижу, деревья рѣденько ростутъ, а книзу все голый камень и березникъ тамъ совсѣмъ изнылъ, такъ все и видно черезъ него. Вижу, въ одной пади дымокъ закурился, винтомъ такимъ стоитъ далеко отъ меня. И какъ увидѣлъ я этотъ дымокъ, словно меня въ спину-то толкнулъ кто и по ногамъ урѣзалъ. Присѣлъ я на корточки, ползти началъ, за деревьями прятаться, выползъ изъ-за деревьевъ, камни пошли; межъ камнями на брюхо легъ и поползъ ближе къ дымочку, подъ гору. Поглядѣть мнѣ захотѣлось, кто тамъ. Долго ползу, тихо ползу. Сталъ подползать—различаю: огонь развелъ бурятъ, а не варнаки наши. На огнѣ бурятъ пищу себѣ варитъ, коня на арканѣ привязалъ къ дереву, винтовку прислонилъ къ огню. Я припалъ за камень, думалъ завалиться тутъ и не ползти дальше, ну ихъ къ черту! Да глянулъ я изъ-за камня-то, а бурятъ-отъ повернулся на тотъ разъ рожею, я такъ и сѣлъ назадъ. Вздрогнуло сердце и застукало, въ ушахъ опять зазвенѣло, въ рукахъ и ногахъ дрожь забила: тотъ самый карымъ, котораго надо, и лошадь его! Радость такъ и разлилась по всему по мнѣ и въ косточкахъ мозгъ заныль; я глаза какъ уперъ въ него, такъ и не сводилъ съ него. Онъ самый! Теперь ты въ моихъ рукахъ, только бы вотъ спрятаться-то мнѣ поладнѣе, постой ужо! Знаю я вашу бурятскую повадку: теперь вотъ ты нажрешься падали-то своей, спать ляжешь безпремѣнно и сѣдло себѣ подъ голову подложишь. Всѣ вы таковы!

„Вздумалъ я такъ-то, прилегъ за камень, большой такой камень выбралъ; подожду, молъ, когда ты спать ляжешь. Пустилъ я на него глазомъ: такъ точно, поѣлъ, свернулся; подъ голову, можетъ, и одежу-то моихъ товарищей подложилъ, мягко ему; зубъ даже у меня на тотъ разъ скрипнулъ. Легъ братской и винтовку положилъ себѣ къ боку, меня вспомнилъ. Помни!...

„Раза три порывался я къ нему, да все на умъ приходило: не крѣпко заснулъ, пробудится. Пусть заберетъ сна побольше, распластаетъ суставы-то, захрапитъ. Рванулся я въ четвертые и лѣзъ на него недолго: тутъ онъ весь передо мной, какъ на блюдѣ, обозначился. Оторвалъ я винтовку къ себѣ, схватился самъ я на ноги. рѣзнулъ его, что было силы во мнѣ, палкой по головѣ, да за арканъ его. Попробовалъ арканъ, не крѣпокъ что-то показался мнѣ; снялъ свой кушакъ, закрутилъ назадъ руки. ноги связалъ, подтащилъ его къ дереву, привязалъ его поперекъ. Отошелъ отъ него — и любуюсь!

„Братской въ себя пришелъ, заговорилъ, проситъ, обѣщаетъ:

„— Отпусти, сдѣлай милость! Хлѣбъ возьми, винтовку возьми, лошадь!

„— Я, молъ, и безъ твоего спросу возьму все это.

„— Денегъ возьми съ меня!

„— И это возьму (думаю), если есть у тебя, а нѣтъ, такъ и денегъ твоихъ не надо.

„Онъ говоритъ, а я не слушаю.

„— Отпусти, слышь, меня, ловить васъ не стану и зарокъ такой на себя наложу.

„— Не шути, молъ, чертовъ сынъ, не обманешь. Гдѣ тутъ хлѣбъ у тебя? показывай, бурятская рожа.

„На торока показалъ.

„— Крупа гдѣ?

„И крупу показалъ.

„Сталъ я кашицу себѣ варить. Онъ меня молитъ, а я и слушать его не хочу, радуюсь. Сварилъ я каши, ѣсть ее сталъ, а онъ все воетъ. Поѣлъ я, котелокъ выпросталъ до суха. взялъ да еще полой его вытеръ сухо на сухо. Наломалъ хворосту, огонь поджививъ, затрещало, дымъ такой пошелъ. Далъ я этому дыму прочиститься. Пустой котелокъ подвѣсилъ на огонь, сталъ его калить. А товарищи съ ума неидутъ, а братская противная рожа смотритъ тутъ.

„Раскалился мой котелокъ до краснаго цвѣта. Снялъ я его съ огня, какъ онъ былъ, красный-раскрасный, да и надѣлъ я его братскому за мѣсто шапки на голову, по самыя плечи пришлося“...

По другому варіанту разсказа дѣло было такъ. Бѣглаго поймали трое бурятъ (онъ хотя и спрятался, но его примѣтили), привязали къ дереву. Сами стали ѣсть и разговаривать по своему. Изъ разговора ихъ бѣглый хорошо понялъ, что они хотятъ поживиться его лопатью, а его убить. Затѣмъ поѣли, напились араки (рисовой китайской водки), спать легли. При-

вязанный ссыльный, замѣтивъ ножъ, забытый ими, сталъ измышлять какъ бы высвободиться, достать ножъ. Ловкими поворотами и напряженіями мышцъ ему удалось опуститься по дереву ниже, ближе къ корню, къ землѣ и ножу. Здѣсь ему удалось высвободить одну ногу и доткнуться ею до ножа и послѣ мучительныхъ усилій придвинуть ножъ къ себѣ, ногою поднять его съ земли и перерѣзать имъ веревки такъ, чтобы освободилась рука одна, а тамъ стало быть и весь онъ всталъ на ноги, развязался. Первымъ дѣломъ его было зарѣзать этимъ ножемъ одного спавшаго бурята, затѣмъ второго. Надъ третьимъ, рѣшившимъ его смерть, вознамѣрился потѣшиться: въ свою очередь привязалъ его къ дереву и продѣлалъ все то, что расказано выше и съ тѣми же самыми подробностями въ основной легендѣ.

Таковы забайкальскія легенды, разсказываемыя вездѣ, съ нѣкоторыми мелкими добавленіями. Но вотъ и оффиціальное дѣло, до сихъ поръ памятное всѣмъ старожиламъ и взятое нами цѣликомъ изъ архива Нерчинскаго завода.

„Крестьянинъ Бурцовъ жнетъ въ Козловской пади рожь.

„Въ десятомъ часу вечера къ нему скачутъ на лошадяхъ трое ссыльныхъ изъ Кутомарскаго завода и строго приказываютъ Бурцову варить имъ ѣсть.

„— При мнѣ котла не имѣется,—отвѣчалъ Бурцовъ:—онъ въ юртѣ *), гдѣ ночую.

„— Вотъ тебѣ конь, скачи!

„Бурцовъ сѣлъ и ускакалъ. Не проѣхавъ десятины, онъ увидѣлъ сосѣда, боронившаго пашню, подозвалъ его къ себѣ и успѣлъ вымолвить:

„— Ко мнѣ пріѣхали три человѣка гостей изъ злодѣевъ. Какъ бы съ ними поправиться?

„Сосѣдъ совѣтовалъ:

„— Ты поѣзжай назадъ къ нимъ и какъ можно, мѣшкай, я поѣду повѣщу нашихъ.

„Бурцовъ возвратился „къ онымъ вояжирамъ“ съ котломъ и началъ варить имъ картофель. Одинъ изъ ссыльныхъ поспѣшилъ спросить его:

„— А кто къ тебѣ подходилъ?

„— Ко мнѣ подходилъ крестьянинъ Чирковъ и спрашивалъ: „Кто къ тебѣ пріѣхали трое на коняхъ“? И я сказалъ, какъ вы приказали, что казенные люди у меня въ гостяхъ, просятъ ѣсть.

„Ссыльные повѣрили.

„Потомъ Бурцовъ, прося у нихъ позволенія идти молотить, съ тѣми мыслями, когда его гости увидятъ себѣ облаву отъ повѣстителей, не прекратили бы его, Бурцова, жизнь.

„Черезъ часъ времени прискакалъ Чирковъ съ тремя крестьянами, которые и кричали бродягамъ:

*) Собственно не юрта, а обыкновенный балаганъ или шалашъ.

„— Вставайте и раздѣвайтесь до нага! Ножи бросайте!

„Но отъ такого внезапнаго нападенія оные ссыльные, не оробѣвши, схватились за свое оружіе: за топоръ, косу и за жердь, кинулись стремглавъ на оныхъ, и при первомъ боѣ ссыльный Никифоровъ замахнулся косой на крестьянина Чиркова. Чирковъ, имѣвши въ рукахъ стягъ, отвелъ поразительный замахъ косою онымъ стягомъ и, отъ пересѣченія косы на двое оный стягъ переломился и въ горячности не помнитъ Чирковъ, кто ему проломилъ въ то время голову и чѣмъ, не знаетъ.

„Увидя упавшаго на землю Чиркова, двое крестьянъ ускакали въ деревню. Ссыльные Никифоровъ и Коурый бросились на третьяго крестьянина Бурцова: одинъ съ топоромъ, а другой съ косою. Но въ это время пришедшій въ себя Чирковъ схватился съ земли, на которой лежалъ ошеломленъ, осколкомъ стяга ударилъ Коураго въ голову такъ сильно, что тотъ сунулся лицомъ въ землю и выронилъ изъ рукъ отнятое отъ крестьянъ оружіе. Ружье это подхватилъ третій крестьянинъ (Обуховъ).

„Пользуясь суматохой, третій ссыльный (извѣстный Забайкалью разбойникъ и пѣсенникъ) Горкинъ скрылся, а Никифоровъ успѣлъ вскочить на лошадь въ то время, когда Коурый пришелъ въ себя, поднялся съ земли, ухватился за полушубокъ сидѣвшаго на лошади товарища и саженъ пять тащился за нимъ. Стащивши такимъ способомъ Никифорова съ лошади, Коурый, вмѣстѣ съ нимъ, повалился на земь. Первымъ опомнился Никифоровъ, вскочилъ на ноги, выронилъ косу и мгновенно выхватилъ ножъ. То же, въ свою очередь, сдѣлалъ и крестьянинъ Обуховъ. Лошадь очутилась между ними. Тотъ и другой, стараясь черезъ нее достать другъ друга ножами, наносили взаимныя раны. Больнѣе другихъ пришлось Никифорову, который въ азартѣ закричалъ Коурому: „Не выдавай! руби топоромъ“! Въ это время Коурый успѣлъ уже схватиться съ Чирковымъ, который отбивалъ его удары. Тогда же Бурцовъ успѣлъ зарядить ружье, выхваченное у Чиркова, и пулей, попавшей въ правый бокъ на вылетъ, положилъ на мѣстѣ Никифорова. Коурый, воспользовавшись минутой, „видя неустойку“, сѣлъ на лошадь и ускакалъ.

„Обуховъ остался при мертвомъ, а Чирковъ „палъ на коня“ и пустился въ погоню за Коурымъ хребтами до такъ называемой горы Убіенной *). Потерявши слѣдъ и истощивши свои

*) *Убіенныхъ* горъ и хребтовъ въ Сибири немало. За тѣмъ же Байкаломъ, подлѣ Селенгинска, одна такая гора названа такъ потому, что у подошвы ея буряты напали на конвой, сопровождавшій посольство Головина, въ 1689 году, ѣхавшаго въ Китай. Произошла сильная стычка. Головинскихъ солдатъ буряты сильно тѣснили. На подкрѣпленіе ихъ вышелъ изъ Селенгинска гарнизонъ подъ начальствомъ ссыльнаго мало-

и лошади силы, Чирковъ принужденъ былъ вернуться назадъ въ деревню, которая находилась верстахъ въ пяти отъ мѣста побоища. Туда же Обуховъ привезъ убитаго и „положилъ въ яму въ дабинной ветхой рубашкѣ и портказъ“. На полѣ битвы слѣдственная коммиссія нашла трофеи и записала въ дѣло такъ: „Бѣлая даха, голубой конь, правое ухо провернуто трубкой; сѣдло—некрашенная деревяга безъ стремянъ, потникъ ветхій, сивая кобыла вдовы Дружихи, уведенная изъ Кутомарскаго завода въ ночное время, съ худымъ сѣдломъ и потникомъ, худой кушакъ съ маленькимъ ножомъ“. Всѣ эти вещи принадлежали ссыльнымъ. У крестьянина Чиркова, при осмотрѣ, оказались три раны“.

Если прибавить къ этому еще три-четыре дѣла, сопровождавшихся также убійствами (не менѣе ожесточенными) и также грабежами (не менѣе смѣлыми), то на этомъ и завершатся всѣ рѣзкія злодѣйства бродягъ въ Забайкальскомъ краѣ *).

Въ остальной Сибири дѣянія бѣглыхъ становились опасными во всѣхъ тѣхъ безлюдныхъ и голодныхъ мѣстахъ, гдѣ имѣли неосторожность указывать каторжнымъ какія либо работы. Всѣмъ памятна разбойничья шайка, собравшаяся изъ тѣхъ каторжныхъ, которые посланы были на закладку соляной варницы (теперь уже не дѣйствующей) на пустынномъ пространствѣ за Леною. Жестокое обращеніе, при всевозможныхъ физическихъ и матеріальныхъ лишеніяхъ, вызвали частые побѣги. Убійства и поджоги вскорѣ наполнили весь край тревогою и страхомъ. Въ лѣсахъ приленскихъ бѣглые собрались въ грозную шайку разбойниковъ, хорошо вооруженную и потому имѣвшую возможность долгое время держаться на Ленѣ. На лодкахъ съ двумя пушками бродяги гуляли по широкому раздолью рѣки, богатой извилинами и заливами, защищенными древесными корнями и подручною непроходимою лѣсною трещею. Изъ этихъ притоновъ они нечаянно нападали на деревушки, не обезпеченныя и не приготовленныя къ отпору, и на жителей, давно уже обмѣнявшихъ военныя орудія на земледѣльческія. Приленскія деревни представляли для разбойниковъ вѣрную и безопасную добычу. Страхъ обуялъ весь приленскій край. Разбойники начали нападать уже на остроги и города. Въ одномъ острогѣ успѣли даже выдержать отчаянную свалку съ мѣщанами, но побѣдили: дома сожгли, имущество разграбили. Начальство спохватилось, стало принимать возможныя мѣры: выслали солдатъ, собрали облавы. Шайка была разбита и разсѣяна, разбойники переловлены, отданы подъ судъ и въ 1801 году наказаны кнутомъ и посажены на цѣпь въ тюрьмахъ нерчинскихъ рудниковъ. Между ними попался ссыльный (не за политическое, а за уголовное преступленіе) полякъ Левицкій, дожившій до 50 годовъ нынѣшняго столѣтія. Человѣкъ этотъ въ послѣдующей жизни успѣлъ представить собою такой характерный типъ неугомоннаго и непосѣдливаго бродяги, что мы рѣшаемся остановиться на немъ и разсказать со словъ знавшихъ его и бесѣдовавшихъ съ нимъ.

„Левицкій, посланный на работы въ нерчинскихъ рудникахъ, снова урвался въ бѣга; независимый характеръ его не долго могъ носить каторжное ярмо. Послѣ различныхъ приключеній, руководимый счастьемъ и удачами, то пресмыкаясь, какъ дикій звѣрь, въ лѣсу, то снова прокрадываясь, какъ разбойникъ на дорогу, Левицкій добрался до Каспія, здѣсь былъ схваченъ, снова битъ кнутомъ и присланъ въ рудники. Изъ рудниковъ онъ учинилъ третій побѣгъ, на этотъ разъ въ Китай, черезъ Монголію, гдѣ нѣсколько грабежей его вызвали облаву. Облава замкнула его въ подвижную колонну и, измученнаго и проголодавшагося, взяла безъ сопротивленія и представила въ пограничный караулъ. Такъ какъ побѣги за китайскую границу сильно отягощали нашихъ властей большими хлопотами и длинною перепиской, а еще больше платежами за покраденное вдесятеро (согласно мирному трактату), то и раздраженіе начальства на таковыхъ бѣглыхъ выражалось наибольшею строгостью наказанія. Левицкій не посмотрѣлъ и на это: въ четвертый разъ онъ убѣжалъ изъ рудниковъ и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока отъ кнута и палокъ не согнулась его маленькая фигурка, а изодранное тѣло не представлялось сшитымъ изъ различныхъ лоскутковъ кожи. Въ 1832 г. польскіе изгнанники 1831 года узнали своего оригинальнаго земляка уже сѣдымъ старикомъ, уволеннымъ отъ работъ, но продолжавшимъ непосѣдливо таскаться по всему Забайкалью за кускомъ хлѣба, заработываемому различными способами. Вѣчный бродяга таскался по горамъ и лѣсамъ съ мѣшкомъ за плечами и бубномъ. Въ мѣшокъ онъ складывалъ куски руды, либо шерлы, которые потомъ и продавалъ. Бубномъ подыгрывалъ пѣсни и пѣснями подспорялъ работу, пронзительно-тонкимъ голосомъ вызывая воспоминанія о родинѣ въ полузабытыхъ польскихъ пѣсняхъ. Мѣшекъ и бубенъ были съ нимъ неразлучны. Разъ натолкнувшись на земляковъ своихъ, на вопросъ ихъ о томъ, чѣмъ содержитъ себя, отвѣчалъ: милостынею людей, о которой не проситъ. На предложенную мило-

россійскаго гетмана Многогрѣшнаго, который и разбилъ бурятъ. Съ тѣхъ поръ селенгинскіе братскіе — настоящіе братскіе, мирные сосѣди города.

*) Между прочими ссыльно-каторжными Егоръ Григорьевичъ разбойничалъ съ шайкою изъ 7-ми человѣкъ; братскихъ клали на огонь и жгли, допытываясь денегъ. Въ дѣлѣ его были сильно замѣшаны семейскіе раскольники.

стыню согласился, получилъ хорошее обезпеченіе, но благодѣяніями не воспользовался. Черезъ нѣсколько недѣль пребыванія въ домѣ изгнанниковъ, Левицкій выскочилъ, какъ обваренный кипяткомъ, собралъ рвань свою, взялъ мѣшокъ съ рудою и бубенъ, и сказавши: „Badźie mi tu zdrowi, serce ojczyzno“! пустился на старую дорогу бродяжества. Остановившись въ какой-нибудь деревнѣ, заводилъ школку и нѣсколько недѣль училъ крестьянскихъ ребятъ, но, разсердившись и поворчавши на ребятишекъ, бралъ мѣшокъ съ рудою, разгонялъ свою школу и, ударяя въ бубенъ маршъ на погребеніе, покидалъ деревню. Крестьяне, по звуку въ бубенъ, узнавали, что учитель опять почуялъ въ себѣ волка. Ходя, такимъ образомъ, отъ деревни до деревни, вездѣ училъ, но вездѣ жилъ недолго. Однажды въ Култуминскій заводъ пріѣхалъ горный начальникъ Татариновъ. Все селеніе торжественно настроилось къ пріему его и когда онъ спалъ самымъ пріятнымъ образомъ, раздался стукъ въ бубенъ; Левицкій выбивалъ генеральный маршъ. Безпокойство, причиненное имъ, привело его къ отвѣту. Ему грозили разбить бубенъ. Левицкій отвѣчалъ: „Вы начальники людей, а не бубновъ. Меня накажите и расшибите, но бубна не трогайте. Ежели хватитъ совѣсти бить старика, бейте, но берегитесь моего бубна“. Левицкаго рекомендовали чудакомъ и гнѣвъ начальства смягчили: начальникъ далъ ему рубль и отпустилъ безъ наказанія. Получая деньги, бродяга спѣшилъ напиться пьянымъ. Разъ, не имѣя на себѣ ничего, кромѣ своихъ рваныхъ тряпокъ, свалился на морозѣ въ 25°, но не замерзъ, а отморозилъ только пальцы, которые, придя домой, самъ же и поспѣшилъ отрубить топоромъ. Добравшись изъ Шилкинскаго завода до Акатуя, познакомился тамъ съ арестантомъ изъ Московской губерніи, богатыремъ по росту и силѣ и къ тому же хвастливымъ. Богатырь приглашалъ на поединокъ, обѣщая полштофа тому, кто поборетъ, но никто не являлся. Левицкій, остановясь въ это время на площади, принялъ вызовъ и, какъ Давидъ, пошелъ на Голіаѳа. Молодой арестантъ сбросилъ съ себя армякъ и, засучивъ рукава рубахи, гордо ожидалъ противника. Левицкій, тѣмъ временемъ, смѣясь и подшучивая, неожиданно перевернулся и всталъ на рукахъ, поднявъ ноги кверху. Перевернувшись во второй разъ, онъ стрѣлой бросился на противника, ударилъ его каблукомъ въ переносье, потомъ схватился на ноги и быстро повалилъ подъ себя озадаченнаго и испуганнаго силача. Такова-то была старость этого человѣка, истаскавшаго свою жизнь въ бродяжествѣ! Къ прочимъ свойствамъ его должно отнести рѣзко бросавшееся въ глаза безвѣріе, религіозный индифферентизмъ. Онъ любилъ спорить со священниками и показывалъ глубоко испорченную душу. Прекословилъ всякому, священниковъ и церковниковъ хваталъ за рясы и говорилъ: „Нѣтъ Бога“! Кто готовъ былъ войти съ нимъ въ споръ, тѣхъ охотно подчивалъ и ублажалъ чѣмъ могъ этотъ Вольтеръ въ лохмотьяхъ. При такомъ паденіи онъ, однако, съумѣлъ уберечь съ давнихъ временъ неуступчивость, гордость и уваженіе къ собственному достоинству. На свои лохмотья онъ смотрѣлъ, какъ король на пурпуръ. Злодѣйствъ своихъ совсѣмъ не стыдился. Въ началѣ 60-хъ годовъ объ немъ уже не было слышно, навѣрно онъ умеръ гдѣ нибудь въ лѣсу, либо на пути къ какому нибудь новому Ханаану, которые во всю жизнь казались ему не тѣми, все не по немъ, всѣ безъ соблазновъ на осѣдлость. Неволя не сломала и не переиначила характера, но сдѣлала то, что въ зловонной ея атмосферѣ человѣкъ потерялъ внутренніе достоинства, достигъ до совершеннаго уничиженія и только на лучшій конецъ сталъ чудакомъ и не разучился пѣть пѣсни отчизны“.

За Байкаломъ, большею частью, дѣянія бѣглыхъ оканчиваются мелкимъ воровствомъ, на которое идутъ они, по силѣ обстоятельствъ, вынуждаемые голодомъ первопутья и предусмотрительностью для успѣха и облегченія дальнѣйшихъ странствій. Впрочемъ, на этотъ случай въ тюрьмахъ сложилась и выговорилась такая притча:

— Что же, батька (спрашиваетъ сынъ у отца), ты меня посылалъ на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковицу нашелъ.

— Дуракъ! луковица, анъ копейка. Сто душъ, сто луковицъ, вотъ-те и рубль!..

Кстати: въ Сибри бродяжество до того за обычай, что даже въ сказкахъ (разумѣется, заимствованныхъ изъ Россіи) похожденія сказочныхъ героевъ переведены на бродягъ и въ этомъ отношеніи сибирскія сказки являются съ значительными варіантами. Вотъ почему архивныя дѣла съ примѣчательною подробностью повѣствуютъ о похищеніяхъ бѣглыми лошадей. Похищеніе крестьянскихъ лошадей—самое обыкновенное и частое преступленіе бродягъ, идущихъ мелкими партіями, свидѣтельствующихъ этимъ о томъ, что они не на шутку собрались въ дальнюю дорогу, а вовсе не для легкой потѣхи пошалить, покататься и развлечь скуку одиночнаго тоскливаго сидѣнья взаперти. Сибирь переполнена разсказами проѣзжихъ, которые сводятся почти всѣ на одно: на проселкахъ, въ угрюмой окрестности, натолкнулись на шайку бродягъ. Разбойничьи лица, осанки, наружность показывали смѣлость и отвагу. Здѣсь они у себя, въ лѣсу, на волѣ, оборванные, съ топорами и ножами за поясомъ, нападутъ, ограбятъ и убьютъ. Бродяги робкими голосами попросили подаянія; такъ дѣлаютъ зашедшіе далеко. Не такъ поступаютъ начинаю-

щіе свой путь. Хорошо обдумавшая побѣгъ, бывалая партія съ того начинаетъ первые шаги на пути, что подстережетъ какого нибудь ротозѣя или просто одинокаго человѣка и ограбитъ. То и дѣло заводскіе слѣдователи записываютъ такія показанія:

„Находились мы при шурфовкѣ въ Акатуевскомъ рудникѣ, въ зимовьѣ бѣжали оттуда. Пошли лѣсами къ Алгачинскому руднику, ночью скрывались въ чащахъ. Не доходя рудника, увидѣли въ колкѣ человѣка, собирающаго таловое лыко для приготовленія въ казну ужищевъ; отняли у него ружье съ порохомъ и пулями. Зашли въ падь, называемую Талмакъ. Тутъ, при жженіи угля, находился отставной служитель; подождали мы, пріѣхалъ товарищъ на лошади, мы лошадь украли. Когда оба заснули, украли мы хлѣба 4 ковриги, картузъ, шинель, кушакъ и юфтевые чарки (родъ сапоговъ). Пошли на пашню, выпрягли двухъ лошадей изъ сохъ; на одной пади „Янки“ отняли у крестьянина сѣдло. Въ лѣсу встрѣтились съ 4 человѣками, бѣжавшими изъ Кутомарскаго завода. Отъ него пошли въ Донинской хребетъ и у деревни того же имени остановились. Я съ другимъ товарищемъ отправленъ былъ въ деревню для воровства коровы, но, увидѣвъ ѣдущихъ съ рудой конвойщиковъ, мы ударились въ другую сторону хребта, гдѣ у встрѣтившагося крестьянина выпросили хлѣба. Онъ намъ далъ хлѣба и мы его не трогали“, и проч.

А то и такъ (по архиву Петровскаго завода): „Бѣглые съ Кары на р. Шилкѣ выстроили избу и зимовали въ ней. Весной согласились бѣжать дальше; въ ближней деревнѣ украли лошадей, одну лошадь отняли у встрѣтившагося имъ на дорогѣ братскаго. Въ одной пади жили съ недѣлю; товарищи по-знати сходили въ Петровскій заводъ и привели оттуда, для пропитанія своего, корову“, и проч.

Съ другою партіею встрѣтились конные буряты. Бѣглые бросились на нихъ и всѣхъ съ лошадей поснимали, а сами сѣли и ускакали. Спѣшенные братскіе пришли въ заводскую петровскую контору жаловаться и, между прочимъ, разсказывали о томъ, что бродяги, взмостившись на братскихъ коней, кричали имъ вслѣдъ: „Можно васъ, братскихъ, легко намъ убить, такъ какъ мы-де уже каторжнаго званія люди“.

— Безъ воровства и не пройдешь,—толкуютъ сами бѣглые:—что украдешь, тѣмъ и поживешь; ѣшь прошенное, носишь брошенное, живешь краденнымъ. Какимъ бы способомъ нашъ братъ могъ такія большія дороги дѣлать и такіе подвиги совершать? Отъ Нерчинска до Москвы дойти—не мутовку облизать.

Показанія эти находятъ себѣ оправданіе и въ архивныхъ кладовыхъ, въ формальныхъ дѣлахъ. Вотъ, между прочимъ, изъ множества другихъ случаевъ, одинъ образчикъ (найденный нами въ Кяхтѣ), образчикъ признанія, сдѣланнаго бѣглымъ, задавшимся одною изъ труднѣйшихъ задачъ бродяжества: изъ Охотскаго порта въ Кяхту.

Являетъ признаніе мѣщанинъ кяхтинскаго общества, наказанный за преступленіе кнутомъ и сосланный въ ссылку въ Охотскій портъ, а въ чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

„По конфирмаціи главной команды въ 1800 г. сосланъ я былъ въ ссылку и препровожденъ подъ карауломъ, черезъ земскія правительства, и по приводѣ въ городъ Якутскъ сданъ былъ дворянскому засѣдателю и со онымъ былъ отправленъ, въ числѣ прочихъ преступниковъ 350 человѣкъ, для чищенія дороги къ рѣкѣ Маѣ, за присмотромъ казаковъ безъ всякихъ крѣпей. Слѣдуя къ рѣкѣ Маѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ укравъ у якутовъ ружье и пять котиковъ, изъ партіи бѣжалъ одинъ и въ хребтахъ сошелся съ таковыми же ссыльными, всего шестью человѣками, и съ ними шелъ хребтами и лѣсами 45 дней, питаясь украденнымъ въ разныхъ мѣстахъ у промышленныхъ тунгусовъ звѣринымъ мясомъ. Вверхъ по р. Алдану нашли мы на бѣглыхъ тунгусовъ 4 человѣкъ. Здѣсь товарищи отъ меня отстали, а съ тунгусами согласясь, которые и вели меня на Амуръ-рѣку къ устью, впадавшему въ море, называемому разливу, гдѣ жительствуютъ орочены, и сами остались въ томъ мѣстѣ, а я оттоль пошелъ одинъ по жилью, а гдѣ есть орочены, то, зайдя ко онымъ, вытребуя пищи, называлъ себя промышленнымъ и заблудшимъ человѣкомъ которые мнѣ показывали путь, какимъ образомъ можно выдти къ р. Горбицѣ. По словамъ ихъ вышелъ къ оной, покралъ тутъ со степи лошадь; доѣхалъ на оной до г. Нерчинска ночью, переночевалъ у отставного солдата Семена (а чьихъ прозывается—не знаю). А оттоль ѣхалъ братскими улусами и мелкими деревнями, и, отъѣхавъ отъ Нерчинска верстъ съ 200, переѣхалъ за границу; промѣнялъ тамъ мунгаламъ имѣвшіеся при мнѣ 5 котиковъ и винтовку, покраденные у якутовъ, за которые вымѣнялъ серебра съ 16 лан и чунчу (дешевую шелковую китайскую матерію). По вымѣнѣ оныхъ вещей слѣдовалъ до здѣшней крѣпости (Селенгинска) извѣстными мнѣ мѣстами, а укрывался въ домѣ матери. Сверхъ того воровства чинилъ: въ-1-хъ, толмача Анжинка быка шерстью бураго и безхвостаго; во-2-хъ, четырехъ лошадей; въ-3-хъ, двѣ лошади; въ-4-хъ, двѣ же лошади и всѣ оныя, также и прежнюю лошадь, на которой ѣхалъ, провелъ я за границу потаенными мѣстами и продалъ за наличныя деньги мунгаламъ (монголамъ) за сто руб., съ которыми прежде до ссылки имѣлъ дѣло. Вчерашняго числа примѣрно пополудни, часу въ 8-мъ, пришедъ въ здѣшную крѣпость и въ стоящемъ за выѣзжею рогаткою кабакѣ подъ

окномъ выпилъ вина за три раза по 10 коп., а узналъ ли сидѣлецъ, знать не могу. И оттоль, мимо рогатки и гобвахты, прошелъ къ дому тетки подъ окно и просилъ у нее хлѣба. На вызовъ мой вышелъ изъ избы какой-то служивый и отъ онаго я бѣжалъ, а гдѣ служивый остался, я уже не знаю. Потомъ уже, въ другой или третій разъ пришедъ къ дому тетки, вызвалъ ее на дворъ и въ то время выбѣжали изъ двора, а сколько человѣкъ, не упомню, втащили меня въ избу, а оттоль взятъ на гобвахтъ. А имѣвшій на мнѣ лабашекъ (полушубокъ), камзолъ и котомку съ деньгами, кто съ меня снялъ или я самъ сбросилъ, того за пьянствомъ не упомню". Признаніе это Карпъ Патюковъ учинилъ „чрезъ посаженіе въ деревянную колодку и устращивали посаженіемъ же въ большую колодку и желѣза" (добавилъ къ дѣлу писарь).

Разсчитывающіе на дальнюю дорогу бывалые бродяги весьма нерѣдко запасаются фальшивыми паспортами. Мастерятъ ихъ сами въ тюрьмахъ, покупаютъ и на сторонѣ у знающихъ это мастерство людей, крадутъ по ночамъ и у тѣхъ счастливыхъ товарищей, которые успѣли запастись ими. Попадаются иногда на томъ, что полуграмотный писарь выставитъ очень крупный номеръ, длинную цифру, но чаще пропускаютъ ихъ безъ паспорта вездѣ тамъ, гдѣ бродяжье дѣло за великій обычай. Съ паспортомъ бродяга, разумѣется, всѣми мѣрами уклоняется оттого, чтобы не встрѣтиться съ опасными и гибельными случайностями, которыя могли бы повернуть заработанный путь на обратную. Выгоднѣе для бродяги пробраться безъ задержекъ на широкій просторъ матушки-Сибири и тамъ уже подвергнуться всѣмъ неожиданностямъ и случайностямъ бродячей жизни. Полезнѣе совершить мелкое воровство, вынужденное голодомъ и крайностью, чѣмъ прежде времени лишить себя тѣхъ удобствъ, которыя такъ легко достаются въ предѣлахъ Восточной и Западной Сибири. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что многіе бѣглые, не доходя еще до Байкала, погибаютъ: кто заблудится въ глухихъ тайговыхъ мѣстахъ и умретъ тамъ съ голода, кто, дерзко довѣрившись утлой лодкѣ, потонетъ на бурливомъ Байкалѣ-морѣ, „отправится на дно омулей ловить".

Кромѣ извѣстной пѣсни, сочиненной какимъ-то опытнымъ стихотворцемъ, существуютъ цѣлые разсказы неподдѣльные, изъ которыхъ намъ кажется искреннѣе и характернѣе другихъ нижеслѣдующій, а потому мы и приводимъ его со всѣми подробностями.

Бѣгутъ трое и доходятъ до р. Селенги, на берегу которой видятъ готовый плотъ, приспособленный для кяхтинскаго хлѣбнаго транспорта. Плотъ этотъ бѣглые спускаютъ въ воду и плывутъ на немъ рѣкою въ устье, т. е. въ озеро Байкалъ. На Байкалѣ ихъ встрѣтилъ попутный вѣтеръ, направлявшій ихъ прямо на Николаевское селеніе и Лиственичную станцію. На серединѣ озера вѣтеръ перемѣнился и плотъ поволокло въ противоположную сторону къ Баргузину и грозило затащить въ мертвый и безлюдный уголъ Байкала, къ Душкачану. Для бродягъ наступили третьи сутки голода и холода: вѣтеръ знобилъ ихъ тѣла, истощенныя постомъ, и съ успѣхомъ боролся съ ихъ оборванною и измызганною одеждою. Пловцы пришли въ крайнее изнеможеніе. Одинъ изнылъ совсѣмъ, мучился, крѣпился и, не выдержавъ напора бѣдствій, на глазахъ товарищей опустился въ воду и потонулъ.

„Мы перекрестились оба. Къ вечеру и другой мой товарищъ опустился слѣдомъ за нимъ. Я опять перекрестился. И мнѣ туда же лежала дорога, да знать здоровъ и крѣпокъ былъ, да на родинѣ, въ деревнѣ, можетъ старуха мать за меня Богу помолилась. Прибило мой плотъ къ берегу. Я вышелъ мокрымъ и пошелъ брести на удачу. Увидалъ дымокъ звѣровщика - русскаго; подошелъ къ нему, спокаялся; накормилъ. „Живи-де у меня въ работникахъ". Ладно! Жилъ я у него въ сторожахъ, въ его промысловой избѣ. Да скучно мнѣ стало: онъ уйдетъ въ лѣсъ бѣлковать, а мнѣ и говорить не съ кѣмъ, слова перекинуть не съ кѣмъ, хозяинъ и собакъ всѣхъ уводилъ съ собой. Ушелъ я отъ него: пойду-ка, молъ, къ своимъ старымъ товарищамъ на заводы. На дорогѣ мнѣ бурята попались, связали меня и привели на Кару. Тамъ мнѣ, дѣло извѣстное, розогъ надавали, сколько влѣзло, и указали жить не по своей, а по ихней волѣ".

Много бѣглаго изломаетъ мѣдвѣдь въ лѣсу, отощавшаго и измученнаго, тѣмъ болѣе, что горы и отроги Яблоноваго хребта такъ многочисленны, перевиты и перепутаны, такъ много въ нихъ фальшивыхъ падей, обманчивыхъ колковъ, что и самый опытный бродяга имѣетъ полное право растеряться, придти въ отчаяніе, потерять рѣшимость и твердость духа и заблудиться или провалиться. Нѣкоторые бродяги, счастливо одолѣвшіе лабиринтъ лѣсовъ и горъ, сейчасъ же за ними попадаютъ въ новыя опасныя мѣста съ правомъ умереть съ голоду на обширной Братской степи, гдѣ самъ бурятъ ѣстъ плохо, живетъ разбросанно и все стремится встать жильемъ по окраинамъ степи, поближе къ жильямъ русскимъ и къ лѣсамъ, а стало быть и къ водѣ. Не лучше и дальше, если попадетъ онъ на такъ называемую кругобайкальскую дорогу или „кругоморскій путь", идущій безлюдными мѣстами, съ которыми вотъ уже сколько лѣтъ не можетъ сладить искусство сибирскихъ инженеровъ и старанія подрядчиковъ. О многихъ бродягахъ высылаются только глухіе рапорты многихъ уѣздныхъ полицейскихъ

властей, что вотъ найденъ въ такомъ-то „зимовьѣ неизвѣстный бродяга замерзшимъ", на такой-то „заимкѣ, въ банѣ, столько-то умершихъ, вѣроятно отъ угара". Великое множество бродягъ представляется въ заводъ и на судъ въ саняхъ и телѣгахъ съ отмороженными руками и ногами, окоченѣвшими на морозѣ до смертельной агоніи. Серьезныхъ ушибовъ и разныхъ вывиховъ бродяги уже въ счетъ не ставятъ, дѣло обыкновенное, каждому набѣжать приводится. Рѣдкій изъ вернувшихся не вывихнулъ либо руки, либо ноги, не зашибъ спины, либо боковъ и груди.

Какъ ни значительно число погибшихъ въ Забайкальѣ, все-таки еще очень много ихъ является за Байкаломъ на безконечныя хлопоты земскихъ властей, на безпокойство мирныхъ и честныхъ обитателей изъ сибирскихъ старожиловъ по деревнямъ и селамъ, по городамъ уѣзднымъ и губернскимъ. Трудно одолѣвать бѣглымъ забайкальскія пустыни. Бродяги по сю сторону Байкала, въ мѣстахъ, по гуще населенныхъ, считаютъ себя почти внѣ всякой опасности: уже на югѣ Иркутской губерніи и даже вблизи губернскаго города они становятся смѣлѣе и развязнѣе. Въ окрестностяхъ города Иркутска у нихъ какъ бы первая станція съ продолжительнымъ отдыхомъ; здѣсь они набираются и новыми силами и новыми свѣдѣніями и паспортами, а смѣлы и развязны становятся на столько, что даже пошаливаютъ. У самаго города Иркутска, на такъ называемомъ „Островѣ Любви" (противъ московскаго перевоза черезъ Ангару), найдены были дѣлатели фальшивыхъ видовъ, матеріалами для которыхъ служили аттестаты и прочіе документы, выкраденные изъ присутственныхъ мѣстъ. У пойманныхъ отобраны были паспортные бланки, указы объ отставкѣ нижнихъ чиновъ и печать конторы иркутскаго военнаго госпиталя. У подгородныхъ крестьянъ то и дѣло случается такого рода горе. Приходятъ къ нимъ наниматься въ работу неизвѣстные люди. Рабочій дорогъ, крѣпко нуженъ такъ, что уже и такой обычай установился, чтобы приручить его къ себѣ крупнымъ задаткомъ (безъ задатку въ Сибири никто шагу не дѣлаетъ). Даютъ задатки большіе, пойдутъ предъявлять виды въ полиціи, а виды тамъ, сплошь и рядомъ, оказываются фальшивыми, но при этомъ зачастую только опытный полицейскій глазъ различаетъ поддѣлку отъ настоящаго. Получившіе задатки, само собою разумѣется, богаты. Мы помнимъ два случая, изъ которыхъ въ одномъ поплатился поселенецъ 26 руб. задатка, въ другомъ крестьянинъ 10 р., представившій въ полицію оставленные имъ въ обезпеченіе документы, написанные одною рукою и завѣренные одинаковыми печатями. Бросились по горячимъ слѣдамъ и, на 19-ой верстѣ отъ Иркутска (на московскомъ трактѣ), настигли виновныхъ, сознавшихся въ составленіи фальшивыхъ видовъ, въ поддѣлкѣ печатей, въ перемѣнѣ именъ, побѣгѣ съ золотыхъ промысловъ и въ совершеніи различныхъ кражъ въ Иркутскѣ. Кражи въ Иркутскѣ—явленіе обычное и притомъ совершаются съ поразительною ловкостью и изобрѣтательностью.

Прибрежные жители Ангары каждою весною, тотчасъ же по проходѣ льда въ рѣкѣ, видали плывущіе мимо маленькіе, на скоро сплоченные плотики, шириною бревна въ три-четыре, связанные ветлами и на нихъ груду ветоши (прошлогодней травы), какую нибудь носильную рвань и по два по три человѣка рабочихъ. Это — бродяги, пустившіеся искать себѣ счастья на бойкой водѣ этой замѣчательно быстрой и оригинальной рѣки; пороги они обходятъ пѣшкомъ и ниже ихъ дѣлаютъ новые плоты. Быстрота теченія, усиленная еще, сверхъ того, весеннею водою, позволяетъ бродягамъ доходить до такой смѣлости, чтобы плыть подъ самыми окнами каторги (каковъ былъ иркутскій солеваренный заводъ) и даже отдыхать на заимкахъ въ самой ближной окольности ея. Начальство заводовъ, обремененное опекою и надзоромъ за собственными каторжными, равнодушно смотрѣло на проѣзжихъ съ чужой каторги и, страдая недостаткомъ людей въ собственныхъ заводскихъ командахъ, находилось даже въ невозможности преслѣдовать прибылыхъ и новыхъ. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда губернское начальство, напр., казенная палата, задастъ большой заказъ на вино или соль, а рабочихъ рукъ не достаетъ (своихъ заводскихъ рабочихъ много въ бѣгахъ), заводское начальство командировало солдатъ для осмотра сосѣднихъ заимокъ и отъ этого маневра было всегда въ барышахъ. Солдаты въ одинъ разъ приводили человѣкъ по 12—15 бѣглыхъ, изъ которыхъ обыкновенно цѣлая половина просила одной только милости: задержать ихъ на заводѣ и не пересылать на нерчинскую каторгу, откуда сбѣжали они и куда не хотѣли бы возвращаться. Немалая часть бѣглыхъ уходитъ дальше и, добравшись до золотыхъ пріисковъ частныхъ людей, живутъ тамъ лѣтъ по 8—10, получая денежную плату, хотя и ничтожную.

Въ глухое время бродягъ обыкновенно ловятъ не часто, а потому рѣдкій проѣзжій по сибирскому тракту, въ любомъ мѣстѣ до Урала, не встрѣтитъ артелей бродягъ человѣкъ 5—6 (а иногда и до 30-ти вмѣстѣ), скромно пробирающихся по направленію къ Россіи, съ котомками за плечами, съ сапогами про запасъ. Таковыми рекомендовали намъ понимать тѣхъ нашихъ встрѣчныхъ, которые пять разъ перерѣзали намъ дорогу отъ Екатеринбурга до Иркутска и которые, по туземнымъ примѣтамъ, тѣмъ отличаются отъ невинныхъ путниковъ, что имѣютъ про всякій случай, на дневную пору,

робкій, запуганный видъ и рѣдко находчивы до того, чтобы снять проѣзжему шапку, какъ дѣлаютъ это поголовно всѣ сибиряки не изъ бѣглыхъ. Туезъ (буракъ) у пояса, да топоръ за поясомъ, нищенское одѣяніе (старыя измызганныя серьмяги), за плечами мѣшки, да блѣдныя, изнуренныя лица съ синими кругами подъ глазами—считаются также въ числѣ обычныхъ бродяжьихъ признаковъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, если они попадаются вблизи Уральскаго хребта, эти прохожіе все-таки на большую половину бродяги, бѣглые съ заводовъ, которымъ смиренство и кротость помогли одолѣть всѣ соблазны: и Красноярскъ и Томскъ. „Красноярскъ, — говорятъ бѣглые:—строгій городъ и не мастеръ ютить у себя вольныхъ охотниковъ, свободныхъ путешественниковъ; Томскъ—такой городъ, гдѣ нѣкогда былъ для вольнаго житья бродягъ широкій просторъ при помощи разныхъ случайно сложившихся обстоятельствъ“. Томскъ, и въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ такихъ городовъ, гдѣ дѣятельность полиціи больше всѣхъ сибирскихъ городовъ находится въ затрудненіяхъ и гдѣ меньше всего частная собственность находилась въ безопасности. Хроника полицейской практики, по поводу убійствъ, кражъ, грабежей и мошенничествъ всякаго рода въ городѣ Томскѣ обильно испещрена весьма крупными и яркими чертами. Судя по хроникѣ этой, Томскъ какъ будто центральное мѣсто для отдохновенія ссыльныхъ, вродѣ огромнаго постоялаго двора, а городскія задворья нѣчто даже вродѣ базара или даже ярмарки *). Зашалившись, наигравшись и отдохнувъ здѣсь, счастливые изъ бѣглыхъ идутъ дальше съ тѣмъ же смущеннымъ видомъ и кроткимъ сердцемъ, мало обращая вниманія на ѣдущихъ на встрѣчу, не поднимая даже глазъ на нихъ, какъ бы появленію ихъ отъ давней привычки не придаютъ въ этихъ мѣстахъ никакого значенія. Въ крайнихъ случаяхъ они приближаются къ кошевѣ, просятъ милостыни и только въ самыхъ крайнихъ и очень рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются грабить и убивать. Да къ этому и большой нужды не предвидится: бродяга въ этихъ мѣстахъ уже сытъ, да и весьма близокъ къ цѣли странствій. Бараба живетъ домовито и по ней на каждыхъ 20 верстахъ вытянулись людныя деревни, которыя и сыто ѣдятъ и въ рабочемъ, при богатствѣ угодій, нуждаются. Къ тому же нынѣшніе жильцы этого коммерческаго тракта сами либо дѣти, либо внуки и правнуки такихъ же несчастныхъ и ссыльныхъ людей. Въ такихъ мѣстахъ бродяги не задумываются безбоязненно входить въ самыя деревни и подъ видомъ нищихъ и богомольцевъ выпрашивать подъ окнами плаксивымъ голосомъ, на напѣвъ „Милосердной“: „Милостивые наши отцы и матушки, не оставьте несчастныхъ прохожихъ! Христа ради, подайте милостынку“. Если прежніе крестьяне не ловили бродягъ изъ состраданія къ нимъ: „пущай-де идутъ себѣ съ Богомъ, зачѣмъ мы станемъ обижать несчастненькихъ, на что у нихъ свое начальство есть“, то барабинскіе жители и тѣ, которые живутъ благодушно и богато по Иртышу и дальше, умѣютъ издавна обращать слово въ дѣло. Въ этихъ деревняхъ и селахъ милостынею несчастненькому обязываетъ себя всякая домовитая и сердобольная хозяйка, выставляя за окно на улицу на особой полочкѣ первый подвернувшійся подъ руку харчъ и хлѣбъ въ достаткѣ. Пропадетъ этотъ хлѣбъ и харчъ съ окна и полочки—хозяйка сотворитъ благодарственную молитву, крестъ на себя положитъ и опять поищетъ остатковъ и выставитъ за окно новую и свѣжую провизію. Такъ ведется дѣло искони и по всѣмъ спопутнымъ для бродягъ деревнямъ не только въ Сибири, но даже и кое-гдѣ въ Россіи. Прежде обычай этотъ былъ повсемѣстенъ, теперь онъ ослабѣлъ отъ преслѣдованій и внушенія, и полочку съ хлѣбомъ велятъ искать теперь прямо и безъ церемоніи въ самой избѣ на красномъ столѣ, а ночлежное ложе въ подъизбицѣ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію то, что, поселившись въ лѣсныхъ землянкахъ, бродяги зачастую выходятъ въ деревни просить милостыню на правахъ нищихъ либо погорѣльцевъ. Сбившіеся въ большія артели бѣглые рѣшались даже затѣвать по деревнямъ пѣніе пѣсни „Милосердной“, по образцу этапныхъ партій. Давно практикуемый въ Россіи обычай сѣять горохъ и рѣпу около дороги на помощь и лакомство для прохожихъ, въ Сибири сталъ обязательнымъ въ такой степени, что продукты эти уже и не сѣютъ иначе, какъ у самаго полотна проѣзжей дороги, у самыхъ пѣшеходныхъ тропъ про нужду бродягъ и въ отвращеніе вѣроятныхъ бѣдъ отъ голодныхъ. Сибирская рѣпа вкусна и крупна, а потому у дороги всегда выщипана, во имя закона соединять пріятное съ полезнымъ.

Оправданіе этому явленію можно искать въ такой же живой симпатіи простолюдиновъ средней и южной Италіи къ бандитамъ—этимъ изгнанникамъ, поставленнымъ внѣ закона и ушедшимъ въ горы разбойничать, въ недовѣріи къ правосудію судебной власти, во многомъ не согласной съ юридическими понятіями и обычаями самого народа. Находите ее въ чувствѣ народнаго самосохраненія, желающаго предупредительною дачею отвратить вѣроятный фактъ сердитаго и смѣлаго нападенія голодающаго и, въ

*) Но и для Томска бывали строгія времена и бродяги, говорятъ, подходя къ городу, стали освѣдомляться, «кто правитъ полиціей, и если-де все еще Петька Любимовъ—то ну, его къ черту!—и ходить нечего, не рука»!.. Однако, послѣ него въ 1863 году, въ первые три дня Святой недѣли полиція нашла семь труповъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть лежала подлѣ разграбленныхъ лавокъ.

случаѣ отпора, мести его за неудачу; находите причину таковой благотворительности въ христіанскомъ чувствѣ сердолюбія къ несчастной братіи, которую незлопамятный народъ нашъ перестаетъ считать преступною, коль скоро преступленіе выкуплено карою и очищено возмездіемъ, хотя и заслуженнымъ, но все-таки обращающимъ вора и душегубца въ жертву, возбуждающую состраданіе. Можетъ быть, и вѣрнѣе всего, главная причина покровительства и защиты бродягъ въ путешествіи—во всѣхъ этихъ чувствахъ вмѣстѣ взятыхъ, но не въ нынѣшней любви къ удалымъ добрымъ молодцамъ, а именно въ той тоскѣ о памяти временъ „шатанья", тоскѣ, которая до сихъ поръ громко сказывается и сильно заявляется въ безчисленномъ множествѣ видовъ бродяжества. Значительная часть ихъ обусловлена даже кореннымъ законнымъ дозволеніемъ и самая большая половина обезсилила законъ и живетъ помимо его прочно и крѣпко. Бродяжествомъ жила Русь далеко послѣ тѣхъ временъ, когда плотили ее въ государство; бродягами расширила она свои предѣлы и ими же отстояла свою независимость отъ дикихъ кочевыхъ ордъ, напиравшихъ на нее съ востока и юга. Бродяги колонизировали сѣверъ, завоевали Сибирь, населили Донъ и Уралъ, когда еще это слово не получило настоящаго своего значенія и нынѣшніе бродяги носили названіе „гулящихъ, пришлыхъ, вольныхъ людей". Не умалило этого народнаго коренного свойства искать способныхъ и выгодныхъ мѣстъ на свободномъ и широкомъ раздольѣ земли своей и Московское государство, когда ослаблено было экономическое и государственное значеніе Филиппова заговѣнья и уничтоженъ крестьянскій выходъ на Юрьевъ день. Бродяжество, какъ вольный переходъ съ однѣхъ земель на другія, и теперь живетъ въ народѣ, какъ одно изъ коренныхъ началъ его быта, и движетъ народомъ на всѣхъ путяхъ, хотя и подъ другими именами, съ иными оттѣнками. Проявилось въ немъ и святое религіозное чувство; почувствовали въ элементахъ его нужду для себя и торговля, и ремесла и промыслы, и самая общественная жизнь успѣла уже выродить настоящихъ бродягъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и на нихъ пока затворилась. Бродяжеству еще долго придется жить на Руси и въ народѣ.

Замѣчено, что большая часть бѣглыхъ не заходитъ дальше предѣловъ Западной Сибири. Чаще другихъ посылаютъ иркутскій, нижнеудинскій, канскій и каинскій земскіе суды, но всѣхъ чаще ялуторовскій (Тобольской губерніи), хотя сюда-то по преимуществу и направляются бродяги, желающіе попадать на Волгу и въ южную Россію. Бѣглые изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобольской губерніи) наладили и завоевали себѣ путь въ Россію по направленію на гор. Челябу, а оттуда уже на Уфу и дальше, куда кому вздумается. Этапной дороги по Россіи боятся, ходятъ дорогами малоторенными, но по Сибири зачастую, говорятъ, ночуютъ на этапахъ, въ самыхъ полуэтапныхъ зданіяхъ, пользуясь прежнимъ знакомствомъ и побратимствомъ съ солдатами.

Весною 1866 г., по поводу одного убійства, сдѣлали тщательные розыски около Омска и въ недѣлю наловили 180 бродягъ. Замѣчено, что особеннымъ усердіемъ и настойчивостью на побѣги отличаются мусульмане (татары и горцы), съ тупымъ равнодушіемъ выживающіе каторжные сроки, но бѣгущіе тотчасъ на родину, лишь только выпустятъ ихъ на пропитаніе или на поселеніе. Такое явленіе подмѣчено было начальствами и вызвало сенатскій указъ, который установилъ: вслѣдствіе безпрестанныхъ побѣговъ изъ Сибири сосланныхъ на каторгу магометанъ, такихъ преступниковъ изъ губерній Казанской, Симбирской, Пермской и Оренбургской отправлять на будущее время въ финляндскія крѣпости. Впрочемъ, судя по цифрамъ сосланныхъ мусульманъ послѣ изданія этого указа, послѣдній не примѣнялся въ полной силѣ: мусульмане ближайшихъ къ Сибири губерній бѣгали назадъ, пользуясь близостью мѣста и удобствомъ прикрытій. Бѣгали и черкесы, безсильные совладать съ острыми припадками опасной болѣзни „тоски по родинѣ". Извѣстный путешественникъ по Сибири Аткинсонъ въ непроходимыхъ окрестностяхъ Алтынъ-Куля и долины Біи встрѣтилъ партію въ 40 человѣкъ такихъ бѣглыхъ черкесовъ.

„Занимаясь въ розсыпяхъ промывкою золота, черкесы съумѣли тайно припрятать небольшое количество золота, на которое добыли себѣ необходимое оружіе и снаряды къ нему. То и другое было спрятано ими въ одной отдаленной пещерѣ, находящейся въ дикой недоступной мѣстности. Въ условленный день они бѣжали всѣ разомъ изъ разныхъ рудниковъ, гдѣ были распредѣлены по работамъ, и довольно удачно соединились въ пещерѣ. Потомъ они успѣли захватить киргизскій табунъ, изъ котораго выбрали себѣ хорошихъ скакуновъ, принудивъ пастуховъ быть ихъ проводниками черезъ Саянской хребетъ. Лѣсъ служилъ имъ палаткою, лѣсная дичь—пищею. Конечно, голодъ и нужду приходилось имъ терпѣть очень часто, но надежда поддерживала смѣлыхъ горцевъ. Наконецъ, все-таки они достигли такихъ мѣстъ, гдѣ проводники сказали имъ, что дальше не знаютъ, куда вести ихъ. Черкесы отпустили проводниковъ и пустились далѣе на угадъ. Ужасныя, крутыя пропасти Алтая и дикіе горные потоки принуждали ихъ къ безконечнымъ обходамъ и переходамъ и до того сбили съ толку, что они, наконецъ, попали въ трущобы Алтынъ-Куля. Тутъ-то у нихъ и произошла стычка съ

обитавшими тамъ калмыками. Хотѣли ли последніе захватить ихъ въ плѣнъ и потомъ выдать русскимъ, или черкесы, вынуждаемые крайностью, прибѣгли къ насилію, этого нельзя было узнать: результатъ былъ, однако, тотъ, что нѣсколько калмыковъ было убито, и аулъ ихъ былъ преданъ пламени. Обстоятельство это послужило сигналомъ къ заключительному акту трагедіи. Быстро разнеслась вѣсть о появленіи вооруженныхъ людей и, переходя изъ аула въ аулъ, достигла, наконецъ, съ подобающимъ преувеличеніемъ до казачьяго поста Сандинскаго. Случилось, что командовавшій въ форпостѣ офицеръ былъ тогда немного болѣе обыкновеннаго веселъ, по случаю праздника". Долго не размышляя и не теряя времени на безполезныя думы, онъ тотчасъ же отправилъ въ Барнаулъ нарочнаго съ тревожнымъ извѣстіемъ. Извѣстіе пришло въ то время, когда развеселый Барнаулъ приготовлялся къ предстоящимъ баламъ и святочнымъ увеселеніямъ; сказали, что три тысячи азіатовъ идутъ мѣшать этимъ удовольствіямъ и, вмѣсто паркетнаго вальса, могутъ заставить кружиться въ пескѣ на арканѣ. Весь городъ пришелъ въ страшное смущеніе. Новые вѣстники изъ долины Віи говорили, что войска состоятъ изъ семи тысячъ человѣкъ, а другіе даже увѣряли, что всего десять тысячъ, снабженныхъ ружьями и проч. Между тѣмъ, дѣло кончилось, по словамъ Аткинсона, слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ общества калмыковъ, населявшихъ долину рѣки Віи и окрестности Алтынъ-Куля, соединились и, зная отлично всѣ ущелія и тропинки, сначала преградили черкесамъ пути ко спасенію, а потомъ загнали ихъ въ такую трущобу, откуда не было никакого выхода. Когда, наконецъ, черкесы приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, между ними и калмыками завязалась отчаянная перестрѣлка. Скрываясь въ засадѣ, калмыки были въ очевидныхъ выгодахъ передъ черкесами и могли стрѣлять въ нихъ почти въ упоръ. Черкесы такъ и падали одинъ за другимъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ своихъ озлобленныхъ враговъ. Къ вечеру того дня число черкесовъ съ 40 уменьшилось до 15, которые, побросавъ своихъ лошадей, пытались было по острымъ камнямъ и утесамъ выползти изъ ущелья. Не перекусивъ за цѣлый день ни крошки и совершенно выбившись изъ силъ, они принуждены были провести ночь на голыхъ камняхъ, подъ открытымъ небомъ. Когда разсвѣло, черкесы пустились карабкаться дальше и уже доползали до маленькаго лѣсочка, какъ вдругъ на встрѣчу имъ раздался ружейный залпъ засѣвшихъ въ лѣсу калмыковъ: трое черкесовъ пали мгновенно, а еще пятеро были подстрѣлены на бѣгахъ. Отчаянная погоня возобновилась опять. Черезъ нѣсколько времени осталось въ живыхъ только четверо черкесовъ, которые успѣли скрыться въ лѣсу. Наконецъ, кажется, сами стихіи рѣшились принять участье въ борьбѣ. Небывалая по страшной ярости буря разразилась громомъ, молніею, снѣжною вьюгою и всяческими невзгодами. Калмыки принуждены были поспѣшно отступить, предоставивъ рѣшенію высшихъ силъ конецъ этого печальнаго акта. Четыре дня длилась буря съ бураномъ и ни единая живая душа не слыхала потомъ ничего объ остальныхъ четырехъ черкесахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они вскорѣ потомъ погибли отъ голода, холода и страшно мучившей ихъ жажды".

Не лучше этой участь и всѣхъ другихъ горцевъ, имѣющихъ обыкновеніе, вопреки общимъ бродяжьимъ порядкамъ, направляться въ киргизскія степи, а между прочимъ и тѣхъ, о которыхъ существуетъ въ Сибири такая легенда.

Нѣсколько бѣглыхъ горцевъ брели, томимые голодомъ и жаждою, по необитаемой степи киргизовъ. Но судьба была настолько къ нимъ милостива, что указала имъ въ одномъ мѣстѣ верблюда. Приблизившись къ нему, они нашли его живымъ и привязаннымъ къ кургану. На курганѣ лежало все то, что имъ было надо: кусокъ жаренаго мяса, чашка вареннаго риса, чашка кумысу и еще кое-что изъ съѣдобнаго, а между прочимъ кошма (войлокъ), халатъ, башмаки и еще что-то носильное. Все это свидѣтельствовало о томъ, что бѣглые пришли на могилу киргиза, здѣсь погребеннаго съ любимыми вещами и ѣздовымъ верблюдомъ. Бѣглые потребили все съѣстное и, замѣтивъ во взглядѣ верблюда что-то умоляющее и печальное и почувствовавъ въ сердцѣ участіе къ нему, безъ сомнѣнія обреченному на голодную смерть, отвязали верблюда и пустили на волю, а сами, въ свою очередь, отправились дальше. Верблюдъ пошелъ за ними. Прибавляя шагъ и разсчитывая въ верблюдѣ найти предателя, бѣглые прятались за песчаные холмы, чтобы скрыться изъ глазъ его, но не достигали цѣли. Припадая къ рытвинамъ, они ложились и отдыхали—преслѣдовавшій ихъ верблюдъ также ложился и отдыхалъ. Но лишь только они поднимались, пускались въ путь дальше, разсчитывая, что верблюдъ спитъ и не видитъ, верблюдъ, вѣроятно, движимый чувствами признательности за спасеніе, также поднимался съ мѣста своего ночлега, вытягивалъ свою длинную шею и, пользуясь широкимъ кругозоромъ ровной степи, выглядывалъ своихъ спасителей и пускался слѣдомъ за ними въ догонку. Разъ даровавъ ему жизнь, бѣглые изъ личныхъ разсчетовъ не рѣшались пресѣчь ее и, такимъ образомъ, сами попали на арканъ киргизовъ, нашедшихъ могилу соотчича святотатственно ограбленною и рокового верблюда отвязаннымъ. Бѣглые были связаны и представлены въ Омскъ для того, чтобы разсказать въ тамошней пересыльной тюрьмѣ эти свои приключенія. Въ Нерчинскихъ заводахъ начальники ихъ изъ опыта и многолѣтнихъ наблюде-

ній вывели то замѣчаніе въ добавокъ ко всему, что бѣглые мусульмане довольствуются тѣмъ, что сходятъ подышать воздухомъ родныхъ горъ и долинъ и снова возвращаются на каторгу, какъ бы считая для себя постыднымъ и грѣховнымъ дѣломъ обходить судьбу и бороться съ нею собственными людскими средствами. Не даромъ же они покорялись ей во все время, назначенное для каторжныхъ работъ, и пустились въ бѣга только потому, что сняли съ ногъ путы и дали достаточно свободы, чтобы ею воспользоваться и полечиться отъ неизбѣжной тоски по родинѣ.

Конечно, не дѣлаютъ такъ бѣглые изъ русскихъ преступниковъ. У этихъ свободнаго, произвольнаго возвращенія не замѣчено. Напротивъ, бѣглые русскіе, въ большинствѣ своемъ. стараются не только добраться до родного пепелища, но и забѣжать дальше и, если возможно, пожить повеселѣе и почуднѣе. По Сибири, въ пятидесятыхъ годахъ, двое ссыльныхъ, подъ видомъ ревизора-генерала, ѣздили по городамъ съ фальшивыми паспортами и наводили на всѣхъ чиновниковъ страхъ и ужасъ. Поссорившись между собою, пошли опять въ каторжныя тенета. По Тобольску долгое время ходилъ юродивый, бывшій у тамошнихъ дамъ въ великомъ почетѣ: его кормили, ублажали, считали святымъ человѣкомъ. Мужья, справившись съ карманами, стали подозрѣвать его и слѣдить за нимъ, особенно за длинными, грязными волосами, которые безобразно закрывали все лицо юродиваго. Навели справки, сдѣлали легонькій осмотръ: на лицѣ святоши оказались невытравленныя каторжныя клейма, а юродивый—бѣглокаторжнымъ изъ тюменскихъ купеческихъ сыновей. Въ 1863 году бѣглый солдатъ пермскаго батальона Софроновъ, подъ видомъ и званіемъ капитана турецкаго флота и полковника де-Северина, шалилъ по Сибири: въ Тобольскѣ не совсѣмъ удачно, въ Тарѣ съ пріобрѣтеніемъ значительныхъ суммъ взаймы, въ Томскѣ съ приглашеніемъ на балы и обѣды. Въ Красноярскѣ въ немъ усомнились, заковали въ кандалы, посадили въ секретную чижовку и пригрозили плетями. Съ одного изъ этаповъ за Красноярскомъ Софроновъ опять бѣжалъ, опять надѣлъ гусарскій мундиръ и снова мошенничалъ на право и на лѣво до Иркутска. Въ Иркутскѣ опять его заковали и сослали дальше, преградивъ ему путь къ дальнѣйшимъ обманамъ и самозванству. Ни съ приглашеніемъ, ни безъ приглашенія онъ уже никогда и ни къ кому не ѣздилъ, не бралъ взаймы денегъ и не измышлялъ ловкихъ и неловкихъ надувательствъ. Словомъ, проказъ бродягъ по Сибири не оберешься.

На этомъ для опытныхъ и терпѣливыхъ бѣглыхъ не конецъ. Нѣкоторымъ удается пошалить и проказничать и въ самой Россіи, которая въ этомъ отношеніи не строже Сибири. Въ Россіи пути каторжныхъ безпредѣльно широки и длинны. Какъ нѣкогда въ нихъ находили для себя много питательныхъ и готовыхъ началъ всѣ тѣ систематическіе разбои (особенно волжскіе), которые еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія были сильны, такъ и теперь въ этомъ элементѣ заключено еще не мало опасности и онъ самъ въ себѣ представляетъ еще много живучей силы и дѣятельности.

Когда, во время разбоевъ Быкова подъ Казанью и послѣ ареста его въ тамошнемъ тюремномъ замкѣ, потребовалось поискать и найти бѣжавшаго его товарища и самаго главнаго злодѣя Чайкина, городская полиція сдѣлала повальный по городу обыскъ. Обыска этого не съумѣли сдѣлать внезапнымъ; значительно огласило его само общество, принявшее живое участье въ розыскахъ товарищей изъ шайки разбойниковъ, и сама полиція рылась по кабакамъ и тайникамъ долгое время, но все-таки успѣла въ самомъ городѣ Казани (съ 10 августа по 15 сентября) найти 17 человѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Одни оказались бродягами, не помнящими родства, другіе отлучившимися безъ дозволенія начальствъ и шатавшимися по городу безъ опредѣленной цѣли. Между ними третья часть, девять человѣкъ, оказалась бѣжавшими изъ Сибири съ каторжныхъ работъ. Таковыми же были и сами Дмитрій Ивановъ Быковъ и Севастьянъ Васильевъ Чайкинъ, бѣжавшіе въ 1845 году вмѣстѣ изъ Иркутскаго солеваренпаго завода, а Ѳедоровъ изъ Нерчинскаго.

Въ 1849 году, 23 іюня, дано имъ было по тысячѣ пятисотъ ударовъ шпицрутенами, съ намѣреніемъ отправить въ каторжную работу безъ срока, но, бывъ отправлены въ лазаретъ, оба 25 числа умерли отъ воспаленія легкихъ.

Извѣстный Гусевъ, нѣсколько разъ бѣгавшій изъ Сибири, разбойничалъ подъ Саратовымъ и въ самомъ городѣ святотатственно ограбилъ соборъ. Такой же веселый пѣсенникъ и несомнѣнный поэтъ Кармелюкъ разбойничалъ на Волыни и только измѣнѣ и подкупу обязанъ былъ тѣмъ, что его убили въ хатѣ его возлюбленной.

Когда въ Астрахани, на волжскихъ рыбныхъ промыслахъ, велѣно было привести въ извѣстность количество рыбаковъ, не имѣющихъ паспортовъ, и земскими властями произведенъ былъ учетъ всѣмъ людямъ на всѣхъ ватагахъ, число бѣглыхъ выяснилось въ громадную цифру пятнадцати тысячъ. Близь той же цифры полагаютъ число безпаспортныхъ на рыбныхъ ловляхъ Азовскаго и Чернаго морей. Полиціи городовъ приморскихъ находятся во всегдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ при стремленіяхъ охранять частную собственность гражданъ среди такого наплыва всякаго сброда людей, гдѣ почасту кто съ борка, кто съ сосенки, кто прямо-таки съ нерчинской каторги. Всегда подобный фактъ становится явнымъ, лишь только полиція, по какому либо возбужденію, усилитъ

свою дѣятельность, напряжетъ свое вниманіе и старательнѣе осмотрится кругомъ себя. Въ Астрахани до сихъ поръ памятенъ человѣкъ, нѣсколько недѣль свободно ходившій по тамошнимъ исадамъ (рынкамъ) съ подвязанными щеками, которыя потомъ оказались клеймеными штемпелевыми точеными знаками, и видимо мирный обыватель былъ бѣгло-каторжнымъ. И едва ли гдѣ частная собственность наименѣе находится внѣ опасности, какъ именно въ тѣхъ городахъ, гдѣ безрыбье въ извѣстное время обусловливаетъ возростаніе многолюдія въ извѣстныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые города въ этомъ отношеніи получили даже крупную общественную извѣстность читателямъ нашихъ газетъ, обращающихъ вниманіе на болѣе характерныя иногороднія корреспонденціи. Не мудрено такіе города распознать и выдѣлить.

Вообще, путь сибирскихъ бѣглыхъ по Россіи замѣчательно великъ, безконечно разнообразенъ подробностями и обстановкою и въ разнообразіи своемъ и тягучести какъ будто даже и конца не имѣетъ. Обрываясь для однихъ, менѣе счастливыхъ и смѣлыхъ, онъ идетъ для другихъ, взысканнымъ слѣпымъ счастьемъ. Для ссыльно-каторжнаго Быкова онъ былъ черезъ кабакъ, два года тянулся по деревнямъ оренбургскаго тракта, оборвался на разбояхъ въ Спасскомъ и Лаишевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи и подъ городомъ Казанью, и повернулъ было снова туда же, назадъ, на каторгу, но вдругъ пересѣкся по причинамъ, отъ самого Быкова не зависящимъ. Для бѣгло-каторжнаго Попова путь этотъ вышелъ на ветлужскія помѣстья, вывелъ этого смѣлаго искателя приключеній въ Петербургъ въ честь и славу, гдѣ то же счастье дало ему во владѣніе чинъ большой, два дома большихъ и большія кучи денегъ; оборвался этотъ путь на сенатѣ и опять повернулъ съ нимъ же, невоздержнымъ и зарвавшимся на удачахъ счастливцемъ, на каторгу, снова туда же, откуда проходилъ онъ за этими предательскими подачками слѣпого счастья.

ГЛАВА IV.

НА ПРОПИТАНІИ.

Испытующіеся.—Воздержные.—Невоздержные.—Казенные порядки и степени облегченія.—Прикованные къ тачкамъ.—Прикованные на стѣнную цѣпь.—Колоколъ.—Сумасшествія.—Акатуй.—Тамошніе цѣпные.—Секретные.—Каторжныя селенія и жители.—Юрдовки.—Теребиловки.—Фабрика фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными металлами.—Желтая пшеничка.—Карымы.—Фабрикантъ червонцевъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажныя фальшивыя деньги.—Каторжныя болѣзни.—Пропитанные.—Исправившійся каторжный.—Шатаніе и воровство.—Увольненіе отъ работъ.—Каторжныя дѣти.—Пѣсня.

Прежде, чѣмъ ссыльный пріобрѣтетъ себѣ право выйти на пропитаніе, поступить въ разрядъ такъ называемыхъ пропитанныхъ, ему предстоитъ еще много степеней и разрядовъ. Вотъ этотъ порядокъ по оффиціальнымъ бумагамъ, правиламъ и предписаніямъ. Начинаемъ съ каторги на заводахъ.

Всѣ ссыльно-рабочіе, по прибытіи на заводъ, поступаютъ въ разрядъ испытующихся. Они живутъ въ казармахъ, свободные отъ оковъ, подъ ближайшимъ надзоромъ надзирателя и непосредственнымъ наблюденіемъ смотрителя, довольствуются пищею въ артели; лѣтомъ лучшіе увольняются для обработыванья огородовъ, правомъ отдыха пользуются только въ табельные дни. Поступившимъ изъ партій дозволяется жить въ квартирахъ воздержныхъ. Эти воздержные пользуются слѣдующими правами и преимуществами: могутъ строить для себя дома, могутъ пользоваться землею для хлѣбопашества, сѣнокосовъ, огородовъ, заниматься скотоводствомъ. Не имѣющіе собственныхъ домовъ могутъ пускать ихъ въ казенныя работы, за установленную плату. Для отдыха и поправленія своего быта пользуются всѣми воскресными и табельными днями. „Но если бы кто изъ употребляемыхъ по мастерствамъ въ цехахъ принадлежащіе ему дни отдыха посвятилъ, по назначенію начальства казенной работѣ, таковой за эти дни имѣетъ право на двойной плакатъ и въ обоихъ случаяхъ пользуется отпускомъ провіанта сполна опредѣленнымъ пайкомъ". Изъ этого разряда воздержныхъ назначаются надзиратели по разнымъ цехамъ. Ссыльно-рабочіе этого разряда, какъ пріобрѣвшіе право на снисходительное вниманіе начальства къ лучшему устройству ихъ быта, увольняются въ страдное (рабочее) время для полевыхъ работъ, смотря по мѣрѣ надобности, для заготовленія корма скоту и уборки лѣса. Сверхъ того, дабы болѣе исправить ихъ нравственность и укоренить благонравіе тѣхъ изъ этого разряда, которые отличаются своимъ поведеніемъ, будутъ подавать примѣръ своимъ сотоварищамъ, предоставляется управляющему право (на основаніи утвержденной для него инструкціи и высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 10-й день октября 1821 г.) исключать изъ ссыльныхъ и помѣщать

въ мастеровые, производя въ подмастерья и мастера, если искуствомъ своимъ сдѣлаются того достойными, съ распространеніемъ на нихъ и дѣтей ихъ всѣхъ правъ, мастеровымъ присвоенныхъ. И чтобы отличить этотъ разрядъ самымъ наружнымъ видомъ, то немолодымъ изъ нихъ дозволяютъ носить бороды. „За прожитіе на заводѣ совершенно безпорочно, съ должнымъ прилежаніемъ къ работѣ и покорностью къ начальству, ссыльно-рабочимъ прибавляется, сверхъ положеннаго плаката, по роду работъ, ежемѣсячно: проведшимъ пять лѣтъ—по 50 коп., проведшимъ 10 лѣтъ—по 1 руб. и за 15 лѣтъ выпущать ихъ на собственное пропитаніе. Воздержные получаютъ плакатъ на руки, другая же половина поступаетъ въ сохранный артельный капиталъ, которому ведется отчетная книга".

Тѣ рабочіе, которые въ разрядѣ испытующихся окажутся „нравственности неблагонадежной, поведенія недобропорядочнаго и сомнительнаго, склонны къ побѣгу и замѣчены въ нерадѣніи къ устройству своего быта", образуютъ третій разрядъ, которому оффиціальное предписаніе даетъ названіе невоздержныхъ. Невоздержными называются всѣ тѣ рабочіе, которые выпущены послѣ наказанія за побѣги, воровства, драки и прочія не уголовныя преступленія, оканчиваемыя наказаніемъ по полицейскому разбирательству. Въ разрядъ невоздержныхъ поступаютъ и тѣ, которые исключены изъ разряда воздержныхъ за проступки, „замѣченные неоднократно въ невоздержности отъ пьянства, ссоръ, дракъ и грабежей", и тѣ ссыльно-каторжные, которые присылаются въ заводы впредь до полученія справокъ, и тѣ, наконецъ, ссыльные, которые сдѣлали въ Сибири преступленія, какъ изъ поселенцевъ, такъ и изъ рабочихъ, находящихся въ другихъ заводахъ. Невоздержные содержатся въ казармахъ скованными и также получаютъ содержаніе въ артели. Право отдыха имѣютъ они только въ высокоторжественные табельные дни. Тѣ изъ нихъ, которые „совершенно погасили послѣднюю искру совѣсти, истребили не только желаніе, но даже и намѣреніе къ исправленію, дѣлали вторичные изъ заводовъ побѣги, замѣчены неоднократно въ воровствахъ, мошенничествѣ, обманахъ, въ подговариваньи другихъ къ побѣгамъ и подобныхъ пакостяхъ,—словомъ, по распутству своему не подающіе никакой надежды къ обузданію", образуютъ четвертый разрядъ заводскихъ ссыльно-рабочихъ, разрядъ неисправимыхъ.

Неисправимые содержатся также въ казармѣ и въ особой артели и также, наравнѣ съ невоздержными, скованы, но съ тою разницею, что, для предупрежденія побѣговъ, ихъ обязали замыкать на ночь. Головы этихъ ссыльныхъ на половину должны быть выбритыми; на работу выводятся они не иначе, какъ за военнымъ карауломъ. Мѣрою исправленія для нихъ полагаются кандалы, которыя они должны носить полгода (тогда какъ невоздержные носятъ ихъ только два мѣсяца).

Оба эти разряда, невоздержныхъ и неисправимыхъ, не получаютъ въ собственное распоряженіе изъ плаката ни копейки; заработки ихъ записываются въ особую шнуровую книгу и истрачиваются смотрителемъ на одежду для нихъ. Неисправимые только черезъ годъ, при хорошемъ поведеніи, имѣютъ право поступать въ разрядъ испытующихся; въ противномъ случаѣ, управляющіе заводами имѣютъ право (не испрашивая даже позволенія губернскаго начальства) отсылать неисправимыхъ въ нерчинскіе горные заводы.

Время содержанія въ нерчинскихъ рудникахъ (а стало быть и въ тамошнихъ заводахъ) постановлено сводомъ законовъ въ слѣдующей подробности. Безсрочные арестанты (перваго разряда) должны пробыть въ тюрьмѣ 8 лѣтъ; присужденные къ работамъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ (1-го разряда) живутъ въ тюрьмѣ четыре года; назначенные на срокъ отъ 12 до 15 лѣтъ (2-го разряда)—въ тюрьмѣ два года; каторжные третьяго разряда (отъ 6 до 8 лѣтъ) живутъ въ тюрьмѣ полтора года; осужденные на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ—въ тюрьмѣ живутъ годъ. Подающіе въ теченіи этого времени надежду на исправленіе поведеніемъ своимъ и трудолюбіемъ, перемѣщаются въ разрядъ исправляющихся и находятся уже подъ полицейскимъ присмотромъ. Ссыльно-каторжные перваго разряда черезъ три года, а третьяго разряда черезъ годъ послѣ поступленія въ разрядъ исправляющихся, могутъ, съ разрѣшенія горнаго начальства или казенной палаты, получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатѣ заводскихъ мастеровыхъ. Могутъ даже построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу и вступить въ бракъ (но оба эти дозволенія красивы только на бумагѣ, но не на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи).

Тюремный надзоръ обусловленъ также особыми правилами и предписаніями, которыя, въ главныхъ своихъ чертахъ, сопровождаются слѣдующими подробностями на бумагѣ и отчасти на дѣлѣ:

„По прибытіи на заводъ, ссыльные, долженствующіе поступить въ извѣстные разряды и содержаться въ острожныхъ казармахъ, принимаются во всякое время, какъ днемъ, такъ и ночью, не исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней". То же самое, разумѣется, и о тѣхъ ссыльныхъ, которые, проживая на заводѣ, внѣ острога, по распоряженію заводскаго начальства должны поступить въ острогъ. Пріемъ производится при караульномъ офицерѣ или унтеръ-офицерѣ смотрителемъ острога, который записываетъ въ шнуровую книгу

число и время поступленія, имя и прозваніе ссыльнаго, разрядъ его, отъ кого присланъ и по какому преступленію или изъ партіи, примѣты его, собственныя вещи и деньги, отбирая ихъ отъ ссыльнаго, буде находятся. По пріемѣ врачъ свидѣтельствуетъ тогда же или непремѣнно на другой день. Въ случаѣ болѣзни, ссыльный отсылается въ больницу. Свидѣтельства врача записываются въ книгу. „Число находящихся въ острогѣ людей, какъ закованныхъ, такъ и безъ оковъ, должно быть вполнѣ извѣстно караульному офицеру. Деньги, отобранныя у арестантовъ, записываются въ книгу; ссыльный, хозяинъ ихъ, если грамотный, подписывается. Принятыя деньги запечатываются въ пакетъ, который, вмѣстѣ съ другими, хранится въ заводской кладовой, а прочія вещи—въ кладовой при острогѣ, въ общемъ ларѣ или сундукѣ“. Ключи отъ всего этого, а также припасы и прочее, приготовляемое на счетъ артельной суммы (какъ обувь и одежда) и на счетъ сохраннаго капитала, хранятся у смотрителя острога. „Когда ссыльный долженъ выбыть вовсе изъ острога, по переводѣ въ высшій разрядъ или, по заслуженному довѣрію, для житья на квартирѣ, слѣдующія ему по разсчету деньги выдаются на руки. Ссыльные въ острогѣ размѣщаются сколько возможно безъ тѣсноты, а подсудимые или присужденные по какому либо наказанію отсылаются изъ острога на заводскую гауптвахту. Часовые въ острогѣ не должны стоять внутри комнатъ, но въ дверяхъ, коррндорахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ окажется удобнымъ, и чтобы они всегда имѣли въ виду ссыльныхъ“.

Въ острогѣ „не дозволяется имѣть бумагу, чернила, карандаши и т. п. и писемъ отъ нихъ не принимать, не дозволяя и получать таковыя. Не дозволять игры въ карты, въ шашки, кости и никакія другія; также не дозволять играть ни на какихъ инструментахъ. Строго запрещается курить табакъ. Всегда запрещаются всякаго рода рѣзвости, произношеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольства, ссоръ, разговоровъ, соблазнительныхъ пѣсенъ, хохота и т. п. Виновнаго смотритель отдѣляетъ отъ другихъ въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно, на хлѣбъ и воду“.

Рисуя этими подробностями отчасти бытовую сторону тюремной жизни, предписанія и предначертанія начальства дальше идутъ въ сторону отъ предписаній, смыслъ которыхъ истекаетъ изъ законоположеній. Выходя на собственную дорогу, предполагающую практическую подготовку, предначертанія ихъ являются уже самостоятельными, заключаютъ въ себѣ интересъ практическій. При внимательномъ изслѣдованіи мы видимъ совсѣмъ другое. Какъ бы отыскавъ въ своихъ воспоминаніяхъ, нашупавъ въ своихъ представленіяхъ знакомые образцы, начальство тюремное не задумалось, по милымъ образцамъ корпуснаго дѣтства, рисовать дальше наивныя картины тѣхъ же порядковъ, какіе введены во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько правила эти ушли отъ практическаго примѣненія, мы знаемъ изъ второй главы этого тома. Насколько они не замысловаты и красиво приглажены на бумагѣ, но безжизненны и недѣйствительны, увидимъ сейчасъ.

Предписывая „ссыльнымъ брить бороды черезъ инвалиднаго цирюльника, также волосъ длинныхъ не запускать, а стричь ихъ, по обыкновенію, пристойно, по солдатски, а подозрительнымъ и склоннымъ къ побѣгамъ брить половину головы“, мѣстное начальство въ дальнѣйшемъ теченіи предначертаній впадаетъ въ идиллію и пишетъ такія картины: „Ссыльные въ острогѣ встаютъ поутру, лѣтомъ и зимою, за часъ до пробитія звонка, призывающаго на работу. Караульный офицеръ, вмѣстѣ съ острожнымъ смотрителемъ и нарядчикомъ, идутъ по камерамъ и дѣлаютъ перекличку. Вставшій ссыльный, умывшійся и спрятавшій койку подъ нары, чешется; комнаты метутся. Когда послѣднія будутъ выметены и вычищены, читается внятно, во всеуслышаніе, утренняя молитва, и всѣ ссыльные должны стоять смирно, не разговаривать и ни подъ какимъ предлогомъ не лежать .при этомъ. По совершеніи молитвы дается завтракъ, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, на первой и на Страстной недѣлѣ и, вообще, въ продолженіи Великаго поста по средамъ и пятницамъ. Какъ колоколъ возвѣститъ время работъ, нарядчикъ объявляетъ нарядъ по работамъ, кто чѣмъ долженъ заниматься во время дня, для чего ссыльные выводятся во дворъ острога, гдѣ вновь производится перекличка при военномъ караулѣ. Скованные отдаются конвойнымъ, нескованные сдаются на руки десятникамъ и потомъ отправляются на работы мѣрнымъ шагомъ, по три въ рядъ: караульные впереди, позади и по сторонамъ, въ приличномъ разстояніи; военные съ заряженными ружьями, а десятники съ палками“.

Таково начало этой тюремной эпопеи во вкусѣ всяческихъ плацовъ и всякихъ корпусовъ и пансіоновъ. Отступленій почти нѣтъ. Нить повѣствованія порвалась два раза: въ первый для того только, чтобы сказать, что „на дворѣ нельзя терпѣть сору, а нужно выметать оный, выносить и сваливать на отведенное нарочно для сего мѣсто“. Во второй разъ оборвалась повѣствовательная нить ради слѣдующаго: „часто ссыльные, пользуясь ночнымъ временемъ, употребляютъ оное для злыхъ замысловъ. Дабы воспрепятствовать сему, острожный смотритель почасту обязанъ, въ ночное время, по нѣскольку разъ осматривать комнаты ссыльныхъ“.

Затѣмъ снова идетъ потокъ порядковъ въ

такихъ выраженіяхъ: „Когда звонъ колокола извѣститъ обѣденное время, каждый долженъ сдать приставникамъ инструменты счетомъ и тѣмъ же порядкомъ (т. е. по три въ рядъ) отправляются въ острогъ, гдѣ строго дѣлается перекличка, и, послѣ молитвы, всѣ садятся за столъ обѣдать, благопристойно и не разговаривая между собою. Послѣ обѣда читается благодарственная молитва и допускается отдохновеніе. Когда пройдетъ часъ отдохновенія, тогда повѣщается о томъ колоколомъ". Для вечера тотъ же порядокъ: „По окончаніи ужина, спустя полчаса и когда со столовъ уберется посуда и прочее, караульный офицеръ дѣлаетъ перекличку. Въ камерахъ огонь долженъ быть до тѣхъ поръ, пока не запрутъ всѣхъ по вечерней перекличкѣ, и послѣ зари и по выходѣ изъ комнатъ надзирающихъ за ссыльными ни подъ какимъ видомъ огня въ комнатахъ не оставлять".

Послѣ всего, уже сказаннаго нами прежде, мы считаемъ излишнимъ для себя и читателей нашихъ говорить о томъ, насколько не похожа картина, нарисованная на бумагѣ, на ту, которая невозможна при существующихъ порядкахъ тюремныхъ на дѣлѣ. Сильно ошибется тотъ, кто найдетъ въ прописанныхъ порядкахъ какое нибудь сходство съ тѣми, которыми хвалятся и славятся тюрьмы улучшенныхъ системъ (пенитенціарной—съ обѣтомъ молчанія, и пенсильванской—одиночнаго заключенія). Призрачное сходство въ началѣ можетъ привести на этотъ разъ развѣ только къ тому заключенію, что и мы не прочь похвастаться тамъ, гдѣ этого желаютъ и требуютъ. На самомъ же дѣлѣ, на всѣхъ затѣяхъ лежитъ печать худо скрытой непрактичности во всѣхъ дѣлахъ, явная безплодность начинаній, способная довести до отчаянія, но доводящая только до равнодушія. Отъ него-то и проистекаетъ цѣлый рядъ безплодныхъ мѣръ и цѣлая цѣпь недоразумѣній, крупныхъ ошибокъ и повсемѣстныхъ неудачъ. Послѣдуемъ за разсказчикомъ далѣе.

„Конвойные обязаны наблюдать, чтобы ссыльные не учинили утечки, не просили по улицамъ милостыни, не останавливались для сего противъ домовъ, не заходили ни въ какія публичныя мѣста, не позволять имъ въ пути пить вино, не дозволять принимать ни отъ кого изъ проходящихъ какія бы ни было вещи или оружіе. Въ праздничные дни и въ воскресные, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько человѣкъ, по очереди, должны собираться въ церковь, подъ присмотромъ караула. Ворота острога во всякое время бываютъ заперты, но когда приходятъ въ острогъ чиновники и другіе имѣющіе на то дозволеніе или же когда приводятся ссыльные, то обо всякомъ приходящемъ дается знать караульному унтеръ-офицеру, который потомъ отпираетъ ворота и впускаетъ пришедшаго; если посторонній, то осматриваетъ, не имѣетъ ли при себѣ какихъ вредныхъ орудій. Впрочемъ, послѣ зари отнюдь ворота не отпираются ни для кого, кромѣ острожнаго надзирателя. Посѣщеніе посторонними ссыльныхъ въ казармахъ дозволяется не иначе, какъ при острожномъ смотрителѣ и воинскомъ караулѣ, которые должны наблюдать, чтобы, подъ видомъ свиданія, не было проносимо вина, пищи, платья, писемъ, орудій и т. п.".

Настоящая тюремная жизнь ведетъ свои порядки и выработала особые законы.

Счастливые и умѣлые ссыльные искали утѣшенія и воли въ бѣгахъ; несчастные и меньше опытные оставались въ рукахъ начальства, подчиняясь различнымъ опытамъ исправленія. Нерчинскія тюрьмы для неисправимыхъ предлагали крутыя, рѣшительныя мѣры. Мѣры эти оставлены были тамъ во время нашего посѣщенія, а потому, пользуясь случаемъ, скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ. Приковка къ тачкѣ и къ стѣнной цѣпи—вотъ пока тѣ средства исправленія, которыя придуманы были въ самыхъ строгихъ и самыхъ крайнихъ мѣстахъ ссылки и заточенія. Второе наказаніе обусловлено, сверхъ того, необходимостью одиночнаго заключенія, столь ненавидимаго русскими преступниками, по замѣчаніямъ всѣхъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу. Когда пронесся объ этой мѣрѣ слухъ по Сибири, всѣ ссыльные пришли въ ужасъ.

Приковываютъ на цѣпь обыкновенно на пять лѣтъ, но бывали случаи и десятилѣтняго заточенія.

Такъ, напр., по отчетамъ Петровскаго завода, видно, что въ 1851 году тамъ было четверо прикованныхъ на десять лѣтъ, хотя приковывали обыкновенно по положенію на пять лѣтъ. Всѣхъ прикованныхъ тамъ было: въ сентябрѣ 1851 года 15 человѣкъ такихъ, которые успѣли уже посидѣть на цѣпи въ Минусѣ, Енисейскѣ и Красноярскѣ. 30-го ноября 1851 года цѣпныхъ было 12-ть человѣкъ и между ними мужъ съ женою за смертоубійство. Женѣ, не имѣвшей одежды, выдали рубаху и юбку (холщевыя), чарки и платье, хотя забайкальское областное правленіе и рѣшило выдать имъ только нижнее платье, „ибо-де оно одно только и необходимо". У нихъ въ Газимурскомъ селеніи жила дочь. Прикованные супруги просили милости перевезти ихъ изъ Петровскаго завода ближе къ дочери, именно въ Акатуй; дозволили. На время пути (9 дней) положили выдать по 63 копейки ($3^1/_2$ копейки въ сутки) на каждаго. Акатуй спеціально предназначался впослѣдствіи для таковыхъ несчастныхъ. Въ утѣшеніе сострадающимъ участи ихъ сохранилъ онъ преданіе о первомъ приставѣ этого рудника. Приставъ, говорятъ, спускалъ своихъ цѣпныхъ съ цѣпи погулять недѣли на три на четыре и они, возвратившись, аккуратно вносили половину добычи. Кто не исполнялъ заказа, того приставъ са-

жалъ въ подземелье собственной квартиры (и подземелье показывали).

Люди эти въ работу не употребляются. Какъ великой милости, просятъ они, во время заточенія, награды подышать свѣжимъ воздухомъ, хотя бы и съ приправою самой трудной и тяжелой работы. Освобожденные по истеченіи положеннаго срока отъ содержанія на цѣпи (приколачиваемой къ стѣнѣ) или отъ тачки на всю жизнь затѣмъ содержатся въ острогѣ въ вѣчныхъ ножныхъ кандалахъ. Заключенные въ ножныя желѣза, они также не употребляются въ работы. Какъ милость позволяютъ имъ копаться въ огородахъ каземата или дѣлать что нибудь внѣ камеры, и притомъ въ то время, когда всѣ другіе уведены на работы. Иногда содержаніе на цѣпи пробовали замѣнять заключеніемъ въ темной комнатѣ, но арестованные просились на цѣпь. Статейные списки людей этихъ обыкновенно наполнены всякаго рода преступленіями, гдѣ убійства по нѣсколько разъ перемѣшаны съ побѣгами, разбоями, кражами, перемѣною имени и тому подобнымъ. Содержаніе таковыхъ казнѣ обходилось дешевле, чѣмъ содержаніе всѣхъ другихъ арестантовъ, сколько и потому, что имъ выдавали только нижнее платье, столько же и потому, что пища полагалась имъ скуднѣе, въ уменьшенной пропорціи. Такъ, напр., въ Акатуѣ положено было выдавать въ сутки каждому по $2^1/_2$ фунта печенаго хлѣба, раздѣляя его на части: къ завтраку, обѣду и ужину. Цѣлой порціи давать вдругъ не велѣно. Вмѣсто приварка и для питья выдавали только одну воду. По разсчету, сдѣланному въ 1847 г., каждый такой арестантъ обходился казнѣ въ годъ 43 руб. 68 коп. сер. *), считая въ томъ числѣ цѣпь, освѣщеніе, мыло, мытье бѣлья, дрова, кромѣ расходовъ на военную команду. Содержаніе это производилось, большею частью, на счетъ губернской, а не заводской казны, а заводы принимали ихъ къ себѣ только въ такомъ случаѣ, когда имѣлся свободный казематъ. Часто, впрочемъ, отказывали, а потому рѣдкая изъ сибирскихъ тюремъ (и въ особенности тобольская) не имѣла при стѣнахъ своихъ подобнаго рода несчастныхъ. Акатуйская тюрьма (изъ нерчинскихъ), при рудникѣ этого имени, долго имѣла своею исключительною спеціальностью помѣщеніе арестантовъ подобнаго рода. Тамъ замѣченныхъ въ дурныхъ поступкахъ сажали въ отдѣльную комнату. Для исполненія церковнаго обряда исповѣди и св. причастія иногда ихъ отковывали, иногда нѣтъ; а иногда, и весьма нерѣдко, арестантамъ въ этомъ отказывали. Цѣпь обыкновенно дѣлалась въ три аршина длиною, изъ звеньевъ одинаковой величины съ ножными кандалами, вѣсомъ вся въ $5^1/_2$ фунтовъ. Въ Петровскомъ заводѣ арестанты обыкновенно отходили на всю длину цѣпи, которая давала имъ возможность класть шею на порогъ двери и выставлять голову въ корридоръ. А такъ какъ цѣпные помѣщены были въ то время въ опустѣлыхъ казематахъ, выстроенныхъ для декабристовъ, гдѣ нѣсколько комнатъ выходило въ корридоръ, то эти цѣпные придумали на бездѣльѣ развлеченіе. Одинъ разсказывалъ сказки, остальные его слушали; затѣмъ начиналъ другой, третій и т. д., по очереди. Лишенные этого права, особенно содержавшіеся въ акатуйской и другихъ нерчинскихъ тюрьмахъ, въ тоскѣ одиночества устремляли обыкновенно главное вниманіе свое на казематъ. Комнаты ихъ поражали необыкновенною опрятностью и поразительною чистотою: нары, стѣны, полы, самая цѣпь были вычищены, вымыты, выскоблены, нерѣдко разрисованы. Одинъ арестантъ всю одежду свою разшилъ кантиками и шнурками чрезвычайно прихотливо и замысловато, на манеръ гусарскихъ мундировъ. Нѣкоторые просили себѣ пѣтуха, кошку и считали для себя самымъ жестокимъ и сильнымъ наказаніемъ, когда за какую нибудь провинность отнимали у нихъ этихъ пернатыхъ и мохнатыхъ товарищей-благодѣтелей. Вообще, замѣчено было при этомъ, что тоска одиночества и безвыходность заточенія порождала въ заключенныхъ небывалыя до того способности: многіе выучивались шить, дѣлались сапожниками, рѣзчиками. Одинъ изъ прикованныхъ къ тачкѣ съумѣлъ такъ ее раскрасить и разукрасить разными фигурами, что приводилъ многихъ въ изумленіе, но затѣмъ, при всякомъ появленіи главнаго заводскаго начальства, съ горькими мольбами, съ непритворными слезами на глазахъ, неотступно и отчаянно просилъ отковать отъ красивой тачки, приговаривая:

— До того надоѣла, напротивѣла она мнѣ, что глаза бы мои на нее не глядѣли! Тошнитъ даже!

Случаи конечныхъ помѣшательствъ были, судя по отчетамъ, рѣдки, а случаевъ самоубійствъ хотя и насчитывается за все время двадцати лѣтъ немного, но за то въ архивѣ нерчинскаго Большого завода сохранилось много указаній на покушенія: цѣпные доставали острое оружіе, ножи и проч. и порывались зарѣзаться. Между прочимъ сохранился слѣдующій актъ.

Прикованнымъ въ Акатуевскомъ рудникѣ на стѣнную цѣпь давали положенные въ сутки $2^1/_2$ ф. печенаго хлѣба и воду вмѣсто приварка и для питья. При этомъ велѣли наблюдать, какое вліяніе заточеніе это „будетъ имѣть на умственное состояніе (душевныя силы) и на физическое состояніе (тѣлесныя силы)“. Вскорѣ донесено было, что ссыльные, прикованные къ стѣнѣ, въ силахъ и духомъ замѣчательно ослабѣваютъ. „Не имѣя движенія, у нихъ на лицѣ

*) Имъ полагалось два чарка (обуви), 2 аршина холста на онучи, шинель сермяжная, двѣ холщевыхъ рубашки, двое портокъ и провіанту по $1^1/_2$ пуда въ мѣсяцъ.

сдѣлалась блѣдность; по временамъ чувствуютъ во внутренностяхъ одувъ и давленіе, а потомъ колотье; произносятъ слабый органъ голоса (?) и при проходѣ, сколько цѣпь позволяетъ, дѣлается головокруженіе". Опытъ подобнаго рода производимъ былъ въ теченіи двухъ лѣтъ, 1847 и 1848, и въ показаніяхъ врачей слышался все одинъ и тотъ же отзывъ, т. е., что прикованные въ силахъ слабѣютъ.

Лиса—желѣзная полоса въ 1½ пуда вѣсомъ, надѣваемая къ рукамъ для того, чтобы цѣпной не могъ ходить по своей конурѣ, полагается самою высшею, конечною и послѣднею мѣрою наказанія, равносильнаго европейской висѣлицѣ. Люди, подвергшіеся наказаніямъ этого рода, весьма рѣдко выходили на свободу впослѣдствіи, и только нѣкоторымъ удавалось, черезъ долгую и длинную градацію смягченій, доходить до вожделѣннаго званія испытующихся.

Акатуй для цѣпныхъ и секретныхъ выбранъ былъ не даромъ, сосредоточивали ихъ здѣсь не безъ задней мысли: мрачнѣе этой мѣстности нѣтъ уже другой во всемъ Забайкальѣ. На Аленуѣ кончается долина Газимура, начинается другая, принадлежащая какой-то рѣчкѣ, которой даже и имени не дано. Горы заслоняютъ эту долину съ обѣихъ сторонъ, но горы эти безжизненны и однообразны до тоски. На дорогѣ деревушка Кукуй. При выѣздѣ изъ нее дорога въ гору, съ которой чернѣется съ юга и востока цѣлый лабиринтъ черныхъ и синихъ горъ, съ накинутымъ на ихъ могучія плечи чернымъ плащомъ, представляемымъ густыми лѣсами, покрывающими покати и подошвы. Въ долинахъ господствуетъ гробовая тишь и мракъ; на горахъ то и дѣло глазъ встрѣчаетъ мертвые голыши, охотливо являющіеся на смѣну лѣсной растительности. Горы то одиноко водружены въ дно долинъ, то цѣпляются другъ за друга рядами, очень рѣдко пересѣкаемыми новыми долинами. Вдали ряды горъ кажутся безконечными и видимыя глазу представляются уже бѣлымъ облакомъ. Не мелькаетъ птица, не слыхать звѣринаго голоса, не видать нигдѣ ни креста, ни избы. Съ горы опять спускъ въ долину, похожую на всѣ остальныя, затѣмъ въ третью, также не оживленную ни встрѣчнымъ человѣкомъ, ни случайною избушкою. Опять подъемъ на гору и только уже съ этой горы глазъ примѣчаетъ селеніе, но не видитъ ни трубъ, ни дыму. Новая гора заслоняетъ видъ, начинающій веселить и радовать, и только съ этой третьей спопутной горы становится виднымъ въ глубокой, мрачной и тѣсной долинѣ кладбище съ деревянными крестами на пригоркѣ - подушечкѣ. За кладбищемъ вытягиваются двѣ длинныя улицы съ почернѣлыми и погнившими избенками и клѣтями. За селеніемъ одиноко стоитъ знаменитая, страшная даже въ Сибири—тюрьма Акатуй.

Акатуйскій рудникъ, первый, открытъ въ 1815 году при кряжѣ, раздѣляющемъ рѣки Газимуръ, Унду и Ононъ-Борзя въ отрогѣ горъ, отдѣлившемся отъ него и проходящемъ на юго-востокъ, между источниками Акатуемъ и Кунгужею. Гора, заключающая мѣсторожденіе, довольно крута, и покрыта лѣсомъ. Въ ней, въ известнякѣ, заключена серебряная жила, весьма убогая свинцомъ. Руды акатуевскія настолько сухи, что для извлеченій металла подспаривались богатыми Култуминскими. Впослѣдствіи открыты были поверхностныя руды и въ руднике (первомъ) углублена Златоустовская шахта на 7 саженъ и Благодатская на 9½ саж. Во второмъ акатуевскомъ рудникѣ, открытомъ въ 1822 году, углублена была третья шахта—Тимофеевская. При выломкѣ мягкихъ и сплошныхъ рудъ употребляли кайла, во всѣхъ же пріискахъ добыча съ жильною породою была кайловая же, но производилась съ помощью пороха. Въ зимнее время сюда присылались ссыльно-рабочіе люди изъ заводовъ Александровскаго и Газимурскаго: Акатуй нѣкогда подавалъ большія надежды. Онъ лежитъ на той возвышенности, которая составляетъ высочайшую точку рудоносной части Нерчинскаго округа и даетъ начало тремъ рѣкамъ: Ундѣ, Газимуру и Ононъ-Борзѣ.

При этомъ рудникѣ въ послѣднее время выстроена новая каторжная тюрьма. Она начата постройкою въ 1882 г., но вскорѣ работа была пріостановлена, въ 1886 возобновлена и къ 1889 г., была готова на 250 преступниковъ. Общая стоимость постройки, произведенной хозяйственнымъ способомъ, трудомъ арестантовъ, обошлась въ 39 тыс. руб. (по смѣтѣ исчислено было 89.500 руб.). До серебро-свинцоваго рудника около версты.

Такая же новая тюрьма построена на устьѣ Кары, начатая около 12 лѣтъ тому назадъ, но приведенная въ настоящій видъ лишь въ 1882 г. на 240 человѣкъ (иногда содержится и болѣе). Точно также возстановлены работы и выстроены каторжныя тюрьмы при рудникахъ: Горномъ Зерентуѣ, Савинскомъ, Кадаинскомъ, Алгачинскомъ, Мальцевско-Кильгинскомъ, Кличкинскомъ, Трехсвятительскомъ и при Кутомарскомъ серебро-плавильномъ заводѣ. Въ Горномъ Зерентуѣ—тюрьма самая обширная (болѣе 300 чел.). Строилась она трудомъ арестантовъ съ 1877 г. по 1889. Урокъ имъ разсчитывался въ ⅔ урочнаго положенія. За выполненіе его мастеровымъ назначается 10% вольнонаемной платы и сверхъ того, въ 4 лѣтніе мѣсяцы, выдается усиленное пищевое довольствіе. При тюрьмѣ лазаретъ на 40 кроватей.

Кромѣ цѣпныхъ. бывали еще такъ называемые секретные арестанты. Этихъ содержали въ особыхъ чуланахъ. Надзоръ за ними былъ необыкновенно строгъ; случалось кому заболѣть

и приставы отправляли ихъ изъ состраданія въ госпиталь, но высшее начальство давало приставамъ сильнѣйшій выговоръ съ прописскою въ формуляры и приказывало больныхъ возвращать въ чуланъ и лечить ихъ тамъ. Одинъ секретный попробовалъ выдти изъ госпиталя и побродить въ цѣпяхъ по улицамъ, велѣно за то приковать его къ стѣнѣ на цѣпь. Другого выпустили изъ каземата въ казарму служителей поиграть въ кости, виновнаго часового солдата били за пропускъ плетьми и велѣли написать вѣчно въ работу, хотя солдатъ и клятвенно свидѣтельствовалъ, что „выпустилъ съ простоты, взятки не бралъ и между игравшими никакихъ безпорядковъ не происходило". Солдатъ былъ наказанъ, не смотря на то, что ближайшее начальство оправдало его тѣмъ, что солдату-де „усмотрѣть за ними хитро, ибо онъ бываетъ больше въ посылкахъ, нежели при заводѣ, отчего ему и невозможно помнить всѣ тюремныя положенія".

Существованіе кругового кредита и взаимнаго довѣрія, закрѣпленныхъ такими же неразрывными связями узничества и обусловленныхъ одинаковостью положенія, какія понятны только въ тюрьмахъ и ссылкѣ, а также дешевизна и обиліе строительныхъ матеріаловъ и, главное, бережливость, умѣющая и въ заточеніи копить деньги, помогаютъ иногда, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, ссыльному, выпущенному изъ тюрьмы, обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, хозяйство это почти только призрачное и возможность житейскаго обезпеченія далека отъ существенности. Тѣмъ не менѣе, всѣ селенія ссыльныхъ примѣтно застроены, всѣ тюрьмы каторжныя окружены большимъ количествомъ домовъ, множествомъ улицъ. Большой Нерчинскій заводъ—цѣлый городъ, передъ которымъ городъ Нерчинскъ уступаетъ въ величинѣ и населенности. Хорошаго и сильнаго соперника этому городу мы встрѣчаемъ даже въ Петровскомъ, Александровскомъ и Усольскомъ заводахъ. Городъ Селенгинскъ гораздо меньше любого изъ промысловъ карійскихъ. Каждый изъ Нерчинскихъ заводовъ (Кутомарскій, Зерентуйскій, Благодатскій и друг.) представляютъ людныя селенія, съ которыми мудрено спорить любой изъ большихъ казачьихъ деревень. Правда, что селенія эти непрочны, жильцы ихъ ненадежны и искуственно вызванныя селенія эти все-таки не прибавляютъ цвѣта сибирской колонизаціи и не увеличиваютъ мѣстнаго населенія въ желаемой степени, какъ увидимъ впослѣдствіи. Но правда, что строенія этихъ казенныхъ мѣстъ ссылки ветхи и печальны наружнымъ видомъ своимъ и, какъ полузабытыя птичьи гнѣзда, полураскрытыя и покинутыя звѣриныя норы, приводятъ всякаго свѣжаго человѣка въ уныніе и наводятъ тоску. Тѣмъ не менѣе, строеній этихъ очень много. Настойчиво лѣпятся они по окольнымъ горамъ, устойчиво застаиваются въ падяхъ, распадкахъ и оврагахъ этихъ каменныхъ, богатыхъ рудами горъ. Нѣтъ между ними пустыхъ; рѣдкій изъ нихъ не набитъ до возможной тѣсноты жильцами изъ несчастныхъ. Несчастье и круглая бѣдность—неизбѣжные сосѣди этихъ жилищъ и непремѣнные гости каждаго изъ нихъ. Въ рѣдкомъ изъ домовъ не живутъ эти обычные и тяжелые гости и, во всякомъ случаѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ и, по преимуществу, съ тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли обсемеиться, сдѣлаться окончательно осѣдлыми, ради дѣтей и собственности. Для людей этихъ окончательно заросла дорога къ побѣгамъ вдаль; но къ преступленіямъ мелкимъ и проступкамъ невольнымъ остаются на этомъ пути проходы и обходы и бываютъ иногда лазейки и выходы. „Безнадежная бѣдность,—сказалъ одинъ французскій криминалистъ:—такъ же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство презирать его". Примѣняя этотъ выводъ къ тѣмъ изъ ссыльныхъ, которые прошли черезъ тюрьмы, этапы и каторгу и которые выселяются въ дома около заводскихъ и промысловыхъ мѣстъ заточенія, мы не удивляемся, если встрѣчаемъ вездѣ особые кварталы, носящіе названіе Теребиловокъ, Юрдовокъ, Слободокъ, Кукуевъ и проч.

Кварталы эти или слободки такъ же неизбѣжны и такъ же необходимы для всякаго заводскаго и промысловаго селенія, какъ для каждаго большого города слободы солдатскія, архіерейскія, стрѣлецкія и проч. Здѣсь селится крайняя бѣдность, въ дешевыхъ и старыхъ домахъ; сюда идетъ жильцомъ всякій и всякая, кому незнакомъ прямой и честный трудъ, для которыхъ легкія, хотя и рискованныя работы—самое любимое и знакомое средство для пропитанія. Здѣсь помѣщается явный развратъ и темный промыселъ, направленный на пріобрѣтеніе чужой собственности. Бродяги и мелкіе мошенники—обитатели этихъ подгорныхъ слободъ въ Россіи; арестанты, выпущенные на пропитаніе—жильцы этихъ, на половину врытыхъ въ землю и обмазанныхъ глиною лачугъ, какія во множествѣ группируются на выѣздахъ изъ казенныхъ заводскихъ селеній. **Юрдовками** называются эти притоны (для игръ въ юрдовку и др.) въ селеніяхъ Карійскихъ золотыхъ промысловъ и въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. **Теребиловкою** называется такая же слободка въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ.

„Существуетъ и у насъ такое мѣсто,—увѣряли меня въ иркутскомъ Усольѣ:—сюда всякій житель подбирается ужъ такой"...

Такой житель, обыкновенно, женится при первой возможности, порывисто и безразсчетно, долго надъ этимъ не задумываясь. Если неохотно и почти никогда не пойдетъ за ссыльнаго дочь вольнаго человѣка, т. е. казака или

крестьянина-старожила, то ссыльно-каторжная женщина, пришедшая въ заводъ, охотно бросается на шею первому, предложившему ей руку и сердце. Она съ большою охотою выходитъ замужъ за того, который живетъ не въ тюрьмѣ, а на пропитаніи или поселеніи. Становясь женою, ссыльная дѣлаетъ двойную услугу: съ одной стороны, приковывая мужа къ обогрѣтому мѣсту, она, насколько можетъ и умѣетъ, заметаетъ ему путь къ побѣгу и крупному преступленію. Съ другой стороны, сама освобождается отъ оковъ и, поселившись въ теплой до духоты избѣ, забываетъ о побѣгѣ и бродяжничествѣ по морозамъ, дождямъ и грязи *). Вѣрность супружескому ложу не составляетъ для ссыльной женщины добродѣтели, не входитъ въ кругъ ея завѣтныхъ обязанностей, не вынесена ею изъ прошлой жизни и, въ особенности, изъ недавней на этапахъ и не вошла въ ея убѣжденіе, какъ незыблемое и неподкупное начало. Мужу до дѣлъ жены нѣтъ нужды, у мужа свои дѣла, радіусы которыхъ всѣ сходятся на одномъ пунктѣ—пріобрѣтеніи средствъ къ жизни. Если жена стремится къ той же практической цѣли, то она и права и свободна, и бита бываетъ только подъ пьяную руку, по одному капризу, изъ одного желанія напомнить ей о подчиненности. Понятіе объ этой подчиненности безразлично, безсознательно и лишнее бремя тамъ, гдѣ существуютъ иные законы, выработывались иные нравы, непонятные для жителей правильно организованныхъ мѣстъ.

Теребиловскій житель, котораго счастье и случай вывели изъ тюрьмы на свое пропитаніе, не задумывается искать средствъ къ этому тамъ, гдѣ ему легче это сдѣлать, гдѣ всѣ пути ему привычны и извѣстны до подноготной. Въ теребиловку идетъ всякій, кому хочется попытать счастья въ большой игрѣ. Карточная игра, очутившись на большомъ просторѣ и совершенной свободѣ, идетъ крупнѣе, смѣлѣе и безразсчетнѣе. Игра въ юрдовкахъ и теребиловкахъ обставляется всякимъ доступнымъ комфортомъ. Содержатели игорныхъ домовъ держатъ водку въ большомъ обиліи, способны доставить и средства къ исполненію чувственныхъ удовольствій. Все, что подъ сильнымъ страхомъ и за крѣпкимъ надзоромъ творится въ темныхъ и грязныхъ тюрьмахъ, здѣсь въ не менѣе темныхъ и грязныхъ домахъ совершается на распашку и въ обширныхъ размѣрахъ.

Въ теребиловку идетъ, для всяческихъ наслажденій, тюремный сидѣлецъ, подкупившій сторожей или за ихъ глазами ускользнувшій съ работы. Въ теребиловкахъ группируются въ шайки всѣ тѣ изъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые выпущены на пропитаніе. Находятъ они его въ своихъ небольшихъ артеляхъ, для которыхъ то и занятіе, которое легче, вѣрнѣе даетъ деньги, хотя бы это занятіе и требовало непрямыхъ путей риска, смѣлости и дерзости. Смѣлость города беретъ, она же въ заводскихъ юрдовкахъ собираетъ деньги на дневное пропитаніе.

Въ теребиловки идетъ всякій изъ тѣхъ тюремныхъ, которому надоѣла каторга и соблазняетъ вольная жизнь въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Въ этихъ притонахъ всегда найдется такой мастеръ, который шелъ изъ рѣзчиковъ какой либо столицы, или изъ Екатеринбурга, гдѣ былъ гранильщикомъ, или изъ нижегородскихъ селъ Павлова и Ворсмы, гдѣ выучился слесарному мастерству и искуству рѣзьбы на камняхъ и металлахъ. Люди на бездѣльѣ, при нуждѣ и соблазнахъ, не прочь отъ всякаго предложенія, лишь бы только оно обезпечивало имъ насущный день. Мастера эти отъ аляповатыхъ печатей и темныхъ гербовъ доходятъ до Цезика, который осколкомъ перочиннаго ножичка вырѣзалъ на камняхъ замѣчательно красивые миніатюрные ландшафты, дѣлалъ фальшивыя бумажки, которыя съ трудомъ отличали отъ настоящихъ, и мастерилъ вазы, усыпанныя мелкими мушками и другими насѣкомыми, за которыя любители платили большія деньги.

Пріобрѣтая вновь и совершенствуясь въ тюрьмахъ, на досугѣ и при руководствѣ, въ разныхъ знаніяхъ и мастерствахъ, эти люди за тюрьмою, внѣ стѣнъ ея, даютъ художествамъ своимъ практическое примѣненіе, на свободѣ пускаютъ въ оборотъ и на пользу тѣхъ, которые жаждутъ, ищутъ и просятъ этихъ знаній. Бродяга, задумавшій совершить дальній побѣгъ, по возможности въ Россію, и желающій обезпечить его большимъ успѣхомъ, идетъ въ теребиловку и здѣсь за рубль, за два рубля серебромъ получаетъ такой видъ, который ведетъ его свободно по забайкальскимъ селеніямъ и уводитъ далеко, если набалованныя руки не стащатъ чужого, гдѣ нибудь въ селеніи на воровствѣ и гдѣ нибудь за селеніемъ на грабежѣ.

Въ фальшивыхъ билетахъ ссыльные обыкновенно прописывались посельщиками или крестьянами, а потому и плата, вслѣдствіе того, была перемѣнная (за посельщика 3 руб., за крестьянина 5 руб. сер.). Нерѣдко билеты эти мастерились на цѣлую артель вдругъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Бродяга, привыкшій бродить лѣтомъ по заводскимъ окрестностямъ ради страсти къ при-

*) Въ отчетахъ о бѣглыхъ чрезвычайно мало видно женщинъ и нѣтъ ни одного показанія на то, чтобы онѣ возвращались обратно. Разсказываютъ, что тѣ изъ бродягъ, съ которыми увяжется какая нибудь ссыльно-каторжная женщина, непремѣнно когда нибудь и гдѣ нибудь убиваютъ ее, чтобы, такимъ образомъ, уничтожить неизбѣжнаго, слабаго, склоннаго на соблазнъ доносчика и доказчика темныхъ и нечистыхъ дѣлъ и преступленій бродяжества. Впрочемъ, это только слухи; на самомъ дѣлѣ мало въ бѣгахъ женщинъ потому, что ихъ разбираютъ замужъ нарасхватъ.

ключеніямъ, ради неодолимаго желанія подышать волею, въ тѣхъ же теребиловкахъ и юрдовкахъ, если пожелаетъ на всякій случай обезопасить прогулку, можетъ получить билетъ съ помѣткою ему, какъ поселенцу или какъ бы отпущенному на пропитаніе. Малоопытныхъ, не бывалыхъ въ теребиловкахъ съумѣютъ зазвать, съумѣютъ выучить и направить.

— Не нужно ли тебѣ вида на свободное прожитіе?—спрашиваетъ одинъ такой мастеръ ссыльно-каторжнаго Денежкина (въ одномъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, попавшихъ намъ въ руки въ Петровскомъ заводѣ).

— Какъ бы не надо!—отвѣчаетъ на это ссыльный:—Да гдѣ возьмешь?

— Есть ли у тебя деньги?

— Есть, да немного.

— А если два рубля найдется, то и довольно.

Въ заводскомъ кабакѣ совершена была передача вида и учинены литки, на которыя ссыльный истратилъ еще 50 копеекъ серебромъ.

Счастливый и новый бродяга съумѣетъ потомъ во-время изловчиться съ этимъ видомъ, предусмотрительно показать его тому, кто мало видитъ, спрятать отъ опытнаго глаза и ограбить того, кто за собою не смотритъ. Такой бродяга и пограбленное нигдѣ не прячетъ, нигдѣ его не сбываетъ иначе, какъ въ тѣхъ же заводскихъ юрдовкахъ и теребиловкахъ, и вырученныя деньги нигдѣ не пропиваетъ, какъ въ тѣхъ же утлыхъ мазанкахъ. Водку нигдѣ онъ не беретъ, какъ въ томъ же заводскомъ кабакѣ, и пьетъ ее со своимъ же братомъ, покровителемъ и руководителемъ.

Такъ говорятъ архивныя дѣла, настоящіе житейскіе живые факты. Слѣдствія и обыски сказываютъ потомъ, что дѣлатели употребляютъ печати чаще свинцовыя, рѣже мѣдныя (приготовляемыя на мѣдномъ пятакѣ, у котораго вытирается одна сторона подпилкомъ), что печати, вслѣдствіе того, часто бываютъ больше надлежащей величины, что оттискъ такого рода печатей прочнѣе, потому что коптятъ ихъ на сженой берестѣ. Одинъ мастеръ подобныхъ издѣлій, чтобы вѣрнѣе скрыть преступленія, бумагу для видовъ покупалъ не въ лавкахъ у торговцевъ, а у школьниковъ, и покупалъ дешево—за волосяныя колечки, приготовляемыя женою этого ссыльнаго. Другой приготовилъ и выдалъ билетъ, но проставилъ крупный, длинный нумеръ и, такимъ образомъ (и можетъ быть безъ всякаго злого умысла), сгубилъ пріятеля. Повальный обыскъ у третьяго изъ теребиловскихъ открылъ въ углу между поломъ и стѣною, подъ половицею, фунтъ олова, два небольшихъ подпилка, малое зубрило, пять готовыхъ печатей и шестую, начатую, на мѣдной двухкопеечной монетѣ, у которой вытерты были обѣ стороны; на одной уже красовалась надпись „Козмодемьянской градской думы“. Четвертый попался на пути въ мастера фальшивыхъ бумажекъ, а именно съ двумя небольшими деревянными циркулями, съ желѣзными проволочными шпильками, съ двумя долотцами изъ иголокъ, съ бумажною печатью, срѣзанною съ конверта, „съ роговою костью“ и проч., и проч. Разсматривая подобныя дѣла въ достаточномъ количествѣ, выносишь такое убѣжденіе, что не однѣ теребиловки занимались мастерствомъ приготовленія фальшивыхъ паспортовъ. Ссыльные во множествѣ дѣлаютъ указанія на Тарбогатай и другія селенія такъ называемыхъ семейскихъ, гдѣ были мастера, конкурировавшіе съ заводскими, но слабо: билеты, тамъ приготовленные, часто предавали ссыльныхъ въ руки земскихъ, потому что были плохо сдѣланы. Между тѣмъ билетъ, написанный и выданный въ Петровскомъ заводѣ, выкраденъ былъ у бѣглаго изъ рукавицы ссыльнымъ въ Успенскомъ заводѣ (Тобольской губ.) и отнятъ у послѣдняго и задержанъ вмѣстѣ съ нимъ уже въ Лаишевѣ (Казанской губ.).

Казенныя бумаги, выводя наружу эти грѣхи, въ то же время даютъ намъ свидѣтельства и указанія, что не одни только пропитанные поселенцы, своею семьею или своею шайкою, бываютъ участниками прегрѣшеній. Не ушло бы ихъ дѣло далеко и не много выиграло бы оно само по себѣ, если бы они не находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ тѣхъ людей, которые пользуются свободою и ея выгодами.

Вотъ какой случай (болѣе другихъ характерный) разсказываетъ намъ одно архивное дѣло.

Два шмельцера играютъ съ однимъ ссыльнымъ въ карты. Ссыльный выигрываетъ, требуетъ деньги.

„— Я тебѣ деньги заплатилъ и ты поди вонъ изъ моего дома! — отвѣчалъ одинъ изъ шмельцеровъ и гонитъ выигравшаго въ шею.

„Ссыльный закидался по избѣ, схватилъ ножъ, бросился съ нимъ въ сѣни“, но не нашелъ тамъ проигравшихся и убѣжавшихъ партнеровъ.

По поводу покушенія на убійство, завязалось дѣло. Слѣдствіе обнаружило, что у этихъ шмельцеровъ былъ въ квартирѣ открытый и гласный игорный домъ, неизвѣстный только одному начальству, что вольные заводскіе служители эти держали настоящія печатныя, а не дѣланныя карты, что при этой роковой игрѣ водка была обычнымъ угощеніемъ.

„Когда между шмельцеромъ и ссыльнымъ завязалась драка, другой шмельцеръ уговаривалъ товарища:

„— Ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрить“.

Судъ приговорилъ ссыльнаго Исаева, задѣ-

таго за самую щекотливую струну сердца, хорошо извѣстную по чувствительности ея всѣмъ горнымъ, наказать 50-ю ударами плетей, а служителей судъ оставилъ безъ всякаго наказанія. Участь горнаго служителя, облегченная современнымъ намъ положеніемъ, прежде далеко не обезпечивала его быта. 12-ти-лѣтній сынъ служителя поступалъ уже на работы, хотя бы и легкія, хотя бы и въ лѣтнее время; въ 18 лѣтъ его уже впрягали, наравнѣ съ каторжными, въ настоящую службу, каковую онъ обязанъ былъ продолжать 25 лѣтъ, если поступалъ изъ рекрутъ, и 35, если былъ сыномъ заводскаго служителя или родился отъ ссыльно-каторжнаго, во время нахожденія отца въ работахъ, или же солдата преждебывшаго батальона. Такимъ образомъ, служитель, получая одинаковое жалованье и содержаніе съ ссыльно-рабочимъ, разнился тѣмъ, что работа для него была почти безсрочною, тогда какъ ссыльно-каторжный имѣлъ въ перспективѣ самый долгій срокъ двадцатилѣтній. Тѣ же дѣла и тѣхъ же архивовъ переполнены разсказами о случаяхъ побѣговъ съ работъ горныхъ служителей. Пойманные на допросахъ показывали единогласно, что „побѣгъ учинили въ единое отбывательство казенныхъ работъ съ тѣмъ предпріятіемъ, сколько возможность позволитъ, пробыть отъ оныхъ праздными“. Они совершали въ бѣгахъ преступленія для того, чтобы получить наказаніе плетьми или шпицрутенами и быть записанными въ разрядъ ссыльно-каторжныхъ, т. е. срочныхъ горныхъ работниковъ. Правда, что мелкія преступленія въ бѣгахъ оцѣнивались, по поимкѣ, уменьшеніемъ жалованья, назначеніемъ на усиленныя работы и розгами, но нѣкоторымъ сразу удавалось прямо попадать на каторгу, на срокъ.

Возвращаясь къ теребиловкамъ и юрдовкамъ, а съ ними вмѣстѣ и къ тѣмъ родамъ и видамъ промышленности, которая должна обезпечивать существованіе жителей этихъ слободокъ, мы встрѣчаемъ новые виды торговли и промысла. Промыселъ этотъ ведется въ мелкихъ размѣрахъ и слишкомъ исключителенъ по своей спеціальности, но, тѣмъ не менѣе, находится въ рукахъ пропитанныхъ поселенцевъ и самихъ ссыльно-каторжныхъ. Опять-таки промыселъ этотъ не имѣлъ бы приложенія и выхода, если бы не встрѣчалъ на сторонѣ людей покровительствующихъ, рукъ поддерживающихъ. Мы говоримъ о контрабандѣ казенныхъ золота и серебра. Украсть то и другое ссыльному не мудрено, въ особенности золото; спрятатать еще легче: самые тщательные обыски тутъ ничего не дѣлаютъ. Крадутъ всего чаще при разработкѣ розсыпи, да тогда и легче: усмотрѣть за рабочими, растянутыми на большомъ пространствѣ или спущенными во мракъ шахты, нѣтъ никакой возможности. Труднѣе красть при промывкѣ, гдѣ и глаза приставниковъ смотрятъ зорче и онъ весь на виду. Здѣсь крадутъ уже сами надзиратели, а потому арестантъ, лишній человѣкъ, долженъ воспользоваться добычею при первоначальныхъ работахъ: не попадется ли самородокъ. Самородки же попадаются рѣдко и достаются только самымъ счастливымъ; но и въ этомъ случаѣ счастье нашедшаго дальше кабака въ теребиловкѣ не простирается. Не несетъ онъ находки въ контору, хотя и знаетъ, что конторамъ велѣно платить по рублю за золотникъ, но знаетъ также и то, что вѣшаютъ тамъ на вѣскахъ, ему не понятныхъ, и обсчитываютъ. Съ купцомъ сходнѣе дѣло: съ нимъ и поторговаться можно, и выпить съ него магарычъ на его же счетъ, и пропить, проиграть полученныя деньги тотчасъ же. Куда ихъ беречь и прятать? въ казармѣ товарищи украдутъ. Большія деньги въ тюрьмѣ бѣда: иной злодѣй убьетъ, пожалуй, измученный соблазномъ и завистью.

Украденныя серебро и золото обыкновеннымъ путемъ ссыльно-рабочіе, за ничтожную плату, сдаютъ на надежныя руки въ теребиловки. Здѣсь знакомымъ путемъ найдетъ его заводскій служитель и передастъ въ руки казака, выбирая при этомъ (чтобы скрыть слѣды) казака такого, который былъ въ заводѣ при промыслѣ проѣздомъ и который знакомъ уже съ этимъ дѣломъ и привыкъ къ нему. Для передачи краденнаго, ссыльные рѣдко казакамъ предпочитаютъ кого другого; часто употребляютъ на это дѣло солдатъ и всегда прибѣгаютъ къ болѣе вѣрному посредству, т. е. служителямъ. Попадая, такимъ образомъ, черезъ третьи въ четвертыя руки, покраденное „хищническое“ золото въ порошкѣ и серебро въ слиткахъ *) отвозилось казакомъ изъ завода. Никогда самъ казакъ не пускалъ его дальше въ ходъ; передачею краденнаго занимались исключительно ихъ жены и дочери, для которыхъ передача контрабанды—привиллегированный промыселъ и притомъ такой, который женщины (по долгимъ опытамъ, съ незапамятныхъ временъ) производили съ большимъ успѣхомъ, съ большею чистотою отдѣлки. Процессъ этотъ, по разсказамъ, совершался весь такимъ образомъ.

Котрабандное золото везетъ баба обыкновенно завязаннымъ тщательно въ бумажку и тряпочку и зарытымъ въ крупу или муку. Доѣзжая до условленнаго, примѣтнаго мѣста въ лѣсу, близь дороги, контрабанда прячется подъ кустомъ, подъ деревомъ. Кустъ и дерево должны отличаться условными, извѣстными всѣмъ контрабандистамъ примѣтами. Сама баба съ возомъ отправляется къ главному покровителю-капиталисту, къ купцу или торгующему крестьянину.

*) Не только казакамъ, но и бурятамъ за Байкаломъ и киргизамъ за Алтаемъ хорошо извѣстенъ способъ плавки, въ особенности серебра. Тѣ и другіе инородцы украшаются сами и украшаютъ женъ кольцами, запястьями, серьгами. На сѣдлахъ, на ганзахъ (трубкахъ), на огнивахъ серебряныя оправы — ихъ собственнаго издѣлія.

— Желтую пшеничку привезла, не купишь ли?

Купецъ понимаетъ дѣло, но притворяется, старается замаскировать себя и отправляетъ продавщицу къ другому.

— Тотъ не возьметъ ли? На него указываютъ слухи, а я такимъ дѣломъ не занимаюсь! Мнѣ не надо.

Этотъ „тотъ“ всегда агентъ этого главнаго купца, обязанный сбивать съ золота цѣну, но также еще не покупщикъ, и онъ отсылаетъ бабу къ третьему.

— У меня денегъ нѣтъ, а тотъ охотился.

Третій обыкновенно платитъ деньги послѣ многихъ проволочекъ и притѣсненій, платитъ большею частью такую цѣну, какую захочетъ, и всегда выговариваетъ:

— Мои деньги малыя, да мнѣ благодѣтель поможетъ, а я ему зароблю.

Сказывая при словѣ „благодѣтель“ его имя, третій агентъ даетъ тѣмъ знать, чтобы все-таки и на будущій разъ баба относилась къ нему и шла этимъ рядомъ мытарствъ, истощая терпѣніе, ослабляя цѣну, и доходила опять до него, до этого третьяго.

Этотъ третій идетъ обыкновенно за бабою вонъ изъ селенія, къ показанному мѣсту, примѣты котораго общи и общеприняты (нѣкоторыя даже открыты и начальствомъ). Беретъ онъ золото и отвозитъ его къ своему благодѣтелю. Дѣло послѣдняго держать около себя такихъ вѣрныхъ, надежныхъ и опытныхъ казаковъ, у которыхъ имѣются бойкія, приспособленныя къ провозу контрабанды лошади. Лошади эти бѣгаютъ безъ дороги, не затрудняются въ лѣсахъ, не задумываются надъ рѣками. Вплавь черезъ рѣку Аргунь лучшіе забайкальскіе контрабандисты, **аргунскіе казаки** (русскіе и карымы), отвозятъ покраденное золото, „желтую пшеничку“, къ монголамъ. Здѣсь, въ степи, въ условномъ мѣстѣ, золото пріятелями-монголами охотно промѣнивается на кирпичный и всякій чай. Тѣмъ же путемъ риска, съ торопливостью, ночью ввозится чай въ большія селенія и сбывается на руки купца-благодѣтеля. Въ крупныхъ выгодахъ были тѣ и другіе. Контрабанда процвѣтала и усиливалась по мѣрѣ обремененія кяхтинской торговли высокими, стѣснительными пошлинами *).

*) Золотникъ золота продавался купцамъ за 1½ руб., иногда за 2 руб. (въ казнѣ онъ стоилъ 3 руб. 57¾ коп.). Монголы давали за этотъ золотникъ десять кирпичей чая (по 70 коп. за кирпичъ), т. е. 7 руб. сер. Въ Нерчинскомъ заводѣ за тотъ же кирпичъ чая давали купцы въ лавкахъ, смотря по величинѣ кирпича, 90 коп. и 1 руб. Стало быть, на каждомъ золотникѣ главный контрабандистъ выигрывалъ до 8 руб. сер., не считая расходовъ на перевозчиковъ. Съ перенесеніемъ таможни въ послѣднее время въ Иркутскъ, сцена дѣйствій перемѣнилась, но способы дѣйствія—едва ли. Во всякомъ случаѣ, на китайской границѣ стало теперь посвободнѣе и поспособнѣе.

На мѣстахъ сбыта золота монголамъ совершались обыкновенно шумныя попойки на китайской водкѣ (араки); на мѣстахъ пріобрѣтенія и добычи золота—бывали неудачи и крупныя несчастья.

Одинъ торговецъ выгодно поставлялъ въ казну мясо, съ нѣкоторымъ даже убыткомъ для себя. Начальство смѣкало дѣло, но, имѣя въ виду казенную пользу, молчало до времени. Въ одинъ годъ торговца этого заведенія контрабандисты обманули, подсунувъ ему второпяхъ мѣдный слитокъ, гальванически позолоченный, за самородокъ. Купецъ купилъ его, отдалъ наличныя деньги, выѣхалъ изъ промысловаго селенія; продавецъ доказалъ на него. На дорогѣ купецъ былъ схваченъ, обысканъ, заплатилъ штрафъ и на слѣдующій годъ на торги не явился и контрабанду бросилъ.

Не бросили контрабанду другіе. На молодую, вновь открытую золотую розсыпь Кудею, прежде всего, потащились ловкіе продавцы съ платочками, ситцами и другими красными товарами для „желтой пшенички“. Это не такъ давно, а очень давно Шилкинскій заводъ былъ центромъ операцій, производимыхъ надъ карійскимъ золотомъ (очень высокой пробы). Сюда пріѣзжали покупатели изъ окрестныхъ селеній по временамъ; мѣстные купцы такимъ дѣломъ не занимались, довольные тѣмъ, что, оберегая нравственность ссыльныхъ въ Карѣ, — по обычаю всѣхъ золотыхъ промысловъ и по закону, — не дозволили торговли. Вся она для карійскихъ сосредоточилась въ Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ купцы, на первыхъ порахъ, наживали на товарахъ своихъ рубль на рубль. Дѣлъ объ золотѣ и серебрѣ въ архивахъ много. Уличали, подозрѣвали и ловили торговцевъ изъ ссыльныхъ евреевъ, подозрѣвали и (въ 1848 году) пріѣзжавшихъ на заводы венгерцевъ и другихъ иностранцевъ для мелочной разносной торговли, съ заграничными товарами, безъ положенныхъ клеймъ или съ поддѣльными пломбами и штемпелями. Торговали они и лекарствами и, пріобрѣтая исключительно одно серебро въ монетѣ и слиткахъ, пускали въ оборотъ фальшивые кредитные билеты. Этимъ заграничнымъ гостямъ, не безъ основанія, приписываютъ правильную организацію всего дѣла по части сбыта золотой и серебряной контрабанды.

Въ 1850 году существовала въ Кяхтѣ слѣдственная коммиссія „для раскрытія вкоренившейся беззаконной торговли съ китайцами золотомъ“ *). И въ нашъ пріѣздъ указывали на одного изъ контрабандистовъ, который велъ

*) Сенаторская ревизія, назначенная потомъ такъ же, какъ и кяхтинская коммиссія, въ изслѣдованіи контрабанды золотомъ не имѣли успѣховъ, хотя первая и подпускала подъ перекупщиковъ ловкихъ жидковъ. Попадались въ сѣти мелкая рыба съ долями или съ золотниками и прогуливалась за то по зеленой улицѣ (ходила сквозь строй); крупная рыба выскакивала.

сильную карточную игру, и на другого, о которомъ у насъ имѣлось слѣдственное дѣло.

Контрабандистъ этотъ, нѣкто Соколовъ, въ 1850 году уличенъ былъ въ томъ, что пріобрѣтенное золото не сбывалъ за китайскую границу монголамъ, а превращалъ его въ червонцы и червонцы эти пускалъ въ обращеніе за Байкаломъ, черезъ жену свою. Въ кабакѣ Дучарскаго завода, у цѣловальника, найдены были четыре такія золотыя монеты, которыя отправлены были въ Петербургъ на монетный дворъ для испытанія. Эксперты двора нашли, что золотые не фальшивые, ибо-де, будучи сдѣланы безъ лигатуры, стоятъ выше существующаго курса,—и писали въ Нерчинскій заводъ, что представленные имъ золотые сдѣланы изъ серебристаго золота, а потому цвѣтомъ желтѣе настоящихъ; въ окружности, также „въ надписи буквъ овальнѣе и менѣе явственны, зубчики крайняго ободка толще, вмѣсто звѣздочекъ точки“, и проч.

Въ дѣлѣ этомъ участвовали: ссыльно-каторжный Соколовъ при участьи поляка Брановскаго и подсудимаго бродяги Андреева. Соколовъ съ женою, которая передавала монету, объявленъ былъ подъ подозрѣніемъ и переведенъ для жительства въ другой заводъ, Шахтаминскій. Брановскій, разъ уже наказанный кнутомъ за дѣланіе въ тѣхъ же Нерчинскихъ заводахъ фальшивыхъ ассигнацій, былъ наказанъ. Бродяга Андреевъ, разъ уже сужденный за продажу поселенцу Чернову золота около $1^1/_2$ фунта и наказанный за то шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ, наказанъ 30-ью ударами плетей за участье въ дѣлѣ Соколова.

Занятіе контрабандою золотомъ и фальшивою монетою (фальшивыми кредитными билетами) успѣло многихъ обогатить, малую и почти ничтожную только часть обездолить.

Указывали на многихъ обывателей въ городахъ, ближайшихъ къ мѣстамъ производствъ и добычи серебра и золота, какъ на людей, основавшихъ свои дѣла на торговлѣ краденнымъ съ разныхъ золотыхъ промысловъ золотомъ или черезъ распространеніе въ народѣ фальшивыхъ ассигнацій. Указанія шли на многіе города въ Западной и Восточной Сибири. Въ Тобольской губерніи также нерѣдко попадалась золотая монета пробою выше казенной монеты, для которой существовалъ открытый путь на Омскую линію, а оттуда съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ.

Помимо приготовленія изъ контрабанднаго золота червонцевъ, ссыльные Нерчинскихъ заводовъ не отставали передъ множествомъ другихъ мѣстъ въ Россіи и Сибири въ приготовленіи другихъ денегъ—бумажныхъ. Фабрикація фальшивыхъ ассигнацій была до того сильно распространена въ Нерчинскомъ и вообще въ Забайкальскомъ краю, что горное нерчинское правленіе пробовало было считать сорты ихъ и записывать, да и счетъ потеряло. Насчитало оно сортовъ до 25-ти и, видя безполезность работы, вело дальнѣйшій счетъ только для формы по заказу и по привычкѣ. Венгерцы, приходившіе съ товарами, и другіе иностранцы, появлявшіеся въ краѣ, распускали фальшивыя деньги заграничнаго дѣла и вывозили краденое русское серебро. Къ тому же и товары развозили безъ таможенныхъ клеймъ и пломбъ, а деньги за нихъ брали все-таки выше сибирскихъ цѣнъ. Ѣздили большими партіями. Не всегда подобное приготовленіе имѣетъ безразсчетныя и безразличныя цѣли; были случаи, имѣвшіе политическій характеръ. Такимъ отзывается имѣющееся у насъ въ рукахъ дѣло (1839 года) польскихъ ссыльныхъ 1830 года, затѣянное для освобожденія всего множества сосланныхъ туда поляковъ изъ узъ неволи и тюремнаго заточенія. Дѣлу этому мы даемъ мѣсто въ слѣдующихъ томахъ этого сочиненія.

Въ Западной Сибири указывали на Успенскій винокуренный заводъ (Тобольской губерніи, Тюменскаго округа, въ 326 верстахъ отъ Тобольска и въ 52 отъ Тюмени), какъ на главную фабрику приготовленія ссыльными фальшивыхъ бумажекъ. Разсказываютъ, что наряженное по этому случаю слѣдствіе кончилось тѣмъ, что одному изъ депутатовъ какая-то старуха подсунула толстую пачку самодѣльныхъ ассигнацій. Слѣдователь началъ съ того времени богатѣть, оставилъ службу, а дѣло было, по обыкновенію, замято и спрятано. Слѣдственныя дѣла обнаруживаютъ при этомъ, что передатчики часто рискуютъ, попадаются въ просакъ, ссыльные часто ихъ надуваютъ, отчего при такомъ рискѣ выигрываютъ больше первые, теряютъ вторые. Случай противоположнаго свойства—большая рѣдкость, ихъ знаютъ на перечетъ и разсказываютъ въ похвалу изобрѣтательности ссыльныхъ, основанной, главнымъ образомъ, на томъ, что операція производится въ потьмахъ и попыхахъ, торопливо и на вѣру.

Такъ, одному удалось сунуть пачку скверной и мягкой бумаги, обложенную настоящими ассигнаціями только сверху и снизу и связанную веревочкою. Счастливому плуту удалось эту пачку сунуть въ торопяхъ и получить 250 руб. только за 45 руб., образовавшихся изъ синенькихъ и красненькихъ, лежавшихъ наверху и внизу. Этотъ пересыльный арестантъ возбудилъ въ передатчикѣ полную довѣренность къ искуству своему въ приготовленіи „блиновъ“ тѣмъ, что данную имъ на пробу (настоящую вмѣсто фальшивой) бумажку размѣняли въ кабакѣ; 250 руб. покупщикъ охотно далъ за 500 фальшивыхъ и вмѣсто нихъ нарвался на газетную бумагу.

Выпускаются на пропитаніе или, лучше, на отдыхъ тѣ изъ ссыльныхъ, которымъ не по-

счастливило: казенная работа отняла отъ нихъ послѣднія, растраченныя по дорогамъ и тюрьмамъ физическія силы. Тяжкія страданія, исключительность работъ дѣлаютъ такихъ рабочихъ совершенно безполезными, и притомъ большую часть изъ нихъ. Въ рудникахъ — отравленіе свинцомъ (свинцовая колика и удушье, asthma metalurgica), падучая болѣзнь (epilepsia)—какъ слѣдствіе свинцоваго отравленія у мужчинъ, такъ и у женщинъ; грыжи, вслѣдствіе тяжести работъ; узлы (varices), какъ послѣдствія работъ, производимыхъ стоя, и питья воды, застоявшейся въ рудникахъ; воспаленіе глазъ отъ плохого освѣщенія, мерцающаго полусвѣта и чада отъ плохихъ сальныхъ свѣчъ; переломы и вывихи такіе же частые гости, какъ удушье. Удушье постигаетъ тѣхъ неосторожныхъ рабочихъ, которые, послѣ, 12-часовой напряженной работы, вызывающей испарину, выходятъ на холодный воздухъ, пьютъ и ѣдятъ потомъ безъ осторожности и притомъ очень плохо. Въ тюрьмахъ, какъ сказано выше, неизбѣжно посѣщаютъ арестантовъ также воспаленіе глазъ (ophtalmia calcellaris), зависящее отъ сѣро-водороднаго газа, какъ продукта собственныхъ испареній и выдѣленій. Замѣчательны обыкновенно скорбутъ, диссентеріи и тифъ, очень часто язвы отъ худосочій скорбутнаго и ревматическаго (часты наружныя язвы и отъ тренія кандалами); ознобленіе и отмороженье членовъ отъ недостатка обуви и одежды и какъ слѣдствіе побѣговъ, сифилисъ въ страшныхъ формахъ отъ неправильнаго и безчеловѣчнаго леченія своимъ же братомъ-знахаремъ; чесотка (scabies), какъ неизбѣжная, непремѣнная и вѣчная принадлежность всякихъ тѣсныхъ, сырыхъ и грязныхъ артельныхъ помѣщеній *). Чесотка между горнозаводскими жителями, особенно между дѣтьми, распространена такъ, какъ едва ли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Только работающіе на фабрикахъ (въ сѣрныхъ парахъ) освобождены отъ нее.

Выпускаютъ также ссыльныхъ на пропитаніе въ видахъ экономической мѣры, напр., по случаю неурожаевъ хлѣба, когда казна затруднится снабженіемъ этими припасами, и какъ мѣра награды, неизбѣжная и обусловленная закономъ и обычаемъ для тѣхъ ссыльныхъ, которые покойно выжили тюремный срокъ, но не заслужили еще вожделѣннаго званія поселенцевъ или, по сибирски, посельщиковъ. Уходя на пропитаніе, семейные ссыльные уводили съ собою и дѣтей, но заводское начальство считало ихъ виновными вмѣстѣ съ отцами, возвращало назадъ, назначало въ работы, хотя потомъ само же увѣряло въ форменныхъ бумагахъ, что „водворить сбродъ людей этихъ, сдѣлать изъ пропитанныхъ постоянныхъ работниковъ и домохозяевъ нѣтъ никакой возможности“. Ссыльные, не семейные, выходя на пропитаніе, бѣгутъ изъ заводовъ при первой открывшейся возможности къ побѣгу, къ которому нерѣдко представляются случаи при употребленіи на работу внѣ крѣпости, гдѣ дровосѣкъ и проч.

Поступая для житья къ семейнымъ хозяевамъ, которые охотно принимаютъ къ себѣ ссыльныхъ, пропитанные (т. е. вышедшіе на пропитаніе), за крайнею ограниченностью казеннаго содержанія, по неволѣ принуждены бывали изыскивать мѣры къ пріобрѣтенію денегъ. На винокуренныхъ заводахъ они, провертывая дыры въ тѣхъ трубахъ, по которымъ идетъ вино, воровали спиртъ и полугаръ, на солеваренныхъ—соль; на золотыхъ промыслахъ—золотой песокъ; на желѣзодѣлательныхъ заводахъ—желѣзо, преимущественно во время работъ въ кричной фабрикѣ и т. п. Мелкія воровства и кражи по заводамъ до того обыкновенны, что послѣ многихъ опытовъ перестали употреблять какія либо опредѣленныя и вѣрныя мѣры; подвернется какой нибудь случай, не предусмотрѣнный, не основанный на разсчетѣ и поразительный по крайней случайности. Объ немъ разсказываютъ, какъ о чудѣ, и разсказъ превращается въ легенду, которая, однако, изживаетъ въ памяти народа цѣлые десятки лѣтъ. Такъ, напр., черезъ тридцать лѣтъ мы получили въ Петровскомъ заводѣ изъ вторыхъ рукъ такую повѣсть, разсказанную самимъ авторомъ казуса.

„— Былъ я воръ отпѣтый и каковы ни мастера всѣ наши, а я былъ лучше всѣхъ. Иного выпорютъ, онъ и отстанетъ, а мнѣ и розги, что съ гуся вода. Сидѣлъ во мнѣ вороватый чертъ самый сильный и такой притомъ, что никакого мнѣ ладу съ нимъ не было. Увижу что чужое, сейчасъ у меня заболитъ брюхо и такой таскунъ въ немъ нападетъ, что глазъ не сомкну, куска не съемъ, покуль чужая вещь перестанетъ ѣсть глаза и руки отстанутъ чесаться. А таскалъ я все, что подъ руку подвернется, и не надобна иная вещь, да силенъ чертъ внутри сидитъ: что ни видитъ изъ чужого, все подавай! Сидишь бывало, задумаешься, о своей судьбѣ перебираешь мысли: дай-ка пойду да стащу что нибудь, что плохо лежитъ. Разъ пошелъ погулять за заводомъ, поднялся на горку, погулялъ. Свернулъ съ тропинки въ заводъ, къ домнѣ (доменной фабрикѣ). У домны увидѣлъ казенку, гдѣ складываютъ всякія казенныя вещи, у казенки ребятъ увидалъ: наши подъ амбаръ этотъ подкапываются. Мнѣ бы и пройти мимо, ужъ будетъ съ меня,

*) Въ Кутомарскомъ заводѣ вредное вліяніе мышьяковистыхъ паровъ оказывало свое дѣйствіе на телятъ, а потому заводскія бабы отправляли стельныхъ коровъ въ сосѣднія деревни. На людей эти пары имѣли даже благопріятное вліяніе: въ чесночномъ запахѣ мышьяковистой кислоты работали ссыльные и въ Александровскомъ заводѣ (Нерчинскаго края). Заболѣвшіе лихорадкою (упорною) ходили на заводскія фабрики работать и здѣсь излечивались мышьяковистыми парами во время самыхъ пароксизмовъ.

да чертъ-отъ во мнѣ завозился и мои мысли разсѣялъ, сталъ толкать меня да подговаривать: „иди, помоги, вдвоемъ имъ не сладить“. Пошелъ я къ нимъ: что дѣлаете? Да такъ-де и такъ, казенныя вещи считать и провѣрять пришли.

„Сталъ я имъ пособлять, а тропинка за спиной у меня осталась. Копался я вдвоемъ съ чертомъ втрое сильнѣе товарищей: моя яма глубже всѣхъ и краемъ однимъ совсѣмъ ужъ въ амбарѣ. Сдумалъ я такъ, вскинулъ глаза на товарищей, нѣту ихъ—убѣжали. Я оглянулся назадъ, а сзади меня стоитъ нашъ начальникъ; тоже погулять вышелъ. Стоитъ и молчитъ и во всѣ глаза на меня смотритъ, а луна на ту пору такъ и обошла его всего свѣтомъ, даже страшенъ онъ сталъ. Увидалъ я Нестерова, да такъ и обмеръ: человѣкъ онъ былъ суровый, засѣкалъ нашего брата до смерти (за то его и смѣнило начальство). Меня поролъ столько, что я и счетъ потерялъ. Вижу его и смѣкаю: такое, молъ, наказаніе придумаетъ мнѣ теперь, о какомъ въ заводѣ наши каторжные еще не слыхивали. Слышу, заговорилъ: „Ну-де, я тебя наказывать не стану, палки не доннмаютъ, а пусть-де тебя теперь самъ Богъ накажетъ“! Словомъ этимъ онъ такъ и пригвоздилъ меня къ тому мѣсту. Какъ я всталъ столбнякомъ, такъ и простоялъ я куда долго. Онъ ушелъ, а я все наказанія себѣ выжидалъ; думаю: такъ вотъ и разразитъ меня на мѣстѣ. Съ той поры какъ рукой съ меня сняло: убилъ онъ моего черта. Съ мѣста я сошелъ, какъ изъ бани вышелъ, легко таково“.

Ссыльный этотъ пересталъ воровать и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и честныхъ рабочихъ. Другая арестантская гроза, громившая ссыльныхъ на Карѣ въ первое время по открытіи тамъ золотого промысла, напугала палача. Карійскій палачъ торговалъ виномъ и поживлялся около каторжныхъ. За виномъ онъ ѣздилъ въ Шилкинскій заводъ и привозилъ его тайкомъ на Кару. Разъ онъ наскочилъ со своею контрабандою на самого. Приведенъ былъ къ нему и до того былъ напуганъ свиданіемъ, что затрясся весь какъ въ лихорадкѣ, и не зналъ, что съ собою дѣлать. Начальникъ былъ доволенъ собою и ограничился короткою сценою. „Боишься ты меня“?—спросилъ онъ палача. „Боюсь очень“!—отвѣчалъ тотъ. „А какъ очень“? „Больше Бога“!—отрѣзалъ палачъ—и выигралъ: взысканія не послѣдовало.

Какъ бы то ни было, но это шатаніе по чужимъ дворамъ въ ближнихъ къ заводу селеніяхъ, этотъ мнимый отдыхъ отъ каторги посреди ежечасной заботы о насущномъ хлѣбѣ, этотъ хлѣбъ, горькій и черствый, дѣлаетъ житье на пропитаніи немногимъ лучше самой каторги. Выходовъ изъ него немного и всѣ неблагопріятные. Уйти за границу назначеннаго округа въ чужой, не найдя въ своемъ средствъ къ пропитанію, значитъ, включить себя въ отдѣлъ бродягъ, строго преслѣдуемыхъ закономъ. Гдѣ нибудь и когда нибудь поймаютъ, посадятъ въ острогъ, станутъ судить, накажутъ и отправятъ туда же или дальше того самаго мѣста, откуда вышелъ. Бродить по домамъ заводскихъ рабочихъ, такихъ же голышей и такихъ же несчастныхъ, значитъ не идти дальше мелкой кражи и крупнаго за то наказанія. Чѣмъ дольше длится срокъ, назначенный для этого средняго, неопредѣленнаго переходнаго состоянія, тѣмъ невыносимѣе становится нравственная пытка, тѣмъ запутаннѣе житейскія обстоятельства и печальное житейское положеніе свободнаго поселенца кажется уже какимъ-то раемъ и эльдорадо. Большая часть уходитъ въ бѣга, меньшая хитритъ, скрипитъ и ждетъ своего срока и желаннаго дня. Самая малая часть запутываетъ себя женитьбою и за нею кое-какъ привязывается къ семьѣ, дому и хозяйству. На заводахъ пропитанный крадетъ чужую лошадь, чтобы поступить въ разрядъ такъ называемыхъ конныхъ рабочихъ. Лошадь дастъ ему лишній заработокъ, лишнюю кроху на семью, лишній грошъ на себя, всегда почти вѣрный и неизмѣнный. Начальство догадывается о кражѣ, пути ея узнаетъ, но молчитъ объ этомъ злѣ, какъ неизбѣжномъ, давно укоренившемся и имѣющемъ, въ большей части случаевъ, вѣрный успѣхъ.

У нѣкоторыхъ „пропитанныхъ“ страсть къ воровству доходитъ до ужасающихъ предѣловъ, граничитъ съ серьезнымъ помѣшательствомъ и имѣетъ форму положительной настоящей болѣзни. Одинъ, напр., воспиталъ въ себѣ страсть раскапывать могилы, вскрывать гробы и сдирать съ мертвыхъ тѣлъ одежду. Другіе „пропитанные“ на досугѣ дѣлали порохъ и отправляли за китайскую границу (нашли у многихъ порохъ въ плиткахъ). Иные покупали порохъ у китайцевъ, которые-де „продаютъ его не таясь, а чтобы нашимъ пороху у нихъ не покупать, такого-де запрещенія не слыхали“.

Мудренѣе вести дѣло тѣмъ ссыльнымъ, которыхъ забросила судьба въ Нерчинскій край и о которыхъ люди, близко ихъ наблюдавшіе, пишутъ такія строки: „Ссыльные, пробывъ большею частью двадцать, а съ добавленіемъ срока работъ за побѣги тридцать и болѣе лѣтъ, по истеченіи этого времени освобождаются отъ работъ и водворяются на поселеніе. Но люди эти—или воры или пьяницы; благонадежнѣе изъ нихъ оказываются тѣ, которые просидѣли на цѣпи или пробыли прикованными къ тачкамъ. Иногда бываютъ добропорядочные люди между женатыми, но пьянство—общій порокъ всякаго рода арестантовъ, а бѣдность—удѣлъ каждаго изъ нихъ до той поры, пока не измѣнится къ лучшему настоящая плохая, отжившая свой вѣкъ, тюремная система. По численности преступни-

ковъ, по огромному развитію и разнообразію работъ заводскихъ, улучшеніе быта ссыльныхъ, исправленіе нравовъ преступниковъ въ Сибири—дѣло трудное, на мѣстѣ его почти невозможное. Инниціатива этого великаго дѣла, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ Россіи, должна начаться и совершаться въ русскихъ тюрьмахъ. Въ Сибири людей нѣтъ свободныхъ и способныхъ для такого человѣколюбивѣйшаго подвига и ссыльный въ Сибири только обязательный казенный работникъ, механическая сила, рабочая машина, которая постольку и цѣнится, поскольку она больше заработываетъ". Таковымъ, по крайней мѣрѣ, это дѣло стояло во время нашихъ наблюденій; не знаемъ, какимъ оно будетъ впослѣдствіи.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, „пропитанный", даже и тотъ, у котораго отпала охота къ бродяжеству и лѣни, котораго называютъ лучшимъ и исправнымъ? И получивъ право на 15 десятинъ удобной земли въ надѣлѣ, равномъ съ крестьянами, онъ все-таки воспитался на спеціальныхъ работахъ такъ, что отбиться отъ нихъ для него нѣтъ разсчета, и едва ли не происходитъ оттого все его несчастье. Потому-то, выпущенный на пропитаніе, наприм., на винокуренномъ заводѣ, продолжалъ рубить дрова для печей, топилъ эти самыя печи, чистилъ винничную посуду, приготовлялъ заторы изъ муки, солодъ на гонку вина, качалъ машиною воду въ сосуды, спускалъ брагу изъ одного ящика въ другой, качалъ машиною раку изъ нижней десятни въ верхнюю, приготовлялъ лѣсъ и дѣлалъ бочки, и проч. и проч. Попадая въ руки контрагентовъ, пропитанные несли еще большую тяжесть. На одномъ заводѣ мы нашли, что положеніе ихъ въ рукахъ казны было гораздо лучше: пропитанные занимали полицейскія должности. У контрагента они поступали въ конные рабочіе, получали лошадь или деньги, которыя потомъ вычитались у нихъ изъ плаката, а затѣмъ уже наваливалась на нихъ всякая подходящая тяжесть: вези все, что ни наложатъ, а за то ему лишнее количество барды для скота, да и только. Эти и дома строили и всякія починки исправляли, а хлѣбъ получали солодѣлый, тотъ самый, который для винокуренъ такъ пригоденъ и который, само собою, контрагентъ покупалъ дешевле обыкновеннаго. Но такъ какъ всякое дѣло тѣсно связано съ сознаніемъ труда чернорабочими, а на сибирскихъ заводахъ былъ принятъ трудъ обязательный, то понятно, что и неудовлетворительность дѣйствій казенныхъ заводовъ явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. „Въ самомъ дѣлѣ, 60 коп. мѣсячнаго плаката на Нерчинскихъ заводахъ и 80 на нѣкоторыхъ солеваренныхъ и 40—20 на винокуренныхъ не удовлетворяютъ простымъ животнымъ, не только человѣческимъ потребностямъ и вынуждаютъ рабочихъ прибѣгать къ кражамъ и другимъ проступкамъ и преступленіямъ. Они воруютъ порученные имъ матеріалы, воруютъ производительные предметы заводовъ, крадутъ время и трудъ, принадлежащіе заводамъ, и все это считаютъ позволительнымъ, тогда какъ кражи и обманы между собою (у тѣхъ, которые вышли на волю) и рѣдки и самими рабочими сильно преслѣдуются".

На Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (Енис. губ., Канскаго округа, въ 193 вер. отъ Канска) на пропитаніе увольнялись отъ работъ только неспособные за старостью лѣтъ и увѣчьемъ и приписывались вмѣсто богадѣльни къ селеніямъ. На Селенгинскомъ солеваренномъ же заводѣ (въ 40 вер. отъ города и 96 отъ Верхнеудинска), по свидѣтельству одной оффиціальной записки, эти уволенные отъ работъ на пропитаніе, переходя въ мѣста новаго жительства, перепродавали дома свои другимъ рабочимъ, которые, въ свою очередь, дѣлали то же самое. „Отъ этого каждый, зная неокоренѣлость и шаткость жизни своей на заводѣ и существованія самого завода (который и былъ-таки уничтоженъ), не радѣлъ ни о расширеніи усадебъ, ни о расчисткѣ земель для пашенъ. А пашни, какъ вообще въ краю Забайкальскомъ, требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для весенней и лѣтней поливокъ, чему также подвергаются и сѣнокосы, если только они не на лугахъ, поливаемыхъ водой".

Когда, въ 1838 г., ссыльныхъ раздѣлили на разряды, время пребыванія въ работѣ было ограничено, а дѣтей рабочихъ велѣно приписать въ крестьяне—всѣ молодыя руки поспѣшили воспользоваться свободою. Всѣ дѣти ссыльныхъ изъявили желаніе выбыть изъ заводовъ. Казенныя палаты ходатайствовали оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, но просьба ихъ не была уважена и только кое-гдѣ, „по усиленнымъ убѣжденіямъ", нѣкоторые пропитанные согласились жить на заводахъ по билетамъ отъ волости, а малолѣтки остались при отцахъ на воспитаніи. Переворотъ 1838 года подалъ только надежды, облегчилъ участь рабочаго, но быта его не улучшилъ. Правда, заведены были артели для улучшенія продовольствія и установленъ экономическій капиталъ на помощь при домообзаводствѣ, а между прочимъ и при женитьбѣ; но капиталъ до половины наличнаго количества тратился, вмѣсто главной цѣли, на поимку бѣглыхъ, на различныя и частныя иллюминаціи, на сложеніе казенныхъ долговъ съ умершихъ и въ награду ссыльныхъ обувью. Артели удержались только при тюрьмахъ, но и тѣ были такъ непрочны, искуственны и легки въ замыслѣ, что опытомъ своимъ не умудрили ссыльныхъ и не выучили ихъ придерживаться артельнаго начала на волѣ, на пропитаніи. Каждый вышедшій на волю дѣйствовалы уже самъ по себѣ, а всѣ вмѣстѣ, дѣйствіями своими, сложили то убѣжденіе въ умахъ заводскаго начальства, что таковое

переходное состояніе—самое обильное побѣгами, и время это самое удобное для бродяжества.

Нельзя не прибавить къ тому весьма частаго исчезновенія многихъ сибирскихъ заводовъ, которые какъ бы намѣренно начинали быстро возростать въ одномъ мѣстѣ вопреки всякихъ экономическихъ законовъ, какъ произошло въ Западной Сибири (съ винокуренными заводами), или быстро упраздняться, когда экономическія условія края доводили до сознанія ихъ вреда, какъ случилось въ Восточной Сибири, гдѣ пали два завода винокуренныхъ въ Иркутской губ. (Николаевскій и Ильгинскій), два въ Забайкальской области (Михайловскій винокуренный и Селенгинскій солеваренный), одинъ въ Енис. губ. (Каменскій) и Тельминская суконная фабрика (въ Иркутской губ.). Исторія у всѣхъ одна: либо быстрое возростаніе цѣнъ на хлѣбъ порождаетъ сильныя и повсюдныя жалобы, либо дурное хозяйство превращаетъ заводы эти въ ветошь. Исторія Тельминской фабрики служитъ прототипомъ. Вызванная искуственно для приготовленія солдатскихъ суконъ, она щелкала челноками до тѣхъ поръ, пока не стала требовать исправленій. Прорвалась дыра въ одномъ мѣстѣ, надо бы положить заплату—пишутъ, но отвѣта нѣтъ, а въ это время готова уже другая дыра; опять пишутъ или получаютъ разрѣшеніе, но пока на починку первой. Въ концѣ концовъ, пробоинъ и промоенъ накопилось отъ времени такъ много, что ремонтъ сталъ дороже капитальной перестройки за-ново. Надо новую одежду шить. Такъ и сказано о томъ, кому слѣдуетъ. Но тѣ подумали было выворотить сукно на изнанку, стали считать, и оказалось, что выгоднѣе было продать ветошь старьевщику и отступиться. Позвали покупщиковъ. Тѣ осмотрѣли, одумались и нашли, что ветошь никуда не годится и покупать ее не стоитъ. А между тѣмъ, фабрика приселила и прикормила много рабочихъ, много народу скопилось. Куда его дѣвать? Смотришь—земли забрали старожилы - крестьяне, разумѣющіе сибирскія дѣла по настоящему, а заводъ изъ ссыльныхъ приготовилъ техниковъ, тотъ знаменитый фабричный народъ, который для поселенческой жизни никуда не годится. Ткачи такъ и остались со вдавленною грудью отъ постояннаго нажиманія ея у станка, сухіе какъ жимолость, кашляющіе и притомъ гордые сознаніемъ своего достоинства, не позволяющаго имъ смѣшиваться съ вахлаками поселенцами-земледѣльцами.

Ссыльные, если сами и уходили на пропитаніе, то дѣтьми своими поступались на пользу заводовъ. Хотя до совершеннолѣтія ихъ не велѣно принимать въ работу, но начальство, соображая то, что ихъ все-таки въ это время кормило казеннымъ хлѣбомъ, брало для работъ гдѣ съ 14, гдѣ съ 12, а нерѣдко и съ 10 лѣтъ. Потомъ хвасталось: „сыновья ссыльно-рабочихъ составляли классъ людей самыхъ способныхъ и употребительныхъ при техническихъ работахъ". По 8-ой ревизіи (1834 года) всѣхъ ихъ велѣно было приписать въ крестьяне ближайшихъ селеній и заводы попали на новую бѣду. Они стали жаловаться: „Не смотря на старанія пріохотить ссыльныхъ къ мѣсту, заводскія селенія не распространялись; по миновеніи срока работъ всѣ, выходящіе на собственное пропитаніе, отчислялись отъ заводскаго вѣдомства". Уволеннымъ уже „не производилось ни опредѣленной по заводу платы, ни хлѣба даже и въ тѣхъ случаяхъ, если рабочіе отпускались на временное пропитаніе, когда пріостанавливались заводскія работы (на винокуренныхъ, напр., глухое время бездѣйствія тянулось съ 1-го ноября по 1-ое марта). А потому отцы, уходившіе на пропитаніе, брали съ собою и дѣтей побираться вмѣстѣ съ ними по-міру. Заводскія начальства требовали ихъ возвращенія, но „пропитанные" старались уходить такъ далеко, что всѣ мѣры оказывались недѣйствительными, и заводы оставались при работахъ изъ вновь присланныхъ ссыльныхъ и кое-какихъ вольнонаемныхъ. Результаты извѣстны: вольнонаемныхъ нѣтъ, конныхъ рабочихъ очень мало, дрова приходятъ въ истощеніе, ссыльные бѣгутъ цѣлыми толпами и заводъ виситъ на волоскѣ, пока не примутъ усиленныхъ мѣръ. Затѣмъ все-таки отвѣтъ одинъ: „Водворить изъ сброда этихъ людей постоянными работниками, сдѣлать ихъ домохозяевами и, наконецъ, коннорабочими не представляется никакой возможности".

Во всякомъ случаѣ, приготовленіе поселенцевъ изъ каторжныхъ, черезъ переходное и странное состояніе пропитанныхъ, еще до сихъ поръ не достигло желаемой цѣли и не привело къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидали и которые казались такими красивыми на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ, эта мѣра усилила количество бродягъ, увеличила число нищихъ въ Сибири, организовала въ томъ краю цѣлый классъ людей опасныхъ, о которомъ давно пора подумать и позаботиться. Не всегда на пропитаніе уходятъ люди дряхлые и изувѣченные, но и въ этихъ живуча та язва, которая въ силахъ вліять заразительно на здоровые организмы.

Сами ссыльные, долгимъ путемъ страданій, успѣваютъ выработать себѣ кое-какія надежды, заручаются посильнымъ терпѣніемъ и, на безвыходности тяжелой жизни, умѣютъ еще складывать пѣсни и выливать въ нихъ свое горе. Въ горѣ этомъ проглядываетъ и надежда, и терпѣніе и вѣра въ будущее. Въ тюрьмахъ каторжныхъ поется, между прочимъ, такая пѣсня:

Сѣдина ль моя, сѣдинушка,
Сѣдина ль моя молодецкая!
Ты къ чему рано появилася,
Во черны кудри вселилася?
Ахъ ты, молодость, моя молодость!
Ахъ ты, молодость молодецкая!

Я не чаялъ тебя измыкати.
Ахъ, измыкалъ я свою молодость
Не въ житьѣ-бытьѣ, богачествѣ,
Во проклятомъ одиночествѣ!
Изошелъ-то я, добрый молодецъ,
Съ устья до вершинушки
Всю сибирскую сторонушку:
Не нашелъ-то я, добрый молодецъ,
Ни батюшки, ни матушки,
Ни братцевъ-то—ясныхъ соколовъ,
Ни сестрицъ-то—бѣлыхъ лебедушекъ;
А нашелъ-то я, добрый молодецъ,
Полоняночку—красну дѣвицу.

Пѣсня эта собственно должна принадлежать поселенцамъ, къ житью-бытью которыхъ и переходимъ теперь.

ГЛАВА V.

НА ПОСЕЛЕНІИ.

Сибирское населеніе изъ поселенцевъ.—Худая слава.—Безвыходное положеніе.—Отношенія къ старожиламъ.—Бродяжество и шатаніе.—Пѣсня.—Испорченность поселенцевъ и причины этого явленія.—Прочнаго водворенія ссыльныхъ не существуетъ.—Безплодность мѣръ.—Первые шаги ссыльнаго.—Вражда туземцевъ.—Богадѣльни.—Посельщики.—Неспособные.—Смотрители поселенцевъ.—Воровство.—Свободныя самовольныя поселенія.—Киржаки.—Каменьщики.—Ссыльныя колоніи невѣдомыя и вѣдомыя.—Задичалые поселенцы.—Золотые промыслы.—Поселенцы на пріискахъ въ тайгѣ.—Олгандяи и міряки.—Евреи въ Сибири.—Инородцы въ ссылкѣ.—Русскіе раскольники за Байкаломъ.—Цвѣтущія хозяйства.—Духоборы.—Уральскіе казаки.—Невинно сосланные и возвращенные.—Поручикъ Козлинскій.—Монахиня.—Странникъ Иванъ Захаровъ Спасовъ.—Перемѣна именъ.—Неправильность распредѣленія ссыльныхъ по Сибири.—Палачи.—Презрѣніе къ нимъ и результаты его.—Кнутъ.—Богачи изъ каторжныхъ.—Чужеземцы въ ссылкѣ.

„Поселенецъ, что младенецъ,—что видитъ, то и тащитъ“, говоритъ сибирская поговорка, явившаяся результатомъ двухсотлѣтнихъ наблюденій сибиряковъ-старожиловъ (потомковъ промышленныхъ людей, доброю волею пришедшихъ въ Сибирь на жительство) надъ тѣми русскими людьми, которыхъ увела изъ Россіи чужая воля и преступленія и для которыхъ придумано новое названіе поселенцевъ.

„Хоть того лучше посельщикъ (будь самый лучшій поселенецъ) не вѣрь ему“!—выговорилось сибирякомъ другое изреченіе, имѣющее смыслъ пословицы, какъ руководящаго житейскаго правила, съ тѣмъ оттѣнкомъ въ смыслѣ, что поселенецъ, названный такъ въ отличіе отъ переселенца (доброю волею покидающаго родину для новыхъ и счастливыхъ мѣстъ), превратился уже въ посельщика. Слово „посельщикъ“ на языкѣ сибиряковъ-старожиловъ сдѣлалось браннымъ и поселенецъ, слыша его обращеннымъ къ себѣ, глубоко оскорбляется имъ въ равной степени съ другимъ обиднымъ, бьющимъ прямо въ сердце и браннымъ сибирскимъ прозвищемъ—варнакомъ. Сибирякъ, готовый называть бродягу, бѣглаго съ каторги, человѣкомъ гульнымъ, прохожимъ, и даже признавать его на самомъ дѣлѣ таковымъ, сибирякъ, называющій всякаго ссыльнаго, идущаго въ партіи по этапамъ, не иначе, какъ несчастнымъ и даже болѣзненькимъ,—того же самаго несчастнаго, умудренный опытомъ и короткимъ знакомствомъ съ нимъ, обзываетъ уже посельщикомъ, бранитъ варнакомъ. Слово „варнакъ“ онъ пріурочиваетъ именно къ поселенцу, потому что собственно для ссыльно-каторжныхъ у сибиряка придуманы другія бранныя слова: храпъ, храпъ-майоръ, каторжанъ, чалдонъ.

Слову отвѣчаетъ и дѣло. Хорошо извѣстенъ всѣмъ тотъ фактъ, что только такой старожилъ-сибирякъ не задумается выдать свою дочь за пришельца изъ Россіи, за человѣка изъ поселенческаго сибирскаго люда, только тотъ, который съумѣлъ осилить въ себѣ природное предубѣжденіе и успѣлъ стать внѣ общаго народнаго понятія. Становится поселенецъ зятемъ старожила развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно честнымъ житьемъ съумѣлъ смыть съ себя безъ слѣда пятно и клеймо, принесенныя изъ Россіи, или, на крайній случай, такъ заполонилъ сердце красной дѣвицы, что она рѣшилась выйти изъ воли родительской и отдалась доброму молодцу обычнымъ сибирскимъ свадебнымъ способомъ убѣга. Въ этомъ отношеніи положеніе поселенца, дѣйствительно, безвыходное и сваты изъ мѣстныхъ властей, съ казеннымъ способомъ принужденія, до сихъ поръ еще явленіе нерѣдкое, когда имъ вздумается считать его политически-обязательнымъ или экономически-выгоднымъ. Взамѣнъ того, мы видимъ совершенно противоположное явленіе: благодаря предубѣжденію сибиряковъ противъ поселенцевъ, оказывается множество помѣсей съ инородцами, метисовъ. На р. Оби русскіе обостячились, на Енисеѣ—отунгузились, на рѣкахъ Ленѣ, Алдонѣ и Маѣ объякутились, а за Байкаломъ явилось цѣлое племя карымовъ отъ матерей бурятокъ и монголокъ и отцовъ изъ сибирскихъ казаковъ и русскихъ поселенцевъ. Во второмъ поколѣніи, во внукахъ, во всѣхъ этихъ четырехъ-пяти случаяхъ превращеніе пол-

ное, при недостаткѣ освѣжающихъ русскихъ началъ, за безлюдіемъ и удаленіемъ въ тайговой и пустынной глуши людей славянской расы и русской кости. Всякихъ дикоринокъ въ Сибири не мало, но отчужденіе сибирскаго старожила отъ русскаго пришельца тамъ не диковинка. Въ этомъ отношеніи сибирякъ послѣдователенъ и даже злопамятенъ. Не простилъ онъ ишимцамъ стараго грѣха—фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ блинниками (выражаясь ихъ же условнымъ терминомъ, называя фальшивыя бумажки блинами). Не забылъ сибирякъ, что таровцевъ (жителей г. Тары) когда-то Петръ Великій, за упорство въ расколѣ и за бунтъ 1721 года, велѣлъ сажать на колъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ коловичами, какъ туринцевъ самосадошниками (за тайную сидку вина) и курганцевъ—конокрадами. До сихъ поръ енисейцевъ зовутъ сквозниками (за грѣхи, объясненіе которыхъ не укладывается въ печать) и гроболазами. По поводу послѣдняго охотливо разсказываютъ про нихъ такой случай: плыла-де по Енисею барка, остановилась у города. На баркѣ этой гробъ стоялъ и лежалъ въ томъ гробу покойникъ. Енисейцы приняли гробъ за ящикъ, покойника—за какіе-нибудь продажные пріисковые товары и, когда заснулъ ночной караульный, они этотъ гробъ съ покойникомъ украли съ барки. Про сосѣдей ихъ, красноярцевъ, у сибиряковъ для укора придуманъ даже цѣлый стихъ, извѣстный въ сибирскихъ странахъ малому ребенку:

Красноярь
Сердцемъ яры,
Любятъ очень они честь,
Хоть на нихъ козлина шерсть.
Оттого они не сильны,
Что отцы ихъ были ссыльны.

Насколько сильно отвращеніе коренного сибиряка отъ пришельца—ярко свидѣтельствуютъ тѣ факты, что старожилы не только гнушаются принимать и вводить ихъ, посредствомъ браковъ, въ собственныя семейства, но рѣдкій изъ сибирскихъ крестьянъ охотно соглашается нанять къ себѣ поселенца даже на простыхъ обязательствахъ работника-казака. Хотя законъ *) и назначаетъ полплаката арестантскаго содержанія старожилу, принявшему къ себѣ поселенца, но законъ этотъ болѣе 15 лѣтъ къ дѣлу не примѣняется. Старожилъ гнушается поселенцемъ и дѣлаетъ для него исключеніе развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда теребитъ нужда и поселенецъ стучится къ нему въ лѣтнее время. Тогда на уборку хлѣба не хватаетъ хозяйскихъ средствъ, а всю траву скосить ни у одного еще сибиряка-хозяина не доставало собственныхъ, а не наемныхъ силъ. Лѣтомъ сибирякъ поселенца беретъ, зимою гонитъ, но, и принявъ его въ рабочую страдную пору, стѣсняетъ во всемъ и обижаетъ чѣмъ ни попало. Старожилъ-сибирякъ за грѣхъ этого не считаетъ, зная и тотъ коренной законъ, что „поселыцику нѣтъ вѣры и давать ему ее не велѣно". Условную заработанную плату хозяинъ охотнѣе даетъ поселенцу передъ праздникомъ и на кабакъ, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы и водку-то наймитъ выпилъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. На необходимое и полезное для работника хозяинъ давать не любитъ, но у него достаетъ соображенія, что если задавать деньги хорошему работнику изъ поселенцевъ исключительно на выпивку и задавать впередъ этихъ денегъ больше, поселенецъ запутается въ тенетахъ неоплатныхъ долговъ. Онъ долго удержится на одномъ мѣстѣ при тѣхъ условіяхъ, которыя ему, разумѣется, весьма не по вкусу, но для сибирскаго сельскаго хозяина весьма на руку.

Въ притѣсненіяхъ подобнаго рода сибиряки-старожилы послѣдовательны и форма эксплуатаціи чужого труда, посредствомъ чрезмѣрныхъ и неправильныхъ задатковъ, является въ Сибири своего рода закономъ даже и у золотопромышленниковъ. Доказательства тому мы увидимъ ниже при послѣдовательномъ разборѣ обоюдныхъ отношеній новыхъ людей со старыми, рабочаго съ нанимателемъ. У самихъ же поселенцовъ высказалось это въ цѣлой пѣснѣ, которую, не смотря на ея искуственность, охотно распѣваютъ въ Сибири повсюду:

Воля грознаго монарха—
Мы спѣшимъ въ восточный край.
Мы ко рѣчкѣ приходили,
И садились на песокъ.
Тамъ увидѣли—увидѣли
Слѣпого старичка на бережкѣ.
Не подалеку въ песочкѣ
Посошокъ его стоялъ,
Хлѣба чорнаго кусочекъ
Въ сумкѣ положенъ лежалъ.
—Ужъ ты, старичекъ любезный!—
(Тутъ одинъ изъ насъ спросилъ)
—Отчего ты такой бѣдный,
Или свѣтъ тебѣ не милъ?
—Ты дитя ли мое милое!
(Отвѣчалъ ему старикъ):
Ужъ я тридцать лѣтъ въ Сибири
И спокою не имѣлъ:
Винокурные заводы
Всѣ состарили меня,
Солеварные заводы
Скрыли бѣлый свѣтъ изъ глазъ.
Отъ крестьянскихъ савотѣекъ *)

*) Ст. 676 Уст. о ссыл., изд. 1857 г.

*) Савотѣйки въ Сибири—небольшія круглыя булки, сѣренькія на видъ и дурныя на вкусъ. Ихъ выкладываютъ на окна для прохожихъ бродягъ, ихъ подаютъ въ окна прохожимъ и ими же кормятъ тѣхъ изъ бродягъ, которые поступаютъ въ работу. Оттого стрѣлять савотѣекъ — выпрашивать ихъ, на арестантскомъ языкѣ значитъ бродяжить; оттого-то и мозоли на плечахъ, что только ими и умѣютъ расплачиваться сибиряки съ бродягами за тяжелыя работы на заимкахъ.

Все мозоли на плечахъ;
Отъ пузатаго начальства
Все здоровье растерялъ *).

Эта пѣсня едва ли не единственный гласный отвѣтъ самихъ поселенцевъ на всѣ обвиненія, взводимыя на нихъ, но, во всякомъ случаѣ, она прямѣе и непосредственнѣе силится стать только за тотъ разрядъ ссыльныхъ, которые вышли на поселеніе черезъ чистилище, нами уже описанное и для насъ оставшееся теперь назади. Впереди и прямо передъ нами тотъ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, котораго не озлобляла каторга и не портила въ конецъ безтолковая и бездѣльная бродяжья жизнь. На поселеніе, какъ извѣстно, идутъ изъ Россіи непосредственно осужденные на этотъ родъ наказанія ссыльные, по судебнымъ приговорамъ русскихъ судовъ. На такихъ-то, по преимуществу, „несчастныхъ", на ихъ-то житейской судьбѣ и бытовой обстановкѣ мы намѣрены теперь сосредоточить вниманіе, въ разсчетѣ на частныя видоизмѣненія и кое-какія отличія, хотя въ общемъ всѣ наши данныя не даютъ намъ никакой возможности рисовать картину самостоятельную и другую. Сами ближайшіе оцѣнщики такого дѣленія не признаютъ и на тотъ и другой видъ поселенцевъ кладутъ одинаковое подозрѣніе и взводятъ валовое обвиненіе безразлично. Такъ поступаютъ старожилы, которые изъ практики выводятъ даже такое заключеніе, что поселенецъ изъ каторжныхъ, уходившійся, достаточно пошаливщій, „надуровавшійся" на своемъ вѣку,—сходнѣе и ручнѣе для работъ, чѣмъ поселенецъ, прямо пришедшій изъ Россіи и предназначенный для тѣхъ же цѣлей свободнаго труда и вольнонаемныхъ работъ. Первый трудолюбивѣе, добросовѣстнѣе второго и требуетъ только кое-какихъ рѣшительныхъ уступокъ и особенныхъ пріемовъ въ отношеніяхъ съ нихъ. Второй, какъ необъѣзженный конь, настолько еще дикъ и своеобыченъ, что общепринятыхъ пріемовъ и способовъ дѣйствія никакъ къ нему не приладишь. Какъ въ первомъ замѣчаются задатки къ непремѣнному исправленію, такъ во второмъ—наклонность въ противную сторону: нельзя ли и въ Сибири походить по той стезѣ, съ которою свыкся, но, по несчастью, сорвался въ Россіи.

Общественное мнѣніе единогласно остановилось на томъ, что поселенцы, приходящіе изъ Россіи и поступающіе на жительство, люди испорченные, никуда и ни къ чему не годные. Мало того, они—язва молодой страны, жаждущей свѣжихъ силъ и честнаго труда. Испорченность, безнравственность ихъ до такой степени сильны, что вредно и гибельно дѣйствуютъ на коренное населеніе, заражая его своимъ тлетворнымъ ядомъ. Какъ въ сѣверозападномъ краѣ Россіи невозможно найти такого старожила, который не былъ бы глубоко убѣжденъ въ настоятельной необходимости, ради пользы края, въ поголовномъ выселеніи евреевъ въ какія угодно трущобы, такъ рѣдкій изъ коренныхъ сибиряковъ не желаетъ прекращенія высылки изъ Россіи ссыльныхъ, въ тѣхъ же разсчетахъ на несомнѣнное и даже близкое преуспѣяніе своей родины во всѣхъ отношеніяхъ. Съ общественнымъ мнѣніемъ не идутъ въ противорѣчіе и убѣжденія начальственныхъ лицъ, въ отзывахъ которыхъ по этому дѣлу замѣчается изумительное постоянство и сходство. Еще въ 1835 году одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ печаталъ въ своемъ сочиненіи *) о ссыльныхъ, между прочимъ, слѣдующее: „Рѣдко случается, въ особенности лѣтомъ, чтобы ссыльный исполнялъ въ точности обязанность свою противъ хозяина и противъ начальства. Онъ беретъ задатокъ, получаетъ одежду и, не смотря на билетъ, уходитъ въ горы и лѣса, воруетъ, мошенничаетъ и живетъ или едва живетъ. Иногда застигаетъ его глубокая зима и онъ, голодный, замерзаетъ въ пустынѣ. Иногда сталкиваются они вмѣстѣ и составляютъ шайки разбойниковъ, отъ 8 до 10 человѣкъ; отбиваютъ винтовки у промышленниковъ, лошадей у поселянъ и, подъ начальствомъ атамана, грабятъ крестьянъ, рѣдко проѣзжающихъ и никогда ничего казеннаго. Такихъ шаекъ бываетъ иной годъ двѣ, три. Они жгутъ дома, пытаютъ на огнѣ хозяевъ и обираютъ все, что можно обобрать. Для нихъ-то учреждены ведеты отъ Ачинска до Красноярска. Большая дорога совершенно спокойна, но глухія мѣста подвержены опасности. Казаки, съ помощью крестьянъ, преслѣдуютъ ихъ, уничтожаютъ, ловятъ. Болѣе трехъ лѣтъ не появлялись они въ Енисейской губерніи и рѣшительно съ тѣхъ поръ, когда Высочайшей волѣ угодно было за поимку ихъ наградить одного храбраго крестьянина медалью. Иногда большими толпами бѣгутъ ссыльные къ Россіи, но Сибирь есть тюрьма колоссальная, съ безчисленными полисадами, въ которых нибудь изъ нихъ бѣглецовъ ловятъ. Это случается, по большей части, къ зимѣ и вотъ, пока идетъ слѣдствіе, пока собираютъ справки, ибо они безпрестанно обманываютъ, ихъ зимняя квартира есть тюрьма".

Тридцать лѣтъ позднѣе (уже въ 1861 г.) печаталось въ одномъ изъ московскихъ ученыхъ изданій **) уже про всѣхъ сибирскихъ поселенцевъ то же самое, но въ такомъ видѣ: „Слѣдуя

*) Пѣсня эта, говорятъ, сочинена однимъ ссыльнымъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, вскорѣ послѣ учрежденія этаповъ, по проэктамъ и указаніямъ графа Сперанскаго.

*) А. П. Степановъ, енисейскій гражданскій губернаторъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ «Енисейская губернія», Спб. 1835, ч. II.

**) Чтенія въ Имп. моск. общест. ист. и древ. россійскихъ.

общепринятому порядку, ссыльные, по достиженіи Тобольска, распредѣляются по губерніямъ; въ губерніяхъ они расписываются по волостямъ и отправляются на мѣста въ сопровожденіи казаковъ, которые, по малочисленности своей, служатъ имъ болѣе провожатыми, нежели конвоемъ. Въ волостяхъ ссыльные распредѣляются по деревнямъ и отправляются туда уже по одиночкѣ или нестройными толпами, безъ всякаго полицейскаго надзора. Получивъ, такимъ образомъ, полную свободу, которою не умѣютъ пользоваться, они предаются порочнымъ своимъ наклонностямъ: пускаются въ воровство, мошенничество и нерѣдко въ грабительства. Тѣ изъ нихъ, которые по необходимости отыскиваютъ работу, по большей части не исполняютъ своихъ обязанностей ни въ отношеніи къ хозяевамъ, у которыхъ нанимаются, ни въ отношеніи къ начальству. Берутъ задатки, получаютъ одежду и, обокравъ часто своего хозяина, бѣгутъ отъ него и дѣлаются бродягами. Обширность и малонаселенность края, лишая мѣстное управленіе всякой возможности преслѣдовать ихъ въ свое время, даютъ имъ всѣ средства къ укрывательству до тѣхъ поръ, пока наступленіе зимы не заставитъ ихъ сблизиться съ селеніями и искать въ нихъ убѣжища отъ холода и голода. Въ этомъ-то положеніи многіе изъ нихъ погибаютъ въ пустыняхъ, а остальные попадаются въ руки мѣстныхъ властей. Къ зимѣ всѣ тюрьмы наполнены бродягами, начинаются розыски объ ихъ происхожденіи, а между тѣмъ они, обезпеченные человѣколюбивымъ правительствомъ во всѣхъ естественныхъ нуждахъ своихъ, ведутъ праздную жизнь и, передавая одинъ другому свои преступныя похожденія, еще болѣе укореняются въ безнравственности. Къ веснѣ оканчиваются дѣла о бродягахъ. Они, ежели не откроется уголовныхъ преступленій, послѣ легкаго полицейскаго наказанія, отправляются прежнимъ порядкомъ въ волости и деревни, къ которымъ положительно никогда не присоединяются и возобновляютъ прежніе безпорядки“.

„Крайне трудно (свидѣтельствуетъ А. П. Степановъ) изобрѣсть средства, со стороны казны, удерживать ссыльныхъ отъ побѣговъ“. „Въ 1827 г. сентября 15-го (говоритъ онъ дальше) утвержденъ проэктъ поселенія 5.955 ссыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣющій въ предметѣ, черезъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ побѣговъ и праздности. Поселенія сіи должны заключаться въ 25 деревняхъ: отведена 15-тидесятинная пропорція прекраснѣйшей земли; изъ сихъ поселеній 6 на большой дорогѣ, остальныя въ сторонѣ. Въ каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четыремъ посельщикамъ: тремъ, какъ работникамъ, и четвертому, какъ хозяину или кашевару. Онъ приготовляетъ все нужное для своихъ товарищей по тогдашнему хозяйству“. Каждый ссыльный получилъ топоръ—и лѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, какъ чертежи, лежали на зеленѣющихся долинахъ по берегамъ Кана“...

„На это дѣло (продолжаетъ другой авторъ) употреблено до 270 тыс. руб. асс. безвозвратно и, сверхъ того, на продовольствіе поселенцевъ до урожаевъ, роздано имъ около 211 тыс. руб. асс., которые они обязаны были возвратить впослѣдствіи, по частямъ. Но благодѣтельная сія мѣра не достигала цѣли. Посельщики, едва водворенные, оставили, по большей части, свои домы и устремились къ глупой волѣ, бродяжничеству и преступленіямъ. Это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что безъ дѣйствительнаго хозяйственнаго быта, т. е. безъ семейства, любви къ собственности и надежды на будущее, никакое свободное поселеніе существовать не можетъ. Но какъ достигнуть этого, гдѣ взять женщинъ для брачныхъ союзовъ, тогда какъ число ихъ въ Сибири вообще составляетъ только около 4/5 противъ числа мужчинъ, а въ числѣ ссыльныхъ бываетъ ихъ обыкновенно не болѣе 1/10 части“?

Между тѣмъ, „большинство поселенцевъ не имѣетъ прочнаго домохозяйства и благосостоянія“, говоритъ одна изъ позднѣйшихъ не напечатанныхъ, но замѣчательныхъ записокъ о поселенцахъ Томской губерніи. „Къ причинамъ этимъ можно отнести: 1) нравственную порчу поселенцевъ и пріобрѣтенную ими до поступленія въ Сибирь, привычку жить не своимъ трудомъ; 2) бѣдное и безпомощное положеніе поселенцевъ при первоначальномъ ихъ водвореніи въ Сибирь, и 3) общее нерасположеніе къ нимъ сибиряковъ-старожиловъ, выражаемое въ бранномъ словѣ: варнакъ, посельщикъ“! Прислушайтесь къ разсказамъ туземцевъ, провѣрьте ихъ личнымъ внимательнымъ наблюденіемъ, обращайтесь съ запросомъ къ прошедшему и въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ сказаніяхъ ищите отвѣта,—вездѣ и неизбѣжно встрѣчается одинъ непреложный выводъ, что положеніе ссыльнаго поселенца въ Сибири далеко не удовлетворяетъ всѣмъ, даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ человѣколюбія и цивилизаціи.

Замѣчательная правда объясненій этого факта, приведенныхъ въ запискѣ, обязываетъ насъ къ подробному разбору всѣхъ трехъ, высказанныхъ ею положеній.

На вопросъ, гдѣ происходитъ окончательная нравственная порча ссыльныхъ и пріобрѣтается ими привычка жить чужимъ трудомъ, давно уже готовъ отвѣтъ положительный, прочно вкоренившійся въ общественное положеніе и—должно

сказать правду—отвѣтъ, не подлежащій сомнѣнію. Спрашивайте оффиціальныхъ наблюдателей, спрашивайте самихъ ссыльныхъ о томъ, гдѣ больше и чаще наталкивались они на случаи совращенія своихъ помысловъ и убѣжденій съ прямого пути чести и долга,—вамъ единогласно отвѣтятъ: въ тюрьмѣ!

Вникните въ подробности и глубину смысла этого слова, слѣдите за историческою жизнью этого вида государственныхъ учрежденій (по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя кое-гдѣ разбросаны), вездѣ и всегда вы встрѣтите одно, что тюрьма или, по просту, острогъ, была складочнымъ мѣстомъ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ нечистотъ, которыя порождаются разложеніемъ кое-какихъ частей общественнаго организма. Складчики и носильщики—это тѣ преступные и порочные люди, которыхъ выдѣляютъ изъ общественной среды, для ея же безопасности, и которые тѣмъ съ большею охотою и рвеніемъ исполняютъ свою обязанность, что находятъ себѣ слушателей и послѣдователей. Въ этомъ смыслѣ тюрьмы, послѣ воровскихъ притоновъ и домовъ разврата, были самыми благонадежными и прочными резервуарами, куда способнѣе входить и гдѣ легче скопляться всѣмъ гнилымъ и заразительнымъ міазмамъ, характеризирующимъ въ извѣстный моментъ болѣзнь общественнаго организма.

Чего прежде всего не доставало русскимъ тюрьмамъ? въ чемъ главнѣе всего нуждались русскіе тюремные сидѣльцы? — Отвѣтъ теперь отысканъ: нашимъ тюрьмамъ не доставало правильнаго раціональнаго устройства и сосредоточеннаго надзора и вниманія, а заключенные въ нихъ, прежде и главнѣе всего, нуждались въ занятіяхъ, въ работѣ. Трудъ — этотъ основной законъ и главный дѣятель нашего существованія, и притомъ такой дѣятель, участье котораго въ судьбѣ человѣка настолько сильно и важно, что трудъ возвышенъ въ достоинство добродѣтели,—въ нашихъ мѣстахъ заключенія преступниковъ возымѣлъ только теперь достаточно практическое примѣненіе, въ чемъ могли наглядно убѣдиться посѣтители международной тюремной выставки минувшаго 1890 г. Трудъ, какъ самая добродѣтель, предохраняющій волю человѣка отъ дурныхъ наклонностей, въ тюрьмахъ былъ забытъ, какъ забыто было и то, что если можно что нибудь поставить выше самой добродѣтели, выше встанетъ трудъ, какъ утѣшитель въ нашихъ печаляхъ и какъ всемогущее услажденіе въ нашихъ несчастьяхъ. Тѣми и другими въ избыткѣ преисполнилась жизнь большей части тѣхъ людей, которые сѣли въ тюрьму; на большую половину такихъ людей эти неудачи и несчастья сложились въ такомъ обиліи, что довели ихъ до преступленія, а затѣмъ лишили свободы.

Съ увѣренностью, основанною на фактахъ, можно сказать, что большая часть тюремныхъ сидѣльцевъ, а въ особенности тѣхъ, которые приговорены на поселеніе—не что иное, какъ именно жертвы праздности, бродяги. Презрѣніе къ труду выработало изъ этихъ людей особый классъ, организовало ихъ въ самостоятельное цѣлое, обрекло на иной бытъ, не имѣющій ничего сходнаго съ обыкновеннымъ, законнымъ и естественнымъ теченіемъ настоящей жизни. Постоянная жизнь въ праздности привела ихъ къ тому, что они лишились всякой предусмотрительности, основанной на заботахъ и запасахъ на будущее, и всякой энергіи, за отсутствіемъ которой явилось тупое равнодушіе, отнявшее у нихъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Въ бродягѣ неизбѣжно выяснился первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ. На почвѣ бродяжества свободно улеглось и возросло всякое злое сѣмя, вредное и враждебное обществу. Бродяга, въ видѣ дерзкаго вора, смѣлаго мошенника, конокрада, контрабандиста, сѣлъ въ тюрьму, чтобы оставить въ ней слѣды своей науки и своего опыта и потомъ уже ушелъ въ ссылку на поселеніе, еще болѣе изуродованный и испорченный. Бродягами, людьми легкаго промысла, не требующаго честнаго труда, переполнены наши тюрьмы. У бродяги либо совсѣмъ нѣтъ пріюта и онъ (говоря мѣткимъ выраженіемъ изъ ихъ же искуственнаго языка, ими на досугѣ придуманнаго) — либо „куклишъ четыреугольной губерніи“, либо онъ житель каменнаго мѣшка, студентъ палочной академіи или попросту обыватель острога. Острогъ достаточно убѣдилъ насъ (даже въ Сибири) въ томъ, что бродяжій духъ повсюду вѣетъ и цѣлостно живетъ во всемъ составѣ нашихъ тюремъ. Внутренній порядокъ общежитія устроенъ по уставу, принесенному непосредственно изъ мошенническихъ ассоціацій, бродяжьихъ товариществъ. Въ условномъ тюремномъ языкѣ ясны слѣды того языка, который извѣстенъ у столичныхъ жуликовъ и мазуриковъ подъ именемъ музыки.

Какое же понятіе о трудѣ и какія средства къ полезному взаимодѣйствію могли внести въ сибирскія тюрьмы эти люди безъ правилъ, безпечные и лѣнивые до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможности! Могли ли они не вліять вредно, не развивать на досугѣ своихъ правилъ, когда и въ тюрьмѣ встрѣчали они безграничный досугъ въ длинные сроки при казенномъ обезпеченіи во всемъ томъ, для чего онъ прежде ходилъ, будучи на волѣ, съ легкими орудіями празднаго и порочнаго человѣка? Тюрьмы стремились только къ одной цѣли — удержать заключенныхъ въ своихъ стѣнахъ (а потому и строились предпочтительно каменными и обставлялись вооруженными часовыми), а смотрители старались не уморить сидѣльцевъ съ голода (а потому и руководствовались кое-какими подаяніями и жертвами благотворителей). О томъ, чтобы занять сидѣльцевъ дѣломъ и помѣшать испорченной волѣ развивать

себя на бездѣльи и праздности, въ тюрьмахъ не думали.

Какъ и слѣдуетъ быть жилищамъ бродягъ, людей, подчиняющихъ себя только собственной волѣ, но теперь заключенныхъ, сибирскія тюрьмы ведутъ нескончаемую лѣтопись о различныхъ способахъ къ побѣгамъ, т. е. достиженію того самаго состоянія бродяжества, которое на этотъ разъ дѣлаетъ уже изъ бродяги искателя приключеній и сильныхъ ощущеній въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ. До тюрьмы бродяга человѣкъ еще очень терпимый и не всегда опасный; бѣжавшій же изъ тюрьмы бродяга—одно изъ звеньевъ въ цѣпи опасныхъ и вредныхъ классовъ населенія. Между тѣмъ, положительно извѣстно, что ни одна изъ русскихъ внутреннихъ тюремъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что въ ней не было сдѣлано подкоповъ и не учинено побѣговъ. Въ самыхъ счастливыхъ изъ нихъ только что не каждый годъ случались эти несчастья. Но для обезпеченія бродяжества надобится на крайній случай паспортъ, какой нибудь видъ и, хотя на первое время, какая нибудь денежная сумма. И вотъ, опять рѣдкая тюрьма не писала въ своихъ ежегодныхъ дневникахъ случаевъ находокъ, при обыскахъ, поддѣльныхъ штемпелей и печатей и ясныхъ слѣдовъ работы фальшивыхъ бумажекъ. Въ этой круговой подчиненности и взаимной зависимости одного преступнаго дѣла отъ другого уже счастливымъ результатомъ должно полагать то явленіе въ нѣкоторыхъ нашихъ тюрьмахъ, когда арестанты начнутъ выпускать на охотниковъ и любителей плоды своихъ работъ въ видѣ голубковъ, искусно сдѣланныхъ изъ лучинокъ, въ видѣ разныхъ бездѣлушекъ точильнаго мастерства, поразительныхъ тщательною и терпѣливою отдѣлкою. Но въ тѣхъ и другихъ, съ одной стороны, нельзя не видѣть большого избытка во времени, истрачиваемомъ на такіе непроизводительные пустяки, а съ другой стороны, нельзя не видѣть и того, что заключенники совсѣмъ не прочь отъ труда, что они все-таки трудятся, хотя трудъ ихъ и не направленъ въ полезную сторону; кромѣ того, нельзя не видѣть также и того, что руководство и наблюденіе приставниковъ слишкомъ вялы, безцѣльны и непроизводительны и собственно сибирскія тюрьмы, въ этомъ отношеніи, стоятъ по своему уровню очень низко.

Если же дѣло стоитъ за случаями, на которые наталкиваютъ осмотры, то мы можемъ указать на одну такую тюрьму, гдѣ арестанты на досугѣ и ради шалостей устроили въ острожной казармѣ малое подобіе питейному откупу со всѣми его департаментами. Въ разныхъ мѣстахъ обширной казармы найдены были застигнутыми врасплохъ различныя питейныя выставки: въ одномъ углу питейный майданъ назывался ведерною, въ другомъ углу носилъ прозваніе штофной лавочки, въ третьемъ—распивочной. Конечно, въ ведерной продавали не болѣе косушки, въ штофной производили торговлю стаканами, въ распивочной рюмками. Такое устройство существовало въ этой тюрьмѣ—по сознанію самихъ арестантовъ—не одну недѣлю, до того „недостаточна была заботливость о томъ завѣдывающихъ тюрьмами“ и до того не „тѣсно помѣщеніе“! Водку доставлялъ въ острогъ тотъ самый сторожъ, который ходилъ съ ящикомъ въ аптеку за лекарствами для больныхъ арестантовъ. На открытіе такого подвальнаго натолкнулъ также случай. Разъ онъ, проходя мимо начальства, споткнулся и разбилъ стклянки. Начальство, ошеломленное спиртнымъ запахомъ, не менѣе удивлено было тѣмъ, что и сигнатурки были поддѣльныя, а поддѣлывалъ ихъ, какъ показалъ на допросѣ сторожъ, одинъ изъ тюремныхъ фельдшеровъ. Вотъ когда догадался смотритель, отчего отъ многихъ арестантовъ припахивало, а другіе попадались ему и совсѣмъ пьяными.

„Духовныя назиданія совершаются въ немногихъ тюрьмахъ и весьма рѣдко (свидѣтельствуетъ статья „Сѣв. Почты“, составленная по оффиціальнымъ даннымъ). Даже тамъ, гдѣ есть церкви и особые священники, эти послѣдніе всю свою дѣятельность ограничиваютъ обыкновенно совершеніемъ службы въ праздничные дни и вовсе не заботятся объ исправленіи арестантовъ, не говоря имъ ни проповѣдей, ни поученій, и вообще далеко не выполняютъ той обязанности, которая лежитъ на нихъ въ отношеніи порученныхъ попеченію ихъ арестантовъ. Директоры тюремныхъ комитетовъ, хотя и принимаютъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ на себя обязанность пещись о нравственномъ совершенствованіи арестантовъ, но дѣятельность ихъ, какъ одиночная и совершаемая по преимуществу безъ системы, мало плодотворна. Большинство между ними остается совершенно равнодушнымъ къ дѣлу исправленія преступниковъ. Обученія арестантовъ не было до послѣдняго времени и лишь только въ недавніе годы заведены въ немногихъ тюрьмахъ школы или, вѣрнѣе, введено обученіе частными лицами изъ благотворительности, безъ всякаго вознагражденія, но и тутъ встрѣчаются затрудненія въ отводѣ помѣщенія. Книги духовно-нравственнаго содержанія находятся въ немногихъ тюрьмахъ, но ихъ арестанты не читаютъ и не хотятъ читать; другихъ же общеполезныхъ книгъ нѣтъ и, по правиламъ, онѣ не допускаются“.

Не только безграмотность заключенниковъ, не только недостатокъ книгъ и отсутствіе духовныхъ назиданій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и равнодушіе тюремныхъ попечителей должно полагать въ числѣ коренныхъ причинъ тюремнаго несовершенства. Причины эти только косвеннымъ образомъ оправдываютъ существованіе зла, ко-

ченъ котораго, несомнѣнно, лежитъ въ дурномъ устройствѣ всего дѣла, въ неправильности и безтолковщинѣ отношенiй между дозорщиками и дозираемыми и, конечно, главнымъ образомъ, не въ одномъ лѣнивомъ отправленiи своихъ обязанностей первыми, но и въ томъ, что обязанностямъ этимъ не придано надлежащаго направленiя, духа единства и духа жизни. Живыя на бумагѣ, правила эти мертвы въ жизни и на практикѣ произвели на противоположной сторонѣ сильный противовѣсъ, выразившiйся въ существованiи тюремной общины. Острогъ, воспользовавшись тѣмъ, что враждебная ему сила, вяло дѣйствуя вообще, вооружалась на него урывками, кое-какъ и кое-когда, велъ свою работу систематически и доработался-таки до того, что организовалъ изъ себя отдѣльный мiръ, мало похожiй на тотъ, который кишитъ за стѣнами его. Въ тюремной общинѣ выдержанность общаго тона поразительна: „онъ составленъ изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, какъ будто званiе каторжнаго составляло какой нибудь чинъ, да еще и почетный“ *). Хотя составъ этого мiра и не многочисленъ (бываетъ, впрочемъ, въ нерѣдкихъ случаяхъ не меньше 400 душъ населенiя), хотя онъ, повидимому, и изолированъ, какъ отдѣльная община, но для людей, обреченныхъ въ ссылку, въ одной общинѣ перваго острога онъ только начинается. На пути (въ этапахъ) онъ только нѣсколько видоизмѣнился, но въ основныхъ чертахъ остался тѣмъ же, а въ сибирскихъ тюрьмахъ достигъ конечнаго своего развитiя; „не даромъ,—говорятъ острожные:—чертъ износилъ трои лаптей, чтобъ сбить насъ въ кучу“. Всѣмъ своимъ составомъ мiръ этотъ противодѣйствуетъ всякимъ начинанiямъ, направленнымъ къ благой цѣли исправленiя, и въ немъ-то, главнымъ образомъ, надо видѣть основную причину всѣмъ неудачамъ, испытываемымъ и тюремными смотрителями и попечительными комитетами. „Замѣчательно то, что въ продолженiи нѣсколькихъ лѣтъ (говоритъ наблюдатель, сидѣвшiй съ арестантами), я не видалъ ни малѣйшаго признака раскаянiя, большая часть изъ нихъ внутренно считали себя правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславiе, дурные примѣры молодечества, ложный стыдъ во многомъ тому причиной“. Замѣчательно при этомъ также и то, что руководящiя жизненныя начала до того выработаны и дѣятельны, что по всѣмъ тюрьмамъ они поражаютъ сходствомъ и въ русскихъ правила тюремной жизни преподаются только новичкамъ. Въ русскихъ тюрьмахъ, однимъ словомъ, начинается та нравственная порча ссыльныхъ, отъ которой въ Сибири не знаютъ чѣмъ защититься. Вотъ почему тамъ въ общее сознанiе прошло то убѣжденiе и желанiе, чтобы исправленiе ссыльныхъ начинать во время содержанiя въ острогахъ при судѣ, т. е. въ русскихъ тюрьмахъ. По численности преступниковъ, по огромному развитiю и разнообразiю требованiй молодой страны, при недостаткѣ свободныхъ и способныхъ людей на такое дѣло—въ Сибири исправленiе преступниковъ весьма трудно, даже невозможно.

*) Ө. М. Достовскiй (Мертвый домъ).

Мы отчасти видѣли прежде, до какой степени безполезно посылать въ Сибирь преступниковъ, присужденныхъ къ работамъ собственно-каторжнымъ; впослѣдствiи мы увидимъ это еще яснѣе. Теперь остановимся по поводу занимающаго насъ разряда ссыльныхъ—на поселенцахъ. Вопросъ о каторжныхъ, по гораздо меньшей численности ихъ въ сравненiи съ количествомъ поселенцевъ, намъ кажется нѣсколько менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о поселенцахъ. Исключительное назначенiе первыхъ на казенныя работы на промыслахъ и въ рудникахъ, самый способъ примѣненiя труда ихъ, подробности содержанiя и ничтожность вознагражденiя за трудъ ясно показываютъ, что ссылка этихъ людей имѣетъ исключительное значенiе карательной мѣры. Ссылкою хотятъ ихъ наказывать, работами безплатными и принудительными имѣютъ намѣренiе привести въ чувство и раскаянiе, да кстати и возмѣстить тѣмъ на нихъ неудовольствiе и презрѣнiе общества. Совсѣмъ противоположное предполагается въ судьбѣ ссыльнаго поселенца: его ссылаютъ, чтобы очистить испорченное имъ мѣсто и не дать ему возможности еще больше вредить обществу. Въ разлукѣ съ родиною ему полагается мѣра взысканiя и наказанiя, но въ актѣ поселенiя его въ новой странѣ видится уже желанiе имѣть въ немъ для новой страны жителя, дѣятеля, со временемъ гражданина, впослѣдствiи на честномъ трудѣ селянина и семьянина, т. е. честнаго человѣка. Можетъ ли онъ быть такимъ, выйдя изъ русской тюрьмы, пройдя сквозь мытарства этаповъ и сибирскихъ тюремъ, наглотавшись ихъ смраднаго и заразительнаго духа?

Русская тюрьма (да и всякая), прежде всего, отрицаетъ всякую собственность: денегъ держать при себѣ нельзя, а также ни табаку, ни водки; платье казенное, пища казенная и ремесло и искуство — также чужое достоянiе. Тюремная община, сложенная, какъ мы сказали, бродягами, людьми ничего не имущими, и руководимая и направляемая ими же, такъ какъ изъ нихъ состоитъ большинство тюремныхъ сидѣльцевъ,—въ этомъ отрицанiи собственности ушла еще дальше. Воровство вина у собственниковъ его, табаку у товарищей, заручившихся имъ, не считается за грѣхъ и не вмѣняется въ преступленiе. Да и всякое воровство какихъ бы то ни было вещей у зазѣвавшагося соузника до такой степени обычное дѣло, что тюрьма воруетъ поголовно. Бездѣлье породило игру, внезапные обыски денегъ развили пьянство: надо тратить, а то отнимутъ. На пьянство нужны

деньги, взять негдѣ—надо красть либо эти деньги, либо такую вещь, которая стоитъ денегъ и которую охотно покупаетъ свой же братъ арестантъ, умѣющій выпустить ее за тюремныя стѣны. Обворованный имѣетъ право самъ выслѣдить зазѣвавшагося товарища и на его собственности выместить свою бѣду; въ совмѣстномъ житьѣ такая круговая порука—дѣло понятное. „Я и самъ бы сдѣлалъ такъ" — думаетъ арестантъ и только слегка ругается для очистки совѣсти. Вотъ почему тюремное воровство безконечно. Эта болѣзнь такъ заразительна, что разъ попавшій на эту стезю, съ нее не срывается; по пословицѣ: „воръ бѣду избудетъ, опять на воровствѣ будетъ". Если и существуютъ въ тюрьмахъ замысловатыя и остроумныя хоронушки и дозволяются собственные сундучки, воровство тамъ одна изъ сильныхъ и прилипчивыхъ болѣзней, какъ у людей, не имѣющихъ никакой движимой и недвижимой собственности и у которыхъ всякая тряпка въ цѣнѣ. Исключенія въ добрую сторону до такой степени рѣдки, что брать ихъ въ соображеніе мы совершенно не можемъ. Тюрьма есть и школа воровства и первый пробный камень этого незамысловатаго искуства. Воровство въ тюрьмахъ доходитъ до изумительной степени совершенства, которому не посвященные въ дѣло съ трудомъ могутъ вѣрить *). Отъ легкаго способа пріобрѣтенія немного шаговъ до страсти къ расточительности послѣ удачи, а потому въ тюрьмахъ собственникъ пропиваетъ все, потому что одновременно развиваются въ немъ и два другихъ недостатка: непредусмотрительность и вѣра въ случай. Послѣдняя очень пригодна для картежной игры, значительно распространенной въ тюрьмахъ и любимой этими людьми сильныхъ страстей и живыхъ темпераментовъ.

Въ такую-то сферу, подъ вліяніе такихъ-то началъ и правилъ поступаетъ тотъ, кому судьба судитъ потомъ сдѣлаться гражданиномъ Сибири, эксплуататоромъ ея богатствъ и сокровищъ! Поступающій изъ бродягъ, разумѣется, не теряетъ присутствія духа. Тюрьма его не пугаетъ. Время, которое онъ въ ней проведетъ, бродяга сочтетъ за неудачный случай въ его бродяжьей жизни, но вскорѣ и въ томъ успокоится, встрѣчая въ тюремныхъ правилахъ и житейскихъ пріемахъ много знакомаго, много того, чѣмъ онъ и самъ руководился до сихъ поръ. Но трудно овладѣть тюрьмою человѣку, оторванному отъ честнаго крестьянскаго труда какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ, часто невольнымъ и не во всемъ отъ него зависѣвшимъ. Положеніе этихъ людей въ такихъ тюрьмахъ должно, преимущественно, возбуждать состраданіе и больше всего требуетъ защиты и участія, каковыя къ тому же и дать имъ легче. Насколько не затрудняютъ тюремные обычаи преступниковъ, порождаемыхъ городами, настолько они исключительно и непремѣнно дѣйствуютъ вредно на ссыльныхъ, вышедшихъ изъ деревень и преимущественно попадающихъ на поселеніе (мы это докажемъ впослѣдствіи фактами и цифрами). Остановимся на нихъ.

Пока человѣкъ упорно и крѣпко держался за семейное и общественное право, пока первое обуздывало его примѣрами, а второе — своими учрежденіями, догматами и законами, пока, наконецъ, трудъ увлекалъ его, человѣкъ былъ крѣпокъ обществу и связывался съ нимъ прочно. Но лишь только какое нибудь внѣшнее враждебное возбужденіе, каковы, напр., крайняя и безнадежная нищета, чужіе примѣры, испорченная и безнравственная общественная среда, успѣли зародить въ сердцѣ порочную наклонность и ее воспитать—паденіе не далеко. Кто-то давно сказалъ, что въ праздномъ человѣкѣ уже зародился опасный порокъ, уже гнѣздится въ сердцѣ и преступленіе ждетъ только урѣченнаго часа и поводовъ. Та же общественная среда, которая умѣла до сихъ поръ обуздывать человѣка, съумѣетъ разнуздать страсти, давая изъ себя избытки зла едва ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько давала она добрыхъ примѣровъ и хорошихъ руководствъ. И, терпя въ средѣ своей только порочнаго человѣка, общество уже не терпитъ преступнаго. Преступленіе обязываетъ общество выбросить изъ себя виновнаго и, выбрасывая его вонъ, оно уже отрекается отъ него. Съ этой поры перестаютъ дѣйствовать законы общественные, болѣе уступчивые, мягкіе и терпѣливые. Настаетъ время дѣятельности и проявленія силы другихъ законовъ, для которыхъ уступка, смягченіе и кротость не составляютъ уже обязательнаго и неизбѣжнаго качества. Карающая сила, ищущая возмездія, заступаетъ мѣсто силы, много прощавшей и уступчивой.

Преступникъ, взятый не только изъ среды общества, но изъ собственнаго семейства, становится въ новое положеніе, зависимое и несвободное. Лишенный правъ располагать своею волею, онъ уже заключенникъ, тюремный сидѣлецъ. На первыхъ порахъ эта огромная разница, этотъ крутой жизненный переворотъ для неопытныхъ людей не проходитъ даромъ. Они, прежде всего, теряютъ всякую волю и обязываютъ себя на исключительное подчиненіе всѣмъ новымъ порядкамъ чужого монастыря. Ихъ даже намѣренно и застращиваютъ взятіемъ особой суммы денегъ, такъ называемаго „влазного", поступающаго въ обширный тюремный капиталъ. Отъ нихъ настойчиво требуютъ подчиненія об-

*) Напр., въ одной изъ сибирскихъ тюремъ арестанты украли лошадь, на которой пріѣхалъ подрядчикъ - поставщикъ съѣстныхъ припасовъ. Арестанты на подрядчика были сердиты и украденную лошадь спрятали подъ поломъ бани, такъ что искать ее тамъ и въ голову придти никому не могло.

рядамъ и обычаямъ общины и серьезно преслѣдуютъ и наказываютъ за всякое уклоненіе жгутами, молчаніемъ, лишеніемъ дорогихъ и завѣтныхъ вещей посредствомъ кражи и проч. Стараніе убить волю до такой степени искусно ведется и приспособляется въ тюрьмахъ, что рѣдкіе изъ новичковъ выстаиваютъ, не подчиняясь боевымъ и бывалымъ, каковы бродяги и другіе, не разъ посидѣвшіе въ тюрьмахъ преступники. Угожденіе товарищамъ, желаніе подслужиться имъ и подчиниться имъ—единственный выходъ и въ тюремныхъ общинахъ, какъ дѣйствителенъ онъ же и во всякихъ другихъ товариществахъ, хотя бы даже и въ корпусныхъ, гимназическихъ и семинарскихъ при прежнихъ положеніяхъ. Человѣкъ съ воли и съ широкаго деревенскаго раздолья всегда въ этомъ случаѣ играетъ страдательную роль. Замѣчаютъ, что люди подобнаго закала на первыхъ порахъ безропотно покоряются своей участи, покорны и почтительны къ своимъ начальникамъ и спокойны въ своемъ несчастьи до тѣхъ только поръ, пока пагубные совѣты старыхъ кадетъ, ихъ опасные примѣры и отчаянность не сдѣлаютъ ихъ столько же развратными, какъ и тѣ. Какимъ образомъ совершается такая перемѣна—это тюремная тайна, но фактъ превращенія происходитъ замѣчательно скоро. Посидѣвшій въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ (что сплошь и рядомъ случалось при старыхъ судахъ) превращался уже изъ простоплетнаго, добродушнаго человѣка въ скрытнаго, уклончиваго, ловкаго и опаснаго плута. Эта опасность можетъ исчезнуть только тогда, когда правительство, обязанное заботиться о благосостояніи и свободѣ своего народа, удалитъ этого преступника вмѣстѣ съ его товарищами и учителями въ другую и отдаленную страну. Тамъ, имѣя меньше возможности вредить кому либо, они должны будутъ заняться работою, отказаться отъ своихъ порочныхъ наклонностей и принять убѣжденія болѣе общественныя и правила болѣе нравственныя, подходящія къ назначенію человѣка.

Общество въ такомъ удаленіи порочныхъ людей нашло для себя залогъ собственнаго спокойствія и нѣкоторой безопасности. Нравственность много выиграла, потому что ссылка предупредила преступленія больше, чѣмъ всевозможныя наказанія, внушивъ страхъ остальнымъ людямъ, находящимся на пути къ преступленію. Пусть вообразятъ они себѣ то отчаяніе, которое причинило ушедшимъ разлука съ родиною, друзьями и ближними навсегда. Между ними могъ попасться мужъ и отецъ, разлученный съ женою и дѣтьми, не пожелавшими слѣдовать въ ссылку. Безъ сомнѣнія, было бы лучше и полезнѣе для человѣчества найти основу преступленій и предупредить ихъ, истребивъ причину въ корнѣ, чѣмъ наказывать преступниковъ; но какъ безполезно стараться уничтожить зло, пока человѣческое сердце служитъ мѣстомъ для страстей, то усиліе отвращать зло—пока единственное къ тому средство, а самый удобный способъ—это ссылка.

Человѣкъ можетъ перенести самую тягостную жизнь, потому что, не смотря на всѣ страданія и несчастья, онъ видитъ возможность избавиться отъ нихъ въ будущемъ и эта надежда его утѣшаетъ. Мысль потерять навсегда то, что ему дорого, уже свыше его силъ. И какой неоцѣненный случай застать его въ этихъ размышленіяхъ, развить въ немъ сознаніе преступленія, если бы наши ссыльные находились въ рукахъ людей, разумѣющихъ и оцѣнивающихъ въ нихъ человѣческое достоинство! То ли бываетъ на самомъ дѣлѣ у насъ, въ Россіи, которой сознательно и справедливо завидуютъ европейскія государства, не имѣющія подъ руками такихъ удобныхъ и счастливыхъ мѣстъ для колонизаціи? Наши ссыльные на пути къ раскаянію попадаютъ въ руки, еще сильнѣе увлекающія ихъ къ пороку, а на дорогѣ въ ссылку наталкиваются на новыя искушенія и соблазны, еще болѣе рѣзкіе, грозные и гибельные. Не будемъ же удивляться теперь, послѣ знакомства со всею предшествующею ссылкѣ обстановкою, тому, что опытные старожилы сибирскіе встрѣчаютъ ихъ недовѣріемъ и даже презрѣніемъ. Поговорки сибиряковъ потому и сильны своимъ смысломъ, что характеризируютъ одну изъ главныхъ чертъ поселенцевъ, благопріобрѣтенную въ тюрьмахъ и развиваемую въ Сибири, на самыхъ мѣстахъ поселенія. Дѣйствительно, рѣдкій поселенецъ свободенъ отъ страсти къ воровству, потому что онъ утратилъ въ тюрьмахъ уваженіе къ чужой собственности и потерялъ въ дорогѣ по этапамъ, отъ безчисленныхъ вымогательствъ, послѣднюю надежду на личную собственность. Поселенецъ не отстаетъ отъ тюремной привычки и на мѣстѣ водворенія, потому что, какъ извѣстно, онъ въ Сибири, по прибытіи изъ партіи на „мѣсто причисленія“, пособія не получаетъ и самъ ничего не имѣетъ, кромѣ ветхаго рубища и измызганной обуви, прослужившихъ ему на сотняхъ верстъ. Насколько онъ сохранилъ въ себѣ самоуваженіе, насколько принесъ онъ съ собою сознанія человѣческаго достоинства—это еще вопросъ, подлежащій большому сомнѣнію, послѣ того, какъ привели ссыльныхъ гуртомъ, въ стадѣ, которое и гонятъ къ тому же такъ, какъ будто это не люди, а что-то подобное скотамъ, нѣчто отличное отъ обычныхъ людей. На этапахъ и въ тюрьмахъ нѣтъ особыхъ протестовъ противъ униженія человѣческаго достоинства. Арестанты одѣты такъ, что одежду ихъ, не обинуясь, можно назвать лохмотьями, хотя лохмотья, на всѣхъ ступеняхъ человѣческихъ состояній, больше всего унижаютъ и без-

честять того, кто покрыть ими. Пища, которою кормять ссыльныхъ, завершая полноту униженія, въ то же время качествомъ и количествомъ своимъ немного даетъ задатковъ къ тому, чтобы ссыльный могъ достаточно сберечь въ себѣ силы для предстоящихъ работъ въ Сибири. Вся обстановка подготовительнаго быта какъ бы намѣренно стремится къ тому, чтобы унизить, а по возможности и уничтожить въ человѣкѣ человѣка.

Этапное путешествіе производитъ наклонность къ бродячей жизни даже и въ тѣхъ поселенцахъ, которые не были до сихъ поръ бродягами, и подрываетъ охоту къ болѣе порядочной, осѣдлой жизни. Тюрьмы пріучили поселенца къ грубой и праздной жизни и, во всякомъ случаѣ, сдѣлали его неспособнымъ къ постоянному усидчивому труду, какого требуетъ и въ правѣ требовать отъ него новая страна, дѣвственная земля и новая и незнакомая бытовая обстановка. Отчужденіе отъ семейной и лишеніе правильно размѣренной и устроенной жизни въ конецъ довершили ударъ и произвели окончательную порчу надъ этими людьми, которымъ судьба указываетъ быть колонизаторами богатой страны.

Внушаетъ ли кто до ссылки и во время путешествія арестантовъ въ ссылку о тѣхъ обязанностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ на новомъ мѣстѣ? Знакомятъ ли ихъ съ тѣми требованіями, которыя тотчасъ же заявитъ новая страна, и даютъ ли даже какое либо понятіе о Сибири? Вмѣсто того, чтобы каждый день и каждую минуту внушать о предстоящемъ счастьи для тѣхъ, которые честно исполняютъ свой долгъ, основанный на трудѣ и предусмотрительности, ссыльные остаются въ томъ же убѣжденіи, что ихъ гонятъ въ такую темную безпросвѣтную даль, гдѣ, судя по началу, и ждать лучшаго нечего, и надѣяться на какія либо льготы и уступки никакъ невозможно. По прибытіи ихъ на мѣста ссылки, принимаютъ ли ихъ лица, спеціально назначенныя для попеченія объ нихъ, долго жившія между преступниками, хорошо изучившія, посредствомъ долгаго и пристальнаго наблюденія, ихъ характеръ, нравы и привычки и, наконецъ, лица, хорошо знакомыя съ требованіями страны, съ сельскимъ хозяйствомъ, съ условіями торговли, съ ходомъ ремеслъ и съ нуждами окольнаго люда?—Напротивъ, дѣятельность и значеніе смотрителей поселенцевъ ослаблены. Люди, косвеннымъ и прямымъ образомъ вѣдающіе ссыльныхъ, люди случайные, весьма часто новые и, во всякомъ случаѣ, не имѣющіе никакого понятія о томъ, что требуется положеніемъ поселенцевъ. Внимательное изученіе и наблюденіе приведетъ даже къ тому заключенію, что бытъ поселенцевъ оставленъ на произволъ судьбы. Люди, которымъ они ввѣрены, слишкомъ равнодушны къ нимъ, даже до того, что въ отношеніяхъ къ ссыльнымъ показываютъ, при постоянномъ равнодушіи, въ моменты вниманія, больше раздражительности и несправедливости, чѣмъ правды и сердечнаго участія. Какъ будто ссыльные—лишнее бремя и посторонняя инстанція, которая отвлекаетъ отъ прямыхъ обязанностей по должности, безъ вознагражденія за труды, безъ ежемѣсячнаго жалованья и безъ надежды на награду и отличія. Скажемъ настоящую правду: на всѣхъ дѣлахъ, по отношенію къ ссыльнымъ, лежитъ печать слишкомъ явнаго равнодушія и распущенности. Предупредительныхъ мѣръ никакихъ, карательныхъ очень много, и все дѣло поселенцевъ такъ запутано и въ такомъ заколдованномъ кругѣ, какъ будто изъ него и никакого выхода нѣтъ. Покажемъ все это на фактахъ.

На первыхъ шагахъ въ Сибири, послѣ освобожденія пришельца отъ тюремъ и этаповъ, къ довершенію бѣды испорченнаго ими человѣка, его встрѣчаетъ обязательство податей, наравнѣ съ крестьянами-старожилами, но отъ повинностей поселенцы освобождаются. Такъ установилъ уставъ о ссыльныхъ 1822 года: „Поселенцы должны были по уставу платить подати, по прибытіи въ волость, съ перваго января; не уплатившихъ во-время уставъ велѣлъ отдавать за приличную плату и содержаніе въ работу старожиламъ. Вообще, они состоятъ подъ строгимъ надзоромъ, пока не обзаведутся. Для обзаведенія положенъ пятилѣтній срокъ. Если ссыльный въ это время устроится, то причисляется въ крестьяне и поступаетъ подъ обыкновенный земскій надзоръ; причемъ съ перваго по водвореніи года пользуется трехлѣтнею отъ податей и 20-ти-лѣтнею отъ рекрутства льготою и получаетъ собственныя деньги, которыя имѣлъ онъ до отправленія въ Сибирь. Если же въ теченіи пяти лѣтъ не обзаведется, то платитъ положенную подать, оставаясь въ прежнемъ положеніи". Вотъ чего желалъ гр. Сперанскій и вотъ что оказалось въ примѣненіи на практикѣ черезъ два-три года, судя по словамъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, написавшаго 20 марта 1825 года: „Съ 1823 по февраль 1825 поступило въ Енисейскую губернію на поселеніе 5.306 и неспособныхъ 476; всего 5.782. При этомъ найдено, что въ губерніи немного уже остается селеній, къ которымъ можно приселять ссыльныхъ, да и тѣ вскорѣ могутъ наполниться и, въ такомъ случаѣ, должно будетъ приступить къ поселеніямъ на счетъ казны. Приселенные ссыльные, бывъ обложены податями, оказываются несостоятельными къ платежу, потому что немногіе изъ старожиловъ могутъ принимать ихъ въ работу, и оттого ссыльные, не имѣя ни занятій, ни средствъ къ пропитанію, самовольно переходятъ въ другія селенія и волости, въ которыхъ или работаютъ изъ-за одного хлѣба или прожива-

ютъ праздно, со вредомъ для старожиловъ, мѣры же обыкновенной полиціи не сильны сему поставить преграду". Нельзя ожидать скораго водворенія ссыльныхъ, ибо „сверхъ невозможности выдавать имъ деньги вскорѣ по прибытіи въ волости, они поступаютъ въ мѣста своего назначенія въ ноябрѣ и декабрѣ и, не успѣвъ осмотрѣться, находятся въ обязанности платить подать, къ пріобрѣтенію которой удобно въ Сибири только лѣтнее время, прочее же затрудняетъ ихъ даже и въ пропитаніи. Почему и остаются они у казны въ долгу и едва ли въ продолжительнѣйшее время будутъ въ состояніи водвориться". То же самое происходило и въ Западной Сибири. Представленія губернатора разрѣшены были тѣмъ, что ссыльныхъ, поступающихъ на поселеніе съ сентября до мая, велѣно облагать податями и 50-ти-копеечнымъ сборомъ съ 1 іюля; поступающихъ же съ мая по сентябрь облагать съ 1 января, „дабы они имѣли воспользоваться рабочимъ временемъ для пріобрѣтенія денегъ на подати". Тогда же разрѣшено выдавать ссыльнымъ собственныя ихъ деньги при началѣ поселенія. Въ отвѣтъ на это двѣсти человѣкъ ссыльныхъ, поступившихъ на приселеніе въ одной изъ волостей Канскаго округа, жаловались (и жалоба ихъ дошла до Петербурга) на то, что съ нихъ, едва лишь они начинаютъ помышлять объ обзаведеніи домами и скотомъ для хлѣбопашества, уже требуютъ подати со всею настойчивостью и, при невозможности уплачивать, продаютъ скудное ихъ достояніе за безцѣнокъ, а сами они отдаются за малую плату (по 25 и 30 руб.) въ годъ въ работники въ тѣхъ же самыхъ селеніяхъ, къ которымъ причислены, тогда какъ и въ другихъ селеніяхъ могли бы они получать гораздо большую плату. Сенаторы, ревизовавшіе Западную Сибирь, удостовѣрялись на мѣстѣ въ крайней и величайшей трудности посельщикамъ, по освобожденіи ихъ изъ тюремнаго заключенія безо всего, кромѣ полуизношеннаго, оставляемаго имъ казеннаго одѣянія, вдругъ найти средства къ пропитанію домоводствомъ и къ платежу податей, и что „собственно отъ сего многіе изъ нихъ впадаютъ въ уныніе и даже отчаяніе, а нѣкоторые дерзостнѣйшіе, съ того самаго времени, какъ освобождаются изъ тюремнаго заключенія, ищутъ случая къ побѣгу назадъ въ Россію или начинаютъ въ Сибири новыя преступленія, покушенія на воровство, грабежи и разбои". Эта жалоба вызвала льготные годы и 9 ноября 1832 года постановлено: тѣхъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые обзаведутся, въ теченіи льготныхъ трехъ лѣтъ, хозяйствомъ, записывать въ крестьяне и освобождать отъ податей и повинностей еще на три года. Не умѣвшихъ обзавестись велѣно облагать поселенческою податью, отдавать за неплатежъ въ работники и продолжать за ними строгій надзоръ; по совершенномъ же водвореніи записывать въ крестьяне, но безъ вторичной льготы.

Неопредѣленность положенія ссыльно-поселенцевъ этими мѣрами все-таки не исправлена; намъ приходится убѣдится въ томъ, что прочнаго водворенія ссыльныхъ не достигнуто. Сибирь, до сихъ поръ, представляетъ страну, гдѣ бродячіе народы мало по малу становятся осѣдлыми, но осѣдлые люди сдѣлались бродячими. Ссыльное населеніе этой страны представляетъ движущуюся массу, постоянно перемѣняющую свое мѣсто, гдѣ ни одинъ индивидуумъ не сидитъ спокойно на мѣстѣ. Если у кочующихъ народовъ замѣчается опредѣленный законъ, по которому они совершаютъ свои передвиженія, за то у кочевниковъ изъ осѣдлаго племени людей, вмѣсто закона, всталъ произволъ и передвиженіями ихъ управляетъ какой-то незримый и непонятный рокъ. Только нѣкоторая часть этихъ людей обнаруживаетъ опредѣленное стремленіе на западъ, въ Россію, на родину. Остальная часть безразлично и непосѣдливо бродитъ по всѣмъ сторонамъ Сибири, наполняя ея тюрьмы снизу до верху и затрудняя мѣстныя власти до крайней степени. Вотъ что говорятъ правдивыя цифры въ подкрѣпленіе нашей первой мысли. Въ 1833 году принято Сибирью посланныхъ на поселеніе и на житье 5.011 мужч., 970 женщ. Въ 1838 году возвращено изъ Россіи бѣжавшихъ съ мѣстъ поселенія 995 мужч., 41 женщина (слишкомъ пятая часть всего количества *).

Въ	1834 г.	принято посел.		4.919 м.		1.291 ж.	
»	1835 »	»	»	5.455	»	1.538	»
»	1836 »	»	»	7.251	»	1.357	»
»	1837 »	»	»	6.550	»	1.260	»
»	1838 »	»	»	5.221	»	1.117	»
»	1839 »	»	»	6.057	»	1.135	»
»	1840 »	»	»	6.284	»	1.256	»
»	1841 »	»	»	6.203	»	1.129	»
»	1839 »	возвр. бѣжавш.		727	»	14	»
»	1840 »	»	»	813	»	20	»
»	1841 »	»	»	1.067	»	41	»
»	1842 »	»	»	826	»	23	»
»	1843 »	»	»	564	»	15	»
»	1844 »	»	»	574	»	10	»
»	1845 »	»	»	506	»	28	»
»	1846 »	»	»	328	»	16	»

Такимъ образомъ, изъ 52.651 мужч. и 11.123 женщ., сосланныхъ на житье и на поселеніе, бѣгали въ Россію 5.800 мужч., 208 женщ., или слишкомъ 10-ая часть всего поселенческаго населенія, вновь собраннаго въ Сибири за тѣ же девять, случайно нами взятыхъ лѣтъ.

*) Года беремъ на выдержку, но въ сопоставленіи ихъ предполагаемъ, что годъ поселенцы жили на новомъ мѣстѣ, годъ добирались до стараго пепелища, годъ удалось имъ прожить подъ угрѣвою и защитою родныхъ, два года посидѣть въ тюрьмѣ за справками и, послѣ долговременныхъ справокъ и стараго суда, черезъ пять лѣтъ снова явиться на осмотръ и учетъ въ Тюмени.

Нѣкогда, въ тридцатыхъ годахъ, подобное яркое явленіе объясняли просто тѣмъ, что „ссыльнымъ не нужно поселеній, ихъ желаніе стремиться къ бродяжеству, глупой волѣ и преступленіямъ“, что „побѣги повторяются нѣсколько разъ сряду, пока бѣглецы, узнавъ по опыту невозможность побѣга въ Россію, не сдѣлаются домосѣдами“. Теперь намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ голословнымъ выводамъ, мы достаточно видѣли и причину постояннаго скитанія поселенцевъ по чужимъ дворамъ, и доказательства, слишкомъ яркія для того, чтобы считать побѣги въ Россію не только возможными, но и весьма легкими *). Конечно, всему бываетъ конецъ: ссыльные поселенцы дѣйствительно дѣлаются, послѣ безчисленныхъ шалостей, преступленій и бродяжества, осѣдлыми. Бываютъ и такіе случаи, что поселенецъ съ перваго раза садится на мѣсто и сидитъ на немъ, не срываясь и не сбѣгая. Но это все частные, отдѣльные случаи; общая картина показываетъ другое. Такъ, напримѣръ, въ теченіи тридцати пяти лѣтъ **) сослано въ Сибирь на поселеніе и на житье 214.583 человѣка (181.822 муж. и 32.761 жен.), а между тѣмъ, сибирскій край не заселяется въ такой мѣрѣ, какъ это необходимо для его собственнаго блага и пользы государства вообще. Съ отмѣною, въ 1753 году, смертной казни въ Россіи, изъ русскихъ губерній отправляется въ Сибирь ежегодно около 10 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ до 8 тысячъ назначается на поселеніе. Казалось бы, что народонаселеніе Сибири должно значительно увеличиться, но факты не оправдываютъ этого предположенія. Не смотря на естественное умноженіе русскихъ старожиловъ, общее народонаселеніе Сибири давно уже остается въ одномъ и томъ же положеніи. Къ числу многихъ причинъ относятъ также и безнравственность поселенцевъ, ихъ распутную жизнь, а вслѣдствіе того и ту порчу отъ нихъ, которая пускаетъ глубокіе корни даже между старожилами. Одинъ изъ старожиловъ выражаетъ такое сѣтованіе: „Исчезло прежнее простодушіе сибиряковъ, которымъ они такъ славились. Обиліе страны и легкость пріобрѣтенія всѣхъ жизненныхъ потребностей породили лѣность, безпечность, а затѣмъ плутовства всякаго рода сдѣлались главными основаніями ихъ дѣйствій“. Отсюда произошло непомѣрное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты. Все это произошло въ такой странѣ, гдѣ „необыкновенное плодородіе почвы, безъ всякаго удобренія, даже обработанной, даетъ нерѣдко урожаи ржи самъ-15-ть и болѣе и гдѣ необъятныя пространства тучныхъ пастбищъ покрывались прежде многочисленными стадами разнаго рода скота! Лѣность и нерадѣніе—вотъ главные виновники всего зла. и нужны сильныя мѣры, чтобы остановить эту нравственную болѣзнь. Для этого необходимо: 1) измѣнить въ нѣкоторой степени образъ ссылки и водворенія преступниковъ въ Сибири; 2) изыскать средства къ ихъ занятіямъ, которыя принесли бы большую пользу какъ имъ самимъ, такъ и обществу и государству; 3) принять мѣры къ устраненію, по возможности, безбрачной жизни ссыльныхъ; 4) прекратить бродяжничество между ссыльными, нынѣ въ Сибири находящимися; и 5) устроить всѣ возможныя мѣры къ прекращенію плутовства при всѣхъ сдѣлкахъ и по всѣмъ отраслямъ промышленности“.

Такова картина, представляемая въ настоящее время бытомъ поселенцовъ, когда взглянемъ на нее попристальнѣе и вникнемъ въ частности.

Ни одинъ еще поселенецъ не уходилъ въ Россію тотчасъ по прибытіи на мѣсто; во всякомъ изъ нихъ довольно еще энергіи, чтобы попытаться: не будетъ ли здѣсь лучше, нельзя ли пожить на себя и на семью. Даже въ поселенцахъ, пришедшихъ одиночками, достаточно уберег лось покорности судьбѣ и желанія подчиниться своей участи. Надо весьма пожить въ тюрьмахъ и тамъ поучиться, надо много и сильно осмотрѣться и въ самой Сибири, кругомъ себя. чтобы дернуть предпринять такое смѣлое и трудное дѣло, каково обратное путешествіе на дальнюю родину. Если, съ одной стороны, чрезвычайно сильно развита и весьма знаменательна въ русскомъ человѣкѣ любовь къ роднымъ мѣстамъ и, при разлукѣ съ ними, желаніе побывать и увидѣть ихъ снова, то, съ другой стороны, понадобится много сильныхъ причинъ,

*) Разсказываютъ за достовѣрное люди, лично знавшіе арестанта, бѣгавшаго въ Ярославскую губ. для свиданія съ семействомъ. Три раза онъ уходилъ изъ Сибири и всѣ три раза дальше Пермской губерніи путь его не простирался. Его ловили, били кнутомъ, отсылали въ рудники; онъ бѣжалъ въ четвертый разъ и уже достигъ до цѣли, сговорилъ жену, явился съ нею къ тамошнему начальству, попалъ въ ярославскую тюрьму, получилъ 60 плетей и снова сосланъ на долгій срокъ каторги, но пошолъ въ Сибирь уже съ женою.

**) Съ 1823 по 1852 и съ 1854 по 1859 годъ. За два года промежуточныхъ и за всѣ послѣдующіе мы не имѣемъ цифръ подъ руками. Въ этомъ числѣ мы, разумѣется, не считаемъ сосланныхъ на каторжныя работы. Число каторжныхъ за извѣстные намъ года возросло до 44.503 человѣкъ (40.357 мужчинъ и 4.146 женщинъ). Такимъ образомъ, число всѣхъ пришедшихъ въ Сибирь ссыльныхъ (поселенцевъ и каторжныхъ) равняется 259.086 чел. Считая среднимъ счетомъ на недостающіе намъ года только по 8-ми тысячъ на годъ, мы получимъ приблизительную цифру съ 1854 по 1868 годъ всего количества ссыльнаго населенія, которое дала Сибири Россія, около девятисотъ тысячъ душъ обоего пола. А такъ какъ число каторжныхъ, по отношенію къ поселенцамъ, составляетъ 1/6 часть, то на одно поселеніе во всѣ 113 лѣтъ поступило въ Сибирь больше 750 тысячъ человѣкъ.

чтобы привести въ исполненіе такое дѣло, которое на глазахъ самихъ же поселенцевъ не всегда удается. Въ рѣдкомъ селеніи нѣтъ такихъ, которые были за то наказаны и, возвращенные опять, водворены съ новыми стѣсненіями при кое-какихъ правахъ и льготахъ (отданы въ работники, записаны въ крестьяне безъ вторичной льготы, съ хорошихъ мѣстъ водворены на худшія, побывали въ заводскихъ работахъ и проч.). Между тѣмъ, не рѣдкость такіе случаи, что бѣгали въ Россію семейные поселенцы и уводили съ собою женъ, дѣтей и родственниковъ, пришедшихъ за ссыльными по собственной волѣ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ прочнѣе сидитъ на мѣстѣ семейный поселенецъ, но опять не диковинка тотъ фактъ, что неудачи и несчастья разбиваютъ семью и члены ея расходятся въ разныя стороны искать пищи и заработка. Отецъ-большакъ дѣлается кукушкою въ истинномъ и переносномъ значеніи слова: либо покидаетъ дѣтей въ чужомъ гнѣздѣ, либо бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, на вѣстяхъ у генерала Кукушкина. Про одиночекъ изъ поселенцевъ и говорить много нечего. Для нихъ, разумѣется, уже нѣтъ крѣпкихъ путъ, привязывающихъ къ мѣсту, даже и такихъ, не совсѣмъ надежныхъ путъ, какими, повидимому, пользуются семейные ихъ товарищи. Одиночку, а въ особенности вновь прибылого, старожилъ всегда встрѣчаетъ недружелюбно. Сколько бывало такихъ случаевъ, что поселенецъ, получившій надѣлъ земляного участка, отдавалъ его первому охотнику изъ крестьянъ въ кортому, а самъ брелъ искать счастья въ чужихъ и дальнихъ людяхъ.

Противъ одиночекъ изъ поселенцевъ ставятъ преграду, какъ мы выше сказали, сибиряки-старожилы, не охотно отдающіе дочерей своихъ за поселенцевъ. Правительство издавна хлопотало объ истребленіи этого предразсудка льготами, острастками, наставленіями и внушеніями синода. Въ 1825 г. женскій вопросъ все-таки остановился на пріобрѣтеніи „покупкою или вымѣномъ“ отъ сопредѣльныхъ Сибири кочующихъ народовъ дѣтей женскаго пола для вознагражденія недоимки въ Западной Сибири женскаго пола. „Пріобрѣтеніе дѣтей,—говоритъ сенатскій указъ отъ 11 февраля 1825 г.:—удобнѣе рослыхъ и на будущее время средство сіе упрочиться могло бы съ лучшею удобностью. Довольно употребить для лучшаго успѣха нужную денежную награду тѣмъ, кои таковыхъ женскаго пола дѣтей пріобрѣтать будутъ“. Малолѣтнихъ дѣвочекъ, окрестивъ въ православную вѣру, велѣно размѣщать по семействамъ, въ женскомъ полѣ наиболѣе нуждающимся, а чтобы содержаніе ихъ не было тягостнымъ, опредѣлить для каждой потребное денежное и хлѣбное содержаніе до 15-ти—лѣтняго возраста. При выдачѣ за мужъ никогда не принуждать выходить въ тѣ семейства, гдѣ онѣ воспитывались, а предоставлять каждой въ томъ полную свободу. Расходы по этому предмету дозволено употреблять, по принадлежности, изъ остатковъ сбора на земскую повинность, „яко издержки для общественной пользы потребныя“. Въ 1831 году положено было выдавать 150 руб. казенныхъ денегъ каждому старожилу изъ казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ, который отдастъ за ссыльно-поселенца свою дочь или родственницу и приметъ зятя для житья и работъ въ собственномъ домѣ; въ 1840 году принуждены были придумать новую мѣру, вызванную неудачею первой. Женщинѣ свободнаго состоянія, вышедшей въ замужество за поселенца, вступающаго въ Сибири въ первый бракъ, велѣно выдавать 50 руб. Поселенцу, вступающему въ первый же бракъ со ссыльною, выдается отъ казны 15 руб. сер. безвозвратно и 15 руб. сер. въ десятилѣтнюю ссуду заимообразно. Пробовали заинтересовать и семейства, предоставляя имъ наградныя деньги, если невѣста выходитъ изъ дома, и невѣстѣ самой, если она живетъ отдѣльнымъ хозяйствомъ (указъ 3 мая 1843 г., разъясняющій положеніе 5 апрѣля 1837 г.). Но предначертанія не обезсилили предубѣжденій. Бракъ — этотъ легкій и вѣрный способъ для смягченія сердца, даже у людей жесткихъ, злыхъ и сильно огрубѣвшихъ въ порокахъ, не способствуетъ ни перемѣнѣ испорченныхъ нравовъ у поселенцевъ, ни служитъ и основаніемъ надежды, что эти несчастные могутъ воспользоваться благотворными послѣдствіями священнаго союза. Браки поселенцевъ въ Сибири до того большая рѣдкость, что многимъ туземцамъ приходила въ голову мысль исправить это зло посредствомъ переселенія въ Сибирь публичныхъ женщинъ изъ обѣихъ столицъ и другихъ большихъ городовъ Имперіи, по примѣрамъ, неоднократно повторенныхъ въ царствованіе Екатерины II.

Замѣчательно, что предки нынѣшнихъ сибиряковъ, первые пришельцы русскіе, казаки, воровали себѣ женъ въ Россіи, оправдываясь дозволеніемъ царя Грознаго, выраженнымъ въ граматѣ атаману Кольцу, подписанной дьякомъ Андреевымъ. На эту грамату ссылались сибиряки въ 1622 г., когда патріархъ Филаретъ вознамѣрился прекратить зло и послалъ тобольскому архіерею Кипріану обличительную грамату. Филаретъ приказалъ выслать въ Москву эту грамату, какъ несовмѣстную съ уставами православной церкви, и поставляетъ на видъ: 1) „что въ Сибири не носятъ крестовъ, не хранятъ постовъ, живутъ съ некрещеными женами, кумами и свояченицами, при отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ; 2) что духовные вѣнчаютъ безъ оглашенія и потворствуютъ воеводамъ, которые краденныхъ въ Россіи дѣвицъ

продають въ замужество и заставляютъ при себѣ ихъ вѣнчать. Монахини уходятъ изъ обители и живутъ въ мірѣ". Въ 1637 году прислано было въ Тобольскъ 500 семей и 150 дѣвицъ, для женитьбы казаковъ, изъ Вологды, Тотьмы, Устюга и Сольвычегодска. Въ 1728 году сибиряки начали женъ уже покупать; такъ, въ этомъ году дѣлается извѣстнымъ, что русскіе березовцы покупали у остяковъ дѣвочекъ и платили за семилѣтнюю остячку 20 коп. мѣдью. Покупали они и мальчиковъ, которые, того же возраста, стоили 25 копеекъ.

Пособія, выдаваемыя поселенцамъ и ихъ женамъ (по 766 ст. Уст. о ссыл.) для поощренія къ семейной жизни и „для улучшенія домообзаводства", не достигаютъ своего назначенія. Деньги иногда выдаются совершенно бездомнымъ, живущимъ на золотыхъ пріискахъ или въ чужихъ домахъ. Надзора за правильнымъ употребленіемъ денегъ никакого нѣтъ. Деньги выдаютъ исправники, которымъ нѣтъ физической возможности наблюдать за тѣмъ, куда истрачены онѣ, даже и волостныя правленія не поставлены ими въ подобныя обязательства надзора. Волостныя правленія знаютъ отъ экспедиціи о ссыльныхъ, что деньги назначены къ выдачѣ такому-то, а когда и сколько получитъ онъ ихъ—правленіямъ неизвѣстно. Смотрители поселенцевъ не знали даже и того, кому, когда, сколько назначено пособія, и сами губернскія правленія, сообщая въ казенныя палаты о выдачѣ денегъ, не имѣли свѣденій ни о времени, ни о количествѣ выданнаго. Само собою разумѣется, что и деньги эти, переходя изъ рукъ въ руки, значительно сокращаются, мельчаютъ и доходятъ по принадлежности въ уменьшенномъ размѣрѣ (волостные писаря въ Сибири наживаютъ большіе капиталы). Мы знаемъ случай въ Томской губ. (Каинскаго округа), гдѣ, вмѣсто 50 р. сер., получено тремя поселенцами только по 112 р. ассигнаціями, т. е. всего 32 р. сер.; 54 р. завязли въ карманахъ передатчиковъ. Вотъ какова процедура выдачи денежнаго пособія на вступленіе въ бракъ: назначаетъ деньги губернское правленіе и сообщаетъ казенной палатѣ; эта предписываетъ казначейству, казначейство выдаетъ исправнику, исправникъ, если не можетъ выдать поселенцу самъ, отправляетъ деньги въ волость. Не лучше ли было бы поступать такъ (во избѣжаніе безполезной переписки и излишней проволочки времени): ассигновать на этотъ предметъ ежегодно извѣстную сумму и тогда назначенныя губернскимъ правленіемъ деньги изъ экспедиціи отсылать прямо въ волостное правленіе, возложивъ на обязанность послѣдняго наблюденіе, а на смотрителей поселенцевъ повѣрку на мѣстѣ, что именно сдѣлано на выданныя деньги, и доносить о томъ экспедиціи? Къ чему былъ припутанъ исправникъ, когда спеціально для ссыльныхъ учреждены экспедиціи, а смотрители поселенцевъ были ни что иное, какъ писцы экспедиціи?

Болѣе дѣйствительными мѣрами по усиленію женскаго населенія въ Сибири оказались слѣдующія мѣры: 1) жены крѣпостныхъ людей, пересылаемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, обязаны были слѣдовать за мужьями, хотя бы, по рожденію своему, онѣ принадлежали къ состоянію свободному съ дѣтьми (указъ 22 марта 1832); 2) воспрещено евреямъ слѣдовать въ Сибирь за женами ихъ, ссылаемыми туда на поселеніе (указъ 1 окт. 1827); 3) дозволено еврейкамъ слѣдовать за мужьями только съ дѣтьми женскаго пола (указъ 1836 г.); 4) позволенъ бракъ поселянокъ съ каторжными.

Если, такимъ образомъ, уходъ поселенцевъ съ мѣстъ водворенія въ русскую сторону вызывается, въ одно время, и тоскою по родинѣ и негостепріимствомъ новаго мѣста и новыхъ сосѣдей, то вообще потасканье по чужимъ людямъ и въ сосѣдствѣ вынуждаются другими причинами, въ которыхъ поселенцы также мало повинны и являются страдательными участниками. Въ число бродягъ и въ это званіе, поставляемое въ укоръ поселенцамъ, попадаютъ въ Сибири сплошь и рядомъ даже тѣ изъ нихъ, которыхъ, собственно, этимъ именемъ и называть несправедливо. Такъ, напр., губернскіе остроги и остроги тѣхъ городовъ, въ которыхъ бываютъ торговые и промышленные съѣзды (въ видѣ ярмарокъ, базаровъ и съѣздовъ для найма на золотые промыслы), часто переполняются, подъ видомъ бродягъ, тѣми изъ поселенцевъ, которые перешли за предѣлы района, дозволеннаго закономъ. Какъ извѣстно, по распоряженію высшаго начальства, поселенцы, по прибытіи на мѣсто, не имѣютъ права отлучаться изъ своей волости въ продолженіи двухъ лѣтъ, полагаемыхъ достаточными для обзаведенія хозяйствомъ. Мѣра эта, благодѣтельная по принципу, когда сопровождается правильнымъ надзоромъ, безъ матеріальнаго пособія въ неблагопріятномъ положеніи поселенцевъ не приноситъ пользы даже и на половину. Для хозяйства нужны деньги и упорный трудъ; у большей части поселенцевъ нѣтъ гроша мѣднаго, а новоприбылымъ и собственныхъ денегъ ихъ не выдаютъ до окончательнаго ихъ водворенія; къ тому же этапы и тюрьмы выучили враждебнымъ труду началамъ. Ссыльный идетъ въ другую волость, гдѣ сильнѣе требованіе на работника, идетъ въ городъ, гдѣ всегда вѣрнѣе заработокъ — и попадаетъ въ тюрьму. Въ тюрьму попадаетъ безъ разбора даже и такой, который шелъ по приглашенію и съ намѣреніемъ непремѣнно заработать деньги для платежа податей и собственной надобности. Въ томскомъ острогѣ, въ концѣ іюля 1858 г., сидѣло такихъ поселенцевъ 20 человѣкъ; и такіе мнимые бродяги содержатся нерѣдко отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года и болѣе, всѣ—изъ

водворенныхъ въ ближайшихъ къ Томску волостяхъ, всѣ—пріѣхавшіе на базаръ и взятые „за безписьменность“. Эти люди, просидѣвшіе въ тюрьмѣ лѣтніе мѣсяцы, необходимые для крестьянина, нерѣдко приходятъ въ крайнее раззореніе, особенно, если таковой поселенецъ одинокій человѣкъ. Пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ, у него растащатъ и послѣднее достояніе, и только лишь вышелъ изъ нее—онъ уже пролетарій насквозь и не плательщикъ никакихъ податей. Въ томъ же томскомъ острогѣ пишущій эти строки, въ числѣ этого сорта бродягъ, видѣлъ и такого, который при нашемъ появленіи, вслѣдъ за другими, сползъ было съ наръ, хотѣлъ встать на ноги и тотчасъ же, противъ собственной воли, опрокинулся снова на нары. Этотъ несчастный былъ дряхлый старикъ, сугорбый, съ одышкою, весь искалеченный и до невозможности слабый, какъ можетъ быть слабъ сибирскій поселенецъ въ 76 лѣтъ и уже давно записанный въ разрядъ неспособныхъ. Сидѣлъ этотъ безногій старикъ, этотъ живой мертвецъ, также за бродяжничество и отвѣтъ его о причинѣ ареста, сказанный громко и съ кашлемъ, вызвалъ неудержимый хохотъ всей серьезной казармы. Несчастный, вмѣсто богадѣльни, попалъ въ тюрьму.

Изъ богадѣленъ, назначенныхъ для ссыльныхъ поселенцевъ, намъ извѣстны двѣ, обѣ въ Томской губерніи. Выстроенная въ г. Маріинскѣ (недавнемъ селѣ Кіѣ—бойкомъ и достославномъ нѣкогда пунктѣ найма рабочихъ на золотые промыслы) содержалась опрятно и даже щеголевато, но въ ней помѣщалось только 20 чел. На 20 же человѣкъ устроена и другая намъ извѣстная богадѣльня въ Боготолѣ (селеніи Маріинскаго округа). Про третью (и послѣднюю для всей Томской губерніи) богадѣльню въ селѣ Покровскомъ (Каинскаго округа) мы знаемъ то, что она занимала два ветхихъ дома, надѣленныхъ огромнымъ дворомъ, который обнесенъ полуразвалившимся плетнемъ. Но въ этой помѣщались избранные счастливцы, тогда какъ сотни другихъ „неспособныхъ“ терпѣли холодъ и голодъ въ полнѣйшемъ значеніи этихъ словъ. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся волостныя правленія, существуютъ такъ называемыя частныя богадѣльни или, вѣрнѣе сказать, „полуразвалившіяся лачужки, гдѣ лежатъ на клочкахъ соломы полунагіе, въ изорванныхъ рубищахъ, дряхлые и совершенно безпріютные поселенцы безъ всякаго призрѣнія. Кто изъ нихъ можетъ передвигать ноги и бродить по-міру, тотъ собираетъ малые куски для своихъ товарищей, лишенныхъ силъ просить даже милостыню. Здѣсь, такимъ образомъ, бѣдность и нищета являются въ самомъ грязномъ и отвратительномъ видѣ“ *). Между тѣмъ обѣ губерніи, Тобольская и Томская, по силѣ указа сената (15 іюля 1853 г.), предписывающаго отсылать всѣхъ поселенцевъ въ Восточную Сибирь, оставались, преимущественно, при прежнихъ поселенцахъ, дряхлыхъ и слабыхъ старикахъ, которые не только не могли обзавестись домами, но и прокормить себя трудомъ рукъ своихъ.

Разрядъ „неспособныхъ“, какъ извѣстно, опредѣляется тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ, который распредѣляетъ всѣхъ ссыльныхъ поселенцевъ по четыремъ губерніямъ и по пяти категоріямъ (во временные заводскіе рабочіе, въ ремесленники, въ цехъ слугъ, на поселеніе и на житье и въ неспособные). При этомъ, судя по табели тобольскаго приказа за 29 лѣтъ (1823 по 1852 г.), замѣчательно то, что во временные заводскіе рабочіе изъ всего числа поступило всего больше въ бывшую Омскую область; ремесленниками обильнѣе заручилась Тобольская губернія, слугами она же (своя рука—владыка). На поселеніе и житъ больше ушло въ Енисейскую губернію, а на Томскую, въ утѣшеніе, всего больше досталось неспособнаго люда. При этомъ особенно замѣчательно, что на Томскую губернію во всѣ 29 лѣтъ попало только четыре ремесленника. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ уходить въ дробныя частности, представляемыя табелями приказа (смыслъ которыхъ мы разъясняемъ въ отдѣльномъ трактатѣ). Возвращаемся снова къ поселенцамъ, которые уводятъ насъ снова въ сторону и опять на торную дорогу ихъ бездомовнаго скитанія и безконечнаго бродяжества. На этотъ разъ, вмѣстѣ съ самими поселенцами, мы радуемся тому счастливому случаю, что нѣкоторымъ удается сразиться со всѣми трудностями и препятствіями перваго обзаведенія, и они заводятся хозяйствомъ и попадаютъ въ число бродягъ только по ошибкѣ, вслѣдствіе недоразумѣній. Другіе, достаточно пошатавшись, находятъ пріютъ, но тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ, и такъ, что въ Сибири ихъ за то не одобряютъ. Но первымъ хуже, вторые счастливѣе; докончимъ о первыхъ, намъ остается сказать немногое.

*) Сострадание и участие благороднаго человѣка, написавшаго эти строки, вызвали до нѣкоторой степени облегченіе ихъ участи; 18 поселенцевъ, проживавшихъ въ частныхъ избушкахъ, получили одежду, обувь, бѣлье и дневное пропитаніе. Хлопотами того же лица составлены были проекты о постройкѣ въ волостяхъ домовъ для призрѣнія поселенцевъ. По даннымъ главнаго тюремнаго управленія, представленнымъ международному тюремному конгрессу, видно, что въ 1890 г. существовали: богадѣльня для ссыльнокаторжныхъ при Александровскомъ заводѣ; дѣтскій пріютъ при Нижне-Карійскомъ промыслѣ; въ 55 верстахъ отъ послѣдняго промысла устроено, въ видѣ опыта, въ 1884 г. селеніе изъ ссыльнокаторжныхъ, освобожденныхъ на житье внѣ тюрьмы и имѣющихъ семьи; въ немъ теперь 14 домохозяевъ, занятыхъ преимущественно земледѣліемъ. Въ 1883 г. такое же поселеніе организовано въ 7 верстахъ отъ Покровскаго рудника, гдѣ живетъ 10 домохозяевъ.

Если благоразумному и предусмотрительному поселенцу удается какимъ нибудь образомъ выстроить себѣ домъ и обзавестись маленькимъ хозяйствомъ, онъ и тогда не избѣгаетъ разныхъ притѣсненій. Между прочимъ, ему не даютъ въ достаточномъ количествѣ ни земли, ни луговъ. Поселенцы единогласно и повсюду жалуются, что лучшія земли и покосы остаются въ пользованіи старожиловъ, что старожилы постоянно ихъ окашиваютъ и опахиваютъ. Во многихъ мѣстахъ на притѣсненія, дѣлаемыя въ земляныхъ угодьяхъ, жалуются не только поселенцы, но и бѣдные крестьяне-старожилы. На это зло въ Сибири давно сложился крупный типъ міроѣда - богатѣя. Ерофей Хабаровъ, знаменитый герой Амура, былъ однимъ изъ первыхъ, положившихъ начало и корень такимъ алчнымъ пріобрѣтателямъ и обидчикамъ. Знаменитый богачъ Кандинскій, ворочавшій въ недавнія (уже въ наши) времена всѣми торговыми и промышленными дѣлами цѣлой половины Забайкалья, т. е. всего Нерчинскаго края, былъ не послѣднимъ. Простодушіе сибирскаго люда привыкло видѣть въ такихъ ловкихъ капиталистахъ не только первыхъ и коренныхъ цѣновщиковъ ихъ труда, но и совѣтниковъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и политическихъ вопросахъ. Если время и ослабило ихъ деспотическую дѣятельность и грозный образъ Хабарова,—отнявшаго у поселенца жену и поколотившаго и искалѣчившаго якутскихъ поселенцевъ, присланныхъ въ Киренскъ на его заимку для поселенія,—значительно поблѣднѣлъ теперь. Онъ измельчалъ, но все-таки идея его живуща и способы эксплуатаціи чужого труда все тѣ же. Не такъ крупны, грубы и жестоки сдѣлались припадки, но болѣзнь все еще гнѣздится въ организмѣ. Больныхъ такихъ числомъ стало еще больше и нѣтъ въ Сибири околотка, гдѣ бы какой нибудь міроѣдъ не путалъ въ своихъ крѣпкихъ тенетахъ и простодушныхъ старожиловъ и беззащитныхъ поселенцевъ. Въ Россіи такіе люди уже не такъ сильны, въ Сибири они еще поражаютъ силою своего вліянія, прочностью положенія, не смотря на то, что со стороны властей дѣлались на нихъ энергическія вылазки и наскакивала коса на камень, но не вездѣ. Западной Сибири въ этомъ отношеніи счастливилось меньше Восточной. Міроѣды эти, извѣстные каждый въ своемъ околоткѣ подъ шутливымъ прозвищемъ „губернаторовъ“, во многихъ мѣстахъ поражаютъ до сихъ поръ крупными дикими чертами, какъ почти все въ этой сильной и дикой странѣ, называемой Сибирью. Обидчики, вродѣ купцовъ Л..., П... и другихъ, и для Западной Сибири настолько сильны, что бытъ поселенцевъ, успѣвшихъ водвориться, значительно утѣсненъ и обездоленъ.

Присяжные защитники поселенцевъ, такъ называемые смотрители, настолько слабы значеніемъ своимъ передъ богатыми тузами, умѣющими хорошо кормить и угощать, и настолько ничтожны вліяніемъ, парализированнымъ вмѣшательствомъ болѣе крупныхъ властей, что на нихъ даже и крестьяне смотрятъ съ пренебреженіемъ, только за то, что они, хотя и чиновники, но все-таки предстатели поселыщиковъ. Общее, вкоренившееся недоброжелательство къ поселенцамъ до того сильно въ сибирскихъ крестьянахъ, что они, всегда считая ихъ чуждыми своего общества въ дѣлахъ интереса, смотрятъ на нихъ, какъ на парій. Отсюда- передъ крестьяниномъ поселенецъ всегда виноватъ. Смотрители, вмѣсто того, чтобы быть адвокатами и посредниками въ дѣлахъ поселенцевъ, имѣть строгое наблюденіе за сборомъ съ нихъ податей, принимать должныя мѣры къ устройству ихъ быта, — на самомъ дѣлѣ остаются безъ правъ (которыхъ имъ не дано). Въ своихъ дѣйствіяхъ они постоянно встрѣчали оппозицію со стороны земскаго и волостного начальствъ. Оттого положеніе смотрителей было пассивнымъ. Сибирскій крестьянинъ, привыкшій передъ всякимъ новымъ человѣкомъ снимать шапку, передъ поселенческими смотрителями этого не дѣлалъ, смѣло оправдываясь тѣмъ, что онъ-де крестьянинъ, а не поселенецъ. Волостныя правленія не исполняли никакихъ смотрительскихъ требованій, какъ бы желая, чтобы права смотрителей были болѣе укрѣплены, чтобы административныя и хозяйственныя дѣла поселенцевъ, для пользы и блага послѣднихъ, исключительно были переданы въ ихъ вѣденіе и проч. Сюда находили необходимымъ отнести слѣдующія обязанности: увольненіе поселенцевъ на работы и золотые промыслы, выдача билетовъ, сборъ податей, всю отчетность въ денежныхъ суммахъ, заботы о бытовыхъ нуждахъ въ качествѣ депутата при исковыхъ дѣлахъ между поселенцемъ и крестьянами. И тогда на смотрителей возлагали обязанности, подобныя заведенію алфавитовъ, приведенію въ порядокъ всегда сильно запущенныхъ дѣлъ по поселенческой части, но все это въ формѣ временныхъ правилъ и частныхъ распоряженій. Права и обязанности смотрителей закономъ совершенно не были опредѣлены, а съ 1841 г. поселенцы и всѣ дѣла объ нихъ переданы были въ земскія полиціи. Между тѣмъ, уже въ 1852 году замѣчено было, что незаконный поборъ за выдачу билетовъ на золотые промыслы началъ, въ особенности, возвышаться съ тѣхъ поръ, какъ выдача билетовъ перешла изъ вѣденія смотрителей въ вѣденіе волостныхъ правленій. До 1841 года злоупотребленій было менѣе, сборъ податей шелъ успѣшнѣе и недоимка на поселенцахъ начала значительно накопляться съ 1842 года.

Когда, подъ вѣденіемъ земской полиціи, поселенческія недоимки стали значительно возростать и возбудили серьезную заботу и когда изслѣдованы были ближайшія причины (не во мно-

мъ отъ самихъ поселенцевъ зависѣвшія), то мѣчена была одна любопытная. Подати съ оселенцевъ, какъ извѣстно, собираютъ особые борщики изъ крестьянъ, отличающіеся добровѣстнымъ исполненіемъ обязанностей относильно земляковъ-односельцевъ. По отношенію в къ поселенческимъ деньгамъ, въ силу общественнаго положенія поселенцевъ и обыкновенго взгляда на нихъ, сборщики податей нерѣдко взысканныя деньги совсѣмъ не представляли, или сдавали въ уменьшенномъ количевѣ или, наконецъ, дѣлали такимъ образомъ, о взысканныя съ поселенцевъ подати вносили крестьянъ—своихъ родственниковъ или пріялей. Если крестьяне уплачивали, то сборщики юсили за поселенцевъ, въ противномъ случаѣ тавляли такъ, какъ было дѣло, и на плательикахъ считалась недоимка увеличенною. Къ му же волостное начальство, по укоренившеся съ давнихъ временъ обычаю, собирало пости съ однихъ наличныхъ поселенцевъ, нанивющихся на пріиски, при выдачѣ имъ билевъ, и то не всегда, за цѣлый годъ, а только половину слѣдующаго. Недоимка росла на вчестье поселенцевъ и на валовое обвиненіе ъ, а между тѣмъ волостныя правленія сами исключали изъ списковъ умершихъ, бѣжавихъ и выбывшихъ разными случаями или оказвшихся, по медицинскому свидѣтельству, неюсобными къ работамъ (при чемъ крупнѣе ифра недоимки за умершими, потомъ за неспобными и, наконецъ, за бѣжавшими). Казначейва считали недоимки также неправильно, напитывали большія цифры. Исправный платежъ датей падалъ не на общество, а на личную вѣтственность каждаго поселенца. Между тѣмъ, селенцы, уличенные въ новыхъ преступленіяхъ, рѣшенія дѣла сидѣли въ тюрьмахъ иногда нѣсколько лѣтъ, податей въ это время не атили, а недоимка росла. Между тѣмъ, экономическій капиталъ ссыльныхъ, наростающій отъ носовъ поселенцевъ и не идущій на нихъ,—ачительный. Изъ этого капитала весьма малая часть тратилась на леченіе ссыльныхъ въ льницахъ, а добрая доля его прилаживалась быкновенно къ какому нибудь крупному предіятію, совершенно стороннему и ничего общаго дѣломъ ссыльныхъ не имѣющему (вродѣ, апр., пріобрѣтенія Амура, яму котораго долье время хорошенько завалить не могли). Каторжныхъ уволятъ отъ обязанностей, причислятъ какой нибудь волости, на томъ все и заты покончатъ, а тамъ хотя трава не рости. тяни что нибудь, иди въ кабакъ и опять ступай на прежнюю дорогу, въ каторгу или на заводы, смотря по преступленію или проступку, иличившему тебя, горемыка!

Преступленія, за которыя судятся поселенцы Сибири, группируются болѣе крупною цифрою около такъ называемаго преступленія „побѣга изъ Сибири", затѣмъ слѣдуетъ воровство со взломомъ, — преступленіе, которое служитъ обыкновенно коренною причиною ссылки поселенца, а въ Сибири является слѣдствіемъ безвыходности положенія. Затѣмъ поселенцы дѣлаются убійцами, потомъ виновными въ развратномъ поведеніи (въ особенности поселенки), въ побѣгахъ изъ-подъ стражи, во взломѣ тюремъ и въ дѣланьи фальшивыхъ билетовъ *). Число другихъ поселенческихъ преступленій, по количеству и сравнительно съ предыдущими, довольно незначительно, чтобы дѣлать какіе либо серьезные выводы. Во всякомъ случаѣ, они не такъ многочисленны, какъ можно бы было ожидать при условіяхъ бродяжьей жизни, при сильно развитомъ въ людяхъ этихъ пьянствѣ и по тому поголовному обвиненію, которое возводятъ на нихъ люди, судящіе не по цифрѣ и скрытому въ ней смыслу, а изъ своекорыстнаго разсчета оправдать свою неправильную дѣятельность или совершенное бездѣйствіе. Исканіе одной дикой воли и совершеннаго бездѣйствія, въ которыхъ эти люди находятъ оправданіе себѣ и обвиненіе поселенцамъ, — аргументы крупные и сильные на бумагѣ, но на дѣлѣ не выдерживаютъ критики. Всякій человѣкъ ищетъ для себя лучшаго— таково свойство людской природы. Вообще, всѣми давно признано, что человѣкъ остается охотно тамъ, гдѣ ему хорошо, охотно работаетъ и трудится, когда его положеніе кажется ему сноснымъ и когда постоянныя неудачи и препятствія не доводятъ его до утраты вѣры въ себя и не уничтожаютъ его бодрости. Не забудемъ, что поселенцы довольно часто приходятъ съ семействами: въ 29 лѣтъ двѣсти тысячъ сосланныхъ на поселеніе лицъ обоего пола увлекли за собою семнадцать тысячъ пришедшихъ по собственной волѣ женъ, дѣтей и родственниковъ. Въ той же Сибири имѣются доказательства противнаго, слишкомъ опредѣленныя, но достаточно не изслѣдованныя. Въ Сибири нѣтъ того мѣста, гдѣ бы не жили староверы или, по тамошнему, кержаки и гдѣ бы не разсказывали за вѣрное, что рѣдкій изъ этихъ богачей не имѣетъ собственной деревушки, куда онъ ѣдетъ, какъ помѣщикъ, и встрѣчается, какъ архіерей. Сюда, по завѣту отцовъ, богатые кержаки за удовольствіе полагаютъ для своей души принять всякаго странника и тщательно уберечь его отъ грядущихъ напастей и

*) Въ теченіи 9 лѣтъ (съ 1838 по 1847 годъ) всѣхъ поселенцевъ присуждено въ Сибирь 6.829 мужчинъ, 301 женщинъ, — цифра, уступающая, однако, преступникамъ изъ бродягъ, которыхъ за тѣ же годы присуждено 14.861 мужчинъ, 3.785 женщинъ, и преступникамъ изъ каторжныхъ; по числовому отношенію общаго количества тѣхъ и другихъ, число каторжныхъ въ 6 разъ меньше общаго числа поселенцевъ, но всѣхъ каторжныхъ, за тѣ же годы, осуждено 2.689 мужчинъ, 30 женщинъ.

золъ. Говорятъ, что нѣкоторымъ приходилось прятать и бѣглыхъ каторжныхъ и шатающихся поселенцевъ. При обыскахъ они умѣли откупаться по древнему способу, котораго не чуждался и самъ де-Геннингъ—основатель города Екатеринбурга, умѣвшій не брезговать бѣглымъ ссыльнымъ и за крѣпкіе подкупы приселявшій къ новому городу даже бѣглыхъ съ каторги. Около Екатеринбурга и около Тюмени испоконъвѣку бывали притоны для бродягъ изъ раскольниковъ.

Въ Сибири повсюду разсказывается недавній случай находки однимъ изъ земскихъ чиновниковъ цѣлаго селенія, нигдѣ въ книгахъ не записаннаго, нигдѣ на картахъ не нанесеннаго, о которомъ ближайшій становой приставъ (по сибирски засѣдатель) ничего не зналъ и ни отъ кого не слыхалъ.

Для кого же теперь тайна организаціи свободныхъ или, какъ привыкли выражаться, самовольныхъ поселеній, не говоря о ежемѣсячныхъ приселеніяхъ каторжныхъ къ поселенцамъ и наоборотъ? Кому не ясно, что болѣе счастливыя плодородіемъ и болѣе защищенныя природою и безопасныя мѣста въ Сибири охотнѣе избираются самовольными поселенцами для свободныхъ поселеній и что между ними Алтай, по преимуществу, облюбленное мѣсто? Въ томъ обширномъ клинѣ благодатной земли, который врѣзался между рѣками Біею и Катунью, стремящимися слиться въ Обь, давно уже велась эта опасная игра въ ставки новыхъ деревень по народнымъ образцамъ до-петровскихъ временъ, еще очень живучимъ и хорошо прилаживаемымъ въ Сибири. Для Сибири вопросъ о свободной народной колонизаціи не кончился, хотя, правда, и въ Россіи онъ совершенно убитъ только въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири мы сами видѣли, въ 1861 году, десятокъ малороссовъ, пришедшихъ изъ Кіевской губерніи въ нахваленную имъ Сибирь поискать хорошихъ земель, подъ Омскомъ схваченныхъ за бродягъ и въ Омской тюрьмѣ откровенно и простосердечно высказавшихъ намъ то же самое показаніе, какое дали они и по начальству. А сколько сибирскія экспедиціи о ссыльныхъ записали подъ именемъ поселенцевъ,—также въ недавнія и наши времена,—дворовыхъ людей (преимущественно губерній Московской и Пензенской), бѣжавшихъ отъ господъ, и крѣпостныхъ крестьянъ, пришедшихъ изъ густо населенныхъ губерній на золотые пріиски, полюбившихъ Сибирь больше родины и пожелавшихъ въ ней остаться. Схваченные за бродягъ, посаженные въ тюрьму и выученные тамъ по дешевому способу показать себя непомнящими родства—они достигали цѣли: наказанные при полиціи, они записывались въ званіе поселенцевъ. Нѣкоторые, для вящаго удостовѣренія въ показаніяхъ своихъ, дѣлывали на лицахъ искуственные шрамы, чтобы походить на поселенца освобожденнаго отъ каторжныхъ работъ. Такимъ же способомъ показанія непомнящими родства остались въ Сибири жены, приходившія повидаться съ мужьями и также запертыя въ остроги. Званіемъ непомнящихъ прикрываются бродяги и ссылаются безъ наказанія, но только сдѣлавшихъ ложное показаніе сѣкутъ при этомъ. Требовалось много искуства для того, чтобы званіе это оставить за собою: надо хорошо знать увертки и крючки въ уголовныхъ законахъ и, сверхъ того, запастись духомъ упорства, упрямства, устойчивости и скрытности. Бродяги бываютъ одарены этими качествами въ высокой степени совершенства: они легко и храбро отказываются на очныхъ ставкахъ (если таковыя даютъ имъ) отъ родныхъ, родителей, жены и дѣтей. Неопытные пріобрѣтали эти способности въ тюрьмахъ. Сдѣлавшись арестантомъ, непомнящій бродяга стоитъ внѣ опасности въ томъ смыслѣ, что его уже никто ни наказать, ни допрашивать въ тюрьмѣ не имѣетъ права, кромѣ его непосредственнаго начальства, каковы на этотъ разъ судебныя власти. Грубости и дерзости онъ, кромѣ этихъ лицъ, можетъ говорить всѣмъ: оттого-то многіе изъ бродягъ пользуются этимъ правомъ охотно и отводятъ на томъ свою грѣховную душу. Большое количество бѣглыхъ дворовыхъ людей въ поселенцахъ служило также одною изъ причинъ, задерживавшихъ въ Сибири развитіе земледѣлія и ремеслъ: бывшая дворня гнушалась сохи и согласна скорѣе идти въ ямщики, ходить въ лѣсъ на козуль и сохатыхъ. Нѣкоторымъ ямщикамъ счастливилось: за Байкаломъ были такіе, у которыхъ водилось троекъ до 15-ти.

Внутри Алтая, близь китайской границы, на правомъ берегу Катуни, при устьѣ рѣки Аколу и на верхней Бухтармѣ до сихъ поръ живутъ инородцы, составляющіе Ойманскую управу. Это — ойманцы бѣглопоповщинской секты, русскаго происхожденія; предки ихъ— бѣглые солдаты и заводскіе рабочіе люди. Придя въ Алтай, они бродили съ мѣста на мѣсто, отбивались отъ военныхъ отрядовъ, посланныхъ для поимки, и хотѣли уйти за границу. Но имъ было объявлено въ 1791 году, по ходатайству губернатора, человѣка великодушнаго, прощеніе императрицы Екатерины Второй и дозволено приписаться въ какое либо податное состояніе. Они избрали инородческое и коренные русскіе люди славянской крови поселились здѣсь подъ видомъ и именемъ дикарей-инородцевъ! Люди эти, извѣстные подъ именемъ **каменьщиковъ**, живутъ вблизи рудовоенаго тракта между Зыряновскимъ рудникомъ и пристанью Иртыша, на пространствѣ 70 верстъ, не имѣющемъ никакихъ жилыхъ мѣстъ. Въ прошломъ столѣтіи сюда доступъ былъ затруднителенъ и они довольно долгое время могли

поддерживать свое существованіе охотою и разбоями. Бѣжали рабочіе съ женами и дѣтьми, но къ нимъ успѣли присоединиться разные молодцы—охотники до чужого добра. Сами заводскіе не были людьми съ мирными наклонностями: тяжести работъ, соединенныхъ съ лишеніями, голодовками и частыми и суровыми мѣрами взысканія, успѣли ихъ озлобить такъ, что еще до побѣговъ они дѣлали частые проступки. Заводскія селенія раздѣлили на кварталы, учредили непремѣнные денные и ночные караулы, построили будки и при въѣздахъ въ селенія разставили рогатки; предполагали со временемъ окружить всѣ селенія рвами и обставить тѣми же рогатками. Разные „злоумышленные развратники" продолжали склонять заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ. Устройства и безопасности въ селеніяхъ не было. Начальство, черезъ сторожей стариковъ, сидѣвшихъ у воротъ, стало знать о всякомъ новопріѣзжемъ въ селеніе, но о прихожихъ соблазнителяхъ все-таки не получало точныхъ и желаемыхъ знаній. Религіозная пропаганда, съ соблазнами на вольную жизнь въ темныхъ лѣсахъ и въ безопасныхъ горахъ, приготовила вполнѣ независимыя селенія, родъ маленькихъ республикъ. Екатерина, прощая ихъ, принуждена была освободить ихъ сначала отъ всѣхъ налоговъ и только, какъ съ инородцевъ, указала брать небольшой ясакъ шкурами пушныхъ звѣрей. Такая первоначальная осторожность позволила впослѣдствіи обложить ихъ податями наравнѣ съ прочими крестьянами. Къ селеніямъ „каменьщиковъ" мало по малу добровольно присоединялись другіе крестьяне и выселялись изъ своихъ деревень правительствомъ тѣ, которыхъ оно считало благонамѣренными и способными благотворно вліять на независимый духъ коренныхъ поселенцевъ рѣки Катуни и сосѣднихъ дикихъ мѣстъ, безплодностью и безлѣсіемъ живо напоминающихъ степь.

Раскольники сибирскіе унесли съ собою русскій обычай „брести врозь", чтобы сбиваться въ подворища, отдѣльныя поселенія на новыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церквей. Для этого Алтай и Чернь представляются имъ самыми удобными. Въ Бійскомъ округѣ то и дѣло заводятся новые выселки и созываются новые вольные люди „копити слободы, рыбу ловити и пахоты заводити". „Сюда привлекають ихъ (пишетъ одинъ сибирскій священникъ), какъ выгоды нашего мѣста и сосѣдство съ кочевыми инородцами, такъ и пустынная дикая мѣстность, представляющая удобства къ своевольной жизни". Селятся пришельцы между аулами дикихъ инородцевъ, но, заселившись, все-таки состоятъ причисленными къ другимъ деревнямъ. По лѣвую сторону р. Біи уже готовы три селенія, выродившіяся изъ семи селеній раскольничьихъ, находящихся въ Бійскомъ округѣ. Въ одномъ изъ новыхъ селеній (Тайнѣ) было тогда уже 20 дворовъ.

Сибирь представляетъ два сильныхъ контраста именно въ томъ отношеніи, насколько разнится свободное поселеніе отъ принужденнаго, руководимое наемными и неопытными руками казенныхъ людей, отъ поселенія, организованнаго самими поселенцами внѣ всякихъ стороннихъ вмѣшательствъ и независимо отъ теоретическихъ кабинетныхъ соображеній. Въ 1827 г. утвержденъ былъ проэктъ поселенія 5.9?5 ссыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣвшій цѣлью, черезъ усредоточенный надзоръ и занятіе ихъ въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ праздности и побѣговъ. Въ пособіе отъ казны назначено было 479.927 руб., сумма, имѣвшая двѣ цѣли: первое—обзаведеніе и продовольствіе съ засѣвомъ; 269.091 руб. истрачены были на покупку хозяйственныхъ и земледѣльческихъ орудій, лошадей, коровъ и овецъ,—сумма, не подлежащая возврату. 210.835 руб. назначены были на пособіе ссыльнымъ для двухгодичнаго предовольствія и закупа сѣмянъ и подлежала возврату. Въ мартѣ 1829 г. назначены по близости усадебъ лѣса, указаны сборные пункты для своза провіанта, опредѣлены лица для надзора, отчислено количество ссыльныхъ, нужное для водворенія (за исключеніемъ обзаведшихся хозяйствомъ или принятыхъ старостами). Вся масса отобранныхъ новыхъ хозяевъ разбита была на отдѣленія для каждой деревни. Деревни были уже готовы: большая часть на большой дорогѣ, меньшая въ сторонѣ; двумъ поселеніямъ на р. Улуѣ въ Ачинскомъ округѣ, 6-ти въ Минусинскомъ, 10-ти въ Казанскомъ (на р. Бирюсѣ) по р. Кану, Оѣ, Рибинской (на ключѣ Медвѣденскомъ). Всѣ 22 импровизированныя деревни надѣлены 15-ти-десятинною пропорціею лучшихъ земель. На каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четыремъ поселенцамъ; трое опредѣлены были въ работники, четвертому выговорилось прозваніе кашевара и предназначалась обязанность хозяина. Товарищи его должны работать, кашеваръ заготовлять для нихъ все нужное. Аракчеевскіе планы осуществлялись въ Сибири: военныя поселенія воскресали въ новыхъ средствахъ приспособленія въ отдаленныхъ странахъ Сибири. „Въ мартѣ 1829 года,—говорить свидѣтель этого дѣла енисейскій губернаторъ А. П. Степановъ (въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Енисейская губернія"):—всѣмъ отдѣленіямъ ссыльныхъ сообщено движеніе къ мѣстамъ, для ихъ деревень опредѣленнымъ. Каждый ссыльный получилъ топоръ—и лѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Отъ сего времени каждое поселеніе должно было черезъ два года кончиться и черезъ четыре наполниться". Въ

33 году А. П. Степановъ писалъ слѣдующее: „Я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными и не могъ налюбоваться. Я видѣлъ семь, достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, которыя, какъ остежи, лежали на зеленѣющихся долинахъ по берегамъ Кана“.

Въ 1835 году видѣлъ эти селенія начавшими свою жизнь генералъ-губернаторъ С. Б. Броневскій и писалъ нижеслѣдующее: „Жители разбѣжались за неимѣніемъ силы расчищать лѣсъ подъ пашни. Много домовъ въ жалкомъ запустѣніи отъ водворенія малосильныхъ семействъ, снаружи дома, крытые досками или драницами и бревенчатыми или досчатыми заборами. Избы обширныя въ 5 оконъ на улицу на четыре покоя, раздѣленныя корридоромъ съ обширнымъ дворомъ; съ амбарами и сараями съ навѣсами, но впущены холостяки; содержаніе одной чистоты въ такихъ обширныхъ заведеніяхъ и ремонтированье поврежденій въ окнахъ, печахъ и проч. не подъ силу бѣднякамъ, ничего не имѣющимъ, обезохочиваетъ къ прочному водворенію въ слишкомъ затѣйныхъ для нихъ жилищахъ и постояльцы бѣгутъ, замѣняясь новыми таковыми же, почему трудно ожидать чего нибудь безъ новыхъ пожертвованій. Я посѣщалъ многіе изъ этихъ домовъ, находя тамъ невыразимую скудость въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни. Странно было видѣть въ домѣ одну женщину и четырехъ мужчинъ. При вопросѣ: котораго жена?—указывала на одного изъ четырехъ, прибавляя, что они, однако же, не вѣнчаны, а только, по своему желанію, обречены одинъ другому начальствомъ, ибо ссыльныхъ прежде двухъ лѣтъ нахожденія въ Сибири, по закону, вѣнчать нельзя. Меня крайне удивилъ такой предварительный союзъ“! Не удивительно то, что большая часть такихъ поселенцевъ бросила новые дома и разбѣжалась по старымъ лѣсамъ.

За Байкаломъ „семейскіе“ старовѣры съ охотою разсказываютъ всѣмъ такое преданіе, завѣщанное отцами, о временахъ и способахъ ихъ водворенія послѣ Вѣтки и Стародубскихъ слободъ. „Казна дѣдамъ нашимъ не помогала. Привезъ ихъ на мѣсто (на р. Иро) чиновникъ *). Стали его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ горахъ (дѣйствительно, всѣ три волости, словно провалились сквозь землю: кругомъ высокія лѣсистыя горы). Стали пытать: чѣмъ жить? Чиновникъ сказалъ: а вотъ станете лѣсъ рубить, подбирать щепки, щепы эти и ѣшьте! Поблагодарили его, стали лѣсъ рубить. На другой годъ вподволь другъ около друга начинали кое-чѣмъ разживаться, запасаться нужнымъ. На восемь дворовъ одна лошадь приводилась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили и повеселели. Пріѣхалъ знакомый чиновникъ и руками развелъ: „Вы-де еще не подохли? Жаль, очень жаль, а васъ — чу! затѣмъ и послали, чтобы вы всѣ переколѣли“. О подробностяхъ переселенія разсказываютъ слѣдующее: народъ собирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки за городомъ стояли нарочно-выстроенные амбары (бараки). Въ баракахъ этихъ много перемерло народу. По Окѣ въ Волгу везли на судахъ до Казани. Въ Казани много взяли въ рекруты: цѣлый полкъ потомъ былъ сформированъ изъ семейскихъ въ Тобольскѣ. За Байкалъ пришли уже малыми частями. Первая партія шла на Чикой въ 1755 г.; вторая, вышедшая съ марта 1756, пришла на Иро въ 1758 и оттуда, за негодностью мѣста, на Бичуру въ 1780 г. Третья ушла за хребты, гдѣ теперь двѣ волости: Тарабогатай и Мухоръ-Шибирь. На Иро пришло только 26 семей: Пересычины (6 душъ), Разуваевы (3), Афанасьевы (6), Савичевы (3), Просвирняковы (2), Терюхановы (4), Петровы (4), Павловы (2), Нестеровы (4), Купріяновы (3), Ивановы (4), Пантелѣевы (1), Гавриловъ (1), Юдинъ (1), Олейниковъ (1), Авдѣевы (2), Турковы (2), Ткачовыхъ (2), Гладкихъ (2), Бѣлыхъ (2), Головановыхъ (2), Кочневъ (1), Родіоновъ (1), Утенковыхъ (4), Хохловыхъ (2), Алексѣевыхъ (4)—всего 70 душъ. Теперь изъ 70 душъ стало 1.600, отъ которыхъ слышатся уже жалобы на тѣсноту житья въ одномъ селеніи, хотя Бичура протянулась на 4 версты въ длину (старожилы, т. е. первые пришедшіе, живутъ на горѣ).

Въ 1830 году декабристы, шедшіе изъ Читы въ Петровскій заводъ, получили такія впечатлѣнія: „Помѣщали насъ въ крестьянскія избы. Избы имѣли по нѣскольку комнатъ съ обоями, большими окнами и досчатыми крышами. Съ одной стороны сѣней была просторная комната для работниковъ съ могущественной русской печкой, по другую сторону отъ 2 до 5 комнатъ съ голландскими печами; полы были устланы коврами туземнаго издѣлія. Столы и стулья были чисто выструганы и даже не было недостатка въ зеркалахъ, купленныхъ на Ирбитской ярмаркѣ. Хозяйки гостепріимно угощали насъ ветчиной, осетриной и разными пирогами. На дворахъ мы видѣли окованныя желѣзомъ телѣги, хорошую сбрую, сильныхъ и сытыхъ лошадей и здоровыхъ осанистыхъ людей, производившихъ на насъ удивительно хорошее впечатлѣніе. Было воскресенье: всѣ шли въ молельную, мужчины въ длинныхъ армякахъ синяго сукна и въ хорошихъ собольихъ шапкахъ, женщины въ шелковыхъ съ собольимъ воротникомъ душегрѣйкахъ, на головахъ шелковые платки, вышитые золотомъ и серебромъ. Многіе изъ нихъ капиталисты; у нѣкоторыхъ — тысячъ до ста“. Съ 1857 года, въ теченіи девяти лѣтъ, семейскіе неустанно, безпрекословно и безъ особыхъ ущербовъ для себя, своимъ хлѣбомъ кормили Амуръ

*). По иркутскому лѣтописцу, подполковникъ Иванъ Ивановъ.

и не только отдавали зерно или муку даромъ, но приплачивали еще 10—20 коп. на пудъ за доставку хлѣба до Читы вольнымъ возчикамъ (казна давала за пудъ 60 коп., доставка изъ Тарабогатая, напр., стоила 70—80 коп.).

— Отчего ваши сосѣди такъ бѣдны?—спрашивалъ одинъ изъ декабристовъ.

— Какъ же имъ не быть бѣдными,—отвѣчалъ нашъ хозяинъ:—мы идемъ на работу въ поле съ пѣтухами, а сибирякъ варитъ себѣ кирпичный чай и пока соберется на работу, солнце уже успѣетъ высоко подняться. Мы уже первую работу сдѣлаемъ и отдыхаемъ, а сибирякъ въ самую жару мучитъ и лошадь и себя. Кромѣ того, поселенцы предаются пьянству, они тратятъ каждую копейку и не могутъ скопить капитала.

Въ нашей дорожной книжкѣ по горячимъ словамъ записались слѣдующія строки (16 янв. 1861 года): „Сибирскимъ народомъ недовольны, какъ бичурскіе семейскіе, такъ и мухоръ-шибирскіе. Встанетъ сибирякъ — чай пьетъ, въ поле идетъ — глядишь, опять домой тащится ѣсть; къ вечеру опять дома чай пьетъ. Хозяйство для нихъ второе дѣло. Опять же у насъ молодякъ до 20-ти лѣтъ водки не смѣетъ пить, а у тѣхъ ему и въ этомъ воля. Казаки же народъ совсѣмъ гиблый и не домовитый, ни въ чемъ они на насъ не похожи“.

Декабристы видѣли старика 110 лѣтъ, помнившаго первыя времена поселенія, когда стремились не къ водворенію ихъ, а имѣли въ виду наказаніе. Старикъ жилъ въ домѣ четвертаго младшаго сына, которому было 70 лѣтъ. Хотя самъ дѣдъ и не работалъ, но, по привычкѣ, постояно носилъ топоръ за поясомъ. Рано поутру онъ будилъ своихъ сыновей и внучатъ на работу. Каждый изъ сыновей имѣлъ по отдѣльной избѣ со дворомъ и амбаромъ и по отдѣльной водяной мельницѣ. „Зачѣмъ тебѣ, дѣдушка, такъ много мельницъ“?—спросили его. Отвѣчалъ: „Видите, какія у насъ поля“! и указалъ на окрестныя горы, повсюду засѣянныя. По богатству и довольству этихъ крестьянъ намъ казалось, что передъ нами русскіе въ Америкѣ, а не въ Сибири. Въ этой области Сибирь никакъ не хуже Америки. Тѣ же старообрядцы, живущіе на основахъ общиннаго труда (прибавимъ мы отъ себя), счастливы результатами обезпеченной и сытой жизни именно потому, что во многомъ сходствуютъ съ заатлантическими сектаторами: квакерами, мормонами и друг. Семейскіе имѣютъ собственное общественное управленіе, при помощи котораго поставили себя, до извѣстной степени, въ независимое положеніе. Они поняли секретъ обходиться съ чиновниками, готовые всегда къ платежу податей и способные платить даже сверхкомплектные въ видѣ поставокъ хлѣба на полуголодный и ненасытный Амуръ. Когда Амуръ легъ на семейскихъ неожиданною тяжестью, долговременные урожаи облегчили возможность борьбы съ невзгодою; общинная справедливая раскладка по семействамъ довершила удачу борьбы и доставила имъ полную побѣду, не смотря на то, что на хозяевъ средней руки приводилось ежегоднаго взноса до 40 пудовъ (на богатыхъ больше, на бѣдныхъ меньше). Бѣднымъ, сверхъ того, предоставлено было право воспользоваться платою за доставку въ Читу на сплавныя лодки и баржи. Богачами съумѣли сдѣлаться тарабогатайскіе, бичурскіе и мухоръшибирскіе старовѣры отъ торговли съ китайцами, отъ казенныхъ подрядовъ и доставокъ, въ силу той находчивости и изворотливости великорусскаго человѣка, которыя въ равной степени и неизмѣнно сохранены, какъ этими выселенцами изъ Бѣлоруссіи въ концѣ прошлаго вѣка, такъ и живущими тамъ же въ наши дни. Такими же живыми, трудолюбивыми и предпріимчивыми людьми старовѣры являются и за Байкаломъ между ненаходчивыми сибиряками, какими представляются ихъ единомышленники и родичи между забитыми и полудикими бѣлоруссами гомельскіе, вѣтковскіе и стародубскіе старовѣры *).

Въ томскомъ острогѣ мы видѣли арестанта, весьма почтеннаго, начитаннаго и солиднаго старика, очень богатаго раскольника—томскаго мѣщанина, который судился за образованіе селенія изъ бѣглыхъ въ Томскомъ округѣ на собственный счетъ и за совращеніе этихъ бѣглыхъ въ старую вѣру. Сходцы завели было отличное хозяйство, жили, не навлекая на себя преслѣдованій преступленіями и никого не обижая. Засѣдатель зналъ, бралъ поклонное и покорное— и не трогалъ. Кто-то сдѣлалъ доносъ: вольныхъ людей схватили, разсажали по тюрьмамъ, завели судъ и дѣло. А селеніе было совсѣмъ готово: большое-пребольшое въ привольномъ и дикомъ мѣстѣ, и лѣсъ—глушь, по требованіямъ людей древняго благочестія и староотеческихъ преданій. Стремленія ссыльныхъ старообрядцевъ къ организація отдѣльныхъ хозяйствъ въ видѣ скитовъ восходитъ до первыхъ временъ ихъ ссылки. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ сосланные въ Якутскій край устроивали скиты даже на рѣчныхъ островахъ. Но суровость климата и невозможность доставать жизненные припасы послужили причиною скораго исчезновенія этихъ

*) Замѣчательно, что, превращаясь въ сибиряковъ, семейскіе постарались забыть, между прочимъ, великорусскія пѣсни. При всѣхъ нашихъ стараніяхъ мы не могли записать у нихъ ни одной былины, на каковыя разсчитывали. Намъ говорили въ оправданіе: «Старики напѣвали еще кое-какія старины и былины, разговаривая о родинѣ: намъ не завѣщали никакихъ. Изъ нашихъ молодыхъ ихъ и не слыхивали. Поемъ только тѣ стихи, которые записаны въ цвѣтникахъ». Устояла пѣсня свадебная обрядовая, ибо-де обряды завѣщали блюсти крѣпко. Класса нищихъ не выработалось среди достатковъ и при общинной взаимной помощи, а потому бродячихъ пѣвцовъ нѣтъ и въ поминѣ, а съ ними и пѣсенъ.

колоній. Скить, образовавшійся около Анадырска и уже значительно увеличившійся, уничтожили сидячіе коряки, напавъ на скитъ и перерѣзавъ всѣхъ жителей.

Къ числу очень распространенныхъ сибирскихъ народныхъ преданій принадлежатъ повсюдные разсказы о томъ, что тамъ заблудившійся звѣровщикъ, заслышавъ звонъ колокола и соблазнившись имъ, нашелъ никому невѣдомое селеніе. Въ другомъ мѣстѣ таковое же обрѣлъ засѣдатель, который, не догадавшись скрыть своего званія, былъ убитъ жителями никому неизвѣстнаго и вполнѣ независимаго селенія. Подобные разсказы слышали мы и въ Западной и въ Восточной Сибири (за исключеніемъ одного Забайкалья). „Въ Якутскѣ мнѣ передали (говоритъ г. Сельскій въ статьѣ „Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ"), на Колымѣ и Индигиркѣ тамошніе жители до сихъ поръ разсказываютъ о существованіи съиздавна какихъ-то жителей, прежде сосланныхъ, потомъ бѣжавшихъ и поселившихся на неизвѣстныхъ островахъ Ледовитаго моря. Въ давніе годы какой-то промышленникъ около колымскаго устья осматривалъ на островахъ звѣроловныя снасти. Тамъ застигла его пурга и онъ заблудился. Долго блуждалъ онъ по окрестнымъ пустынямъ и, наконецъ, собаки привезли его въ незнакомое селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ, которые всѣ были срублены въ уголъ. Заблудившагося приняла женщина, но она ничего съ нимъ не говорила. Поздно вечеромъ пришли съ промысловъ мужики и стали разспрашивать прибывшаго къ нимъ: кто онъ, откуда, по какому случаю и зачѣмъ заѣхалъ къ нимъ, не слыхалъ ли онъ объ нихъ чего прежде и, наконецъ, не подосланъ ли кѣмъ? Промышленника этого они содержали подъ присмотромъ шесть недѣль, помѣстили его въ отдѣльномъ домѣ и не дозволяли отлучаться ни на шагъ и ни съ кѣмъ не разговаривать. Заключенный во время пребыванія своего тамъ часто слышалъ звонъ колокола и обитатели этого заповѣднаго селенія собирались въ молельню, изъ чего онъ и заключилъ, что это былъ раскольничій скитъ. Наконецъ, жители этого дикаго селенія согласились отпустить промышленника, но взяли съ него при этомъ клятву молчать обо всемъ, имъ видѣнномъ и слышанномъ. Затѣмъ они завязали ему глаза, вывели изъ селенія и проводили очень далеко. При разставаніи подарили ему большое количество бѣлыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ и сиводушекъ".

Къ такимъ вольнымъ селеніямъ, на выгодныхъ и соблазнительныхъ условіяхъ свободнаго выбора, охотно льнутъ и бѣжавшіе съ каторги и оставившіе мѣста поселенія; деньги, подкупъ и волостные писаря тутъ играютъ существенную и главную роль. Лѣтъ десять тому назадъ волостное начальство открыло въ Иркутскомъ округѣ поселенца, жившаго въ селеніи болѣе 20-ти лѣтъ. Знавшіе его думали, что онъ приписанъ начальствомъ, а потому и не преслѣдовали, да на бѣду, черезъ двадцать лѣтъ мирнаго его житія, узнали, что въ сосѣднемъ селѣ живетъ другой поселенецъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ, съ одинаковымъ именемъ и прозвищемъ (что случается между поселенцами сплошь и рядомъ). Этому второму несчастному вздумалось бѣжать. Побѣгъ его открылъ и перваго счастливаго. Стали допрашивать: онъ показалъ фамилію бѣжавшаго и всю его подсудность, а когда сличили примѣты его съ бѣжавшимъ, не то вышло. Сколько ни бились, настоящей фамиліи своей поселенецъ не показалъ; такъ и оставили его, благо, что раньше наказанъ былъ за бродяжество. Поблагодѣялъ ему сельскій писарь, признавшійся въ такой штукѣ: этого поселенца 20 лѣтъ тому назадъ поймали въ Минусѣ (Минусинскѣ), гдѣ онъ сказалъ, что бѣжалъ изъ-подъ Иркутска. Земскій судъ и послалъ его въ волость показать крестьянамъ, тотъ ли-де этотъ; оказалось, что не тотъ. Старшина обратилъ его въ волость съ пакетомъ. Поселенецъ, смекнувъ, что дѣло недоброе, бѣжалъ отъ ямщика съ дороги, прихвативъ съ собою и пакетъ. Съ пакетомъ онъ явился въ другомъ селѣ къ писарю; писарь пакетъ изорвалъ, а поселенцу велѣлъ жить тутъ и сосѣдямъ такъ разсказалъ, что присланъ-де съ пакетомъ. А сколько подобныхъ дѣлъ не наслѣженныхъ, а сколько селеній выросшихъ и окрѣпшихъ не по законнымъ предписаніямъ и обычнымъ программамъ!..

На сколько ссыльные готовы сами вести осѣдлую жизнь, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій недавній случай. Къ осени 1862 года по бродяжьимъ притонамъ прошелъ глухой слухъ о манифестѣ, въ которомъ будто бы сказано, чтобы всѣхъ бродягъ каторжныхъ приписывать на поселеніе, если только они добровольно явятся къ начальству. Слухъ этотъ расшевелилъ и поднялъ бродягъ, многіе изъ нихъ и въ разныхъ мѣстахъ объявились и, конечно, попали въ хлопушку, т. е. получили плети и опять каторгу. Особенно много, говорятъ, явилось такихъ охотниковъ по Томской губерніи.

Идя слѣдомъ за поселенцами по всѣмъ ихъ мытарствамъ, мы приходимъ, наконецъ, къ той важной отрасли государственнаго хозяйства, которая доставила столько денегъ Россіи и причинила столько горя и бѣдъ Сибири. Мы говоримъ о золотыхъ промыслахъ, которые нѣкогда разработывались исключительно руками ссыльно-поселенцевъ. Мѣщане изъ амбиціи, а крестьяне отъ домосѣдливости на эти работы не ходили *).

*) Въ 1840 году, изо всего наличнаго числа ссыльныхъ 134.630 человѣкъ (64.340 въ Западной и 70.290 въ Восточной Сибири), работало на золотыхъ промыслахъ одиннадцать тысячъ, т. е. почти двѣнадцатая часть всего наличнаго ссыльнаго населенія Сибири.

Старыя времена миновали. Золотопромышленность кончила свою безобразную исторію и начала, по новымъ образцамъ, другую, но слѣды стараго еще не совсѣмъ остыли и отъ прошлаго еще кое-что осталось на бѣду поселенцевъ. Нѣтъ теперь той сильной борьбы между партіями золотоискателей, которая нѣкогда принимала и грозную, и безчестную, а временами и до нелѣпости смѣшную форму. Давно не уливаютъ дорогу гостямъ отъ города до заимки шампанскимъ сами хозяева, не ѣздятъ ихъ довѣренные по улицамъ на бабахъ изъ враждебнаго промысловаго лагеря. Пріутихли хозяева, присмирѣли рабочіе. Не ходятъ послѣдніе по улицамъ города въ парчевыхъ курткахъ и парчевыхъ шароварахъ, не ступаютъ по грязи на кредитныя бумажки, подбрасываемыя подъ сапоги, испробовавшіе тальковой грязи на разрѣзахъ, чтобы, при переходѣ черезъ улицу изъ кабака, не загрязниться. Кончилось поголовное безобразіе, ужасавшее своими капризными и неожиданными формами. Кончилось, однако, не все.

Неурожаи и развитіе золотопромышленности, поднявъ цѣны на жизненные припасы, обращаютъ на этотъ промыселъ и мѣщанъ, и крестьянъ и даже пришельцевъ изъ Россіи *). Осталось еще вербовка рабочихъ, перебой, необходимость выдачи задатковъ, тяжелыя, на первобытныхъ пріемахъ основанныя работы; осталось, словомъ, то, отъ чего и прежде поселенцу бывало скверно и теперь не сдѣлалось лучше. Отъ дурной неэкономической разработки россыпей золотой промыселъ упадаетъ; открытій новыхъ стало меньше по невозможности отыскать богатыя. Самая охота къ поискамъ оттого замѣтно ослабѣла, прежніе же пріиски постепенно выработываются. Содержаніе золотоносныхъ песковъ видимо уменьшается и добыча по частнымъ промысламъ Сибири, особенно Западной, ощутительно упала. На поселенцевъ надвигается гроза и съ этой стороны. Къ тому же, надо сказать правду, безусловный наемъ поселенцевъ въ работы на золотые пріиски мало приноситъ имъ пользы.

До работъ ожидалъ поселенца наемъ съ задаткомъ. Задатокъ (рублей въ 40, 50, 60 вмѣсто дозволеннаго закономъ не свыше 7 руб. 50 коп.) находилъ его послѣ долгаго поста и безденежья, а на глазахъ торчатъ кабаки со всякимъ соблазномъ и господствуетъ старый пріемъ вербовщиковъ нанимать рабочихъ съ подтасовкою пьяными, умягченными и сговорчивыми. А тамъ дѣло извѣстное: обольстить, обмануть, подсунуть гнилой товаръ — московскую залежь; цѣною повыше, добротою хуже всякой возможности; придумать вычетъ изъ заработка помудренѣе и позапутаннѣе, подвернуть условіе, на которое трезвый человѣкъ не ходитъ, но голодный и пьяный идетъ. Тутъ является и обязательство, вопреки законному смыслу всяческихъ контрактовъ, считать рабочіе дни не со дня сдѣлки, а по приходѣ на пріискъ. Тутъ и обязательствъ объ одеждѣ нѣтъ, и орудія записаны въ разсчетной, какихъ не дано, и самая работа не приведена въ условную ясность—словомъ, цѣлая цѣпь стѣсненій всякаго рода. По этой причинѣ рабочій, обязанный иногда идти мѣсяца полтора и два до пріиска, даромъ тратитъ время и идетъ рваный и голодный, питаясь милостынею, а при случаѣ и воровствомъ. На пріискѣ, сверхъ обязательной, рабочій получаетъ работу всякую, какая придетъ въ голову довѣрителю и приказчикамъ. Жаловаться некому, жаловался тотъ, кто не зналъ, въ какихъ отношеніяхъ стояли засѣдатели къ довѣреннымъ.

Извѣстно, что сами золотопромышленники рѣдко въ Сибири живутъ, дѣйствуютъ откупщики по старымъ образцамъ и наукѣ: изводятъ много хозяйскихъ денегъ на карты, на пиры, на вечера, на смазку сложныхъ колесъ золотопромышленной машины, чтобы она не скрипѣла. Траты большія — надо ихъ возмѣстить. Другой крѣпко зарвется, а выходу нѣтъ; но отчеты и у нихъ спрашиваютъ. Тутъ и волостной писарь не малая подмога, чтобы показать хозяину выдачу задатковъ большему числу людей, чѣмъ сколько принято на самомъ дѣлѣ. Писарь бумагу такую и казенною печатью припечатать можетъ, а хозяину одинъ отвѣтъ: взяли рабочіе задатки, на пріискъ не пришли, извѣстное дѣло, посельщики, варнаки. Кто заглядывалъ въ сибирскіе остроги, тотъ знаетъ, что много рабочаго схватили съ домашней печи и по этапамъ высылали на пріискъ для отработки стараго долга; что другіе бѣжали съ самыхъ работъ, на дорогѣ пойманы, спрятаны въ тюрьму, потому что подлежатъ отправкѣ назадъ на счетъ нанимателя, да ждутъ отъ него присылки казачьяго конвоя для путешествія по таежнымъ дорогамъ. Послѣднія существуютъ только по имени, но не въ самомъ дѣлѣ, хотя на нихъ истрачено столько, что можно бы имѣть теперь уже желѣзную дорогу.

На самыхъ работахъ, т. е. на пріискахъ, поселенцы-рабочіе живутъ въ дрянныхъ избушкахъ, помогающихъ развитію цынги. Здѣсь они уже кабальные въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Плети не утратили своего внушительнаго значенія и, вообще, тѣлесное наказаніе всегда на готовѣ. Напускать страхъ, вынуждая исполненіе всякихъ требованій, считалось тамъ педагогическимъ пріемомъ. Сверхъ того, на пріискахъ для рабочихъ большіе уроки, которыхъ они никогда не выработываютъ по невозмож-

*) Нижегородскіе рабочіе, да и всѣ русскіе приходятъ артелями (что и законъ требуетъ). Но артельныя правила съ силою общаго голоса за каждаго члена и собственной расправы нѣкоторымъ довѣреннымъ не нравятся; ихъ стараются стѣснить и ослабить. Между тѣмъ, артели работаютъ отлично и требуютъ только хорошей пищи и побольше.

ности, а задаются на авось; вѣдь и расходъ по пріиску не маленькій: рабочій проситъ рукавицы, чирки, табакъ куритъ, къ кирпичному чаю привыкъ, да къ тому же и задатокъ взялъ большой. Надо наверстать и то и другое и себя не обидѣть. И вотъ, въ праздничные и торжественные дни вводятся такъ называемыя старательскія работы, которыя, вмѣстѣ съ усиленными уроками, крайне истощаютъ силы поселенцевъ. Между тѣмъ, „старанія" съ платежемъ съ золотника золота, самая справедливая форма вознагражденія, теперь вывелись и „старанія" теперь ни что иное, какъ спекуляція на отдыхъ, на истребленіе праздничныхъ дней у рабочихъ. Урокъ становится не подъ силу, и благо еще, что хозяевъ обязываютъ лекарями и лазаретами, хотя и туда иногда не принимаютъ. Вмѣсто лекарства — казачья команда съ извѣстными военными медикаментами, потому что болѣзнь можно иногда по ошибкѣ принять и за лѣнь *). Впереди рабочему предстоитъ дней сто кипѣть какъ въ котлѣ; урокъ не подъ силу, а между тѣмъ магазинный долгъ наростаетъ. Что дѣлать? Уступчивые и смирные машутъ рукою и въ работѣ валятъ черезъ пень въ колоду; рѣшительные и бывалые бѣгутъ съ промысловъ, бѣгутъ въ такомъ множествѣ, что хозяева сильно на это жалуются и просятъ въ свою пользу кое-какихъ уступокъ и новыхъ привиллегій.

Въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ каждый рабочій дорогъ. Другой наймется и придетъ на пріискъ, поработаетъ немного, заберется въ магазинѣ, да и объявитъ, что онъ неспособенъ. Станетъ докторъ свидѣтельствовать: либо грыжу найдетъ, либо рука вывихнута, либо другая хворь, закономъ предусмотрѣнная. Съ горяча нанимаютъ и совсѣмъ старыхъ людей, въ разсчетѣ на ихъ совѣсть, авось поработаютъ и не скажутся. Надо такихъ разсчитать, долгъ ихъ, разумѣется, смарать со счетовъ. Такимъ образомъ, большіе задатки, на перебой совмѣстниковъ, и хозяину невыгодны и рабочему идутъ на баловство и порчу. Одно хорошо — кормятъ не дурно, но на южной системѣ лучше, чѣмъ на сѣверной.

Порчи для рабочихъ не мало и въ примѣрахъ приказчиковъ; воровство золота—укоренившійся обычай. Для этого въ окрестности промысловыхъ „резиденцій" и евреи наѣзжаютъ изъ достославныхъ городовъ Каинска, Томска, Красноярска, Баргузина и другихъ. Немного правды и въ разсчетахъ: либо за добровольное стараніе выдаютъ тѣмъ, которые не старались, либо старавшихся обсчитываютъ. За выданныя вещи всегда берется двойная цѣна. Противъ воровства самородковъ, съ давнихъ временъ, употребляется система взаимнаго шпіонства. Нѣкоторые хозяева нечестными разсчетами возбуждаютъ противъ себя всѣхъ рабочихъ до того, что никто къ нимъ не идетъ: надо употребить хитрость, пробивать нечистыя тропы, а для такого дѣла опять употребляютъ тѣхъ же поселенцевъ половчѣе и посмышленѣе. Теперь уже не рѣдкость такіе случаи, что, послѣ восьмимѣсячнаго тяжелаго труда, рабочіе выходятъ съ промысловъ только съ долгомъ. Нѣкоторые ходятъ въ отрепьяхъ, чтобы выгадать на одеждѣ. Тутъ, если не поворуешь, не поплутуешь по образцу приказчиковъ, то и не поживешь. Теперь уже рабочіе ѣдутъ домой съ промысловъ (послѣ 12 сентября, когда кончается разсчетъ, производимый съ 8 числа) человѣкъ по двѣнадцати на одной тройкѣ и въ кабакахъ не скупаютъ цѣлой полки полуштофовъ и шкаликовъ для того, чтобы разбить ихъ въ дребезги со всѣмъ содержимымъ. Выходъ рабочихъ все еще, однако, нажива кабакамъ и мелкимъ торговцамъ.

Вообще, современное устройство промысловъ и обстановка ихъ дѣла не производитъ такой громады вреднаго вліянія на поселенцевъ, какъ это было нѣкогда, въ тѣ времена, когда промысловая работа считалась безчестною и позорною. Но многое еще продолжаетъ развращать нравы и вредить краю. Во многомъ золотые промыслы послужили тому несчастному явленію, что ссыльные не имѣютъ прочнаго домашняго хозяйства и вѣрному труду предпочитаютъ легкую наживу, являющуюся и до сихъ поръ съ наружнымъ обманомъ и соблазномъ въ началѣ и горькимъ разочарованіемъ въ концѣ. И теперь, по окончаніи работъ, обсчитанные и задолжавшіе, праздно скитаются они въ ближайшихъ къ промысламъ селеніяхъ, въ надеждѣ на то призрачно-счастливое время, когда вновь получатъ новый задатокъ и вновь обманутся. Золотые пріиски, въ этомъ смыслѣ, не мало виноваты въ томъ, что поселенцы забываютъ о домѣ, еще больше укрѣпляются въ бродячей жизни, тянутся къ мѣстамъ вербовокъ и держатся около нихъ всегда на готовѣ: голодные и оборванные, а потому и дешевые, избаловавшіеся на бездѣльѣ и плутнягъ всякаго рода, а потому и не годные для всякаго дѣла. Если и худъ поселенецъ въ дѣлахъ золотыхъ промысловъ, то на этотъ разъ по пословицѣ: „сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ". Какія были ремесла—золотопромышленность почти совсѣмъ убила; земледѣліе и скотоводство уменьшилось; „народъ развратился и пошелъ въ кабакъ", говорятъ многіе изъ тѣхъ, кто любитъ говорить правду. Въ Сибири тайга съумѣла изъ лучшихъ людей, изъ образованнаго и болѣе устойчиваго класса создать тотъ несимпатичный типъ, который извѣстенъ тамъ подъ именемъ „таежнаго волка". Золотая лихорадка успѣвала искалѣчить ихъ до того, что весь міръ переставалъ для нихъ существо-

*) Поселенцевъ, сдѣлавшихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ преступленіе, велѣно было судить военнымъ судомъ.

вать, золото дѣлалось у нихъ богомъ и отыскать новый прiискъ было задачею всей жизни. Таежный волкъ ни минуты не задумывался завладѣть чужимъ прiискомъ. Пустить по-мiру благодѣтеля у такихъ людей за грѣхъ не считалось. Сибирскiе суды были переполнены тяжебными дѣлами по такимъ вопiющей несправедливости захватамъ. Штука дѣлалась просто. Довѣренные, дѣйствующiе на деньги капиталистовъ и сами имѣющiе право на разысканiе золота, найдя прiискъ, заявляли его на свое имя. Они брали хозяйское жалованье, но, въ то же время, захватъ считали собственностью и творили зло въ разсчетѣ на то, что законъ преслѣдовать ихъ не въ силахъ. Презрѣнный металлъ отнялъ совѣсть у многихъ людей не дюжинныхъ, подававшихъ большiя надежды. Что мудренаго, если подъ влiянiемъ его уродуется менѣе стойкая натура рабочихъ изъ простого люда, и тѣмъ болѣе поселенцевъ. Самъ себя рабочiй прозвалъ „окаяннымъ таежникомъ“ и уже мало обижался, получая въ глаза это бранное прозвище отъ другихъ.

На прiискѣ рабочiй смиренъ, переносливъ въ трудѣ, терпѣливъ до нельзя вездѣ, гдѣ труду его умѣютъ дать надлежащее направленiе. Не тотъ рабочiй въ деревнѣ послѣ разсчета, когда онъ прогуливаетъ все, что такъ тяжело ему досталось. Двѣ недѣли онъ совсѣмъ другой человѣкъ и находится въ какомъ-то бѣшенствѣ, какъ будто бѣлая горячка постигла его. Онъ, съ твердымъ намѣренiемъ и убѣжденiемъ въ законности своихъ поступковъ, старается истребить все, что есть у него, и какъ будто намѣренно заботится о томъ, чтобы изломать и изуродовать свою крѣпкую природу. Если это ему не удастся, онъ опять отправляется въ тайгу „бычать“, какъ говорятъ они сами. Въ первой же деревнѣ по дорогѣ онъ снова такой же безотвѣтный труженикъ-горемыка, какимъ былъ до разсчета. Въ январѣ и февралѣ опять время наемки, опять пьяному даютъ деньги впередъ за „окаянную“ работу въ потѣ лица, въ теченiи пяти мѣсяцевъ, въ золотоносной слякоти и болотахъ. Нѣкоторымъ удается принести рублей 200—300, которые пропиваются либо проигрываются засѣдательскимъ же казакамъ и волостнымъ чинамъ. Существующiй порядокъ выдачи билетовъ поселенцамъ требовалъ коренной перемѣны и на этой мысли, не безъ основанiя, остановились сибирскiя власти.

Между тѣмъ, промышленные богатые люди обижаютъ и такихъ поселенцевъ, каковы, напр., якутскiе, заброшенные въ болѣе негостепрiимныя страны Сибири. Живутъ они въ юртахъ или, лучше, въ ямахъ и роютъ ихъ, по возможности, въ сухой землѣ; но и тогда имъ необходимо поддерживать безпрестанный огонь, чтобы просушивать юрту и просушиваться самимъ. Жилища этихъ осѣдлыхъ людей все-таки похожи на звѣрныя логовища. Устройство немудрое и очень незавидное: на вертикально утвержденныхъ столбахъ (вилообразныхъ кверху) кладется въ распорки или въ эти вилы поперечный брусъ, отъ котораго до боковъ ямы положены мелкiя бревна. Послѣднiя покрыты вѣтками ельника, а сверхъ его обложены дерномъ. Среди юрты—очагъ изъ тонкихъ жердей конусомъ, выходящимъ изъ ямы, обмазанной глиною внутри и снаружи. Тутъ и телята и ребята. Лѣтомъ юрты берестяныя. Скотъ стоитъ на вѣтру, хлѣвовъ во всей Ленѣ нѣтъ и въ заводѣ.

Въ якутскихъ странахъ, при неблагопрiятныхъ условiяхъ сырой мѣстности и гигiеническихъ правилъ, среди поселенцевъ существуетъ особый видъ оригинальной болѣзни, однородной кликушеству лѣсныхъ губернiй и икотѣ тундряныхъ сѣверныхъ, обладающей признаками сильнаго нервнаго разстройства. Прокаженные и большею частью испуганные по Ленѣ называются „мирякамиˮ и „мирячками“. Припадки выражаются обезьяннымъ свойствомъ безотчетнаго подражанiя тѣмъ дѣйствiямъ и явленiямъ, которыя нечаянно попадаются на глаза больному во время болѣзненныхъ кризисовъ. Стоитъ крикнуть несущему въ рукахъ вещь „бросай!“ — онъ немедленно броситъ. Одна мирячка встрѣтила на мосту въ Якутскѣ спутника, поднявшаго щепку и бросившаго ее на ея глазахъ черезъ перила въ рѣку; больная въ мгновенiе ока вскочила на перила, спрыгнула въ воду и утонула. Такiе же шутники, встрѣченные больнымъ, заставляли поднимать подолы только тѣмъ, что передъ глазами сбрасывали собственныя шапки на землю и тотчасъ же ихъ поднимали; тѣ бросали хрупкiя и ломкiя вещи при видѣ другого, бросившаго что нибудь, причемъ предварительно вскрикивали, судорожно икали и рыдали. Одна мирячка, видя ямщика, грѣвшаго надъ угольями руки, не задумалась положить свои на горячiе уголья и навѣрное продержала бы до безвозвратнаго антонова огня, если бы во-время ихъ не сняли. Одинъ поселенецъ ѣхалъ дорогою и, видя хворостъ, сложенный кучею, захотѣлъ воспользоваться готовымъ матерiаломъ, чтобы развести огонь. Хворостъ занялся огнемъ, но изъ-подъ него неожиданно вылѣзъ человѣкъ, спавшiй и укрывшiйся имъ отъ мороза и снѣга. Поселенецъ испугался, сталъ мирячить; припадки съ годами усилились. Замѣчено, что лишь только завелась правильная доставка по Ленѣ хлѣба и уничтожился кредитъ сосновой коры—миряковъ стало меньше. Водятся они кое-гдѣ и за Байкаломъ и называется тамъ олганджи. Это—тѣ же великорусскiе дурачки, каженники, юродивые (съ монгольскаго—пугливый, боязливый; а рирякъ съ якутскаго, собственно имерехъ, имеряхъ — вздрагивать, бѣсноваться).

Кромѣ естественныхъ причинъ и главной—испуга, болѣзнь появляется отъ шалости, состоящей въ подражаніи больнымъ олганджамъ, а потомъ отъ злоупотребленія половыми удовольствіями и онанизмомъ.

Живетъ поселенный народъ такъ бѣдно, что вызываетъ слезы. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Сибири есть съ кѣмъ слово перекинуть и, пожалуй, у своего же брата-поселенца найти на первый случай и пищу, и пріютъ и сострадание; живутъ тамъ поселенцы въ селеніяхъ. Въ Якутской области совсѣмъ не то. Тамъ поселенцевъ, въ видахъ развитія хлѣбопашества и распространенія прочнаго хозяйства по обычаямъ осѣдлыхъ людей, селятъ между инородцами. Якуты живутъ разбросанно и больше скотоводы. Противъ ссыльныхъ они предубѣждены еще сильнѣе, чѣмъ сибиряки русскіе. Приходящій сюда ссыльный живетъ, питаясь кислымъ молокомъ съ тарою (древесною корою) и изрѣдка рыбою; работы себѣ не находитъ и, дойдя до мѣста назначенія, беретъ билетъ, чтобы идти въ городъ на заработокъ или на золотые пріиски. Тамъ онъ, если нажилъ плисовыя шаровары, красную рубаху, кунгурскіе сапоги и суконный картузъ—значитъ, богатъ сталъ. Если перекинулъ черезъ плечо красную шаль и взялъ гармонику—значитъ веселъ и счастливъ, а если пляшетъ около кабака—стало быть денегъ нѣтъ, все прожилъ. Бѣжитъ онъ отсюда рѣже, но за то и якутовъ хозяйству не выучилъ и еще больше возстановилъ дикаря противъ себя и противъ будущихъ товарищей, потому что лѣнивъ и ничего дѣлать не хочетъ: двора якуту-хозяину онъ не почиститъ, дровъ не нарубитъ, за скотомъ не присмотритъ...

Впрочемъ, въ Якутской области есть и богатые поселенцы и изворотливые люди. Это—переселенные изъ Туруханскаго края (съ Енисея на Лену) скопцы, человѣкъ до 500, поселенные верстахъ въ 15-ти отъ Якутска около Олекмы и по рѣкѣ Алдану. Эти не погибнутъ, потому что принесли съ собою деньги и потому что знаютъ секретъ и искуство торгашества. За-то они и безполезны и ссылка относительно скопцовъ, стремясь къ одной только цѣли наказанія, не достигала никакой. Эти зябкіе и дряблые, слабодушные и хитрые люди—настолько отчаянные фаталисты, что съ твердостью и стойкостью и безъ ропота покорялись своей участи и не сознавали разницы ни между Аландскими островами и Закавказьемъ, ни между Туруханскимъ краемъ и Якутскимъ. Ссылка въ Сибирь для нихъ имѣетъ еще тотъ религіозно-мистическій смыслъ, что Сибирь для нихъ обѣтованная земля, а Иркутскъ—Іерусалимъ, ибо сюда былъ сосланъ ихъ живой богъ, Кондратій Селивановъ. Оттуда, съ Иркутской горы, придетъ онъ, батюшка живой богъ, чтобы соединиться съ своими дѣтками. „Они ждутъ его всяко времячко, по суду-глаголу небесному, обогрѣть сердца ихъ внутренни". Пришествіе это они вымаливаютъ и выкрапываютъ на своихъ радѣніяхъ, а между тѣмъ, въ ожиданіи, наколачиваютъ копейку въ Туруханскомъ краѣ на Енисеѣ извозомъ, да и на рѣкахъ Охотскаго края (Алданѣ и Маѣ), куда переселяли ихъ съ весны 1860 года, они гроша своего не теряли, но для края ничего не дѣлали. Географическое перемѣщеніе могло только еще болѣе ожесточить ихъ противъ остальныхъ людей. Извѣстно, что они на помощь погибавшимъ въ мятеляхъ и снѣжныхъ пустыняхъ Туруханскаго края никогда не являлись и тѣмъ извѣстны были всѣмъ старожиламъ. Большая часть этихъ скопцовъ были изъ лютеранъ-чухонъ, сосланныхъ изъ Петербургской губерніи. Но въ томъ же Туруханскомъ краѣ, вдоль того же Енисея, двумя селеніями (Мирный и Искунъ) поселены были духоборцы и жили богато. Эти въ другомъ мѣстѣ могли бы принести большую пользу, какъ это доказываютъ молокане, поселенные на Амурѣ.

Вообще, ссыльные, судя по природѣ и по благопріобрѣтенному досужеству, кладутъ на картину поселенческаго быта своеобразные и новые оттѣнки. Если въ Якутской области высылаемыя въ административномъ порядкѣ лица, исключенныя изъ духовнаго званія, съумѣли сдѣлать изъ Киренска и Якутска города, извѣстные своими кляузами и ябедами въ цѣлой Сибири, но все-таки несутъ бѣдственную участь, за то кладутъ на ссылку не менѣе яркія краски, но живутъ, не бѣдствуютъ. Мѣста, гдѣ скучили татаръ, славятся конокрадствомъ; гдѣ поселились евреи, тамъ коммерческая суетня и толкотня. Въ Сибири также думали было превратить евреевъ въ хлѣбопашцевъ, но и здѣсь, какъ и въ западной Россіи, народъ этотъ съумѣлъ разбить всякія надежды и упрямо остался при своихъ качествахъ. Изъ города Каинска евреи успѣли сдѣлать такой же городъ, какихъ неисчислимое множество во всемъ западномъ краѣ Россіи. Каинскъ сибиряки справедливо прозвали „жидовскимъ Іерусалимомъ" (евреи составляютъ 4/5 части всего городского населенія). Изъ городка, не имѣющаго никакого промышленнаго и торговаго движенія и, какъ всѣ города Сибири, вообще углубленнаго въ себя и мертвенно молчаливаго, евреи сдѣлали крикливый, живой и торговый. На площадкѣ приладился рынокъ, выросли какъ грибы, лавченки, въ лавченкахъ засѣли еврейки. Евреи, сбиваясь въ многообразныя и многочисленныя кучки, машутъ руками; бѣгая по улицамъ, машутъ фалдами длиннополыхъ казинетовыхъ сюртуковъ и пейсами, которые здѣсь, въ Сибири, они-таки отстояли. Словомъ, въ Каинскѣ все, какъ въ любомъ изъ городовъ и мѣстечекъ Бѣлоруссіи: удивляешься тому, съ кѣмъ торгуютъ грудами тряпья и всякой рвани еврейки. Евреи же до-

бились того, что въ Каинскѣ теперь одно изъ главныхъ мѣстъ склада всего пушного товара (особенно бѣличьихъ хвостовъ), отправляемаго за границу, на Лейпцигскую ярмарку. Потому-то на такой песчаный и убогій городокъ съ 700-ми жителей насчитывается до 70 купцовъ; на десять русскихъ мѣщанъ одинъ еврей наколачитъ коммиссіонерствомъ и факторствомъ по закупкѣ мѣховъ, а въ вознагражденіе за хлопоты получаетъ всякую разнокалиберную мелочь-галантерею. Съ нею онъ таскается потомъ, въ урѣченное время, по торжкамъ и ярмаркамъ, по селамъ, городамъ и деревнямъ Западной Сибири. Такъ какъ въ Каинскѣ вмѣстѣ съ евреями поселены и цыгане, т. е. худшее изъ худшихъ, то полиція бываетъ довольно работы доходить до правды въ плутовской путаницѣ этихъ народовъ.

Въ Восточной Сибири евреи устроиваютъ такой же кипучій оборотливый городокъ въ Баргузинѣ и тамъ еврей не линяетъ и не затирается. Придетъ онъ на каторгу нищъ какъ Іовъ, босъ, голоденъ и оборванъ; мѣсяца черезъ три-четыре, при своей юркости, втерся въ урочные работники: дровосѣки, рудовозы, взялъ годовой урокъ, нанялъ за себя охотниковъ изъ заводскихъ крестьянъ, кончилъ ихъ руками и своею суетнею этотъ годовой урокъ въ недѣлю; сдѣлался по закону на весь годъ свободнымъ. Смотрятъ, у жида уже появился на рукахъ изъ мѣховъ возлюбленный имъ инструментъ-коробочка, на которомъ онъ и играетъ умѣлыми руками такъ, что коробочка превращается въ коробку, коробка въ лавченку и лавку. Прежній, совсѣмъ истрепанный еврей преобразуется уже въ торговца, умѣющаго ублаготворять мыломъ, табакомъ, желѣзомъ, чаемъ и омулями. Мыло варитъ самъ понемножку, льетъ свѣчи, папиросы крутитъ. На омуляхъ онъ обсчиталъ, желѣзо у него ворованное изъ казны, чай онъ держитъ только контрабандный; онъ и самъ пришелъ сюда „за тайный ввозъ заграничныхъ товаровъ“. Тѣмъ не менѣе, гдѣ зашевелились евреи, тамъ мелочная торговля процвѣтаетъ: еврей дѣлается образцомъ и примѣромъ для неподвижнаго сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться. Для Сибири еврей пригоденъ и полезенъ. Въ Сибири для нихъ—широкое поле вмѣсто того, на которомъ они живутъ теперь и гдѣ такъ надоѣли всѣмъ туземцамъ. Если не мало возни съ ними въ Сибири по поводу участья въ перепродажѣ хищническаго золота и въ продажѣ заграничныхъ европейскихъ контрабандныхъ товаровъ, то, по пословицѣ, на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Евреи сплачиваются въ ассоціаціи, чтобы ссылка не могла нарушить единства, и, черезъ живую и непрерывную сѣть изъ ловкихъ евреевъ черезъ города сибирскіе, не обрывалась связь Нерчинска съ Вержболовомъ, Радзивиловымъ и Лейпцигомъ, и напримѣръ, каинскіе евреи, принадлежащіе къ ассоціаціи „Новаго Іерусалима“, не утрачивали симпатій и связей съ сотоварищами, живущими въ Минскѣ *). Впрочемъ, съ евреемъ въ Сибири, по дѣламъ золотымъ и чайнымъ и по ихъ тайному ввозу и торговлѣ, съ успѣхомъ соперничаютъ туземные казаки и русскіе поселенцы. За то, гдѣ бы ни открылась золотая розсыпь и ни начались работы на ней — евреи-торговцы не медлятъ отправиться туда на границу дозволенной законами дистанціи съ ситцами, плисомъ, платками, пуговками и иголками, съ винами и водкою, чтобы съ достоинствомъ и выгодою принять на свое попеченіе „желтую пшеничку“ или краденный золотой песокъ. Если попадаются евреи на каторгу, приходятъ туда за убійство, то злодѣи эти бываютъ настоящіе и на каторгѣ остаются непримиримыми.

Относительно перевоспитанія еврея въ сибиряка замѣчено, что торговая изворотливость, давая возможность пріобрѣтенія небольшихъ капиталовъ и обезпеченія добраго быта (который для сибиряковъ-евреевъ можно назвать помѣстнымъ), торговля, требующая ежечасныхъ сношеній—значительно пособила евреямъ обезличить собственную національность. Евреи въ Сибири одѣваются по русски, женщины ни въ чемъ не отличаются отъ сибирскихъ мѣщанокъ; по костюму, въ средѣ мѣстнаго населенія, они не представляютъ особенной группы. Только физіономія обособляетъ ихъ. Старики говорятъ по польски и по русски; поколѣніе, народившееся въ Сибири, не знаетъ польскаго и довольно сильно въ русскомъ. Третье поколѣніе забываетъ и еврейскій языкъ и даже дома со своими непремѣнно говоритъ по русски. Прежде, изъ боязни кнута и всегда изъ интересовъ денежныхъ, евреи принимали православіе, хотя и уберегали въ сердцѣ любовь къ талмуду. Дѣти неофитовъ еще носили еврейскія имена, но для свѣта имѣли уже русскія. Обычаями отцовской вѣры таковые охотно пренебрегаютъ и зло подсмѣиваются надъ ними. Въ четвертомъ, третьемъ поколѣніи неофита всѣ слѣды еврейства совершенно сглаживаются по тому же способу, какъ и въ дѣтяхъ перекрестей-солдатъ. Мѣры, принятыя законодательствомъ для сибирскихъ евреевъ, принявшихъ христіанство, и состоящія въ ослабленіи 8-ми-лѣтняго срока пребыванія въ цехѣ слугъ до четырехъ лѣтъ, не произвели на евреевъ, поселившихся въ городахъ, благотворнаго дѣйствія относительно ихъ водворенія, но произвели его въ томъ отношеніи, что евреи спѣшили креститься. Крещеные не уживались у хозяевъ и вызвали новую мѣру, по силѣ кото-

*) Недавно (тридцать лѣтъ назадъ) въ Минскъ дано было знать каинскою полиціею, что тамошніе евреи послали слитокъ золота, но что этотъ слитокъ—краденый.

ой всѣ таковые названы виновными въ развратномъ и непослушномъ поведеніи. Остававшіеся безъ пристанища должны быть отправлены на поселеніе.

Судя по архивнымъ дѣламъ и по наблюденіямъ старожиловъ и начальства, ссыльные изъ инородцевъ финскаго племени, отличающіеся угрюмымъ характеромъ и крайнею неспособностью (въ особенности сосланные изъ Финляндіи), замѣчательны тѣмъ, что безропотно покоряются своей участи, какъ бы она ни была тяжела, и съ мѣстъ водворенія никогда не бѣгутъ. За то инородцы болѣе жгучей крови и болѣе живого темперамента (каковы, напр., кавказскіе горцы) признаютъ волю судьбы только до тѣхъ поръ, пока не истекъ каторжный срокъ. Но лишь только сняли съ нихъ кандалы, приливъ тоски по родинѣ становится такъ силенъ, что южные инородцы бѣгутъ тотчасъ же. Насколько прочны и усидчивы на мѣстахъ поселенія рыжіе и бѣлокурые люди сѣвера, настолько мало хотятся въ поселенцы черноволосые и статные бѣгуны съ южныхъ горъ *). Кочевниковъ (вроде киргизъ, калмыковъ и татаръ) никакія силы не удерживаютъ на осѣдлыхъ поселеніяхъ и стремленіе въ степь, на свою волю, у нихъ едва ли не сильнѣе горской тоски. Поселенцы изъ поляковъ, по множеству крупныхъ архивныхъ дѣлъ, часто замѣшиваются въ дѣланьи фальшивыхъ ассигнацій, приготовленіе которыхъ всегда оправдываютъ тѣмъ, что намѣревались возвратиться на родину и помочь въ той же цѣли остальнымъ своимъ товарищамъ. Въ намѣреніи къ побѣгу шляхтичи и дворяне западныхъ губерній и царства Польскаго не останавливаются ни передъ какими препятствіями: бѣгутъ, напримѣръ, за китайскую границу, самую опасную и ненадежную, но убѣгаютъ и въ Европу по сѣвернымъ тундрамъ, черезъ Швецію и Норвегію, а большая часть, заурядъ со всѣми, попадаетъ въ опасное положеніе искателей приключеній, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый своими похожденіями охотскій герой Беньовскій, убитый въ Африкѣ, на островѣ Мадагаскарѣ (см. въ 3-мъ томѣ).

Русскіе раскольники отличаются на мѣстахъ поселеній стремленіемъ къ пропагандѣ своего ученія (и не безъ примѣтнаго успѣха, блестящаго въ старыя времена, замѣчательнаго и въ новѣйшія). Даже и скопцы уловляли въ свои сѣти (судя по архивнымъ дѣламъ Нерчинскихъ заводовъ), и молокане и духоборцы находили себѣ слушателей и послѣдователей даже между такими изверившимися и холодными людьми, каковы наши каторжные. Такъ по одному архивному дѣлу, намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ каторжныхъ „не шли къ священнику, говоря, что они дѣламъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требованы будутъ, исполнять не отрекаются, и что они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называть св. евангеліе и животворящій крестъ, что они дѣланы руками". По другому дѣлу видно, что нѣкто Ярошенко совратилъ многихъ служителей и ссыльныхъ, „пользуясь Библіею— книгою, дозволенною для чтенія ссыльныхъ". Одинъ изъ уклонившихся служителей Кухтинъ, когда тамошнія духовныя власти позвали его для увѣщанія, простеръ свою дерзость до того, что, не уважая святости мѣста, прошелъ по паперти собора, не снимая съ головы шапки и съ рукъ рукавицъ. Въ томъ же самомъ видѣ явился и въ присутствіе духовнаго правленія передъ зерцало. На спросъ священника: почему онъ такъ поступаетъ? отвѣчалъ: „Вѣдь это есть писанное руками человѣка, а потому и не хочу снять предъ нимъ шапки и рукавицъ". Этого Кухтина судили военнымъ судомъ и велѣли прогнать два раза черезъ 500 человѣкъ. Въ пользу молоканства и духоборчества замѣтна между вообще холодными къ вѣрѣ ссыльными большая симпатія. На этихъ примѣрахъ дѣло не остановилось, а шло дальше. Нѣкто Кудрявцевъ подвелъ подъ судъ еще 8 человѣкъ служителей. Судъ обратилъ ихъ всѣхъ въ солдаты; служителя Суходолина сослали въ Туруханскъ и велѣли поселить между некрещенными инородцами, какъ негоднаго къ службѣ по лѣтамъ (41 годъ). Одинъ изъ обращенныхъ въ молоканство ссыльныхъ (Нероновъ) оторвалъ иконы „въ небытность никого въ церкви" и бросилъ ихъ на полъ; вошедшему дьякону говорилъ: „Вотъ ваши боги идолы, которыхъ я побросалъ; поди, молись и, если они святые, то пусть встанутъ". На судѣ показалъ, что все это говорилъ въ здравомъ разсудкѣ. Наказаніе не вразумило. Нерчинскому начальству удалось уличить еще новыхъ совращенныхъ, изъ которыхъ одинъ расколотую на-двое икону носилъ въ сапогахъ подъ пятою. И снова судили одного, увѣрявшаго, что „въ церкви нѣтъ надобности". Духоборцевъ начали ссылать въ Сибирь вскорѣ послѣ того, какъ эта секта сдѣлалась извѣстною властямъ. Въ 1799 году состоялся указъ, повелѣвающій ссылать въ вѣчную каторжную работу изобличенныхъ въ духоборческой ереси, „отвергающихъ высшую власть на землѣ". Въ 1805 г. участь сосланныхъ была облегчена, въ одно время съ облегченіемъ такой же участи духоборцевъ, находившихся въ Россіи. „Духоборцамъ, сосланнымъ въ Сибирь, предоставлены были тѣ же права, которые даны поселеннымъ на Молочныхъ-Водахъ (Мелито-

*) Исключая армянъ, которые, подобно евреямъ, спѣшатъ укрѣпить себя въ Сибири посредствомъ коммерческихъ путъ и разносную офеньскую торговлю предпочитаютъ сидячей; но указъ 1828 года (26 декабря) остановилъ ихъ дѣятельность въ предѣлахъ той губерніи, въ которой они поселены.

польскаго уѣзда Таврической губ.), но не возвращая ихъ изъ Сибири въ Россію. До 1847 г. всѣхъ сектаторовъ ссылали, между прочимъ, и въ Минусинскій округъ, но, по донесенія сенатора Толстого о томъ, что этотъ округъ лучшій во всей Восточной Сибири и притомъ пограничный съ китайскимъ государствомъ, постановили (указомъ 18 апрѣля) ссылать скопцовъ въ Туруханскій край, а послѣдователей всѣхъ прочихъ сектъ въ Якутскую область.

Рьяные изъ старообрядцевъ, приверженцевъ до-никоновскихъ книгъ и обычаевъ, подцвѣтили исторію ссылки весьма нерѣдкими случаями крайняго отшельничества, начинавшагося исканіемъ одиночества и сосредоточеннаго созерцанія гдѣ нибудь въ лѣсной пещерѣ и кончавшагося въ нерѣдкихъ случаяхъ собираніемъ маленькой слободки. Указанный нами примѣръ Гурія Васильева — въ Сибири не послѣдній. Политическихъ и религіозныхъ убѣжденій ссылка не мѣняетъ; образъ поселенія и пріемы, при этомъ употребляемые, не мѣшаютъ оставаться при томъ же, что принесено въ запасахъ изъ Россіи. Каторга на время тушитъ огонь, но пепелъ скопляется. Впослѣдствіи, на поселеніи, огонь опять разгорается, а тушить его тамъ не умѣютъ.

Въ архивѣ нерчинскаго Большого завода сохранился разсказъ о приключеніи 20-ти старообрядцевъ изъ уральскихъ казаковъ, сосланныхъ въ 1809 году на Нерчинскіе заводы. Казаки упорно не соглашались получать казенное довольствіе и находиться на казенныхъ работахъ. Нѣкоторые изъ нихъ довели себя, такимъ образомъ, до крайней нищеты и, отказываясь отъ казеннаго пайка, предпочитали питаться милостынею. Принятыя противъ этого строгія мѣры были не дѣйствительны. Сибирскій губернаторъ велѣлъ, при всякомъ случаѣ упорства, давать имъ по десяти ударовъ кнутомъ, но казаки всетаки продолжали говорить свое: „Мы требуемъ Государя Императора именного повелѣнія, почему мы безвинно посланы, но оное намъ не показываютъ; ваша воля, что хотите надъ нашими тѣлами, то и дѣлайте, однако же работать не будемъ до конца жизни“. Одинъ, истощенный голодомъ и „принеся съ собою малое количество хлѣба“, приговаривалъ: „Будучи сосланъ невинно, непремѣнное имѣю намѣреніе, хотя и лишиться жизни, но въ работѣ не быть“. Одного изъ казаковъ (Якова Краснятова) за такое упорство успѣли уже разъ наказать плетьми и два раза выбить кнутомъ; послѣдній разъ съ вырѣзаніемъ ноздрей *) и постановленіемъ знаковъ. Точно также четыре раза наказанъ былъ другой казакъ (Данило Лифановъ), а пятеро по два раза. Нѣкоторые подчинились, другіе упорствовали. Не зная, что съ ними дѣлать, остановились на той мѣрѣ, чтобы выдавать имъ провіантъ въ ограниченной дачѣ, достаточной только для поддержанія жизни, и учрежденъ былъ строжайшій надзоръ за тѣмъ, чтобы казаки ни отъ того со стороны не получали. Успѣха не было: казаки продолжали стоять на своемъ (какъ доносила нерчинская горная экспедиція иркутскому гражданскому губернатору). Чѣмъ кончилось все это дѣло, по дѣламъ архива не видно.

Случаи невинно сосланныхъ и гласно признаваемыхъ таковыми, конечно, большая рѣдкость въ сравненіи со всею массою осужденныхъ и мы не входимъ въ разборъ этого темнаго вопроса за неимѣніемъ данныхъ. Данныя же тщательно скрываются, какъ особенный и величайшій секретъ. Кое-что, однако, извѣстно. Сперанскій нашелъ въ Томскѣ поручика Козлинскаго, который, лечась отъ ранъ или болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ въ ссылку. Другого сослалъ подъячій изъ какой-то Шенгурской губерніи; нѣкую Кристину Яковлеву гнали уже въ ссылку за рижскую урожденку Редоко-Янъ. Н. О. Лаба, ревизовавшій забайкальскія поселенія въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нашелъ, между прочимъ, такой безпорядокъ: иркутскій нижній земскій судъ заслалъ назначенныхъ на поселеніе въ Нерчинскіе заводы на каторгу. Между прочими изъ таковыхъ показана „женка Настасья Фалѣева въ 1802 году изъ дворянокъ, въ замужествѣ была за поручикомъ Измайловскаго полка Кашниковымъ и, по смерти мужа, принята была Новагорода въ Духовъ монастырь бѣлицею и за самовольную отлучку изъ онаго на ночь въ гости, по гнѣву игуменьи того монастыря, отправлена въ здѣшніе заводы безъ наказанія“. Лѣтъ 20 тому назадъ совершено было какое-то важное преступленіе. Виновныхъ не нашли: по однимъ слухамъ они задобрили слѣдователя, по другимъ не отысканы по бездарности слѣдователей. Виновныхъ велѣно было разыскать во что бы то ни стало. Усердіе, возбужденное приказаніемъ, выразилось въ томъ, что схватили, судили, выбили кнутомъ и сослали въ Сибирь первыхъ встрѣчныхъ. Впослѣдствіи обнаружились настоящіе преступники: невинно-сосланныхъ возвратили. Тѣмъ, которые остались въ живыхъ, выдали за каждый ударъ кнута по сколько-то рублей; умершіе же такъ и отошли не разсчитанными. Извѣстенъ лейтенантъ Борисовъ, сосланный за разбитіе датскаго корвета якоремъ и за мужеложство, по протекціи прощенный потомъ; однако, не возвратился, говоря: „Законъ прислалъ въ Иркутскъ меня, зачѣмъ стану возвращаться въ другой какой либо городъ“. Въ Красноярскѣ въ кабакѣ убитъ былъ сидѣлецъ; его поднос-

*) Рвали ноздри до костей особыми щипцами. На Нерчинскомъ заводѣ разъ щипцы эти оказались узки и коротки: палачъ только съ трехъ пріемовъ могъ кончить операцію. Старые щипцы велѣно замѣнить новыми и указано кое-какъ не бросать, а прятать.

чикъ мальчикъ въ ту ночь не ночевалъ дома. Его заподозрили, онъ указалъ на домъ дяди, какъ на мѣсто своего ночлега; справка не подтвердила показанія, его били кнутомъ и переплавляли чрезъ Енисей; онъ обернулся къ городу и выкричалъ клятву, что ни въ чемъ не повиненъ. Прошло довольно времени; въ Красноярскѣ поймали бродягъ-поджигателей и двое показали на себя убійство цѣловальника. Подносчика простили, вернули, стали спрашивать, послѣ разсчета по пяти руб. асс. за каждый напрасный ударъ кнутомъ, и узнали, что подносчикъ не указывалъ ночлега потому, что ночлегъ этотъ былъ въ домѣ купеческой дочки, на которую не указывалъ онъ, не желая ее срамить. Въ Оренбургѣ извѣстенъ былъ такой случай противоположнаго характера. Всѣмъ извѣстенъ былъ и у всѣхъ на почетѣ богатый купецъ, приговоренный въ каторгу и пославшій туда вмѣсто себя другого. Въ Онегѣ мы лично знали другого, считавшагося умершимъ. Въ Тобольскѣ живъ въ памяти случай въѣзда въ тюремныя ворота, за партіею ссыльныхъ, кареты и въ статейныхъ спискахъ указаніе на княгиню, ссылаемую за дѣтоубійство; изъ кареты вышла на перекличку самая отчаянная неуклюжая баба. Княгиня, говорятъ, стала жить въ изгнаніи, но въ Швейцаріи.

Довольно извѣстна исторія одного такъ называемаго „Странника“. 28 августа 1835 года въ Твери взятъ былъ полиціею неизвѣстный человѣкъ, имѣвшій видъ богомольца. На вопросы онъ не отвѣчалъ ни слова, а только послѣ многихъ настояній рѣшился объявить, что три года назадъ получилъ благословеніе отъ родителей на странническую жизнь и вотъ съ тѣхъ поръ онъ ходитъ по разнымъ мѣстамъ на богомолье. Когда потребовали отъ него рукоприкладства, онъ такого дать не согласился и и заявилъ, что далъ обѣтъ Богу никому не открывать своей родины, имени и отчества, и потому отвѣчать будетъ только Богу, а не присутствію полиціи и уѣзднаго суда. Сенатъ, признавъ странника бродягою, умышленно скрывающимъ свое имя, происхожденіе и вѣдомство, опредѣлилъ наказать его, на точномъ основаніи 242, 243 и 399 ст. XV т. Св. Угол. Зак., при полиціи плетьми 30-ю ударами и потомъ сослать въ Сибирь на поселеніе. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 12 марта 1836 года. Странникъ безмолвный безропотно и безотвѣтно перенесъ наказаніе и былъ водворенъ на жительство въ Енисейской губерніи Ачинскаго уѣзда.

Восемнадцать лѣтъ прожилъ онъ тамъ забытымъ, хладнокровно перенося незаслуженное имъ наказаніе и именуя себя странствующимъ въ мірѣ, ищущимъ не здѣ предлежащаго града, но взыскующій грядущаго, во всякомъ случаѣ не ближе горняго Іерусалима. Теперь ему, изгнанному правды ради, и царство небесное не далече отстоитъ, какъ будто и дорога стала легче и пріятнѣе, по крайней мѣрѣ, вмѣсто тумана впереди, обозначился просвѣтъ, явилась надежда увидѣть то, чего ищетъ. Онъ, по приходѣ на мѣсто поселенія, такъ и назвалъ себя „Странникомъ“, не объявляя ни имени, ни отчества. Но такъ какъ, по понятію волостного правленія, безъ имени и овца баранъ, то, поприслушавшись по мнѣнію сосѣдей, назвали его такъ, какъ назвали его эти сосѣди: Иваномъ Захаровымъ Спасовымъ, во имя пророка Іоанна Крестителя, сына Захаріина. Странникъ прозвищу такому не противорѣчилъ, жилъ, молясь этому угоднику и стараясь подражать его страннической и постнической жизни. Нѣкоторыя искушенія, однако, показались ему не подъ силу; онъ долго боролся, боролся семь лѣтъ, но духъ не выдержалъ, терпѣніе его истощилось и онъ рѣшился открыть мѣсто своего пребыванія родной сестрѣ своей, коллежской ассесоршѣ В., которая не замедлила подать прошеніе московскому гражданскому губернатору въ февралѣ 1854. Изъ прошенія этого видно, что Странникъ—бывшій подпоручикъ А. 2-го Егерскаго полка, гдѣ занималъ должность квартирмейстера, казначея и адъютанта. Выйдя въ отставку въ 1824 г., двадцати лѣтъ, проживалъ при родителяхъ въ имѣніяхъ Серпуховскаго и Мценскаго уѣздовъ. Онъ былъ довольно образованъ и зналъ хорошо языки нѣмецкій и французскій. Возымѣвъ твердое намѣреніе оставить свѣтъ для странствій, пошелъ по монастырямъ и другимъ св. мѣстамъ Россіи. Странствуя въ 1832 и 1833 году, онъ былъ уже на пути въ Іерусалимъ, но, безмолвствуя, въ г. Кишиневѣ навлекъ на себя подозрѣніе и былъ задержанъ. Однако, губернатору Аверину могъ еще представить указъ объ отставкѣ и согласился написать адресъ родителей. Его препроводили во Мценскъ. Здѣшняя полиція немедленно освободила его, но почему-то сочла нужнымъ удержать нѣкоторыя изъ его бумагъ. Онъ вновь отправился странствовать уже безъ нихъ. Въ 1835 г. зашелъ на моленіе въ Твери въ соборъ. Отсюда, какъ странникъ, былъ приглашенъ купцомъ Кудлеровымъ въ его домъ пообѣдать. Придя туда, продолжалъ безмолвствовать, чѣмъ разсердилъ купца и Кудлеровъ не замедлилъ представить его въ полицію. Отсюда начались тѣ преслѣдованія, о прекращеніи которыхъ просила сестра. Московскій губернаторъ отнесся къ тверскому; тверское губернское правленіе, въ ноябрѣ 1855 г., черезъ ужурское волостное правленіе отобрало показаніе отъ Ивана Захарьина Спасова, вытребовало документы изъ мценскаго земскаго суда, копію съ формуляра изъ инспекторскаго департамента военнаго министерства, отъ губернскихъ предводителей дворянства Московской и Орлов-

ской губерніи свѣденія о родѣ дворянъ А., отъ сестры его черезъ серпуховскаго городничаго подробныя свѣденія о братѣ. 17 опытныхъ чиновниковъ сличили почеркъ А. по письмамъ отъ 1822 года съ почеркомъ на показаніи, данномъ въ Ужурской волости въ 1854 г. Получены были вполнѣ удовлетворительныя свѣденія изо всѣхъ этихъ мѣстъ и отъ всѣхъ затронутыхъ лицъ. Дѣло въ апрѣлѣ 1856 года поступило въ сенатъ; въ февралѣ 1859 г. сенатъ рѣшилъ: отставному подпоручику А., находившемуся подъ именемъ Ивана Захарова Спасова въ Енисейской губерніи, предоставить возвратиться изъ Сибири. Но — по выраженію законодательницы Екатерины—лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказать. При современныхъ гласныхъ и открытыхъ судахъ такихъ крупныхъ несчастій случиться не можетъ и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и сами ссыльные перестанутъ прибѣгать къ извѣстнымъ проповѣдямъ о томъ, что они совершенно понапрасну сосланы *).

Въ Сибири ссыльные еще продолжали производить такого рода операціи: осужденные на поселеніе мѣнялись именами съ каторжными за какое нибудь ничтожное вознагражденіе. Настоящій каторжный оставался на поселеніи, настоящій поселенецъ, по прибытіи на чужое мѣсто, открывалъ свое званіе. Точно также и поселенцы мѣнялись именами и прозвищами между собою, когда одному приходилось идти не туда, куда было сподручнѣе, а другому, беззавѣтному бродягѣ, куда ни идти было все равно. Постановили: всякаго ссыльнаго, давшаго на прокатъ свое имя каторжному, оставлять въ каторжной работѣ пять лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами лозъ, прибавлять еще пять лѣтъ сверхъ срочныхъ. Обмѣнявшихся между собою именами поселенцевъ указано назначать на два года въ каторжныя заводскія работы. Относительно перемѣны именъ и происходящей оттого путаницы разсказы сибирскіе безчисленны. Что же касается до того, что весьма многіе поселенцы и каторжные и безъ перемѣны именъ въ былую недавнюю пору попадали туда, куда было имъ сподручнѣе и желательнѣе, то это тоже не секретъ. Прежде въ приказъ тобольскій (въ особенности въ первое время его существованія) откомандировывали для занятій тѣхъ же грамотныхъ каторжныхъ и за цѣлый мѣсяцъ усидчиваго писанія отдѣлывались гривною, двумя. За ту же гривну этотъ писарь съ удовольствіемъ отчислялъ собратіевъ туда, куда они просятся; какого нибудь тюменскаго купца, угодившаго въ каторгу, писалъ на Успенскій винокуренный заводъ, находящійся въ Тюменскомъ округѣ, и проч. Въ 1861 г. шелъ на заводы Енис. губ. каторжный изъ бродягъ Черниковъ. Дорогою переговорилъ онъ съ поселенцемъ Ѳедоровымъ, шедшимъ на золотые пріиски Рязановыхъ; сталось такъ, что Черниковъ очутился на пріискахъ, а Ѳедоровъ на каторгѣ. Каторжникъ въ поселенческомъ званіи на работѣ не былъ; очень тяжело стало, сказался своимъ званіемъ. Подобнаго рода слухами полнится сибирская земля.

Съумѣли ли размѣщать ссыльныхъ поселенцевъ такъ, чтобы лѣсной житель не попадалъ въ степь (и наоборотъ) и, спутанный такою независящею отъ него ошибкою, уходилъ въ лѣсъ съ волчьимъ паспортомъ по чужой винѣ? Изучилъ ли приказъ ввѣренную его дозору и попеченію Сибирь, чтобы знать, гдѣ ей надобятся больше всего люди такихъ-то знаній, такого-то ремесла? Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что цѣль распоряженій приказа меньше всего карательная и значеніе поселеній, столь существенно важныхъ для Сибири въ другихъ случаяхъ, должно пониматься такъ, какъ желаетъ Сибирь и указываютъ различными способами сами ссыльные поселенцы. Сколько ушло въ Сибирь всякаго рода ремесленниковъ и нерѣдко мастеровъ замѣчательныхъ. Приказъ знаетъ, по фальшивымъ монетамъ, бумажкамъ и печатямъ, какіе искусные граверы попадаютъ въ число ссыльныхъ и часто въ тѣ мѣста, гдѣ и безъ нихъ этому промыслу дано нѣкоторое развитіе. Мы видѣли въ цифрѣ, составляемой самимъ приказомъ, какъ много поставлено имъ ремесленниковъ въ Тобольскую губ., находящуюся въ этомъ отношеніи гораздо въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ, наприм., Томская. Тобольская ближе къ Россіи и ее захватываетъ огромная дуга отхожихъ промысловъ, издавна и до нашего времени направляющихъ сюда свою дѣятельность изъ лѣсной Россіи (напр., губ. Костромской, Ярославской, Вятской и даже Тверской). Если ссыльный боится объявить при спросахъ за собою ремесло и художество, то изъ собственныхъ разсчетовъ; если самъ приказъ недостаточно опытенъ, чтобы самому открывать секреты знаній каждаго изъ ссыльныхъ, если онъ удовлетворялся такими глухими показаніями въ статейныхъ спискахъ, что въ такой-то къ такому-то сословію принадлежалъ (и только) и имѣетъ такія-то примѣты (по которымъ ни одного не отличишь отъ другого)—то кто виноватъ во всѣхъ этихъ неясностяхъ, невѣрностяхъ, неточностяхъ и путаницахъ? Сибирь ощущаетъ сильнѣйшій недостатокъ въ опытныхъ рабочихъ и, напр., въ дѣлѣ плотничества руководится мастерами изъ солдатъ и приходящимо изъ далекой Россіи (какова, между прочими, Костромская губ.). Ремесленниковъ вовсе нѣтъ и крестьяне самыя необходимыя вещи въ хозяйствѣ, не выучившись приготовлять дома, поку-

*) Между тѣмъ тобольскій приказъ въ партіяхъ, приходящихъ изъ Россіи на поселеніе, находилъ очень нерѣдко рѣшительныхъ дураковъ, идіотовъ.

пають готовыми. Изъ Кунгура привозятъ сапоги; съ Нижегородской и Ирбитской ярмарокъ готовое платье въ видѣ армяковъ и тѣхъ же сибирокъ; модное платье—изъ Москвы; сибирскіе мѣха, выдѣланные въ Москвѣ, везутъ обратно въ Сибирь на продажу. Даже желѣзные и мѣдные и стеклянные товары — преимущественный сибирскій продуктъ — привозятся съ заводовъ около Нижняго и отчасти съ уральскихъ. Голландскою сажею, скипидаромъ, сѣрною и соляною кислотами Сибирь, богатая лѣсомъ и ископаемыми химическими матеріалами, довольствуется изъ Россіи, и проч. и проч. При этихъ условіяхъ, ссыльный ремесленникъ и русскій промышленникъ безслѣдно глохнутъ и исчезаютъ въ Сибири, со всѣмъ своимъ досужествомъ и знаніями, только потому, что ихъ распредѣляютъ зря, одиночками, не группируя въ артели въ необходимыхъ мѣстахъ и утѣшаясь только какимъ-то призрачнымъ цехомъ какихъ-то слугъ, который только и оставался на бумагѣ. Между тѣмъ, сибирскіе сторожилы видятъ одесскаго матроса въ Курганѣ, а не на Байкалѣ, повара въ Березовѣ, а не въ Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ или Барнаулѣ, гдѣ испоконъ-вѣку задавались роскошные лукулловскіе пиры. Херсонскій степнякъ ума не приложитъ въ дремучей туринской тайгѣ. Вятскій отличный хозяинъ, всю жизнь отбивавшій у лѣса поля и луга, сидитъ на Барабинской степи, гдѣ такъ хорошо было исконнымъ ямщикамъ и извозчикамъ. Лакей бродилъ безъ дѣла по Пелыму, пока послѣ долгихъ исканій не выучился торговать и обманывать остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ. Тѣ самые ссыльные, которыхъ самъ приказъ назначалъ въ цехъ слугъ, бродили изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, отъ одного хозяина къ другому, и при этомъ искуственно создаваемые слуги—самые невѣрные, самые неспособные и самые несчастные люди.

Ото всей этой путаницы возростаетъ, постепенно увеличиваясь, та громадная масса движущагося вдоль и поперекъ всей Сибири кочевого населенія бродягъ, которая, какъ саранча, временами поѣдаетъ, временами глушитъ свѣжіе всходы молодой страны, достойной лучшей участи. Вѣдь въ Сибирь не даромъ тянутся и до сихъ поръ вольные переселенцы и поселенцы съ дозволительными свидѣтельствами. Не даромъ люди, обязанные распечатывать и читать поселенческія письма, говорятъ про безконечныя похвалы этой странѣ, расточаемыя на соблазнъ и на уговоръ родныхъ, оставшихся въ Россіи, чтобы шли сюда, въ эту страну, гдѣ рѣдко урожаи не бываютъ самъ—15 и поля не отдыхаютъ года по 3, по 4 даже въ Енисейскомъ округѣ (не говоря о странахъ при—иртышскихъ, минусинскихъ, забайкальскихъ и иркутскихъ, гдѣ даже коренные инородцы стали превращаться въ земледѣльцевъ). Не даромъ же сторожилы, питающіе зло противъ бѣглыхъ и каторжныхъ, на вопросъ бродяги: „Нѣтъ ли работы"?—отвѣчаютъ коротко и ясно: „Иди въ кладовую—и выбирай по рукѣ либо серпъ, либо литовку". Такимъ образомъ, бѣглые, смѣло укрывшіеся и ловко спрятанные, пилятъ лѣсъ въ городахъ и селахъ, правятъ всякую поденщину на заимкахъ, окашиваютъ роскошныя сибирскія степи, помогаютъ сибирскимъ крестьянамъ убираться съ пашнями и сѣнокосомъ. За одно только укрывательство, за парную баньку, кирпичный чай, за объѣдки отъ стола и обноски изъ стараго платья, работаетъ не только поселенецъ, но и каторжный. Между тѣмъ, страна все-таки отъ поселенцевъ несчастна. Несчастны въ ней и сами поселенцы, но несчастнѣе всѣхъ изъ нихъ тотъ небольшой разрядъ, который пользуется у всѣхъ сибиряковъ и даже у самихъ поселенцевъ полнѣйшимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Это—палачи. Преступники, которымъ судъ и судьба судили поселеніе, но которые, по доброй волѣ и по вызову, рѣшились на извѣстное мастерство, въ разсчетѣ на лучшую участь. Согласіе ихъ избавило отъ плетей, служба освободила отъ тѣлеснаго наказанія; особая школа выучила владѣть орудіемъ наказанія. Таковое искуство у нѣкоторыхъ мастеровъ доведено было нѣкогда до такого совершенства, что они могли по произволу и разрѣзать, какъ острою бритвою, листъ бумаги и такъ подхватить кнутъ, пущенный со всего размаха, что подставленный листъ бумаги оставался невредимымъ. По закону, если кто изъ поселенцевъ не соглашался идти въ палачи, то губернскимъ правленіямъ предоставлено право опредѣлять въ эту должность: или людей, присужденныхъ къ отдачѣ въ арестантскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ. Впрочемъ, послѣдніе случаи представляютъ замѣчательную рѣдкость и въ законахъ можно считать это дозволеніе остаткомъ стариннаго законодательства, внесеннымъ въ новое лишь про всякой случай. Въ Уложеніи велѣно въ палачи на Москвѣ прибирать изъ вольныхъ людей за поруками, а жалованье обѣщали давать изъ государевой казны; въ городахъ выбирать палачей указано съ посадовъ и съ уѣздовъ съ сохъ, съ дворцовыхъ и черныхъ волостей и со всякихъ сошныхъ людей. Избиратели давали подписки (но неохотно). Палачи присягать должны; сошные люди отъ выборовъ отказались; ихъ принуждали штрафами. Охотниковъ явилось мало. Царь Ѳеодоръ (въ 1680 г.) соблазнялъ жалованьемъ по 4 руб. человѣку, но въ слѣдующемъ же году принуждены были бояре приговорить: послать граматы къ воеводамъ, чтобы они въ заплечные мастера брали изъ посадскихъ людей (не насильно), а тѣхъ, которые „волею своею въ тое службу быть похотятъ". Совѣтовали посадскихъ и сошныхъ людей заставить выбрать изъ самыхъ молод-

...хъ или изъ гулящихъ людей, чтобы во вся...мъ городѣ безъ палачей не были. Воеводы ... и дѣло жаловались, что въ палачи охочихъ ...дей не находится или выбранные принужде...емъ убѣгають. Въ прошломъ вѣкѣ жалобы эти ...тихли. Сенатскіе указы (вродѣ указа 10 ...ня 1749 г.) стали настолько требовательны, ...о на каждую губернскую канцелярію потре...вали уже по два палача. Съ 1738 года имъ ...е и жалованья не полагалось, а потомъ да...лось солдатское (за платье и за хлѣбъ по ... руб. 95 коп. въ годъ). Въ этотъ вѣкъ на ...хъ объявилось большое требованіе и крупный ...росъ. Въ первую половину его заплечные ...стера имѣли большие заработки и получали ...упные заказы, когда—по народному, сильно ...спространенному преданію — и воду сѣкли ...утомъ, если дерзала она отъ вѣтровъ затѣ...ть возмущеніе. По свидѣтельству знаменитаго ...мирала Мордвинова, когда „для 20 ударовъ ...ута потребенъ былъ цѣлый часъ, а при мно...численности ударовъ наказанія продолжалось ...ъ восходящаго до заходящаго солнца",—пла...ли по десяти тысячъ рублей, чтобы не изу...ѣчить или менѣе мучительнымъ сдѣлать нака...ніе". (См. Чтеніе Общ. Ист. и Древн. Росс. ...859 г. книга четвертая). Становился въ за...печные мастера какой нибудь забулдыга, без...башная голова, зашалившійся либо до казни, ...бо до ссылки. Вѣдомому вору оставался одинъ ...ходъ—„встать въ палачи за свои вины". ...ваніе это пятнало позоромъ передъ лицомъ ...рода, но оправляло передъ властями.

Палачъ, находящійся на службѣ и живущій ...быкновенно въ острогѣ при гауптвахтѣ (въ ...обомъ помѣщеніи), пользуется полнѣйшимъ ...аженіемъ всѣхъ арестантовъ. При встрѣчѣ съ ...мъ схватываются съ бритыхъ головъ шапки; ...о зовутъ не иначе, какъ по имени и по от...честву. Ихъ фамиліи, какъ историческія имена, ...ходятъ въ потомство. Въ честь московскаго ...алача Бархатова всѣ послѣдующіе заплечные ...стера, поступившіе въ это званіе изъ непом...нящихъ родства, предпочитаютъ выбирать себѣ ...у фамилію (по Сибири большая часть пала...й Бархатовы, нѣкогда всѣ палачи были Бар...товы). Если про себя позволяютъ еще себѣ ...рестанты обзывать мастеровъ полуименемъ ...Кирюшка, извѣстный палачъ петербургскій, от...да и кирюшкина кобыла — мѣсто казни на ...ыкѣ современныхъ мазуриковъ, Изоська—си...рскій, Криворотый и проч.), то въ глаза па...чу оказывается такое почтеніе отъ всѣхъ аре...стантовъ, что люди эти успѣваютъ забаловы...ться до высокаго мнѣнія о себѣ, на манеръ ...сподскихъ кучеровъ и столичныхъ швейца...въ. Палачъ передъ начальствомъ всегда тѣмъ ... недоволенъ, всегда на что нибудь жалуется ... чего нибудь проситъ, какъ обязательной ...готы. Между тѣмъ, на палача удѣляетъ арестантская артель изъ пожертвованнаго и благопріобрѣтеннаго все: булки, чай, сахаръ, вино и проч. Сверхъ того, въ хорошо организованныхъ тюрьмахъ на палача отъ арестантской общины полагается по полтиннику въ мѣсяцъ за каждаго наказуемаго. Часть тѣхъ денегъ, которыя бросаетъ народъ на одежду наказуемому, удѣляется также палачу подъ особымъ именемъ „рогожки, полурогожки" и проч. Сердитый сердцемъ палачъ (каковыми, по опыту ссыльныхъ, бываютъ солдаты и поповичи: „крошатъ и ломятъ безъ зазрѣнія совѣсти"), сверхъ обусловленнаго обычаемъ, старается вымогать.

Вообще, палачамъ деньги доставались легко; палачу стоило пройтись по базару, напримѣръ, на пути къ мѣсту наказанія, чтобы всякій крестьянинъ далъ ему грошъ или пятакъ, какъ бы въ видѣ задатка и по приказу пословицы, повелѣвающей отъ тюрьмы и отъ сумы не отказываться, и по требованію самого палача, сказывавшаго у каждаго воза: „Давайте кату плату"!

Если приходится наказывать кого либо изъ почетныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, изъ артельныхъ любимцевъ, тотъ же староста или самъ приговоренный шелъ по казармамъ съ „именинною кружкою" (первою подвернувшеюся подъ руку посудиною) и собиралъ. Сборъ такой называется „подаркомъ почетныхъ старожиловъ". Вообще, отъ этихъ подарковъ палачамъ жилось хорошо: люди эти на большую половину свою хорошо откормленные, сытые, жирные, толсторожіе; хорошо высыпаются, хорошо отгуливаются, хотя и подъ конвоемъ, и вообще, пользуются хорошимъ здоровьемъ. Единственная болѣзнь, на которую они чаще всего жалуются,—полнокровіе, приливъ крови; единственный недугъ, который они испытываютъ—тоска и скука. Многіе серьезно жалуются на то, что имъ не даютъ работы. Бережливые успѣваютъ даже накопить достаточное количество денегъ. Во всякомъ случаѣ, по окончаніи срока службы, если палачей, вообще очень наклонныхъ къ побѣгу, успѣли удержать и не выпустить на волю, они выходятъ на волю и деньгами могли бы начинать тамъ болѣе обезпеченную жизнь; но дѣло въ томъ, что отливаются волку овечьи слезы.

Поселенные въ волостяхъ на правахъ государственныхъ крестьянъ, палачи — самые несчастные люди не только въ мѣстахъ Тобольской губерніи, гдѣ выдумали было селить ихъ кучкою, но и повсюду. Изъ волости не дозволяютъ имъ выходить. Взрослые сосѣди-крестьяне гнушались раздѣлить съ ними кусокъ хлѣба, посадить ихъ за столъ; женщины боялись подѣлиться съ ними хозяйственнымъ запасомъ, считая прикосновеніе ихъ руки оскверненіемъ, взглядъ, брошенный на нихъ, нечистымъ, требующимъ особаго очищенія и молитвы Ивану

Воину *). Мальчишки не упускали на улицахъ случая, чтобы не потравить проходящаго приселенца изъ палачей. Ни купить, ни продать бывшіе палачи ничего не могли, и самая жизнь ихъ на волѣ являлась хуже каторжной. Нѣкоторые сознательно бѣжали и въ бѣгахъ дѣлали преступленія исключительно и намѣренно для того только, чтобы попасть именно на каторгу. Только тамъ они еще могли избѣгать крайней степени позора **). Уставали немногіе, но ни одинъ еще изъ палачей не женился на сибирячкѣ. Члены экспедиціи, въ концѣ 60-хъ годовъ снаряженной сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества въ Туруханскій край, нашли тамъ русскихъ поселенцевъ отунгуазившимися. Отцы этихъ метисовъ были русскіе люди, матери—тунгузки. Большая часть потомковъ носятъ фамилію Бархатовыхъ; все это потомки палачей, приходящихъ изъ бѣговъ съ волчьимъ именемъ и называющихся фамиліею знаменитаго московскаго ката.

Случаются, впрочемъ, въ Сибири и другого рода явленія. Въ Сибири указываютъ на множество ссыльныхъ, которые успѣли сдѣлаться крупными богачами ***). Самый рѣзкій образецъ тому представляетъ Петръ Кандинскій, крестьянинъ, сосланный въ каторжную работу на Нерчинскіе рудники, успѣвшій жениться и тамъ, выйдя на пропитаніе, начать маленькую торговлю офеньскимъ способомъ коробейника. Поселился онъ на Шилкѣ въ страшныхъ трущобахъ и близь большихъ горъ, наз. Борщовскимъ хребтомъ. Семейство его очень размножилось: въ 50 лѣтъ дѣтьми и внуками его, до 60-ти человѣкъ, населилась цѣлая слобода Бянкина, съ церковью каменною и благолѣпно украшенною. Петръ Кандинскій началъ наживать значительное состояніе, послѣ офеньства, хлѣбною торговлею въ этомъ въ то время скудномъ краѣ, жители котораго постоянно звѣровали и полей не пахали; хлѣбъ имѣлъ постоянную цѣну. Вымѣнъ его у крестьянъ на звѣриныя шкуры позволилъ Кандинскому заняться торговлею пушнымъ товаромъ и завести дѣла въ г. Нерчинскѣ по 2 гильдіи, а потомъ записаться и въ Кяхтѣ по первой. Соляные казенные подряды увеличили еще болѣе состояніе его; хлѣбопашество производилось на добрыхъ лошадяхъ хорошими работниками и плугами, давало сильные и вѣрные урожаи, когда у другихъ были постоянныя неудачи. Кандинскіе с успѣхомъ развели посѣвы гималайскаго ячменя, имѣли непосредственное вліяніе на цѣнност хлѣба во всемъ заводскомъ округѣ и, при надлежа къ сословію заводскихъ крестьян отбывали легко и свободно повинности по к[у]печеству и крестьянству. Губернаторовъ с[ни] умѣли встрѣчать на рѣкѣ Шилкѣ, на противо положномъ берегу противъ Бянкина на огро[мн]ыхъ лодкахъ, украшенныхъ коврами, сами убѣленные сѣдинами, въ длинныхъ кафтанах и съ медалями. Принимали въ домѣ вро[дѣ] старинныхъ барскихъ палатъ, прилѣпленны къ щекамъ отвѣсной горы, съ балкономъ и террасою, утвержденною на столбахъ и висяще надъ водою рѣки Шилки. Лѣтъ 50 тому назад не было хозяина, который не былъ бы долже[нъ] Кандинскимъ, не было товара, который бы не выходилъ изъ ихъ складовъ. Когда заводски[хъ] крестьянъ переименовали въ казаковъ и, для воспособленія ихъ новому быту, разрѣшили им не платить старыхъ долговъ, домъ Кандинских былъ сильно потрясенъ и быстро пошелъ к паденію на мѣстѣ. Однако, они совершенно не обанкрутились. Правнуки Петра продолжают вести торговлю не только за Байкаломъ и на Амурѣ, но и въ Россіи (въ Москвѣ), и продол жаютъ пользоваться честнымъ именемъ и ком мерческимъ довѣріемъ. Конечно, теперь далек не то, потому что и сыновьямъ Петра, Хри санфу и Алексѣю, досталось до 5-ти милліонов оборотнаго капитала, пріобрѣтеніе, которое ждет своего историка и прольетъ много характерна свѣта на состояніе всего Забайкальскаго кра[я]. Въ первой половинѣ XIX столѣтія Кандинск[іе] были царями всего обширнаго края.

Образецъ подобнаго рода не послѣдній: почт[и] на каждомъ рудникѣ, почти при каждомъ за водѣ найдется не одинъ каторжный, торгующі[й] съ порядочнымъ капиталомъ. Дѣти ихъ пользу ются уже всѣми правами людей свободнаго со стоянія. Не возвращаясь въ Россію, они служат прочнымъ фундаментомъ для основанія мѣстна[го] купеческаго сословія, у котораго впереди така[я] блестящая будущность и отъ котораго стра[на] въ правѣ ожидать большого подспорья и дѣятел[ь]ной помощи на поступательное шествіе вперед[ъ]. Этимъ людямъ грѣхи отцовъ и дѣдовъ дав[но] отпущены и сосѣдями не вспоминаются. Сво боднымъ и прямымъ путемъ полезныхъ дѣятеле[й] они становятся безразличными въ массѣ и [во] второмъ поколѣніи уже являются звеньями [въ] той цѣпи, которую образуютъ коренные жител[и], такъ называемые сибирскіе старожилы.

Изъ европейскихъ путешественниковъ Симпсон посѣтилъ около Канска ссыльнаго, котора[го] сынъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, нашелъ вла дѣльцемъ богатаго имѣнія и обширнаго хо зяйства, для веденія котораго онъ употребля[лъ]

*) Св. Ивана Воина, какъ извѣстно, чтутъ и арестанты и изображеніе этого угодника въ рѣдкой сибирской тюрьмѣ не виситъ въ почетномъ, правомъ отъ входа углу.

**) Тобольскій палачъ, напр., убилъ собственную жену и тогда сдѣлался ссыльно-каторжнымъ. Въ Нерчинскомъ заводѣ, въ квартирѣ должностнаго палача, нашли три трупа, имъ приготовленныхъ.

***) Между тѣмъ, поселенцамъ не дозволено производить развѣдокъ золотыхъ пріисковъ и люди эти теперь пока участвуютъ въ дѣлахъ на чужое имя.

140 работниковъ. Эрманнъ зналъ другого, изъ Новгородской губерніи, домъ и хозяйство котораго съ одиннадцатью работниками и работницами представляли нѣчто образцовое и заслуживающее изученія: рогатый скотъ и лошади помѣщались въ крытыхъ сараяхъ и ѣли сѣно, которое привозилось за 20 верстъ съ низменныхъ, обильныхъ травою острововъ Лены. Этотъ ссыльный получалъ превосходный урожай ржи, ячменя, капусты и рѣпы. Превосходный птичникъ находился въ людской. Ссыльный жилъ богатымъ помѣщикомъ.

Политическіе изгнанники и ссыльные нерѣдко бывали благодѣтелями тѣхъ странъ, въ которыя приводила ихъ судьба. Французскіе изгнанники при Людовикѣ XIV основали въ Англіи фабрики шелковыхъ издѣлій; другая партія научила саксонцевъ выдѣлывать сукна и шляпы, составлявшія до того времени монополію Франціи; третья на мысѣ Доброй Надежды развели виноградъ. У насъ, князь В. В. Голицынъ, любимецъ царевны Софьи Алексѣевны, сосланный въ Пинегу, развелъ тамъ лошадей, до сихъ поръ извѣстныхъ подъ именемъ „мезенокъ". Меншиковы устроили въ Березовѣ богадѣльню, первую въ Сибири; баронъ Менгденъ, сосланный въ 1742 году, съ 4 членами своего семейства, завелъ въ дикомъ Новоколымскѣ коровъ и лошадей, снабжалъ чукчей различными товарами, пріобрѣтаемыми имъ въ Якутскѣ. Тогда же сосланный Ивашкинъ обучалъ дѣтей въ Камчаткѣ, и проч.

Сибирь, отъ ссылки государственныхъ людей, политическихъ преступниковъ и другого грамотнаго люда, выиграла въ томъ, что въ ней всѣ классы народонаселенія гораздо развитѣе, свободнѣе, способнѣе и образованнѣе соотвѣтствующихъ имъ классовъ во многихъ другихъ частяхъ Россіи. Политическіе ссыльные пользовались всѣми возможными облегченіями; старожилы не встрѣчали ихъ съ недовѣріемъ, а ссылаемые на житье пользовались значительною долею свободы для примѣненія къ дѣлу своихъ знаній, способностей и плодовъ образованія. Они имѣли право селиться обществами, изъ которыхъ и распространялась образованность. Начало этому дѣлу положено еще во времена Петра Великаго. Баронъ Страленбергъ, одинъ изъ шведскихъ офицеровъ, взятыхъ Петромъ въ сраженіи подъ Полтавою, вмѣстѣ съ товарищами своими, принесъ въ Восточную Сибирь ремесла Европы. Ими основаны тамъ первыя училища. Фридрихъ фонъ-Врехъ (изъ секты піэтистовъ), адъютантъ Михаэлисъ Шлегель и пасторъ Габерманъ основали, въ 1715 году, въ Тобольскѣ школу для единовѣрцевъ, а потомъ и для дѣтей русскихъ (въ 1719 году въ школѣ обучалось 96 мальчиковъ). Предпріятіе вызвало сочувствіе въ Европѣ и знаменитый профессоръ Франке собралъ за границею по подпискѣ, въ пользу этой школы, до 5.000 рублей на тогдашнія русскія деньги. Когда Ништадскій миръ возвратилъ всѣхъ плѣнныхъ въ отечество, школа прекратилась, но въ это время существовала уже другая школа, основанная раньше нѣмецкой (въ 1707 году) митрополитомъ Филоѳеемъ Лещинскимъ, которая впослѣдствіи превратилась въ семинарію. Изъ нее до сихъ поръ выходятъ не только духовныя лица, но и чиновники.

Примѣръ шведовъ былъ для Сибири только первымъ по счету, но громадную услугу пришлось оказать странѣ позднѣйшимъ дѣятелямъ, труды которыхъ и въ наши дни продолжаютъ быть благотворными. Сибирь знаетъ и благословляетъ имена своихъ учителей, особенно много подвинувшихъ страну на пути образованія во второй четверти текущаго столѣтія. По Сибири слишкомъ живы и ясны слѣды этихъ дѣятелей и они настолько значительны, что не можетъ быть въ томъ и тѣни сомнѣнія.

Возвращаемся назадъ для нѣсколькихъ заключительныхъ словъ.

Бытъ сибирскихъ поселенцевъ не обезпеченъ въ достаточной и надлежащей степени: поселенцы, неправильно и непрочно водворяемые, оставляютъ мѣста и бродятъ. Въ бродяжествѣ, увлекаемые нуждою и случайностями, зачастую добиваются тягчайшихъ правъ: дѣлаются каторжными. Въ то же время каторжные, прикрываясь оригинальнымъ званіемъ непомнящихъ родства, становятся поселенцами. Когда, такимъ образомъ, уловки доставляютъ случаи къ честной и полезной жизни, истинное право остается таковымъ только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ является въ формѣ самаго грустнаго и очевиднаго обмана. Дѣйствительныя, живыя силы ссыльнаго люда въ надежной мѣрѣ не вызваны и значеніе карательныхъ мѣръ не опредѣлено въ той степени, чтобы взысканіе уже не мѣшало другой задачѣ ссылки, существенной для молодой и мало-развитой страны, именно—колонизаціи ея. Экономическій капиталъ настолько великъ, что могъ бы залечить многія раны, а теперь, представляя только крупное казенное сбереженіе коренной переработкѣ тюремнаго и ссыльнаго дѣла, становится далеко недостаточнымъ. Способъ надзора не приведенъ въ правильную систему и при постоянной апатіи дѣятельность возбуждается только порывами и строгостями, а потому и не произошло желаемыхъ плодовъ. Выросшія плевелы продолжаютъ рости подъ защитою равнодушія. Словомъ, исправленія производятся на поверхности, тогда какъ середина и корень продолжаютъ гнить и болѣть серьезными болѣзнями. Между тѣмъ, наука ушла впередъ и даже теперь, когда еще не произведено внимательнаго и надлежащаго діагноза, новые пріемы лекарствъ успѣли показать ихъ состоятельность и нѣкоторую близость къ настоящимъ специфическимъ средствамъ. Заботы объ улучшеніи тюремъ, вызванныя измѣненіемъ

судопроизводства, получили фактическое начало, выразившееся въ устройствѣ тюремъ по европейскимъ образцамъ, въ измѣненіи способовъ препровожденія ссыльныхъ въ Сибирь. Теперь на очереди вопросъ о самой ссылкѣ и способахъ ея примѣненія.

Въ Сибири условія хозяйственнаго быта находятся именно въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя наиболѣе всего благопріятствуютъ коренной и прочной осѣдлости, сильно способствуютъ наилучшему водворенію. Оно ничѣмъ не отстало бы отъ образцовъ, представляемыхъ Америкою, если бы давались уступки народнымъ требованіямъ и не затрудняли бюрократическія тонкости и многочисленныя формальности, излишняя подозрительность и боязнь присутствія опасностей тамъ, гдѣ онѣ всего наименѣе имѣютъ мѣсто.

Уроки прошлаго не проходятъ даромъ, разъ затѣянныя преобразованія не могли остаться на полпути. Этапный способъ препровожденія ссыльныхъ, возбудившій справедливое негодованіе и вызвавшій стремленія къ отмѣнѣ и улучшеніямъ, не перестаетъ поддерживать самое эосредоточенное вниманіе со стороны министерства, которому ввѣрено попеченіе о ссыльныхъ. Съ каждымъ годомъ мы наталкиваемся на измѣненія и улучшенія, сумма которыхъ накопила за нами обязательства добавить въ заключеніе еще слѣдующія строки.

Десятокъ лѣтъ, которые въ эпоху преобразованій не проходятъ даромъ, на этотъ разъ въ спеціальномъ вопросѣ, насъ занимающемъ, не остались безъ примѣтнаго слѣда. Гуманныя стремленія, вызываемыя сознаніемъ собственныхъ недостатковъ, успѣли на практикѣ отразиться крупными задатками надеждъ на дальнѣйшія усовершенствованія впереди и объявиться въ крупныхъ чертахъ благопріятныхъ результатовъ. Разсчеты, вытекшіе изъ чистаго и вѣрнаго источника и подчиненные строгой повѣркѣ, оправдались съ такимъ успѣхомъ, что заявленіе объ нихъ мы считаемъ для себя прямымъ и пріятнымъ долгомъ.

Сѣти желѣзныхъ дорогъ, прорѣзающія Россію въ различныхъ направленіяхъ, успѣли облегчить движеніе пересыльныхъ и ссыльныхъ партій внутри имперіи. Южными дорогами министерство внутреннихъ дѣлъ успѣло уже обезпечиться, чтобы доставлять ссыльныхъ въ Одессу на пароходахъ Добровольнаго флота для доставки ихъ на островъ Сахалинъ.

Отъ Нижняго до Ачинска еще въ 1865 г. установлена была перевозка зимою на подводахъ, а весною и лѣтомъ на пароходахъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, по желѣзной дорогѣ отъ Перми до Тюмени, а далѣе опять на пароходахъ по рѣкамъ сибирскимъ до Томска и снова на подводахъ до Ачинска. Когда опытъ показалъ дороговизну перевозки подводами и огромные расходы при заготовкѣ зимней одежды— зимній способъ былъ оставленъ. Осужденныхъ стали оставлять до лѣтняго времени въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они приговорены въ ссылку, или сгруппировывали въ болѣе центральныхъ мѣстностяхъ по главному ссыльному тракту. Пунктами этими назначены: Орелъ, Москва, Нижній, Казань, Пермь, Тюмень, Томскъ и проч. Здѣсь устроены были центральныя тюрьмы экономическимъ способомъ изъ готовыхъ зданій, за исключеніемъ Томска, гдѣ возведено было новое тюремное зданіе. Въ остальныхъ городахъ послужили для этой цѣли зданія арестантскихъ ротъ. Въ Москвѣ и Тюмени построены новыя тюрьмы. Сбереженія отъ различныхъ денежныхъ сокращеній обезпечили возможность для министерства постройку этихъ зданій круговымъ возвратомъ суммъ, истрачивавшихся прежде на ненужные излишки. Сократилось путевое довольствіе, прекратилась выдача прогоновъ на пространствѣ между Нижнимъ и Пермью, уменьшились издержки на заготовку зимней одежды *), отъ сокращенія конвойныхъ командъ съ 40 на 8 на пространствѣ отъ Нижняго до Томска и отъ упраздненія этапныхъ зданій на этомъ пространствѣ **). Солидная цифра 300 тысячъ руб. сбереженія перваго года предупредила и отвратила, сверхъ того, издержки цѣлаго милліона на этапы, если бы они существовали здѣсь въ томъ же числѣ и въ такомъ же разрушенномъ видѣ.

Въ настоящее время эти гуманныя цѣли преслѣдуются среди такой обстановки: передвиженіе по рѣкамъ на баржахъ обезпечено обязательствомъ пароходовладѣльцевъ.

Устройство этихъ баржъ вызвало справедливую похвалу, какъ соблюденію условій гигіены, такъ и способу безопаснаго препровожденія.

Въ Тюмени арестантскія партіи садятся на баржи, буксируемыя пароходами, по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи обыкновенно въ теченіи 20 дней.

Въ настоящее время опытъ указалъ на удобство внутренняго устройства при тѣхъ условіяхъ, которыя и въ настоящее время строго соблюдаются. Внутри баржъ устроены три отдѣленія съ нарами въ два яруса, на которыхъ свободно помѣщается человѣкъ высокаго роста. Для каждаго назначено отъ $5^{1}/_{4}$—$2^{1}/_{2}$ аршинъ въ длину и не менѣе одного аршина въ ширину. Свѣтъ и воздухъ проникаютъ въ отверстія, въ ненастную погоду закрываемыя стеклянными ра-

---

*) Выдавали мужчинамъ рукавицы съ варежками, полушубки, шаровары и теплую шапку; женщинамъ—суконныя юбки, шубы, тѣ же рукавицы съ варежками и теплый картузъ на голову. Тѣмъ и другимъ, взамѣнъ котовъ и портянокъ, валенки и суконныя онучи.

**) Оставлены только тѣ части этапныхъ зданій, которыя оказались удобными для помѣщенія арестантовъ; прочія проданы съ торговъ.

мами. Вентиляція производится черезъ деревянныя трубы, выведенныя на палубу. На палубѣ каюты для офицера, гражданскаго чиновника и врача, сопутствующихъ партіямъ. Тамъ же каюты для конвоя, больныхъ и для кухонь, а внутри баржи—два отдѣльныхъ карцера для одиночнаго заключенія. По бортамъ сдѣланы прочныя рѣшетчатыя перила, высокія, равныя верхнимъ каютамъ.

Заботы министерства внутреннихъ дѣлъ на этомъ не кончились. Прежде всѣ ссыльные тракты соединялись въ Казани, откуда начинался одинъ общій сибирскій трактъ; теперь желѣзныя дороги сосредоточили ссыльные пути въ Москвѣ и кончились въ Нижнемъ, составляющемъ, такимъ образомъ, крайній восточный пунктъ. Поэтому уничтожены всѣ этапы, гдѣ идутъ желѣзнодорожныя линіи. Съ упадкомъ значенія Казани уничтожена въ этомъ городѣ экспедиція о ссыльныхъ. Пермская экспедиція образована на новыхъ началахъ съ увеличеніемъ и измѣненіемъ ея работъ; тобольскій приказъ о ссыльныхъ переведенъ въ Тюмень. Всѣ эти крупныя перестройки, при значительномъ удешевленіи этапнаго пути, сдаютъ въ архивъ исторіи часть изъ того, на что приходилось печалиться намъ при личномъ обозрѣніи сибирскихъ этаповъ. Крупные шаги увѣнчались успѣхомъ и если остановились они на Томскѣ и тянутся этапы еще дальше Кары, до окончанія перевозки всего доставленнаго количества ссыльныхъ, то, во всякомъ случаѣ, добрая половина пути пройдена. Путники не истомлены, сохранивъ свѣжія силы; этапная атмосфера ихъ не заражала. Въ Томскъ они являются не съ прежнимъ запахомъ, но съ Томска они могутъ не попадать на старыя правила и стародревнюю порчу, если благодѣтельныя мѣры не будутъ медлить: или приблизятъ каторгу, сокративъ дороги хотя бы до Алтая (что желательнѣе), или, уводя на дальнія, не поведутъ ихъ подъ надзоромъ такихъ конвоировъ, о злыхъ замыслахъ и преступныхъ поползновеніяхъ которыхъ въ послѣдніе года сами арестанты неоднократно принуждены были доводить до свѣденія начальствъ. За Ачинскомъ, до котораго конная перевозка существуетъ круглый годъ, пѣше-этапный путь еще во всей своей силѣ.

Пусть же нашъ разсказъ объ этапахъ поскорѣе уходитъ въ преданіе, въ качествѣ и значеніи историческаго матеріала, какъ ушелъ въ преданіе разсказъ историческаго страдальца Аввакума. Въ виду исчезновенія большей половины утлыхъ этапныхъ зданій и ослабленія несостоятельной системы медленнаго и дорогого пѣшаго порядка передвиженій (на каковое щедро, удачно и счастливо искусились мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ), надежды не далеки и ожиданія сбыточны. Надеждами этими заключаемъ нашу первую главу и съ ними готовы встрѣтить на счастливый часъ и въ доброе время фактическія доказательства исчезновенія и отмѣны того, что нами сказано въ послѣдующихъ главахъ этого перваго тома нашей работы.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

ТЮРЕМНЫЯ ПѢСНИ.

Сорокъ восемь тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣсенъ (старинныхъ и новыхъ) съ варіантами и объясненіями.—Творцы пѣсенъ: Ванька Каинъ.—Разбойникъ Гусевъ.—Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ.—Пѣсня о правежѣ.—Мѣстные сибирскіе пінты.—Ученая пѣсня.—Пѣсня Кармелюка.—Пѣсни Видорта.—Ворожбюкъ.

Подробности быта ссыльныхъ, особенно же частности тюремнаго быта, привели насъ къ тѣмъ развлеченіямъ, которыя измышлены заключенниками на досугѣ, чтобы подцвѣтить праздное бездѣліе и сократить досадное и скучное время. Въ числѣ тюремныхъ развлеченій не послѣднее мѣсто принадлежитъ—какъ и быть слѣдуетъ—пѣснямъ. Не смотря на то, что строгія тюремныя правила, запрещая „всякаго рода рѣзвости, произношеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольства, ссоры, брань, разговоры, хохотъ“ и т. п., преслѣдуютъ, между прочимъ, и пѣсни,—онѣ все-таки не перестаютъ служить свою легкую и веселую службу. Хотя пѣсенниковъ приказано смотрителямъ „отдѣлять отъ другихъ (не поющихъ) въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно на хлѣбѣ и на воду“, все-таки отъ этихъ красивыхъ на бумагѣ и слабыхъ на дѣлѣ предписаній пѣсенники не замолчали. Люди и въ заключеніи продолжаютъ пѣть и веселиться. Пѣсни сберeглись въ тюрьмахъ даже въ томъ самомъ видѣ и формѣ, что мы, не обинуясь,

имѣемъ право назвать ихъ собственно-тюремными, какъ исключительно воспѣвающія положеніе человѣка въ той неволѣ, которая называется „каменною тюрьмою". Скажемъ даже болѣе: тюремныхъ пѣсенъ скопилось такъ много, что намъ представляется возможность составить исключительно изъ нихъ цѣлый сборникъ (свыше сорока нумеровъ), при этомъ большею частью изъ извѣстныхъ только сибирскимъ ссыльнымъ. Впрочемъ, большая часть пѣсенъ принесена изъ Россіи готовыми, въ Сибири онѣ и не улучшались даже, напротивъ, нѣкоторыя, по сравненію съ подобными же русскими, являются въ неполномъ видѣ и нерѣдко искаженными отъ позднѣйшихъ приставокъ и перестановокъ. Въ Россіи эти произведенія народнаго творчества являются полнѣе и законченнѣе, а въ Сибири случается, что одно цѣльное произведеніе дробится на части и каждая часть является самостоятельною, но при этомъ замаскирована до того, что какъ будто сама по себѣ представляетъ самобытное цѣлое. Бываетъ и такъ, что мотивы одной перенесены въ другую, отчего кажется иногда, что извѣстная пѣсня еще не приняла округленной и законченной формы, а все еще складывается, ищетъ подходящихъ образовъ, вполнѣ удовлетворительныхъ. Нѣкоторыя пѣсни людская забывчивость урѣзала и обезличила такъ, что онѣ кажутся и бѣдными по содержанію и несовершенными по формѣ. Въ Сибири уцѣлѣли и такія, которыя или забыты въ Россіи или ушли въ составъ другихъ пѣсенъ, и наоборотъ.

Въ тюремныхъ пѣсняхъ два сорта: старинныя и новѣйшія. Помѣщая послѣднія для сопоставленія и сравненія съ настоящими и неподдѣльными произведеніями самобытнаго народнаго творчества (каковы пѣсни древнѣйшаго происхожденія), изъ новѣйшихъ мы выбрали только нѣкоторыя болѣе распространенныя. Старинныя мы включаемъ въ сборникъ (для нихъ собственно и предпринятый) съ тѣмъ убѣжденіемъ, что онѣ начинаютъ исчезать, настойчиво вытѣсняемыя дѣланными искуственными пѣснями. Мы едва ли не живемъ именно въ то самое время, когда перевѣсъ борьбы и побѣды склоняется на сторону послѣднихъ *).

Лучшія тюремныя пѣсни (чѣмъ пѣсня старше, древнѣе, тѣмъ она свѣжѣе и образнѣе, чѣмъ ближе къ намъ ея происхожденіе, тѣмъ содержаніе ея скуднѣе и форма не представляетъ возможности желать худшей), лучшія тюремныя пѣсни выходятъ изъ цикла пѣсенъ разбойничьихъ. Сродство и соотношеніе съ ними настолько же сильно и неразрывно, насколько и самая судьба пѣсеннаго героя тѣсно связана съ „каменной тюрьмой—съ наказаньецемъ". Насколько древни похожденія удалыхъ добрыхъ молодцевъ повольниковъ, ушкуйниковъ, воровъ-разбойничковъ, настолько же стародавни и складныя сказанія объ ихъ похожденіяхъ, которыя, въ свою очередь, отзываются такою же стариною, какъ и первоначальная исторія славной Волги, добытой руками этихъ гулящихъ людей и ими же воспѣтой и прославленной. Жизнь широкая и вольная, преисполненная всякаго рода борьбы и безчисленными тревогами, вызвала народное творчество въ томъ поэтическомъ родѣ, подобнаго которому нѣтъ уже ни у одного изъ другихъ племенъ, населяющихъ землю. Отдѣлъ разбойничьихъ пѣсенъ про удалую жизнь и преслѣдованія—одинъ изъ самыхъ поэтическихъ и свѣжихъ. Тамъ, гдѣ кончаются вольныя похожденія и запѣваетъ пѣсня о неволѣ и возмездія за удалые, но незаконные походы, начинается отдѣлъ пѣсенъ, принятыхъ въ тюрьмахъ, въ нихъ возлелѣянныхъ, украшенныхъ и облюбленныхъ,—словомъ, отдѣлъ пѣсенъ тюремныхъ. Оттого онѣ и стали таковыми, что въ тюрьмѣ кончаются послѣдніе вздохи героевъ и сидятъ подпѣвалы и запѣвалы, рядовые пѣсенники — хористы и сами голосистые составители или авторы пѣсенъ. Отъ самыхъ древнихъ временъ сибирскихъ тюремъ готовная и сильная передача о дѣлахъ удальцовъ въ послѣдовательномъ своемъ теченіи не прерывалась, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ перестали атамановъ водить ко вѣшанью и рубить ихъ буйны головы по самыя могутныя плечи. Непосредственно съ Волги и изъ самыхъ первыхъ рукъ завѣщаны сибирскимъ тюрьмамъ русскія тюремныя пѣсни, изъ которыхъ многія получены нами не изъ первыхъ рукъ (изъ тюремъ), а можетъ быть уже и изъ десятыхъ (изъ старожитныхъ селеній, отъ свободныхъ сибирскихъ людей — старожиловъ). Завѣщаніе, такимъ образомъ, возымѣло широкое приложеніе и отъ прямыхъ наслѣдниковъ имущество перешло въ боковыя линіи и, наконецъ, сдѣлалось общимъ достояніемъ, какъ все въ Сибири: лѣса, тайги, луга и степи. Посѣянное укрѣпилось и устояло два столѣтія въ цѣльномъ и несокрушимомъ видѣ. Впрочемъ, время и въ Сибири сдѣлало то же, что и въ Россіи (съ которою первая находится въ непрерывномъ и сильномъ общеніи): между всходами чисто-почвенными и оклиматизированными выросли плевелы и выросли въ такомъ обиліи, что грозятъ серьезною опасностью заглушить и послѣдніе остатки самостоятельныхъ и отечественныхъ растеній.

Связь и послѣдовательность не теряютъ своей силы; иноземное вліяніе, особенно долговременное (какъ сказалъ П. В. Кирѣевскій), необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народный духъ. „Царствованіе Петрово можно назвать границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ,

*) Въ приложеніи этомъ не повторяемъ тѣхъ пѣсенъ, которыя свободно улеглись въ текстѣ нашего сочиненія.

которыя, послѣ Петра, продолжали возникать только среди волжскаго и донского казачества". Позднѣйшія пѣсни о позднѣйшихъ походахъ и войнахъ „разительно отличаются ото всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ; онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени". Пѣсни, приписываемыя преданіемъ удалымъ товарищамъ Стеньки Разина и ему самому и, стало быть, пѣтыя до Петра, оживлены свѣжею мыслью и блестятъ поэтическимъ колоритомъ; но уже во многомъ лишены того и другого тѣ, которыя составлены дѣятелемъ въ началѣ прошлаго столѣтія, извѣстнымъ въ народѣ подъ именемъ Ваньки Каина. Въ концѣ же прошлаго столѣтія выросли и появились уже во множествѣ тѣ мотивы, на которыхъ ясны слѣды крутой ломки и крупныхъ народныхъ переворотовъ. На эти произведенія народнаго творчества намело пыли и накипѣло плѣсени городовъ съ ихъ фабриками и заводами, трактирами и барскими передними. Живой памяти народной подслужились печатные пѣсенники, особенно сильно пущенные въ народъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, богатаго подобнаго рода сборниками даже во многотомныхъ изданіяхъ. Уцѣлѣла коренная народная пѣсня только въ захолустьяхъ, не тронутыхъ городскимъ чужеземнымъ вліяніемъ, и еще въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія изъ южно-русскаго племени (изъ малороссійскаго народа) вышелъ авторъ (Кармелюкъ) тюремной пѣсни, въ которой еще не утрачена сила народнаго творчества, хотя уже и видны нѣкоторые слѣды посторонняго вліянія. Само собою разумѣется, что потребители изъ ссыльныхъ, съ прекращеніемъ доставки отечественнаго матеріала, поневолѣ должны были довольствоваться издалека привозными продуктами, которые и цѣною ниже и достоинствомъ хуже. Крѣпкія льняныя издѣлія домотканнаго производства и на этотъ разъ уступили мѣсто гнилымъ или непрочнымъ бумажнымъ товарамъ машиннаго дѣла, набивнымъ ситцамъ московскаго фабричнаго досужества. Въ этомъ отношеніи законъ послѣдовательности не утрачиваетъ своей живой и дѣятельной силы даже и въ томъ, что творцами пѣсенъ и въ наши дни остаются тѣ же самые удалые молодцы, разбойники.

Замѣчено близко стоявшими къ тюремнымъ героямъ и жившими съ ними долгое время бокъ ó бокъ, что эти угрюмые, обидчивые и завистливые люди, въ то же время, въ высшей степени тщеславные, хвастливые, слишкомъ увѣренные въ собственныхъ внутреннихъ силахъ и сознательно любующіеся личнымъ характеромъ. Черты эти становятся тѣмъ крупнѣе и очевиднѣе, чѣмъ богаче извѣстный герой похожденіями и заслугами, приведшими его на каторгу. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одаренный поэтическою натурою старался самъ похвастать своими похожденіями и уложить ихъ въ складномъ пѣсенномъ произведеніи, предоставляя товарищамъ своимъ только два права: добавить забытое и недосказанное и довести сказаніе до свѣденія людей темныхъ и несвѣдущихъ. Вотъ почему, исходя изъ такихъ наблюденій, народъ приписываетъ разбойничьи пѣсни самимъ разбойничьимъ атаманамъ. Такъ, народное преданіе, ни мало не ошибаясь, увѣряетъ въ томъ, что Стенька Разинъ, сидя въ тюрьмѣ и дожидаясь лютой казни, сложилъ пѣсню и теперь повсюду извѣстную въ видѣ завѣщанія его товарищамъ, которыхъ проситъ онъ „схоронить его между трехъ дорогъ: межъ московской, астраханской, славной кіевской". Удалымъ шайкамъ Степана Тимофеевича то же народное преданіе приписываетъ и тѣ пѣсни, которыя унесены въ сибирскія тюрьмы: „Ты вовмой, вовмой туча грозная" (имѣющая два начала: „Не рябинушка со березонькой совивается" и „Ахъ, туманы, вы туманушки, вы, туманы мои непроглядные"); „Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго, изъ-за горъ, горъ высокихъ *)".

Ванька Каинъ, въ лицѣ котораго народъ привыкъ понимать окаяннаго грабителя, но который, по собственному его признанію, былъ и воромъ, и разбойникомъ и сыщикомъ, въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ тщеславныхъ людей этого полета. Въ собственномъ признаніи его, данномъ въ русской крѣпости Рогервикѣ (теперь Балтійскій портъ), настолько сильно стремленіе его къ хвастовству и невоздержно желаніе покрасоваться и похожденіями, и подвигами передъ судьями, и въ крайней бѣдѣ, что Ивана Осипова Каина можно считать прототипомъ и народное преданіе особенно не грѣшитъ, приписывая ему десятка четыре пѣсенъ. Между этими пѣснями „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, отъ крутыхъ красныхъ бережковъ, разъигралася погодушка верховая, волновая", извѣстная всей Россіи, приписывается всюду этому разбойнику-пѣсельнику. Изъ Каиновыхъ пѣсенъ въ сибирскія тюрьмы пробрались двѣ: „Не шумика ты, мать, зеленая дубровушка" и „Усы" **); между русскими тюремными приписываются ему же: „Изъ Кремля-Кремля крѣпка города", „Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася" и проч. ***). Остроумный на словахъ, находчи-

*) Въ Россіи Разиновыми пѣснями называются: 1) «Помутился славный тихій Донъ», 2) «Изъ славнаго изъ устьеца синь-моря», 3) «У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону», 4) «Ужъ какъ по морю синему, по синему по Хвалынскому», 5) «Ужъ вы горы, мои горы! прикажите-ка вы, горы, подъ собой намъ постоять», 6) «Какъ во славномъ городѣ, во Астрахани, очутился-проявился тутъ незнамый человѣкъ» и проч.

**) «Усы» несомнѣнно воспѣваютъ подвиги извѣстнаго разбойника Васьки Уса.

***) Каиновыми пѣснями, изъ которыхъ большая часть вращается около разбоевъ и тюремъ,

вый и ловкій на дѣлѣ, умѣвшій перенести страсть къ иносказательнымъ выраженіямъ и искуственному воровскому языку и въ пѣсни свои, Иванъ Осиповъ Каинъ разсказъ о своихъ похожденіяхъ изложилъ письменно и пустилъ въ народъ. Изуродованная переписчиками тетрадка попалась въ руки нѣкоего „жителя города Москвы Матвѣя Комарова", который, по своему разумѣнію, передѣлалъ разсказъ и издалъ его въ печати три раза (въ 1773, 1778, 1784 годахъ). Въ 1755 году надъ Каиномъ наряжена была слѣдственная коммиссія при сыскномъ приказѣ и издатель его пѣсенъ и похожденій (Комаровъ) видалъ тамъ и слыхалъ его лично. „Каинъ, по благодѣянію секретарскому, содержался въ сыскномъ приказѣ не такъ, какъ прочіе колодники . и, имѣя на ногахъ кандалы, ходилъ по двору и часто прихаживалъ въ переднія сыскного приказа горницы и тутъ съ подъячими и бывшими иногда дворянами вольно разговаривалъ. Разсказывалъ онъ свои похожденія бывшему тогда въ томъ приказѣ дворянину Ѳед. Ѳомину Левшину". Будучи сыщикомъ, онъ проворовался на сыскныхъ дѣлахъ до того, что уворовалъ даже чужую жену. Его судили и присудили выбить кнутомъ, положить клейма, вырвать ноздри и сослать въ каторжныя работы въ .Рогервикъ, а оттуда въ Сибирь.

Сибирь, съ его легкой руки, не переставала, по образцамъ и примѣрамъ, давать изъ удалыхъ разбойниковъ авторовъ тюремныхъ пѣсенъ. Страшный не такъ давно для цѣлаго Забайкалья разбойникъ Горкинъ не менѣе того извѣстенъ былъ, какъ отличный пѣсельникъ и юмористическій разсказчикъ. Живя по окончаніи срока каторжныхъ работъ на поселеніи, онъ ушелъ весь въ страсть къ лошадямъ и на своихъ рысакахъ возилъ откупныхъ повѣренныхъ, потѣшая ихъ своими лихими пѣснями и необычайно быстрою ѣздою. Съ пишущимъ эти строки онъ охотливо подѣлился разсказами о своихъ похожденіяхъ. Затѣмъ послѣдніе годы онъ приплясывалъ и припѣвалъ на потѣху деревенскихъ ребятъ, шатаясь по Забайкалью въ званіи нищаго. Разбойникъ Гусевъ, бѣжавшій изъ Сибири въ Россію и ограбившій соборъ въ Саратовѣ, въ саратовскомъ тюремномъ замкѣ сложилъ пѣсню: „Мы заочно, братцы, распростилися съ бѣлой каменной тюрьмой", которая ушла и въ Сибирь. Самъ Гусевъ, нѣсколько разъ бѣгавшій оттуда, вновь, послѣ саратовскаго грабежа, уже не пошелъ: его сгубило то же хвастовство разбойничьяго закала и та же страсть къ остротѣ и красному слову, которыми отличались и предшественники его. Когда онъ приведенъ былъ на саратовскую торговую площадь и палачъ хотѣлъ привязывать его ремнями къ кобылѣ, Гусевъ, обращаясь къ скамейкѣ, закричалъ на весь собравшійся народъ: „Эхъ, кобылка, кобылка! вывозила ты меня не одинъ разъ, ну-ка, вывози опять"!—„Нѣтъ, Ив. Вас.,—замѣтилъ палачъ:—теперь она тебя не вывезетъ"! И сдержалъ слово: Гусева сняли съ эшафота мертвымъ.

Извѣстный малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ былъ также поэтомъ и авторомъ не разбойничьихъ, но элегическихъ пѣсенъ, сложенныхъ на родномъ ему языкѣ. Онъ „шалилъ" на Волыни, долго не давался въ руки властей и, наконецъ, убитъ былъ своею коханкою, которая подкуплена была сосѣднимъ помѣщикомъ *).

полагаются, между прочимъ, изъ извѣстныхъ слѣд.: «Палъ туманъ на сине море», «Не бушуйте вы, вѣтры буйные, не шумите вы, лѣса темные», «Ты рябинушка, ты кудрявая», «Скучно, матушка, весною жить одной». Впрочемъ, съ большимъ вѣроятіемъ можно принимать за Каиновы пѣсни тѣ, которыя отличаются болѣе искуственнымъ складомъ, отсутствіемъ поэтическаго элемента и стремленіемъ къ тому остроумію, которое составляло его отличительную черту и въ жизни и въ слѣдственныхъ показаніяхъ. Таковы: 1) «Во славномъ было городѣ во Нижнемъ», 2) «Въ Архангельскомъ во градѣ ходятъ дѣвушки въ нарядѣ», 3) «Еще что вы, братцы, призадумались?», 4) «Чарочки по столику похаживаютъ», 5) «Дѣвушки вино курили», 6) «Вѣщевало мое сердце, вѣщевало», 7) «Веселъ я, веселъ сегодняшній день». Съ фабричнымъ людомъ Каинъ (къ тому же еще самъ бѣглый лакей) хорошо былъ знакомъ по обязанности сыщика. Для вящаго успѣха по должности онъ получилъ право устроить въ Зарядьѣ въ Москвѣ веселое заведеніе съ бильярдомъ, картами и зернью, получившее въ Москвѣ огромную извѣстность. Къ нему валилъ, по новости дѣла, всякій праздный народъ, а особенно суконщики. Фабричные рекомендовали сами себя для услугъ и онъ давалъ имъ пристанище, иногда держалъ человѣкъ по 30-ти.

*) На Волыни объ этомъ событіи разсказываетъ народная пѣсня:

Ой ты, Кармелюкъ, по свѣту ходишь,
Не едну дѣвчину изъ ума сводишь,
Не едну дѣвчину, не одну вдову
Бѣлолицю, румяну ще-й черноброву!
Ой ты, дѣвчина, ты чорнявая,
Ой де-сь ты мине приваду [1]) дала?
Бо дай ты такъ знавъ зъ сѣней до хаты,
А якъ знаю чимъ чаровати:
Ой у мене чары оченьки кари,
А въ мене отрута [2]) въ городѣ рута!
Пишовъ Кармелюкъ до кумы въ гостѣ,
Покинувъ платья въ лѣсѣ при мостѣ:
— Ой кумцю, кумцю, посвоимося [3]),
— Дай горилочки да напіемося.
«Ой раду, раду, ходимъ до саду,
Нарвемо грушокъ повенъ хвартушокъ [4]),
Сядемо соби подъ яблонею,
Будемъ пити медъ за горѣлкою,
Прійде чорнява, пидемъ гуляти»!
— Скажи-жъ, дѣвчино, якъ тебе звати,
— Що бъ я потрапивъ [5]) до твоей хаты?
«А мене звати Магдалиною,
А моя хата надъ долиною,
А моя хата снопками шита [6]).
Прійди, Кармелюкъ, хочь буду бита,
Хочь буду бита—знаю за кого:
Пристало серденько мое до твого»!
Ой самъ я дався зъ свѣта сгубити

Въ сибирскихъ тюрьмахъ также сохранилась одна хорошая пѣсня его, безъ сомнѣнія оставленная самимъ Кармелюкомъ, такъ какъ онъ въ Сибири былъ и отсюда убѣжалъ разбойничать на Волыни. На Волыни сохранилась о Кермелюкѣ такая пѣсня въ народѣ:

Повернувся я зъ Сибиру
 Не ма минѣ доли.
А здается, не въ кайданахъ,
 Еднакъ же въ неволѣ и т. д. (См. ниже).

Намъ самимъ лично удалось видѣть на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ ссыльно-каторжнаго Мокѣева, сосланнаго за грабежъ и обличавшаго въ себѣ несомнѣнно-поэтическую натуру, высказавшуюся и въ жизни на волѣ, и въ жизни на каторгѣ и даже выразившуюся въ порывахъ къ стихотворству. Ему заказана была пѣсня на отправленіе эскадры для пріобрѣтенія Амура и муза Мокѣева, вдохновляемая шилкинскими картинами и руководимая аккомпаниментомъ торбана, бубна, тарелокъ и треугольника, высказалась въ большой пѣснѣ, которая начинается такъ:

Какъ за Шилкой за рѣкой,
Въ деревушкѣ грязной,
Собрался народъ простой,
И народъ все разной,

а кончается:

Вдругъ раздался пѣсенъ хоръ,
Пушекъ залпъ раздался.
И по Шилкѣ, между горъ,
Флотъ сибирскій мчался.

Пѣснѣ этой не удалось удержаться у казаковъ (придумавшихъ про Амуръ иную пѣсню, совсѣмъ противоположнаго смысла и настоящаго склада), но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Мокѣеву не мудрено было соблазнить каторжныхъ тѣми своими пѣснями, которыми приладился онъ къ общему настроенію арестантскаго духа, т. е. когда его муза снисходила до сырыхъ казармъ и тяжелыхъ работъ или хотя бы даже и до купоросныхъ щей. Арестанты, какъ мы видѣли, не взыскательны и въ ущербъ настоящимъ народнымъ пѣснямъ привыкли къ тѣмъ, которыя нуждаются въ торбанѣ и трескотнѣ тарелокъ; вкусъ давно извращенъ и поэтическое чутье совсѣмъ утрачено.

Вотъ для примѣра пѣсня, пользующаяся особенною любовью тюремныхъ сидѣльцевъ не только въ Россіи, но и въ Сибири, пѣсня, распространенность которой равносильна самымъ извѣстнымъ и любимымъ стариннымъ русскимъ пѣснямъ. Столичные пѣсельники въ публичныхъ садахъ и на народныхъ гуляньяхъ, извѣстные подъ страннымъ именемъ „русскихъ пѣвцовъ", вмѣстѣ съ цыганами представляютъ тотъ источникъ, изъ котораго истекаетъ вся порча и безвкусіе. Здѣсь же получилъ образованіе и авторъ прилагаемой пѣсни и здѣсь же выучились находить вдохновеніе новѣйшіе творцы псевдонародныхъ русскихъ пѣсенъ. Такова пѣсня въ цѣломъ видѣ и съ болѣе замѣчательными варіантами:

Ни въ Москвѣ, ни за Москвой,
Межъ Бутырской и Тверской,
Тамъ стоятъ четыре башни,
По срединѣ Божій храмъ.
(Или по московскому и вѣрнѣе:
Въ срединѣ большой домъ),
Гдѣ крестъ на крестъ калидоры
И народъ сидитъ все воры;
(Или: сидитъ въ тоскѣ).
Сидѣлъ воронъ на березѣ,
(Или: Рыскалъ воинъ на войнѣ),
Кричитъ воронъ не къ добру: (или на войну)
«Пропадать тебѣ, мальчишкѣ,
Здѣсь въ проклятой сторонѣ.
Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
Въ свою сторону бѣжалъ? *)
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего **).
Прежде жилъ ты, веселился,
Какъ имѣлъ свой капиталъ.
Съ товарищами поводился,
Капиталъ свой промоталъ.
Капиталу не сыстало—
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю:
Въ бѣлый каменный острогъ.
Во неволѣ сидѣть трудно.
(Или: Хороша наша неволя, да—)
(Но) кто знаетъ про нее?

Що я и сказавъ кулѣ [7]) святити.
Сама-жъ ты дала до двора знати,
Щобъ мене вбили у твоей хатѣ!

---

[1]) Приманку, приворотное; [2]) отрава; [3]) будемъ свои; [4]) передникъ; [5]) нашелъ путь; [6]) обложена связками (обыкновенно коноплями); [7]) пули. Стихи 6—11 разговоръ съ дѣвушкой; Кармелюкъ идетъ къ кумѣ, у которой были тайныя свиданія его съ дѣвушкою; ст. 14—21—разговоръ съ кумою; ст. 22—29—разговоръ съ дѣвушкою въ домѣ; ст. 30—33—пѣсня отъ лица Кармелюка, жившаго, по народному преданію, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По образцамъ прошлыхъ вѣковъ и по обычаямъ временъ коліевщины, пѣсня эта также намекаетъ на гайдамака-характерника, знавшагося съ нечистою силою и умѣвшаго зачуровывать направленныя на него пули. Освящать пули въ противодѣйствіе чарамъ было въ обычаѣ у казаковъ временъ коліевщины.

*) Въ Россіи поютъ:
 Своей родины бѣжалъ.
**) Въ Россіи прибавка:
 На кого же ты покинулъ
 Мать родную и отца?
(Или: Ты спокинулъ, ты оставилъ
 Ты старушку свою мать,
 Отца свово старика!)
 — «Уже некому мальчишку
 Меня было научить,
 А теперича мальчишку,
 Меня поздно научать!
 Ужъ и жилъ я, веселился,
 Но имѣлъ свой капиталъ;
 Какъ и этотъ капиталъ
 Весь я пропилъ-прогулялъ
(Дальше «во неволю жить» и проч.)
Или: «Жилъ бы, жилъ бы веселился,
 Капиталецъ свой имѣлъ;
 Капиталецъ миновался,
 Во неволю жить попалъ.

Посадили насъ на недѣлю—
Мы сидѣли круглый годъ.
За тремя мы за стѣнами
Не видали свѣтлый день.
Но не бось: Творецъ-Господь съ нами,
(Или: Богъ-Творецъ одинъ Онъ съ нами),
Часты звѣзды намъ въ ночи сіяли;
Мы и тутъ зарю видали,
Мы и тутъ (или: Лихъ мы здѣсь) не пропадемъ!
Часто звѣзды потухали,
Заря бѣла занялася.
Барабанъ зорю пробилъ,—
Барабанушко пробивалъ,
Ключникъ двери отпираетъ,
Офицеръ *) съ требой идетъ,
Всѣхъ на имя насъ зоветъ **):
«Одѣвайтесь, ребятенки,
Въ свои сѣры чапаны!
Вы берите сумочки, котомки,
Вы сходите съ верху въ низъ,
Говорите всѣ одну рѣчь».
Что за шутова коляска
Показалась въ городу?
Коней пару запрягають,
Подають ее сейчасъ,—
Подають эту коляску
Ко поратному крыльцу:
Сажають бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачъ Өедька разбѣжался,
Меня за руки беретъ;
Становитъ меня, мальчишку,
У траурнаго столба.
Велятъ мнѣ, бѣдному мальчишкѣ,
На восходъ солнца молиться,
Со всѣмъ міромъ распроститься.
Палачъ Өедька разбѣжался—
Рубашонку разорвалъ,
На машину меня клали,
Руки, ноги привязали
Сыромятнымъ ремнемъ.
Беретъ Өедька кнутья въ руки,
Закричалъ: «брать, берегись»!
Онъ ударилъ въ первой разъ—
Полились слезы изъ глазъ.
Онъ ударилъ другой разъ—
Закричалъ я: «помилуйте насъ»!

Вотъ какой пѣснѣ въ наше время удалось попасть во вкусъ потребителей настолько, что намъ привелось замѣтить нѣсколько сортовъ ея съ обычною фабричною набойкою; основа гнилая и проклееная, утокъ линючихъ цвѣтовъ и красокъ, и въ Москвѣ, и въ Сибири, и въ Казани и въ Саратовѣ. Пѣсня стала и любимою и распространенною; рѣдкой другой пѣснѣ доставалась такая счастливая доля, не смотря на то, что за нею нѣтъ никакихъ достоинствъ, каковыми красятся старинныя, настоящія народныя пѣсни. Въ этой пародіи на русскую пѣсню нѣтъ уже искренняго чувства и поэтическихъ образовъ, хотя и замѣчается тоническій размѣръ и риѳма. Между тѣмъ, такого склада пѣснямъ, съ конца прошедшаго столѣтія, судьба судила занять чужое, не принадлежащее имъ мѣсто, какъ бы въ доказательство того, что народъ уже успѣлъ забыть старые образы и пріемы, самобытные и художественные, и потянулся къ новымъ, искусственнымъ и прозаическимъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть въ этомъ явленіи упадка поэтическаго чутья и художественнаго вкуса въ силу причинъ, исключительно не зависѣвшихъ отъ народа. Съ такими ли красками подходили къ своимъ идеаламъ прежніе народные пѣвцы и такъ ли легко отходили отъ нихъ прежніе люди? Для образца представляемъ одну старинную пѣсню (записанную въ Саратовской губ.), получившую вдохновеніе и содержаніе свое въ томъ же источникѣ, изъ котораго вытекла и новая тюремная пѣсня,—близкая свойственница новомоднымъ лакейскимъ, трактирнымъ и фабричнымъ пѣснямъ.

Еще сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ,
Что не гуливалъ я, добрый молодецъ, не похаживалъ,
Такова я чуда-дива не нахаживалъ,
Какъ нашелъ я чудо-диво въ градѣ Кіевѣ:
Среди торгу-базару, середь площади,
У того было колодечка глубокова,
У того было ключа-то подземельнова,
Что у той было конторушки Румянцевой,
У того было крылечька у перильчата:
Ужъ какъ бьютъ-то добра молодца на правежѣ,
Что на правежѣ его бьютъ,
Что нагова бьютъ, босова и безъ пояса,
Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ-то, безъ чоботовъ:
Правятъ съ молодца казну да монастырскую *).

*) Вм. офицера—писарь съ требымъ идетъ, намъ указы выдаетъ, собираться скоро во походъ.

**) Въ Россіи эта трагическая сцена размалевана иначе:

Свѣтъ небесный во сіяньи:
Барабаны зорю бьютъ,
Барабанъ зорю пробьетъ
Вундеръ двери отворяетъ:
Писарь съ требою идетъ:
Онъ по требованью кличетъ,
Намъ къ суду идти велятъ.
Взяли сумки, помолились
И отправились себѣ...
Насъ въ карсту посадили
И съ конвоемъ повезли...
Или: Взяли сумки—подхватили
И въ походъ скоро пошли,
Торбанъ, торбанъ покатился.
Что за чудна за карета!
Сдивовался весь народъ,
Что кругомъ конвой идетъ.
У родныхъ сердца забьются,
Слезно плакали объ насъ,
Слезно плакали объ насъ,
Отправляли въ Сибирь насъ.

Здѣсь и конецъ—какъ мы выше сказали—россійскому издѣлію. Сибирскіе арестанты не задумались надъ описаніемъ дальнѣйшей картины и изобразили ее въ послѣднемъ придаткѣ къ пѣснѣ. По словамъ сибирскихъ арестантовъ, пѣсня эта сочинена въ концѣ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и основная канва ея приписывается, какъ сказано нами, разбойнику Гусеву.

*) У пѣсни варіантъ:
Били добраго молодца на правежѣ
На жемчужномъ перехрестычкѣ [1])
Во морозы во крещенскіе

[1]) Въ Москвѣ урочище: мѣсто старыхъ казней.

Изъ-за горъ-то было горъ, изъ-за высокихъ,
Изъ-за лѣсу-то было лѣсочку, лѣса темнова,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнушко выкатается:
Выкаталась бы тамъ карета красна золота,
Красна золота карета государева.
Во каретушкѣ сидѣлъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Случилось ему ѣхать посередь торгу;
Ужъ какъ спрашивалъ надежа-православный царь,
Ужъ какъ спрашивалъ добра молодца на правежѣ:
Ты скажи-скажи, дѣтина, правду-истину:
Еще съ кѣмъ ты казну кралъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Если правду ты мнѣ скажешь—я пожалую,
Если ложно ты мнѣ скажешь—я скоро сказню.
Я пожалую тя, молодецъ, въ чистомъ полѣ
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Ужъ какъ третьей перекладиной кленовою,
А четвертой тебя петелькой шолковою».
Отвѣчать ему удалый добрый молодецъ:
— «Я скажу тебѣ, надежа-православный царь,

По два прутика желѣзные.
Онъ стоитъ удаленькій, не тряхнется,
И русы кудри не шелохнутся,
Только горючи слезы изъ глазъ катятся.
Наѣзжалъ къ нему православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сыповочька возыграла,
Тутъ возговоритъ царь Петръ Алексѣевичъ:
Вы за што добротнова казните?
Бьете-казните казнью смертною»?
Тутъ возговорятъ мужики приходскіе:
Ужъ ты гой еси, православный царь,
Царь Петръ Алексѣевичъ!
Мы за то его бьемъ-казнимъ:
Онъ покралъ у насъ Миколу-то Можайскова
И унесъ казны сорокъ тысячей».
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ,
Не вели меня за слово казнить-вѣшати,
Прикажи мнѣ слово молвити,
Мнѣ себя, добра молодца, поправити.
Не я покралъ у нихъ Миколу-то Можайсково,
И не я унесъ у него золоту-казну,
А покрали его мужики-кашилы.
Только случилося мнѣ, доброму молодцу,
Что дѣло самому видѣти.
Гулялъ я, молодецъ, по бережку
На желтомъ песку, при мелкомъ лѣску,
И увидѣлъ, что они дѣлятъ казну,
Не считаючи дѣлятъ—оттребаючи.
У меня, у молодца, сердце разгорѣлося,
Молодецкая кровь раскипѣлася,
Сломалъ я, молодчикъ, мостовиночку дубовую,
Перебилъ я мужиковъ до полу-смерти,
Иныхъ прочихъ чуть живыхъ пустилъ.
И взялъ я у нихъ золоту казну.
Взявши казну, сталъ пересчитывать:
Насчиталъ казны сорокъ тысячей».
Тутъ не золота трубынька вострубила,
Не серебряна сыповочка возыграла,
Какъ возговоритъ надежа-православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ:
«Ты куда такову казну дѣвалъ»?
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ,
Прогулялъ я во кружалѣ
Со голытьбою со кабацкою»!

Я скажу тебѣ всю правду и всю истину,
Что не я-то казну кралъ, не я разбой держалъ!
Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы,
Добры молодцы, донскіе казаки.
Случилось мнѣ, молодцу, идти чистымъ полемъ,
Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ сырой дубъ стоитъ,
Сырой дубъ стоитъ въ чистомъ полѣ кряковистый.
Что пришелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
Что подъ тѣмъ подъ дубомъ подъ кряковистымъ,
Что казаки они дѣлъ дѣлятъ,
Они дѣлъ дѣлятъ, дуванъ дуванили.
Подошелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередь его,
Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю.
Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугалися:
Со дѣли они, со дувану разбѣжалися:
Одному мнѣ золота казна досталася,
Что не много, и не мало—сорокъ тысячей.
Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не звалъ,
Ужъ я клалъ тое казну во большой-отъ домъ,
Во большой-отъ домъ, во царевъ кабакъ».

Вотъ тѣ пѣсни, которыя намъ удалось слышать въ Сибири отъ ссыльныхъ или собственно тюремныя пѣсни:

I.

При долинушкѣ выросъ кустъ съ малинушкой (или съ калинушкой)
На кусточкѣ ли (или на калинушкѣ) сидитъ младъ соловеюшко.
Сидитъ, громко свищетъ.
А въ неволюшкѣ сидитъ добрый молодецъ,
Сидитъ, слезно плачетъ;
Во слезахъ-то словечушко молвилъ:
— Растоскуйся ты, моя любезная, разгорюйся!
Ужъ я самъ-то по тебѣ, любезная,
Самъ я по тебѣ сгорѣвался.
Я отъ батюшки, я отъ матушки
Малой сынъ остался
«Кто тебя, сироту, вспоилъ, вскормилъ»?
— Вскормилъ, вспоилъ православный міръ,
Возлелѣяла меня чужая сторонка,
Воскачала-то меня легкая лодка.
А теперь я, горемышный, во тюрьму попалъ,
Во тюрьму попалъ, тюрьму темную.

II.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ, горъ высокіихъ,
Выплывала лодка легкая.
Ничѣмъ лодочка не изукрашена,
Молодцами изусажена;
Посередь лодки бѣлъ шатеръ стоитъ;
Подъ шатромъ-то золота казна;
Караульщицей красна дѣвица,
Дѣвка плачетъ, какъ рѣка льется;
У ней слезы, какъ волны бьются.
Атаманъ дѣвку уговариваетъ:
— Не плачь, дѣвка, не плачь, красная!
«Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, не плакати?
Атаману быть убитому,
Палачу (есаулу?) быть разстрѣлену!
А мнѣ, дѣвушкѣ, тюрьма крѣпкая
И ссыланьице далекое.
Въ чужедальную сторонушку,
Что въ Сибирь-то некрещенную»!

III.

Ты воспой, воспой,
Жавороночекъ,
На крутой горѣ,
На проталинкѣ.
Ты утѣшь-ко, утѣшь
Меня молодца,
Меня молодца
Во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ
Въ каменной тюрьмѣ,
За тремя дверьми
За дубовыми,
За треми цѣпьями
За желѣзными.
Напишу письмо
Къ своему батюшкѣ,—
Не перомъ напишу,
Не чернилами,
Напишу письмо
Горючьми слезьми.
Отецъ съ матерью
Отступилися:
«Какъ у насъ въ роду
Воровъ не было,
Ни воровъ у насъ,
Ни разбойниковъ».

IV.

Ужъ ты, гуленька мой голубочекъ,
Сизокрылый ты мой воркуночекъ!
Отчего ко мнѣ, гуленька, въ гости не летаешь?
Развѣ домичка моего ты не знаешь?
Мой домикъ раскрашенной: ни дверей нѣтъ, ни окошекъ,
Только печка муровая, труба дымовая.
Какъ во трубочку дымокъ повѣваетъ,
А у моей любушки сердце занываетъ.
Ахъ, вы нянюшки-мамушки!
Вы берите ключи золотые,
Отпирайте замки вы витые,
Вынимайте вы уборы дорогiе.
Вы идите къ чиновникамъ съ поклономъ—
Выручайте, дружки, изъ неволи!
Или голоску моего, гулинька, ты не слышишь:
Мой громкой голосъ вѣтеркомъ относитъ?
Или сизыя твои крылья частымъ дождемъ мочитъ,
Холоднымъ осенненькимъ сверху поливаетъ?
Какъ не ласточка кругомъ саду летаетъ,
Не касаточка къ землѣ низко припадаетъ,
А про мое несчастьицо видно не знаетъ:
Будто я, добрый молодецъ, во тюрьмѣ сижу, во неволѣ.
Что никто-то, никто ко мнѣ, доброму молодцу,
Не зайдетъ, не заѣдетъ, никто не заглянетъ.
Тутъ зашла-зашла къ нему гостюшка дорогая,
Вотъ его-то любушка милая;
Не гостить зашла, а провѣдать.
Ужъ ты, любушка, ты моя радость дорогая,
Выкупай ты меня Бога для изъ неволи!
Не жалѣй ты своихъ цвѣтныхъ уборовъ:
Ты сходи-тка, сходи въ домъ къ прокурору,
Попроси ты его слезно, попрошай-ка:
Не отпуститъ ли онъ меня, молодца,
На вольной свѣтъ погуляти,
Свое горе лютое разогнати? *)

*) Въ Холмогорахъ (Арх. г.) мнѣ удалось записать еще варiантъ этой пѣсни древнѣйшаго происхожденiя:

Мой сизой голубчикъ,
Ты зачѣмъ, для чего
Въ садикъ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ
Сизова относитъ,
Частымъ дождемъ
Крылья-перья мочитъ.
Мой миленькой,
Мой милой дружечекъ!
Ты пошто, для чего
Рѣдко въ гости ходишь:
Твой отецъ да мать
Тебя не спускаютъ,
Родъ они, племя
Тебѣ запрещаютъ?
Сидѣлъ-посидѣлъ
Удалой молодчикъ
Въ темной темницѣ.
У той у темной, у темной темницы
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
Еще въ ней нѣту ни красна крылечка,
Только есть одна труба дымовая,
Изъ той трубы дымъ-отъ повѣваетъ,
Меня молоду горе разбираетъ.
Пойду я, млада, съ горя въ зеленъ садикъ,
Пойду-возьму я ключи золотые;
Отопру я сундуки-ларцы кованы,
Возьму денегъ ровно сорокъ тысячъ,
Стану дружка-дружка выкупати,
Изъ неволюшки его выручати,
Грозенъ судья, судья-воевода,
Моей казны - казны не принимаетъ.
Меня молоду горе разбираетъ!
Пойду молода я съ горя въ чисто поле,
Пойду, нарву я лютаго коренья,
Буду, стану я судью опоити.

V.

Соловейко ты мой, соловейко,
Разнесчастный ты мой соловейко!
Ты не вей себѣ, не вей себѣ теплаго гнѣздышка,
Не вей при дорожкѣ,
А совей-ка лучше его при долинѣ:
Тамъ никто его, никто не разоритъ
И твоихъ малыхъ дѣтушекъ никто не разгонитъ.
Какъ у Троицы было подъ горою,
За каменною было за стѣною,
Тамъ сидитъ, сидитъ добрый молодецъ,
Онъ сидитъ, сидитъ въ каменной тюрьмѣ;
Онъ не годъ сидитъ, онъ не два года.
Что никто къ нему, разудалому,
Никто не зайдетъ, никто не заѣдетъ.
Тутъ зашла къ нему гостюшка дорогая,
Къ нему матушка его родная;
Не гостить зашла, а провѣдать:
— «Каково-то тебѣ, сыну милому,
Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ?
Во тюрьмѣ сидѣть за рѣшетками,
За рѣшетками за желѣзными"?
— Ахъ ты матушка, ты родимая!
Ты сходи, сходи къ прокурору въ домъ,
Попроси-ка ты его милости,
Не отпуститъ ли меня, добраго молодца,
На свѣтъ бѣлый погулять еще?

VI.

Привелось мнѣ, доброму молодцу,
Ѣхать мимо каменной тюрьмы.
На тюремномъ-то на бѣломъ окошечкѣ
Сидѣлъ добрый молодецъ:
Онъ чесалъ свои русы кудерушки
Частымъ бѣлымъ гребешкомъ.
Расчесавши свои русы кудерушки,
Самъ восплакалъ слезно и сказалъ:
«Вы подуйте-ка, бурны вѣтры,

На родиму сторону!
Отнесите-ка вы, вѣтры буйные,
Моему батюшкѣ низкій поклонъ,
Какъ моей родимой матушкѣ челобитьице!
А женѣ молодой вотъ двѣ волюшки:
Какъ первая воля—во вдовахъ сиди,
А вторая воля—замужъ пойди!
На меня-то, молодца, не надѣйся,
У меня-то, молодца, есть своя печаль непридуманая:
Осуженъ-то я на смертную казнь,
Къ наказанью-ль кнутомъ да немилостному *).

VII.

Ты не пой-ка, не пой, младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ,
На проталинкѣ—на прогалинкѣ.
А воспой-ка, воспой, младъ жавороночекъ,
Воспой-ка, воспой при долинѣ.
Что стоитъ ли тюрьма,
Тюрьма новая,
Тюрьма новая, дверь дубовая;
Что сидитъ ли тамъ, сидитъ добрый молодецъ,
Онъ не годъ сидитъ, онъ не два года,
Сидитъ ровно семь годовъ.
Заходила къ нему матушка родная!
«Что я семь-то разъ, семь разъ выкупала,
Что и семь-то я, семь тысячъ потеряла,
Что осьмой-то, осьмой-то тысячи не достало».

VIII.

Садъ ли мой, садочекъ,
Садъ зеленый виноградъ!
Отчего садикъ поблекъ?—
Въ саду Ванюшка гулялъ,
Красныхъ дѣвокъ забавлялъ,
Во побѣдушку попалъ,
Во побѣду, во нужду:
Въ крѣпку каменну тюрьму.
Подъ окномъ Ваня сидѣлъ,
Съ конемъ рѣчь говорилъ:
«Ахъ, ты, конь мой вороной,
Конь, добра лошадь моя!
Ты не выведешь меня
Изъ побѣды, изъ нужды,
Изъ крѣпкой каменной тюрьмы».
Какъ солнце на восходъ,—
Ведутъ Ваню на допросъ.
Попередъ палачъ съ плетьми,
Позадѣ жена съ дѣтьми
Уливается слезьми.
«Ахъ, ты, женушка моя!
Жена, барыня моя!
Чѣмъ дарила палача»?
—Со бѣлой шеи платкомъ,
Со правой руки кольцомъ.—
Красно солнце на закатъ,
Ведутъ Ванюшку назадъ.

Сопоставляя эти пѣсни рядомъ, мы видимъ въ нихъ разительное сходство въ основныхъ мысляхъ: одна служитъ основаніемъ другой. Если источникъ этихъ пѣсенъ лежитъ въ думахъ заключенниковъ русскихъ тюремъ (гдѣ онѣ, по всему вѣроятію, и придуманы), то, тѣмъ не менѣе, пѣсни эти любимыя и у сибирскихъ арестантовъ. Одна пѣсня (№ IV) даже до такой степени освоилась въ Сибири, что ее тамъ признаютъ всѣ за свою, называютъ сибирскою національною и знаютъ ее и поютъ всѣ, начиная съ тюремныхъ казармъ и крестьянскихъ избъ и кончая богатыми кабинетами и гостиными богатыхъ купцовъ и золотопромышленниковъ. Эта—одна изъ самыхъ извѣстныхъ и распространенныхъ пѣсенъ въ Сибири, не смотря на то, что коренной сибирякъ вообще пѣть не охотникъ, мало знаетъ пѣсенъ и почти ни одной своей не придумалъ. Сибирскою можно назвать упомянутую пѣсню развѣ потому только, что сибиряки нѣсколько измѣнили напѣвъ, отличающійся отъ русскаго большею тоскливостью (къ тому же онъ и растянутѣе). Творчество въ Сибири, повидимому, не шло дальше того, что завѣщано Россіею, и остановилось, удовлетворенное старыми русскими образцами. Взамѣнъ того, въ Сибири замѣтно явленіе противоположнаго свойства: тамъ изъ готоваго матеріала составляются новыя пѣсни, въ которыхъ начало взято изъ одной, конецъ приставленъ изъ другой. Эта перетасовка и перекройка стиховъ—дѣло обычное у арестантовъ, примѣры мы укажемъ ниже. Вотъ, между прочимъ, одинъ, отвѣчающій сразу тремъ пѣснямъ, помѣщеннымъ нами подъ №№ III, IV и V. Въ Россіи III пѣснѣ отвѣчаетъ слѣдующая очень распространенная:

Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ молодецъ въ темной темницѣ,
Во темной темницѣ-заключеньицѣ;
Пишетъ онъ граматку къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ:
«Охъ ты, матушка, родной батюшка!
Выкупи, выручи добраго молодца,
Добраго молодца изъ темной темницы».
Какъ отецъ-то и мать отказалися,
Всѣ сродники отступаются *).
Ты воспой, воспой, милъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ молодецъ въ темной темницѣ,
Во темной темницѣ, въ заключеньицѣ;
Пишетъ граматку къ красной дѣвицѣ,
Къ красной дѣвицѣ, прежней полюбовницѣ:
«Выкупи, выручи добраго молодца,
Ахъ ты, душечка—красная дѣвица,
Ты, прежняя моя полюбовница!»
Красная дѣвица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
«Охъ, вы нянюшки, мои мамушки!
Вы берите скорѣй золоты ключи,
Отпирайте вы кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте добраго молодца,
Добраго молодца изъ темнòй тѐмницы,
Изъ темнòй темницы-заключеньица».

Пѣсня подъ № VIII составлена изъ двухъ, изъ которыхъ одна поется въ Россіи такъ:

*) Въ извѣстной русской пѣснѣ: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море», мотивъ этотъ повторяется въ концѣ съ такимъ варіантомъ:
«Молодой женѣ скажите мою волюшку—
На всѣ ли на четыре сторонушки,
Малымъ дѣтушкамъ благословеньице».

*) Въ Россіи варіантъ:
Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
Ни воровъ у насъ, ни разбойничковъ.

Ужъ ты, веснушка наша весна!
Ты не къ радости, весна, пришла,
Не къ радости, весна, не въ честь,
Во великой большой сухотѣ.
Ужъ ты, садъ ли мой, садикъ,
Садъ—зеленый виноградъ!
Отчего ты, садикъ, весь посохъ?
Въ саду Ванюшка—Ваня гулялъ,
Всею травыньку Ваня помялъ,
Алы цвѣтики всѣ Ваня перервалъ,
Красну дѣвицу терялъ,
Во тюрьму Ваня попалъ.
Во тюремушкѣ Ваня сидѣлъ,
Самъ въ окошечко глядѣлъ,
На добраго коня смотрѣлъ,
Съ конемъ рѣчи говорилъ:
«Ужъ ты, конь ли мой конекъ,
Конь добрâ лошадь моя!
Что не вынесешь меня
Съ бѣлой каменной тюрьмы»?

Вторая однородная русская пѣсня (древнѣйшей формы) такова:

Добры мóлодцы всѣ на волюшкѣ живутъ,
Одинъ Ванюшка въ побѣдушкѣ сидитъ:
Въ каменнóй, Ваня, государевой Москвѣ,
Въ земляной тюрьмѣ, за рѣшетками,
За желѣзными дверями,
За висячими замками.
За утрâ Ваню къ наказаньицу ведутъ,
Къ наказаньицу—ко ременному кнуту,
Къ столу крашенному, дубовому.
По праву руку отецъ съ матерью идутъ,
По лѣвую руку молода жена съ дѣтьми,
Молода жена съ дѣтьми малыми,
Позади его православный весь народъ.
Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
«Ты сними съ меня шелковой поясъ
Съ позолоченными на немъ ключиками.
Отопри, жена, окованъ сундукъ,
Ужъ ты вынь оттоль золотой казны,
Ты дари, жена, молодого палача,
Чтобы молодой палачъ меня легче наказывалъ»!

Для пѣсни подъ № IV имѣется въ Россіи такой варіантъ:

Не ласточка ко мнѣ прилетала,
Касаточка вѣстку приносила:
Будто бы мой-то миленькой сидитъ во неволѣ,
Во той тюрьмѣ, въ губернскомъ острогѣ.
Во той тюрьмѣ нѣтъ ни дверей, ни окошекъ,
Одна труба и та дымовая;
Изъ трубоньки дымокъ повѣваетъ,
У дѣвушки сердце занываетъ.
Пойду, млада, въ высоки хоромы,
Возьму, млада, ключи золотые:
Отопру, млада, ларцы кленовые,
Пойду, млада, всѣхъ судей дарить.
Судьи денегъ моихъ не примаютъ
Любезнаго ко мнѣ не пущаютъ.

Въ Россіи еще извѣстны слѣдующія прекрасныя тюремныя пѣсни:

1.

Изъ-подъ цвѣтика да каменной Москвы,
Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ молодца,
Ведутъ молодца да вѣдь ко вѣшанью.
Идетъ молодецъ да самъ не качается,
Его буйная головушка не тряхнется,
Его русые кудерки не шелохнутся.
Во рукахъ-то онъ несетъ воскову свѣчу,
Бѣлы рученьки да воскомъ залило.
Какъ на встрѣчу ему православный царь.
Еще сталъ государь его разспрашивать:
— «Ты скажи-ка, скажи мнѣ, добрый молодецъ,
Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ»?
— Ужъ ты, батюшка благовѣрный царь!
Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
Воровали твои да донски казаки,
Донски казаки да казаченьки;
Все казаченьки дуванъ дуванили,
Дуванъ дуванили, казну дѣлили,
Казну дѣлили, да казну-денежки;
Ужъ какъ я ли, молодецъ, при томъ случьѣ былъ,
При томъ случьѣ былъ да все паю проѣилъ;
Ужъ какъ мнѣ-то, молодцу, паю не дали..
Всѣ казаченьки да испугалися,
По низкимъ мѣстамъ разбѣжалися,
По низкимъ мѣстамъ по болотичкамъ,
Одному-то мнѣ казна досталася.

Варіантъ въ 1-мъ приложеніи: „Еще сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ" и проч.)

2.

Ходилъ-то я, добрый молодецъ, по чистому полю:
Мягкая постелюшка—зеленый песокъ,
Изголовьице мое—шелкова трава!
Какъ во селѣ было во Лысковѣ,—
Тутъ построена крѣпкая темница.
Какъ во той во крѣпкой темницѣ
Посаженъ сидитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Чернышевъ, Иванъ Григорьевичъ.
Онъ по темницѣ похаживаетъ, самъ слезно плачетъ,
Самъ слезно плачетъ, онъ Богу молится:
«Ты возмой, возмой, туча грозная!
Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы:
Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,
Невольнички неохотнички».
Всѣ невольнички разбѣжалися,
Во темномъ лѣсу они собиралися,
Сходилися они на поляночку,
На поляночку на широкую.
«Ты взойди, взойди, красное солнышко!
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, сиротъ бѣдныихъ,
Сиротъ бѣдныихъ, безпашпортныихъ».
Ниже города, ниже Нижняго
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
По прозванью рѣчка Волга-матушка.
Течетъ Волга-матушка по дикимъ мелкимъ камушкамъ,
Какъ по рѣченькѣ плыветъ легка лодочка.
Эта лодочка изукрашенная,
Все молодчиками изусаженная.

3.

Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полуночи,
Свѣтилъ въ половину;
Какъ скакалъ да скакалъ добрый молодецъ
Безъ вѣрной дружины.
А гнались да гнались за тѣмъ добрымъ молодцемъ
Вѣтры полевые;
Ужъ свистятъ да свистятъ въ уши разудалому
Про его разбои.
А горятъ да горятъ по всѣмъ по дороженькамъ
Костры стражевые;

Ужъ слѣдятъ да слѣдятъ молодца-разбойника
Царскіе разъѣзды;
А сулятъ да сулятъ ему, разудалому,
Въ Москвѣ бѣлокаменной каменны палаты.

4.

Ужъ ты воля, моя воля, воля дорогая,
Ты воля дорогая, дѣвка молодая!
Дѣвка по торгу (или: во Москвѣ дѣвка) гуляла—красоту теряла;
Красоту дѣвка теряла (платочекъ украла), въ острогъ жить попала
Скучно грустно красной дѣвкѣ въ острогѣ сидѣти,
Во неволюшкѣ сидѣти, въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежитъ путь-дорожка.
Какъ по этой по дорожкѣ много идутъ-ѣдутъ.
Моего дружка, Ванюши, его слѣду нѣту.
За быстрою за рѣкою мой Ваня гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ, товаръ закупаетъ,
Товаръ Ваня закупаетъ купеческой дочкѣ.
Ужъ и то-то мнѣ досадно, хоть была бы лучше!
Развѣ тѣмъ-то она лучше, что коса длиннѣе,
Что коса у ней длиннѣе и брови чернѣе.

5.

Не рябинушка со березонькой
Совивается,
А не травонька со травонькой
Сoплетается.
Какъ не мы ли, добрые молодцы.
Совыкалися.
Какъ лѣса ли, вы лѣсочки,
Лѣса наши темные!
Вы кусты ли, наши кусточки,
Кусты наши великіе!
Вы станы ли, наши станочки,
Станы наши теплые!
Вы дружья ли, наши дружья,
Братцы-товарищи!
И еще ли вы, мои лѣсочки,
Всѣ повырубленные!
Всѣ кусты ли, наши кусточки,
Всѣ поломанные!
Вы станы ли, наши станочки,
Всѣ раззоренные!
Всѣ дружья наши, братцы—
Товарищи посажены,
(Остался одинъ товарищъ—
Стенька Разинъ сынъ).
Рѣзвы ноженьки въ кандалахъ заклепаны.
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи—бравые солдатушки.
Никуда-то намъ, добрымъ молодцамъ,
Ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу намъ, ни выпуску
Изъ крѣпкой тюрьмы.
Ты возмой, возмой туча грозная,
Ты разбей-ка, разбей земляны тюрьмы!

6.

Не отъ пламечка, не отъ огнечка
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава;
Добирался огонь до бѣлаго до камешка.
Что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрыя,
Ужъ какъ пѣшъ ходитъ младъ ясенъ соколъ по чисту полю.
Прилетѣли къ ясну соколу черны вороны;
Они граяли, смѣялись ясну соколу,
Называли они ясна сокола вороною:
— Ахъ, ворона ты, ворона, младъ ясенъ соколъ
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, залетѣла здѣсь?
Отвѣтъ держитъ младъ ясенъ соколъ чернымъ воронамъ:
— Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны вороны!
Какъ отрощу я свои крылья соколиныя,
Поднимусь я, младъ соколъ, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я по поднебесью,
Опущусь я, младъ ясенъ соколъ, ко сырой землѣ;
Разобью я ваше стадо, черны вороны,
Что на всѣ ли на четыре стороны;
Вашу кровь пролью я въ сине море,
Ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ.
Что когда-то было ясну соколу пора-времячко,
Что леталъ младъ ясенъ соколъ по поднебесью;
Убивалъ младъ ясенъ соколъ гусей-лебедей,
Убивалъ младъ ясенъ соколъ сѣрыхъ уточекъ.
Что когда-то было добру молодцу пора-времячко,
Что ходилъ гулялъ добрый молодецъ на волюшкѣ,
Что теперь добру молодцу поры-время нѣтъ.
Засаженъ сидитъ добрый молодецъ во побѣдности:
У злыхъ вороговъ добрый молодецъ въ земляной тюрьмѣ.
Онъ не годъ-то сидитъ, добрый молодецъ, и не два года,
Что сидитъ-то добрый молодецъ ровно тридцать лѣтъ.
Что головушка у добра молодца стала сѣдешенька,
Что бородушка у добра молодца стала бѣлешенька.
А все ждетъ-то онъ, поджидаетъ выкупу—выручки:
Былъ и выкупъ бы, была выручка, своя волюшка,
Да далечева родимая сторонушка!

Два послѣднихъ стиха приставлены изъ другой пѣсни; безъ нихъ она поется вся въ цѣльномъ видѣ на Уралѣ. Въ нашемъ сборникѣ пѣсенъ она восполняетъ недостающее и забытое на Нерчинскихъ заводахъ въ той пѣснѣ, которая помѣщена нами въ текстѣ 2-й главы „На каторгѣ", а записана за Байкаломъ.

Въ Россіи сохранилась въ народной памяти еще слѣдующая пѣсня, отвѣчающая содержаніемъ своимъ многимъ тюремнымъ пѣснямъ:

7.

Изъ Кремля, Кремля крѣпка города,
Отъ дворца, дворца государева,
Что до самой ли Красной площади
Пролегала тутъ широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца большого болрина,
Что большого боярина—атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли, молодецъ, не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Передъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ,
А за нимъ идутъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена.
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
— Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,

Принеси свою повинную;
Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ.
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца, матери не слушается,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на площадь Красную:
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плеча.

Сохранились и пѣсни, завѣщанныя волжскими и другими разбойниками, нѣкогда наполнявшими сибирскія тюрьмы въ избыткѣ. Ими же занесены и забыты многія пѣсни и въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ, гдѣ успѣли эти пѣсни на наши дни частью измѣнить, частью изуродовать, а частью обмѣнять на другія. Свободное творчество не получило развитія, причину тому ближе искать въ постоянныхъ преслѣдованіяхъ приставниками. Пѣсни въ тюрьмѣ—запрещенный плодъ. Дальнѣйшая же причина, естественнымъ образомъ, зависитъ отъ тѣхъ общихъ всей Россіи причинъ историческихъ, которыя помѣшали создаваться новой пѣснѣ со временъ Петра Великаго. Вначалѣ вытѣсняли народныя пѣсни соблазнительныя солдатскія (военныя), въ которыхъ ярко и сильно высказалось въ послѣдній разъ народное самобытное творчество (особенно въ рекрутскихъ). Съ особенною любовью здѣсь приняты и особеннымъ сочувствіемъ воспользовались пѣсни рекрутскія и въ сибирскихъ тюрьмахъ: и „По горамъ, горамъ по высокимъ, младъ сизой орелъ высоко леталъ“, и „Какъ по морю-моречку по Хвалынскому“ и „Не шуми-ка ты, не грѣши, мать зелена дубровушка“ *). Затѣмъ растянули по лицу земли русской войска въ то время, когда уже познакомились они съ дѣланною, искуственною и заказною пѣснею; потомъ завелись фабричные и

*) Вотъ въ какомъ видѣ являются эти три пѣсни въ Сибири на каторгѣ:

I.

По горамъ, горамъ
По высокімъ,
Младъ сизой орелъ
Высоко леталъ,
Высоко леталъ,
Жалобно кричалъ.
Во строю солдатъ
Тяжело вздыхалъ:
«Мнѣ не жаль, не жаль
Самого себя,
Только жалко мнѣ
Зелена сада.
Во зеленомъ саду
Есть три деревца:
Первое деревцо—
Кипарисово,
Другое деревцо—
Сладка яблонька,
Третье деревцо—
Зелена груша.
Кипарисъ древо—
Родной батюшка;
Сладка яблонька—
Родна матушка.
Зелена груша—
Молода жена.

II.

Какъ по морю-моречку по Хвалынскому
Плывутъ всплываютъ тридцать кораблей:
Одинъ-отъ корабликъ попередъ бѣжитъ,
Онъ бѣжитъ-бѣжитъ, соколомъ летитъ.
На томъ ли на корабликѣ Рыжковъ атаманъ.
«Гребите вы, молодцы, подгребайте,
Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте!
Какъ за нами, за молодцами, три погони:
Первая погонюшка—то солдаты,
Вторая погонюшка—то гусары,
Третья погонюшка—донски казаки.
Первой погонюшки не боюся,
Второй-то погонюшки не страшуся,
Третьей же погонюшки я боюся».
То не пулечка свинцовая пролетаетъ,
Не калено ядрышко прилетаетъ,
Атамана Рыжкова убиваетъ.

III.

Не шуми-ка ты, не греми,
Мать зелена дубравушка!
Не мѣшай-ка ты, не мѣшай
Мнѣ, молодцу, думу думати!
Ахъ, приходитъ же на дубравушку,
Приходитъ невзгода.
Вотъ невзгодушка да на дубравушку—
Зимонька холодна.
Исповысушитъ, исповыкрутитъ
Всѣ листья-коренья.
Какъ на крутенькомъ и на прекрасненькомъ
Былъ я на ярочкѣ,
Какъ на желтенькомъ на разсыпчатомъ
На мелкомъ песочкѣ.
Что не черные-то въ полѣ
Вороны слетались,—
Солеталися-собиралися
Молодцы ребятушки.
Вы солдатушки, вы молоденьки,
Вы новобраны!
Получили ли вы, ребятушки,
Царскія присяги?
Что жъ ты, рѣченька, что жъ ты, быстрая,
Долго не проходишь?
Ледокъ тоненькій, ледокъ осенненькій
Долго не проносишь?
Нашихъ милыхъ голубушекъ
Долго не провозишь?
Наши милыя голубушки
Сами переѣдутъ.

Извѣстная былина-пѣсня «Соѣзжаетъ князь Михайло со широкаго подворья», разсказывающая объ убійствѣ свекровью невѣстки, въ сибирскихъ тюрьмахъ извѣстна до мельчайшихъ подробностей и даже представляетъ лучшій, полнѣйшій варіантъ. Въ Сибири одно убійство служитъ поводомъ къ двумъ новымъ убійствамъ:

Вынимаетъ князь Михайло
Изъ ножонъ булатный ножикъ:
Онъ пронзаетъ свое сердце,
Онъ пронзаетъ ретивое.
Какъ возговоритъ его матушка родима:
«Ахти, злодѣйка я, согрѣшила,
Три души я погубила:
Се-де сына, се невѣстку,
Се младенца во утробѣ»!

потащили въ народъ свои доморощенныя пѣсни, находящіяся въ близкомъ родствѣ съ казарменными; наконецъ, втиснули въ народъ печатные пѣсенники съ безграмотными московскими и петербургскими виршами, съ романсами и цыганскими бездѣлушками. Но въ солдатскихъ и фабричныхъ пѣсняхъ уже утратилась старая, ловкая грань и заявилась новая фальшивая, а потому и не мудрая. Да пусть живетъ и такая, когда нѣтъ другой: на свободѣ пѣсня творится, на волѣ поется, гдѣ и воля, и холя, и доля, а обо всемъ этомъ въ тюрьмахъ нѣтъ и помина.

Въ сибирскихъ тюрьмахъ есть еще нѣсколько пѣсенъ, общеупотребительныхъ и любимыхъ арестантами, не смотря на то, что онѣ, по достоинству, сродни кисло-сладкимъ романсамъ пѣсенниковъ. Рѣшаюсь привести только три въ образчикъ и въ доказательство, что другія, подобныя имъ, и знать не стоитъ.

ПЕРВАЯ.

Сидитъ пташечка во клѣткѣ,
Словно рыбочка во сѣткѣ.
Видитъ птичка клѣтку,
Клѣтку очень рѣдку,
Избавиться не можетъ.
Крылья-перья бѣдна перебила,
Все по клѣточкѣ летала.
Вострый носикъ притупила,
Все по щелочкамъ клевала.
Отчего же у насъ слезы льются,
Словно сильны быстры рѣки?
Слезы льются со кручины,
Со великой злой печали.
Вспомню, мальчикъ—сожалѣюсь,
Гдѣ я, маленькій, родился.
Призведу себѣ на память,
Съ кѣмъ когда я веселился.
Имѣлъ я пищу, всяку растворенность,
Ѣлъ я хлѣбъ съ сытою,
Имѣлъ я кровать нову тесовую,
Перинушку перовую.
Я тепоря, бѣдный, ничего не имѣю,
Кромѣ худой рогожонки.
Я валяюсь, бѣдный, подъ ногами
До такого время-часу:
Ожидаю самъ себѣ рѣшенья
Изъ губернскаго правленья.
Неизвѣстно, что намъ, братцы, будетъ,
Чѣмъ дѣла наши рѣшатся.
Перетеръ я свои ножки рѣзвы
Желѣзными кандалами;
Перебилъ я свои ручки бѣлы
Нѣмецкими наручнями;
Приглядѣлъ я свои ясны очи
Скрозь желѣзную рѣшетку:
Вижу, всѣ люди ходятъ по волѣ,
Я одинъ, мальчикъ, во неволѣ.

ВТОРАЯ.

Хорошо въ острогѣ жить,
Только денежкамъ не водъ.
По острогамъ, по тюрьмамъ.
Ровно крысы пропадамъ.
Какъ пойдетъ доходъ калашный—
Только брюхо набивай;
Отойдетъ доходъ калашный—
Только спину подставляй... и проч.

ТРЕТЬЯ.

Суждено намъ такъ страдать!
Быть, прелестная, съ тобой
Въ разлукѣ—тяжко для меня.
Охъ! я въ безжалостной странѣ!
Гонимый варварской судьбой,
Я злосчастье испыталъ.
Прошелъ мытарства всѣ земныя
На длинной цѣпи въ кандалахъ.
Тому причиной люди злые.
Судья, судья имъ—небеса.
Знакомъ съ ужасной я тюрьмою,
Гдѣ много лѣтъ я пострадалъ.
Но вотъ ужъ, вотъ ужъ—слава Богу!—
Вздохнувъ, я самъ себѣ сказалъ:
Окончилъ тяжкія дороги
И въ Сибирь я жить попалъ,
Гдѣ часто, какъ ребенокъ, плачу:
Свободы райской я лишенъ.
Ахъ! я въ безжалостной странѣ.
Въ странѣ, гдѣ коварство рыщетъ,
Гдѣ нѣтъ пощады никому,
Гдѣ пламенная язва пышетъ,
Подобно аду самому.
Лишь утрення заря восходитъ,
Словно въ адѣ закипитъ,
Приказаніе приходитъ,
Дежурный строго прокричитъ:
«Вставай живѣе, одѣвайся!
Всѣ къ разводу выходи»!
Но вотъ одно, одно мученье:
Манежно учатъ ходить насъ.
Я Богу душу оставляю,
Жизнью жертвую царю,
Кости себѣ оставляю,
Сердце маменькѣ дарю *).

Несомнѣнно, что сочиненіе этихъ пѣсенъ принадлежитъ какимъ нибудь мѣстнымъ піитамъ, которые пустили ихъ въ толпу арестантовъ и занесли, такимъ образомъ, въ циклъ тюремныхъ пѣсенъ. Не задумались и арестанты принять ихъ въ руководство: благо пѣсни въ нѣкоторыхъ стихахъ близки къ общему настроенію духа, намекаютъ (не удовлетворяя и не раздражая) о нѣкоторыхъ сокровенныхъ думахъ и, пожалуй, даже гадательно забѣгаютъ впередъ и кое-что разрѣшаютъ. Не гнушаются этими пѣснями арестанты, потому что требуютъ только склада (ритма) на голосѣ (для напѣва) а, за другими достоинствами не гоняются. Такова, между прочимъ, пѣсня ссыльныхъ, любимая ими:

*) Извѣстны еще длиннѣйшія вирши: «Позвольте вспомнить про былое» и проч. и «На дворѣ шумѣла буря, вѣтеръ форточкой стучалъ»; «Я видѣлъ, какъ въ странѣ чужой моихъ собратьевъ хоронили» и пр., все неудачныя попытки, разсчитывающія на дальнѣйшее развитіе тюремной пѣсни, но пользующіяся нѣкоторымъ успѣхомъ только въ военныхъ каторжныхъ тюрьмахъ. За ними одно досадное право—вытѣснять мало по малу самобытные перлы народнаго творчества. Изъ извѣстныхъ романсовъ пробрался въ тюрьмы между прочимъ Варламовскій: «Что не вѣтеръ вѣтку клонитъ».

Ужъ ты, матушка Расея,
Выгонала насъ отцеля (2-жды),
Намъ отцеля (отселя) не хотѣлось (2-жды)
Сударушка не велѣла (2-жды),
Любить до вѣку хотѣла (2-жды).
Какъ за рѣчкой за Дунайкой (2-жды),
Красныя дѣвушки тамъ гуляли,
Промежду собой рѣчь говорили,
Все по дѣвушкѣ тужили:
— Что на дѣвушку за горе,
Что на красну за такое?
Съ горя ноженьки не носятъ,
Бѣлы ручки не владаютъ;
Съ плечъ головушка скатилась,
По кроваткѣ раскатилась,
Дружка милаго хватилась.

Однако, нѣкоторымъ достоинствомъ и даже искуствомъ, обличающимъ опытнаго стихотворца, отличается одна пѣсня, извѣстная въ нерчинскихъ тюрьмахъ и предлагаемая, какъ образчикъ туземнаго, сибирскаго творчества. Пѣсню подцвѣтили даже мѣстными словами для пущаго колорита: является омулевая бочка—вмѣстилище любимой иркутской рыбы омуля, во множествѣ добываемой въ Байкалѣ и, въ соленомъ видѣ, съ достоинствомъ замѣняющей въ Сибири голландскія сельди; слышится баргузинъ, какъ названіе сѣверо-восточнаго вѣтра, названнаго такъ потому, что дуетъ со стороны города Баргузина и замѣчательнаго тѣмъ, что для нерчинскихъ бродягъ всегда благопріятный, потому что попутный. Наталкиваемся въ этой пѣснѣ на Акатуй —нѣкогда страшное для ссыльныхъ мѣсто, ибо тамъ имѣлись каменные мѣшки и ссыльныхъ сажали на цѣпь, Акатуй — предназначавшійся для безнадежныхъ, отчаянныхъ и почему либо опасныхъ каторжниковъ. Въ серединѣ пѣсни вплываемъ мы и въ рѣку Карчу—маленькую, одну изъ 224 рѣчекъ, впадающихъ въ замѣчательное и знаменитое озеро-море Байкалъ.

Славное море, привольный Байкалъ!
Славный корабль—омулёвая бочка!
Ну, баргузинъ, пошевеливай валъ,
Плыть молодцу недалечко.
Долго я звонкія цѣпи носилъ,
Душно мнѣ было въ горахъ Акатуя!
Старый товарищъ бѣжать пособилъ:
Ожилъ я, волю почуя.
Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь,
Горная стража меня не видала,
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала.
Шелъ я и въ ночь и средь бѣлаго дня,
Вкругъ городовъ я просматривалъ зорко.
Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Весело я на сосновомъ бревнѣ
Плыть чрезъ глубокія рѣки пускался.
Мелкія рѣчки встрѣчалися мнѣ—
Въ бродъ я чрезъ нихъ переправлялся.
У моря струсилъ немного бѣглецъ;
Берегъ крутой, а и нѣтъ ни корыта.
Шелъ я Карчой и дошелъ, наконецъ,
Къ бочкѣ, дресвою замытой.
Нечего думать—Богъ счастье послалъ:
Въ этой посудѣ и быкъ не потонетъ;
Труса достанетъ и на суднѣ валъ,
Смѣлаго въ бочкѣ не тронетъ.
Тѣсно въ ней жить омулямъ—
Мелкія рыбки, утѣшьтесь словами:
Разъ побывать въ Акатуѣ бы вамъ,—
Въ бочку полѣзли бы сами.
Четверо сутокъ ношусь по волнамъ,
Парусомъ служитъ армякъ дыроватый,
Близко виднѣются горы и лѣсъ:
Могъ погулять бы и здѣсь, да бѣсъ
Тянетъ къ родному селенью (Конца нѣтъ).

Вотъ, стало быть, и баринъ какой-то снизошелъ подаркомъ и написалъ арестантамъ стихи, на манеръ столичнаго способа, къ которому прибѣгали стихотворцы и водевилисты, желавшіе приголубить и задобрить трактирныхъ половыхъ, банщиковъ и клубныхъ швейцаровъ.

Около той же темы ходилъ и авторъ слѣдующей, такъ называемой бродяжьей пѣсни.

Обойдемъ мы кругомъ моря,
Половину бросимъ горя;
Какъ придемъ мы во Култукъ,
Подъ окошечко стукъ-стукъ.
Мы развяжемъ торбатѣйки,
Стрѣлять станемъ саватѣйки.
Надаютъ намъ хлѣба-соли
Надаютъ и бараболи (картофеля).
Хлѣба-соли наберемъ,
Въ баньку ночевать пойдемъ.
Тутъ приходятъ къ намъ старые
И ребята молодые
Слушать Франца-Венцеяна,
Про Бову и Еруслана;
Проводить ночь съ нами ради,
Хотя потъ течетъ съ нихъ градомъ.
Сибирякъ развѣситъ губы
На полкѣ въ бараньей шубѣ...

Арестанты — повторимъ опять — ничѣмъ не брезгаютъ: они берутъ въ тюрьму (хотя тамъ и передѣлываютъ по своему), также и пѣсни свободныхъ художниковъ, какими были, напр., поэты Лермонтовъ и Пушкинъ. Берутъ въ тюрьму (и только переиначиваютъ немного) и пѣсню, сложенную на другомъ русскомъ нарѣчіи и тоже поэтомъ и художникомъ, какимъ былъ, напр., извѣстный малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ. Въ то же время поютъ арестанты: „Ударилъ часъ—мѣдь зазвучала“, но, разумѣется, съ приличною прибавкою: „Ударилъ часъ—цѣпь зазвучала и будто стоны издала; слеза на грудь мою упала, душа заныла — замерла“. Поютъ арестанты и „Лишь только занялась заря“ и „Проснется день моей красы“, „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“ и „Я въ пустыню удаляюсь“, „Взвейся ласточка—вскружися“, и „Во тьмѣ ночной ярилась буря“, и „Не слышно шуму городского“;—всѣ тѣ, однимъ словомъ, пѣсни, которыя близко подходятъ своимъ смысломъ къ настроенію общаго тюремнаго духа. Въ особенности распространена послѣдняя:

Не слышно шуму городского
Въ заневской башнѣ тишина,
И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная звѣзда.

Распространена тѣмъ болѣе эта пѣсня, что въ ней есть и бѣдный юноша—ровесникъ младымъ цвѣтущимъ деревамъ, который въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню и отдаетъ тоску волнамъ. Выражено и прощанье съ отчизною, роднымъ домомъ и семьею, отъ которыхъ узникъ за желѣзною рѣшеткою на вѣкъ сокрылся, и прощанье съ невѣстою, женою и тоска о томъ, что не быть узнику ни другомъ — ни отцомъ, что застынетъ на свѣтѣ его мѣсто и сломится его вѣнчальное кольцо. Выражена въ пѣснѣ и надежда: „Есть русскій царь въ златой коронѣ: горитъ на немъ алмазъ златой", — и мольба: „Яви ты милость намъ на тронѣ: будь намъ отецъ,—помилуй насъ"! „Устроилъ я себѣ неволю (поетъ пѣсня дальше), мой жребій—слезы и тоска, и горестную эту долю содѣлала рука моя",—и заключаетъ такъ: „Прошла ужъ ночь— и на разсвѣтѣ златой лучъ Феба возсіялъ, но бѣдный узникъ въ казематѣ все туже пѣсню запѣвалъ". Рекомендуютъ арестанты и своихъ авторовъ въ большомъ числѣ (изъ заклятыхъ торбанистовъ), но мы пѣсни ихъ приводить не станемъ за безплодностью содержанія и уродствомъ формы. Но вотъ, для образца, та пѣсня, въ которой извращенъ Лермонтовъ:

Между горъ то было Енисея
Раздается томный гласъ.
Какъ сидитъ несчастный мальчикъ
Со унылою душой.
Бѣлы рученки ломаетъ,
Проклиналъ судьбу свою:
Злонесчастная фортуна,
Ты на что родишь меня?
Всѣ товарищи гуляютъ,
Забавляются съ друзьями,
Только я, несчастный мальчикъ,
Уливаюся слезьми.
Вы подайте мово друга,
Коня вороного мнѣ,
Ужъ ты конь, ты лошадь добра!
За одно со мной страдай!
Тамъ звѣри люты возрычали,
Растерзать тебя хотятъ.
Не ходи, несчастный мальчикъ,
Лишь погибель тамъ твоя.
Я взялъ бы себѣ друга—
Свово добраго коня:
На тюрьмѣ-то тамъ высокой
Дверь тяжелая съ замкомъ.
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ.
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вихорь, улечу.
Лишь красавицу милую
Прежде сладко поцѣлую.

У этой пѣсни есть двойникъ, какъ будто передѣлка Пушкина:

Сидѣлъ молодецъ въ темницѣ,
Онъ глядѣлъ на бѣлый свѣтъ
На чернобровую дѣвицу,
На сивогриваго коня.
— Я бъ на конечка садился,
Словно бъ пташка полетѣлъ.
Весело бъ съ милой встрѣчался—
Со полуночной звѣздой.
— Ахъ! до зари бы не сидѣла
Въ новой спальнѣ подъ окномъ,
Я украдкой не дарила-бъ
Золотымъ съ руки кольцомъ.
Я слила бъ изъ воску яраго
Легки крылышки себѣ:
Я-бъ спорхнула, полетѣла,
Гдѣ мой миленькій живетъ.
Живетъ мой за рѣченькой далеко,
А я, млада, за другой.
—Если любишь ты меня,—
Перейди, радость моя!
—Я бы рада перешла,
Переходечку не нашла;
Переходечекъ нашла—
Лежитъ жордочка тонка *).

Третья пѣсня, приписываемая Кармелюку, съ меланхолическимъ оттѣнкомъ въ напѣвѣ, досталась намъ только въ нѣсколькихъ куплетахъ и притомъ въ томъ видѣ, какъ сохранилась она въ сибирскихъ тюрьмахъ. Самъ Кармелюкъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, какъ сказано выше, жилъ, будучи сосланъ туда съ Волыни за разбой. До ссылки онъ жилъ у своего пана въ буфетчикахъ, наблюдалъ за посудою и серебромъ. Серебро украли, подозрѣніе пало на Кармелюка; его билъ панъ почти ежедневно, Кармелюкъ не стерпѣлъ и ушелъ въ бѣга. Его снова преслѣдовали, онъ рѣшился мстить: поджегъ панскій домъ, собралъ головорѣзовъ, началъ разбойничать, былъ пойманъ, наказанъ и сосланъ. Возвращаясь на родину изъ Сибири, черезъ Уралъ, какъ говоритъ преданіе, переплылъ на воротахъ (дощатыхъ отъ казачьей хаты). На родинѣ продолжалъ разбойничать, заступаясь за хлоповъ и преслѣдуя пановъ на всякомъ мѣстѣ, по всякому вызову обиды крестьянской. Похожденіями своими онъ наполнилъ всю Волынь; слава о немъ распространилась по всему югу. Разсказы о его подвигахъ составляютъ цѣлую эпопею, которая ждетъ своего разсказчика. По разсказамъ этимъ, онъ одинъ изъ героевъ народныхъ (можетъ быть изъ послѣднихъ), отстаивавшихъ съ энергіею, послѣдовательностью и благородствомъ казачью волю и долю отъ панскаго произвола. Популярность его доказывается не однѣми пѣснями, которыя распѣваетъ вся южная Русь. Преданіе увѣряетъ, что онъ не загубилъ ни одной души человѣческой и былъ рыцаремъ въ лучшемъ облагороженномъ смыслѣ. Во время своихъ похожденій

*) Конецъ въ этой пѣснѣ выкраденъ изъ извѣстной народной:

Ахъ ты, ночь ли ночь,
Ночка темная,
Осенняя бурная.—

съ тою отмѣною, что мѣрный стихъ народной обмѣненъ на искуственный стихотворный. Въ подлинникѣ такъ:

Перейди сударушка, на мою сторонушку.
Рада бы я перешла—переходу не нашла.
Переходечекъ нашла—лежитъ жердочка тонка,
Жердочка тонка—рѣчка глубока.

на Волыни, представляющихъ рядъ честныхъ поступковъ, онъ два раза былъ схваченъ. Одинъ разъ спасся тѣмъ, что, идучи подъ конвоемъ солдатъ въ тюрьму, встрѣченъ былъ въ лѣсу паномъ, ѣхавшимъ въ каретѣ. Панъ спросилъ, кого ведутъ и, узнавъ, что Кармелюка, ругалъ его, упрекалъ въ злодѣйствахъ. Когда Кармелюкъ убѣдилъ его, упреками въ битьѣ лежачаго и несчастнаго, на денежную помощь и панъ отворилъ дверцы, чтобы подать злотку, а Кармелюкъ подошелъ принять милостыню,—дверцы кареты захлопнулись послѣ того, какъ Кармелюкъ былъ схваченъ и посаженъ въ карету, въ виду оторопѣвшихъ конвойныхъ, его переодѣтыми хлопцами-сообщниками. Другой разъ, посаженный въ тюрьму, убѣжалъ изъ нее и увелъ вмѣстѣ съ собою соузниковъ въ темную и бурную осеннюю ночь такимъ образомъ. Тюрьма стояла вблизи оградного частокола. Кармелюкъ выломалъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ, связалъ рубашки арестантовъ въ длинную веревку; на концѣ привязалъ камень и конецъ этотъ забросилъ между остріями острожныхъ палей: сдѣлался мостъ. По мосту этому ушли утеклецы въ лѣсъ и на волю. Убитъ онъ былъ въ хатѣ своей коханой, подкупленной паномъ, въ то время, когда шелъ къ ней на свиданіе черезъ сѣни, въ которыхъ засѣлъ панычъ съ товарищами. Убитъ былъ—по преданію—изъ ружья, заряженнаго пуговицею, какъ характерникъ (колдунъ). Когда проходилъ черезъ сѣни, въ темнотѣ показались головы преслѣдователей. Почуявъ недоброе, Кармелюкъ спросилъ любовницу и успокоился, что это овцы. Въ это время пуля угодила ему въ лобъ и положила на мѣстѣ. При этомъ народное преданіе прибавляетъ, что панычъ съ товарищами были сосланы въ Сибирь за убійство, такъ какъ на подобное преслѣдованіе никто ихъ не уполномочивалъ, а Кармелюкъ не былъ тѣмъ злодѣемъ, который былъ бы достоинъ смерти. Вотъ его пѣсня:

Зовутъ меня разбойникомъ,
Скажутъ: убиваю.
Я никого не убилъ,
Бо самъ душу маю.

Возьму гроши съ богатаго—
Убогому даю;
А такъ гроши подѣливши,—
Самъ грѣха не маю.

Комисары, исправники
За мною гоняють.
Больше воны людей губятъ,
Чѣмъ я грошей маю.

Маю жинку, маю дѣтокъ,
Да и тѣхъ не бачу:
Якъ взгадаю про ихъ участь,
То горько заплачу

А такъ треба стерегчися,
Треба въ лѣсу жити,
Хоть здается—свѣтъ великій:
Негдѣ ся подити... *)

И, въ заключеніе, еще четыре пѣсни сибирскихъ тюремъ, изъ которыхъ одна коренная и самобытная, пѣсня собственно тюремная:

Ты, тюрьма ли моя, ты тюрьма-злодѣюшка,
Для кого построена,
Ахъ, для кого построена?
Не для насъ-то ли, добрыхъ молодцевъ,
Все воровъ-разбойничковъ? (2 раза).
Ужъ какъ по двору-то все, двору тюремному,
Ходитъ злодѣй—староста (дважды).
Онъ въ рукахъ-то ли несетъ,
Несетъ онъ больши ключи.
Отворяетъ онъ, злодѣй-староста,
Онъ двери тюремныя,—
И выводитъ насъ, добрыхъ молодцевъ,
Онъ насъ къ наказаньицу...
. . . .

Конца этой пѣсни я узнать не могъ; сообщавшій мнѣ ее поселенецъ не допѣлъ до конца: „Забылъ-де, живя теперь на волѣ“...

Другая пѣсня—на мѣстномъ тюремномъ языкѣ — извѣстна въ Сибири подъ названіемъ: „Пѣсни несчастнаго“. Она поется на одинъ голосъ съ предыдущею.

Нѣтъ несчастнѣе молодца меня:
Все несчастьица повстрѣчались съ молодцомъ со мной;

*) Отрывки эти, оставшіеся въ сибирскихъ тюрьмахъ, принадлежатъ слѣдующей пѣснѣ, сохранившейся въ цѣльномъ видѣ на Волынѣ и записанной тамъ Н. И. Костомаровымъ:

Повернулся я въ Сибиру,
Не ма минѣ доли,
А здаеться, не въ кайданахъ (въ кандалахъ),
Еднакъ же въ неволѣ.
Слѣдятъ мене въ день и въ ночи,
На всяку годину:
Негдѣ мене подѣтися,
Я отъ журбы гину.
Маю жинку, маю дѣти,
Хочь я ихъ не бачу,
Якъ згадаю про ихъ муку,
То гирько заплачу.
Зибравъ себѣ жвавыхъ (т. е. рѣзвыхъ) хлопцивъ,
И що жъ минѣ зъ того?
Засѣдаю при дорозѣ,
Жду подорожного?
Чи хто иде, чи хто ѣде—
Часто дурно ждати:
А такъ треба въ лѣсѣ жити,
Бо не маю хаты.
Часомъ возьму зъ богатого—
Убогому даю.
А такъ гроши подиливши,
Я грѣха не маю.
Зовутъ меня разбойникомъ
Кажутъ—разбиваю.
Я жъ никого не забивъ,
Бо самъ душу маю.
Ассесоры, справники
Всѣ меня гоняють,
Бильшъ вони людей забили,
Нижъ я грошей маю.
Пишовъ бы я въ мѣсто, въ село:
Всюду меня знаютъ—
А бы бъ тилько показався,
То заразъ поймаютъ.
А такъ треба стерегтися,
Треба въ лѣсѣ жити,
Хочь здается свѣтъ великій—
Негдѣ ся подити.

Не могу-то я, молодецъ, спокойно ночки провести,
Я долженъ день рожденьица своего клясти.
На свою судьбу буду Богу жалобу нести:
Ты, судьба ли моя, ты, несчастная судьба,
Никакой ты мнѣ отрады не дала,
Еще больше того въ огорченье привела!
Съ огорченья плѣненъ молодецъ хожу.
Я пойду-то, молодецъ, въ гостиный дворъ гулять,
Я куплю-то себѣ трехрублевую свѣчу
И поставлю ее въ высокомъ терему:
Ты гори-ка, гори, моя бѣлая свѣча,
Пропадай-ко, пропадай, моя молодецка красота!

Третья пѣсня, носящая названіе „Пѣсни бродягъ“ и—преданіемъ приписываемая „славному вору, мошеннику и сыщику московскому Ванькѣ Каину“, жившему въ началѣ прошлаго столѣтія:

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталась безпріютная моя головушка,
Безпріютная моя головушка молодецкая.
Ужъ куда-то я, добрый молодецъ, ни кинулся:
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпкіе караулы;
Они спрашиваютъ печатнаго паспорта,
Что за красною печатью сургучовой.
У меня, у добра молодца, своерушной,
Что на тоненькой на бѣлой на бумажкѣ.
Что куда ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, доброму молодцу, нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государыни своей матушки спрошуся:
— Ты скажи-скажи, моя матушка родная:
Подъ которой ты меня звѣздою породила,
Ты такимъ меня счастьемъ надѣлила?

Четвертая сибирская пѣсня, извѣстная подъ именемъ заводской и записанная нами въ нерчинскомъ Большомъ заводѣ со словъ ссыльнаго, пришедшаго съ Урала (изъ Пермской г.), передана была съ нѣкоторою таинственностью. Знакомецъ нашъ придавалъ ей большое значеніе, какъ бы какой многознаменательной загадкѣ и, проговоривъ пѣсню, просилъ разгадать ея смыслъ. Вотъ эта послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ тюремныхъ пѣсенъ, знакомая и Россіи:

За рѣкой было, за рѣченькою,
Жили-были три бабушки,
Три Варварушки,
Три старыя старушки—
Три постриженицы.
У первой у старушки
Было стадо коровъ.
У второй-то старушки
Было стадо быковъ.
У третьей у старушки
Нѣтъ никого:
Одна козушка рязаночка.
Принесла она козла
И съ тѣмъ вмѣстѣ дурака—
Москвитенника.
По три годы козелъ,
По три годы дуракъ,
Подъ полатями стоялъ,
Мякинки зобалъ
Толокончатыя,
А помоечки пилъ
Судомойчатыя.
Сталъ же козелъ,
Сталъ же дуракъ,
На возрастѣ,—
У бабушки Варварушки
Отпрашиваться
Въ чисто поле гулять.
Пошелъ же козелъ
Пошелъ же дуракъ.
Онъ ножками бьетъ,
Какъ тупицами сѣкетъ *).
Глазками глядитъ
Какъ муравчиками **).
Въ стрѣчу козлу,
Въ стрѣчу дураку,
Незнакомый звѣрь:
Сѣренекъ и маленекъ,
Глазки на выпучкѣ.
Обошедши козелъ кругомъ,
Палъ ему въ ноги челомъ.
Не вѣдаю о чемъ.
—Какъ тебя, сударь, зовутъ,
Какъ тебя, сударь,
По изотчеству?
Не смерть ли ты моя.
Да не съѣшь ли ты меня,
Козла-дурака
И москвитенника»?
— Какая твоя смерть?.
Вѣдь я заинька
Пучеглазенькой:
Я по камушкамъ скачу,
Я осиночку гложу.
Спрошу я у тебя,
У козла-дурака
И москвитенника,
Про семь волковъ,
Про семь брателковъ.
«Я шести не боюсь,
Я и семи не боюсь!
Шесть волковъ
На спину унесу,
А седьмого волка
Во рту (или въ губахъ) утащу.
Изъ шести овчинъ
Шубу сошью,
А седьмой овчиной
Шубу опушу.
Отошлю эту шубу
Бабушкѣ Варварушкѣ:
Спать будетъ тепло
И потягаться хорошо».

Эта пѣсня приводитъ насъ къ особому отдѣлу пѣсенъ, которому мы могли бы придать названіе юмористическихъ, если бы онѣ въ полной мѣрѣ сходствовали съ тѣми русскими пѣснями, въ которыхъ дѣйствительно много своеобразнаго юмора. Беззавѣтная веселость, легкая насмѣшливость составляютъ отличительную черту такихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ на волѣ свободными людьми. Въ тюремныхъ же пѣсняхъ веселость и насмѣшливость приправлены, съ одной стороны, значительною долею желчи, съ другой—отличаются крайнею безнравственностью содер-

*) Въ Россіи варіантъ:
Онъ ножками трясетъ
Да мережки плететъ.

**) Т. е. очень бойко,—какъ объяснилъ пѣсельникъ.

жанія: веселость искуственна и неискренна, насмѣшка сорвалась въ одно время съ больного и испорченнаго до уродства сердца. Съ настоящими юмористическими народными пѣснями эти тюремныя имѣютъ только общаго одно: веселый напѣвъ, такъ какъ и онъ долженъ быть плясовымъ, т. е. заставляетъ скованныя ноги, по мѣрѣ возможности, выдѣлывать живыя и ловкія колѣна, такъ какъ и въ тюрьмѣ веселиться, плясать и смѣяться иной разъ хочется больше, чѣмъ даже и на вольной волюшкѣ. Пѣсенъ веселыхъ немного, конечно, и собственно въ смыслѣ настоящихъ тюремныхъ, которыя мы назовемъ плясовыми, изъ извѣстныхъ намъ характернѣе другихъ двѣ: „Охъ бѣдный ежъ, горемышный ежъ, ты куда ползешь, куда ежишься"? и „Эй усы—усы проявились на Руси". Первая во многихъ частностяхъ не удобна для печати наравнѣ съ десяткомъ другихъ казарменнаго грязнаго содержанія (Фенькой, Мигачемъ, Настей, Кумой и другими).

Вмѣстѣ съ поляками-повстанцами и слѣдомъ за своимъ паномъ княземъ Романомъ Сангушкою присланъ былъ въ Сибирь въ Нерчинскіе рудники Онуфрій Ворожбюкъ, крестьянинъ Подольской губерніи, одинъ изъ многочисленныхъ торбанистовъ Вацлава Ржевусскаго, эмира злотобродаго, ученикъ торбаниста шляхтича Видорта.

Григорій Видортъ (род. 1764 г.), народный украинскій поэтъ, былъ съ Ржевусскимъ на востокѣ. Въ 1821 году онъ перешелъ къ Евстафію Сангушкѣ и восхвалялъ его на торбанѣ только годъ; въ этомъ же году онъ умеръ, передавъ свое ремесло сыну Каэтану (умершему въ 1851 г.). Каэтанъ Видортъ былъ послѣдній торбанистъ-художникъ. Сынъ послѣдняго уже утратилъ искусство отца и дѣда, но продолжалъ забавлять Романа Сангушку пѣснями дѣда. Изъ нихъ въ честь Романа Сангушки сохранились многія, сочиненныя на малороссійскомъ языкѣ. Эмиръ, какъ извѣстно, любилъ лошадей и украинскую музыку. Для лошадей имѣлъ конюшню, не уступавшую въ роскоши многимъ дворцамъ. Въ комнатахъ, украшенныхъ съ турецкою роскошью, Ржевусскій любилъ по вечерамъ слушать торбанистовъ, которые razmarzonemu panu пѣли пѣсни, сложенныя въ честь его. Эти пѣсни принесъ съ собою Ворожбюкъ на каторгу, познакомилъ съ ними каторжныхъ, а кстати выучилъ и другимъ малорусскимъ пѣснямъ. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, сочиненныхъ Видортомъ и переданныхъ Ворожбюкомъ, помнили ссыльные поляки. Вотъ одна изъ нихъ, чествующая эмира съ лошадями:

Гей? выихавъ нашъ Ревуха
Въ чистый степъ гуляти,
Перевисивъ черезъ плечи
Сигайдакъ богатый.
Грай море! черное море, биле море, сине море, гала гаду гу-гу-гу-гу, гала-гиду гу-гу-гу-гу.
Сивы кони поймали
Гнѣдые и чорны.
Тѣшьте мене, щобъ не тужилъ,
Ревуха моторный.
Грай море! черное море, биле море, и т. д.
Шахтамиръ. Тамира (наши кони)—
Той мои соколи!
Коли всяду, смило иду
Не спаду николи!

(Припѣвокъ).

Ахъ ты, Гульда, моя мила,
Коли на тя сяду.
Носишь мене по витру—
Николи не спаду.

Подай, Саво, коня свово,
Нехай меня знають;
Коли сяду на кони я
Жилы мини дргають и проч.

„Мелодія пѣсни (говоритъ Аг. Гиллеръ) скорая, красивая и настоящая украинская, весьма сильно свидѣтельствующая о композиторскомъ талантѣ Видорта. Ворожбюкъ въ Сибири пѣвалъ ее съ энергіей и всегда только подъ вдохновеніемъ любимыхъ и милыхъ воспоминаній. Эти пѣсни оживляли его измученное сердце и разглаживали морщины на нахмуренномъ челѣ. А прекрасно пѣлъ Ворожбюкъ и мастерски игралъ на торбанѣ! Онъ былъ извѣстенъ въ ссылкѣ подъ именемъ торбаниста". Попался онъ въ ссылку такимъ образомъ:

Фантазеръ, эмиръ Zlotobrody, въ 1831 г ушелъ въ повстаніе съ оружіемъ, лошадьми и торбанистами и погибъ въ битвѣ подъ Даховымъ. Ворожбюкъ былъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ въ Сибирь. Въ толпѣ узниковъ шелъ онъ въ ссылку веселый, пѣвучій, остроумный и болтливый. Достоинствами этими и другими онъ съумѣлъ въ походѣ располагать конвойныхъ солдатъ въ свою пользу и выбивать у нихъ различныя уступки и льготы для товарищей. Ссыльные товарищи дали ему прозвище „шахрая" (барышника, жида, торгующаго ветошью). Всѣ шахрая любили, шахрай всѣхъ веселилъ. Шли по Волыни и Украйнѣ не въ скудости, потому что паны и панны дѣлали для узниковъ различныя складчины изъ денегъ, одежды и вещей, потребныхъ на дальнюю и трудную дорогу. Въ Нерчинскихъ рудникахъ Ворожбюкъ женился на сибирячкѣ, занялся хозяйствомъ, торговалъ водкою, но, главное, работалъ деревянныя курительныя трубки, которыя и раскупались товарищами и сибирячками. Низенькій и смуглый, онъ былъ настоящимъ типомъ русина съ черными волосами и яснымъ взоромъ".

Народныя русскія пѣсни покушались идеализировать преступниковъ и характеризировали, между прочимъ, двухъ преступницъ-убійцъ въ слѣдующемъ видѣ:

1.

Іо ча~ту мелку орѣшничку
Їутъ ходилъ-гулялъ вороной конь,
Ѓрое сутокъ непоенный былъ,
Іодѣлюшку, не кормя, стоялъ,
Іеркаское сѣдло на бокъ сбилъ,
Ѕолотую гриву изорвалъ,
Шелковъ поводъ въ грязи вымаралъ.
Іе въ Москвѣ я былъ, не въ Питорѣ,—
Ѣо стрѣлецкой славной улицѣ,
Ѣо стрѣлецкой, во купеческой.

(Или такъ:).

Ѓы звѣзда ли моя восхожая,
Ѣосхожая, полуночная!
Ѣысоко ты, звѣзда, восходила,
Ѣыше лѣсу, выше темнова,
Ѣыше садику зеленова.
Ѓалеко звѣзда просвѣтила
Ѓальше городу, дальше Саратова,
Ѓальше купчика богатова.
У того ли купца богатова
Ѣлучилося у него несчастьицо,
Іесчастьицо, безвременьицо:
Ѣакъ жена мужа зарѣзала,
Ѣѣлую грудь она ему нарѣзала
Іе простымъ ножомъ—булатнымъ.
Ѣынимала сердце съ печенью
Іа ножикѣ сердце встрепенулося,
Їена - шельма улыбнулася,
Ѓлыбнулася, разсмѣхнулася;
Іа холодный погребъ бросила,
Ѓубовой доской задвинула,
Ѣъ горъ желтымъ пескомъ засыпала,
А на верхъ того землею черною
Ѣѣвой ноженькой притопнула,
Іравой рученькой прищелкнула,
Ѣоронила и не плакала;
Ѣтъ него пошла—заплакала.
Ѣама младешенька вошла въ горенку,
Ѣадилася подъ окошечкомъ,
Іодъ окошечкомъ передніимъ.
Ірилетали къ ней двои соколы (или два голубя)
Ѓвои соколы, двои ясные
Или: двои голуби, двои бѣлые)—
Ѓеверья ея любимые.
Ѣни стали ее спрашивати:
– Ты, сноха ль, наша невѣстушка!
А гдѣ нашъ братецъ Иванушка?
– Онъ отъѣхалъ во путь во дороженьку,
Ѣо путь во дороженьку, въ лѣсъ за охотушкой,
Ѣа лютымъ звѣрьемъ левицею.
– Ты сноха ль, наша невѣстушка,
Іто у тя въ горенкѣ за кровь?
– Бѣлу рыбицу я чистила,
Ѣѣла рыбица трепоталася,
Іо стѣнамъ руда металася,
Іо горенкѣ она брызгалася.
– Ахъ ты ль, сноха наша, невѣстушка!
Іа словахъ ты насъ не обманывай:
Ѣго добрый конь въ стойлѣ стоитъ,
Ѣго сбруя ратная на стѣнѣ виситъ.
– Ахъ вы, деверья, вы ясные соколы!
Ѣы возьмите саблю вострую,
Ѣы снимите съ меня буйну голову:
Я свово мужа зарѣзала.
Ѣынимала сердце съ печенью;
Іоложила въ холоденъ погребъ,
Ѣасыпала тѣло пескомъ желтымъ,
А поверхъ того землею черною.

2.

Что не ястребъ совыкался съ перепелушкою,
Солюбился молодецъ съ красной съ дѣвушкою,
Проторилъ онъ путь - дорожку,—пересталъ ходить,
Проложилъ онъ худу славу,—пересталъ любить,
Насмѣялся жъ ты мной, отсмѣю и я тебѣ:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ ножа.
Я изъ рукъ твоихъ ногъ коровaтку смощу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю.
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ тѣла твово сальныхъ свѣчъ насучу,
А послѣй-то тово я гостей назову,
Я гостей назову и сестричку твою.
Посажу же я гостей на кроватушку,
Загадаю что я имъ да загадочку
Я загадочку не отгадливую:
Да и что жъ таково: я—на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ миломъ говорю,
Изъ милово я пью, милымъ потчую
А и милъ предо мною свѣчею горитъ?
Вотъ тутъ стала сестричка отгадывати:
«А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовутъ,
Куда поздно зовутъ да гдѣ пьяни живутъ».

Въ заключеніе послѣдняя сибирская пѣсня, называемая бродяжьею:

Вы бродяги, вы бродяги,
Вы бродяженьки мои...
Что и полно-ль вамъ, бродяги!
Полно горе горевать:
Вотъ придетъ зима, морозы:
Мы лишилися гульбы.
Гарнизонъ стоитъ порядкомъ,
Барабаны по бокамъ,
Барабанщики пробили,
За прикладъ всѣхъ повели,
Плечи, спину исчеканятъ,
Въ госпиталь насъ поведутъ.
Разуваютъ, раздѣваютъ,
Насъ на коечки кладутъ,
Мокрыми тряпицами обкладываютъ:
Знать, насъ вылечить хотятъ.
Мы со коечекъ вставали,
Становилися въ кружокъ.
Другъ на дружку посмотрѣли—
Стали службу разбирать:
Вотъ кому идти въ Бобруцкой,
Кому въ Нерчинской заводъ.
Мы Бобруцка не боимся,
Во Нерчинскѣ не бывать:
Путь-дороженька туда не близко,
Со пути можно удрать.
Тутъ деревня въ лѣсу близко,
На пути стоитъ кабакъ,
Цаловальникъ намъ знакомой;
Всѣ изъ нашихъ, изъ бродягъ.
Мы возьмемъ вина побольше,
Инвалидныхъ подпоимъ,
И конвой весь перепьется,
И въ походъ тогда пойдемъ.
Мы конвой весь перевяжемъ,
Караульныхъ разобьемъ,
Мы оружье все захватимъ,—
Сами въ лѣсъ съ нимъ удеремъ.

Въ такомъ видѣ извѣстна эта пѣсня въ Сибири. Первообразомъ ей, вѣроятно, послужила пѣсня, сочиненная, по преданію, разбойникомъ

Гусевымъ, ограбившимъ Саратовскій соборъ. Въ саратовскомъ острогѣ Гусевъ сложилъ такую пѣсню:

Мы заочно, братцы, распростились
Съ бѣлой каменной тюрьмой,
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.
Скоро насъ въ Сибирь погонять,
Мы не будемъ унывать—
Намъ въ Сибири не бывать,
Въ глаза ее не видать.
Здѣсь дороженька большая,
И съ пути можно бѣжать,
Деревушка стоитъ въ пути близко.
На краю Самаръ-кабакъ.
Цѣловальникъ нашъ знакомый:
Онъ изъ насъ же, изъ бродягъ.
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить,
Кандалы съ насъ посниметъ,—
Можно будетъ намъ бѣжать.

ТЮРЕМНЫЙ СЛОВАРЬ

И

ИСКУСТВЕННЫЕ БАЙКОВЫЕ, ЛАМАНСКІЕ и КАНТЮЖНЫЕ ЯЗЫКИ.

Древность искуственныхъ языковъ.—Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударный).—Разговоръ стукомъ (нѣмецкій гакезенъ).—Поляки и Шпаунъ.—Телеграфисты.—Разговоръ стукомъ декабристовъ.—Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Бестужевыми.—Обожженная палочка изъ вѣника.—Тюремный словарь.—Бѣдность его.—Искуственныя слова въ тюрьмахъ.—Древность ихъ происхожденія у насъ.—Ясакъ.—Разбойничій языкъ на Волгѣ.—Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Каина.—Отверницкая рѣчь.—Сравненіе пяти дѣлабныхъ языковъ.—Офеньскій языкъ (словарь разносчиковъ-ходебщиковъ).—Образцы словъ и рѣчи.—Музыка или байковый языкъ карманниковъ.—Образцы словъ и рѣчи.—Образцы языка шерстобитовъ и коноваловъ.—Счетъ.—Языкъ кантюжный.—Языкъ по херамъ и тарабарская азбука.—Языкъ кубраковъ и проч.

Во всѣ времена и у всѣхъ европейскихъ народовъ глубокія тайны, на которыхъ основывается вся суть преступныхъ замысловъ и, преимущественно, мошенничества, всегда прикрывались многочисленными и разнообразными способами изъясненій. Начало мошенническаго языка уходитъ въ древнѣйшія времена, когда слѣды его являются въ неясномъ видѣ, но съ теченіемъ времени языкъ этотъ, подобно мутному отстою, испытывая постоянное броженіе, обогащался и совершенствовался. Нѣмецкій мошенническій языкъ представляетъ собою даже такое явленіе, которое замѣчательно не только въ лингвистическомъ, но и въ культурно-историческомъ смыслѣ,—явленіе, на которое и тамъ до сихъ поръ мало обращалось вниманія. Одна изъ такихъ попытокъ показала даже крайнюю необходимость изученія по этому поводу такъ называемаго еврейско-нѣмецкаго и другихъ старыхъ и новыхъ языковъ. Съ такимъ пріемомъ автору удалось доказать сильную степень участья (въ искуственномъ языкѣ мошенниковъ), заявленнаго этимъ гонимымъ племенемъ, потерявшимъ родину и полузабывшимъ свой родной языкъ. На исковерканномъ и спутанномъ со многими другими языкѣ этомъ мошенническимъ пріемамъ удалось значительно поработать и ловко укрываться въ теченіи многихъ лѣтъ даже и до сего дня.

На этотъ разъ, какъ и всегда, языкъ представляетъ собою лишь высшую степень развитія пріемовъ и знаній, подлежащихъ вѣденію и руководству, извѣстную степень роскоши, но не отрицаетъ существованія болѣе древнѣйшихъ пріемовъ, какъ, напр., объясненій посредствомъ знаковъ въ помощь себѣ и на выручку тамъ, гдѣ разговоръ невозможенъ. Знаки эти до такой уже степени разнообразны, что исчислить всѣ способы подобнаго разговора не представляется никакой возможности. Для товарищей мошеннической шайки понятно каждое движеніе глазъ, рта, положеніе ногъ, каждое движеніе пальца. Взявшись рукою за шею, приложивъ руку ко рту, къ уху, къ щекѣ, мошенникъ уже разговариваетъ съ товарищемъ и тотъ его понимаетъ. Посаженные далеко другъ отъ друга, но, по случайности, на виду въ противоположныхъ окнахъ, уличены въ разговорѣ руками по азбукѣ, придуманной для глухонѣмыхъ, но съ тою разницею, что мошенниками усвоена одноручная, такъ какъ азбукою на двухъ рукахъ (употребляемою глухонѣмыми при оживленномъ разговорѣ) въ тюрьмахъ и на допросахъ говорить нельзя. На допросахъ, даже въ присутствіи третьяго лица, рукою передавали обвиняемые другъ другу такія тайны и такъ ловко, при закрытомъ ртѣ, что не могло быть и тѣни подозрѣнія. Доведенный до сознанія, разбойникъ, назвавшій соучастника, на очной съ нимъ ставкѣ оставался нѣмъ, не смѣя повторить своего доказанія только потому, что товарищъ запретилъ ему это тяжелымъ вздохомъ, ускользнувшимъ отъ слѣдователей при самомъ внимательномъ наблюденіи. У вора каждый свистъ,

крикъ, подражаніе звукамъ различныхъ животныхъ, особенно ночью въ полѣ или въ лѣсу (филину, перепелу, собакѣ, курицѣ и т. п.), отхаркиванье, откашливанье, всякій возможный звукъ пріобрѣтаетъ смыслъ и значеніе и тѣмъ вѣрнѣе уберегаетъ тайны, чѣмъ онъ кажется болѣе непроизвольнымъ и естественнымъ. Въ цивилизованныхъ странахъ мошенники разговариваютъ другъ съ другомъ, намѣчая условные знаки мѣломъ, углемъ, разноцвѣтными карандашами на стѣнахъ, на пескѣ и пр. Въ настоящее время въ Европѣ, съ развитіемъ различныхъ тюремныхъ системъ съ одиночнымъ заточеніемъ (оборнской) и съ обязательствами молчанія (пенсильванской), разнообразіе тюремныхъ языковъ сдѣлалось еще богаче и пріемы въ настоящее время стали даже получать систематическую организацію. Предположеніе, высказанное сто лѣтъ тому назадъ въ Германіи нѣмцами, что у всѣхъ мошенниковъ слѣдуетъ разорвать барабанную перепонку въ ухѣ, въ настоящее время владѣетъ тою силою значенія, что разговоръ, разсчитывающій на слухъ, получилъ наибольшее развитіе и сосредоточилъ на себѣ преимущественное вниманіе заключенныхъ въ послѣднее время. Въ этомъ случаѣ для обогащенія звукового языка посредствомъ постукиванья пущены въ ходъ всевозможныя тонкости; равномѣрность звука при скорыхъ или продолжительныхъ ударахъ или же очередь ударовъ тихихъ и громкихъ, удары, производимые согнутыми пальцами или мясистою частью ладони и кулака; удары сапогомъ, башмаками, ногою, обутою въ чулокъ, ковшомъ, ложкою, щеткою, щепкою и т. д. въ безконечность. Способъ этотъ удобенъ тѣмъ, что можетъ подчиняться цѣлой системѣ азбуки, во всемъ ея разнообразіи *). Ключей для пониманія существуетъ довольно много и они ведутъ свое происхожденіе отъ жидовскихъ мошенниковъ, но обыкновенно въ европейскихъ тюрьмахъ нападали только на остатки и слѣды, но никогда на цѣлую систему. Въ королевской тюрьмѣ въ Берлинѣ два поляка разговаривали между собою стукомъ, сидя въ разныхъ номерахъ и этажахъ, такъ, что играли даже въ шахматы. Самыя старательныя изслѣдованія показали, что иныхъ способовъ у нихъ не было и даже номера не находились одинъ надъ другимъ, а помѣщены были въ противоположномъ направленіи, наискось. Кромѣ этого примѣра, нѣмцы указываютъ еще на нѣкоего Шпауна, который былъ заключенъ въ 1826 году въ тюрьму въ Куфтейвѣ и пробылъ въ ней десять лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ получилъ въ сосѣди товарища, отдѣленнаго отъ него толстою стѣною. У Шпауна родилась счастливая мысль разговориться съ нимъ постукиваньемъ и онъ создалъ языкъ, который былъ чрезвычайно остроуменъ. Всего болѣе—само собою разумѣется—затрудняло его сообщеніе ключа лицу, которое, можетъ быть, не умѣло понимать по нѣмецки. Шпаунъ началъ съ того, что простучалъ въ стѣну 24 раза и продолжалъ маневръ до тѣхъ поръ, пока не заставилъ незнакомца понять, что въ этихъ 24 разахъ подразумѣваются буквы, выражающіяся стукомъ. Въ немного недѣль они успѣли въ быстрой и свободной бесѣдѣ разсказать другъ другу свою жизнь. Сосѣдомъ оказался г. М., впослѣдствіи сдѣлавшійся государственнымъ статсъ-секретаремъ и герцогомъ Б., и былъ довольно извѣстенъ. На свободѣ онъ не забылъ соузника, выхлопоталъ ему свободу и назначилъ пожизненный пенсіонъ. „C'est Spaun ou le diable“! вскричалъ министръ, спустя 10 лѣтъ, когда его посѣтилъ Шпаунъ въ Мюнхенѣ. Къ сожалѣнію, Шпаунъ, не смотря на всѣ хлопоты, ключа своего не повѣдалъ.

*) У нѣмцевъ этотъ способъ извѣстенъ подъ именемъ гакезена, отъ еврейскаго слова—гакке—стучать, ударять.

Одиночество замкнутаго человѣческаго духа, при отсутствіи всякаго искуственнаго способа къ духовному общенію, вынуждаетъ этотъ тюремный способъ разговора посредствомъ стука, уже давно существовавшаго въ народномъ употребленіи, хотя и не имѣвшаго спеціальной системы. Ремесленники металлическихъ издѣлій ушедшаго изъ мастерской мастера, подмастерья и ученика зовутъ каждаго особымъ ударомъ молотка. На улицахъ, гдѣ живутъ эти работники, такими способами быстро и ловко распространяются цѣлыя извѣстія по всей улицѣ. Телеграфисты, не глядя на депеши, просто на слухъ по стуку слышатъ и читаютъ депеши. Этимъ людямъ тюремныя системы разговоровъ въ настоящее время обязаны во многомъ своимъ развитіемъ и усовершенствованіями (особенно по морзовскому способу телеграфическихъ знаковъ). Телеграфическому способу удалось теперь обобщить всѣ существовавшія до него системы звуковыхъ разговоровъ. Наше одиночное заточеніе по американскимъ системамъ встрѣтитъ уже готовыя формы и, вѣроятно, не замедлитъ ими воспользоваться.

Существованіе языка по стуку извѣстно у насъ въ Россіи изъ книгъ, по неумѣнью примѣнить его неграмотными тюремными сидѣльцами и по тому обстоятельству, что одиночное заключеніе у насъ не практиковалось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ въ Европѣ. Но тамъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, языкъ стуковой не медлилъ своимъ примѣненіемъ и обнаруживалъ существованіе. Декабристы, сидя въ одиночныхъ камерахъ Петропавловской крѣпости, вели разговоръ черезъ стѣну и въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ тому способствовало устройство комнатъ, въ клѣткахъ, построенныхъ въ амбразурахъ. Разговоръ этотъ или вовсе не былъ возможенъ черезъ стѣны, идущія сводомъ,

или былъ ненуженъ черезъ деревянныя перегородки, гдѣ можно было разговаривать прямо въ полголоса. Если кто пѣлъ (другая форма разговора), то было все слышно и въ номерѣ напротивъ. Въ Роченсальмѣ примѣнялъ стуковую азбуку Вестужевъ-Марлинскій, сократившій по возможности безконечное стучанье 30 буквъ отечественнаго алфавита раздѣленіемъ ихъ на три десятка. „Недостатокъ этой азбуки (по словамъ его брата Мих. Алек.) состоялъ въ томъ, что гласныя и согласныя выстукивались одинаково медленнымъ стукомъ, которые все-таки надо было считать, что утомляло и ухо и голову и гдѣ слушающій безпрестанно смѣшивалъ гласныя съ согласными и заставлялъ повторять фразу, что было тяжелою пыткою для стучащаго“.

О примѣненіи звукового разговора по азбукѣ собственнаго изобрѣтенія М. А. Вестужевъ въ Петропавловской крѣпости даетъ слѣдующія любопытныя подробности („Русская Старина“, апрѣль 1870 г.):

„Я хотѣлъ узнать: есть ли живая душа въ моемъ сосѣдствѣ. Началъ стучать желѣзами въ одну изъ стѣнъ—нѣтъ отвѣта. Въ другой мнѣ отвѣтили едва слышными звуками слабаго стука. А что если мой братъ въ сосѣдствѣ? подумалъ я и засвисталъ мотивъ аріи, извѣстный только моему брату Николаю. Слышу, онъ повторяетъ этотъ мотивъ“.

Передъ тѣмъ временемъ, когда вносили ночникъ, М. А. Бестужевъ садился въ уголъ и тихо стучалъ пальцами въ стѣну. Въ отвѣтъ получалъ таковой же стукъ отъ брата. Каждый день съ той поры начинался взаимнымъ стукомъ полнаго похода, что означало: здравствуй! здоровъ ли? Когда же надо было прекратить стукъ изъ осторожности отъ наблюдателей, братья били пальцами отбой.

Для постояннаго разговора придумана была азбука, улучшенная въ устраненіе различныхъ затрудненій, напр. по поводу буквъ послѣднихъ въ азбукѣ, до которыхъ нужно было достукиваться десятками двумя-тремя ударовъ. Воспользовался М. А. при этомъ тѣмъ, что братъ былъ морякомъ „и знакомъ со звономъ часовъ на кораблѣ, гдѣ часы и склянка бьютъ двойнымъ краткимъ звономъ“. На этомъ основаніи онъ составилъ азбуку; гіероглифы ея начертилъ обожженнымъ прутикомъ, случайно выпавшимъ изъ вѣника, когда подметали комнату, на одной изъ страницъ IX тома исторія Карамзина, полученной для чтенія. „Согласныя были явственно раздѣлены отъ гласныхъ особеннымъ стукомъ *). Эта особенность давала возможность въ разговорѣ, ежели не дослышаны двѣ-три согласныя, ясный стукъ одной или двухъ гласныхъ давалъ возможность возстановить цѣлое слово, не требуя повторенія“. Слухъ, изнуренный напряженностью нервовъ въ тихомъ одиночномъ заключеніи, облегчалъ способы выслушиванья. Постукавъ по стѣнѣ письмомъ, полученнымъ отъ матери, М. А. получилъ въ отвѣтъ на слухъ тоже. Этого было довольно, чтобы начать стучать. Стучалъ онъ не пальцами, которые распухли отъ безпрестаннаго стучанія съ невыносимою болью въ ногтяхъ, а болтомъ желѣзныхъ наручниковъ, замѣненнымъ потомъ обожженною палочкою. Передавая послѣднюю при свидѣтеляхъ одной изъ сестеръ своихъ, онъ имѣлъ полное право сказать: „Prenez, c'est ma langue“!

Впослѣдствіи, въ разговорахъ при взаимной привычкѣ, братья изощрились такъ, что, прежде говоря фразу на полминуты чтенія съ разсвѣта до полудня, стали разговаривать такъ скоро и свободно, что бесѣда стуковая была немногимъ длиннѣе изустной. Потомъ рискнули даже выкинуть изъ согласныхъ 10 и изъ гласныхъ 4 буквы и стали догадываться о смыслѣ фразы по начальнымъ буквамъ.

„Много протекло скучно-томительныхъ дней на усовершенствованіе сношеній, на способы скорѣе передавать буквы, на знаки препинанія и предостереженія, на сигналы для вызова къ разговору, и проч.“. Но люди высшаго развитія въ тяжелыхъ условіяхъ одиночнаго заточенія съумѣли выдти побѣдителями при помощи разговора по стуку. Тамъ же, гдѣ не было келейнаго заточенія, гдѣ заключенникамъ приводилось жить совмѣстно обществомъ и общиною, тамъ, само собою разумѣется, являлся языкъ, искуственно-созданный изъ замаскированныхъ словъ,—образовался тюремный словарь.

Тюремный словарь не великъ. Ничего самобытнаго онъ не имѣетъ, и въ то же время, тою извѣстнаго рода оконченностью и богатствомъ, какія представляются, напр., въ языкѣ „картавыхъ проходимцевъ“ офеней и въ довольно полномъ байковомъ языкѣ мазуриковъ (музыкѣ), тюремный языкъ похвалиться не можетъ. Сочинялись или принимались слова съ вѣтру про дешевый обиходъ тюремнаго быта въ узкихъ интересахъ замкнутой жизни настолько, насколько это нужно было противъ приставниковъ, смотрителей и надзирателей. Кругозоръ не великъ и искуственно съуженъ такъ, что приводится говорить непонятно для другихъ въ немногихъ случаяхъ и не обо многомъ. Скрыть карточную игру, а не съ нею кое-какія недозволительныя въ тюрьмахъ удовольствія, предостеречь товарищей, сговориться съ ними,—для этихъ цѣлей съ двумя-тремя десятками словъ теремные сидѣльцы могутъ свободно и легко обходиться. Самые усердные разспросы въ десяткахъ сибирскихъ тюремъ привели насъ къ такой небогатой находкѣ, которою мы и подѣлились съ чи-

*) Здѣсь отличіе бестужевской азбуки отъ всѣхъ способовъ разговора стукомъ другихъ товарищей.

тателями, истративъ въ предыдущемъ текстѣ почти весь запасъ нашъ. Хотя и дошли до насъ глухіе слухи о томъ, что, напр., въ южныхъ русскихъ тюрьмахъ по казематамъ существуетъ другой языкъ, но фактическихъ доказательствъ тому мы не получили *). Очень можетъ быть, что кое-гдѣ и скопились небольшие и особенные словари при содѣйствіи остроумной изобрѣтательности, для которой нельзя опредѣлить предѣла, и при помощи тѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые садились съ готовымъ языкомъ. Товарищеская тюремная община не допускаетъ взаимныхъ секретовъ: какой нибудь конокрадъ или шерстобитъ не долго наскрытничаютъ со своимъ ламанскимъ или бродяга-нищій со своимъ кантюжнымъ языкомъ, когда увидятъ настоятельную необходимость его примѣненія на всякія вылазки и прикрытія. Извѣстно, напр., что мазурики разболтались и тюремный словарь имъ въ этомъ много обязанъ, потому что они-то по преимуществу частые, можно сказать, обычные тюремные сидѣльцы, составляющіе громадное большинство. По крайней мѣрѣ, новѣйшій словарь крупно основывается на „музыкѣ“. Изъ московскихъ и петербургскихъ тюремъ, напр., другихъ словъ, помимо воровскихъ, еще до сихъ поръ никто изъ наблюдателей не выносилъ и не заявлялъ. Но такъ какъ воровской языкъ „музыки“ ведетъ свое происхожденіе отъ древнихъ воровъ, языкъ которыхъ былъ, въ то же время, и языкомъ волжскихъ и другихъ разбойниковъ, то понятна и еще большая связь тюремныхъ словъ съ языкомъ воровъ древнихъ и новыхъ. Какъ первыми прежде, такъ вторыми теперь тюрьмы переполнены, обмѣнъ неизбѣженъ, взаимное обученіе обязательно. Самостоятельность могла проявиться лишь отъ вліянія большинства и тюремный словарь могъ отразить на себѣ характеръ этого большинства. Мы имѣемъ случай доказать это тѣми словами, которыя подмѣчены Ѳ. М. Достоевскимъ въ омской военной тюрьмѣ и которыя не входили въ пополненіе собранныхъ нами и не были считаны. Ихъ также очень немного: м е л к о з в о н ъ—обыкновенныя кольчатыя кандалы не изъ желѣзныхъ прутьевъ (первыя носятся снаружи, вторыя надѣваются подъ панталоны); ч и с т я к ъ—хлѣбъ изъ чистой муки безъ примѣси мякины, т. е. обыкновенный хваленый артельный хлѣбъ; с у ф л е р а—потаскуха, арестантская любовь; М а р ь я-и к о т н и ц а — обыкновенная арестантская болѣзнь, зависящая отъ обыкновенно дурной и преимущественно сухой, безъ приварка, пищи; И в а н ъ-т а с к у н ъ—та же желудочная болѣзнь съ болѣе сильными и острыми припадками, зависящая отъ тѣхъ же причинъ; с а м ъ-п а н ъ-т р э—нюхальный и с а м ъ-к р а ш э — курительный табакъ *), м а р ц о в к а—обыкновенная тюремная пища—вода съ хлѣбными корками, тюря (петерб. тюрьмы), и прочее, судя потому, насколько озлоблена и остроумна община тюремныхъ сидѣльцевъ. На этотъ послѣдній разъ въ ней чувствуется вліяніе солдатскаго юмора, присутствіе казарменныхъ остряковъ, потому что и въ самой тюрьмѣ указано сидѣть арестантамъ военныхъ ротъ, послѣ многихъ житейскихъ мытарствъ присужденнымъ на каторгу въ крѣпостяхъ Сибири. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ то же казарменное вѣяніе не исчезаетъ тамъ, гдѣ, напр., арестантскія щи называются ш у р и м у р и, острогъ—п а л о ч н а я а к а д е м і я, лишиться правъ состоянія—с л у ш а т ь с я б а р а б а н н о й ш к у р ы, счастье—ф а р т ъ, арестанты—б ѣ д н о с т ь, обмануть—о к о л п а ч и т ь. Само собою разумѣется, что сочиненіе новыхъ словъ по вызову и вдохновенію новой обстановки, не останавливалось за обиліемъ готовыхъ формъ, оттого и новыя выраженія: с т р ѣ л я т ь с а в а т ѣ е к ъ—бродяжить, п р о с т о к и ш к и п о ѣ с т ь—неудачно сбѣгать и пойманнымъ возвратиться обратно въ тюрьму, г о р б а ч ъ—бѣглый (за котомку за плечами), г р я з и н а ѣ с т ь с я—угодить на каторгу, п р о х о ж і й, г у л ь н ы й—бродяга, с в о е р у ч н ы й—фальшивый паспортъ (самодѣльный), м а р ш р у т ъ—буракъ съ припасами (сибирскій туезъ), ж е л т а я п ш е н и ч к а — контрабандное золото и проч. тому подобное, по случайнымъ вызовамъ и вдохновенію, которые не имѣютъ предѣла.

Это присутствіе сарказма, эти взрывы сердитаго остроумія съ безпощаднымъ самоуниженіемъ составляютъ характерную особенность всѣхъ разбойничьихъ пѣсенъ; оно же слишкомъ примѣтно и знаменательно въ сочиненіи словъ не только новыхъ, но и въ древнихъ тюремныхъ. Вотъ висѣлица—к а ч а л к а, тюрьма—к а м е н н ы й м ѣ ш о к ъ; застѣнокъ—н е м ш о н а я б а н я (гдѣ людей вѣсятъ, сколько кто потянетъ); стулъ желѣзный (орудіе пытокъ)—ч е т к и или монастырскія четки, кистень—г о с т и н е ц ъ, тайная канцелярія—с т у к а л о в ъ м о н а с т ы р ь, помойная яма—с у х о й к о л о-

*) Замѣчено, напр., что въ Сибири термины, употребляемые при игрѣ въ карты, совсѣмъ другіе. Это понятно изъ того, что по Россіи въ городскихъ тюрьмахъ, гдѣ можно доставать карты въ полномъ составѣ листовъ, арестанты играютъ въ три листика. Въ Сибири они начинаютъ играть въ едно, потому что добыча картъ затрудняется, а принесенныя изъ Россіи измызгались, остались посвѣжѣе лишь убереженныя бросовыя отъ двойки до семерки, не нужныя при подкаретной игрѣ. На нихъ-то и основывается сибирская арестантская игра въ едно со всѣми пріемами, а стало быть и терминами.

*) Въ гражданскихъ тюрьмахъ нюхательный табакъ—прошка, курительный—дымъ; селитра—гарнизонный и этапный солдатъ въ Сибири; они же кисла-шерсть въ русскихъ тюрьмахъ.

децъ, колодецъ— холодная баня; грабежъ—черная работа, воровство—походъ, мошенникъ—хлынъ, хлыновецъ, мошенничество—тихая милостыня, разбойникъ—углецкій выемщикъ, преступникъ—уголовщикъ, пьяный—сырой, тревога—мелкая раструска, огонь—виногоръ, воры—купцы пропалыхъ вещей, вино—товаръ изъ безумнаго ряда, каторга портовая и крѣпостная—холодныя воды, угнали вора въ Сибирь—улетѣлъ коршунъ за море („я не воръ, а воронъ-то еще летаетъ“—сказалъ Пугачевъ Суворову). Желѣзная клѣтка (въ которой возили на казнь)—камчатка, самоубійство—самосудъ, болтливый на допросахъ (откровенный)—нагой, разбойничьи притоны—волчьи гнѣзда, погоня—волна (волна ходитъ—погоня послана), дѣлать фальшивую монету—тянуть заповѣдное серебро и проч. Это дешевый и обычный пріемъ словосочиненія завѣщанъ и нынѣшнимъ мелкимъ ворамъ, которые составили и составляютъ уже настоящій искуственный языкъ. Въ немъ уберeглось немного словъ отъ старины: мазъ—атаманъ разбойничій начала прошлаго столѣтія, у мазуриковъ въ значеніи заводчика воровского дѣла и стараго опытнаго вора. Старинный же дульясъ (огонь) взятъ изъ языка офеней: дуликъ и дульясъ; дуванить—также, сламъ—оттуда же, яманъ—тоже общее слово. Хазъ разбойничій, въ смыслѣ избы, попадается намъ въ отверницкой рѣчи (Могил. губ.). Въ народной памяти изъ разбойничьяго языка сохранилось лишь только роковое выраженіе, страшное своимъ значеніемъ: „сарынь на кичку“. При лозунгѣ ясыкѣ или ясакѣ бурлаки этимъ обязаны были пасть ницъ и не шевелиться, пока разбойники не ограбятъ и не развѣдаются съ хозяиномъ судна. По объясненію В. И. Даля значило: чернь на носъ, т. е. иди бурлаки на носъ судна (сарынь—чернь, кичка—носъ судна), хотя можно толковать и такъ: клади деньги на голову, на шапку (сары у разбойниковъ деньги серебряныя, а кичка иносказательно очень легко могла быть съ головного убора перенесена на самую голову), по обычному пріему всѣхъ подобныхъ искуственно сочиненныхъ языковъ.

Содѣйствіе остроумія для иносказанія въ новѣйшее время отъ стараго объяснилось лишь тѣмъ, что опытъ и практика умудрили мастеровъ выражать понятіе короткимъ терминомъ, однимъ словомъ (у мазуриковъ: трясогузка—горничная, мѣховыя вещи—окорока, барышникъ—мѣшокъ, бѣлье на чердакѣ—голуби, кана—кабакъ, граблюхи—руки и проч.). Въ старину до этихъ иносказаній доходили не сразу, но рядомъ цѣлыхъ выраженій. Тогда же еще надо было, приводя понятіе, объяснить его и втолковывать: пустить рыбу ловить—утопить, судейское кресло—стулъ, на которомъ собачки вырѣзаны, палки (орудіе казни)—лоза, чѣмъ воду носятъ, воры—купцы пропалыхъ вещей („что не увидитъ, все купитъ, а ежели увидитъ что дешевое, то ночь не спитъ“, вора за купца современные мазурики приняли уже на слово); часовой—гремѣло, что по ночамъ въ доску гремитъ, вино—товаръ изъ безумнаго ряда и проч. Были, впрочемъ, и готовыя слова, изъ которыхъ старинные воры (напр., въ прошломъ столѣтіи) могли составлять цѣлыя темныя фразы, понятныя по языку и современныхъ мазуриковъ. У Ваньки Каина въ собственномъ его сказаніи встрѣчаются двѣ: „когда мазъ на хазъ, то и дульясъ погасъ“ (когда атаманъ въ избу, то и огонь погасили, выговорилъ онъ, когда забрался въ чужой домъ съ шайкою) и „трека калачъ ѣла, стромыкъ сверлюкъ страктирила“—съ воли сказалъ товарищъ заключенному, извѣщая его о томъ, что въ калачѣ, который онъ подалъ Христа-ради при сторожахъ-свидѣтеляхъ, положены ключи отпереть замокъ кандальной цѣпи. За то Каиново же сказаніе переполнено такими немудреными блестками дешеваго площаднаго остроумія, въ которыхъ уже нельзя не видѣть стремленія выработать новыя слова для обихода и въ которыхъ столь обычная тюремнымъ сидѣльцамъ озлобленность обнаруживается уже въ полномъ блескѣ.

Ванька Каинъ, какъ сбѣжалъ отъ помѣщика на воровской промыселъ, загубившій его душу, такъ и сострилъ, написавъ на господской стѣнѣ: „Пей воду, какъ гусь, ѣшь хлѣбъ, какъ свинья, а работай чертъ, а не я“. Затѣмъ онъ воровалъ и товарищамъ наказывалъ: „Бей во всѣ (въ овсѣ), колоти во всѣ, и того не забудь, что и въ кашу кладутъ“ (забирай все, ничего не оставляй). А уворовалъ, то и выговорилъ: „Тяпъ-да-ляпъ, клѣтка въ уголъ, сѣлъ и печка“. Острилъ онъ, живя и подъ Каменнымъ мостомъ въ Москвѣ (а „каменный мостъ воришкамъ погостъ: полъ да середъ сами съѣли, печь да полати въ паекъ отдаемъ; пыль да копоть, притомъ нечего лопать“). Острилъ онъ, когда жилъ и убивалъ на Волгѣ и убитыхъ завертывалъ въ „персидскій коверъ, что соль вѣшаютъ“ (рогожный куль). Когда шелъ грабить помѣщика Шубина, извѣщалъ его такъ: „Неужели у тебя лѣтней одежды нѣтъ, а всегда ходишь въ шубѣ? Почему и будутъ къ вамъ портные для шитья лѣтнихъ кафтановъ“. Переѣзжаютъ воры черезъ рѣку, офицеръ попадается и спрашиваетъ: „что за люди“?—молчатъ. Съѣзжаютъ на берегъ, отвѣчаютъ: „Ты спрашивалъ насъ на водѣ, а мы спрашиваемъ тебя на землѣ; лучше бы ты въ деревнѣ жилъ да овины жегъ, а не спрашивалъ проѣзжихъ“. Атаманъ отнялъ у офицера шарфъ и шпагу, но велѣлъ заплатить нѣсколько денегъ и отпустилъ. Ту же сословную озлобленность, вдохновленную лишеніями, несъ Каинъ съ товарищами повсюду,

во многія другія мѣста. Не переставалъ онъ острить и тогда, когда попадался на судъ: „Овинъ горитъ (бѣда нависла), а молотильщики обѣдать просятъ“ (надо дарить подьячихъ). Онъ и подкупаетъ, подьячему шепчетъ: „Будетъ тебѣ муки фунта съ два съ походомъ“, т. е. кафтанъ съ камзоломъ. А затѣмъ на судѣ: „согнулся дугой, и сталъ какъ другой, будто и не я“. И опять не прочь острить на допросѣ: „Ваня здѣсь дешева, стойка по грошу, лежанка по копейкѣ“; „Какой на господинѣ мундиръ, такой и на холопѣ одинъ“; „Всѣ вы нашего сукна епанча“, т. е. такіе же воры. Попавшись въ тюрьму и сидя въ ней, „молится Петру, чтобъ сберегъ сестру“, т. е. удалось бы убѣжать. Побѣгъ удается, потому что выручаютъ товарищи, которые умѣютъ темно говорить и хитро дѣлать. Они сами являются въ тюрьму подъ видомъ благодѣтелей съ подаяніемъ, сами предлагаютъ услуги и спрашиваютъ: „Не хочешь ли бѣжать изъ-подъ караула? У Ивана въ лавкѣ по два гроша лапти“. Сказанную фразу, до кого она касалась, понимали и въ сказаніяхъ Ваньки Каина сохранилась такая фраза на отказъ, что онъ объ этомъ думалъ съ товарищами и время къ побѣгу самъ хочетъ выбрать: „Чай примѣчай, куда чайки летятъ“.

Этими иносказаніями, этою игрою словъ пробавлялись тюремные сидѣльцы изъ воровского рода съ большимъ успѣхомъ еще въ серединѣ прошлаго столѣтія. Каинъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ на воровскомъ промыслѣ еще въ 1745 году; въ 1764 году онъ уже сидѣлъ въ Рогервикѣ (Балтійскій портъ). До него письменныя свидѣтельства о существованіи искуственныхъ языковъ слабы, но послѣднее не подлежитъ сомнѣнію по нѣкоторымъ намекамъ разныхъ старинныхъ актовъ. Такъ, напр., въ новгородскихъ памятяхъ сохранился страшно-картинный разсказъ о томъ, какъ царь Грозный, сидя за обѣдомъ у новгородскаго архіепископа Пимена въ его грановитой палатѣ, вдругъ вскочилъ изъ-за стола и вскричалъ грознымъ голосомъ „своимъ обычнымъ царскимъ ясакомъ“, послѣ чего московскіе люди схватили и ограбили архіепископа, немедленно бросились грабить Софію, церкви, монастыри, боярскія имущества, рубить гражданъ, жечь и пепелить славный и древній городъ *), Точно также на другомъ, противоположномъ краю Россіи въ актахъ бывшаго города Орлова (нынѣшняго Воронежа) сохранился такой разсказъ. 20 мая 1682 года изъ села Большихъ-Студенокъ отправилось 20 человѣкъ, а въ томъ числѣ пять женщинъ за рѣку Воронежъ на степь для борщу. „И переѣдучи рѣку Воронежъ на степь, на Юшины поля (гдѣ, вѣроятно, была посѣяна свекла—борщъ), заночевали. На утренней зарѣ напали на нихъ воровскіе люди, человѣкъ съ 20 и больше, пѣхотою (въ отмѣну отъ калмыковъ и татаръ, которые нападали на эти украйныя русскія селенія по неизмѣнному племенному обычаю—на коняхъ); напали съ ружьемъ, съ пищальми и съ саблеми, а знатно-де, что донскіе воровскіе казаки, а ясахомъ межъ себя говорятъ и называются атаманами-молодцами“.

Въ библіотекѣ казанскаго университета мы видѣли рукописную книжку „Описаніе Кричевскаго графства или бывшаго старостства Гр. Ал. Потемкина, въ ста верстахъ отъ Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губерніею“. Рукопись прошлаго вѣка. Въ ней, между прочимъ, попадается такое мѣсто: „Я думаю, что непротивно будетъ, если я упомяну здѣсь и о томъ нарѣчіи, которымъ всѣ кричевскіе мѣщане, портные, сапожники и другихъ мастерствъ люди, а особливо живущіе около польской границы корелы (не отъ кореловъ, а отъ грабежей своихъ такъ названные крестьяне) между собою изъясняются. Сіе нарѣчіе, подобно многимъ россійскимъ, а особливо суздальскому, введено въ употребленіе праздношатавшимися и въ распутствѣ жившими мастеровыми, которые, привыкнувъ уже къ лѣни и пьянству, принужденными находились для прокормленія своего оное выдумать и сплесть, дабы посторонніе ихъ не разумѣли и они всѣхъ тѣмъ удобнѣе обкрадывать и мошенничать могли“. Оно не основано ни на какихъ правилахъ и, кромѣ множества произвольныхъ вымышленныхъ, состоитъ еще изъ переломанныхъ нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Употребляемая между ними таковая рѣчь называется здѣсь „отверницкою“ или „отвращенною“. Авторъ „для любопытства“ прила-

*) Ясакъ въ значеніи знака, условнаго крика, маяка, отзыва, лозунга встрѣчается въ старинной пѣснѣ про Илью Муромца, которая говоритъ, между прочимъ:

Увивайте вы веселочки
Аравитскимъ краснымъ золотомъ;
Увивайте вы уключенки
Альентарскимъ крупнымъ жемчугомъ;
Чтобъ по ночамъ они не буркали,
Не подавали бы они ясаку,
Что ко злымъ людямъ, ко татарамъ.

По Волгѣ ясакомъ наз. до сихъ поръ всякій незнакомый, непонятный, чужой, иностранный языкъ; а ясакъ въ значеніи сигнала у разбойниковъ замѣнялся иногда тѣлодвиженіями. Въ орловскихъ (воронежскихъ) актахъ: «на курганѣ видѣли человѣка на лошади, который, снявъ съ себя шапку мoякомъ, бросилъ вверхъ; и къ нему со стороны наѣхало съ десять, а съ другой стороны съ двадцать». По Ратному уставу ясакъ—сторожевой опознавательный знакъ: «имѣти всякое береженіе и старосты и ясаки». Въ Нижегор. губ. ходячіе купцы не по русски говорятъ, а ясакомъ (то были зыряне-мѣховщики). У костромичей ясачный парень—рѣчистый, разговорчивый. При Елизаветѣ Вас. Вас. Голицынъ наказывалъ прислугѣ: «Кругомъ барскаго дома ходить, колотушками громко стучать, въ рожки трубить, въ доску звонить, въ трещотку трещать, въ ясакъ ударять (?), по сторонамъ не зѣвать».

гаетъ несколько словъ, глаголовъ и рѣченій этого языка. Вотъ все имъ приведенное: „Еперь укаврюка чуху—украдь у господина шубу; хлизь въ хазъ, а то Сергѣй смакшунитъ—иди въ избу, а то дождикъ замочитъ; клева кургаетъ—хорошо поетъ; манскъ химшаетъ—мой братъ хвораетъ; клева капени по лаудѣ—хорошенько ударь его по головѣ; гримусъ закотаетъ—громъ убьетъ; мощерникъ—сапожникъ, кулганникъ—портной, лохъ—мужикъ, баба—яруха (около-де Суздаля гируха *), сестра—унклытъ, попъ—кочетъ, еврей—кудлей, церковь—хазберница, игла—семирка (оттого что ихъ на денежку семь купить можно), чулки—теплухи, деньги—кривцы, рубли—кругляки, рожь—зедька, хлѣбъ—сумѣха, молоко—лапта, масло—тсекунъ, щи—лапуха, хрѣнъ—нахринъ, рѣпа—кругалка, морковь—солодуха, чечевица—лескушка, гречиха—кудрявка, овесъ—халбуръ, пшеница—бѣлуха, просо—цикаусъ, ячмень—акруша, пиво—милкусъ, вода—делька, вино—ардимаха, корова—алыда, овца—перхутка, голова—лауда или неразумница, дѣвка—шихта (а около-де Суздаля карата), мальчикъ—микрецъ, молодица—куба (а около Суздаля ламоха), продавать—кухторить, бѣжать—ухлывать, ѣсть—траить, напиться—набусаться, сидѣть—сеждонить". И все. Несомнѣнна связь языка этого и прямое происхожденіе отъ офеньскаго, по сходству большей части словъ. Замѣчаемыя же немногія различія, вѣроятно, слова того же офеньскаго языка, забытыя въ Ковровѣ (а не Суздалѣ) и сохранявшіяся здѣсь. Съ 1700 года, какъ извѣстно, офени разбрелись уже по всему лицу русской земли и даже переходили австрійскую границу, всюду называя себя особымъ народомъ мазыками. Съ ихъ стороны слѣдовали увѣренія, что они—потомки этого исчезнувшаго вслѣдъ за другими народа и жившаго будто бы въ IX вѣкѣ (что, впрочемъ, не доказано). Дѣйствительно въ IX вѣкѣ кочевалъ по Волгѣ народъ ясы или ясыки, которые, по нѣкоторымъ толкователямъ, у офеней превратились въ мясыки, мазыки, и проч. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи офеней называютъ различно: варягами, торгованами, коробейниками, ходебщиками, разносчиками, суздалами, офенями, маяками и проч. Во времена возвращенія Бѣлоруссіи къ Россіи, какъ извѣстно, въ числѣ средствъ закрѣпленія ея употреблены были различныя сильныя мѣры: бѣлорусскія конфискованныя въ казну имѣнія розданы были русскимъ вельможамъ: Голохвастовымъ, Чернышевымъ, Румянцевымъ и другимъ, а самыя огромныя количества деревень, городовъ и мѣстечекъ—Потемкину-Таврическому. Между ними досталось ему и мѣстечко Кричевъ, лежащій теперь на московско-варшавскомъ шоссѣ (въ Чериковскомъ уѣздѣ Могил. губ.). Потемкинъ, владѣвшій громадными средствами, болѣе всѣхъ другихъ воспользовался мыслью обрусенія бѣлоруссовъ и привлекъ въ свои имѣнія различныхъ ремесленниковъ въ такомъ числѣ, что бывшія его имѣнія (Дубровна, Кричевъ, Усвятъ въ Витеб. губ.) представляютъ наибольшія подобія съ русскими селеніями, чѣмъ всѣ другія сосѣднія мѣстности. Въ нихъ до сихъ поръ сохраняются ремесла и развиты промыслы сильнѣе, не смотря на весь гнетъ евреевъ. Такъ сказалось это при нашемъ посѣщеніи Бѣлоруссіи въ 1868 году. Въ этомъ привлеченіи въ край русскихъ людей въ видѣ ремесленниковъ и торговцевъ мы видимъ причину появленія и языка офеней, которые ходили сюда торговать и, при поощреніяхъ владѣльцевъ, осѣдали съ большою охотою на торныхъ дорогахъ и въ такихъ мѣстечкахъ, какъ Дубровна и Кричевъ. Когда ослабѣло поощреніе, они бродили, шатались и, не находя питанія, разбрелись врозь и, вѣроятно, по своимъ старымъ пепелищамъ. Всѣ наши старанія найти слѣды этого языка въ Кричевѣ и Дубровнѣ остались тщетными: отверницкая рѣчь у тамошнихъ мѣщанъ исчезла. По занятіямъ (земледѣльческимъ исключительно), по развитію, которое кричевцевъ и дубровенскихъ едва выдѣляетъ отъ тупыхъ и загнанныхъ бѣлоруссовъ, по господствующему дзекающему бѣлорусскому языку, мало остается основанія для предположеній о томъ, что языкъ этотъ живетъ и лишь тщательно сбереженъ и припрятанъ. Къ тому же, на всѣ темныя дѣла въ томъ краю кинулись съ такимъ азартомъ и въ такомъ многолюдствѣ евреи, что, помимо ихъ племени, никто не у дѣлъ и сквозь густую толпу ихъ, тѣсно сплоченную, никому уже теперь не протолкаться. Въ распоряженіи еврея такой замысловатый и темный языкъ изъ смѣси древнихъ еврейскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ словъ, что плутовствамъ всякаго рода неизмѣримое поле. Въ Пруссіи между нѣмцами нашъ еврей говоритъ по польски, между бѣлоруссами и поляками по нѣмецки, но такъ что съ трудомъ понимается коренными нѣмцами. Блестящѣе, полнѣе, темнѣе и успѣшнѣе картаваго еврейскаго жаргона едва ли употребляется гдѣ на свѣтѣ другой ему подобный и столько же счастливый. Въ Германіи языкомъ древне-еврейскимъ съ нѣкоторыми лишь урѣдованіями воспользовались городскіе мошенники и составили, какъ сказано выше, подобно нашимъ, искуственные мошенническіе словари.

О происхожденіи отъ древнихъ корней старорусскихъ „языковъ" (ясаковъ) новѣйшіе словари свидѣтельствуютъ теперь лишь ничтож-

*) По офеньски: гирый—старый, гирехъ—старикъ, гируха—старуха (замѣчательно, что у грековъ—heron; пять—пенда, pente, десять—деканъ, deka; пятнадцать—декапенда, dekapente. Впрочемъ, эта греческая примѣсь идетъ идетъ недалеко. Встрѣчается больше словъ новаго образованія и исковерканныхъ польскихъ и другихъ славянскихъ.

ными данными. Разбойничій дуванъ (дѣлежка), взятый цѣликомъ изъ татарскаго, удержался среди всѣхъ превратностей судьбы, бережно пронесъ свое право на существованіе и въ средѣ смирныхъ, но ловкихъ торговцевъ вязниковскихъ и ковровскихъ офеней, московскихъ и петербургскихъ карманниковъ (жуликовъ и мазуриковъ), отъ Ваньки Каина до сего дня, и остался въ нерушимой цѣлости и въ нерчинскихъ тюрьмахъ у арестантовъ; пошли послѣдніе дуванъ дуванить и на островъ Сахалинъ. Разбойничьи сары сохранились въ музыкѣ (сары, рыжая сара—полуимперіалъ золотой) и неизмѣнными съ примѣненіемъ лишь исключительно къ серебрянымъ деньгамъ (мѣдныя—курынча), сохраняются въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ. Отверницкая рѣчь за литовскимъ рубежемъ (въ Кричевѣ, на Сожѣ, Могилевской губ.) сохранила слово хазъ въ значеніи избы, то самое, которое выговорилъ атаманъ шайки на Волгѣ подъ Макарьевымъ и которое подслушалъ извѣстный проходимецъ Ванька Каинъ. Ему же извѣстенъ былъ дульясъ, какъ имя огня; тогда какъ то же слово и въ томъ же значеніи неизмѣнно обрѣтается въ словарѣ мирныхъ офеней-торговцевъ ходебщиковъ. Разбойничій атаманъ, мазъ по старинѣ, сохранился въ петербургской музыкѣ въ томъ же значеніи, измельчавшемъ лишь до прозванія заводчика воровского дѣла или стараго опытнаго вора. Татарскій яманъ (скверный), которымъ распоряжались волжскіе разбойники въ прошломъ столѣтіи по всѣмъ грамматическимъ правиламъ склоненій родного языка, остается извѣстнымъ и нерушимымъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ наши дни на языкѣ петербургскихъ мазуриковъ *).

По сличеніи всѣхъ этихъ искуственныхъ языковъ одного съ другимъ нельзя не замѣтить общаго всѣмъ стремленія встать въ независимость, отдѣлиться для самостоятельнаго существованія. Цѣль достигнута. Оттого-то не только трудно, но и почти невозможно узнать и доискаться теперь до корня, до тѣхъ прадѣдовъ, отъ которыхъ выродились позднѣйшія многоколѣнныя семейства; черты сходства остались неясными и немногочисленными. Вотъ и примѣры: прежде всего наталкиваемся на того неизмѣннаго друга, для котораго у русскихъ людей придуманы цѣлые десятки словъ и прозваній, отъ нѣжныхъ ласкательныхъ до грубыхъ ругательныхъ, какова водка, вино. У офеней она зовется гамза, гамзыра и дрябка; въ отверницкой рѣчи извѣстна подъ именемъ ардимахи, въ мазурницкой музыкѣ зовется канка и кановка, на арестантскомъ языкѣ въ тюрьмахъ—хамло, у скрыпенскихъ коноваловъ—лофейка, старинные разбойники называли ее—товаромъ изъ безумнаго ряда. Роковое мѣсто—тюрьма, прозванная офенями качуха, у спеціалистовъ-арестантовъ называется: у сибирскихъ чижовка, у русскихъ—кучумка и въ болѣе строгомъ смыслѣ у каторжныхъ арестантовъ (военныхъ)—палочная академія. Древніе разбойники звали ее „каменный мѣшокъ“.

Русскія слова.	Офеньскія.	Отверницкія.	Музыка.	Тюремныя.
Деньги.	юсы	кривцы	бабки	сары и курынча **)
Женщина.	куба	яруха	маруха	мазиха и суфлера
Рубль.	хрустъ	круглякъ	царь и дерсъ	сѣдой (у коноваловъ) бирсъ (у барышниковъ)
Изба и дворъ.	ряха, рымъ	хазъ (тоже у стар. разбойник.)	куреха, домуха, домовуха	—
Купецъ.	пулецъ	кухторь	аршинъ	майданщикъ
Мальчикъ.	ласый	микрецъ	долото	—
Щи.	пучки	лапуха	—	шури-мури
Овца.	моргуша	перехутка	—	басаргуля (у шерстобитовъ)
Продать.	протулить	кухторить	тырить	—
Кнутъ и плеть.	визжакъ и визжеха	—	минога и манны	лыко и адамово лыко
Солдатъ.	трущъ	—	бутырь, фараонъ, паукъ	селитра
Опасность.	—	—	стрема, мокро, двадцать шесть	вода
Хлѣбъ.	сумаръ	сумѣха	—	чистякъ
Шуба.	бурьмѣха	чуха	теплуха	—

У офеней гривенникъ—марошникъ, у мазуриковъ—жирманникъ; у офеней полтина—ламиха, у конныхъ барышниковъ—деръ; четвертакъ у барышниковъ—секана, секисъ, у мазуриковъ столичныхъ—жирма-бешъ, у коноваловъ—хрустъ; цѣлковый у коноваловъ, напр.,

*) Музыка или словарь карманниковъ, т. е. столичныхъ воровъ, которымъ мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ, составленъ въ 1842 году, провѣренъ и дополненъ сообщеніями новыхъ и подтвержденіемъ старыхъ словъ въ 1869 году.

**) Курынча тюремная встрѣчается у офеней въ названіи пятака мѣднаго (куренша).

скрыпенскихъ—сѣдой, у конныхъ ярмарочныхъ и столичныхъ барышниковъ—бирсъ. Сто у офеней—пехаль, по музыкѣ—капчукъ; день у офеней—бендюкъ, у шерстобитовъ—волгажъ. У офеней пѣтухъ—ворыханъ, у шерстобитовъ, напр., кинешемскихъ—гогусъ; кровь у офеней—вохра и кира, у шерстобитовъ—канъ, гривна у офеней—маруха, у мазуриковъ—трешка, у барышниковъ—жирмаха; рука у офеней—хирьга, у мазуриковъ—граблюха, у шерстобитовъ—бира; штаны у офеней—шпыни, у сибирскихъ шерстобитовъ—чинары, у мазуриковъ—шкеры и проч. Вотъ нѣсколько словъ шерстобитовъ (изъ языка такъ называемаго кантюжнаго): самоваръ—беззаботный, жеребецъ—агеръ, давать—дякать, ящикъ—шмякъ, вѣникъ—било, два—кокуръ, пила—зубила, колоколъ—звонаръ, зубы—жоры и жоръ, колемить, заколемить — захворать, овца—басаргуля, скоро—башково, кукушка—гадайка, пирогъ—елесникъ и проч. Нѣсколько словъ скрыпенскихъ коноваловъ: клева, неклева (общее), съюхтить—получить доходъ, схизнуть—бранить, бакулить—говорить, облобызать — своротить съ дороги для разговора, сакъ—сюда, ламашникъ—полтинникъ (общее). Счетъ ихъ указанъ дальше *).

Въ этомъ общемъ стремленіи на отдѣлъ, для самостоятельнаго существованія на правахъ полнѣйшей независимости, придумывались слова, прикрывающія тайну пріемовъ извѣстнаго ремесла и промысла, чтобы скопившійся изъ нихъ словарь зналъ не всякій; а смышленый человѣкъ, спознавъ одинъ, могъ бы блуждать и заблудиться, попавъ въ трущобы другого словаря. Выдумка новыхъ словъ въ замѣну истаскавшихся старыхъ въ этихъ случаяхъ, прежде всего, являлась на выручку. Зазнавшій, напр., голову за „неразумницу“ (въ отверницкой рѣчи) не распознаетъ ее въ позднѣе придуманномъ прозвищѣ „лауда“. Слышали прежде и узнали всѣ часы за веснухи,—теперь же вмѣсто нихъ и у тѣхъ же мазуриковъ слышится новое прозвище бани; прежняя музыка предостерегала ходящихъ по ней объ опасности словами: стрема и мокро,—теперь говорятъ неизвѣстно почему „двадцать шесть“. Прежде по музыкѣ мошенникъ назывался французскимъ словомъ „жоржъ“, теперь откровенно по русски и не безъ нѣкотораго поползновенія на остроуміе назвался „торговцемъ“. Прежде сыщику было званіе „фидарисъ, фига, подлипало“, — теперь: „двадцать пять“ и придумано всему комплекту ихъ общее новое названіе „чертова рота“. Кошелекъ съ деньгами назывался шмель, теперь „шишка“; бумажникъ—финалъ, шмука, теперь „лопатка“ и „боковня“. Рубль у мазуриковъ оказывался и „колесомъ“, и „царемъ“,—теперь, по новому, это „дерсъ“; полицейскаго же они звали „каплюжникомъ“, теперь согласились называть гуртомъ прежняго фараона и бутыря (буточника) — паукомъ; прежде „начудилъ“ теперь наѣздилъ, если сдѣлалъ неудачную кражу, сдѣлавшуюся открытою, и проч. По вызову различныхъ нововведеній, конечно, явились новыя слова уже не для прикрытія, а по необходимости: явилась „халдыговина“—конная желѣзная дорога (у петербургскихъ мазуриковъ); про арестованнаго по приговору мирового судьи говорятъ, что онъ „на мѣстѣ“.

Въ хорошемъ, болѣе законченномъ языкѣ (какъ, напр., въ офеньскомъ), для лучшаго укрытія отъ любопытнаго и любознательнаго уха, на одинъ предметъ и понятіе существуетъ по нѣсколько иносказательныхъ выраженій: ѣсть—ефить, троить, брясть; дѣвица—корюкъ, карета, карюха; водка—гамза, гамзыра, дрябка; огонь—дульясъ и дуликъ; работникъ—наепшурникъ, прилешъ; сынъ—фетякъ и лащина; пирогъ—спидонъ и кундякъ, а такъ какъ по деревнямъ гостепріимно кормятъ пирогами всякаго захожаго человѣка, то, напр., и у шерстобитовъ (волнотеповъ) имѣется для него особое имя—елесникъ; божиться—стодиться (потому что Стодъ—Богъ) и щедиться и проч. Въ музыкѣ, по богатству словъ уступающей только словарю офеньскому (торговому), точно также на деньги два слова: сара и бабки, на платокъ три: лепень, шемяга, персякъ, на избу также три: куреха, домуха, домовуха; бѣжать—хрять и лататы; ничего, не бѣда—сухари! шманалъ! шинель—шельма и накидалище; вынуть изъ кармана—выначить и срубить; соединиться въ шайку—стабуниться и склеиться; лакей—алешка, Алексѣй Алексѣичъ, уксусъ,—лакъ, халдей—денщикъ, похороны—халтура и проч.

Многія слова утратили секретъ и, прорвавшись въ обще-народное употребленіе, перестали считаться пригодными для обихода въ темномъ ремеслѣ, въ плутовскихъ изгибахъ его, и не перестали лишь смущать близорукихъ собирателей словарей этихъ. Въ мазурницкой музыкѣ мы находимъ такія слова: одѣть—оболочь, бѣжать и убѣжать—хрять и ухрять; попасться въ преступленіи—влопаться; скрыть, заслонить—затылить; для виду—для близиру; сдѣлать неудачную кражу—начудить; чертоплешина—плюха по затылку; труба—вздоръ, пустяки; жуликъ, который означаетъ по музыкѣ и по офеньски ножикъ, по музыкѣ же и мальчика-ученика воровскому дѣлу, перенесено въ Москвѣ на самыхъ мастеровъ про-

*) На сибирскомъ трактѣ черезъ Арзамасъ и Лукояновъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ, между станціями Тальцинымъ и Олевкою, находится это село Скрыпино (210 дворовъ) въ сосѣдствѣ съ селами и деревнями: Княжуха, Шамарино, Марьино, Ростиславка, Ратманово, Назарово, Пасыпаевка, Елушево, Чуварлей, Ямское и друг. Во всѣхъ живутъ коновалы въ количествѣ до тысячи душъ. Ходятъ на востокъ и въ Сибирь.

мысла; пропить, промотать—проюрдонить *); у офеней пащенокъ (дитя, ребенокъ), масья (мать), скрыпы (двери) и глаза—зеньки. Всѣ эти слова знаютъ всѣ петербургскіе мастеровые, многіе изъ этихъ словъ употребляютъ люди и повыше полетомъ.

Само собою разумѣется, что богатство словъ сосредоточивается тамъ, гдѣ вращается и самый промыселъ. Темное дѣло, прикрытое темными условными словами и выраженіями, на этотъ разъ обнаруживаетъ свои живые пункты и поле дѣятельности во всей наготѣ.

Въ такихъ случаяхъ и обиліе словъ и хлопотливая изобрѣтательность ихъ являются въ отчетливомъ видѣ; здѣсь на ворѣ и шапка горитъ. А такъ какъ все это творится для денегъ, все это вдохновляется ими, то этотъ предметъ и исчерпанъ всѣми до предѣловъ возможнаго и вѣдомаго, и потому объ нихъ-то и первая рѣчь наша. По таблицѣ, приведенной выше, видимо разнообразіе прозваній самыхъ денегъ и одного изъ крупныхъ и основныхъ представителей ихъ—бумажнаго и серебрянаго рубля. Кто на послѣднія видоизмѣненія рубля и денегъ не ходитъ за недосугомъ, но петербургскіе мазурики различили свои финашки, финаги (бумажныя деньги, ассигнаціи), какъ офени свои пельмахи, отъ сары и царей (серебряной монеты) и отъ рыжихъ, веснушныхъ (денегъ), отъ рыжиковъ—червонцевъ и рыжей сары—полуимперіаловъ, потому что эти деньги въ рукахъ ихъ бывали зачастую, также онѣ знакомы и офенямъ (подъ не хитро придуманнымъ прозваніемъ куклота). Послѣдняго сорта монета неизвѣстна ни коннымъ барышникамъ, ни мелкотѣ промышленникамъ шерстобитамъ и коноваламъ. За то у всѣхъ извѣстны подъ своими именами гривна (маруха у офеней, трешка у мазуриковъ, жирмаха у конныхъ барышниковъ), пятачекъ,—пензикъ у первыхъ, пискарь (мѣдный), пискарекъ (серебрянный) у мазуриковъ; полтина (ламиха офен., ламышникъ мазур., деръ барышн.), четвертакъ, исчезнувшій изъ употребленія (жирма-бешъ у карм., секана и секисъ у барышн.); цѣлковый (хрустъ офен., круглякъ отверницкій, царь и дерсъ по музыкѣ, сѣдой у коноваловъ, бирсъ у барышн.); копейка (трофилъ офенс., канька и каника у мазур.). А такъ какъ на руки офеней чаще и больше другихъ перепадаютъ деньги, то у нихъ есть слова и на грошъ (башъ), и на денежку (батень), и на трехгривенный (хрустъ съ пензикомъ). Умѣютъ считать они и до тысячи, которую зовутъ косухою (значеніе слова этого у мазуриковъ ослаблено переносомъ на сотню—косуля—и эти купцы пропалыхъ вещей дальше сотни рублей не считаютъ и счета не знаютъ). У офеней, обязавшихъ себя вѣчными счетами и выкладами, это дѣло затемнѣно больше всѣхъ и офеньскій счетъ полнѣе всѣхъ и совсѣмъ другой, чѣмъ, напр., у лошадиныхъ барышниковъ и у скрыпенскихъ и другихъ коноваловъ.

*) Юрдовка, какъ мы указали, особая игра въ карты.

С Ч Е Т Ъ.

Обыкнов.	Офенскій.	Галивонскій (шерстобитовъ) и конныхъ барышниковъ.
одинъ	екон	екон
два	здю, взю	кекуръ
три	стремъ	стема, кумаръ
четыре	кисера	дщера, чивакъ
пять	пинда	пенда, вычусъ
шесть	шонда	шонда
семь	сезюмъ	сезюмъ
двугривенный	сезюмаръ	сезюмаръ
восемь	вондера	
девять	девера	кивера
десять	деканъ	деканъ (марнъ у скрып. коноваловъ).
одиннадцать	екодцать	
двѣнадцать	здюнадцать	двадцать пять—хрустъ у скрып. коноваловъ.
тринадцать	стремнадцать	
четырнадцать	кисернадцать	
пятнадцать	деканъ-пинда	
пятіалтынный	пенда-берюнды	пенда-куренша—пятачекъ
шестнадцать	шондатцать	
семнадцать	сизюмнадцать	
восемнадцать	вондарадцать	
девятнадцать	девернадцать	
двадцать	здю-декановъ	тридцать - трехмарнъ (у скрып. коноваловъ).
сорокъ	кивера-декановъ	
пятьдесятъ	пенда-декановъ	
восемьдесятъ	вондера-декановъ	
четвертакъ	вондера-сизюмъ-трофель	
девяносто	деверъ-декановъ	
сто	пехаль	
тысяча	косуха	
полтина	ламиха	

Затѣмъ, само собою, по зависимости отъ предметовъ торга и купли, офени-торговцы поспѣшили заручиться своею терминологіею, которая даетъ словарный сборникъ количествомъ словъ больше тысячи. По способу мѣновой торговли, каковая не гнушается вымѣномъ всего, что придется на руку (и вымѣниваетъ, между прочимъ, съ такими неслыханными барышами, болѣе чѣмъ сто на сто проц.): и яйцы (ягреняты), и ложки (свербалки), и медъ (емеля), лапти (верзень), пшеницу (кундешница), масло (ласо), всякій хлѣбъ (сумаръ), лошадь (ло-

вакъ, острякъ), овесъ (щуплякъ), ячмень (сахарь), рожь (зеха) и проч. Мужику (лоху) и бабѣ (кубѣ) и молодицѣ (ламохѣ) и красной дѣвицѣ (каратѣ, карюхѣ) съ завистливыми и склонными на соблазнъ глазами торговецъ-ходебщикъ и офеня ѣздовой отдаютъ на обмѣнъ все, что надо, что имъ самимъ навалили въ Москвѣ (въ Батусѣ) на кредитъ изъ залежнаго и праховаго товара: гребень (дербужникъ), стаканъ и рюмку (бухарникъ, бухарку), ситецъ (лепешникъ), платокъ (лепень), сукно (шерсно, вехно), ножикъ и ножницы (жуль и жульницы), стекло и посуду всякую (звеньеху), рукавицы (нахирехи), топоры (машурики), пояса (подбалы), сальныя свѣчи (щедреги), а на лакомой вкусъ богатаго мужика и чай бусильникъ (бусильникъ оттого, что люди пьютъ, его—бусятъ), и сахаръ сластимъ, и зеркала вершальницы (затѣмъ, что вершить—глядѣть въ нихъ надо) и другое тому подобное. Для такихъ дѣлъ у офеней и брысы (вѣсы) такіе сдѣланы, что брысятъ съ походомъ всегда на его сторону. Пропуливаетъ пулецъ—продаетъ купецъ этотъ вяло и рыхло (много и скоро), больше шраго, чѣмъ склешево (дороже, а не дешевле) и за то ерчитъ на громати на своемъ ловакѣ, а не похлитъ на стухахъ (ѣздитъ на телегѣ на собственной лошади, а не ходитъ пѣшкомъ на своихъ ногахъ съ коробомъ на горбѣ), да еще сверхъ того; седмаетъ въ рахѣ на дудоргѣ, тротъ вятелку за стропенемъ, сафаетъ скрыжами кундешные кундяки и забусываетъ (на худой конецъ) чкуномъ, а чаще всего клыгой, а не то и керомъ (т. е. въ избѣ, на лавкѣ ѣстъ утку за столомъ, мнетъ зубами пшеничные пироги и запиваетъ квасомъ, брагой, а не то и пивомъ). На крестьянскаго обманщика собаки не лаютъ, а мужичью голову не даромъ прозвали на Сожѣ неразумницею: бузу (бѣднаго) отъ стодена (богатаго) лоховой обзетильщикъ (крестьянскій обманщикъ) не распознаетъ. И все-таки „котюры скрыпы отвандаютъ, поханя севраетъ шлякомова въ рымъ, нидонятъ дрябку въ бухарку, гируха филосы мурляетъ, клюжаетъ и чупается (ребята ворота отворяютъ, хозяинъ зоветъ знакомаго въ домъ, наливаетъ водку въ рюмку, хозяйка блины печетъ, подаетъ и кланяется): „Спасибо еще и за то, что мимо двора не проѣхалъ“. За мужикомъ сплошь и рядомъ у торгована шилку скень (долговъ много). Хоть офеня и знаетъ Стода (Бога), но не лучше нефедя и скеса (еврея) бусаетъ лохову гиру (пьетъ крестьянскую кровь); видку (правду) только по имени знаетъ. Офени говорятъ: „Масья! ропа кимать, полумеркоть, рыхло закурещатъ ворыханы“ (мать, пора встать, полночь, скоро запоютъ пѣтухи). „Да, позагорбилъ басвѣ слещить: астона басвинска ухалила дработницой“ (да, позабылъ тебѣ сказать: жена твоя померла весною).

Точно также въ отверницкой рѣчи встрѣчаемъ наибольшее богатство прозваній тѣхъ продуктовъ, которые служили предметомъ торговли и промысла. У офеней мы не видимъ того, у мазуриковъ не мыслима необходимость знанія гречихи (кудрявки), чечевицы (лескушки), проса (цикауса). Кричевскіе торговцы, жившіе въ болѣе южныхъ и теплыхъ мѣстахъ, возымѣли въ этомъ отношеніи преимущество даже передъ проходимцами сѣверными офенями. Кричевскіе знаютъ и нахринъ—хрѣнъ, и кругалку — рѣпу, и солодуху—морковь. Все это они могли вымѣнивать и на семирки (иголки), и на теплухи (чулки) и проч.

А вотъ и еще художники, которые вертятся и вращаются также около своего темнаго дѣла и стараются затемнить его больше и такъ, чтобы сторонніе ихъ не узнали. Эти также какою рѣкою плывутъ—ту и славу кладутъ, и у нихъ, гдѣ дрова—тамъ и щепы. Воруетъ мазурикъ и то, что на глаза попадается, и что легче украсть, и на что онъ большой охотникъ и мастеръ. Оттого у нихъ шубы—теплухи, мѣховыя вещи—окорока бѣлье на чердакахъ (не безъ остроумія)—голуби, посуда—звенья, кафтаны, шинели—шельмы, подушки съ извозчичьихъ саней—мякоть, шапки—камлюхи, и сапоги—коньки; все предметы добычи (тырбана) и дѣлежки (слама). Но такъ какъ мазурикъ больше ходитъ около кармановъ, „беретъ съ верховъ“, т. е. изъ наружныхъ (оттого и карманникъ), то при обширномъ полѣ для дѣятельности и богатство словъ для названія вещей и предметовъ промысла: табакерка — лоханка, скуржаная—серебряная, рыжая или веснушная—золотая, часовыя цѣпочки—гопа, не шейныя короткія—путина и первязь, длинная шейная—арканъ, бумажники — дождевики и лопатники, кошельки съ деньгами—шмели, лорнеты—камбалы, кольцы — обручи, драгоцѣнные камни—сверкальцы, перчатки — грабли, театральныя трубки—двуглазыя, портмонэ,—кисы, сакъ-вояжи, чемоданы и мѣшки—шишки. А такъ какъ въ такихъ вещахъ вытаскивались и деньги, то на каждый видъ ихъ и форму существуютъ отдѣльныя названія: деньги—сара (старыя), бабки (новыя), ассигнаціи—финаги и финашки, трека—трехрублевая, синька—пятирублевая, канька и каника—копейка, трешка — трехкопеечникъ, пискарекъ—пятачекъ, пискарь—мѣдный пятакъ, жирмашникъ — гривенникъ, ламышникъ—полтинникъ, осюшникъ — двугривенный, жирма-бешъ—четвертакъ, стремчаговый—трехрублевикъ, царь—цѣлковый, капчукъ — сторублевая бумажка, косуля—тысяча и проч. Платокъ—лепень, но шемяга—носовой обыкновенный, персякъ—шелковый. Часы прежде назывались веснухи и веснушки, но такъ какъ слово это узнали всѣ, то сталось новое—бани, а за то, что они чаще служатъ предметомъ добычи

и попадаютъ въ руки всякія, то и зовутся: стуканцами—стѣнные, канарейками — карманные, рыжими—золотые, скуржовыми—серебряные. По причинѣ же того, что у такихъ художниковъ бѣда всегда виситъ на вороту, то и выкриваютъ близость опасности (стремы) либо этимъ придуманнымъ слово, либо говорятъ „мокро“, когда видятъ стрѣлу—казака, михлютку — жандарма, каплюжника или гуртъ—полицейскаго, фигу, чертову роту, двадцать шесть—сыщика; мухорта—статскаго человѣка, наблюдателя, барчука—франта, свидѣтеля, изъ военныхъ—талыгая, паука — городового, денщика—Алешку, лакея—уксусъ, лакъ; хера (пьянаго) не боялись, жоха—нищаго, подбивали въ свою компанію и давали сламъ. „Отначивались“ (откупались) въ старину и отъ „крючка“—письмоводителя въ кварталѣ, и отъ „кармана или выручки“, т. е. самого квартальнаго надзирателя, и отъ „клюя“ или ключая—слѣдственнаго пристава, и „скипидарничали“, гуляли на волѣ, находясь въ подозрѣніи. За „ломотою“ (побоями) не гонялись и „секуцію“ принимали съ легкимъ сердцемъ.

Такъ какъ на большую часть все это были бродяги, съ фальшивыми паспортами и часто безъ всякихъ видовъ, то мастерили свои и опять обогатили свой языкъ различными новыми, нигдѣ уже не попадающимися словами. Вышли безглазые, темные, т. е. безпаспортные и слѣпыши (бродяги настоящіе), съ липовымъ глазомъ, темнымъ, яманнымъ глазомъ (фальшивымъ паспортомъ, потому что настоящій по музыкѣ называется просто глазомъ, а иногда биркою и картинкою; торговали „пчелами“—фальшивыми бумагами, но, конечно, больше и чаще всего воровали, сбывали стыренное (ворованное) мѣшкамъ (пріемщикамъ) Ходили тырить на клей (воровать на готовое) послѣ подвода (подготовки) на двое, или „ходили въ одиночку“, воровали особнякомъ или „стабунивались“, склеивались (т. е. соглашались вмѣстѣ), сбивались въ шайку, въ „хороводъ“ (товарищество) и „гопали“ (бродили по улицамъ, ночевали на нихъ). Иногда въ карманахъ ничего не находили, „шманъ, сухари“, но, добившись цѣли, дѣйствовали. Въ дѣло употребляли коловороты—„вертуны“, для „сережекъ“ (замковъ), пускали въ ходъ „помаду“ (долото), фомку (маленькій ломъ), „крючки“ (небольшія отмычки), „стриканцы“ (ножницы), „жулики“ (ножи) и т. д.; хаживали и на шарапъ (грудью, приступомъ брали), и на храпокъ (схватывали за горло), и на душецъ и подъ микитки, „схватывали за дыхало“, т. е. душили, зажавши ротъ и ноздри *). За то ловкій человѣкъ, когда трокнулъ, т. е. попадался и садился въ тюрьму, то выходилъ изъ тюрьмы либо „съ нашимъ почтеніемъ“ (въ подозрѣніи), либо „съ нижайшимъ почтеніемъ“ (въ сильномъ подозрѣніи), либо, наконецъ, „съ нижайшею благодарностью“ (въ глубокомъ подозрѣніи). Эти обыкновенно отдѣлывались только тѣмъ, что „пробирали ихъ дробью“, т. е. (наказывали розгами), а затѣмъ они опять сидѣли по старому въ „капнѣ“ (кабакѣ) или „шатунѣ“ (погребкѣ), опять искали поживы на „задѣльяхъ“ (свадьбахъ), „уборкахъ“ или „халтурахъ“ (похоронахъ). Краденное, „тыренное“ перетыривали (перепродавали), т. е. спурили, пропуливали въ надежныя руки. Иногда удавалось „ухнуть“—уѣхать на подговоренномъ извозчикѣ, иногда удавалось „влопаться“ только, т. е. попастся неопасно, а иногда и „сгорѣть“, т. е. попасться до ссылки, до „мантовъ“ (плетей) и до прогулки „за Бугры“ (т. е. за Уральскій хребетъ), спознавшись и съ кирюшками (палачами), прокатившись и на „фортункѣ“ (позорной колесницѣ), и наѣвшись миногъ (т. е. получивъ наказаніе плетьми. „Смѣряли стекла“, выдавливая ихъ, намазывая медомъ или патакою сахарную бумагу; тѣмъ же медомъ смазываютъ и стыренныя деньги, чтобъ не звенѣли. Главныя достоинства въ этомъ промыслѣ умѣть во время „зетить, стремить“, зорко озираться и глядѣть, умѣть „агалчить“—во время предостеречь товарища, толкнувъ его; во время „трекать“ (оглядываться и вытаскивать изъ кармана), умѣть „заливать“—обходить, заговаривать сыщика, справедливо „тырбанить“ (добычу дѣлить), остерегаться „амбы“ (смертельныхъ ударовъ) и „дуги“ (невѣрныхъ справокъ при рекогносцировкѣ), чтобы „не наѣздить“ (новое слово — не сдѣлать неудачной кражи) и не попасть въ „кряковки“ (т. е. чтобы не связали рукъ).

— Ухрялъ было (печалится мазурикъ мазурику, ходя по музыкѣ, т. е. говоря своимъ байковымъ языкомъ), ухрялъ было вечоръ, съ бутыремъ справился, да стрѣла подоспѣла и облопался (казакъ прискакалъ и попался).

Предостерегаютъ другъ друга: „Стрема! стремитъ михлютка“! (жандармъ смотритъ, берегись!).

Хвастаются: „Вечоръ я было влопался (попался), насилу фомкой отбился, да, спасибо, звонокъ (товарищъ-мальчишка), со стороны поздравилъ каплюжника дождевикомъ“ (бросилъ въ полицейскаго камнемъ). Или: „Срубилъ шмель, выначилъ скурлажную лоханку“ (вытащилъ кошелекъ съ деньгами да серебряную табакерку).

*) Фомка — короткій желѣзный прутъ для свертыванія «сережки» (т. е. висячаго замка). Камышевка—большой въ 1/2 аршина ломъ; имъ очень ловко поднимаютъ двери съ петлей или крюковъ. Отмычка подходитъ къ большей части замковъ, а для хорошаго внутренняго замка дѣлается ключъ по восковому слѣпку, отъ ключа же или отъ замочной скважины. Камышевку—ломъ прячутъ, подвязывая веревкою, обходящею вокругъ тѣла, и носятъ въ шароварахъ (въ ней пудъ вѣсу).

Разспрашиваютъ другъ друга: „Во что кладетъ мѣшокъ веснухи“? (во что барышникъ-перекупень цѣнитъ часы?) — „Я правлю три рыжика, онъ четыре колеса кладетъ“ (я прошу три золотыхъ, онъ четыре цѣлковыхъ даетъ).

Печалятся о товарищѣ: „Онъ вѣдь ужъ ѣлъ миноги и спроваженъ, не чиста была бирка“ (наказанъ и высланъ, паспортъ былъ фальшивый), и проч. и проч.

На языкѣ офеней переписывались бѣлокриницкіе (австрійскіе) раскольники съ московскими и вообще живущими внутри Имперіи. Похожій на офеньскій существуетъ языкъ у кинешемскихъ и вообще костромскихъ, макарьевскихъ и кологривскихъ шерстобитовъ, уходящихъ въ Восточную Россію, „въ Сибирь“ (какъ они называютъ), и шерсть бить, и коновалить и колдовать. Имѣется свой языкъ у буевскихъ мелочниковъ-гребенщиковъ, ходящихъ по столичнымъ дворамъ съ козлинымъ выкрикомъ: „щетки-гребенки“ и съ ящикомъ за спиною. Подмѣченъ искуственный языкъ у нищихъ, гдѣ нищенство превратилось въ правильно-организованный промыселъ (во Владимирской, Тверской, Рязанской и Московской губерніяхъ). „Картаво“ умѣютъ говорить лошадиные барышники, руководствуясь нужными для тайны цыганскими словами. Языки эти въ народѣ слывутъ подъ разными прозвищами: кантюжнаго (собственно нищенскій *), галивонскаго (шерстобитовъ), ламанскаго или аломанскаго (тотъ же офеньскій или офинскій), байковый или мазурницкій, музыка. Существовалъ еще языкъ тарабарскій и языкъ „по херамъ“ (херовой). Послѣдній основанъ на приставкѣ въ живой языкъ послѣ каждаго слога **) слова „херъ“. Тарабарскій же придуманъ смѣкнувшими грамоту школьниками, переставившими согласныя буквы въ обратную, вмѣсто б-щ, в-ш, г-ч, д-ц, ж-х, з-ф, к-т, л-с, м-р, н-п. Такъ, напр., выходитъ: „Я упнулъ у Шапти тасачитъ“, что значитъ: я унесъ у Ваньки калачикъ. Вообще же тарабарщиною привыкли называть всякую цифрованную и шифрованную грамоту, предполагающую знаніе особаго ключа. Языками этими руководились грамотные люди, ихъ придерживались затворники учебныхъ заведеній, въ особенности бурсаки семинарій, откуда языки эти несомнѣнно и вышли. Въ подобіе тарабарскому съ лишними проставками въ живыхъ словахъ существуетъ языкъ кубрацкій (кубраковъ-сборщиковъ подаяній на церкви, обратившихъ это дѣло въ промыселъ и живущихъ въ городѣ Мстиславѣ и мѣстечкѣ Дубровнѣ Могилевской губ.). Проставка раздѣльныхъ словъ, по очереди одно послѣ другого, шайка-шири, употребляется съ такою быстротою и ловкостью (отъ привычки), что затемняемыя ими слова дѣйствительно темнѣютъ такъ, что становятся положительно незнакомыми и непонятными. Надо большую сноровку и долгую привычку, чтобы выслушивать быстро и во множествѣ мелькающихъ „шайка-шири“, чтобы брать слоги подходящіе и составлять слова настоящаго предлагаемаго смысла. Знаніе, промыселъ кубраковъ - прошаковъ также не совсѣмъ прямое и открытое дѣло: десятки сборниковъ въ десятки лѣтъ собирали подаяніе на тѣ церкви, которыя послѣ ихъ видимыхъ хлопотъ найдены разрушенными, съ обрѣшетившимися крышами, съ битыми земляными полами и соломенными наметами, мало чѣмъ отличавшимися отъ бѣдныхъ полуразвалившихся бѣлорусскихъ хатъ. Въ самомъ Мстиславѣ до сихъ поръ стоятъ деревянныя развалины трехъ церквей и четвертая каменная, построенная, какъ извѣстно, на казенныя деньги, переименованная въ соборъ изъ полковой церкви.

---

*) Кантюжить—нищенствовать. Наглухо заколачиваютъ избы и уходятъ сбирать на мнимое погорѣлое мѣсто множество деревень подъ самою Москвою и почти весь Судогодскій уѣздъ Влад. губ.

**) Существуетъ анекдотъ о братьяхъ семинаристахъ, которые начали сговариваться по херамъ при отцѣ:—Херъ-бр тъ! «Херъ-что»?—Херъ-пойдемъ, «Херъ-куда»?—Херъ въ кабакъ! «А Херъ-плеть!» — возразилъ на неумѣло составленную рѣчь отецъ, лежавшій на полатяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВИНОВАТЫЕ и ОБВИНЕННЫЕ.

Злодѣи. Убійцы. Самоубійцы. Бродяги и бѣглые. Воры и мошенники. Грабители и разбойники. Поджигатели. Преступники противъ казны. Преступленія противъ семейныхъ правъ.

ГЛАВА I.

ЗЛОДѢИ.

Злобная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее.—Знаменитый Кореневъ—прототипъ злодѣевъ.—Его похожденія и злодѣйства; разбойная сторонка; нищая братія; Вераило; артель слѣпцовъ-нищихъ; варнаки; каторга; Кореневъ—сезонный герой; палачи; проблески совѣсти въ злодѣѣ.—Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсенникъ Горкинъ и его превращеніе.—Нашъ знакомецъ Дубровинъ.—Понятіе варнаковъ о чести.—Ссыльные убійцы.—Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Хаимъ Вульевъ.—Злодѣй Филипповъ.—Минусинскій злодѣй.—Разбойники сибирскіе.—Судьба убійцъ въ Сибири.

Русская народная пословица говоритъ: „отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся". Этою пословицею вѣковая народная практическая наблюдательность съумѣла объяснить въ своей жизни существованіе двухъ сильныхъ враговъ. Оба признаны ею неодолимыми: оба, въ народномъ представленіи, являются тѣми могучими силами, борьба съ которыми внѣ человѣческой возможности и всегда неизбѣжно кончается побѣдою противной стороны. Одинъ врагъ, и именно тотъ, который умѣетъ надѣвать на людскія плечи суму и зовется голодомъ, успѣлъ достаточно ясно заявить себя не только въ предшествовавшіе вѣка народной жизни, но и въ наши времена съ тѣми же самыми подробностями, какія занесены въ древнія лѣтописи. Другого врага, также наталкивающаго на несчастья и также запирающаго въ тюрьмы, народъ не успѣлъ распознать въ лицо и дать ему опредѣленное и характерное имя. Видитъ онъ въ немъ какого-то злого духа, котораго называетъ и судьбою и несчастьемъ: судьбою—отъ которой не уйдешь и не отчураешься, несчастьемъ, котораго не обойдешь и не объѣдешь (даже и на кривыхъ оглобляхъ—по мѣткому выраженію одной изъ пословицъ). Эта безнадежность, отчаяніе отъ неувѣренности въ собственныя силы, какъ существа разумнаго и независимаго, до такой степени окрѣпли въ народномъ сознаніи, что самая форма уклоненія испорченной воли въ преступленіе признается и зовется несчастьемъ, приписывается вліянію злобной силы судьбы. Вездѣ они, оба вида увлекающихъ и губительныхъ силъ, являются впереди и прежде всѣхъ другихъ причинъ, порождающихъ тотъ или другой видъ преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исканіе иныхъ причинъ преступленій увело народъ въ противорѣчія и увлекло въ среду понятій еще болѣе неопредѣленныхъ, какова, между прочимъ, сила вліянія на волю человѣка наслѣдственности („благословляетъ отецъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ" и проч.). Въ другихъ случаяхъ, это исканіе причинъ, повидимому, останавливается вблизи настоящихъ основъ, каково, между прочимъ, вліяніе посторонней порчи, участье соблазна („не родится воръ, а умираетъ"), и проч. Иногда отыскивается новое противорѣчіе, но несомнѣнно выясняется болѣе вѣрная и близкая причина („нужда лиха и голодъ не тетка, а голодный и архіерей украдетъ"). Въ общемъ же итогѣ преступленіе есть несчастье, преступникъ—несчастный; вотъ конечный выводъ, какой сдѣлалъ нашъ народъ по личной практикѣ и дозналь изъ собственныхъ наблюденій. Воры не родомъ ведутся, а кого чертъ свяжетъ: отъ бѣды и отъ грѣха не уйдешь, ихъ и на конѣ не объѣдешь. А потому: что на словахъ, то и на дѣлѣ, преслѣдуемый закономъ находитъ пріютъ; къ совершившимъ преступленіе—столько долготерпѣнія, сколько позволяетъ крайняя степень возможности и пока не принуждаютъ требованія и указанія начальствъ. Бѣжавшій отъ наказанія съ каторги получаетъ готовый при-

тонъ и готовую хлѣбъ-соль и совершенно свободенъ отъ всякихъ преслѣдованій. По тѣмъ же причинамъ и палачъ, на пути слѣдованія къ мѣсту казни, попавшій на базаръ, съ каждаго воза непремѣнно бралъ грошъ, на дешевое приглашеніе свое: „давайте кату плату", и потому же, наконецъ, одни изъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ, каковы разбойники, облечены въ народныхъ пѣсняхъ въ симпатичныя формы и воспроизведены въ образъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ. А сколько разъ арестующимъ, по поимкѣ преступника (впервые натолкнувшагося на злодѣяніе), доводилось слышать во время прощанья его со своими, посреди горькихъ слезъ разлуки, такое утѣшеніе (сорвавшееся непосредственно съ самаго сердца): „Батюшко нашъ царь проститъ насъ, слѣпыхъ людей, и помилуетъ".

Намѣреваясь познакомить читателей съ нашими наблюденіями надъ преступленіями, ведущими въ ссылку, и преступниками, колонизирующими Сибирь, мы въ теченіи нашей работы будемъ имѣть случай не одинъ десятокъ разъ объяснять то, насколько народная „судьба" осуществима въ прирожденныхъ физіологическихъ и физическихъ свойствахъ природы человѣка и насколько то, что народъ признаетъ и называетъ „несчастьемъ", есть ни что иное, какъ политическія и экономическія условія нашего народнаго быта и нашей родины. Вникая въ тѣ и другія, по вызову и указаніямъ различнаго сорта людей и разнаго рода преступленій, обязавшихъ насъ изученіемъ того и другого во время знакомства съ Сибирью,—мы, въ настоящемъ случаѣ, поставлены лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ героевъ каторги, надъ которымъ въ особенности подшутила эта же самая „судьба", а около настоящей судьбы этого человѣка въ такомъ множествѣ скопились всякаго рода „несчастій". Герой этотъ служитъ прототипомъ всѣмъ подобнаго рода несчастнымъ или собственно ссыльнымъ людямъ. Въ немъ счастливо сочетались всѣ тѣ подлинныя несчастья жизни, которыя, въ одно и то же время, успѣли сдѣлать его и закоснѣлымъ злодѣемъ и любимымъ идеаломъ, возлюбленнымъ образцомъ для всѣхъ современныхъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ сибирскихъ ссыльныхъ. Дѣла его громки по Сибири, разсказами о немъ живутъ каторжныя тюрьмы, память его—съ похвалами, даже и въ тѣ времена, когда онъ сошелъ въ могилу. Имя ему—Кореневъ. По роду занятій и образу жизни онъ принадлежитъ къ тому многочисленному сословію сибирскаго населенія, къ тому классу людей свободнаго званія, которыхъ сибирскіе старожилы называютъ и варнаками и чалдонами и которые самихъ себя признаютъ и называютъ бродягами. Кореневъ, однако, представляетъ такой типъ, въ которомъ всѣ свойства сибирскихъ бродягъ совмѣстились въ достаточной полнотѣ и своеобразныя краски бродяжьяго ремесла на немъ слились такъ густо и въ такомъ избыткѣ, что мѣстами перелились даже черезъ край. Изъ бродяги—непосѣдливаго и неугомоннаго искателя воли и доли, надежнѣе обезпечивающихъ жизнь, чѣмъ неволя и бездолье каторжныя, и уже не по своей винѣ превращающагося вмѣсто того въ небезопаснаго искателя приключеній,—изъ бродяги, еще отчасти симпатичнаго и, во всякомъ случаѣ, исправимаго типа,—въ Кореневѣ выразился настоящій „варнакъ", подлинный злодѣй и убійца. Характеръ его представляетъ ту особенность, что весь онъ сложился подъ вліяніемъ тюремныхъ обычаевъ и каторжныхъ порядковъ. Онъ—воспитанникъ Сибири и цѣликомъ принадлежитъ ей; онъ—сибирякъ даже по мѣсту рожденія въ одной изъ сосѣднихъ къ Сибири губерній (Пермской), которую до сихъ поръ великорусскій народъ признаетъ и называетъ Сибирью (не по новымъ граматамъ, но по старымъ памятямъ, до сихъ поръ не утратившимъ своего правдиваго смысла и значенія).

Вотъ какую игру затѣяла съ нимъ „судьба", какіе давала ему ходы и, ни разу не сдѣлавъ уступки, на всякую карту требовала рискованныхъ отвѣтовъ и смѣлыхъ выходовъ, потому что ставка была отчаянная. Въ банкъ поставилъ Кореневъ свое человѣческое право: жизнь и свободу.

Бытіе свое Кореневъ получилъ въ маленькомъ, наибѣднѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ, обыватели котораго влачили свое утлое житейское, плохо-сколоченное суденко между многими опасными подводными рифами: одни крали и давили крестьянскихъ кошекъ и собакъ, а ободранныя шкуры перепродавали на кожевенные заводы богатаго сибирскаго города Тюмени; другіе воровали и перекрашивали крестьянскихъ лошадей и сбывали ихъ въ другую сторону на темныхъ людей по коннымъ торжкамъ и на конной ярмаркѣ бѣднаго вятскаго городка Котельнича. Къ такимъ же занятіямъ пріучали они и дѣтей, тѣхъ ребятишекъ, въ общество которыхъ поступилъ Кореневъ—сынъ уѣзднаго чиновника. Конечно, ни кошкодавомъ, ни конокрадомъ, по званію своего отца, ему стать не приводилось. Узнать эти порядки онъ могъ по праву товарищества. но судьба, помимо его воли, могла натоптать ему только ту дорогу, которую проторила она для его отца. Кореневъ непремѣнно сдѣлался бы приказнымъ и—если при рожденіи получилъ онъ, по Галлю, головной мозгъ съ болѣе развитыми передними частями, и, по Штурцгейму, пріобрѣлъ бугорокъ „пріобрѣтенія богатствъ" увеличеннымъ на счетъ другихъ и, въ то же время, снабженнымъ также развитымъ бугоркомъ, вмѣстилищемъ „преступныхъ желаній и стремленій",—будущность его не заволокалась бы туманомъ неизвѣстности. Кореневъ, въ незавид-

номъ званіи уѣзднаго подъячаго, могъ сдѣлаться преступникомъ, а пожалуй и ссыльнымъ субъектомъ на три статьи: неизбѣжно болѣлъ бы онъ мздоимствомъ—этою крайне застарѣлою и спорадически-распространенною болѣзнью. Но за этотъ первородный грѣхъ служилаго сословія ссылаютъ въ Сибирь мало и неохотно (около 5—6 человѣкъ въ годъ; 48 человѣкъ въ десять лѣтъ, съ 1838 до 1847). Грѣшилъ бы онъ „подлогами по службѣ“, но и за этотъ грѣхъ имѣлъ бы за собою самую ничтожную степень вѣроятія угодить въ ссылку (въ тѣ же десять лѣтъ за такіе грѣхи сосланъ въ Сибирь одинъ только подобный мастеръ изъ чиновнаго люда). Затѣмъ Кореневу, въ званіи и при обязанностяхъ чиновника, оставался достаточный просторъ развить въ себѣ наклонности къ служебнымъ преступленіямъ и, слѣдомъ за другими ссыльными подъячими, уйти въ Сибирь за кляузничество или за поддѣлку документовъ. На прегрѣшенія послѣдняго рода онъ обладалъ замѣчательнымъ количествомъ способностей, выяснившихся въ ссылкѣ мастерствомъ его приготовлять фальшивыя ассигнаціи и монеты и, вѣроятнѣе обезпечивался правомъ на ссылку именно за этотъ родъ преступныхъ дѣяній по поддѣлкамъ, какъ такихъ, за которыя преимущественно ссылались въ Сибирь русскіе чиновники. Но, какъ мы сказали, судьба для азартной игры съ Кореневымъ не такъ стасовала карты и употребила не обычные рутинные пріемы.

— Разъ я игралъ въ лапту съ ребятами на улицѣ—разсказывалъ самъ Кореневъ тюремнымъ товарищамъ и всѣмъ желавшимъ слушать его:—ребята не поладили, стали считаться кулаками. Одинъ, посердитѣй другихъ—Глыздой мы его за то звали—со мной снялся. Досадилъ онъ мнѣ крѣпко. Я ему: „отстань, отвяжись“, а онъ пуще ко мнѣ. Не втерпежъ мнѣ это стало: взялъ я да лаптой его и свиснулъ. Скользнула лапта съ шапки на високъ—онъ такъ и сѣлъ, словно снопъ, и захрапѣлъ ка-быть пьяный. Ребятишки всѣ въ брызги, кто куда. Я надъ нимъ, да и вздумалъ: сгребъ въ охапку, стащилъ въ закоулокъ, сложилъ между бревнами, а самъ и бѣжалъ—не домой, а въ лѣсъ. Дома отецъ сердитый, пьяный, со своей лаптой сидѣлъ и со мной безпремѣнно то же бы самое сдѣлалъ. А про лѣсъ мы и въ сказкахъ слыхали все такое хорошее. Сказывали хорошее про лѣса наши и мѣщанскіе ребятишки: не гинетъ-де въ нашихъ пермскихъ лѣсахъ душа человѣчья, а кипатъ эти лѣса, что мошкой, всякимъ сброднымъ, вольнымъ и гулящимъ людомъ. Тамъ-де очень хорошо.

„Вотъ съ чего я свою жизнь началъ. Грамотѣ меня батько успѣлъ выучить въ уѣздномъ училищѣ, стало быть, въ лѣсъ я грамотнымъ пошелъ. Ходилъ я въ лѣсу, неученымъ, не долго; послѣ приловчился такъ, что живалъ въ лѣсахъ по цѣлымъ годамъ. Въ лѣсу ягодами питался, да онѣ-то меня и проняли; вышелъ я на поляну хлѣбушка поискать, пошелъ къ деревушкѣ. Изъ молодыхъ да ранній, въ деревню иду—потрухиваю: не зазнали бы меня за сбѣглаго. Спасибо, баба какая-то выручила. „Ты, говоритъ, паренекъ, не коня ли своего ищешь?“—Коня, молъ, ищу.—„Такъ у насъ, слышь, не такія мѣста, чтобы краденныхъ лошадей находить; не ты первой ищешь“. Зазвала меня въ избу, не стала разспрашивать, стала сама разсказывать:

„— У насъ подзаводскій народъ такой злой, такой злой: попадетъ къ нимъ чужая лошадь—за ночь одну перекрасятъ такъ, что самъ хозяинъ, съ какой стороны ни зайдетъ, не признаетъ живота своего. Развели баловство такое, что удержу нѣтъ никакого. Становымъ, слышь, ста по два рублей на годъ кладутъ.

„Вынула изъ печки горшки, стала кормить меня, а языкомъ болтаетъ безъ удержу. Слышу, разсказываетъ:

„— Жить стало неможно, разбойства завелись. Въ Суксунскихъ заводахъ мастеровой пропалъ. Жена плачетъ и ночи не спитъ. Разъ въ самую полночь, на первыхъ пѣтухахъ, стучатся къ ней въ окно. Она прислушалась. Кто-то тамъ помолитвовался и закричалъ: „Ищите-де Алексѣя Воробьева на заводскомъ пруду въ прорубяхъ, около огорода Михайла Козлова“. Сыновья бросились на дворъ, а темень такая, хоть глазъ коли, никого не нашли. Пошли на прудъ, нашли мертвое тѣло—онъ самый. Капотъ былъ на немъ чернаго, слышь, сукна, снятъ капотъ съ рукъ, имъ обверчена голова и завязана на шеѣ лычной веревкой, въ палецъ толщиной. Руки по кистямъ тоже веревкой связаны. Синяки на спинѣ и на бокахъ...

„Она сказываетъ, а я ужъ смѣкнулъ, что мѣста тутъ и впрямъ такія, что уходить мнѣ надо. Пока я кашу съѣлъ, баба ужъ мнѣ и еще разсказала, что тамъ убили да спрятались, тутъ ограбили середь бѣлаго дня и опять никого не нашли. По сибирскому большому тракту деревни горятъ, поджигаютъ. Значитъ, во всѣхъ дѣлахъ этихъ прохожій виноватъ. Сдумалъ я и домой вернуться, во всемъ спокаяться. Въ ту сторону я и лыжи направилъ. Село большое высыпалось на дорогѣ. На погостѣ кресты торчатъ и народъ стоитъ кучкой. Дай погляжу, что такое? все старцы и всѣ слѣпые и у всѣхъ котомочки за плечами, въ рукахъ палки; значитъ, нищая братія. Я спросилъ. „Да вотъ, говорятъ, паренекъ у насъ былъ, поводарь нашъ, зачахъ и померъ, хоронимъ теперь“. Попробую я къ нимъ пристать, что выйдетъ. Да какъ это сдѣлать? Начали они и меня разспрашивать. „Не тутошный ли“?—„Нѣту“.—„Можетъ, съ воли какой“?—„А вамъ что за дѣло“?—„Мы-де не сотскіе, въ становую квартиру тебя не вести

намъ; къ тому же теперь и безъ ногъ стали и сдѣлать намъ этого не можно". Я молчу, а они говорятъ таково смирно: „Самые мы теперь несчастные люди и съ погоста сойти, пожалуй, дороги не найдемъ, проводилъ бы ты насъ на дорогу". Сдѣлалъ я такъ-то, вывелъ. „Мы, говоритъ, не изъ такихъ, чтобы чужихъ ребятъ стали воровать въ деревняхъ, а кто-де охотой пойдетъ съ нами, тому мы, коли золота ему нужно, и золота дадимъ. Вотъ теперь по заводскимъ праздникамъ пойдемъ, на осень пирогами кормить насъ станутъ, меду надаютъ сотами, виномъ поить будутъ. А какъ-де настанетъ зима, то въ Ирбитѣ ярмарка такая, что больше ея другой и на свѣтѣ нѣту; тогда пойдутъ къ намъ деньги, а съ деньгами по здѣшнимъ мѣстамъ отца родного можно купить и ото всякихъ бѣдъ откупиться". Пуще всѣхъ приставалъ ко мнѣ низенькій, горбатенькій старичонко, Матвѣемъ звали. Я шелъ съ ними и гдѣ лужа, гдѣ мостъ—предостерегаю, сказываю. Иду и слушаю: „Кто-де бы пошелъ съ нами, того бы человѣка мы харчемъ довольствовали и давали бы по рублю деньгами на четыре недѣли. Послѣ Ирбита по пяти давать станемъ. Если-де кто и съ волчьимъ паспортомъ ходитъ, мы и того можемъ оправить: есть у насъ на всякую руку и бумаги такія". Думать тутъ мнѣ было нечего, я такъ и не отставалъ ужъ отъ нихъ; сталъ я поводаремъ нищей братіи.

„На отдыхѣ въ кустахъ слажено было мое дѣло такъ: парнишку-де похоронили, а паспортъ его на рукахъ остался, будто онъ и не помиралъ. Тутъ меня во второй разъ крестили, дали другое имя и велѣли сказываться Григорьемъ Семеновымъ, а былъ я Иванъ Петровъ Кореневъ.

„Ходилъ я съ нищей братіей долго и всякихъ дивъ видывалъ много. Больше доводилось смѣху видать, а кое-когда и кое-какія горя перепадали. Какъ собрали денегъ, такъ и пить и плясать, а напились—ссориться да кориться. Этакаго злющаго народа я и на каторгѣ мало видывалъ. Ходили они промежъ себя такъ-то: кто больше стиховъ зналъ и пѣньемъ заводилъ, что всякое слово знать было — всѣхъ больше тотъ денегъ мѣдныхъ огребалъ себѣ. У одного къ тому же горло широкое было, что у бурлака на Чусовой, — тотъ всѣхъ богаче былъ. Безпамятнаго старичонку Матвѣя всегда обижали. У него и голосъ куриный и человѣкъ онъ самый злющій. Какъ дуванъ дуванить и его одѣлять, такъ онъ и драться: „Я-де нонече шибче всѣхъ васъ пѣлъ и меня-де сегодня купецъ приласкалъ; въ мою чашку больше денегъ наклали"! Задираетъ ихъ, значитъ. Артель у нихъ была, артелью они звались. Дуванъ въ лѣсу дѣлали, а въ кабакѣ размѣнивали: подгоняли только это дѣло всегда къ ночи. Въ кабакахъ это знали, а я не зналъ, да какъ-то послѣ такой-то первой дѣлежки усѣлись они на базарѣ, меня такой смѣхъ пробралъ, что чуть всю грудь не разломило. Сѣла моя нищая братья, какъ на иконахъ святыхъ пишутъ: слѣпенькіе да хворенькіе, всякъ ихъ обидитъ. Вы ли, молъ, это, братцы, что вчера въ кабакѣ-то были? Святѣе всѣхъ старецъ Иванъ — Верзилою дразнили—выше всѣхъ онъ былъ и зрячій. Какъ на базаръ выходитъ, такъ ему и надо какое-никакое темное мѣсто. Тамъ онъ сядетъ, подхватитъ подъ себя правую ногу, подниметъ лѣвой рукой съ глазу кожицу да по красному мѣсту и начнетъ стрекать иглой. Ему и сведетъ оба глаза, слѣпѣе всѣхъ кажетъ. Къ вечеру, когда плясать, либо деньги считать надо—отпускало, онъ опять видѣлъ. А былъ онъ за то и старостою артельнымъ и плутомъ большимъ. Какъ старцы ни щупаютъ руками деньги (а щупанье у нихъ какъ бы глазъ здоровый), какъ ни ощупываютъ, а у старосты всегда денегъ больше. Ласкалъ онъ меня пуще всѣхъ. Былъ онъ для меня и заступой, когда другіе старцы за что нибудь вскидывались щипать, а не то и драться. Въ первый разъ били меня за то, что на базарѣ смѣялся; бивали и еще не одинъ разъ. За тычками и пинками я не гонялся, въ этомъ промыслѣ привычку къ тому возымѣлъ. За большую драку разъ припугнулъ, однако: „убѣгу-де",—такъ за эту угрозу кинулись на меня всѣ до одного: „Этимъ, молъ, насъ не пужай, а вонъ въ мошнѣ у Верзилы нашихъ денегъ съ полсотни будетъ; всѣ за тебя отдадимъ становому, чтобы на козлѣ выпоролъ". Я испугался.

„Не отставалъ я отъ старцевъ до самой Ирбити. Прибрело туда нищей братіи артелей шесть. Сшиблись такъ, что либо всѣмъ въ одну слаживаться, либо которыя уходи вонъ; всѣмъ будетъ тѣсно. Одну артель такъ и выдавили— ушла. Наша на волоску висѣла, потому сильнѣе насъ деньгами была одна ближняя, тутошняя, сибирская. Пришла она раньше, дала больше, стала ярмаркой заправлять на манеръ старосты. Нашъ Верзила сладился съ ней на ведрѣ вина, и чтобы пѣть не вмѣстѣ и сидѣть дальше, имъ обѣдни, намъ заутрени очищать. Къ вечернямъ третьихъ и четвертыхъ припускали; пятая на сибирскомъ выѣздѣ пѣла. Мы въ самой-то гущѣ и усѣлись представленія наши дѣлать. Однако, выпѣли мы негусто: старцы считали ста на три, а и одного ста не вышло. Собирались назадъ такіе сердитые, а къ тому одного нашего за то, что въ кабакѣ раму высадилъ, въ кучумкѣ держали. Надо было его выкупать. Шли мои старцы назадъ, что мухи къ осени, закусались очень больно. Я изъ синяковъ не выхожу и бока спрыщевали; гдѣ кольнетъ, а гдѣ и заноетъ. Къ тому же и надоѣли мнѣ эти злющіе люди, не лучше злыхъ собакъ. Все грызутъ да ворчатъ, а денегъ дали мнѣ немного, да и дали какія, такъ и тѣ съ покоромъ да со

рванью. Чертъ ли, молъ, мнѣ за эти корысти въ ваши слѣпыя очи глядѣть. И глаза-то мнѣ ихніе за годъ-отъ надоѣли пуще горькой рѣдьки. Взгляну въ нихъ — тошнитъ. Думалъ я объ этомъ разъ цѣлую ночь на пролетъ, поутру всталъ такимъ, словно оправдали меня и всякую мнѣ вину начальство отпустило.

Идти надо было въ село на базаръ, а ужъ весна и мы подъ Шадринскомъ. Они принарядились въ полный нарядъ: Верзила и глаза свои накололъ, сталъ словно слѣпой отъ рожденія. Уговоръ такой былъ у насъ: коли вскричу „вода"—всѣмъ раздѣваться; значитъ, вбродъ идти. Привелъ я ихъ къ забору. Крапивищи тутъ—лѣсъ непролазный. Ухватился передній за подогъ, а остальные другъ за дружку, что гуси, вбродъ идти приспособились. Я ихъ, вмѣсто рѣки, завелъ въ эту самую крапиву жечься, а самъ палку изъ руки выпустилъ и убѣжалъ. На этомъ я съ ними и покончилъ. И что плохо лежитъ—прибирать и куръ воровать они меня, святые старцы, выучили. Науку эту я съ ними прошелъ. Послѣ нихъ мнѣ и въ бѣгахъ стало жить легче. Бояться сталъ я меньше и не вдогать мнѣ въ томъ сомнѣваться. Когда жилъ я со слѣпыми и правилъ ихъ дѣломъ, все казалось, что самъ ослѣпну, а кинулъ ихъ да одумался—непремѣнно прозрѣлъ я такъ, что вверхъ ногами ничего ужъ съ той поры не видалъ. Теперь пойду, молъ, по вѣтру, куда вѣтеръ тянетъ; все равно оно потому, что я къ шатанью-то этому попривыкъ такъ, что и оно мнѣ работой казалось. Съ нищей братіей только ни за что таскаться не стану, развѣ, когда отдохну.

„Думалъ я такъ и дѣлалъ этакъ не долго. Разъ какъ-то на опушкѣ лѣсной мнѣ новая находка. Лежатъ пятеро молодцевъ чудныхъ какихъ-то: у всѣхъ бороды не то подстрижены, не то рости послѣ бритья въ одно время начали, а волоса у всѣхъ, какъ у новопоставленныхъ поповъ бываютъ. У двухъ и рожи пятнаныя. Такихъ я не видывалъ, а такимъ потомъ и самъ сталъ. Вотъ какъ это дѣло случилось.

„Подошелъ я къ нимъ—сгребли меня свади, связали конскими путами, на землю кинули, а за что про что, не сказываютъ. Я оробѣлъ и струсилъ, да на этотъ разъ въ послѣдній разъ. Съ ихъ тяжелой руки я ужъ никого не робѣлъ. Спутали меня такъ-то крѣпко, что хоть кричать. Стали разговаривать: „Наломайте вѣниковъ, станемъ палить его, все скажетъ". Сказалъ я имъ и безъ вѣниковъ. Повѣрили. Повелъ ихъ знакомой дорогой—полюбили, я не отставалъ, они пуще ластились. Дѣлалъ я съ ними путь въ обратную, надо быть, дней десять, до того самаго утра, какъ мы наткнулись на облаву. Не то звѣря травятъ, не то бѣглыхъ ловятъ: народу много, кто на лошадяхъ съ веревками, кто пѣшкомъ съ ружьями. „Стой!—кричатъ намъ:—это вы у насъ бабу съ ребятами задушили и избу подожгли"? Бабу задушила и избу сожгла не наша партія, а видно нашъ отвѣтъ. Мужики такъ и сказываютъ. Дѣло понятное, разбирать не станутъ, а станутъ бить: по кулакамъ и по палкамъ это видно. Тутъ либо сквозь землю уходи, либо полѣзай на стѣну. Земля каменная, а люди жильные, мы и кинулись на людей. Плоха та бродяжья партія, гдѣ хоть одного ружья нѣтъ, а палки всегда при себѣ. Стали мы отбиваться. У кого ружье было, тотъ выстрѣлилъ. Выбьютъ изъ рукъ твою палку, вырвешь и бьешь тѣми, что мужики принесли съ собой. Однако, не отбились. Посадили насъ въ клѣть и спать никакъ не можно, всего ломитъ. Веревками такъ закрутили, что словно боялись, чтобы мы не расклеились. Мы въ клѣти лежимъ, а они галдятъ. Погалдятъ да въ стѣну палкой постукаютъ: сторожимъ, молъ, васъ! Поутру стали своимъ міромъ разбирать, кто чего заслужилъ. Сказали намъ, что кто-де съ ружьемъ былъ, тотъ парня убилъ. Пріѣхалъ засѣдатель, взялъ насъ. Квартиру намъ перемѣнили. Стали мы въ городѣ жить на казенной квартирѣ. Занятіе легкое и работа не мудреная: все больше спали. Когда винца выпьешь, когда въ карты сыграешь. Разъ за что-то выпороли. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, а разсказывали-то намъ сказку про бѣлаго быка. Сказка эта длинная. Однако, кончили. Меня за убійство на каторгу рѣшили. Подводили мнѣ дѣло къ кнуту, я такъ и заныль. Когда еще съ нищей братіей таскался, видѣлъ я это въ селѣ, на базарѣ, такъ, что какъ будто съ самого лыки драли. Затосковалъ я. Тоску мою арестанты переняли. Сталъ я имъ всю свою подноготную разсказывать, они такъ и захохотали. „Кому, говорятъ, бѣжать отъ этого хорошо, а тебѣ и того дѣлать не надо. Скажешься тѣмъ, что ты и впрямь есть, кнута по закону минуешь". Приходилъ прокуроръ, я ему и объявился чиновничьимъ сыномъ. Навели справки: такъ точно. Объявилъ мнѣ это самое прокуроръ да и обругалъ притомъ. Котораго я зашибъ на родинѣ товарища, тотъ отошелъ, живетъ-де теперь, и надо быть, слѣпыхъ лошадей крадетъ. Не оживалъ только послѣдній убитый. За него меня кнутомъ не били, а погнали на каторгу несвященнымъ.

„Попалъ я на Кару, на каторгу настоящую. Тамъ нашего брата и на работу иначе не зовутъ: „Эй-де вы, кони!.. подавайте коней!.. берите кони сбрую!.. впрягайте коней въ работу"!.. Сталъ я думать: воля, молъ, лучше боли, а спина стала казенная, каждый день зуботычина. Розогъ меньше трехсотъ не даютъ. Уходятъ въ бѣга товарищи, хвастаютъ: въ бѣгахъ-де царство небесное. А ужъ если и попадешься, за всѣ семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Тоска такая подступила, что всѣ стали ка-

заться чертями и злѣе всѣхъ черти-начальники. Вспоминалъ я слѣпыхъ своихъ такъ и этакъ, одно и то же. Бѣжалъ я оттуда. Лѣсъ, да степи да своя воля, страхи кругомъ. Облавы про тебя, что про звѣря, все въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не ждешь, не чаешь. Сталъ понимать себя выше всѣхъ, давно бы мнѣ такъ-то: всякій о тебѣ заботится, всякому до тебя дѣло, словно ты и великъ человѣкъ. Кое-гдѣ знаютъ ужъ: Кореневъ-де! Соблазнила жизнь такая! Пуще всего то тебя занимаетъ, что вотъ хлопушку наставили, пасти налаживали, человѣкъ сто у этого дѣла стояло и умомъ ворочало, а ты взялъ да и обошелъ, только слѣдъ оставилъ: мѣсто обогрѣтое, еще тепленькое и траву примялъ, а самъ сквозь землю ушелъ. Смѣшно даже. Меня ни разу не словили.

„Поймали меня, когда сталъ ходить не одинъ. Съ товарищами связался, а промежъ нихъ, что ни трусъ, то ротозѣй: сейчасъ подведутъ и скажешься дома. Разъ сгребли, другой разъ сгребли; однова съ бабой чертъ меня веревочкой связалъ; эта свой подолъ защемила и меня уволокла. Дальше тюрьмы не сажали, да ужъ ни одна тюрьма въ тѣ времена меня не держала, что проклятаго человѣка могила. Сталъ занимать меня не побѣгъ самый: мудрено ли бѣжать? — Оглянишься, прислушаешься — сейчасъ слабое мѣсто засвиститъ: въ прорѣху-то эту и выскочишь. Надо бѣжать такъ, чтобы товарищи не знали и чтобы за штуку твою они тебя похвалили, удивлялись бы тебѣ. Объ этомъ надо было думать; мудренѣй это было. Однако доводилось. Такъ-то я разъ до пяти бѣгалъ.

— Пущай мнѣ печенку отобьютъ совсѣмъ, я опять побѣгу пущай; мнѣ ноги изломаютъ, я на рукахъ побѣгу. Лѣсъ по мнѣ стонать станетъ, пташки не запоютъ. Кореневу быть на волѣ! — увѣрялъ онъ, сидя на стѣнной цѣпи прикованнымъ на всегда, въ секретномъ нумерѣ тобольскаго остраго.

Сюда попалъ онъ послѣ всѣхъ житейскихъ превратностей на каторгѣ, пойманный на убійствѣ въ Тобольской губерніи. Содержался онъ въ губернскомъ острогѣ сначала какъ подсудимый. Здѣсь запутывалъ слѣдствія, посылалъ въ разныя дальнія мѣста за справками съ указаніемъ на различныя совершенныя имъ и вымышленныя преступленія. Прежде, чѣмъ уголовный судъ успѣлъ выяснить для себя всю запутанную совокупность его злодѣяній и, между прочимъ, убѣдиться въ совершенныхъ имъ убійствахъ, его посадили на цѣпь и записали въ разрядъ „заключенныхъ на всегда“. Въ 1850 году онъ былъ одинъ изъ 18-ти, прикованныхъ къ стѣнѣ на цѣпь, и, по случайному значенію цифры, на самомъ дѣлѣ не смѣшивался, но выдавался изъ остальной цѣпной дюжины. На него ходили смотрѣть, какъ на дикаго звѣря. Слава объ его злодѣйствахъ наполняла Тобольскъ. Онъ былъ долгое время сезоннымъ героемъ, во всѣхъ классахъ общества говорили объ немъ. Мнѣнія были различны, взгляды расходились.

Начальство смотрѣло на Коренева, какъ на чудовище, на феноменъ изъ ряду вонъ, на злодѣя, которому хороша одна только петля и, на крайній случай, ружейныя пули. Глубоко убѣжденное еженедѣльно примѣняемыми опытами законныхъ тѣлесныхъ наказаній въ томъ, что настоящіе преступники отъ частаго употребленія плетей и розогъ стали привычны къ нимъ до отупѣлости, начальство знало также и то, что въ рѣдкихъ случаяхъ наказуемые и истязуемые обнаруживаютъ признаки какой либо робости или боязни. Извѣстно было, что для новичковъ и робкихъ придуманы тюремными общинами различные облегчающіе способы, предотвратить которые не было никакой возможности. Сила товарищескаго участія и состраданія была настолько велика, что выражалась въ многочисленныхъ видахъ, изъ которыхъ одна половина поражала своею неожиданностью и мудренымъ измышленіемъ, другая отзывалась общимъ мѣстомъ. Къ числу послѣднихъ относился извѣстный пріемъ арестантовъ избавить рѣшеннаго товарища простымъ способомъ, устройствомъ ему побѣга. При этомъ для общаго любимца замыселъ приводился въ исполненіе всѣми членами тюремной общины, вообще хорошо слаженной на законахъ круговой поруки и взаимныхъ, самыхъ сложныхъ одолженій, а также вооруженной опытомъ долговременныхъ приспособленій. Большая часть арестантовъ, „взломавшихъ“ тюрьмы и скрывшихся во мракъ лѣсовъ и темноту ночей, были тѣ, которымъ выходило скорое рѣшеніе. Въ случаѣ неудачи арестанты прибѣгали къ другому способу, также весьма обыкновенному и вѣрно облегчающему боль истязанія. Способъ этотъ выражается подкупомъ палача. Въ хорошо организованныхъ тюрьмахъ (какъ, напримѣръ, въ тобольской, • гдѣ число подсудимыхъ ежегодно доходило свыше 200 человѣкъ и рѣдко бывало меньше 150) палачи пользовались львиною долею изъ купеческихъ праздничныхъ пожертвованій на арестантовъ. Сверхъ того, получали они, вродѣ приватнаго жалованья, нѣкоторую сумму изъ складчины денежной, поголовно собираемой со всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Обыкновенный преступникъ, всегда снабжаемый, по пути къ мѣсту казни, обычною денежною дачею отъ проходящихъ, имѣлъ право отдать ему собственность свою, извѣстную подъ именемъ „рогожки“, именно тому палачу, на очередь и подъ руку котораго попалъ онъ. Для острожнаго любимца находилось у товарищей на столько душевнаго участія и сердечнаго состраданія, чтобы, сверхъ того, дѣлать въ его пользу новую денежную складчину, обряжаемую въ тюремныхъ стѣнахъ. Поступая такъ, арестанты убѣждены на опытѣ (какъ начальство

а многочисленныхъ разсказахъ и несомнѣнныхъ свѣденіяхъ), что чародѣйская сила руки палача получаетъ въ школѣ и на практикѣ извѣстную ловкость. При видимомъ сильномъ взмахѣ ослабляетъ онъ силу удара въ такой мѣрѣ, чтобы пускать кровь только для вида и для защиты собственной спины, и на самомъ дѣлѣ преступникъ испускаетъ неистовые крики для той же цѣли. Разсказовъ о ловкости рукъ палачей такъ много ходитъ по сибирскому міру народному и чиновному, что вѣроятіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ по отношенію къ рядовымъ заплечнымъ мастерамъ, изучающимъ искуство на листѣ бумаги, такъ включительно и до того палача, который на спинѣ собственнаго сына хвастался искуствомъ и рѣзалъ кнутомъ листъ бумаги, не касаясь тѣла и кожи.

Злодѣянія Коренева вращали чиновный міръ около мысли измыслить такое наказаніе, которое послужило бы въ страхъ и поученіе всѣмъ сибирскимъ бродягамъ и злодѣямъ, чтобы опытъ надъ нимъ, хотя бы даже и въ формѣ смертной казни, имѣлъ облегчающее значеніе для самого начальства и произвелъ бы устрашающее вліяніе на массы бѣглаго и преступнаго люда. Въ такомъ тонѣ заготовлялись, говорятъ, представленія, а одинъ изъ сильно ревновавшихъ дѣлу, менѣе другихъ увѣренный въ томъ, что Кореневъ побѣгомъ не избѣгнетъ наказанія, предлагалъ испытать старое средство: надрѣзать ему пятки и насыпать въ раны мелко настриженнаго конскаго волоса. Словомъ, противъ Коренева были возбуждены сильно. Это время для него было однимъ изъ тѣхъ, когда онъ вызывалъ преимущественную заботливость и вниманіе, каковыхъ лишенъ былъ въ прежнее, болѣе дорогое для него время и каковыя въ настоящее поразительны были крайнею своею непослѣдовательностью. Не принося никому и никакой пользы, онѣ выгодны были для самого Коренева только потому, что самъ онъ ихъ сдѣлалъ таковыми. Кореневъ поспѣшилъ взмоститься на пьедесталъ необыкновеннаго передового человѣка и извлекалъ изъ этого матеріальную пользу, хорошо зная, что деньгами ему воспользоваться удастся, что, вмѣсто петли или ямы, ему навѣрное придется нести грѣховное тѣло свое опять-таки на каторгу, по этапамъ. Въ положеніи спекулятора, умѣвшаго воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, Кореневъ остался во все время содержанія на цѣпи и въ одиночномъ заключеніи. Онъ не вышелъ изъ своей роли даже и при тѣхъ условіяхъ, когда высшее тобольское общество (въ то время увеличенное приливомъ новыхъ людей, декабристовъ — присланныхъ на поселеніе и помѣщенныхъ на житье въ самомъ городѣ), было сильно возбуждено чтеніемъ Сведенборга и наэлектризировано мистицизмомъ. Общественное настроеніе, не дошедшее только до верченія столовъ, выражалось вѣрою въ кликушъ, покровительствомъ идіотамъ, юродивымъ, вызвало пророковъ. Между юродивыми оказался даже такой, у котораго подъ нависшими на глаза волосами обнаружились потомъ три хорошо извѣстныя въ сибирской азбукѣ буквы К. А. Т. (каторжный), а подъ засаленною и грязною ряскою на спинѣ знаки кнута.

Этимъ глубоко убѣжденнымъ мистикамъ, обманутымъ крутыми житейскими неудачами и потрясеннымъ неожиданными и многочисленными ударами судьбы, Кореневъ казался какимъ-то роковымъ вырожденіемъ, лицомъ избраннымъ, съ одной стороны, для того, чтобы изобразить собою испорченность и негодность человѣческой природы, а съ другой—дать поученіе грѣховному человѣчеству къ собственному его исправленію. Въ испорченной природѣ Коренева чтители Сведенборга видѣли злого духа и въ изреченіяхъ убійцы и бродяги, вызванныхъ непосредственностью его натуры, желали получать и слышать вдохновеніе этого духа лукавства и злобы.

Кореневъ, въ силу такихъ увлеченій, сдѣлался предметомъ разспросовъ и долговременныхъ бесѣдъ. Къ нему, какъ къ Ивану Яковлевичу въ Москвѣ, какъ къ Ѳеклушѣ на Бердовомъ заводѣ въ Петербургѣ, ходили тобольскія дамы за совѣтами. Кореневъ ощутилъ перемѣну своего положенія и въ этомъ новомъ также въ грязь лицомъ не ударилъ. Свою циническую откровенность онъ смѣнилъ на такія признанія, въ которыхъ старался выражать въ себѣ игралище судьбы, и, конечно, былъ отчасти справедливъ и въ настоящемъ случаѣ счастливъ только тѣмъ, что получилъ указаніе для выхода на дорогу. Знавшіе его близко соузники замѣчали даже, что въ послѣднее время заточенія въ Тобольскѣ онъ самъ сталъ колебаться въ истинномъ значеніи своего званія. Онъ сталъ временами толковать о себѣ, какъ о какомъ-то исключеніи изъ человѣческой породы, сталъ вѣрить въ сверхъестественную силу свою, началъ завираться и оправдываться. Кончилось все это на концѣ срока его заточенія, за которымъ послѣдовала высылка его на нерчинскіе рудники.

Прежде чѣмъ совершили надъ нимъ такое чародѣйство и сдѣлали въ немъ превращеніе, Кореневъ успѣлъ въ тобольскомъ острогѣ показать себя въ настоящемъ видѣ, съ одной стороны, какъ злодѣя, съ другой, какъ бродяги.

Когда суевѣрныя дамы, съ замираніемъ сердца, дрожащими, несмѣлыми тонами въ голосахъ спрашивали сидѣвшаго на цѣпи Коренева:

— Не случалось ли тебѣ видать, правда ли это, что изъ раны убитаго начинала сочиться кровь, когда къ трупу подходилъ самъ убійца?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Кореневъ.

И отрубилъ:

— Однажды я нарочно для этого убилъ жида

въ Каинскѣ и черезъ полчаса былъ тутъ, подлѣ. Жиды собрались всѣ. Гвалтъ жиды сдѣлали на цѣлый городъ. Я самъ съ ними по бедрамъ хлопалъ и головой качалъ; давалъ совѣты, какъ ловить убійцу. На убитаго смотрѣлъ, какъ на свою ладонь, крови не показалось.

— Можетъ быть оттого,—заключилъ Кореневъ съ усмѣшкою на лицѣ, которую онъ не счелъ даже нужнымъ скрывать: — оттого, можетъ быть, что убитый-то былъ некрещеный.

Въ другой разъ одно духовное лицо, увлеченное общимъ примѣромъ посѣтителей Коренева и на правахъ предсѣдателя тюремнаго комитета, возымѣло желаніе вступить съ нимъ въ бесѣду и дать ему кое-какія духовно-нравственныя наставленія. Въ видѣ вступленія, лицо это спрашивало злодѣя:

— Чувствуешь ли ты когда угрызеніе совѣсти?

— Никогда!—грубилъ Кореневъ.

— Столько ты злодѣяній совершилъ, столько ты убійствъ содѣялъ!!..

— Говорятъ, восемнадцать, — подтвердилъ Кореневъ.

— Неужели у тебя хотя разъ не вострепетало сердце, не дрогнула рука, рука Каинова, проливающая кровь своего брата по Христѣ?

— Мнѣ тогда о родствѣ не доводилось спрашивать.

— А для чего ты столько невинныхъ душъ загубилъ, для какой цѣли?

— Цѣль, я полагаю, у насъ съ вами одна, батюшка. Вѣдь и по писанію всѣ убитыя мною души въ царствѣ небесномъ. А насъ еще съ вами никто не вѣшалъ, кто больше тянетъ: вы ли молитвой больше отправили туда, али я ножомъ...

Пробовали другіе подходить къ нему съ другой стороны и спрашивали его такимъ способомъ:

— Понимаемъ мы, Кореневъ, что встрѣтиться съ тобою въ дорогѣ одинъ на одинъ невыгодно. Встрѣча съ тобою—твое счастье. Ты голодный, я на станціи поѣлъ и съ собою везу съѣстные запасы; тутъ они у меня подъ бокомъ, захотѣлъ поѣсть, вынулъ. На тебѣ рваный полушубокъ, измызганный кафтанишко, а я — въ лисьей либо енотовой шубѣ и за пазухою у меня деньги, на которыя, говорятъ, весь свѣтъ покупается.

— Это такъ точно.

— Тебѣ завидно мое счастье. Возьми шубу, возьми деньги, возьми кулечекъ со съѣстными припасами.

— Да вѣдь вы не дадите, стрѣлять, поди, станете, нѣтъ ружья—драться. Начнете прилаживаться, чтобы забить меня до смерти. Все же радостно хоть одного варнака истребить съ корнемъ. А вѣдь и у меня душа та же самая, а къ тому цѣлымъ рублемъ для меня дороже вашей. Вы свою душу на коняхъ возите, на подушки кладете, а я свою, грѣшную, протащилъ сквозь огонь, межъ ножами. Прилаживалъ ее на сучья, на камни. Вотъ и здѣсь ее прилаживаю на доскахъ. Вонъ откуда вынесъ ее, голову - то свою, изъ самаго Нерчинска. Дѣлать мы станемъ оба одно: вы свою, я свою оборонять.

— Положимъ, я обороняться не стану, мнѣ нечѣмъ. Ружья у меня нѣтъ, саблею не занесся, ѣду я безпечно, какъ большая часть ѣздитъ, и встрѣчи съ тобою не ожидалъ. Эта встрѣча— мое несчастье, моя неудача. Ты и накажи меня за то, что я такъ неостороженъ: возьми то, чего у тебя нѣтъ и чего у меня много.

— Я возьму это и безъ вашего спросу.

— За что же убивать меня, два раза наказывать за промахъ?

— А за то—не ходи пузато, не носи брюхо въ пазухѣ. Убиваю, я себя берегу. Опять же голова у меня своя, не покупная. Порѣшился съ ней, другой головы не купишь, на базарахъ ее не продаютъ. Я и самъ сначала такъ же думалъ, по вашему: за что, молъ, я ограбленнаго убивать стану?! Молодымъ человѣкомъ я былъ тогда, несмышленнымъ, первоукомъ. Разскажу я вамъ про этакій случай.

„Шелъ я съ Нерчинской каторги. Шелъ не одинъ, а съ товарищами, изъ Иркутска къ Красноярску. Жилья тутъ мало, все лѣсъ стоитъ. Затощали мы, хоть въ землю зарывайся, надо грабить. Заслышали колокольчикъ. Завалились въ канаву, кто направо, кто налѣво. Ждемъ. Позаячьи насторожили уши. Ѣдетъ пара: ямщикъ носомъ клюетъ, рыбу удитъ, и оттого рыбу удитъ, что самъ проѣзжій спитъ. Такъ, молъ, намъ и надо. Словно мы, молъ, сами имъ заказали этакъ-то. Вышли мы на дорогу, лошадей за узды придержали, сняли ямщика съ козелъ, связали по рукамъ и ротъ ему завязали, чтобъ не кричалъ. Проѣзжаго мы разбудили. Поступили съ нимъ такъ, какъ и всѣ сказываютъ, какъ бы и малый ребенокъ сдѣлалъ. Стали съ проѣзжимъ разговаривать накороткѣ, чтобы поскорѣе кончить. Вынимай деньги, снимай платье— разговоръ извѣстный. Чемоданъ его сами вынули и его вынули. Стоитъ онъ на ногахъ, трясется весь; извѣстно, дѣло такое ему непривычное, въ первый разъ доводится. Со страху онъ сталъ разсказывать: чиновникъ, ѣдетъ въ Россію, казенныя деньги получилъ, мать у него есть и жениться хочетъ. Деньги отдалъ всѣ, повалился на колѣночки, заревѣлъ. Слезы такъ горохомъ и катятся, крупныя такія. Взяла тутъ меня жалость за самое сердце и такъ-то щемитъ и теребитъ! „Отпустите", слышь. Клянется, божится: „никому не скажу". Сталъ я товарищей своихъ уговаривать, они долго не соглашались, уломалъ-таки я ихъ. Сказали: „на тебѣ весь отвѣтъ". Ладно. Отпустили мы его живымъ и пошли своей дорогой. Идемъ-идемъ да и вдумаемъ: „А ну, братцы, божбу не исполнитъ! пойдемъ пошибче, высмотримъ". Пошли мы вне-

редъ, стали подходить къ деревнѣ, а та—вся на ногахъ. Крику развела полонъ лѣсъ и сказываетъ тѣмъ, что облаву сдѣлала. Пронеслись мимо насъ верховые съ кольями: за нами, значитъ. А мы тутъ подъ деревней въ лѣсу выждали. Ночь, молъ, теперь наша, пуганный чиновникъ непремѣнно переночуетъ. Ночью мы обошли деревню, перетянулись на ту дорогу, по которой намъ идти, а проѣзжему ѣхать. Зашли на конецъ станка. На первомъ свѣту выбрали мѣсто такое способное: мостъ. Опять завалились въ канаву подъ мостъ, стали чиновника выжидать. Выспится, поѣдетъ дальше, а на ночь ни за сто рублевъ не пустится. Выждали мы его на другомъ станкѣ, остановили, да и содрали съ живого лыки"...

Вообще угрюмый и неразговорчивый, Кореневъ на умѣлые разспросы любилъ отвѣчать. Иногда хвасталъ, лгалъ, но пойманный съ поличнымъ, не медлилъ выходить на путь правды и откровенности.

Разъ удалось услышать отъ него такую формулу идеи бродяжества:

— Для бродягъ одинъ законъ и все тотъ же. На дорогу въ заводѣ запасъ возьмешь, безъ того не пускаешься, развѣ когда въ сосѣдяхъ обзавелся знакомымъ человѣкомъ. Запасъ съѣшь, а брюхо-злодѣй никогда стараго добра не помнитъ: опять слюну сушитъ, ѣсть проситъ. Къ жильямъ подтягиваешься. У знакомаго человѣка милостыню просишь—даетъ, а то на уру и у встрѣчнаго клянчишь, тоже даютъ. Въ незнакомыхъ деревняхъ, гдѣ бродяги шалили, сердятся; на ласку тѣ мужики не даются, надо самому брать, значитъ, грабить. Ограбилъ кого, слѣды хорони, кошка тому дѣлу примѣръ даетъ. Не оставляй своего хвоста на дорогѣ, заметай слѣдъ: ограбленнаго убивай. Не убьешь, языкъ за собой оставишь. По немъ дойдутъ до тебя. Примѣру не было такого, чтобы грабленный не истилъ и по слѣдамъ звѣря не натравливали. Такой ужъ законъ. Я какъ одинъ разъ оступился, такъ съ той поры другу и недругу заказалъ щадить ограбленнаго. Такъ вотъ и всѣмъ товарищамъ разсказываю, учу ихъ. Что разъ потеряешь, того долго не найдешь. На божбу людямъ не вѣрь и честное ихнее слово они для плутовства себѣ придумали, чтобы лучше обманывать. Воръ слезливъ, а плутъ богомоленъ—давно это сказано. И я скажу: у бродяги только два клина, поле и лѣсъ, больше ему никакихъ нѣтъ воротъ и ходить не стоитъ, чтобы отыскивать лазы.

Кореневъ былъ настоящій бродяга и сколько слова и показанія его имѣли значенія неотразимой правды, столько бродяжьи свойства выступали въ немъ рѣзче всѣхъ другихъ. За ними товарищи его не видѣли (или не хотѣли видѣть) настоящаго злодѣя. Тобольскій простой людъ видѣлъ въ немъ колдуна и тамошнія торговыя бабы разсказывали на базарѣ, что стоитъ Кореневу только начертить вокругъ себя мѣломъ или углемъ кругъ, чтобы сдѣлалась лодка. И „не давай ему при этомъ только воды, только воды не давай ему ни въ ротъ, ни въ руки", чтобы лодка, сдѣлавшаяся изъ круга, не вынесла его изъ тюрьмы на вольную волю. Каплю воды особымъ, ему одному вѣдомымъ наговоромъ онъ умѣетъ превращать въ рѣку и выплываетъ по ней на свободу съ пѣснями и любимыми товарищами. Не дѣлаетъ онъ такъ потому, что не хочетъ. Онъ и разрывъ-траву умѣетъ отыскивать по крупнымъ росамъ, по яркимъ звѣздамъ. Съ нею ему никакія кандалы не страшны; передъ нимъ ни одинъ замокъ не стоитъ, всякія двери и ворота отпираются. Знаетъ Кореневъ, какъ въ холодной банѣ изъ черной кошки выварить и изъ множества другихъ передъ зеркаломъ выбрать косточку-невидимку, передъ которою не выстаиваютъ тюремныя стѣны. Подставишь противъ зеркала передъ собою—и исчезнешь.

Товарищи понимали Коренева иначе, видѣли дѣло другою стороною. Въ тюрьмѣ Коренева любили, ему угождали наперерывъ другъ передъ другомъ. Арестанты считали его рыцаремъ чести и благородства, видѣли въ немъ прямую, открытую душу, у которой не было ничего завѣтнаго и запретнаго. Они забывали, что сердце онъ давно истаскалъ, что въ немъ сидѣлъ самый страшный чертъ изо всѣхъ, отъ какихъ только ни приходилось отчуровываться русскому человѣку. Чертъ у него это сердце совсѣмъ вынулъ и только пустое мѣсто оставилъ.

Всего виднѣе была въ немъ крупная опытность, около которой всегда такъ тепло несмышленнымъ. Замѣчательная даровитость его доходила до изобрѣтательности, всегда основанной на одолженіяхъ заточенному люду и направленной на возможное преуспѣяніе быта среди всяческихъ стѣсненій въ неволѣ. Отъ него шли и юридическіе и практическіе совѣты. Подсудимый учился у него судебной практикѣ, молодые бродяги—географіи и этнографіи. Когда одинъ изъ совопросниковъ выразилъ, между прочимъ, сомнѣніе въ возможности бродягамъ враждовать съ зимними палящими морозами, среди лѣсной трещи, когда и олень уходитъ въ самую глушь лѣсовъ и, уткнувши морду въ снѣгъ, стоитъ окаменѣлымъ, Кореневъ отвѣчалъ:

— Кто промахнулся и попалъ на дорогу, гдѣ кромѣ зайцевъ никого не встрѣчаетъ, тому на зиму такое правило: разгрести снѣгъ до самой земли, выложить логовище еловыми либо сосновыми лапками. Такая изба не обманетъ. Мнѣ изъ сотни разъ ни одного не доводилось худого. Спать тутъ лучше, чѣмъ въ каменномъ домѣ. Самый первый законъ: раздѣться до рубашки, все снять, а ее оставить. Я снималъ и въ яму кидался; въ ногахъ огонь разводилъ

и закрывался наглухо полушубкомъ; лежишь, что купецъ въ кошевѣ. А если приладить надъ ямой изъ тѣхъ же ланокъ шалашикъ, то и умирать не надо. Съ запасомъ можно пересидѣть и перехвастать всю пору лютыхъ морозовъ. Отсиживались мы. Днемъ я ходилъ, а ночью спалъ опять этакъ. Спишь какъ убитый, словно дома. Поутру только вставать очень скверно: лучше бы, кажется, не ложиться, а встанешь, одѣнешься — и забудешь. Холодно вставать, а здорово. Тунгусы меня этому выучили".

Собственнымъ опытомъ изъ общеупотребительной тюремной игры въ петлю, гдѣ надобится снять веревку съ двухъ пальцевъ, связанныхъ ею, Кореневъ дошелъ до практическихъ результатовъ, пригодныхъ и благодѣтельныхъ для кандальныхъ арестантовъ. На тюремномъ досугѣ, сидя на цѣпи, онъ изобрѣлъ секретъ снимать съ себя въ банѣ нижнее платье, имѣя на ногахъ кандалы, при которыхъ эта операція являлась невозможною. Досужеству своему, не требующему особенной сноровки, но вызывающему нѣкоторую долю терпѣнія, онъ охотливо, даромъ, изъ одного участія и состраданія, выучилъ тѣхъ ссыльныхъ петербургскихъ дворянъ, которыхъ черезъ Тобольскъ провезли на каторгу, въ 1849 году, осужденными по дѣлу Петрашевскаго.

Въ числѣ прочихъ знаній Кореневъ обладалъ въ совершенствѣ искуствомъ приготовлять фальшивую (изъ олова) серебряную монету. Живя въ тобольскомъ острогѣ и безъ цѣпи и на цѣпи, этому мастерству онъ отдавалъ все свободное время, подъ руками въ острожныхъ стѣнахъ передатчиковъ (изъ солдатъ), платившихъ за рубль фальшивый 30 копеекъ серебромъ настоящихъ. За острожными стѣнами онъ полагался на слѣпое царство темныхъ остяковъ, татаръ и киргизовъ, охотно принимавшихъ фальшивую монету по настоящей цѣнѣ. Говорятъ, что около этого самаго времени прошелъ по сибирскимъ тюрьмамъ слухъ объ указѣ омскому казначейству, которому предписывалось (изъ политическихъ видовъ привлеченія въ нашу сторону кочевниковъ) принимать отъ киргизовъ фальшивыя бумажки и монеты и размѣнивать ихъ на настоящія. Фабрикація фальшиваго серебра по всѣмъ сибирскимъ тюрьмамъ значительно усилилась. Кореневъ, въ числѣ первыхъ, призналъ это и первымъ, какъ купецъ, воспользовался; онъ съ одинаковымъ искуствомъ умѣлъ дѣлать и старинные екатерининскіе и нынѣшніе цѣлковые и полтинники. Мелкой монеты онъ не дѣлалъ, ассигнацій не любилъ, имѣя въ этомъ искуствѣ неподражаемаго соперника въ Цезикѣ, за которымъ полуграмотному Кореневу нельзя было гоняться. Кореневъ предпочиталъ придерживаться зубрила, подпилковъ, деревянныхъ маленькихъ циркулей съ ножками изъ иголокъ и долотцовъ изъ тѣхъ же иголокъ. Онъ доставалъ олово, покупалъ ртуть, алебастръ, добывалъ солдатское сукно; алебастръ разбивалъ и просѣивалъ на формы, ртуть смѣшивалъ съ „чѣмъ-то" (sic). Натеснутый деревянный кружокъ, чтобы удалить излишекъ окиси, клалъ на ночь въ ротъ и на другой день наводилъ амальгаму такъ плотно и искусно, что ртуть держалась на его издѣліяхъ дольше, чѣмъ на издѣліяхъ его товарищей. Послѣднихъ ловили и хоронушки находили,—его никогда. Всѣ знали объ этомъ, дѣлали обыски—и нечаянные и повальные—и ничего не находили. У Коренева были и золотыя руки, и глубокіе секретные карманы и какія-то какъ бы и впрямь заколдованныя и зачурованныя хоронушки.

Одинъ смотритель возгорѣлъ желаніемъ поймать его и уличить еще въ то время, когда Кореневъ не сидѣлъ на цѣпи, а жилъ съ другими въ общей казармѣ. Выискался и унтеръ-офицеръ, который рѣшился помогать смотрителю и хвастливо обѣщалъ поймать Коренева съ поличнымъ. Пришелъ онъ къ нему и сдѣлалъ заказъ на киргизовъ. Кореневъ заказъ принялъ и выпросилъ задатку двадцать пять рублей серебромъ, обязавшись поставить за это сто цѣлковыхъ. Унтеръ сходилъ къ начальнику, задатокъ принесъ и вручилъ, а черезъ два дня получилъ отъ Коренева сто цѣлковыхъ новенькихъ, чистенькихъ, свѣтлыхъ. Монеты эти должны были рекомендовать мастера, какъ образчики его искуства. Цѣлковые унтеръ одобрилъ и не могъ иначе сдѣлать, потому что они были настоящей работы петербургскаго монетнаго двора. На этотъ разъ все искуство мастера состояло лишь въ дешевомъ терпѣніи, съ которымъ онъ ихъ высвѣтлялъ и охорашивалъ. По окончаніи условленнаго срока, заказчикъ является къ монетчику за полученіемъ работы.

Кореневъ удивленъ; спрашиваетъ, что надо, приглашаетъ унтера говорить потише. Искусно поднимаетъ тонъ его голоса, самъ начинаетъ говорить громко и достигаетъ желаемой цѣли, т. е. возбуждаетъ вниманіе всей казармы. Дѣлаетъ онъ изъ товарищей свидѣтелей, разсчитывая за ними и спинами ихъ на несомнѣнное вмѣшательство и защиту прокурора. Когда показалось ему, что зрители всѣ собрались и насторожили глаза и уши, онъ неожиданно поразилъ слухъ затрещиною, отпущенною унтеру, и доставилъ товарищамъ несказанное удовольствіе видѣть и любоваться, какъ онъ потомъ, поддавая киселя и пинками въ шею и спину, выталкивалъ унтера за дверь. Всѣ хорошо помнятъ его обиженное лицо, его жалобы на несправедливыя подозрѣнія и обвиненіе. Если онъ и игралъ на этотъ разъ роль, то игралъ ее съ такимъ искуствомъ, что всѣ арестанты обидѣ его повѣрили и за оскорбленіе

товарища рѣшились постоять горою. Начали арестанты шумѣть, требовать смотрителя.

— Въ чемъ дѣло?—приходитъ тотъ.

— Проситъ у меня унтеръ фальшиваго серебра,—отвѣчалъ за всѣхъ самъ Кореневъ еще дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ оскорбленномъ и глубоко-обиженномъ тонѣ:—Что у меня для него монетный дворъ, что ли?

— Запишите это въ журналъ,—требовали арестанты:—Доложите губернатору. За что насъ обижать?

— Значитъ, унтеръ переводчикъ денегъ,—подкрѣплялъ и пояснялъ Кореневъ:—Онъ знаетъ дворы такіе, дѣло уголовное! А мы въ старыхъ грѣхахъ точно что повинны, а на новые никакъ не согласны.

Смотритель покачалъ головою, усмѣхнулся:

— Дуракъ, дуракъ солдатъ! Гдѣ ужъ такому дураку браться за такое мудреное дѣло, а еще хвастался!

Кореневъ, и на нарахъ лежа, все ворчалъ и сѣтовалъ, но на законномъ преслѣдованіи унтера не настаивалъ. Однако, на своемъ онъ устоялъ и подмастерства этого не покидалъ даже и на стѣнной цѣпи вплоть до того времени, когда выкричали его за сверхъестественнаго человѣка и едва не признали въ злодѣйствахъ его святого юродства. Товарищи, впрочемъ, и въ это время знали одно (и убѣждены въ этомъ до сихъ поръ), что, попадись на хорошія, опытныя руки—онъ бы исправился. „Не толкай его судьба въ опасности бродяжьей жизни, онъ былъ бы другимъ человѣкомъ и, можетъ быть, очень хорошимъ“. Какая-то беззавѣтная доброта, исключительно, впрочемъ, направленная въ пользу обиженныхъ и обездоленныхъ товарищей; всегдашнее желаніе подѣлиться съ ними всѣмъ, что онъ имѣлъ, до послѣдней полушки, и готовность постоять за ихъ право съ рискомъ для себя и не принимая въ разсчетъ и для соображеній никакихъ опасностей (и все это въ такихъ яркихъ чертахъ, въ такихъ крупныхъ формахъ!),—вотъ тѣ основы симпатій, которыми пользовался Кореневъ отъ товарищей въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ ему предшествовавшіе и за нимъ послѣдовавшіе тобольскіе заключенники.

Когда на его глазахъ одинъ изъ ссыльныхъ московскихъ дворянъ (извѣстный Москвѣ Зыковъ—убійца княгини Голицыной) злоупотребилъ довѣріемъ и воспользовался увлеченіемъ ханжившей дѣвушки для того, чтобы довести ее до паденія, Кореневъ первый поднялъ недовольный голосъ. Онъ пригласилъ своихъ товарищей къ гласному и фактическому протесту и, вызвавъ необходимость самосуда, явился въ званіи исполнителя приговора, первымъ жестоко билъ растлителя, билъ въ кровь при свидѣтеляхъ, каковыми была вся общинная казарма. (См. слѣд. главу).

Свернулась его жизнь на одно и, безъ опекуновъ и руководителей, пошла тою кривою колеею, которая и сильно тянетъ и безвозвратно затягиваетъ. Въ тюремномъ болотѣ, на каторжной трясинѣ не устоялъ и онъ, вслѣдъ за другими, какъ ни сильна была его натура, какъ ни крѣпки были его нервы. Валилось на него сверху, давило съ боковъ, да и свой братъ, спутанный съ нимъ по рукамъ и по ногамъ, тянулъ его туда же—въ этотъ омутъ, гдѣ нѣтъ ни дна, ни покрышки. Кореневъ оказался тяжеле другихъ, а потому и загрязъ глубже и крѣпче всѣхъ. Полѣзъ ли онъ дальше въ тину и трясину—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, да и доставать до самаго дна ему уже недалеко.

Вотъ онъ, спущенный съ цѣпи, идетъ изъ Тобольска по знакомой дорожкѣ, опять на дальнюю и темную каторгу. Идетъ онъ въ партіи, вмѣстѣ съ другими. На дорогѣ подъ Иркутскомъ попадаются ему двѣ каторги и обѣ хорошія, обѣ знакомыя: одна при винокуренномъ заводѣ, другая при солеваренномъ. Но не тѣ судила ему судьба-злодѣйка. Эти для простыхъ, а для него, важнаго человѣка, за Байкаломъ-моремъ, жестокая и самая дальняя—нерчинская.

На большой почтовой дорогѣ къ Иркутску, на одномъ перекресткѣ, „разстани“, вышла на столбовую дорогу слѣва маленькая, но также каторжная. Ведетъ она въ Иркутское-Усолье и называется у народа воровскою дорогою съ давнихъ временъ. Съ недавняго времени, а въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стали ссылать въ это Усолье преступниковъ изъ азіатовъ и мусульманъ, всѣхъ въ одно мѣсто: татаръ, киргизовъ, персіянъ и кавказскихъ горцевъ (въ томъ числѣ, между прочимъ, помѣстили и Шамилевыхъ мюридовъ), за перекресткомъ дорогъ оставили право разстаха, мѣста отдыха. Не показанъ онъ въ законныхъ расписаніяхъ, ибо находится между двумя близкими этапами, но завоевано это мѣсто остановки обычаемъ, который могущіе не давятъ и оставляютъ въ несокрушимой цѣлости, потому что, кромѣ симпатичныхъ сторонъ, обычай этотъ ничего уже въ себѣ и не заключаетъ. Мусульмане, слѣдуя завѣту пророка, имѣли обыкновеніе выходить на эту разстань дорогъ и искать не только родичей, но и всякихъ правовѣрныхъ чтителей пророка, не различая земляка отъ чужеземца, знакомаго отъ незнакомаго. Заводскіе мусульмане выносили сюда путешествующимъ все, что могли принести во славу имени Магомета: хлѣбъ и табакъ, лукъ и черемшу, и даже русскаго дѣла квасъ.

Остановилась на этой разстани и та партія, въ которой шелъ Кореневъ. Остановились съ цѣлью послужить мусульманамъ, изъ которыхъ кое-кого также сдавали сюда на каторгу. Кореневъ ходилъ по партіи, торопливо искалъ

бумаги клочекъ, карандаша огрызочекъ; находилъ то и другое.

На бумажкѣ нацарапалъ онъ, какъ умѣлъ, скоро и коротко: „Навѣсти, братъ, Ипполитъ Васильевичъ, стараго бродягу Коренева“. Записку взялся доставить первый же, попавшійся ему на глаза изъ заводскихъ татаръ и доставилъ. Старый знакомый Коренева, соузникъ его по тобольской тюрьмѣ, жившій въ Усольѣ на пропитаніи—Кашкадамовъ—получилъ эту записку и ни минуты не медлилъ.

Зная порядки, захватилъ онъ съ собою, что успѣлъ и что могъ, и побѣжалъ на рысяхъ къ мѣсту разстани, которое дѣлается на это время мѣстомъ довольно продолжительнаго отдыха. Вскорѣ онъ былъ тамъ.

— Видѣлъ я Коренева черезъ нѣсколько лѣтъ, —разсказывалъ мнѣ Ипполитъ Васильевичъ:— узналъ онъ меня, обрадовался, сколько могъ я судить по веселой улыбкѣ, которая долго не пропадала съ его страдальческаго старческаго лица. Говорилъ онъ мнѣ:

„— Голъ, братъ, я, какъ соколъ.

„Вижу: шапка какъ блинъ — свою ему отдалъ. Сапоги съ ногъ сползли, свои сапоги сталъ я снимать. Придержалъ было онъ меня за плечо, да раздумалъ, взялъ мои сапоги. Я его ошметки надѣлъ на свои ноги.

„— Денегъ, поди, нѣту? всѣ, чай, въ карты проигралъ либо, того хуже, пропилъ?—спросилъ я его.

„— Отъ самаго Красноярска шальной копейки не видалъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

„Нашелся у меня рубль горячій, самому крѣпко нужный, да въ этихъ дѣлахъ не считаться, зачѣмъ и пришелъ я сюда?! Говорю:

„— Возьми себѣ рубль.

„— Не надо бы брать, самому тебѣ нужно.

„Подумалъ, поглядѣлъ въ землю, протянулъ руку и говоритъ:

„— Давай! Сочтемся мы съ тобой на другомъ.

„Рубль спряталъ за щеку.

„Сталъ я заговаривать съ нимъ, отвѣчаетъ неохотно, говоритъ тихо и вяло. Да и о чемъ бесѣдовать, про что разспрашивать? Били его; вновь перековали; новую шинель получилъ; новыя чарки получилъ; голицы выдали. Вотъ идетъ, по сторонамъ смотритъ; опять пойдетъ, и еще пойдетъ и еще пойдетъ до самой каторги...

„Договорились мы, однако, до того, что и рубашка у Коренева съ плечъ сползла, совсѣмъ ея нѣту. Держитъ онъ казенную овчину, какъ тунгусъ, прямо на тѣлѣ. На мнѣ ситцевая рубашка была, да и домъ недалеко, въ сундукѣ нашлась бы другая-третья, да время заморозковъ, скидать неудобно, холодно.

„— Возьми, Кореневъ, рубашку!

„И руками замахалъ: не надо! Замоталъ головой. Отъ рубахи отказывается.

„— Балуешь ты меня, зазнаюсь, погордѣю, не сладятъ!—и усмѣхнулся.

„Я тѣмъ временемъ рубашку успѣлъ снять и принять сюртучишко свой на голое тѣло. Свернулъ я рубашенку, сунулъ ему; отталкиваетъ. Запихнулъ я ему за пазуху, а онъ все головой машетъ. Слышимъ, забилъ барабанъ походъ; смотримъ, всѣ стали подбирать котомки, кряхтѣть и подниматься съ насиженныхъ мѣстъ. Раздался грубый крикъ команды: „по мѣстамъ“!

„Зазвенѣли цѣпи, забрякали кандалы. Стали и мы съ Кореневымъ прощаться.

„— Прощай!

„Положилъ онъ мнѣ обѣ тяжелыя руки свои на плечи. Долгимъ пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Думалъ о чемъ-то, тяжело вздохнулъ:

„— Прощай, Ипполитъ Васильичъ!

„Смотрю и глазамъ не вѣрю: изъ глазъ слеза выкатилась, но поймалъ онъ ее, спряталъ въ кулакъ и кулакъ унесъ за спину. Еще разъ посмотрѣлъ на меня, еще разъ вздохнулъ, обнялъ меня, поцѣловалъ крѣпко, выговорилъ:

„— Прощай!.. Навсегда прощай!.. Теперь ужъ больше не увидимся.

„— Такъ ли, полно? не зарекайся, Кореневъ!

„— И впрямь нѣту! Не на всегда прощай!..

„Между тѣмъ, барабанъ нылъ у насъ подъ самыми ушами, отбивая послѣднія трели. Нечего было больше прохлаждаться. Кореневъ снялъ съ моихъ плечъ свои руки.

„Опустя голову, пошелъ онъ отъ меня своимъ тяжелымъ развалистымъ шагомъ, но шелъ недолго. Еще разъ искоса, черезъ плечо, поглядѣлъ на меня, остановился, опять подошелъ:

„— Спасибо тебѣ за все. Рѣзать приведется тебя—не зарѣжу!!...

„Сильно и размашисто махнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ правой рукой, порывисто и визгливо зазвенѣли на ногахъ его цѣпи и хорошо знакомый мнѣ звукъ кандаловъ смѣшался съ подобными же, производящими въ гуртѣ только одинъ глухой гулъ. Звукъ этотъ исчезъ, а вскорѣ исчезъ съ толпой и самъ Кореневъ, но слова его и теперь еще, черезъ много лѣтъ, живы въ моей памяти, какъ бы сейчасъ выговоренныя. Слова и слезы мнѣ не попричтились, въ этомъ я могу поручиться за Коренева. Зналъ я его хорошо, живалъ съ нимъ въ Тобольскѣ подъ одной кровлей. Меня его характеръ не обманетъ. Сорвется съ цѣпи—другихъ убьетъ, для меня исключеніе сдѣлаетъ, слово далъ. Впрочемъ, кажется, уходился, завяжетъ. Вѣроятнѣе станетъ теперь на старости лѣтъ пробовать свой характеръ, а если и не выдержитъ, убѣжитъ, то, во всякомъ случаѣ, перестанетъ выгибаться на оглобляхъ, поднимать хвостъ кольцомъ и, по способу необъѣзжанныхъ лошадей, красоваться и хвастаться. Гдѣ нибудь да долженъ быть конецъ. Горкинъ, впрочемъ, лошадей держитъ, на

;упца смахиваетъ. Наши каторжныя знаменитости хороши тѣмъ, что до тѣхъ поръ и знаемъ, юка сами напоминаютъ; замолчалъ—и забыли ι онъ самъ сквозь землю провалился. Пропадай ты совсѣмъ, давайте новаго"!

Героемъ на нашъ пріѣздъ былъ Иванъ Васильевичъ Дубровинъ, также злодѣй и убійца. [ва раза онъ бѣгалъ изъ Карійскихъ тюремъ. Іослѣ перваго побѣга съ шайкою грабилъ по Шилкѣ, но былъ пойманъ. Убѣжалъ во второй разъ—напустилъ на всѣхъ паническій страхъ, зсѣ непокойно стали спать. Стражу усилили, ъ набатъ бьютъ, патрули ходятъ, всѣ объ немъ говорятъ. Уши у всѣхъ на макушкѣ. Онъ ιе объявляется, всѣ успокоились, но сонъ въ руку. Въ одну ночь Дубровинъ далъ о себѣ знать, расписавшись кровью. На Нижнемъ промыслѣ убилъ женщину съ двумя малютками, ъ которою даже и знакомъ вовсе не былъ, билъ, чтобы похвастаться: перестали ждать, ютъ и я. Приходилъ онъ втроемъ, но вскорѣ всѣ были открыты, посажены въ тюрьму. По оплошности стражи, Дубровинъ опять убѣжалъ ι снова привелъ всѣхъ въ ужасъ. По слѣдамъ ιго погнались казаки, въ разныхъ падяхъ и распадкахъ заблудились, не нашли. Голодный, истощенный разбойникъ найденъ былъ въ лѣсу лежащимъ безъ силъ и почти полумертвымъ. Пойманнаго приковали къ стѣнной цѣпи и, чтобы обезопасить себя отъ его злодѣйства и побѣговъ, на руки надѣли лису — желѣзную колосу въ полтора пуда вѣсомъ. Съ лисою онъ ι ходить не могъ и началъ, съ нею и на цѣпи сидя, смиряться духомъ. На цѣпи скверно кормятъ: пища крутая, безъ приварка. Въ постѣ ι въ воздержаніи Дубровинъ умилился духомъ ι начальству это доказалъ. Его отковали отъ стѣны, сняли лису, выпустили въ общую арестантскую казарму, нарядили въ кандалы. Стали всѣ надѣяться и разсчитывать на то, что Дубровинъ пообломался, уходился и сталъ неопаснымъ. Выбрали его старостою. Вскорѣ послѣ того понадобилось начальству новую каторгу заводить на Амурѣ подъ Николаевскомъ на такъ называемомъ Чнирряхѣ. Свободныхъ рукъ было мало. Вездѣ и во всемъ чувствовался недостатокъ. Сколько ни было оберъ и унтеръофицеровъ, всѣхъ послали на Амуръ съ хлѣбными барками и лѣсными плотами. Попробовали рискованнымъ, но довольно извѣстнымъ въ Сибири способомъ, довѣрить отобранную на Карѣ партію каторжныхъ надежному человѣку изъ таковыхъ же. Выборъ палъ на Дубровина. Далъ онъ начальнику сплава честное варнацкое слово, съ товарищами сѣлъ на баржу и поплылъ по Шилкѣ и Амуру посреди соблазновъ къ побѣгамъ на цѣлыхъ трехъ тысячахъ верстъ. Съ баржи зерна не пропало, соленой росинки не исчезло. Ѣхали каторжные веселѣе всѣхъ, съ пѣснями. По дорогѣ, въ Албазинѣ, одинъ изъ каторжныхъ кукушки заслушался, убѣжалъ; Дубровинъ его розыскалъ, жестоко выпоролъ и никому не велѣлъ сказывать. На мѣстѣ всѣ сданы были Дубровинымъ въ томъ же счетѣ, какъ были приняты, и въ томъ же числѣ, сколько ихъ на Амурѣ пѣло. Помѣстили ихъ въ новыхъ сырыхъ казармахъ. Самъ Дубровинъ, разумѣется, сѣлъ вмѣстѣ съ ними, но сидѣлъ тутъ не долго. Черезъ недѣлю онъ убѣжалъ и увелъ съ собою еще трехъ товарищей. По Амуру предостерегали пишущаго эти строки ѣхать осторожно, по всѣмъ станицамъ дали о Дубровинѣ знать, но нигдѣ его не видали. Только съ одной изъ нихъ дошли до начальства вѣсти, что приходили ночью трое, съ ними Дубровинъ, увели съ собою бродяги бабу изъ приселенныхъ каторжныхъ женщинъ. Дальше по Амуру Дубровинъ не пошелъ, а ударилъ черезъ хребты, на Лену. Что съ нимъ сталось? тоже неизвѣстно, можетъ быть также провалился сквозь землю.

Изъ этого мрака неизвѣстности выводитъ насъ третье лицо, также знаменитое въ исторіи злодѣйствъ и также извѣстное цѣлой Сибири. Онъ—современникъ обоихъ и всею дѣятельностью своею, какъ Дубровинъ, принадлежитъ краямъ нерчинскимъ и, какъ Кореневъ, по воспитанію своему сибирякъ. Всѣ злодѣйства его совершились также въ предѣлахъ Сибири. Вышелъ онъ также изъ бродягъ и на этомъ пути безмѣстнаго шатанія полуголоднымъ и разсерженнымъ доработался до крайней степени озлобленія, задичалъ въ бѣгахъ до звѣря и сдѣлался разбойникомъ и убійцею, нѣкогда страшнымъ для всего Забайкалья, а теперь извѣстнымъ въ цѣлой Сибири. Это—Горкинъ. Все, что въ судьбѣ Коренева было скрыто, въ судьбѣ Горкина отчасти проясняется, въ особенности по отношенію къ тому періоду времени, которое легло между первоначальнымъ побѣгомъ изъ каторжной тюрьмы и окончательнымъ приговоромъ къ наказанію за вся тяжкая и во вся тяжкая. Кореневъ объ убійствахъ своихъ не разсказывалъ, Горкинъ также старательно умалчивалъ объ нихъ, но за послѣдняго говорятъ преданія и оффиціальныя дѣла.

Этотъ съ разсчетомъ на всевозможныя приключенія и безразсчетно на преступленія ушелъ изъ тюрьмы Кутомарскаго завода втроемъ съ товарищами *). Въ Козловской пади (долинѣ) встрѣтили они на жнивѣ крестьянина, велѣли варить себѣ ѣсть. Крестьянинъ Бурцовъ отвѣчалъ, что у него котла не имѣется. Ему дали лошадь. Онъ поѣхалъ за котломъ, на пути повѣстилъ другого крестьянина, что пришли къ нему недобрые люди: „Съѣздилъ бы ты въ деревню, далъ тамъ знать". Самъ воротился, сталъ кормить бѣглыхъ, оттягивать время. При-

*) См. Томъ I: Въ бѣгахъ, глава III.

скакали крестьяне, кричали бродягамъ: „Вставайте и раздѣвайтесь до нага, ножи бросайте“. Бѣглые не послушались, стали отбиваться, схватившись за свое оружіе: топоръ, косу и жердь. Свалка произошла отчаянная. Одинъ бѣглый (Никифоровъ) былъ пронизанъ пулею на вылетъ, другой (Коурый) былъ жестоко избитъ, во многихъ мѣстахъ раненъ, но успѣлъ вскочить на лошадь и ускакать. Третій бѣглый, Горкинъ, успѣлъ бѣжать раньше, выскользнувъ во время общей свалки такъ, что никто того не замѣтилъ.

Первый дебютъ былъ удаченъ. Горкинъ обстрѣлянъ, получилъ урокъ осторожности, видѣлъ кровь, потерялъ товарища, сознадъ на опытѣ, что прогулка каторжнаго не безопасна; сталъ извѣстенъ по мѣрѣ того, какъ слухъ о побоищѣ началъ расходиться. Отбившись отъ товарищей на одиночное скитанье и въ полное отчаяніе голодовки (съ правомъ на самую тяжкую смерть), Горкинъ сталъ ходить хотя также окольными путями, но уже болѣе вѣрными.

Гдѣ-то поймали они слухъ о богатствѣ бурята, Горкинъ и отправился прямо на него. „Переночевавши на гривѣ (разсказываетъ другое архивное дѣло), онъ на дорогѣ встрѣчаетъ проѣзжаго бурята. Этотъ спрашиваетъ:

„— Кто ты таковъ?

„— Бѣглый. А гдѣ стоитъ братскій Кубухонъ? (намѣреваясь у него чѣмъ нибудь поживиться).

„— Нѣтъ, другъ, у Кубухона шибко строго, къ нему не попадешь; а поди вонъ, этта (указалъ на правую сторону) стоитъ крайняя юрта. Тутъ живетъ одна братская (бурятская) баба. У ней деньги есть, ищи въ ошкурѣ у штановъ.

„И уѣхалъ.

„Я пролежалъ въ тотъ день въ кустикахъ. Дождавшись ночи, примѣрно, часу въ одиннадцатомъ, пришелъ къ юртамъ близь деревня Харауза. Зашелъ въ крайнюю юрту, гдѣ огня не было. Я ощупалъ въ потьмахъ соннаго человѣка, схватилъ его за горло и, по косамъ на головѣ, узналъ, что это женщина. Спрашивалъ ее:

„— Гдѣ у тебя деньги?

„Она по русски отвѣчала:

„— Нѣтъ, другъ, денегъ нѣту.

„Потомъ я, обыскавъ у нее въ ошкурѣ у штановъ, денегъ не нашелъ. Спрашивалъ опять: гдѣ деньги? — она говорила, что нѣту. Оборотясь, чѣмъ-то задѣла меня въ щеку. Я осердился и, взявъ въ руки тряпицу для того, чтобы не нанесть ногтями царапинъ, за горло ту братскую бабу задушилъ до смерти, оставя ее на постели. Потомъ разломалъ всѣ ея ящики, но денегъ не нашелъ и изъ платья, по ненадобности, ничего не взялъ. Взялъ только четверку кирпичнаго чая“.

Таково было первое признаніе Горкина въ первомъ преступленіи по поимкѣ изъ бѣговъ. Послѣ второго побѣга онъ уже является атаманомъ шайки и съ нею грабитъ и разбойничаетъ тамъ и сямъ по Забайкалью. Является тамъ, гдѣ его не ожидаютъ, не боится „шалить“ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его стерегутъ. Удалые подвиги и ловкость успѣваютъ вызвать сочувствіе. Онъ пріобрѣтаетъ друзей между тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли выйти на поселеніе и живутъ своими домами. Чѣмъ сильнѣе опасность отъ преслѣдователей, тѣмъ друзья эти находчивѣе. Чѣмъ меньше поживы, тѣмъ друзья эти дѣятельнѣе. Они наводятъ на проѣзжихъ, указываютъ на богатыхъ; не задаются набѣги—ловко прячутъ. Сочувствіе отъ поселенцевъ переходитъ и на кое-кого изъ крестьянъ и отсюда получается помощь и содѣйствіе. Разбойники разгулялись, закружились въ вихрѣ приключеній и похожденій, и чѣмъ больше осталось похожденій назади, тѣмъ большій запасъ осторожности сдѣланъ на будущее время. Товарищи дѣлаютъ промахи, изловливаются и гибнутъ, самъ атаманъ остается цѣлъ и невредимъ. Когда и онъ попадается прямо подъ кнутъ и на цѣпь, за нимъ уже цѣлая эпопея похожденій и злодѣяній въ такомъ случайномъ, безтолковомъ и безсвязномъ порядкѣ.

„Бродутъ въ семеромъ; вотъ и большая шайка. По деревнямъ про случай ходятъ, не разбиваясь. По ночамъ получаютъ подаяніе. Въ рабочую пору на пашняхъ собираютъ милостыню, ходя порознь. За деревнями встрѣчаются, сходятся вмѣстѣ. Разъ двое товарищей не пришли, дальше пустились только въ пятеромъ. Около Верхнеудинска, въ такъ называемой Воровской пади (оврагѣ), встрѣтили три повозки купеческія и напали: приказчикамъ связали руки, возы ограбили, нашли все бумажные товары, вино, тафту; въ лѣсу вино выпили, товары спрятали въ „удобное мѣсто“. „Надобно скрыть слухи“ — пошли къ морю (Байкалу). Попадались рѣчки, строили плоты и переправлялись. На Селенгѣ въ лѣсу наткнулись на верховыхъ русскихъ и братскаго. Встрѣчные спрашиваютъ:

„— Что вы за люди и есть ли билеты? Если нѣтъ, идите къ городничему.

„— Какая тебѣ до того надобность?—спрашиваютъ они съ укоромъ.

„— Я городничаго человѣкъ.

„— А вотъ мы тебѣ дадимъ знать, что мы за люди?

„Верховые испугались и бросились прочь. Опять надо слѣды хоронить, переправились за Селенгу на плоту. Въ слѣдующей деревнѣ снова разбрелись за милостыней, опять сошлись за околицей. Еще двое товарищей не вернулись, также отшиблись. Оставшіеся не долго таскались въ горахъ, двое рѣшились идти въ Иркутскъ и

ушли. Атаманъ не согласился и остался одинъ. По дорогѣ укралъ онъ у братскаго винтовку въ денное время, а въ ночное наткнулся на саврасую кобылу, сѣлъ на нее и поскакалъ прямо на каторгу, по направленію къ заводу. Зачѣмъ? покаяться, смириться?

„— Нѣтъ, стало холодно (конецъ октября), одежа измызгалась. Надо потолкаться по юрдовкамъ (тайнымъ притонамъ у живущихъ на пропитаніи), не выиграю ли? Погляжу кстати, гдѣ что плохо лежитъ“.

„На юрдовкахъ встрѣтилъ онъ двухъ товарищей; одинъ пришелъ съ женой повидаться. Атаманъ обогрѣлся, запасся теплой одеждой. Поспалъ въ подпольяхъ, поигралъ въ карты и опять пошелъ на вольный свѣтъ и опять съ товарищами, изъ которыхъ двое старыхъ, три новыхъ.

„Подъ заводомъ въ лѣсу услыхали они гнилой запахъ. Искали слѣды на досугѣ и увидѣли трупъ товарища (тоже погрѣться шелъ). Осмотрѣли—застрѣленъ.

„Въ ближнемъ селеніи отъ завода (въ Хонхолоѣ) у крестьянина пристань. Съ нимъ сведено знакомство еще въ заводѣ на юрдовкахъ: попить, поиграть пріѣзжалъ и самъ сиживалъ въ тюрьмѣ съ каторжными, стрѣляный звѣрь.

„— Идите,—говоритъ:—въ падь. Тамъ меня дожидайте!

„Привезъ онъ хлѣба. Живутъ двѣ недѣли, а онъ все хлѣбъ возитъ. Разъ привезъ задокъ баранины, туезъ молока, полсотни яицъ. Другой разъ притащилъ омулей соленыхъ, киселю въ мѣшкѣ, пшеничныхъ булокъ и такой же муки. На третій разъ привезъ четверть вина и за виномъ, въ разговорахъ, указалъ на богатаго мужика въ деревнѣ Загань.

„— Теперь время хорошее, способное, идите грабить того мужика.

„Лошадей привелъ самъ доброхотный датель, самъ онъ и домъ указалъ, когда и какъ пройти и скрылся. Поѣхали, лошадей привязали въ лѣсу, сами влѣзли въ баню, выжидая утра, когда хозяинъ уѣдетъ съ работниками на покосъ. Онъ и уѣхалъ, да скоро вернулся, было большое ненастье.

„День и ночь лежатъ бѣглые въ банѣ, дожидаются. Хозяинъ отправился въ поле; бѣглые вбѣжали въ избу, трехъ бабъ—въ чуланъ. Пришли съ рѣки съ бѣльемъ еще двѣ дѣвки и ихъ туда же запрятали. Пошли въ чуланъ къ бабамъ и дѣвкамъ пытать правды. Старшая баба дала 8 руб. и больше-де нѣтъ. Не повѣрили. Взяли ключи и нашли 60 р., разное платье и разный товаръ.

„Бабъ перевели въ другое мѣсто, заперли въ казенкѣ, сами ушли въ лѣсъ, оттуда пріѣхали на „станъ“. Вещи раздуванили на три пая. Другъ прибылъ, вина и шанегъ привезъ.

„— Ѣду,—говоритъ:—въ заводъ, что вамъ надо?

„— Вина надо! Вотъ деньги за вино и за хлопоты.

„— Привезу вамъ за это ружье еще.

„Вскорѣ другъ все привезъ, что обѣщалъ, да сверхъ того новыя вѣсти:

„— Ѣдетъ приказчикъ-татаринъ съ товаромъ, можно хорошо поживиться.

„— А куда мы дѣнемъ поживу?

„— Отвезу вашимъ женамъ.

„Ладно. Пошли на трактовую дорогу, купца не дождались, а попали на сыщиковъ; кинулись въ лѣсъ, переночевали, а когда пришли на свой станъ, то увидѣли огнище разрытымъ: погоня, знать, близко, надо утекать. Зашли въ деревню къ другу. Этотъ сварилъ имъ ужинъ. Дали ему 10 руб., вина привезъ, а за хлопоты синей дабы (бумажную матерію) подарили. Другъ опять послалъ въ лѣсъ, привозилъ къ нимъ туда вино и разныя извѣстія. На богатаго братскаго указалъ. Трехъ связали, четвертый не давался. „Рѣзали его ножами, конечно, отчего онъ обезсилѣлъ“. Обыскали, ничего не нашли. Стали спрашивать, не сказываютъ, начали палить огнемъ, добились 21 руб. 75 коп. серебряною монетою и разной рухляди. Попробовали сходить на заводъ, тамъ украли корову. У проходившей по дорогѣ бабы отняли деньги, полученныя ею за проданныя ягоды и огородные овощи. Въ заводѣ достали фальшивые паспорты и опять ушли на старый станъ, куда снова приходилъ старый другъ навѣщать съ виномъ и вѣстями.

„Разъ онъ извѣстилъ, что одного изъ товарищей поймали, рѣшились отбить отъ конвойныхъ, вышли на дорогу, но, увидѣвъ сильный конвой, не рѣшились. На пути украли трехъ лошадей и согласились ограбить крестьянина. Зажгли восковую свѣчу. поставили ее въ туезъ, влѣзли на крышу, разобрали ее. Пришли въ сѣни, вошли въ избу, хозяинъ огонь погасилъ и закричалъ. „Если больше будешь кричать, то тутъ тебѣ и смерть“. Дѣтей прогнали въ подъизбицу, засвѣтили лучину. Хозяинъ послалъ жену за деньгами. Стали дѣлить. На каждаго пришлось по 180 р. серебряною монетою и по 3 р. 15 коп. мѣдными. Забрали рухлядь и къ старому, испытанному другу похвастаться, да и поплакаться, а если не согласится, то и припугнуть.

„— Стосковались по избѣ, какъ ни какъ, пусти ночевать, давно въ теплѣ не сиживали. Просто не въ могоготу стало!

„Ѣли въ избѣ баранье стегно, брюшинную похлебку, пили изъ туеза вино, хвалили хозяина, дали ему 30 руб. и, какъ начало на дворѣ зориться, отправились къ заводу, чтобы въ сосѣдствѣ приладить землянку, удобную къ прожитію въ зимнее время. Самому атаману этого не удалось сдѣлать. Онъ такъ былъ пьянъ, что дорогою свалился съ лошади (а та-

кіе же пьяные товарищи того не замѣтили). Около поскотины нашелъ атамана хараузскій крестьянинъ крѣпко спавшимъ, узналъ. На первыхъ порахъ онъ испугался, подозвалъ товарищей и общими силами связали его и представили къ заводскому начальству. Изъ остальныхъ товарищей его одинъ попалъ на двухъ сыщиковъ да и спрятался въ засаду, въ пустую избу. Сюда казаки ходить не любятъ, опасаются. Начали вытравливать по своему: одинъ засѣлъ за уголъ, другой кричалъ „выходи“! Его не послушались онъ, влѣзъ на крышу, въ трубу просунулъ жердь: „выходи-де“! Вышелъ: „Я не здѣшній, я изъ-за Камня (нерчинскій)“—и побѣжалъ въ лѣсъ. Погнались за нимъ, не нашли“.

Самъ Горкинъ посаженъ былъ на цѣпь; валяясь на нарахъ, онъ смирялся.

Пока разсказы о немъ росли въ гору, зацѣпляли небывалое, мѣшали съ былыми—Горкинъ пѣлъ пѣсни, заученныя въ Россіи, выдумывалъ, говорятъ, и свои. Когда спустили его съ цѣпи въ казарму, умѣнье пѣть пѣсни и хватать ими прямо за сердце развилось въ Горкинѣ въ неподдѣльный, настоящій талантъ. Съ нимъ хорошо прожилось ему по окончаніи каторжнаго срока на пропитаніи, въ разрядѣ исправляющихся. Такимъ же мастеромъ-пѣсенникомъ зазнали его мы въ четвертомъ разрядѣ ссыльныхъ, куда перевела его судьба по окончаніи долгихъ мытарствъ. Здѣсь объявилась въ немъ новая страсть, подвернувшаяся кстати на выручку. Полюбилъ удалой пѣсенникъ бойкихъ лошадокъ; ходилъ и гладилъ ихъ и выхолилъ такую лихую тройку, о которой стали ходить хвастливые слухи даже и въ этой (восточной) сторонѣ Забайкалья, гдѣ сартольская лошадка стоитъ въ большой славѣ. Приманилъ къ себѣ Горкинъ молодецкою ѣздою и придержалъ на своей тройкѣ удалою пѣснею, острою присказкою и веселыми прибаутками слабаго съ этого боку сибирскаго купца. Горкинъ и другую тройку подобралъ, и третьею обзавелся и возилъ въ нашъ проѣздъ по каторгамъ откупныхъ повѣренныхъ, какъ подрядчикъ и какъ кровный любитель, прямо изъ села Кабанскаго черезъ все озеро Байкалъ въ Лиственичную *). О старыхъ злодѣйствахъ онъ забылъ, но любилъ разсказывать въ оправданіе себя такой казусъ:

— Толковали про меня много всякаго вздору. Съ этимъ и по сю пору всякій лѣзетъ ко мнѣ, чтобы я ему сознавался. Одно сказать могу: ни одной я души человѣческой не тронулъ. А вотъ это разъ было. Ушелъ я отъ сыщиковъ да и умаялся, спать захотѣлъ. Извѣстное дѣло, всякій бродяга всякое мѣсто оглядываетъ. Хорошо просыпаться не въ петлѣ. Такое правило. Оглядѣлся и я: понравилась мнѣ яма, легъ я въ нее и заснулъ. Спалъ, надо быть, такъ, какъ убитый; проснулся, сталъ въ себя приходить, пѣсню заслышалъ. Чудесно, молъ, такъ-то поетъ кто-то. Знать, не сибирякъ, потому народъ этотъ пѣть, что рыба омуль, не умѣетъ, а нашъ-де братъ россійскій и, можетъ, такой же бродяга. Однако, посмотрю. Правило наше блюду, смотрю во всѣ стороны, нѣтъ никого, а кто-то мурлычитъ. Глянулъ поближе, а тутъ на заплотѣ (огородѣ) мухортый казачишко сидитъ, ко мнѣ спиною, и изъ стороны въ сторону покачивается. Сталъ я прислушиваться: по нашему, по россійски, ничего не выходитъ, по сибирски значитъ пѣсня; что ему на глаза попалось, то онъ и на голосъ поднимаетъ, про корову, про собаку вытягиваетъ. Мурлычитъ и этотъ казачишко. Я поближе, а у него въ пѣснѣ выходить стало, что ему-де на заплотѣ-то теперь очень хорошо и никого-де онъ теперь въ цѣломъ свѣтѣ не боится. „Медвѣдя,—говоритъ: не боюсь,—волкъ прибѣжитъ,—не боюсь и волка, и Горкинъ придетъ, и Горкина, слышь, не боюсь! Ахъ! и взяла же меня тутъ обида поперекъ самаго живота! Подкрался я къ нему сзади на цыпочкахъ. Правой-то по спинѣ бачиной (прутомъ) хлестнулъ, лѣвой за плечо повернулъ его рожей къ себѣ, да и спрашиваю: „Какъ, молъ, такъ, и меня не боишься“?! Онъ на меня взглянулъ, взвизгнулъ, да какъ снопъ и свалился на землю. Какъ я его ни трогалъ, какъ ни пихалъ, не шевелится, ухо приложилъ—не дышетъ. Померъ онъ такъ, словно я ему всадилъ ножъ въ самое сердце. Вотъ въ этой душѣ каюсь. Отъ нее и отрекаться не стану. Да развѣ я тутъ въ чемъ причиненъ?—любилъ вопрошать ямщикъ и пѣсенникъ Горкинъ, кончая любимый свой разсказъ, который онъ успѣлъ разсказать чуть ли не всему Забайкалью.

Примѣровъ довольно (за Горкинымъ ходить, повторять сказанное). Грабежи на каторгѣ—болѣзнь хроническая, не подчиненная тѣмъ законамъ, до которыхъ многосложными вычисленіями дошелъ Гэрри, увѣряющій, что убійства и грабежи на общественныхъ дорогахъ производятся преимущественно въ періодъ времени съ октября по январь. Для каторжныхъ мѣстъ это время—время затишья.

Оголодавшіе и иззябшіе бѣглые, съ приближеніемъ зимнихъ морозовъ, начинаютъ тѣмъ или другимъ способомъ добиваться угрѣвы, искать тепла и обезпеченія на зимніе мѣсяцы. Большею частью являются они на тѣ же казенные заводы съ каторжными работами, предпочитая легчайшія тяжкимъ. Карійскій бѣглый старается помѣститься на желѣзномъ заводѣ,

*) По позднѣйшимъ полученнымъ мною свѣденіямъ, Горкинъ сдалъ хозяйство сыну, а самъ ударился въ нищенство. Ходя по деревнямъ и избамъ, любилъ забавлять малыхъ ребятъ сказками и шутками. Умеръ любимцемъ всего окрестнаго молодого поколѣнія лѣтъ 40 тому назадъ.

бѣглый съ солевареннаго—на винокуренномъ, а бѣглый съ послѣдняго сорта работъ ищетъ работъ вольныхъ либо на частныхъ золотыхъ промыслахъ, либо на купеческихъ и крестьянскихъ фермахъ (заимкахъ). Такихъ добровольно пришедшихъ начальство, считая виновными, наказываетъ домашнимъ негласнымъ судомъ и въ годовыхъ отчетахъ своихъ хвастливо выставляетъ ихъ пойманными и пишетъ наказанными въ двухъ разрядахъ: „за побѣги" и за „самовольныя отлучки". Противъ общаго числа ссыльныхъ количество возвращенныхъ бѣглыхъ составляетъ немного больше половины; добровольно явившимся принадлежитъ значительно большая часть *). Весна, съ соблазномъ тепла и вѣроятіемъ вольныхъ работъ у хлѣбопашцевъ, увеличиваетъ по всяческимъ казеннымъ заводамъ количество побѣговъ и число голоднаго люда—дешевыхъ работниковъ для крестьянскихъ, по сибирскому обычаю, большихъ хозяйствъ. Весеннее время теряетъ значеніе (по Гэрри) времени, соотвѣтствующаго, по количеству преступленій, осени. Сибирская осень представляется тою порою, когда число преступленій, направленныхъ противъ собственности (кражи и грабежи), идетъ въ сотвѣтствующей пропорціи съ тѣми, которыя направлены покушеніями противъ лицъ (разбои и убійства). Августъ и сентябрь представляются тѣми мѣсяцами, когда наибольше сибирскимъ судамъ доводится встрѣчаться съ виновными въ разбояхъ, сопряженныхъ съ убійствами. При этомъ убійства, противъ всякаго ожиданія, не составляютъ вблизи каторжныхъ мѣстъ такого явленія, которое можно было бы назвать частымъ, и этотъ родъ преступныхъ злодѣяній является здѣсь съ особенными характерными признаками и представляется, сравнительно съ Россіею, въ самостоятельной формѣ и совершенно въ другой обстановкѣ.

Всѣхъ убійцъ изъ Россіи, въ теченіи десяти лѣтъ, сослано 2.179 человѣкъ на нерчинскіе заводы. Всѣ убійцы, по характеру этихъ казенныхъ учрежденій и по экономическому значенію таковыхъ, поставлены въ исключительное положеніе рабочей силы, „стали конями", по выраженію каторжнаго бывальца и проходимца Коренева. Насколько велика, пригодна и примѣнима ихъ сила, на столько готовы расцѣнивать ихъ болѣе самостоятельные и человѣколюбивые руководители работъ, но не блюстители нравственности. Послѣдняя не входитъ въ обязательства, для которыхъ не оставлено мѣста и рѣшительно не достаетъ времени. Ссыльные предоставлены самимъ себѣ и притомъ въ совмѣстномъ жительствѣ и ежедневно имѣютъ все противъ себя. Оборванная „сбруя", въ видѣ форменныхъ одежныхъ вещей, въ одно и то же время и затягиваетъ въ безконечные и неоплатные казенные долги и вѣрнѣйшимъ образомъ унижаетъ человѣческое достоинство тѣхъ, кого эти лохмотья прикрываютъ. Нигдѣ, кромѣ каторги, всѣ данныя не складываются въ такомъ обиліи и согласномъ сочетаніи для того, чтобы оскорбить и унизить привиллегированное и прирожденное человѣку чувство собственной гордости и разумѣнія личнаго достоинства. Въ способахъ обращенія, распредѣленія работъ и ихъ примѣненія, въ условіяхъ быта и взаимныхъ отношеніяхъ, все направлено къ тому, чтобы низвести людскую породу до крайней степени уничиженія и презрѣнія къ самой себѣ. За то нигдѣ уже эта цѣль не достигается съ такимъ успѣхомъ, какъ на этотъ разъ.

У людей, лишенныхъ всякой собственности, потерявшихъ законое право на владѣніе движимою и недвижимою, отрицаніе собственности является на первомъ мѣстѣ въ видѣ коренного каторжнаго закона. Ссыльные воровства за грѣхъ не считаютъ и воруютъ всѣ поголовно не только у стороннихъ, свободныхъ и счастливыхъ людей, но и въ своей средѣ, у такихъ же голышей и оборвышей. Сюда, въ эту сторону, направляются преступныя покушенія всякаго сорта ссыльныхъ подъ вліяніемъ благопріятнаго вѣтра, по быстрому теченію рѣки, которая на каторгѣ торопливѣе течетъ и гуще пѣнится. На каторгѣ не тѣ только воры, которые совершили разбои и кражи или обвинены въ святотатствѣ, но воруютъ и наталкиваемые голодомъ поджигатели и ищущіе спасенія въ побѣгѣ убійцы. Нѣтъ на каторгѣ разницы. Въ этомъ смыслѣ она умѣетъ уравнивать, подъ одну краску окрашиваться и зарождать во всѣхъ одинаковыя желанія. Большинство послѣднихъ сходится на глухомъ протестѣ противъ обязательныхъ и безплатныхъ трудовъ и противъ всей каторжной тяжести, выражается стремленіями на волю, безчисленными побѣгами. На каторгѣ считаютъ возвращенными только тѣхъ, которые, по малой опытности, были неосторожны и несчастливы, но и эти ходили въ бѣга съ дурными зачатками. Отъ постояннаго озлобленія, отъ дурной пищи и сырыхъ жилищъ, развивающихъ брюшныя болѣзни, цынготное худосочіе и меланхолію, бѣглецы уносятъ съ собою крайнюю раздражительность. Таковая болѣзненно возростаетъ отъ пьянства и молчитъ только до времени. Съ набалованными на воровствѣ руками, они на волѣ являются посреди тысячъ соблазновъ и подъ безвыходнымъ гнетомъ нужды и голода. Простое воровство, хорошо приспособляющее себя тамъ, гдѣ плохо берегутъ себя и живутъ неосторожно-распущенно, но въ средѣ населенія, постоянно находящагося въ осадномъ положеніи отъ бѣглыхъ и потому осторожнаго,

*) Съ 1 янв. 1847 по 1 янв. 1857 г. число всѣхъ ссыльныхъ рабочихъ на Нерчинскихъ заводахъ составляло 6.213 человѣкъ; въ тотъ же періодъ наказано за побѣги и самовольныя отлучки 2.923 (2.741 за побѣги, 182 за отлучки).

воровство обязательно переходитъ въ грабежъ и разбой. Нерчинское горное начальство только потому мало судитъ за грабежъ (въ 10 лѣтъ 8 случаевъ) и за воровство (64 человѣка), что уходятъ его паціенты дальше, вонъ изъ предѣловъ округа, и уходятъ съ должными предосторожностями, на которыя обязываетъ желаніе уйти отъ рудниковъ дальше, по возможности въ Россію или, по крайней мѣрѣ, въ мѣста Сибири, болѣе гостепріимныя для бѣглыхъ. По близости дѣйствуютъ только отчаянные и живутъ, подчиняясь всѣмъ случайностямъ судьбы, которая такъ характерно отразилась на судьбѣ Горкина, представляя въ немъ лицо до очевидности страдательное, лишенное всякой изобрѣтательности. Для того, чтобы его преступной и испорченной волѣ дѣйствовать, надобно внѣшнее возбужденіе; чтобы надѣлать преступленій, необходимо было умалиться до человѣка, не обладающаго ни энергіею, ни изобрѣтательностью. Весь результатъ похожденій, все счастье удачи послѣ многотрудныхъ опасностей—ведро вина и право быть въ томъ состояніи, въ которомъ такъ легко забывается на время весь сумракъ и тяжесть безповоротно испорченной жизни. Забаловавшись удачами и закружившись во всѣхъ запутанныхъ похожденіяхъ, онъ, такимъ образомъ, понесъ на себѣ всю тяжесть значенія, какъ разбойника, перепачкался въ людской крови послѣ того, какъ вышелъ только отдохнуть и погулять.

Конечно, такіе субъекты—явленіе далеко не ежегодное, но, тѣмъ не менѣе, періодическое и поучительное тѣмъ, что въ такихъ людяхъ какъ бы совмѣщается все недовольство людей „каторжнаго званія, которымъ и законъ не защитникъ" (какъ говорятъ они сами). Такіе, временами показывающіеся злодѣи, какъ бы избранные изъ среды своей мстители за товарищей, выходящіе на поле дѣятельности тогда, когда мѣра каторжнаго терпѣнія переполнилась и незримыя наблюдающимъ взорамъ внутреннія причины сложились именно такъ, что появленіе злодѣя кажется неизбѣжнымъ и законнымъ. Онъ для того и не уходитъ далеко, а мститъ, злодѣйствуя тутъ же. Мститъ онъ, поощряемый и поддерживаемый товарищами, испытавшими тяжесть ссылки, и злодѣйствуетъ на нихъ имя, на свою спину. Вѣрно, по крайней мѣрѣ, одно, что періоды появленія въ Нерчинскомъ краѣ злодѣевъ довольно примѣтны и имена рѣзче другихъ выдающихся личностей хорошо извѣстны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія заботилъ горныя власти разбойникъ Егоръ Григорьевъ и наводилъ страхъ и обязывалъ разсказами о своихъ похожденіяхъ мѣстное забайкальское населеніе долгое время. Слава его стала тускнуть и разсказы мельчать въ 30-хъ годахъ нынѣшняго же столѣтія, когда на смѣну ему выступилъ пѣсенникъ Горкинъ, а вотъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ загорѣлась звѣзда третьяго — Дубровина. Разъ случилось такъ, что въ то время, когда въ этой половинѣ Забайкалья злодѣйствовалъ Григорьевъ, въ восточной половинѣ, въ самомъ центрѣ нерчинскихъ рудниковъ, разбойничалъ Морозовъ, подъ Иркутскомъ — Гондюхинъ, въ окрестностяхъ Якутска на Ленѣ—Левицкій съ товарищами. Люди эти, поставляя главною своею цѣлью грабежъ на проѣзжихъ дорогахъ и устремляя свои нападенія, преимущественно, на купеческіе обозы и казенные транспорты, совершали убійства иногда въ такомъ числѣ, которое поражало своею необычайностью; нѣкоторые винились въ 10, 18 душахъ. Этимъ людямъ доводилось быстро поднимать цифру совершенныхъ злодѣйствъ въ предѣлахъ каторжныхъ мѣстъ. Безъ нихъ злодѣйства не отличаются рѣзко выдающимися особенностями и ростутъ, подчиняясь уже, какъ мы сказали, другимъ вызовамъ и особымъ законамъ.

Такъ, изъ числа 2.197 убійцъ, присланныхъ изъ Россіи въ тотъ же періодъ десяти лѣтъ, во всемъ Нерчинскомъ краѣ (жившемъ все это время разсказами о недавнихъ злодѣйствахъ Горкина) суждено за убійства (съ 1847 по 1857 г.) всего **одиннадцать** человѣкъ. Стало быть, изъ 200 убійцъ только одинъ (и то повидимому) подтвердилъ народное повѣріе, что разъ обагрившійся чужою кровью заражается жаждою ея и, по роковому влеченію злобной судьбы, уже не останавливается передъ новыми поводами къ подобнымъ злодѣйствамъ. Только одинъ на 565 ссыльныхъ (изъ всего числа присланныхъ на каторгу) нашелся такой, который поддержалъ укоренившееся въ образованныхъ классахъ русскаго общества убѣжденіе въ томъ, что въ ссылкѣ находятся тѣ порочные люди, для которыхъ нѣтъ ничего святого и завѣтнаго и, стало быть, пролить кровь ничего не значитъ.

Въ самомъ же дѣлѣ изъ Россіи являются сюда убійцами люди, отдавшіеся тому непосредственному чувству звѣрскаго раздраженія по вдохновенію кровной тяжелой обиды, которая ищетъ помощи на томъ же мѣстѣ, гдѣ приспѣлъ часъ мщенія, и содѣйствія въ тѣхъ орудіяхъ, которыя являются подъ руками и первыми являются на глаза: скалки, полѣнья, топоры и проч. Присутствіе предварительной подготовки, преднамѣренной рѣшимости совершить преступленіе убійства у большей части ссыльныхъ изъ простого необразованнаго люда замѣчательно слабо и участье развращенной воли подозрительно. Каторга даетъ многочисленныя доказательства тому, что эти люди, не умѣвшіе совладать съ приливомъ звѣрскихъ чувствъ на моментъ рѣшительнаго жизненнаго вопроса и строгаго испытанія, живущіе подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, вовсе не тѣ, которыхъ нельзя

было бы исправить въ Россіи, и именно тѣ, для которыхъ на каторгѣ представляется масса поводовъ натолкнуться снова и на новые случаи, дозволяющіе выразить присутствіе злой воли. Изъ ближайшихъ мѣстныхъ наблюденій оказывается, что поводы эти, становясь равнозначущими для всѣхъ живущихъ на каторгѣ, успѣшнѣе обходятся ссыльными, врасплохъ застегнутыми несчастьемъ каторжной ссылки за убійство, и поддаются соблазну этого злодѣйства на мѣстахъ ссылки безразлично всѣ, сосланные за другіе роды преступленій. Меньшинство убійцъ въ этомъ случаѣ уступаетъ поле и мѣсто большинству другихъ преступниковъ, присланныхъ на каторгу.

Здѣшнія убійства начинаютъ свою исторію, вызываются новыми причинами и сказываются въ другой обстановкѣ. Убійства сибирскія являются послѣдствіемъ неудавшагося грабежа въ замѣчательномъ большинствѣ случаевъ. Убійцею становится тотъ, кто пошелъ въ бѣга изъ мѣста заточенія, не успѣвъ примириться съ каторжною системою возмездія за преступленіе. Онъ дѣлается снова преступникомъ на этотъ разъ во время крайней опасности отъ голодной смерти и въ тотъ моментъ, когда послѣднія надежды его встрѣчаютъ сильный отпоръ и вооруженное противодѣйствіе. Орудіями злодѣйства, всего чаще, служатъ сами преступныя руки, схватывающія за горло для задушенія, и опять таки ножъ—орудіе для всякаго бѣглаго необходимое и всегда готовое къ услугамъ на поясу или за пазухою. Случаевъ убійствъ по любви къ искусству, подобно Дубровину (натолкнутому, впрочемъ, особымъ родомъ удальства и хвастовства передъ ослабѣвшею бдительностью начальства и всѣми испуганными его побѣгомъ изъ тюрьмы), случаевъ такихъ ссыльныя мѣста даютъ такъ мало, что они блекнутъ передъ громаднымъ большинствомъ убійствъ, вызванныхъ случайнымъ моментомъ *).

Человѣкъ, осужденный на каторгу, понесъ въ ссылку уже съ родного мѣста зачатки той нравственной болѣзни, которая имѣетъ основу въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія, развивается въ нѣчто серьезное по мѣрѣ того, какъ этапы начинаютъ, а сибирскія тюрьмы продолжаютъ представлять и осуществлять, на опытѣ въ тяжелыхъ и настойчивыхъ формахъ, практическое значеніе того несчастья, которое называется лишеніемъ всякихъ правъ. На мѣстахъ ссылки достаточно развившаяся болѣзнь, подъ впечатлѣніями общаго презрѣнія, выражаемаго словами и дѣломъ, складывается въ окончательныя формы. Если ссыльный, въ отчаяніи отъ боли, не прекратитъ жизни самоубійствомъ, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ готовъ внутренній, невещественный нарывъ, который сказывается потомъ при всякомъ случаѣ, при малѣйшемъ вызовѣ, при ничтожномъ уколѣ. На этотъ разъ только случайность, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предупредительность, основанная на разумномъ опытѣ, способны не вызывать болѣзненнаго раздраженія до опасныхъ и злодѣйскихъ примѣненій, часто даже характеризирующихся убійствомъ. Въ ссыльныхъ мѣстахъ практическіе и умные люди, по опытамъ людей неосторожныхъ и злыхъ, хорошо знаютъ, насколько опасно, въ сношеніяхъ съ этими больными, примѣненіе средствъ ѣдкихъ и раздражительныхъ и до какой степени дѣйствительны, необходимы и способны творить чудеса успокоительныя средства. Въ то время, когда неосторожные и неопытные платились жизнью, практическіе и осмотрительные достигали блестящихъ результатовъ, только умѣя доказать самимъ дѣломъ одно, что и въ лишенномъ человѣческихъ правъ они видятъ и признаютъ человѣка. Возвращеніемъ обратно нѣкоторыхъ правъ, прибавкою этимъ больнымъ даже самыхъ незначительныхъ льготъ, достигаются тѣ неожиданные результаты, которые свидѣтельствуютъ о живучести въ самыхъ тяжкихъ преступникахъ чувства чести и сознанія человѣческаго достоинства. Самый закоренѣлый злодѣй Дубровинъ доказалъ это тѣмъ, что довелъ довѣренныхъ ему каторжныхъ съ Кары до Николаевска, не упустивъ ни одного. Тѣмъ же способомъ довѣрія съумѣлъ достичь болѣе блестящихъ результатовъ тотъ этапный командиръ, которому поручено было перевезти изъ нерчинскаго Большого завода (по уничтоженіи тамъ тюрьмы) всѣхъ каторжныхъ на Кару—въ новыя тюрьмы и новыя работы на золотыхъ промыслахъ. На этой системѣ до половины зиждется утлое зданіе всей этапной системы. Большую часть деревянныхъ частныхъ домовъ въ г. Томскѣ выстроили рабочія артели изъ каторжныхъ, подъ надзоромъ рядчиковъ изъ своихъ же и пользовавшихся полною свободою, внѣ всякаго начальничьяго дозора. Лишь только успѣлъ замѣшаться посторонній наблюдатель (по поводу одного побѣга, о которомъ тосковала и кручинилась каторжная артель больше всѣхъ), дѣло было испорчено, рабочіе начали бѣгать. Больное мѣсто получило уколъ и уколъ произвелъ раздраженіе. Оно на этотъ разъ не сообразилось ни со временемъ, ни съ мѣстомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вызова раздраженіе не умѣетъ уже различать и лицъ. Оно высказывается мщеніемъ за обиду не только въ тѣхъ

*) Какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, мусульмане отличаются наибольшею наклонностью къ убійствамъ, и не смотря на то, что надъ ихъ наголо бритыми головами разразился ударъ тяжелаго молота каторги, Иркутское - Усолье представляло не совсѣмъ безопасное мѣсто. Ссылаемые сюда кавказскіе горцы (до Шамилевыхъ мюридовъ включительно) очень часто производили убійства: то рѣзали, то душили. За то и дорогу съ этого завода старожилы прозвали «воровскою».

случаяхъ, гдѣ вызовъ производится со стороны могущаго и сильнаго, но и тамъ, гдѣ заявляется стороною болѣе слабою, какъ горные рабочіе, и совсѣмъ слабою, какъ свой братъ-арестантъ. Убійства своихъ, убійства въ тюремныхъ стѣнахъ являются новымъ видомъ этихъ преступленій на самой каторгѣ.

Два шмельцера играютъ въ карты съ каторжнымъ Исаевымъ. Исаевъ выигралъ, но выигрыша ему не отдаютъ. Онъ споритъ, рѣшается въ крайнемъ случаѣ идти для разбирательства въ полицію. При немъ говоритъ одинъ шмельцеръ другому:

— Ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрить.

Исаевъ закидался по избѣ, схватилъ ножъ, побѣжалъ за обидчиками и кого нибудь изъ нихъ непремѣнно бы зарѣзалъ, но въ потьмахъ не нашелъ ни одного.

Въ Петровскомъ заводѣ былъ извѣстенъ всѣмъ декабристамъ горбунъ, ходившій постоянно съ палочкою—еврей, сосланный съ австрійской границы за контрабанду въ Енисейскъ. Оттуда горбунъ, за воровство со взломомъ, былъ присланъ въ Петровскій заводъ. Здѣсь разсказывалъ онъ про себя, что сдѣлалъ его горбатымъ кнутъ, и между прочимъ откровенно передавалъ такую повѣсть.

Дали ему за преступленіе 101 ударъ кнутомъ, стали налагать извѣстныя клейма: В. О. Р. Онъ неладно сѣлъ. Квартальный разсердился, выхватилъ у палача кнутъ, сталъ бить по головѣ сверхъ законныхъ ударовъ.

„Постой же, думаю. Снесли меня въ больницу. Здѣсь я притворился, что умираю, и сказываю: пусть-де возьметъ у меня квартальный поясъ, а въ поясѣ, молъ, деньги. Пришелъ онъ. Я свалился съ койки на полъ, началъ стонать, рукой на поясъ показываю. Наклонился квартальный за деньгами. Я изловчилъ руку, сгребъ припасенный ножъ, распоролъ квартальному брюхо и грудь ему поднялъ“.

На нашихъ глазахъ въ Верхнеудинскѣ окончилось послѣднее дѣйствіе драмы, которую затѣялъ другой еврей, Хаимъ Аврумовъ Вульевъ. Кончилось оно тѣмъ, что его прогнали сквозь строй за побѣгъ съ каторги Кутомарскаго завода, за нанесеніе по поимкѣ изъ этого побѣга тюремному смотрителю Верхнекарійскаго промысла ножемъ раны и за убійство ссыльно-каторжнаго Николая Семенова *). Послѣднее убійство обставилось для Вульева такими подробностями.

Работалъ онъ съ товарищами на тюремномъ арестантскомъ огородѣ подъ наблюденіемъ часовыхъ, стоявшихъ у тюремнаго помѣщенія. Захотѣлось ему отдохнуть и онъ вошелъ въ кухню въ то время, когда староста Семеновъ вынулъ изъ котла мясо и хотѣлъ рѣзать его на пайки. Для этого получилъ и ножъ, сохраняющійся всегда у военнаго караула. Пока товарищъ Семенова ходилъ за комнатнымъ надзирателемъ, чтобы пригласить его размѣрять на пайки вареное мясо, Семеновъ лежалъ уже на нарахъ близь двери зарѣзаннымъ. У Семенова съ Вульевымъ были какіе-то счеты, ничтожные до того, что слышавшій споръ ихъ изъ сосѣдней комнаты не счелъ за нужное войти и мирить. Но Семеновъ успѣлъ выговорить: „Ты злодѣй не только мнѣ, но и всему міру“.

Вульевъ, тотчасъ подскочивъ къ Семенову, ударилъ его по лицу и съ азартомъ требовалъ отъ него доказательства, почему онъ злодѣй, и притомъ ткнулъ въ лѣвый бокъ Семенова тѣмъ ножемъ, который вырвалъ изъ его рукъ. Семеновъ застоналъ и легъ на нары. Вульевъ—по собственному сознанію и по свидѣтельству очевидцевъ—видя Семенова въ отчаянномъ положеніи, бросилъ ножъ и пошелъ въ казарму казаковъ объявить, что онъ зарѣзалъ старосту. Рану убитаго пробовали присыпать табакомъ и прикладывать тряпку „для удержанія кровоизліянія“, но Семеновъ черезъ нѣсколько минутъ умеръ, не объяснивъ причины ссоры.

Вульевъ растолковалъ ее такимъ образомъ: „18 дней не выходилъ я на работу и занимался шитьемъ одежныхъ вещей: починкою штановъ и шитьемъ сюртука. Пришелъ на кухню по просьбѣ товарища-арестанта портного же Янкеля Трусселя, отъ котораго получилъ 1 руб. сер. для того, чтобы прибить Семенова, а Труссель былъ въ ссорѣ съ Семеновымъ „за непродажу ему сапоговъ“.

Изъ медицинскаго свидѣтельства видно, что Вульевъ „тѣлосложенія слабаго, страдаетъ хроническимъ разстройствомъ сердца съ сильнымъ біеніемъ онаго, имѣетъ изломанную головную кость, на лѣвое ухо глухъ и боленъ ломотою ногъ, изъ которыхъ правая одеревенѣла и не чувствительна“. По статейному списку узнаемъ, что ему 44 года, изъ мѣщанъ, что онъ присланъ въ каторжную работу на заводы за грабежъ, наказанъ кнутомъ съ постановленіемъ знаковъ.

По самому дѣлу и допросамъ подсудимыхъ ясно, что драки и ссоры—обыкновенный тюремный способъ препровожденія времени, что

*) Гоняли его сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ одинъ разъ и указали, сверхъ прежняго срока, приковать къ телѣжкѣ на два года, а восемь лѣтъ потомъ содержать въ отрядѣ испытуемыхъ. Вульевъ всю тысячу сразу не прошелъ, упалъ въ обморокъ. Когда фельдшеръ привелъ его въ чувство, Вульевъ первымъ дѣломъ ударилъ благодѣтеля по щекѣ; вторымъ—пригрозилъ убить судью и стряпчаго, лишь только удастся ему бѣжать изъ тюрьмы. То же самое настойчиво повторялъ онъ и на койкѣ въ лазаретѣ, излечиваясь, чтобы доходить остальную тысячу.

затѣваются онѣ на этотъ разъ не впервые, по вызову самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ поводовъ, и навѣрное на этихъ невинныхъ занятіяхъ многимъ удается срывать свое сердце и облегчать душу, не догрызаясь до ножа, не раздражаясь до убійства. Граница лежитъ тамъ, гдѣ уколы бьютъ по сосѣдству и не попадаютъ въ жгучую рану, снабженную наболѣвшими и раздраженными нервами. Такихъ, у которыхъ разбереженная рана никогда не заживала и постоянно ныла, однимъ словомъ такихъ, о которыхъ любятъ повѣствовать французскіе писатели (какъ, напр., Appert), на нашихъ галерахъ почти нѣтъ совсѣмъ. Сиживали они всѣ когда-то въ одномъ мѣстѣ: въ Акатуйской тюрьмѣ на цѣпяхъ, но передъ французскими злодѣями, вродѣ Бенуа, Шоффрана, Полишинеля, Режеса, Ласенера и Авриля наши убійцы—грубая мелкота, далеко не такъ тонко выдѣланная и замѣчательно простоватая. Попрочнѣе и поядовитѣе другихъ выдался нѣкто Филиповъ. Придетъ припадокъ, онъ и когти припрячетъ, приладилъ оружіе—когти выпустилъ. Освобожденный отъ кандаловъ, онъ купилъ себѣ въ Акатуѣ домикъ. Разъ подступилъ къ нему приливъ злыхъ мыслей: посадилъ онъ въ печь именинный пирогъ и пошелъ къ надзирателю рудника кланяться, просить осчастливить посѣщеніемъ. Тѣмъ же упросилъ содержателя и смотрителя. Всѣ любили выпить (онъ это зналъ). Напоилъ онъ ихъ до безчувствія водкою съ дурманомъ, разорвалъ на нихъ платье, подбилъ глаза, наломалъ бока, перебилъ собственные горшки и оконныя стекла, переломалъ мебель. Явясь къ главному начальнику, онъ жаловался, что гости его крѣпко изубытчили. Представилъ тому наглазныя доказательства: вотъ валяются на полу. Успокоился онъ, когда гости заплатили ему большія деньги, по приказанію главнаго начальника. Его нѣсколько разъ приковывали на цѣпь и увольняли.

Разъ, когда онъ сидѣлъ на цѣпи, услышалъ стороною разговоръ о собственной женѣ, которая будто бы завязала связь съ выпущеннымъ недавно на волю арестантомъ. Ревность заставила его притвориться больнымъ и лечь въ лазаретъ. Въ лазаретѣ прикинулся онъ умирающимъ, просилъ жену навѣстить его передъ смертью. Эта пришла съ калачами. Филиппов притиснулъ ее къ окну, схватилъ за горло и уже поднялъ на воздухъ, чтобы совсѣмъ задушить, но на выручку прибѣжали арестанты съ солдатами. Сидѣлъ онъ въ послѣдній разъ на цѣпи рядомъ съ Безногимъ, убійцею и бродягою, лишившимся ногъ въ лѣсу на морозѣ. Оба жили дружно и дожили до того, что у нихъ могла сладиться игра въ карты. Разъ за игрою повздорили и подрались. Безногій схватилъ Филиппова за горло и такъ сильно ударилъ его головою о желѣзную рѣшетку, что раскололся черепъ и Филипповъ исчезъ изъ списка злодѣевъ.

Восточная Сибирь, какъ преимущественное складочное мѣсто всѣхъ убійцъ и злодѣевъ, сохраняетъ между прочимъ объ одномъ такое преданіе (въ Минусѣ). У мѣщанина живетъ бѣглый и ходитъ съ нимъ на охоту. Разъ въ одну изъ такихъ прогулокъ замѣтилъ онъ звѣровщика, достававшаго съ дерева подстрѣленную бѣлку. Бродяга хладнокровно прицѣлился и ухлопалъ на повалъ этого незнакомаго и перваго встрѣчнаго. Содравъ одежду, онъ пошелъ домой. Натолкнувшись на другого, съ нимъ поступилъ также. Мѣщанинъ-спутникъ сталъ его упрекать. Бродяга скрутилъ ему руки и ноги, ограбилъ, потомъ началъ отрѣзать ему члены одинъ за другимъ съ наслажденіемъ, не торопясь. Жена мѣщанина, не дождавшись мужа, объявила о пропажѣ его. Полиція нашла трупъ и поймала бродягу. На допросѣ онъ повинился еще въ 15 убійствахъ и охотливо разсказалъ, что съ убитыми не разставался разомъ, а находилъ большое удовольствіе въ томъ, чтобы полежать возлѣ него и даже поспать цѣлую ночь рядомъ съ трупомъ.

При условіяхъ возбужденій, подобныхъ тѣмъ, которыя натолкнули на убійство даже евреевъ Горбуна и Вульева (народа наиболѣе осторожнаго и наименѣе причастнаго смертному грѣху смертоубійства), не мудрено возрости въ десять лѣтъ цифрѣ до 11 (представить по одному случаю на годъ) и затѣмъ оставить такое слабое вѣроятіе для убійства всѣмъ ссыльнымъ, такъ что собственно старымъ убійцамъ для новыхъ убійствъ остается ничтожное мѣсто. Не потому это такъ, что злодѣйской рукѣ мало простора въ слабо населенныхъ забайкальскихъ и сибирскихъ краяхъ, обладающихъ всѣми средствами раздраженія, но потому, что и здѣсь убійство—явленіе необычайное, будучи взято не во времена народныхъ бѣдствій, когда усиливаются кражи, возростаютъ грабежи и появляются разбои, обливающіе слѣды свои человѣческою кровью.

Такія времена для Сибири миновали съ тѣми тяжелыми для новой страны днями, когда неправильныя, насилованныя заселенія ея всякимъ сбродомъ вызывали разбои и убійства повременно; во времена Петра на Иртышской линіи; въ половинѣ прошлаго столѣтія въ юго-западной Сибири, въ алтайскихъ странахъ (разбойникъ Аѳанасій Селезневъ), въ концѣ прошлаго столѣтія между Красноярскомъ и Иркутскомъ (Гондюхинъ), въ началѣ нынѣшняго за Байкаломъ (Григорьевъ и Горкинъ). Разбои и убійства перекочевывали туда, куда направляли и гдѣ сосредоточивали искуственныя заселенія. Не исчезло это явленіе и при болѣе неблагопріятныхъ географическихъ и экономическихъ обстоятельствахъ: разбойничалъ бывшій князь Баратаевъ за Леною, когда прокладывали дорогу изъ Охотска на рѣку Алданъ; нарожда-

лись разбои и производились убійства и тогда, когда заселяли пустынную Камчатку. Кемчугскія горы и дремучіе тайговые лѣса за Ачинскомъ къ Красноярску считались долгое время страшными для путешественниковъ. Мѣста придорожныя окружены природными вертепами, обезпеченными непроницаемыми лѣсными трущобами. Разбои были сильны и прочны въ силу принудительныхъ поселеній, устроенныхъ такъ, что всѣ жители разбѣжались за неимѣніемъ силы расчищать лѣса подъ пашни.

Сибирскія современныя убійства, отчасти подчиненныя вліянію возмездія каторгою, но въ такой мѣрѣ, что каторга дѣйствуетъ оглушающимъ способомъ острастки и вовсе не владѣетъ способами исправленія. Свидѣтели злодѣйствъ, опираясь на предварительную порчу преступниковъ въ Россіи, не имѣютъ средствъ и времени опредѣлить свое мѣсто и взвѣсить тѣ благопріятныя для преступленій причины, которыми обильно снабжены мѣста, довѣренныя ихъ надзору и попеченіямъ. Какъ самъ убійца, раскаяваясь на судѣ въ собственномъ злодѣяніи, ищетъ для опредѣленія своего нравственнаго раздраженія и изступленія въ словахъ и говоритъ „разсвирѣпѣвъ и какъ бы окаменѣвъ, я бросился на него и проч.“, такъ въ тѣхъ же словахъ ищутъ оправданія себѣ приставники ссыльнаго люда, находящіе свое оправданіе въ предварительной и безвозвратной порчѣ ссыльныхъ. Между тѣмъ, на ихъ же глазахъ происходятъ изумительные факты исправленій злыхъ людей, конечно, помимо ихъ участія и вовсе независимо отъ каторжнаго вліянія. Превращеніе контрабандистовъ въ убійцъ и исчезновеніе въ убійцахъ убійцъ—слишкомъ извѣстные на каторгѣ факты и слишкомъ осязательныя явленія для того, чтобы можно было въ нихъ сомнѣваться.

У пристава одного изъ каторжныхъ мѣстъ мы нашли разбойника, ограбившаго почту и убившаго ямщика съ почтальономъ—въ водовозахъ, живущимъ и ночующимъ на кухнѣ; у начальника промысловъ женщину, зарѣзавшую собственнаго ребенка—въ кормилицахъ, отличающуюся неусыпнымъ надзоромъ, необычайною любовью въ воскормленнику и прочимъ дѣтямъ, братьямъ и сестрамъ ея питомца. Извѣстный всему Забайкалью, ловкій и весьма опасный разбойникъ и знаменитый пѣсенникъ Горкинъ кончилъ тѣмъ, что въ наше время возилъ, темными ночами, по пустынному и пятидесятиверстному перегону, черезъ замерзшій Байкалъ, откупныхъ повѣренныхъ послѣ того, какъ они успѣли обобрать во всѣхъ забайкальскихъ кабакахъ всѣ деньги, натасканныя богатѣлью торговою - казацкою и голытьбою каторжною-кабацкою, и совсѣмъ кончилъ уличнымъ шутомъ—скоморохомъ съ пляскою подъ веселый и шаловливый припѣвокъ на потѣху деревенскихъ ребятишекъ.

Таковы, на выдержку, первые попавшіеся подъ перо частные случаи изъ каторжной практики. Но и на этотъ разъ частные случаи предшествуютъ общимъ и пополняются ими. Милліоны возовъ съ чаемъ изъ Кяхты въ Москву, тысячи троекъ съ серебромъ, предназначеннымъ на вымѣнъ этихъ чаевъ, изъ Москвы въ Кяхту прошли и пробѣжали по тому же Забайкалью, населяемому предпочтительно самыми опасными и испорченными людьми, выброшенными за негодностью изъ опасливой и трусливой Россіи. Подъ самыми воротами и стѣнами каторжныхъ жилищъ казна провозитъ огромныя суммы, назначаемыя въ два свои, самыя отдаленныя казначейства. Трехмилліонная торговая компанія провезла свои милліоны и, не истерявъ въ дорогѣ, всѣ безслѣдно и безвозвратно сама утопила въ Амурѣ до послѣдняго рубля и копейки. Ежегодно изъ самаго нутра каторжнаго пекла въ концѣ зимы, на почтовыхъ тройкахъ, та же казна возитъ на многія сотни тысячъ золото и серебро въ слиткахъ, подъ охраною самаго ничтожнаго числа забайкальскихъ казаковъ, носящихъ удалое званіе только по преданію. Туземецъ-сибирякъ вовсе не видитъ въ этомъ рискованнаго дѣла, но даже ждетъ такого времени съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, суевѣрно вѣруя, что когда „пробѣжитъ золотуха“ (транспортъ съ золотомъ), въ воздухѣ полегчаетъ, морозы съ этой поры станутъ сдавать и слабѣть, а пробѣжитъ „серебрянка“—придорожный сибирякъ набожно крестится и приговариваетъ: „Слава Богу и Иннокентію, чудотворцу иркутскому! увезли мірскую кровь и людскія слезы! надо телѣгу чинить, скоро кукушка закукуетъ“.

Во всю длину битой дороги, идущей черезъ Сибирь, доброхотные люди изъ старожиловъ даютъ проѣзжимъ легкіе совѣты быть осторожными на ночное время въ двухъ-трехъ мѣстахъ на всѣхъ четырехъ тысячахъ верстъ всего пути въ самыя дальнія мѣста самой строгой каторги. Тамъ же, гдѣ сама каторга считаетъ собственныя сотни верстъ, предостереженій таковыхъ проѣзжій не получаетъ. Затѣмъ уже нигдѣ не испытываетъ онъ большихъ непріятностей отъ дорожной встрѣчи съ обозами, беззаботно растянувшимися по всему полотну битой зимней дороги. Словно и ѣдятъ здѣсь эти извозчики круче и дахи ихъ теплѣе, а потому и спятъ они на возахъ крѣпче.

Что на виду, то и на самомъ дѣлѣ. Не скрываемою, насмѣшливо-хвастливою улыбкою встрѣчаютъ настоящіе знатоки каторжныхъ порядковъ и ближайшіе приставники и блюстители ссыльныхъ людей всякое сомнѣніе въ безопасности ихъ положенія среди испорченнаго на родинѣ и озлобляемаго на чужбинѣ ссыльнаго люда. Какою нибудь сотнею казаковъ, гдѣ старый зачастую путается на службѣ съ малымъ—

эти, увѣренные въ себѣ люди защищаются сами и защищаютъ казенное и свое имущество отъ огромнаго сброда настоящихъ порченныхъ преступниковъ, у которыхъ утратилось все завѣтное и святое, у которыхъ даже собственная одежда, въ зимніе холода, на плечахъ не держится, и либо проигрывается въ карты, либо обмѣнивается на вино. Наблюдатели, оффиціально обязавшіеся должностью и службою, увѣряютъ, по личному опыту, что большая часть преступленій ввѣренныхъ имъ людей выродилась изъ нужды, доведенной до крайности, и сопряжена съ захватомъ чужой собственности, что только незначительная часть совершена подъ вліяніемъ страстей, что это такъ и должно быть, потому что большинство пришедшаго на каторгу народа—люди простые, необразованные, либо крестьяне, либо мѣщане. Другіе наблюдатели (не присяжные, но сторонніе), которыхъ судьба привела въ каторжную жизнь изъ среды образованнаго и даже высшаго круга, рядомъ опытовъ и долговременнаго изученія, пришли къ тому же основному выводу, что всѣ эти каторжные люди пали подъ вліяніемъ какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Въ дѣлѣ паденія ихъ всего меньше замѣтно участье сердца. Оно, это сердце, во всякомъ случаѣ не злое, а испорченнымъ является уже потомъ и именно здѣсь, на каторгѣ. Все это—именно *несчастные* люди, какъ совершенно вѣрно и достаточно мѣтко опредѣлилъ ихъ самъ же простой народъ, выдѣлившій изъ себя этихъ преступниковъ. Вотъ почему (говорятъ намъ) и среди этого народа, не вооруженная револьверами и ружьями, не защищенная заборами и стѣнами, красуется тихая сельская жизнь съ тою же прелестью совершенно обезпеченнаго и защищеннаго труда на Шилкѣ, и на Аргуни, на Хилкѣ и Газимурѣ, какъ бы и на матушкѣ Волгѣ, и что едва ли даже не въ большей распущенности проводится и не съ большею безпечностью устроивается и семейная жизнь здѣсь, чѣмъ, напримѣръ, въ большихъ городахъ русскихъ, оберегаемыхъ полиціею.

М. М. Сперанскій, побывъ генералъ - губернаторомъ Сибири, писалъ къ своей дочери (1819 г.): „Число ссыльныхъ, какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣденіямъ они едва составляютъ до двухъ тысячъ въ годъ и въ томъ числѣ никогда нѣтъ и десятой части женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу! Они докажутъ, что у насъ въ 20 тысячахъ едва можно найти одного преступника, да и то воришку маловажнаго; важныхъ нѣтъ и на сто тысячъ одного. Я самъ не повѣрилъ бы сему прежде и считаю это великимъ въ моральномъ мірѣ открытіемъ“.

Онъ же говорилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, Сем. Богд. Броневскому: „Мнѣніе, будто бы въ Сибирь ссылаютъ людей самыхъ порочныхъ, не точно. Объясню притчей. Многіе переходили ровъ, одинъ за другимъ, по узкой кладкѣ. Осторожные всѣ перешли, а одинъ упалъ, заглядѣвшись на сторону, замарался и ушибся“! Затѣмъ этотъ же Броневскій писалъ въ посмертныхъ запискахъ: „Притча Сперанскаго объясняетъ нѣкоторымъ образомъ, что, дѣйствительно, большая часть зѣвакъ туда попадаетъ. Бѣдность, вино, любовь, солдатство и несносные господа либо управители влекутъ народъ на заселеніе Сибири. Многіе говорятъ, что преступники, перейдя границу европейскую, т. е. Уральскій хребетъ, совершенно перерождаются къ лучшему,—и не мудрено! — широкое раздолье угодьевъ, довольство въ первыхъ потребностяхъ и свободное состояніе, вымѣненное на рабство, при разныхъ облегченіяхъ, даруемыхъ правительствомъ ссыльно - поселенцамъ, хотя какого заблудшаго образумитъ. Не должно впадать въ заблужденіе, считая и варнаковъ людьми опасными и безнадежными. Разбойникъ-тать, по внушенію ловкаго соблазнителя, при нуждѣ и бѣдности оглушенный виномъ, впавъ въ преступленіе, вдругъ видитъ пропасть, въ которую себя ввергъ. Совѣсть начинаетъ его со всею силою мучить и онъ, чтобъ освободиться отъ этого страданія, часто добровольно отдаетъ себя на другое: въ руки правосудія, и съ сильнымъ раскаяніемъ терпѣливо влачитъ свою жизнь въ работѣ и изганіи. Есть много сосланныхъ за политическія и противорелигіозныя преступленія и по замѣшательствамъ, происходящимъ въ городахъ, селеніяхъ и полкахъ, увлеченныхъ общимъ движеніемъ или повѣрившихъ, по невѣжеству своему, нелѣпымъ внушеніямъ злокозненныхъ лицъ. Я знаю, что въ заводахъ и рудникахъ многіе каторжные исполняютъ, со всею вѣрностью, интересныя должности. Зародышъ добра въ такихъ до того силенъ, что худые примѣры и разные разсказы въ сонмѣ закоренѣлыхъ преступниковъ не производятъ на нихъ ни малѣйшаго вліянія. Въ Сибири почти у всѣхъ чиновниковъ и купцовъ прислуга изъ класса ссыльныхъ. Однако, примѣры побѣговъ съ воровствомъ, тѣмъ болѣе злодѣяніями, довольно рѣдки“.

Короче Сперанскаго и Броневскаго, но согласно съ ними, выразился Кетлэ (въ своей Physique sociale), что преступленіе есть нѣмой, въ большей части случаевъ, безсознательный протестъ человѣческой природы противъ несовершенствъ общественнаго устройства. „Chague criminel est le martyr de l'ordre sociale. Крупныя преступленія—исключенія въ общественной жизни, они не нарушаютъ обычнаго, заведеннаго порядка. Важность ихъ заключается въ ихъ необычайности, преступленія же мелкія со-

вершаются ежедневно и всего болѣе колютъ глаза заведенному порядку, хотя вниманіе публики къ нимъ равнодушно". Къ тому же (какъ сказалъ Фурье) „безнадежная бѣдность такъ же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство его презирать".

Нерчинское горное начальство приняло на свои каторжныя работы изгнанныхъ изъ Россіи, за негодностью и признанныхъ опасными для нее, въ теченіи одного десятка лѣтъ (съ 1-го января 1847 г. по 1-ое января 1857 г.), шесть тысячъ двѣсти тринадцать человѣкъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Въ этомъ числѣ, въ разсчетѣ на большее преуспѣяніе края и на пущую опасность для нессыльнаго и непреступнаго населенія изъ старожиловъ, явилось изъ Россіи однихъ убійцъ 2.179 человѣкъ, болѣе чѣмъ третья часть всего числа убійцъ, приговоренныхъ на каторгу въ Россіи и высланныхъ въ Сибирь въ предыдущій десятокъ лѣтъ (съ 1837 по 1847 г.). Кромѣ того, съ единственнымъ, но призрачнымъ выигрышемъ для себя, Россія выслала въ нерчинскіе рудники, въ тотъ же десятокъ лѣтъ (конечно, не для исправленія), разбойниковъ и грабителей (воровъ со взломомъ) 1.136 человѣкъ; фальшивыхъ монетчиковъ и покупщиковъ краденнаго 191, поджигателей 174, святотатцевъ — 72, произведшихъ растлѣніе—54, возмущеніе 12 и оскопленіе—7,—и 2.256 человѣкъ, „завиненныхъ въ неоднократныхъ побѣгахъ", сопряженныхъ съ другими преступленіями и, вообще, не даромъ скрывшихъ свои настоящія имена и объявлявшихся на судѣ „непомнящими родства" *). Если, можетъ быть, и не всѣ провинившіеся въ этихъ преступленіяхъ въ Россіи, за періодъ предшествовавшаго десятка лѣтъ, а только пойманные и уличенные явились на нерчинскую каторгу, если даже и изъ завиненныхъ и приговоренныхъ въ ссылку нѣкоторая часть (и довольно, впрочемъ, значительная) оставлена для работъ по сю сторону Байкала (на сибирскихъ казенныхъ заводахъ и фабрикахъ **), тѣмъ не менѣе предлагаемая цифра сосчитана вѣрно и закрѣплена поголовною перекличкою и повѣркою. Не вся она на лицо (это также вѣрно), не только въ первые мѣсяцы по приходѣ, но даже и въ первыя недѣли, и измѣнилась эта цифра побѣгами, однако, въ ней достаточно есть грязной, враждебной и опасной силы для туземнаго населенія, имѣющаго несчастье жить въ сосѣдствѣ съ каторгою, владѣющаго отъ труда нажитою собственностью, нерѣдко именно въ такомъ размѣрѣ, чтобы порождать соблазнъ и возбуждать зависть въ неимущемъ своей и потерявшемъ все, даже доброе имя.

Мы видѣли, насколько не крѣпки кандалы, какъ скованныя въ Россіи, такъ и замѣнившія ихъ въ Сибири. Всѣ знаютъ, до какой степени застоялись тюрьмы Россіи, хотя онѣ построены за дорогія деньги изъ каменнаго матеріала по системѣ подряднаго соперничества. Въ Сибири даже и тюрьмы не всѣ каменныя, а тѣ, въ которыхъ скопляется наибольшее число опасныхъ людей (каковы тюрьмы каторжныя), какъ бы намѣренно деревянныя, но съ тѣмъ же ржавымъ желѣзомъ въ окнахъ и на дверяхъ, съ такими же подкупными сторожами и, вообще, съ ненадежными затворами и запорами. Къ тому же на каторгѣ цѣнится рабочая сила, которая возила бы руду и разгребала бы пески; для педагогическаго заведенія на каторгѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени. Какъ творится то чудо, что опасное для Россіи населеніе, безъ видимыхъ внутреннихъ причинъ и безъ всякаго старанія и попеченія извнѣ, становится безопаснымъ для Сибири,—возбуждаетъ недовѣріе и порождаетъ обязательство повѣрки такого знаменательнаго и замѣчательнаго факта. Мы старались произвести ее при содѣйствіи лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, разспросами самихъ преступниковъ и личными нашими наблюденіями надъ тою частью Россіи, которая такъ грозно, своеобразно и самостоятельно оттѣнилась отъ всѣхъ другихъ частей Россіи, не имѣющей съ Забайкальемъ, въ этомъ отношеніи, никакого сходства.

Мы останавливались на убійцахъ и на самомъ преступленіи смертоубійства, какъ на такомъ, которое не есть слѣдствіе разбоя или грабежа и не вытекло изъ бродяжества—этого богатаго источника многихъ злодѣяній, но то смертоубійство, которое и нерчинскою статистическою таблицею выдѣлено въ отдѣльную графу и на самомъ дѣлѣ, въ общественномъ значеніи этого слово, стоитъ отдѣльно и одиноко. Убійство, какъ болѣзненный наростъ на общественномъ организмѣ, не оправдываемое никакими законами, но, тѣмъ не менѣе, подчиненное своимъ, служитъ, въ одно и то же время, и мѣриломъ для выясненія большей или меньшей степени развитія нравственнаго состоянія извѣстныхъ классовъ общества въ данную эпоху и характеризуетъ цѣлый народъ, объясняя ступень, на которой стоитъ его цивилизація. Это обязыва-

*) Общее число ссыльныхъ въ нашу десятилѣтнюю сложность дополняется, сверхъ того, еще 2-мя сосланными за пристанодержательство (то-есть притонщиковъ, державшихъ притонъ для преступниковъ), 77-ью сосланными за «дерзость противъ начальства», 19-ью за утрату казенныхъ вещей и поврежденіе у себя членовъ (за членовредительство, какъ привыкли выражаться наши законники по нѣмецкому способу словоизмышленій) и 54-мя, присланными за Байкалъ за политическія дѣла (то есть поляками).

**) Такъ, напримѣръ, большая часть ссыльныхъ женщинъ оставлялась, не доходя Иркутска, на Тельминской суконной фабрикѣ, въ силу указа 1798 г. (26 марта). Только на короткое время эта фабрика уступала ссыльныхъ женщинъ для отправки на Александровскую фабрику въ Тифлисѣ.

етъ насъ оглянуться назадъ, припоминая одну случайную встрѣчу съ убійствомъ, надѣлавшимъ шумъ на всю Россію и до сихъ поръ не забытымъ въ Москвѣ, и съ убійцею, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, на мѣстѣ его изгнанія.

ГЛАВА II.

УБІЙЦЫ.

Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ.—Мѣста, наиболѣе богатыя убійствами.—Монгольскія племена.—Прочіе инородцы.— Уралъ.—Заводскіе люди.—Дѣтоубійства.— Убійства женъ и мужей. — Братоубійства. — Убійства родственниковъ. — Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворовыми.—Крестьянскіе бунты.

Въ Россіи ежегодная цифра убійствъ принадлежитъ по разрядамъ преступленій къ самымъ крупнымъ. Въ средѣ ихъ, по количеству преступниковъ, она занимаетъ третье мѣсто. Преступленіе этого рода уступаетъ числомъ жертвъ лишь бродяжеству и разнаго вида воровству (кражѣ и мошенничеству). Раздѣляясь на смертоубійство умышленное и случайное („неосторожное"), оно даетъ число ссыльныхъ по первому виду почти въ семнадцать разъ больше, чѣмъ по второму. Въ года, ближайшіе къ годамъ нерчинской таблицы, въ теченіи девяти лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.), всякаго рода убійцъ прошло въ Сибирь 4.952 мужчины и 1.451 женщина *). Изъ этого числа крупныя цифры принадлежатъ тѣмъ губерніямъ, которыя по преимуществу населены инородческими племенами, стоящими на самой низшей ступени гражданскаго развитія, не отставшими отъ кочевой жизни и тѣхъ привычекъ и вѣрованій, которыя являются ея слѣдствіемъ. Монгольскія племена, составляющія большинство населенія восточныхъ русскихъ губерній, за долгое историческое существованіе въ средѣ вліянія славянской расы, оказали большое упорство и крайнюю устойчивость въ коренныхъ народныхъ началахъ и неподатливость вліянію чуждыхъ. Упрямо и медленно поддаваясь успѣхамъ и условіямъ гражданственности чужого племени, монгольскія, въ большинствѣ, съумѣли остаться при тѣхъ же первобытныхъ грубыхъ нравахъ, которые характеризировали ихъ и въ отдаленную эпоху ихъ политическаго существованія. Если замѣтна между нѣкоторыми изъ нихъ большая мягкость нравовъ, уступившихъ духу времени и нѣкоторымъ правительственнымъ настояніямъ, то за то другая и большая часть отстаиваетъ упорно свои племенныя особенности. Если лихой татаринъ успѣлъ измельчиться въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ въ торгаша-бухарца и буряты начали мирно распахивать поля подъ Иркутскомъ, то, съ другой стороны, киргизы не отстаютъ еще отъ грабежей и хищническихъ наѣздовъ, обливая слѣды баранты человѣческою кровью, а татары и буряты берегутъ на крайній случай и на благопріятный вызовъ неудержимую дикую вспышку. Они не потеряли понятія о мести кровь за кровь, этой характерной черты азіатскихъ народовъ, еще не осѣдлыхъ и не гражданственныхъ,—черты, выразившейся съ большею опредѣленностью и послѣдовательностью въ жизни кавказскихъ и закавказскихъ горцевъ. Вотъ почему и тобольская табель о ссыльныхъ должна была выразиться въ такомъ видѣ: убійцъ-татаръ 67, башкиръ 44, киргизовъ (только изъ Оренбургской губ.) 8, черкесовъ (только мирныхъ) 7 (между прочимъ, грузинъ 62). Наклонность къ убійствамъ въ магометанахъ выразилась такъ, что составляетъ самую видную и крупную черту ихъ нравовъ.

Точно также и въ тѣхъ инородческихъ племенахъ, происхожденіе которыхъ этнографы и филологи приписываютъ чуди, коренныя народныя свойства крайне живучи и дѣятельны. Не такъ давно начали рѣдѣть слухи о такъ называемой „сухой бѣдѣ" — особенномъ видѣ самоубійства, требующемъ отъ обиженнаго вотяка, чуваша и черемиса веревки и петли, чтобы повиснуть на ней надъ воротами обидчика. До сихъ еще поръ на нашихъ глазахъ воровство всякаго рода не считаютъ грѣхомъ ни вогулы, ни цыгане, ни дальнее сибирское племя якутовъ; за то у тунгусовъ оно—поразительная случайность, преслѣдуемая и нетерпимая цѣлымъ племенемъ. Нигдѣ въ Европѣ законодательство не стоитъ въ такой крайней зависимости отъ требованій разноплеменности и нигдѣ оно не находится въ такихъ крайностяхъ и трудностяхъ и въ большей отвѣтственности передъ законами человѣчества, какъ у насъ въ Россіи. Нигдѣ также нѣтъ большей трудности рѣшать о степени нравственнаго развитія народа по ста-

*) Въ это число тобольскія табели о ссыльныхъ включили, вмѣстѣ съ самыми убійцами, и количество тѣхъ преступниковъ, которые знали о преступленіи и не объявили начальству, и тѣ, которые суждены по подозрѣнію и, наконецъ, тѣ, которые нанесли тѣлесныя поврежденія другимъ лицамъ съ намѣреніемъ къ убійству.

тистическимъ числамъ его преступленій; до сихъ поръ мало извѣданы и выяснены всякія пружины, руководящія духомъ извѣстнаго племени, мало изслѣдованы и изучены самыя племена, населяющія Россію. Тѣмъ не менѣе, въ спискѣ губерній, объявившихся съ болѣе крупною цифрою убійствъ, первое мѣсто заняли губерніи, населенныя инородческими племенами, преимущественно магометова закона: Оренбургская, Тобольская, Пермская, Казанская, Вятская, Грузино-Имеретинская (нынѣшняя Тифлисская), Симбирская и Кавказская область (нынѣшняя Ставропольская губернія). Хотя, въ то же время, почти всѣ эти губерніи принадлежатъ къ однѣмъ изъ самыхъ населенныхъ (въ особенности Вятская) и, повидимому, таковое отношеніе преступниковъ къ общему числу жителей должно уравновѣшиваться въ одинаковой мѣрѣ съ другими столько же населенными губерніями, но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Столько же и даже болѣе населенныя губерніи (каковы всѣ южныя степныя) уходятъ на второй и третій планъ, составляя вторую и третью количественную категорію. Только здѣсь, въ этихъ губерніяхъ, свободныхъ отъ инородцевъ-мусульманъ, число убійцъ встало въ соотвѣтственныя отношенія къ числу жителей, уравнивая, такимъ образомъ, преступность ихъ населенія *). Раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не представляетъ мѣрила, достаточно законнаго и опредѣленнаго: нигдѣ произвольное раздѣленіе Россіи на губерніи, не объясняющее ясныхъ и правильныхъ основаній, не является съ болѣе поразительною очевидностью, какъ на этотъ разъ, и не представляетъ большей запутанности и затрудненій, какъ именно въ стремленіяхъ, подобныхъ нашимъ **). Если принять въ соображеніе, что, напримѣръ, губернія Московская имѣетъ большее число жителей, чѣмъ Казанская, а Пермская и Оренбургская, отдѣльно взятыя, меньше Вятской, то вопросъ о тайныхъ пружинахъ, руководящихъ народными инстинктами и наталкивающихъ на извѣстный родъ преступленія, не теряя своей важности, все-таки остается не разрѣшимымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ существовать у насъ уголовной хроники и юридической характеристики мѣстностей. Теперь для нихъ самое важное и необходимое время, но ни тѣхъ, ни другихъ до сихъ поръ литература наша не имѣетъ; тѣ и другія являются пока дѣломъ случайностей. Со временемъ опредѣлится, съ цифровымъ подкрѣпленіемъ, та несомнѣнная истина, что, напримѣръ, губерніи Оренбургская и Пермская (меньшія) преступнѣе болѣе населенной губерніи Вятской въ грѣхахъ убійствъ и оттого, что въ этихъ губерніяхъ происходитъ наибольшее скопленіе бѣглыхъ преступниковъ изъ Сибири, и потому, что большинство населенія ихъ, помимо инородцевъ, принадлежитъ заводскому люду, истощенному до крайней бѣдности и отчаянной нужды недавними порядками поссесіоннаго и владѣльческаго права. Теперь уже довольно ясно можно видѣть изъ отчетовъ горныхъ начальниковъ о происшествіяхъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ, насколько убійства были тамъ не рѣдкость и сколько безнравственно рабочее населеніе вдоль всего богатаго и рудоносного Уральскаго хребта.

Изъ просмотра уголовныхъ дѣлъ видно, что большое количество преступленій совершается по Уралу на частныхъ заводахъ; на казенныхъ сравнительно меньше. Грабежи отличаются удальствомъ и смѣлостью и не обходятъ даже главнаго заводскаго города Екатеринбурга, который рѣзко выдается въ этомъ отношеніи изъ ряда другихъ русскихъ городовъ. По дѣламъ 1858, 59 и 60 годовъ, наибольшее количество преступленій группируется около частныхъ заводовъ; Кыштымскихъ (9 убійствъ), Невьянскихъ (6 случаевъ), Нижнетагильскихъ (6 случаевъ), Алапаевскихъ и Уфалейскихъ (по 5). Изъ казенныхъ преступнѣе другихъ Богословскіе, причемъ на одинъ городъ Екатеринбургъ и при этомъ на одинъ только годъ (1859) выпало семь случаевъ убійствъ. Грабежи идутъ въ соотвѣтствующей пропорціи и самоубійства также явленія нерѣдкія. Убиваютъ довольно часто мужья любовниковъ своихъ женъ; убиваетъ сынъ отца, съ участьемъ матери и товарищей, заставъ его на мѣстѣ прелюбодѣянія; своякъ удавилъ свояка,

*) За 20 лѣтъ.

	Убійцъ.	Число жителей.
Курская	540	1.900.000
Харьковская. . .	478	1.600.000
Черниговская . .	430	1.500.000
Полтавская . . .	379	1.900.000
Пензенская . . .	339	1.900.000

**) Будущая работа въ этомъ родѣ потребуетъ отдѣленія преступниковъ городскихъ отъ сельскихъ, ибо города вездѣ грѣховнѣе селеній. Также немалая трудность и большая осмотрительность понадобится въ томъ случаѣ, когда придется съумѣть и успѣть отдѣлить пришельцевъ отъ туземцевъ. Въ кочующемъ населеніи торговаго и промысловаго русскаго люда, мѣняющаго свои мѣста, какъ мѣняются цвѣта въ калейдоскопѣ, и теперь лежитъ много причинъ тому, что раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не имѣетъ достаточнаго основанія и права. Барышники изъ касимовскихъ татаръ и изъ цыганъ, не имѣющихъ опредѣленнаго мѣста, вѣрнѣе попадутся въ конокрадствѣ вблизи конныхъ ярмарокъ и пойдутъ въ Сибирь изъ Лебедяни и Котельнича за рязанца и вятскаго. Убійца-бурлакъ изъ тверскихъ уйдетъ изъ Астраханской губ., гдѣ ему больше вѣроятія голода, грабежей и убійства, а пензенскій крестьянинъ, обреченный на постоянное пьянство на каспійскихъ рыбныхъ ватагахъ, уйдетъ въ Сибирь оттуда же за грабежъ подъ призрачнымъ именемъ астраханца и проч. и проч. Такъ, между прочимъ, Петербургская губ., со столичнымъ городомъ по населенію равная Костромской, по количеству убійцъ встала въ ней въ такія отношенія: въ 20 лѣтъ съ 1827—по 1846 убійцъ Спб. 398 муж. и жен., Костромск. 254. Весь излишекъ дополненъ съ избыткомъ г. С.-Петербургомъ.

по просьбѣ жены послѣдняго, и вмѣстѣ съ нею вывезъ трупъ за селеніе, положивъ въ сани съ бандурою и полуштофомъ водки. Сестра зарѣзала ночью сестру за то, что та доносила матери о распутной жизни убійцы, и созналась въ томъ, что сначала собиралась изрубить ее топоромъ, потомъ хотѣла устукать пестомъ. Мужъ задушилъ беременную жену за то, что она не дала ему на свадьбу рубахи и обругала варнакомъ, а чтобы скрыть преступленіе, по совѣту бабки, ѣздилъ къ священнику съ просьбою растворить въ церкви царскія врата, а въ домѣ отперъ всѣ замки: мучилась-де родами, отъ мукъ померла. Мертвый младенецъ плаваетъ въ озерѣ; маленькій мальчикъ, посланный за милостынею, лежитъ зарѣзаннымъ въ холостой избѣ. Одинъ коновалъ въ кабакѣ далъ заводскому вмѣсто молотаго табаку пережженнаго купоросу; обиженный вышелъ было вонъ, да вернулся, и говоря про себя себѣ подъ носъ: „Кто смѣлъ меня ударить“? пырнулъ, вмѣсто коновала, ножемъ въ бокъ заводскаго. Одного убитаго сожгли въ печи въ банѣ; другой, услыхавъ ночью шумъ, выскочилъ на дворъ съ двернымъ запоромъ и не возвращался; онъ найденъ избитымъ, окровавленнымъ и уже бездыханнымъ. Третій заводскій крестьянинъ ѣдетъ по дорогѣ и слышитъ, какъ впереди его кричитъ одинъ голосъ: „Начинай“! а другой: „Не робѣйте“! Затѣмъ „караулъ“! раза четыре и просьба: „Васенька, заступись“! И опять „Не шевелись, Васька, и тебѣ то же самое будетъ“: И снова просьба: „Ребята, пожалѣйте, перестаньте“! И снова крикъ: „Ну, ребята, въ которой крови я плаваю теперь, въ той же крови будете плавать и вы“. Въ итогѣ опять трупъ убитаго и новые преступники-пастухи, которые выпросили убитаго подвезти ихъ на лошадкѣ, и проч.

Конечно, и на этотъ разъ большинство случаевъ убійствъ являются слѣдствіемъ грабежа, меньшинство вызвано ничтожными и пустыми поводами, драками и ссорами въ пьяномъ видѣ. Орудія на половину обычныя: сверкаетъ топоръ, бьетъ кулакъ въ високъ, силятся мускулистыя руки сократить жизнь, сдавливая горло или причинное мѣсто. За то уже въ большомъ ходу яды, долговременная подготовка къ преступленію. Между убійцами мало людей неизвѣстныхъ, изъ бродягъ. все свои—заводскіе и фабричные люди. Бродяги „шалятъ“ отчасти въ Екатеринбургѣ и вольнѣе хозяйничаютъ за городомъ, въ предѣлахъ ближайшихъ къ Сибири и настоящихъ сибирскихъ. Раздраженные каторгою, а за тѣмъ всякими неудачами во время побѣга, сибирскіе бѣглые, вмѣстѣ съ поселенцами, успѣваютъ установить такое рѣзкое явленіе, что Тобольская губернія соперничаетъ съ Пермскою и также на всѣ роды преступленій умѣетъ отвѣчать самыми крупными цифрами. Однихъ убійцъ въ 9 лѣтъ, намъ извѣстныхъ, губернія эта дала 176 муж., 23 жен.; Пермская 171 муж., 26 жен. Въ 20 лѣтъ Пермская успѣла дать уже 538 муж. и 144 жен. — 682 убійцы и превзошла и Оренбургскую (617 убійцъ), и Курскую (540), и Вятскую (447) и С.-Петербургскую (398). Издавна Тобольская губернія населялась преступнымъ и дурно обезпеченнымъ на поселеніи людомъ и притомъ въ такой системѣ, которою не давалось правильной осѣдлости, не указывались работы и не направлялся трудъ—это самое вѣрное исправительное нравственное начало. Съ давнихъ временъ Тобольская губернія представляетъ до сихъ поръ такое мѣсто, гдѣ скучивается наибольшее количество бродягъ—бѣглыхъ съ каторги и мѣстъ поселенія, жаждущихъ проскользнуть въ Россію. Какъ у дверей кассы, въ ожиданіи очереди, они производятъ тѣсноту и на бездѣльѣ и досугѣ пошаливаютъ, а въ грабежахъ наталкиваются на убійства.

Къ болѣе вѣроятнымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ ведутъ другія дѣленія людей, пойманныхъ на убійствѣ. Разбивая общее число убійцъ всякаго рода на отдѣльныя категоріи, мы приходимъ къ тому выводу, что въ этомъ числѣ большая цифра принадлежитъ матерямъ, убившимъ своихъ дѣтей. Въ теченіи шести лѣтъ (съ 1838 до 1844) ушло въ Сибирь 317, тогда какъ мужчинъ за тоже преступленіе осуждено было 23 человѣка. Чаще также убиваютъ жены своихъ мужей и рѣже женъ мужья, но за то, естественнымъ образомъ, чаще братъ брата, чѣмъ сестра брата, и примѣчательно рѣже умерщвляютъ своихъ родителей дочери, чѣмъ сыновья *).

*) Убійства этихъ видовъ находятся между собою въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ (по годамъ, въ общей сложности):

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	1838	1839	1840	1841	1842	1843	Всего.
Убійство мужей. .	30	28	23	16	27	19	148
» женъ. . .	26	20	9	11	21	36	123
Дѣтоубійство:							
Матерями.	39	53	67	43	59	56	317
Отцами	3	5	3	5	3	4	23
Братоубійство:							
Братьями.	3	5	1	3	3	5	20
Сестрами	—	1	—	1	—	—	2
Убійство родителей:							
Сыновьями	3	3	3	7	6	5	28
Дочерями.	2	2	—	1	3	—	8

Останавливаясь на этихъ жертвахъ столько же семейнаго деспотизма, самаго мучительнаго и опаснаго изъ всевозможныхъ деспотизмовъ на свѣтѣ, сколько и личнаго животно-звѣрскаго проявленія чувствъ въ испытуемомъ, мы снова должны сожалѣть о томъ, что послѣдующія табели тобольскаго приказа о ссыльныхъ, по какому-то непонятному соображенію, измѣнили планъ сортировки преступниковъ и разнородныхъ сбили въ одну кучу, подчинивъ ихъ общей таинственной рубрикѣ, какова, напримѣръ, «оскорбленіе родительской власти». Надо замѣтить, что приводимыя цифры до того устойчивы, что еще въ

Убійство дѣтей для женщины есть одно изъ тѣхъ преступленій, которое прежде другихъ обрекаетъ ее на несчастье ссылки и становится для нее обязательнымъ въ силу тяжелыхъ бытовыхъ условій, зависящихъ въ одно время и отъ неправильныхъ деспотическихъ отношеній мужей и семьи и отъ того позора, каковымъ ее встрѣчаетъ общественная среда. Насильственные браки для увеличенія тяголъ при крѣпостномъ состояніи, принудительныя супружества въ средѣ болѣе свободныхъ земледѣльцевъ (каковыми были прежде крестьяне государственные и удѣльные, а теперь всѣ), супружества, основанныя на волѣ большаковъ семей для пріобрѣтенія дешевой рабочей силы, а не на взаимной любви и согласіи сговоренныхъ, обиліе разнаго рода отхожихъ промысловъ, требующихъ продолжительныхъ отлучекъ, а также и раннихъ браковъ для замѣны себя женою въ семьѣ; при этомъ зимнія стоянки громаднаго количества солдатъ, холостыхъ и одинокихъ, изъ которыхъ значительная часть, въ свою очередь, покидаетъ на мѣстахъ родины и въ постойныхъ городахъ, на правахъ вдовъ, собственныхъ женъ-солдатокъ,—вотъ гдѣ находитъ себѣ оправданіе этотъ видъ убійства, убійство дѣтей. Оно для женщинъ является тотчасъ роковымъ, какъ только вступаетъ она въ періодъ дѣторожденія; встаетъ на первое мѣсто въ возрастѣ свыше двадцати и затѣмъ, до 40 лѣтъ, не уступаетъ его ни одному изъ другихъ родовъ женскихъ преступленій. Въ періодъ ранній (отъ 15 до 20 лѣтъ) женщина производитъ еще разсчеты съ мужемъ, пробуетъ силы собственнаго терпѣнія и покорности и, при недостаткѣ таковыхъ и при безсиліи, выставляетъ на первое мѣсто убійство мужей, каковое преступленіе въ послѣдующіе два десятка лѣтъ женскаго возраста (до 40) отходитъ на задній планъ и уступаетъ участью женщинъ въ поджогахъ и виновности ихъ въ убійствѣ чужихъ. По сравненіи процентныхъ отношеній, съ этой стороны у женщинъ замѣчается даже особенная наклонность къ убійству мужей. При этомъ жены большею частью прибѣгаютъ къ помощи ядовъ. Въ 4 года (1843 по 1847) изъ 128 убійцъ собственныхъ женъ было только 5 отравителей, изъ 190 женщинъ, за тотъ же періодъ времени, 67 отравительницъ. Въ періодъ улаженнаго семейнаго быта ненависть къ мужу женщина продолжаетъ вымещать на дѣтяхъ и выражать страхъ преслѣдованія убійствомъ даже до конца своихъ дней, даже за 60-ые годы жизни. Для солдатокъ убійство дѣтей вѣроятнѣе, чѣмъ для крестьянокъ, а преступность дѣтоубійства у мѣщанокъ слабѣе обоихъ видовъ этихъ русскихъ сословій, наиболѣе другихъ виновныхъ въ отнятіи жизни у собственныхъ созданій. По различнымъ мѣстностямъ Россіи преступленіе этого вида распредѣлилось въ соотвѣтствіи съ количественностью населенія: съ большимъ числомъ случаевъ исключеній (въ 9 лѣтъ) въ губерніяхъ малороссійскихъ и съ меньшею цифрою на тѣ губерніи, гдѣ преобладаетъ мужское населеніе въ силу еще продолжающагося заселенія ихъ бродягами-одиночками (губ. Астраханская, напримѣръ, не дала ни одного случая убійства дѣтей во всѣ десять лѣтъ).

Убійство родителей (безъ раздѣленія въ тобольскихъ табеляхъ отцовъ отъ матерей), по примѣтной исключительности, вовсе не свойственно обитателямъ большей части степныхъ губерній, организующихся при участьи отбившихся отъ семейныхъ молодыхъ паръ или бобылей, и губерній сѣверныхъ, гдѣ патріархальная чистота нравовъ сохранилась во всей цѣлости такъ же, какъ и во всѣхъ пяти бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ большей виновности по убійству родителей оказываются двѣ губерніи заводскія (Пермская и Оренбургская)—готовные участники во всѣхъ родахъ злодѣйствъ и преступленій. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ другихъ, перевѣсъ убійствъ обращается на сторону сыновей; соотвѣтствуетъ у нихъ и у дочерей въ большей степени возрасту зрѣлому (у сыновей отъ 20-ти до 40 лѣтъ, у дочерей отъ 16-ти до 30-ти). Разбирая убійцъ родителей по сословіямъ, увидимъ, что процентное отношеніе сильнѣе въ дворянствѣ и у казаковъ. Въ купечествѣ, духовенствѣ и у дворовыхъ преступленія этого не существуетъ вовсе *).

1759 году, когда вознамѣрились всѣхъ преступныхъ женщинъ выслать для браковъ къ холостякамъ на Иртышскую линію, изъ 77 женщинъ, прошедшихъ туда черезъ Омскъ, 54 оказались сосланными за убійство мужей, 10 за дѣтоубійство, 1 за отцеубійство, 1 за блудъ съ отцомъ, а прочія съ тою же несокрушимою послѣдовательностью, какъ и въ наши дни: за поджоги въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, за кражу, побѣгъ и порчу волшебными травами и словами.

Замѣчательно то, что Сибирь начинала свою исторію нерѣдкими случаями дѣтоубійствъ. Это преступленіе до такой степени было усвоено женскимъ населеніемъ молодой страны, что вызвало сильныя сокрушенія и жалобы, однообразныя и взаимно-подкрѣпляющія другъ друга съ обѣихъ сторонъ. Объ огромномъ количествѣ часто повторявшихся случаевъ этого тяжкаго преступленія свидѣтельствуютъ: тобольскій митрополитъ Филоѳей, находившій причину его въ сильномъ развратѣ ссыльныхъ женщинъ, и Инокентій Нероновичъ (епископъ иркутскій), говорившій, что убитыхъ и вытравленныхъ младенцевъ хоронили матери въ ямахъ отхожихъ мѣстъ.

*) Въ Сибири убійцы отцовъ и матерей никогда не переводились въ разрядъ испытующихся и не освобождались отъ заключенія въ въ тюрьмахъ даже за дряхлостью. Въ Восточной Сибири, именно въ Минусинскомъ округѣ, въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія извѣстна была одна замѣчательная убійца изъ женщинъ. Она памятна всѣмъ страстью къ щегольству, которую не покинула и въ острогѣ, сохраняя при этомъ всѣ признаки душевнаго спокойствія. Сидѣла

Убійство родственниковъ, а также сестеръ и братьевъ, не представляетъ никакихъ характерныхъ особенностей, оставаясь въ незначительныхъ цифрахъ даже и для густо-населенныхъ губерній. Мужчины, естественно, виновнѣе въ этомъ отношеніи женщинъ, не по праву исключительности отношеній въ общественномъ (не семейномъ) смыслѣ, а въ силу того закона, что, вообще, мужская натура несравненно грубѣе и преступнѣе женской.

И жертвы вслѣдъ за жертвами обязываютъ насъ перейти къ тѣмъ изъ нихъ, которыя пали, какъ очистительныя, за тяжкій грѣхъ, нѣкогда исповѣдуемый всѣмъ, населяющимъ земной шаръ человѣчествомъ и не такъ давно присущій всему нашему государству. У насъ, въ Россіи, эта упорная и застарѣлая болѣзнь государственнаго организма въ наши времена разрѣшилась подъ вліяніемъ хирургическаго ножа. Мы говоримъ о крѣпостномъ правѣ и, по плану нашего разсказа, переходимъ къ тѣмъ преступникамъ, которые совершили убійство помѣщиковъ. Возвращаемся къ прошлому злу, чтобы быть послѣдовательными при дальнѣйшемъ объясненіи цифры убійцъ, присланныхъ вообще въ Сибирь и въ частности на нерчинскую каторгу. Эти преступники на меньшую половину крестьяне, отбывавшіе на помѣщиковъ повинности деньгами и задѣльемъ, на большую—дворовые люди, т. е. тотъ непроизводительный классъ русскаго населенія, который въ послѣднія сто лѣтъ возросъ до громаднаго количества, способнаго привести всякое другое государство, заключенное въ тѣсныхъ географическихъ границахъ и не богатое свободными землями, до отчаянія и на край погибели. Усиленными побѣгами въ разныя стороны (и преимущественно въ Сибирь) и усиленными стремленіями откупаться на волю посредствомъ чрезвычайныхъ услугъ и денегъ дворовое сословіе отчасти предотвратило опасность само собою, отчасти земельными надѣлами по силѣ узаконеній. Во всякомъ же случаѣ, оно съумѣло, за долгое время существованія, образоваться въ особую касту, совершенно отличную отъ того сословія, которое легло въ его основу, а равно не превратилось и въ то, которое его вызвало и приблизило къ себѣ. Тяжесть своего положенія оно выразило въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя послѣдовательно истекали изъ ложныхъ бытовыхъ отношеній и направлялись къ сознательнымъ цѣлямъ выхода изъ принужденныхъ обязательствъ. Обезземеленные и обдѣленные собственностью, они воровали до такой степени неисправимости, что, помимо всѣхъ системъ наказанія, употребляемыхъ въ Россіи и послѣ нихъ, въ большомъ числѣ уходили въ Сибирь. Они выражали личную месть въ поджогахъ представительствомъ женской половины своего сословія, поднимали и участвовали въ возмущеніяхъ, на счастливые случаи прибѣгали къ поддѣлкамъ документовъ съ цѣлью денежныхъ пріобрѣтеній или для побѣга и—на крайніе и несчастные случаи — производили убійства, направляя ихъ противъ своихъ господъ. Какъ поджигатель и какъ воръ, дворовый преступнѣе всѣхъ, какъ поддѣлыватель фальшивыхъ актовъ, онъ слабѣе только дворянъ, какъ убійца, дворовый уступалъ одному только солдату. Дворовыя женщины, въ видѣ поджигательницъ, преступнѣе всѣхъ мужчинъ, изъ какого бы сословія эти послѣдніе ни были нами взяты.

Вглядываясь въ цифру убійцъ помѣщиковъ, мы видимъ то поразительное и важное явленіе, что не было губерніи въ Великой Россіи, населенной крѣпостными людьми, которая не дала бы нѣсколькихъ преступниковъ, осужденныхъ уголовными законами на ссылку въ Сибирь, если не ежегодно, то по нѣсколько разъ въ теченіи нашихъ восьми лѣтъ. Большинство убійцъ принадлежитъ мужчинамъ въ зрѣломъ возрастѣ. Сопровождалось преступленіе истязаніями. Въ женщинахъ общее число убійцъ помѣщиковъ въ четыре раза меньше противъ количества мужчинъ. Убійцы-женщины выходили на преступленіе съ ядомъ и ходили при этомъ въ самую нѣжную пору жизни (отъ 10 до 20 лѣтъ). При этомъ охотливѣе поднимали онѣ руку на владѣльцевъ, чѣмъ на своихъ родственниковъ и мужей (больше убивали крѣпостныя женщины только дѣтей и постороннихъ). Всего чаще убивали помѣщиковъ въ губерніяхъ: Сарат. (34 м., 3 ж.), Симбир. (33 м.), Владим. (22 м., 3 ж.), Полтавск. (14 м., 11 ж.), Костром. (18 м., 4 ж.), Витебск. (9 м., 10 ж.), Екатер. (10 м., 8 ж.), Курск. (13 м., 4 ж.), Воронежск. (15 м., 2 ж.), Пенз. (9 м., 7 ж.), Харьк. (3 м., 12 ж.), Дон. зем. (6 м., 8 ж.), Тульск. (9 м., 4 ж.), Херс. (8 м., 4 ж.), Рязан. (8 м., 4 ж.), Казанск. (11 м.), Псковск. (5 м., 6 ж.). Рѣже убійства въ губ.: Могил. (10 м.), Нижег. (9 м.), Тверск. (4 м., 4 ж.), Подол. (8 м.), Орлов. (6 м., 1 ж.), Смол. (2 м., 5 ж.), Оренб. (4 м., 2 ж.), Яросл. (3 м., 2 ж.), Спб. (3 м., 2 ж.), Тамб. (2 м., 2 ж.), Гродн. (4 м.), въ Вятской, Виленской, Грузино-Имеретинской, Минской и Московской (по 3 м.), въ Новгородской, Вологодской и Черниговской (по 2 м.), въ Оренбургской, Пермской и Таврической (по 1 м.). Не было выслано, само собою, убійцъ помѣщиковъ только изъ тѣхъ губерній, которыя рас-

она въ острогѣ за то, что удушила четырехъ евреевъ вмѣстѣ съ каторжнымъ своимъ супругомъ. Супругъ этотъ былъ у нее послѣдній, третій. Перваго она зарѣзала въ Россіи и за это попала на каторгу; второго, пріобрѣтеннаго въ Сибири, она задавила пьянымъ. Нѣсколько разъ была бита кнутомъ; судъ обличилъ да и сама она призналась въ убійствѣ евреевъ, за что получила 35 ударовъ кнута и сослана въ нерчинскіе рудники. Женщина эта была пригожая лицомъ, румяная, полная собою, съ заманчиво-кокетливыми глазами.

положены по окраинамъ Имперіи (въ упомянутыхъ таковыхъ же самое наименьшее число) и. волею историческихъ судебъ, освобождены были отъ вліяній крѣпостного права, каковы: Арханг., Астрах., Олонецк. (отчасти Волог. и Вятск.) *). Не видимъ также убійцъ изъ трехъ губерній остзейскихъ; также не выслано изъ Кіевской ни одного во всѣ восемь лѣтъ. Тобольскія табели секретовъ этихъ объяснить не могли, потому что на этотъ разъ списки составлялись по какому-то неизвѣстному плану. Между тѣмъ, извѣстно, въ что 1845 г. убійствъ помѣщиковъ было произведено 12, въ 1848 г —18 **).

Убійство по процентному отношенію и по разнымъ родамъ сословій, выясняется на первомъ планѣ изъ дворянъ: для служащихъ и служившихъ въ военной службѣ. Въ равной же степени ссыльные солдаты за убійство идутъ чаще дворовыхъ и заводскихъ крестьянъ съ фабричными. Дворовые количествомъ убійствъ превосходятъ владѣльческихъ крестьянъ; не уступаютъ этимъ послѣднимъ и заводскіе, потому что и самыя условія ихъ жизни складывались неблагопріятнѣе условій крѣпостного быта собственно помѣщичьихъ крестьянъ (приписныхъ къ землѣ, а не къ заводамъ и фабрикамъ). По сравненію крестьянъ съ мѣщанами, у первыхъ случаи убійствъ чаще, а по сравненію крестьянъ двухъ видовъ (владѣльческихъ и государственныхъ), за исключеніемъ изъ владѣльческихъ дворовыхъ и заводскихъ, степень вѣроятія и убійство усиливается въ крестьянахъ государственныхъ (вмѣстѣ съ удѣльными и однодворцами). Однодворцы по убійствамъ сейчасъ слѣдовали за заводскими, какъ за однодворцами шли непосредственно военные поселяне. Съ самою слабою степенью виновности въ убійствѣ, какъ и во всѣхъ родахъ преступленій, является сословіе купеческое. Изъ внутреннихъ губерній Россіи, кромѣ Пермской, наибольшій процентъ убійцъ принадлежалъ (тотчасъ же) губ. Симбирской, затѣмъ Казанской, Харьковской и Курской. Самымъ слабымъ процентомъ отличались губ. Курляндская и Астраханская.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что тобольскія табели не представляли собою такого источника, который давалъ бы возможный просторъ для болѣе любопытныхъ и поучительныхъ выводовъ. Временами облегчая работу болѣе или менѣе искуснымъ распредѣленіемъ ссыльныхъ и объясненіемъ родовъ преступленій въ дробныхъ категоріяхъ, въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ со времени своего основанія, приказъ на послѣдующія времена измѣнилъ систему къ худшему. Не владѣя задачами, истекающими изъ требованій науки, онъ съумѣлъ усложнить работу до того, что теперь вести ее далеко невозможно. Приказъ сначала выдѣлялъ, потомъ съумѣлъ сбить безразлично крестьянъ всѣхъ родовъ и наименованій, не расцѣнивъ тѣхъ существенныхъ и весьма серьезныхъ различій, каковыя лежали между владѣльческими и удѣльными, государственными и заводскими. Не отдѣлялись войсковые обитатели, пахатные солдаты, мучившіеся въ военныхъ поселеніяхъ, какъ, въ свою очередь, перестали потомъ эти табели отличать помѣщичьихъ крестьянъ отъ дворовыхъ людей. Мы не говоримъ уже о болѣе дробномъ дѣленіи, имѣющемъ весьма серьезное значеніе при оцѣнкѣ убійствъ и другихъ тяжкихъ и необычайныхъ преступленій. Приказъ не владѣлъ, напримѣръ, средствами отдѣлять изъ общей массы владѣльческихъ крестьянъ тѣхъ, которые принадлежали мелкопомѣстнымъ, отъ крестьянъ крупныхъ собственниковъ. Не умѣлъ также выдѣлить приказъ крестьянъ, пользовавшихся въ Россіи различными льготами (лоцмановъ, вольныхъ матросовъ, половниковъ, бѣлопашцевъ). Льготы эти, какъ оказало время и опытъ, не улучшили крестьянъ этихъ въ нравственномъ отношеніи настолько, чтобы не подозрѣвать въ нихъ значительной доли участья во многихъ и весьма важныхъ преступленіяхъ *).

*) Впрочемъ, изъ Архангельской выслапъ былъ одинъ, завезенный туда дворовый, убившій своего господина.

**) По годамъ, намъ извѣстнымъ, количество этихъ преступленій расположилось въ такомъ порядкѣ:

	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1859	1860
Муж.	43	49	78	14	16	4	14	10
Жен.	14	10	6	8	5	12	неизвѣстно.	

Конечно, по тобольскимъ табелямъ, ссыльные извѣстнаго года не всегда преступники прошлаго года. Вотъ тому доказатсльства: изъ Владимирской губ. сосланы въ 1859 годъ два такихъ, которые совершили преступленіе еще въ 1841 году, два изъ Саратовской, убившіе господъ своихъ въ 1842 году, и т. д. Точно также въ 1860 году изъ 10 убійцъ 9 считались таковыми съ 1842 г., а остальной одинъ съ 1843 года. Въ 1859 году сослано было двѣ женщины, учинившія убійство въ 1858 году (1 Саратовской губ. и 1 по рѣшенію правительствующаго сената, не указавшаго тобольскому приказу губерніи), обѣ «за приготовленіе яда на отравленіе помѣщиковъ», и въ 1860 изъ Тамбовской губ. 1 женщина 1858 года за «отравленіе госпожи ядомъ». Изъ разбора преступленія, названнаго «нарушеніемъ предѣловъ повиновенія въ крѣпостномъ состояніи», мы увидимъ, что тамъ, гдѣ это неповиновеніе обнаружилось массами—участье женщинъ почти равносильно участью мужчинъ. Это обстоятельство замѣтно приближаетъ цифру преступленій этого рода, совершенныхъ женщинами, къ таковой же цифрѣ мужчинъ. Въ тѣхъ мѣстахъ работы нашей, гдѣ того или другого рода преступленія увеличиваются или уменьшаются въ количествѣ, мы будемъ объяснять соотвѣтственно причинамъ, вызывающимъ эти явленія: будутъ ли онѣ экономическія или произойдутъ какъ слѣдствіе измѣненія или отмѣны нѣкоторыхъ существующихъ у насъ узаконеній.

*) Сусанинскіе бѣлопашцы, напримѣръ, поступились въ недавнее время многими изъ своихъ,

Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно должны облегчить степень виновности въ одномъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій крестьянъ, сидящихъ на землѣ безъ всякихъ льготъ и преимуществъ и платящихъ подати. Даже и теперь крестьяне, по проценту тяжкихъ преступленій, стоятъ въ заднихъ рядахъ другихъ сословій и званій, или искуственно созданныхъ или неудачно вызванныхъ на русскую почву (солдаты, дворовые, фабричные, бѣглые, бывшіе тюремные сидѣльцы или освобожденные и поселенцы). На этотъ разъ тѣ же крестьяне, но поставленные въ другія бытовыя условія, сдѣлались преступнѣе во всѣхъ родахъ преступленій и многія изъ признаваемыхъ тяжкими, цѣликомъ взяли на себя, облегчивъ тѣмъ тяжесть упрека, лежащаго на такъ называемыхъ простыхъ русскихъ людяхъ. Мѣщане и солдаты— эти два чужеземныхъ растенія, пересаженныхъ съ нѣмецкой почвы въ томъ видѣ, какъ они росли тамъ,—повинуясь естественнымъ законамъ, на нашей почвѣ, въ полтораста лѣтъ, успѣли прорости глубоко, но, въ то же время, приняли иной видъ и оттѣнокъ. Новыя свойства почвы и климата изъ возлюбленнаго всѣмъ нѣмецкимъ народомъ цвѣтка на новомъ и неприготовленномъ мѣстѣ выродили волчецы, у которыхъ внѣшніе признаки однородны, но внутри оказалась гниль и червоточина.

Одно изъ этихъ растеній начинаетъ въ наше время принимать иной видъ и оживляться, но за то другое все еще ждетъ, когда и у него начнутъ подрѣзать сухія вѣтки, срѣзать дикіе наросты и дадутъ растенію иную поливку, свѣтъ и теплоту. Тутъ и тамъ со временемъ перетрясутъ и провѣтрятъ землю, комомъ накипѣвшую около самыхъ корней и задержавшую, такимъ образомъ, правильный ростъ. Солдаты и мѣщане, отсаженные отъ корневого растенія и не привитые къ другому живому тѣлу, продолжали существованіе, въ которомъ примѣтны были и зачатки агоніи, съ одной стороны, и избытокъ заразительнаго яда—съ другой. Мѣщанинъ безъ земли, солдатъ безъ собственности; одинъ, обманувшійся на искуственной почвѣ города, другой—обманутый жизнью въ казармѣ и оба стояли на покатой дорогѣ къ пороку. Причина извѣстна: трудъ есть одно изъ началъ морализаціи, работа и занятія— сильное испытанное противоядіе дурнымъ стремленіямъ и привычкамъ. Рѣдко порокъ остается одинъ; онъ соединяется, обыкновенно, съ безнравственностью, за которою неизбѣжно слѣдуетъ преступленіе. Крестьяне — люди труда земледѣльческаго, промысловаго и торговаго, оттого и преступность ихъ не такая тяжкая, какова она у солдатъ, мѣщанъ и тѣхъ людей, которые, съумѣвъ разъ впасть въ преступленіе, успѣли пожить совмѣстно съ другими преступниками по тюрьмамъ, рабочимъ домамъ и арестантскимъ ротамъ. Учрежденія же эти или существовали на старыхъ, суровыхъ и озлобляющихъ порядкахъ, или—и вновь основанныя—не руководствовались настоящими образцами и человѣколюбивыми правилами.

За то, съ другой стороны, владѣльческіе крестьяне отличаются отъ многихъ другихъ сословій наибольшею пропорціею ссыльныхъ за тотъ родъ убійства, который называется самоубійствомъ.

ГЛАВА III.

САМОУБІЙЦЫ.

Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири.—Самоубійства въ городахъ и деревняхъ.—Орудія и способы этого преступленія.—Утопленіе.—Петли.—Яды.—Огнестрѣльныя орудія.—Неволя.—Роковыя мѣста.—Сухая бѣда.—Ямки.—Самосожигатели.—Морельщики.—Огромное количество жертвъ.—Причины этого явленія.—Особый видъ сибирскаго раскола.

От судей, какъ и отъ общества, обыкновенно скрыты тѣ тайныя пружины, какія направляютъ человѣка на стезю преступныхъ дѣяній. Имъ неизвѣстны тѣ благородныя усилія, какія дѣлаетъ человѣкъ передъ преступленіемъ, противъ наплыва черныхъ мыслей и для умягченія раздраженныхъ чувствъ. Они не знаютъ всей внутренней борьбы, которую выдерживаетъ бѣднякъ для того, чтобы сохранить твердость противъ слѣпыхъ внушеній судьбы. Кромѣ его самого, нѣтъ другихъ свидѣтелей этой скрытой и великой драмы, гдѣ виновный является главнымъ актеромъ. Сила нравственнаго чувства у нѣкоторыхъ субъектовъ направляетъ эту борбу на тотъ пунктъ, на которомъ они предпочитаютъ скорѣе расквитаться съ жизнью, чѣмъ покинуть стезю долга. Причина этого самоотверженія, какъ послѣдней жертвы, на которую идетъ человѣкъ отъ гнета нужды, также скрыта отъ судей и общества; они также не знаютъ, что вѣра въ дѣйствительную силу чести, чувство собственнаго до-

высланными за воровство (конокрадство), корчемство и содержаніе пристаней для бѣглыхъ.

стоинства успокоивают актера незримой драмы и он отдается в руки смерти, не желая, может быть, разстаться съ жизнью, но довольный и счастливый тѣмъ, что провелъ ее безъ пятна. Вотъ причина большей части самоубійствъ.

Покушенія на этотъ видъ убійствъ возростаютъ по мѣрѣ разныхъ случайностей, каковы болѣе или менѣе продолжительные кризисы, которымъ подчинена и подвержена всякая промышленность и которые неблагопріятно дѣйствуютъ не только на существованіе самого работника, но и на существованіе его семейства. Въ той же мѣрѣ сильно дѣйствуютъ и гражданскіе безпорядки (къ счастью, очень рѣдкіе), которые сопровождаются тѣмъ же исходомъ, вредящимъ общественному спокойствію мирно налаженной жизни и ослабляющимъ даже источники заработковъ. Остановка, крупныя затрудненія въ работахъ—тѣ бѣдствія, которыя равно тягостны для всѣхъ, но тяготѣющія преимущественно надъ рабочимъ людомъ. Неурожаи и зараза одинаково страшны, но они, большею частью, не такъ опасны для работниковъ, какъ сильные промышленные и политическіе кризисы. Эти-то времена въ ту же силу, по преимуществу, пора самоубійствъ.

Неурожаи и народныя бѣдствія въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія выработали болѣе значительную цифру сосланныхъ въ Сибирь за покушеніе къ самоубійству. На всѣ другіе года она выразилась въ болѣе ровной цифрѣ, подчиненной вліянію на самоубійство того тяжелаго ярма безвыходнаго положенія, которое усложнилось отъ гнета рабства. Наиболѣе покушались на самоубійство (предпочтительно передъ всѣми другими сословіями) крестьяне владѣльческіе (въ 12 лѣтъ 63 случая) и въ особенности дворовые люди (въ 9 лѣтъ 11). Слабѣе замѣтна эта наклонность (по процентному отношенію) у государственныхъ крестьянъ (въ 12 лѣтъ 36), въ военномъ сословіи (12), у мѣщанъ (4). Въ сословіяхъ, матеріально обезпеченныхъ въ жизни, имѣющихъ въ рукахъ несравненно большее количество способовъ для противодѣйствія,—покушеній на самоубійство въ тобольскихъ табеляхъ вовсе не замѣтно (у духовенства, купечества, у военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, у неслужащихъ и отставныхъ). Обладали ли они большимъ искуствомъ довести свои намѣренія до конца, которому не удалось выразиться покушеніемъ; избѣжали ли они ссылки при помощи средствъ, имъ болѣе доступныхъ, подвергшись, напримѣръ, церковному покаянію и тюремному заключенію въ предѣлахъ своей родины,—по Сибири судить о томъ невозможно. Тобольскія табели и тѣ случаи, о какихъ дано имъ вѣденіе, съумѣли запутать такъ, что во весь періодъ лѣтъ веденія табелей также нельзя составить опредѣленнаго понятія. За ними закрыты тѣ остроумные выводы, къ которымъ пришелъ, напримѣръ, Кетлэ въ своей книгѣ „Sur l'homme“.

Тобольскія табели, въ отношеніи къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, съ нѣкоторою ясностью указываютъ на большее число покушеній къ самоубійству въ губерніяхъ западнаго края, гдѣ, такимъ образомъ, этотъ видъ убійствъ сталъ на мѣсто тѣхъ преступленій, которыя въ другихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ высказались въ отчаянной формѣ убійствъ помѣщиковъ. Губерніи эти съ большимъ постоянствомъ ежегодно преслѣдовали этотъ видъ преступленій, выражавшихся въ великорусскихъ губерніяхъ порывами въ одинъ годъ. Такъ, въ одинъ 1843 годъ крупнѣе другихъ дали цифры губерніи: Орловская (14 мужчинъ и 2 женщины), Саратовская (9), Санктпетербургская 6—3), Харьковская (4 мужчины и 5 женщинъ), Рязанская (6 мужчинъ и 2 женщины), Московская (4—3), Полтавская (6 мужчинъ и 1 женщина), Черниговская (7 мужчинъ), Могилевская (6 мужчинъ). Въ тотъ же годъ по 5 самоубійцъ выпало на губерніи: Виленскую, Витебскую, Подольскую и Минскую *). Порывы женщинъ (особенно въ сословіи дворовыхъ людей) къ прекращенію собственной жизни тѣмъ или другимъ способомъ выражаются въ одинаковой пропорціи по отношенію къ мужчинамъ; вообще же, наклонность къ самоубійствамъ, по отношенію ко всѣмъ родамъ другихъ преступленій, слаба до исключительности. Меньше совершаются уже немногія преступленія. Самоубійству, на большинство случаевъ, предшествуетъ долговременное злоупотребленіе спиртными напитками и покушеніе на себя является послѣдствіемъ страшной тоски, происходящей отъ пьянства. Такъ—въ Россіи.

Полнѣе и разнообразнѣе представляются самоубійства въ большихъ городахъ, преимущественно въ столицахъ. По отношеніямъ къ поламъ, это—по ученію церкви — тройное преступленіе выражается тѣмъ, что трусъ-мужчина и робкая женщина такъ же убиваютъ себя, какъ и человѣкъ, привыкшій пренебрегать всевозможными опасностями. Какъ для мужчинъ самоубійство является бредомъ самолюбія, заставляющимъ забывать самыя священныя обязанности, даже чувство самосохраненія, такъ и для женщинъ преступленіе этого вида не представляется исклю-

*) Все число покушавшихся на самоубійство (за 9 лѣтъ) равняется 347 м. и 134 ж. По годамъ распредѣлялись такъ: въ 1838—6 м., 8 ж.; 1839—6 м., 4 ж.; 1840—9 м., 1 ж.; 1841 году 64 м., 35 ж.; 1842—78 м., 27 ж.; 1843—154 м., 40 ж.; 1844—14 м., 8 ж.; 1845—7 м., 9 ж.; 1846—9 м., 2 ж. Самое меньшее число выпало на губ.: Пермск., Спб., Тоб., Смол., Симб. и Казанск. Заводскіе съ фабричными примѣчательно рѣдко прибѣгаютъ къ этому способу освобожденія себя изъ-подъ гнета тяжелой жизни, но за то финскіе инородцы долгое время практиковали сухую бѣду, вѣшаясь на воротахъ обидчика.

ченіемъ, не смотря на слабость физическаго темперамента, на мягкость характера и на прирожденную боязливость. Въ столицахъ покушенія на собственную жизнь кажутся въ размѣрахъ ежегоднаго возростанія, какъ бы въ подтвержденіе повсюду распространеннаго мнѣнія, что самоубійства всего чаще встрѣчаются въ тѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ наиболѣе распространено образованіе.

Въ большихъ городахъ самоубійства случаются чаще во время молодости и зрѣлаго возраста (отъ 25 до 40 лѣтъ), когда люди больше всего подвергаются борьбѣ честолюбивыхъ и эротическихъ страстей. Старость менѣе всего подвержена отчаянію, а во время сильнаго наплыва всякихъ страстей, самоубійства являются лишь тогда, когда случается какой либо непредвидѣнный и неожиданный вызовъ. Побудительными вызовами считаются: злоупотребленіе спиртными напитками, породнившими болѣзнь ипохондріи, обманутая любовь, вызванная измѣною которой либо изъ двухъ любящихъ сторонъ. Чрезмѣрная ревность, нераздѣляемая любовь сводитъ въ преждевременную могилу нерелигіозныхъ людей прежде всѣхъ другихъ; подобная наклонность сильнѣе развита у безбрачныхъ, чѣмъ у семейныхъ, какъ болѣе привязанныхъ къ жизни.

Обращаясь къ способамъ, къ которымъ прибѣгаютъ самоубійцы, нельзя не замѣтить, что наиболѣе употребителенъ и у насъ, въ Россіи, какъ и во всемъ свѣтѣ, способъ самоутопленія. Бросаются въ воду чаще, чѣмъ испытываютъ другіе способы. За водою слѣдуютъ петли, вѣшаются и давятся въ столицахъ и большихъ городахъ съ тою же охотливостью, какъ и въ деревняхъ и селахъ. Затѣмъ рѣжутся острыми орудіями, причемъ тѣми, которыми сподручнѣе: цирюльники бритвою, сапожники ножами; прачки вѣрнѣе поспѣшатъ отравить себя угаромъ, прусскою синькою и проч. Отравленіе ядами охотливѣе и чаще производятъ съ собою женщины, чѣмъ мужчины, и первыя въ наши времена изъ ядовъ предпочитаютъ фосфоръ. Женщины же готовнѣе бросаются въ окна. За то военные мужчины вѣрнѣе спѣшатъ достигать цѣли разсчета съ жизнью при помощи огнестрѣльныхъ снарядовъ. Этотъ способъ наиболѣе достигаетъ цѣли въ противоположномъ смыслѣ; изъ всѣхъ, прибѣгающихъ къ послѣднему способу, значительная часть оказалась виновною лишь въ покушеніи. Изъ таковыхъ наибольшая часть и попала въ ссылку. Вообще, должно сказать, что это общественное преступленіе равно присуще людямъ всякаго рода занятій и общественныхъ положеній отъ высшихъ до низшихъ. Русскіе не подтверждаютъ собою того наблюденія, которое сдѣлано въ Европѣ, что зажиточные классы наиболѣе наклонны къ самоубійству. Оно всего вѣрнѣе зависитъ отъ ослабленія религіозныхъ вѣрованій или, какъ сказалъ одинъ изъ наблюдателей, „когда общественная нравственность и страхъ Божій не обуздываютъ страстей, то въ самоубійствѣ находятъ вѣрное прибѣжище отъ страданій нравственныхъ и физическихъ“.

Сибирь представляется тою страною, гдѣ самоубійства и покушенія на такое преступленіе— теперь явленіе не только нерѣдкое, но и бросающееся въ глаза. Распространено самоубійство преимущественно между ссыльнымъ людомъ (въ большей степени между поселенцами, чѣмъ между каторжными), какъ будто для пришедшаго изъ Россіи (со скрытыми наклонностями къ тому) не доставало еще одного лишенія, еще лишней тяжести, одной только капли, чтобы сосудъ перелился черезъ край. Человѣкъ въ неволѣ не имѣетъ глубокой вѣры, чувствуетъ тяжесть жизни, неволя отняла надежду и счастье. Съ надеждою утратилась и свѣжесть чувствованій, и сила воли и готовность на борьбу съ препятствіями. Отнявъ счастье, неволя отняла и охоту къ жизни и поставила на ея мѣсто отвращеніе ко всему. Присоединяя къ этому какое либо несчастье, даже просто обычный матеріальный недостатокъ, неволя погружаетъ своего паціента въ отчаянную глухоту равнодушія. Въ такомъ состояніи, при томъ же обычномъ недостаткѣ вѣры и религіозной холодности, раскаяніе и жалобы на себя, или страхъ наказанія, или капля водки прямо вызываютъ покушеніе на собственную жизнь. Самоубійство такъ и выражается въ самой простой формѣ. Убійца долго не думаетъ, кончаетъ съ собою тамъ же, гдѣ часъ приспѣлъ. Дальше надворныхъ строеній (обыкновенно клѣтей и хлѣвовъ) и подволокъ (то есть чердаковъ) самоубійцы рѣдко ходятъ. Способовъ и орудій другихъ, кромѣ веревки съ петлею, они мало знаютъ. Въ 1866 году за Байкаломъ, въ девяти случаяхъ самоубійствъ, только двое зарѣзались, но семь человѣкъ задавились. За Байкаломъ, между Малкинскимъ зав. и Екатерининскимъ рудникомъ, указываютъ на гору Павловку, какъ на роковую. Въ Россіи, даже подъ Петербургомъ, имѣются таковыя же облюбленныя самоубійцами мѣста. Тутъ повѣсился нѣкто Соколовъ, измученный за связь съ любовницею офицера всякими преслѣдованіями со стороны послѣдняго. Въ томъ же году и тутъ же повѣсился писарь Смагинъ, говорятъ, отъ запоевъ. Въ Иркутской губерніи въ 1867 году семнадцать человѣкъ, подвергнувшихъ себя насильственной смерти, были на большую часть поселенцы. На большую часть избрали они мѣстомъ для разсчета съ неудавшеюся жизнью хлѣвы и всѣ задавились, надѣвъ на шею петлю изъ собственной опояски и закинувъ шнурокъ за брусъ или стропила хлѣвовъ.

Въ первыя времена сибирской исторіи самоубійства составляли какъ бы исключительное свойство молодой страны. Едва ли гдѣ можно

встрѣтить роковую силу наибольшую той, которая вынуждала людей такъ не дорожить жизнью и съ такою готовностью и легкостью разставаться съ нею. Если этотъ родъ самоубійствъ, выразившійся самосожженіемъ и убіеніемъ себя посредствомъ голода, въ силу мистическихъ увлеченій, перешелъ сюда непосредственно изъ Россіи въ формѣ какъ бы особаго религіознаго толка, то, во всякомъ случаѣ, въ Сибири выразился онъ наибольшимъ фанатизмомъ и погубилъ гораздо большее количество жертвъ. Молодая страна, богатая силами и сильная воспріимчивостью, съумѣла и увлеченія свои показать въ болѣе грандіозныхъ формахъ. Все въ ней развивалось быстрѣе, все примѣнялось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ подъ впечатлѣніемъ экономическаго простора и географической шири. Съ 1679 по 1823 годъ сожглось въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, по свидѣтельству лѣтописей, народныхъ преданій и оффиціальныхъ документовъ, въ одной Тобольской губ. до двухъ тысячъ человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самоубійцы увлекались ученіемъ, обязывавшимъ для душевнаго спасенія умерщвлять себя голодомъ и огнемъ. Этотъ фанатизмъ сильнѣе заражалъ филипоновъ, ученіе которыхъ велитъ бѣжать изъ своей страны, отъ родныхъ и своего племени, удаляться въ пустыню, въ особенности отъ ревизіи и платежа податей. Секта эта, выродившая въ позднѣйшія времена секту странниковъ или скитальцевъ, грядущаго взыскующихъ, до того времени возбуждала самоубійства, позволявшія предполагать прежде особую секту самосожигателей. Въ Сибири слѣдованіе этому толку выражалось терминомъ „уходить въ ямки“ и, дѣйствительно, въ нерѣдкихъ случаяхъ обнаруживалось тѣмъ, что ревнующіе душевному спасенію и предавшіе себя „тебѣ ради Господи“ выкапывали глубокую яму такъ, чтобы можно было въ ней свободно двигаться, и помѣщались тутъ на постоянную молитву. Къ такимъ являлись фанатики-учителя (приходившіе въ Сибирь большею частью съ уральскихъ заводовъ), нерѣдко закладывали яму хворостомъ и подвижники умирали съ голоду. Во многихъ случаяхъ самоубійства выражались самосожженіемъ и вызывали крутыя мѣры правительства, руководившагося желаніемъ истребленія сектъ и отдавшаго дѣло въ жесткія и неумѣлыя руки. Какъ въ Россіи съумѣли сгорѣть старовѣры въ избахъ и разъ даже сожгли вмѣстѣ съ собою цѣлые монастыри (Палеостровскій, Олонец. губ., и Зеленецкій, Новгород. губ. Тихв. уѣзда), такъ и въ Сибири сгорали въ одиночку, сгорали семьями, большими толпами, цѣлыми деревнями. Сжигали себя по причинѣ записи въ двойной окладъ. Сожглось много народу тотчасъ, какъ объявленъ былъ указъ исетской провинціальной канцеляріи (въ январѣ 1751 года), предписывавшій ловить волочащихся съ паспортами и безъ паспортовъ раскольниковъ и доставлять подъ крѣпкимъ карауломъ въ консисторію. Въ отвѣтъ на запись въ двойной окладъ сожглось 189 человѣкъ, осенью и зимою 1751 г. (въ разныхъ деревняхъ 61 чел., близь Челябинской крѣпости 12; въ деревнѣ Смолиной Буткинскаго прихода Окуневскаго дистрикта 64, въ Тугулымскомъ приходѣ 25, въ дер. Бурмистровой, прихода Орлова-городища Ишимскаго округа). На январьскій указъ исетской канцеляріи, въ мартѣ 1757 (12, 13 и 14 ч.) сгорѣло немалое число въ дер. Окуневой (Куртоминской слободы) и, въ то же время того же марта и года, сгорѣло 72 чел. въ дер. Коноваловой. Изъ присланныхъ въ консисторію нѣкоторые обратились, другіе бѣжали въ Исеть и тамъ въ пашенныхъ избушкахъ (на заимкахъ) сгорѣли муж. и жен. пола 64 чел. 15, 16, 17 и 22 марта того же года сожглись изъ деревни Гусевой (Тюм. окр.) 39, въ деревнѣ Кулижной (Каминскаго прихода) 6, въ деревнѣ Гилевой (Кармецкаго прихода) 25 (всего 70). Въ апрѣлѣ того же года въ Буткинской слободѣ собравшіеся въ дома и готовые сгорѣть объявили дозорщикамъ, что если не будетъ притѣсненій, горѣть не станутъ и будутъ платить подати бездоимочно. Въ апрѣлѣ 1751 г. въ пашенной избушкѣ дер. Березовой (вѣдомства рафайновскаго духовнаго правленія) сгорѣли 33. Въ дер. Дворцахъ (Шатровскаго прихода) собрались горѣть многіе, но увѣщатели умѣли уговорить и сгорѣлъ только домъ крестьянина Чикишова съ нимъ, его семействомъ и съ кое кѣмъ изъ постороннихъ; еще сгорѣла крестьянка Епанчинцова съ двумя дѣтьми. Изъ деревни Журавлевой и Барсукиной неизвѣстно куда бѣжали крестьяне съ семьями, всего 29 человѣкъ. Въ Куртамышскомъ приходѣ въ пашенной избушкѣ сжегъ себя крестьянинъ Жерновниковъ съ двумя малолѣтками (жена съ сыномъ успѣли выскочить изъ пламени). Въ февралѣ и мартѣ все того же несчастнаго (1751) года воскресенскій заказчикъ Протасовъ потребовалъ раскольниковъ на увѣщаніе, но окуневская управительская канцелярія отказала, боясь самосожженій. Однако, отъ притѣсненій дьячка и пономаря села Кислянскаго крестьянская жена Кудрявцева (въ апрѣлѣ 1752 г.) утопила въ дер. Курьей 7 человѣкъ своихъ дѣтей и восьмою сама бросилась въ прорубь. Донесли синоду и сенату, но оттуда получили строгіе указы ловить подговорщиковъ и совратителей. Въ 1756 г. въ Чаускомъ приходѣ, въ деревнѣ Мальцевой, сгорѣло 175 человѣкъ. Долго они не рѣшались, выжидали. Явились, прознавъ про то, увѣщатели; сидѣвшіе въ ямкахъ предложили ультиматумъ: уговорить попа не брать поборовъ, начальство смѣнить, ибо отбивало отъ земли, мучило на работахъ, разоряло; чиновникамъ не вѣрять. Увѣщанія не подѣйствовали—они подожглись. Однако, выхватили изъ

огня обгорѣлыхъ, вылечили, посадили въ острогъ въ кандалахъ и отдали свѣтской власти. Въ 1759 г. сгорѣло нѣсколько человѣкъ въ с. Шатровскомъ, на 14 февраля 1761 г. нѣсколько крестьянъ въ дер. Самсоновой (Кузиной) нынѣшней Соломатовской волости. Императрица Екатерина II простила вернувшихся изъ бѣговъ, сняла срамное платье и велѣла указомъ оставить раскольниковъ въ покоѣ и прекратить преслѣдованія въ 1762 году. Страсть къ самоубійству ослабѣла, но, разъ возбужденная, продолжала обнаруживаться кое-гдѣ. Екатерининскія мѣры были полумѣрами, давали много крючковъ приказнымъ. Начались поборы, хотя Екатериною и назначены были мѣста поселенія. Въ 1763 на 13 февраля сгорѣли 35 чел. въ избѣ крестьянина Агапитова, въ деревнѣ Кулаковой Линчинскаго (теперь Луговского) прихода. Бывали случаи самосожженій въ смежныхъ волостяхъ округовъ Ишимс., Курган. и Ялутор. Лѣтъ 80 тому назадъ сгорѣло около 30 чел. въ дер. Шушаринской (Ермолиной) подлѣ Уваровскаго (единовѣрческаго) села. Бывали случаи единичные въ дер. Бабаковой (Утечьей вол. Курган. округа) по убѣжденію крестьянина Мензелина, въ дер. Куртанѣ (той же волости) и въ Ингалинской вол. въ дер. Лепехиной. Послѣдній случай самосожженія замѣченъ въ Утечьей волости послѣ 1823 года. Крестьянинъ Тихонъ Мятлевъ (поморскаго толка), отправившій многихъ на тотъ свѣтъ огнемъ, наконецъ и самъ рѣшился на самоубійство въ погребѣ своего дома. Сюда завелъ онъ всѣхъ своихъ дѣтей и внуковъ обманомъ и подпустилъ огонь. На дѣтскій крикъ и на дымъ собрались сосѣди и спасли погибавшихъ. Народъ до сихъ поръ зоветъ потомковъ этого семейства Горѣлкиными; нѣкоторые изъ нихъ приняли (въ 1846 г.) единовѣріе. Надо замѣтить, что поповцы (по сибирски стариковщина) этихъ самоубійцъ оправдываютъ, но за упокой ихъ не молятся и именъ ихъ не поминаютъ, не смотря на то, что молятся и поминаютъ всѣхъ, замученныхъ на пыткахъ или казненныхъ, и вообще всѣхъ, пострадавшихъ отъ суда въ острогахъ и ссылкѣ *).

Приходившіе съ уральскихъ заводовъ приносили также и другіе способы душевнаго спасенія. По всему Ялуторовскому округу въ 1782 году, по предложенію губернатора Осипова, разыскивали крестьянина Мензелина (по народному Мензелинца), который утопилъ 10 душъ крестьянъ муж. и жен. пола изъ дер. Шадриной (Суерской вол.) въ озерѣ Сазыкулѣ. Но и этотъ родъ смерти былъ не принудительный, а добровольный, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ многихъ. Подговорщиками, кромѣ Мензелинца, явились: Грамотѣевъ, Матвѣевъ, Калинычъ (Фоминцовъ), Зайцевъ, Плюснинъ. Они опускали въ яму ревнителей и черезъ 12 дней приходили и вынимали; если находили въ живыхъ, то вывозили на середину озера (Сазы кула, Осетроваго, Сладкаго, Сухменя и друг.) и бросали въ воду. Выплывшіе трупы хоронили подъ лабзы. Всѣ совратители не избѣгли наказанія, кромѣ Фоминцова, который, будучи пойманъ, распоролъ себѣ животъ ножемъ и черезъ три дня умеръ (въ 1828 г.). Нѣкоторые уходили изъ ямокъ и умирали въ православіи. Остался нераскаяннымъ одинъ только Грамотѣевъ; вышедъ изъ ямы, онъ принялся съ неистовствомъ умерщвлять товарищей. Пойманный— зарѣзался. Эти случаи 1828 года были послѣдними уходами въ ямки. Съ тѣхъ поръ о подобныхъ способахъ самоистязанія и самоубійства не слышно. Въ Тюмени теперь спорятъ и расходятся только въ догматахъ о крещеніи и бракѣ.

Прямымъ противоядіемъ злу самоубійства на каторгахъ и на мѣстахъ поселенія служатъ, какъ извѣстно, побѣги. Въ бѣгахъ ссыльные умѣютъ, съ примѣтнымъ успѣхомъ, изнашивать накипѣвшую на сердцѣ тоску. Бродяжество, такимъ образомъ, является новымъ видомъ болѣзней ссыльныхъ и включается въ число преступленій, наиболѣе господствующихъ между ними.

Въ эту-то массу искателей приключеній мы и углубимся теперь, придержавшись сначала лѣсной опушки, каковою на этотъ разъ представляется Россія.

Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обреченная прикрывать грѣхи Россіи, достаточно приглядѣвшаяся къ нимъ и провѣряющая себя съ похвальною точностью и откровенностью, обладаетъ въ настоящее время возможностью опредѣлить господствующія болѣзни, указать больныя мѣста и нѣкоторые другіе признаки, характеризирующіе страданія организма своей ме-

*) До вызововъ самоубійствъ указами, самосожженіе по фанатическому увлеченію религіозными принципами произошло впервые, по свидѣтельству тобольскаго лѣтописца, въ 1679 году: «270 душъ изъ разныхъ мѣстъ Сибири собрались на Березовкѣ при Тоболѣ и сожглись». Въ 1682 г. сгорѣло въ избахъ 400 чел. Утятской слободы Кург. окр., за то и до сихъ поръ слывущей въ народѣ подъ именемъ Погорѣлки; въ 1687 сгорѣло 323 души въ трехъ деревняхъ около Тюмени; въ 1688 съ женами и дѣтьми 150 чел. на р. Пышневкѣ Куяровской слободы дер. Боровиковой; въ томъ же году въ дер. на Юрмычѣ 50 чел. (также съ женами и дѣтьми). По Димитрію Ростовскому въ это же время сжигались въ Енисейскѣ и Томскѣ. Въ 1722 г. близь слободы Коркиной (на Ишимѣ)—неизвѣстное число въ пустынѣ Смирнова; также близь Абатска въ дер. Выровской и Зырянской; въ 1724 за Пышмою 145 душъ; въ 1743 и 1745 неизвѣстное число изъ записанныхъ въ росписяхъ священниковъ православными; на 1 авг. 1750 близь Тюмени 14 чел. въ дер. Зайковой; въ Песчаномъ зимовьѣ, въ дер. Шумариной, въ селѣ Уваровскомъ (гдѣ и мѣсто показываютъ), въ дер. Крѣпость, Межеумной, Потаниной, Тетерьей, Большомъ-Песьяномъ, дер. Утечьей, Бѣляковкѣ, Орловой и друг.

трополіи. Само собою разумѣется, что средствъ врачеванія она сама, зараженная приносным ядомъ и страдающая отъ собственныхъ эпидемій, представить не можетъ. За то, съ другой стороны, съ тою точностью, каковой, къ несчастью, не можетъ похвалиться Россія, Сибирь указываетъ на постоянные и временные недуги, подтверждаетъ цифрами количество заболѣвшихъ, объясняетъ полъ и возрастъ, сословіе и мѣсто жительства ихъ по крайней мѣрѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее увѣряютъ. Не можетъ Сибирь поручиться за то, что заболѣвшіе всѣ присланы въ ея госпитали; это уже не ея отвѣтъ, но, съ нѣкоторою увѣренностью въ собственный авторитетъ, заслуживающій уваженія при ея долговременной практикѣ, Сибирь свидѣтельствуетъ о томъ, что опредѣленіе многихъ болѣзней произведено неправильно, что въ другихъ присутствіе заразительнаго и опаснаго яда слишкомъ ничтожно, въ третьихъ послѣдній не выразился вовсе и здоровый ошибочно признанъ за больного, и проч.

Прислушавшись къ общимъ сибирскимъ наблюденіямъ и приглядѣвшись къ частнымъ ея выводамъ, требовавшимъ повѣрки, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Самая обыкновенная болѣзнь, господствующая въ Россіи и поставляющая наибольшее число страдальцевъ въ сибирскіе госпитали, носитъ названіе бродяжества. По этому виду цифра самая крупная. Ей уступаетъ даже такая значительная цифра, которая принадлежитъ присланнымъ за воровство (третье мѣсто, по цифровой величинѣ, занято сосланными за убійство). Величина этихъ трехъ цифръ, ежегодно выражающихся крупными сотнями (по первому виду) и большими десятками (по двумъ другимъ), настолько поразительна и настойчива, что у Сибири есть достаточно основаній умозаключать, что метрополія ея, судя по количеству бродягъ, далеко еще не представляетъ собою такого государства, въ которомъ исчезли неблагопріятныя причины, заставляющія населеніе руководиться старыми историческими пріемами „брести врозь". Съ одной стороны — въ Россіи замѣчаются тѣ же наклонности къ перемѣнѣ старыхъ пепелищъ на новыя, какія проявляются сильнѣе всего въ германскихъ нѣмцахъ, а съ другой—примѣтны очевидные признаки сходства со вновь организующеюся страною по ту сторону Атлантическаго океана.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Видимое сходство и непримѣтныя различія объясняются для насъ изъ разбора различныхъ формъ бродяжества въ отдѣльномъ видѣ и изъ сопоставленія ихъ въ зависимость одного отъ другого.

ГЛАВА IV.

БРОДЯГИ И БѢГЛЫЕ.

Страна изгнанія.—Бродяжество въ современномъ видѣ.—Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти. – Гулящіе люди. Побѣги солдатъ отъ военной службы (дезертиры).—Покинувшіе отечество (эмигранты).—Пристанодержательство.—Притонщики.—Хлѣбосольство.—Сибирскіе заимки.— Варнаки и чалдоны.—Опасности отъ бродягъ и бѣглыхъ.—Причины народныхъ бѣдствій.—Псевдонимы каторжныхъ (принятіе чужой фамиліи).—Городскіе бродяги.—Бродяжество, какъ самобытное явленіе русской народной жизни.—Историческій очеркъ русскаго бродяжества. — Колонизація Россіи. —Многочисленные остатки древняго народнагоскитанія: безпаспортные, богомольцы, нищіе, запрощики, кубраки и лабори, бѣгуны, офени-ходебщики и проч.

Огромныя толпы людей этого своеобразнаго званія и исключительныхъ свойствъ ежегодно съ неизмѣннымъ постоянствомъ очищаютъ Россію и расходятся по Сибири. Здѣсь составляютъ они болѣе $^2/_5$ частей всего количества ссыльныхъ преступниковъ, свидѣтельствуя о постоянномъ, твердомъ и настойчивомъ желаніи Россіи избавиться отъ этихъ людей, повидимому, признаваемыхъ самыми опасными. Въ то же время появленіе бродягъ на той сторонѣ Уральскаго хребта служитъ доказательствомъ, что бродяжество по сю сторону хребта, въ Россіи, одно изъ тѣхъ явленій, противодѣйствіе которому ведется съ неизмѣннымъ постоянствомъ, но и съ таковою же неудачею; каждый годъ приходятъ новыя толпы, столько же густыя и почти равныя одна другой своимъ количествомъ. Сибирь выигрываетъ въ населеніи своемъ, Россія не выгадываетъ на своемъ, черезъ ежегодную высылку этихъ людей, называемыхъ ею бродягами и признаваемыхъ преступными. Освободившись отъ полуторы тысячи этого народа на прошлый годъ, Россія имѣетъ надобность и возможность выкидывать въ будущіе годы еще по двѣ новыхъ тысячи. Борьбѣ, давно начатой и практикуемой при посредствѣ старыхъ орудій, и конца не видать. Сибирь, принимая и усчитывая военно-плѣнныхъ, глубоко убѣждается въ томъ ежедневными осязательными фактами и имѣетъ основательныя данныя заключать, что старыя формы быта въ Россіи и живущи и дѣятельны. Сама Сибирь, оглядываясь на прош-

лое и провѣряя свое настоящее, имѣетъ полнѣйшее право думать, что въ этомъ отношеніи у нее съ метрополіею однѣ и тѣ же основы и поразительное сходство.

Правильной и опредѣленной характеристики бродяжества мертвая цифра дать намъ не можетъ. Отсутствіе у насъ уголовныхъ хроникъ и въ литературѣ характеристикъ преступленій оставляетъ бродяжество подъ непроглядною завѣсою тайны, какою вообще любили прикрываться всѣ канцеляріи и судебныя мѣста. Гадательныя представленія уводятъ въ область предположеній, порождаютъ теорію вѣроятностей, а подобная теорія не можетъ служить руководствомъ въ области статистики. Вотъ почему мы съ большою подробностью останавливаемся на общихъ положеніяхъ и развиваемъ только ихъ одни. Къ этимъ же общимъ выводамъ мы станемъ прибѣгать и въ дальнѣйшемъ теченіи нашего разсказа, будемъ слѣдовать указаніямъ и сказаніямъ цифръ, одушевляя ихъ, по мѣрѣ нашихъ силъ и средствъ, наглядными наблюденіями надъ бытомъ простого народа, преимущественно идущаго въ ссылку.

Цифра бродягъ представляетъ естественное и простое явленіе — ежегодное колебаніе, повременное уменьшеніе и возростаніе ея, какъ будто чья-то невидимая, но сильная рука, скрытая за мертвою и пестрою декораціею цифръ, какъ фокусникъ, разставляетъ ихъ именно въ такихъ, а не другихъ размѣрахъ. На этотъ разъ фокусникъ спрятанъ не одинъ и фокусы показываются, въ одно время, и по хорошо выработанной программѣ и по капризу, основанному на произволѣ. Переставляютъ цифры временныя, народныя движенія, временныя правительственныя распоряженія. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ и другихъ.

Въ 1826 году въ предѣлахъ Уральскаго войска появились во множествѣ помѣщичьи крестьяне по ложнымъ разглашеніямъ о новомъ поселеніи и вольности. Губернское начальство, руководясь указомъ 23-го февраля 1823 г., распорядилось всѣхъ таковыхъ крестьянъ, какъ бродягъ, отправить въ Сибирь на поселеніе, но сенатъ рѣшилъ возвратить ихъ на прежнія мѣста жительства, „признавая за бродягъ только тѣхъ безпаспортныхъ людей, кои отъ лѣности и по распутному поведенію, избѣгая повиновенія поставленнымъ властямъ и уклоняясь отъ исполненія повинностей, удаляются отъ жительствъ своихъ для праздношатательства и, не желая имѣть постояннаго мѣстопребыванія, вдаются въ разныя распутства, нерѣдко вовлекающія ихъ въ весьма важныя преступленія“. И вотъ, увеличилась, сверхъ обычной, годичная цифра сосланныхъ за бродяжество. Увеличилась она также въ 1831 году во время кровавыхъ возстаній въ Старой-Руссѣ. Увеличилась во время картофельныхъ бунтовъ въ Вятской и Казанской губерніяхъ и въ 1846 году на то время, когда остзейскіе нѣмцы въ прибалтійскихъ губерніяхъ начали примѣнять европейскую систему частной собственности къ раздѣленію земель на участки и возмутили все населеніе тѣхъ краевъ. Въ 1847 году Витебская губернія поплатилась сосланными за бродяжество изъ числа тѣхъ, которые двинулись толпами къ Петербургу и остановлены были уже подъ Порховымъ, и проч.

Вотъ причины, которыя уменьшали цифру бродягъ, шедшихъ въ Сибирь. Сенатскій указъ 4-го августа 1827 г. запретилъ отправлять въ Сибирь за бродяжество престарѣлыхъ, глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ, признанныхъ сибирскими властями совершенно безполезными для тамошняго края. Въ слѣдующемъ году рѣшено бродягъ, неспособныхъ по лѣтамъ, слабому сложенію или увѣчью въ исправительные рабочіе домы, равно всѣхъ женщинъ, взятыхъ за бродяжество, ссылать въ Сибирь. Бродягъ южныхъ степныхъ губерній (новороссійскихъ и малороссійскихъ, изъ войска Донского и губ. Ворон., Тамб., Сарат. и Астрах.) нѣкоторое время ссылали на Кавказъ; мусульманъ за безпрестанные побѣги изъ Сибири даже изъ тяжкихъ преступниковъ—въ финляндскія крѣпости. Неспособныхъ къ слѣдованію бродягъ предписано обращать въ вѣденіе приказовъ общественнаго призрѣнія, но престарѣлыхъ ссылать, „не взирая на ихъ лѣта, если не будутъ они дряхлы“. Видно увеличеніе цифры на то время, когда бродяги, сбиваясь въ шайки, производятъ въ народѣ какія либо бѣдствія (такъ, напримѣръ, пожары отъ поджоговъ, періодически повторяющіеся и часто повторявшіеся въ 1846 годахъ). Уличенные въ преступленіи, при разслѣдованіи причинъ этихъ бѣдствій, бродяги уходили массами въ Сибирь на слѣдующіе годы и затѣмъ, ослабѣвшіе числомъ внутри государства, ослабляли цифры ссыльныхъ въ Сибирь на послѣдующіе годы. Періодическое скопленіе бродяжьихъ массъ въ ссылкѣ естественно слѣдовало за скопленіемъ ихъ внутри Имперіи въ шайкахъ; уменьшеніе—отъ перемѣны ссылки на Кавказъ для бродягъ изъ степныхъ губерній и отъ поглощенія многихъ другихъ губернскими арестантскими ротами гражданскаго вѣдомства, и проч.

Большимъ постоянствомъ, при ничтожныхъ колебаніяхъ, отличается цифра бродягъ-дезертировъ, бѣгавшихъ отъ тяжести военной службы и всѣхъ крупныхъ, иногда подневольныхъ и не въ пору вынуждаемыхъ обязательствъ этого рода государственной повинности. Въ Сибирь прошли самые упорные и неисправимые, поплатившіеся еще, сверхъ того, за такія преступленія, которыя явились прямымъ послѣдствіемъ голода и несчастій, сопряженныхъ съ бродяжествомъ. Солдаты-дезертиры, по сибирскимъ примѣтамъ, успѣваютъ запутываться начаще другихъ въ

самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, каковы убійства, грабежи и разбои *), хотя Суворовъ и говаривалъ про нихъ такъ: „Овечка отстала отъ стада; ну, пусть ее погуляетъ! рано ли, поздно ли—придетъ". Овечка гулять не умѣетъ, гуляла волчьимъ обычаемъ и назадъ доброю волею не приходила. Въ дезертирахъ Россія находила и враговъ отечества **), становившихся въ чужіе вражескіе полки (преимущественно у азіатскихъ деспотовъ, вродѣ бухарскаго, эмира ташкентскаго хана, персидскаго шаха) и прусскіе и австрійскіе негоціанты находили въ нихъ людей, готовыхъ наносить ущербы казнѣ перевозомъ контрабанды черезъ западную границу. Въ мѣстечкѣ Котычевѣ, неподалеку отъ Тильзита, у шмуглера Тирбаха, постоянно находилась цѣлая шайка нашихъ дезертировъ, которымъ вообще покровительствовали самогитскіе помѣщики. Подъ видомъ и званіемъ арестантовъ, выключенныхъ изъ военныхъ арестантскихъ работъ, они поступаютъ въ такомъ количествѣ, которое примѣтно ослабляетъ цифру всѣхъ другого рода преступниковъ. Они, напримѣръ (вмѣстѣ съ товарищами, выключенными изъ тѣхъ же ротъ гражданскаго вѣдомства), успѣваютъ убѣгать изъ Сибири почти всѣмъ наличнымъ количествомъ своимъ (изъ 3.761 мужчины и 15 женщинъ въ девять лѣтъ сослано было обратно за побѣгъ изъ Сибири 3.509 мужчинъ и 13 женщинъ. По отношенію къ ежегодному колебанію цифры дезертировъ, и именно на повременное ослабленіе ея, и здѣсь во многомъ дѣйствуютъ временныя мѣры, ослабляющія, съ одной стороны, строгость взысканій по службѣ, и съ другой—

*) Въ ряду другихъ арестантскихъ преступленій (изъ остального числа 254 согласныхъ) на первомъ мѣстѣ стоятъ убійства (99), на второмъ—тотъ видъ преступленій, который названъ «тѣлесныя поврежденія съ намѣреніемъ къ убійству» (41), затѣмъ воровство (30), побѣгъ изъ-подъ стражи и взломъ тюремъ (29), возмущеніе противъ властей (20) и, наконецъ, грабежъ (10 случаевъ).

**) «Оставленіе отечества» хотя и представляется въ тобольскихъ табеляхъ отдѣльною рубрикою, но рубрика эта замѣщена цифрами очень слабо; не такъ покидаютъ родину, чтобы оставить за собою возможность возврата и право ссылки. Не Сибири считать этихъ людей, и если она проставляетъ цифры, то цифры эти представляютъ поляковъ, а преступниками, оставившими отечество, табели считаютъ польскихъ эмиссаровъ, появлявшихся изъ-за границы время отъ времени. Перепадалъ кое какой и кое когда сбѣжавшій за границу раскольникъ и пріѣхавшій въ Россію или со сборною памятью или на соборныя дѣянія. Временами выдавали бѣглецовъ сосѣднія правительства, рѣшавшіяся быть исполнительными въ отношеніи трактатовъ. Вообще же, эмиграція для русскаго человѣка, стѣснявшагося выѣздомъ за предѣлы родины и покупавшаго паспортъ высокими цѣнами, прежде была затруднена; для среднихъ и низшихъ сословій она представлялась немыслимымъ и невозможнымъ явленіемъ, но не въ силу отвлеченнаго чувства патріотизма. Въ 20 лѣтъ съ 1827 по 1847 г. сослано въ Сибирь за побѣги за границу 174 мужч. и 10 женщ., преимущественно изъ губ. пограничныхъ: Бессар. обл. 29, Волынской 29 мужч. и 4 женщ., Оренб. 15 мужч. и 1 женщ., Подол. 14 м., Вилен. 17 мужч. и 3 женщ. и проч. Эти убѣжали недалеко, если уже попались въ Сибирь, но нижегородецъ Иванъ Степановъ Сюзюмовъ (цѣловальникъ), промотавшись въ Астрахани, бѣжалъ въ Азовъ, въ Константинополь, оттуда моремъ во Францію и Голландію, гдѣ обманомъ взяли его въ матросы на корабли остъ-индской компаніи; 7 лѣтъ бродилъ онъ въ морѣ, былъ въ Индіи, Японіи и, наконецъ, остался на мысѣ Доброй Надежды. Здѣсь выучился онъ кузнечному мастерству, нажилъ деньги и поселился въ готтентотской Голландіи, гдѣ женился, имѣлъ трехъ дѣтей и извѣстенъ былъ подъ названіемъ «гансъ-руссъ» (настоящій русскій). Не былъ бы онъ извѣстенъ своимъ соотечественникамъ и считался бы безвѣстно погибшимъ, если бы не встрѣтилъ его знаменитый мореплаватель В. П. Головнинъ, проходившій въ тѣхъ мѣстахъ на шлюпѣ «Діана». Архангельскіе промышленники проѣздомъ въ Норвегію слышатъ чистую русскую рѣчь въ привѣтствіяхъ и ругательствахъ отъ промышленниковъ на норвежскихъ островахъ около Гаммерфеста, Вадзе и Вардегуза; это—пропавшіе безъ вѣсти промышленники. На персидскихъ берегахъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю, въ городахъ и селеніяхъ на островахъ Мешедесера, Энзели и особенно въ деревушкахъ около устьевъ богатой рыбою персидской рѣки Сифудъ-Руды, значительными группами живутъ русскіе промышленники изъ черноземныхъ губерній, лѣтъ по 15—20 не освѣжавшіе своихъ паспортовъ и не бывшіе на родинѣ. Въ Тегеранѣ, въ войскахъ шаха, я во многихъ пограничныхъ городахъ въ военной службѣ и въ офицерскихъ чинахъ живутъ и служатъ русскіе эмигранты—бѣглые солдаты кавказской арміи (изъ числа которыхъ значительная часть, болѣе тысячи человѣкъ, недавно возвращена въ Тифлисъ). Въ Турціи—цѣлыя деревушки русскихъ раскольниковъ, эмигрировавшихъ во время преслѣдованій и гоненій за вѣру, и притомъ одно селеніе расположилось въ Азіатской Турціи. Не говоримъ о раскольникахъ, забывшихъ родину и поселившихся въ Австріи и Пруссіи; нѣкогда нужда эмиграціи для людей, придерживавшихся стараго креста и вѣры, была явленіемъ законнымъ и неизбѣжнымъ. Народъ бѣжалъ во всѣ стороны безъ разбору и, во времена самостоятельности Польши, поселялся за литовскимъ рубежемъ огромными деревнями и селами, вродѣ Вѣтки, Новозыбкова, Мглина и проч.; при этомъ мало въ Литвѣ и Бѣлоруссіи городовъ, гдѣ бы не было подгородныхъ раскольничьихъ слободокъ; не исключаемъ изъ этого числа и большихъ городовъ остзейскихъ: Риги, Дерпта, Митавы и Ревеля. Эмиграція дворовыхъ людей не знала также предѣловъ и русскихъ людей изъ этого класса встрѣчаютъ современные путешественники наши и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ и въ Неаполѣ,—нѣкоторыхъ даже хозяевами торговыхъ заведеній, содержателями гостинницъ и ресторановъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣзнь эмиграціи становилась сильнѣе и острѣе и готовилась перейти какъ бы въ форму хроническую. По Сибири ходятъ въ народѣ довольно опредѣлившіеся слухи, что бѣглые съ мѣста заключенія эмигрировали за китайскія

уменьшающія сроки этой службы, облегченной въ то же время частыми и болѣе или менѣе продолжительными отпусками. Сибирь, конечно, не можетъ быть судьею въ томъ, насколько силенъ и характеренъ этотъ родъ преступленій въ Россіи, потому что дезертиры умѣютъ прибѣгать къ другимъ средствамъ побѣговъ. Матросы покидаютъ службу тамъ, гдѣ приводится случай и много соблазновъ, предлагаемыхъ вербовщиками во время кругосвѣтныхъ плаваній. Америка и, въ особенности, порты Калифорніи (каковъ, между прочимъ, С.-Франциско) увеличиваютъ цифру дезертировъ. Солдаты убѣгаютъ и за австрійскую и за турецкую границу, а въ войскахъ персидскаго шаха они составляли цѣлые отряды и занимали высшія и низшія офицерскія должности и проч. Сибирь несомнѣнно убѣждена лишь въ томъ, что причины, вынуждающія дезертирство, въ Россіи достаточно дѣятельны: она, между прочимъ, знакомится съ тѣмъ видомъ преступниковъ, которые высылаются изъ Россіи за членовредительство (за повреждение членовъ) для избѣжанія военной службы. Преступленіе это, характеризирующее стремленіе народа избавиться отъ тяжести службы, въ случаѣ неудачи или недостатка самостоятельности въ желающихъ избавленія, переходитъ въ тотъ видъ преступленія, которое насъ остановило. Притомъ, число ищущихъ средствъ спасенія въ побѣгѣ примѣтно превосходитъ число причиняющихъ себѣ для той же цѣли уродства всякаго вида *).

Какъ рядомъ съ дезертирствомъ, такъ и непосредственно въ тѣсной связи вообще съ бродяжествомъ, является новый видъ народнаго преступленія, обрекающаго народъ въ ссылку. Преступленіе это является пособникомъ двухъ первыхъ и покровителемъ обоихъ: оно, съ одной стороны, выходитъ изъ народнаго обычая гостепріимства, хлѣбосольства и радушія, не спрашивающихъ относящихся къ нимъ съ просьбою о пріютѣ, кто они и откуда, а приглашающихъ садиться и ѣсть. Съ другой стороны, это преступленіе опирается на ту же преступную корысть, умѣющую превращать дѣло гостепріимства въ промыселъ, спеціально и завѣдомо направленный на пользу тѣхъ, которыхъ ищетъ и преслѣдуетъ законъ. Русское слово на нѣмецкій ладъ, „пристанодержательство" или „передержательство бѣглыхъ съ укрывательствомъ оныхъ", выражаетъ этотъ родъ народныхъ преступленій и прикрываетъ въ числѣ ссыльныхъ и тѣхъ, которые дѣйствовали намѣренно или по принужденію, и тѣхъ, которые совершили по невѣденію закона, по безграмотству, мѣшающему разумѣть хотя бы единую букву, и по необразованности, которая понятіе о законѣ переноситъ и на палача („законъ бьетъ"—палачъ сѣчетъ) и спутываетъ его съ законникомъ—крючкотворцемъ и взяточникомъ („законъ—что дышло: куда хочешь, туда и воротишь").

Въ сибирской цифрѣ нѣтъ возможности отдѣлить различные виды становщиковъ, державшихъ притоны, отъ тѣхъ, которые дали пріютъ и сдѣлались понаровщиками, но несомнѣнно, что пришли сюда и тѣ, которые подслужились самымъ сердечнымъ и невиннымъ гостепріимствомъ, укрывшимъ подъ своимъ теплымъ кровомъ того, кого законъ призналъ за бродягу, и усадившимъ къ готовому хлѣбу-соли, за столъ и въ красной уголъ тѣхъ, кого ищутъ, какъ преступниковъ - дезертировъ *). Пришли и тѣ, которые подслужились кабакомъ съ подпольями для воровъ и грабителей, теплою избою для преслѣдуемыхъ за разбой и побѣги отъ службы, но и въ послѣднемъ случаѣ тѣ же сердечныя побужденія имѣютъ немалое значеніе. Такъ, напримѣръ, въ укрывательствѣ военныхъ дезертировъ играютъ роль, равносильную мужчинамъ, женщины (жены, родственницы и любовницы) въ пропорціи 8 женщинъ и 10 мужчинъ. Трудно это послѣднее выдѣленіе и потому, что намѣренно держащіе станы или притоны обладаютъ большею степенью осторожности и мастерства, чѣмъ тѣ, для которыхъ укрываніе преслѣдуемаго входитъ въ христіанскія обязательства и весьма часто вынуждается экономическими причинами, превратившимися въ обычай и особый своего рода законъ. Изъ распредѣленія цифръ сосланныхъ за притоны по губерніямъ, мы видимъ, что крупнѣе становятся онѣ тамъ, гдѣ бродяжество — явленіе обычное, а нужда въ пришлыхъ людяхъ, въ качествѣ работниковъ на земляхъ хлѣбородныхъ и богатыхъ, является во всей безвыходности. Всего чаще, такимъ образомъ, укрываютъ бѣглыхъ въ губерніяхъ предкавказской (Ставропольской), въ закавказскихъ, гдѣ поселились русскіе сектанты, въ Екатеринославской и Таврической; укрываютъ мѣщане чаще крестьянъ,

границы и поселились тамъ деревнями. Нѣсколько глуше слухи и менѣе вѣроятны разсказы о бѣглецахъ въ Ташкентъ, Самаркандъ, Бухару и Хиву и не имѣетъ никакого вѣроятія и ничѣмъ не доказанъ разсказъ объ эмигрантахъ-раскольникахъ, убѣжавшихъ въ Японію, какъ увѣряетъ о томъ распространенное между старовѣрами сказаніе объ Опоньскомъ царствѣ. Много русскихъ поселилось навсегда въ Америкѣ и особенно счастливитъ таковымъ изъ матросовъ съ военныхъ судовъ въ Калифорніи; въ Санъ-Франциско существуетъ даже цѣлая система соблазновъ и цѣлыя компаніи соблазнителей для золотыхъ промысловъ.

*) За поврежденіе членовъ 442 человѣка, за дезертирство 751 въ девять лѣтъ, съ тѣмъ свѣденіемъ, что разъ уличена женщина, способствовавшая «къ избѣжанію военной службы другого». Замѣчательно то, что во всѣ девять лѣтъ за обычное явленіе подлога въ отправленіи рекрутской повинности сослано только двое и объ въ одинъ годъ!..

*) Въ 9 лѣтъ за укрывательство бѣглыхъ сослано 247 муж., 151 жен.

а мѣщанки немногимъ меньше солдатокъ *). Въ Сибиря подобныя дѣянія до такой степени ярки и знаменательны, что укрывательство бѣглыхъ представляетъ одну изъ коренныхъ основъ, на которыхъ зиждется сибирское хозяйство, въ особенности, въ тѣхъ отдѣльныхъ формахъ его, которыя выражаются въ тамошнихъ фермахъ, называемыхъ заимками. Здѣсь бѣглый съ каторги является рабочимъ, выгоднымъ по необыкновенной дешевизнѣ и по тѣмъ требованіямъ, которыя ограничиваются работою изъ-за одного хлѣба и угрѣвы и не простираются дальше скромнаго желанія не выдавать въ руки властей, чтобы не возвращаться снова на каторжныя безплатныя и подневольныя работы. При помощи этихъ людей удавалось въ Сибири не только расширять одиночныя хозяйства, расположенныя большею частью въ отдаленныхъ и уединенныхъ лѣсныхъ мѣстахъ, но и собирать цѣлыя селенія и деревушки (какъ сплошь и рядомъ случалось это всюду, а особенно ярко въ Алтайскомъ краѣ). Подобныя явленія настолько въ Сибири за обычай, что начальники нѣкоторыхъ заводовъ при казенномъ заказѣ, не исполнимомъ наличнымъ числомъ каторжныхъ, прибѣгають къ осмотру заимокъ вооруженною командою, какъ къ такой мѣрѣ, которая всегда вѣнчается полнымъ и желаемымъ успѣхомъ. Въ Сибири содержаніе притоновъ является неизбѣжнымъ и непобѣдимымъ зломъ во всѣхъ окольныхъ селеніяхъ, ближайшихъ къ казеннымъ заводамъ, промысламъ и рудникамъ. Хотя по временамъ и возбуждается бдительность надзора и возрождается энергія преслѣдованій, но опытъ указываетъ, въ равной мѣрѣ, и на государственныхъ крестьянъ - старожиловъ и на такъ называемыхъ семейскихъ (старообрядцевъ), какъ на содержателей притоновъ и укрывателей бѣглыхъ.

Бѣглые представляютъ особый, только Россіи свойственный, видъ бродягъ и въ Сибири, подъ именемъ „варнаковъ" и „чалдоновъ", являются многочисленнымъ и какъ бы особымъ сословіемъ людей. Бродяги эти соотвѣтствуютъ вполнѣ тѣмъ требованіямъ, которыя понятны въ этомъ опасномъ сортѣ людей для Европы. Эти люди неопасны въ одинаковой степени съ голодными прозябаніями европейскихъ городовъ потому только, что руки ихъ всегда свободны и способны находить трудъ и внѣ законнаго покровительства и защиты и еще не нуждаются въ Шульце-Деличахъ. Другія теоріи они вызываютъ и другія начала къ нимъ примѣнимы. Грозная опасность, представляемая ихъ поразительнымъ многолюдствомъ, ослаблена значительно на самомъ дѣлѣ, на практикѣ, въ бытовой средѣ ихъ. Они увеличиваютъ количество преступленій, но еще не висятъ домокловымъ мечемъ надъ лѣнивыми и недогадливыми. Хлѣбосольство сибиряковъ и готовность ихъ давать работу бѣглымъ значительно сдерживаетъ враждебныя силы этихъ испорченныхъ и озлобленныхъ людей и Сибирь, дѣлаясь виновною въ пристанодержательствѣ, во всякомъ случаѣ служитъ не малую службу Россіи.

Вотъ что говорятъ факты: въ десять лѣтъ (къ 1852 году) въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ считали бѣжавшими 771 мужчину, 5 женщинъ, а пойманными только 19; исключено за десятилѣтнею давностью 31. Изъ Александровскаго завода (винокуреннаго) въ 14 лѣтъ сорвалось въ лѣса и на волю (съ 1-го янв. 1846 по 1 нояб. 1859) 1013 муж. и 19 женщ., а схвачено 277 муж., 4 женщ. Всѣ остальные успѣли устроить себя по своимъ соображеніямъ и на полной своей волѣ по той же Сибири. Бѣгали они и въ Россію, попадались тамъ и подъ прозваніемъ „оборотней" возвращались въ Сибирь, но съ такимъ же подозрительнымъ успѣхомъ. Въ семь лѣтъ (съ 1854 по 1860) возвращено изъ Россіи въ Сибирь обратно всего 354 человѣка обоего пола; между тѣмъ, какъ только съ четырехъ заводовъ (не считая рудниковъ и многихъ другихъ заводовъ), только въ теченіи пяти лѣтъ бѣжало всего 2704 чел. *). При этомъ на одномъ Успенскомъ винокуренномъ, ближайшемъ къ Россіи, людской утечки насчитывается среднимъ числомъ въ годъ 94 (или въ семь лѣтъ на 354 возвращенныхъ — 358 бѣжавшихъ).

Тяжести казенныхъ работъ, при неправильномъ распредѣленіи труда и занятій, стремящемся къ тому, чтобы устроить по возможности тѣ работы, которымъ усвоено названіе каторжныхъ, служатъ основною причиною побѣговъ. Онѣ заключаются, главнымъ образомъ, въ дурномъ содержаніи въ сырыхъ, грязныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, превосходящихъ всякую мѣру вѣроятія. За тяжелыя работы днемъ они ложатся усталыми на жесткія нары; голодными получаютъ несчастный приварокъ и въ достаточномъ количествѣ только крутую и сухую пищу, порождаютъ арестантскую болѣзнь „иванъ-таскунъ" (колотье). Поставленный въ исключительное положеніе каторжнаго, лишеннаго всякихъ средствъ пріобрѣтать какую либо собственность, ссыльный не имѣетъ ее даже и въ томъ призрачномъ видѣ, какой могъ бы явиться въ платѣ за трудъ и работу, не полагающихъ мѣры и не пр...

*) Между крестьянами наибольшіе покровители бѣглыхъ встрѣчаются между заводскими, но столь распространенное обвиненіе въ этомъ грѣхѣ старообрядцевъ цифрами не подтверждается и виновность старовѣровъ не выдается впередъ другихъ сословій и вѣроисповѣданій.

*) Изъ Иркутскаго солевар. завода 1344, изъ Троицкаго винокуреннаго завода 801, изъ Селенгинскаго солевар. 203, изъ Николаев. винокур. 356 ч. (съ 1836 по 1841 г.). Между тѣмъ, съ одного Александровскаго винокуреннаго въ такой же періодъ семи лѣтъ (съ 1835 по 1841) бѣжало 1837 чел. об. пола.

знающихъ праздничныхъ дней. Его собственность—только та рвань, которая унижаетъ его человѣческое достоинство и которую, къ тому же, онъ получилъ въ счетъ ничтожной годовой платы своей, носящей громкое имя жалованья. На заводскихъ, а въ особенности на промысловыхъ работахъ одежныя вещи, подвергаясь великимъ испытаніямъ, сроковъ не выдерживаютъ и смотрители принуждены давать новую одежду, а во избѣжаніе личной отвѣтственности за казенное имущество, обязаны вычитать на этотъ разъ у каторжнаго не половину, а все жалованье и съ кормовыми. Оттого за казеннымъ долгомъ ссыльный всегда въ неоплатныхъ долгахъ и той крайней нищетѣ, изъ которой единственный выходъ — побѣгъ. Желаніе отдыха и стремленіе на волю, будучи естественными правами всякаго человѣка, на этотъ разъ могутъ быть приведены въ исполненіе только посредствомъ этого же пути—„самовольной отлучки" или рѣшительнаго побѣга. У однихъ тоска по родинѣ, у другихъ старая привычка къ бродяжеству, у третьихъ соблазнъ на путешествіе шайкою съ товарищами, у четвертыхъ дѣйствительно безвыходное положеніе, которое немного не довело до самоубійства,—все это достаточные поводы къ побѣгамъ, рѣже по направленію къ завѣдомымъ цѣлямъ, чаще въ неизвѣстность, въ темную среду приключеній.

Въ самой обстановкѣ каторжныхъ работъ для побѣговъ, сверхъ тяжести каторжнаго сверла, неустанно нажимающаго при помощи безчисленныхъ болѣзней собственно рудниковыхъ и заводскихъ,—представляется много соблазновъ и возбуждающихъ средствъ. Тамъ, гдѣ работы скучены и надзоръ силенъ, выручаетъ долговременный опытъ бывальцевъ, высидѣвшихъ въ тюрьмѣ и примѣнившихъ къ дѣлу многочисленныя остроумныя средства, иногда изумительныя по находчивости, иногда поразительныя по той отчаянной смѣлости, съ какою приводятся они въ исполненіе. Тамъ, гдѣ работы раскидываются на значительныхъ пространствахъ, недоступныхъ равномѣрному наблюденію, средства къ побѣгу упрощаются до того, что не бѣжитъ только безногій, или совсѣмъ хилый или дожидающій на дняхъ законнаго освобожденія отъ казенныхъ работъ. Въ послѣднемъ случаѣ побѣги многочисленнѣе и чаще; въ первомъ они являются въ сообществѣ съ самими сторожами, которые на большую часть простоватые казаки, вовсе не знакомые со своими воинскими обязанностями и на значительную часть штрафные солдаты, сами бывавшіе дезертирами и не лишенные способности вкусить снова этого запрещеннаго воину плода. Бѣглые сплошь и рядомъ уходили вмѣстѣ съ ними и даже подъ защитою ихъ ружья и форменнаго вида. Какихъ средствъ ни выдумывали сибирскія власти, начиная съ особыхъ командъ для поимокъ, выдачи денежныхъ наградъ тѣмъ, которые, имѣя случай бѣжать, не убѣжали *), и кончая измышленіемъ одного начальника засыпать въ надрѣзанныя пятки измельченный конскій волосъ,—побѣги являются столь частымъ явленіемъ, что его смѣло можно полагать обыкновеннымъ и можно считать неизбѣжнымъ. Укрываются всего чаще каторжные и поселенцы заводскими крестьянами по Уралу (въ 20 лѣтъ изъ этого края выслано 7.275 чел. бѣглыхъ изъ всего числа бродягъ, 13.769). Слѣдовательно, такъ называемые варнаки между бродягами составляли около 53% (въ южныхъ степяхъ Новороссіи бѣглымъ изъ Сибири принадлежитъ только 4½%) **).

Такимъ образомъ, въ Сибири не только тѣ, которые замѣчены съ бродяжьими наклонностями въ Россіи, но безразлично бѣгутъ и бродяжатъ преступники всякаго рода и званія. Сибирь въ этомомъ отношеніи самобытна и исторію бродяжества начинаетъ вновь и ведетъ ее по собственнымъ даннымъ и образцамъ, но съ неизмѣннымъ рѣзкимъ постоянствомъ и съ нескрываемыми признаками долголѣтія. На каторгѣ размѣры побѣговъ необычайно широки и число одержимыхъ этою трудно излечимою болѣзнью бродяжества поразительно: въ нерчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857) подверглось наказанію 3.045 человѣкъ за прямые побѣги и за тотъ видъ ихъ, который тамъ называется „самовольными отлучками" (въ этомъ числѣ сбѣжало 22 женщины). Къ 1-му января 1859 г. за десять лѣтъ считалось въ бѣгахъ тамъ же 24% всего населенія ссыльныхъ (3.104 чел.), да сверхъ того 508 человѣкъ вольныхъ людей, называемыхъ горными служителями. Одинъ Александровскій винный заводъ (по сю сторону Байкала) подарилъ Сибирь въ 25-ти-лѣтній періодъ 6.899 бѣглыми, готовыми ко всякимъ услугамъ, но на сторонѣ внѣ постылыхъ мѣстъ и невыносимыхъ каторжныхъ заведеній. Эти послѣдніе остаются все-таки при созерцаніи вѣчнаго perpetuum mobile и съ правомъ любоваться на круговое вращеніе, при которомъ обмѣнъ матеріи новыми элементами великъ, но возстановленіе стараго матеріала незначительно. Число сбѣжавшихъ и пойманныхъ относилось во многихъ заводахъ, какъ 1 : 15. Пятнадцатая часть уходила за Уральскій хребетъ и разгуливала по огромнымъ и безлюднымъ пространствамъ Сибири, гдѣ всякій надзоръ находится внѣ человѣческихъ

*) Одному ссыльному за поимку 5-ти бѣглыхъ назначена была награда въ 25 руб. «въ примѣръ и поощреніе прочимъ».

**) Въ этомъ числѣ мы не считали пойманныхъ, но принимали въ разсчетъ тѣхъ, которые сбѣжали, въ такихъ цифровыхъ отношеніяхъ:

Въ 1833 по 1837	2.728
» 1837 » 1843	3.420
» 1846 » 1859	751

силъ. Съ нѣкоторыхъ заводовъ бѣжала по часту цѣлая половина всего количества ссыльныхъ рабочихъ *).

Тѣми же безконечными и многочисленными побѣгами отвѣчаютъ и поселенцы (въ сословіе которыхъ, преимущественно, поступаютъ русскіе ссыльные бродяги), отвѣчаютъ за ошибочную и несовершенную систему водворенія. Поселенцы не получаютъ достаточнаго пособія на первыхъ шагахъ своей новой жизни, встрѣчаютъ общее нерасположеніе къ себѣ стариковъ-старожиловъ и сами являются въ среду ихъ достаточно испорченными нравственно въ тюрьмахъ и на этапахъ. Большинство ихъ находится въ крайне бѣдномъ положеніи. Видимая помощь, предполагаемая въ поселенческой привиллегіи работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, ведетъ къ тѣмъ же побѣгамъ отъ тяжести уроковъ и къ безпримѣрному пьянству отъ неправильнаго способа денежныхъ вознагражденій. Большинство поселенцевъ, такимъ образомъ, не имѣетъ прочнаго домохозяйства и лишено даже тѣни какого либо признака благосостоянія. Побѣги поселенцевъ также многочисленны **) и также имѣютъ двѣ болѣе характерныя стороны: заурядъ съ каторжными они вынуждаются на бродяжество исканіемъ лучшей участи и бѣгутъ, стороною отъ бѣглокаторжныхъ, прямо въ Россію на родину. Здѣсь эти люди, которымъ выпала жестокая доля изгнанія за менѣе важныя и тяжкія преступленія, ищутъ только того, чего не нашли они на мѣстахъ водворенія. Имъ дорого съ бою добытое право свиданія съ родными людьми и мѣстами. У нихъ настолько не истратилось сердце, чтобы возможный покой, тайное укрывательство и невинный процессъ простого бродяжества предпочитать исканіямъ приключеній, которыя бѣглыхъ каторжныхъ ведутъ къ грабежамъ, убійствамъ и всякаго рода злодѣйствамъ. Если у нихъ уже развилась ненависть къ закону и пошатнулась вѣра въ общественное благосостояніе, то все-таки поселенецъ охотнѣе принимается за такія дѣла, гдѣ меньше отвѣта и короче обратная дорога въ Сибирь. Такъ говорятъ изъ Россіи. Въ Сибири поселенцы всего больше осуждаются за побѣги изъ Сибири, за побѣги изъ-подъ стражи и за взломъ тюремъ, за развратное поведеніе и, наконецъ, за убійство.

Бѣглые съ каторги, достигшіе Россіи, отличаются тамъ большею готовностью на разбой и какъ люди, горькимъ и тернистымъ путемъ выбравшіеся на Русь между множествомъ страховъ и опасностей, устремляются на скрытыя и тайныя преступленія, обусловливаемыя заговоромъ, предполагающія шайки (воруютъ, дѣлаютъ фальшивыя монеты, ассигнаціи и виды, путаются въ поджогахъ). Въ шайкѣ Быкова, съ которою онъ производилъ разбои въ Спасскомъ и Лаишевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, слѣдствіе обнаружило шесть человѣкъ бѣглыхъ съ каторжныхъ работъ. Самъ атаманъ пришелъ съ есауломъ, свирѣпымъ Чайкинымъ, изъ иркутскаго солеваренного завода, а одинъ изъ товарищей (Ѳедоровъ) даже изъ нерчинскихъ рудниковъ. Такіе же бѣглые производили грабежи въ Смоленскѣ, разбои въ Кіевской губерніи и большая часть хотя и сказывались— по обычаю и съ повадки—непомнящими родства, но въ Сибири оказывались старыми знакомыми, снова здоровыми. Бѣглые изъ Сибири, во всякомъ случаѣ, принимаютъ на себя значительную долю тягчайшихъ преступленій и бѣглые съ каторги сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ тѣ, которые бѣжали съ мѣстъ поселенія. Имъ несомнѣнно обязаны ближайшія къ Сибири губерніи (Пермская и Оренбургская) тѣмъ, что, при всякомъ видѣ преступленій, краска на нихъ лежитъ гуще, чѣмъ на всѣхъ другихъ русскихъ губерніяхъ. Губернія же Тобольская, еще сверхъ того, ко всякому роду преступленій успѣваетъ сама прибавить примѣчательныя цифры виновныхъ, въ чемъ немного отстаетъ отъ нее и сосѣдняя ей Томская губернія. Лѣтъ десять тому назадъ „Восточное Обозрѣніе“ сообщало слѣдующее:

„Бѣглыхъ каторжниковъ разгуливаетъ толпа по Сибири; когда они соединяются вмѣстѣ, то держатъ въ осадѣ населеніе обширнаго района, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ въ Енисейской губерніи. Здѣсь разбойники плавали на лодкахъ по Ангарѣ и Енисею и наводили ужасъ на прибрежныя села и деревни. Удержать каторжниковъ въ тюрьмахъ почти нѣтъ возможности; они бѣгутъ оттуда каждую весну, толкаемые страстью къ бродяжеству. Не всѣ они, конечно, готовы вновь совершать убійства, но среди нихъ значительный процентъ смѣлыхъ и почти дикихъ людей, которые не остановятся передъ убійствомъ. Грабежи и убійства встрѣчаются на каждомъ шагу, какъ вдоль большого тракта, такъ и въ сторонѣ отъ него, и огромное большинство изъ нихъ проходитъ безнаказанно“.

Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что пришедшіе изъ Сибири преступники (во всякомъ случаѣ люди испорченные, опасные и всегда озлобленные) находятъ себѣ безопасный пріютъ въ Россіи; пока экономическія средства ея достаточно удовлетворяютъ ихъ насущнымъ жи

*) Такъ, напримѣръ, на Николаевскомъ винокуренномъ заводѣ (въ Нижнеудинскомъ окр. Иркутской губ.) общее число рабочихъ было 442 человѣка, изъ нихъ бѣжало 215 (въ 1857 г.). Въ 1858 г. всѣхъ было 347, изъ этого числа бѣжало 248, а въ 1859 году изъ 462 человѣкъ пустились въ бѣга 291 человѣкъ.

**) Въ Енисейской губерніи, напримѣръ, съ ея немногихъ каторжныхъ и съ многочисленныхъ поселенческихъ мѣстъ водворенія въ три года бѣжало 6.572 человѣка, а поймано и возвращено 1.850, около 25% въ общей пропорціи.

тейскимъ потребностямъ, они непримѣтны, до извѣстной степени поглощены струею правильно и спокойно налаженнаго быта. Укрываясь отъ преслѣдованій и соблюдая свою безопасность, они обязательно прилаживаются, по старымъ знакомымъ и не забытымъ въ ссылкѣ пріемамъ, къ общему строю народной жизни. Въ этомъ ихъ ихъ основное желаніе и коренное право на безопасность въ мѣстахъ, до которыхъ достигли они такимъ тяжелымъ путемъ бѣгства, такими опасными средствами и орудіями долговременнаго и голоднаго скитальчества. Разумѣя цѣну и важность побѣды, пришельцы изъ новыхъ мѣстъ, чужихъ и дальнихъ, на родныя и знакомыя настолько не слышны тамъ, гдѣ имъ даютъ притонъ, что и самые обычные роды преступленій по Россіи идутъ, не возростая и въ подчиненіи вѣчнымъ человѣческимъ законамъ нравственныхъ паденій и прегрѣшеній, какъ будто экономическія условія страны, по отношенію къ избытку вновь появившихся потребителей, устанавливаются въ ту норму, при которой лишній человѣкъ не затрудняетъ задачею работъ и не тяготитъ излишнимъ потребленіемъ. Не тяготитъ онъ другихъ прокормомъ и постоемъ, не нуждается и самъ въ изысканіи средствъ къ существованію темными преступными путями кражи, грабежей и разбоевъ; равновѣсіе сохраняется и въ обыденной жизни нѣтъ рѣзкихъ крайностей, по которымъ можно было бы судить о скопленіи враждебныхъ и опасныхъ силъ, порождающихъ эти крайности уклоненія отъ обычаевъ и эти противорѣчія строгому и послѣдовательному складу жизни.

На высокой горѣ лежитъ вѣчный снѣгъ. Къ нему наметаютъ вѣтры новые сугробы, но гора способна удержать на себѣ еще многія крупныя и новыя массы снѣга. Ледникъ на горѣ—дѣло привычное и селеніе у подошвы ведетъ свою обычную жизнь въ беззаботности, спокойствіи и не боится обвала, который несомнѣнно долженъ нанести вредъ, спутать всѣ соображенія и порядки, напугать близостью опасности и наказать за излишнее довѣріе и презрѣніе къ мѣрамъ предосторожности. Равновѣсіе подчиняется вѣчнымъ законамъ и нарушается тотчасъ, какъ скопленіе противодѣйствующихъ силъ перейдетъ законную границу: обвалъ сползаетъ съ горы или всею своею массою быстро рушится на подгорную окольность. Онъ не измѣняетъ своимъ законамъ, не противорѣчитъ сроку появленія и ошибаются тѣ, которые принимаютъ его за явленіе неожиданное.

Такимъ образомъ, пока вновь прибывающіе въ данную мѣстность нахлѣбники (изъ сибирскихъ бродягъ), не прошенные по работамъ, восполняютъ недостатокъ рукъ, больше пьянствуютъ, чѣмъ злодѣйствуютъ, пока худшіе изъ нихъ, совершающіе преступленія, кражи и разнаго рода поддѣлки отъ фальшивыхъ ассигнацій до паспортовъ, являются неосторожными выскочками, безопасность бѣглыхъ обезпечена, они не бросаются въ глаза начальству и не будятъ обычно дремлющихъ силъ его и силъ общественныхъ. Безопасность такая становится соблазномъ для новыхъ охотниковъ, потому что въ гостепріимныхъ мѣстахъ долговременная практика подготовляла тѣ пріемы и способы, которые обезпечиваютъ для бѣглыхъ безопасность. Между тѣмъ, со стороны сибирской не перестаютъ дѣйствовать тѣ же несокрушимые вѣчные законы, по вліянію которыхъ прибываютъ новыя толпы и—опасная снѣжная лавина ростетъ отъ наметовъ сибирскаго снѣга. Она рухнетъ, когда придетъ часъ и нарушится равновѣсіе.

Предвозвѣстниками этого опаснаго явленія, по отношенію къ скопленію бѣглыхъ, полагается увеличеніе количества кражъ; значитъ, объявился избытокъ рабочихъ силъ и новыхъ не нужно. Новымъ пришельцамъ дорога на лѣсъ, съ обширнымъ правомъ самимъ промышлять насущный хлѣбъ. Одинъ на такомъ дѣлѣ не воинъ, „одному страшно, а всѣмъ не страшно“, на міру смерть красна! собираются бѣглые въ шайки, образуютъ товарищества. Даромъ не кормятъ, стало много ѣдаковъ, надо кормъ силою брать. Бѣглые послѣ воровства грабить стали; разбудили дремлющее око, свели хозяина съ полатей: онъ обулся, одѣлся, взялъ веревку, пошелъ искать и ловить грабителей. Съ сосѣдями онъ сдѣлалъ облаву. Облава имѣла успѣхъ: въ тенета много волковъ попалось. Шайку ослабили, но оставшіеся сбились плотнѣе: всякій товарищъ въ артелѣ сталъ рублемъ дороже. Вырвутъ одного—у всѣхъ шерсть щетиною: надо мстить обычнымъ, дешевымъ, съ испоконъ вѣку народнымъ средствомъ поджоговъ. Количество пожаровъ примѣтно увеличилось именно отъ того, что бѣглыхъ ловятъ и выдаютъ; пожаровъ стало такъ много и зарево отъ нихъ такъ велико, что и въ Петербургѣ стало видно, хоть и непонятно. Пожары расплодятъ погорѣльцевъ нищихъ, новыхъ бродягъ, но на этотъ разъ неопасныхъ. Опасны дѣлаются тѣ, которыхъ обозлили преслѣдованіями. Шайки, избѣгнувшія отъ преслѣдованій, ладятъ уже такъ, что онѣ имѣютъ всю форму разбойничьихъ. Найдется не одинъ такой удалой добрый молодецъ, для котораго и жизнь копейка и море по колѣно, въ природѣ его столько зла, что на многихъ хватаетъ, а въ характерѣ столько силы и воли, что идутъ за нимъ товарищи, какъ послушное стадо, какъ гуси за вожакомъ, какъ кони за передовымъ табуннымъ жеребцомъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за пожарами и грабителями, объявился и разбой: грабежъ, характеризирующій себя только однимъ

насиліемъ, сталъ разбоемъ, взявъ въ руки оружіе. И, хотя безъ оружія, онъ сталъ все-таки грозить опасностью жизни, здоровью и свободѣ людей; съ разбоемъ въ тѣсной связи оказались разнообразныя убійства.

Здѣсь мы видимъ причину періодическаго появленія злодѣйствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно укрываются бѣглые каторжные и поселенцы. Таковы въ особенности губерніи, ближайшія къ Сибири: Пермская и Оренбургская, Казанская и Симбирская, умѣющія сильно отвѣчать на всѣ виды поименованныхъ преступленій. Тобольская губернія, населяемая преимущественно арестантами, выбывшими изъ арестантскихъ ротъ и смирительныхъ домовъ и не принятыхъ обществами, и наиболыше скопляющая въ себѣ бѣглыхъ со всѣхъ концовъ Сибири,—является самою преступною изо всѣхъ губерній *). Отсюда же изъ этихъ слѣдуетъ и наибольшее количество бродягъ, путешествующихъ въ глубь Сибири, не потому больше, что здѣсь владѣютъ лучшимъ умѣньемъ и искусствомъ ловить ихъ (или прилагаютъ къ этому дѣлу энергію), а потому, что въ этихъ лѣсахъ грибовъ много: сами валятся въ кузовъ. Въ Сибири хорошо всѣмъ извѣстно, что бродяги, съ отчаянія голодовки и по мѣрѣ приближенія зимнихъ палящихъ морозовъ, отъ которыхъ и птица на землю валится, являются изъ бѣговъ добровольно. Добровольное возвращеніе вмѣняется въ добродѣтель, ослабляющую степень взысканія и мѣру наказанія; такого бродягу высѣкутъ и водворятъ на прежнее мѣсто до новой весны и кукушки, съ каковой поры онъ снова паціентъ на леченіе „березовою настойкою", предметъ практики для палача и полицейскихъ секуторовъ. Сибирскіе опыты выучили разумѣть, что minimum побѣговъ для одного человѣка изъ опытныхъ бродягъ 6, среднее количество 11 и maximum 18 побѣговъ. Количество же бѣжавшихъ изъ Сибири въ Россію и возвращенныхъ назадъ далеко не соотвѣтствуетъ другъ другу во взаимныхъ между собою отношеніяхъ; если возьмемъ количество бѣглыхъ только съ солеваренныхъ заводовъ Восточной Сибири, то и тогда число ихъ больше чѣмъ вдвое превосходитъ число пойманныхъ въ Россіи каторжныхъ *).

Какъ сибирскому бродяжеству бѣглыхъ и скитанію русскихъ бродягъ въ равной степени предшествуетъ преступленіе, наказываемое ссылкою и называемое „взломомъ тюремъ", такъ точно тутъ и тамъ бродяжество неизбѣжно сопрягается съ особымъ родомъ преступленій „имѣнія и приготовленія фальшивыхъ паспортовъ" и порождаетъ третій родъ—„принятіе чужой фамиліи". Между этими тремя сосѣдями бродяжество считаетъ себя въ большей безопасности. Фальшивые виды заказываются грамотнымъ людямъ съ тѣхъ поръ, какъ завелись на Руси паспорта. Ломаютъ тюрьмы съ тѣхъ самыхъ древнихъ временъ, когда земляныя тюрьмы замѣнены были срубами, выведенными на поверхность земли и прикрытыми дырявою крышею, а стало бродяжество защищать себя псевдонимами съ тѣхъ поръ, когда установился правильный образъ ссылки и водворенія по методѣ Сперанскаго.

Ломаютъ тюрьмы или, собственно, подкапываются подъ нихъ, или—еще проще—подкупаютъ сторожей такъ часто, что трудно представить себѣ хотя одну такую тюрьму въ Россіи и Сибири, надъ которою не было бы произведено опытовъ этого рода. Исторія этого дѣла пахнетъ затхлою стариною, когда бѣглые назывались „утеклецами". Способы и количество опытовъ безконечны и безчисленны. Цифра можетъ сказать, что чаще производятъ „взломы" такъ называемые арестанты; за ними чаще поселенцы, чѣмъ бродяги и каторжные (потому что и количество людей перваго званія несравненно больше количества людей остальныхъ обоихъ, взятыхъ вмѣстѣ). Цифра и говоритъ это, свидѣтельствуя еще сверхъ того о томъ, что женщины весьма рѣдко прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ освобожденія отъ заточенія, предоставляя исполненіе ея сильнымъ рукамъ тюремныхъ сидѣльцевъ мужского пола; женщины не ломаютъ тюремъ, а бѣгутъ просто съ работъ на волю, внѣ остроговъ. Цифра пришедшихъ изъ Россіи за это преступленіе изъ мужчинъ и женщинъ не характеризуетъ его, какъ мѣстное явленіе, въ достаточной степени уже потому, что судъ гонитъ въ изгнаніе только такихъ, которые или не умѣли хорошо произ-

*) Вотъ сравнительно преступленія такихъ арестантовъ и бѣглыхъ (за 9 лѣтъ):

	Бродяги: муж.	Бродяги: жен.	Арестанты: муж.	Арестанты: жен.
Побѣгъ изъ Сибири .	—	—	3.509	31
Бродяжество.	13.788	3.528	34	—
Воровство.	434	86	32	—
Грабежи.	36	4	10	—
Разбои.	10	1	—	—
Самоубійства.	120	6	99	—
Тѣлесныя поврежденія съ намѣр. убійства.	28	1	39	2
Имѣніе и состав. фальшивыхъ видовъ . .	345	134	—	—
Поддѣлка ассигнацій и монеты.	39	1	7	—
Принятіе чужой фамиліи	10	3	—	—
Возмущеніе противъ властей	13	—	20	—
Оставленіе отечества .	5	—	—	—

*) Minimum ежегодно высылаемыхъ каторжныхъ 94, maximum—210; minimum поселенцевъ —223 и maximum—688. Число ссыльныхъ, судившихся за побѣгъ съ каторги (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1846), равнялось 1.554 м. и 7 ж. Число поселенцевъ, судившихся за побѣгъ съ мѣста водворенія, 4.462 м. и 91 ж. Намъ придется еще не одинъ разъ обращаться къ разбору, объясненію и пополненію этихъ краснорѣчивыхъ цифръ.

вести операцію, или, произведя ее, не умѣли хорошо спрятаться. Счастливые гуляютъ на волѣ и виновные въ старомъ грѣхѣ идутъ уже за какой нибудь изъ новыхъ. Несчастныхъ и неловкихъ усчитываетъ Сибирь въ такомъ количествѣ, которое уже возбуждаетъ справедливое подозрѣніе *). Тюрьмы портятъ тюремные сидѣльцы всевозможными способами и только не жгутъ ихъ (что весьма, впрочемъ, знаменательно).

Въ тѣхъ же тюрьмахъ идетъ дѣло приготовленія подложныхъ штемпелей и печатей и приготовленіе паспортовъ и другихъ видовъ за цѣны весьма невысокія, на каковыя въ Сибири въ хорошихъ тюрьмахъ установлена даже такса. Трудно и въ этомъ отношеніи представить себѣ такую сибирскую и изъ русскихъ маломальски жилую тюрьму, гдѣ бы при тщательныхъ обыскахъ не найдено было и готовыхъ и начатыхъ паспортовъ, и орудій дѣла въ видѣ кусковъ свинцу, мѣдныхъ монетъ (обыкновенно пятаковъ), истертыхъ съ обѣихъ сторонъ и отмѣченныхъ новыми нарѣзками, указывающими на невѣроятно далекія отъ Сибири городскія думы и волостныя правленія. Печати обыкновенно крупнѣе общепринятыхъ формъ, нумера такой величины, что писавшій ихъ иногда и самъ выговорить не съумѣетъ, но попадаются и отдѣланные по всѣмъ правиламъ искуства; въ тюрьмахъ не мало мастеровъ настоящихъ изъ тѣхъ же рѣзчиковъ печатей, изъ поддѣлывателей фальшивыхъ монетъ и ассигнацій отъ извѣстнаго Цезика изъ Польши до знаменитаго Коренева изъ Перми). Тюремные паспорты такъ уже и пишутся по приказу собравшихся въ путь: на поселенцевъ, вознамѣрившихся погулять и отдохнуть въ окрестностяхъ; на мѣщанъ, крестьянъ и купцовъ, желающихъ прогуляться въ Россію. При этомъ обыкновенно избираются тѣ города, которые стоятъ на Руси двойнями, тройнями и четвернями! Петровски, Николаевски, Александровски, Макарьевы, Яры, Суражи и Спасскіе въ этомъ случаѣ занимаютъ самыя видныя и почетныя мѣста. Ссыльные изъ Россіи—первые пособники въ этомъ, они не покидаютъ въ Сибири того ремесла, за которое потерпѣли наказаніе и впали въ несчастье. Ловятъ въ такомъ преступленіи въ равной мѣрѣ каторжныхъ и поселенцевъ. Изъ Россіи приходятъ и дворяне (служащіе и не служащіе), и купцы (торгующіе и не торгующіе), для которыхъ, впрочемъ, поддѣлка фальшивыхъ паспортовъ исчезла въ итогѣ преступленій, называемыхъ „поддѣлкою актовъ и другихъ бумагъ" (однако, нижніе канцелярскіе чины, ссылаемые чаще за поддѣлку актовъ и за воровство, выясняются для насъ въ числѣ ссыльныхъ, какъ поддѣлыватели паспортовъ). За фальшивые паспорты изъ Россіи идутъ въ одинаковой степени солдаты и мѣщане, но примѣтно чаще—само собою разумѣется—тотъ классъ людей, который названъ бродягами *). При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что бродяги особенно не считали для себя нужнымъ прикрываться какими бы то ни было видами на жительство и прибѣгать къ фальшивымъ, бродили же просто съ такъ называемыми волчьими паспортами; изъ пятнадцати тысячъ присланныхъ въ Сибирь въ теченіи девяти лѣтъ уличены съ фальшивыми паспортами только почти 32-ая часть, т. е. 479 челов. (345 муж. и 134 жен.). Главныхъ пунктовъ этого рода поддѣлокъ (между которыми принадлежатъ самыя видныя мѣста обѣимъ столицамъ) Сибирь не указываетъ, привыкнувъ различать получаемыхъ изъ Россіи преступниковъ въ валовомъ счетѣ по губерніямъ. По этой системѣ подозрительнѣе другихъ ей кажутся: 1-ая Тобольская, 2-ая Пермская, 3-ья Оренбургская, 4-ая Кіевская, 5-ая Казанская, 6-ая Московская, 7-ая Петербургская, а прочія губерніи въ полномъ безразличіи.

„Принятіе и имѣніе чужой фамиліи" или псевдонимы, употребляемые для подспорья бродяжеству и для пущей легкости и возможности скрывать старые грѣхи, — въ Сибири и Россіи дѣла обычныя. Польза такихъ выдумокъ несомнѣнна и въ этомъ отношеніи неизмѣримо практичнѣе и прочнѣе литературныхъ псевдонимовъ; ничто не вѣнчается такимъ полнымъ успѣхомъ, какъ этотъ видъ преступныхъ измышленій на пользу каторжныхъ, поселенцевъ и бродягъ, исключительно пользующихся ими. Отсутствіе сплетни и существованіе кругового заступничества, вставшаго на ея мѣсто у этихъ со всѣхъ сторонъ и всѣми преслѣдуемыхъ, дѣлаетъ то, что разоблаченіе псевдонимовъ—находка въ Сибири равносильная, напр., откры-

*) Однако и въ 9 лѣтъ «за взломъ тюремъ» сослано было 75 человѣкъ (32 поселенца, 29 арестантовъ, 8 бродягъ и 7 каторжныхъ). Въ 1838 году въ Россіи бѣжало изъ-подъ стражи 57 м., 1 ж.; въ 1839 за побѣгъ отъ службы и изъ-подъ стражи сослано 84 м., 2 ж.; въ томъ числѣ 19 изъ одной Перм., 5 Тул., 5 Грод., 6 Минск., въ 1840—118 м., 4 ж. (18 изъ Перм., 12 Минск., 6 Яросл., 8 Бесс.); 1841—108 мужч. (17 изъ Мин.), 1842—86 м., 1 ж. (17 изъ Херс., 9 Перм., 4 Вят.), въ 1843—132 м., 14 ж. (27 Перм., 7 Кіевск.), въ 1845—7 м. (изъ нихъ: 3 Ряз., 3 Волын., 1 Яросл.). Въ 1844 г. не показано число, съ этого года замаскированное иными темными рубриками.

*) Въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ:
Солдаты 17, солдатки 11, мѣщане 82, мѣщанки 7, бродяги муж. 345, жен. 134. Торопливая и странная система составленія тобольскихъ табелей о ссыльныхъ, зачастую сбивающая разнаго рода преступниковъ въ одну общую категорію, на многіе года мѣшаетъ отдѣлять поддѣлывателей паспортовъ отъ имѣвшихъ и пользовавшихся ими. Общая же цифра (за 9 лѣтъ) «имѣвшихъ подложные паспорты» для мужчинъ 1.408, для женщинъ 328.

тію въ самоцвѣтныхъ камняхъ розоваго топаза. Смотрители тюремъ такіе случаи записываютъ въ шнуровыя книги подъ именемъ „чрезвычайныхъ“ происшествій. Такъ, смотритель тобольскаго острога хвастался (въ 1850 г.): „Бѣгло-каторжный Ѳедоръ Ивановъ, отправленный изъ Тобольска въ Томскъ, съ дороги бѣжалъ, въ Тюмени пойманъ, приведенъ въ тобольской острогъ, снова отправленъ въ Томскъ и снова съ дороги бѣжалъ. Въ 1850 г. пришелъ въ Тобольскъ въ третій разъ въ партіи каторжныхъ уже изъ Россіи (но Екимомъ Звѣревымъ)“.

За принятіе чужой фамиліи изъ Россіи ушло всего 21 человѣкъ въ 9 лѣтъ *). По Сибири едва ли не половина ссыльнаго люда ходитъ подъ прозваніями, взятыми на прокатъ и, смотря по количеству побѣговъ, подъ пятою и десятою фамиліею. Въ сыскныхъ статьяхъ сибирскихъ губернскихъ и областныхъ правленій то и дѣло поручаютъ искать такого-то (который, какъ заяцъ въ полѣ, два раза на годъ мѣняетъ цвѣтъ своей шерсти): „Дезертира Путилова Палладій Васильева, онъ же Александръ Лебедевъ и Одинцовъ“. Одинцовъ онъ, вѣроятно, потому, что любилъ быть въ бѣгахъ безъ товарищей, ходилъ по лѣсамъ, какъ лось-одинецъ, какъ олень-одинецъ, а вѣроятно это оттого, что псевдонимы каторжныхъ всегда выражаютъ поползновеніе на своего рода остроуміе. Въ бѣгахъ, кто какою рѣкою плыветъ, тою и славою слыветъ: умѣлъ угождать бѣглымъ товарищамъ мастерствомъ доставать пропитаніе—Доставаловъ сталъ; любилъ встрѣчать прохожихъ и, ограбивъ, отпускалъ ихъ живыми—Разуваевымъ прозвался. По лѣсамъ грабилъ, въ лѣсахъ скитался—Дубровинъ, еще тоньше — Смолкинъ, Кореневъ; въ горахъ разбойничалъ — Горкинъ, на островѣ Ангары пойманъ—Островскимъ назвался. Очень сердитаго Варваровымъ прозовутъ, очень угрюмаго — Несмѣяновымъ, очень веселыхъ—Балагуровыми, Сказочниковыми, Пѣсенниковыми, Потѣхиными. Также часто встрѣчаются: Ложечки, Новоженовы, Новограбленые, Монетчиковы, Денежкины, Переплеткины, просто Гришкинъ и просто Солдатовъ, Неспособный, Тайновъ и проч. и проч. Однако, здѣсь то различіе отъ общепринятыхъ русскимъ и сибирскимъ народомъ прозваній, что таковыя чаще берутъ на себя сами бѣглые (а не даютъ сосѣди), берутъ по первому вдохновенію, но не безъ скрытаго желанія насмѣшки надъ допросчиками и сыщиками. Приходятъ и съ заранѣе надуманными прозвищами, но опять-таки не безъ скрытаго хвастовства своими доблестями, хотя бы на этотъ разъ и злодѣйскими; арестанты, какъ извѣстно, народъ страшно тщеславный и въ высшей степени хвастливый. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что пойманные со всѣмъ врасплохъ и не находчивые сказываютъ и просятъ писать себя просто „непомнящими“ (такими фамиліями испещрены сыскныя статьи и слѣдственныя бумаги). Нѣкоторые (и это также въ большомъ употребленіи) прозываются именами, получившими на каторгѣ своего рода извѣстность. Такъ, прозываются они по фамиліямъ знаменитыхъ сибирскихъ бродягъ и разбойниковъ: Горкиными, Апрѣлковыми, Дубровиными. Палачи, напр., выбираемые преимущественно изъ бродягъ, на большую часть Бархатовы, ибо былъ-де такой знаменитый криворотый палачъ въ Москвѣ Бархатовъ, человѣкъ суровый и домовитый (словно просоленый былъ), самъ въ свою очередь, вѣроятно, придумавшій себѣ фамилію также ради остраго слова, хотя и не совсѣмъ удачно (ибо-де „гладилъ не бархатомъ, а чтобъ ему, криворотому черту, икать на томъ свѣтѣ всю жисть“).

*) Изъ бродягъ 10 м., 3 ж.; изъ поселенцевъ 6 м.; изъ каторжныхъ 2 мужч.

О подобныхъ перемѣнахъ именъ и фамилій неукоснительно доводили до свѣденія высшаго правительства и оно неоднократно принимало въ этомъ отношеніи строгія мѣры: осужденные на поселеніе и обмѣнявшіеся съ каторжными, обязаны были идти туда, куда указала имъ добрая воля за какое нибудь ничтожное вознагражденіе. Такого ссыльнаго велѣно было держать въ каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжнаго, по наказаніи на мѣстѣ розгами (сто ударами), держать лишнихъ 5 лѣтъ сверхъ узаконеннаго срока. Поселенцевъ, обмѣнявшихся именами же, велѣно отсылать въ заводскія работы на два года, а потомъ обращать на поселеніе. Строгости не пособили: ссыльные продолжаютъ мѣняться именами до нашихъ дней.

Коренные бродяги, занашивающіе свои прирожденныя прозвища и отеческія имена, для насъ поучительны и въ томъ отношеніи, что прикрываютъ своимъ званіемъ многія изъ тѣхъ преступленій, которыхъ нѣтъ возможности не только въ Сибири, но и въ Россіи опредѣлить по сословіямъ съ нѣмецкою аккуратностью и, вообще, съ европейскою точностью. Но по бродягамъ и по главнымъ свойствамъ ихъ ремесла и званія не предстоитъ большого труда выдѣлить тѣхъ изъ нихъ, которые выработываются уже совершенно по европейскимъ образцамъ и начинаютъ увеличиваться въ количествѣ по мѣрѣ развитія городовъ со всѣми привилегіями и недостатками этихъ многолюдныхъ сходбищъ и стойбищъ людей различныхъ свойствъ, требованій и воспитанія.

Передъ нами бродяги—люди безъ призванія, не имѣющіе ни извѣстнаго жилища, ни средствъ къ существованію, которые не заняты ни ремесломъ, ни промысломъ. Этотъ первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ, встрѣчающійся, какъ неизбѣжное явленіе, вездѣ, гдѣ производится непозволительная и запрещенная закономъ торговля, гдѣ существуетъ преступная промышлен-

ность,—то прозябаніе, которое получаетъ матеріалы для питанія въ большихъ городахъ. Такого сорта бродяги и родятся неизбѣжно въ той части населенія, которая ростетъ и прозябаетъ въ этихъ большихъ городахъ и, по причинѣ непрочныхъ средствъ къ существованію, впадаетъ въ крайнюю нищету. Сюда входятъ и взрослые и оборванныя дѣти, которыя, лишились родителей или покинуты ими,—дѣти, которыя, оставаясь безъ отцовскаго крова, вертятся на бойкихъ мѣстахъ главныхъ улицъ, на площадяхъ и бульварахъ Парижа и Лондона, стали появляться и въ нашихъ Москвѣ и Петербургѣ въ увеличивающейся прогрессіи. Они живутъ плодами своей навязчивости, милостынею или мелкимъ воровствомъ, и у насъ въ столицахъ начинаютъ изрѣдка собираться въ воровскія шайки или приставать къ таковымъ же взрослыхъ воровъ.

У настоящихъ городскихъ бродягъ нѣтъ ни очага, ни угла, но они—обычные и всегдашніе хозяева тѣхъ зловонныхъ и злосчастныхъ вертеповъ, которые открыты для всѣхъ приходящихъ и помѣщены, по большей части, во всѣхъ большихъ домахъ, окружающихъ самые большіе рынки (каковы: Сѣнная съ домомъ Вяземскаго въ Петербургѣ и Лубянка съ домомъ Шипова въ Москвѣ). Отсюда эти бродяги—гиблыя прозябанія большихъ городовъ, люди, занятые единственно настоящимъ днемъ, стекаются и толпятся на толкучкахъ, чтобы тамъ легкимъ промысломъ (въ Европѣ легкою и ничтожною послугою) добыть себѣ хлѣбъ и мѣдную монету на приварокъ или горячее и горячительное,—и то только на насущный день. Вездѣ, гдѣ частная благотворительность раздаетъ милостыню, бродяги эти, въ видѣ нищихъ, являются въ полномъ составѣ: будутъ ли то церковныя паперти въ торжественные дни, или крыльца и дворы купеческихъ и барскихъ домовъ во время похоронъ или поминокъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что частная благотворительность старается выбрать иногда для своихъ подаяній такія мѣста, гдѣ, по преимуществу, привыкли собираться бродяги, и, желая быть тароватою и искреннею, благотворительность умѣетъ сдѣлаться, такимъ образомъ, вредною и даже преступною. Бродяжество рѣдко остается въ собственныхъ своихъ границахъ, но всегда слито съ нищенствомъ и воровствомъ—его неизбѣжными спутниками и естественными помощниками. Мелкое воровство—единственный выходъ для бродягъ и прямая опора для бродяжества. На средства, добытыя этимъ ремесломъ, бродяги умѣютъ поддерживать новобранцевъ и трусливыхъ, закрѣпляя, такимъ образомъ, артельныя связи и подкрѣпляя общій законъ, въ силу котораго легкость добычи уничтожаетъ въ бродягахъ понятіе о цѣнности важныхъ въ городской жизни денегъ. Бродяги тратятъ ихъ съ необузданною расточительностью и поразительною быстротою; безграничное пьянство становится ихъ прямымъ наслажденіемъ и, при благопріятныхъ поводахъ, превращается въ жизненную цѣль, для которой предѣлъ заключается въ смерти. Всѣ мѣста общественныхъ собраній, народныхъ сходокъ — для нихъ мѣста поживы. Безпорядочная жизнь ихъ составлена изъ двухъ половинъ: одна часть принадлежитъ занятію ремесломъ (дневная), а другая—игрѣ и пьянству (ночная). Игра и пьянство—двѣ страсти, соперничающія между собою въ жизни этого погибельнаго класса людей. Онѣ обѣ творятъ съ ними изумительныя превращенія: изъ легко одѣтыхъ, большею частью оборванныхъ, они въ нѣсколько часовъ становятся почти совершенно голыми и только это послѣднее обстоятельство способно останавливать отъ выхода на промыселъ, страсть къ которому превращается въ нѣкоторый родъ хронической болѣзни. Лѣтомъ они живутъ подъ открытымъ небомъ, зимою—въ самыхъ грязныхъ притонахъ подозрительныхъ домовъ. Они, впрочемъ, привыкли спать и на голыхъ камняхъ, когда не счастливитъ добыча; привыкли и голодать и умѣютъ приноравливаться ко всякаго рода нуждамъ и лишеніямъ. Бродяжество, соединенное съ воровствомъ, до такой степени сильно затягивающее въ себя болото, что люди, попавшіе въ него, рѣдко бываютъ способны освободиться. Возвращаемые къ осѣдлости тѣми или другими случайными способами, они десять-двадцать разъ покидаютъ родительскія семьи и хозяевъ, чтобы снова удариться въ бродяжество и пуститься на воровство. Они снова шарятъ въ чужихъ карманахъ, высматриваютъ слабыя мѣста въ чужихъ квартирахъ, снова истрачиваютъ добытое и собственныя силы только на наслажденія, ради ихъ продавая и носильное платье и все, что продать можно. Таково самопроизвольное, свободное бродяжество взрослыхъ, но существуетъ и вынужденное — для дѣтей. Отецъ-ремесленникъ истощаетъ работою своего сына, хозяинъ-мастеръ, принявшій изъ деревни мальчика, не кормитъ его до тѣхъ поръ, пока ученикъ не исполнитъ заданнаго урока, тяжелаго и для взрослаго работника, сурово наказываетъ, больно бьетъ, обѣщается прогнать назадъ свиней пасти; измученный мальчикъ бѣжитъ и изъ родительскаго дома и съ хозяйской квартиры, какъ съ каторги.

Разумѣется, бродяжество, нищенство, даже воровство—только печальныя послѣдствія, вынуждаемыя законами необходимости.

Совершенно особнякомъ отъ всѣхъ указанныхъ нами видовъ бродяжества, въ подчиненіи собственнымъ законамъ, стоитъ другое явленіе въ народной жизни, на которое указываютъ сибирскія табели, усчитывающія сосланныхъ за бродяжество. Въ группахъ настоящихъ бродягъ

большая половина принадлежитъ тѣмъ, которые сказались непомнящими родства, но, въ сущности, вовсе не таковы, чтобы можно было оставить за ними прозваніе бродягъ и считать ихъ опасными и тѣмъ болѣе преступными людьми. Это — самовольные переселенцы, ушедшіе обмѣнять неблагодарныя мѣста родины на лучшія, безъ дозволенія начальствъ, но по принужденію многочисленныхъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ осѣдлости. Они упорно отказывались объявить свое званіе и имя, чтобы отнять возможность пересылки, этапнымъ способомъ, туда, гдѣ все для нихъ кончено, но, подъ охраною закона, получить право на осѣдлость тамъ, гдѣ и по слухамъ и по пословицѣ: „хотя и не ростутъ яблоки, но люди не мрутъ съ голода“. Большія толпы людей, ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество, тѣ переселенцы, у которыхъ отнято право добровольнаго выбора мѣстъ внутри Россіи и замѣнено способомъ принудительнаго переселенія и казенныхъ пріемовъ подъ видомъ ссылки на поселеніе въ Сибири. Имъ не удалось довести своего предпріятія до конца (они пойманы во время самой работы) и, вмѣсто того, чтобы воспользоваться плодами своихъ исканій, на этотъ разъ принуждены видѣть свое дѣло испорченнымъ. Имъ указано вести его сначала при всѣхъ неудобствахъ ссылки и невыгодахъ принудительнаго поселенія. Ихъ признали за виноватыхъ и назвали преступными. Ихъ ссылаютъ въ Сибирь за бродяжество, но за ними историческое право, не допускающее преступности въ этомъ характерномъ явленіи нашего отечества.

Въ Россіи извѣстныя формы народныхъ передвиженій, называемыхъ въ наши времена бродяжествомъ, прошли черезъ всю историческую жизнь народа, подъ благопріятнымъ вліяніемъ временъ удѣльно-вѣчевого періода. Оно сохранилось какъ живое и неизбѣжное начало даже и на то время, когда ковалось Московское государство, медленно и ощупью добираясь до началъ государственныхъ, неблагопріятныхъ этому безконечному и безпрерывному шатанію изъ края въ край, изъ одной области въ другую. Когда изъ Москвы начали высылать ограниченія этому народному передвиженію и думали остановить народныя стремленія „брести врозь“ — явилась русская Сибирь, обязанная своимъ бытіемъ именно этому стѣсняемому свойству, неразрывно слитому со всѣми другими свойствами, и тѣмъ людямъ, которые назывались сначала вольными, потомъ получили прозваніе гулящихъ и, наконецъ, названы бродягами. Вольные люди до Ивановъ московскихъ, гулящіе при нихъ до Петра, бѣглые при немъ и бродяги послѣ него до нашихъ дней — все одни и тѣ же представители коренного народнаго свойства, стремившагося осилить и оживить обширныя равнинныя пространства, на которыя набрелъ русскій народъ и которыя легли неодолимымъ соблазномъ передъ нимъ, успѣвшимъ сознать самого себя и собственныя силы. Бродяжество несло государству громадныя выгоды и было однимъ изъ правильныхъ и законныхъ явленій.

Новгородскіе бродяги — вольные люди, уходившіе изъ Новгорода и его волостей въ силу общаго народнаго настроенія на торговлю и промыселъ или выгоняемые смутами и неурядицею,—эти вольные люди населили весь сѣверъ Россіи. Въ странствіяхъ, придерживаясь рѣкъ, этимъ бродяжествомъ своимъ съумѣли они оживить самыя отдаленныя страны, каковы закамскія и сибирскія. Избравъ привольное любое мѣсто, эти вольные люди копили на св. Софію (а потомъ и на государя московскаго) слободы изъ такихъ же вольныхъ людей, бродягъ, извѣстныхъ на старинномъ языкѣ подъ именемъ прибылыхъ людей. Въ предѣлахъ Россіи они устояли подъ защитою частныхъ собственниковъ, сильныхъ капиталомъ и вліяніемъ и являвшихся на помощь къ нимъ или въ видѣ частныхъ лицъ — служилыхъ людей, или въ формѣ общинъ, каковы монастыри. Въ предѣлахъ Сибири тѣ же промышленныя поселенія устояли подъ защитою остроговъ и подъ охраною тѣхъ бродягъ, которые назывались въ старой Россіи казаками.

Далеко потомъ, когда уже окончательно установилось Московское государство, когда тотъ элементъ, который породилъ на Руси казачество, быстро и свободно заселилъ украины, пріобрѣлъ государству много новыхъ земель и землицъ, покорилъ много непокорныхъ народовъ и уступчивыхъ народцовъ, когда этотъ древній элементъ народнаго духа вмѣненъ былъ народу въ преступленіе, прежніе вольные люди названы были гулящими людьми,—бродяжество еще продолжало руководить народнымъ инстинктомъ. Инстинктъ этотъ сказывался отысканіемъ новыхъ мѣстъ, лучшихъ, прибыльныхъ и привольныхъ. Это исканіе какой-то обѣтованной земли руководило народомъ долгіе годы потомъ. Живетъ оно въ немъ и теперь, даже и послѣ полуторасталѣтняго существованія законовъ, вмѣняющихъ народу „бродяжество“ въ преступленіе. Оно, подъ разными формами и именами, пережило въ послѣднія полтора столѣтія самыя трудныя для его жизни, но представляющія тѣ же питательныя средства, какими богата была древняя Русь и не бѣдна новая. Теперь, когда казалось, такъ проченъ и надеженъ государственный строй, добровольный переходъ съ худыхъ мѣстъ на лучшія, не кончая своей исторіи, ведетъ ея повѣсть съ такими же подробностями, хотя уже не такъ смѣло и открыто, но также примѣтно и настойчиво.

Одинъ ничтожный, неопредѣленный слухъ, распущенный какими нибудь бродягами (обыкновенно солдатами-дезертирами, нерѣдко бѣглыми

помѣщичьими людьми и крестьянами), достаточно силенъ былъ для того, чтобы, и во время крѣпостного права, поднимать съ мѣста сотни и тысячи осѣдлаго населенія и вести ихъ въ неизвѣстность, въ какую-то призрачную, дальнюю обѣтованную землю. Такъ было это въ 1825 году съ помѣщичьими крестьянами 20 губерній, между которыми Пензенская, Симбирская и Саратовская поступились значительнымъ количествомъ своего населенія, выступившаго на „новую линію“ и дошедшаго уже до предѣловъ Уральскаго войска съ цѣлью разыскать расхваленную и благодатную рѣку Дарью. Волновался народъ слухомъ о какомъ-то сенатскомъ указѣ и, называя его указомъ 23 февр. 1823, вѣрилъ въ то, что господскимъ крестьянамъ дозволено селиться на казенныхъ земляхъ за рѣкою Ураломъ, что для этого имъ объявлена полная воля, и кто захочетъ, тотъ и можетъ селиться. Народъ шелъ пѣшкомъ безъ денегъ и безъ хлѣбныхъ припасовъ, питаясь подаяніемъ; шелъ безъ женъ, безъ дѣтей, оставляя семейства и хозяйства на произволъ судьбы. Идя дорогою, не только ни одинъ не совершилъ преступленія, но даже и маловажнаго проступка, оставивъ лишь на мѣстахъ подъема слѣды не только неповиновенія и ослушанія помѣщикамъ и управляющимъ, но и слѣды мятежей и своеволія. Всѣмъ хотѣлось дойти безъ препятствій до счастливыхъ мѣстъ, гдѣ на осетрахъ бабы колотятъ выполосканное бѣлье, гдѣ на всякую избу тотчасъ по приходѣ даютъ всякаго скота и птицъ вдоволь и гдѣ всякій, придя въ готовую избу, на дубовомъ столѣ найдетъ 500 руб. на обзаведеніе всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ. Женщины оставались дома дожидаться подкрѣпленія слуховъ, а мимошедшихъ снабжали холстами, пряжею, деньгами, хлѣбомъ, прося записать ихъ на „новой линіи“. Въ подкрѣпленіе слуховъ разсказывали, что самъ императоръ Александръ I и великій князь Константинъ Павловичъ объявили крестьянамъ свободу и сами поѣхали выбирать имъ мѣста, что киргизскій ханъ, по просьбѣ своихъ, изъявилъ желаніе населить свои земли русскими людьми, что государю это понравилось и онъ ужъ совѣтовался съ Аракчеевымъ и велѣлъ сенату писать указы; къ сенату присталъ и синодъ, и проч. Разглашали слухи и поясняли ихъ прежде всѣхъ, разумѣется, бывалые люди— отставные солдаты (уличено 6 человѣкъ: Николаевъ, Фроловъ, Шлыковъ, Бѣлоглазовъ и друг.); затѣмъ купеческія дѣти (2) и сами сбѣжавшіе крестьяне другихъ губерній. Лицо духовнаго званія—какъ и быть надо—пономарь, открылъ на пути канцелярію для снабженія желающихъ фальшивыми паспортами. Все число сбѣжавшихъ крестьянъ только изъ трехъ сосѣднихъ къ линіи губерній (Пензенской, Симбирской и Саратовской) простирается до 2.084 чел. Изъ этого числа наибольшую часть успѣли задержать на мѣстахъ; другую возвратили изъ Оренбурга и Уральска (802) въ ножныхъ кандалахъ и за карауломъ отъ внутренней стражи. Кромѣ того, въ Симбирской губ. поймано бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ другихъ губерній 203 чел. (Пенз. 86, Саратов. 43, Нижегор. 39, Казан. 15, Тамб. 1, Рязан. 18, Вологод. 1; въ Курмышскомъ уѣздѣ поймано 35 чел. изъ Нижегор. губ.). Однако, изъ всего числа бѣжавшихъ 27 пропало безъ вѣсти, 20 умерло въ дорогѣ, 8 чел. товарищи отбили изъ-подъ караула; многіе успѣли ускользнуть отъ учета. Какъ великъ былъ приливъ народа въ Оренбургскую губ., можно отчасти судить по тому, что изъ одного уфимскаго казначейства израсходовано на отправку бѣглыхъ крестьянъ 15.332 руб. 70½ коп. Очень многихъ мѣстныя начальства, подъ видомъ бродягъ и цѣлыми семьями, отосылали въ Сибирь на поселеніе. По изслѣдованіямъ сенатора князя А. А. Долгорукаго, главнѣйшею причиною побѣговъ было нелѣпое толкованіе распоряженій, предписанныхъ указомъ 23 февраля 1823 года относительно бродягъ.

Въ 1847 году большая часть Витебской губерніи двинулась къ Петербургу и уже подъ Порховымъ остановлена была вооруженною силою. Сколько разъ подобные же слухи шевелили и поднимали большія массы народа во многихъ другихъ губерніяхъ, какъ случалось, напримѣръ, въ Псковской, Новгородской, Воронежской, Курской, Кіевской, Могилевской, Подольской и проч. Старательно преслѣдуя всѣ подобнаго рода движенія и народныя заявленія и сурово устраняя ближайшія причины,—преслѣдователи оставляли въ почвѣ корни, изъ которыхъ одинъ вырванъ великимъ актомъ освобожденія отъ крѣпостного сословія; другіе корни остались въ почвѣ. Малоземеліе въ хлѣбородныхъ южныхъ мѣстахъ, неурожаи, нерѣдко преслѣдующіе изъ года въ годъ въ мѣстахъ лѣсныхъ и болотистыхъ, до сихъ поръ, вмѣстѣ съ другими причинами, даютъ этимъ скрытымъ корнямъ питательные соки въ достаточной мѣрѣ.

Съ поразительною очевидностью Сибирь ежегодно убѣждается въ томъ, что наибольшее количество ссылаемыхъ за „бродяжество“ является изъ южныхъ губерній степной полосы Россіи. Средняя цифра принадлежитъ внутреннимъ губерніямъ средней полосы (въ большей мѣрѣ подмосковнымъ, въ меньшей—западнымъ). Самая малая, сравнительно ничтожная цифра падаетъ на сѣверныя губерніи и остзейскія. Сильное на югѣ народное переселеніе слабѣетъ въ центрѣ и уничтожается на сѣверѣ. Оно, какъ бы набалованное условіями теплаго климата и продолжительностью благопріятныхъ временъ года, ослабѣваетъ, истощаясь въ своихъ силахъ при близости полярныхъ холодовъ и пропадаетъ въ

непроходимыхъ, темныхъ и ненаселенныхъ лѣсахъ сѣвера, на топкихъ и скудныхъ тундрахъ и болотахъ его. Приволье степей увеличиваетъ его размѣры и, расширяя пути, даетъ готовыя тропы. Непривѣтливость сѣверныхъ лѣсовъ заслоняетъ эти пути, теряющiеся въ непроходимыхъ чащахъ, и заметаетъ снѣжными сугробами тѣ дороги, которыя легко укладываются въ любомъ мѣстѣ въ степи. Условiя народной жизни измѣнились. Примѣненiе труда и народныхъ силъ приняло другое направленiе, противоположное тому, за которымъ до сихъ поръ слѣдила исторiя.

Во времена отъ насъ далекiя, когда южныя степи оберегались воинственными кочевниками восьми наименованiй, разбивавшими и разрушавшими жизнь русскихъ славянъ на югѣ, вся сила движенiя направлена была въ противоположную сторону, на сѣверъ. Въ первобытныхъ, непочатыхъ лѣсахъ его внѣдрились два богатыря: Москва и Новгородъ. Когда первой удалось притянуть къ себѣ всѣ разрозненныя, но однородныя части и составить сильное цѣлое, второй уже успѣлъ осилить новыя препоны и далъ народному движенiю новое направленiе на востокъ—въ Сибирь. На сѣверѣ отъ степей продолжала укрѣпляться и сосредоточиваться русская жизнь, поразительная своею самобытностью и изумительная по необычайнымъ успѣхамъ колонизацiи. Вольные люди искали новыхъ земель и оживляли трудомъ своимъ тѣ, которыя удалось занять при содѣйствiи собственныхъ общинъ или по призыву богатыхъ собственниковъ, между которыми въ ряду колонизаторовъ очутились даже монастырскiя общины и, притомъ, оказались самыми способными и опытными, къ которымъ охотнѣе приставали прежнiе вольные люди. Частное право перехода отъ одного владѣльца къ другому, болѣе выгодному, съ безплодныхъ земель на плодородныя, стало на сѣверѣ изъ обычнаго права народнымъ, вошло въ послѣдующiя узаконенiя, служило народу выходомъ на несчастные случаи, неблагопрiятные для осѣдлости. Суровый климатъ и неблагодарная почва, встрѣтившiе пришельцевъ невзгодами повальныхъ болѣзней и частыхъ голодовъ отъ неурожаевъ, закрѣпили за народомъ право перемѣнять мѣсто, какъ естественное. Къ негостепрiимной странѣ и неблагодарнымъ займищамъ и урочищамъ народъ могъ примѣняться на время, но не былъ въ состоянiи прикрѣпиться навсегда. Побѣжденные природою и желавшiе пользоваться естественнымъ человѣческимъ правомъ свободы уходили на призывъ хвастливаго и тароватаго. Равнымъ образомъ, снимались и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ земля не давала надежныхъ всходовъ и гдѣ прошла война, сопровождавшаяся, по обычаю тѣхъ временъ, страшными опустошенiями и грабежами. Населенiе, оживлявшее лѣса и боровшееся со всѣми препятствiями, встрѣченными въ нихъ, продолжало находиться въ постоянномъ движенiи и кочевало по тому же способу, какъ и тѣ аборигены страны, которыхъ вытѣсняли они съ лучшихъ мѣстъ. При отсутствiи граней въ русской землѣ, это скитанiе по лѣсамъ было безконечнымъ и вело народъ къ какому-то осѣдлому кочевью, „гдѣ“ — по словамъ одного изъ историковъ нашихъ—„всякая осѣдлость казалась временною, а всякiй переходъ совершался осѣдлости ради“. Такимъ образомъ, самое завоеванiе такъ же кочевало, какъ и племена; но завоеванiе на этотъ разъ увѣнчалось тѣмъ успѣхомъ, что вся громадная лѣсная равнина осталась за восточнымъ славянскимъ племенемъ. Здѣсь, въ предѣлахъ этой равнины, главнымъ образомъ сосредоточивалось это кочевье осѣдлаго народа и находилось въ полномъ разгарѣ, являлось безконечнымъ даже и на то время, когда Московскому царству показалось оно и несвоевременнымъ и вреднымъ. Годуновскiй указъ о прикрѣпленiи народа къ той землѣ, на которой кого засталъ указъ, оказался только сильною попыткою остановить народныя стремленiя перемѣнять мѣста подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, отъ той или другой причины, которыя на времена первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ оставались тѣ же. Число пришлыхъ людей на первое время уменьшилось, но предѣлы расширились прiобрѣтенiемъ новыхъ странъ и очисткою хлѣбородныхъ и соблазнительныхъ степей отъ элементовъ, до сихъ поръ сдерживавшихъ стремленiе русскаго народа въ эту сторону. Не сильное въ началѣ, но такое же устойчивое и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, такое же неуступчивое ко всякимъ препонамъ, народное передвиженiе заручилось новыми поводами, выразившимися въ крутыхъ и суровыхъ преслѣдованiяхъ за старую вѣру и новые религiозные толки. При второмъ изъ Романовыхъ, царѣ Алексѣѣ, народное движенiе, вызванное новыми невзгодами, стремилось и по старымъ тропамъ на востокъ, въ Сибирь, бросалось и въ обратную, на сѣверъ, къ шведскимъ рубежамъ, кидалось въ отчаянiи и по новымъ сиротскимъ дорогамъ на донскiя и приволжскiя степи, искало помощи и защиты и на западѣ, за рубежомъ литовскимъ. Какъ до сихъ поръ Новгородъ стремился на востокъ, такъ теперь Москва устремилась и на югъ и на западъ, куда ни попало.

Въ такомъ народномъ броженiи принялъ Россiю Петръ, думавшiй установить государственный строй по опытамъ и образцамъ Европы, но въ этихъ стремленiяхъ съумѣвшiй дать народу новые поводы къ протесту противъ нововведенiй. Тѣмъ же бѣгствомъ въ разныя и дальнiя стороны отвѣтилъ народъ на указъ Петра о ревизiи, на послѣдующiе указы его о рекрутствѣ, преслѣдованiя за старую вѣру, на прикрѣпленiе къ заводамъ и тяжелыя непривычныя ра-

боты и проч. Расширеніе владѣльческихъ правъ подъ именемъ крѣпостного, сурово выразившееся при Аннѣ и достигшее своего полнаго апогея при Екатеринѣ II, дало новые питательные соки народному стремленію къ перемѣнѣ мѣста. Народъ бѣжалъ и отъ второй ревизіи при Елизаветѣ, и отъ рекрутства, обратившагося въ государственный принципъ и затрогивавшаго чувствительныя семейныя узы въ самыхъ здоровыхъ звеньяхъ и узлахъ. Отъ нерѣдкихъ и всегда неожиданныхъ хозяйственныхъ кризисовъ народъ также попрежнему спѣшилъ подниматься съ насиженнаго мѣста и шелъ искать приволья и счастья тамъ, гдѣ укажутъ ему старинныя преданія или сегодняшній заманчивый слухъ, пущенный какимъ нибудь доброхотомъ.

Какъ нѣкогда Сибирь была для народа тою обѣтованною страною, гдѣ бабы бьютъ соболей коромыслами, такъ потомъ, когда народъ распозналъ, что и въ Сибири то же солнышко свѣтитъ, Ханаанъ его сталъ въ степяхъ, сначала оренбургскихъ, потомъ новороссійскихъ. Въ настоящее время онъ ждетъ новыхъ указаній, но частями не остановилъ своихъ стремленій по знакомымъ и старымъ тропамъ. Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что съ половины прошлаго вѣка опредѣлительно высказался переливъ населенія съ сѣвера на югъ, и мы, во всякомъ случаѣ, переживаемъ то время, когда эта народная работа еще не доведена до конца. Народъ еще не кончилъ своей роли и не измѣнилъ своему призванію, какъ колонизатора. Какъ прежде ни запретные указы царей и сената потомъ, ни напряженныя усилія прежнихъ сыскныхъ и послѣдующихъ воинскихъ командъ не клали препонъ, такъ и теперь не сильны ручательства тому, чтобы народъ отказался отъ миссіи, которую онъ выдержалъ съ такимъ успѣхомъ и которую осязательно выразилъ въ стремленіяхъ къ обладанію Азіею. Временные кровавые уроки народъ скоро забывалъ, но наболѣвшее мѣсто продолжало по прежнему жить въ народномъ организмѣ и сказываться при первомъ, даже легкомъ уколѣ. Способъ леченія посредствомъ такъ называемой паспортной системы — какъ всѣмъ и давно извѣстно—не имѣлъ никакого успѣха, а огромная корпорація старообрядцевъ приняла паспортъ за печать антихриста.

Къ концу этой борьбы за право существованія на возлюбленномъ и сытномъ мѣстѣ, съ одной стороны, и за право взиманія податей и разнаго рода сборовъ—съ другой, стало ясно теперь, что народныя переселенія устремились въ противоположную сторону. Сѣверъ, нѣкогда сильный огромными городами и богатыми селами, громкій торговлею въ далекихъ заморскихъ странахъ, затихъ, обѣднѣлъ и пустѣетъ. Оставшимся на немъ и послѣднимъ достались въ наслѣдство кое-какіе слѣды богатства предковъ, которое любило, между прочимъ, выражаться въ большихъ и богатыхъ церквахъ, выразилось во множествѣ ихъ и въ томъ, что при обиліи лѣсного матеріала, церкви эти выстроены изъ дорогого матеріала каменнаго. Стоятъ еще и до сихъ поръ: нѣкогда великій Новгородъ, при 6.095 жителей, съ 12 монастырями и 50-ю церквами; Вологда, куда Грозный царь думалъ перенести свою столицу изъ Москвы,—теперь съ двумя монастырями и 50 церквами на 27.822 жителей, Кострома съ 35 церквами и 2 монастырями на 41.268 жителей, Ростовъ Ярославскій съ 24 церквами и 4 монастырями на 13.016, Угличъ съ такимъ же числомъ церквей и 2 монастырями на 9.698, Владиміръ (Залѣсскій) съ 30 церквами на 28.315 жителей, Костромской Галичъ съ 16 на 6.182, Устюжна съ 17 на 5.109, Юрьевецъ съ 17-ю церквами на 4.778. Въ Новгородѣ тѣ монастыри, которые находились въ чертѣ самаго города, лежатъ теперь въ 3 и 7 в. отъ него. Въ Холмогорахъ тѣ Матигоры, на которыхъ жилъ воевода, отстоятъ на 5 верстъ отъ этого города, и теперь протянувшагося на три версты и соблюдающаго 6 церквей на 1.112 жит. самаго бѣднаго люда. 24 церкви, большія, каменныя и старинныя, сохраняетъ другой древній и торговый городъ Каргополь, съ населеніемъ теперь въ 2.952 жит., въ которомъ, такимъ образомъ, на 80-ти человѣкахъ лежитъ обязательство поддержки цѣлаго причта и церкви. Какъ новгородчина (колонизаціонное вліяніе которой ограничивается на югѣ Волгою) поступилась своимъ народомъ для Сибири, гдѣ два города выросли до двадцатитысячнаго населенія, а селенія стали похожи величиною на города, такъ точно московскіе люди выстроили такіе большіе города, какъ Воронежъ (84.146), Саратовъ (137.109), Харьковъ (174. 846) и Астрахань (113.001) на югѣ, и разбрелись въ такомъ количествѣ, что у себя дома оставили воспоминаніе о многихъ городахъ только въ бѣдныхъ селахъ и пустыхъ урочищахъ. Когда понадобились Екатеринѣ города въ селахъ, почти ни одно изъ нихъ не дошло и до нѣкотораго подобія этихъ твореній нѣмецкаго изобрѣтенія, но не русскаго дѣла. Между тѣмъ, во времена этой же императрицы, опиравшейся на завоеванія Потемкина, новороссійскія степи открылись для русскихъ людей и стремленіе нашего народа на югъ выразилось въ самыхъ очевидныхъ и крупныхъ формахъ. Населеніе съумѣло здѣсь сосредоточиться въ городахъ съ такою быстротою, которая по истинѣ поразительна: Волжскъ съ 1781 года выросъ въ городъ съ 27.039 жителей, Екатеринославль, заложенный въ 1786 г., имѣетъ теперь 121.216 жителей, Херсонъ съ 1778 г. возросъ до 69.219. Изъ крѣпости св. Димитрія (1749 г.) выросъ на Дону городъ Ростовъ съ 119.889 населенія; изъ бѣдныхъ татарскихъ деревушекъ стали такіе города, какъ Таганрогъ (1770 г.) съ 51.965, Николаевъ (1791 г.)

съ 92.060 и Одесса съ 405.041. Въ 1837 году деревушка, превратившаяся въ городъ Бердянскъ, имѣетъ теперь 27.247 жителей. Воронцовъ принималъ бѣглыхъ за пришельцовъ и, подобно де-Геннингу (основателю Екатеринбурга), умѣлъ дѣлать изъ опасныхъ людей безопасныхъ и полезныхъ, внѣдряя ихъ на пустопорожнихъ благодатныхъ черноземныхъ земляхъ юга.

Такой обмѣнъ и переливъ народныхъ силъ, устремившихся изъ лѣсовъ въ степи, съ сѣвера на югъ, съумѣлъ до нѣкоторой степени послужить причиною, что многія цивилизующія начала, прилагаемыя по европейскимъ образцамъ, до сихъ поръ не имѣютъ успѣха, въ особенности по отношенію ко введенію такъ называемой паспортной системы. По самому существу колонизаціи, та же причина выразилась въ неправильномъ распредѣленіи народныхъ силъ, которыя успѣли во многихъ мѣстахъ расположиться такъ, что перелили черезъ край, выяснились же тѣмъ закономъ малоземелія и высказались прежнимъ желаніемъ народа переселяться дальше на новыя мѣста. Въ наше время на призывъ на вновь пріобрѣтенныя земли, наравнѣ съ нѣкоторыми изъ лѣсныхъ губерній (каковы Вятская, Пермская, Московская и Владимірская), вызываются охотники изъ степныхъ (каковы Орловская, Тамбовская, Воронежская и Кіевская). Такъ сказалось это при заселеніи Амура и сказывается въ призывѣ въ Крымъ и на Кавказъ и въ нынѣшнія времена на Уссури, Аму-Дарью, въ южныя сибирскія страны, въ Ташкентъ. Въ то же время не перестаетъ народное передвиженіе въ прежнемъ направленіи на черноземныя степи и черезъ нихъ: подъ названіемъ „самовольно зашедшихъ“ изъ губерній, бѣдныхъ поземельныхъ надѣломъ, являются въ русскихъ степныхъ и южныхъ губерніяхъ эти остаточные служители древняго русскаго начала и представители отживающей, но еще живой силы народнаго духа. Менѣе находчивые изъ нихъ возвращаются по этапамъ на родину; болѣе твердые въ своихъ намѣреніяхъ, для которыхъ опостылѣла родина, закрываютъ себѣ на всегда обратный путь въ нее, сказываясь „ничего не знающими“ и прикрываясь именемъ „непомнящихъ родства“. Эти люди терпятъ заточеніе, подвергаются суду, получаютъ наказаніе. Зная, что за упорное запирательство въ показаніяхъ законъ сулитъ имъ замѣну добровольно избранныхъ мѣстъ на ссылку на поселеніе, эти люди, настойчиво увѣряя въ томъ, что ничего не знаютъ и не помнятъ, идутъ въ Сибирь только для того, чтобы не возвращаться назадъ на немилую родину, съ которою успѣли окончательно разсчитаться. Въ Сибири не придется имъ установиться на мѣстѣ, тамъ снова начнутъ они бродить, но уже отъ другихъ причинъ, порождаемыхъ самою страною и способами сибирскаго поселенія (объ этомъ дальше).

Не смотря на то, что многимъ, „самовольно зашедшимъ“ на югъ и по нѣсколько лѣтъ не перемѣняющимъ паспортовъ, удается до несчастныхъ случаевъ укрываться на дальнихъ морскихъ рыболовныхъ ватагахъ *) (не по одному десятку лѣтъ жить со старыми видами и по знати на персидскихъ и турецкихъ водахъ), не смотря на это, число пойманныхъ и выразившихъ желаніе идти на поселеніе въ Сибирь, каждый десятокъ лѣтъ, весьма значительно. Съ соразмѣрнымъ постоянствомъ цифра ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество ежегодно повторялась въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ губерніяхъ южныхъ и при этомъ ярко выяснялся тотъ законъ, что таковое переселеніе производится семьями: количество женщинъ немного уступаетъ количеству мужчинъ. Слѣдовательно, предпринимается оно не ради бездѣльнаго скитанія съ мѣста на мѣсто, чтобы, на правахъ бродягъ, считаться людьми безъ призванія, лишенными предусмотрительности и энергіи и пришедшими въ то нравственное состояніе, при которомъ исчезаетъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Тянулись на югъ, при крѣпостномъ правѣ, дворовые охотливѣе и чаще всѣхъ другихъ сословій; брели въ большомъ числѣ болѣе свободные государственные крестьяне. Оказалось, что теперь сравнялись съ ними въ этихъ стремленіяхъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне, облегченные отъ путъ крѣпостного права. Идутъ на югъ и бѣглые изъ Сибири (въ 20 лѣтъ выслано оттуда попавшихся и уличенныхъ 430 человѣкъ **).

Какъ на волжскихъ, каспійскихъ и азовскихъ водахъ еще многимъ охотникамъ сказываться непомнящими родства удалось схорониться отъ ссылки подъ прикрытіемъ экономической необходимости и безвыходнаго положенія блюстителей закона ***), такъ и въ Россіи удается от-

*) Извѣстно, что когда приводили въ ясность число безпаспортныхъ, занимающихся рыбною ловлею на астраханскихъ водахъ, цифра изумила величиною: насчитано было такихъ людей около пятнадцати тысячъ! Нисколько не меньше ихъ на водахъ Азовскаго моря; не считаны они на Куринскихъ рыбныхъ (Божьихъ) промыслахъ. На южномъ берегу Персидскаго залива, въ особенности на водахъ богатой рыбной рѣки Сифудъ-руды, русскіе рыбаки живутъ по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ, не принимая персидскаго подданства, но и не поддерживая особенныхъ связей съ отечествомъ.

**) Изъ Астр. губ. выслано за бродяжество 333 муж. и 55 жен., изъ земли войска Донского 1.245 муж. и 214 жен. въ 20 лѣтъ (съ 1827 по 1847 годъ).

***) Въ извѣстныя намъ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846 г.) число сосланныхъ въ Сибирь за бродяжество распредѣлилось въ такомъ отношеніи по южнымъ и степнымъ губерніямъ (считая мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ: 1) Ставр. 947; 2) Екатер. 730; 3) Херс. 642; 4) Полт. 642; 5) Черн.

бивать много изъ тѣхъ, которыхъ, по всѣмъ признакамъ, можно считать истинными бродягами въ болѣе близкомъ къ настоящему смыслу, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы разсказали сейчасъ. При всѣхъ усиліяхъ и частныхъ и упорныхъ преслѣдованіяхъ, въ народѣ не могли искоренить живучаго начала бродяжества и оно съумѣло проявиться въ такихъ формахъ, при которыхъ стало терпимо, очутилось внѣ преслѣдованій. Прихотливо развѣтвляясь на многія отрасли, русское бродяжество, въ каждомъ изъ видовъ своихъ, успѣло прикрыться благовиднымъ покровомъ и встать подъ защиту того самаго общества, которое ихъ породило, воспитало и въ отживающей и одряхлѣвшей формѣ охотливо покровительствуетъ пріютомъ, питаетъ и грѣетъ. Общественная оборона явилась для многихъ изъ этихъ родовъ бродяжества въ такомъ крѣпкомъ видѣ, что для преслѣдователей нѣтъ ни правъ, ни возможности одолѣть ловко прикрытые остатки наслѣдія отцовъ и прадѣдовъ.

Всматриваясь съ большею подробностью въ различные виды скитальцевъ, мы видимъ, что многіе изъ нихъ, по разнообразнымъ вызовамъ, основали свое право на экономическихъ условіяхъ страны и представляются тѣмъ законнымъ явленіемъ, безъ котораго не полна народная жизнь. Для нихъ скитальчество — наружная форма: одни изъ скитальцевъ стоятъ подъ защитою коренного народнаго свойства—всеобщаго стремленія къ такъ называему благотворенію; другіе прикрылись ремесломъ; для третьихъ оказался удобнымъ промыселъ; четвертые бродятъ подъ видомъ торговцевъ, и проч.

Нѣтъ тѣхъ силъ, которыя могли бы остановить цѣлыя массы народа, движимыя принципомъ религіозности и увлекаемыя къ мѣстамъ, почему бы то ни было признаннымъ народомъ за священныя. Нѣтъ тѣхъ знаній, которыя были бы способны разграничить искренння религіозныя побужденія съ меркантильными, чисто-коммерческими предпріятіями, только снаружи прикрытыми маскою неподдѣльнаго религіознаго чувства. Нѣтъ тѣхъ средствъ, которыя могли бы противостать наплыву массъ шарлатановъ и обманщиковъ, которые, подъ видомъ духовнаго дѣла, ведутъ мелочную торговлю, спекулируютъ на религіозныя вѣрованія такимъ же нечистымъ промысломъ и, устроивая на той и на другомъ свое личное благосостояніе, въ то же время поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія, питаютъ въ немъ крупные и многочисленные остатки язычества. Для таковыхъ обѣтныя хожденія по святымъ мѣстамъ русскимъ, ближнимъ и отдаленнымъ, сдѣлались цѣлью существованія, превратились въ вѣчное движеніе, безконечное скитаніе, въ хроническую болѣзнь, въ промыселъ. Люди эти понятны народу и любезны ему: нѣтъ того мѣста въ Россіи, для котораго не было бы своего Іерусалима, какого нибудь города или села, или родника съ чудотворною мѣстно-чтимой иконою, съ подспудными мощами святого подвижника и цѣлителя тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ. Обѣтное хожденіе къ такимъ мѣстамъ съ молитвою вмѣняется въ обязанность всякому, желающему получить облегченіе и отъ грѣховъ и отъ недуговъ. Восходя мыслью объ обрядномъ обязательствѣ хожденія по святымъ мѣстамъ, народъ нашъ особенно чтитъ дальнія святыя мѣста. Въ мучительно-трудномъ пути къ этимъ мѣстамъ онъ видитъ одинъ изъ путей къ облегченію душевныхъ скорбей и вѣроятіе достиженія блаженства въ райской загробной жизни. Вотъ почему Соловецкій монастырь, удаленный за лѣсами и болотами и поставленный среди моря „на отокѣ океана", считаетъ ежегодно богомольцевъ и рубли, оставленные ими, тысячами, и путешествіе въ Сирійскій Іерусалимъ, черезъ землю невѣрныхъ и зловѣрныхъ, считается верхомъ торжества для души, ищущей земного спокойствія. Лавры Троицко-Сергіевская и Кіево-Печерская, непремѣнно достигаемыя пѣшимъ способомъ со вкушеніемъ всяческихъ невзгодъ, для жителя сѣверныхъ лѣсныхъ губерній (вторая) и для жителей степныхъ южныхъ (первая) приближаютъ радость утѣшенія, всецѣло доставляемую собственно лишь однимъ Іерусалимомъ.

Видя въ самомъ процессѣ труднаго пѣшаго путешествія богоугодный подвигъ, задавшись мыслью и твердо стоя на положеніи, что только та молитва скорѣе идетъ къ небу, которая у самыхъ нетлѣнныхъ тѣлъ препоручена заступникамъ и угодникамъ Божіимъ, народъ видитъ затѣмъ во всѣхъ странникахъ подобнаго рода счастливцевъ, божьихъ людей. Препоручая себя молитвамъ этихъ людей, народъ вездѣ, на всѣхъ пунктахъ (даже и на большихъ торныхъ дорогахъ), даетъ этимъ странникамъ безплатный пріютъ, даровой прокормъ и деньги въ натурѣ на дальнюю путь-дорогу и на заздравную и заупокойную просфоры. Главнѣе всего, съ этихъ странниковъ берутъ обѣщаніе, приправляемое усердною просьбою, не оставлять ихъ святыми подарками на обратномъ пути и не обходить ихъ избы окольною дорогою, не принеся ими тѣхъ освященныхъ памятокъ, какими съ из-

621; 6) земли войска Донск. 556; 7) Кіевской 528; 8) Таврич. 437; 9) Курской 410; 10) Бессараб. 402; 11) Харьк. 368.

Изъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерній за тоже время выслано бродягъ: изъ Вологод. 43 (36 м., 7 ж.), Арханг. 27 (22 м., 5 ж.), Олон. 24 (21 м., 3 ж.). Эти цифры самыя меньшія. Изъ Финляндіи и царства Польскаго за бродяжничество не высылали; изъ Остзейскихъ губ. очень мало (изъ Курл. 48, изъ Эстляндской 12). Самая крупная цифра по этому роду ссыльныхъ принадлежитъ губерніямъ Тобольской, Оренбургской и Пермской по причинамъ, которыя мы объяснимъ дальше (въ первой собрано 2.553, изъ второй выслано 957; изъ третьей—953 человѣка).

быткомъ запасаются монахи святыхъ мѣстъ и какими въ обиліи снабжаютъ они богомольцевъ. Не знаютъ того и не хотятъ знать простые и довѣрчивые деревенскіе люди, что почасту мимо нихъ проходятъ въ Соловки такія артели, которыя въ прошломъ году бродили около Москвы, года черезъ два очутятся въ Кіевѣ, еще черезъ нѣсколько лѣтъ попадутъ на Аѳонъ и въ Іерусалимъ. Не знаютъ они, что вся жизнь артелей этихъ проходитъ въ постоянномъ, неугомонномъ бродяжествѣ, что бродяжество успѣло опутать ихъ соблазнами и тенетами легкаго промысла такъ, что многіе странники сами не видятъ во мнимомъ спасеніѣ своемъ необлыжнаго грѣха противъ личной совѣсти и противъ общества. Нѣтъ простому человѣку дѣла до того, что это—тунеядцы, что артели ихъ сбиваются грѣховно и большею частью на самыхъ корыстныхъ разсчетахъ и служатъ одному изъ семи неумолимыхъ и смертныхъ грѣховъ. Нѣтъ нужды рѣшать такія дѣла, гдѣ замѣшалось дѣло совѣсти—самыя темныя дѣла, судить которыя народъ нашъ, по многовѣковой привычкѣ, не умѣетъ и не любитъ. Охотно слушаетъ онъ потомъ разсказы о всѣхъ необычайныхъ явленіяхъ вродѣ стона грѣшныхъ душъ, слышимыхъ во адѣ черезъ отверстіе въ іерусалимскомъ храмѣ, и вѣритъ имъ всею слѣпотою своего ума, всею воспріимчивостью своего сердца, боясь не довѣрять имъ изъ страха смерти. Вѣритъ народъ въ обоихъ случаяхъ и тому разсказчику, который самъ воспринялъ все слышанное и видѣнное на свою слѣпую вѣру, и тому, который лживо-привычною и медово-сладкою рѣчью хитро прикрываетъ личное безвѣріе и, выкладывая съ языка разсказы о чудесахъ, въ умѣ своемъ раскладываетъ счеты и грѣшныя соображенія о количествѣ и качествѣ денежныхъ и другихъ наградъ за повѣствованія *).

Насколько слѣпо въ народѣ довѣріе, производимое религіозными возбужденіями, и насколько простосердечна вѣра, преданная разумѣнію одной внѣшней обрядности, настолько часты въ жизни народа такія заключенія, которыя происходятъ отъ обмановъ и подлоговъ, употребляемыхъ людьми хитрыми и злонамѣренными. Сколько разъ ловила въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи наша немудрая земская полиція цѣлыя шайки бродягъ съ перламутровыми образами и крестами, съ поддѣльными частицами мощей и отломковъ отъ креста Христова, бродягъ, переодѣтыхъ въ монашеское платье и выдававшихъ себя за грековъ изъ Іерусалима или съ Аѳонской горы. Нахичеванскіе армяне такіе подлоги обратили въ особый видъ промысла и коммерческаго предпріятія, основаннаго на запасѣ вещами, хорошо идущими въ торговлѣ: камешками разнаго вида, образками, четками, евангеліями, кусочками разнаго рода и даже пескомъ, увѣряя, что все это изъ Іерусалима и что деньги собираютъ на гробъ Господень. И сколько еще ходитъ по большимъ и столичнымъ городамъ такихъ странниковъ въ полумонашескомъ платьѣ, которые, со смиреніемъ на лицахъ, повѣтствуютъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ, но сбиваются на географическихъ и другихъ показаніяхъ и потомъ ловятся въ кабакахъ въ пьяномъ и безобразномъ видѣ и безъ всякихъ видовъ.

Замѣчательно, что любили спекулировать этимъ большею частью армяне деревень Нахичеванскаго уѣзда, запасавшіеся передъ уходомъ заграничными паспортами на Джульфинской таможенной заставѣ въ персидскихъ предѣлахъ. Здѣсь разрѣшена персидскимъ шахомъ выдача билетовъ персіанамъ, идущимъ на заработки въ Россію. За условленную плату закавказскимъ (русскимъ) армянамъ здѣсь же выдавали билеты съ пропискою, что они—греческіе священники. Нѣкоторые запасались заграничными паспортами и отъ тѣхъ армянъ, которые приходятъ изъ Турціи. Опытные и бывалые умѣли накалывать на рукахъ татуированные знаки, изображающіе распятіе, лики святыхъ или просто кресты. По деревнямъ русскимъ они увѣряютъ, что эти знаки наколоты самимъ іерусалимскимъ патріархомъ. Эти плуты не бреютъ бородъ, носятъ священническія рясы и шляпы, вродѣ невысокаго монашескаго клобука; службою молебновъ наживаютъ большія деньги, особенно на ярмаркахъ въ Нижнемъ, Харьковѣ и Полтавѣ. Въ опасныхъ мѣстахъ они рясы снимаютъ и ходятъ они купцами съ коробками, предъявляя уже нахичеванскіе паспорта. По многимъ мѣстамъ у нихъ заведены притоны и передатчики награбленныхъ обманомъ денегъ. Черезъ притонщиковъ этихъ ведется переписка съ родными; въ домахъ у нихъ производятся и переодѣванія. Нѣкоторые изъ мошенниковъ-армянъ успѣвали сдѣлаться кое у кого по купечеству духовниками, помимо которыхъ къ настоящимъ уже и не ходили, а у этихъ пришлецовъ крестили младенцевъ и проч. Наслѣжены таковые мошенническіе притоны на Волгѣ, на Дону (въ землѣ казачьей), въ Харьковѣ, Симбирскѣ, Новочеркасскѣ,—по большей части у армянъ же *).

*) О бродяжествѣ этого характера и разныхъ видовъ авторъ говоритъ въ отдѣльномъ сочиненіи, изд. въ 1877 году подъ названіемъ «Бродячая Русь Христа-ради».

*) 7-го іюня 1890 г. московскій окружной судъ приговорилъ къ восьмимѣсячному тюремному заключенію перса Якова-Боба Ибрагимова, выдавшаго себя за священника православной константинопольской патріархіи и присвоившаго крупныя пожертвованія на Аѳонскіе монастыри. На судѣ выяснилось, что въ Москвѣ существуетъ правильно организованная партія персовъ-христіанъ, занимающихся тѣмъ же. Одѣтые въ священническія рясы, они по подлож-

Огромныя толпы нищихъ покрываютъ всѣ церковныя паперти въ городахъ и селахъ, площадки на базарахъ и площади на ярмаркахъ. У одиночно-просящихъ милостыню нищихъ кругъ скитальчества не широкъ, ограниченный своимъ околоткомъ. У каждаго во всѣхъ деревняхъ по сосѣдству имѣются такія избы и семейства, которыя во всякое время готовно отпираютъ нищей братіи ворота и двери, открываютъ печь, припасаютъ теплое и уготованное мѣсто для ночлега и красный уголъ для разсказовъ о сонныхъ видѣніяхъ и приключеніяхъ въ сосѣдствѣ.Носитъ эта нищая братія худыя вѣсти съ чужого двора, не видя и не чуя въ нихъ грѣха сплетни, не предполагая въ своемъ лицѣ ясныхъ и опредѣленныхъ чертъ неумытнаго ремесла вѣстовщицы, межидворницы, готовой подслужиться и семейному раздору и общественной неурядицѣ. Смиреніе, обязательное для молитвенницы, переходитъ въ грѣхъ пересуда и осужденія въ чужомъ глазу спицы; изъ легкаго ремесла становится привычкою и промысломъ, у котораго опять-таки одинъ исходъ—бродяжество, безмѣстное шатаніе, безконечное кочевье. Если по смыслу пословицы: „отъ поваженаго, что и отъ наряженнаго, отбою не бываетъ", то и нищенство, подпадая подъ форму бродяжества, не имѣетъ на Руси конца и мѣры и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи доходитъ до странныхъ, неожиданныхъ и крайнихъ предѣловъ. Вездѣ, гдѣ только какое нибудь случайное возбужденіе—во имя молитвы, а кстати тутъ же и ради торговли—собираетъ толпы народа, сбиваетъ торгъ, базаръ, ярмарку, вездѣ во всѣхъ такихъ мѣстахъ нищая братія является съ неизмѣннымъ и несокрушимымъ своимъ правомъ, столько же древнимъ, какъ сама Русь. На большую часть въ бойкіе торговые пункты нищіе приходятъ въ плотно слаженныхъ артеляхъ. У этихъ артелей нѣтъ уже иныхъ цѣлей, кромѣ разсчитанныхъ коммерческихъ соображеній на промыслѣ горломъ и смиреннымъ видомъ. Часть заработаннаго капитала поступаетъ въ руки того слѣпца-подрядчика, который сбилъ эту кучу попрошаекъ въ артель и подобралъ голоса по давней привычкѣ и личнымъ соображеніямъ: громкому голосу, при хорошей памяти, положилъ большую плату, слабый голосъ, при маломъ знаніи стиховъ и старинъ, оцѣнилъ меньшимъ наемъ. Смиренное сидѣніе надъ деревянною чашечкою, съ опущенными долу слѣпыми очами, поддѣлано и наведено только для базара и народа. За глазами базара оно скидается, какъ тяжелое, гнетущее бремя, и видимо благочестивая и смиренная артель въ заговоренныхъ кабакахъ развертываетъ сдержанныя базаромъ и корыстью страсти: многіе слѣпые оказываются зрячими, многіе хромые и безногіе пляшутъ трепака подъ вліяніемъ разжигающей влаги. У цѣловальниковъ до сихъ поръ свято правило наливать самую лучшую водку нищимъ. Ни одна артель не живетъ такимъ обиліемъ всяческихъ дрязгъ и сваръ, ни въ одной не бываетъ такихъ ожесточенныхъ кровопролитій и темныхъ нечистыхъ дѣлъ, вродѣ умыканія (похищенія) чужихъ дѣтей, нерѣдко сопряженнаго съ искалѣченьемъ членовъ и, во всякомъ случаѣ, съ неизбѣжною порчею ихъ нравственности на полномъ просторѣ и раздольѣ этого вида бродяжества. Большая часть бродягъ деревенскихъ нищихъ живетъ въ постоянныхъ круговыхъ переходахъ изъ мѣста на мѣсто, съ базаровъ на ярмарки, съ харьковской на полтавскую, съ Коренной на кіевскіе Контракты и проч. Живетъ этотъ родъ бродяжества-промысла съ самыхъ отдаленныхъ и темныхъ временъ нашей исторіи до настоящаго дня, надежно пристроившись къ тому народному свойству, которое истекаетъ изъ религіи. Во многихъ губерніяхъ, въ особенности во Владимирской (Судогодскаго уѣзда), изъ-подъ Москвы, въ Пензенск. губ. Саранскаго уѣзда, цѣлыя волости заколачиваютъ избы и уходятъ нищенствовать. При этомъ побираніе Христовымъ именемъ принимаетъ форму настоящаго, правильно организованнаго промысла, вызваннаго либо замѣчательнымъ безплодіемъ почвы (какъ въ окрестностяхъ Судогды), либо вѣковымъ обычаемъ, не только ничѣмъ не сдержаннымъ, но даже находившимъ покровительство при крѣпостномъ правѣ (какъ въ деревняхъ подмосковныхъ и въ Калужской губерніи) *).

На всегдашней готовности русскаго народа къ благотворенію неимущимъ, несчастнымъ и страждущимъ основалъ расколъ самую живую и дѣятельную сторону своего дѣла—дѣло пропаганды, и разсчитанно достигъ богатыхъ и счастливыхъ результатовъ. Такъ называемые „запросчики", въ постоянныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, полагали свое общественное служеніе, какъ долгъ, радѣніе и священное обязательство общинѣ. Семенъ Уклеинъ всю жизнь свою не имѣлъ, гдѣ главу преклонить, но въ итогѣ увидѣлъ то, что молоканство изъ тамбовскихъ деревень перекинулось на Хоперъ

нымъ свидѣтельствамъ собираютъ на восточныя православныя святыни и добытыя деньги дѣлили между собою.

*) Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго всѣхъ странствующихъ нищихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ и убогихъ, приходившихъ изъ сосѣднихъ губерній, хотя бы и по собственнымъ дѣламъ, а не только для испрошенія милостыни, принимали за бродягъ и ссылали въ Сибирь. Указъ 23-го февраля 1823 года повелѣвалъ даже всѣхъ не предъявившихъ паспортовъ, не наводя никакихъ справокъ, ссылать въ Сибирь. По почину калужскаго губернатора точнѣе опредѣлено закономъ значеніе бродяги, дозволено помѣщикамъ возвращать крѣпостныхъ людей изъ бродягъ на пути слѣдованія въ Сибирь, а убогихъ и нищихъ отдавать, по принадлежности, на призоръ самого народа, оставлять на родныхъ мѣстахъ и на родной почвѣ.

и съ Дону перебралось за Волгу, далеко въ Самарскую степь. Кондратій Селивановъ, съ тѣмъ же странническимъ посохомъ и въ видѣ бродяги, прошелъ по черноземной полосѣ глубоко съ юга до Петербурга, посѣщая хлыстовскіе „корабли" и устрояя сіонскія „горницы" скопцовъ. Наконецъ изъ того же принципа бродяжничества возникъ особый видъ раскольничьей секты, извѣстной подъ именемъ бѣгуновъ или такъ называемаго сопѣлковскаго согласія, ревнители котораго уже въ истинномъ смыслѣ люди, не имѣющіе гдѣ главу преклонить, по религіозному принципу уходящіе въ глубь лѣсовъ и во мракъ подпольевъ (подробности въ томъ же сочиненіи „Бродячая Русь").

На разнообразномъ пространствѣ огромной русской земли народныя передвиженія съ мѣста на мѣсто для отысканія средствъ къ существованію на сторонѣ, когда ихъ нѣтъ на мѣстѣ, между прочимъ, разительно высказались въ существованіи такъ называемыхъ отхожихъ промысловъ. Изъ нихъ нѣкоторые многознаменательны до того, что выводятъ населеніе многихъ мѣстностей поголовно (по крайней мѣрѣ на лучшую и здоровую часть его). Какъ промыселъ и ремесло, такъ и торговля искала примѣненія и путей для себя въ тѣхъ же переходахъ и скитаніяхъ по лицу земли русской. Эта разновидная подвижность населенія также глубоко скрыла начальные основные корни свои въ давнихъ временахъ народной исторіи и также не стѣснялась пространствами и разстояніями. Какъ плотники и печники, шерстобиты и шубники уходятъ въ глубь Сибири, такъ нѣкогда ковровскаго и вязниковскаго ходебщика-офеню видали за австрійскою границею и считали сотнями за Кавказомъ и за Ураломъ, десятками на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ государства, каковы прибрежья Бѣлаго моря и ссыльныя мѣста Забайкальскаго края. Съ коробкомъ за плечами, съ аршиномъ въ рукахъ, офеня-разносчикъ почти круглый годъ (отъ середины одной макарьевской ярмарки до начала ея въ слѣдующемъ году), бродилъ изъ села въ село, съ люднаго базара и малаго торжка на большую и бойкую ярмарку. Шерстобиты ходятъ съ мѣста на мѣсто всю зиму, коновалы половину зимы и весну и проч. Хотя кое-какія частныя распоряженія и, наконецъ, самое время и измѣненія экономическаго быта, съ проведеніемъ шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, ослабили это скитальчество торговли, тѣмъ не менѣе оно производится еще и теперь, хотя и примѣтно въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Офени прикрѣпились къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сосредоточивали, они, главнымъ образомъ, свою торговлю, и бродятъ уже только по околицамъ срединнаго пункта, но за то ярославскіе салфеточники бродятъ еще по петербургскимъ и московскимъ домамъ, разнося полотна и полотенцы, а тверскіе и буевскіе гребенщики подаютъ еще свой козлиный голосъ на столичныхъ дворахъ и улицахъ. Отхожій промыселъ въ столицы имѣетъ, сверхъ невыгодъ долговременныхъ отлучекъ для нравственности семей, еще ту особенность, что пріучаетъ сельскаго жителя къ городской холостой жизни, несомнѣнно вліяющей прямымъ и косвеннымъ образомъ на развитіе преступленій „противъ правъ семейственнаго состоянія".

Не видать уже теперь въ такомъ множествѣ тѣхъ цыганскихъ таборовъ, которые, съ разломанными кибитками, со рваными и одѣтыми въ лохмотья женщинами, съ полуголыми ребятишками и съ краденными лошадьми, во множествѣ становились въ окрестностяхъ уѣздныхъ городовъ и большихъ торговыхъ селъ. Рѣже (и то только въ сѣверныхъ и среднихъ мѣстахъ Россіи) видятся теперь эти бродяги изъ индусскаго племени, женская половина которыхъ занималась ворожбою и кражею куръ и бабьяго тряпья въ то время, когда мужская пускалась на плутовской обмѣнъ краденныхъ лошадей. Тѣ и другіе отслужили свою достославную службу шаловливому бездѣлію помѣщиковъ и чиновниковъ, умѣвшихъ тратиться и пьянствовать подъ обаяніемъ дикихъ пѣсенъ и удалыхъ плясокъ. На пятьдесятъ лѣтъ назадъ ушли для бессарабскихъ цыганъ тѣ времена, когда они, своими таборами, какъ бы татарскими ордами, осаждали молодые города Новороссіи (напримѣръ, херсонскій Елизаветградъ) и высылали изъ лагеря въ городъ пословъ съ требованіями денегъ и имущества и съ угрозами смерти и пожара на случай отказовъ. Тамъ, по всему югу и даже на западѣ (по Бѣлоруссіи), цыгане — еще при старыхъ правахъ бездомныхъ скитальцевъ.

ГЛАВА V.

ВОРЫ И МОШЕННИКИ.

Народныя понятія о собственности.—Вѣдомый большой воръ.—Воровскія мѣста въ Россіи.—Причины воровства.—Столичные жулики и мазурики. — Карманники.—Музыка (воровской языкъ).— Мѣшки (барышники-пріемщики).—Честный человѣкъ въ воровствѣ.—Мошенники высшихъ слоевъ общества: карточные шулера.—Сословія и мѣста, наиболѣе видныя по воровскому промыслу.— Воровство—повальная тюремная и поселенческая болѣзнь.

Древняя Русь придавала это прозваніе „ворами" всѣмъ вообще лихимъ и злымъ людямъ, тѣмъ недоброхотамъ и злодѣямъ, отъ которыхъ народъ ожидалъ для себя несчастій и получалъ всякаго рода невзгоды и бѣдствія. Ворами слыли и литовскіе люди, опустошавшіе московскія страны, и казаки, пользовавшіеся смутными временами и народными неурядицами. Ворами назывались и тѣ русскіе, которые, не имѣя осѣдлости, бродили по московской землѣ, наживались плодами чужого труда и прозваны въ наши времена бродягами. Ворами прозвалъ народъ и царьковъ-самозванцевъ, которыхъ соблазнялъ московскій престолъ въ смутное безгосударное время государства. Воромъ въ тѣ времена не былъ тотъ, кто посягалъ на мелкую собственность; недоброхотъ подобнаго свойства назывался татемъ, а ремесло его — татьбою. „Теперь,—по пословицѣ:—люди таковы стали: унеси что съ чужого двора—воромъ назовутъ" и „кто разъ укралъ—на вѣкъ воромъ сталъ". Такимъ образомъ, съ исчезновеніемъ стараго настоящаго слова, другое старое же вступило во всѣ его гражданскія права и приняло на себя всѣ его обязательства. Съ перемѣною словъ не измѣнились самыя свойства преступнаго промысла. Онъ въ нетронутомъ видѣ достался въ наслѣдіе и нашимъ временамъ, только съ тѣмъ различіемъ, что несомнѣнно развился въ примѣненіи и развѣтвился на новые виды, болѣе утонченные и весьма разнообразные. Современный законъ призналъ въ воровствѣ два вида, изъ которыхъ за однимъ оставилъ прозваніе кражи, какъ такого способа похищенія, каковое не сопровождалось нападеніемъ съ открытою силою (съ оружіемъ или безъ оружія), какъ разбой, или съ насиліемъ же, но безъ опасности жизни, здоровью и свободѣ человѣка, какъ грабежъ. Воровствомъ-кражею назвалъ законъ всякое преступное посягательство на чужую собственность, произведенное втайнѣ, и назвалъ воровствомъ-мошенничествомъ тотъ видъ кражи, которая произведена посредствомъ обмана. Но сколько ни ясны подобныя опредѣленія, сколь ни точно опредѣлены и предусмотрѣны частные виды обоихъ родовъ воровства, народныя понятія съ этими объясненіями во многомъ расходятся. Народъ не во всемъ согласенъ со своими законодателями, потому что не во всемъ приладилъ жизнь къ тѣмъ образцамъ, изъ которыхъ выбраны руководящія правила для нравственной жизни и заимствованы вѣсы, вызнающіе степень виновности его въ случаѣ отклоненій отъ общественныхъ правилъ и паденій въ противоположную сторону.

Ни въ чемъ до такой степени не разнообразны (и, повидимому, даже разнорѣчивы) народныя понятія, какъ именно по отношенію къ понятію о собственности. Не смотря на то, что воровство одно изъ тѣхъ преступленій, въ которомъ всего чаще обвиняются люди и всего больше подвергаются наказанію ссылкою, Россія представляетъ поразительныя крайности. Не говоря уже о томъ, что въ пестромъ калейдоскопѣ племенъ, населяющихъ русскую землю, понятія о чужой собственности замѣчательно разнообразны, въ самомъ русскомъ племени это право совсѣмъ не въ тѣхъ рамкахъ, которыя можно считать опредѣленными и оконченными. Въ густо населенныхъ пунктахъ, гдѣ нужда, лишенія и житейскія неудачи дѣлаютъ свое законное дѣло, воровство является неизбывнымъ послѣдствіемъ; количество жертвъ велико: имъ въ ссылкѣ принадлежитъ второе, а за исключеніемъ бродяжества первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ родовъ преступленій. При этомъ ссыльными становятся тѣ лица, на которыхъ испытано значительное количество всякаго рода возмездій, произведено много цѣлительныхъ операцій, но въ ссылкѣ являются неисправимые, отбившіеся отъ рукъ преступники; стало быть, воровство представляется въ болѣе отчаянномъ видѣ, безнадежнымъ и сильно-распространеннымъ въ народѣ преступленіемъ. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ, менѣе населенныхъ, уваженіе въ чужой собственности сильнѣе, при меньшемъ числѣ соблазновъ количество ссыльныхъ жертвъ поразительно слабѣе. Являются такія мѣста, изъ болѣе глухихъ и менѣе оживленныхъ, гдѣ воровство еще одно изъ тягчайшихъ и самыхъ нетерпимыхъ преступленій. Народныя понятія складываются въ совершенно противоположномъ направленіи и нравы народные представляются во всей чистотѣ патріархальности. Употребленіе орудій, оберегающихъ собственность, слабо, а во многихъ мѣстахъ

еще даже и неизвѣстно. Деревянные замки замѣняютъ желѣзные. На Терскомъ берегу Бѣлаго моря и на Печерѣ употребленіе таковыхъ оправдываютъ необходимостью обороны противъ блудливой рогатой скотины. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Вологодской, Костромской и Вятской губерній еще живъ обычай заявлять о пропажѣ въ церкви и, въ крайнемъ случаѣ, на базарѣ, обращая на себя вниманіе шапкою, приподнятою на длинной палкѣ. Старинная форма самосуда по всей Сибири и сѣверной Россіи еще продолжаетъ отличаться своимъ простодушіемъ и не встрѣчается насмѣшками, не возбуждаетъ удивленія, не покидается въ силу несостоятельности. Съ несознавшагося упрямаго вора снимаютъ на базарѣ шапку, съ бабы—платокъ; въ Шадринскомъ уѣздѣ (Пермск. губ.) на пойманнаго съ поличнымъ надѣваютъ украденную вещь и водятъ по базару. Противъ упорныхъ и забаловавшихся употребляютъ крутыя мѣры, которыя, съ одной стороны, свидѣтельствуютъ о грубости первобытныхъ нравовъ, съ другой—показываютъ, до какой степени щекотливо чувство уваженія къ чужой собственности и обидно и невыносимо даже мелкое нарушеніе правъ ея *).

Особенною строгостью въ этомъ отношеніи отличалась Запорожская сѣчь: за воровство и грабежъ одного отвѣчалъ весь курень, къ которому воръ-казакъ принадлежалъ, если онъ не имѣлъ у себя достатка. Во всякомъ случаѣ, воръ и грабитель отвѣчалъ, при несостоятельности, спиною: преступника привязывали или приковывали къ столбу на базарѣ и клали подлѣ нѣсколько кіевъ, подобныхъ бичамъ и нарѣзанныхъ изъ дубоваго дерева. Тутъ же ставили разные напитки: горилку, медъ, пиво, брагу. Всякій казакъ, проходящій мимо, ѣлъ и пилъ сколько хотѣлъ, но за даровое угощеніе обязанъ былъ ударить привязаннаго, по чему захочетъ (по головѣ или ребрамъ) съ приговоромъ: „Отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравъ и не разбивавъ, мы всѣ за тебя куренемъ платили". Бывали случаи, что забивали до смерти. За убійство платились убійствомъ: вѣшали, подвозя верхомъ на лошади подъ шибеницу (висѣлицу) и накинувъ на голову сильцо (петлю), лошадь ударяли плетью; вѣшали на горѣ за ноги, за ребро желѣзнымъ крюкомъ и оставляли висѣть, пока не разсыплются кости. Сажали на колъ, т. е. деревянный столбъ вродѣ острожной пали вышиною въ два аршина, съ желѣзнымъ шпилемъ на верху. Посаженный на колъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не высыхалъ и крутился кругомъ шпиля, какъ мельница, и торохтили его кости, пока не спадали на землю. Придорожныхъ грабителей забивали до смерти палками. Освобождали преступниковъ отъ смерти только въ такомъ случаѣ, когда дѣвушка изъявляла желаніе выдти за него замужъ. Въ Запорожьѣ существовали уже правильные суды—„паланки", съ тремя членами-судьями, панами: полковникомъ, эсауломъ и писаремъ, избранными на три года. Къ нимъ въ помощь опредѣляли трехъ помощниковъ изъ казаковъ — подпанковъ. Сотворилъ казакъ шкоду какую: потраву, драку, обиду, оба берутъ на базарѣ по калачу и идутъ судиться; подпанки производятъ слѣдствіе, паны мирятъ. Помирились—по домамъ, не помирились—въ Сѣчь.

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ свѣту стало побольше, за воровство велятъ три раза простить, въ четвертый прохвостить; говорятъ (и дѣлаютъ): хлѣбъ за хлѣбъ, а за перестрожку ведро вина; не пойманъ—не воръ, не уличена—не гулява. Права собственности уже достаточно ясны, имъ положенъ предѣлъ: чей берегъ, того и рыба, чья земля, того сѣно. Воръ еще не бываетъ богатъ, бываетъ горбатъ; для него еще больше накладу, чѣмъ барыша; у воровъ не бываетъ каменныхъ домовъ. Но по мѣрѣ того, какъ рѣдѣетъ лѣсъ, пахатныя земли дѣлаются богаче, населеніе гуще, города люднѣе, селенія чаще,—понятія о воровствѣ и ворѣ, подчиняясь таковымъ явленіямъ, становятся на ту настоящую почву, на которой уже воръ да мотъ до вѣку не переводятся, гдѣ пословица „грѣхъ воровать, да нельзя миловать" представляется во всей наготѣ и неотразимой правдѣ. Здѣсь уже грѣхъ заспать можно, здѣсь десятая вина виновата. Кругозоръ разумѣнія шире, уступчивость грѣху сильнѣе и самый грѣхъ не вызываетъ тѣхъ негодованій и отвращенія, которыя могли бы высказываться со старинною нетерпимостью и съ древними формами возмездія, на этотъ разъ уже и непригодными на практикѣ. Здѣсь уже распознали, что не воруетъ мальчикъ, а сами люди носятъ; здѣсь самъ отецъ благословляетъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ: воръ воруетъ, а самъ горюетъ. Попуская оставаться сукну и овчинѣ у портного на ножницахъ, по тому же снисхожденію и спо-

*) Не сознающихся въ воровствѣ кормятъ, между прочимъ, селеными пирогами и не даютъ пить. Между родными—судъ Божій, т. е. сними икону со стѣны и скажи: «Порази меня Царь небесный, если я этому дѣлу виновенъ». По дрожанію рукъ, ногъ, губъ судятъ о винѣ; добиваются сознанія соленымъ пирогомъ, которымъ накормятъ и пить не дадутъ. Въ такихъ мѣстахъ еще кладутъ надежды на домашнія средства исправленія и нерѣдко достигаютъ цѣли. Простодушныхъ конокрадовъ въ степныхъ губерніяхъ узнаютъ въ церкви по восковой свѣчѣ, поставленной низомъ вверхъ передъ образомъ Ивана Воина. Чохъ (чиханіе кстати) идетъ на правду. Вѣрятъ и боятся, что за воровство придется возить на томъ свѣтѣ попа въ рѣшетѣ. У старца (нищаго) взять—огонь въ домъ. Пугаютъ должника прощеніемъ: «съ бирки срѣжу». Наказываютъ (въ Бѣлоруссіи) за развратъ виновницу битьемъ веревки отъ звонницы (колокольни), а загулявшуюся покрѣпче тѣмъ же концомъ веревки на самой звоницѣ, и проч.

собу, въ силу каковыхъ у развитыхъ людей и образованныхъ сословій зачитываются книги, умудренный житейскимъ опытомъ народъ кое-гдѣ продолжаетъ еще соблюдать правила старины и понятія о воровствѣ имѣетъ по прежнему своеобразныя. Они бросаются въ глаза по своей исключительности, но, въ то же время, въ массѣ понятій видится система, выработался общій законъ. Все, къ чему не приложенъ трудъ и что, такимъ образомъ, не представляетъ благопріобрѣтеннаго капитала—воровать не грѣхъ. Все барское съ тѣхъ самыхъ поръ, когда оно узаконено въ отдѣльную собственность, возбуждаетъ самый крѣпкій соблазнъ, подвергается преимущественнымъ нападеніямъ, наводитъ на грѣхъ кражи, какъ придорожный горохъ и рѣпа, съ крайнимъ подозрѣніемъ виновности и отвѣтственности передъ совѣстью. Все добытое трудомъ, убереженное уходомъ, выработанное умѣньемъ и искуствомъ становится неприкосновеннымъ до границъ подозрительной собственности, вродѣ господской и поповской. За этою границею способность распознавать чужое отъ своего значительно слабѣетъ, виновность въ грѣхѣ возростаетъ; количество наказуемыхъ ссыльныхъ жертвъ укладывается въ опредѣленную систему, выражается ежегодными, непрерывными и непобѣдимыми цифрами. Цифры приходятъ въ обязательную подчиненность отъ законовъ, которые для всего народа становятся однообразными. Они одинаково всѣми исповѣдуются по той мѣрѣ, какъ цѣлостно сохраняется въ народѣ общинный складъ его жизни; народный смыслъ наталкивается на распознаваніе и разумѣніе, что создано Богомъ на службу и потребу людямъ, каковы земля, вода и воздухъ, словомъ, все, чего люди не могутъ создать сами. Народъ не расходится въ этомъ отношеніи съ тѣмъ, что вѣками укрѣплялось въ сознаніи съ самыхъ древнихъ временъ, когда Богъ устами законодателя Моисея сказалъ всѣмъ людямъ: „Земля бо Моя есть, вы же на ней пришельницы есте“ и что подтверждено Екатериною II въ земскихъ постановленіяхъ Россіи. Считая землю за средство къ работѣ и не сомнѣваясь въ правахъ на нее, народъ (испытавшій на себѣ, что и съ правомъ на работу можно умереть съ голоду безъ средствъ) съумѣлъ достаточно укрѣпиться въ мысли, что тамъ, гдѣ не приложено силъ, не выказалось прилежаніе—слабо право собственности, подозрительна грѣховность въ нарушеніи его. Рубка чужого лѣсу представляется. такимъ образомъ, самымъ законнымъ способомъ пользованія на домашнюю потребу и повсемѣстно въ цѣлой Россіи выразилась фактомъ, для уничтоженія котораго еще до сихъ поръ не придумано не только вѣрныхъ, но и приблизительныхъ средствъ. Самовольныя порубки — грѣхъ повсюдный, развитіе его не остановили и такія мѣры, какова ссылка за заповѣдные казенные лѣса, которая, такимъ, образомъ, остается при одномъ правѣ ежегодно повторять старую истину и ежегодно не достигать никакихъ полезныхъ результатовъ *). Неосторожные и чаще другихъ попадавшіеся, глубже и сильнѣе другихъ убѣжденные въ безсиліи грѣха, эти жертвы общаго всей Россіи прегрѣшенія значительно дополняютъ и оправдываютъ цифру ссыльныхъ въ Сибирь за воровство-кражу.

На тѣхъ же основахъ древняго быта, при мало измѣненной обстановкѣ старинныхъ пріемовъ и вѣрованій, выродился и уберегся до нашихъ дней въ сельскомъ быту живучій и злобный типъ недоброхота чужого имущества, извѣстный подъ именемъ вѣдомаго вора. Рѣдкая мѣстность Россіи (изъ людныхъ и бойкихъ) не испытываетъ всѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствій отъ такого явленія, не находится въ страхѣ и опасности отъ злыхъ дѣяній и воровскихъ прегрѣшеній этого рокового и злого духа. Онъ, благодаря почти непрерывному вліянію благопріятныхъ обстоятельствъ, умѣлъ продлить историческое существованіе и уберегъ себя на текущее время въ замѣчательной неприкосновенности. Вся тайна его живучести заключается въ наглости и дерзости, съ которыми производитъ онъ свой промыселъ и которыми доводитъ своихъ жертвъ до страха покорности, причемъ всякое противодѣйствіе не способно выразиться достаткомъ силъ и не умѣетъ заручиться из-

*) Въ тѣхъ же лѣсахъ, подъ охраною неписаннаго закона, но домашняго обычая, стоятъ въ неприкосновенной цѣлости, какъ бы зачурованные заговоромъ, борты для пчелъ, силки по путикамъ для звѣрей, въ рѣдкихъ случаяхъ охраняемые какою нибудь тамгою (штемпелемъ), свидѣтельствующею объ имени владѣльца. Ничто съ такою строгостью не наказывается деревенскимъ самосудомъ, какъ именно воровство этой заповѣдной добычи и продуктовъ промысла: рѣчной рыбы, уловленной сѣтями и вынутой хищническою рукою, пчелиныхъ роевъ, переманенныхъ изъ чужого улья въ свой, или медовыхъ сотовъ, подрѣзанныхъ безъ спроса и въ недоброе время, и проч. Уличеннымъ и пойманнымъ на такихъ необычныхъ дѣлахъ не было еще дано ни разу прощенія или снисхожденія ни въ сѣверной Россіи, ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Сибири. Особенно ненавистно и нетерпимо воровство общиннаго имущества тамъ, гдѣ еще не умерщвлены основы общиннаго владѣнія землею и водою. На Уралѣ, у казаковъ уральскихъ. о такихъ преступленіяхъ и слуховъ нѣтъ. Въ Сибири, при сліяніи р. Исети и Течи, по наволокамъ, т. е. по прирѣчнымъ кустарникамъ, въ обиліи ростетъ хмель—общественная собственность. Его міромъ отдаютъ на откупъ. До назначеннаго дня никто не смѣетъ рвать его, иначе виновному привязываютъ руки назадъ къ колесу, затѣмъ ругаютъ, плюютъ въ глаза и, опутавъ хмелевыми плечами, водятъ по толпѣ любопытныхъ. Помѣщичьихъ крестьянъ за порубку лѣсовъ, въ случаѣ негодности ихъ въ военную службу, начали систематически ссылать въ Сибирь въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

лишкомъ смѣлости и рѣшимости. Избыткомъ добычи, пріобрѣтенной воровскимъ промысломъ, вѣдомый воръ умѣетъ прикрывать свои слѣды и заслонить себя отъ предстоящихъ опасностей. Онъ становится внѣ всякихъ преслѣдованій, когда имѣетъ право сказать: „Что мнѣ законы, когда судьи знакомы"!. Онъ, въ званіи и съ именемъ большого вора (когда опирается въ промыслѣ на товарищей и вполнѣ зависящихъ отъ него соучастниковъ), становится тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ счастливѣе на походахъ и въ добычѣ. За что воришекъ бьютъ, то ему съ рукъ сходитъ. „Когда малый воръ бѣжитъ, этотъ большой воръ лежитъ", лежитъ, оберегаемый людскою оплошностью и нерѣшительностью, лежитъ до тѣхъ поръ, пока самъ не зарвется, пока съ другой стороны не переполнится чаша терпѣнія. До тѣхъ поръ онъ—внѣ всякой опасности, потому что всѣ убѣжденія жертвъ его преслѣдованій сводятся на одно: „съ сильнымъ воромъ тягаться не подъ силу"; вѣками дознано и многими тысячами опытовъ и примѣровъ доказано, „что воръ попалъ, а міръ пропалъ (поплатился), одинъ въ грѣхѣ—всѣ въ отвѣтѣ". Безнадежность эта тѣмъ сильнѣе и вѣрнѣе, что воръ вора терпитъ, воръ на вора не доказчикъ.

Вѣдомый и большой воръ, начиная практику съ пріема краденаго, съ потачки и понаровки мелкимъ воришкамъ, самъ выходитъ на дѣло, придерживаясь сначала деревенскихъ околицъ и клѣтей, и не задумывается потомъ встать на дорогу, чтобы здѣсь воровски разбивать, шапки снимать и встрѣчать изъ-подъ мосту проѣзжихъ. Обычные пріемы защиты — поклепы на людей неповинныхъ и подкупы людей сильныхъ; наиболѣе легкій предметъ для промысла и практики—крестьянскія лошади, и самая частая виновность—конокрадство. Этотъ видъ воровства —наиболѣе распространенное въ народѣ преступленіе, противъ котораго еще до сихъ поръ, какъ всѣмъ досконально извѣстно, не придумано еще никакихъ средствъ. Передъ неодолимою силою зла пали всѣ учрежденія и дѣятели сошли со сцены побѣжденными, проживъ свой недолгій вѣкъ съ прозваніемъ отъ самого народа конокрадами. И при нихъ, какъ и до нихъ, послѣ уцѣлѣли такія мѣста, гдѣ „что ни дворъ, то воръ", и что ни годъ, то огромныя толпы неисправленныхъ воровъ и мошенниковъ, которые съумѣли осилить всякое возможное терпѣніе, перейти всѣ степени и рубежи и добиться до тѣхъ печальныхъ результатовъ, которые оканчиваются лишеніемъ правъ состоянія, дальнею ссылкою и всякаго рода заключеніями. Сибирскія табели ссыльныхъ не умѣютъ распознавать воровъ по родамъ ихъ промысла и по степени ихъ преступности, но, принимая воровъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, несомнѣнно вносятъ въ эту графу большое число конокрадовъ. Воры въ тѣсномъ смыслѣ, похитители безъ разбора всего, что попадаетъ подъ руку и что плохо лежитъ,—составляютъ исключительную особенность городовъ. Конокрады—прозябаніе деревень и преимущественные обитатели тѣхъ мѣстностей, гдѣ группируются конные торжки и въ большомъ множествѣ гнѣздятся въ мѣстахъ, ближайшихъ къ спеціальнымъ (коннымъ) ярмаркамъ. Нѣкоторыя мѣстности успѣли сдѣлаться привиллегированными и ремесло, за долгое существованіе, умѣло приготовить такихъ ловкихъ мастеровъ, что „изъ-подъ себя кобылу украдутъ", — говоря словами народной поговорки. Тѣ же поговорки отчасти указываютъ и на этихъ мастеровъ, рекомендуя сыскать у татарина кобылу и говоря про торопчанина, что онъ лошадь купилъ, а цѣну забылъ. Цыганъ давно уже выговорилъ, что краденная кобыла не въ примѣръ дешевле купленой обходится. Между русскими конокрадами наиболѣе всѣхъ другихъ выдавалось, между прочимъ, одно изъ пермскихъ имѣній гр. Строгоновой, въ которомъ конокрады пользовались наибольшею славою и самое воровство этого рода производилось въ изумительныхъ размѣрахъ (особенно въ теченіи 1844, 45 и 46 годовъ). Въ Уфимскомъ уѣздѣ, въ томъ уголкѣ, который смеженъ съ Белебеевскимъ, деревня Каргала, густо населенная князьями и мурзами (1.200 душъ), долгое время представляла гнѣздо конокрадовъ, наводившихъ страхъ и трепетъ на всѣ окрестныя деревни. Башкиры воруютъ безъ разбора и у своихъ единовѣрцовъ кочевыхъ, безбожно раззоряютъ и русскихъ крестьянъ: таскаютъ лошадей, коровъ и овецъ. Лошадей крадутъ десятками у кочевыхъ и единицами у осѣдлыхъ, угоняя добычу въ далекія страны. Выкупъ лошадей хозяевами за высокую цѣну — одинъ изъ тѣхъ обычаевъ, который полагается неизбѣжнымъ и обязательнымъ (за одну голову руб. 30 — 40). Отдается лошадь въ какомъ либо лѣсу или въ глухомъ оврагѣ. Лошадь приводится 4 — 5-ю вооруженными людьми съ кинжалами и пистолетами; обворованный, сверхъ денегъ, приноситъ вино. Одинъ даетъ ему оплеуху, другой стрѣляетъ надъ его головою и выговариваетъ угрозы, если тотъ вздумаетъ хлопотать и жаловаться. Угрозы превращаются въ дѣло немедленно и паническій страхъ поддерживается въ народѣ. Прекращенное въ одномъ мѣстѣ, конокрадство перекочевывало, цыганскимъ и татарскимъ способомъ, въ другое, и на практикѣ конокрадовъ изъ русскаго племени производится шайками, гдѣ два вора въ одну руку играютъ и гдѣ каждый мастеръ—по словамъ народнаго приговора—изъ плута кроенъ, мошенникомъ подбитъ, каждый еще сверхъ плута на два фута, каждый умѣетъ свинью продать за бобра, каждый обуетъ и разуетъ. Иногда прикрываются они какимъ нибудь благовиднымъ и

невиннымъ ремесломъ и, шатаясь, напримѣръ, по деревнямъ швецами, въ сущности тѣ самые опасные мастера, которые (по словамъ поговорки) „день сидятъ съ иглой, а ночью съ обротью“ (т. е. уздою или недоуздкомъ), и во всякомъ случаѣ та опасная корпорація людей, которой боится народъ, какъ огня, зная, что здѣсь „воръ по ворѣ и каблукъ кроетъ“. На конныхъ торжкахъ и ярмаркахъ воръ является подъ охраною и защитою барышниковъ и перекупней, такихъ же плутовъ. Если конокрадъ смѣло и ловко крадетъ, то барышникъ еще лучше концы хоронитъ и на этотъ разъ дѣйствуютъ также стачкою.

На такихъ рукахъ и при такихъ условіяхъ конокрадство есть одно изъ золъ, трудно поправимыхъ, потому что въ самомъ народѣ находитъ много питательныхъ матеріаловъ, а служители зла, столько многочисленные, потому и сильны, что не всякій обиженный рѣшается доказать на нихъ. Изъ боязни мщенія и преслѣдованій, въ разсчетѣ на горшее зло, народъ подошелъ къ прямому и неизбѣжному заключенію: „Пропадай собака и съ лыкомъ, лишь бы не судиться“. Воровство такого рода продолжаетъ собирать шайки вездѣ тамъ, гдѣ не существуетъ обычая содержать пастуховъ, сколько за недостаткомъ свободныхъ рукъ (въ мѣстностяхъ, существующихъ отхожими промыслами), столько же и по отдаленности пастбищъ (какъ, напр., во всѣхъ нашихъ лѣсныхъ губерніяхъ). Придерживаясь торговыхъ конныхъ центровъ, конокрады потому и прочны, что ведется повсемѣстный на Руси обычай мѣняться лошадьми и, стало быть, представляется полная возможность быстраго перехода краденной лошади черезъ многія руки, тѣмъ болѣе, что народъ продаетъ лошадей безъ всякихъ свидѣтельствъ. Въ такихъ случаяхъ даже и перекраски и подтасовки не нужно, а равно и тѣхъ многосложныхъ аптекъ, какими обычно обставляются столичные барышники — дѣятели тамошнихъ конныхъ площадей. Здѣсь на мѣсто воровства самаго грубаго вида является легкое и утонченное мошенничество. Въ степяхъ, у кочевыхъ народовъ, конокрадство принимаетъ форму грабежа, даже разбойничьяго набѣга: киргизская баранта является уже характерною особенностью племени, ищущаго показать свою удаль во славу отцевъ, въ отмщеніе за обиду или, по степному вдохновенію, надъ зазѣвавшимся и оплошавшимъ или болѣе слабымъ кочевымъ родомъ.

Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за оба вида воровства (кражу и мошенничество) сослано въ Сибирь изъ Россіи 13.180 мужч. и 2.186 женщ. *). Въ этой цифрѣ, по проценту сосланныхъ наибольшее количество ссыльныхъ принадлежитъ губерніямъ новороссійскимъ, молодой странѣ, еще не установившейся, еще организуемой новыми пришельцами въ видѣ бездомныхъ бродягъ, бѣглыхъ голышей, явившихся искать здѣсь счастья; за ними слѣдуютъ изъ губерній, уже искушенныхъ въ житейскомъ опытѣ, а между прочимъ, изъ населенныхъ татарскимъ племенемъ, склоннымъ къ конокрадству (Казанская и Симбирская). Нѣсколько меньше первой и больше второй шло воровъ изъ Бессарабской области—преимущественнаго гнѣздилища цыганскаго племени, откуда народъ этотъ, какъ саранча, не такъ давно выходилъ на промыселъ съ грабежемъ по сосѣдству и съ обманомъ на всякую руку по цѣлой Россіи вплоть до отдаленной Вятки. Между ними съ высокимъ процентомъ воровства встали обѣ губерніи столичныя (С.-Петербургская и Московская), виновность которыхъ, прямымъ образомъ, зависитъ отъ самихъ столичныхъ городовъ. Губерніи Пермская и Оренбургская, само собою, не могли встать дальше другихъ по исключительности своего инородческаго населенія (въ особенности башкиръ) и русскаго, дурно обезпеченнаго (заводскіе и фабричные). Наименьше запутались въ воровствѣ губерніи бѣлорусскія и сѣверныя, между которыми Олонецкая—наиболѣе другихъ добродѣтельна *).

*) Съ предыдущими 11-ью годами (съ 1827 г.), т. е. за 20 лѣтъ, цифра эта возростаетъ до 41.666 чел. (35.416 мужч. и 5.250 женщ.). До 1781 г. высылка воровъ была обильна. Ссылали всякаго рода безъ различія степеней и видовъ воровства, присуждая къ кнуту и плетямъ. Екатерининскій наказъ разобралъ дѣло съ большимъ вниманіемъ и нашелъ болѣе удобнымъ и справедливымъ населять Сибирь тѣми ворами, которые поживились имуществомъ, превосходящимъ стоимость ста руб. ассиг., и всѣми, которые повторили кражу и ниже ста руб., начиная съ 20 руб. ассиг Но и на этотъ разъ цѣль Петра I, стремившагося къ пополненію арміи ворами и бродягами, не утратила своей силы: въ Сибирь шли еще неисправимые воры, не пригодившіеся въ военную службу. Жалобы главнокомандующихъ арміями на деморализацію войска вызвали указъ 1821 года (11 іюля), по которому такихъ воровъ стали прямо направлять въ Сибирь. Въ 1823 году запрещеніе пріема въ военную службу воровъ ограничено было тѣмъ, что стали принимать не наказанныхъ рукою палача. Словомъ, теперь попали въ Сибирь за кражи, превосходящія цѣнность 30 руб., и за кражи меньшей цѣнности, но повторенныя нѣсколько разъ. При этомъ лица до 35 лѣтъ, годныя, отданы въ солдаты либо помѣщены въ арестантскія роты.

*) Губерніи встали въ такомъ порядкѣ (за 20 лѣтъ):

	мужч.	женщ.
Пермская.	1.427	193
Казанская.	1.354	137
Оренбургская	1.272	92
Симбирская	1.261	78
Кіевская	1.218	212
Саратовская.	1.137	111
Московская	1.170	93
С.-Петербургская. . .	866	170
Херсонская	735	184

По отношенію ко всѣмъ другимъ губерніямъ Россіи, гдѣ потребности шире, а средства къ удовлетворенію ихъ ограниченнѣе, количество ссылаемыхъ за воровство возростаетъ заурядъ съ большею или меньшею количественностью общаго числа жителей. Какъ удалось выдѣлиться изъ общаго числа другимъ двумъ столичнымъ, такъ наиболѣе выдаются также и тѣ, гдѣ крѣпостная жизнь поддерживалась наибольшимъ количествомъ владѣльцевъ (Пензен., Рязан., Калуж., Смолен., Яросл., Черниг.). Въ малороссійскихъ преобладало наибольшее число ссыльныхъ женщинъ. Явленіе это, естественнымъ образомъ, вызывалось общимъ закономъ всего человѣчества, по которому исторія воровства становится, въ то же время, исторіею пороковъ и другихъ страстей человѣка, служа одинаково и исторіею его несчастій и слабостей. Нужда, лишенія, житейскія неудачи, если не оправдываютъ кражи, учиненной съ ущербомъ для другого, то, во всякомъ случаѣ, объясняютъ и ослабляютъ значеніе этого рода преступленій. Случается зачастую, что сами судьи оправдываютъ въ душѣ это преступленіе. Особенно это важно по отношенію къ столицамъ, какъ пунктамъ, наиболѣе привлекающимъ къ себѣ охотниковъ улучшить свое состояніе.

Обстоятельствъ, порождающихъ воровство, много и хотя чрезвычайно рѣдки случаи, чтобы честныхъ людей наталкивали на этотъ грѣхъ нищета и лишенія, но, тѣмъ не менѣе, въ послѣднихъ бѣдахъ — десятки, сотни причинъ, самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ. Неожиданности эти тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе становится безвыходность и безнадежность житейскаго положенія. Не только люди, не разъ обманутые въ жизни, потерявшіе всякую вѣру на улучшеніе своего положенія, дѣлаются жертвами этого порока, но даже и тѣ, для которыхъ не померкъ лучъ надежды, которымъ дорога и въ которыхъ сильна еще вѣра, и такіе люди поддаются соблазну и для нихъ не закрыты пути къ гибели. Большіе города, въ особенности, много порождаютъ жертвъ подобнаго рода, привлекая массы искателей работъ. Всякій надѣятся имѣть успѣхъ, а надежда, столь свойственная человѣческому сердцу, заставляетъ эти массы покидать семейства для торговли, промысла, для государственной службы. Пришедшій ищетъ протекціи, проводитъ время въ поискахъ вліятельныхъ людей, въ хожденіяхъ за справками. Между тѣмъ, маленькія средства, принесенныя изъ дому, мало по малу истощаются. Поденная работа за скудную плату на нѣкоторое время удаляетъ опасность. Временная помощь только обманываетъ: лишенія становятся ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ заработокъ удовлетворяетъ только сегодняшнимъ нуждамъ и не позволяетъ произвести сбереженій на будущія. Бѣднякъ испытываетъ голодъ, закладываетъ необходимыя вещи, онъ еще при надеждахъ и далекъ отъ паденія, но часъ его приближается. Какъ только препятствія и злосчастія преодолѣли чувство гордости и самоуваженія, бѣднякъ превозмогаетъ стыдъ и обращается за помощью къ частной благотворительности. Но эта помощь, имѣя узкіе предѣлы, скоро прекращаеся. Домой возвращатся — не зачѣмъ, тамъ не лучше. Впереди только лишенія, препятствія, несчастія и, въ то же время, какъ бы на зло, передъ глазами тысячи людей, пользующихся богатствомъ и всѣми благами жизни. Бѣднякъ задается сравненіемъ—и сравненіе это унижаетъ его, оскорбляетъ, приводитъ въ отчаяніе. Въ умѣ зарождаются пагубные замыслы, желаніе мстить обществу. Бѣднякъ, подъ гнетомъ такихъ мыслей, дрожитъ, отступаетъ при мысли о безчестіи, но, преслѣдуемъ нуждою и увлекаемый ея непобѣдимою силою, онъ, наконецъ, уступаетъ и становится преступникомъ. „Голодный,—по пословицѣ:—и архіерей крадетъ“.

Большіе города, и въ особенности столицы, отогрѣваютъ еще новый видъ воровства, называемый мошенничествомъ, которое также совершается умышленно съ признаками несомнѣннаго обмана. На низшей ступени стоятъ тѣ изъ мошенниковъ, искуство которыхъ состоитъ въ ловкости и гибкости рукъ. По отношенію къ людямъ они безукоризненны и пользуются только тѣми вещами, которыя носятъ люди, а потому ихъ обыкновенно называютъ карманниками (жуликами въ Москвѣ, мазуриками въ Петербургѣ). Шайки ихъ небольшія, но они съ изумительною ловкостью умѣютъ сновать въ толпѣ и дни воскресные и праздничные—для нихъ рабочіе. Гдѣ нѣтъ тѣсноты, тамъ они нарочно производятъ ее, бросаютъ въ толпу разныя запугивающія объявленія, чтобы, пользуясь смятеніемъ и напоромъ, легче очищать карманы. Вещи срываютъ или вытаскиваютъ, производя встрѣчный толчокъ, за который вѣжливо извиняются. Дѣятельность ихъ хотя и мелка, но чрезвычайно разнообразна. Процедура расправы и суда была извѣстная: обвинителей безпокоили разспросами и показаніями, вору позволяли играть всевозможными способами увертокъ, а потому воры въ ссылкѣ нисколько не характеризируютъ этого промысла во всемъ его широкомъ развитіи. Сибирская цифра не служитъ мѣриломъ. Мошенника, по недостатку уликъ, либо освобождали, либо, послѣ полицейскаго наказанія, снова оставляли на свободѣ приниматься опять за старое ремесло. Въ лучшихъ случаяхъ мошенника, судя по цѣнности уворованнаго, предавали суду, гдѣ зачастую

Бессарабская	791	58
Екатеринославская . .	765	96

Изъ Архангельской воровъ выслано: 80 мужч., 32 женщ.; изъ Олонецкой 32 мужч., 8 женщинъ.

онъ отдѣлывался запирательствомъ или бѣжалъ. По приговору его иногда оставляли въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, но выпускали на волю; въ худшемъ случаѣ высылали на родину. Здѣсь мошенникъ бралъ новый паспортъ и радовалъ столичную братію—товарищей по ремеслу—своимъ внезапнымъ возвращеніемъ. Снова вынималъ платокъ, часы, попадался съ поличнымъ, хозяинъ вещи хваталъ за руку, хотѣлъ передать въ руки правосудія, но никого нѣтъ возлѣ, зрители не пособляютъ и свидѣтели не объявляются изъ боязни таскаться по чужому дѣлу. При такихъ условіяхъ воровство быстро возростало: въ 1842 г. серьезная опасность отъ мошенниковъ въ Петербургѣ вызвала особую коммиссію, желавшую обозрѣть это дѣло во всей подробности. Коммиссія получила оффиціальную цифру: узнала, что на три первые мѣсяца 1842 года случилось по 5 и 6 кражъ, въ теченіи слѣдующихъ отъ 12 до 14, а въ теченіи трехъ послѣднихъ отъ 30 до 40, но увѣрилась, что эта цифра не давала не только истиннаго, но и приблизительнаго понятія. Изъ числа 326 кражъ, о которыхъ донесла полиція, только по 50 сдѣлано кое какое открытіе и возвращена весьма незначительная часть украденнаго. Изъ украденныхъ у одной мѣщанки 2.178 руб. отыскано не болѣе 137; изъ украденныхъ у одного купца слишкомъ 22 тыс. найденъ былъ только билетъ на 700 р., а послѣ третьей покражи у второго купца 19 тыс. возвращена была одна только пустая шкатулка. Изъ всѣхъ покражъ на 357 т. отыскано было только на 18 тыс. При такихъ поощреніяхъ, упущеніяхъ и просторѣ воровство разыгралось, но слѣдствіе дало возможность узнать кое-что объ этомъ ремеслѣ. Вотъ нѣсколько болѣе характеристическихъ чертъ.

Столичные воры являются въ трехъ видахъ: карманниками, уличными и барышниками. Карманники—на сборищахъ, начиная отъ театровъ и маскарадовъ до церквей въ праздничные дни; временами (говоря ихъ же байковымъ языкомъ) на задѣльяхъ (свадьбахъ) и уборкахъ (похоронахъ). Мѣста наибольшей поживы—площади на масляницѣ и пасхѣ и церкви въ великомъ посту. 9 недѣль въ году—время особенно обильной жатвы (шубы и салопы причастниковъ, деньги и карманныя вещи гуляющихъ). Въ тѣснотѣ густой толпы они налегаютъ сзади, невинно уставивъ глаза впередъ и жалуясь на тѣсноту. Часы отрѣзываютъ, въ тѣснотѣ ихъ отрываютъ, ловко свертывая колечко часовъ съ тоненькаго и слабаго шпинечка. У военныхъ, наглухо застегнутыхъ, приподнимаютъ кончикъ полы и, подставивъ руку, вытряхиваютъ карманныя вещи; подобная ловкость помогаетъ и при операціяхъ надъ людьми во фракахъ. Иногда, кромѣ ловкости, въ этихъ случаяхъ требуются и хлопоты: нерѣдко вырѣзаютъ карманъ снаружи во всю длину его. У женщинъ вырываютъ серьги, у мужчинъ срываютъ цѣпочки съ такою быстротою, что рука только мелькаетъ, но взглядъ на подозрѣваемаго всегда встрѣчаетъ благоприличнаго человѣка, котораго и заподозрить опасно. Такіе никогда и не ходятъ безъ товарищей. Выслѣдивъ добычу, воръ тихо скажетъ: „трекай“!—и начнется толкотня локтями, за нею въ разныхъ мѣстахъ счеты и ссоры за толчки. Вода замутилась и рыба клевать начала. Главное искуство здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы во-время замѣтить слѣдящихъ и сказать: „стрема“ (берегись) и успѣть и умѣть „перетырить“, т. е. украденную вещь передать. Оттого-то пойманный воръ на мѣстѣ и шумливъ, и требователенъ и обидчивъ („обыщите“!), хотя, въ сущности, онъ только ловокъ и обладаетъ изумительною сноровкою, какъ привиллегіею ремесла. Случается, что воры кидаются на обворованнаго, хватаютъ за воротъ, тащатъ въ полицію и отстаютъ, получивъ отступное за безчестіе. Наглость мошенниковъ доходитъ до того, что пріемщикъ самъ шепчетъ на ухо обворованному, что у него украли вещь и указываетъ на вора, завязываетъ шумное объясненіе, а самъ тѣмъ временемъ скрывается. Иные плачивали потомъ нѣсколько рублей, чтобы только отбиться отъ вора. Эти воры-пріемщики всегда отличаются замысловатыми карманами, занимающими все пространство между верхомъ и подкладкою платья и способными вмѣстить дюжины платковъ и фуражекъ. Искуству своему мошенники-карманники также учатся съ малолѣтства. Бывали примѣры, что мальчики 12—13 лѣтъ содержали ремесломъ своимъ цѣлыя семейства. Мальчикамъ воровать легче: что съ него взять? выдерутъ за уши и отпустятъ. Жулики (т. е. мальчишки), по правиламъ воровского товарищества, не смѣютъ работать сами по себѣ, а обязаны отчетомъ старшимъ и получаютъ отъ нихъ извѣстную долю. Для рекогносцировокъ нерѣдко употребляются дѣвочки. Комнатные воры подкупаютъ слугъ, являются въ видѣ посланныхъ отъ знакомыхъ; оставленные въ дверяхъ ключи вынимаютъ вертуномъ (особымъ инструментомъ). Простымъ крѣпкимъ долотомъ отпираютъ почти всякую дверь такъ, что никто даже днемъ не услышитъ. Пойманные за дверями умѣютъ притворяться безчувственно-пьяными. Опытные изъ этихъ воровъ, прежде чѣмъ забраться въ комнаты, старательно узнаютъ привычки хозяевъ, часы, когда они не бываютъ дома, и предметы кражи, которые могутъ быть наиболѣе выгодны. Въ подражаніе почти всѣмъ ворамъ, они дѣйствуютъ группами отъ 3 до 5 человѣкъ, и проч.

Уличные воры кидаются внезапно, ищутъ случая, зѣваку захватываютъ врасплохъ, ста-

раются оглушить его сильнымъ ударомъ по головѣ или по затылку, а потомъ быстро обыскать и поспѣшно раздѣть. Выходятъ вдвоемъ и втроемъ, разсчитывая на пустыя мѣста и на отсутствіе свидѣтелей, которые, впрочемъ, поражаютъ больше равнодушіемъ, чѣмъ готовностью на помощь. Дворникъ боится волокиты, извозчикъ спѣшитъ ускакать, лавочникъ рискуетъ потерять мѣсто за оговоръ воромъ въ томъ, что покупалъ краденное. Эти воры опаиваютъ дурманомъ; подъ видомъ земляковъ предлагаютъ лошадей деревенскимъ простакамъ, и проч.

Барышникъ (по музыкѣ мѣшокъ) иногда даетъ мошенникамъ впередъ задатки и потомъ наблюдаетъ, стоя или расхаживая на условныхъ мѣстахъ. Добычу, выносимую имъ, подхватываютъ и часто вырываютъ ее другъ у друга изъ рукъ, ломая часы и театральныя трубки, разрывая пополамъ платья. Украденныя вещи, въ особенности шубы, продаютъ по частямъ (отдѣльно рукава, воротники, верхъ и мѣхъ; бѣлье—поштучно (это называется „переиначить“). Сбываютъ частью здѣсь, частью въ другихъ городахъ.

Укрыватели—это одинъ изъ самыхъ опасныхъ классовъ преступнаго населенія, совершающій свои преступныя дѣянія при условіяхъ, до крайности затрудняющихъ ихъ преслѣдованіе. Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обусловливаютъ своею дѣятельностью возможность совершенія многихъ преступленій. Высказываемое мнѣніе, что не будь укрывателей, не было бы и преступленій, не лишено значительной доли истины. Преслѣдованіе укрывателей затруднено, между прочимъ, и тѣмъ, что дѣятельность ихъ нерѣдко заходитъ за предѣлы территоріи. Между тѣмъ, укрывателей по справедливости можно назвать капиталистами преступленія.

Продажа воровскихъ вещей въ 1842 г. была распространена на улицахъ до изумительной степени. Она породила даже особенный видъ мошенничества: подъ видомъ и предлогомъ ворованныхъ (т. е. хорошихъ) отдавали поддѣльныя. Ворамъ пособляли лихачи-извозчики, получая отъ 25 до 100 руб. за ночь. Полиція потворствовала, медлила розысками и бездѣйствовала наблюденіями; пойманнаго или приведеннаго вора отпускали; отдѣлывались замѣчаніями и выговорами. Воры продолжали весело жить въ притонахъ—грязныхъ ямахъ, по гривнѣ мѣди за ночлегъ, и отличаться общимъ свойствомъ всѣхъ промышленниковъ легкаго заработка—расточительностью. Все свободное время они проводятъ въ трактирахъ. Никогда не богатѣли (богатѣютъ пріемщики), хотя нѣкоторымъ удавалось производить кражи на нѣсколько тысячъ и хотя нѣкоторые организовались въ общества, которыя вели доходамъ и расходамъ счеты. При дѣлежѣ добычи въ организованныхъ шайкахъ существовали слѣдующія правила: жуликъ (ученикъ) отъ малоцѣнной вещи пользуется половиною, отъ цѣнной—третью; всякій помощникъ или товарищъ—половиною, простой зритель—$^1/_4$, а иногда $^1/_3$. Гдѣ есть атаманы, тамъ и они получаютъ свою часть. Кромѣ того, по разнымъ случаямъ, дѣлали раскладку, напр., выкупать попавшагося товарища. Кто прежде участвовалъ съ нимъ, жертвовалъ всѣмъ, что могъ достать.

На высшей ступени лѣстницы мошенничества стоятъ тѣ ловкіе и искусные мошенники, которые, благодаря приличной одеждѣ и изящнымъ манерамъ, обращаются съ людьми высшихъ слоевъ общества. Эти посѣщаютъ балы по подпискѣ, спектакли, концерты, кабинеты и салоны. Они смѣются надъ тѣми ворами, которые ломаютъ замки и рискуютъ шумомъ. Безъ ломовъ, напорьевъ и поддѣльныхъ ключей они отправляютъ свое ремесло въ такомъ видѣ, что слѣдить за ними чрезвычайно трудно. Самое происхожденіе ихъ представляетъ оригинальныя особенности: если воровство преимущественно вербуетъ своихъ агентовъ въ низшихъ классахъ, то мошенничество зачастую отыскиваетъ дѣятелей въ высшихъ сферахъ общества. Извѣстнаго рода утонченность, ловкость, сноровка и прочія качества, несовмѣстныя съ воровствомъ—грубымъ видомъ преступленій противъ собственности—всегда обязательны для мошенничества, которое тѣмъ неожиданнѣе, находчивѣе и поразительнѣе, чѣмъ чище вымыты руки, чѣмъ болѣе развита и завита голова. Если администрація меньше обращаетъ вниманія на порочные классы, чѣмъ на тѣ, въ которыхъ порокъ соединенъ съ развратомъ и нищетою, то это только потому, что порочный богачъ, расточающій свой избытокъ или даже часть своего состоянія на предосудительныя удовольствія, внушаетъ лишь жалость и отвращеніе. Опытныя администраціи знаютъ, что лишь только подобные люди остаются безъ средствъ къ существованію и съ отвращеніемъ къ труду, воспитаннымъ прежнимъ обезпеченіемъ, они становятся опасными по наклонностямъ къ добыванію средствъ къ жизни легкими способами обмановъ, поддѣлокъ и разныхъ видовъ мошенничества. Наиболѣе благопріятными временами ихъ дѣятельности и появленія считаютъ времена финансовыхъ кризисовъ, мѣстами дѣятельности—большіе города. Здѣсь большая часть мошенниковъ происходитъ отъ богатыхъ и честныхъ родителей. Они получили хорошое воспитаніе, но не умѣли имъ воспользоваться. Съ малыхъ лѣтъ они погрязали въ порокѣ и, послѣ многихъ приключеній, обыкновенно отбиваются отъ родительскихъ домовъ, чтобы смѣшаться съ толпою негодяевъ, организоваться въ шайку, по примѣру извѣстной Москвѣ и Петербургу шайки такъ назы-

ваемыхъ „труболетовъ". Въ шайкѣ у нихъ происходятъ встрѣчи, производятся собранія, на сходкахъ они вооружаютъ другъ друга противъ общества. На счастливые случаи поимокъ они оказываются людьми, принадлежащими къ различнымъ сословіямъ безъ разбора, лишь бы только предполагалась извѣстная доля достатка и вѣроятіе утонченной и разносторонней порчи. Самыя симпатіи ихъ и мѣста дѣятельности сосредоточиваются на богатыхъ классахъ и въ той средѣ, гдѣ они родились и воспитались. Ниже того они и не сходятъ и тамъ едва ли были бы состоятельны. Самый распространенный классъ, постоянно существующій и рекрутирующійся, является въ видѣ карточныхъ шуллеровъ, поддѣлывателей духовныхъ завѣщаній и цѣнныхъ документовъ. Въ видѣ исключенія и болѣе рѣдкаго явленія, мошенники организуются въ шайки для дневного грабежа, преимущественно, у лицъ торгующихъ и богатыхъ и тогда мошенничества ихъ отличаются поразительною изобрѣтательностью. Во всѣхъ случаяхъ женщины являются пособницами и участницами, либо какъ приманка неопытныхъ и простодушныхъ людей, отличающихся слабостью къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, либо въ видѣ прямыхъ пособницъ, гдѣ женская хитрость имѣетъ наилучшее представительство, а наименьшая законная отвѣтственность является воспособляющею причиною. Не исключая того, что и этотъ классъ преступниковъ отличается расточительностью и самое пріобрѣтеніе добычи основывается ради ея,— во всѣхъ остальныхъ своихъ пріемахъ они мало чѣмъ отличаются отъ воровъ. Все преимущество ихъ заключается въ томъ, что они рѣже попадаются, ловчѣе хоронятъ концы и избѣгаютъ судебныхъ преслѣдованій.

Болѣе ясными признаками продолжаетъ обставляться преступленіе воровства въ широкомъ значеніи этого слова *).

Такъ наиболѣе развито воровство въ мѣщанскомъ сословіи. По общему проценту ссыльныхъ оно занимаетъ самое видное мѣсто и обнаруживаетъ наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности замѣтно сильнѣе, чѣмъ крестьяне. Причина очевидна изъ простого сопоставленія городской жизни съ соблазнами и деревенской съ условіями, болѣе благопріятствующими честному труду и непрерывной правильной работѣ. Мѣщанамъ уступали въ воровствѣ даже солдаты, для которыхъ вѣроятіе стать преступниками подобнаго рода также было довольно сильно, до введенія закона о всесословной воинской повинности, вслѣдствіе крутого перехода изъ собственника въ казеннаго человѣка, у котораго стороннія заботы о снабженіи ослабляли понятіе о своей и уваженіе къ чужой собственности. Не смотря на то, что солдаты только въ ограниченныхъ и рѣдкихъ случаяхъ наказывались за воровство ссылкою (а потому, по сравненію съ ними, въ сибирской цифрѣ перевѣсъ на сторонѣ солдатокъ), воровство въ солдатскомъ сословіи было однимъ изъ господствующихъ и рѣзко выдававшихся на глаза преступленій *). Для доказательства у народа имѣлся значительный запасъ пословицъ, притчей, сказокъ и присказокъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что солдатъ и добрый человѣкъ, да плащъ его хапунъ: шинель постель, шинель кошель, а руки— крюки (что зацѣпилъ, то и потащилъ). Здѣсь воровство выразилось также повѣрьемъ (съ постою хоть ложку деревянную, а украсть что нибудь надо; солдата за все бьютъ, только за воровство не бьютъ), и солдатскіе проступки этого рода также нашли въ народѣ оправданіе (солдатъ не укралъ — просто взялъ; ему не грѣхъ поживиться: не украсть, такъ и взять ему негдѣ). Теперь все это уже ушло въ преданіе и пословицы становятся анахронизмомъ.

Такимъ образомъ, по русскимъ сословіямъ и по общему количеству приговоренныхъ въ ссылку за воровство — этотъ видъ преступленія занимаетъ вездѣ первое мѣсто (съ тою разницею для духовенства, что въ этомъ сословіи на первое мѣсто всталъ тотъ спеціальный видъ воровства, который называется святотатствомъ). По процентному отношенію, наибольшая наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности выразилась въ сословіяхъ, слабѣе другихъ упрочившихся и обезпеченныхъ условіями быта: на первомъ мѣстѣ встали дворовые, за ними жители городовъ или мѣщане съ тою неопреоборимою послѣдовательностью фактовъ, что и евреи—исключительные жители городовъ и мѣстечекъ и непремѣнные мѣщане—на воровствѣ представляютъ главнѣйшую особенность, самую характерную черту и сильнѣйшую наклонность **).

*) Конечно, сибирскія табели точно такимъ же образомъ не способны подкрѣпить подробныя характеристики воровства въ зависимости, напримѣръ, отъ временъ года. Оно, какъ извѣстно, усиливается на осеннее время: многочисленные случаи воровства въ началѣ зимы слабѣютъ, на весенніе мѣсяцы и на лѣтнее время значительно упадаютъ. На это обстоятельство, главнымъ образомъ, дѣйствуютъ увеличеніе и уменьшеніе дней и ночей: большая или меньшая продолжительность ночей усиливаетъ или ослабляетъ количество кражъ. Осень—когда люди горохъ молотятъ, а воры замки колотятъ — самое благопріятное время, исключая, можетъ быть, одного только мошенничества, которое дѣйствуетъ, по своимъ законамъ и въ сферѣ собственной обстановки, во всякое время года.

*) Вслѣдствіе особенностей уложенія о наказаніяхъ для военныхъ, процентъ сибирскихъ ссыльныхъ воровъ изъ солдатъ былъ очень малъ.

**) Изъ различныхъ видовъ крестьянскаго сословія однодворцы, по проценту высланныхъ въ Сибирь за кражу, превышаютъ всѣ другія сословія. Между женщинами, какъ воровки, примѣтны были на первомъ мѣстѣ дворовыя, на

На мѣстахъ ссылки всѣ эти условія измѣняются, отношенія спутываются и результаты болѣе характерные примѣтны только въ томъ, что у ссыльныхъ воровъ не только не отнято право увлекаться новыми соблазнами на кражу, но заданы еще и другія мудреныя житейскія задачи. На первыхъ шагахъ — долговременная и послѣдовательная порча по тюрьмамъ, какъ такимъ заведеніямъ, гдѣ отбирается нажитая собственность, замѣняемая скудною казенною, и затѣмъ постоянно и настойчиво внушаются увѣренія въ безправности ссыльныхъ на всякую собственность. Для присужденныхъ на каторгу увѣренія эти преслѣдуются во всю жизнь ихъ на работахъ, а потому пересыльныя тюрьмы въ частности, а каторжныя въ особенности, такія общины, гдѣ воровство уже не проступокъ, гдѣ воруютъ всѣ поголовно, не распознавая товарищескихъ вещей отъ своихъ. По словамъ сибирской поговорки, измышленной въ самихъ тюрьмахъ: „арестантъ ѣстъ прошенное, носитъ брошенное, живетъ краденнымъ". Для поселенцевъ, куда наибольше поступаютъ сосланные за воровство, бытовыя условія представляютъ болѣе умягченную форму, но запутываютъ ихъ въ новыя условія, неблагопріятныя для честнаго житья, благопріятныя для безчестнаго промысла воровствомъ. Вотъ причина, почему сибирскими старожилами произведенъ безапелляціонный судъ надъ поселенцами, выразившійся въ такой несокрушимой правдѣ-пословицѣ: „поселенецъ, что младенецъ, что видитъ, то и тащитъ"! и „хоть того лучше посельщикъ—не вѣрь ему"! Въ бѣгахъ и на волѣ ссыльный только тѣмъ и живетъ, что украдетъ: „не украдешь — не проживешь". Въ Сибири укрѣпилось даже такое повсюдное, всенародное убѣжденіе, что болѣзнь воровства въ Россіи хроническая: сколько десятковъ лѣтъ въ пришлыхъ новыхъ людяхъ Сибирь не видитъ людей путныхъ. Въ недавніе годы еще сильнѣе она укрѣпилась въ своемъ убѣжденіи, когда новые поселенцы на Амуръ (штрафные солдаты) прошли во всю длину страны, какъ бы голодное Мамаево войско, со всѣми явленіями опустошительнаго набѣга. Въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ каторжныхъ заводовъ воровство укрѣплялось обычаемъ и возбуждало соблазнъ даже въ тѣхъ ссыльныхъ, которые не хотѣли идти на воровство въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Чтобы сдѣлаться коннымъ рабочимъ, т. е. получать большій плакатъ, ссыльные крали чужихъ лошадей и съ ними являлись къ начальству, хорошо знавшему пути и средства добычи, но равнодушному къ этому злу, какъ къ неизбывному и издавна укоренившемуся. Воровство золота на промыслахъ, вина, соли, желѣза на заводахъ до такой степени было обыкновеннымъ преступленіемъ между ссыльными рабочими, что вмѣнялось въ обычай и преслѣдовалось развѣ настолько, насколько позволяли скудныя средства и ловкая изворотливость самихъ преступниковъ. Словомъ, воровство не изъ тѣхъ болѣзней, которыя лечитъ ссылка, имѣющая всѣ данныя противоположнаго, еще болѣе заразительнаго свойства (доказательства общія и частныя мы имѣли случай представить прежде, имѣемъ множество таковыхъ и впереди). Если нерчинскіе заводы и увѣряли въ томъ, что въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857 г.) вновь наказано на нихъ за грабежъ 8, за кражи 64, за утрату казенныхъ вещей 129, то, во первыхъ, всѣ наказанные въ Россіи ворами не были; во вторыхъ, большая часть совершившихъ кражи ускользнула изъ рукъ (въ тѣ же 10 лѣтъ бѣжало и поймано 2.841 человѣкъ голодавшихъ и оборвавшихся одеждою); въ третьихъ, опытные бродяги уходятъ съ предосторожностями; они кражами не смущаютъ покоя, чтобы вѣрнѣе скрыться, и, въ четвертыхъ, скрываются такъ, что въ воровствѣ попадаются уже далеко за Байкаломъ. Тобольская, Томская и Иркутская губерніи соперничаютъ между собою въ количествѣ жертвъ, осужденныхъ за грабежи и кражи. Въ Якутской издавна живетъ племя (якутовъ), у котораго рѣзче другихъ выдается наклонность къ мелкому воровству, каковое и производится тамъ съ замѣчательнымъ искуствомъ, ловкостью и опытностью. За то у тунгусовъ (иркутскихъ и забайкальскихъ) воровство—одинъ изъ смертныхъ грѣховъ и до сихъ поръ еще не только ни одна изъ городскихъ тюремъ, но и ни одна изъ полицейскихъ сибирокъ и кучумокъ не видали тунгуса, посаженнаго за кражу.

второмъ солдатки. Между ссыльными за всѣ роды преступленій, сосланныя за воровство женщины составляли ¹/₈ часть всего числа (воры-мужчины, противъ общаго числа ссыльныхъ мужчинъ, составляли ¹/₄ часть).

ГЛАВА VI.

ГРАБИТЕЛИ и РАЗБОЙНИКИ.

Причины и корни грабежей.—Происхожденіе и связь грабежа съ воровствомъ. — Баранта.—Сибирскіе и россійскіе грабители и разбойники.—Связь разбоя съ грабежомъ.—Характеръ русскаго разбойника.—Разбойники вообще и въ частности.—Быковъ.—Чайкинъ.—Дуванъ.—Кабаки.—Цѣловальники.—Разбойничьи атаманы и ихъ любовницы.—Притоны и проч.

Старые наши законы и самъ народъ понятіе о грабителяхъ смѣшиваетъ съ понятіемъ о ворахъ и называетъ ихъ этимъ послѣднимъ именемъ, хотя между грабежомъ и воровствомъ лежитъ пропасть. Какъ воровство, по преимуществу, гнѣздится въ городахъ и самый частый посѣтитель населенныхъ и людныхъ пунктовъ, грабежъ выбираетъ для дѣятельности мѣста поглуше, любитъ поле и лѣсъ. Грабежъ сильнѣе, энергичнѣе воровства. Онъ тѣмъ и отличается отъ него, что дѣйствуетъ открытою силою. Безъ смѣлости и дерзости онъ немыслимъ. Воровство бережетъ себя для завтрашняго дня и ходитъ весьма осторожными шагами, босыми ногами; грабежъ меньше бережетъ себя и не боится опасностей. Забывая объ нихъ, онъ бьетъ на пропалую а потому его не страшитъ и торная проѣзжая дорога, а потому онъ примѣчательно часто пристроивается, какъ бы на правахъ арендатора, по близости торговыхъ пунктовъ, даже большихъ городовъ. Грабежъ беретъ съ собою про всякій случай кистень и ножъ, а потому нерѣдко переходитъ въ разбой. Границы его съ разбоемъ близко сходятся и нерѣдко съ трудомъ различаются. Онъ любитъ также хоронить концы, заметать свой слѣдъ, прикрываться тайною, а потому, подъ мракомъ ночи, онъ прячется въ укромныхъ и скрытныхъ мѣстахъ. Какъ и воровству, ему темная ноченька родна матушка, и грабитель точно также день въ растяжку, а ночь на распашку, или день кольцомъ, а ночь молодцомъ.

Точно такъ же, какъ и воровство и разбой, грабежъ основываетъ свои успѣхи на преимущественномъ правѣ товариществъ, слаживается въ шайки. Рѣдко, въ крайне исключительныхъ случаяхъ, онъ ходитъ въ одиночку или въ разбивку. Но и въ такомъ видѣ пойманный, онъ почти всегда скрываетъ какой нибудь изъ слѣдовъ своихъ въ шайкѣ и въ заговорѣ. Почасту свободная отъ законныхъ преслѣдованій, шайка эта бываетъ виновна, если не въ прямомъ и непосредственномъ участьи въ грабежѣ, то косвенный путь укрывательства грабителей, пріема или сбыта награбленныхъ вещей является исегдашнимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого грубаго вида воровства. Если воры на большую часть трусы, то товарищества грабителей, съ самыхъ древнихъ временъ, отличаются смѣлыми до дерзости свойствами. Близость опасности, возможность скорыхъ и сильныхъ преслѣдованій закаляють ихъ буйный характеръ. Въ этой-то борьбѣ со страхомъ и въ тревожномъ положеніи между двухъ огней, они находятъ запасы энергіи и, въ силу удачъ и счастья, выходятъ на разбой въ томъ же товарищескомъ союзѣ.

Нѣкогда грабежъ и разбой такъ и ходили вмѣстѣ, въ особенности въ тѣ времена, когда слаживалось русское государству изъ разноплеменныхъ враждебныхъ элементовъ. Съ самыхъ древнихъ временъ явленіе это повторялось съ одинаковымъ постоянствомъ и немедленно обнаруживалось вездѣ, гдѣ развивался процессъ водворенія русскаго элемента. Грабежи и разбои не выдавались рѣзко изъ ряду обычныхъ явленій до тѣхъ только поръ, пока приливъ пришлаго населенія уравновѣшивался съ туземнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда колонизація опиралась на мирныя средства торговли и промышленности. Грабежи и разбои неизбѣжно обнаруживались тотчасъ, когда появленіе чуждаго и опаснаго элемента дѣлалось примѣтнымъ и опаснымъ, возбуждало и вызывало опасенія и туземцы. въ виду грядущихъ бѣдъ, въ отчаяніи несостоятельности, брались за оружіе, прибѣгали къ послѣднему средству защиты, которое, однако, имъ уже не задавалось. Пришлецы восторжествовали вездѣ: съ большимъ успѣхомъ и съ меньшимъ количествомъ жертвъ въ столкновеніи съ кроткими финскими племенами всего сѣвера, плодили грабежи и разбои, въ замѣчательномъ числѣ поступаясь первыми піонерами въ степныхъ и горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ русскія пріобрѣтенія покупались дорогою цѣною крови и всяческихъ бѣдствій. Особенно рѣзко выдается подобное явленіе во времена, когда русское племя, ослабивъ стремленіе на востокъ за Каму и за Камень, устремилось на югъ, стало пріобрѣтать земли за Окою, по Дону и Днѣпру.

На сѣверѣ въ лѣсахъ дешевизна пріобрѣтеній мѣстъ жительства съ достаточною ясностью выразилась въ народныхъ преданіяхъ, увѣряющихъ въ томъ, что бѣлоглазая чудь, испуганная появленіемъ въ лѣсахъ бѣлой березы (означавшей грядущее владычество бѣлаго царя),

строила стойки, запиралась въ нихъ или сожигалась живою, или уходила сквозь землю, проваливалась безъ слѣда. Это преданіе, одинаково общее для всей сѣверной Россіи и для всей Сибири, подтверждается и тѣми мѣстными легендами, изъ которыхъ, по одной, русскимъ людямъ стоило только прорубить ледъ на одномъ мѣстѣ рѣки и загнать всѣхъ чужаковъ въ эту прорубь, а на память объ нихъ прозвать эти мѣста нехитрыхъ побоищъ „кровяными плесами". Рѣдко являлась здѣсь вооруженная оборона. Только въ житіяхъ самыхъ первыхъ святыхъ вологодскихъ, олонецкихъ и архангельскихъ разсказываются отдѣльные случаи сопротивленія туземцевъ, выражавшіеся оскорбленіями уединившемуся въ лѣсъ подвижнику: жгли его келью, сгоняли съ обогрѣтаго мѣста, приходили съ угрозами и только въ двухъ-трехъ случаяхъ изъ цѣлыхъ сотенъ прибѣгали къ убійству, сдѣлавъ изъ подвижниковъ мучениковъ. То же самое повторилось и на сѣверѣ Сибири, гдѣ сожженіе юраками города Мангазеи (на Енисеѣ) оказывается серьезнымъ случаемъ вооруженннаго и серьезнаго противодѣйствія пришельцамъ. На всей картинѣ этихъ пріобрѣтеній лежитъ болѣе мягкій колоритъ на сторонѣ туземцевъ, но здѣсь грабежи и разбои, при всей исключительности своего явленія, производятся уже самыми пришлецами. Насилія надъ туземными племенами столь же древнія, какъ и самые акты пріобрѣтеній, начиная отъ походовъ удалой новгородской молодежи для завоеванія верховьевъ Волги и кончая пріобрѣтеніями земель за Волгою: на Камѣ, Чусовой и Бѣлой. Здѣсь открытыя противоборства, вооруженныя возстанія туземцевъ, называемыя въ послѣднія времена бунтами, дѣлались замѣчательно частыми и грозными, потому что и самые пріобрѣтатели изъ мирнаго купца и промышленника превращались въ завоевателей, намѣренно ходившихъ съ оружіемъ, въ видѣ казаковъ, стрѣльцовъ и, наконецъ, солдатъ. Особенно дороги Россіи пріобрѣтенія прибрежьевъ Волги отъ истоковъ, гдѣ дѣйствовали ушкуйники, до середины устьевъ, гдѣ выказывали удальство и молодечество вольные люди, разбойники, и дѣйствовали стрѣльцы и казаки. Грабежами и разбоями усыпались берега этой рѣки, столь дорогой для Россіи. Нѣтъ ни одного города, ни одного урочища, которые не вели бы безконечныхъ разсказовъ о разбойничьихъ подвигахъ и похожденіяхъ. Здѣсь родилась и разбойничья пѣсня, здѣсь поддержалъ свой начальный закалъ воинственный духъ народа, устремившагося на завоеванія съ лихорадочною поспѣшносьтю и съ неудержимою энергіею.

Тѣми же грабежами и разбоями началась и съ ними продолжала свое теченіе исторія пріобрѣтенія на рубежахъ южныхъ степей; въ низовыхъ степяхъ, начиная съ орловскихъ и оканчивая придонскими (въ воронежскихъ верьховьяхъ рѣки Дона и ея притоковъ). Здѣсь нападеніямъ туземцевъ и набѣгамъ татаръ, калмыковъ и черкесъ отвѣчали пришельцы таковыми же набѣгами, сопровождавшимися грабежами и разбоями по всей долинѣ передовыхъ линій отъ ближайшихъ до отдаленныхъ. Долговременному неустройству, кровопролитнымъ распрямъ и всякаго рода насиліямъ и смутамъ здѣсь способствовало такъ же и то, что украпны эти произвольно и насильственно заселялись бѣглымъ и преступнымъ людомъ (бѣглыми холопами и изуродованными каторжниками). Тѣ и другіе, скитаясь по странѣ и покидая ветхія и некрѣпкія тюрьмы, несли пожары и опустошенія и обливали свои слѣды кровью. О дѣяніяхъ ихъ до нашихъ временъ сохранилась память во множествѣ присловій и бранныхъ прозвищъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько измѣнился народный духъ вслѣдствіе противодѣйствій и въ контрастъ мирнымъ завоеваніямъ на сѣверѣ. Здѣшнія пріобрѣтенія Россіи куплены дорогою цѣною неволи и крови, посреди ежедневныхъ тревогъ отъ опасностей и при помощи и содѣйствіи людей, не лучшихъ какъ было на сѣверѣ, а тѣхъ, которыхъ сочло отечество негодными и ненужными, выгнало или выселило вонъ. Хотя они и выместили потомъ за это въ смутное безгосударное время лихолѣтья опустошеніемъ родины до отдаленныхъ предѣловъ тундры, за то ими упрочилось пріобрѣтеніе всѣхъ благодатныхъ земель по Дону, по Волгѣ, до Десны на западъ, до Оки на сѣверъ, до Манычa на югъ *).

Словомъ, во время строенія русской земли, грабежи и разбои были однимъ изъ послѣдовательныхъ и неизбѣжныхъ явленій, народившихся вслѣдствіе самой системы завоеваній, неправильныхъ способовъ водворенія поселенцевъ и направленія ихъ силъ и колонизаторскихъ способностей. Разбои въ низовыхъ странахъ и таковые же по Волгѣ слѣдовали одни за другими по вызову времени и по закону обстоятельствъ, отдѣльно и независимо другъ отъ друга, но дѣйствовали сообща и за одно подъ руководствомъ сильныхъ и талантливыхъ натуръ, вродѣ Булавиныхъ, Хлопковъ, Разиныхъ, Пугачевыхъ и безконечнаго числа другихъ многихъ.

*) На сколько бранныя прозвища и присловья согласно характеризируютъ духъ населенія низовыхъ украинъ, служитъ доказательствомъ, между прочимъ, Орловская, гдѣ нѣтъ города, который бы похвалила народная память. «Хорошъ заяцъ да тулякъ, хорошъ малый да тумакъ»; орловцы—проломанныя головы; Орелъ да Кромы—первые воры, да и Карачевъ на поддачу; Амченина бы тебѣ во дворъ, городъ Амченскъ (Мценскъ) цыгане семь верстъ обходили; Ливны—всѣмъ ворамъ дивны; Елецъ—всѣмъ ворамъ отецъ. Крестись, Андроны (куряне) ѣдутъ. Нѣтъ у бѣлаго царя вора супротивъ курянина, и проч.

Грабежи и разбои въ Россіи кочевали вмѣстѣ съ ея неосѣвшимъ населеніемъ и изумляли количествомъ и размѣрами. Изумляютъ они теперь богатствомъ присловій (особенно по Волгѣ), заклеймившихъ обитателей многихъ мѣстностей нелестнымъ прозвищемъ воровъ и разбойниковъ. То же самое повторилось и въ Сибири во времена столкновеній съ туземцами на югѣ; вызывались открытыя возстанія и изъ путаницы взаимныхъ отношеній и неурядицъ выходили разбойники изъ племени пришельцевъ, порожденные воинственнымъ настроеніемъ духа, разъ возбужденнымъ и постоянно раздражаемымъ. Такъ, корыствовались отъ грабежей и разбоевъ и въ мутной водѣ ловили рыбу выродки общественнаго неустройства: въ серединѣ прошлаго столѣтія (около 1765 г.) казакъ Ѳедоръ при заселеніи иртышской линіи (имѣвшій притонъ въ селеніи Маслянскомъ Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи и шайку въ 400 человѣкъ). Такъ, около того же времени, когда заселяли омскую линію и населяли Алтай, вышелъ на удалые подвиги разбоя Аѳанасій Селезневъ, руководившій изъ Бухтармы нѣсколькими шайками, разбивавшими русскіе и бухарскіе караваны и производившими баранты, т. е. угонявшими табуны лошадей и гурты скота и овецъ. Многія урочища и рѣчка, до сихъ поръ нося его имя, сохраняютъ память объ немъ. Такъ, при заселеніи лѣсной пустыни, между городами Красноярскомъ и Иркутскомъ, злодѣйствовалъ разбойникъ Гондюхинъ, покровительствуемый самимъ иркутскимъ губернаторомъ Нѣмцовымъ, ограбившій, по его же заказу, губернаторскихъ гостей, собравшихся для гулянки на Ангарѣ. Въ 1805 году ночью, за 50 верстъ отъ Иркутска, ограбленъ былъ камеръ-юнкеръ Гурьевъ, принадлежавшій къ свитѣ китайскаго посольства Головкина, шайкою изъ тѣхъ поселенцевъ, которые по указу Павла слѣдовали для водворенія за Байкаломъ. За Байкаломъ водворенія эти послѣдовательно вызывали Григорьева, Горкина и другихъ *).

Точно такъ же, какъ и въ Россіи, разъ возбужденный разбойничій духъ долго не поддавался укрощенію и разбой нашелъ себѣ привиллегированныя, зауслoвленныя мѣстности внутри Россіи и по Волгѣ **), въ Сибири наклонность къ грабежамъ (и на крайній случай къ разбоямъ) также сохранилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, у Алтая и во многихъ селеніяхъ, лежащихъ на почтовыхъ и купеческихъ трактахъ. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и тамъ также уберeглись остатки грабежнаго духа и выходили удальцы на разбойничьи похожденія. Съ тридцатыхъ годовъ, съ наибольшаго развитія золотыхъ промысловъ, на больномъ тѣлѣ открыта фонтанель и разбойники ушли въ тайгу промывать золото. Такъ случилось въ Сибири.

Въ Россіи, по мѣрѣ того, какъ развивалась промышленность и заводились фабрики и заводы внутри территоріи, укрѣплявшіе мирное направленіе и силу народнаго труда, по той степени усиленія надзора и систематическихъ преслѣдованій, до которыхъ додумались черезъ рядъ косвенныхъ и невѣрныхъ путей административныя распоряженія—разбои пропали на Волгѣ. Пароходы окончательно ихъ добили и явленіе въ послѣдней четверти XIX вѣка Рувавина (около Нижняго), со всѣми признаками стараго волжскаго разбойника, героя пѣсенъ—явленіе исключительное, послѣдній вздохъ героевъ. Теперь разбои стали случайнымъ явленіемъ, зависящимъ отъ преднамѣреннаго соединенія или стачки вышедшихъ на грабежъ, при благопріятныхъ условіяхъ мѣста и времени,—явленіе всегда неожиданное, рѣдко предугадываемое. Причину его народъ скрылъ въ себѣ и до сихъ поръ опредѣлительно не повѣдалъ. Видимыя, наслѣженныя причины слишкомъ еще неопредѣленны и малочисленны, чтобы по нимъ можно было составить общее, а тѣмъ болѣе конечное заключеніе. Между прочимъ, одинъ изъ поводовъ заключается въ уничтоженіи крѣпостного права, имѣвшаго тѣ особенности, что при немъ, какъ село Воронье (Костр. губ. Галицк. уѣзд.), по народному присловью „бывшее днемъ семидесяти господъ, а ночью—одного“ (всѣ на грабежъ выходили) и что, по вызову его, ходили на преступный промыселъ и дворяне и крестьяне, а по свидѣтельству древнихъ актовъ и новѣйшихъ документовъ—сами помѣщики, и притомъ не изъ однихъ только мелкопомѣстныхъ, каковы однодворцы и шляхта. Теперь тоны на картинѣ грабежей и разбоевъ измельчали, пресѣченіе преступленій стало удобнѣе для полицейской администраціи, по частямъ и по мѣстамъ труднѣе для внимательнаго и подробнаго изученія въ общемъ видѣ. Но многое и сохранилось и все находитъ оправданіе въ прошедшемъ.

Рѣдкая изъ губерній нашихъ не имѣетъ хотя одного заповѣднаго мѣста, гдѣ бы по временамъ не производился преступный промыселъ грабежа, гдѣ бы, говоря общепринятымъ и лю-

*) Объ этомъ мы уже говорили, какъ равно о разбойникѣ—князѣ Баратаевѣ, вызванномъ неурядицею заселеній охотскихъ краевъ, когда, по проэкту вице-адмирала Ѳомина, замыслили перенести Охотскій портъ на р. Алданъ. Прокладывали туда дорогу; каторжные стали бѣгать и вмѣстѣ съ Баратаевымъ разграбили городъ Жиганскъ. Баратаевъ этотъ пойманъ былъ во льдахъ уже на устьяхъ Лены и взятъ въ плѣнъ простреленнымъ восемью пулями.

**) На нихъ съ достаточною ясностью указываютъ уже народныя присловья и разсказы. Въ Сибири указываютъ на подобные пункты подъ Иркутскомъ (окрестныя селенія Тельминской бывшей суконной фабрики), подъ Томскомъ (деревни Воронова и Вемилужная).

бимымъ народнымъ выраженіемъ, не „пошаливали“. Грабежамъ въ особенности покровительствуютъ мѣстности, гдѣ, по административному или политическому дѣленію, приходятся границы съ чужими землями (какъ въ Бессарабіи и Подольской губерніи), или такой внутренній клинъ, гдѣ сходятся границы трехъ губерній. Въ особенности послѣднее условіе ярко выясняется тамъ, гдѣ одна изъ губерній пользуется привиллегированными правами и благопріятными условіями такого рода, что не представляетъ трудностей для перехода въ третью губернію (каковы малоземельныя градоначальства). Опредѣленнѣе другихъ выясняются количествомъ грабежей и удобствомъ для нихъ мѣстности на Дону и Западной Двинѣ, вродѣ окрестностей Таганрога, Ростова съ Аксаемъ и Нахичевани или окрестностей Динабурга. Подъ гнетомъ и увлеченіемъ соблазна, въ послѣдней мѣстности и еврей становится грабителемъ и на раскольниковъ падаетъ до половины справедливое подозрѣніе въ грабежахъ *). Затѣмъ, и послѣ такой исключительности, грабежи въ остальной Россіи подчиняются пріемамъ, которые имѣютъ уже много чертъ общихъ и свои заповѣдныя мѣста. Мѣста эти, по большей части, большія дороги и преимущественно торговые тракты, а цѣль грабежей—купеческіе обозы. Въ нерѣдкихъ случаяхъ грабежъ выбираетъ для своей дѣятельности почтовыя дороги и тогда устремляетъ нападеніе безразлично и безразсчетно, на удачу, на проѣзжаго и на казенную почту. Первый видъ грабежей встрѣчается чаще. Его можно назвать хроническимъ за тѣмъ, что у него есть и опредѣленные пункты, и пріемы и опредѣдѣленное время, именно, предшествующее большимъ ярмаркамъ. Второй видъ грабежей, на почтовыхъ дорогахъ, имѣетъ форму періодическую и этотъ грабежъ, какъ случайность, выжидаетъ совокупности многихъ, также случайныхъ, но благопріятныхъ причинъ, не всегда готовыхъ и дѣятельныхъ. Мѣстами онъ не стѣсняется и загорается безразлично, и въ степяхъ саратовскихъ, пензенскихъ, подъ Самарою (близъ извѣстной луки Волги), и въ лѣсахъ Виленской губ., въ лѣсахъ костромскихъ. И этотъ грабежъ любитъ лѣсъ, особенно, когда дорога тянется длинными волоками (извѣстнымъ „шестидесятнымъ“ въ Ветлужскомъ и Макарьевскомъ уѣздахъ Костр. губ.). Грабежъ, направленный на купеческіе транспорты, не испугался проѣзжихъ дорогъ, ведущихъ въ Нижній, вызывая на эти мѣста ежегодные сторожевые пункты, пикеты—особый видъ земской повинности для окольныхъ жителей и казаковъ. Тѣми же пикетами предупреждаются (но не всегда предотвращаются) грабежи по болѣе глухимъ и дальнимъ дорогамъ, какова пермская, гдѣ грабежи направлялись на чайные транспорты и являлись въ систематическомъ видѣ между городами Пермью и Кунгуромъ, Кунгуромъ и Екатеринбургомъ. Такими же грабежами славятся нѣкоторыя изъ оренбургскихъ дорогъ. Здѣсь башкиры и мещеряки умѣютъ выказывать присутствіе въ ихъ натурѣ остатковъ степного хищничества (очевидное и по тобольскимъ табелямъ ссыльныхъ). Предостерегаютъ вѣроятіе придорожнаго грабежа снабженіемъ конвойными по весьма многимъ мѣстностямъ Кавказа. Здѣсь грабежъ, изъ обычнаго политическаго принципа горцевъ, смѣнился въ наши дни на особенный видъ мщенія покровителямъ, продолжаетъ выражаться и по старымъ образцамъ племенныхъ разсчетовъ за обиду, за угонъ скота (и по тобольскимъ табелямъ горцы, преимущественно, ссылаются за грабежи и разбои). Не говоримъ уже о киргизахъ, гдѣ грабежъ барантою—одна изъ политическихъ основъ кочевого племени, и о татарахъ, въ которыхъ сильная наклонность къ грабежамъ находитъ объясненіе въ старыхъ привычкахъ, выроженныхъ и доказанныхъ исторіею, а оправданіе въ религіозныхъ принципахъ, завѣщанныхъ кораномъ (татаринъ, по русской пословицѣ, либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ). На Кавказѣ мусульманство съумѣло выродить мюридизмъ: истребленіе людей неправовѣрныхъ (гяуровъ) возведено было въ догматъ и настоятельно тробовалось обѣими главами секты (Шамилемъ и Магметъ-Аминемъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ грабежахъ мы видимъ прочное существованіе и упорную устойчивость. Наслѣдственная болѣзнь тѣмъ и опасна, что корни ея крѣпко и глубоко уходятъ въ испорченную почву и, какъ у всякаго подобнаго явленія, имѣющаго основаніемъ племенныя особенности, болѣзни не предстоитъ внезапнаго или скораго исчезновенія. Внутри Россіи, въ русскомъ племени, болѣзнь эта представляется въ другой обстановкѣ, но и въ болѣе смутныхъ и спутанныхъ явленіяхъ.

Останавливаясь на русскомъ племени и слѣдя за цифрами ссыльныхъ въ Сибирь, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ о грабежахъ.

Цифра, не отличаясь постоянствомъ, не принадлежитъ къ крупнымъ: грабежъ не изъ тѣхъ преступленій, которыя можно считать на ряду

*) Двинскъ (бывшій Динабургъ) стоитъ при такихъ условіяхъ, что тотчасъ за Двиною начинается Курляндская губернія съ ея вялымъ и медленнымъ нѣмецкимъ судопроизводствомъ средневѣковаго дѣла и съ презрѣніемъ къ русскимъ интересамъ. Въ 20-ти верстахъ отъ города губ. Ковенская и нѣсколько подальше Виленская (самъ Динабургъ губ. Витебской). Опасность жителей увеличивается тѣмъ, что чрезвычайно распростаненное мелкое воровство нерѣдко доходитъ до дерзости грабежа. Полиція стоитъ въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ при желаніи поймать, припугнуть и застращать воровъ и грабителей силою вліянія своего и самостоятельностью образа дѣйствій.

съ крупными цифрами другихъ преступленій и, въ особенности, по сравненію съ ближайшимъ видомъ его—воровствомъ. Грабители, при недостаткѣ благопріятныхъ причинъ, мельчаютъ числомъ и пропадаютъ въ разрядѣ воровъ или, при противоположныхъ данныхъ, уходятъ въ Сибирь въ разрядѣ ссылаемыхъ за разбой. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, при усиленіи административнаго вниманія и надзора и увеличеніи преслѣдованій грабителей вслѣдствіе какихъ либо случайныхъ, сильно наталкивающихъ обстоятельствъ, цифра грабителей увеличивается и при противоположныхъ условіяхъ упадаетъ *). Уменьшеніе этой цифры въ особенности примѣтно по отношенію къ женщинамъ. Возростаніе цифры доказываетъ, что виновность въ грабежахъ женщинъ совершилась подъ защитою мужчинъ, при участьи которыхъ только и мыслимъ для женщинъ грабежъ, какъ преступленіе, наиболѣе требующее тѣхъ силъ душевныхъ, каковыхъ недостаетъ этому слабому и забитому полу. Грабежъ и разбой—не женскія преступленія, они уступаютъ мѣсто воровству и поджогамъ. На серьезныя кражи съ грабежемъ и въ разсчетѣ на разбой женщинъ не берутъ. При этомъ вѣроятнѣе это преступленіе для нихъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ; въ ранній возрастъ это—самое рѣдкое явленіе изъ всѣхъ преступныхъ женскихъ дѣяній.

По количеству ссыльныхъ по сословіямъ, у крестьянъ, солдатъ и мѣщанъ грабежъ занимаетъ первое мѣсто послѣ воровства, стоящаго у всѣхъ на первомъ планѣ. По процентному отношенію самый высокій стоитъ за военными поселянами, заводскими крестьянами, однодворцами и солдатами, а у мѣщанъ сильнѣе развита наклонность къ грабежу, чѣмъ у крестьянъ. По различнымъ мѣстностямъ Россіи грабежъ выразился сильнѣе въ странѣ сходцевъ (въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи). Въ Бессарабіи процентъ, по общему отношенію ссыльныхъ къ нессыльнымъ обитателямъ, настолько великъ, что подобнаго ему нѣтъ во всей Россіи. Вдвое меньшая населеніемъ Пермской губерніи, Бессарабская превосходитъ ее числомъ грабежей, не смотря на то, что Пермская вмѣстѣ съ Тобольскою въ одно время и заводская и случайно заполняемая большимъ количествомъ бѣглыхъ, а вмѣстѣ съ Казанскою и Симбирскою съ избыткомъ населена инородческими племенами, исповѣдующими исламъ *).

Разбой—это послѣднее и крайнее звено въ цѣпи преступленій, вытекающихъ послѣдовательно изъ бродяжничества и непосредственно изъ грабежа, какъ неизбѣжное слѣдствіе послѣдняго, по крайней исключительности своей,—сталъ принадлежать къ явленіямъ случайнымъ, но, въ то же время, и къ такимъ, гдѣ всѣхъ запутаннѣе основныя причины и вызывающіе поводы. Съ другой стороны, внѣшній видъ разбоевъ съумѣлъ и успѣлъ принять кое-какія опредѣленныя формы, которыя можно типировать такимъ образомъ.

Нѣкогда на разбой выходили казаки, въ числѣ которыхъ бродяга, въ видѣ бѣглаго холопа и солдата, игралъ первую роль. Теперь разбоемъ охотнѣе занимаются заводскіе люди и опять тѣ же солдаты. Иногда съ крайней голодовки пускается на такое дѣло мѣщанинъ, обыкновенно прямо изъ цѣловальниковъ или вѣдомыхъ пригородныхъ воровъ. Бываютъ и такіе годы, когда путается въ разбойникахъ мелкопомѣстный дворянинъ, избаловавшійся до конца въ званіи однодворца (сословіи, какъ извѣстно, не отличающемся нравственностью и не свободномъ отъ тяжкой преступности). Хаживали на разбой и капитаны Копейкины (имѣющіе, впрочемъ, основаніемъ историческую почву, бывалое событіе). Но—повторимъ опять—и этотъ типъ измельчалъ и только временами,

*) Вотъ доказательство въ цифрахъ, по годамъ:

Въ	1838	сослано	за	грабежъ	139	мужч.
»	1839	»	»	»	127	»
»	1840	»	»	»	142	»
»	1841	»	»	»	105	»
»	1842	»	»	»	143	»
»	1843	»	»	»	241	»
»	1844	»	»	»	210	»
»	1845	»	»	»	146	»
»	1846	»	»	»	111	»
Въ	1838	сослано	за	грабежъ	9	женщ.
»	1839	»	»	»	4	»
»	1840	»	»	»	11	»
»	1841	»	»	»	10	»
»	1842	»	»	»	10	»
»	1843	»	»	»	6	»
»	1844	»	»	»	4	»
»	1845	»	»	»	4	»
»	1846	»	»	»	8	»

Такимъ образомъ, количество сосланныхъ женщинъ въ 18 разъ меньше числа мужчинъ.

*) По губерніямъ число грабителей распредѣлилось такъ (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1847 годъ):

	мужч.	женщ.
Пермская	55	11
Тобольская. . . .	64	5
Грузія	56	6
Бессарабія. . . .	61	—
Симбирская	60	—
Подольская	56	2
Казанская.	49	5
Курская	50	1
Кавказская область .	40	2
Кіевская	38	— и проч.

Губернія Олонецкая во всѣ 9 лѣтъ выслала только двухъ; Архангельская, Псковская, Вологодская, Лифляндская и Астраханская по пяти. Въ Финляндіи и Польшѣ грабежи также исключительное явленіе. Въ 20 лѣтъ для Олонецкой поднялась цифра до 10, Архангельской до 21, Вологодской до 28, Лифляндской до 34, Астраханской до 20. Наивысшій процентъ для грабежа остался за Новороссійскимъ краемъ съ ногайскими татарами на востокѣ, съ крымскими на югѣ и цыганами на западѣ и кое-гдѣ въ серединѣ.

въ представительствѣ крупныхъ злодѣевъ, обнаруживаетъ нѣкоторые признаки отжившихъ свой вѣкъ удалыхъ молодцевъ, въ средѣ которыхъ разгоряченное народное воображеніе съумѣло поставить даже страшный образъ женщины-разбойника. Вотъ какимъ образомъ складываются эти остатки въ цѣльномъ видѣ злодѣя-разбойника.

Онъ, по большей части, дезертиръ изъ солдатъ, озлобленный неудачами жизни, строгостью и невзгодами службы; всѣмъ былъ битъ, и о печку битъ, развѣ только печкою не битъ. Чаще—это бѣглый съ каторги, опять-таки тертый калачъ, мятые бока, но въ этихъ случаяхъ нерѣдко выясняется въ немъ бѣглый солдатъ и непремѣнно сосланный за убійство. Убійства у этихъ героевъ въ аттестатахъ (статейныхъ сибирскихъ спискахъ) повторяются иногда по нѣсколько разъ. Преступникъ подобнаго рода забрызганъ чужою кровью, на на которой онъ какъ будто пріобрѣтаетъ закалъ и повадку.

Прежде, чѣмъ пуститься въ разбой, онъ обыкновенно бродяжничаетъ долгое время и, въ занятіи этомъ отыскивая потерянной воли и доли, находитъ то, чего не даетъ людская семья и жилое мѣсто, но чѣмъ богата лѣсная дичь и постоянное отчужденіе. Въ лѣсу бродяга дичаетъ, отвыкая отъ людей, теряя къ нимъ любовь и всякую вѣру, додумывается до равнодушія къ чужой и собственной жизни и выноситъ невѣріе ко всему. Выходя изъ лѣсу только въ кабаки для размѣна легкой добычи на вино, онъ получаетъ ту внутреннюю болѣзнь, которая характеризируется хандрою въ самомъ сердитомъ значеніи этого слова. Ипохондрикъ онъ самаго крупнаго и опаснаго свойства. Дальнѣйшія неудачи и преслѣдованія—неразлучные спутники бродячей жизни—при крайнемъ недостаткѣ началъ успокоительныхъ и примирительныхъ, развиваютъ въ сердцѣ бродяги озлобленность и зависть къ свободѣ и счастью другихъ до болѣзни. Озлобленію не долго перейти въ непримиримую злобу: ненависть честныхъ людей раздражаетъ народившееся чувство, а отсутствіе средствъ къ жизни довершаетъ гибель, когда, и по пословицѣ, „голый разбою не боится, голому разбой не страшенъ". Переходитъ же эта непосредственная озлобленность въ прямую и открытую злобу всегда, когда бродяга-пустынникъ наталкивается на такихъ же горюновъ, заготовившихъ одинаковый образъ воззрѣнія на жизнь и поставленныхъ въ одинаковыя бытовыя условія. Это, большею частью, тѣ же бродяги, бѣглокаторжные голыши.

Встрѣча происходитъ, обыкновенно, въ лѣсахъ и знакомство сводится въ скрытыхъ и укромныхъ станахъ и притонахъ, дорога къ которымъ указывается на каторгѣ и хорошо извѣстна всякому желающему про то знать и этого искать. Затѣмъ—кабакъ: мѣсто прибѣжища для честнаго работника и пьяницы по профессіи, въ то же время, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, притонъ и для недовольныхъ, для всякаго незванаго и непрошеннаго. Цѣловальникъ и по тюремнымъ пѣснямъ далеко не доносчикъ, не полицейскій агентъ, тѣмъ болѣе, когда знаменитый казанскій разбойникъ Дмитрій Быковъ изъ этого званія ушелъ въ Сибирь и вернулся назадъ на старыя мѣста сильно злодѣйствовать. Выпивки не всегда на чистыя деньги съумѣли выучить этого сорта промышленниковъ и торговцевъ пріему подъ закладъ вещей, въ которыхъ составляютъ избытокъ и берутъ перевѣсъ надъ собственными краденныя, пріобрѣтенныя воровствомъ, грабежемъ и разбоями. Такихъ и скрывать негдѣ, таковыя и пріобрѣтаются предпочтительно для обмѣна на цѣлебное зелье, умѣющее укладывать тоску по прошломъ и развивать веселыя мысли и свѣтлые взгляды на будущее. Цѣловальникъ непремѣнно, косвеннымъ или прямымъ путемъ, впутается въ біографію разбойника, попадетъ въ шайку и подпадетъ суду и наказанію (отъ которыхъ откупъ въ былую пору умѣлъ откупать большими деньгами). Главнымъ же образомъ, бродяги, рѣшившіеся на правильныя вылазки и на отчаянный походъ, пріобрѣтаютъ дружбу и участье, помощь и содѣйствіе въ мѣстномъ „зазнамомъ" ворѣ, который только потому не попалъ въ Сибирь, что откупился. Нуждою и тюрьмою выученъ онъ ловкости изворотовъ на слѣдственныхъ показаніяхъ и на самомъ судѣ, а потому приладилъ жилище на бродяжьей тропѣ и пріотворилъ дверь для бродягъ, потому что законы и судьи, за неясностью уликъ и доказательствъ, оставили его на родинѣ, хотя и въ сильнѣйшемъ подозрѣніи.

„Вѣдомый воръ" теперь—соумышленникъ и соучастникъ пришлыхъ недобрыхъ людей. Сговоренъ онъ ими въ томъ же кабакѣ, при помощи развязывающей языкъ и окрыляющей помыслы влаги. Онъ указываетъ имъ на цѣль нападеній, на тѣ бреши, гдѣ шире проломъ и крѣпче спитъ стража, даетъ онъ имъ совѣты, мѣстно-пригодные и имъ, старымъ воромъ, самимъ нащупанные и не разъ испытанные. Товарищи молодцы—ночные дѣльцы, идутъ сначала мастерить, „заугольничать" по постоялымъ дворамъ, а потомъ „съ дубовой иглой портняжить по большимъ дорогамъ". Они грабятъ обозъ, грабятъ домъ богатаго мужика или попа, грабятъ церковь, грабятъ все и у всѣхъ, гдѣ только вѣрна и прибыльна добыча и по мѣрѣ накопленія храбрости и дерзости. Умѣлые воры „возъ разсыплютъ—два нагребутъ", умѣлые воры, съ помощью добраго знакомца, и концы спрячутъ чисто, хотя слѣды воровскіе и не

идутъ дальше кабака или дома подговореннаго благодѣтеля. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ откуда ни возмется на помощь вдова-солдатка или баба-солдатка, 25 лѣтъ выжидающая своего мужа и на досугѣ привыкшая прятать чужое и поваженная соблюдать грабленное. Является въ пособницахъ и другая женщина (но рѣже), полюбившая какого нибудь изъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ, плѣненная не ростомъ и дородствомъ и сильною бородою (какъ бы солдатка какая, вѣдающая по опыту, въ чемъ больше сласти), а плѣненная удальствомъ, заболѣвшая кручиною къ его горькой долѣ, не позволяющей ему и головушку подклонить на невертлявую подушку. Защемляетъ она больше сердце, чѣмъ разумъ. На атамана обыкновенно налетаетъ хватившая опыта въ жизни солдатка, которая перестала вѣрить въ суженыхъ и призраки и привыкла любоваться въ очи смѣльчаку и недюжинному, не умному да смѣлому, не богатому да тароватому. Съ рожи ей не воду пить, а изъ кармана вмѣстѣ водку пить. Та или другая полюбовница поитъ и кормитъ и пристань держитъ, а участьемъ и сочувствіемъ даетъ разбойникамъ силу, которая наталкиваетъ на новые замыслы, и свѣжую бодрость, съ которою такъ легко ходится на всякія самыя трудныя предпріятія.

Безъ „соприкосновенности въ преступленіи“ женщины разбоя не бываетъ, безъ ея „сопричастности злодѣяніямъ“ мало найдется даже оффиціальныхъ хроникъ и слѣдственныхъ дѣлъ по грабежамъ и разбоямъ. Какъ бы то ни было, разбой ходитъ всегда снабженный и закрѣпленный многоразличными пружинами. Пружины эти крѣпнутъ въ упругости по мѣрѣ того, какъ усиливаются неудачи и ослабѣваютъ надзоръ и преслѣдованія, и становится злымъ и лихорадочно-дѣятельнымъ, когда погоня и поиски начнутъ ходить по пятамъ и попадать на горячіе слѣды. Тогда чувство самосохраненія начинаетъ послѣднюю борьбу и обѣ силы затѣваютъ ожесточенный споръ, нерѣдко кровавую битву. Сторона слабѣйшая пускаетъ въ ходъ послѣднія свои средства и всѣ разомъ: ловкость и хитрость, бѣшеную храбрость и замысловатую изворотливость. Сколько становыхъ и исправниковъ улетѣло подъ судъ за то, что не умѣли поймать атамана подъ самымъ носомъ! Вотъ онъ, истомленный безсонными ночами, напившійся до безпамятства и безсилія, валялся на самой торной дорогѣ у огорода и принятъ былъ въ лохмотьяхъ за нищаго. Какъ бы то ни было, но послѣдніе вздохи героя громки и черезчуръ слышны и чувствительны! убійства становятся чаще, производятся безразсчетнѣе и ожесточеннѣе. Грабежъ и разбой додумываются до такого ужаснаго правила, по которому: грабь того, кто первый попадется, людская оплошность за тѣмъ и на свѣтъ создана, чтобы добрый воръ не дремалъ. Ограбленнаго убивай— слѣды хорони. Не убьешь — самъ пропадешь, оставишь на слѣдахъ своихъ языкъ, который непремѣнно докажетъ.

Примѣняя правило на опытѣ къ дѣлу, разбойничья шайка тутъ напала на обозъ и убила извозчиковъ, а тѣла ихъ зарыла въ болотѣ; тамъ накинули на проѣзжую торговку съ товаромъ платокъ и задушили до смерти, а лошадь увели съ собою въ лѣсъ. Здѣсь ограбили избу, а самого хозяина зарѣзали и трупъ сожгли въ печи. Тамъ ограбили проѣзжаго купца и тѣло его бросили въ рѣку, которая принесетъ потомъ въ руки земской или городской полиціи „трупъ неизвѣстно кому принадлежащій, по знакамъ на тѣлѣ коего видны знаки насильственной смерти“. Надоумленная такимъ казусомъ, ревнивая къ милостямъ и вниманію начальства, поджигаемая разсказами въ обществѣ о злодѣйствахъ и упреками знакомыхъ въ бездѣйствіи, принуждаемая частными просьбами, облеченными въ оффиціальную форму, а всего болѣе предписаніями и понужденіями начальства,—земская полиція приходитъ въ сознаніе своихъ служебныхъ обязанностей и начинаетъ дѣйствовать.

Находятся, въ разсчетѣ на денежную награду, сыщики и доносчики, каковые и разсыпаются по завѣдомымъ кабакамъ. Изъ окольныхъ людей собирается облава. Само начальство выѣзжаетъ на мѣсто скорбей и обидъ временнымъ отдѣленіемъ. Всѣ болтаютъ о разбояхъ. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ стараются пособить и, съ растерянными головами, сначала только путаютъ. Завязывается изъ разсказовъ цѣлый романъ въ дюмасовскомъ вкусѣ, гдѣ бывалое съ небывалымъ путается до громадныхъ размѣровъ, такъ что нерѣдко случалось первымъ слѣдователямъ уѣзжать безъ успѣха и просить на помощь себѣ изъ губерніи свѣжихъ и опытныхъ людей. Кто нибудь изъ трехъ или пяти, и всегда случайно, нападаетъ на первый слѣдъ. Если съумѣютъ не дать остыть этому слѣду, то схватятъ, прежде всего, мелкихъ воришекъ, которые, по пословицѣ, любятъ зѣвать. Но это не всегда прямые дѣятели, большею частью они соучастники тѣхъ, которые держатъ пристани и даютъ притонъ. Эти только тѣмъ запачкались, что попользовались крохами отъ добычи, да и то безпутно, да и то неосторожно: у нихъ и остатки дувана найдены; пойманные съ поличнымъ, они зачастую уходятъ въ ссылку за большихъ и главныхъ. Сплошь и рядомъ на нихъ возмѣщаютъ успѣхи и торжество побѣды. При умѣньи и ловкости, а всего чаще при помощи угрозъ и легонькихъ пытокъ, страхами и запугиваньемъ, у этихъ попавшихъ въ силки добиваются языка, который и ведетъ начальство на первыхъ разбойниковъ, но не главныхъ. Атамана съ близкими друзьями ищутъ долго, его берегутъ пуще всѣхъ, да и сами

онъ, стрѣлянный звѣрь, хитрѣе и ловчѣе всѣхъ. Находятъ его съ помощью той же случайности, иногда далеко въ другой губерніи или въ дальнемъ уѣздѣ. Его либо предастъ, напоитъ и свяжетъ подкупленная полиціею полюбовница, либо онъ самъ, чтобы не мрачить своей славы, напьется-нагуляется въ кабакѣ въ послѣдній разъ и свалится снопомъ подъ лавку. Цѣловальникъ, которому при этомъ надо и себя защищать и выслуживаться на подручномъ и легкомъ случаѣ, удалого молодца свяжетъ и представитъ начальству. Такъ поступаютъ смѣлые и рѣшительные. Опасливые, но также опытные, выводятъ одурѣлаго и зачумѣлаго гуляку на торную дорогу и бросаютъ тутъ. Сюда-то сыщикъ и приводитъ начальство, обыкновенно руководимый тѣмъ же питейнымъ сидѣльцемъ, дѣйствующимъ за его спиною и осторожно, съ цѣлью застоять кабакъ отъ поджога. Берите теперь и казните! вотъ главный воротило, докучливый звѣрь лежитъ, растянувшись пластомъ, словно убитый, и руки раскидалъ и ноги выставилъ; отяжелѣлыми глазами ничего не увидитъ, сквозь стиснутые зубы ни словечка не вымолвитъ и похмѣлья не дастъ влить. Связанный веревками, заклепанный въ кандалы, со всклоченными головою и бородою и опухшимъ отъ пьянства лицомъ, онъ приходитъ въ себя въ секретномъ казематѣ острога (если крупенъ звѣрь, то въ губернскомъ). Теперь онъ сытъ и готовъ на всякую казнь, затѣмъ что покинутъ всѣми друзьями-товарищами. Пойманный раньше ихъ непремѣнно станетъ стараться убѣжать и рѣдко не настаиваетъ на своемъ. На выручку атамана Быкова, наводившаго въ 1848 году ужасъ на Казанскую губернію и городъ Казань, пришелъ товарищъ и другъ его Чайкинъ, такой же бѣглый съ каторги молодецъ. Пришелъ Чайкинъ самъ, зная, что его усиленно ищутъ и что за его голову (слыхалъ въ народѣ) какія-то деньги положили, онъ пришелъ въ городъ, зашелъ въ трактиръ, поигралъ на билліардѣ, сталъ водку пить въ общей комнатѣ, гдѣ сидѣлъ и частный приставъ за чаемъ послѣ бани. Богатырь Чайкинъ былъ неладно кроенъ и нелѣпо сшитъ: рѣзко бросался въ глаза своимъ угловатымъ лицомъ, на которомъ (судя по слѣпку маски и скелету его, хранящимся въ казанскомъ университетѣ, верхнія скулы сильно были развиты и орбита глазъ глубока. Бросился онъ въ глаза и всею своею фигурою, и манерами тому полицейскому лицу, которое, вмѣстѣ съ другими, на то время думало объ одномъ только Чайкинѣ и готово было принимать за него всякаго встрѣчнаго. Къ тому же и примѣты злодѣя были повѣданы; не доставало рѣшимости. Но вотъ и она, на крайній случай явившаяся вдохновеніемъ. Смѣлость города беретъ. Ей удалось взять и Чайкина, ошеломленнаго смѣлымъ приступомъ и словами:

— Вѣдь ты Чайкинъ?

— Такъ точно.

— Зачѣмъ пришелъ сюда?

— Попытать счастья повидаться съ Быковымъ, нельзя ли какъ его изъ острога спасти (а на то время, вслѣдствіе городскихъ слуховъ, острогъ былъ оцѣпленъ сторожами).

— Я тебя долженъ буду взять.

— Вамъ ничего больше не остается дѣлать. Самъ я это теперь вижу, вяжите!

Очутившись въ острогѣ, разбойникъ зналъ, что дѣлать. На слѣдствіи постарался показать невозмутимое спокойствіе. Въ теченіи начатаго объ немъ дѣла пускался путать и запутывать другихъ, чтобы было дольше и труднѣе распутывать. Наплеталъ онъ столько ложныхъ показаній и на себя и на стороннихъ, что дѣла о злодѣйствахъ копили огромными томами. Обзывались больше непричастные люди—богатые мужики, на которыхъ обрывались надежды на добычу (какъ дѣлалъ это орловскій—Малоархангельскаго уѣзда—разбойникъ изъ кантонистовъ „Сирота"). Попадали подъ словоохотливый и расходившійся языкъ и настоящіе пособники: „за одно отвѣчать". Процессъ слѣдствія и суда тянулся мѣсяцы и отъ самого героя романа зависѣло протянуть его дольше цѣлаго года, если не получится предписанія судить его по полевому уголовному положенію, такъ называемымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Такъ поступили и съ шайкою Быкова и Чайкина.

Дальнѣйшая судьба преступника извѣстна: дадутъ ему прогуляться по зеленой улицѣ и пройдетъ онъ ее, если не ослабѣли на злодѣйской безпутной жизни силы и если не было помѣчено количество ударовъ шпицрутенами особымъ зловѣщимъ придаткомъ. Быковъ ходитъ, Чайкинъ глядитъ: попроситъ полушубокъ снять и кваску испить, пожелаетъ, чтобы опять накинули и застегнули полушубокъ и опять проситъ квасу. Возвращенный въ тюрьму окровавленнымъ и раздутымъ отъ ударовъ тысячи человѣкъ, онъ или пойдетъ на вылечку, чтобы выходить положенное, или добитый сразу (какъ Быковъ одинадцать разъ) въ тотъ же самый день (и, во всякомъ случаѣ, не дальше другого дня) умретъ въ острожномъ лазаретѣ отъ остраго воспаленія въ легкихъ. Нѣкоторые, увѣренные въ томъ, что любопытная толпа любитъ эффектъ и охотно ходитъ на различныя блестки, разсчитанно бросаютъ въ толпу блестки остроумія, тяжелаго краснаго слова. Выговорились этимъ Пугачевъ, Чуха, Разинъ. Не высказался Быковъ, а Чайкинъ совсѣмъ иззябъ, но саратовскій злодѣй Гусевъ, ограбившій соборъ, убившій сторожа, совершившій кощунство и святотатство, не удержался. Когда его поставили на эшафотъ, онъ самъ снялъ рубаху и надѣлъ па шею ремень. Когда всѣ сняли шапки и прочитана была сентенція суда, Гусевъ, при видѣ наклонной

знакомой скамейки кобылы съ одною большою дырою для головы и съ двумя маленькими для рукъ, закричалъ на весь народъ громкимъ голосомъ:

— Эхъ, кобылка, кобылка! Ѣзжалъ я на тебѣ, вывозила ты меня! ну-ка, вывози опять!

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ!—отвѣчалъ ему не тише его саратовскій палачъ:—нѣтъ, она тебя теперь не вывезетъ.

Положилъ онъ его на пологую скамейку, прикрутилъ голову на исподней сторонѣ машины къ рукамъ, просунутымъ въ дыры, укрѣпилъ ноги на кольцѣ внизу кобылы и снаружи ея (причемъ сильно выгнулась спина и невозможно стало ни шевельнуться, ни перевернуться), отошелъ на нѣсколько шаговъ и съ промежутками секундъ въ 6 началъ съ прискокомъ давать удары. Послѣ 15-ти обязательно перемѣнилъ кнутъ, сдѣлавшійся слишкомъ мягкимъ отъ крови. Счетъ былъ съ подлиннымъ вѣренъ, а удары такъ сильны, что обѣщаніе свое палачъ исполнилъ. Когда сняли Гусева съ кобылы, чтобы приложить ко лбу и щекамъ машинку съ желѣзными иглами, рисующими слово К. А. Т. (каторжный) и ударить по ней нѣсколько разъ ладонью руки, Гусева уже не было въ живыхъ. Не зачѣмъ было и порохомъ притирать заклейменныя части лица.

Отвернувъ глаза отъ ужаснаго зрѣлища (къ счастью человѣчества и славѣ Россіи давно уже не существующаго), народъ, расходясь по домамъ, станетъ разсказывать дѣтямъ и внукамъ обо всемъ, но по другому, а не то, что видѣлъ онъ и видѣли другіе. Рѣдкій изъ разбойниковъ не останется въ народной памяти и преданіяхъ не колдуномъ и чародѣемъ, спознавшимся съ нечистою силою и отъ нее надѣлавшимъ столько злодѣйствъ. Половину злодѣйскихъ подвиговъ разбойника народъ забудетъ и, разсказывая о памятныхъ, съумѣетъ умягчить ихъ жестокость, приписать мщенію, гдѣ кровь за кровь и жертва за жертву идутъ, цѣпляясь и не прерываясь. Повѣдаетъ народъ потомству, что казненный разбойникъ отличался красотою лица, окладистою черною бородою, живыми глазами, широкими плечами и такимъ высокимъ складнымъ ростомъ, что такъ всѣ и ахнули, увидя его на эшафотѣ, и всѣ пожалѣли объ немъ. Въ этомъ народная память не ошибается: таковъ былъ и Гусевъ, и Рузавинъ, и Васька Торинской (костромской), и Митька Быковъ (казанскій), скелетъ котораго въ музеѣ университета поражаетъ пропорціональностью костей, обѣщая красавца и въ анатомическомъ значеніи этого слова. Полагаютъ даже (не безъ серьезнаго основанія), что красивый и дородный молодецъ оттого и сталъ разбойникомъ, что забаловался на женскихъ ласкахъ и требованіяхъ отъ нихъ похвальбы и бахвальства. Забаловавшись, онъ запилъ, закутилъ, закружился въ вихрѣ удовольствій до того, что сталъ никуда не годенъ; началъ останавливать на себѣ и общее и бабье вниманіе и другими удалыми подвигами, не отличая за недосугомъ грабежа отъ разбоя. Разскажутъ про разбойника, что онъ такъ пѣлъ пѣсни, что сыръ-боръ прислушивался и птицы примолкали, и самъ умѣлъ складывать такія пѣсни, что рѣдкаго человѣка не прошибала слеза и у рѣдкаго не защемливало сердце. И въ этомъ много правды: начиная со Стеньки Разина въ XVII вѣкѣ, затѣмъ первообраза всѣхъ остряковъ изъ воровского рода—Ваньки Каина въ прошломъ и въ нынѣшнемъ того же Гусева, малороссійскаго разбойника Кармелюка и проч. Всѣ они были авторами пѣсенъ.

Перенося дѣянія съ одного на другого, народная память какъ одному, такъ и всѣмъ, припишетъ однородное: всѣ разбойники были милостивы къ несчастнымъ и угнетеннымъ и, разбойничая, только мстили обидчикамъ: богатыхъ грабили, казну грабили, купцовъ обижали, на чиновниковъ и господъ нападали, но бѣднымъ и нужнымъ людямъ давали милостыню щедрою рукою. И здѣсь народная память не противорѣчитъ дѣйствительности: отпуская въ дорогу невредимыми и цѣлыми, дѣйствительно не скупились на дачу бѣднымъ и обиженнымъ эти люди по тому обстоятельству, которое имѣетъ оправданіе въ характерѣ всѣхъ грабителей изъ бродягъ. Бродяги еще въ тюрьмахъ вырабатываютъ презрѣніе къ деньгамъ и привыкаютъ къ безразсчетнымъ тратамъ. Скопидомы въ бѣга не ходятъ, а ушедшіе тратятъ прахомъ нажитое съ расточительностью, составляющею одну изъ самыхъ главныхъ чертъ ихъ характера. Великодушіе также въ свойствахъ людей съ сильною волею; къ тому же, на виду и при случаѣ, можно имъ побахвалиться, похвастаться: ограбивъ помѣщика, высѣчь и отпустить; чиновниковъ перевязать спинами и прикрѣпить къ дереву; нападать исключительно на казенные транспорты и не трогать обозовъ купеческихъ, а крестьянскіе провожать своимъ конвоемъ въ цѣлости и сохранности, и проч. Все это ловко попадаетъ въ цѣль и въ началѣ поисковъ и гонокъ за разбойниками непомѣрно затрудняетъ искателей. Въ окольномъ народѣ встрѣчается нерѣшимость, отсутствіе всякой энергіи: у кого отъ страха, у кого отъ тайныхъ причинъ. Большая часть другихъ безтолковою хлопотливостью, не скрывающею равнодушія къ успѣху, раздражаютъ искателей и поимщиковъ такъ, что они обыкновенно рѣшаются просить помощи у военной силы, на окольную перестаютъ надѣяться. Ловятъ милосердныхъ разбойниковъ всего чаще солдатами. Хвастливость и желаніе красоваться и въ тюрьмѣ ихъ не покидаетъ, съ одной стороны, чтобы съ особеннымъ тщаніемъ на время казни приготовить для толпы хвастливыя изрѣченія и острыя слова, а съ другой — чтобы

не памятовали объ нихъ иначе, какъ объ удалыхъ добрыхъ молодцахъ, и—достигаютъ цѣли. Подъ призрачнымъ идеаломъ народъ уже не видитъ въ разбойникѣ потеряннаго жестокаго человѣка, у котораго все на выворотъ, который запачкался во всевозможныхъ порокахъ и нравственно развращенъ до самаго корня. Чайкинъ разрываетъ людей на двѣ части, привязавъ къ двумъ наклоненнымъ вершинамъ гибкаго дерева за ноги, а Быковъ стоитъ вдали и любуется и на слѣдствіи клянется и божится, что онъ неповиненъ, ибо своими руками не дѣйствовалъ, а только придумывалъ и заказывалъ своему эсаулу. Чайкинъ рѣжетъ бѣдную попавшуюся на дорогѣ беременную женщину, а Быковъ подходитъ и смотритъ, оправдывая потомъ преступленіе и приказъ свой тѣмъ, что хотѣлъ полюбопытствовать, какъ лежитъ въ утробѣ матери еще не родившійся ребенокъ; затѣмъ и приказалъ убить ее.

Всматриваясь затѣмъ въ уголовныя хроники, мы встрѣчаемъ еще немногія дополнительныя черты, въ которыхъ если мало общихъ, то много характерныхъ. Большею нетерпимостью отличаются разбои, производимые бѣглыми съ каторги (въ шайкѣ Быкова такихъ было 9, въ томъ числѣ самъ атаманъ и эсаулъ были изъ таковыхъ же, бѣжавшихъ съ иркутскаго солеваренного завода). Большую ловкость и изворотливость обнаруживали бѣглые кантонисты и большую жестокость — бѣглые солдаты. Какою-то дикою силою, неразсчетливостью и непредусмотрительностью отличаются тѣ грабежи и разбои, которые производятся татарами, и неумолимъ и жестокъ тотъ разбойникъ, который вырождается въ кочевыхъ племенахъ и въ башкирахъ. Затѣмъ племенныя особенности выступаютъ на видъ и берутъ свои права во всѣхъ случаяхъ: замѣшался татаринъ въ шайкѣ Быкова—послѣ разбоя, при дуванѣ, онъ выговариваетъ себѣ лошадь, сбрую, телѣгу. Телѣгу сжигаетъ, колесный накатъ катитъ домой. Вмѣшался въ дѣло цыганъ — при грабежахъ указываетъ на конюшни, самъ уводитъ, подъ защитою товарищей, лошадей мастерски и осторожно и еще съ большимъ искуствомъ загоняетъ ихъ въ скрытыя мѣста, гдѣ вытравляетъ клейма, перекрашиваетъ масти, выгодно перепродаетъ. При дѣлежѣ дувана ограбленныхъ и убитыхъ красильщиковъ онъ не беретъ деньги натурою, беретъ выпивкою, но, отказавшись отъ злата, съ охотою бросается и выговариваетъ себѣ кубовую краску и опять тѣхъ же лошадей.

И нѣтъ худа безъ добра: разбои, какъ и всякое другое преступленіе, наводящее ужасъ, выходящее изъ ряду обыкновенныхъ, грозное многочисленностью участниковъ, пробуждаютъ общество изъ временной апатіи, будятъ въ немъ остывшую осторожность и въ дѣятеляхъ административныхъ возбуждаютъ энергію и усердіе. Энергія сказывается въ усиленіи надзора и вниманія, дѣятельность, черезъ это удвоенная, наталкивается на множество скрытыхъ преступленій. Застигнутыя въ расплохъ и выведенныя наружу, преступленія эти освѣщаютъ для судей много такихъ дѣлъ, которыя, за неясностью уликъ и видимыхъ доказательствъ, преданы были суду и волѣ Божіей. Дѣло о Быковѣ открыло въ Казани цѣлую толпу въ 27 человѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, изъ которыхъ одни оказались преступниками, бѣжавшими изъ Сибири съ каторжныхъ работъ, другіе бродягами, „отлучившимися отъ своихъ жительствъ безъ дозволенія ихъ начальствъ и мотающимися по городу безъ опредѣленной цѣли“. Побѣги разбойниковъ изъ тюремъ наводятъ мысль на тщательный осмотръ острожныхъ помѣщеній. Осмотръ наталкиваетъ на существованіе въ тюрьмахъ дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій и монеты. Продолжительные и усиленные поиски, внезапные повальные обыски разбойничьихъ притоновъ обнаруживаютъ мастерскія дѣлателей тѣхъ же фальшивыхъ денегъ, канцеляріи для фальшивыхъ паспортовъ, притонщиковъ и мѣста складовъ краденныхъ вещей. Искатели попадаютъ на слѣды конокрадства и на тѣ пути и дороги, по которымъ проводятся краденныя лошади и проч.

Возвращаясь къ сибирскимъ цифрамъ преступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за разбой, мы видимъ, что количество женщинъ, осужденныхъ за это преступленіе, несравненно меньше количества мужчинъ, и участье ихъ въ разбояхъ даже несравненно слабѣе, чѣмъ въ грабежахъ. Разбойницы остались только въ пѣсенной памяти и такія дѣла имъ совсѣмъ не по природѣ и не по характеру (на 341 муж., ушедшихъ за разбой въ девять лѣтъ, 17 разбойницъ, съ исключительнымъ перевѣсомъ на губ. Виленскую (6 чел.), и съ преобладаніемъ мужчинъ въ той же губерніи и въ Бессарабіи, Грузіи, губ. Ярославской, Симбирской, Кіевской, Воронежской, Подольской, Каспійской области— словомъ, чаще на рубежахъ, чѣмъ внутри государства; предпочтительнѣе въ мусульманской средѣ (въ Кавказскихъ и Казанской губ.); въ Приволжьѣ больше, чѣмъ по системамъ другихъ рѣкъ, у заводскихъ крестьянъ чаще, чѣмъ у помѣщичьихъ и государственныхъ. Между солдатками сильнѣе пособничество въ видѣ содержанія притоновъ, чѣмъ между всѣми другими женщинами изъ прочихъ сословій.

На мѣстахъ ссылки и на каторгѣ за разбой приводится судить рѣдко (въ нерчинскихъ заводахъ въ 10 лѣтъ ни одного случая изъ 1.136 человѣкъ, сосланныхъ за грабежи и разбои). Въ Тобольской губ. въ 9 лѣтъ предыдущихъ (съ 38-го по 46) шесть, изъ поселенцевъ ни одного; за то за грабежъ каторжныхъ въ это же время 13, поселенцевъ 23 (20 м., 3 ж.);

взломали тюрьмы 7 каторж., 32 посел. Бѣжало изъ Сибири и возвращено 8.246 муж. (каторжныхъ и поселенцевъ) и 235 жен. Вотъ тотъ источникъ, изъ котораго предоставляется Россіи право почерпать для себя всѣ невзгоды, происходящія отъ воровства, грабежей, разбоевъ и поджоговъ. Бродягъ поймано въ 9 лѣтъ на разбояхъ 10 муж., 1 жен. Дома эти люди не такъ скоро рѣшаются на обиду, но разбойникъ выходитъ на злодѣйства, вдохновляемый на большую часть одинаковыми съ Россіею причинами. Скопленіе опасныхъ и голодныхъ людей въ одной мѣстности, затрудняющейся ослаблять вражью силу прокормомъ и пріютомъ, порождаетъ грабежи и разбои, теперь временно, періодически. Объ этомъ разсказано подробно въ своемъ мѣстѣ. Въ Сибири опасныхъ разбойниковъ и злодѣевъ сажали на цѣпь, а для этого, кромѣ всѣхъ каторжныхъ, существовала особенная тюрьма въ Акатуѣ — одномъ изъ нерчинскихъ рудниковъ.

Переходимъ къ поджогамъ, какъ къ такому преступленію, которое часто имѣетъ отношеніе и къ смутнымъ временамъ извѣстныхъ мѣстностей, накопившихъ сибирскихъ бѣглыхъ, и нѣкоторыми корнями своими укрѣплено въ той же почвѣ бродяжества и изъ нее выростаетъ.

ГЛАВА VII.

ПОДЖИГАТЕЛИ.

Причины поджоговъ.—Проявленіе ихъ.—Пожары городовъ и деревень.—Гдѣ нѣтъ поджоговъ?—Поджоги—дѣтское и женское преступленіе.—Поджоги въ Россіи.—Красный пѣтухъ.—Мщеніе.

Поджоги или (какъ привыкли выражаться казенныя бумаги и лица, а за ними и сибирскія табели) зажигательство — одно изъ тѣхъ преступленій, причина которыхъ всего меньше опредѣлена. Ни при одномъ изъ всѣхъ другихъ не выразились до такой степени несостоятельность слѣдствій и безсиліе слѣдователей недавнихъ временъ, спутанныхъ и затрудненныхъ тѣмъ особеннымъ явленіемъ, что поджоги являются періодически и въ нѣкоторые годы разомъ, массою случаевъ, приносятъ несчастье цѣлымъ мѣстностямъ, чаще всего въ одинъ и тотъ же годъ, и при этомъ значительно одна отъ другой удаленнымъ. Подозрѣвая въ такомъ явленіи обыкновенно результаты сильно возбужденнаго неудовольствія партій и политическихъ движеній, руководящихся поджогами, какъ средствомъ для возбужденія народа,—слѣдователи, въ своихъ исканіяхъ, наталкивались на цѣлый рядъ неодолимыхъ препятствій. Запутавшись въ нихъ, они обыкновенно никуда не выходили и, послѣ тщетныхъ исканій, являлись съ тѣмъ же, съ тѣмъ и ушли. Подозрѣніе какъ будто стало яснѣе; схвачены и виновные, но, на большую часть это—дѣти, которые опредѣленнаго ничего не говорятъ (и сказать не могутъ): дали имъ деньги, поджигательные снаряды и указали, гдѣ начинать. Кто эти заказчики, они не знаютъ, въ первый разъ видятъ. Эти дѣти въ большихъ городахъ, по большей части, кинутыя родителями, вкусившія плодовъ бродяжьей жизни или отбившіеся отъ мастеровъ-хозяевъ ученики, начавшіе изучать пріемы и правила увлекательнаго ремесла бродягъ. Въ деревняхъ—это нищіе, проводники слѣпыхъ старцевъ, тоже подкупленные и тоже никого не знающіе. Поджигали они потому только, что ихъ юное, неопытное сердце не привыкло правильно различать добро отъ зла; пошли на преступленіе поджога, не давая себѣ въ томъ отчета; пошли потому, что ихъ приласкали, соблазнили, дали денегъ и пообѣщали всего, чего они захотятъ и чего ни попросятъ. Иногда ихъ ловятъ сбитыми въ шайкахъ (въ которыхъ безразлично попадаются и мальчики и дѣвочки), но при этомъ показанія ихъ еще запутаннѣе. Каждый противорѣчитъ одинъ другому и такъ, что представляется обширное поле для предположеній о томъ, на сколько подстрекатели и руководители тонко обдумывали каждый свой шагъ и ловко припрятали всѣ концы, по которымъ можно было бы доходить до нихъ. До нихъ и не дошли, ни во время ближайшее къ намъ, ни во время отдаленное (какъ, напримѣръ, въ 1848 году), когда сгорѣли цѣлые города (какъ Кострома, Орелъ и проч.). Сгорѣли они столько же и отъ несомнѣнныхъ и настойчивыхъ поджоговъ, столько же и потому, что всѣ, по стариннымъ пріемамъ, стоятъ на горахъ, надъ водою, но далеко отъ воды (какъ, напр., всѣ, а Симбирскъ въ особенности). Не найдя виновниковъ по задачѣ —не ходили искать внѣ ея и въ скопленіяхъ опасныхъ людей, прибѣжавшихъ изъ Сибири, причинъ поджоговъ по вызову мщенія за преслѣдованія не искали. Народъ, знакомый съ такими дѣлами по опыту, заказалъ себѣ одно правило гостепріимства и укрываніемъ бродягъ и потворствомъ опаснымъ людямъ предотвра-

цаетъ на время бѣды поджоговъ. Въ городахъ для этого меньше средствъ и охотниковъ и больше готоваго люда для исполненія, а потому здѣсь жгутъ тѣ шайки воровъ, которыя надѣются на суматоху пожаровъ, какъ на выгодное средство къ легкой, но богатой поживѣ. Въ деревняхъ причины поджоговъ выясняются больше и самое преступленіе возростаетъ на то время, когда ко многимъ народнымъ бѣдствіямъ присоединяются частые и многочисленные грабежи и когда чинятся разбои.

Поджигаютъ деревни всего чаще женщины. Поджоги являются такимъ преступленіемъ, которымъ какъ будто гнушается мужское населеніе, и не будь тутъ мальчиковъ (значительно восполняющихъ количество сосланныхъ за поджоги мужчинъ), этотъ видъ преступленій можно было бы назвать исключительно женскимъ. По сибирскимъ табелямъ ссыльныхъ такъ и выходитъ, что въ общихъ цифрахъ самая крупная принадлежитъ женщинамъ, осужденнымъ за поджоги; нигдѣ уже цифра женщинъ такъ не приближается, къ цифрѣ мужчинъ (за девять лѣтъ 528 мужчинъ и 434 женщины). По процентному отношенію женщины также характеризируются въ ряду поджигателей со всею очевидностью правъ на подозрѣніе въ сильнѣйшей наклонности вымещать житейскія неудачи охотливѣе этимъ, чѣмъ, напримѣръ, даже убійствомъ мужей. При этомъ наибольшая пропорція принадлежитъ раннему возрасту (отъ 14 до 20 лѣтъ), когда преступная воля охотливѣе пускается на мщеніе путями болѣе легкими, какъ, напримѣръ, на этотъ разъ подбросить огонь и высмотрѣть къ тому болѣе удобное время и болѣе скрытое мѣсто. Даже и въ зрѣломъ возрастѣ простая русская женщина, увлекаемая порывами непосредственныхъ чувствъ и руководимая грубыми природными инстинктами, старается поджогомъ излить накипѣвшую на сердцѣ злобу, высказать мщеніе за невѣрность любовника, за жестокое обращеніе мужа. Поджигаетъ она домъ соперницы, поджигаетъ домъ мужа, невѣста у жениха, измѣнившаго слову, обманутая сговорена у счастливой суженой и проч. Сибирскія табели высокимъ процентомъ поджигательницъ изъ дворовыхъ людей указываютъ на иную причину, переставшую въ настоящее время дѣйствовать, но прежде выдвигавшую это сословіе на первый планъ впереди крестьянъ, однодворцевъ и солдатъ (или собственно солдатокъ).

По отношенію къ различнымъ мѣстностямъ Россіи число поджигательницъ преобладаетъ въ губерніяхъ, гдѣ и по отношенію къ поджигателямъ цифра эта велика. Таковы прежде всѣхъ двѣ: одна малороссійская—Полтавская, другая полумалорусская—Черниговская. За ними непосредственно слѣдуютъ: Симбирская, ярко заявившая себя богатою по поджогамъ и въ послѣднее время (въ девять лѣтъ съ 183 по 1847 г. изъ Симбирской сослано 28 муж чинъ, 18 женщинъ; изъ Черниговской 24 муж чины, 14 женщинъ; изъ Полтавской 11 муж чинъ, 21 женщина). Изъ остальныхъ губерні чаще другихъ случались поджоги въ такихъ которыя по преимуществу и гуще другихъ на селены были крѣпостными людьми и могли бы названы помѣщичьими. Не было поджоговъ в всѣ наши девять лѣтъ ни въ одной изъ гу берній сѣверныхъ (каковы: Архангельская, Оло нецкая и Вологодская) и, вообще, во всѣхъ тѣхъ гдѣ избытокъ народонаселенія принадлежал или казеннымъ крестьянамъ, или казакамъ, и инородцамъ. Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ ока залось наибольшее количество бродягъ, зна чительная степень участья въ воровствахъ вся каго рода, грабежахъ и даже убійствахъ—сама слабая степень виновности въ поджогахъ: госте пріимство тамъ еще въ той степени радушна настроенія, при которой нѣтъ мѣста для злоб и мщенія, и отношеніе женскаго пола къ муж скому, слабое по количеству, находится в благопріятныхъ (мирныхъ и уступчивыхъ) гра ницахъ. Рѣзче выясняется преобладаніе подж гательницъ въ Остзейскомъ краѣ, а въ пр ступномъ населеніи Закамья (губерніяхъ Орен бургской и Пермской) процентъ поджигател самый низкій.

Въ Сибири хотя и существуетъ обыча у бродягъ истить отказавшимъ въ пріют краснымъ пѣтухомъ или поджогомъ, но случа эти настолько не выдаются, по сравненію с таковыми въ Россіи, что, напримѣръ, въ не чинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 184 по 1857 г.) на 174 человѣка, присланныхъ за поджоги, не было ни одного такого, который ока зался бы больнымъ пироманіею или выслалъ бы вновь за такое тяжелое для сельскаго населен злодѣяніе. Стало быть, страхъ поджоговъ тепер только тотъ призракъ, высматривающій из мрака далекихъ временъ, который для бродяг становится духомъ-защитникомъ, а для тузем цевъ покровителемъ, оправдывающимъ отвѣ ственность передъ судомъ за укрывательст бѣглыхъ съ каторги и мѣстъ поселенія. Въ де сять лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.) не бы замѣчено ни одного поджигателя ни межд арестантами, выпущенными въ Сибирь из Россіи, ни между каторжными, ни въ сред поселенцевъ. Поджоги въ Сибири такая ж временная болѣзнь, какъ разбой и грабеж шайками, и въ такомъ случаѣ немедленное непремѣнное послѣдствіе этихъ двухъ родов злодѣянія. Между тѣмъ, и ссыльныя женщин бѣгутъ въ лѣса и на волю, не справляясь с силою, испрашивая только согласія и позво ленія у мужчинъ каторжныхъ; бѣгутъ немно (по три на годъ), но, опять-таки на ново своей родинѣ поджогами заниматься не любят

Въ новомъ крѣпостномъ положеніи ихъ все согласно направляетъ къ дѣятельности противоположныхъ свойствъ. Рѣдкой изъ нихъ не удается сдѣлаться матерью еще на дорогѣ; ни одной не привелось еще, за недостаткомъ женщинъ, остаться въ безбрачіи. За мужемъ и надъ дѣтьми для каторжной женщины прекращаются всѣ пути къ крупнымъ преступленіямъ и остаются торныя дороги только для воровства и прелюбодѣянія.

ГЛАВА VIII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ ВѢРЫ.

Святотатцы.—Преступность духовенства.—Гробокопатели.—Колдуны.—Богохуленіе.—Отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры.—Ересь и расколъ.—Скопцы.—Церковные воры въ Сибири и Россіи.—Богрядскій-гробокопатель.—Распявшійся на крестѣ фанатикъ.—Скопцы въ Сибири.—Хлысты.—Хлыстовщина въ монастырѣ.—Субботники.—Духоборцы. — Щельники. — Охохонцы.—Молокане.—Старовѣры.—Масляниковъ.—Отшельникъ.—Алтайскіе старовѣры.—Семейскіе старовѣры за Байкаломъ.—Битвы за попа.—Часовенная Сибирь.—Духовенство въ Сибири.—Заводское духовенство.—Филипповъ.—Расколъ въ Сибири.—Причины его и развитіе.

Сибирь, какъ громадная тюрьма, вмѣщающая все наличное количество пойманныхъ и осужденныхъ преступниковъ, могла бы, повидимому, давать данныя для повѣрки нравственнаго уровня Россіи, но на самомъ дѣлѣ этого не только нѣтъ, но и предположить какую либо возможность подобной повѣрки не представляется въ настоящее время никакихъ данныхъ. Въ Сибири записываютъ наличное число приходящихъ преступниковъ по такой же системѣ, по какой ведутъ счеты принятому товару въ пакгаузахъ, ограничиваясь отмѣткою времени пріема, количества мѣстъ, и заботливо заносятъ въ книгу только нумера тюковъ. О содержаніи принятаго и о другихъ любопытныхъ подробностяхъ не заботятся. Составлялъ образцы для книгъ старый подьячій, посѣдѣвшій на рутинныхъ пріемахъ и высидѣвшій примѣтное равнодушіе и нескрываемую ненависть ко всему живому. Ко всему тому, что возбуждаетъ интересъ науки и служитъ ея достояніемъ, у этого писца полнѣйшее неуваженіе и преднамѣренное недовѣріе. Временами онъ уступалъ настойчивымъ требованіямъ и начиналъ записывать потолковѣе, но вскорѣ затѣмъ опять сводилъ на свое и снова писалъ зря, придерживаясь пріемовъ старой рутины и образцовъ, завѣщанныхъ его сѣдыми и отписывавшими свой вѣкъ предмѣстниками.

На этотъ разъ, такъ же какъ и въ тысячахъ другихъ случаевъ, въ столкновеніи интересовъ науки съ казенною практикою замѣчается обоюдный разладъ и огромное отчужденіе. Старый подьячій, разумѣется, не догадался самъ и не былъ возбужденъ другими къ тому, чтобы остановиться и подумать, насколько примѣнимы къ дѣлу и пригодны для практическихъ и поучительныхъ выводовъ его длинныя и скучныя записи. Отсюда произошло то, что прежде онъ писалъ даже какъ будто толковѣе и, напримѣръ, въ убійствахъ умѣлъ отдѣлять отцеубійства, дѣтоубійства, убійства мужей женами, женъ мужьями,—затѣмъ все это сбилъ въ одну кучу подъ фирмою умышленнаго убійства и успокоился, придумавъ отдѣлъ убійства случайнаго. Точно также писалъ онъ, для ускоренія акта писанія и для пущей темноты разумѣнія, всѣхъ преступниковъ противъ вѣры въ одну графу. Прежде отдѣлялъ онъ всѣ роды этого преступленія и зналъ число отступниковъ отъ господствующей вѣры и число отвлекавшихъ отъ нее, зналъ и различалъ святотатцевъ, колдуновъ и принявшихъ ложную присягу; отдѣлялъ богохуленіе и порицаніе вѣры и велъ отдѣльный счетъ разрывшимъ могилы. Перемудрило ли тутъ новое начальство, какъ не домудрило старое, оба, повидимому, руководившіяся высшими взглядами,—и теперь, за давностью, опредѣлять трудно и излишне. Результаты невыгодны тѣмъ, что къ такимъ уголовнымъ хроникамъ и статистическимъ выводамъ, къ какимъ пришли европейскіе криминалисты, у насъ легко и скоро не подойдешь. Ученыя общества съ одной стороны, а съ другой, казенныя учрежденія—это два незнакомца, случайно встрѣчающіеся на улицахъ и безучастно проходящіе мимо другъ друга, каждый своею дорогою. Въ Тобольскѣ, гдѣ принимали ссыльныхъ и записывали ихъ преступленія, не могли указать, напримѣръ, на то, какія наичаще употребляются орудія для убійствъ, какое время предпочитали для кражъ, какіе способы мошенничества приняли господствующую форму, чтобы при случаѣ можно было обществу встать въ оборонительное и охранное положеніе. Не объяснятъ и въ Тюмени, что грабежи совершаются товариществами въ извѣстныхъ мѣстностяхъ наичаще всего, что разбои находятъ мѣсто и пищу себѣ при такихъ-то общественныхъ и экономическихъ условіяхъ и проч. Не говоримъ уже о мелкихъ, повидимому, частно-

стахъ, однако, серьезныхъ настолько, что, напримѣръ, Кетлэ съумѣлъ изъ нихъ выработать вѣскіе и поучительные выводы, о которыхъ мы имѣли неоднократные случаи говорить.

Впрочемъ, Сибирь не въ состояніи представить мѣрку для нравственной оцѣнки Россіи и потому еще, что существующій тамъ приказъ о ссыльныхъ ведетъ счетъ только тѣмъ преступникамъ, которые приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь. Многіе оставляются въ Россіи по особеннымъ соображеніямъ судовъ и администраціи. Останавливаясь на преступникахъ противъ вѣры, мы должны помнить, что для таковыхъ имѣются мѣста заточеній и въ Россіи, каковы монастыри, между которыми тюрьмы при Спасо-Евфиміевомъ въ Суздалѣ и Соловецкомъ монастыряхъ занимали главное мѣсто. Извѣстную хлыстовскую богородицу Ульяну Васильеву, послѣднюю отрасль знаменитаго Данилы Филиппова, перваго хлыстовскаго бога *), лица полумиеическаго, смирили монастыремъ (дѣвичьимъ) Пермской губерніи; извѣстнаго пропагандиста старообрядцевъ Папулина — Соловецкимъ заточеніемъ и т. д.

Въ разсчетѣ на то, чтобы, до нѣкоторой степени, объяснить степень вліянія каторги и ссылки на нравственныя и религіозныя убѣжденія сосланныхъ въ Сибирь, мы останавливаемся на извѣстной намъ таблицѣ тобольскаго приказа, имѣющей важное значеніе потому, что она, во первыхъ, считаетъ сосланныхъ въ Сибирь, а во вторыхъ, считаетъ ихъ вѣрно, нѣсколько разъ пересчитываетъ и провѣряетъ. По этой таблицѣ, наказанные ссылкою грѣшники опредѣлились въ слѣдующихъ числовыхъ отношеніяхъ.

Самая крупная цифра принадлежитъ святотатцамъ, вторая—сосланнымъ за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры и третья—ссыльнымъ за богохуленіе и порицаніе вѣры.

Святотатцы въ большомъ числѣ завинялись въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ православіе, обезличенное уніею, но не побѣжденное католичествомъ, должно было вести борьбу съ тою массою религіозныхъ предразсудковъ и суевѣрій, которые достались тамошнему русскому народу въ наслѣдіе отъ предковъ. Здѣсь, въ этой странѣ, во время давней борьбы о преимуществѣ господствующихъ исповѣданій, въ которой народъ высказался (по сравненію съ малороссійскимъ) полнымъ равнодушіемъ, суевѣрія уберeглись въ такой массѣ, въ какой они уже не являются нигдѣ въ русскомъ народѣ, населяющемъ громадную равнину Русскаго царства. У русскихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ остатки народныхъ вѣрованій настолько крупны и серьезны, что несомнѣнно обличаютъ древнее происхожденіе отъ языческаго славянскаго культа, и до того многочисленны, что представляютъ вѣроятіе возстановить эту древнюю славянскую языческую вѣру въ цѣльномъ видѣ. Когда въ Великой Россіи тому же наслѣдію предстояло великое испытаніе въ пропагандѣ монастырей и обезсилилось, сверхъ того, оно отъ примѣчательной подвижности племени, дававшей возможность обмѣна вмѣстѣ съ продуктами и мыслей,—въ Бѣлой Россіи изолированное положеніе народа и его неподвижность на то же наслѣдіе произвели противоположное вліяніе. Бѣлорусскій народъ лучше сохранился въ прародительскомъ видѣ и бережно донесъ до нашего времени стародавній до-христіанскій законъ предковъ. Великорусскій народъ умѣлъ отъ общенія съ инородцами смѣшать наслѣдство съ новыми пріобрѣтеніями и обезличить то, что у бѣлоруссовъ является почти въ безпримѣсномъ и цѣльномъ видѣ. Великоруссъ успѣлъ за вѣру и въ лѣса разбѣжаться, и въ ту же Бѣлоруссію кинуться, и Сибирью, и Новорусскимъ краемъ, и Предкавказьемъ и Закавказьемъ былъ наказанъ. Умѣлъ онъ броситься по дѣламъ вѣры и въ крайность мистицизма (духоборцы), и въ крайность особаго и болѣе строгаго вида язычества (хлысты и скопцы). Попытался смѣнить вѣру отцовъ на обрядовую ветхозавѣтную (суботники) и на безобрядную вѣру послѣднихъ трехъ вѣковъ (молокане). Бѣлоруссъ оставался неподвиженъ. Внѣ его произошла борьба православнаго и римско-католическаго исповѣданій, коснувшись его только въ той мѣрѣ, что, не обезличивъ и мало обезсиливъ старую славянщину, являетъ передъ нами законный и правильный результатъ безразличія и холодности. За отступленіе отъ вѣры и совращеніе, за ересь и расколъ — нѣтъ ни одного ссыльнаго; за святотатство—самое большое число. За это преступленіе шли именно изъ тѣхъ губерній, гдѣ больше всего, въ послѣднее время, велась католическая пропаганда, успѣвшая охладить въ глазахъ нетвердаго въ христіанскихъ догматахъ народа все то, что дорого истинно вѣрующему вообще на Руси, отъ храмовъ и церковнаго имущества до могилъ умершихъ и ихъ погребальныхъ савановъ. Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за святотатство сослано было изъ западныхъ губерній 124 муж., 24 жен., т.-е. почти $1/3$ часть количества всѣхъ сосланныхъ изо всей Россіи по отношенію къ мужчинамъ (124 на 389 челов.) и почти $1/2$ по отношенію къ женщинамъ (24 на 53). При этомъ Виленская губернія дала 29 м., 12 ж., Минская 24 м., 6 ж., Витебская 22 м., 4 ж., Подольская 26 м., съ тѣмъ, можетъ быть, „ослабляющимъ вину обстоятельствомъ", что на этотъ разъ святотатство обезличивается до извѣстной степени въ простое воровство и тѣмъ болѣе въ этой странѣ, гдѣ безчисленныя ли-

*) Существованіе его, помимо хлыстовскихъ преданій, не доказано никакими историческими документами.

шенія и повсюдная бѣдность разлиты въ примѣчательномъ обиліи среди загнаннаго и угнетеннаго народа. Неурожаи—ежегодное явленіе въ той или другой мѣстности лѣсного и мокраго края. Урожаи, кромѣ немногихъ счастливыхъ оазисовъ, даютъ такое количество сбора, который всегда недостаточенъ для прокормленія мѣстнаго населенія, съ давнихъ временъ знакомаго со множествомъ хлѣбныхъ суррогатовъ *).

Странный родъ преступленія, каково разрытіе могилъ, явившееся въ немногихъ случаяхъ съ объясненіемъ („ограбленіемъ мертвыхъ тѣлъ"), увело жертвъ народнаго суевѣрія, жертвъ ничтожныхъ по общей численности (12 человѣкъ въ 9 лѣтъ), также въ большинствѣ изъ западныхъ губерній (по 3 человѣка изъ Гродненской и Кіевской, 2 изъ Витебской и 1 изъ Волынской). Цифры эти, указывая, такимъ образомъ, на существованіе особаго промысла воровъ, имѣющаго въ понятіи великорусскаго народа значеніе святотатства, въ то же время свидѣтельствуютъ и о крайней его исключительности, а по отношенію къ Сѣверо-Западному краю принимаетъ онъ особый характеръ, чѣмъ въ Великой Россіи, неизмѣнный до нашихъ дней.

Уголовныя характеристики съумѣли указать на основной принципъ, руководящій этимъ преступленіемъ, и отдѣлили изъ общаго числа преступниковъ тѣхъ, которыхъ побудила корысть и стяжаніе одежды и украшеній, полагаемыхъ во гробъ по прадѣдовскимъ обычаямъ, отъ тѣхъ, которыхъ увлекало къ преступленію странное и печальное суевѣріе. Тогда въ понятіяхъ опредѣлялись оба вида. Въ Россіи тогда выяснялся на этомъ преступномъ промыслѣ солдатъ-дезертиръ, испортившійся въ казармѣ и оголодавшій въ бѣгахъ, дѣйствовавшій преступно въ тѣхъ губерніяхъ (каковы, по нашимъ даннымъ, Казанская, Пермская и Пензенская), гдѣ инородцы, а особенно татары, любили снабжать трупы и гробы умершихъ самыми дорогими одеждами и украшеніями. Такъ точно, и тогда же, приметъ это преступленіе другой видъ по отношенію къ губерніямъ сѣверо-западнымъ, гдѣ поводомъ къ преступному дѣйствію служитъ суевѣріе, основанное либо на мистической необходимости, выкопавъ трупъ, отнять голову, чтобы обнести ее кругомъ селенія для прекращенія скотскаго падежа на тотъ случай, если не рѣшится какая нибудь женщина голою объѣхать верхомъ на лошади вокругъ деревни. Либо суевѣріе основывается на приготовленіи свѣчи-невидимки, которая дѣлаетъ лицо, приготовившее свѣчу, невидимымъ для тѣхъ, кого оно вздумаетъ обворовать, и которую необходимо приготовлять именно изъ жиру умершаго колдуна, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ сложныхъ, но исполнимыхъ, мистическихъ приготовленій и обрядовъ.

Взаимное недоразумѣніе, обоюдный обманъ (суевѣрнаго грѣшника) съумѣли выгородить этихъ преступниковъ, ожидающихъ лекарства отъ церкви и, на худшій конецъ, отъ больницы психіатра, чтобы сослать въ Сибирь вмѣстѣ съ ними и такихъ людей, на судьбѣ которыхъ снова встрѣтились обманъ и вѣра въ черта и всякую нечистую силу. Въ сибирскихъ табеляхъ явились колдуны.

Колдовство признано за преступленіе, обрекающее на изгнаніе и предполагающее въ ссылкѣ исцѣленіе. Въ этомъ случаѣ что нибудь изъ двухъ: или мы настолько просвѣтились, что стали различать врача-шарлатана отъ настоящаго мастера своего дѣла, или вѣримъ черту, съ которымъ спознался чародѣй-колдунъ. Конечно, такъ называемый колдунъ не имѣетъ возможности украшать свою пріемную предметами вовсе ненужными, но возбуждающими уваженіе и довѣріе въ паціентѣ. Тѣмъ не менѣе, не можемъ отрицать, что въ большинствѣ этого рода шарлатановъ живетъ глубокая вѣра въ собственную силу, исходящую изъ личнаго убѣжденія и укрѣпляемую постояннымъ довѣріемъ массы. Едва ли подобный человѣкъ больше шарлатанъ и обманщикъ, чѣмъ тѣ, которые изрѣдка налетаютъ къ намъ изъ Европы; едва ли онъ не настолько же убѣжденъ въ себѣ, какъ и всѣ остальные убѣжденные и убѣждаемые въ своемъ врачебномъ знаніи. На самомъ дѣлѣ, колдунъ—представитель той медицины, которая извѣстна была древнимъ и перешла къ русскимъ отъ шамановъ, называвшихся въ старину „волхвами" и „кудесниками". „Колдунъ"—лекарь, у котораго большая часть лекарствъ дѣйствуютъ какъ симпатическія средства и ни одно изъ нихъ не крушитъ болѣзни безъ таинственной обстановки и многосложныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Понятно, что попалъ онъ въ Сибирь потому, что плелъ на себя въ судѣ напраслину, которую самъ не считалъ таковою, и не жалѣлъ себя, щадя прежнюю славу и будущую славу послѣдователей и товарищей. Попался онъ потому, что не былъ такъ ловокъ, какъ другіе, и подвернулся подъ ударъ судьбы на время случайныхъ народныхъ бѣдствій, когда народъ его околотка, озлобленный несчастьями неурожаевъ и повальныхъ болѣзней и растеряв-

*) Сибирскія табели и въ послѣдующіе годы продолжаютъ увеличивать число святотатцевъ на сторону тѣхъ же губерній. Возьмемъ на выдержку: въ 1854 году сослано 10 изъ Гродн., 9 Минск., 6 Бесс. обл., 5 Кіевск.; въ 1855—8 Вит., 10 Минск.; то же самое открывается и по сравненіи цифръ за 20 лѣтъ (съ 1827—46 гг.), которое приводитъ къ тому главному выводу, что по всей Россіи нигдѣ святотатство не развито такъ сильно, какъ въ губ. Минской (58 м., 8 ж.) и Витебской (42+7), Московск. дала 53+2, Владим. 41+7, Кіевск. 46+4, Костр. 28+2, Новгор. 29+2. За то, какъ во всѣхъ этихъ губерніяхъ западнаго края, такъ равно и малороссійскихъ, процентъ сосланныхъ за чисто-религіозныя преступленія замѣчательно слабъ, даже ничтоженъ.

шійся отъ нихъ, вышелъ изъ себя, измѣнилъ себѣ до того, что предалъ нужнаго человѣка въ руки казенныхъ судей и на судъ уголовныхъ законовъ. Впрочемъ, такихъ случаевъ было немного и колдуновъ все-таки уберегаетъ народъ про себя.

По приговорамъ прежнихъ судей, въ числѣ другихъ преступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за преступленія противъ вѣры, меньшее количество палокъ выпало за богохульство и порицаніе вѣры (въ 9 лѣтъ 21 челов.), нѣсколько больше (31) за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры, и всего больше (59) сослано за ересь и расколъ. По первому роду самое большее число шло изъ губерніи Пермской. По второму виду религіозныхъ преступленій (отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры) цифра представляется большою на сторонѣ мужчинъ и ничтожною на сторонѣ женщинъ (хотя, на самомъ дѣлѣ, бываетъ наоборотъ), а въ общемъ цифра явилась одною изъ самыхъ малыхъ по сравненію съ иными по всѣмъ другимъ родамъ. Повсюдные факты говорятъ противное и сибирскую цифру можно объяснить тѣмъ, что изъ отступниковъ шли сюда только тѣ, которые жили въ мѣстностяхъ, издавна пользующихся какъ бы привиллегіею, по дѣламъ вѣры, на ссылку въ Сибирь. Оттого крупнѣе цифра явилась на губерніяхъ Тифлисской и Ставропольской, какъ такихъ, которыя предназначены были правительствомъ для поселенія всякаго рода сектаторовъ. Объявилась величина цифры (хотя, сравнительно, меньшая) въ губ. Тамбовской (въ которой, прежде другихъ, обнаружились молокане) и Таврической (куда перевело правительство всѣхъ замолоканившихся, духоборцевъ и суботниковъ, поселивъ ихъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, на урочищѣ „Молочныя Воды“). Пойманы вѣроотступники и въ землѣ черноморскихъ казаковъ, гдѣ сильно бродитъ религіозная пропаганда. Сосланы увлеченные и увлекавшіе изъ губ. Симбирской, куда устремилось молоканство, до сихъ поръ путешествовавшее по степямъ, и изъ Тобольской, гдѣ на всякое увлеченіе и на всякое преступленіе всегда находится не одинъ отвѣтчикъ.

Третій родъ религіозныхъ преступленій, расколъ и ересь, отвѣчаетъ цифрами тому же обязательству, какъ и предъидущій видъ: больше шло изъ губерній, населенныхъ сосланными изъ Россіи за измѣну господствующей вѣрѣ (каковы губерніи Таврическая, Казанская и закавказскія) и, разумѣется, на большей свободѣ и при вполнѣ очищенной изгнаніемъ совѣсти, не переставшихъ выяснять себѣ и разсказывать другимъ любопытныя истины новой вѣры. Явились въ Сибирь по такимъ дѣламъ люди болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, пріобрѣвшіе большую сосредоточенность и самоуглубленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательную стойкость и крѣпость въ тѣхъ нравственныхъ убѣжденіяхъ, которыя, на утѣшеніе старости, выработались въ начала, очищающія совѣсть и поддерживающія духъ. Большая часть людей, поплатившихся за свои религіозныя вѣрованія и убѣжденія лишеніемъ правъ состоянія и ссылкою въ Сибирь, принадлежали по возрасту къ людямъ свыше шестидесяти лѣтъ, который рѣдко уже замѣчается виновнымъ въ другихъ, болѣе важныхъ и дѣйствительныхъ преступленіяхъ, а по сословію къ купцамъ—сословію, занимающему по всѣмъ другимъ родамъ преступленій самое отдаленное мѣсто съ примѣчательно некрупною цифрою. Ересь и расколъ, совращеніе и отступленіе отъ вѣры—какъ будто привиллегированныя купеческія преступленія. Процентъ сосланныхъ за вѣру купцовъ значительно превосходитъ всѣ другія сословія *).

Оскопленіе, какъ крайній результатъ извѣстныхъ религіозныхъ убѣжденій скопческой секты, по самой исключительности своей не можетъ быть объясненъ сибирскими цифрами. Ссылали этихъ „божьихъ людей“ и на Аландскіе острова, и за Кавказъ и въ Сибирь одновременно. Шли въ Сибирь тѣ прозелиты, которымъ удалось оскопить другихъ, повѣрившихъ живому Богу, живущему въ городѣ Иркутскѣ, въ сибирской сторонушкѣ, а шли, разумѣется, оттуда больше, куда были высланы скопцы изъ Россіи. Такъ и по нашимъ табелямъ, наибольшее число „оскопившихъ себя“ и „оскопленныхъ другими“ вышли изъ Закавказскаго края и Новороссійскаго (губ. Херсонской и Таврической) **). Всѣ эти прозелиты ушли либо на рѣку Енисей въ Туруханскій край, либо на Лену въ Якутскій. Скопился чаще солдатъ и мѣщанинъ и всего меньше — крестьянъ; большое число оскопившихся людей ушло въ холодныя

*) Сибирскія табели собственно по дѣламъ старобрядства—плохой судья. Съ 1831 года, по случаю увеличенія раскола, перестали ссылать преступниковъ этого рода. Въ послѣдніе годы передъ этимъ запрещеніемъ по цифрамъ табелей замѣтно было сильное распространеніе раскола въ Воронежской губ., Рязанской, Пензенской, Тамбовской и Орловской. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это увеличеніе произошло не въ сторону старовѣровъ, уживающихся преимущественно въ лѣсныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, а въ сторону нововѣровъ (сектъ раціоналистовъ), которые наиболѣе облюбили степныя и южныя губерніи. Въ этомъ отношеніи враждебныя вѣроисповѣданія приняли противоположное географическое направленіе другъ другу, какъ бы преднамѣренно условившись между собою въ отмежеваніи мѣстностей.

**) Въ концѣ 20-хъ гг. нынѣшняго столѣтія изъ великорусскихъ губерній сильнѣе скопцами губ. Орловск. (съ 1823 по 1831—55); Тамб. (50), Курская (46) и Калужская (35)—мѣста преимущественнаго религіознаго движенія хлыстовщины до скопчества, отъ духоборства до молоканства. Самый основной и древній пунктъ хлыстовщины, Костромская губ., выразилась также и скопцами (20).

тундры и самыя неудобныя сибирскія мѣста, изъ инородческихъ племенъ—изъ племени финновъ (или, попросту, чухонцевъ) по преимуществу. Множество скопцовъ убѣжало изъ Россіи и за австрійскую границу. Одинаково оскопляли во младенчествѣ, скопились и въ молодые и въ зрѣлые годы, мужчины и женщины безразлично и почти въ такихъ же взаимныхъ числовыхъ отношеніяхъ *).

Совсѣмъ другими свойствами отличается тотъ видъ преступленій противъ вѣры, который велъ грѣшниковъ прямо на каторгу, въ нерчинскіе рудники и который называется святотатствомъ. Церковные воры, за исключеніемъ губерній сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, въ русскихъ губерніяхъ попадались въ большомъ числѣ, конечно, тамъ, гдѣ древняя Русь настроила большее количество церквей и монастырей, богаче украсила ихъ отъ избытка собственныхъ денежныхъ богатствъ и гдѣ, такимъ образомъ, при обиліи соблазна для голодной голытьбы укрѣпился грѣхъ святотатства. Онъ, въ сибирскихъ табеляхъ ссыльныхъ, сдѣлался судьбою, какимъ-то видомъ неизлечимой и постоянной болѣзни; послѣдовательно и настойчиво повторялся въ губерніяхъ: Владимирской, Кіевской, Черниговской, Московской, Костромской, Нижегородской и Новгородской. Не выразились только Ярославская и Тверская, поступающіяся значительнымъ числомъ своего населенія для дальнихъ отхожихъ промысловъ **).

Шли въ Сибирь за воровство церковнаго имущества изо всего множества русскихъ сословій, преимущественно и почти исключительно три: одно, ближе стоящее къ церкви, и два, ставшія отъ нее примѣчательно дальше другихъ. Такъ, напримѣръ, лица духовнаго званія, причастныя въ примѣтной степени преступленію воровства-кражи и рѣже воровства-грабежа, упорно отстаиваютъ за собою въ ежегодной цифрѣ тотъ видъ этого рода преступленій, который извѣстенъ на юридическомъ языкѣ подъ именемъ святотатства. Въ равной степени падаетъ этотъ грѣхъ и на священнослужителей и на церковнослужителей, если принять въ разсчетъ то, что число причетниковъ въ общей сложности превышаетъ вдвое количество священниковъ и дьяконовъ *).

Изъ двухъ остальныхъ сословій оба, искусственно водворены на русской почвѣ и оба не обезпечены въ экономическомъ отношеніи: одинъ пролетарій безъ земли, другой безъ всякой собственности, раздѣлили съ духовенствомъ преступленіе церковнаго воровства между собою. Снявъ такимъ образомъ, всю вину обвиненія въ преступленіи съ русскаго простого народа, они оказались между собою въ тѣхъ количественныхъ отношеніяхъ, по которымъ ясно, что цифра святотатцевъ, послѣ духовенства, всею тяжестью своею тотчасъ падаетъ на солдатъ, а затѣмъ на мѣщанъ. Вѣроятіе святотатства для крестьянъ въ 40 разъ слабѣе, чѣмъ для духовенства. Въ числахъ эти отношенія, за наши 9 лѣтъ, выражаются такъ:

Лицъ духовнаго званія.	104 муж.		
Солдатъ служащихъ и отставныхъ. . .	87	„	2 женщ.
Мѣщанъ.	51	„	5 „

Для духовенства вѣроятіе тяжкаго грѣха церковныхъ кражъ составляетъ исключительную особенность наравнѣ съ преступленіями по службѣ чиновниковъ.

По отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, совершенныхъ этими тремя сословіями—святотатству у духовныхъ и мѣщанъ принадлежитъ третье мѣсто, у солдатъ же оно занимаетъ пятое (убійства, побѣги, воровство, грабежи и — святотатство). Само же духовенство, по проценту для тяжкихъ преступленій, занимаетъ самое видное мѣсто; за исключеніемъ его, по другимъ родамъ, духовенство встаетъ на самое дальнее, превосходя только купеческое сословіе. Попадьи и поповны тутъ ни въ чемъ не повинны, точно такъ же какъ и всякая другая преступность въ нихъ замѣчательно слаба.

Въ періодъ послѣдующаго десятка лѣтъ (съ 1 янв. 1841 по 1 янв. 1857) въ нерчинскіе заводы поступило рабочихъ, сосланныхъ за святотатство—72 и за оскопленіе—7. Послѣдуемъ сюда за ними по нашей задачѣ и ради вопроса о томъ, что происходитъ съ этими ссыльными тамъ, на каторгѣ: остаются ли они при своемъ, исправляются или больше портятся?

Само собою разумѣется, что, съ уничтоженіемъ основныхъ поводовъ и вызывающихъ причинъ

*) Между преступленіями противъ вѣры указана въ табеляхъ графа для сосланныхъ за «лживую присягу», но графа эта только разъ оживлена была преступниками этого рода (съ 1846 г. сосланы были изъ Ковенской губ. 1 муж. и 1 жен.), не смотря на то, что подобное преступленіе, въ прежней судебной практикѣ, являлось дѣломъ обычнымъ. Всѣмъ памятенъ обычай очистительной присяги, всенародно, при звонѣ колоколовъ. Цѣлой Москвѣ памятенъ тотъ случай, когда заводомо всѣмъ виноватый, сходилъ подъ колокола и не устыдился, а за это—какъ извѣстно по народнымъ примѣтамъ—до седьмого колѣна не смывается съ потомковъ грѣхъ «ложной присяги».

**) Женщины по отношенію къ мужчинамъ, въ общемъ числѣ святотатцевъ, составляютъ 1/8 часть. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, послѣдовательно за всѣ годы, высланы были одни только мужчины (изъ Моск., Новгор., Воронежск., Перм., Подол., Тифл. и Оренб.). Западныя губерніи отличаются также довольно значительнымъ процентомъ церковныхъ воровъ; губерніи Витебская и Минская сильно выдаются впереди всѣхъ другихъ.

*) Такъ, въ 1845 г. сослано за святотатство священнослужителей 9, церковнослужителей 11, въ 1844 г. священниковъ и дьяконовъ—7, причетниковъ—15, и т. д.

или съ ослабленіемъ питательныхъ соковъ,—преступленіе уничтожается вовсе или ослабѣваетъ количествомъ жертвъ. Вѣрно также и то, что ссылка, со своими рѣзкими, рѣшительными и грозными послѣдствіями, производитъ съ преступниками то, что они или, оглушенные и озадаченные крутымъ бытовымъ переворотомъ и крупнымъ житейскимъ несчастьемъ, зарекаются на новыя преступленія, или, въ крайнемъ случаѣ испорченности и забалованности, дѣлаются болѣе осторожными и опытными. Въ ссылкѣ, какъ извѣстно, существуетъ признанная законами и весьма возлюбленная ссыльными форма, нравственное значеніе которой состоитъ въ томъ, что совершившій преступленіе и умѣвшій спрятать его, можетъ высказаться потомъ подъ видомъ бродяги, не помнящаго родства. На огромную массу людей этого званія, не безъ нѣкотораго практическаго основанія, возлагается участье въ не объясненныхъ и не открытыхъ преступленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ ссыльныхъ, завиняемыхъ въ Сибири за новыя и различныя преступленія, исчезаетъ видъ богоотступниковъ, еретиковъ и раскольниковъ, какъ бы въ силу того, что разъ содѣянный фактъ подобнаго рода не имѣетъ возможности повториться. За преступленія противъ вѣры и даже за такой видъ ихъ, какъ святотатство, въ нерчинскихъ заводахъ, въ числѣ вновь осужденныхъ, не указано ни одного въ теченіи десяти лѣтъ (1847 по 1857 гг.), а въ теченія предъидущихъ девяти (съ 1837 по 1846) на всю Сибирь, изъ всего числа каторжныхъ, указанъ виновнымъ въ святотатствѣ только одинъ, изъ числа поселенцевъ 5, изъ арестантовъ, выключенныхъ изъ арестантскихъ ротъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, только 2. Конечно, на этотъ фактъ должно было имѣть значительное вліяніе то обстоятельство, что Сибирь примѣчательно скудно надѣлена церквами. Въ часовенной Сибири святотатцамъ, конечно, лежала болѣе торная дорога къ другимъ преступленіямъ и полнѣйшая возможность (по силѣ народной пословицы, гласящей, что „разъ укралъ—на вѣки воромъ сталъ") уйти на воровство съ болѣе широкими (а не спеціальными) примѣненіями и исчезнуть въ цифрѣ осужденныхъ вообще за похищеніе чужой собственности. Таковыхъ въ тѣ же десять лѣтъ въ одннхъ нерчинскихъ заводахъ только уличено и осуждено 201 человѣкъ, а по всей Сибири за 9 лѣтъ предыдущихъ суждено за явное воровство изъ каторжныхъ 34, изъ бродягъ 476, изъ поселенцевъ 144 и изъ арестантовъ 30, всего 684 человѣка. По другимъ родамъ вѣропреступныхъ дѣйствій, исчезнувшихъ сами собою на каторгѣ, за неимѣніемъ пищи и поводовъ,—лживая присяга потеряла свою силу, конечно, потому только, что законъ воспрещаетъ ссыльнымъ всякое формальное клятвенное обѣщаніе и не допускаетъ ихъ ни до какой присяги. Точно также всѣ русскіе колдуны очутились бы въ Сибири не у дѣлъ уже потому, что тамъ и своихъ довольно, въ видѣ шамановъ съ одной стороны и бурятскихъ ламъ—съ другой, изъ которыхъ последніе готовы полечить, а первые полѣчить и покудесить. За то нерчинскія архивныя и казенныя хроники сохранили слѣдующій случай въ отвѣтъ на вопросъ объ исправленіи сосланныхъ за разрытіе могилъ и воровство положенной въ гробы съ мертвыми тѣлами одежды.

Нѣкто Богрядскій (судя по фамиліи, уроженецъ тѣхъ мѣстъ, на которыя мы указали въ началѣ статьи и которыя, по преимуществу, усвоили себѣ этотъ видъ страннаго воровства) сосланъ былъ на каторгу и помѣщенъ въ работы на Селенгинскій солеваренный заводъ (давно не существующій). Здѣсь онъ занялся грабежомъ мертвыхъ въ могилахъ и за то былъ наказанъ кнутомъ и переведенъ на нерчинскій заводъ, на глаза духовнаго и гражданскаго начальства, такъ какъ въ заводѣ этомъ—центральномъ пунктѣ мѣстнаго административнаго управленія—гражданскія и военныя власти организовались въ цѣлое правленіе, а духовныя—въ соборъ. При нерчинскомъ заводѣ Богрядскій сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ онъ снова задумалъ тотъ же промыселъ и на помощь себѣ и въ участники наживы успѣлъ подговорить товарищей. Для успѣха предпріятія онъ днемъ часто посѣщалъ тюремный госпиталь и тщательно осматривалъ всѣхъ умершихъ; ночью, „бѣгая скрытно изъ тюрьмы", выходилъ на промыселъ, т. е. разрывалъ могилы и обиралъ съ покойниковъ все до послѣдней нитки. Въ могилахъ иногда ошибался по причинѣ ночной темноты. Разъ разсчитывалъ попасть на могилу горнаго служителя, а попалъ на могилу ссыльнаго: „ободравши рубаху—видѣлъ знаки на спинѣ отъ наказанія". Успѣлъ разграбить пять могилъ. На послѣдней попался и указалъ на товарища Полещука (необлыжнаго бѣлоруса и вѣроятнаго земляка), „который умѣлъ сбывать краденныя вещи заводскому служителю, любившему принимать все краденное и платившему за то наличными деньгами". Деньгами Богрядскій и Полещукъ корыствовались; вотъ единственная цѣль преступленія и единственное объясненіе его, которое дали виновные на судѣ въ заводѣ.

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ замѣшался фанатизмъ, проявилась болѣзнь своего рода, мономанія, гдѣ, словомъ, замѣшалась твердая и настойчивая воля, желающая дѣйствовать по личнымъ убѣжденіямъ, хотя бы и ошибочнымъ,—тамъ каторга въ полной несостоятельности, и она уже не только не лекарство, но даже еще одна изъ предрасполагающихъ причинъ.

Когда-то (впрочемъ, не такъ давно) во Владимирской губ. фанатикъ сжегъ свой домъ

и въ немъ собственныхъ малютокъ, предварительно зарѣзанныхъ имъ ножомъ на горѣ за селеніемъ. На допросахъ онъ хладнокровно показывалъ, что поступилъ такъ, начитавшись Библіи, и совершилъ дѣтоубійство по образцу Авраама, приносившаго въ жертву Богу сына своего Исаака. Въ то время, когда онъ кололъ ножомъ, жена его, мать малютокъ, говорила слова, молитвенно объяснявшія цѣль закланія. Дѣтоубійца этотъ былъ нѣкто Никитинъ. И вотъ, въ Средней Борзѣ на Аргуни живетъ старичекъ у тамошнихъ казаковъ въ работникахъ, сосланный изъ Россіи и то же Никтинъ; поживетъ у одного, поработаетъ у другого, вскорѣ непосѣдливо бредетъ работать на третьяго, по праву и званію выпущеннаго на пропитаніе. Вопреки всѣмъ аргунскимъ казакамъ, онъ былъ человѣкъ трезвый, вопреки всѣмъ поселенцамъ—послушливымъ и не сварливымъ; въ отмѣну ото всѣхъ сибиряковъ—человѣкомъ набожнымъ и начитаннымъ. Начитанъ онъ былъ такъ, что всѣ дивились тому и оказывали почетъ и уваженіе. Всѣ свободные дни отдавалъ онъ чтенію Библіи и при всякомъ случаѣ и со всякимъ любилъ говорить о божественномъ. Не въ мѣру былъ онъ этимъ докучливъ, не въ мѣру во все другое время былъ угрюмъ и задумчивъ. Думали, что онъ человѣкъ какой нибудь русской секты: все хулилъ церкви, все говорилъ о злѣ, въ нихъ царствующемъ. Между тѣмъ, чѣмъ больше читалъ онъ, тѣмъ угрюмѣе становился: перестал ходить въ компаніи, избѣгалъ шумныхъ и людныхъ собраній, началъ дичать и уединяться. Все это было всѣмъ видно, но всѣмъ непонятно, отчего сталъ чаще уходить въ лѣсъ чудной старичекъ и подолгу тамъ оставаться. Вскорѣ объяснилось дѣло, а объяснили его пастухи-ребятишки, привлеченные стонами къ часовнѣ и натолкнувшіеся въ ней на невиданное диво. На томъ крестѣ, который самъ Никитинъ вкопалъ въ землю и въ которомъ видѣвшіе его не видѣли ничего страннаго, такъ какъ дѣло это въ Сибири за обычай,—на крестѣ этомъ, подъ навѣсомъ въ часовенкѣ, висѣлъ человѣкъ. Голова въ терновомъ вѣнцѣ склонена была на бокъ, въ крѣпкій морозъ висѣлъ онъ голымъ, только подпоясавъ низъ живота бѣлымъ платкомъ. Въ боку была рана, все тѣло было облито и забрызгано кровью. Подъ крестомъ лежало копье и валялись орудія Христовыхъ страстей. Когда сбѣжавшіеся люди сняли распятаго съ креста, онъ былъ еще живъ. Когда въ нерчинскомъ заводскомъ лазаретѣ его вылечили и призвали къ допросу, Никитинъ отвѣчалъ что жертвовалъ собою за грѣхи людскіе и выбралъ для того вечеръ великой пятницы. Распиналъ себя самъ, хотя и трудно ему было, но передъ тѣмъ онъ долго молился. Сначала онъ прибилъ къ кресту ноги правою рукою, придерживаясь лѣвою за поперечное древко креста, потомъ лѣвую руку насадилъ на большой гвоздь, вбитый предварительно съ задней стороны поперечной доски. То же самое хотѣлъ сдѣлать и съ правою рукою, да совсѣмъ измѣнили силы: онъ ослабъ и повисъ. Такъ съ опущенною рукою онъ и найденъ былъ пастухами. „Захотѣлось умереть, какъ умеръ Христосъ за людей, и тѣмъ угодить Богу“ *).

На этомъ стремленіи угождать Богу по собственнымъ способамъ (въ самыхъ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ) и по тѣмъ образцамъ, которые завѣщаны и указаны св. отцами (и это всегда), остановились всѣ тѣ ссыльные, которые сосланы сюда за „расколъ и ересь“. Начнемъ съ сектаторовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь съ большею готовностью и постоянствомъ.

Говорить про скопцовъ много не приходится; разумѣется, въ ссылкѣ они остались тѣми же самыми фанатиками. Для нихъ возврата не можетъ быть никакого. Крупный и рѣшительный актъ совершенъ—остается исполнять обязательные при немъ обряды, чтобы не утратить сочувствія единовѣрцевъ, умѣющаго высказываться въ замѣчательно единодушной денежной помощи, которою не забываютъ и въ енисейскихъ деревняхъ, вблизи Туруханска, и въ приленскихъ. за Якутскомъ. Несомнѣнно пользовались тѣми же самыми денежными присылами и тѣ, которыхъ судьба отдѣлила отъ прочихъ и послала за Байкалъ. Мы лично были свидѣтелями (въ петергофской тюрьмѣ) того холоднаго равнодушія и поразительнаго безстрастія, съ какими нашли мы скопцовъ (въ 1861 году) наканунѣ того дня, когда имъ приходилось идти изъ тюрьмы въ холодныя и суровыя мѣста дальней Сибири. Ни сожалѣнія, высказанныя нами, ни свѣдѣнія, какими мы готовно дѣлились съ ними, ни совѣты на дорогу, имѣвшіе цѣлью руководить ихъ первыми шагами на чужбинѣ,—ничто не озабочивало и не трогало ихъ. Они какъ будто въ какомъ-то отупѣніи готовились на предстоящую борьбу со ссылкою, и притомъ видно было, что ей не сломать ихъ характера и не поколебать ихъ рѣшимости. Намъ казалось тогда, что это люди, выступающіе на битву съ огромнымъ запасомъ силъ, что передъ этими героями самое тяжелое изъ наказаній (какова ссылка) объявится въ полнѣйшемъ ничтожествѣ и крайней непримѣнимости: все равно, жили здѣсь, поживемъ и тамъ. Они тяготились однимъ и жаловались и просили объ одномъ—чтобы ихъ скорѣе отправили: зачѣмъ жить въ теплой, свѣтлой и чистой тюрьмѣ и подъ бокомъ богатыхъ благодѣтелей, когда судьба судила идти въ негосте-

*) Никитина сослали въ Иннокентьевскій монастырь, подъ Иркутскомъ, на покаяніе, откуда снова возвратили за Байкалъ и поселили въ Нерчинскѣ, гдѣ онъ еще живъ былъ въ 50-хъ годахъ.

пріимныя, мерзлыя пустыни, въ сосѣдство полудикихъ, полуголодныхъ тунгусовъ и юраковъ? За то во время путешествія по русскимъ и сибирскимъ этапамъ вездѣ готовится имъ встрѣча отъ такихъ же дряблыхъ, съ морщинистыми лицами, съ пискливымъ птичьимъ голосомъ почитателей Петра III и Селиванова. Всякую арестантскую партію неизбывно встрѣчаютъ скопцы въ городахъ и селеніяхъ, выходящіе посмотрѣть: нѣтъ ли кого нибудь изъ „голубей“, чтобы надѣлить ихъ деньгами.

Отправляются туда скопцы не безъ запасовъ настоящихъ, не безъ надеждъ на будущіе и, во всякомъ случаѣ, съ вѣрою въ свое призваніе и съ твердою увѣренностью, что именно въ этихъ-то страданіяхъ выражается для нихъ, подъ видомъ мученичества, одинъ изъ путей къ блаженству, къ тому же, на этотъ счастливый случай, ведетъ ихъ въ сосѣдство той страны и горы того города (Иркутска), откуда явится ихъ живой богъ (Кондратій Селивановъ)*). Другой путь къ довершенію религіозныхъ стремленій и одно изъ средствъ къ духовному совершенству, достигаемыя посредствомъ привлеченія въ секту новыхъ прозелитовъ, для ссылаемыхъ въ Сибирь дѣло не особенной трудности. Удачная скопческая практика въ Сибири не рѣдкость. Въ Сибири, какъ и за Кавказомъ, на Енисеѣ, какъ и на Ріонѣ, поразительны они тѣмъ незлобнымъ характеромъ, которымъ отличаются въ сношеніяхъ между собою, и тѣмъ отсутствіемъ распрей или ссоръ, которое они полагаютъ для себя какъ бы за обязательный религіозный догматъ въ отношеніяхъ къ прочимъ туземцамъ. Нельзя не замѣчать и не чувствовать того удивленія и уваженія, которымъ пользуются они у сосѣдей, умѣющихъ обнаруживать эти чувства, помимо недовольства ихъ грѣхомъ оскопленія. Скопцовъ никто и никогда не обижаетъ, имѣя глубокое состраданіе къ тѣмъ затрудненіямъ, которыя встрѣчаютъ ихъ слабыя силы при исполненіи различныхъ многотрудныхъ работъ, задаваемыхъ дикими и дѣвственными мѣстами поселенія. Работаютъ они усердно и безропотно, гдѣ требуется примѣненіе ихъ силъ и способностей, или по указаніямъ доброй воли, или по вызову различныхъ начальствъ. На Ріонѣ изъ нихъ составили рабочую роту, ввѣренную военному офицеру; на Енисеѣ они занимаются легкимъ промысломъ извоза и сплавами. Оскопленіе ссыльными ссыльныхъ въ нерчинскихъ заводахъ не обнаруживается въ надлежащей силѣ оттого, что это дѣло находится въ рукахъ самихъ острожныхъ и уже достаточно наловчившихся, но, обнаруженное въ одномъ мѣстѣ, всегда указываетъ на многіе другіе случаи. Такъ замѣчено было сильное распространеніе секты скопцовъ въ Петровскомъ заводѣ (одномъ изъ нерчинскихъ), въ 30-хъ годахъ, въ такой степени, что генералъ-маіоръ Лепарскій (приставникъ декабристовъ) рѣшился не принимать скопцовъ въ Петровскій заводъ, а отправлять ихъ въ нерчинскіе рудники. При этомъ обнаружено было, что скопцы уловляли въ свои сѣти и соблазняли ссыльныхъ деньгами, въ большомъ количествѣ получаемыми изъ Россіи. Точно также секта эта, умѣющая скрываться и періодически обнаруживаться во время самыхъ крайнихъ увлеченій прозелитизма, въ 1854 г. замѣтно распространялась въ Тобольской губерніи между старожилами Юргинской волости (Ялуторовскаго округа). Виновные и уличенные были суждены и высланы дальше въ Сибирь. Этимъ пріостановлено было дальнѣйшее распространеніе секты, которой въ той странѣ не благопріятствуетъ то, что адепты ея, сосланные по судебнымъ рѣшеніямъ, живутъ разсѣянно и ихъ по губерніямъ очень немного.

Хлыстовъ Сибирь также не угомонила: самые первые хлысты на Руси — ученики стрѣльца Прокопія Лупкина, не прерывали сношеній съ оставшимися въ Россіи: ни тѣ трое, которые были сосланы въ Тару, ни сестра извѣстной хлыстовской богородицы Акулины Ивановны (заточенной въ пермскомъ Далматовскомъ монастырѣ), Александра Ивановна, увезенная въ г. Илимскъ. Сношенія эти были очевидны еще въ то время, когда уличенъ былъ въ ереси сынъ Лупкина, Серафимъ, іеродіаконъ Симонова монастыря въ Москвѣ. Его разстригли, позвали къ суду, въ 1735 году за его важныя вины били кнутомъ и сослали въ Охотскій портъ. За Байкаломъ найдены были тѣ же погреба, которые замѣняли сектаторамъ церковь, и замѣчены были такіе же успѣхи въ пропагандѣ, съ рѣзкимъ отличіемъ отъ скопцовъ въ томъ, что хлыстовская проповѣдь имѣла поразительный успѣхъ. Въ деревнѣ, пристроившейся къ стѣнамъ Троицкаго монастыря, нашли многихъ новыхъ хлыстовъ, сдѣлавшихся таковыми вслѣдствіе соблазновъ отъ сосланныхъ въ монастырь изъ Россіи. Ссыльные хлысты совратили многихъ монаховъ, нѣкоторыхъ крестьянъ и купцовъ. Отступничество соблюдалось въ самой строгой тайнѣ, пропаганда проведена была весьма осторожно, не сразу узнали о томъ.

*) До Иркутска шелъ Селивановъ въ пересыльной партіи на канатѣ и успѣлъ совершить надъ собою вторичное полное оскопленіе. Въ Иркутскѣ, со смиреніемъ искренняго православнаго (въ примѣръ и поученіе своимъ послѣдователямъ), живя на свободѣ, онъ ходилъ по городу съ чашечкою и собиралъ на церкви. Около двадцати лѣтъ пробылъ онъ въ ссылкѣ, не склонившись на подговоры двухъ скопцовъ, явившихся изъ Россіи предложить ему услуги къ побѣгу и укрывательству. Въ 1795 году императоръ Павелъ освободилъ его и позволилъ возвратиться въ Петербургъ. Въ 1832 году Селивановъ умеръ въ Суздалѣ въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, но скопцы думаютъ, что онъ до сихъ поръ скрывается въ окрестностяхъ Иркутска, откуда и ждутъ его для начала новаго царствія.

Узнали сначала сосѣди-крестьяне и сказали властямъ; власти, по троицкимъ крестьянскимъ избамъ, добрались до монастырскихъ келій и разрѣшили вопросъ тѣмъ, что скакавшихъ и хлеставшихся монаховъ, для исправленія, разослали по русскимъ монастырямъ, другихъ же хлыстовъ сослали въ Туруханскій край. На мѣсто старыхъ монаховъ изъ Россіи присланы были новые; хлыстовщина въ монастырѣ исчезла.

Сила религіознаго увлеченія, доводимаго до крайностей мистицизма, не могла обойти и забайкальскаго купечества, въ особенности кяхтинскаго и верхнеудинскаго. Незадолго до описываемаго нами событія общественное вниманіе было возбуждено появленіемъ подвижника изъ Россіи, успѣвшаго дать сильный нравственно-религіозный толчокъ дремлющему равнодушію и индифферентизму. Возбужденіе это фактически выразилось въ постройкѣ Чикойскаго монастыря на скалѣ, въ мѣстѣ дикомъ, но картинномъ, на берегу рѣки Чикоя. Сюда удалился для созерцательнаго уединенія извѣстный всей Кяхтѣ Василій Надеждинъ—человѣкъ свѣтлаго ума и замѣчательной религіозности, родной братъ извѣстнаго ученаго Н. И. Надеждина. Въ Россіи онъ странствовалъ по монастырямъ и святымъ мѣстамъ русскимъ; пришелъ и въ Сибирь, увлеченный подвижничествомъ къ уединенію. Въ Кяхтѣ, при соборѣ, исполнялъ онъ должность пономаря. Благочестивая и добродѣтельная жизнь и тогда уже привлекла общее вниманіе и уваженіе, а когда черезъ нѣсколько лѣтъ открытъ былъ его центральный скитъ, въ кяхтинскомъ купечествѣ нашлось довольно лицъ, пожелавшихъ оставить въ потомствѣ память о подвижничествѣ знакомаго отшельника, и довольно денегъ, чтобы, уговоривъ его, выстроить на мѣстѣ скита монастырь. Самъ Надеждинъ остался въ немъ монахомъ, подъ именемъ Варлаама, и умеръ тамъ въ 1840 году. Религіозное настроеніе кяхтинскихъ купцовъ, сильно возбужденное этимъ человѣкомъ, послѣ его смерти не охладѣвало до новаго кризиса въ скромномъ быту Забайкалья.

Вскорѣ послѣ смерти Варлаама прибылъ въ ту же Кяхту монахъ Израиль, посланный изъ Россіи въ Сибирь на исправленіе, на житье, человѣкъ лѣтъ около сорока, статной осанки. До сихъ поръ помнятъ въ Кяхтѣ его вдохновенные глаза, выраженіе смиренія и святости на лицѣ, тонкія руки, его краснорѣчивыя, глубоко западающія въ душу бесѣды и его образованность. Въ обществахъ много толковалъ онъ о порчѣ православія, раздражался противъ корыстолюбія священниковъ, указывалъ на отступленія ихъ отъ истинъ Христова ученія; онъ говорилъ, что возвышенное ученіе Спасителя затуманено обрядами. Видя ослабленіе вѣры, а въ силу того и умноженіе грѣховъ между людьми, милосердный Богъ, для исправленія того, что испорчено, во второй разъ прислалъ на землю Единороднаго Своего Сына и онъ-то, дескать, Израиль, и есть тотъ сынъ Божій. Евангельскія сказанія старался онъ уподобить и приравнять къ своей личности и событіямъ изъ собственной жизни. Одну молодую особу назвалъ богородицею, другую Маріею Магдалиною, одного старца назвалъ спасителемъ. Израиль нашелъ послѣдователей не только между монастырскими учеными (какъ было сдѣлано имъ въ Россіи), но и между купцами (какъ случилось въ Кяхтѣ и Верхнеудинскѣ). Собиралъ онъ ихъ и въ Кяхтѣ для религіозныхъ обрядовъ, въ домѣ одного купца, но всего чаще въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ его въ санѣ архимандрита успѣли сдѣлать настоятелемъ. При немъ монастырь быстро обстроился, какъ бы невидимою десницею. Прекрасныя зданія встали на мѣсто старыхъ лачугъ. Здѣсь-то онъ давалъ полнѣйшія толкованія о второмъ явленіи Христа и о новомъ законѣ. Здѣсь-то, говорятъ, онъ велъ немонастырскую, нецѣломудренную жизнь; все это обратило на него вниманіе правительства и Израиль, за связь съ купчихою и за ересь, сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь (гдѣ и умеръ въ 1863 году). Секта распалась; теперь нѣтъ ея и слѣда. Въ 1836 году С. Б. Броневскій, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, объѣзжая ввѣренный ему край, въ Верхнеудинскомъ острогѣ видѣлъ „еретикомъ Израилемъ произведенныхъ изъ ссыльныхъ святыхъ, облеченныхъ въ бѣлые стихари, съ голубыми поясами и въ волосахъ на подобіе Іисуса. Онъ самъ и послѣдователи его имъ благоговѣйно поклонялись въ ноги. Мнимо-святые ожидали въ острогѣ рѣшенія участи“.

Въ Западной Сибири (въ Тобол. губ.) распространялъ хлыстовщину (лугинскую вѣру) крестьянинъ Частоозерской волости, деревни Денисовой, Лугининъ. Онъ долго бѣгалъ на Уралѣ и, вернувшись, выучилъ собираться въ одинъ домъ, чествовать мужика за Христа, дѣвку—за Богородицу. Ее пеленали и сажали въ сторону къ востоку, сами бѣгали кругомъ кадки и на голосъ пѣли: „По водѣ хлещу, Христа ищу; встань Христосъ, растянись Христосъ, выйди Христосъ наружу—дай денегъ на нужу“. Со смертью Лугинина вѣра пала въ деревнѣ Щетниковой (въ 1824 г.), а началась въ Курганскомъ округѣ (д. Межеумная), Ялуторовск. (д. Семенова и Менщикова) и Омскомъ (Русина, Черновая, Шипицына).

Суботники также не дѣлаются здѣсь, на каторгѣ, православными и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нерчинское начальство принуждено было запрещать сношеніе суботниковъ съ евреями и не дозволять браковъ суботницъ-поселенокъ съ евреями-поселенцами (какъ, напр., судя по архивнымъ дѣламъ, запретило таковой поселенкѣ Худеяровой, желав-

шей сочетаться бракомъ съ евреемъ Юсиновичемъ). Въ селѣ Укырѣ (по почтовому Читинскому тракту) суботники молятся по русски, но въ Христа не вѣрятъ, ожидаютъ Мессію; на молитвахъ прикрываются саваномъ и называютъ его по еврейски талесомъ; привязываютъ также во время молитвъ скрижали съ заповѣдями на лобъ и также носятъ на плечахъ, вмѣсто жилета, цыцисъ. Женщины бреютъ головы и обрѣзаніе признается за обычай и за символъ примиренія. Жидовъ почитаютъ братьями и не гнушаются ѣсть съ ними изъ однѣхъ чашекъ. По Сибири они живутъ разсѣянно, но кое-гдѣ и группами (какъ, напр., въ Томской губерніи и въ окрестностяхъ Иркутска). Пропаганда ихъ не сильна; вѣра, рекомендующая жидовскую молитву и жидовскіе обычаи и пищу, и въ Россіи не пользуется особыми успѣхами, а въ Сибири объ ней даже рѣдко слыхивали *). Въ Сибири, и то преимущественно въ каторжныхъ мѣстахъ, сильнѣе выразилась пропаганда духоборцевъ; впервые появились они на каторгѣ въ 1800 г., послѣ указа, повелѣвающаго ссылать въ вѣчную каторжную работу изобличенныхъ въ духоборческой ереси и, отвергающихъ высшую власть на землѣ.

Нѣкогда пропаганда духоборцевъ была сильно развита по ссыльному Нерчинскому краю. Теперь, напуганная, она ослабѣла, но несравненно сильнѣе пропаганды суботниковъ и успѣшнѣе таковой же скопцовъ. Обязательства взаимной помощи и содѣйствія, выражающіяся въ денежныхъ пособіяхъ и братской любви—достаточныя приманки для людей, совершенно безпомощныхъ и обнищавшихъ. Милосердіе къ несчастнымъ и обязательное участіе ко всѣмъ изъ своихъ дѣлаютъ изъ сектъ молоканской и духоборческой привлекательный пріютъ и надежную угрѣву, на манеръ нѣмецкой клики, столь сильно и мощно распространенной по цѣлой Россіи. Какъ всѣ чужеземцы на чужбинѣ и какъ иностранцы въ Россіи, духоборы въ Сибири стараются жить общинами, группами и не тяготятся даже житьемъ на дальнемъ Енисеѣ въ сосѣдствѣ скопцовъ и по близости Туруханска, потому что община помогаетъ жить съ достаткомъ. Немного опечалились и потеряли тѣ изъ духоборцевъ, которые разсѣянно жили по Нерчинскимъ рудникамъ и, послѣ наказанія за успѣшную пропаганду между каторжными и между вольными крестьянами и купцами, были сосланы изъ Чалбучей съ Аргуни на Енисей въ Туруханскъ (Мизгиновъ съ нѣкоторыми товарищами). Подъ вліяніемъ ихъ, а еще больше при ловкости четырехъ главныхъ (Хабарова, Ярошенко, Кудрявцева и Алексѣева), община духоборцевъ въ Забайкальѣ росла. Одинъ Кудрявцевъ съумѣлъ подвести подъ военный судъ за ересь 8 человѣкъ служителей, превращенныхъ потомъ въ солдатъ. Нѣкто Ярощенко умѣлъ совратить и многихъ каторжныхъ — людей холодныхъ и совершенно извѣрившихся. Убѣжденія влагались до того глубоко и твердо, что когда уличенныхъ призывали на церковный судъ, они со смѣлостью и рѣшимостью говорили за свою вѣру и дѣйствовали по ея принципамъ.

Каторжные не шли къ священнику на исповѣдь и говорили, что „они дѣламъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требованы будутъ, исполнять не отрекаются и они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называютъ Евангеліе и крестъ, потому что они дѣланы руками".

Служители горные говорили подобное же, но дѣйствовали еще рѣшительнѣе; одинъ изъ служителей (Кухтинъ), позванный на судъ въ соборъ, прошелъ по церковной паперти въ шапкѣ и рукавицахъ, которыхъ не снялъ и въ то время, когда былъ позванъ въ духовное правленіе передъ зерцало, говоря, что „все это есть писано руками человѣка".

Это были духоборцы, сосланные въ нерчинскій заводъ. Здѣсь они упорно не соглашались трудиться, не входили въ обязательства работъ, какъ въ Россіи отданные въ солдаты не принимали ни аммуниціи, ни провіанта. За упорство изъ нерч. зав. велѣно было ссылать на Селенгинскій солеваренный заводъ. Когда въ Астраханской губерніи, въ 1802 г., духоборцы попробовали цѣлыми толпами съ шумомъ выступить на торжище и явно говорить о своей вѣрѣ, главныхъ изъ нихъ сослали въ Колу.

Одинъ изъ обращенныхъ въ секту духовныхъ христіанъ ссыльный, а именно Нероновъ, когда никого не было въ церкви, сорвалъ со стѣны иконы и бросилъ на полъ. Подошедшему дьякону онъ говорилъ: „Вотъ ваши боги, идолы! иди—молись, а если они святые, то пусть-ка встанутъ" (на судѣ онъ самъ подтвердилъ показаніе дьякона и свидѣтельствовалъ о томъ, что сказалъ такія слова въ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти).

Въ Лоншаковѣ (старомъ, близь Шилкинскаго завода) на Шилкѣ, нѣсколько новообращенныхъ изуродовали образъ Богоматери и выкололи ей глаза. Въ нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ таковыхъ же расколотый на двое обра-

*) Въ Западной Сибири, именно въ Петропавловскѣ, уличены были нѣкоторые изъ солдатъ (Аристовъ и Соловьевъ), «праздновавшіе еврейскую пасху». Въ суботу не работали, во Христа не вѣрили, постовъ не соблюдали. Причастившись въ полковой церкви, выбросили причастіе. Ихъ арестовали, произвели слѣдствіе и сослали въ дальніе батальоны. Сына Аристова опредѣлили въ Омскій полубатальонъ кантонистовъ, дочь—на тамошнюю казенную суконную фабрику. Замѣченъ былъ также въ Солторайской волости одинъ изъ сосланныхъ чиновниковъ, дочитавшійся по книгамъ Ветхаго Завѣта до сектаторства этого же рода.

зокъ (объ половинки) положилъ въ сапоги вмѣсто стелекъ и ходилъ такъ. Наказали этого, били кнутами и лоншаковскихъ отступниковъ: Кухтина прогнали сквозь строй два раза черезъ 500 человѣкъ; служителя Суходолина, наказаннаго кнутомъ и признаннаго негоднымъ къ военной службѣ по годамъ (41), велѣли поселить далеко на сѣверѣ между некрещенными инородцами; Кудрявцева, Алексѣева и Хабарова гоняли сквозь строй и также угнали въ тундру. Такія рѣшительныя мѣры пріостановили пропаганду; проповѣдники замолчали, новообращенные притаились по деревнямъ и рудникамъ. На время стало духоборцовъ какъ будто поменьше, но за дѣйствительное уменьшеніе числа ихъ ни одно изъ нерчинскихъ начальствъ въ будущемъ поручиться не могло.

Въ предѣлахъ Западной Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя смежны съ Россіею и отличались всегда сильною воспріимчивостью ко всевозможнымъ ученіямъ, духоборчество также нашло себѣ пріютъ и послѣдователей. Въ прошломъ вѣкѣ 11 домовъ въ дер. Гилевой и Пителиной (около Ялуторовска въ волости Томиловской) перестали молиться иконамъ и за то прозваны были народомъ немоляками, духовенствомъ — нежертвенными, правительствомъ—иконоборцами, сплетниками чиновники—щельниками и сплетниками сосѣдями и насмѣшниками—охохонцами. Эти исповѣдники стали толковать и вѣрить, что внѣшняя молитва не нужна, она даже запрещена св. писаніемъ; съ 8-ой тысячи лѣтъ бывшая наружная молитва пропала, потеряла силу; Богъ не требуетъ ни свѣчъ, ни ладону, ни другихъ приношеній, не нужно и крестнаго знаменія, а съ нимъ и за нимъ и церквей; молитва непрестанно должна быть въ сердцѣ, а сердце—храмъ, украшеніе его—доброе житіе. Молиться надо непрестанно, а потому на работѣ, въ дорогѣ всегда твердятъ про себя какое либо мѣсто св. писанія. На молитву собираются въ избѣ, садятся въ кружокъ, одинъ читаетъ книгу (Библію, Маргаритъ, Ефрема Сирина, Златоустаго, Псалтырь), всѣ другіе слушаютъ и вздыхаютъ: „Охъ-охъ-охъ“! Въ 1821 году въ деревнѣ Гилевой заявились настоящіе духоборцы: свадебъ не дѣлали, дѣтей не крестили, иконы занавѣсили и перестали имъ молиться. Въ 1850 годахъ въ д. Куимовой Ишимскаго окр. въ шести домахъ и въ дер. Кривощековой въ двухъ домахъ иконы вынесли совсѣмъ; стали побранивать молоканъ; стали толковать, что если-де у кого разумъ, тотъ и самъ исправится безъ всякихъ таинствъ; читать не нужно. Стали наблюдать чистоту и опрятность, какъ религіозное обязательство; грязными руками ковша не возьмутъ и даже не прихватятъ его фартукомъ, а позовутъ другого съ чистыми руками, если не успѣютъ сами вымыть свои. Праздники перестали чтить, стали работать, а слѣдомъ затѣмъ начали ихъ сосѣди разсказывать, что и въ день Христова Воскресенія считаютъ необходимымъ хотя топоромъ три раза ударить въ уголъ избы, чтобы доказать свое мнѣніе. Вдохновлялъ поселенецъ, котораго засадили въ острогъ и сослали по суду; духоборство прекратилось, но слѣдомъ за тѣмъ въ дер. Гагарьей почти всѣ жители выбросили иконы и перестали принимать поповъ.

Количество молоканъ въ Сибири увеличилось по поводу поселенія ихъ въ такомъ отдаленномъ краю, какъ Амуръ (близь г. Благовѣщенска, на рѣкѣ Зеѣ) и по причинѣ сознательнаго и фактическаго стремленія оставшихся въ Россіи приселяться доброю волею къ тѣмъ, которые высланы были въ Сибирь по выбору и назначеніямъ мѣстнаго начальства. Въ среду молоканскихъ общинъ присылались, по временамъ, даже и такіе ловкіе ловцы въ человѣцѣхъ, какимъ явился, напримѣръ, между минусинскими молоканами знаменитый основатель секты „общихъ“, Михайло Акинфіевъ Поповъ. Человѣкъ этотъ разъ уже роздалъ все богатое имущество свое, еще живя въ Самарской губерніи, и надѣлилъ имъ своихъ бѣдныхъ шабровъ (сосѣдей), чтобы, по слову писанія, гласящаго, что „вси вѣрные живяху вкупѣ и имѣху вся общая“, возстановить древнюю христіанскую гонимую общину и такимъ путемъ очистить молоканство, блуждавшее, по смерти Уклеина, во тьмѣ сомнѣній и съ крупными задатками разложенія. Этотъ же Михайло Акинфьевичъ, сосланный на Кавказъ, съумѣлъ и тамъ, не умудренный наказаніемъ и ссылкою, сладить такую же оригинальную общину на общемъ трудѣ по способу всевозможныхъ религіозныхъ и экономическихъ коммунъ. Вторая ссылка (въ Шушу—волость Минусинскаго округа Енисейской губерніи), при большемъ просторѣ пропаганды, не съумѣла сбить его съ пути апостольства и не оставила его безъ слушателей, а стало быть и послѣдователей *).

Въ Акатуѣ, въ тюрьмѣ, жилъ прикованнымъ на цѣпь нѣкто Масленниковъ, новая жертва собственныхъ религіозныхъ убѣжденій. Въ рудникахъ онъ очутился за проповѣданіе старой вѣры до-никоновскихъ обрядовъ, каковую втолковывалъ и здѣсь товарищамъ ссыльнымъ. Онъ успѣлъ совратить такъ много, что начальство обратило на это вниманіе, посадило проповѣдника на цѣпь, приковало къ стѣнѣ въ одиночномъ казематѣ, давало ограниченную дачу воды и хлѣба и только по праздникамъ при-

---

*) Въ западной Сибири извѣстны духоборцы въ Поповской волости Омскаго округа (деревня Мотарова и Батенисская), а молокане въ томъ же округѣ въ волостяхъ Карасутской, Кобырдатской и Юдинской (почти всѣ жители).

варокъ. Масленниковъ и на цѣпи продолжалъ возставать на господствующую вѣру. На судѣ велъ себя со смѣлостью, какъ глубоко убѣжденный, и цѣлый протоколъ наполнилъ такими данными, что и слѣдователю пришлось надъ нимъ задуматься и смотрѣть на подсудимаго, какъ на человѣка изъ ряду вонъ. Погубили его только нѣкоторыя дерзкія словесныя выходки.

Старовѣръ Гурій Васильевъ, сосланный за расколъ изъ Екатеринбурга и поселенный въ Удинскомъ округѣ, сговорилъ двухъ товарищей и вмѣстѣ съ ними бѣжалъ на Амуръ, который тогда еще не былъ русскимъ. Въ пещерѣ на р. Урсѣ онъ провелъ цѣлую зиму, какъ въ молитвенномъ скитѣ, но былъ схваченъ манчжурами и выданъ въ пограничной крѣпости нашей на Аргуни; въ нерчинскомъ заводѣ его наказали и опять водворили въ томъ же Забайкальскомъ округѣ. Оттуда Гурьевъ опять убѣжалъ на Амуръ, опять лѣтомъ схваченъ и опять выданъ. На этотъ разъ въ нерчинскомъ заводѣ его били плетьми и написали въ каторжныя работы. Черезъ четыре года послѣ того, при первыхъ признакахъ возможности, онъ въ третій разъ бѣжалъ на Амуръ и въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Питаясь кореньями, дичью и рыбою, онъ жилъ въ скитѣ еще одну зиму, но, боясь старыхъ исторій, поплылъ искать большаго уединенія дальше по Амуру. Это сразу ему не удалось; удалось потомъ позже попасть черезъ весь Амуръ въ Охотское море, по немъ, на маленькой лодочкѣ, къ устью рѣки Тугура и оттуда, черезъ шесть лѣтъ послѣ послѣдняго бѣгства, явиться въ Удскій острогъ, въ мѣсто истиннаго уединенія. Только такими острыми средствами и притомъ принятыми съ твердостью и настойчивостью, этотъ старовѣръ исцѣлилъ самъ себя отъ жестокой болѣзни и уже больше не бѣгалъ и уединенія не искалъ.

Вотъ два паціента собственно каторжной больницы душевныхъ болѣзней, взятые какъ образцы, рисующіе болѣзнь въ спеціальномъ видѣ въ одиночно-взятыхъ субъектахъ. Но вотъ эти болѣзни и цѣлыми массами и также не исцѣленныя.

Въ Алтайскихъ горахъ, какъ извѣстно, въ 1765 году разселена была часть тѣхъ старообрядцевъ, которые присланы были въ Сибирь изъ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободъ, лежавшихъ тогда за литовскимъ рубежемъ. Живутъ они на югѣ Кузнецкаго округа къ сторонѣ Бійскаго округа. Народъ зажиточный, отличающійся замѣчательными хозяйственными способностями, но для насъ на этотъ разъ поучительный въ томъ отношеніи, что за старую вѣру стоитъ крѣпко и притомъ съ такою замѣчательною ревностью, каковой немного примѣровъ и въ Россіи. Селили ихъ не безъ стѣсненій; дальнѣйшую жизнь не позволяли и проводить безъ прижимокъ, преслѣдованій и вымогательствъ всякаго рода. Выстрадать привелось многое, немало повидать и соблазновъ на случай обращенія въ православіе. Но не смутили люди, не смутили и льготы: алтайскіе старообрядцы съумѣли и въ жизни сохранить пріемы древле-русскихъ обычаевъ, хотя и зовутъ себя поляками. Такъ, напримѣръ, они еще до сихъ поръ бредутъ врозь по старинному и оживляютъ дикія и глухія алтайскія мѣста новыми выселками. Село Алтайское уже отличается многолюдствомъ. Сюда пожелалъ пріѣхать къ нимъ для поученія тобольскій архіерей Аѳанасій, а потому послалъ впередъ священника провѣдать о томъ, насколько они согласны будутъ послушать его и какъ его примутъ съ походною церковью. Передовой вернулся и сообщилъ такіе отвѣты.

— Христосъ висѣлъ на крестѣ не со щепотью, (одни говорили), а съ нашимъ двуперстнымъ крестомъ и всему міру показалъ свой истинный крестъ и апостоловъ благословилъ этимъ креститься до конца вѣка, съ тѣмъ и на небо вознесся, а Никонъ патріархъ перемѣну сдѣлалъ.

— Никонъ (говорили другіе) помутилъ и порудилъ вѣру Христову и Христовъ крестъ перемѣнилъ, ввелъ щепоть, бритоусіе и проч., а потому-де архіерея слышать не хотимъ.

— Мы отъ священства не отбѣжны (отвѣчали третьи), а можетъ, кого дома не случится... Опять другого силой молиться не заставишь. Куда поѣдетъ отецъ-владыка, мы повеземъ; гдѣ будетъ служить, мы посмотримъ; будетъ учить, послушаемъ! Для чего не послушать?!

Четвертые велѣли отвѣчать такъ:

— Мы надобности не имѣемъ видѣть его преосвященство, а если ему угодно пріѣхать, мы встрѣтимъ и проводимъ; мы и корчемныхъ встрѣчаемъ и провожаемъ. Кто хочетъ смотрѣть, смотри, а мы видали.

Вторая партія (и самая значительная), также выгнанная изъ бѣлорусскихъ лѣсовъ Могилевской и Черниговской губерній, прошла дальше, на юго-востокъ Сибири, и теперь въ людныхъ, веселыхъ и богатыхъ селеніяхъ живетъ въ западной половинѣ Забайкалья, въ горахъ, тремя волостями. Сами себя эти старообрядцы называютъ также поляками, но у русскихъ сибиряковъ извѣстны болѣе подъ именемъ „семейскихъ“, такъ какъ пришли сюда семьями въ разные годы (первая партія въ 1755 году, вторая въ 1768 году, третья въ 1780 г.). При сытой и обезпеченной жизни и при нѣкоторой свободѣ ея (въ послѣднее время), эти семейскіе выродились въ людей замѣчательно крѣпкаго и красиваго тѣлосложенія, а женщины поражаютъ красотою лицъ и дородствомъ. Сибиряки, хотя и прозвали ихъ „нестрого-

выми сычами“ (за довольно вѣрную и примѣтную особенность), далеко уступаютъ имъ въ дородствѣ и силѣ. Женщины вольны на словахъ и на дѣлѣ, мужчины отличаются всѣ до единаго бойкостью языка и свободою въ разговорахъ. Про Россію и про своихъ тамъ единовѣрцевъ знаютъ всю подноготную, не теряя общеній и сближеній. Сами по себѣ остались вѣрны старой вѣры и старымъ обычаямъ; въ единовѣріе успѣли перейти изъ нихъ только тѣ, которые поселены на р. Чикоѣ, небольшое число въ селеніи Тарабагатаѣ, а больше нигдѣ. Иконы получаютъ изъ Екатеринбурга и тамъ писанныя; въ церковныхъ книгахъ чувствуютъ недостатокъ. „Въ Иркутскѣ хвастаютъ, что тамъ-де у архіерея нашихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свезешь; все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали попы и всякій, кому и не надо“. Издавна отнимали все завѣтное и наговаривали на нихъ всякія неподходящія злодѣянія. При всемъ этомъ семейские устояли на своемъ съ примѣтною твердостью и цѣльностью.

Въ 1812 году отняли у нихъ бѣглаго попа (Ивана Петрова, въ Куналейскомъ селеніи) и они руководились безъ него бабами и начетчиками, но безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Ходоки съѣздили въ Москву, добыли тамъ попа, охотливаго и рѣшительнаго, въ 1840 году. Попъ этотъ крестилъ младенцевъ, благословлялъ новоженовъ и погребалъ умершихъ. Совершитъ онъ обрядъ и спрячется. Начальство прознало, стало слѣдить, искать, нашло уже и мѣсто его пребыванія, но семейскіе успѣли спрятать его въ горахъ и рѣшились не выдавать. Пришелъ генералъ Безносиковъ съ войскомъ и съ приказаніемъ взять попа силою. Старообрядцы сначала не испугались, но когда главнѣйшихъ изъ нихъ, окруженныхъ толпою, солдаты вывели въ поле и какъ въ бунтовщиковъ прицѣлились изъ ружей и направили дула, всѣ упали на колѣни и обѣщали выдать попа. Увели генерала въ горы. Въ горахъ попа отдали, но опять заболѣли тою же болѣзнью: опять безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Снова семейскіе посылали ходоковъ въ Россію и снова получили въ 1850 году новаго попа, но на этотъ разъ изъ Калуги. Начальство опять узнало о томъ и опять пустилось на поиски. Засѣдатель, узнавъ отъ шпіоновъ, что попъ такого-то дня поѣдетъ тайною и скрытою дорогою, засѣлъ въ кустахъ и попа выждалъ, схватилъ, связалъ, отдалъ своимъ провожатымъ, а самъ поѣхалъ въ Бичуру, куда впередъ его поскакалъ верховой (говорятъ, одинъ изъ его провожатыхъ), который и разсказалъ въ селѣ бывальщину о попѣ и засѣдателѣ. Когда самъ засѣдатель показался въ тарантасѣ на улицѣ, нѣсколько сотенъ народа бросилось на него, вытащили изъ экипажа и, влача по улицѣ, били, мучили, насмѣхались надъ нимъ разными способами. Приведя засѣдателя въ избу и угрожая ему смертью, они вымогли у него приказъ отпустить попа. Сторожъ, видя приказъ написаннымъ дрожащею рукою, не хотѣлъ попа отдать. Послѣ того опять всѣ накинулись на засѣдателя, но на этотъ разъ одинъ изъ стариковъ оборонилъ его. Засѣдатель написалъ второй приказъ, по которому попа освободили, но самого засѣдателя старовѣры заперли въ склепъ. Эстафета, извѣщающая о событіи, убѣжала въ Иркутскъ, самъ Муравьевъ-Амурскій пріѣхалъ въ Бичуру, ласково поговорилъ со старовѣрами, склонилъ на отпускъ засѣдателя и на выдачу попа; самыхъ виновныхъ строго наказалъ. Попа посадили въ иркутскій монастырь, но въ 1860 годы старовѣры эти говорили намъ: „Намъ безъ попа стало опять жить не можно; опять попа надо выписывать, а надъ прежнимъ попомъ твори Богъ волю Свою“...

Бичурское дѣло на нашей памяти завершаетъ цѣлый рядъ такихъ дѣлъ, въ которыхъ, съ одной стороны, высказывается, на сколько ссылка не повліяла на дѣла вѣры сосланныхъ, а съ другой стороны, выясняется взглядъ на то же начальство и способы, ими употребляемые, изъ которыхъ, можетъ быть, только послѣдній былъ всѣхъ ближе къ цѣли. Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ глубже въ прошедшее, тѣмъ неопровержимѣе та истина, что сосланные по дѣламъ вѣры ссылкою не только не исправлялись, но даже приводимы были еще въ большее ожесточеніе и упорство. Въ этомъ отношеніи даже замѣчательно, что ссыльные люди были первыми проповѣдниками раскола и насадителями ученія, которое велитъ держаться всего стараго, начиная съ креста и книги и кончая бородою *).

Въ то же время, когда начался въ Россіи расколъ, началась и ссылка въ Сибирь раскольниковъ и, разумѣется, самыхъ упорныхъ изъ нихъ. Сибирь нашли они безъ церквей и священниковъ, населеніе разбросаннымъ по причинѣ той быстроты, съ которою разлилось оно по обширной странѣ и расселилось по ея широкимъ, многоводнымъ и привольнымъ рѣкамъ**).

---

*) Старую икону ссыльные старовѣры старались внести между нераскольниками и, судя по архивнымъ памятямъ, нанчаще записывались въ цехъ иконописцевъ. Указомъ 1845 г. это было запрещено.

**) Быстрота, дѣйствительно, изумительная: въ 1586 г. основанъ Тобольскъ и Тюмень, черезъ 6 лѣтъ (1592) Пелымъ, въ слѣдующемъ году Березовъ и Сургутъ, въ слѣдующемъ (1594) Тара, затѣмъ (1595) Нарымъ и Кетсъ, черезъ три года (1598) Верхотурье, 1600 Обдорскъ и Мангазея, Туринскъ въ 1601. Черезъ 18 лѣтъ русскіе были за Барабинской степью: въ 1604 основали Томскъ, въ 1609 году они уже на устьяхъ

Во сто лѣтъ, предшествовавшихъ появленію въ Сибири старообрядцевъ, занята была вся обширная сѣверная пустыня. Когда жилъ въ Тобольскѣ передовой изъ нихъ и самый ревностный проповѣдникъ, протопопъ Аввакумъ, передовые казаки съ Хабаровымъ пробрались на Амуръ и строили на его берегу Албазинъ. Во сто лѣтъ русское племя успѣло уже достаточно укрѣпиться, освоиться и завести свои порядки. Разселялось оно съ тѣми пріемами, какъ населялся и сѣверъ Россіи, тѣми же людьми новгородскаго происхожденія, но съ тѣмъ отличіемъ, что на этотъ разъ промышленные люди и казаки шли одни, безъ существенной помощи и поддержки, которая на сѣверѣ Россіи выразилась въ содѣйствіи монастырей и отшельниковъ, благочестивыхъ людей, которые умѣли закрѣплять пріобрѣтенныя мѣста новыми поселеніями, едва ли не болѣе прочными, чѣмъ поселенія промышленныя. На сѣверѣ Россіи едва скоплялась слобода, какъ уже являлась въ числѣ первыхъ сооруженій и церковь, а при ней попъ. Въ Сибири прежде слободы сооружался острогъ въ дикихъ и непроходимыхъ лѣсахъ, окруженный рвомъ въ сажень глубиною, въ двѣ шириною, затѣмъ земляным валомъ и защищенный частоколомъ изъ заостренныхъ бревенъ по угламъ съ 4-мя бойницами. Около рва, на осадное время, насыпался рядъ чесноку (рогулекъ о 3 и 4 спицахъ) сначала деревяннаго, а за нимъ желѣзнаго, сдѣланнаго изъ копьецовъ со стрѣлъ. Брошенный на землю чеснокъ становился на двѣ ножки, двумя другими торчалъ кверху, затрудняя приступъ. На частоколѣ становились колья, куда клали смолевую лучину для освѣщенія ночью. Палисадъ защищалъ нѣсколько деревянныхъ избушекъ, нерѣдко землянокъ, нѣсколько лавокъ и высокій раскатъ, срубленный посреди острога, изъ котораго стрѣляли изъ пушекъ; тутъ же былъ и колодезь, отъ котораго на четыре стороны шли желоба, чтобы, на случай пожара, у каждой стѣны была вода. Здѣсь надо было, среди непріязненныхъ сосѣдей, отстаивать сначала свою жизнь отъ стрѣлъ и голодной смерти, упрочивать за собою занятое мѣсто, чтобы вскорѣ потомъ, по указу разгулявшихся воеводъ и атамановъ, уходить искать новыхъ землицъ и строить новые остроги. Въ нихъ, вмѣсто церкви, являлась часовня и нерѣдко далеко послѣ всѣхъ другихъ сооруженій. О попѣ на первыхъ порахъ и помину не было. Казаки и промышленные люди, вооруженные ружьями, ножами и топорами, по временамъ таща на себѣ ржавую пушку, продирались сквозь трещи мрачныхъ и густыхъ тайговыхъ лѣсовъ или, довѣрившись утлой ладьѣ, неслись по рѣкамъ, пытаясь проникнуть въ невѣдомыя страны. Пораженные видомъ русыхъ людей съ бородами, которые не боятся смерти, лѣзутъ на копья и стрѣлы, горсть нападаетъ на силу втрое большую, — туземцы или добровольно сносили мѣха и ясакъ всякаго рода, или на встрѣчу чужеземцевъ высылали стрѣлы и выходили сами съ боемъ. Но и тогда, какъ казаки останавливались острогомъ, дикари не переставали высиживать наѣздами и всякою хитростью, какая только могла быть доступна неразвитому, но озлобленному уму. Стрѣлы не вредили людямъ въ доспѣхахъ, а казачьи пули клали на смерть дикарей, которымъ оставалось одно: назвать пришельцевъ „лоча" (лѣшими). Безъ огнестрѣльнаго оружія, безъ всякой организаціи, дикари, однако же, уступили и изнемогли передъ ничтожною горстью казаковъ, шедшихъ шайками изъ сотни либо полусотни человѣкъ, и видѣли, какъ рѣжутъ атамановъ, сѣкутъ и рубятъ остальныхъ и бѣгутъ ихъ князья и владѣльцы. Эти сотни и полусотни, крадучись волками промежду туземныхъ жилищъ и пробираясь лѣсами, утоптали первые слѣды историческаго грунта Сибири и пробили тропы для цивилизаціи. Гдѣ можно было удержаться отъ боя, пришельцы брали лестью и уговоромъ. Черезъ толмачей, которыхъ всегда брали съ собою, говорили сибирскимъ туземцамъ: „Нашъ государь-царь силенъ, и великъ и страшенъ, но милостивъ и праведенъ, кровей не искатель. А у государя въ одномъ сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей многое множество, къ ратному дѣлу навычныхъ, а бьются они, не щадя головъ своихъ". Обросшій волосами и зачерствѣлый отъ трудовъ и необычайныхъ походовъ, сибирскій казакъ горѣлъ одною страстью грабежей и завоеваній, привыкъ къ приключеніямъ въ лѣсахъ, степяхъ и льдахъ; закаленный морозами, онъ уже былъ безразличенъ ко всему, кромѣ жажды стяжаній. Изнашивая наслѣдственныя свойства, пріобрѣтенныя на родинѣ, сибирскіе пришельцы изъ Россіи поступались ими, въ силу обстоятельствъ и ради корысти, въ виду новыхъ туземныхъ, вліявшихъ неотразимо и настойчиво. Износилъ казакъ одежду, сталъ наряжаться по сибирски; охладѣлъ къ вѣрѣ, сталъ заражаться языческою туземною, къ воспріятію каковой и безъ того мягкая почва, сверхъ того, была еще сильнѣе разрыхлена и еще болѣе приспособлена.

Когда, черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ построенія Тобольска, въ немъ была открыта епископская каѳедра (30-го мая 1621 г. прибылъ первый сибирскій архіерей), когда, такимъ образомъ, представилась возможность повѣрки тѣхъ религіозныхъ убѣжденій, при какихъ оказались въ Сибири пришедшіе изъ Россіи люди, — многое представилось въ ужасномъ видѣ. Казаки,

Енисея основали Туруханскъ, въ 1619 на Енисеѣ Енисейскъ, въ 1632 на Ленѣ Якутскъ, вскорѣ на Ангарѣ въ 1652 Иркутскъ, въ 1695 русскіе были уже въ Камчаткѣ. Съ небольшимъ во сто лѣтъ занята одна изъ громаднѣйшихъ странъ въ свѣтѣ.

увлеченные завоеваніями и промысломъ, успѣвшіе ознакомиться съ туземцами и войти съ ними въ ближайшія сношенія, оказались задичавшими почти до уровня тѣхъ же дикарей-язычниковъ. Уже въ 1622 г. извѣстно было на Москвѣ, что сибиряки не носятъ крестовъ, не соблюдаютъ постовъ, ѣдятъ всякую скверну, живутъ съ некрещенными женами, кумами и сестрами своихъ женъ (свояченицами). При отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя чѣмъ выкупить, женятся на другихъ. Какіе успѣли завестись монастыри, въ тѣхъ обителяхъ монахи и монахини живутъ вмѣстѣ или, уходя изъ монастырей, опять живутъ въ мірѣ. Сами духовные потворствуютъ всѣмъ новымъ порядкамъ, какіе завели русскіе люди въ новой странѣ: умыканіе (воровство) невѣстъ, многоженство, отчужденіе отъ церкви. Уже отъ простыхъ служивыхъ людей начинали слышаться дерзкія рѣчи противъ уставовъ церкви (одного Сургучева думали даже сжечь за то живымъ въ самомъ Тобольскѣ), уже многіе и въ самомъ епископскомъ городѣ (по свѣдѣніямъ 1649 г.), вмѣсто духовныхъ лицъ, стали обращаться къ „чародѣямъ и волхвамъ и богомерзкимъ бабамъ". „Въ домы пущаютъ и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія всякихъ православныхъ христіанъ отлучаютъ". Между тѣмъ, наличное духовенство о паствѣ своей не заботилось, думая больше о себѣ и услаждая себя „грѣховнымъ и зельнымъ пьянствомъ", такъ что митрополитъ сибирскій Павелъ (въ 1680 г.) принужденъ былъ отбирать въ архіерейскую кладовую всѣ церковныя суммы изъ опасенія, чтобы попы и церковники, бражничая вмѣстѣ со старостами и раздавая казну въ частные долги, не растратили ее вовсе.

Не останавливаясь пока на объясненіи тѣхъ безчисленныхъ причинъ, которыя заключены въ самомъ духовенствѣ и въ силу которыхъ расколъ имѣлъ такой успѣхъ въ Сибири, снизошедшей до язычества, мы не станемъ, изъ боязни повториться, рызсказывать объ успѣхахъ такихъ толковниковъ, какъ Аввакумъ, который, живя долгое время въ Тобольскѣ, увлекалъ массы. Все это происходило въ то время, когда самъ архіепископъ сибирскій Симеонъ цѣлый годъ находился подъ запрещеніемъ, не имѣя права служить даже литургію. Не меньшимъ успѣхомъ пользовался сосланный въ 1660 году монахъ Іосифъ Истоминъ, 24 года странствовавшій съ проповѣдью по сибирскимъ городамъ: Верхотурью, Туринску и Тюмени, гдѣ и теперь значительное число старообрядцевъ. На помощь имъ бѣжали въ Сибирь гонимые тамъ старовѣры значительнымъ многолюдствомъ. Успѣхъ раскола казался настолько опаснымъ, что стали прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. За тарскими жителями до сихъ поръ сохраняется отъ старины прозваніе „коловичей" за то, что прадѣдовъ ихъ искоренители сильно развившагося раскола за упорство сажали на колъ. Успѣхъ проповѣдниковъ былъ настолько великъ и почва народная до того воспріимчива, что когда, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ средствъ къ вразумленію, прибѣгли къ помощи и содѣйствію вооруженныхъ командъ, раскольники отвѣчали самоубійствами въ формѣ неоднократныхъ самосожженій большими толпами въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Томскомъ и другихъ округахъ. Испуганный успѣхами пропаганды, Петръ I, указомъ 1722 г., принужденъ былъ воспретить ссылку въ Сибирь раскольниковъ и обратилъ ихъ для заточенія въ крѣпость Рогервикъ (нынѣшній Балтійскій-Портъ). Въ итогѣ осталось одно: расколъ усилилъ въ сибирскомъ населеніи подвижность, бродяжество и этимъ способствовалъ тому, что, уходя въ лѣса за учителями, сибирскій народъ ладилъ селенія тамъ, гдѣ не могли бы они имѣть мѣста по обычнымъ и завѣтнымъ пріемамъ промышленныхъ людей держаться береговъ главныхъ рѣкъ. Продолжимъ наши наблюденія за Байкаломъ въ мѣстахъ каторжныхъ, а потомъ обратимся къ мѣстамъ ссыльныхъ поселеній.

Удержался расколъ старообрядства и до нашихъ дней за Байкаломъ и пріобрѣтаетъ новыхъ прозелитовъ, благодаря тому главному обстоятельству, что сибирское духовенство было безсильно бороться съ нимъ—бѣдное нравственными средствами (недавно еще или необразованное или совсѣмъ безграмотное), но богатое средствами матеріальными, на пріобрѣтеніе которыхъ, въ ущербъ прямому долгу, тратило и тратитъ много времени и много силъ *). Значительная часть духовныхъ лицъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи достигла того матеріальнаго довольства, что ихъ справедливо называютъ богачами, и встала въ то положеніе, когда народъ, и ближній и дальній, начиналъ смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ, какъ на замѣчательныхъ хозяевъ, умѣвшихъ забрать въ свои руки всю окольную торговлю. Въ купцѣ-монополистѣ, вродѣ Кандинскаго, въ хозяинѣ-счастливцѣ, у котораго и лошади и рогатый скотъ ведутся въ великомъ множествѣ, а клѣти трещатъ отъ избытка ссыпного хлѣба, въ кладовыхъ сложены сорочки пушного драгоцѣннаго товара—въ такихъ чудодѣяхъ для сибирскаго народа нерѣдко совсѣмъ исчезаетъ безъ слѣда образъ друга, болѣе необходимаго и дорогого. Не съ желаніемъ руководства и поученій, ради душевнаго спасенія и объясненія грѣховныхъ

*) Какъ образчикъ слабости духовнаго вліянія, представляются, между прочимъ, финны изъ секты скакуновъ, сосланные на поселеніе изъ Ингерманландіи и разсѣянные по Якутской области:—съ 1859 года они не видали ни одного пастора. Живущему въ Иркутскѣ приходится объѣзжать 6 тысячъ верстъ, чтобы попасть въ Якутскъ.

сомнѣній, а для того же грѣховнаго дѣла, со шкурами соболей и бѣлокъ для продажи или съ просьбою о денежной ссудѣ подъ залогъ имущественный, ходятъ свободные сибиряки къ своимъ духовнымъ отцамъ, не только по многимъ мѣстамъ Сибири, но и за Байкаломъ. За Байкаломъ еще больше, чѣмъ гдѣ либо, духовенство слабо численностью и духовнымъ вліяніемъ на окрестный народъ, во всякомъ случаѣ всѣхъ больше имѣющій право на духовную помощь и руководство. Здѣсь злодѣи, бродяги и всякій испорченный людъ всего чаще нуждаются въ объясненіи нравственныхъ истинъ, а между тѣмъ, на всѣхъ 1.200 человѣкъ (въ нашъ проѣздъ еще работавшихъ въ кандалахъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ) полагался одинъ священникъ и одна церковь, но и тѣ подъ наметомъ.

Если казна открывала рудное богатство, на этомъ мѣстѣ очень скоро она успѣвала собирать скороспѣлое населеніе и въ числѣ заботъ полагала, между прочимъ, сооруженіе церкви; но или церкви эти являлись настолько малыми, что далеко не вмѣщали въ себѣ всего числа молельщиковъ, либо храмъ освящался тогда, когда рудникъ уже выработался или заводъ оказался невыгоднымъ и непроизводительнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появленіе церкви прямо свидѣтельствовало о томъ, что забота объ исправленіи ссыльныхъ вовсе не входила въ число нравственныхъ обязанностей попечителей. Это мѣсто вѣроятнаго и временнаго успокоенія духа и совѣсти являлось, какъ обязательная и неизбѣжная принадлежность при селеніи и при священникѣ, который получалъ командировку сюда вмѣстѣ съ причтомъ и ассигновкою жалованья *). Если рабочіе немного родятъ, не часто брачуются, то все же они и умираютъ, а начальство требуетъ отъ нихъ ежегодной исповѣди и причащенія св. таинъ.

Такимъ образомъ, арестантъ на каторгѣ только рабочая сила, а въ жизни и быту преступный спитъ на одной койкѣ съ невиннымъ, молодой со старымъ, опытный бродяга со вчера пришедшимъ, и для всѣхъ равно жизнь безъ услады, сомнѣнія безъ разрѣшенія, тоска безъ утѣшенія. Обязательныхъ утѣшителей видятъ только при случаѣ смерти товарища и, издали, при проходѣ на работы. Суровое обращеніе постоянно раздражаетъ, безпросвѣтная жизнь становится тяжелымъ бременемъ, а безконечныя работы доводятъ до отчаянія. Гдѣ же тотъ человѣкъ, который умѣлъ бы заглянуть въ прошлое и узнать изъ него о вѣрныхъ способахъ къ исправленію и сокрушенію о старыхъ грѣхахъ, гдѣ этотъ человѣкъ, который внушалъ бы нравственность и все то, что должно служить цѣлью и средствомъ карательныхъ учрежденій? Таковыхъ на каторгѣ не полагается вовсе. Бываютъ зачастую только такіе, для которыхъ эти высокія цѣли совсѣмъ не понятны или вовсе не доступны, особенно, если остановимся на дальнихъ мѣстахъ заточенія, каковы интересующіе насъ нерчинскіе рудники и заводы. Бывали тамъ и совсѣмъ безнадежные люди, о которыхъ архивныя дѣла и народная память сохранили такіе факты.

Вотъ два архивныхъ и судебныхъ факта, которые нарочно мы беремъ изъ двухъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другого заводовъ. Между обоими событіями легло разстояніе 20-ти лѣтъ.

Въ Дучарскомъ заводскомъ госпиталѣ умираетъ казакъ Ослоповъ и желаетъ видѣть священника. Горный унтеръ-офицеръ побѣжалъ за послѣднимъ. Священникъ находился въ домѣ рудовоза Московскаго и былъ пьянъ.

Унтеръ-офицеръ Калашниковъ подошелъ подъ благословеніе и сказалъ:

— Ступай, батюшка, я за тобой пришелъ! у насъ больной есть и умираетъ, а ты пьянствуешь.

— Я и самъ боленъ, — отвѣчалъ батюшка:—и не иду. Ты ступай за гындыбойскимъ попомъ, а я еще не явился въ команду и идти надобности не имѣю.

— Какъ не идешь, я и за волосья потащу, такъ какъ въ нашемъ мѣстѣ вашу братью, поповъ, бьютъ, не спрашиваютъ.

Священникъ, вставъ съ мѣста „неприкѣтно, чтобы былъ довольно пьянъ“, говоритъ Калашникову:

— Когда имѣешь волю бить, такъ бей же!

И легъ на лавку, говоря:

— Вишь, я боленъ, у меня душа выходитъ.

Священникъ, однако, въ госпиталѣ былъ и больного исповѣдывалъ, но, произнося три раза слова: „прощаю и разрѣшаю“, три раза ударялъ больного палкою.

Больной умеръ, а дѣло было переизслѣдовано подъ присягою.

Въ Петровскомъ заводѣ, въ праздничный день, приходитъ священникъ служить заутреню, шатаясь во всѣ стороны. Причетники старались его отклонить отъ служенія, „однако, отвратить отъ того никакъ не могли“. Попавъ въ алтарь и возложивъ на себя эпитрахиль и самую

*) Такъ, напримѣръ, Александровскій винокуренный заводъ (подъ Иркутскомъ) основанъ былъ въ 1787 году—церковь освящена въ немъ въ 1835. Въ Ильгинскомъ заводѣ, въ 1842 году, построена была (разумѣется, деревянная) церковь; въ 1844 году она сгорѣла, а вскорѣ и самый заводъ былъ уничтоженъ. Петровскій желѣзный заводъ построенъ въ 1790 г., а дѣло о церкви въ горномъ правленіи началось въ 1801 году; въ 1760 построенъ Дучарскій серебряный заводъ, въ 1783 началось дѣло о постройкѣ въ немъ церкви въ одно время съ таковою же для Кутомарскаго завода, построеннаго въ 1764 г., и проч.

лучшую ризу, онъ растворилъ царскія врата, сдѣлалъ начало, но „засимъ, въ виду довольнаго числа предстоящихъ мужского и женскаго пола міранъ, не могъ сказывать эктеніи, потому что былъ въ хмѣльномъ положеніи. За всѣмъ симъ, при неоднократныхъ выходахъ изъ алтаря, въ бывшемъ на немъ облаченіи, валялся по полу церкви, такъ что мы неоднократно онаго поднимали и вводили въ алтарь, упрашивая, дабы онъ оставилъ дѣйствіе служенія“. Священникъ не согласился и вслухъ всѣхъ предстоящихъ дьячковъ ругалъ „площадными ругательствами“, затѣмъ снялъ ризу, вышелъ изъ алтаря въ церковь „къ мірянамъ и погналъ всѣхъ вонъ; между тѣмъ, бывшая пожилыхъ лѣтъ старушка Московчиха, по описанной старости нѣсколько отъ прочихъ пріостановилась въ церкви; упоминаемый же священникъ, замѣтивши оную, бросясь къ ней, выгонялъ изъ церкви съ причиненіемъ ей удара. Послѣ же всего онаго, упавши на амвонъ, уснулъ. Почему мы, тогда распорядясь, послали въ квартиру его за лошадью; по приводѣ же оной, мы, взявши того священника подъ руки, вывели изъ церкви, положа въ пошевни и отправили въ его квартиру“.

А вотъ и тотъ фактъ, который сохраненъ народною памятью.

Въ Акатуѣ жилъ спущенный съ цѣпи извѣстный бродяга и большой злодѣй Филиппов—человѣкъ невысокаго роста, худощавый, сугорбый, но обладавшій необыкновенною силою. Выраженіе лица его отличалось чрезвычайною скромностью. Говорилъ онъ всегда тихимъ, вкрадчивымъ, богомольнымъ голосомъ. Самъ себя называлъ неумытнымъ грѣшникомъ, молился всегда горячо, обливаясь слезами. Когда усиливалась его набожность, знавшіе и привыкшіе къ нему боязливо присматривали за нимъ съ вѣрнымъ разсчетомъ на то, что Филиппов таитъ на умѣ что нибудь недоброе, прячетъ какое нибудь звѣрское или злодѣйское намѣреніе. Разъ, въ такомъ настроеніи, онъ пошелъ на испытаніе и соблазнъ священника, такъ какъ по званію „пропитаннаго“ гулялъ уже на свободѣ послѣ акатуевской стѣнной цѣпи.

Явился онъ съ низкими поклонами и, сложивъ на груди преступныя руки, своимъ обычнымъ набожнымъ голосомъ выразилъ раскаяніе, желаніе исправленія и поученій. Священникъ обратилъ на него вниманіе, сталъ говорить и слушать.

— Одно,—говорилъ ему Филиппов:—одно мѣшаетъ моему примиренію съ Богомъ, я знаю дьявольскій секретъ удвоить всѣ тѣ деньги, какія имѣешь. И забыть его не могу и жжетъ онъ мнѣ и мозги и внутренности.

Секретъ этотъ Филиппов повѣдалъ. Исполненіе секрета требовало кое какихъ рѣшительныхъ мѣръ: надо было на цѣлую ночь положить на себя заклятіе, лечь спать, не молившись Богу, и снять съ шеи крестъ; деньги положить подъ подушку и въ постели лежать не шевелиться. По утру деньги найдешь удвоенными.

Священникъ, расказываетъ народная молва, соблазнился; легъ попытать счастья и поутру вынулъ вмѣсто пяти рублей десять. Филиппов сдѣлался другомъ. О нравственныхъ поученіяхъ перестали и думать и говорить. На деньги охотились еще раза два: чертъ хорошо служилъ свою службу, производя по ночамъ свои коммерческія операціи. Рѣшились положить подъ подушку всѣ триста рублей. Филиппов, по обыкновенію, сунулъ бумажку съ заклятіемъ подъ подушку, но на этотъ разъ деньги прилипли къ его рукамъ и онъ пересталъ показываться въ домѣ священника. При встрѣчѣ на улицѣ отговаривался тѣмъ, что рано-де всталъ и помѣшалъ черту, а при угрозахъ и самъ пригрозилъ архіереемъ. Чиновники, въ свою очередь, посовѣтовали махнуть рукою на мошенника и никогда съ нимъ больше не связываться.

Эта недавняя и, въ то же время, свѣжая легенда, еще владѣвшая возможностью и правомъ указывать на лица, называть имена и мѣста дѣйствія, заключаетъ собою весь рядъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ къ ссыльнымъ, отношеніяхъ, въ которыхъ много матеріальнаго, но мало духовнаго. О другихъ мы не разсказываемъ теперь по недостатку мѣста и неудобству, но еще не слыхать было ни объ одномъ такомъ случаѣ, гдѣ бы участіе священниковъ благотворно подѣйствовало на обращеніе и исправленіе ссыльныхъ. Вмѣсто того, въ архивныхъ дѣлахъ то и дѣло получались свѣденія о томъ, что въ такомъ-то заводѣ двое ссыльно-каторжныхъ духоборцевъ обратили въ свою вѣру ссыльно-каторжнаго православнаго; тамъ скопцы оскопили нѣсколько человѣкъ изъ прихожанъ нессыльныхъ; здѣсь замѣчено, что многіе изъ православныхъ, чтобы избѣжать говѣнія и исповѣди, нарочно сказывались старообрядцами. Столь обычное дѣло въ Россіи здѣсь выразилось тѣмъ же исходомъ: уличенные охотно платили денежные штрафы, но отъ церковныхъ обрядовъ уклонялись, не будучи вовсе старовѣрами. Не способные оправдаться при помощи взятки, по русскому обычаю, за Байкаломъ подвергались наказанію строгою эпитимьею: ихъ ставили на колѣни въ церкви, держали ихъ въ притворѣ, на папертн; въ случаяхъ упорства ссылали въ монастыри на сроки. Дѣла живыя не поправлялись, потому что и архивныя съ поразительною ясностью продолжали указывать на то, что вотъ надзоръ за отступниками вступилъ въ обычную и привычную колею

равнодушія, а между тѣмъ, ссыльный подъ рукою креститъ бурята и становится субъектомъ цѣлаго судебнаго разсказа, подъ заглавіемъ: „О ложномъ крещеніи ссыльнымъ Орловымъ братскаго Даримова". Въ силу понужденій, адресованныхъ издалека и подтвержденныхъ вблизи, началась усердная систематическая дѣятельность на пользу православія; горное начальство рѣшилось показать образцы и способы пропаганды своему духовенству, само принялось за стряпню—и, вотъ, въ архивѣ слѣды этого дѣла въ жалобахъ на крутыя мѣры и въ рапортѣ разсказъ одного пристава о томъ, что такая-то женщина, изъ раскольницъ, съ сыномъ перерѣзала себѣ горло. Когда возникаетъ вопросъ о томъ, что это за вѣра, за которую ссыльные рѣшаются на самоубійство?—мѣстное духовное начальство, по собраннымъ справкамъ у знающихъ людей, свидѣтельствовало свои знанія и рекомендовалось ими передъ горнымъ начальствомъ и передъ потомствомъ такою краткою историческою запискою (сохранившеюся въ архивѣ нерчинскаго Большого завода):

„Содержащаяся ими секта разнится отъ греко-россійской церкви въ сложеніи креста, съ малою перемѣною въ словахъ при церковномъ служеніи. Въ житіи же происходитъ такъ, что у нихъ, по неимѣнію въ этой сектѣ священниковъ, рождающимся младенцамъ имена нарекаютъ и погруженіе, подобно крещенію, дѣлаютъ иногда бабки, а иногда и грамоту разумѣющіе старики, а когда случаются той секты священники, то оные дѣлаютъ мυропомазаніе". И только!

Если удивятъ такіе невѣдомые, словно изъподъ земли вышедшіе люди (какъ поступили, напр., казаки, сосланные изъ уральскаго войска), удивятъ и обидятъ болѣе рѣзкимъ и крайнимъ упорствомъ (не позволяютъ стричь волосъ и бородъ, не пойдутъ на работу)—ихъ исправляли кнутомъ, давали удары десятками. На этомъ же кнутѣ ѣхали и дальше: одинъ и послѣ наказанія готовъ „лишиться жизни, но въ работѣ не быть", его снова подвергали наказанію: два раза плетьми и два раза кнутомъ. Кто упорствовалъ и послѣ того, тѣмъ полагали „ограниченную дачу провіанта, достаточную только для поддержанія жизни", и учреждали надзоръ, чтобы ни отъ кого пособій со стороны ни получали". „Успѣху не было"—сокрушалась нерчинская горная экспедиція *).

За Байкаломъ существовала на англійскія деньги великобританская миссія, направленная противъ язычниковъ и жившая въ Селенгинскѣ. Существуетъ тамъ же, въ Посольскомъ монастырѣ, на русскія деньги православная миссія для обращенія въ христіанство мѣстныхъ бурятъ; но миссіи, направленной на помощь и содѣйствіе ссыльнымъ, для поученія и исправленія заключенныхъ, еще не было и въ проэктѣ. До тѣхъ поръ тѣ, которые прегрѣшили противъ вѣры и за эти преступленія сосланы въ Сибирь, продолжали жить тамъ предоставленными самимъ себѣ и если оставались и здѣсь при старомъ—при полной возможности пуститься на другія и новыя преступленія, то зачѣмъ они здѣсь? Зачѣмъ въ Россіи всѣ разнородные виды противорелигіозныхъ дѣяній сведены безразлично въ одну категорію?

На каторжныхъ работахъ, само собою разумѣется, преступниковъ противъ вѣры не различали отъ убійцъ и грабителей, не имѣя на то никакого права, а затѣмъ, сообразно съ такимъ взглядомъ, и трактовали этихъ людей.

Для полноты картины, перенесемся изъ Восточной Сибири въ Западную и, для характеристики отношеній старообрядцевъ къ мѣстному духовенству и наоборотъ, остановимся на тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно распространена старая вѣра въ близкомъ сосѣдствѣ съ уральскими заводами и Россіею. Эта мѣстность, ограниченная на востокѣ Барабинскою степью, на югѣ Киргизскою и теряющая границы на западѣ въ пространствахъ Россіи, представляетъ собою непрерывную цѣпь населенія, придержавшагося стараго креста и дониконовскихъ церковныхъ обрядовъ. Въ ней расколъ почти столько же древенъ, какъ и въ самой Москвѣ. Въ деревнѣ Лепехиной, Ялуторовскаго округа (Ингалинской вол.), до сихъ поръ молитвенный домъ старовѣровъ въ рукахъ потомковъ извѣстнаго въ исторіи ссыльнаго стрѣльца Якова Лепехина. Церковь эта была небольшая ветхая избушка, возбуждавшая сильное археологическое подозрѣніе на ту, въ которой молились древніе стрѣльцы. Стояла она въ глубокой, съ трудомъ проницаемой тѣснинѣ обывательскихъ домовъ. Внутренность ея представляла нѣчто необыкновенное по богатству окладовъ образовъ, которыми уставлена была избушка сверху до низу въ два яруса, вродѣ иконостаса. Иконостасъ этотъ, по обилію иконъ древняго пошиба, въ глазахъ старовѣровъ представлялся громаднымъ сокровищемъ, не имѣвшимъ даже цѣны. Деревушка, сохранившая за собою имя своего древняго основателя, населена крестьянами-поповцами, носящими въ Сибири у своихъ названіе „стариковщины", у постороннихъ извѣстныхъ подъ об-

*) Въ 1775 году яицкіе казаки, приверженцы Пугачева, разселены были по разнымъ мѣстамъ Забайкалья: наиболѣе виновные и упорные при заводахъ и рудникахъ на каторгѣ, остальные на поселеніи въ деревняхъ. Такъ, между прочимъ, въ Газимурской сотнѣ (въ деревнѣ Калгинской) поселены были 32 человѣка. Каждому выдано было отъ казны на покупку лошадей по 5 руб., а начальникамъ велѣно наблюдать, чтобы казаки лошадей непремѣнно купили (дѣло Нерч. Бол. Зав. 25 мая 1776 года).

щимъ прозваніемъ „кержаковъ“,—прозваніемъ, приписываемымъ всѣмъ старовѣрамъ за то, что, большею частью, они имѣли сношенія со скитами рѣки Керженца (съ керженецкими поповщинами Нижегор. губ., Семеновскаго уѣзда). Пришли они сюда съ Урала, изъ тамошнихъ заводовъ, какъ бѣглые отъ тяжелыхъ работъ, а здѣсь и сейчасъ всѣхъ старовѣровъ зовутъ также „кержаками“, уже по прямому указанію на извѣстный притокъ Волги.

Во всей западной половинѣ Сибири, по рѣкамъ Иртышу, Ишиму и Тоболу, гуще другихъ населенной, общественное мнѣніе и свидѣтельства крестьянъ указываютъ на поселенцевъ, сосланныхъ за религіозныя мнѣнія, какъ на совратителей. Хотя еще до сихъ поръ не изобрѣтены средства узнавать, кто кого совратилъ, и хотя, само собою разумѣется, прямой путь—нападать на невинныхъ (путь, которымъ привыкли ходить и въ Сибири), тѣмъ не менѣе, поселенцы завиняются первыми. Въ особенности пользуются успѣхомъ, говорятъ, тѣ изъ нихъ, которые перечислены изъ Восточной Сибири въ Западную, а между ними наибольшею склонностью къ пропагандѣ отличаются филиппоны и ѳедосеевцы. Увѣренно наслѣженныхъ оказалось немного: извѣстенъ Плотниковъ, вѣнчавшій сводные браки. Его приговорили въ ссылку и сослали въ Каинскъ; онъ не унялся—услали дальше. Онъ дѣлалъ своды священническимъ вѣнчаніемъ. Послѣ него стали сводить родительскимъ благословеніемъ съ прочтеніемъ молитвъ и съ возложеніемъ на главы иконы. Другой передъ смертью завѣщалъ раздать своимъ единовѣрцамъ 25 тыс. руб. сер. Изъ другихъ совратителей извѣстны: солдаты Кайгородовъ и Колмаковъ, вліяніе которыхъ выразилось въ молитвенныхъ пріемахъ. На молитвѣ стали становиться правильными рядами или шеренгами, поклоны начали класть не врозь, по желанію, а всѣ разомъ по уставу и по образу „полета птицъ, дѣлающихъ взмахи крыльями передъ небеснымъ Царемъ вдругъ, или, подобно метанью ружья солдатами, передъ царемъ земнымъ“. Кромѣ архіерея, жившаго въ 15 верстахъ отъ Оренбурга, старовѣры пользовались вліяніемъ даже одного изъ ссыльныхъ поляковъ, умѣвшаго разыгрывать роль старовѣрскаго наставника и попа, нажившаго такимъ способомъ большія деньги. Этотъ полякъ (старовѣрскій попъ) былъ сосланъ въ сибирскіе батальоны за участье въ революціи 1831 г. и такъ ловко поддѣлался къ старовѣрамъ, что они деньгами купили для него увольненіе отъ военной службы. Въ странѣ, гдѣ издревле религіозный фанатизмъ былъ такъ великъ, что велъ къ самосожженіямъ (по Тобольской губ. извѣстны 33 случая, изъ которыхъ первый принадлежитъ 1682 году, а послѣдній 1828), въ странѣ, гдѣ всѣ мѣстныя условія благопріятны свободѣ ученія, старообрядство воспользовалось значительными успѣхами (см. статью „Самоубійства“). Успѣхи до того были примѣтны, развитіе въ Сибири раскола такъ сильно, что съ 1831 г. прекратили туда ссылку преступниковъ противъ вѣры и сбили счетъ. Участье духовенства въ этомъ отношеніи, именно здѣсь, выразилось чертами характерными и доказанными.

Прежде всего, положеніе среди двухъ огней, изъ которыхъ одинъ больно жегся, другой пріятно грѣлъ, всегда ставило и сибирское духовенство въ тѣ ложныя условія, при которыхъ выходило одно изъ двухъ: или мало пишешь бывшихъ на исповѣди—значитъ, нерадивъ, небрежешь объ овцахъ, не миссіонерствуешь, а за это — архіерейскій выговоръ, замѣчаніе, штрафъ, вызовъ въ консисторію для личныхъ объясненій; или пишешь не бывшихъ бывшими, некрещенныхъ крещенными—стало быть усердіе есть; виновные доносить не умѣютъ и, на мѣсто доносовъ, привыкли платить приносами, т. е. хлѣбомъ и деньгами; практика извѣстная, освященная вѣковымъ опытомъ. Въ 1751 году въ селѣ Карнецкомъ сожглись 25 человѣкъ крайнихъ фанатиковъ ѳедосеевскаго толка, которые оказались въ приходскихъ книгахъ всѣ записанными въ православіе, бывшими на исповѣди и у св. причастія. Не такъ давно умеръ священникъ, отправившій въ банкъ 36 т. р. асс., и крестьяне объясняютъ гласно оба эти яркія явленія тѣмъ, что за дозволеніе не быть у исповѣди платятъ по 1 руб. за душу и что бывали примѣры, когда священники продавали право перехода изъ православія въ расколъ за такое ничтожное вознагражденіе, какъ, напр., фунтъ чая. Процедура въ послѣднемъ случаѣ была обычная: православный крестьянинъ переставалъ ходить въ церковь и на исповѣдь—священникъ доносилъ объ этомъ. Назначалось слѣдствіе. Отступника вызывали на увѣщаніе или улещаніе (какъ крестьяне привыкли выражаться); въ духовномъ правленіи онъ устаивалъ на своемъ. Совѣщательный комитетъ, по закону, отдавалъ его затѣмъ на увѣщаніе мѣстному священнику, тому самому, съ которымъ уже сдѣлана сдѣлка. Увѣщатель писалъ начальству своему: „непреклоненъ“. Число остальцевъ древняго благочестія увеличивалось. Новоприбылые самодовольно говорили всѣмъ: „Хоть и дорого встало, да за то ужъ теперь спокоенъ“. Православному священнику оставалось наблюдать только за тѣмъ, чтобы отбившаяся отъ стада овца не сдѣлала „внѣшняго оказательства“. Конечно, она этого не дѣлала, никогда и ни за что этого не дѣлала.

Лѣтъ 40—45 тому назадъ, въ этомъ краю, гдѣ, по народному выраженію, „попятъ многіе, но поповъ мало“, гдѣ народъ давно выговорилъ, что „не бѣжитъ церкви, а бѣжитъ свя-

щенниковъ", извѣстенъ былъ между послѣдними одинъ такой, который никогда не служилъ обѣденъ, а развѣ только отъ скуки часы или вечерню и за котораго все правили причетники. Бывало и спросятъ прихожане: „Будетъ ли обѣдня"? и довольствуются такимъ отвѣтомъ: „Обѣдни не будетъ, мы старенькую разогрѣли и ужъ кончили". Этотъ попъ продалъ или, лучше сказать, пропилъ весь свой приходъ и отписывалъ въ расколъ за полуштофъ. Другого разжаловали въ причетники за то, что онъ, ходя на Пасху мимо раскольничьихъ избъ, бросалъ къ нимъ на дворъ черезъ заборъ крестъ, заводилъ ссоры, грозилъ доносами, бралъ отступное. Крестьяне, какъ извѣстно, не оправдывающіе въ своихъ пастыряхъ только запоевъ, охотно прощаютъ подгулы. „Почему и попамъ не подгулять, человѣки есть; напился, надурилъ—приди, извинись передъ старшими и младшими, попроси молитвъ, зла не попомнимъ". Но гдѣ же у крестьянина силы примиряться съ тѣми, которые, нося въ глазахъ бревна, ищутъ у другихъ спицъ, и выносить тѣхъ, которые являются въ тѣсномъ деревенскомъ кругу присяжными врагами, доносчиками и вымогателями? Одинъ, напр., единовѣрческій священникъ больше ничего и не дѣлалъ, какъ только подсматривалъ: не тайнодѣйствуютъ ли? Замѣтивъ, онъ вторгался въ избы, вымогалъ отступное. Гдѣ не смогалъ самъ, туда приглашалъ засѣдателя, обѣщалъ ему 300 руб. сер. наживы. Другой (православный) служилъ только разъ въ году на Пасху. Къ третьему, который едва 5 разъ въ году правилъ службу (утреню, часы и вечерню), въ 1860 г. собрались на любимыя сибирскимъ народомъ „водокрещи" (въ крещенье), а попа и дома нѣтъ, уѣхалъ въ дальнія деревни за поборомъ; на перваго Спаса въ 1861 г. сдѣлалъ то же. Собравшіеся подождали и уѣхали съ ропотомъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, что вообще сибирскіе люди на церковную молитву не охотливы, а считаютъ важными и серьезными только молебны: Богородицѣ, Николѣ, Власію и Модесту, Ильѣ пророку, а въ особенности любятъ молебствія на поляхъ и принятіе въ дома иконъ на Пасху. На такія непритязательныя народныя требованія не такъ давно имѣлись такіе священники, которые вовсе не были грамотными: либо не доучившись, живя въ глуши, перезабыли все, либо прямо изъ причетниковъ посвящены были въ пасторскій санъ. Люди эти стараго закала стали переводиться, но, тѣмъ не менѣе, являются еще противниками и недоброжелателями молодого поколѣнія и новыхъ священниковъ. Эти выразились для крестьянъ, хотя и въ новыхъ формахъ, но, тѣмъ не менѣе, не въ идеальныхъ. Крестьяне жаловались на ихъ грубое обращеніе, на гордость, „чехвальство", на то примѣненіе высшихъ семинарскихъ взглядовъ, которое выражается презрѣніемъ къ неграмотному люду. Крестьяне предпочитали имъ стариковъ уже по тому одному, что старые были обходительны, привычливы и, стало быть, уступчивы. Молодые попы на первыхъ же порахъ оказывались бранчивыми и крутыми. Отъ тоски ли по городѣ стали они раздражительными, отъ униженія ли средою стали обидчивыми, прихожане этого не разбирали; о старыхъ попахъ тосковали, о новыхъ разсказывали, что одинъ во время крестнаго хода курилъ папиросы; другой, при всякой встрѣчѣ, ругался, при всякомъ дѣлѣ и заказѣ капризничалъ; третій за исправу требъ, чтобы слишкомъ не безпокоиться, положилъ большую плату. По этой самой причинѣ отъ этого послѣдняго прихожане стали ѣздить къ единовѣрческому попу, который за свадьбу бралъ довольно дешево, нестѣснительно, всего три рубля, а не красную. Другой (съ неодолимою привычкою къ табаку) какъ разъ очутился въ гнѣздѣ раскольниковъ, гдѣ, съ подстриженными усами, казался человѣкомъ и безъ того немилымъ, да кстати мѣсто принялъ отъ такого, который во время службы нюхалъ табакъ на всю церковь. Молодые попы сердились на мужичье невѣжество, презирали крестьянъ, а сами, въ то же время, исполняли только обряды (и, надо сказать, аккуратнѣе старыхъ): окреститъ, похоронитъ, исповѣдуетъ, повѣнчаетъ, а о назиданіи нѣтъ и помину (и сами никакихъ книгъ не читали). Подъ носомъ у такихъ издавна приладились наставники, начетчики-старообрядцы. У раскольничьихъ стариковъ первое дѣло, какъ извѣстно, назиданіе, публичное чтеніе книгъ: Маргаритъ, Ефремъ Сиринъ, псалтырь старопечатная и проч. живое и упрощенное толкованіе; „въ моленной избѣ посидѣть любо, и навздыхаешься до самаго донушка сердца, и всплакнешь не одинъ разъ у хорошаго и доточного наставника". Сводили молодые попы дружбу съ засѣдателями, съ этими вѣдомыми охотниками на раскольниковъ, какъ бы на какую вкусную птицу либо жирную рыбу *). Многіе изъ молодыхъ по старому за ними погнались: при обыскахъ ходили съ понятыми и положили уже на себя въ народѣ худую славу. Многіе убереглись отъ преслѣдованія потому только, что засѣдатели умѣли прикрывать дѣла. Старые порядки остались на томъ же положеніи: старовѣры женятся и „сводятся" (свободнымъ, гражданскимъ бракомъ) съ православ-

*) Въ 1852 году ген.-губ. Западной Сибири вынужденъ былъ формально запретить чиновникамъ ходить по старовѣрскимъ домамъ облавою ночью или вмѣшиваться въ дѣла раскольниковъ, отбирать книги и проч. Но это не остановило: чиновники продолжали впутываться и исправники, напримѣръ, по прежнему получали 500 р. за каждый молитвенный домъ. Одну начетчицу довели до истерической непоправимой болѣзни заточеніемъ за то, что въ старшиковщинѣ (поповщинцамъ) читала каноны за едино-умершаго и за умершихъ.

ными, и если раскольница попала въ домъ къ православнымъ, въ семьѣ рѣдко кто устаивалъ.

Уходили въ расколъ, между прочимъ, отъ тяжести общественныхъ должностей: смоленскимъ выселенцамъ велѣно было участвовать въ постройкѣ церкви,—они объявились раскольниками. Псковскіе переселенцы (изъ Великолуцкаго уѣзда), съ начала водворенія, будучи раскольниками на родинѣ, объявились въ Курганскомъ округѣ православными всѣ, за малыми исключеніями; когда въ 15 лѣтъ успѣли приглядѣться къ сибирскимъ порядкамъ, они сказались старовѣрами, отстали отъ церкви и всѣ ушли въ расколъ. Когда въ деревнѣ Мальцевой (1756 г.) приготовившіеся къ самосожженію (ушедшіе въ ямки—по туземному выраженію) долго раздумывали и успѣли явиться увѣщатели, крестьяне требовали: уговорить священника не брать поборовъ, смѣнить начальство за то, что отрывало отъ земли и мучило на работахъ, заставляя строить дощаники и возить хлѣбъ въ дальнія мѣста. Они говорили, что раззорены такъ, что не мила жизнь, что словамъ чиновниковъ не вѣрятъ и боятся расположиться на нихъ. Какъ ихъ ни увѣщевали потомъ, они все-таки подожглись; одного обгорѣлаго успѣли выхватить изъ огня, вылечить, посадить въ острогъ, заковать въ кандалы и отдать на судъ свѣтской власти. Въ то же время 600 человѣкъ изъ Верхъ-Исетскаго завода и 300 изъ Екатеринбургскаго вѣдомства бѣжали въ Польшу. При 9-ой ревизіи съумѣли схватить уважаемыхъ міромъ, зажиточныхъ людей 12 человѣкъ, отправить въ этапный казематъ, тамъ желѣзными цѣпями приковать къ столбамъ, оттуда отправить въ Тюмень на увѣщаніе; при этомъ вели по городу съ обритыми половинами головъ, въ домахъ оставлены были только малыя дѣти. Этотъ казусъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что многіе православные поспѣшили обратиться въ расколъ. Въ 1860 году изъ разныхъ волостей Тюменскаго округа крестьяне съ семействами, въ количествѣ 519 душъ, подали просьбу по начальству объ отпискѣ ихъ въ расколъ; до того времени всѣ они числились православными. Тюмень застроилась было каменными церквами, свидѣтельницами усердія жителей къ православію, но иконостасы почернѣли, церковныхъ капиталовъ не стало, все обвѣтшало. Народъ ушелъ въ расколъ и причетники не такъ давно стаивали въ рубищахъ на перекресткахъ. Появились новые священники—все стало поправляться и умѣнья и усердія явилось больше.

Сводные браки, вообще, не прочны: кто нибудь изъ сведенцевъ непремѣнно нарушитъ контрактъ и потребуетъ новаго свода, а съ нимъ калыма и новыхъ расходовъ. Теперь многіе стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ и, разумѣется, чаще всего въ единовѣрческихъ церквахъ. Послѣ того немудреная исправа: нѣсколько лѣстовокъ (лѣстовка—сто поклоновъ), очистительныя молитвы и—дѣлу конецъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не велѣло считать такихъ браковъ законными, но сведенцы отвѣчали: „Пожалуй, не считай; мы и такъ живемъ и проживемъ“, а своды усились до высшей степени.

Архіерей Георгій велѣлъ писать раскольниками всѣхъ, не бывшихъ на исповѣди. Столоначальникъ консисторіи показалъ эту резолюцію раскольникамъ и слухъ проникъ глубоко. Захотѣли отписаться и православные, придерживавшіеся раскола, и для того рѣшились подать о себѣ особыя ревизскія сказки. Въ 10-ти волостяхъ заварилась каша: писаря помогали, а земское начальство поощряло. Нарядили слѣдствіе: виновныхъ посадили въ острогъ, нѣкоторые тамъ умерли; другихъ лишили правъ состоянія и сослали въ Восточную Сибирь; остальнымъ съ рукъ сошло.

По отношенію къ высшимъ духовнымъ властямъ, у старовѣровъ остались въ воспоминаніи только мимолетные проѣзды владыкъ и ихъ поѣзды со свитою, напоминающіе древніе воеводскіе поѣзды съ челядью, которая хватала по дорогѣ серебряныя ложки, скатерти со стола и все, что ни попадало подъ руку. „Да и станетъ ли владыка (говорили крестьяне) примѣрять священника къ мужику, а тѣмъ пуще мѣнять его на старовѣра“? Такимъ образомъ, обязанные „вѣдать вся да всяко нѣкія спасутъ“ не вѣдали и не хотѣли вѣрить, между прочимъ, такимъ несомнѣннымъ даннымъ.

Въ бытописаніяхъ тобольскаго лѣтописца сохранился, между, прочимъ такой оригинальный типъ. Въ началѣ прошедшаго вѣка въ Тобольскѣ, въ Знаменскомъ монастырѣ, жилъ архимандритъ Порфирій, происхожденіемъ изъ подъячихъ. При монастырѣ состояли крестьяне, платившіе вмѣсто сдѣлокъ (задѣлья) деньгами. Порфирій уговорилъ ихъ дать подписку въ томъ, что они, за скудостью денегъ, пришли въ изнеможеніе и что, вмѣсто денегъ, желаютъ производить платежъ сдѣлками. „Недомышленный народъ перемѣнилъ свою бѣду на напасть“, замѣчаетъ нашъ лѣтописецъ. Архимандритъ накладывалъ сдѣлки дровами, бревнами, сѣномъ, круглымъ лѣсомъ и тесомъ. Монастырь началъ богатѣть. Для вящщаго успѣха Порфирій прикармливалъ и одаривалъ подъячихъ, а черезъ ихъ кляузы достигъ до того, что выбылыхъ по указамъ крестьянъ и бобылей, какъ изъ крестьянства, такъ и изъ ямщиковъ, многихъ людей, по прежнему обратилъ въ монастырскіе служители и, конечно, раззорилъ. „Самъ же жилъ въ монастырѣ роскошнымъ и полноправнымъ помѣщикомъ, мало того—сибаритомъ: умывался кипяченою и процѣженною сквозь полотно водою; отъ кельи до церкви, внутри монастырской ограды, и до другихъ покоевъ ѣздилъ на лошади въ эки-

нажѣ, хотя бы то было и въ лѣтнее время. Подражая древнихъ отецъ, въ кушанье пекли ему хлѣбъ ячменный, а ячмень ему чредили, по его приказу, крестьянскія жены и ихъ дочери, такъ что у всякаго зернушка ячменнаго оскабливали скорлупу ножичками и такъ чищенныя зерна мололи на нарочно на то построенныхъ мельницахъ и всякій день готовили ему хлѣбцы и булки новые и свѣжіе; варили ему рыбу живую, дѣлали лапшу изъ топленаго молока со снимаемыми пѣнками". Раззоренные имъ до тла крестьяне подали на него челобитье въ губернскую канцелярію. Канцелярія рѣшила: главныхъ челобитчиковъ выбить кнутомъ, вырвать имъ ноздри и 50 человѣкъ послать на каторгу, изъ остальныхъ 300 старшихъ десятаго наказать кнутомъ, а прочихъ, по состоянію ихъ лѣтъ, бить плетьми и батожьемъ. Битые крестьяне вырыли для монастыря пруды и построили мельницы. Въ пруды архимандритъ напустилъ рыбы и кормилъ ее печенымъ хлѣбомъ, но рыба вся поколѣла и выплыла на поверхность воды. Въ Тобольскѣ отгородилъ онъ себѣ большое мѣсто, стѣснивъ сосѣдей, и еще больше стѣснилъ крестьянъ, вытребовавъ ихъ вновь на житье въ монастырь. Такія дѣла дошли до вѣденія синода. Порфирія перевели въ Тюмень, въ Троицкій монастырь. Здѣсь онъ началъ творить то же, „но"—говоритъ лѣтописецъ:—„умножившаяся въ немъ болѣзнь и скорбь, отъ печали и стыда бываемая, не допустила его до дальнихъ предпріятій и тягостью своею ввергнула во изступленіе ума, да къ тому и смерть не преминула употребить свои наблюденія. Притомъ она, опасаясь столь хитраго политика и приказнаго происка, чтобъ какими нибудь приказными крючками не могъ ее довесть до дальныя волокиты, не опуская времени, изъ знатной себѣ такой добычи, изъ своихъ рукъ сей жизни лишила его". Про другого троицкаго архимандрита, управлявшаго духовенствомъ до 1835 г. (Амвросія), разсказываютъ рядъ разныхъ анекдотовъ, дебошей; пилъ онъ мертвую *). Съ третьимъ архимандритомъ (Іоакинфомъ, въ Пыскорскомъ монастырѣ) раздѣлались самосудомъ — убили. Въ убійствѣ оказались виновными, въ одинаковой степени, и монахи и монастырскіе крестьяне, не любившіе его за строгость. Дѣло произошло въ 1839 году. Курьезны при этомъ допросы, доводившіе до сознанія: „Исправникъ принужденъ былъ употребить при томъ послѣднія средства, хотя было то съ закономъ и не согласно; не давъ ему, Фотіеву (болѣе другихъ подозрѣваемому), одуматься, толкнулъ его изъ присутствія въ прихожую по затылку и въ оной принужденъ былъ употребить его нѣсколько по зубамъ, повторяя одинъ за другимъ удары, тѣмъ приведенъ будучи въ разстройку и не имѣя случая оправиться—сознался".

Старовѣры всего края, примыкающаго къ Уральскимъ горамъ и прилежащаго къ Иртышу, Ишиму, Тоболу и прочимъ рѣкамъ — люди грамотные, начитанные, вообще трезвы, любятъ молиться, бесѣдовать и читать священныя книги; не любятъ общественныхъ забавъ, гулянокъ, масляничныхъ катушекъ, пасхальныхъ калачей и, особенно, игрищъ въ праздники. Молодежь хотя и любитъ выпить, но въ большіе праздники въ кабаки не ходитъ, пьетъ мимо праздниковъ. Въ праздники даже помочей не дѣлаютъ и, вообще, стараются не работать, а больше молиться, бесѣдовать и слушать писаніе. За пьянство и другіе грѣхи старики накладываютъ нѣсколько лѣстовокъ, отлучаютъ въ пищѣ, въ молитвѣ: ѣшь одинъ, молись послѣ всѣхъ. Раскольники люди богатые, они первые плательщики податей, первые помощники бѣднымъ, помогаютъ милостынею и православнымъ (этимъ меньше, своимъ бѣднымъ больше). На слѣдствіяхъ, и безъ присяги, не кривятъ душею. Гостепріимны, какъ всѣ сибиряки, но честны и справедливы, какъ примѣтное исключеніе. Всѣ старовѣры очень набожны, особенно старики: всякое домашнее дѣло начинаютъ молитвою. За обѣдомъ всякое блюдо встрѣчаютъ большимъ крестомъ и безъ креста не ѣдятъ ничего. Вставъ съ постели, кладутъ большой или малый началъ (судя по досугу); также поступаютъ и вечеромъ. На праздники и въ праздники молитвы неизбѣжны отъ стараго до малаго; праздничная служба совершается по книгамъ, а у кого ихъ нѣтъ, по лѣстовкамъ съ подручниками. Памятуя и уважая старину, въ праздники мужчины, обыкновенно, надѣваютъ кафтаны, женщины большіе платки и непремѣнно сарафаны одного цвѣта, либо синяго, либо черняго, но не пестраго (только савинская поповщина позволяетъ дѣвкамъ ходить въ молитвенные дома щегольски одѣтыми). Отъ православныхъ крестьянъ старовѣры, въ этомъ отношеніи, значительно отличаются и стоятъ далеко выше; во всѣхъ толкахъ строгое обязательство грамотности по часослову и псалтырю. Если нельзя выучить грамотѣ, непремѣнно выучатъ молитвамъ. Изъ православныхъ рѣдкій читаетъ молитвы, у старовѣровъ всякій мальчикъ и дѣвочка знаютъ наизусть такъ называемый малый началъ, другіе знаютъ и большой и много молитвъ. Попы у старовѣров-

*) Этого Амвросія разъ посылали увѣщевать со священниками, въ 1828 г., въ дер. Гилеву, гдѣ явились духоборцы (толковавшіе, что истинные поклонники поклоняются Богу духомъ и истиною). Амвросій, какъ пріѣхалъ, такъ и выпилъ, какъ выпилъ, такъ и началъ стращать острогомъ; когда острогу посмѣялись, онъ обѣщалъ разстрѣлять изъ пушекъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ, захвативъ съ собою крестьянина Хохлова; 13 мѣсяцевъ прожилъ Хохловъ въ острогѣ и приговоренъ къ ссылкѣ, но синодъ оставилъ его на мѣстѣ жительства.

щины почти уже дряхлые старики, но трезвые и набожные. Начетчики у поморцевъ представляютъ собою классъ людей высоконравственныхъ, внушающихъ къ себѣ полнѣйшее уваженіе; все это люди трезвые, разумные, умѣющіе найтись всюду, гдѣ нуженъ ихъ совѣтъ, и не медлящіе идти на помощь всюду, гдѣ въ ней нуждаются. Они—тѣ общественные избранники, народные друзья, тотъ идеалъ, къ которому непремѣнно должны стремиться священники, желающіе дѣйствовать на старовѣровъ и руководить ими.

Когда, въ 1762 году, Екатерина воспретила преслѣдованія, обложивъ старовѣровъ двойнымъ окладомъ, въ „старой Сибири“ многіе прибѣгали къ церкви по чистому сознанію, что безъ церкви нельзя и безъ таинствъ спасеніе невозможно. Они стали вѣнчаться, крестить, иногда исповѣдываться и даже погребать умершихъ близъ церкви. Потомки ихъ остались въ чистомъ православіи. Теперь, когда колебаніе старовѣровъ сдѣлалось примѣтнѣе, не утрачиваются надежды на то, чтобы способомъ постепенныхъ уступокъ поставить дѣло въ лучшее положеніе, чѣмъ нынѣшнее. Крутыя мѣры и рѣзкія требованія не только останавливали дѣло, но и поворачивали назадъ. Прямо и разомъ превратить старовѣровъ въ православныхъ еще никому до сихъ поръ не удалось, опыты постепеннаго обращенія въ Сибири вѣнчались кое-гдѣ успѣхомъ даже и въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ идетъ наша рѣчь. Тамъ сами старовѣры дѣлаютъ такое уподобленіе: „Разомъ въ церковь войти—это какъ бы на морозѣ раздѣться, искупаться и рубаху перемѣнить“! А потому нѣкоторые окрестить у попа не прочь, но мvропомазаніе уже затрудняетъ ихъ; исповѣдаться у хорошаго охотятся (и зачастую дѣлаютъ это тайно по ночамъ), но приčаститься даже изъ рукъ трезваго, не курящаго, усовъ не подстригающаго священника очень трудно; разомъ всего не поднимешь. На православномъ кладбищѣ умершаго положить очень трудно, на своемъ, среди родичей, пріятно во все удовольствіе сердца. Крещеннаго и вѣнчаннаго попомъ, пожалуй, и поправлять не стануть, если бы священникамъ, при погруженіи, позволено было держать младенца спиною къ востоку. При вѣнчаніи хожденіе кругомъ аналоя супротивъ солнца—тоже крупное препятствіе: ноги не ходятъ. Двуперстное сложеніе, столь обширно распространенное, почти всеобщее по Сибири и въ сѣверной Россіи, желательно имъ видѣть и у православныхъ священниковъ. Одинъ священникъ сшилъ эпитрахиль съ семью крестами и придѣлалъ къ требнику мѣдное распятіе,—стали ходить къ нему всѣ старовѣры и прикладываться къ требнику, хотя и знали, что онъ недавняго синодальнаго изданія. Нѣкоторыми уступками одинъ достигъ того, что въ десять лѣтъ исправилъ дѣло, испорченное его нетрезвыми и корыстолюбивыми предмѣстниками: старовѣры стали снова прославными. Выборъ священниковъ, излюбленныхъ міромъ, является однимъ изъ вѣрныхъ и прямыхъ путей для выхода изъ запущенныхъ и запутанныхъ отношеній. Тогда не будетъ нужды прибѣгать къ составленію фальшивыхъ мірскихъ приговоровъ, какъ сдѣлалъ это, въ 1860 г. въ Тобольской губерніи, недостойный служитель алтаря, ссадившій съ мѣста того, которымъ всѣ прихожане были довольны.

ГЛАВА IX.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ КАЗНЫ.

Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ.—Мѣста и способы приготовленія.—Деньги въ шубахъ.—Венгерцы.—Лабзинъ.—Знаменитый Цезикъ.—Его замѣчательное мастерство.—Политическія цѣли въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ.—Фабрикація фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица.—Корчемники; корчемство виномъ и солью.—Контрабандисты.—Кража золота и серебра.—Кяхтинская, сибирская и русская контрабанда.

Покушенія на интересы казны (преступленія противъ имущества и доходовъ ея) выразились по абсолютнымъ числомъ сосланныхъ въ Сибирь въ такихъ отношеніяхъ: самое большое количество жертвъ ушло за поддѣлку и переводъ ассигнацій и монеты, затѣмъ за корчемство виномъ и солью, потомъ за нарушеніе таможенныхъ постановленій (контрабанду) и, наконецъ, за похищеніе драгоцѣнныхъ металловъ на заводахъ и промыслахъ (за кражу золота). Похищеніе и истребленіе казенныхъ лѣсовъ появленіемъ своимъ отдѣльною рубрикою въ сибирскихъ табеляхъ опоздало, а кража казеннаго имущества (облагороженная прозваніемъ „присвоенія и утраты ввѣреннаго по службѣ имущества“) отнесена, вмѣстѣ съ подлогами по службѣ (мздоимствомъ и лихоимствомъ), въ отдѣлъ преступленій должностныхъ лицъ по

службѣ государственной и общественной. Подчиняясь этому порядку, преслѣдуемъ задачу нашу прочитать списки ссыльныхъ преступниковъ до конца.

1. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ денегъ.

Прежде всего, не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что сибирскія табели, путая производителей съ потребителями, слѣпого со зрячимъ, фабрикантовъ и заказчиковъ, передатчиковъ и обманутыхъ (всѣхъ четырехъ) въ одну кучу, лишаютъ насъ желаемой возможности отдѣлить тѣхъ, которые фабриковали бумажныя деньги, отъ мастеровъ, попавшихся на поддѣлкѣ монеты. На практикѣ, по обычаю и закону всякаго ремесла (требующаго и раздѣленія труда и служенія какой нибудь одной спеціальности), оба вида преступныхъ дѣяній выразились ясными признаками отдѣльнаго и самобытнаго проявленія. Съ перемѣною способа записей ссыльныя табели этой разницы не признавали, но, по нѣкоторымъ старымъ признакамъ (по таблицамъ за 9 лѣтъ съ 1838 по 1846 г.), можно видѣть и убѣждаться на цифрахъ, что монетчиковъ попалось больше, чѣмъ фабрикантовъ бумажныхъ денегъ (слишкомъ въ 4 раза), хотя настоящее время, по всему вѣроятію, переставляетъ картину въ обратномъ видѣ. Съ уменьшеніемъ количества ходячей монеты и съ перемѣною ея внутренняго достоинства, древнѣйшій способъ денежныхъ поддѣлокъ, требующій меньшихъ подготовительныхъ средствъ отъ безграмотнаго, но опытнаго техника, естественно долженъ былъ уступить новому способу поддѣлокъ, практикующему во время развитія техническихъ производствъ (въ особенности фотографій, литографій и т. п.). Хотя для монетчиковъ цѣлыя столѣтія опыта, а для фабрикантовъ только съ небольшимъ сто лѣтъ практики (со времени манифеста Екатерины II, вводившаго ассигнаціи съ цѣлью „подать способы къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависитъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли“), тѣмъ не менѣе, развитіе поддѣлки фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, въ настоящее время, одно изъ яркихъ и модныхъ явленій. Поддѣлыватели ассигнацій, уступая монетчикамъ *) въ первую половину текущаго столѣтія, въ теченіи второй заняли, конечно, болѣе почетное и видное мѣсто по необычайному распространенію кредитныхъ бумагъ всякаго рода. Прошлое время даетъ настоящему слѣдующія указанія и предостереженія.

Поддѣлка фальшивыхъ денегъ нисколько не останавливалась при измѣненіи формы денежныхъ знаковъ и поддѣлыватели не затруднились ни въ 1817 году, когда ассигнаціи, дойдя до громадной цифры 836 милліоновъ, упали въ цѣнѣ (и приняты были мѣры къ изъятію ихъ изъ обращенія), ни въ 1843 г., когда онѣ замѣнены были кредитными билетами. Напротивъ, даже перемѣна ассигнаціоннаго курса (въ 1837 г.) на серебро усилила поддѣлку и увеличила число ссыльныхъ (въ 1841, 1842, 1844 и 1845 гг.). Въ наши дни не задумывались поддѣлыватели надъ болѣе трудными серіями и въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ не совладали лишь съ радужными (высшаго достоинства) и рѣже снисходили до фабрикаціи бумажекъ желтаго цвѣта и самаго низшаго достоинства (рублевыхъ). Наибольшее количество ссыльныхъ по дѣламъ фальшивыхъ бумажекъ, въ извѣстные намъ годы, замѣчалось въ смежныхъ съ границею губерніяхъ, свидѣтельствуя сильнѣе о передатчикахъ, чѣмъ о фабрикантахъ, и издавна указывая на заграничныхъ дѣятелей, подрывающихъ нашъ кредитъ съ помощью жадныхъ къ денежнымъ богатствамъ и необыкновенно ловкихъ и опытныхъ въ такого рода операціяхъ евреевъ *). Этимъ явленіемъ и выразилась первоначальная исторія нашихъ фальшивыхъ бумажекъ на то время, когда свои мастера практиковались еще на древнемъ способѣ чеканки фальшивой монеты и къ способамъ поддѣлки бумажныхъ денегъ только присматривались и приловчались.

Наибольшее число покушеній обогащаться фальшивою монетою внутри Россіи объявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ городская жизнь съумѣла пригрѣть тѣ техническія мастерства и ремесла, которыя облегчаютъ фабрикацію запрещенныхъ продуктовъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе развито заводское и фабричное дѣло. Процентныя сравненія въ ряду многочисленныхъ русскихъ сословій указывали на большую виновность въ этомъ преступленіи именно людей, приписанныхъ къ заводамъ или работавшимъ на фабрикахъ. Имъ уступало даже купечество, наиболѣе въ томъ виновное (по отношенію къ ссыльнымъ за уголовныя преступленія), и замѣчательно далеко остались назади крестьяне другихъ наименованій и духовенство (сословія, наименѣе виновныя въ этого рода поддѣлкахъ). Такимъ образомъ, губерніи: Пермская, Нижегородская, Оренбургская, Казанская, Владимирская и Московская обнаружились въ числѣ первыхъ, съ одной сто-

*) За поддѣлку и переводъ монеты сослано 368 чел. (350 мужч. и 18 ж.), а поддѣлывателей и переводчиковъ фальшивыхъ ассигнацій за то же время выслано только 86 (82 м. и 4 ж.).

*) Бывшая Бѣлостокская область отличается самымъ высокимъ процентомъ изо всѣхъ. При этомъ евреи, по процентнымъ отношеніямъ ко всѣмъ другимъ инородцамъ, занимаютъ самое первое мѣсто. Рискъ обогатиться фальшивыми деньгами въ этомъ народѣ уступаетъ только риску въ покушеніяхъ на контрабанду. Такъ увѣряютъ сибирскія цифры.

роны, по количеству умѣлыхъ рукъ, съ другой—по обилію слѣпыхъ глазъ въ русскихъ захолустьяхъ смежныхъ губерній и въ средѣ инородческаго населенія, обильно населяющаго всѣ четыре первыя губерніи. Московской и Владимирской пришлось выдвинуться дальше другихъ внутреннихъ губерній по тому счастливому географическому положенію, которое поставило ихъ посреди двухъ самыхъ живыхъ торговыхъ центровъ и на пути къ нимъ, каковы Москва (круглый годъ) и Нижній-Новгородъ (на время двухмѣсячной ярмарки). Тутъ и тамъ, въ обоихъ пунктахъ, руководящихъ всѣмъ торговымъ движеніемъ цѣлой Россіи, при слабости нашего торговаго кредита (вызывающей сильнѣйшую потребность въ денежныхъ знакахъ), преступный промыселъ издавна устроился на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Оправдываясь помощью и содѣйствіемъ при тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ товарный обмѣнъ на нижегородской ярмаркѣ и на которыя часто слышатся тамъ жалобы, промыселъ фальшивыхъ денегъ имѣлъ наибольшій успѣхъ въ практическихъ приспособленіяхъ въ то время, когда одна крупная операція, вызывая одновременно вторую, продолжала дѣйствовать въ цѣломъ ряду другихъ, самыхъ крупныхъ и сильныхъ оборотовъ. Когда начинали чай и желѣзо и тотчасъ же шевелили мануфактурные товары, послѣдовательно вызывавшіе движеніе товарами москательными, фальшивыя деньги съ успѣхомъ втирались въ груды размѣнныхъ знаковъ, которыя быстро переходили изъ однѣхъ хлопотливыхъ рукъ въ другія, спѣшившія не терять момента, не задерживать хода и успѣха операцій. Подъ видомъ „краснорьокъ" и „гуслицкихъ блиновъ", фальшивыя бумажки появлялись на свѣтъ Божій, по окончаніи ярмарки, въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ Россіи и, въ шубахъ и безъ шубъ, т. е. въ бумажныхъ рамкахъ, свободно расходились въ болѣе темныхъ и глухихъ захолустьяхъ. Тѣ же оптовые пріемы торговли и отчасти тотъ же недостатокъ размѣнныхъ знаковъ въ отдаленныхъ пунктахъ Россіи, при общей слѣпотѣ мѣновщиковъ собственныхъ сырыхъ продуктовъ, омозолившихъ руки и загрубившихъ нравы до противоборства грамотности, указали для фабрикаціи фальшивыхъ денегъ такія же видныя мѣста подъ Казанью, ведущею сильный оптовый торгъ съ Сибирью и Россіею, и въ Пермской губерніи, ради Ирбита. ярмарка котораго уступала одной только Нижегородской. Помимо фальшивыхъ бумажекъ, здѣсь въ сильнѣйшей степени укрѣплялась поддѣлка монеты, въ разсчетѣ на близость и сосѣдство самыхъ темныхъ людей изъ инородческихъ племенъ, которые въ одно время любятъ задерживать обращеніе монеты: и черезъ приспособленіе ее къ украшеніямъ своихъ нарядовъ и черезъ сохраненіе ее въ землѣ зарытою въ кубышкахъ и горшкахъ, какъ древнѣйшій, доисторическій способъ сбереженія капиталовъ.

Насколько силенъ вызовъ фальшивой монеты, обезпеченный и руководимый обычаями и невѣжествомъ инородцевъ, служили доказательствомъ наши тюрьмы—учрежденія наиболѣе неблагопріятныя (по видимому) существованію въ стѣнахъ ихъ фабрикъ подобнаго опаснаго товара. Въ ближайшихъ къ Сибири и въ сибирскихъ тюрьмахъ не было почти ни одной, тщательныя розысканія въ которой не навели бы на слѣды этого преступнаго промысла. Промыселъ фальшивою монетою въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ (напримѣръ, тобольской) и въ нѣкоторыхъ заводахъ каторжныхъ (напримѣръ Успенскій заводъ Тобольской губерніи) издавна считался привиллегированнымъ *). По временамъ ослабѣвалъ онъ, по временамъ возросталъ, въ силу большей или меньшей бдительности и преслѣдованій, но, вообще, подчинялся тѣмъ же законамъ, по которымъ, напримѣръ, въ Россіи Воронежская губернія, въ ряду русскихъ, заняла первое мѣсто безъ всякихъ разумнымъ образомъ объяснимыхъ основаній. Оставаясь подъ прикрытіемъ тайны въ обычное время, промыселъ выбивался наружу при усиленномъ надзорѣ, начинавшемъ устремляться въ одну и ту же точку, но продолжалъ оставлять въ постоянной виновности всѣ русскія губерніи (съ меньшею виновностью для бѣлорусскихъ и сѣверныхъ и съ большею—на правахъ передатчицъ и проводницъ поддѣлокъ—для приволжскихъ и новороссійскихъ; а изъ малороссійскихъ для тѣхъ, гдѣ существуютъ огромныя ярмарки: для Курской, Полтавской и Харьковской).

Насколько распространенъ этотъ промыселъ и широко его примѣненіе въ Россіи, доказываютъ тѣ же тюрьмы, изъ каковыхъ, по дѣлу о разбойникѣ Быковѣ, оказалась виновною даже такая немноголюдная, какъ Лаишевская (Казанской губерніи), а равно и гласъ народный, сознательно указывающій на многія села и деревни, занятыя приготовленіемъ монетъ и бумажекъ, на многіе города и въ нихъ на купеческіе дома, застроившіе каменными домами улицы и украсившіе ихъ богатыми церквами, съ цѣлью прикрыть и замолить грѣхъ, пособившій первоначальному обогащенію. Въ особенности часты, сильны и убѣдительны подобныя указанія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе скопились въ согласное цѣлое упомянутыя нами причины, каковы, между прочимъ, губерніи Ка-

*) Отсюда Тобольской губ., по сравненіи съ русскими, принадлежитъ самое видное и почетное мѣсто: въ 9 лѣтъ въ ней накопилось пойманныхъ монетчиковъ 20 (тогда какъ изъ русскихъ, въ тѣ же годы: въ Сарат. 15, въ Симб. 12, въ Перм. 4 и проч.) и дѣлателей ассигнацій 26 (въ Пермск. 6, въ Херс., Волын., Спб. по 4 и проч.).

занская, Пермская и Тобольская *). Сибирь является страною, наиболѣе страдающею отъ разнаго рода поддѣлокъ. Въ ней долгое время, во всей неприкосновенной цѣлости, сохранялся первобытный способъ обмѣна товара на товаръ: пушного звѣря на порохъ, свинецъ, муку и соль, а въ размѣнную единицу, на одинаковыхъ правахъ съ серебромъ, золотомъ, мѣдью и бумажными деньгами, допущены даба (особая бумажная матерія кинешемскаго дѣла), кирпичный чай (разбиваемый на куски до цѣнности 5 и 3 копеекъ) и клубныя марки (въ губернскихъ городахъ до Перми включительно). Въ то же время фальшивая монета и ассигнаціи разгуливали тѣмъ свободнѣе, чѣмъ больше высылалось изъ Россіи мастеровъ, чѣмъ сильнѣе пріучали тамошнихъ аборигеновъ къ вѣрѣ въ кредитные билеты и металлическіе знаки и чѣмъ чаще являлись затрудненія въ мелкихъ размѣнныхъ единицахъ. Послѣднее обстоятельство особенно замѣчательно; участье ссыльныхъ въ денежныхъ поддѣлкахъ несомнѣнно и мѣста временныхъ и постоянныхъ заключеній безразлично служили мѣстами фабрикацій. Разница заключалась въ томъ, что на востокѣ Сибири промышленность эта слабѣе, а на западѣ она является во всеоружіи давняго опыта и искуства. За Байкаломъ (около 1848 года), венгерцы и другіе иностранцы, занимавшіеся мелочною разносною торговлею и ѣздившіе большими партіями съ заграничными товарами безъ таможенныхъ клеймъ, но съ поддѣльными пломбами и штемпелями, уличены были въ томъ, что пріобрѣтали преимущественно серебро и серебряную монету и пускали въ обращеніе фальшивыя ассигнаціи. Тамъ же считали различные сорты поддѣльныхъ ассигнацій домашняго дѣла: насчитали 25 видовъ и съ отчаянія прекратили счетъ, оставивъ заведенную книгу для любопытныхъ въ архивѣ. Поддѣлывали татары, поддѣлывали и евреи, но особеннымъ искуствомъ передъ всѣми отличались — по наблюденіямъ начальствъ — тѣ изъ русскихъ, которые были присланы сюда изъ Пермской губерніи за то же самое искуство. Нѣкто Соколовъ дѣлалъ изъ контрабанднаго золота, украденнаго на казенныхъ промыслахъ, такіе червонцы, которые, при осмотрѣ въ Петербургѣ на монетномъ дворѣ, оказались преступными лишь въ томъ, что сдѣланы были изъ чистаго золота (серебристаго золота) безъ лигатуры; „цвѣтомъ пожелтѣе, въ окружности больше настоящихъ, буквы поовальнѣе и не такъ явственны, зубчики крайняго ободка потолще и вмѣсто звѣздочекъ точки". Подъ Иркутскомъ нашли фальшивыхъ монетчиковъ на одномъ изъ острововъ Ангары (наз. островомъ Любви), а затѣмъ наталкивались во всѣхъ тюрьмахъ непрерывно. Въ Западной Сибири промыселъ этотъ разсчитывалъ на омскую линію, черезъ которую продукты выдѣла свободно уходили съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ: и золотые, пробою выше казенныхъ, и оловянные цѣлковые, пригодные на киргизскую руку. Ходитъ преданіе, что съ того времени, какъ прошелъ слухъ о предписаніи омскому казначейству размѣнивать фальшивую монету на ходячую, приготовленіе оловянныхъ цѣлковыхъ въ тобольскомъ острогѣ и бумажныхъ денегъ въ Успенскомъ заводѣ производилось въ огромныхъ размѣрахъ. Подъ Тюменью называютъ цѣлыя деревни, указываютъ на заимки, на многіе купеческіе дома, разбогатѣвшіе отъ этого промысла. Нѣкоторые мастера, какъ ссыльно-каторжный Игнатій Поповъ (онъ же Голодаевъ) въ Троицкомъ заводѣ, бѣгло-каторжный Кореневъ въ тобольскомъ острогѣ и Игнатій Цезикъ вездѣ, куда ни приводила его судьба, пріобрѣли повсюдную извѣстность, перешедшую въ потомство. Для нихъ солдаты-сторожа и бабы-торговки являлись на помощь, какъ передатчики; кабаки были мѣстами хранилищъ и казначейскими, а базары—размѣнными кассами. Тобольскій острогъ напрактиковался въ этомъ занятіи до того, что лѣтъ 60 назадъ пользовался далекою извѣстностью, потомъ началъ ослабѣвать, но въ пятидесятыхъ годахъ обнаруживалъ ежегодно, среднимъ числомъ, не менѣе трехъ слѣдовъ монетной и ассигнаціонной фабрикаціи. Тобольская губернія одна давала ровно 1/3 часть всего количества преступниковъ, сужденныхъ за поддѣлку ассигнацій, и почти 1/16 часть изо всего числа людей, ушедшихъ въ Сибирь за поддѣлку и переводъ монеты. Кромѣ надежды поправить свое отчаянное состояніе при помощи спекуляціи на темныхъ людей, кромѣ рокового влеченія забаловавшихся рукъ въ Россіи, не сдерживаемыхъ, но поощряемыхъ каторгою и поселеніемъ, стремленіе къ поддѣлкамъ ассигнацій прикрывалось и политическою цѣлью, но тутъ оно не имѣло особеннаго успѣха. Фальшивыхъ бумажекъ, говорятъ, ссыльные поляки выпустили въ народное обращеніе очень небольшое число. Ссыльные за поддѣлку ассигнацій и монеты и въ ссылкѣ оказались неисправимыми: восемь человѣкъ, учениковъ тверского купца Лабзина, и въ нерчинскихъ заводахъ объявились такими же ловкими и искусными монетчиками, когда привелось отвѣчать отсюда на запросъ изъ Россіи по новой подсудности Лабзина. Не отставалъ отъ нихъ и Францъ Карговскій, торговавшій на каторгѣ виномъ, спиртомъ и водкою, „подъ названіемъ вѣтенберской", и скупавшій у крестьянъ свиней, тетеревей и рябчиковъ, не смотря на то, что никуда и ни подъ

*) Слѣдственныя дѣла указывали начаще въ Пермской губ. на заводъ Богословскій и въ Вятской на Камско-Воткинскій. Народныя преданія, преимущественно, сосредоточиваютъ свои указанія на городахъ, лежащихъ на перевалахъ Сибири и Россіи.

какимъ видомъ изъ нерчинскаго завода его не отпускали и не позволяли ѣздить по аргунскимъ деревнямъ съ лекарственнымъ ящикомъ. Игнатій Цезикъ, въ особенности, оставался цѣльнымъ и неисправимымъ, подчинившись влеченію несокрушимаго жизненнаго духа.

Цезикъ выучился въ Вильнѣ рисованію и лѣпнымъ работамъ и долго прожилъ тамъ, показавъ большую страсть и способность. Изъ Вильны онъ перебрался на родину, въ окрестности Слуцка, и въ родной деревнѣ, вмѣстѣ съ братомъ (отставнымъ военнымъ), занялся хозяйствомъ. Мастерство совершенно бросилъ. Ничто имъ до поры до времени не благопріятствовало, но подвернулся случай: Игнатій поступилъ въ число членовъ какого-то масонскаго общества и, въ увлеченіи его задачами, остановился на мысли приспособить свои знанія и полузабытое искуство къ приготовленію фальшивыхъ денегъ. Кромѣ личныхъ интересовъ поправить свое разстроенное состояніе, онъ руководился и тою задачею, чтобы ослабить кредитъ правительства, и открылъ фабрику фальшивыхъ бумажекъ. Братъ его, Феликсъ, фабрикованную бумагу проводилъ въ обращеніе и, вмѣстѣ съ Игнатіемъ, разсчитывалъ оказать услугу вольности и свободѣ народа. Искуство Игнатія до нѣкотораго времени обезпечивало успѣхъ, но повадился кувшинъ по воду ходить, преступленіе было открыто и оба брата посажены въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ, во время процесса, ни Игнатій, ни Феликсъ не теряли времени даромъ. По обычаю многихъ заключенниковъ, и они принялись лѣпить фигурки изъ тѣста и хлѣба, но съ тою разницею, что на издѣліяхъ Цезика лежала уже печать даровитости и работы его тотчасъ же обратили на себя вниманіе надзирателей и приставниковъ. Ему облегчили оковы, доставляли глину и по Бобруйску стали расходиться изящные глиняные сосуды, отличавшіеся отъ общихъ арестантскихъ пѣтушковъ и коробочекъ, крестовъ и голубковъ изъ лучины, красотою и изяществомъ отдѣлки. Цезикъ и самъ удивленъ былъ не меньше другихъ.

Бобруйское заточеніе кончилось для Цезиковъ тѣмъ, что имѣніе ихъ было конфисковано, сами они лишены дворянства и приговорены въ Сибирь на каторгу. Въ Тобольскѣ братьевъ разлучили: менѣе искусный Феликсъ ушелъ по назначенію, талантъ Игнатія обратилъ вниманіе начальства и онъ оставленъ былъ въ самомъ Тобольскѣ въ тюрьмѣ. Здѣсь слава его выросла уже настолько, что лѣпныя работы его оплачивались хорошими деньгами и отправлялись въ Москву и Петербургъ для подарковъ и на удивленіе. „Подѣлки, выходившія изъ его рукъ (говоритъ одинъ изъ знавшихъ его уже восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, не встававшимъ съ постели), красотою фигуръ равнялись греческимъ антикамъ; орнаменты кружекъ, кубковъ и вазъ полны были прелести и готической фантазіи; картины же изъ глины были артистическими созданіями ваятеля. Если бы Цезикъ не бросалъ послѣ Вильны полезнаго ремесла, если бы совершенствовался и учился дальше и больше, въ немъ получили бы необыкновеннаго скульптора". Судьба распорядилась иначе. Нуждами неволи натолкнутый на трудъ, онъ потомъ прибѣгалъ къ нему ради хлѣба. Личныя лишенія вынуждали у него ремесленную торопливость, работу на спѣхъ и на сроки, а потому не всѣ издѣлія имѣютъ артистическую цѣнность. Въ старости работы его были даже неудачны. Сдѣлавъ модель, онъ оттискивалъ въ ней кусокъ обыкновенной глины и, пока она сохла, выглаживалъ, выравнивалъ, обряжалъ и украшалъ свои издѣлія. Неблагодарный матеріалъ не позволялъ ему придавать работамъ своимъ надлежащую оконченность: ломкая, хрупкая глина и трескалась, и коробилась, и, во всякомъ случаѣ, отнимала красоту первоначальнаго рисунка, который потомъ уже нельзя было исправить. Въ Сибири мудрено было Цезику искуситься на болѣе твердомъ и лучшемъ матеріалѣ: мраморныя издѣлія, по высокой цѣнѣ своей, не имѣли бы тамъ сбыта, да притомъ онъ долженъ былъ думать о самоскорѣйшемъ сбытѣ товара. „По матеріалу, которымъ пользовался онъ, мы назовемъ его гончаромъ, но гончаромъ-артистомъ настолько же, насколько Бенвенуто Челлини былъ золотыхъ дѣлъ артистомъ".

Въ Тобольскѣ Цезику жилось хорошо. Начальство покровительствовало, заказы непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ съ перебоемъ. У него былъ уже домикъ и садъ, наполненный цвѣтами; въ домѣ жена-сибирячка, полюбившая его всѣмъ сердцемъ и помогавшая ему въ работахъ, и двое сыновей на усладу грядущей старости. Завелись пріятели, имѣлись и доброжелатели, изъ которыхъ одинъ (Петръ Мощинскій) назначилъ ему даже пенсію, ежегодную и пожизненную, въ 800 рублей. Казалось, благопріятно соединились всѣ данныя для того, чтобы на томъ ему и покончить жизнь въ изгнаніи, но ловкая рука измѣнила и съ глины перешла на бумагу, стали выходить рисунки немудреныхъ старыхъ ассигнацій. Одну полицейскій не затруднился принять и спрятать, какъ взятку; поощренный успѣхомъ, Цезикъ приладилъ цѣлую фабрику, былъ уличенъ, опять посаженъ въ тюрьму, снова сужденъ и наказанъ ссылкою въ нерчинскіе заводы въ Акатуйскій рудникъ. Брата тамъ онъ не нашелъ (умеръ въ Олочахъ на Аргуни), стараго ремесла не покинулъ, но и здѣсь дѣлалъ фальшивыя бумажки, за что сажали его на цѣпь и приковывали къ тачкѣ. Онъ вылѣпилъ свою фигуру въ этомъ видѣ—и на томъ успокоился. Уволенный отъ работъ

черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ поселился подъ Верхнеудинскомъ, а въ 1857 году переѣхалъ въ Иркутскъ (сосланъ былъ въ 1828 году).

Здѣсь зазнали Цезика старикомъ, съ морщинистымъ и блѣднымъ лицомъ, которое нѣкогда было красиво, теперь стало серьезнымъ и украшалось сѣдыми волосами и бородою. Печальная и тревожная жизнь отразилась на немъ во всей своей цѣлости. Работалъ онъ тутъ только для поддержанія себя и семейства. Жена и сынъ ему помогали, вылѣпляя по старымъ моделямъ, но эти работы не имѣли уже души и не красовались прелестями артистической отдѣлки; хотя и носятъ онѣ имя Цезика, но не могутъ почитаться за дѣла рукъ его. За Байкаломъ онъ породилъ подражателей, но эти ремесленники, хотя и съ успѣхомъ спекулировали на его имя, только неизмѣримо далеко остались назади. Даже неопытный глазъ въ состояніи отличить его подѣлки отъ поддѣлокъ. Изъ нихъ замѣчательны слѣдующія.

Акатуйскій рудникъ (плоская рѣзьба): въ долинѣ знаменитая тюрьма, въ отдаленіи—горное селеніе, пристроившееся къ руднику, на горизонтѣ опускающееся за гору солнце, на небѣ нѣсколько облачковъ. На переднемъ планѣ видна штольня и около нее нѣсколько ссыльныхъ съ тачками, везущихъ серебряную руду; впереди, на самомъ первомъ планѣ, онъ, Цезикъ, прикованный по рукамъ и по ногамъ къ тачкѣ, наполненной рудою. Одежда на немъ изорванная и заплатанная. Видны голое плечо, протертое колѣно, сквозятъ помочи, поддерживающія кандалы. Узникъ отдыхаетъ, подхватившись локтемъ и опершись на правое колѣно; у лѣваго боку легла рука съ молоткомъ; на лицѣ грустная, тяжелая задумчивость и спокойствіе отдыха (статуэтка имѣется на столѣ у пишущаго эти строки).

Лучше закончены нѣкоторые образа (какъ, напр., св. Варвары), Аристотель съ книгою, стоящій подъ деревомъ (статуэтка), и Христосъ, благословляющій дѣтей (плоская рѣзьба). А вотъ и онъ самъ въ заточеніи: голова, богатая по мысли, оперлась на руку и обращена къ распятію, стоящему на столикѣ. Подъ столикомъ играютъ мыши, и, увлеченныя тишиною, приблизились къ ногамъ сидящаго. И опять онъ (плоская рѣзьба), съ выжидающимъ взглядомъ, смотритъ сквозь рѣшетку окна, къ которому приближается женщина съ двумя дѣтьми на рукахъ—несчастная жена счастливаго на этотъ моментъ мужа. И снова онъ (плоская рѣзьба) незримымъ въ опустѣломъ жилищѣ его семейства: изба, на потолкѣ которой прикрѣпленъ однимъ концомъ шестъ съ корзинкою на другомъ концѣ, замѣняющей зыбку; на постелѣ подлѣ сидитъ его жена и кормитъ грудью ребенка; у стѣны кудель съ прялкою, горшки и другая мелочь, отдѣланная съ фламандскимъ терпѣніемъ и чистотою.

Сохранилась плоская рѣзьба, изображающая мыльные пузыри, которые пускаетъ миѳологическій геній, а сонмъ извѣстныхъ въ исторіи великихъ людей ихъ ловитъ. Степенный и надъ всѣмъ господствующій Часъ злобно усмѣхается подъ наитіемъ думы о томъ, что вотъ и слава такова же, какъ эти мыльные пузыри. Вторая: птица пеликанъ, какъ символъ материнской любви, кормящій дѣтей кровью, добытою изъ собственнаго сердца. Третья (плоскою же рѣзьбою), въ силу впечатлѣній тюремной неволи и подъ вліяніемъ классическаго воспитанія, полученнаго имъ въ Вильнѣ: римлянка, дочь сенатора, обреченнаго на голодную смерть въ темницѣ, кормитъ отца собственною грудью. Четвертая: каррикатура пьяницы верхомъ на скотинѣ. Дѣлалъ онъ и портреты изъ глины: Мощинскаго благодѣтеля, ссыльнаго въ Тобольскѣ, и Муравьева-Амурскаго, и статуи того же Мощинскаго, Будды и другихъ божковъ (для продажи бурятамъ). Самое большое количество работъ выпущено имъ на продажу въ видѣ бездѣлушекъ для украшенія будуарныхъ этажерокъ (трубки курительныя съ мельчайшими ландшафтами или въ видѣ мертвыхъ головокъ, распустившихся цвѣтковъ, фигуры греческой миѳологіи, сахарницы изъ коричневой глины, усаженныя мелкими мушками, вазы, облѣпленныя разнообразными листьями), на иной ползетъ ракъ, по другой разлетѣлись птички, расцвѣлъ цвѣтокъ и на немъ усѣлась отягощенная медомъ пчела. Изъ этого сорта особенно замѣчательны двѣ: сигарочница (ссыльный, прикованный къ тачкѣ, отдыхаетъ подъ дуплистымъ деревомъ; тачка для спичекъ, дупло для сигаръ) и охотничья кружка. Послѣдняя сдѣлана изъ черной глины и украшена принадлежностями охоты, гдѣ полублескъ, гдѣ полумракъ, гдѣ наведенъ цѣлый матъ: заяцъ, кабанъ, болотная птица и собака сдѣланы какъ бы тончайшимъ рѣзцомъ. Многіе сибиряки увѣряютъ, что нѣкоторыя работы, какъ, напримѣръ, мелкіе ландшафты на курительныхъ трубкахъ, дѣлывалъ онъ въ одиночномъ тюремномъ заключеніи, куда не даютъ ничего остраго, дѣлывалъ чѣмъ ни попало: рыбьею косточкою, осколочкомъ тарелки, стакана, оконнаго стекла, но всегда съ одинаковою ловкостью и неизмѣннымъ искуствомъ.

Вотъ на какого человѣка пала зараза обогащенія посредствомъ фальшивыхъ денегъ въ Россіи и Сибири! Если въ Россіи удается отливать монеты такимъ мастерамъ, какъ московскіе пастухи, то понятно, что въ Сибири, въ мѣстѣ сбора неосторожныхъ, но опытныхъ мастеровъ и художниковъ, дѣло поддѣлки денежныхъ знаковъ идетъ съ большимъ успѣхомъ и совершенствомъ, чѣмъ въ Россіи. Соперничаетъ съ этимъ ремесломъ тутъ и тамъ одна только преступность поддѣлки фальшивыхъ документовъ.

2. Фабриканты фальшивыхъ документовъ.

Въ Сибири эти поползновенія исходятъ изъ необходимости обставить бродяжество болѣе законными аттрибутами и преступленіе практикуется ссыльными въ равной степени съ тѣми, которые сочувствуютъ ихъ бездолью и горю или подкуплены ими. Виновны больше всѣхъ ссыльные (грамотные и письменные люди), но помогаютъ имъ и вольные люди: государственные крестьяне и исключенные изъ службы чиновники. Нельзя удивляться тому, что и на этотъ разъ нѣтъ той тюрьмы въ Сибири, которая, при обыскахъ, не сказалась бы виновницею и не указала бы на ясные и неопровержимые слѣды этого рода преступленій. Можно удивляться развѣ тѣмъ требованіямъ и заявленіямъ заключенныхъ арестантовъ, которыя обнаруживаются на слѣдахъ находокъ. Не только въ тюменской тюрьмѣ, но и въ далекихъ тюрьмахъ нерчинскихъ, на стертыхъ пятакахъ и десятикопеечникахъ попадаются самыя разнообразныя указанія на волостныя правленія, городскія думы, полицейскія управленія иногда до того отдаленныя, что на курьерскихъ тройкахъ раньше двухъ мѣсяцевъ до нихъ не доѣдешь. Останавливаешься передъ запутанностью комбинацій, недоумѣваешь передъ намѣреніями и планами заказчиковъ или самихъ мастеровъ и авторовъ, какъ бы передъ задачами многосложнаго и многотомнаго романа, но съ тою разницею, что на этотъ разъ романъ—не вымыселъ, а сама дѣйствительность. Въ тобольскомъ острогѣ оставилъ по себѣ живую память одинъ изъ такихъ мастеровъ—нѣкто Петръ Вѣтвеницкій (чиновникъ). При обыскѣ камеры въ январѣ 1851 г. нашли въ щеляхъ и углахъ и отобрали у него орудія мастерства и самые продукты издѣлій. Въ мартѣ опять подобная же находка въ кошелькѣ, вмѣстѣ съ деньгами; въ апрѣлѣ перевели его въ новый нумеръ, но и въ этомъ тѣ же находки въ туезѣ; въ ноябрѣ уже въ войлочныхъ пимахъ, обшитыхъ холстомъ, въ голенищѣ между холстомъ и войлокомъ. По мѣрѣ того, какъ изловчался мастеръ на изобрѣтеніе болѣе скрытныхъ и потайныхъ хоронушекъ, самое ремесло оставалось въ той же спеціальности. Орудія пребывали неизмѣнными, мѣнялись лишь заказы и разнообразились задачи: циркуль, деревянный съ желѣзными проволочными шпильками, долотца изъ иголокъ, маленькіе ножики изъ стараго желѣза, роговая кость, куски желѣзной проволоки и пемзы, шильца изъ иголокъ въ деревянныхъ черешкахъ, истертые съ одной или двухъ сторонъ пятаки и гроши. Въ первый разъ найдены готовыя печати на мѣдномъ пятакѣ: съ одной стороны тобольскаго губернскаго правленія, съ другой—петрозаводскаго земскаго суда; во второй: бумажная печать, срѣзанная съ конверта и истинная и опять пятакъ съ поддѣльными: на одной—алатырскаго духовнаго правленія, съ другой—симбирской духовной консисторіи; при третьемъ обыскѣ: печать Ишимскаго округа гагарьевскаго волостного правленія, и при четвертомъ—готовая печать на пятакѣ: съ одной стороны саратовской градской думы, а съ другой—градской же думы, но уже симбирской. Въ предыдущемъ году и въ томъ же острогѣ таковыхъ печатей наловлено восемь съ не менѣе замысловатыми указаніями (между прочими на одномъ мѣдномъ кружкѣ и на красноярскую и на черноярскую градскія думы). Подозрѣвались и прикованные къ стѣнѣ и ходившіе по волѣ. Издѣлія находили и въ подушкахъ, и закладенными подъ поломъ, и въ стѣнѣ, гдѣ нибудь за печью. Вездѣ было мѣсто и по всѣмъ тюрьмамъ широкое приспособленіе этого рода поддѣлкамъ, предшествующимъ побѣгамъ и вызываемымъ бродяжествомъ.

Въ Россіи наибольшее число такого рода фабрикантовъ объявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сильнѣе развито бродяжество (въ Новороссійскомъ краѣ) и гдѣ этотъ промыселъ столько же древенъ, какъ сама паспортная система (губернія Саратовская съ землею войска Донского и сосѣдними приволжскими, Симбирскою и Астраханскою). Въ поддѣлывателяхъ первое мѣсто въ ряду сословій принадлежитъ дворянству (по процентному отношенію); затѣмъ второе солдатамъ, а дальше: дворовымъ, мѣщанамъ, духовнымъ; между ссыльными: бродягамъ (въ 9 лѣтъ 345 муж., 134 жен.), поселенцамъ (81 чел.) и каторжнымъ (11 чел.). Между ссыльными, виновными противъ интересовъ казны, уличенные въ поддѣлкѣ фальшивыхъ документовъ, составляютъ въ общемъ числѣ цѣлую половину.

Народная молва и слѣдственныя показанія пойманныхъ съ фальшивыми видами умѣютъ указывать, и въ Сибири и въ Россіи, не только на отдѣльныя лица и семейства, но на цѣлые города и селенія, гдѣ приготовленіе поддѣльныхъ актовъ (и преимущественно паспортовъ) составляетъ спеціальный, привиллегированный промыселъ. Для нѣкоторыхъ городовъ (вродѣ Казани, Нахичевани и Ростова-на-Дону, Кунгура и Тюмени въ Сибири) и для многихъ селеній (вродѣ семейскихъ за Байкаломъ и села Алексѣевскаго въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи) воровской промыселъ, сосредоточенный на ущербахъ казны, покрытъ сѣдинами древности. Поддѣлки другого вида документовъ и актовъ, входя въ исключительное занятіе служилаго дворянства, сосредоточиваются, естественнымъ образомъ, въ городахъ и усиливаются количествомъ сообразно съ числомъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ власть и

силу и владѣютъ искуствомъ и знаніемъ. Сибирскія табели, дѣлая крупные намеки и рѣзкія указанія на Москву и Петербургъ, для сравнительной преступности городовъ не давали никакихъ данныхъ. Вообще, по дѣламъ этого сословія табели оказались въ крайней несостоятельности. Такъ, напр., табели сводили вмѣстѣ цифры сосланныхъ за „мздоимство и лихоимство", обѣщающія обиліе жертвъ этого первороднаго грѣха и подъ двумя наименованіями скрывающаго одинъ и тотъ же видъ крайне застарѣлой и сильно распространенной болѣзни—и оставались при полнѣйшей несостоятельности суда и приговора. Считаемъ излишнимъ входить въ разбирательство причинъ, ослабляющихъ цифру больныхъ, превратившихъ хроническую болѣзнь въ поразительное ничтожество. Возвращаемся снова къ тѣмъ, которые говорятъ о себѣ съ большею откровенностью, но лишены возможности быть судьми самихъ себя и находить защиту въ адвокатахъ изъ своего же рода и той же кости (не бѣлой, а черной). Вотъ снова два вида крестьянскихъ преступленій, изъ которыхъ одно отжило свой вѣкъ и почти исчезло. Это корчемство виномъ и корчемство солью.

3. Корчемники и контрабандисты.

Искуственно созданный властелинъ, заручавшійся быстро нароставшими денежными богатствами, убитый наповалъ нынѣшнею системою питейнаго сбора, питейный откупъ, нѣкогда державшій въ своихъ рукахъ почти всю Россію, въ Сибири съумѣлъ выразить свое могущество тѣми жертвами, которыхъ онъ усылалъ за преступленіе, называемое корчемствомъ вина. Преступленіе, искуственно вызванное и прожившее свой долгій вѣкъ, опираясь на всемогущую силу денегъ и подкупа, имѣло для народа то значеніе, что улавляло падкое на соблазнъ человѣчество именно тамъ, гдѣ приложены были ловецкія сѣти и обильно разсыпаны соблазнительныя приманки. Мѣстами этими полагались тѣ пункты, на которыхъ встрѣчалась задурманенная и некрѣпкая водка съ настоящимъ и добротнымъ продуктомъ вольнаго промысла. съ такъ называемою „вольною". Мѣста эти были, по преимуществу, мѣстами ловли для корыстнаго промысла, не желавшаго ходить прямыми путями и искавшаго себѣ оправданія въ карательной силѣ временныхъ постановленій. Задавалась откупу охота и ловля съ наименьшимъ успѣхомъ въ средѣ народа, слыхавшаго о вольной продажѣ и добротной водкѣ только по разсказамъ проѣзжихъ купцовъ съ украинскихъ ярмарокъ и прохожихъ солдатъ, возвращавшихся отъ хохловъ или изъ польской стороны на родину. Въ мѣстахъ, ближайшихъ и смежныхъ съ Украйною и Бѣлоруссіею, сила соблазна разрѣшилась тяжестью ссылки для тѣхъ, которымъ судьба довела поселиться вблизи самыхъ границъ, на пунктахъ встрѣчи обоихъ враждебныхъ лагерей. Какъ очистительныя жертвы за „вольную" и напрасныя за откупъ, ушли въ Сибирь преимущественно крестьяне и въ наибольшемъ числѣ изъ губерній, прилегающихъ къ тѣмъ, гдѣ узаконена была вольная продажа вина. Въ 20 лѣтъ 366 чел. изъ Смоленской (съ границъ Могилевской и Черниговской), 364 изъ Курской, 181 изъ Псковской, 153 изъ Орловской, 58 изъ Харьковской, 44 изъ С.-Петербургской и 23 изъ Воронежской явно и сильно высказались протестомъ противъ тяжелаго и неодолимаго запрета. 1.227 муж. и 20 жен. ушли въ Сибирь избранными изъ неосторожныхъ и неумѣлыхъ, оставивъ позади себя массы ловко спрятавшихся или откупившихся высокою цѣною домашнихъ сдѣлокъ. Обрадованный и польщенный силою предоставленной власти, откупъ, на первыхъ же порахъ, поспѣшилъ воспользоваться ею со всею невоздержностью баловня, съ разсчетомъ на острастку и съ безразсчетными порывами на собственное безславіе въ потомствѣ. Съ 1832 года въ немъ обнаружались невоздержныя поползновенія на кару нерадѣвшихъ его интересамъ и, въ первые годы, по его ходатайству и указаніямъ выслано было въ Сибирь 805 человѣкъ (мужчинъ и женщинъ). Когда время охолодило первый пылъ и жаръ опьянѣлаго наѣздника, число поднятыхъ имъ подъ ноги и раздавленныхъ уменьшилось (съ 1840 года) почти на половину (въ семь слѣдующихъ лѣтъ сослано было 442 человѣка).

Таковы орнаменты (въ числѣ другихъ весьма многихъ), которые Сибирь посылаетъ отъ своего избытка на украшеніе памятника умершаго врага народной жизни, одного изъ сильныхъ противниковъ благосостоянія рабочихъ классовъ, для которыхъ гроза ссылки за корчемство прошла теперь мимо. Въ наши дни она виситъ только надъ тѣми изъ представителей русскихъ сословій, которые развели пары и пустили воду подъ винокуренные заводы, но, говорятъ, эта туча тихо разрядилась и до сихъ поръ не дала громовыхъ оглушающихъ раскатовъ. Въ Сибири, въ старыя времена, корчемство виномъ (самосадка) представлялось явленіемъ повсюду распространеннымъ. Причина его вездѣ была слѣдствіемъ изобилія хлѣба (25 коп. асс. за пудъ), какъ по Иртышу въ Западной Сибири, такъ и въ Минусинскомъ округѣ Восточной Сибири. Тутъ и тамъ выкуренное дома вино становилось въ 15 разъ дешевле кабацкаго. Противъ самосадочниковъ устраивалось вѣчное осадное положеніе и, временами, при поимкахъ затѣвались кровопролитныя баталіи. Нерѣдко сыщики откупщика злонамѣренно подбрасывали крестьянамъ туезы (бураки) и кубы и при помощи засѣдателей срывали взятки съ невинныхъ или за-

ивали дѣло. Въ Минусѣ ревизовавшій свою ернію ген.-губер. Вроневскій наткнулся, ду прочимъ, на такое дѣло, которое было главлено такъ: „Дѣло о найденномъ у естьянина туезѣ съ запахомъ яко бы корнаго вина“.

Второй видъ корчемства, котораго казна не вала на откупъ въ частныя руки алчныхъ мышленниковъ и не организовала въ отную коммиссіонерскую систему, было корство солью. Оно выразилось въ Сибири ѣчательно слабымъ проявленіемъ своего суствованія. Неправильная, воровская торговля ъ продуктомъ, на который крестьянинъ всегда занъ былъ приготовить наличныя деньги и орый составляетъ для него самое большое рушеніе и предметъ первѣйшей необходити, къ счастью, не преслѣдовалась съ азаръ, озлобленіемъ и постоянствомъ. Сибирская фра, ничего не доказывая, въ то же время се не свидѣтельствовала о томъ, что тайный мыселъ былъ слабъ, что казенная соль, коая для однихъ мать (напр., для казаковъ льскихъ), для другихъ мачиха (каковы всѣ альные ея потребители)—не представляетъ дукта, способнаго окрылить смѣльчака и завить его взять, сколько можно, на потребу, ъ продуктъ торговли и промысла. Въ числѣ тихъ русскихъ мѣстностей та же Сибирь дставляла примѣры удачной практики, съ ъ различіемъ, что корчемная (коряковская , по туземному, ямышевская) соль въ Заной Сибири отличается отъ таковой же каной торопливою отдѣлкою: она грязна на ъ, горьковата на вкусъ, неустойна въ разѣ. Но и при этихъ недостаткахъ соль лвается въ употребленіи по вызову безленныхъ потребностей въ грибной, рыбной богатой мясомъ Сибири и подтверждаетъ поженіе Либиха, что расходъ соли показываетъ пень благосостоянія народа и развитія его льскаго хозяйства. Пониженіе цѣнъ на казную соль обезсилило корчемство, которое и езло теперь въ силу новаго закона о соля торговлѣ. Тѣмъ же опасностямъ и тамъ же вергалось и казенное вино, но съ тою разцею, что оно похищалось ссыльными исклюельно на собственную потребу и усладу, а ь—преимущественно для продажи на гроши, ъ продуктъ, посредствующій для вымѣна о же вина на ту же усладу и потребу. За кражи на мѣстахъ ссылки расплачивались го чаще домашними наказаніями; сильнѣе трѣли и больнѣе били за другія кражи, изъ орыхъ одинъ родъ вмѣняютъ въ крупную ступность. Между прочимъ, воровство зо, подъ строгимъ именемъ „похищенія драѣнныхъ металловъ съ промысловъ“, внею въ особую графу для табелей о ссыльныхъ Россіи.

Въ Россіи кража золота (не предъявленнаго въ казну и пошлиною не оплаченнаго) выражалась наименьшею цифрою въ общемъ ряду всѣхъ другихъ преступленій, потому что соблазнъ предлагается только въ одной богатой всякими металлами мѣстности. Только одно сословіе заводскихъ крестьянъ отличалось исключительно виновностью. Только три губерніи въ этой кражѣ участвовали (Пермская, Оренбургская и Вятская) по роковому влеченію соблазномъ драгоцѣннаго металла, который лежитъ, быстро истощаясь, въ почвѣ земли рудоносного Урала, въ богатыхъ песчаныхъ пластахъ восточнаго склона хребта. Со временъ Петра началась промывка золота, а стало быть и его кража, но съ 1835 г. Сибирь получила возможность (въ одно время съ контрабандистами иностранныхъ товаровъ) производить учетъ виновнымъ въ кражѣ золота. На первые годы цифра была велика. Затѣмъ похитители стали осторожнѣе. Цифра примѣтно упала и на практикѣ выразилась тѣмъ, что гдѣ больше существовало соблазновъ, тамъ и большее количество искушенныхъ грѣшниковъ; на югѣ Урала искушенія чаще и изъ Міасскихъ и Златоустовскихъ округовъ, поэтому, высылка сильнѣе и вѣрнѣе (и все тѣхъ же заводскихъ крестьянъ, съ добавкою самаго незначительнаго числа солдатъ и башкиръ, какъ передатчиковъ). Въ Сибири это преступленіе вступаетъ въ болѣе широкія права не столько потому, что Россія успѣла уже снабдить ее людьми умѣлыми и досужими (которые, можетъ быть, стали тамъ, умудренные опытомъ, осторожными), сколько по тѣмъ предрасполагающимъ причинамъ, что производство казенныхъ и частныхъ работъ находится въ рукахъ каторжныхъ и поселенцевъ. Большинство послѣднихъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ сосланнымъ за воровство и, на самомъ дѣлѣ, сибирскую кражу золота можно назвать преступленіемъ поселенческимъ. Людская молва на частныхъ золотыхъ промыслахъ указываетъ, какъ на пособниковъ и передатчиковъ, на тѣхъ, которые ѣздятъ въ хвостѣ рабочихъ съ водкою и ситцами и останавливаются отъ мѣста работъ и резиденцій въ почтительномъ, установленномъ законами отдаленіи. Здѣсь способности евреевъ и живучести въ нихъ страсти къ драгоцѣннымъ металламъ отдаютъ всѣ и всегда предпочтеніе. Въ Сибири на евреевъ выпало сильное подозрѣніе (особенно въ Западной) въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Хотя, по сибирскому учрежденію 1822 года, и принято въ основаніе не допускать поселенія евреевъ на сибирской линіи (южной границѣ), тѣмъ не менѣе 40 еврейскихъ семействъ водворены тамъ „попущеніемъ мѣстнаго начальства“ (какъ сказано въ сенатскомъ указѣ 5 апр. 1826 г.). Такія злоупотребленія вызвали по-

ложительныя мѣры обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губернію, далѣе отъ горныхъ заводовъ Колывано-Воскресенскаго округа. Оставили только тѣхъ, которые, причислившись къ крестьянамъ, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ, и, разумѣется, послѣ этого распоряженія не перестали контрабандировать. Не клали евреи охулки на руку и на казенныхъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго горнаго округа, хотя здѣсь пріобрѣтателями являлись безразлично всѣ, отъ казенныхъ подрядчиковъ и вольныхъ торговцевъ до крестьянъ, солдатъ и казаковъ. Рабочіе ссыльные воруютъ, вышедшіе на пропитаніе и исправленіе прикрываютъ, свободные люди покупаютъ, а казаки передаютъ за китайскую границу съ тою же ловкостью, съ какою принимали оттуда контрабандный чай всякаго сорта. Женщины и здѣсь охотливѣе ходили на такое дѣло, требующее крайней осторожности, таинственности и ловкости, при помощи каковыхъ въ итогѣ являлся тотъ фактъ, что самая преступность гораздо сильнѣе, чѣмъ доказывающія это цифры пойманныхъ и уличенныхъ; женщина, во всякомъ случаѣ, продавщица, какъ тюремные надзиратели, то есть солдаты, первые пріемщики *). Вмѣстѣ съ золотомъ, извѣстнымъ подъ именемъ „желтой пшенички", на нерчинскихъ заводахъ шла кража серебра и контрабандная продажа его за китайскую границу, по той же процедурѣ таинственныхъ пріемовъ и почти съ такимъ же успѣхомъ и выгодою въ предпріятіяхъ. Около серебра воровство хитрѣе; при песчаномъ золотѣ рызсыпей воровской трудъ облегченъ былъ до крайней степени простоты и возможности. Шилкинскій заводъ, съ самаго начала разработки золотыхъ пріисковъ на Карѣ, былъ такимъ мѣстомъ, гдѣ покупка краденнаго золота производилась въ значительныхъ размѣрахъ. Сколько разъ ни пытались ловить, ничего не выходило: попадалась мелкота съ золотниками и долями, пуды и фунты сквозь разставленныя сѣти прорывались наружу. Во время одной сенаторской ревизіи выискались жидки-ищейки, нахвастались, наговорили, наобѣщали съ три короба, подложили золото къ одному польскому изгнаннику, но строгое слѣдствіе показало лишь то, что и здѣсь евреи ходили на обманъ, а во 2-хъ, отысканное золото вовсе не карійское, потому что было очень высокой пробы, по всему вѣроятію попалось сюда съ частныхъ промысловъ и, вѣроятнѣе, изъ Западной Сибири или даже съ Урала. Въ Западной Сибири тѣ же контрабандисты евреи съумѣли обнаружить прежнія наклонности и не смиренное ссылкою досужество въ такой степени, что сенатъ въ 1826 г. (указомъ 5 апр.) предписалъ переселить ихъ въ другія мѣста Сибири. Евреи объявились въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Способствовало къ тому житье по линіи 40 семействъ, водворенныхъ попущеніемъ мѣстнаго начальства, не смотря на то, что сибирское уложденіе 1822 г. подобнаго поселенія не дозволяетъ.. Предполагалось оставлять впредь только тѣхъ, которые, причислившись въ крестьяне и мѣщане, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ. Приказу велѣно обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губернію, дальше отъ горныхъ заводовъ Колывано-Воскресенскаго округа. Мѣра эта, ослабивъ временное зло, не служила препоною для прекращенія основного зла и переселенные стали передатчиками. Уральское золото ѣзжало въ чемоданчикѣ съ евреемъ, пріѣзжавшимъ за нимъ по нѣсколько разъ въ годъ, въ условное время, изъ г. Гродны даже въ самое ближайшее къ намъ время.

Переходя отъ этого, преимущественно сибирскаго, преступленія къ контрабандѣ, мы на этотъ разъ снова имѣемъ дѣло съ такимъ преступленіемъ, которое составляетъ принадлежность отдѣльныхъ мѣстностей и можетъ быть названо въ Россіи исключительно пограничнымъ. На всѣхъ нашихъ границахъ контрабанда является господствующимъ, сильнымъ и неизлечимымъ зломъ, не исключая сѣверныхъ холодныхъ и южныхъ степныхъ и пустынныхъ, на всемъ протяженіи отъ Прута на Закавказье, по пограничной линіи со средне-азіатскими владѣніями до Иркутска, забайкальскихъ и амурскихъ предѣловъ, пользующихся правомъ porto-franco. Тамъ, гдѣ граница встрѣчается съ наиболѣе промышленными и торговыми странами,

*) На Карѣ золотникъ краденнаго золота продавался за $1\frac{1}{2}$ руб. и не дороже 2 руб. (въ казнѣ стоитъ 3 р. $57\frac{3}{4}$ к.). Если обмѣнять у монголовъ на кирпичный чай, то цѣна поднималась на золотникъ до 7 руб. и выше (даютъ 10 кирпичей, а по 70 коп. кирпичъ—въ первыхъ рукахъ; въ нерчинскомъ заводѣ давали за него 90 коп. и 3 руб.). Характерное дѣло объ убійцѣ изъ евреевъ Ханмѣ Вульевѣ обнажило слѣдующія подробности промысла хищническимъ золотомъ: арестанты разъ подрались между собою по тому поводу, что выпили не по ровному количеству водки, принесенной покупателями золота, а въ кражѣ участвовали всѣ въ равной степени. Вульевъ указывалъ при этомъ на самого смотрителя замка. Въ доказательство своихъ словъ, онъ представилъ три слитка, которые перекупилъ у товарища на вѣсъ. Вѣшали золото на тѣхъ же вѣсахъ, на которыхъ развѣшиваются въ арестантской кухнѣ порціи мяса и хлѣба. Тюремный староста (Колобаевъ) взялъ золото по 1 руб. золотникъ и, сверхъ того, обязался угостить виномъ. Купленное золото староста перепродалъ урочникамъ, а вино принесъ на разрѣзъ, откуда оно было доставлено на тюремную кухню въ опростанной посудѣ и потомъ, подъ видомъ пищи, принесено въ тюремную казарму. Другой разъ этотъ же представитель златолюбиваго племени продалъ горному служителю 2 золотника золота за пудъ орѣховъ, которыми и услаждалъ тюремную тоску, сокращалъ докучное время каторжнаго бездѣлья сибирскимъ женскимъ способомъ.

каковы государства европейскія, преступленіе это является во всемъ блескѣ, со всею несокрушимою настойчивостью и давнишнею послѣдовательностью. Пѣшкомъ, въ видѣ ящика за плечами или на бойкихъ, приспособленныхъ къ этому дѣлу лошадкахъ врывается къ намъ контрабандный, безпошлинный товаръ, соблазняя всѣхъ безразлично, отъ бессарабскихъ цыганъ и польскихъ евреевъ до малороссовъ Юго-Западнаго, литвиновъ и бѣлоруссовъ Сѣверо-Западнаго края и кончая чухнами за Петербургомъ и подъ самымъ Петербургомъ. Еще уголовная статистика не рѣшила, кто ловчѣе: петербургскій ли чухонецъ или сибирскій казакъ, закавказскій армянинъ или волынскій малороссъ, или же я въ самомъ дѣлѣ еврей (какъ подсказываютъ сибирскія табели) взялъ надо всѣми перевѣсъ, объявился съ большею наклонностью (по процентному отношенію чиселъ) и съ большимъ искуствомъ (по повсюдному общественному мнѣнію) *). Сибирскія табели говорятъ, что мѣщане преступнѣе въ этомъ промыслѣ крестьянъ. Ссыльныхъ за контрабанду стали считать въ Сибири съ 1835 года и во второмъ десяткѣ лѣтъ насчитали ихъ почти въ 7 разъ больше, чѣмъ въ первомъ, и контрабандисты противъ общаго числа сосланныхъ за покушеніе на интересы казны составляютъ 1/40 часть. По абсолютной цифрѣ жертвъ, изо всѣхъ пограничныхъ и ближайшихъ къ границѣ, выдѣлились губерніи: Волынская (52 муж., 8 жен.), Виленская (34 муж., 5 жен.), Гродненская (15 муж.), Курляндская (11 муж.), Подольская (9 муж.), въ тѣ 12 лѣтъ, которыя слѣдовали первыми послѣ учета въ Тобольскѣ **). Не забудемъ при этомъ, что на мѣстахъ соблазновъ для тайнаго ввоза иностранныхъ товаровъ, при встрѣчѣ дорогихъ таможенныхъ съ болѣе дешевыми неплонбированными товарами, для пресѣченія преступленій организована вооруженная стража. По вызову ея и для собственной защиты, контрабанда, въ свою очередь, вооружилась огнестрѣльными снарядами, съ ружьями, заряженными обыкновенно картечью, и въ цѣлыхъ отрядахъ. Отряды эти, во время пути, спереди и сзади прикрываются взводомъ вооруженныхъ людей и, сверхъ того, обезпечиваются, гдѣ нужно, боковыми патрулями и даже разъѣздами. По переходѣ за границу, шайка находитъ подставу, приготовленныхъ верховыхъ крестьянскихъ лошадей. На нихъ контрабанда доходитъ до еврейскихъ мѣстечекъ и въѣзжаетъ въ нихъ уже среди бѣлаго дня съ пѣснями. Здѣсь товаръ немедленно разбирается по рукамъ и поступаетъ либо въ экипажи шляхты, либо въ коробки евреевъ для разноски. Оттого-то всего чаще запрещенный товаръ попадается мелочами. Подъ именемъ контрабандистовъ уходятъ въ Сибирь передатчики, а главные оптовые воротилы за пятою спиною подставныхъ остаются на мѣстахъ въ полной безопасности. Границы, по обѣ стороны, усажены коммиссіонерами. Ближайшіе города населены оптовыми торговцами; частныя мѣры (а не общія) состоятъ только въ поимкѣ нѣсколькихъ тюковъ и не приносятъ никакой пользы. Главныхъ воротилъ въ Сибирь не сослано, а германскіе города, и между прочими Лейпцигъ (во время ярмарки), выработали особый родъ промышленности, состоящій въ заготовленіи огромнаго количества деревянныхъ ящиковъ для товара, идущаго въ Россію тайными путями. Такимъ образомъ, контрабанда, выходя на тайныя дороги свои, иногда обливаетъ свои слѣды кровью, идя на проломъ малочисленной стражи или отстрѣливаясь при неудачѣ и при отступленіи за границу, не щадитъ собственныхъ и чужихъ жертвъ, словомъ—является въ формѣ разбоя. Тогда и контрабандисты, въ видѣ убійцъ, пропадаютъ въ общихъ и темныхъ сибирскихъ цифрахъ. Контрабанда или безпошлинный провозъ заграничныхъ товаровъ, какъ настоящій промыселъ, выработалъ свои спеціальные пріемы, какъ промыселъ тайный, стоящій среди всякихъ опасностей, потребовалъ условной искуственной терминологіи, непонятной профанамъ. Главные заводчики дѣла—приказчики заграничныхъ конторъ (для Петербурга гамбургскихъ), ежегодно развозящіе образчики полотна, шелковыхъ матерій, муарэ, ситцевъ, холстинокъ. Заказы даютъ обыкновенно люди, искусившіеся въ опытѣ передачъ, и получаютъ товаръ, всего чаще, на девятимѣсячный кредитъ. Такихъ заказчиковъ у каждой конторы бываетъ по 30—50, въ числѣ которыхъ несостоятельные оправдываются аккуратными плательщиками. Запроданные товары имѣютъ свои депо, между которыми предпочитаются морскіе острова (вродѣ балтійскихъ Наргена и Гохланда) и ближайшіе къ границамъ города и мѣстечки, между которыми наибольшею опытностью отличался Грудскъ (въ Подол. губ., на австрійской границѣ) и Копычевъ (около Тильзита). Впрочемъ, вся прусская и австрійская граница усыпаны строеніями и жилыми избами разныхъ наименованій и населенными именно такими жителями, которые, подъ видомъ хозяйственныхъ нуждъ, имѣютъ право свободнаго подхода къ границѣ и перехода ея въ любомъ пунктѣ, хотя до ста разъ въ день. Сосѣди ихъ, живущіе на русской тер-

*) Изъ 26 мѣщанъ всѣхъ городовъ Имперіи выдѣлилось 14 евреевъ.

**) Въ 1819 году отправлена въ Сибирь цѣлая колонія нѣмцевъ и нѣмокъ, сосланныхъ по громкому и извѣстному въ то время ревельскому дѣлу о контрабандѣ. Всѣ они заручились рекомендательными письмами къ тогдашнему губернатору М. М. Сперанскому. «Привезли мнѣ много рекомендательныхъ писемъ (писалъ онъ къ дочери), но много пособить имъ я не могу. Сколько можно, однако же, пособлю».

риторіи цѣлыми деревнями, ни что иное, какъ переводчики, ямщики. Между ними крестьяне графа Зубова, Огинскаго и друг. особенно пользовались извѣстностью, сколько по ловкости, смѣлости, наглости, столько же и потому, что дѣйствовали артелями, принимали товаръ на свой страхъ, обезпечивая его за границею значительными залогами звонкой монеты. Продолжительная игра съ большими ставками и большимъ рискомъ переродила этихъ крестьянъ въ рѣшительныхъ, азартныхъ игроковъ, со всѣми свойствами и послѣдствіями. Если товаръ благополучно доставленъ, залогъ возвращенъ, барыши раздѣлены соотвѣтственно величинѣ залога — счастье тащится въ корчмы и тамъ расточительно пропиваетъ заработокъ. Если товаръ захватывается, то и залоги пропадаютъ, а крестьянинъ раззоренъ до тла, залоги имъ взяты у жида или шляхты за высокіе проценты. Деморализація нравовъ въ такихъ мѣстахъ такова, что эти селенія невинные сосѣди считали притонами и гнѣздами разбойничьими. Успѣхи контрабанды основывались, между прочимъ, и на томъ, что: во 1-хъ, такъ называемый аршинный товаръ отличался лучшею добротою, потому что не было нужды дѣлить его, легче для таможенъ, которыя берутъ пошлины съ вѣсу; во 2-хъ, подобный товаръ находился въ третьихъ рукахъ въ небольшихъ количествахъ, поимка только затрудняла, не вела къ цѣли, влекла непріятности осмотра и свидѣтельства лавокъ; въ 3-хъ, являлось облегченіе на товарахъ, не подлежащихъ клейму.

Товаръ, не подлежащій клейму и извѣстный у контрабандистовъ подъ именемъ короткаго, немедленно имѣлъ право занять мѣсто въ магазинахъ и глазъ не колетъ, а потому немедленно выставляли на показъ напитки, часы, фарфоръ, хрусталь. Доказать его незаконность не было особенной возможности, законъ ст. 1347 св. зак. т. VI ему даже покровительствовалъ. А потому, напр., карандаши съ пошлиною 20 коп. за дюжину, продавались (лучшіе кипарисные) не дороже 15 коп.; въ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній за 12 приборовъ бронзовыхъ пуговицъ платили пошлины 18 руб., продавали контрабандныя отъ 4—15 руб.; лучшая фарфоровая трубка съ живописью и въ оправѣ требовала 1 р. 15 к. пошлины, продавалась за 30 коп. и проч. Наибольшій соблазнъ возбуждаютъ, разумѣется, прежде всего товары первой необходимости и, по мѣрѣ того, какъ выростаетъ потребность, съ тою же силою укрѣпляется контрабанда, напр. кофею, собирающагося большими складами лѣтнимъ временемъ и вывозимаго обыкновенно зимою. Сахаръ на западныхъ границахъ стоитъ подъ защитою свекловичнаго и врывался въ оберточной бумагѣ съ этикетами свеклосахарныхъ заводчиковъ, заготовленными въ городахъ близъ границъ. Богатство выработанныхъ средствъ и способовъ ввоза позволило во многихъ мѣстахъ составиться цѣлымъ товариществамъ, которые брали доставку товаровъ въ Россію на свой страхъ (таковыя существовали во Львовѣ, Гамбургѣ, Любекѣ и, особенно, въ Лейпцигѣ), брали 10% задатка и, только по доставкѣ товара, получали остальные 90% и 30% за доставку. Пріемъ всегда у нихъ одинаковъ, производился гласно; въ русскіе предѣлы товаръ отправлялся раздробленнымъ; бронзовыя вещи, посуда и прочее разбирались по частямъ и въ одну бочку укладывались крышки и подонны, въ другую постаменты, въ одну перчатки съ одной руки, въ другую—всѣ съ другой руки. На аукціонѣ могъ купить и покупалъ только тотъ, кому довезли недостающія вещи. Впрочемъ, гуртовая отправка—рѣдкость и требуетъ различныхъ хитростей, изъ которыхъ уже большая часть изучена и предусмотрѣна. Всего чаще товаръ перевозился безпрестанно по малымъ частямъ. Поимка въ этихъ случаяхъ вѣнчалась ничтожнымъ успѣхомъ, не поддерживала энергіи наблюдателей, мимо которыхъ проѣзжалъ пароходный шкиперъ, умѣвшій очень искусно прятать запрещенный товаръ, путешественникъ, наловчившійся прятать около себя и нескучающій нѣсколько разъ путешествовать съ судна на берегъ и обратно. Проскользали консулы, пользующіеся своимъ оффиціальнымъ званіемъ, курьеръ, разные члены посольства и посылки на ихъ имя, наши собственные чиновники и проч. Товаръ подлежавшій клейму и опасный тѣмъ, что могъ быть признанъ безъ штемпеля и внутри имперіи за контрабандный, во вторыхъ и третьихъ рукахъ поступалъ подъ особое покровительство шляхты, пановъ, портныхъ, модистокъ и тѣхъ же чиновниковъ. Но и въ этомъ случаѣ, будучи контрабандою, онъ могъ быть проданъ за купленный послѣ конфискаціи. Евреи иной товаръ не любятъ и у себя не держатъ, предоставляя путь другимъ сословіямъ замѣшаться въ тотъ грѣхъ, за который завиняютъ ихъ исключительно. Замѣшивались въ контрабандисты еще и солдаты пограничныхъ войскъ. Способъ этотъ назывался машиннымъ и состоитъ въ томъ, что солдаты таскали товаръ по частямъ и передавали при обходахъ, объѣздахъ и при смѣнахъ. Пойманные врасплохъ извозчики бросали товаръ и лошадей, облегчая таможнямъ счетъ конфискацій. Товаровъ, уловляемыхъ такими и иными способами въ 1843 году, по оффиціальнымъ даннымъ, считалось по всѣмъ таможнямъ государства почти на 300 тысячъ. Если принять разсчетъ контрабандистовъ, кои считаютъ въ сложности не болѣе двухъ со ста на перехваченный товаръ, выходитъ, что контрабанды должно быть ввезено на 10 мил. руб. сер., а вся привозная торговля составляетъ 75 мил. (см. „Чте-

ніе общ. ист. и древн. рос.“ 1861 г.). Частныя мѣры, такимъ образомъ, безсильны, общія преобразовательныя обѣщали успѣхъ; кабинетныя правила деморализировали нравственность пограничнаго купечества и выучили всякаго рода уловкамъ и обманамъ. Въ особенности, въ этомъ отношеніи, поучительна была кяхтинская торговля въ то время, когда потребленіе чая (цвѣточнаго) неимовѣрно возростало, а кирпичный сдѣлался продуктомъ основного потребленія и первой необходимости у сибирскаго простого народа.

При разцѣнкѣ нашихъ товаровъ на Кяхтѣ, наши купцы вовсе не старались выказывать лучшее или настоящее достоинство товара, а напротивъ, прибѣгали къ такимъ сноровкамъ, чтобы товаръ казался, по возможности, худшаго сорта, такъ, напр., заглаживали сукно противъ ворса, чтобы оцѣнка была ниже. Высшей оцѣнки на Кяхтѣ боялись потому, что тогда товаръ могъ залежаться, особенно, если у купца не было для придачи опіума или преимущественно золота и серебра. Одинъ изъ богатыхъ московскихъ фабрикантовъ, торговавшій на большую сумму съ Китаемъ, наработалъ разъ плису почти всю пропорцію для Кяхты, сдѣлавъ ее противъ устава и общепринятой мѣры полувершкомъ шире. Послѣдняго никто не замѣтилъ. Назначили цѣны. Китайцы тотчасъ увидѣли разницу и весь товаръ разошелся, а у прочихъ его не тронули. Обиженные подали жалобы, но дѣло было сдѣлано. Нѣкоторое время господствовалъ въ кяхтинской торговлѣ извѣстный и любимый въ Китаѣ корень жинь-шень. Съ перваго раза казалось странною цѣль этого вымѣна, потому что, какъ аптекарскій матеріалъ, корень этотъ вовсе не требовался въ Россію, а между тѣмъ вывозъ его доходилъ въ иной годъ до милліона руб. Но не долго скрывалось настоящее значеніе корня: купцы, вредя другъ другу, чтобы болѣе вымѣнять чаю и поскорѣе сбыть товары, отдавали ихъ по дешевымъ цѣнамъ. Но какъ этимъ нарушалось строгое положеніе, то на бумагѣ показывали товары промѣненными по настоящимъ цѣнамъ на драгоцѣнный корень, который въ Маймачинѣ заготовлялся пудами за нѣсколько рублей. Съ изданіемъ закона 1857 года, по которому отпускъ металловъ дозволялся въ половинномъ количествѣ при пушныхъ товарахъ и при мануфактурныхъ только одна третья часть,—представилось выгоднымъ сбывать мягкую рухлядь (особенно соболей, лисьи лапы темныхъ цвѣтовъ и т. п.). Но какъ нельзя же было принудить китайцевъ къ роскоши, собственно для большаго отпуска металловъ, то какая нибудь сотня собольихъ шкуръ странствовала, какъ вѣчный жидъ, изъ Троицкосавска въ Кяхту и оттуда опять обратно. Такіе переходы на бумагѣ давали цифру промѣна дорогихъ пушныхъ товаровъ до такого числа, что вывозъ ихъ въ послѣдніе три года былъ сравнительно больше, чѣмъ въ цѣлое шестилѣтіе. Чтобы болѣе промѣнять серебра, купцы истолковали количество отпуска металловъ по своему: брали общій итогъ цѣнности промѣниваемыхъ товаровъ и металловъ и раздѣляли на двѣ или на три части, смотря по тому, какіе отпускались товары: пушные или мануфактурные. Такъ что если общій итогъ былъ, напр., въ 12 т. руб. (на 6 т. товаровъ и на 6 т. металловъ), то металловъ отпускалась половина на 6 т. руб., тогда какъ дѣйствительно, по закону 1855 г., слѣдовало отдать ихъ только на половину цѣнности однихъ пушныхъ товаровъ (а не общаго итога товаровъ и металловъ), т. е. на три тыс. руб. Нарушеніе закона обнаружилось, заговорили строгіе блюстители ограничительныхъ правилъ, поднялась многотомная переписка; съ своей стороны и купцы представили правоту своихъ дѣйствій. Дѣло кончилось тѣмъ, что велѣно соблюдать Высочайшее повелѣніе 1855 г. Приказаніе исполнили: дѣйствительно разсчетъ по отпуску металловъ введенъ былъ тотчасъ же, не смотря на то, что прежній учетъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, былъ въ виду начальства, контролирующаго торговыя дѣйствія. Но не прошло и дня, какъ купцы нашли способъ отпускать металлы въ такомъ количествѣ, какое нужно,—возвысивъ цѣны на всѣ товары на 20 и 30%. Самолюбіе блюстителей закона было удовлетворено, а Высочайшее повелѣніе на дѣлѣ оставалось одною формою, безъ дѣйствительнаго значенія. Такъ дѣйствовало кяхтинское купечество. Троицкосавское мѣщанство противоставило стѣсненіямъ обычную форму контрабанды во всѣхъ ея видахъ, даже и по доставкѣ для подспорья сбыту русскихъ мануфактурныхъ товаровъ контрабанднаго казеннаго золота. Безъ контрабанды самый худшій кирпичный чай сталъ у насъ дороже самаго послѣдняго англійскаго и американскаго чая; самые высокіе сорта чаевъ приближались цѣнами на Кяхтѣ къ цѣнамъ въ Гамбургѣ и Лондонѣ; самые обыкновенные сорта чернаго за границею были дешевле кирпичнаго кяхтинскаго и проч. Съ разрѣшеніемъ въ настоящее время, доставки чая кругосвѣтнымъ путемъ, конечно, сибирская чайная контрабанда въ сильной степени ослабѣла.

ГЛАВА X.

СТАРОВѢРЪ ПАПУЛИНЪ.

Таинственные дома.—Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора.—Совратитель.—Борьба съ нимъ.—Успѣхи пропаганды.—Постный товаръ.—Успѣхи безпоповщины.—Женскій вопросъ.—Бѣгствующая церковь.—Параллель между двумя расколами.—Необычайный успѣхъ ѳедосѣевщины.—Гоненія и упорство.—Посадъ Судиславль.—Свѣтопреставленіе.—Папулинская община.—Совращенія.—Торжественныя моленія.—Старая книга и старая икона.—Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ храмовъ и самое знаменитое изъ нихъ.—Иконографическія рѣдкости и драгоцѣнности.—Торговля иконами.—Семенъ Кузьминъ.—Соловецкая тюрьма.—Гдѣ правда?

Мало найдется въ сѣверной лѣсной Россіи такихъ городовъ, въ которыхъ не было бы таинственныхъ деревянныхъ домовъ, окруженныхъ высокими бревенчатыми заборами и построенныхъ отступя отъ жилищъ на версту и менѣе. Лишь только городъ старинный, знакомый лѣтописямъ и, въ особенности, издревле торговый и теперь не въ особомъ упадкѣ, бывало, ищи въ немъ по ближнимъ околицамъ, гдѣ полагается быть кладбищамъ, эти застоявшіяся, почернѣлыя зданія съ обрѣшетившеюся крышею и окруженныя обросшими мохомъ и пожелтѣлыми заборами. Казались эти крѣпостцы совершенно забытыми и давно покинутыми; видимо, въ нихъ никто не живетъ и онѣ какъ будто ждали хорошей бури съ вьюгою, чтобы совершенно разсыпаться. Въ окрестномъ народѣ объ этихъ зданіяхъ, обыкновенно, разсказывались невѣроятныя басни, порождаемыя именно ихъ таинственнымъ видомъ, всегда крѣпко запертыми воротами и вѣчнымъ меланхолическимъ безмолвіемъ. Всѣ разсказы плелись, обыкновенно, какъ лапоть, на одну колодку и также съ подковыркою. Въ такомъ лживомъ видѣ переходили они и въ оффиціальныя бумаги и въ печать. Ревнивъ и безпокоенъ открыто живущій человѣкъ къ тѣмъ, которые уединяются и прячутся за заборомъ. Любопытство мучится желаніемъ проникнуть въ сокровенное, стучится въ дверь и, въ досадѣ на крѣпкіе запоры, спѣшитъ утѣшиться всякою формою фантастическихъ разсказовъ. Ночью тамъ видятся невидимые огни, слышится топанье босыхъ ногъ и хлопанье плясокъ; затѣмъ предполагается мгновенно наступающая темнота и начинающееся содомское бѣсовское дѣйство.

На самомъ дѣлѣ, старикъ съ бородою по чресла, одинокій и никогда не скучающій, зажегъ лучину или огарокъ и, при вспышкахъ слабо мерцающаго свѣта, точаетъ кривымъ шиломъ настоящій лапоть. Надоѣстъ ему работа, выйдетъ онъ провѣтриться и прислушаться, съ какой стороны дуетъ непогодь, не сбирается ли дождь (поясницу что-то поламываетъ). Вотъ взвыли волки; долетѣлъ изъ города звукъ соборнаго колокола, въ который ударилъ другой такой же сторожъ; крикнулъ на лошадь, подъ самымъ заборомъ, проѣзжающій на базаръ мужичекъ изъ ближнихъ деревень и т. п. Воровъ бояться дряхлому старику нѣтъ нужды: имъ тутъ взять нечего! Лежатъ безмолвно и неисходно въ землѣ покойнички и стоятъ надъ ихъ могилками также полуразвалившіеся голубцы, въ видѣ бревенчатыхъ срубовъ съ двускатными кровельками и крестикомъ. Ихъ пробовали было запрещать закономъ, но старовѣры отбили себѣ это право и продолжали держаться и въ этомъ, какъ и во всемъ, стариннаго русскаго обычая.

Таинственныя подгородныя избы были, въ самомъ дѣлѣ, ни что иное, какъ старовѣрскія кладбища, а если стояли за высокимъ заборомъ, то почти навѣрное —безпоповщинскіе молитвенные дома, по большей части весьма распространеннаго ѳедосѣевскаго согласія. Изъ многихъ десятковъ такихъ безмолвныхъ, какъ страшная могила, зданій мнѣ яснѣе и знакомѣе прочихъ помнятся два, со временъ далекаго дѣтства. Оба примыкали къ выгонамъ и стояли за обывательскими огородами, подобно знаменитымъ столичнымъ кладбищамъ: Преображенскому въ Москвѣ и Волкову въ Петербургѣ, кровнородственнымъ по единомыслію и находившимися, не смотря на разстоянія, въ тѣснѣйшей дружественной связи. Оба знакомыя мнѣ также примыкали къ выгонамъ древнѣйшихъ сѣверныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ, какъ Галичъ, былъ славенъ и гремѣлъ на всю Нижегородскую и Суздальскую земли еще во времена Дмитрія Шемяки, а другой, Судиславль, сохранившій почтенное древнее имя, забылъ, за давностью времени, даже годъ своего основанія и давно утерялъ всѣ документы, свидѣтельствующіе объ его аристократическомъ происхожденіи.

Въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ подобныя загородныя строенія мало по малу стали дѣлаться рѣдкостью; они или снесены, или переведены въ самые города или же замѣнены новыми зданіями. Въ сороковыхъ годахъ они были еще цѣлы и по нимъ можно было наблюдать за явленіемъ нѣкотораго чуда и повѣрять нравственныя качества мѣстныхъ правящихъ

властей. Чудо заключалось въ томъ, что утлыя зданія, казавшіяся сложенными изъ гнилушекъ и покрытыми ободранными крышами, продолжали себѣ стоять незыблемо и несокрушимо. Строго заказано было не только строить новыя зданія, но и подновлять старыя. Всякая свѣжая заплатка на кровлѣ, всякая новая доска на обшивкѣ, даже колъ, приставленный къ пошатнувшемуся забору, порождали цѣлыя судебныя дѣла, вызывали наѣзды временныхъ отдѣленій съ понятыми, производили народные толки между православными и волненія съ опасливымъ страхомъ среди старовѣровъ. Умные и осторожные изъ нихъ замѣняли совершенно сгнившія бревна и доски, пропускавшія течь, подержанными, но крѣпкими, чтобы не было бросающихся въ глаза оказательствъ. Смѣлые и рѣшительные испрашивали разрѣшенія властей (при помощи денежнаго взноса, сообразно со степенью опасности для самого начальства) и подводили подъ зданіе новые вѣнцы изъ крѣпкихъ мелкослойныхъ и смолистыхъ сосновыхъ бревенъ. Вліятельные и богатые дерзали сооружать совершенно новые молитвенные дома, лишь оберегая ихъ назначеніе какимъ либо отводомъ и прикрывая ссылкою на одинъ изъ видовъ заводскихъ, ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство надо считать большою рѣдкостью, весьма исключительнымъ явленіемъ, такъ сказать, знаменательнымъ историческимъ фактомъ въ жизни ѳедосѣевщины, по чрезвычайной трудности осуществленія дерзостной мысли.

Одно изъ подобныхъ сооруженій красовалось (по почтовой дорогѣ въ г. Макарьевъ изъ Костромы) всего въ одной верстѣ отъ этого заштатнаго города Судиславля. Пріѣзжая гимназистами на вакацію, мы могли любоваться не только дерзкою красною крышею, но и внушительными размѣрами новыхъ зданій, очень похожихъ на фабрику. Строенія эти, кажется, такъ и назывались. Строилъ и владѣлъ ими судиславскій купецъ Папулинъ, безпоповецъ ѳедосѣевскаго толка, „батюшко-отецъ“, „батюшко Николай Андреевичъ“, какъ звалъ его весь окольный сѣрый народъ и городское мѣщанство, щеголявшее въ синихъ сибиркахъ по милости его же, батюшки-отца Николая Андреевича.

Я какъ сейчасъ вижу эту бороду, которая вошла въ залу мѣстнаго вліятельнаго чиновника, не кланяясь глубоко въ поясъ, а какъ будто бы даже приподнявшись повыше, чѣмъ была до тѣхъ поръ. Какъ вошелъ твердою и рѣшительною поступью этотъ старый человѣкъ, такъ и заговорилъ, обращаясь къ хозяину и, конечно, не обращая никакого вниманія на молоденькаго гимназиста.

— Хлѣбъ-соль про меня нынче будетъ?

— Какую велишь; про тебя всякая есть.

— Такъ вотъ я на подстилочку скатеретку маленькую принесъ тебѣ.

И вынулъ онъ, развернувъ, на преддиванный столъ огромную камчатную скатерть.

— Привыкъ, вѣдь, ты послѣ ѣды-то и обтираться, дворянскимъ дѣломъ, не полотенцемъ, а, чай, салфетками, — продолжалъ онъ и выкрикнулъ своего молодца, который стоялъ за дверями. Худой и длинный, какъ шесть, парень явился съ узломъ.

— Вотъ, пока, на дюжинку, а, можетъ, и двѣ твоя барынька выкроитъ.

Солидный человѣкъ во все время не терялъ шутливаго, веселаго тона, но, сѣвъ на диванъ и опершись обѣими руками на колѣни раздвинутыхъ ногъ, вздохнулъ, покачалъ головою и пристально воззрился на хозяина.

— Больно что-то крѣпко холодкомъ потянуло отъ Костромы. Слыхалъ, чай?

— Было повторительное секретное предписаніе...

— Все меня соблюдаютъ. Слыхалъ, что протопопъ на-дняхъ туда ѣздилъ и красавецъ-отъ вашъ въ походъ собирается. Готовишь подводы-то?

— Четверку подъ его карету, тройку подъ протодьякона, три пары подъ пѣвчихъ и одну подъ прислугу.

— Многонько. Тяжеленько мужикамъ-то будетъ въ эту рабочую пору... Больно ужъ сильно воинство, не испугаться ли мнѣ?

— Можетъ быть, и на этотъ разъ мимо проѣдетъ.

— Не захочетъ, думаешь, оскверняться? Ладно бы такъ-то!.. Изъ Москвы худыя вѣсти привезли. Хромой графъ, что вотъ надъ этими ребятами самый большой начальникъ, взялъ, слышно, костыль свой и пошелъ прямо на насъ. Мнѣ отъ него первая петля. И красавецъ-отъ въ Ипатьевскомъ развоевался: доносъ за доносомъ пишетъ въ Питеръ. Меня клянетъ и грозится большимъ судомъ. Сдается мнѣ, что подходятъ мнѣ послѣдніе часы и, можетъ быть, я въ послѣдній разъ говорю съ тобой!

Какъ ни старался Папулинъ говорить обычными старовѣрамъ иносказаніями, мнѣ и тогда понятно было, что намеки шли на архіерея Владиміра (Алявдина) и графа С. Г. Строганова, бывшаго тогда попечителемъ московскаго учебнаго округа. Ходили слухи,—всякій ямщикъ разсказывалъ намъ объ этомъ,—что Папулинъ отвадилъ всѣхъ судиславскихъ жителей отъ обоихъ православныхъ городскихъ приходовъ. Толковали даже такъ, что видѣли соборнаго дьякона, какъ онъ выбѣгалъ на мостъ и протягивалъ къ проѣзжающимъ руку за милостынею. Церковь въ слободѣ уже давно стояла безъ звону и мѣстный священникъ вызванъ былъ въ Кострому и нанимался служить раннія обѣдни по четвертаку за службу, да чтобы

покормили обѣдомъ. Сосчитали также, что всего въ два-три года произвелъ Папулинъ это плѣненіе, что жалобы на него посылались куда слѣдовало, а онъ продолжалъ дѣло безъ помѣхи и даже съ возростающимъ успѣхомъ. Подъ вліяніемъ его состояли не только всѣ ѳедосѣевскія общины въ Костромской губерніи, но, по вѣрнымъ слухамъ, даже и тѣ, которыя были разбросаны по Ярославской и Тверской. Хорошо извѣстно было намъ также и то, что, главнымъ образомъ, онъ производилъ торговлю не полотнами и скатертями, а такимъ товаромъ, которымъ нигдѣ за границею не торгуютъ, а прознавшіе тамъ о подобной статьѣ засмѣялись бы и не повѣрили. Николай Андреевичъ производилъ оптовую торговлю грибами во всѣхъ ихъ ботаническихъ и кулинарныхъ видахъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ, конечно, сушеный бѣлый грибъ со снѣжнымъ отливомъ мездры или бухтармы, нанизанный на суровыя нитки, въ вязкахъ. За нимъ, цѣною гораздо подешевле и достоинствомъ ниже, также сушеные, нанизанные въ вязки, слѣдовали черные грибы (масленики съ зеленоватою бухтармою), красные (боровики, подосиновики). На мѣстахъ сборовъ солеными и здѣсь, въ оптовомъ складѣ, сортированными поступали въ грибной товаръ: рыжики, грузди, свинари и т. д. Эти сорта сбывались въ кадушкахъ, которыя, на этотъ разъ, изготовлялись въ ближнемъ лѣсномъ городкѣ Кадыѣ. Ткацкимъ дѣломъ Папулинъ занялся лишь въ послѣднее время, соблазнившись близостью (всего 50 верстъ) кинешемскаго или, вѣрнѣе, вичужскаго фабричнаго округа, но велъ его въ исключеніе, а, по слухамъ, просто для прикрытія (да и велъ ли еще?). Подъ видомъ рабочихъ у него жили подъ попеченіемъ и на прокормѣ тѣ ревнители ѳедосѣевщины, которымъ угрожала опасность въ другихъ мѣстахъ и надо было скрываться. Для укрытія у него находился подъ рукою тотъ дремучій лѣсъ, въ которомъ самъ чертъ искалъ три года этотъ городъ Кадый, износилъ три пары лапотковъ и все-таки не нашелъ. Въ 15-ти верстахъ отъ Судиславля Папулинъ владѣлъ двумя мельницами: одна называлась „Калишкою“, а другая „Шемякиною“. Когда въ 1845 году уничтожили его ѳедосѣевскую общину, ютившуюся на самомъ виду городскихъ церквей, онъ перевелъ ее сюда, построилъ избы для жилья и отдѣльную моленью. Изъ Москвы прислали къ нему на поддержку твердаго, какъ адамантъ, наставника, который и помогалъ въ устройствѣ общежитія и въ отправленіяхъ молитвенной службы. Имъ же приняты были и всѣ мѣры къ тому, чтобы укрыть дѣла новой общины и уберечь ее такъ, чтобы она казалась провалившеюся и сгинувшею въ болотныхъ трясинахъ. Это, однако, не удалось и покровительство общинамъ своего толка признано было преступленіемъ и названо пристанодержательствомъ. Это-то обстоятельство и послужило вскорѣ начальнымъ и главнѣйшимъ поводомъ къ тому, что Папулина, наконецъ, обвинили, схватили и заточили на вѣчно въ Соловецкомъ монастырѣ.

Главнымъ и самымъ надежнымъ потребителемъ „постнаго товара“, конечно, былъ первопрестольный градъ, неизмѣнно вѣрный старо-отеческимъ обычаямъ. Съ Москвою непосредственно и велъ Папулинъ торговыя сношенія со своимъ товаромъ, который, въ грудѣ прочихъ, не особенно былъ примѣтенъ, однако, по слухамъ, съ годовымъ оборотомъ на сто тысячъ рублей. На первой недѣлѣ Великаго поста товаръ этотъ выставлялся наружу, изумлялъ своимъ обиліемъ. Выставка его занимала огромное пространство москворѣцкой набережной и привлекала поразительное многолюдство. Въ Москвѣ, издавна привыкшей жить годовыми запасами, сюда сходились хозяйки и бродила между ними голодная бѣдность, которой дозволялось пробовать съѣстной товаръ и она даромъ наѣдалась и соленымъ грибомъ, и соленою въ корень рыбою, и сладкимъ медомъ въ теченіи цѣлой недѣли.

Впрочемъ, не эта сторона скучнаго дѣла грибной торговли занимаетъ насъ въ настоящее время. Судиславскіе грибы вяжутся съ другою стороною народнаго быта и подсказываютъ данныя, не лишенныя глубокаго интереса, какъ матеріалъ для исторіи русскаго раскола, въ значеніи новаго эпизода.

Въ то время, когда поповщина истощалась матеріальными средствами и общинными силами, распадаясь на толки по поводу исканія истиннаго древлеправославнаго священства до архіерейства включительно,—безпоповщина рѣшительно отказалась отъ поповъ и успокоилась на выборныхъ и излюбленныхъ наставникахъ съ попечителями. Она ширилась и крѣпла, благодаря практическому разуму первыхъ и богатству вторыхъ. Поповцы, нуждаясь въ главномъ священномъ чинѣ и не имѣя его, принуждены были обходиться лишенными сана бѣглецами изъ православной іерархіи, попадали на строптивыхъ и кляузныхъ, терпѣли отъ пьяненькихъ и гулящихъ, принимали единовѣріе и благословенныя церкви и т. д. Безпоповцы, заручившись опытными старцами и умудренными въ книжной премудрости уставщиками, могли находиться въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно этого труднаго вопроса. Первые едва добились въ полтораста лѣтъ до бѣлокриницкой митрополіи, вторые давнымъ-давно успокоились на выборныхъ и излюбленныхъ по образцу выговскихъ общежитій, т. е. по правиламъ поморскаго согласія. Ведя борьбу съ господствующимъ исповѣданіемъ въ первыя времена старообрядства подъ однимъ знаменемъ,

сами старовѣры распались, такимъ образомъ, на два раскола, существенно не согласные, а потому немедленно объявились лютыми врагами другъ друга. Они перестали общаться не только въ молитвѣ, но и въ пищѣ, впали въ полемическій задоръ и повели открытую борьбу, которая довела, наконецъ, до смѣшныхъ крайностей и, во всякомъ случаѣ, до полной невозможности примиренія.

Въ средѣ безпоповцевъ, въ свою очередь, внѣшнія давленія могущественной власти послужили также причиною внутреннихъ расколовъ. Смутилъ, прежде всего, женскій вопросъ и сдѣлался предметомъ несогласій и пререканій, тѣмъ болѣе серьезныхъ и оживленныхъ, что въ уставщики и наставники, какъ главы общинъ, попадали, конечно, пожилые люди съ сильно пробившеюся сѣдиною, но не остывшею кровью. Додумались до того, что начали отрицать бракъ, говорить: „Какое же это таинство, когда нѣтъ христоподражательныхъ священниковъ, освященныхъ благодатію Св. Духа“? Одни встали за бракъ (секта поморская), другіе отказались признавать его святость (и это—ѳедосѣевщина). Женщина, однако, возобладала крупными правами, дотолѣ не слыханными: она могла также замѣнять попа при освященіи молитвами браковъ, при перекрещиваньи, при исповѣди. На похоронахъ она уже не разводила языческихъ „плачекъ“, а читала молитвы по старопечатнымъ отеческимъ требникамъ. Не всегда была она орудіемъ приманки и поддержкою сластолюбія, но управляла не женскими только, но и мужскими общинами съ такою же самостоятельностью и искуствомъ, какъ мужчины. Вообще, въ дѣлахъ ѳедосѣевщины женскія услуги чрезвычайны и если мало извѣстны, то потому лишь, что не изслѣдованы ни по вопросамъ о воспитаніи ребятъ въ духѣ толка и обученія ихъ грамотѣ, ни по отношеніямъ ихъ къ толкованію правилъ и распространенію въ народѣ ѳедосѣевщины.

Всѣ секты согласились на томъ, что съ оскудѣніемъ благочестія въ правящей церкви наступило предрѣченное антихристово царство и что гонительная власть—его слуги. И вотъ, изъ поморскаго согласія выдѣлилась филипповщина (они же и филиппоны), учившая бѣжать изъ міра и гнушаться всѣхъ прелестей его. Озлобленность этой самой мрачной и непримиримой секты дошла до того, что послѣдователи ея начали носить за пазухою свои иконы, перестали ѣсть изъ одной чашки, одною ложкою даже съ поморцами и ѳедосѣевцами, а завершилось все это тѣмъ, что выродилась скрытническая секта (бѣгуновъ). Послѣдователи ея, совершенно покинувъ осѣдлую жизнь поморцевъ и ѳедосѣевцевъ, рѣшились скитаться изъ мѣста въ мѣсто, охотнѣе жить въ непроходимыхъ дебряхъ лѣсовъ или въ темныхъ подпольяхъ лѣсныхъ деревушекъ. И всѣ вмѣстѣ—поморцы, филиппоны, ѳедосѣевцы и скрытники—до того отчудились отъ православной церкви, что не только войти въ нее, но и встать подъ тѣнь вещественной начали считать тягчайшимъ грѣхомъ. Послѣднюю замѣнили молитвенныя избы, которыя, по случаю гонительнаго времени, въ самомъ дѣлѣ скрыты были на задахъ и вытздахъ, за высокими заборами, даже въ городахъ, находящихся въ Бѣлоруссіи, и даже въ тѣ времена, когда послѣднею владѣла католическая Польша. Здѣсь были и кладбища и разрѣшенныя при нихъ богадѣльни, которыя полагались обязательными и для каждой, гдѣ бы то ни было устраиваемой молельни. Богатый человѣкъ строилъ зданія, подыскивалъ начетчика. Изъ всего множества знающихъ и опытныхъ, какимъ вообще владѣетъ ѳедосѣевщина, онъ выбиралъ самаго лучшаго и собиралъ у себя вѣрное стадо избранныхъ. Богадѣльни приняли видъ монастырей и были таковыми въ силу тѣхъ строгихъ правилъ жизни и твердыхъ догматовъ вѣрованій, какими руководится все наше старовѣріе и въ средѣ его, главнымъ образомъ, безпоповщинскіе толки. Послѣднимъ отшельническая жизнь въ особенности полюбилась и тамъ, гдѣ заводился мужской монастырь, непремѣнно выростала и женская обитель. Обоимъ не привелось укрѣпиться на избранныхъ мѣстахъ по причинѣ безпрестанныхъ преслѣдованій и потому, что самые крѣпкіе и многолюдные были въ конецъ разворены. Отъ этихъ обитателей на память нынѣшнимъ временамъ и для наблюденія любопытныхъ остались лишь гнилушки, какъ остатки двухъ-этажныхъ келій и обширныхъ скотныхъ дворовъ, да ямы, какъ признаки засыпанныхъ погребовъ и разметанныхъ каменныхъ фундаментовъ. И такая-то судьба постигла тѣ жительства, которыя древнимъ свободнымъ способомъ, любезнымъ народу, устроивались въ обширныя слободы и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по многимъ даннымъ, не могло быть особаго приволья людскому труду, какъ бы ни былъ онъ всесиленъ и многоопытенъ. Таковы поселенія безпоповцевъ на крайнемъ сѣверѣ, вродѣ выгорѣцкихъ и лексинскихъ, мезенскихъ и даже такихъ, которыя искали убѣжища на негостепріимной Новой-Землѣ и на гранитныхъ бѣломорскихъ островахъ.

Разсказъ нашъ относится именно къ тому времени, когда гоненія достигли крайнихъ предѣловъ и, стало быть, давали возможность и право усиливаться энергіи до упорства со стороны преслѣдуемыхъ. Прогнанные съ одного мѣста разсѣивались въ разныя стороны, чтобы собраться вновь на болѣе безопасномъ. Втихомолку, съ большою осторожностью, они скучивались, а при усиленныхъ матеріальныхъ пособіяхъ богатыхъ покровителей плотнѣе осѣда-

ли, потому что дороже стоили, какъ гонимые и страдальцы. Замѣчательна при этомъ та быстрота, съ какою организовались ѳедосѣевскія общины, однако, снова для того, чтобы быть въ свое время открытыми, разбитыми и разбросанными на мелкія и ослабленныя кучки. Вѣрующіе, обходившіеся безъ поповъ, продолжали попрежнему кочевать и, представляя въ полномъ смыслѣ слова „бѣгствующую церковь", не поддавались ни точному учету ихъ количества, ни надлежащему наблюденію за ними со стороны властей. Въ этомъ заключается существенная разница ихъ отъ поповщины и старовѣровъ, т. е. тѣхъ, которые собственно не уклонились въ догматахъ отъ православія, но привязаны лишь къ старымъ церковнымъ книгамъ и обрядамъ. Эти надежно уживались рядомъ съ православными, являя изъ себя сплошныя поселенія, и свободно вѣровали, живя бокъ о бокъ, при благословенныхъ церквахъ, единовѣрческими приходами. Кочевала только поповщинская іерархія, увлекая за собою въ надежныя мѣста особенно гонимыхъ и искренно вѣрующихъ.

Стоекъ и славенъ былъ въ чернораменныхъ заволжскихъ лѣсахъ Керженецъ, но ослабѣлъ и онъ, когда возросла Вѣтка въ далекой Бѣлоруссіи и возродились въ черниговскихъ предѣлахъ разомъ 14 большихъ слободъ. Процвѣтала здѣсь старая вѣра съ церквами и обѣднями и съ монастырями для обоего пола отшельниковъ, но появился въ Поволожьѣ Иргизъ—и снова пришлось дѣлить славу и первенство, пока не выродилась старообрядская іерархія въ пущей силѣ и значеніи уже за предѣлами государства—въ австрійской Буковинѣ. „Исправленные" дома, попы изъ бѣглыхъ замѣнены были рукоположенными безмѣстнымъ греческимъ митрополитомъ и послѣдующими его преемниками въ архіерействѣ. Москва, которая не перестаетъ служить въ миніатюрѣ полнымъ подобіемъ Россіи и, какъ въ зеркалѣ, отражать въ себѣ всякія движенія народной мысли и быта, представляетъ собою наглядныя доказательства тому, насколько поповщина казалась безопасною и вела жизнь поспокойнѣе. Иногородная поповщина не требовала отъ Москвы чрезвычайныхъ усилій въ поддержкѣ матеріальными средствами и исключительныхъ заботъ въ укрѣпленіи ослабѣвшаго среди преслѣдованій религіознаго духа. Въ дѣлахъ этого толка ей не привелось занять первенствующаго мѣста и сдѣлаться руководящимъ центромъ. Предвосхищало у нее славу любое мѣсто и всякій счастливый и находчивый человѣкъ. Скитокъ „Смольяны" въ лѣсахъ Заволожья, на рѣчушкѣ Бѣлмашѣ, сдѣлался митрополіею и некнижный старецъ Денисъ (Шуйскій)—главою поповщины только потому, что сберегъ довольный запасъ св. мура и даровъ, освященныхъ еще при патріархѣ Іосифѣ. Преемникъ его, Ѳеодосій, ухитрившійся разыскать въ Калугѣ старую церковь и отслужившій въ ней обѣдню, сталъ вліятеленъ и силенъ лишь потому, что приготовилъ новый запасъ даровъ. Когда поселился онъ за литовскимъ рубежомъ въ Вѣткѣ, самый Керженецъ принужденъ былъ преклониться передъ этою новою митрополіею. Ѳеодосій сталъ во главѣ всего старовѣрія лишь за то, что началъ варить и муръ и снабжать имъ всѣ общины. Не понадобились и денежные капиталы: въ нѣсколько дней изъ дубоваго лѣса, сотнями топоровъ, срубили вѣтковцы большую церковь съ высочайшею, въ пять пролетовъ, колокольнею.

Безпоповщина, напротивъ, всегда нуждалась въ покровительствѣ и становилась подъ защиту сильныхъ капиталами богачей. Если вообще замѣчается въ ней наклонность искать послѣдователей въ средѣ фабричнаго и заводскаго населенія, то этимъ объясняется и самое существованіе этого старовѣрскаго толка тамъ, гдѣ угнѣздился рабочій народъ, закрѣпощенный на всѣ 24 часа въ сутки, отбившійся отъ сохи и ставшій полукочевымъ и бродячимъ по безнадежности въ жизненныхъ средствахъ и по исключительной зависимости отъ личныхъ капризовъ и денежныхъ сундуковъ хозяевъ. Этимъ объясняется и то выдающееся явленіе, что для безпоповщины богатая Москва стала дѣйствительною главою, а Преображенское кладбище—митрополіею. Она временами лишь раздѣляла нѣкоторую долю вліянія и силы своей съ кое-какими иногородными общинами. Многочисленные (до 50-ти) мелкіе толки безпоповщины были разсыпаны и разъединены,—Москва умѣла сплотить многіе изъ нихъ и выучила дѣйствовать за одно, согласно своей волѣ и благодаря обстоятельствамъ, благопріятно сложившимся для нее одной, въ исключеніи. На сколько умѣло велось это дѣло именно въ тяжкія времена усиленныхъ преслѣдованій, доказываютъ краснорѣчивыя цифры. До 1826 года во всей Москвѣ едва насчитывалось 30 моленъ, къ началу же сороковыхъ годовъ ихъ было уже до 150. При этомъ и здѣсь, какъ и въ остальной Россіи, безпоповцы силились скучиваться въ сплошное населеніе, но, подъ давленіемъ внѣшнихъ препятствій и обидъ, снова разбивались на отдѣльныя мелкія общины и укрывались гдѣ ни попало, лишь бы только объявился тамъ богатый и охотливый покровитель. До указаннаго года они гнѣздились около Преображенскаго кладбища, въ Лефортовѣ и по Басманнымъ, послѣ того разсыпались по всей Москвѣ и засѣли гнѣздами безъ разбора и безбоязненно въ городскихъ центрахъ и въ Замоскворѣчьѣ. Сила этого толка возростала и отъ умѣлаго веденія дѣла искусными, многоопытными книжниками, и отъ поддержки фабри-

капитами съ тѣми извѣстными фамиліями, которыя гремѣли не только по Россіи, но и по всей Сибири до китайскихъ предѣловъ и Кяхты. Фабриканты, какъ бы по влеченію особенною мистическою силою, готовно шли на помощь именно этой наиболѣе гонимой сектѣ ѳедосѣевщины, опиравшейся, съ другой стороны, на энергію и большія нравственныя силы наставниковъ. Такой-то умѣлости послѣднихъ и готовной щедрости первыхъ Москва обязана была тѣмъ, что временами принуждена была уступать силу вліянія иногороднимъ общинамъ, въ которыхъ случайно сочетались оба условія: нравственное и матеріальное.

Въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ нежданно-негаданно для богомольной столицы обнаружился соперникъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно было его подозрѣвать. Въ Москвѣ принуждены были вступать съ нимъ въ сдѣлку, стараться установить живыя и прочныя связи и дѣлить самую власть пополамъ.

На большомъ сибирскомъ трактѣ изъ Петербурга, шедшемъ черезъ Кострому на Вятку, расположился тотъ маленькій и ничтожный городокъ Судиславль, который Екатериною II оставленъ былъ за штатомъ. Онъ близко примыкалъ къ тому непочатому, по недоступности, дремучему лѣсу, который въ 1839 году устрашилъ всю сѣверную Русь необычайнымъ и страшнымъ явленіемъ лѣсного пожара. Пожаръ длился весь августъ мѣсяцъ. Отъ сгустившагося дыма солнце нѣсколько недѣль не давало лучей и казалось вырѣзаннымъ изъ фольги кругомъ; природныя цвѣта отъ смрада видоизмѣнялись: зелень на поляхъ и огородахъ казалась голубою, красныя крыши отливали желтымъ цвѣтомъ. Въ самый полдень становилось такъ темно, что въ избахъ по деревнямъ начали зажигать огни и работать при лучинѣ. Отъ раскаленнаго лѣсного воздуха вѣтеръ превратился въ ураганъ. Буря съ вихрями разбрасывала пепелъ вмѣстѣ съ перегорѣлыми листьями, не дотлѣвшимъ лапчатымъ мохомъ, еловою и сосновою хвоею, какъ пухъ, за сотню верстъ отъ пожарища и мчала пламя съ усиленною быстротою въ сѣверо-восточномъ направленіи. Она перекинула огонь черезъ рѣку Унжу, загнала въ лѣса по Ветлугѣ и, перебросившись черезъ Волгу, опоясала огненною неодолимою стѣною всѣ тѣ лѣса, которые были смѣжны, тянулись по уѣздамъ трехъ губерній и по рѣкамъ Ветлугѣ и Керженцу и которые, въ особенности, были любезны и дороги всему нашему старовѣрью. Народомъ обуялъ небывалый страхъ: въ теченіи всего лѣта почти не было дождя и выпавшій одинъ разъ въ теченія пяти недѣль лишь только вспрыснулъ сильно потрескавшуюся жадную землю, словно испарившись еще на ходу изъ облаковъ. Къ тому же, дождевыя капли, пробиваясь сквозь воздухъ, наполненный пепломъ, принимали красноватый оттѣнокъ.

— Идетъ кровавый дождь!—съ замираніемъ сердца толковалъ народъ и въ усиленной молитвѣ искалъ успокоенія, ожидая страшнаго суда и конца свѣта. Поднимали православные изъ церквей иконы и служили безпрестанные молебны. Старые люди принялись говѣть, исповѣдываться и причащаться.

— Наступаетъ свѣтопредставленіе! — увѣренно повторяли въ каждой деревнѣ. Надѣвали чистыя рубахи, вынимали изъ сундуковъ спрятанные на смертный случай саваны съ длинными рукавами и широкими подолами. Приготовлялись къ кончинѣ. Ждали пришествія антихриста и даже выходили къ нему на встрѣчу, вовсе покидая жилища. По крайней мѣрѣ, когда наступала ночь, рѣдкій рѣшался оставить часовенныя и церковныя площадки и идти спать на печи или на полати. Цѣлые дни проводились подъ открытымъ небомъ въ сосѣдскомъ сообществѣ и на міру, гдѣ и смерть считается красною. На всѣхъ лицахъ написанъ былъ ужасъ. Рѣдкій рѣшался вымолвить слово и въ деревняхъ не замѣчалось обычнаго суетливаго движенія. На бѣду, пришлые слѣпые старцы, усѣвшись въ кружокъ гдѣ нибудь на задахъ селенія, истово разводили тоскливыми, хриплыми голосами:

А и мѣсяцъ-солнце померкнули:
Не видать луча свѣта бѣлаго,—
Словно мать-сыра земля погибается,
Погибается мать-сыра земля, разступается...

— Тошнехонько!—мучительно выговаривалъ каждый отъ мала до велика, когда воздухъ до того уже наполнился дымомъ и смрадомъ, что нечѣмъ было дышать, тупѣло зрѣніе, утрачивался вкусъ, ощущалась во рту горечь и захватывало горло до капля.

Это было время того страшнаго народнаго отчаянія, когда каждый ищетъ утѣшенія въ любомъ ободряющемъ словѣ и прислушивается къ первому указанію, гдѣ искать спасенія. Это время народнаго бѣдствія, въ особенности, посчастливило судиславскимъ начетчикамъ и покровителю ихъ Папулину. Число послѣдователей быстро увеличилось, сколько по ненаходчивости и равнодушію мѣстнаго духовенства, привыкшаго гнушаться сближеній и лишь исполнять однѣ заказныя требы, столько же въ виду помощи тароватаго богача, умѣвшаго пріютить погорѣлый народъ, спасшійся отъ пламени. Погорѣли въ это время не только деревни и села, но и цѣлый городокъ — историческій Кадый, обойденный и пощаженный татарами и литовскими людьми, но сгорѣвшій весь дотла; уцѣлѣла какимъ-то случаемъ одна лишь кладбищенская деревянная церковь, соборная же Никольская каменная сгорѣла.

Пріютилъ Папулинъ весь этотъ обездоленный безнадежно народъ въ своихъ обширныхъ покояхъ и другихъ строеніяхъ; нанималъ на свои средства и частные дома въ судиславской слободкѣ и на посадѣ. Поилъ и кормилъ, навѣщалъ съ ласковою улыбкою и привѣтливымъ словомъ весь этотъ напуганный людъ, видѣвшій самолично всѣ ужасы лѣсного пожара: горячимъ дождемъ сыпалась на него расплавленная смола съ вѣковыхъ деревьевъ и негдѣ было укрыться; въ одной сторонѣ бѣшеный огонь зажигалъ тѣ сухари, тѣ старыя дуплистыя деревья, которыя, по ветхости, едва отстаивались на корню, а охваченныя пламенемъ, они валились на молодыя и здоровыя сосны пылающими головешками; съ визгомъ и свистомъ свертывались въ комки молодыя вѣтки и, склубившись отъ жара въ огненные шары, отрывались вѣтромъ и уносились въ невидимую даль зажигать попутные и еще уцѣлѣвшіе боры. Кругомъ и около шли неудержимо, наступая съ двухъ другихъ сторонъ, двѣ другія огненныя стѣны, уже наладившіяся на полное разрушеніе всего, что попадалось имъ на дорогѣ, съ выстрѣлами, съ пушечною пальбою, со змѣинымъ шипѣніемъ и звѣринымъ воемъ. На время та и другая примолкали, но обманывали: не стало слышно шуму и треску, значитъ, разгорается. Вообще, къ ночи пожаръ, видимо, стихалъ, но снова лукавилъ: налеталъ вѣтеръ бѣшенымъ порывомъ и снова раздувалъ пламя, и снова разливалось огненное море тамъ, гдѣ разсчитывали найти мѣсто для ночлега и укрытія. Всѣ выбивались изъ силъ, прорубая просѣки, разрывая канавы и пуская встрѣчный пожаръ. Всѣ опускали руки въ полномъ отчаяніи при видѣ, какъ выли собаки, какъ отрывались отъ коновязей лошади, выскакивали съ выгоновъ коровы и ошалѣлыми бросались въ пламя и обгорали, какъ медвѣди скучивались на полянахъ и лѣсныхъ прогалинахъ въ томъ же беззащитномъ до очумѣнія ужасѣ.

Все это живьемъ возставало въ памяти обогрѣтыхъ, успокоенныхъ и накормленныхъ, твердо вѣровавшихъ, что стряслась бѣда—ясное дѣло—за великіе людскіе грѣхи и беззаконія, но за какіе же изъ прочихъ? Не замедлилъ Папулинъ объяснить напрямикъ сомнѣнія церковниковъ и ежедневно показывалъ ту силу вѣры своей, которая наглядно выражалась невозмутимымъ хладнокровіемъ, хлопотами о сегодняшнемъ днѣ. Ясно виднѣлась твердая вѣра и образно оказывалась въ земныхъ поклонахъ передъ образами, въ продолжительныхъ службахъ въ часовнѣ, благолѣпно по всѣмъ четыремъ стѣнамъ преукрашенной дорогими иконами. Мрачно съ темныхъ фоновъ смотрѣли изможденные лики и тощія фигуры святыхъ, писанныхъ стариннымъ пошибомъ, разсчитаннымъ именно на устрашеніе напуганнаго воображенія. Войти туда и умиляться, искать утѣшенія въ молитвѣ и сладости созерцанія божественныхъ ликовъ можно было не иначе, какъ принявъ повторительное крещеніе—мужчинамъ отъ мужчинъ, женщинамъ отъ наставницъ ихъ же пола—и послѣ многихъ отреченій отъ привычнаго. Здѣсь все необычно и самая молитва требуетъ особыхъ пріемовъ и совершается съ такимъ отмѣннымъ благочиніемъ, какого не видывали пригрѣтые новики ни у деревенскихъ часовенъ своихъ, ни въ сельскихъ церквахъ.

Къ этимъ новоприбылымъ, наиболѣе дорогимъ и желаннымъ гостямъ, привычно называемымъ „совращенными", раньше уже причисляли себя всѣ тѣ изъ мѣщанъ городка, которые измаялись на скудости житья и въ безвремены. Одинъ сѣялъ на огородцѣ лукъ, да самъ его и ѣлъ; другой поторговывалъ тряпьемъ, да и на этомъ раззорился; третій точалъ сапожишки, починялъ башмаки, а самъ ходилъ отъ такого промысла круглый годъ босикомъ. Этотъ пробовалъ торговать солью въ развѣсъ, рыбою въ разрѣзъ, соленымъ судакомъ на вѣсъ, да порѣшилъ, что ему въ родномъ мѣстѣ выгоднѣе попытаться торговать лаптями, а потомъ уже съ прибылями шататься промежду дворовъ, нанимаясь у сосѣдей либо огородецъ вскопать, либо сѣно перетрусить, либо баньку истопить. Кто совсѣмъ сбрелъ отъ бѣдности, а изъ оставшихся многіе словно очумѣли, принявшись печь калачи, которыхъ, помимо базарныхъ дней, и покупать здѣсь было некому. Всѣмъ извѣстно это мѣщанское счастье, готовое всегда продать себя во всякую вѣру: было бы умѣлое предложеніе съ утоляющимъ нужду приложеніемъ. Конечно, умный сосѣдъ хорошо зналъ, съ какой стороны подойти къ оскудѣлому и въ какой день и часъ обмотать тенетами. При этомъ, какая же вѣра безъ проповѣди и не въ этомъ ли главная суть для всякаго, кто назвался попечителемъ или кого выбрали уставщикомъ и въ наставники?

Процвѣтанію Папулинской общины помогало, сверхъ прочаго, также и то, что въ нее присылали изъ Москвы всѣхъ людей, за которыхъ тамъ боялись и которыми, въ то же время, дорожили. Безъ людей, не имѣвшихъ паспортовъ или, облыжно за подкупъ, приписанныхъ неправильно къ московскому и всякому любому мѣщанству, конечно, по силѣ вещей, тутъ не могли обходиться. И затѣмъ, разумѣется, въ пригрѣтыхъ и спрятанныхъ попадали и тѣ ловцы въ человѣцѣхъ, для которыхъ труднѣе было заманить новика, чѣмъ закрѣпить его. Если полиція хватала таковыхъ, Москва успѣвала находить новыхъ и присылать свѣжихъ: извѣстный большимъ подворьемъ Чижовъ умѣлъ на своихъ лошадяхъ провозить и вывозить, наживая деньги и славу и оставаясь у начальства десятки лѣтъ лишь въ сильномъ подозрѣніи.

Къ этому-то живому и дѣятельному пріюту пожарное время привлекло новыя силы, увеличивъ численность и прибавивъ славы и вліянія судиславскому старцу.

Вырядится, бывало, Папулинъ въ однорядку-кафтанъ, на которомъ по спинѣ у таліи сдѣланы сборки, а на нихъ справа и слѣва вшиты треугольные маленькіе лоскутки; по воротнику и по бортамъ идетъ красный шнурокъ и рядъ серебряныхъ пуговицъ съ чернью, выписанныхъ прямо изъ Устюга, гдѣ только и умѣли выдѣлывать въ тѣ времена таковыя. Волоса на темени у него гладко выстрижены. Пойдетъ бывало онъ въ этомъ молитвенномъ нарядѣ въ часовню слушать всенощную. Тамъ, вмѣстѣ съ прочими, онъ присядетъ на своемъ мѣстѣ прямо на полъ и станетъ ожидать выхода наставника. Появится тотъ самый, что прибылъ изъ Москвы. Тамъ онъ дѣлалъ карды для суконъ и торговалъ въ маломъ скобяномъ ряду, а до того въ Тулѣ съ тремя архіереями имѣлъ состязаніе, защищая ѳедосѣивщину, и ото всѣхъ съ упрямствомъ и дерзостью отбился. Черезъ это самое онъ прославился на всемъ пространствѣ безпоповщины отъ топозерскихъ скитовъ, вблизи Бѣлаго моря, до земли кубанскихъ казаковъ, примыкающей уже къ Черному морю.

Кадитъ наставникъ указнымъ способомъ изъ ручной кадильницы, крестообразно; кадитъ Папулину и всѣмъ предстоящимъ, хранящимъ гробовое молчаніе. Восходитъ онъ затѣмъ на амвонъ, провозглашаетъ: „возстаните“! и ведетъ всенощную службу долго, безъ пропусковъ и отчетливо. На ясно произносимые возгласы бойкимъ и громкимъ пѣніемъ отвѣчаютъ ему пѣвчіе изъ дѣвушекъ и молодыхъ мужчинъ, занимающіе боковые клиросы. Сквозь открытыя окна выносится наружу это пѣніе отлично слаженнаго хора, одноголосное, по крюкамъ и съ обычною пригнускою. Какъ нельзя лучше отвѣчаетъ оно настроенію напуганныхъ и тоскующихъ душъ тѣхъ, которые еще не были, послѣ строгой исповѣди и поученія, исправлены, т. е. перекрещены и разрѣшены къ общей молитвѣ. Они лишь издали могли видѣть богато убранный серебряными ризами съ золоченными вѣнчиками и богато освѣщенный восковыми свѣчами и хрустальнымъ лампадами иконостасъ. Могли все это видѣть и умиляться тому, чего они никогда не знавали прежде, какъ всѣ согласно и разомъ, какъ бы по командѣ, бросали на полъ коврики и становились на колѣни или перебирали въ рукахъ кожаныя лестовки съ кистями кожанныхъ же лепестковъ.

Особенною торжественностью обставлялъ Папулинъ свои моленія и съ особеннымъ усердіемъ клалъ земные поклоны и неустанно перебиралъ лестовку въ это время потому еще, что восходила его звѣзда не надъ одними лишь кинешемскими и галицкими предѣлами. Она начинала ослаблять свѣтъ всѣхъ тѣхъ звѣздъ, которыя сіяли по стогнамъ Москвы, и даже той, которая давно уже играла яркимъ блескомъ надъ самимъ Преображенскимъ кладбищемъ еще со временъ Ильи Ковылина. Пусть на Филяхъ, въ Москвѣ, кичатся неизсякаемыми денежными капиталами, онъ, Папулинъ, овладѣлъ такимъ сокровищемъ, на которое едва ли хватитъ этихъ капиталовъ. Самъ великій московскій наставникъ Семенъ Кузьмичъ, со всѣмъ соборомъ попечителей и со всѣмъ Преображенскимъ кладбищемъ, явится теперь къ нему и поклонится до самой земли. За совершенный имъ подвигъ въ прославленіи своей вѣры онъ уже предугадывалъ свое мѣсто въ сонмѣ отошедшихъ къ праотцамъ праведниковъ: Ильи Алексѣевича (Ковылина), доставившаго Преображенскому кладбищу уваженіе и покровительство высшаго правительства, и Луки Терентьевича, не только установившаго порядокъ на кладбищѣ, но и учредившаго болѣе десятка единовѣрныхъ общинъ въ различныхъ мѣстахъ. Папулинъ имѣлъ уже право воображать себя сидящимъ рядомъ съ съ обоими въ мѣстѣ „полистомъ и прекрасномъ, въ одеждѣ апостольской“. „На главѣ его вѣнецъ изъ цвѣтовъ райскихъ, сплетенный весьма дивно, на ногахъ сандаліи апостольскія. Триста младенцевъ предстоятъ ему и дивно и прекрасно поютъ ему по староарѣчному: Днесь благодать Святаго Духа насъ собра! И то пѣніе превосходитъ умъ человѣческій!“

Въ безпоповщинѣ, гдѣ привязанность къ старой обрядности, почитаемой древнею, доведена до крайнихъ предѣловъ нетерпимости, наибольшая любовь и усиленное исканіе обращены на старую книгу и старую икону. Въ средѣ ѳедосѣевцевъ послѣднія въ особенности живы и дѣятельны. Это очевидное явленіе объясняется тѣмъ, что (по свидѣтельству даже несомнѣнныхъ враговъ) самый низшій классъ ѳедосѣевцевъ столь свѣдущъ въ знаніяхъ священнаго писанія, какъ рѣдко можно найти исповѣдниковъ православія въ средѣ образованнаго общества. Съ малолѣтства, какъ только ребенокъ укрѣпится на ногахъ и начнетъ ходить, его заставляютъ три раза въ день класть „началъ“ по семи поклоновъ. Съ первымъ лепетомъ онъ начинаетъ уже затверживать молитвы; въ школѣ, для всѣхъ обязательной, онъ поступаетъ въ руки самыхъ искусныхъ и немилосердно строгихъ мастеровъ, изъ которыхъ каждый въ любой изъ обѣихъ книжныхъ премудростей—письмѣ и чтеніи—является доточникомъ и во всѣхъ ѳедосѣевскихъ общинахъ на виду и на счету. Одинъ съ такимъ искуствомъ переписываетъ сказанія съ книги, что хорошій знатокъ съ трудомъ разбираетъ поддѣлку; другой настолько начетливъ, что не выстаиваютъ въ спорахъ съ нимъ церковники-никоніане. На обычныхъ всѣмъ староверамъ начаткахъ премудрости въ ѳедосѣевщинѣ

не останавливаются, а идутъ гораздо дальше: часословъ смѣняется тріодями, псалтырь—писаніями ветхозавѣтныхъ пророковъ и т. п. Во всемъ множествѣ апокрифическихъ книгъ разбирается потомъ каждый изъ юношей, вернувшись изъ лавки и отъ дневныхъ работъ, и списываетъ полууставомъ для себя интересное изъ книги, полученной на подержаніе и для прочтенія. Всегда суровая и строгая домашняя жизнь, которую отчуждаютъ правила секты отъ всѣхъ развлеченій, представляетъ единственный выходъ въ постоянное чтеніе, размышленія и бесѣды. Въ семьѣ изгнано всякое поползновеніе къ расточительности и во всемъ установлены границы самаго строгаго, истинно-монашескаго воздержанія. Ни одинъ ѳедосѣевецъ, даже очень богатый, не позволитъ себѣ оскверниться одною каплею постнаго масла, одною ложкою горячей пищи въ обѣ великія недѣли Великаго поста и т. под. Поразительное безмолвіе, темнота во всѣхъ покояхъ, давящее уныніе—царствуютъ въ домахъ этихъ людей, которые бережливы до скаредности, скупы до алчности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лицемѣрны до крайностей пустосвятства. Въ этихъ условіяхъ закаляется ѳедосѣевецъ, дѣйствительно, въ такого книжника, съ которымъ споръ становится не только невозможнымъ, въ виду его упорнаго самомнѣнія, но и досадно-оскорбительнымъ по причинѣ непреодолимаго упрямства начитавшихся до пресыщенія. Нѣтъ ничего удивительнаго также и въ томъ, если изъ подобной среды, сплошь и рядомъ, выдѣляются и стойкіе оберегатели вѣрованій секты и практичные руководители дѣлами всей общины, умѣлые пріобрѣсти и сберечь, и наилучшіе знатоки по иконографіи, по оцѣнкѣ ошибокъ письма старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Ни въ одной сектѣ не поставлено это дѣло на такую прочную почву и не идетъ такимъ правильно намѣченнымъ путемъ. Здѣсь народились и тѣ знатоки-самоучки, въ которыхъ бывало нуждались и отъ которыхъ многому научились наши историки, археологи, археографы, нумизматы и т. д.

Для прочихъ старовѣровъ съ удобствомъ служитъ и вполнѣ удовлетворяетъ живую потребность село Палѣхъ, гдѣ пишутся иконы по стариннымъ подлинникамъ, и село Мстера, не только приготовляющее новыя, но и починяющее старыя иконы. Для нихъ же, владѣющихъ менѣе опытнымъ глазомъ, сходятъ съ рукъ и многочисленныя поддѣлки, выражающіяся въ искуственныхъ трещинахъ, въ скоробленныхъ доскахъ въ мѣстахъ, отставшихъ отъ грунта, въ краскахъ и т. д. Для нихъ же на сырую глину оттискивается рельефъ истово-стараго мѣднаго образа (столь любимаго старовѣрами) *), въ полученную форму заливается расплавленная мѣдь; остывшій образъ держится надъ парами нашатыря, зеленая мѣдь превращается въ красную и образъ принимаетъ закоптѣлый старинный видъ. Теперь надо уже звать именно ѳедосѣевца, чтобы онъ разобрался въ искусной поддѣлкѣ и тонко доказалъ всѣ погрѣшности и отступленія. Въ иконахъ, рукописяхъ и книгахъ любой самоучка-знатокъ разбирается, намѣчая цѣну, съ такимъ же искуствомъ и легкостью, какъ иной торговый приказчикъ, посѣдѣлый на производствѣ въ теченіи многихъ лѣтъ все однихъ и тѣхъ же сортовъ товара.

Вниманіе ѳедосѣевцевъ обращено совсѣмъ въ другую сторону: на подлинные и живые предметы. Нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ были сосланы въ Соловецкій монастырь, и вскорѣ богатыя московскія молельни украсились иконами изъ тамошняго Спасскаго собора, писанными еще въ то время, когда св. митрополитъ московскій Филиппъ былъ тамъ игуменомъ. Сводя знакомство съ монахинями и бѣлицами московскихъ монастырей, ѳедосѣевцы научили ихъ снимать во время очередныхъ дежурствъ въ церквахъ указываемыя ими старинныя иконы и подмѣнять ихъ поддѣльными. Такимъ способомъ, изъ верхняго яруса въ большомъ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря вынуты были и подмѣнены иконы письма знаменитаго русскаго иконописца Андрея Рублева. Извѣстный знатокъ и любитель подкупилъ сторожа кремлевской церкви Двунадесяти Апостоловъ и за недорогую цѣну выпросилъ дозволеніе взять къ себѣ на домъ створчатый образъ 12-ти праздниковъ; онъ возвратилъ копію, а драгоцѣнный подлинникъ оставилъ у себя. Онъ же, черезъ подкупленнаго служителя, находившагося неотлучно при продажѣ свѣчей, покупалъ иконы и изъ Успенскаго Большого собора. Торговецъ мѣдною посудою въ Колокольномъ ряду разсылалъ съ ходебщиками церковную утварь вмѣстѣ съ шелковыми и шерстяными товарами и изъ губерній Новгородской, Тверской и Псковской получалъ старопечатныя книги и рукописи, вымѣненныя на шерстяные платки и разныя безцѣнныя бездѣлушки. Одинъ изъ такихъ же ходебщиковъ, продѣлывавшій подходящія торговыя операціи по мелочи въ деревняхъ около Саввы Сторожевскаго и Кирилла Бѣлозерскаго, привезъ къ воротамъ Преображенскаго кладбища цѣлый возъ старинныхъ иконъ безъ окладовъ (которые были проданы у Сухаревой башни отдѣльно); ходебщикъ сдалъ порученную кладь и исчезъ.

Вотъ тѣ видимые и вѣдомые источники, изъ

*) Любимы металлическіе образа собственно по той причинѣ, что сдѣланы не погаными руками, а прошли черезъ огонь. Старинные складни чтутъ даже такъ, что къ владѣльцамъ ихъ ходятъ на поклоненіе, какъ бы въ какое святое мѣсто. При этомъ старую икону стараются обмывать, поливая на нее воду рукою. Эту воду сгоняютъ съ ликовъ въ чистую посуду и, послѣ молитвы, пьютъ, а недопитую выливаютъ въ печь.

которыхъ заручалась богатая ѳедосѣевщина религіозными сокровищами въ такомъ количествѣ, что съ избыткомъ могла снабжать единомышленныя общины даже въ Сибири и на Дону. Пріобрѣтенія эти тѣмъ быстрѣе исчезали, что самыя моленныя требовали иконнаго обилія не только въ тяблахъ, замѣняющихъ иконостасъ, но и сплошь по стѣнамъ. Ту моленную и прославляли, въ той часовнѣ и молились охотнѣе, гдѣ не видно было стѣнныхъ просвѣтовъ и всѣ любимыя и требуемыя обычаемъ изображенія были на лицо и стояли на своихъ мѣстахъ. Московскіе богачи находили случаи, по присущему породѣ и природѣ ихъ тщеславію, искать удовлетворенія не только въ дорогихъ окладахъ, но и въ изяществѣ и рѣдкости письма. Они-то, пріобрѣтая иконы не щадя средствъ, уменьшили ихъ количество на рынкѣ и подняли цѣны до недоступной высоты. Спеціальная лавка у Варварскихъ воротъ превратилась въ археологическій музей, куда можно было лишь приходить любоваться корсунскимъ или строгановскимъ письмомъ и изумляться тѣмъ высокимъ цѣнамъ, за которыя пріобрѣтались рѣдкости ѳедосѣевцами-цѣнителями. За „Воскресеніе Христово съ Возстаніемъ“ письма Никифорова заплачено было 1.700 руб. Серебряные оклады, густо вызолоченные, древней скайной работы, оцѣнивались каждый въ три и болѣе тысячъ. Все это происходило въ виду того обстоятельства, что простыя иконы новѣйшаго письма, но по стариннымъ подлинникамъ, поступаютъ въ руки офенямъ отъ 2 р. до 25 р. за сотню. Только заказныя палѣховскія, сработанныя тщательно на маслѣ и въ томъ миніатюрномъ видѣ, гдѣ правильность и отчетливость изумительны, возростаютъ въ цѣнѣ отъ 50 коп. до 1 руб. за каждый ликъ на иконѣ.

Съ усиленіемъ къ сороковымъ годамъ текущаго столѣтія количества ѳедосѣевскихъ моленъ, изъ которыхъ каждая стремилась заручиться какою либо подлинною старинною рѣдкостью, чтобы, украсивъ богатымъ окладомъ, сдѣлать ее драгоцѣнностью,—требованія на подобныя изображенія сильно увеличились. Въ это-то самое время Папулинъ изловчился пріобрѣсти цѣлую древнюю церковь со всѣмъ ея иконостаснымъ и стѣннымъ украшеніемъ. Изумленная до восхищенія ѳедосѣевщина даже смутилась отъ такого отчаяннаго и крупнаго подвига, который неизбѣжно долженъ былъ загремѣть, не могъ укрыться и не повлечь за собою роковыхъ послѣдствій. Только привычка жить и дѣйствовать подъ постояннымъ страхомъ преслѣдованій, научившихъ не бояться опасностей и искать приключеній, изловчаться на скользкомъ пути и обѣгать разверстыя пропасти,—привычка помогла осилить тяжелыя впечатлѣнія отъ дерзкаго, но, очевидно, обдуманнаго и тонко проведеннаго предпріятія Папулина. Преображенское кладбище и, въ особенности, настоятель его, Семенъ Кузьмичъ, приняли самое дѣятельное участье и поспѣшили оказать надлежащую помощь, когда она потребовалась рѣшительнымъ и смѣлымъ пріобрѣтателемъ. Такой случай повторился въ первый разъ послѣ едва памятнаго подобнаго же и, во всякомъ случаѣ, черезъ полтораста лѣтъ.

Въ городѣ Сольвычегодскѣ, Вологодской губерніи, гдѣ, во времена Грознаго царя именитые люди братья Строгановы на вываркѣ соли наживали основы послѣдующихъ несмѣтныхъ родовыхъ богатствъ, ими построены богатыя церкви. Соборная Введенскаго монастыря, испещренная фронтонами и колоннами, высѣченными изъ бѣлаго камня и разноцвѣтными кафельными украшеніями по всѣмъ наружнымъ стѣнамъ, уступаетъ въ изяществѣ одному лишь Василію Блаженному. Всеградская соборная Благовѣщенская церковь, огромнѣйшее готическое зданіе, издавна славилась древностью иконъ, богатствомъ одеждъ и утвари. Отъ двухъ пожаровъ уцѣлѣли соборныя драгоцѣнности и между ними такая, какъ холстинный саккосъ, покрытый живописными образами и приписываемый св. Стефану Пермскому. Строгановы, очевидно, не щадили средствъ на пріобрѣтеніе именно рѣдкостей и драгоцѣнностей, а заботу о церковномъ благолѣпіи простерли даже до того, что выписали изъ Италіи мастеровъ и поселили ихъ у себя съ семьями. Этими зодчими, кромѣ храмовъ, построены были и жилыя каменныя и деревянныя палаты, также наполненныя дорогими и рѣдкими иконами. Заведена была особенная школа иконописцевъ, слава которой дошла до нашихъ временъ. Позднѣйшіе потомки ихъ, увлеченные государственною службою и громадными дѣлами на Уралѣ, забыли о сольвычегодскихъ сокровищахъ. Ихъ-то и замѣтилъ тотъ проницательный глазъ, который до тѣхъ поръ высматривалъ лишь боровыя грибныя мѣста. Съ помощью галицкихъ единовѣрцевъ, закупавшихъ въ тѣхъ лѣсистыхъ мѣстахъ сырые мѣха на выдѣлку въ селеніи Шокшѣ, доискался онъ до этихъ забытыхъ сокровищъ. Съѣздилъ туда самъ, осмотрѣлъ, залюбовался и, найдя покладливаго человѣка въ протопопѣ, повелъ съ нимъ тайныя рѣчи. Рѣшено было большое дѣло легкимъ способомъ на томъ, чтобъ испросить у синода разрѣшеніе продать обветшавшія и яко бы уже совсѣмъ облупившіяся старыя иконы и на вырученныя деньги, приблизительно въ тысячу рублей ассигн., починить и подновить разрушающіеся графскіе терема и дворецъ, какъ историческіе памятники. Синодъ не замедлилъ заочнымъ благословеніемъ, а Папулинъ—выдачею настоятелю собора условленной суммы, сверхъ смѣтной тысячи, другую за хлопоты и легкую сговорчивость. Первою „ты-

сячею умздилъ руцѣ протопресвитера Ник. Анд. Папулинъ", какъ задаткомъ,—говоритъ народное преданіе, — и обѣщалъ остальныя шесть тысячъ вручить, когда окончено будетъ все предпріятіе и иконы положены будутъ на воза. Съ пустыми возами пріѣхалъ Папулинъ обратно, съѣздивъ домой за условленною, крупною по тому времени платежною суммою. Онъ остановился въ ближайшей деревнѣ, приказавъ извозчикамъ покормить тутъ лошадей, и, какъ тать въ нощи, сходилъ навѣдаться о томъ, не раздумали ли. На другой день иконы въ соборѣ составили съ мѣстъ еще засвѣтло и приготовили къ отправкѣ. Деньги вручены были немедленно и, позднею ночью, тронулся обозъ на 12-ти лошадяхъ и на шести парахъ подводъ со всѣми предосторожностями отъ недобрыхъ людей и съ иконами количествомъ до 1.350. Тутъ были и мѣстныя, мѣрою въ 3 аршина, и складни изъ 5 и 3 иконъ, и походныя полковыя, „писанныя нынѣшнему свѣту на удивленіе (продолжаетъ записанное свидѣтельство самовидца), въ полномъ видѣ какъ въ рисовкѣ, такъ и въ прочности заготовки; и въ изображеніи красокъ, свѣтлости и прочности удивленіемъ состоятъ для нынѣшнихъ изографовъ, какіе у князей были писцы и какъ занимались искусно и не жалѣли времени" и т. д. *).

„Въ настатіи лѣта того года (продолжаетъ писать откровенный свидѣтель), гдѣ иконы стояли, на стѣнахъ по краскѣ раскинуты разные цвѣты и травы, съ отливкою разныхъ красокъ по древнему вкусу, а болѣе, чтобы ихъ плутовство не оказалось".

У Папулина, во всякомъ случаѣ, на возахъ оказались иконы, писанныя св. Петромъ митрополитомъ, извѣстнымъ изографомъ, — именно Петровская Умиленія и копія Владимирской (Пирогощи). Этими иконами благословляли московскіе патріархи именитыхъ людей Строгановыхъ (и свидѣтельствовали о томъ собственноручными надписями на оборотной сторонѣ досокъ), когда братья, сыновья или племянники пріѣзжали въ Москву и являлись въ дни св. Пасхи христосоваться съ царемъ и патріархомъ, поднося тому и другому золотыя монеты на серебряныхъ блюдахъ. Тутъ же, съ прочими иконами купленною оказалась и икона „Годъ святыхъ", подлинно писанная извѣстнымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ.

Привезенныя иконы Папулинъ исправлялъ и подновлялъ, а для этого у него въ Судиславлѣ жили три года восемь человѣкъ мастеровъ. Подновленными онъ украсилъ двѣ свои каменныя молельни: мужскую и женскую; другими торговалъ въ Москвѣ при помощи тѣхъ же мастеровъ, а при участьи своего приказчика Николая Семенова, постоянно жившаго въ Петербургѣ, и въ этой столицѣ. Здѣсь этотъ довѣренный человѣкъ торговалъ грибами, салфетками и холстомъ. Въ обозѣ этого товара и въ перекладку съ нимъ онъ возилъ сольвычегодскія иконы и на потребу петербургскихъ ѳедосѣевцевъ для домашнихъ моленъ и общественной на Волковомъ кладбищѣ. „Деисусъ" въ трехъ иконахъ продалъ Папулинъ въ Москвѣ за 700 р., Іоанна Предтечу съ крыльями, прямоличный на трехъ иконахъ—за 500 руб. Самому Папулину обошлась каждая икона, мелкая и большая, круглымъ счетомъ по 5 рублей, а онъ бралъ за иныя по 250 и выручилъ отъ продажи въ разныя губерніи до 13 тысячъ и, сверхъ того, 7 тыс. отъ одного Преображенскаго кладбища *).

Этотъ второй случай въ исторіи раскола—случай похищенія священныхъ украшеній полнаго храма—для главнаго виновника не увѣнчался, однако, тѣмъ же успѣхомъ, какъ случилось въ подобный первый разъ. То было въ 1695 году, когда уже упомянутый нами черный попъ Ѳеодосій, по раззореніи Керженца и послѣ сожженія живымъ товарища его, пошехонскаго дворянина Токмачева, бѣжалъ къ московскимъ рубежамъ и по пути очутился въ Калугѣ. Здѣсь онъ въ ветхой церкви Покрова, стоявшей безъ звона и пѣнія много лѣтъ, купилъ иконостасъ, сооруженный также во времена Ивана Грознаго. Съ нимъ онъ перебрался въ Вѣтку и установилъ его на вѣчныя времена во вновь отстроенной церкви.

Про Папулина весною 1846 года стали доходить въ Москву на Преображенское недобрые слухи. Писали изъ общины его на мельницѣ Калишки, что всѣ иконы, бывшія въ тамошней молельнѣ, взяты земскою полиціей, что забрано даже имущество проживавшихъ тамъ людей, и все это отправлено куда-то на 20 возахъ.

*) Пользуюсь здѣсь тѣми данными, которыя нашелъ въ Дневныхъ дозорныхъ запискахъ о московскихъ раскольникахъ, отысканныхъ нашимъ извѣстнымъ археологомъ, неутомимымъ искателемъ слѣдовъ родной старины и ея возстановителемъ въ Ростовѣ, А. А. Титовымъ. Эти записи, очевидно, писанныя для г. Липранди, тайно слѣдившаго за движеніями въ средѣ раскольниковъ, напечатаны г. Титовымъ въ 1885 г. въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (кн. II). Вѣроятно, это ученое общество не замедлитъ обнародованіемъ и второй части, какъ продолженія этихъ записокъ, представляющихъ такой живой матеріалъ, совершенно заново освѣщающій темное дѣло нашего раскола и, въ особенности, ѳедосѣевщины. Къ изданному же надѣюсь возвратиться еще разъ.

*) Здѣсь эти иконы впослѣдствіи, по настоянію гр. С. Г. Строганова, розыскивали, но квартальный надзиратель, получившій отъ Семена Кузмина двѣ тысячи рублей, отозвался по начальству, что отыскиваемыхъ иконъ на кладбищѣ не имѣется. Между тѣмъ, Семенъ Кузминъ сольвычегодскими иконами переторговывалъ: такъ, напр., за „Распятіе Христа" получалъ 200 руб. и столько же за „Нерукотворенный Образъ". Продавалъ не только своимъ ѳедосѣевцамъ, но и поповцамъ на Рогожскомъ кладбищѣ.

Груды этихъ иконъ видѣлъ пишущій эти строки въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ, по порученію попечителя учебнаго округа, переписывалъ сольвычегодскій учитель гимназіи. Извѣстно также было, что много иконъ небрежно хранилось въ губернскомъ правленіи (какая судьба постигла тѣ и другія, осталось неизвѣстнымъ). Извѣстно лишь то, что много иконъ успѣли изъ Судиславля препроводить въ разныя мѣста и тамъ припрятать. Такъ, между прочимъ, изъ другой папулинской общины привезены были воспитанникомъ Папулина въ Москву, на Преображенское кладбище, иконы въ количествѣ тридцати, между которыми были три дорогія строгановскаго письма и изъ нихъ одна, оцѣненная въ 200 рублей.

Вскорѣ за этимъ транспортомъ съ иконами, уже лѣтомъ, прибыли на Преображенское кладбище два подручныхъ уставщика изъ судиславскихъ мѣщанъ съ извѣстіемъ, что управленіе общинами Папулина и устройство быта проживавшихъ тамъ ѳедосѣевцевъ поручено тому самому Николаю Семенову, который торговалъ въ Петербургѣ грибами и иконами. Начали пріѣзжать оттуда же ихъ монахи и монахини, которыхъ преображенскій наставникъ, въ видахъ безопасности и въ разсчетѣ на преслѣдованія, отправлялъ въ Судиславль, какъ въ безопасное мѣсто. У него они снова благословлялись теперь, на старомъ мѣстѣ въ Москвѣ, чтобы сотерпать службы въ молельняхъ ради пропитанія, а двѣ монахини приняты Семеномъ Кузьминымъ въ число сестеръ въ женскую кладбищенскую палату. Еще весною того года Папулинъ надѣялся „угодить мѣстному начальству“ и писалъ о томъ этими словами въ Москву, но посланнаго отсюда для устройства калишкинскаго общежитія московскаго мѣщанина Ипата Карпова Папулинъ отправилъ назадъ, чтобы не нанести непріятностей самому Преображенскому кладбищу. Писалъ Папулинъ въ апрѣлѣ, что община его весьма стѣснена надзоромъ тамошняго начальства, а затѣмъ вскорѣ достигъ до Москвы вѣрный слухъ о томъ, что онъ задержанъ полиціею, — слухъ, породившій большія безпокойства въ московскомъ богадѣленномъ домѣ не унывавшихъ доселѣ ѳедосѣевцевъ. Купленныя въ Судиславлѣ иконы, находившіяся въ часовняхъ кладбища, рѣшено было перемѣстить въ безопасное мѣсто, каковымъ оказалась моленная на фабрикѣ одного изъ преображенскихъ радѣтелей, извѣстнаго въ торговомъ мірѣ фабриканта купца Гучкова.

Въ не менѣе надежное мѣсто помѣщенъ былъ и самъ Папулинъ.

Въ одномъ изъ промежутковъ между циклопическими стѣнами Соловецкаго монастыря, складенными изъ громадныхъ дикихъ камней, и стѣнами живыхъ монастырскихъ строеній, въ сѣверо-западномъ углу, пріютилась отдѣльная палата каменная и двухъ-этажная. Часть ея занята казармами караульныхъ солдатъ, присылаемыхъ на опредѣленное время изъ Архангельска съ офицеромъ; другая часть—арестантскими. 12 чулановъ существовали издавна въ нижнемъ этажѣ очень стариннаго зданія, построеннаго еще въ 1615 году. 16 новыхъ чулановъ прилажены были и въ верхнемъ этажѣ въ 1828 году. Тогда уже наступило строгое время преслѣдованія за всяческія убѣжденія, въ томъ числѣ и за религіозныя, въ виду развитія сектъ молоканской и духоборческой. Основателями этихъ сектъ нашихъ раціоналистовъ и были впервые оживлены маленькіе соловецкіе чуланы, похожіе болѣе на собачьи конуры. Соловки стали второю по счету живою могилою послѣ таковой же, приспособленной въ городѣ Суздалѣ, въ тамошнемъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Мнѣ не разрѣшили попасть туда, не смотря на то, что я былъ снабженъ оффиціальною бумагою, предлагавшею оказывать въ моихъ работахъ возможное содѣйствіе. Готовно показывали мнѣ все, что относилось до монастырскаго хозяйства, столь замѣчательнаго своимъ благоустройствомъ и предусмотрительною обезпеченностью. Я видѣлъ даже и ту палатку въ связи съ Преподобническою церковью, въ два этажа, въ которой сложена была разная церковная ветхая утварь, и тѣ иконы, которыя отбирала кемская полиція въ Поморьѣ и доставила изъ разрушенныхъ ѳедосѣевскихъ скитовъ на Топъ-озерѣ и р. Мягригѣ. Приходилось довольствоваться чужими свѣдѣніями и, безъ личной провѣрки, на нихъ полагаться.

Проѣзжая прелестнымъ чищеннымъ лѣсомъ поперегъ острова изъ главнаго монастыря въ Анзерскій скитъ, я слышалъ отъ своего возницы-монаха:

— Не выдерживаютъ они у насъ, въ умѣ мѣшаются.

Вотъ и примѣръ.

— Одинъ досидѣлся до того, что возмнилъ о себѣ, яко бы звѣрь въ него вселился и самъ онъ сталъ звѣремъ. Встанетъ на четвереньки и сбоку на бокъ качается и хрюкаетъ. Положатъ его на постель и отвернуться не успѣютъ, какъ онъ опять на томъ же мѣстѣ мотается. Тамъ, гдѣ колѣнками упирался, большія ямки вывертѣлъ, гдѣ руками—поменьше; полъ-отъ въ тѣхъ покояхъ мягкій, кирпичный.

— Не спрашивайте: ни имени, ни фамиліи здѣсь нѣтъ, знаемъ только нумера. Вотъ и вашъ подъ 13-мъ, какъ разъ подъ чертовою дюжиной,—поучалъ меня инвалидный капитанъ, на другой день возвращавшійся съ командою въ Архангельскъ и успѣвшій уже на прощанье со знакомыми монахами подгулять, „натопиться“, какъ выразился онъ самъ.

Добровольно явился онъ въ мой нумеръ монастырской гостинницы въ той же походной формѣ, въ которой сидѣлъ поутру за общею трапезою. Разговаривая со мною, онъ все оглядывался по сторонамъ и, оглядываясь, оправдывался:

— Стѣны здѣсь слышатъ, вотъ какое строгое мѣсто!.. А землякъ вашъ добрый старикъ и ласковый! Да вотъ какой добрый: когда ни придешь, онъ всякій разъ начинаетъ около себя обыскиваться, шаритъ на столѣ, заглядываетъ подъ кровать. „Подарилъ бы, говоритъ: что, да взять нечего, все отняли монахи. А селедки моей ѣсть не станешь самъ не ѣмъ, гнилая".

Офицеръ при этихъ словахъ не только оглянулся и приподнялъ надъ ухомъ настороженный палецъ, но на цыпочкахъ подкрался къ двери и, быстро отворивъ ее съ видимымъ разсчетомъ ударить въ лобъ того, кто тамъ подслушиваетъ, заглянулъ въ длинный и неметеный корридоръ. Возвратившись, онъ съ большею смѣлостью говорилъ:

— Доводятъ до бѣды, потому что исправляютъ. Я готовъ въ рапнортъ написать, что нельзя повѣрять монахамъ такихъ людей, которые съ ними переругались. Помилуйте, скажите: я—офицеръ, а къ архимандриту каждое утро долженъ ходить, какъ къ генералу или коменданту, вытягиваться и рапнортовать. Онъ выслушаетъ, а чашки чаю не дастъ, гордится предо мною.

Сквозь слегка нескладную болтовню я узналъ отъ этого офицера, что землякъ мой лѣтнею порою сидитъ въ чуланѣ безвыходно, надѣваетъ на носъ большія круглыя очки и безпрестанно читаетъ толстыя книги въ кожаномъ переплетѣ.

— Кроткому человѣку архимандритъ попущаетъ даетъ книги, а зимой выпускаетъ съ солдатомъ въ старый соборъ помолиться. Конечно, это дѣло его, онъ здѣсь полный хозяинъ, на комендантскихъ правахъ. Онъ каждаго монаха можетъ высѣчь.

— Конечно, безъ солдата и ему я не могу дозволить!—хвастался офицеръ: — Положимъ, что льды обкладываютъ монастырь такъ, что не вырвешься. Да, здѣсь держи ухо востро! Вдругъ онъ скрылся: можетъ быть, съ берега прибылъ сюда его сообщникъ. Островъ-отъ очень великъ, есть гдѣ спрятаться. Выждалъ время, посадилъ въ карбасъ и увезъ; здѣшній народъ льдовъ не боится. Да по моему лучше морская пучина, чѣмъ эти чуланы. Я къ тому это говорю, что изъ богомольцевъ много народу припрашивалось повидаться съ нимъ, давали мнѣ хорошія деньги. Я не соглашался, я помню присягу...

Слѣдовала затѣмъ похвальба личными достоинствами, къ которой обычно прибѣгаетъ подъ хмѣлькомъ всякій приниженный человѣкъ. Новаго онъ уже ничего не говорилъ и становился просто докучнымъ. Сталъ онъ просить и отъ меня угощенія, для того совѣтовалъ послать къ самому архимандриту:

— Пришлетъ, хорошаго рому пришлетъ. Хорошо бы пуншику на дорожку. Давно не пилъ. Твоему пріѣзду они не рады. Не понутру имъ. Говорили мнѣ, что писать будешь, грѣхи ихъ переписывать. Постарайся, сдѣлай одолженіе!

Дальше пошло уже такое все нескладное, настоящій бредъ, что я и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, какъ развязаться съ нимъ. Онъ помогъ мнѣ тѣмъ, что пообѣщалъ самъ пойти просить рому, и ушелъ.

За него договаривалъ самъ архимандритъ, пожелавшій дополнить мои скудныя свѣденія о Папулинѣ, какъ бы въ утѣшеніе за отказанное личное свиданіе.

— Глубоко огорченъ я былъ, когда, принявъ настоятельство, посѣтилъ тюрьму, неся туда слабое слово утѣшенія,—разсказывалъ мнѣ о. Александръ, прославившійся защитникъ Соловецкаго монастыря во время блокады его англичанами въ Крымскую войну; разсказывалъ онъ тѣмъ говоромъ, который обличалъ въ немъ малоросса и который не съумѣло затушевать и обезличить даже столь богатое и типическое архангельское нарѣчіе и, притомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ:—Получилъ я оскорбленіе, откуда не ожидалъ, отъ своего же, такъ сказать, брата духовнаго. Бросился онъ на меня съ зубовнымъ скрежетомъ, намѣревался ударить, круто обругалъ. Я уже не давалъ ему настовленій, ушелъ отъ грѣха. То былъ атеистъ, профессоръ одной изъ духовныхъ семинарій. Нумеръ второй обратился ко мнѣ съ крикомъ и слезными жалобами на отца, по просьбѣ котораго онъ и присланъ къ намъ за непочтеніе родительской власти. Я ходатайствовалъ черезъ синодъ и испрошено было повелѣніе, чтобы несчастному отецъ его обязательно высылалъ благопотребную сумму въ приварокъ къ монастырскому продовольствію. Видѣлъ и тринадцатый нумеръ и ожидалъ новыхъ оскорбленій; полагалъ — отвернется или приблизится, чтобы сказать укоризненное слово. Взглянулъ онъ на меня изъ подлобья и нависшихъ бровей кроткими глазами, поклонился очень низко, ничего не сказалъ, ничего не просилъ, расположилъ меня къ себѣ своею покорностью и смиреніемъ. Черезъ караульныхъ послѣ выпросилъ книги,—велѣлъ я снабдить. Зимою попросился посѣтить старый соборъ, чтобы тамъ помолиться, я благословилъ. Видѣли вы сами, сколь благолѣпенъ иконостасъ нашего древняго храма постройки московскаго святителя и чудотворца Филиппа. Поклонились и явленной ему иконѣ Богоматери, именуемой Хлѣбенною, по явленію ея въ пекарнѣ. Сказывали мнѣ монахи, что передъ нею съ особеннымъ усердіемъ молился тотъ № 13 и не

хотѣлъ отрываться. Повторялъ онъ и затѣмъ свои просьбы и я благословлялъ ему таковыя утѣшенія. Не разрѣшилъ я только приносить коврикъ и лестовку, ибо нахожу неблаговиднымъ. Да оно и соблазнъ производитъ: зачѣмъ? При предшественникахъ моихъ были случаи обращенія монаховъ въ ѳедосѣевщину отъ проживавшихъ въ обители на волѣ ссыльныхъ. Не удивляйтесь! большинство иноковъ народъ простой и легкомысленный, очень много изъ простыхъ мужиковъ. Когда вступилъ предшественникъ мой Димитрій, мало нашелъ онъ монаховъ, умѣвшихъ пѣть и читать; изъ мѣстныхъ штатныхъ служителей принужденъ онъ былъ собрать хоръ и сопровождать службы чтеніемъ по полному положенному уставомъ чину. И еще: предлагалъ я № 13-му посѣщать наши богослуженія; онъ отказался рѣшительнымъ образомъ, безъ всякихъ, однако, объясненій. И еще: изъ докладовъ по командѣ замѣчается въ немъ въ послѣднее время какъ бы какое-то внутреннее безпокойство. Пересталъ старецъ разговаривать, какъ бы наложилъ на себя добровольный обѣтъ молчанія. Нарушаетъ его, чтобы говорить все одни и тѣ же слова: „Раззорили, совсѣмъ раззорили“! Начнетъ ходить по кельѣ взадъ и впередъ, начнетъ рукой махать. Я послѣ того посѣтилъ его; всталъ онъ передо мною, воззрился мутными глазами и вопросилъ: „Гдѣ правда“? Я не отвѣтилъ. Онъ помолчалъ немного, потомъ крѣпко топнулъ ногою и крикнулъ: „Нѣту правды на землѣ, въ небесахъ она“! Я распорядился, чтобы не безпокоили его вопросами и не вступали съ нимъ въ подобные разговоры и подробныя объясненія. Не знаю, исполняютъ ли. А я уже очень давно его не видалъ...

Въ самомъ дѣлѣ, я позволю себѣ въ заключеніе задаться не празднымъ вопросомъ: „гдѣ правда“? а сопоставленіемъ, въ видахъ сравненія, этихъ двухъ пустосвятовъ, т. е. Зыкова и Папулина.

Очевидно, велика между ними разница уже въ томъ, что одинъ воспользовался монастыремъ въ личныхъ эгоистическихъ видахъ, бралъ его, такъ сказать, на прокатъ за дешевую цѣну. Другой тратилъ капиталы на созиданіе своихъ обителей, хлопоталъ объ ихъ прочности, держалъ подъ руками и на глазахъ, но попалъ въ чужую и самую отдаленную, дѣйствительно уже прочно и безъ возврата. Здѣсь только и получилъ онъ темный и грязный чуланъ въ вѣчное владѣніе. Сдружается ли здѣсь мысль карающаго возмездія съ нравственнымъ исправленіемъ?

Вотъ что говорятъ послѣдующіе факты.

Зыковъ, какъ пріѣхалъ за Байкалъ, такъ и началъ получать отъ своихъ московскихъ пріятельницъ и извѣстныхъ благотворительницъ нѣкоторыя денежныя суммы. Посылали ихъ ему на дѣла милосердія среди каторжнаго люда, а онъ завелъ лошадей, чтобы подрядомъ содержать почту между Карійскими золотыми промыслами, гдѣ именно и стоятъ каторжныя тюрьмы. Умѣвшій ѣздить въ чужихъ экипажахъ, не съумѣлъ возить въ своихъ — и получилъ отказъ отъ подряда. Началъ опять перебиваться и на получаемыя изъ Москвы деньги запасаться всякими ненужными бездѣлушками, выписывалъ французскіе духи. За темнотою въ комнатѣ при моемъ посѣщеніи, онъ намѣренно, говорятъ, не показалъ, сколько кабинетныхъ пустяковъ накопилъ онъ здѣсь, отъ шерловъ и аквамариновъ до пилочекъ для ногтей и уховертокъ. Когда главный начальникъ заводовъ не разрѣшилъ ему права преподаванія дѣтямъ науки и вовсе не ходатайствовалъ о разрѣшеніи путешествія, онъ жилъ себѣ, не мыкая горя, благодаря московской помощи. Поношенный сюртучекъ, который получилъ онъ въ подарокъ отъ доброхотныхъ дателей, умѣлъ обряжать такъ, что старенькій сходилъ за совершенно новый и франтоватый. Не смѣшно и не стыдно ему было въ такомъ по внѣшности улучшенномъ видѣ разсыпать комплименты и подводить турусы на колесахъ даже и послѣ того, какъ въ этомъ же нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ обиженныхъ родителей въ третій разъ поколотилъ его также довольно больно. Среди повсюдной нищеты и скареднаго перебиванья изъ кулька въ рогожку, онъ, все-таки, остался прежнимъ. Когда разрѣшили выѣздъ въ Иркутскъ, Зыковъ поспѣшилъ обзавестись собственнымъ возкомъ и, пріобрѣтя рваный и ломаный, ухитилъ и обрядилъ такъ, что хотя бы снова поѣхать въ немъ черезъ Москву въ Донской монастырь торжествующимъ побѣдителемъ. Встрѣтивъ по дорогѣ добрыхъ знакомыхъ, онъ нашелъ возможность угостить ихъ пожарскими котлетами. Изъ Иркутска Зыковъ передвинулся потомъ въ Ялуторовскъ, ближе къ Россіи. Его перетащили бы и черезъ Уральскій хребетъ и сюда, если бы не постигла его вскорѣ нѣсколько запоздалая смерть.

Только бы не гнилая селедка для Папулина въ монастырѣ, прославившемся этою рыбою, которая посѣщаетъ здѣшнія морскія губы въ такомъ множествѣ, что онѣ превращаются въ густую рыбную кашу. Все это, впрочемъ, въ отношеніи самой простой справедливости. Этотъ изъ заточенія проситъ только одной милости— смиренно помолиться передъ ликомъ древняго начертанія и искренно признаетъ его чудотворнымъ, хотя бы онъ и находился въ никоніанскомъ соборѣ. Этому надо немногое, хотя онъ также не исправился. Но за то Папулинъ смирился, смирился онъ, очевидно, до того личнаго права, чтобы не оставаться въ рукахъ несомнѣнныхъ и доказанныхъ враговъ своихъ.

Въ первомъ случаѣ—безповоротная утрата въ конецъ испорченнаго человѣка. Во второмъ—именно то, что только теперь сознано справедливымъ, когда уничтожены монастырскія тюрьмы. Не погибъ бы Папулинъ, виновный въ пристанодержательствѣ по влеченію фанатизма и правилъ секты и виноватый въ преступленіи святотатства, при облегчающихъ вину обстоятельствахъ. Здѣсь два пустосвята, но не два брата: одинъ поставлялъ сущность благочестія во внѣшнихъ обрядахъ и суетно успокоивалъ свою совѣсть, домашнимъ способомъ и про себя, мнимымъ богопочитаніемъ. Другой, принявшій на себя поддинную личину ханжи, дерзко и публично, передъ цѣлою Москвою, поспѣшилъ заявить себя преступнымъ лицемѣромъ.

ГЛАВА XI.

УБІЙЦА ИЗЪ ПУСТОСВЯТОВЪ.

Публичная казнь.—Голоса изъ толпы.—Молодость и воспитаніе преступника.—Быстрый успѣхъ въ большомъ свѣтѣ.—Разнообразныя похожденія.—Таинственная келья.—Монастырскія послушанія.—Злодѣйскіе пріемы.—Убійство и способы самооправданія.—Ссылка и новыя приключенія въ странѣ изгнанія.—Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе.—Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ.—Кореневъ и сопоставленіе съ нимъ Зыкова.—Мнѣніе о послѣднемъ соузниковъ.

«На пути по этапамъ я того наслышался и насмотрѣлся, что теперь неохотно читаю романы».
(Изъ записокъ декабриста барона Штейнгеля).

Въ первыхъ числахъ августа 1850 г. (какого именно, не упомню) площадь Охотнаго ряда въ Москвѣ была необычно запружена народомъ. Тамъ, гдѣ пересѣкается Тверская и предполагается начало Моховой, толпа до того загустѣла въ плотную стѣну, что въ самомъ дѣлѣ нельзя было пробить ее ядромъ. Проходящимъ пришлось остановиться и созерцать.

Въ этомъ народномъ множествѣ преобладали молодцы съ поддернутыми фартуками изъ приказчиковъ мясныхъ и курятныхъ лавокъ, обладающіе извѣстною грубостью въ обхожденія и препрославленною силою, и ношатые-разносчики, оглашающіе Москву сотнями выкриковъ и распѣвокъ, которые, за ихъ разнообразіе и оригинальность, давно слѣдовало бы переложить на ноты и записать въ сборникъ пѣсенъ. Были въ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ трактирные половые съ распущенными бородами и тщательно, съ очевиднымъ кокетствомъ, причесанными на головахъ волосами. Толпился тутъ же и всякій тотъ праздный сбродъ, который въ любое время готовъ съ неостывающимъ любопытствомъ подолгу смотрѣть, какъ плыветъ на Москвѣ-рѣкѣ полѣно. По разнокалиберности зѣвакъ и по ихъ чрезвычайному многолюдству, возможному только въ Москвѣ, слѣдовало предполагать о предстоящемъ какомъ либо необычайномъ зрѣлищѣ; при крестныхъ ходахъ такого собранія не бываетъ.

Жандармы въ каскахъ, съ сердито торчащею щетиною въ гребнѣ изъ конскихъ волосъ, и казаки на куцыхъ лошадкахъ, съ дерзко сдвинутыми на-бекрень киверами, успѣли уже сдѣлать свое предопредѣленное дѣло. Толпа крупами огромныхъ жандармскихъ лошадей и при помощи тяжелыхъ сабель разбита была на двѣ строгія и послушныя стѣнки. Между ними образовался тотъ широкій корридоръ, который и представлялъ собою теперь очевидное и живое продолженіе Тверской до того мѣста, гдѣ клочокъ ея мимо Лоскутнаго ряда выходитъ на Иверскую площадку. Тамъ, вѣроятно, тоже мѣсиво изъ живыхъ людей толклось и перееругивалось, стонало и гудѣло, высаживая локтями задорныхъ, а само, все-таки, напирало впередъ, прямо подъ казацкія нагайки и тяжелое холодное оружіе жандармовъ. У насъ толпа, сбившаяся вплотную плечо о плечо, колыхалась, какъ морскія волны, подаваясь вправо и влѣво и назадъ, кажется, отъ одного лишь того, что вотъ этотъ вздумалъ переступить съ ноги на ногу, а тотъ вотъ вздохнулъ полною грудью и нарушилъ напряженное равновѣсіе вытянутой въ струну стѣнки. Казакъ уже не одинъ разъ успѣлъ достать назади концомъ нагайки и „смѣрять“ того бунтовщика изъ фабричныхъ ребятъ, который ретиво работалъ плечами, раздражая и надавливая толпу, и который за тычкомъ никогда не гонится, а еще потомъ передъ товарищами хвастается:

— Онъ меня крѣпко ожогъ черезъ правое плечо подъ лѣвое подвздошье, да я ему не покорился.

— У него, надо быть, на концѣ-то пулька вплетена; слѣдовать тебѣ въ баню сходить, отпарить. Вспухнетъ—помрешь; настегаешь вѣникомъ съ мыломъ—отпуститъ.

Зубоскальства въ толпѣ, по обычаю, много. Виноватыхъ и обиженныхъ не щадятъ. Московскій рядскій законъ таковъ, что если и по-

скользнулся человѣкъ на сплеснутыхъ выбросахъ чая, надо того человѣка осмѣять, празднымъ дѣломъ, съ головы до ногъ. Лакеевъ, напримѣръ, въ тѣ времена вдоль Ножевой линіи Гостиннаго двора пропускали не иначе, какъ сквозь строй насмѣшекъ, самыхъ ядовитыхъ и оченъ обидныхъ. Впрочемъ, знаменитаго и въ полную мѣру еще не оцѣненнаго московскаго балагурства, срывающагося прямо съ кончика языка острымъ, какъ шило, не переслушаешь. Не затѣмъ мы пришли и остановились здѣсь.

— Стой прямо, смотри направо, слушай, какъ трель бьютъ!—совѣтовали мои сосѣди другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, послышались рѣдкіе, нескладные, какъ-то въ перебой, удары барабана. Стукнутъ по телячьей шкурѣ березовыми палками—посыплется дробь; начнешь вслушиваться — она и перестала, оборвалась. „Тукъ!“—скажетъ барабанъ еще одинъ разъ и замолчитъ. Гдѣ эти барабаны идутъ, намъ изъ-за плечъ и головъ совсѣмъ не видно. Приходится принимать на вѣру невидимое, какъ бы видимое, и невѣдомое, какъ бы настоящее.

Видимъ, однако, вскорѣ, какъ на пригоркѣ Тверской улицы, надъ головами многотысячной толпы, заколыхалось что-то чрезвычайно неопредѣленное, странное и Богъ вѣсть почему-то вдругъ показавшееся страшливымъ. Пословица говоритъ: хорошъ барабанъ въ полѣ, а не въ городѣ, потому-то, должно быть, онъ и настроилъ на подобную неожиданную мысль. Иному, въ самомъ дѣлѣ, громъ не громъ, а страшенъ барабанъ. Онъ-то и поддержалъ испуганныя мысли, не смотря на подручныя развлеченія: жандармъ, нагнувшись на лошади, таскалъ въ рукавицахъ съ широкими раструбами хохлатую голову мальчика изъ-подъ кухоннаго трактирнаго куба, а этотъ молча, старался вырваться. Казакъ опять успѣлъ кого-то смѣрять. Участились крики: „осаживай, осаживай“!—потому что толпа пришла въ сильное возбужденіе, именно то самое, когда еще немножко, еще одно оскорбленіе, какъ капля, переполняющая сосудъ,—и толпа взреветъ, ожесточится и нарушитъ весь налаженный строй. Этого почему-то не случилось и народная волна начала принимать другое направленіе—кверху и внизъ. Всѣ становились на цыпочки и каждый старался приподняться, опираясь самымъ рѣшительнымъ образомъ на плечи сосѣда, таращa глаза и разѣвая ротъ, а чужія плечи не медлили сбрасывать чужія руки. Всѣ отмѣнно переругивались.

Мимо насъ медленно, пошатываясь изъ стороны въ сторону, промелькнула темная фигура привязаннаго къ черному столбу человѣка. Мы слышали за чужими спинами, какъ сфыркивали лошади, громыхали по мостовой тяжелыя колеса; мы видѣли, что привязанная къ столбу сѣрая фигура имѣла блѣдное лицо, опущенные внизъ и полузакрытые глаза. Мы успѣли прочитать на свѣсившейся на грудь доскѣ страшное слово: „убійца“, и одновременно и мимоходомъ изловить нѣсколько замѣчаній нашихъ сосѣдей.

Какимъ-то плаксивымъ голосомъ спрашивала женщина въ косынкѣ, съ узелкомъ на лбу, какъ бы внезапно пораженная или что-то потерявшая и вдругъ спохватившаяся:

— Да гдѣ же у него каблукъ-отъ?

— А на сапогѣ, должно полагать,— отвѣтилъ тотъ, который былъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ, хотя чувствовалъ въ сердцахъ, что у него изрядно намяты бока и надавлена грудь.

Женщина, однако, не отвязывалась:

— Да, вѣдь, онъ монахъ. Я, вѣдь, про тотъ каблукъ-отъ спрашиваю, что они на головахъ носятъ.

— А тотъ каблукъ онъ, должно быть дорогою потерялъ. Далеко, вѣдь; вишь съ самыхъ Вутырокъ везутъ,—острилъ все тотъ же.

— По закону, матушка, передъ торговою казнью извергаютъ духовныхъ лицъ изъ сана,— благодушно успокаивалъ ее тономъ довольнаго человѣка, по видимому чиновникъ. Онъ успѣлъ, вѣроятно, при содѣйствіи своихъ свѣтлыхъ пуговицъ и замѣченныхъ нами вразумительныхъ и вкрадчиво-кроткихъ объясненій съ разными полицейскими чинами удержать свое мѣсто въ стѣнкѣ, далеко впереди всѣхъ насъ.

Не скоро толпа разошлась и прочистился проходъ на Моховую. Всякій старался подѣлиться своими впечатлѣніями и, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, выводы и заключенія оказывались не похожими и не только не согласными въ общемъ, но и совершенно противными въ частностяхъ. Кто говорилъ, что видѣлъ слезы на глазахъ у преступника, а кто увѣрялъ, что, напротивъ, замѣтилъ усмѣшку и весьма даже злую. На одного такъ страшно глянулъ онъ, что тотъ даже взмахнулъ на лобъ и спустилъ съ плечъ на поясъ большой истовый старовѣрскій крестъ. Иной поймалъ у преступника такой вздохъ, что у него, у свидѣтеля, даже подъ сердцемъ кольнуло. Одинъ видѣлъ сзади преступника на эшафотѣ палача, котораго совсѣмъ тутъ не было. Двое взялись спорить до ругани и косыхъ взглядовъ другъ на друга о томъ, носилъ ли преступникъ полный образъ, или былъ только послушникомъ. Вмѣшавшійся въ споръ третій настойчиво увѣрялъ, что онъ и послушникомъ-то не былъ, а только жилъ въ Донскомъ монастырѣ и надѣвалъ рясу, а отъ міра вовсе никогда не отрекался. Всѣ согласны были на одномъ, что жертвою преступленія была дѣйствительно княгиня и, притомъ, извѣстнаго стариннаго рода, издревле любезнаго городу Москвѣ. Говорили, что съ ранняго утра сегодня на мѣсто казни скакали не только извозчики, но того больше—кареты

коляски, ландо, фаэтоны; вся Москва ѣхала и бѣжала на мѣсто казни еще до разсвѣта. Только недосужные, запоздалые и немощные разсыпались по дорогѣ, какъ брызги отъ схлынувшей волны, и установились сплошными рядами по уличнымъ тротуарамъ, на всемъ протяженіи длиннѣйшаго пути слѣдованія печальной колесницы. Самодовольный чиновникъ утѣшалъ себя и успокоивалъ, вразумляя всѣхъ насъ, что на мѣстѣ казни и смотрѣть, собственно, нечего: тамъ надломятъ надъ головою шпагу, ибо преступникъ былъ доподлинно дворянинъ и чиновникъ, не успѣвшій еще постричься въ рясофорные монахи.

— И все тутъ, ничего интереснаго, — старался онъ увѣрять себя и насъ:—Шпага, — увѣрялъ чиновникъ:—должна быть заранѣе надпилена такъ, чтобы палачъ могъ ее легко и скоро разломить надъ головою преступника.

Немогъ онъ, однако, утверждать, ударитъ ли палачъ надломленною шпагою по головѣ преступника или разломитъ ее на воздухѣ. Здѣсь онъ самъ запутался, говорилъ свое, но соглашался и съ противоположнымъ мнѣніемъ сосѣда.

— Опять какъ же, вѣдь, и ударитъ по головѣ? Вѣдь, она не горшокъ!—замѣтилъ вовсе не удовлетворенный разсказомъ торговецъ.

— Ударъ удару рознь! — рѣшительно успокоивалъ онъ себя и пошелъ вмѣстѣ со мною на Моховую. Я видѣлъ, какъ онъ встряхивалъ головою и слышалъ при этомъ его глубокіе вздохи съ приговоромъ про себя: „Охъ, грѣхи наши тяжкіе, немощи наши человѣческія!Подишь ты“!.. и т. п.

Эти глубоко врѣзавшіяся въ моей памяти впечатлѣнія, буквально на первыхъ шагахъ знакомства съ Москвою, вызваны событіемъ, весьма памятнымъ тамъ, кажется, до сихъ поръ. Въ свое время оно переполошило весь городъ до самаго донышка. Замѣчательно и поразительно было не столько само преступленіе, сколько участники и жертва, въ самомъ дѣлѣ (по времени совершенія злодѣйства) вечерняя. Участье духовнаго лица въ преступленіи не казалось особенно выдающимся въ городѣ, гдѣ такъ преизобилуетъ духовенство, что въ средѣ населенія его, ревностно охраняющаго старинные обычаи, даже тотъ древнѣйшій — отругиваться и отплевываться при встрѣчѣ — значительно ослабѣлъ и даже покинутъ. Участье же монаха казалось черезчуръ неожиданнымъ и оскорбительнымъ, хотя бы въ церковномъ и богомольномъ городѣ этомъ было монастырей и монаховъ ровно столько, сколько полагается ихъ на цѣлую губернію, и, притомъ, также издревле населенную и по толику же благочестную. Но, главное, съ одной стороны—монахъ, а съ другой—княгиня: зачѣмъ они вмѣстѣ и при чемъ они оба? Объясняли все это въ то время всѣ вдругъ и каждый по своему, а потому и выходило что-то такое темное и трущобное, гдѣ мудрено было разобраться. Въ оффиціальныхъ документахъ уголовной палаты еще мудренѣе было добраться до сути. Постановленія и протоколы писались тогда такимъ языкомъ, о достоинствахъ котораго обычно говорили такъ: „писано-прописано отъ села Борисова, отъ Макара Денисова“. Послѣ того, какъ разберемся въ уличныхъ и гостиныхъ слухахъ и смахнемъ съ архивныхъ документовъ 50-ти-лѣтнюю пыль, передъ нами возстаетъ нижеслѣдующая внушительная личность.

Съ чердачка на Запѣпѣ, гдѣ ютилась чиновничья семья отца Николая Семеновича, послѣдній поступилъ въ науку и выучился ровно настолько, чтобы быть писцомъ. Москва таковыхъ мастеровъ не балуетъ и, за неимѣніемъ средствъ, не даетъ имъ пріюта и хода. Какъ губернскій городъ, она владѣетъ только уѣздными и губернскими присутственными мѣстами съ нѣкоторою надбавкою канцелярій временныхъ, кромѣ безсрочныхъ коммиссій и кое-какихъ комитетовъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ, завѣдующихъ дѣлами самаго сильнаго и привиллегированнаго благотворительнаго общества, онъ и попалъ на легкую службу. Проставивъ нетвердую ногу, онъ, благодаря своей природной юркости и угодливости, съумѣлъ укрѣпиться настолько, что, пересаживаясь отъ стола къ столу, очутился и затѣмъ изъ нихъ, который вѣдалъ дѣла по части дамской благотворительности и попечительствъ. Представилась необходимость личныхъ докладовъ титулованнымъ баловницамъ и возможность проявить передъ ними свои скрытые таланты и придавленную силу. Женское безсиліе, постоянно нуждающееся въ мужской помощи и поддержкѣ, тотчасъ же предъявило требованіе на услуги этого угодливаго и ловкаго молодого человѣка и нашло въ немъ аккуратнаго и толковаго исполнителя. Къ побѣгушкамъ онъ пріученъ былъ еще въ родной семьѣ, на посылки сдѣлался способнымъ подъ руководствомъ своего хромого, злого и ворчистаго начальника; въ дамскія ручки онъ попалъ уже совершенно приготовленнымъ. Сдѣлаться же опытнымъ, сообразно съ капризами заказчицъ, ему было уже не мудрено въ то время, когда пріобрѣтена была извѣстная гибкость разсудка, при настойчивости природнаго характера. Не даромъ же его закаляла чердачная жизнь въ ежевыхъ рукавицахъ раздраженнаго бѣдностью, служебною неудачею и неподвижнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ родного отца. Всего оказалось въ достаточномъ запасѣ: хитрость и осторожливость битой собаки, ея же льстивость съ поджатымъ хвостомъ и другое все въ надлежащей цѣльности, въ порядкѣ и на мѣстѣ.

Стоитъ Николай Семеновичъ съ докладомъ передъ любою благотворительною дамою все та-

кимъ же неизмѣннымъ: тотъ же дружескій, улыбающійся взглядъ, когда читаетъ докладъ; та же живая игра наостренныхъ ушей, когда выслушиваетъ приказанія, точь въ точь, какъ у любимой болонки, когда ее заставляютъ служить. Даже какъ будто и хвостъ вытянутъ такъ, какъ у ищейки, которой приказано отыскать запрятанную вещь и принести сейчасъ же и во что бы то ни стало. Все въ немъ мило: и эта пестрая шерстка, худощавое длинное тѣло, чисто вымытая, вылощенная длинная мордочка, а, главное, ласка и готовность ринуться по первому слову со всѣхъ ногъ, хотя бы и не за дѣломъ, а ради одной праздной забавы. Дамская любовь со скучнаго и флегматичнаго мопса, съ изнѣженнаго шарло перенесена была съ полною готовностью и на этого человѣка. Онъ такой услужливый, онъ такой ласковый, безропотно покорливый и очень умный. Надо было княгинѣ разузнать секретъ у портнихи m-me Anette, какого фасона и цвѣта платье шьетъ она на балъ дворянскаго собранія для графини, — и m-r Zykoff въ тотъ же день сообщалъ съ подробностями. Онъ дѣлаетъ и не такія крупныя одолженія, онъ оказался способнымъ на величайшія: онъ умѣетъ передать на словахъ ту тайну, которую нельзя выразить на письмѣ даже по французски. Ему одному можно поручить разузнать, кому раньше и кому лучше высланы будутъ на Кузнецкій-Мостъ французскія модныя матеріи. У него десять рукъ на тѣ случаи, когда разгуляется дамскій капризъ и разомъ разохотится на множество порученій. Только и скажетъ онъ какъ-то по своему и странно: „Одна моя нога здѣсь, а другая—тамъ",—и сдѣлаетъ съ изумительною поспѣшностью. Изъ-за груды покупокъ, привезенныхъ по порученію, самого и не видать, а онъ, однако, всегда привезетъ ихъ въ срокъ и даже гораздо раньше. Незамѣнимый человѣкъ, очаровательный молодой человѣкъ! И въ манерахъ сталъ улучшаться, оставилъ кое какія дурныя привычки. Тонкими платками обзавелся и духами опрыскивается. Можно его кое къ чему и и допустить, напримѣръ, дать ему поцѣловать ручку и этимъ не погнушаться, посадить его за чайный вечерній столъ съ серебрянымъ самоваромъ и посудою вье-саксъ. Не надо заботиться и волноваться о томъ, что онъ возьметъ пирожное прямо голыми руками, что онъ вздумаетъ опрокинуть чашку вверхъ донышкомъ, чтобы, въ знакъ благодарности, положить туда обсусоленный кусокъ сахару.

Наступила, въ самомъ дѣлѣ, для Николая Семеновича Зыкова пора полнаго блаженства. Вотъ онъ въ надушенномъ будуарѣ докладываетъ, сидя, а товарищи, тѣмъ временемъ, въ сторожевской, пропитанной насквозь махоркою, стоя и торопливо, затягиваются изъ одной трубки черезъ перышко мусатовскимъ вакштафомъ. Онъ сидитъ и за обѣденнымъ столомъ,—положимъ, на кончикѣ крайняго и дальнаго стула,—однако, ѣстъ кушанья, изготовленныя настоящимъ французомъ-поваромъ. А небритые и немытые сослуживцы его, забравшись въ низокъ Егоровскаго трактира, требуютъ передъ 2—3 парами чая даровую закуску изъ кусочка ветчины, огурчика и пеклеванника на основаніи обычая, давно вынужденнаго отъ хозяина чиновничьею бѣдностью и незыблемо установленнаго. Или, еще хуже того, товарищи сытаго Зыкова спятъ и видятъ и усиленно ищутъ такого просителя, который угостилъ бы ихъ солянкою въ кастрюлькѣ. Или, какъ консисторскіе нахалы, всею оравою накидываются на пришедшаго сельскаго попа и грабительски вытаскиваютъ у него изъ-за пазухи пирогъ съ яшною крупою.

Николай Семеновичъ превознесенъ и отличенъ даже тѣмъ, что освобожденъ былъ отъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, отъ ежедневнаго посѣщенія комитета на Маросейкѣ. Онъ весь отдался дамскимъ особымъ порученіямъ и, съ воли и вѣдома прямого и кромого начальства, былъ совершенно откомандированъ къ патронессамъ. Ему у нихъ привольно. Его всѣ онѣ до единой знаютъ, цѣнятъ; большая часть считаетъ его не только полезнымъ, но и необходимымъ человѣкомъ. Отъ него зависѣло то обстоятельство, что для нѣкоторыхъ благотворительницъ онъ сдѣлался правою рукою и ногой: ступить безъ него не умѣли, взяться ни за что не могли даже по домашнему хозяйству. А онъ, тѣмъ временемъ, подъучился болтать по французски цѣлыми фразами и еще болѣе округлилъ манеры: бралъ у Іогеля уроки танцевъ и перемѣнилъ походку, способы кланяться и садиться. Его начали считать своимъ и наружно оказывать ему чрезвычайные знаки вниманія, любезности и откровенной привѣтливости. Вотъ въ это-то время и произошло то крупное недоразумѣніе, которое повело къ роковому исходу. Недоразумѣніе это порождено было грубою ошибкою во взаимномъ пониманіи обѣихъ сблизившихся сторонъ.

Дешевый пріемъ сужденія по наружности, при непривычкѣ лѣнивыхъ и сытыхъ людей къ анализу и какому либо тонкому разбору, послужилъ главнымъ основаніемъ къ заблужденію: сходственныя черты милыхъ домашнихъ животныхъ, въ сущности, не оправдывались и въ данномъ субъектѣ даже совершенно отсутствовали. Если уже идти тѣмъ же путемъ сравненія, то окажется, что все было понятно въ обратномъ смыслѣ и извращенномъ видѣ. Это худощавое, длинное и гибкое тѣло доказывало способность ко всякимъ изворотамъ, подсказывало, что этотъ человѣкъ способенъ пролѣзть во всякую щель, не зацѣпляясь. Не замѣтили тѣ, кому это надлежало вѣдать, что эта льсти-

вая ласка, усыпляющее мурлыканье, даже эта постоянно вычищенная, вымытая и выбритая мордочка, характеризировали животное совсѣмъ другой породы: лукавое и вороватое, полное вкрадчивой хитрости и ужасающей изворотливости. Оно одарено рѣдкою остротою чувствъ именно для того, чтобы въ своей кровожадности быть ненасытнымъ. Нѣтъ нужды, что онъ не бралъ никакихъ вещественныхъ знаковъ благодарности за оказываемыя услуги, а довольствовался казеннымъ содержаніемъ. Онъ искренно увѣрялъ, что помощь, оказываемая имъ дамамъ и самому благотворенію до того ничтожна, что о ней и говорить не стоитъ, ему самому совѣстно слушать о приписываемыхъ ему заслугахъ, — смиреніе невиданное, неслыханное и столь очаровательное.

А затѣмъ у него свѣтящіеся глаза, маленькое ухо, короткая и почти круглая голова, какъ у самыхъ свирѣпыхъ хищныхъ животныхъ. У него и походка неслышная, какъ у этихъ, гдѣ подъ густою шерстью на изогнутыхъ ногахъ спрятаны смертоносные, быстро выскальзывающіе наружу когти. Нѣтъ, это—не шарло, у котораго всегда открытые когти менѣе опасны, потому что вѣчно бываютъ измочалены. Какъ настоящій лютый звѣрь, дамскій баловень и угодникъ въ лицѣ комитетскаго чиновника пряталъ свои, чтобы показать ихъ въ то время, когда накопятся силы и подойдетъ случай. Онъ трудился, хлопоталъ, не досыпалъ, подвергался униженіямъ и не спроста проходилъ не разъ сквозь строй оскорбительныхъ, презрительныхъ насмѣшекъ. Онъ вознамѣрился за всѣ испытанныя страданія и очевидныя заслуги получить плату, награду и отступное, однако, не мелочью, а какимъ нибудь внушительнымъ кушемъ. Если тѣ ошиблись излишкомъ ласки и привѣтливости, онъ ошибся тѣмъ, что, относя ихъ прямо къ своей личности, не сообразилъ и не догадался, что это — прямое обязательство вѣжливости, деликатнаго обращенія, какъ заурядная привычка людей, воспитанныхъ въ холѣ и нѣгѣ до пресыщенія, въ спокойной средѣ самодовольства, гдѣ нѣтъ мѣста отчаянію или постояннымъ раздраженіямъ. Отъ мягкаго стула и постели улыбающійся привѣтъ дается на рубль цѣною съ твердою увѣренностью, что этотъ низкій и нищій, получая, оцѣнитъ даръ въ полную тысячу. Если онъ, этотъ чужой, обласканный, вздумаетъ торговаться и запрашивать больше,— значитъ, перешелъ предѣлъ. Необходимость преграды становится настолько ясною, что ее сейчасъ же съ досадою, ловко скрытою и затаенною, начнутъ быстро сооружать тѣ же самыя лица, которыя, шутя и отъ бездѣлья, ее разстроили. Строили же ее изъ гнилыхъ стоекъ и, притомъ, торопливо. Этого-то и не замѣтилъ нашъ слѣпой счастливецъ, а когда на сильный скачекъ свой получилъ такой же отпорный толчекъ, то и выпустилъ свои смертоносные когти. Теперь пока имъ только намѣчена была самая жертва, но уже производилась страшная скрытая работа мстительной души, соображая подходящее время и соразмѣряя для прыжка разстояніе. У настоящаго звѣря промаха не бываетъ, онъ не скользнетъ лапами мимо чужой шкуры и не разобьетъ своего крѣпкаго мѣднаго лба. Такъ поступилъ и Зыковъ, притулившійся, какъ звѣрь, въ ямѣ за камнями и тщательно припрятавшій когти.

Веселый, шаловливый и беззаботный кружокъ московскихъ дамъ-благотворительницъ какъ-то одинъ разъ вздумалъ осмотрѣться, побуждаемый неопредѣленнымъ инстинктивнымъ чувствомъ. На него какъ будто пахнуло откуда-то легонькимъ холодкомъ; не то ему чего-то стало недоставать, не то кого-то изъ своихъ онъ нечаянно потерялъ, да не сразу успѣлъ спохватиться.

— Да гдѣ же Зыковъ. Куда пропалъ Николай Семеновичъ?

Одна не видала его больше мѣсяца, по ея довольно приблизительному счету.

— У княгини Вѣры онъ даже очень давно не былъ.

Отъ одной онъ увезъ брабантскія кружева въ чистку и не возвратилъ и записки не оставилъ.

— Конечно, возвратитъ, если не самъ, то черезъ родныхъ своихъ. У него есть такіе. Самъ онъ про нихъ никогда не говорилъ, а стороною было слышно, что у него они есть, эти родные. Онъ такой честный!

Многихъ занималъ также серьезный вопросъ, съ кѣмъ теперь играть въ карты, въ фанты, въ маленькія игры и т. п.

— Онъ такъ милъ и находчивъ, такъ весело смѣшитъ и мило шутитъ. Я всегда имъ въ это время любуюсь.

Рѣшено было навести справки на мѣстѣ службы, а если уже это не удастся, то и въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ и куда ходилъ ночевать. Оказалось теперь по справкѣ, что нѣкоторыя дамы настолько не гнушались Зыковымъ, что бывали у него, не боясь подозрѣній и превратныхъ толковъ. Зыковъ былъ весьма дуренъ, вытянутая физіономія его походила на лошадиную; помилуйте, кто плѣнится такимъ уродомъ среди щеголеватаго офицерства? „Вотъ ѣзжу къ нему, ѣзжу въ квартиру его, чтобы ускорить одно благотвореніе и осчастливить имъ десять человѣкъ“.

Легкое безпокойство весело настроеннаго кружка весьма легко и скоро удовлетворено было самымъ точнымъ свѣденіемъ, что Зыковъ ушелъ въ монастырь.

— Но въ какой? Ихъ здѣсь такъ много!

Новая справка прямо указала на Донской.

— Если онъ сдѣлался настоящимъ монахомъ,

то это очень любопытно; вѣдь онъ отростилъ волосы, отпустилъ бороду, какъ дѣлаютъ эти попы.

Видали Зыкова въ чистенькомъ фракѣ и въ танцахъ, какъ не посмотрѣть на него въ рясѣ и на молитвѣ.

— Вѣдь онъ будетъ ходить по церкви и дымить этимъ кадиломъ.

Поѣхала въ Донской не одна карета и не одна коляска, къ полному изумленію монаховъ, которые гуляли праздно около церкви, когда шла въ главномъ соборѣ обѣдня. Отъ нихъ узнали дамы, что Зыковъ въ затворахъ.

— Что же онъ тамъ дѣлаетъ?

— Спасается. Никуда не выходитъ, даже въ храмъ Божій. Никого, кромѣ отца архимандрита, къ себѣ не допускаетъ.

— Когда же онъ выйдетъ и покажется? Намъ его надо видѣть, очень надо видѣть.

— Когда найдетъ къ тому благопотребное время. А теперь втай молится, сокрушается о грѣхахъ, что содѣялъ тамъ, въ мірѣ.

Вотъ это слово „спасается“ показалось столь неожиданнымъ и острымъ, что кое-кого кольнуло прямо въ сердце. Рѣшили навѣдываться. Развѣ не все равно, въ какую церковь ѣздить молиться, если уже заведенъ у всѣхъ такой обычай по преданію отъ родителей? Каждое воскресенье заведено и фамильною печатью припечатано приказаніе по большимъ праздникамъ бывать въ какой либо изъ модныхъ церквей—въ университетской, на Остоженкѣ, въ Шереметьевскомъ домѣ у Сухаревой башни и въ другихъ.

— Все еще въ затворѣ!—продолжаетъ говорить справка въ Донскомъ монастырѣ отъ слоняющихся по аллеямъ и кладбищу монаховъ.

— Да какіе же это грѣхи? И зачѣмъ ему понадобилось отъ насъ скрываться и отмаливаться и такъ строго и такъ даже страшно?—думали посѣтительницы, проходя мимо этихъ двухъ оконъ подъ архимандричьими кельями, которыя занавѣшаны были густыми зелеными шторами.

— Зачѣмъ этого маленькаго человѣка мы допускали столь близко? пусть бы онъ тамъ...—раскаивались другія.

— Начнетъ исповѣдываться на всю церковь—кажется, это бываетъ у монаховъ—надо, во всякомъ случаѣ, постараться заласкать его, повидаться съ нимъ. Ну, просто попросить его, чтобы каялся какъ нибудь по другому.

— Какъ же это сдѣлать, когда заперты двери и наглухо спущены шторы?

За этими шторами, дѣйствительно, въ задумчивости сидѣлъ этотъ паукъ и плелъ паутину. Плелъ онъ ее, конечно, съ искуствомъ и опытностью стараго и зоркаго рыбака и притомъ еще подъ надзоромъ не менѣе опытныхъ глазъ самого настоятеля. Онъ уже и привыкать сталъ къ легкой работѣ затвора, да наставникъ сказалъ:

— Довольно. Теперь закрѣпи. Длинная сѣть тоже не всегда полезна бываетъ. Она одну рыбу ловитъ, а другую пугаетъ,—какъ бы всѣхъ не распугала? Я вотъ пришлю церковнаго старосту; пусть онъ скажетъ, до чего оскудѣло кружечное и кошельковое приращеніе.

Послѣ того встрѣтившіе дамъ монахи, обрадовали ихъ неожиданною радостною вѣстью:

— На-дняхъ доброхотно вышелъ. И какъ свѣча передъ образомъ, бдитъ на молитвѣ. Даже удивляемся.

— Вотъ и Зыковъ!.. Кажется, онъ? — по крайней мѣрѣ, въ эту сторону указывалъ рукою провожатый монахъ, да и теперь туда же киваетъ головою съ клироса и подмигиваетъ. Не узнать Зыкова въ темномъ углу между большою печкою и церковною стѣною и не разглядѣть его: все стоитъ опустя голову, часто молится и еще того чаще становится на колѣни. Нѣкоторымъ удалось уловить его тяжкіе вздохи.

Это уже очень страшно. Это уже что-то такое невѣроятное, но очень, очень любопытное. Вотъ, даже духъ замираетъ, такъ это прекрасно и умилительно.

Въ слѣдующее воскресенье въ Донской монастырь наѣхало каретъ вдвое больше, на слѣдующее втрое. Зыковъ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, смиренно понуривъ голову и не поднимая глазъ; иная такъ бы вотъ и пошла приказать ему поднять голову и хотя разъ взглянуть на грѣшницу. Онъ все еще закрѣплялъ на сѣткѣ петли: захлестнулъ крѣпкимъ концомъ и послѣднюю.

— Пріемлетъ нынѣ малое послушаніе, „благоугодилъ“, говоритъ. И отъ священно-архимандрита получилъ благословеніе на церковный сборъ во дни богослуженія.

Ловецкій ударъ былъ разсчитанъ вѣрно. Въ развернутую сѣть стала попадать сначала мелкая рыба съ серебряною чешуею, добывалась и съ золотою. Блюдо, которое носилъ по церкви съ опущенными долу очами Зыковъ, наполнялось даяніемъ до верху, все изъ-за того одного, что интересный молодой отшельникъ въ колпачкѣ, сдвинутомъ на самыя брови, умѣлъ, остановившись, поклониться вкладчицѣ по монашески, во всю спину, а не по старому и по свѣтски, какъ въ кадрили, одною головой.

Любопытство заразительно среди праздныхъ людей, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и рогатые и комолые супруги потащились за женами посмотрѣть на столь рѣдкостнаго монаха.

— Вчера былъ онъ среди насъ, а теперь легъ живымъ въ гробъ, и вотъ, говорятъ, по временамъ встаетъ и тѣнью шатается по церкви. Надо взглянуть!..

Совершилась и въ монастырѣ перемѣна: изъ начальника настоятель сдѣлался истиннымъ другомъ (переименованнымъ впослѣдствіи въ соучастника). Объ одномъ только и была его просьба:

— Порадѣй святой обители вѣрнымъ и благимъ послушаніемъ. Токмо не передергивай петлей сѣти. Дѣйствуй косно, не борзяся.

Когда вскорѣ потребовалось поученіе изъ того, о чемъ было надумано въ глубокомысліи затвора, разрѣшеніе дано было на посѣщеніе убогой кельи рыбака одной лишь той, которая могла больше вмѣстить и много вѣровала. То была княгиня Вѣра, не пропустившая ни одного воскресенья, больше другихъ клавшая на блюдо, сильнѣе и настойчивѣе другихъ стучавшая въ затворенную дверь.

Тамъ въ это время за нею успѣлъ уже побывать самъ святый владыка, умнѣйшій и прозорливѣйшій святитель Филаретъ, привлеченный слухомъ о подвигахъ новаго затворника. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ. Владыка самъ видѣлъ и разсказывалъ потомъ всѣмъ, что у новаго подвижника на простой деревянной кровати дѣйствительно лежали въ возглавіи два березовыхъ полѣна и стояли въ кельѣ лишь два простыхъ рыночныхъ стула.

Таинственная келья стала еще святѣе и еще любопытнѣе, въ особенности для такихъ вѣрующихъ, какою была молодая и красивая княгиня Вѣра. У нее былъ старый мужъ, разбитый параличемъ и давно лежавшій въ постели. Врачи обрекли его на смерть и княгиня прибѣгала къ молитвамъ, посѣщала монастыри, дѣлала вклады. Донской монастырь, въ особенности, привлекъ ея вниманіе и полюбился не потому лишь, что былъ близко. Въ кельѣ затворника, умѣвшаго выбрать именно эту обитель, нашла она и то кресло, на которомъ сидѣлъ святитель, и тотъ образокъ въ серебряной оправѣ, которымъ онъ благословилъ таинственнаго монаха. Видѣла она келью изъ трехъ конурокъ, а не комнатъ; но лишь въ одной стояла та убогая мебель, которую похвалилъ Филаретъ, да шкапчикъ съ образами; въ другой, задней, не было ничего, кромѣ стѣнъ и священно-таинственнаго безмолвія. Когда посѣтила келейный сумракъ новая посѣтительница, затворникъ и остальнымъ желающимъ вскорѣ рѣшился дать разрѣшеніе. Да и пора наступила: богомольныя жены испытали продолжительный искусъ. Посѣщенія участились, келейное безмолвіе нарушилось; затворникъ впалъ въ искушеніе, падалъ, надумывался, тосковалъ и оправдывался тѣмъ, что самъ архимандритъ плѣнился тѣми же удобствами для бесѣдъ и тихихъ поученій. Затѣмъ всякій, кто хочетъ, пусть то и говоритъ. Да и что кому за дѣло, что когда умеръ мужъ княгини Вѣры, Зыковъ читалъ псалтырь по немъ, по давнему знакомству? Пусть говорятъ, что у нихъ съ настоятелемъ заведены очередные обѣды черезъ день и у каждаго изъ нихъ имѣется свой поваръ. Пусть говорятъ!.. главная задача, во всякомъ случаѣ, теперь рѣшена съ побѣдительнымъ успѣхомъ: попала рыбарю въ сѣти та самая вкусная и большая рыба, на которую и разсчетъ былъ сдѣланъ.

Сквозь монастырскія стѣны нельзя намъ было видѣть, что происходило за синими занавѣсками, а слухамъ и сплетнямъ мы не смѣемъ довѣряться. Именно въ Москвѣ съ Замоскворѣчьемъ они особенно злоязычны, всякіе слухи перепутаны вкривь и вкось и подозрительны, какъ всякая клевета и диффамація. Вѣрю тому лишь, что вышло прямо на Божій свѣтъ и городскія стогны и показалось въявь.

Въ одномъ изъ московскихъ, по большей части либо косыхъ, либо кривыхъ, переулковъ (на этотъ разъ именно въ такомъ, который также зачѣмъ-то изгибается, исходя изъ большой улицы) случилось такое событіе. Въ сумерки шелъ по этому переулку къ Каменному мосту одѣтый въ черную ряску нѣкоторый человѣкъ. Ему на встрѣчу вышли изъ подозрительной „Ямки“ три молодца. Изъ нихъ одинъ несъ большую бутыль. Поравнявшись съ чернымъ человѣкомъ, этотъ толкаетъ его плечомъ своимъ въ бокъ и роняетъ бутыль, изъ которой льется деревянное масло. Поднимается крикъ. завязывается перебранка, послѣ которой пускаются въ дѣло кулаки. Черного смяли, повалили и били, какъ могутъ бить только графскіе крѣпостные кучера и конюхи, да мясники Охотнаго ряда. Избитаго, еле дышавшаго, втащили на извозчика и свезли въ часть, гдѣ помѣстили съ ворами и мошенниками на нѣсколько дней (его изъ монастыря исключили, архимандрита удалили). Знать „спознавъ князь да доведался (какъ поется въ пѣснѣ о Ванюшѣ-ключникѣ) что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной горничной, когда уже довольно было попито и поѣдено, въ красѣ-хорошѣ похожено, про его ли, княжую милость, много было ругано“.

Оправлялся Зыковъ очень долго и медленно, ровно столько времени, чтобы монашескимъ обѣтомъ смиренія уврачевать душевныя и тѣлесныя раны, или и въ самомъ дѣлѣ, по мірскому обычаю, растравить язвы до новой боли уже отъ кровавой обиды, которая толкаетъ на мщеніе. Оправившись, онъ и въ самомъ дѣлѣ взялъ съ собою оба орудія и слово примиренія, да кстати прихватилъ и ножъ. Княгиня собралась къ Троицѣ говѣть и зашла къ Зыкову попросить, христіанскимъ обычаемъ, прощенія. Онъ готовъ былъ примириться, если позоръ его будетъ смытъ честнымъ бракомъ, въ большой церкви, всенародно. Согласія не было дано, отвѣтъ сказанъ рѣшительный, такъ какъ и самый вопросъ по-

ставленъ былъ въ упоръ. Сверкнуло лезвіе кинжала, купленнаго на Кузнецкомъ-Мосту, и бездыханный трупъ упалъ къ ногамъ „убійцы“. Онъ быстро схватилъ молитвенникъ, припалъ на колѣняхъ къ трупу и истово началъ читать отходныя молитвы, пока изъ зіяющей раны, нанесенной какъ бы волчьими зубами, хлестала фонтаномъ алая кровь. Въ такомъ видѣ и нашли убійцу, когда, и въ переносномъ смыслѣ, свалилась, наконецъ, съ его плечъ овечья шкурка и объявился подлинный волкъ, какъ высказался о немъ самъ митрополитъ, когда довели до его свѣденія о содѣянномъ злодѣяніи. „Вяжите, заточайте, судите и казните“! говорилъ Зыковъ, а на первый случай и оправданіе было приготовлено въ простыхъ и краткихъ словахъ, такого смысла и значенія:

— Такъ угодно Богу! Я, видимо, избранъ орудіемъ для того, чтобъ изъ этого грѣховнаго міра праведную и святую душу чистой голубицы — княгини Вѣры — препроводить въ горнія селенія. Тамъ, а не здѣсь, подобаетъ ей быть.

Я былъ личнымъ свидѣтелемъ дня казни Зыкова, но, по случайностямъ скитальческой жизни, попалъ и въ мѣста уголовныхъ возмездій, въ самое ядро и пекло каторги и ссылки, куда посылаютъ подобныхъ грѣшниковъ. Въ административномъ центрѣ каторжныхъ заводовъ и промысловъ,—именно въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, — я встрѣтился съ этимъ человѣкомъ, начавшимъ свое житейское поприще въ роли Молчалина и кончившимъ его на гражданской свободѣ въ роли Ваньки-ключника и Ваньки-Каина. На этотъ разъ, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ казни, въ 1860 году, я нашелъ его тамъ въ казенномъ званіи „пропитаннаго“, т. е. передъ поселеніемъ, въ разрядѣ „исправляющихся“.

— Исправился ли онъ? — спроситъ иной читатель.

— Зайдите къ Зыкову, — совѣтовалъ мнѣ одинъ изъ начальниковъ нерчинскихъ заводовъ.—Онъ васъ ждалъ, онъ намѣревается поѣздить по Забайкалью для собиранія пѣсенъ и записи обычаевъ. Разрѣшенія изъ Иркутска ждетъ. Теперь онъ нуждается въ совѣтахъ и указаніяхъ, не откажите ему въ нихъ. Узнавши о вашемъ пріѣздѣ, онъ снова умоляетъ въ письмѣ уговорить васъ не погнушаться имъ. Конечно, онъ и самъ бы пришелъ, да тяжко боленъ: у него и подагра и хирагра разыгрались на это время. Зыковъ молитъ о свиданіи, говоря, что если не удастся мнѣ уговорить васъ, онъ найметъ людей донести его на носилкахъ. Вы исполните истинно-христіанскій долгъ.

Благоволеніе начальства — видимый первый знакъ въ пользу ссыльнаго.

По узенькой тропѣ, едва промятой въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ оврага, я поднялся на ту горушку, на которой стоялъ домикъ въ два окна, — въ два по своеобразному сибирскому обычаю, не признающему нечетнаго числа оконъ, какъ указано узаконенными нормальными чертежами. Съ горушки открылись еще лучшіе виды на эти горы, обступавшія селеніе, какъ застывшія волны разсерженнаго океана, — горы, богатыя настоящимъ серебромъ и другими минеральными сокровищами. И этотъ выборъ жилища—добрый знакъ въ пользу ссыльнаго.

Единственная комната въ этомъ домикѣ среди бѣлаго дня поразила меня темнотою и, вопреки сибирскаго обычая, въ ней было очень тепло. Во мракѣ мнѣ, прежде всего, бросились въ глаза ширмы на право. Съ тѣхъ поръ первое впечатлѣніе не покидало меня. Ширмы были центромъ всего жилища, изъ-за нихъ затушевывалось все остальное. За ними тотчасъ послышался кашель, опрашивающій голосъ и показалась фугура живого мертвеца, совершеннаго скелета, у котораго только что не стучали кости, какъ у настоящаго. Эта худоба скрывала и черты лица и ихъ выраженіе. Я съ трудомъ успѣлъ разобраться и въ томъ и въ другомъ, когда услышалъ высказанное глухимъ, гробовымъ голосомъ привѣтствіе. Мертвецъ вкрадчиво говорилъ:

— Вамъ уже, вѣроятно, извѣстна исторія моего несчастья?

— Роковой день вашей жизни былъ однимъ изъ счастливыхъ въ моей: я шелъ предъявить свой гимназическій аттестатъ, освобождавшій меня отъ риска экзамена въ университетѣ.

— Я и Альфонскимъ былъ обласканъ, Оверъ лечилъ меня, вѣдь я въ большихъ домахъ былъ принятъ. На меня возлагались серьезныя порученія, доходившія даже до графа Арсенія Андреевича. А живъ ли Грановскій, Рулье — ваши звѣзды?

Началась извѣстная пѣсня униженнаго и ссыльнаго, стремящагося приподнять свое прежнее значеніе хотя бы на одну пядень. Я далъ ему волю вспоминать. Видимо, онъ перенесся мыслями на родину и виталъ воображеніемъ по Москвѣ, съ точностью вспоминая адресы милыхъ домовъ и мимоходомъ останавливаясь на попутныхъ зданіяхъ, на соприкосновенныхъ къ главному разсказу лицахъ. О своемъ преступленіи, конечно, ни слова, какъ всѣ прочіе ссыльные. Да и никто въ Сибири не нуждается въ этихъ свѣденіяхъ изъ деликатности и убѣжденія, что, конечно, всѣ волки сѣры. Разумѣется, всякое признаніе интересно. Случалось, что вотъ иной сталъ подходить къ интересному мѣсту, но на самомъ же дѣлѣ онъ ушелъ отъ этихъ воспоминаній еще дальше, даже гораздо дальше, чѣмъ отвелъ меня Зыковъ въ самомъ началѣ бесѣды, прямо въ университетъ, изъ Донского монастыря на Моховую.

Во все время, пока длилась бесѣда, его

ширмы не давали мнѣ покоя: стоятъ себѣ, заслоняя все, даже интересное лицо хозяина, и кричатъ, требуя особеннаго къ себѣ вниманія. Точно какая новогодняя реклама. Онъ это замѣтилъ.

— Эту святыни я уберегъ отъ недобраго прошлаго въ полной цѣлости и для нее нанималъ во всю дорогу особую подводу. Вотъ моя главная святыня.

Онъ показалъ мнѣ тотъ образъ, которымъ благословилъ его Филаретъ. Приложившись къ лику, онъ повернулъ ко мнѣ исподку доски. На ней имѣлась собственноручная надпись митрополита, изображенная тѣмъ почеркомъ, который такъ разительно похожъ у всѣхъ духовныхъ лицъ, подобно русскому почерку нѣмцевъ, занимающихся въ коммерческихъ конторахъ.

— У меня есть частица камня отъ Гроба Господня. Мнѣ ее подарилъ добрый князь...

Слѣдовала подробная исторія о характерѣ отношеній его къ этому князю и о причинахъ, заставившихъ послѣдняго обязательно сдѣлать ему этотъ подарокъ; все пока о Москвѣ по поводу своего униженія.

Я замѣттилъ у него подвѣшенными на ширмахъ, унизанныхъ крестиками и образочками различныхъ цвѣтовъ и калибровъ, между прочимъ, и хорошо всѣмъ извѣстныя: шапочку отъ мощей Митрофанія, рукавичку отъ Геннадія Любимоградскаго, поясокъ изъ Кіева отъ Варвары великомученицы. Не ширмы, а цѣлый иконостасъ отдѣлялъ отъ меня его постель и столикъ. На постели уже лежали двѣ пуховыя подушки, на столикѣ Евангеліе въ серебряной оправѣ.

„Вотъ онъ и не измѣнился, — охотливо подумалось мнѣ: — И что онъ въ самомъ дѣлѣ: ханжа или истинно вѣрующій“?

И эту мою мысль онъ отгадалъ.

— Я вѣрую, я слѣпо вѣрую. Это одно утѣшеніе въ моемъ несчастьи. Судьба помѣшала мнѣ сдѣлаться монахомъ...

Вотъ, кажется, самъ наскочилъ на больное мѣсто, а настороженныя мои уши слышатъ о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы Господь сподобилъ его внушить такую же вѣру другимъ, какою живетъ и дышетъ онъ самъ.

— Одна эта вѣра и спасаетъ меня.

И съ этого пункта крутой переходъ совершенно въ противоположную сторону, по крайней мѣрѣ, прямо къ цѣли, которая вызвала наше свиданіе,

— Здѣсь борется съ христіанствомъ сильный врагъ—ламайство. Не по моимъ немощнымъ силамъ борьба эта. Не подумайте, что я съ этимъ намѣреніемъ прошу себѣ дозволеніе путешествовать. Разскажите мнѣ, какъ вы это дѣлаете.

Поставленные мнѣ вопросы всѣ ограничивались практическою почвою, доказывая, что онъ уже раньше присмотрѣлся къ дѣлу и искренно желаетъ ему послужить. Онъ показался мнѣ весьма начитаннымъ человѣкомъ. Онъ сумѣлъ сдѣлать бесѣду довольно пріятною и поддерживалъ ее такъ, что у насъ вышло какъ бы литературное утро. Онъ все обнаружилъ: искусство хорошо слушать и тонкую осторожность въ возраженіяхъ. Рѣзко бросалась въ глаза и мягкость въ манерахъ, его деликатность въ обращеніи,—все это имъ по дорогѣ въ Сибирь не растеряно. Привезъ онъ сюда и уберегъ и ловкую льстивость въ пріемахъ съ легкимъ пересоломъ въ комплиментахъ, и удѣлилъ мнѣ въ малой дозѣ на мой счетъ и по скорости все то, что съ избыткомъ расточалъ во дни оны въ Москвѣ и что послужило началомъ современнаго печальнаго его положенія. Ни одною чертою настоящаго своего внутренняго міра онъ не подѣлился со мною. Можно было уловить лишь только тѣ моменты, когда онъ извертывался, и не шутя любоваться гибкостью и своевременностью чрезвычайно ловкихъ изворотовъ. Игралъ онъ точно змѣя и блескомъ глянцовитой шкурки и всѣмъ разнообразіемъ окрашивающихъ ее пестрыхъ цвѣтовъ. Неужели онъ искалъ во мнѣ, въ виду возможности, хотя бы и мимоходомъ, попасть въ печать, потому что желалъ представиться не иначе какъ въ благообразномъ видѣ? Правда, онъ крѣпко жалъ мнѣ руку при прощаньи, прижималъ ее даже къ сердцу, убѣдительно, умоляющимъ образомъ прося меня еще разъ, хотя одинъ только разъ и на полчаса какіе нибудь навѣстить его. На болѣзнь пожаловался только за то, что она мѣшаетъ ему лично навѣстить меня на отводной квартирѣ. Онъ даже весьма самонадѣянно и увѣренно рисовалъ планы своего путешествія; при такой изможденной фигурѣ и истощенной натурѣ, онъ, видимо, разсчитывалъ жить еще многіе годы (чего, впрочемъ, не случилось). Онъ потомъ вступилъ со мною въ переписку: написалъ не одно письмо (я ихъ храню), но всѣ, однако, такія, которыя не требовали отвѣтовъ. Онъ точно помѣшался на самомъ себѣ и въ письменныхъ строкахъ всегда казалось, что онъ все продолжаетъ чиститься, обшаркивается щеткою и вѣничкомъ и опрыскивается духами, хотя и дешевенькими.

Самыя милыя впечатлѣнія я вынесъ отъ него изъ дому и съ готовностью поспѣшилъ навѣстить во второй разъ, хотя онъ оказался и послѣднимъ. Тогда, прощаясь со мною окончательно и роняя видныя мнѣ слезы, онъ уже не выдержалъ и проговорился прямо съ маху, безъ всякаго вызова съ моей стороны и внѣ всякой связи съ предыдущимъ нашимъ разговоромъ:

— Повѣрьте мнѣ, княгиня Вѣра была такая святая душа, что я вовсе не совершилъ надъ нею какого либо преступленія насиліемъ.

Ея душою я лишь только увеличилъ сонмъ небесныхъ ангеловъ.

Обрадовавшись тому, что онъ снизошелъ ко мнѣ и приспустилъ и ослабилъ одну петельку, я догадался ухватиться за нее.

— Вѣроятно, сама княгиня довела васъ до этой крайности?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ мнѣ и я видѣлъ, какъ мгновенно глаза его вскинулись къ небу и руки повисли, какъ плети:—Княгиня была ангелъ кротости, но, вслѣдствіе независящихъ отъ нее обстоятельствъ, она была поставлена въ такое безвыходное положеніе, что для спасенія этой чистой души я рѣшился прекратить жизнь ея.

Въ самомъ дѣлѣ намъ уже больше не о чемъ было разговаривать. Если онъ не говорилъ затверженную фразу, какъ помѣшавшійся на подобномъ выраженіи, то уже во всякомъ случаѣ на каторгѣ онъ не исправился. Онъ все тотъ же и теперь, какимъ былъ и въ то время, когда тянули его за языкъ, именно въ страшный день безжалостнаго убійства, надъ неостывшимъ еще трупомъ его жертвы.

— Я скажу вамъ, какъ онъ исправился или перемѣнился,—говорилъ мнѣ одинъ изъ интеллигентныхъ людей, очутившихся также на каторгѣ и къ которому я обратился за справками.

Это былъ Ипполитъ Васильевичъ Кашкадамовъ, изъ воспитанниковъ московскаго Воспитательнаго дома. Кашкадамовъ довольно долгое время жилъ съ Зыковымъ въ тобольской тюрьмѣ, гдѣ всѣ оставались подолгу, особенно ссыльные изъ привиллегированныхъ сословій (Кашкадамовъ былъ дѣйствительнымъ студентомъ московскаго университета и попалъ въ Сибирь за поддѣлку монеты). Подъ прикрытіемъ того обстоятельства, что приказъ, распредѣлявшій ссыльныхъ по областямъ, уѣздамъ, волостямъ и городамъ, находился въ то время въ Тобольскѣ (теперь онъ въ Тюмени), несчастные люди отъ этапнаго пути отдыхали здѣсь и передъ каторгою запасались кое-какою силою. Въ тѣ времена было попроще и тобольская тюрьма представляла собою нѣкоторое подобіе гостиницы.

Зыкову позволили, за большою тюремною общею камерою, устроиться такъ, какъ было ему поспособнѣе, чтобы уединиться и помолиться, не вызывая соблазна и насмѣшекъ (ссыльный народъ—большой охальникъ и злой шутникъ).

— Вотъ эти-то ширмы, что вы видѣли у него въ нерчинскомъ заводѣ, видѣли и мы въ тобольскомъ острогѣ. Онъ ихъ возилъ на особой подводѣ, какъ настоящій фокусникъ, который показываетъ, какъ Петрушка всѣхъ колотитъ, а самъ невоздержно при этомъ хочетъ. Это— не иконостасъ, а, такъ сказать, заборъ, который въ здѣшнихъ мѣстахъ строятъ въ рѣкѣ для прославленной сибирской рыбы — максуновъ. Иной изъ нихъ придетъ къ кольямъ, стукнется головой, очумѣетъ и не знаетъ дальше, что ему дѣлать. Надо бы повернуть назадъ и утекать, а онъ этого не смыслитъ, и все стоитъ и все ждетъ, когда же его возьмутъ голыми руками? Охъ, эти ширмы! Много онѣ бѣдъ натворили, да и не бѣдъ только, а настоящихъ преступленій. Правда, что, по его словамъ, тутъ изъ многихъ святыхъ мѣстъ получены имъ подарки. И не столько это, сколько онъ самъ святъ и величественъ изъ-за этихъ самыхъ ширмъ. Такъ онъ благолѣпенъ и медоточивъ, что бери да и пиши его ликъ на икону и ставь ту икону въ славну церковь.

„Вотъ я что хочу разсказать вамъ, — продолжалъ И. В. Кашкадамовъ:—Содержался въ одно время и въ одномъ этомъ же танцовальномъ залѣ бродяжьяго и воровского россійскаго собранія Кореневъ — злодѣй высокой пробы. Онъ 18-ть убійствъ совершилъ и владѣлъ непомѣрною силою духа еще настолько да на полстолька убійствъ. Когда его потомъ приковали на цѣпь и посадили въ одиночную камеру, онъ такъ отрѣзалъ въ отвѣтъ архіерею Өеогносту, что того отшатнуло на нѣсколько шаговъ отъ одного только слова злодѣйскаго (ибо окровавленныя руки были прикованы къ собачьей цѣпи).

„Въ то время, про которое я разсказываю, Кореневъ лежалъ съ нами на однѣхъ нарахъ. Полеживалъ себѣ да посвистывалъ. Иногда въ карты игралъ, а чаще по сторонамъ поглядывалъ. Съ Зыкова онъ не спускалъ глазъ. Разъ и толкаетъ меня Кореневъ подъ бокъ локтемъ: „Гляди, Политъ Васильичъ, у московскаго-то чудотворца рыба ужъ начала знатно клевать“. Я лично не придавалъ до той поры большого значенія тому обстоятельству, что къ Зыкову дозволенъ былъ доступъ всякому; ходило къ нему народу много, особенно бабья. Извѣстно, ихъ это дѣло—сначала святошей рожать, а потомъ ханжей воскармливать. Къ тому же вѣдомо мнѣ было, что барыни декабристовъ въ городѣ Тобольскѣ, на досугѣ и бездѣльѣ, придумываютъ какую-то новую вѣру и что больше всѣхъ безпокоится объ этомъ Фонвизина. Архіерей Владиміръ и ласкалъ ее и доносы объ ней въ синодъ посылалъ, а она, однако, успѣла натворить то, что на купеческихъ женъ и дочерей нашло самое мистическое настроеніе, замѣсто родного язычества. И то не былъ Сведенборгъ настоящій, а что-то около него, только немножко позаволокло мозги туманомъ,—словомъ, одурѣли бабы. На что имъ лучше Зыкова, когда его привезли сюда да прочитали его статейный списокъ, да вѣтеръ кое-что нанесъ, да его самого послушали? Важное кушанье! Чего, помилуйте, лучше? Первостатейную

княгиню убилъ, въ монастырѣ жилъ, архимандрита загубилъ, въ благотворителяхъ состоялъ, а самъ образованнѣйшій человѣкъ, въ какомъ-то институтѣ курса не кончилъ. Роману тутъ такъ много, что и не выгребешь и не переслушаешь. И въ самомъ дѣлѣ, слушали его очень долго; иныя каждый день, какъ одна рябенькая купеческая вдова съ двумя пухленькими дочками. Все, бывало, видимъ —проходятъ онѣ втроемъ за эти ширмы и бесѣдуютъ. А то вдругъ пришла къ нему одна дочка, самая пухленькая, безъ сестры и маменьки. Въ это-то время меня Кореневъ и толкнулъ въ бокъ, да—чертовъ онъ сынъ—такъ-то больно пихнулъ, что я насилу отругался.

„Сталъ Кореневъ помаленьку и предсказывать: „Смотри,—говоритъ:—Политъ Васильичъ, завтра она опять придетъ одна и сидѣть будетъ дольше“. Почему, молъ, ты, дурова голова, знаешь?—„Да ужъ не сумлѣвайся! я ихнюю сестру только что не убивалъ, а хороводы съ ними важивалъ и любилъ это дѣло, когда на волѣ жилъ и ножныхъ бруслетовъ еще не надѣвывалъ. Онъ въ монастырѣ не даромъ привыкъ пѣнки снимать“. И предсказалъ проклятый варнакъ: пришла въ самомъ дѣлѣ одна. Намъ изъ-за косяка въ ту маленькую комнатку все было видно, потому что двери, по закону, были сняты съ петель. Очень хорошо мы видимъ, какъ она порскнула за ширмочку и даже какъ будто еще и каблучкомъ ее задѣла и покачнула. Кореневъ, лежа на полатяхъ, приподнялся даже, оперся на локотки и воззрился, какъ коршунъ. Охъ, зоркій у него былъ глазъ и строгій! Когда, бывало, разсердится, зрачки такъ и забѣгаютъ, какъ мыши, которыя не найдутъ, въ какую щель безопаснѣе сунуться. Я уже вижу этотъ самый взглядъ и думаю, что и онъ видитъ что-то недоброе. Ну, молъ, худо тому, кто у этого глаза на смотру и на линіи. Меня даже морозомъ по спинѣ продернуло. Однако, Кореневъ меня немного успокоилъ тѣмъ, что, смотрю, опять опрокинулся на спину и смотритъ въ потолокъ и даже пѣсню мурлыкаетъ. Дай-ка, молъ, вгляжусь я въ него; ой, худо! онъ рыжую свою бороду закусилъ, пріемъ тоже знакомый мнѣ и знакъ весьма внушительный!

„Вышли они парочкою. Зыковъ, какъ вѣжливый кавалеръ, подъ ручку ведетъ барышню. Проводилъ ее за дверь, возвращается. Я и не замѣтилъ, какъ успѣлъ Кореневъ очутиться съ нимъ лицомъ къ лицу, должно быть, однимъ прыжкомъ, какъ тигры это дѣлаютъ. Понесся по казармѣ его зычный голосъ, непріятно-сиплый, какъ у всѣхъ бродягъ, подмоченный и застуженный.

„— Скажи ты мнѣ, дворянскій сынъ, кто изо всѣхъ [illegible]ше?

„Рукои [illegible] сгребъ его за горло и шагу ему не даетъ. Самъ оретъ, на свою голову, во всю силу, что было ее въ груди у него и въ горлѣ.

„— Скажи, говоритъ, кто изъ насъ лучше: ты или я? Не пущу, пока не дашь ты мнѣ отвѣта.

„Казарма вся гогочетъ. Кто заливается смѣхомъ, а молодые ребята начали уськать. Я подумалъ: это, молъ, ему будетъ вторая публичная трепка, да послѣдняя ли? Вотъ сторожа показались въ дверяхъ. Мелькнули солдатскіе штыки. Кореневъ, должно быть, это скоро замѣтилъ и началъ накладывать, да такъ быстро, что только кулакъ сверкалъ. Тутъ его и связали ремнемъ и оторвали отъ лежачаго; онъ и не прекословилъ, даже ногой не брыкнулъ. Когда подняли Зыкова, то уже понесли на рукахъ, не могъ идти.

„Долго лежалъ онъ въ тюремной больницѣ. Коренева за это за самое на цѣпь приковали: не самоуправничай и не озорничай! Про Зыкова мнѣ сказывалъ докторъ нашъ, что у него сильно повреждено легкое и вѣроятно-де приростетъ оно къ спинному хребту. Однако, вотъ вы его въ нерчинскомъ заводѣ живымъ видѣли и онъ еще и васъ успѣлъ обмануть. А не спрашивали вы тамъ про дочку Калинскаго, не разсказывали вамъ про вдовую попадейку? Жаль! Тогда не пришлось бы вамъ сдаваться на его слова и приняли бы вы ширмы за шарманку, слезы—за насморкъ, воздыханія—за привычку дурного воспитанія, а ученое путешествіе—за подвохъ. Ему надо теперь чѣмъ нибудь отличиться и выдвинуться, чтобы попасть сначала хотя въ волостные писаря, а потомъ поискать и высокій чинъ коллежскаго регистратора, который онъ такъ неосторожно обронилъ въ Москвѣ, на Каменномъ мосту. Вотъ онъ и погулялъ бы кстати и пѣсенокъ по Забайкалью-то послушалъ бы. Засѣдатели ему въ этомъ дѣлѣ помогли бы: дѣвокъ бы къ нему нагнали, а у семейскихъ онѣ такія породистыя и такія гульливыя. Пособралъ бы онъ кое-что изъ веселенькаго и въ печать послалъ, ну, хотя бы въ газету „Амуръ“, что ли. Узнало бы объ этомъ сильное начальство, стало бы объ немъ хлопотать повыше и кричать по всѣмъ землямъ, по всѣмъ странамъ: „Исправился, совсѣмъ исправился нашими стараніями. Нашею помощью вернулся блудный сынъ въ домъ отца своего. Заколемъ на радости теленка или ягненка“, или что иное на тотъ разъ подъ руку попадетъ.

„Не бывать плѣшивому кудреватымъ! Такъ я понимаю это дѣло по пристальнымъ и давнимъ моимъ личнымъ наблюденіямъ. Припоминаю послѣднее объясненіе ваше съ нимъ, которое я уже разъ отъ него самъ слышалъ, когда онъ въ тобольскомъ острогѣ отвѣчалъ на вопросы генералъ-губернатора. Онъ тоже тогда игралъ зрачками. Я какъ сейчасъ помню слова его: „Я—великій грѣшникъ“! и слышу его вздохъ. Онъ былъ даже настолько неостороженъ въ то время, что стукнулъ кулакомъ себя въ грудь, по актерски. Припоминая разсказъ вашъ о свиданіи, мнѣ хочется задать послѣдній вопросъ:

что лучше: цинизмъ ли бродяги Коренева или мистицизмъ горожанина Зыкова? Лично я надъ этимъ вопросомъ никогда не задумывался, можетъ быть потому, что привыкъ на каторгѣ дѣлать все тотчасъ же, какъ только задумалъ. Повѣрять себя нѣкогда,—сейчасъ въ барабанъ забьютъ,—и оглянуться не успѣешь. Я всегда былъ твердо убѣжденъ, что изъ Коренева, при благопріятныхъ условіяхъ жизни, всегда могъ выйти человѣкъ хотя на что нибудь годный; Зыковъ — безнадежно неисправимъ. Счастлива вся наша русская каторга именно тѣмъ, что такихъ отвратительныхъ личностей попадается на ней очень мало".

ГЛАВА XII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ СЕМЕЙНЫХЪ ПРАВЪ.

Развратъ.—Кровосмѣшеніе.—Снохачи.—Сводные браки.—Прелюбодѣяніе.—Растлѣніе и насилованіе.—Мужеложство и скотоложство.—Развратное и порочное поведеніе дворовыхъ и крестьянъ.—Ябедничество и кляузничество чиновниковъ.—Ложные доносы.—Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибири.

Оскорбленіе родителей и непослушаніе, въ примѣчательномъ большинствѣ случаевъ, оказывали сыновья. Преступленіе это всѣхъ наименьше можно считать женскимъ: въ двадцать лѣтъ на 69 мужчинъ ушло въ Сибирь 2 женщины, мимо монастырей и всякаго рода исправительныхъ заведеній. Слабо высказываясь своими особенными характерными чертами, преступленіе это въ Сибири успѣло опредѣлиться, во весь этотъ длинный періодъ времени, только кое-какими признаками, много не говорящими: шло среднимъ счетомъ по три человѣка въ годъ. Сильнѣе выразилось это преступленіе абсолютною цифрою у государственныхъ крестьянъ, затѣмъ у мѣщанъ и дворянъ, а наибольшею пропорціею въ купечествѣ; въ общемъ числѣ всѣхъ ссыльныхъ ему принадлежитъ самое послѣднее мѣсто во свидѣтельство той высокой степени положенія, на которой стоитъ родительская власть, злоупотребившая на этотъ разъ своимъ правомъ и не способная сладить домашними средствами въ этихъ исключительныхъ (70) случаяхъ (въ 20 лѣтъ). Деспотизмъ и несостоятельность самосуда, выразившіеся сильнѣе въ купечествѣ (по процентному отношенію), вызвали наибольшее число ссыльныхъ за 20 лѣтъ изъ губерній: Курской (7), Вологодской (6), Ярославской (5), Пензенской и Тамбовской (по 4).

Сюда сибирскія табели до 1844 г. относили еще „принятіе чужой фамиліи" и „прелюбодѣяніе", какъ преступленія, направленныя противъ правъ семейственнаго состоянія; но первое, при широкомъ приспособленіи въ бѣгахъ и сильномъ примѣненіи къ бродяжеству, въ табеляхъ выдѣляется слабо, а прелюбодѣяніе смѣшивается съ плотскими преступленіями, а потому мы и переходимъ прямо къ нимъ *).

Изъ плотскихъ преступленій по прелюбодѣянію замѣчается сильнѣйшая наклонность въ женщинахъ и, по свидѣтельству сибирскихъ цифръ, виновность ихъ (по всѣмъ родамъ преступленій) на этотъ разъ представляется самою характерною на ряду съ преступленіемъ убійства дѣтей (по прелюбодѣянію одинъ мужчина на пять женщинъ, по убійству дѣтей 1 на 19). Почти исключительно усвоенный женщинамъ (по числу ссыльныхъ), тотъ же порокъ прелюбодѣянія, по житейскому опыту, сильнѣе свидѣтельствуетъ не о невинности мужчинъ, а о той ловкости увертокъ, къ какимъ удачнѣе прибѣгаютъ послѣдніе, злоупотребляя своимъ правомъ сильнаго и счастливо пользуясь болѣе обезпеченнымъ и лучше устроеннымъ общественнымъ положеніемъ. Обвиненія, не одолѣвая сильнаго, ложатся всею тяжестью на безсильнаго, страдающаго отъ общественнаго предразсудка. По процентному отношенію наибольшая наклонность замѣчается въ военномъ сословіи (у мѣщанъ больше, чѣмъ у крестьянъ), а солдатки чаще другихъ дѣлаются жертвами обвиненія на судѣ и ссылки. Всего больше ушло виновныхъ всякаго пола и возраста (за прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе и насилованіе) изъ губерніи Пермской (въ 20 лѣтъ 80 м., 15 ж.) и изъ южныхъ: Харьковской (32—5), Полтавской (28—12) и Херсонской (21—7).

*) Также слабо и безхарактерно, временами даже не выдѣляя вовсе, объясняютъ тобольскія цифры: неплатежъ податей (въ 4 г. съ 1838 по 1842 г. 12 челов.); подлоги въ отправленіи рекрутской повинности, сильнѣе выразившіеся въ цифрахъ отдѣла табелей, озаглавленнаго «тѣлесныя поврежденія себѣ и другимъ съ намѣреніемъ избѣжать службы». Точно также въ одно время выяснилась «лживая присяга» и произвольно пропадала вслѣдъ за другими, исчезая тамъ, гдѣ этого вовсе и ожидать было нельзя. Принятіе чужой фамиліи или перемѣна имени и прозванія въ Россіи преступленіе не такъ частое, въ Сибири—дѣло обычное, съ большимъ успѣхомъ практикуемое поселенцами и каторжными. Въ однихъ нерчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ уличили и засадили таковыхъ 156 человѣкъ, да за «ложный навѣтъ» одного.

Съ меньшею или большею цифрою ссыльныхъ за плотскія преступленія являются и всѣ до одной другія русскія губерніи.

Дѣйствуя съ большою силою въ большихъ городахъ, развратъ, по разсказамъ путешественниковъ, царствуетъ на всемъ пространствѣ земного шара, существуя подъ двумя главными формами: публичнаго и тайнаго. Нѣкоторые статистики, разсматривая его въ обоихъ видахъ, пришли къ тѣмъ положительнымъ выводамъ, что цифра разврата крупнѣе между 16 и 28 годами человѣческаго возраста, что отъ 14 до 28 лѣтъ она идетъ въ возростающей прогрессіи, а съ 28 до 40—въ уменьшающейся. Съ послѣдняго термина (40 лѣтъ) прогрессія начинаетъ падать примѣчательно быстро, такъ что въ 50-ти-лѣтній возрастъ доходитъ до нуля. Замѣчено при этомъ, что развратъ, преимущественно, любитъ гнѣздиться въ семействахъ и между тѣми лицами, которыя соединены кровными узами и, по преимуществу, заражаетъ сестеръ. Чаще предается разврату дочь при матери, показывая, до какой степени развращенія доходятъ иныя семейства, гдѣ сама мать подаетъ примѣры распутства собственнымъ дѣтямъ. Особенно примѣтно это въ средѣ бѣдняковъ большихъ городовъ. Въ деревняхъ порокъ этотъ подчиняется отчасти давнему, укоренившемуся за долгое время обычаю, отчасти зависитъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Къ числу послѣднихъ относятъ стороннія вліянія, зависящія отъ причинъ географическихъ (сильнѣе развратъ въ приморскихъ мѣстахъ и городахъ отъ прилива матросовъ весною и лѣтомъ) и экономическихъ (напр., чаще паденія женщинъ совершаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ дальніе и продолжительные отхожіе промыслы). Кое-гдѣ вліяютъ на то же нѣкоторые предразсудки религіозныхъ сектъ, изъ которыхъ сильнѣе другихъ выясняются безпоповщина и хлыстовщина. Существенною же и вѣроятною причиною считается быстрое увеличеніе военнаго сословія съ продолжительными стоянками одинокихъ солдатъ въ губерніяхъ, существующихъ сторонними заработками на отхожихъ промыслахъ. Причина усилена дважды: покинутая мужемъ солдатка грѣшитъ нарушеніемъ вѣрности дома, въ то время, когда солдатъ соблазняетъ чужую жену на чужой сторонѣ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ неиспорченныхъ солдатскими стоянками мѣстахъ, гдѣ наплывъ холостой молодежи не дѣйствителенъ, противъ согрѣшившихъ существуютъ домашнія мѣры взысканія, мірской самосудъ, такъ же строгій и неуступчивый, какъ и всякій народный самосудъ на разныхъ преступниковъ. Въ Бѣлоруссіи и Малороссіи наказываютъ виновныхъ вмѣсто того и другого: на мать, отдающую дочь лишенною невинности въ замужество, надѣваютъ хомутъ и заставляютъ прыгать черезъ огонь или бѣгать по полю и лаять по собачьи; на дочь надѣваютъ бабью кику безъ обрядовъ, не въ избѣ, а въ сѣняхъ и на дворѣ; не прицѣпляютъ красной ленты на наметку, не поятъ красною водкою. Съ уличенныхъ въ прелюбодѣяніи женщинъ срываютъ платки на народѣ, простоволосятъ, т. е. позорятъ самымъ тяжкимъ оскорбленіемъ, мажутъ ворота и двери дегтемъ и проч. Евреи западныхъ губерній поступаютъ еще суровѣе. Нарушившую цѣломудріе приводятъ въ школу (синагогу), здѣсь плюютъ на нее, бросаютъ въ лицо тряпки, намоченныя нечистотами; потомъ одѣваютъ въ оборванную солдатскую шинель, въ высокій колпакъ, даютъ въ руки шестъ со рваною шапкою (магеркою) наверху, связываютъ назадъ руки и на веревкѣ водятъ по мѣстечку. Проходящіе имѣютъ право бросать тѣмъ ни попало и плевать въ лицо сколько угодно.

Къ числу укоренившихся народныхъ обычаевъ, которые, отчасти, можно считать историческими, относится, между прочимъ, обычай искать не жену сыну, а въ домъ безплатную работницу, пріобрѣтаемую единовременнымъ и необременительнымъ взносомъ калыма („выводного“). Цѣль достигается женитьбою недоростковъ на взрослыхъ, вошедшихъ въ полную силу дѣвушкахъ,—цѣль, которая и теперь не покинута во многихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ. Обычай этотъ, сверхъ того, обусловленный обыкновеніями уходить на дальніе заработки у крестьянъ и на долговременную службу у казаковъ, съумѣлъ породить новый видъ, тотъ видъ преступленія, который называется кровосмѣшеніемъ и слыветъ въ народѣ подъ именемъ „снохачества“. Отецъ, уславшій сына на службу или на работу, свекоръ, возлагающій сыновнія работы на жену его, сноху свою, на старости лѣтъ впадаетъ въ грѣхъ любовныхъ связей, включаетъ себя въ число снохачей. Когда походятъ годы и молодому работнику настоитъ надобность и возможность возврата домой (чтобы тамъ и остаться), по смерти отца онъ находитъ жену перестаркомъ, ищетъ любви на сторонѣ, грѣшитъ прелюбодѣяніемъ и, въ свое время и въ свою очередь, становится снохачемъ – типомъ людей, осмѣянныхъ во множествѣ скандальныхъ анекдотовъ, поговорокъ, загадокъ и пѣсенъ. Такими людьми примѣтно усиливается цифра тѣхъ, которые ссылаются въ Сибирь за кровосмѣшеніе. Кровосмѣшенію со снохою и со свекромъ принадлежитъ первое мѣсто; отцу съ дочерью и невѣсткѣ съ деверемъ второе; деверю съ невѣсткою и сестрѣ съ братомъ—третье; вотчиму съ падчерицею и племянницѣ съ дядею—четвертое. Остальные случаи очень рѣдки, но большая часть сопровождается насиліемъ (въ особенности кровосмѣшеніе отца съ дочерью), и только снохачест-

является формою любовной связи, закрѣпленною на обоюдномъ (менѣе принудительномъ) соглашеніи. Мужчина чаще всего попадается въ этомъ грѣхѣ въ возрастѣ отъ 50 лѣтъ и не останавливается, а еще больше грѣховодничаетъ и въ лѣта свыше 60-ти. Для жертвъ соблазна и изнасилованія ранній возрастъ женщинъ становится роковымъ, въ особенности между 20 и 30 годами *). По губерніямъ, кровосмѣсители всего больше понесли наказаніе въ Тобольской, Вятской, Пермской, землѣ Донскихъ казаковъ, Полтавской и Харьковской; изъ послѣдней, какъ изъ мѣста военныхъ поселеній, изъ первыхъ пяти, какъ такихъ, которыя преимущественно живутъ по старозавѣтнымъ обычаямъ; Тобольская, къ тому же и ссыльная, умѣющая отвѣчать на всѣ роды и виды всяческихъ преступленій. Губерніи безъ отхожихъ промысловъ, а въ особенности бѣлорусскія и сѣверныя, свободны въ этомъ отношеніи отъ всякаго упрека.

Во всякомъ случаѣ южныя губерніи по всѣмъ родамъ плотскихъ преступленій успѣли подтвердить законъ о наибольшемъ возбужденіи плотскихъ страстей въ силу климатическаго вліянія. Если же онѣ приблизились къ сѣверовосточнымъ губерніямъ, то въ силу лишь того, что губерніи эти населены исповѣдниками Магометова закона и заводскими рабочими, съ дурно обезпеченнымъ и плохо устроеннымъ семейнымъ бытомъ. Естественныя условія сравнялись съ искуственными и въ этомъ отношеніи оспариваютъ другъ у друга взаимный перевѣсъ. Кровосмѣшеніе же въ Сибири преступленіе настолько давнее, что объ немъ находимъ свидѣтельство еще въ обличительной грамотѣ патріарха Филарета, присланной сибирскому архіерею Кипріану въ 1622 году. Казаки, первые обитатели Сибири, не носили крестовъ, не хранили постовъ, жили съ кумами и сестрами своихъ женъ, находя себѣ оправданіе въ недостаткѣ женщинъ. Московская грамота, выданная Ермакову послу-атаману Кольцу, при возвратѣ его изъ Москвы, позволяла казакамъ увозить изъ городовъ женъ и дѣвицъ, и Филаретова грамота силилась воспретить подобное умыканіе дѣвицъ, существовавшее въ его время еще во всей своей силѣ. Филаретъ приказывалъ выслать эту грамоту въ Москву и считать привиллегію неумѣстною. Имъ же воспрещалось житье русскихъ съ некрещенными женами, воспрещалось совмѣстное житье монаховъ съ монахинями въ одномъ монастырѣ, воспрещалось тѣмъ и другимъ уходить изъ обителей и жить въ мірѣ, обличались воеводы, продававшіе въ замужество краденныхъ въ Россіи дѣвицъ и заставлявшіе при себѣ ихъ вѣнчать. Въ 1637 году присланы были изъ Россіи: изъ Вологды, Тотьмы, Устюга и Соль-Вычегодска 150 дѣвицъ для женитьбы казаковъ, сверхъ 500 семей, обязанныхъ поставить впослѣдствіи невѣстъ; но въ 1725 г. митрополитъ Филоѳей извѣщалъ губернскую канцелярію, что казаки, посланные за ясакомъ, вмѣсто подводчиковъ берутъ красивенькихъ остяцкихъ дѣвушекъ и дорогою ихъ насилуютъ. Впослѣдствіи узнано было, что русскіе березовцы издавна покупаютъ у остяковъ дѣтей, платя за мальчиковъ по 25 коп. мѣдью и по 20 коп. за дѣвочку. Распущенность нравовъ въ прошломъ столѣтіи была такъ же велика, какъ и въ предшествовавшемъ: воеводы и сильные люди, не исключая амурскаго героя Хабарова, отнимали чужихъ женъ и жили съ ними блудно. Мужья, измученные невѣрностью женъ, принуждены были прибѣгать къ чародѣйствамъ и знахари подслуживались имъ различными, самыми оригинальными способами привораживанья: скоблили съ избъ стружки, смѣшивали съ колесною грязью, распускали въ банной водѣ и давали пить невѣрнымъ женамъ, шептали на воскъ и на сѣру и прилѣпляли къ кресту; брали съ головы волосы, шептали на нихъ и велѣли носить при себѣ рогоносцамъ; шептали по волшебнымъ книгамъ у бѣлой березы всякіе наговоры и невѣрныхъ женъ привязывали къ этимъ березамъ; водили въ баню и кормили тамъ волшебными колобками изъ воску, печины, соли, волосъ и всякой неподходящей дряни. Сибирь продолжала устаивать на своемъ и въ 1836 году одинъ изъ губернаторовъ сибирскихъ писалъ: „Не говоря о мужикахъ, женщины и дѣвки безъ стыда ходили въ кабакъ пьянствовать“. Легкая нравственность и вольная жизнь, выражаемыя терминомъ „прелюбодѣяніе“, представляются въ женскомъ населеніи Сибири явленіемъ довольно обыкновеннымъ, причину котораго слѣдуетъ искать въ неравномѣрномъ пропорціальномъ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ, въ порчѣ, приносимой поселенцами, и въ обычаяхъ страны, практикуемыхъ съ древнихъ временъ, каковые сильнѣе всякаго закона. Въ сытой жизни не только въ мѣстахъ золотопромышленныхъ, но и во всѣхъ сибирскихъ, находятся много возбуждающихъ причинъ, какъ вызововъ тѣхъ явленій, которыя называются распутствомъ, считаются безнравственностью. У тюменскихъ сытыхъ старовѣровъ издавна пристроиваются заимки, на которыхъ они держатъ вторыхъ женъ и сами наѣзжаютъ туда для развлеченій и удовольствій, въ числѣ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ пьянству и играмъ съ бабами и дѣвицами. Въ Алтайскихъ горахъ тамошніе старовѣры извѣстны, между прочимъ, тѣмъ, что нѣтъ дома, гдѣ бы не было извѣстныхъ сибирскому люду и любезныхъ ихъ сердцу

*) Въ 9 лѣтъ общее число кровосмѣсителей равняется 61 мужч. и 48 жен. Чаще другихъ этотъ видъ преступниковъ заявлялся въ средѣ крестьянъ одинаково, но особенно сильную наклонность обнаружили бывшіе военные поселяне и казаки (донскіе). Вообще, плотскія преступленія у казаковъ являются на первомъ планѣ.

подворищъ. Бывшая слобода Кія, теперь городъ Маріинскъ, нѣкогда центръ наймовъ рабочихъ на золотые промыслы, вела торговлю крѣпкими винами, всякимъ товаромъ и различными сладкими яствами во всевозможныхъ широкихъ приспособленіяхъ. Слава ея не меньше Енисейска, гдѣ не такъ давно на встрѣчу выходившимъ изъ тайги съ золотыхъ промысловъ рабочимъ выходили мѣщане съ женами и дѣвками и съ виномъ. Отцы поили виномъ, бабы и дѣвки, славящіяся своею красотою, зазывали въ баню, въ дома; тамъ опять напаивали, обирали до нитки, возбуждали ссоры и драки и безконечныя дѣла, которыми Енисейскъ и Красноярскъ издавна весьма славятся. Про города эти сложились въ народѣ такія поговорки, которыя не годятся для печати. Бойкія, рослыя, видныя бабы семейскія за Байкаломъ сильно попиваютъ и скоромничаютъ въ разговорахъ и въ средѣ тамошняго населенія нравственностью своею не славятся, въ соотвѣтствіе тѣмъ единовѣрцамъ своимъ, которыми переполнена губ. Тобольская. Тамъ издавна весь отвѣтъ потерявшей невинность дѣвушки состоитъ въ томъ, чтобы придти и пасть въ ноги родителямъ: „Простите, я въ упаденье пала", и подвергнуться за это эпитиміи. У семейскихъ за Байкаломъ существуютъ на святкахъ кладки—родъ свальнаго грѣха. Своды разрѣшаются просто: баба бросаетъ кику подъ лавку и объявляетъ, что она дѣвка. Сводные браки тамъ не удержались долго именно по тому, что давали просторъ бабамъ уходить къ другому и отвѣчать начальству, что не были вѣнчаны. Тамъ, по этому случаю, даже самые ярые старовѣры стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, чтобы закрѣпить за собою жену и не плакаться потомъ надъ потеряннымъ калымомъ. Такъ, подъ вліяніемъ такихъ неблагопріятныхъ супружеской жизни бытовыхъ основъ, странникъ и скиталецъ тюменскій, посадскій человѣкъ Михаилъ Васильевичъ Девятинъ, во второй половинѣ прошлаго вѣка, съумѣлъ организовать особый толкъ, названный по его имени девятинскимъ. Толкъ этотъ немноголюденъ, но, тѣмъ не менѣе, придерживаются его и въ Тюмени, и въ деревняхъ: Першиной, Межборной, Галевой и Сунгуровой. Девятинъ объявился на всегда холостымъ для спасенія души на старости лѣтъ и поселился въ скитѣ въ лѣсу близь деревни Черепановой (Тебяницкой вол. Курганскаго округа). Деревня эта при ревизіи уничтожена была по случаю непріятностей, наносимыхъ каторжными казеннаго Боровлянскаго виннаго завода. Здѣсь Девятинъ перекрестилъ себя яко бы по примѣру равноапостольной Ѳеклы, препод. Ѳеофана, Дросиды (дщери царя Траяна) и друг. День и ночь онъ читалъ книги, молился и тѣмъ привлекъ поклонниковъ и подражателей, поселившихся около него скитами. Девятинъ ихъ перекрестилъ. Ему наслѣдовалъ крестьянинъ Вас. Матв. Гусевъ (онъ же Садковъ), переселившійся за пустынное озеро, гдѣ былъ потомъ стеклянный заводъ Бархатовыхъ, тоже въ Тебяницкомъ бору (ум. 1805). Девятинцы вѣрили въ то, что ежеминутно надо ожидать второго пришествія, а потому для браковъ прошло время. Свѣнчанную жену считаютъ за блудницу и потому свѣнчанные ихъ толка всегда подъ эпитиміею. Мужу не дозволяется сходиться съ женою,—и этимъ крутымъ воспрещеніемъ секта достигла противоположныхъ результатовъ — разврать усилился, хотя въ согласъ и поступали больше старики. Къ своей женѣ мужъ могъ ходить не иначе, какъ черезъ окно, въ темную пору. Старики смотрятъ на это сквозь пальцы, пока нѣтъ во чревѣ; тогда на обоихъ возлагается строгая эпитимія. Сосѣди заподозрѣваютъ ихъ даже въ кровосмѣшеніи по завѣту: „подобаетъ дѣлателю отъ плода своего вкусити" и ведутъ сплетню о правѣ сожительства въ ихъ толкѣ отца съ дочерью, брата съ сестрою. Но и на этотъ разъ, какъ и во всѣ прочіе по вопросу о сектаторахъ, отдѣльные частные случаи ничего не доказываютъ.

Своды или сводные браки у старовѣровъ понимаются различно: одни бракъ въ православной церкви признаютъ въ гражданскомъ, другіе въ церковномъ смыслѣ и непремѣнно вѣнчаются, чтобы жена не сбѣжала. Свѣнчавшихся въ церкви одни исправляютъ: налагаютъ эпитимію, иногда очень значительную (нѣсколько лѣстовокъ, т. е. нѣсколько разъ по сту поклоновъ; отлученіе въ молитвѣ, въ пищѣ); другіе не полагаютъ и того. Вѣнчаются и съ подписками и безъ подъ подписокъ; вѣнчаются и сводятся съ православными, бываетъ и наоборотъ. Когда усилились сводные браки, одни позволили признать ихъ законными, какъ Родіоновщина тюменская, другіе продолжали вѣнчаться въ церквахъ, разумѣется предпочитая православнымъ церквамъ единовѣрческія, гдѣ все-таки водятъ по солонь. Поддерковники (поповцы) вѣнчаются въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, но потомъ ихъ исправляютъ. Теперь свои выборные обществомъ старикъ или старуха (но не наставники, которые ни вѣнчаютъ, ни крестятъ) прочитываютъ чинъ вѣнчанія. Прежде это дѣлали бѣглые попы въ Екатеринбургѣ въ Полетиковой или Рязановской часовнѣ съ наложеніемъ эпитиміи, куда сибиряки нарочно ѣздили. Появленіе сводныхъ браковъ усилилось съ того времени, какъ умеръ (въ 1835 г.) послѣдній попъ ихъ Никола (бѣжавшій въ 1812 году изъ имѣнія Куракина, а потому Куракинскій). До того времени отпѣвали покойныхъ по канону за единоумершаго, совершали вечерни, повечерницы, полуночницы, утрени и часы, разъѣзжая по округу, бѣглые

попы изъ Пензенской эпархіи Иванъ Грузинскій, Парамонъ Лебедевъ, Петръ Андреевъ и самозванные попы изъ крестьянъ: Аристархъ, Гаврило, Максимъ и болѣе другихъ извѣстный Никола Куракинскій (Парамонъ, во время гоненій, присталъ къ единовѣрію въ 1838 году и поступилъ въ единовѣрческій екатеринбургскій приходъ; другіе всѣ, кромѣ Николы, бѣжали на Иргизъ и Керженецъ).

Среди заводскаго населенія, въ особенности организовавшагося изъ ссыльнаго люда, нравственность глубоко потрясена. Тамъ оправдываютъ развратъ, какъ промыселъ, вынужденный безвыходною нуждою, и признаютъ за нимъ право, оправданное и отвоеванное цѣлымъ столѣтіемъ. Гмелинъ нашелъ въ Дауріи сифилисъ въ застарѣлыхъ формахъ до elephanthiasis'а (слоновой проказы) въ то время, когда о сифилисѣ въ Россіи не имѣли еще никакого понятія. Распутство въ нерчинскихъ заводахъ весьма распространено, почти открытое, и къ тому же нерѣдко весьма раннее. Здѣшнія дѣвицы легко относятся къ своей невинности, зная, что дѣвичьи роды здѣсь грѣхомъ не почитаются, а женихи смотрятъ болѣе на образованіе: рукодѣльна ли, трудолюбива ли и можетъ ли вести хозяйство. Употребленіе вина дѣвушками и женщинами, обычное по цѣлой Сибири, на ссыльныхъ мѣстахъ Забайкалья кончается только по географическимъ причинамъ. Сифилисъ страшно распространенъ между заводскимъ народомъ, поэтому знахарямъ и знахаркамъ и ламамъ бурятскимъ работы много, на сулему и киноварь—расходъ большой: сулему пьютъ въ винѣ, киноварь курятъ съ табакомъ въ трубкахъ.

Произведшіе растлѣніе и насилованье, смѣшиваясь на самомъ дѣлѣ съ виновными въ соблазнительномъ и развратномъ поведеніи и съ преступными въ кровосмѣшеніи, въ тобольскихъ табеляхъ временами усчитывались отдѣльно, но, къ несчастью, и на этотъ разъ спутаны съ тѣми, которые способствовали преступленію. Разсматривая ихъ отдѣльно, нельзя не видѣть, что съ насиліемъ преимущественно пускались въ плотскую любовь люди военнаго званія, съ тою привиллегіею передъ всѣми ссыльными этого вида, что плотскія насилія военныхъ людей отличаются самою большою пропорціею и уступаютъ только виновности ихъ въ убійствахъ. Въ этомъ преступленіи особенно также отличается дворянство. У мѣщанъ наклонность къ насилію и растлѣнію сильнѣе, чѣмъ у крестьянъ, но у послѣднихъ, сравнительно съ первыми, живѣе порывы къ кровосмѣшенію и противоестественному удовлетворенію страстей (мужеложству и скотоложству). Большое число ссыльныхъ по обоимъ видамъ дали тѣ же губерніи: Харьковская, тогда богатая военными поселянами, Полтавская, противопоставившая племенное свойство цѣломудрія нападеніямъ солдатъ, и неизмѣнныя Пермская съ Тобольскою, умѣющія путаться во всякомъ преступномъ грѣхѣ, и гдѣ изнасилованіе готовы производить и холостые заводскіе работники, и истосковавшіеся бродяги и обрекаемые на монастырское цѣломудріе поселенцы.

Общее число сосланныхъ за противоестественное удовлетвореніе страстей, и именно за тотъ видъ этихъ преступленій, который носитъ названіе скотоложства, въ 9 лѣтъ равнялось 50 мужч. Большее число выслали губерніи Пермская и Вятская; изъ нихъ въ одной (Вятской) это преступленіе находитъ оправданіе въ стародавнемъ суевѣрномъ обычаѣ лечиться отъ лихорадки, когда истощены всѣ вѣдомыя и симпатическія и самыя ѣдкія средства, недѣйствительность которыхъ вызываетъ, такимъ образомъ, послѣднее и самое отчаянное, обѣщающее ссылку. Подъ вліяніемъ послѣдней, преступленіе не исчезаетъ и на каторгѣ, очень бѣдной женщинами, и является въ присылаемыхъ на исправленіе субъектахъ такимъ родомъ преступныхъ дѣяній, который всего чаще усвоивается пастухами, бѣглыми, не помнящими родства, и на довольно значительную часть заявляется на каторгѣ дураками-баженииками, т. е. идіотами. Въ этихъ людяхъ, обездоленныхъ нравственными чувствами, съ извращенными вкусами по физіологическому уродству организма, преступность отразилась съ очевидностью, рѣзко бросающеюся въ глаза на мѣстахъ ссылки. Тобольская губ. и самый городъ Тобольскъ выдѣляются по этому роду преступленій впереди всѣхъ другихъ. Причина очевидна въ примѣтномъ недостаткѣ женщинъ; однако же, по дѣламъ приказа было видно, что вообще число обвиняемыхъ въ скотоложствѣ годъ отъ году уменьшалось.

Мужеложству принадлежитъ самая меньшая цифра: въ 9 лѣтъ только четыре случая выпали на долю государственныхъ крестьянъ Россіи. Въ Сибири, въ каторжныхъ тюрьмахъ, это матросское преступленіе сдѣлалось исключительно арестантскимъ. Здѣсь педерастія, надежно пристроившись по вызову кое-какихъ покровительствующихъ причинъ, по свидѣтельству врачей, обнаруживаетъ несомнѣнные и очевидные признаки, при осмотрѣ зараженныхъ сифилитическою болѣзнью. Въ нерчинскихъ тюрьмахъ зачастую находили первичныя язвы не тамъ, гдѣ показано, а circa anum или же in recto.

На сколько незначительна общая сумма сосланныхъ за плотскія преступленія сравнительно съ общимъ числомъ наказанныхъ Сибирью, на столько велика другая цифра ссыльныхъ, которыхъ приказъ силился названіемъ приравнять къ этимъ и называлъ иногда ссыльными за развратное, иногда только за дурное поведеніе или за дерзкіе поступки. Въ самомъ же дѣлѣ

это—люди, удаленные на житье въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, по ихъ просьбамъ, съ темнымъ и неопредѣленнымъ обозначеніемъ ихъ преступности. Все это — жертвы умершаго въ наши дни произвола и особый разрядъ ссыльныхъ, сосланныхъ не по суду, а по административнымъ распоряженіямъ (объ немъ послѣ). Ни о какой особенной развращенности нравовъ эти жертвы не свидѣтельствуютъ и мѣриломъ для объясненія нравственнаго уровня владѣльческихъ крестьянъ служить онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Временное возростаніе или уменьшеніе цифръ по годамъ зависитъ отъ измѣненія различныхъ постановленій: правилами 1827 г. не велѣно ссылать дряхлыхъ, увѣчныхъ, женъ безъ мужей и мужей безъ женъ и вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми (мужескаго пола до 5-ти, женскаго до 10-ти лѣтъ), не ссылать людей старше 50 лѣтъ. Съ 1829 г. установлена правильная ссылка мѣщанъ и казенныхъ поселянъ по приговорамъ обществъ, а чрезъ два года запрещено женамъ государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ слѣдовать за мужьями. Иногда цифры доказываютъ, что злоупотребленіямъ силою и властью, по временамъ, полагались предѣлы и произволъ сдерживался въ границахъ возможнаго приличія законными постановленіями. Такъ, напр. (указомъ 8 января 1827 г.), увеличилась сибирская цифра оттого, что дозволено слѣдовать за мужьями женамъ людей, ссылаемыхъ на поселеніе по просьбамъ помѣщиковъ. Увеличилась цифра сосланныхъ изъ недовольныхъ тѣми способами приспособленія крѣпостнаго труда, какіе вздумали примѣнять владѣльцы въ черноземныхъ губерніяхъ, заводившіе заводы и фабрики. Въ Пензенской губ. возмутились всѣ мастеровые Сильвинскаго завода, купца Манухина, въ Тамбовской мастеровые Виндреевскаго завода г-жи Очкиной. Въ 1827 г. (сенатскимъ указомъ 28 іюня), по вызову этихъ случаевъ, на просьбу Манухина зачинщиковъ сослать въ Сибирь, дано позволеніе горнымъ заводчикамъ посылать на поселеніе ихъ заводскихъ людей за дурное поведеніе, безъ зачета за рекрутъ. Случай, вызвавшій это постановленіе, разсказанъ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“ въ такомъ видѣ: помѣщикъ Ряжскаго уѣзда, ротмистръ Батуринъ, привлекалъ жену своего двороваго Трофимова къ прелюбодѣянію и, по несогласію ея, дѣлалъ обоимъ наказанія и притѣсненія, разлучалъ въ разныя мѣста и, наконецъ, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли, предложилъ отправить его въ Сибирь за дурное поведеніе (жену же оставить на усадьбѣ). Жена объявила, что не желаетъ разстаться съ мужемъ.

Въ виду этой разницы понятій о развратномъ и дурномъ поведеніи и подъ защитою стариннаго права (juis primae noctis), объявившагося у насъ изъ подражанія и въ западномъ краѣ практикованнаго въ числѣ прочихъ пріемовъ Польши (остававшейся, по крѣпостнымъ понятіямъ, средневѣковою до нашихъ дней), мы считаемъ излишнимъ входить въ подробности старыхъ грѣховъ и вспоминаемъ о немъ теперь по поводу учета людей, заселявшихъ Сибирь не по доброй волѣ. Воля и произволъ помѣщиковъ успѣли выслать въ Сибирь 6.886 поселенцевъ только въ 20 лѣтъ и съ тою особенностью на практикѣ, что приговоры частныхъ людей были не милостивѣе и не снисходительнѣе приговоровъ мірскихъ обществъ *). При этомъ помѣщичій произволъ готовнѣе раздѣлывался и разлучался съ дворовыми, чѣмъ съ оброчными крестьянами; охотливѣе прогоняли отъ себя владѣльцы уральскихъ и другихъ заводовъ своихъ рабочихъ, и затѣмъ мѣщанскія общества порочныхъ людей своего сословія. Солдатъ оказалось меньше, потому что для нихъ существуютъ дисциплинарныя мѣры взысканій, но изъ духовенства выслано въ Сибирь на житье больше, чѣмъ изъ купечества. При этомъ замѣчательно, что съ расширеніемъ полицейскихъ правъ различныхъ обществъ и съ усиленьемъ значенія помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми, невыгоды status in statu не замедлили возрости прогрессивно. Помѣщичья власть поспѣшила сослать вдвое противъ прежняго. Въ пять лѣтъ, предшествовавшихъ 1836 году, сослано по волѣ помѣщиковъ 882 чел., а въ слѣдующее пятилѣтіе (съ 1837 по 1841 гг. уже 1.980, но затѣмъ въ пятилѣтіе съ 1842 по 1846 г. сослано 2.775 чел. Сталось такимъ образомъ то, что за возмущеніе сослано всего больше крестьянъ и при этомъ наибольшая пропорція замѣчается у крестьянъ владѣльческихъ. Высшимъ процентомъ ссыльныхъ за дурное поведеніе отличаются дворовые (за ними заводскіе, фабричные и мѣщане). Въ числѣ губерній съ наибольшимъ процентомъ высланныхъ за дурное поведеніе стоятъ обѣ столичныя и чрезвычайно характерно выдѣляются остзейскія, стоитъ на первомъ мѣстѣ именно Эстляндская. Сибирскія цифры людей, сосланныхъ за порочное поведеніе, указываютъ на большую силу произвола, не сдержаннаго правильною регла-

*) Между крестьянами больше доставалось женщинамъ и количество сосланныхъ образуетъ перевѣсъ въ эту сторону. Между государственными крестьянами наибольшій процентъ сосланныхъ за порочное поведеніе принадлежитъ магометанамъ (татарамъ и башкирамъ). Ушло много грузинъ, черемисъ и мордвы. Чуваши и вотяки всего чаще высказывались непослушаніемъ и неповиновеніемъ властямъ. Развратное же поведеніе можно считать преимущественно инородческимъ, самое большое число сосланныхъ ушло за него (кромѣ киргизовъ — грабителей, да татары особенно любятъ бѣгать изъ ссылки и изъ-подъ стражи). Мѣстныя начальства и мірскія общества, дѣйствуя вдвоемъ при руководствѣ разнородными требованіями, выслали 6.129, помѣщики—6.886.

ментаціею и разнузданнаго потворствомъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: изъ остзейскихъ губерній—въ Эстляндской, въ обѣихъ столичныхъ и въ двухъ восточныхъ заводскихъ (Пермской и Вятской). Внутреннія губерніи встали въ соперничество съ этими, какъ преимущественно сосредоточившія въ себѣ крѣпостное населеніе и притомъ выяснились такъ, что Московская, напр., уступаетъ въ процентномъ отношеніи первенство свое баронской Эстляндской губерніи. Бѣлоруссъ, по отношенію къ подобнаго рода ссылкѣ, счастливѣе всѣхъ другихъ и даже малоросса, также счастливо ускользавшаго отъ высылки въ Сибирь. Рабочая сила ихъ оказалась цѣннѣе въ глазахъ владѣльцевъ, сильнѣе и энергичнѣе вводившихъ на своихъ земляхъ плантаторское и раціональное хозяйства. Изъ пяти бѣлорусскихъ и 6 малороссійскихъ угнали въ Сибирь всего 415 человѣкъ, тогда какъ въ тѣ же 20 лѣтъ одна Московская потеряла 627, Орловская 485, Рязанская 512, Тамбовская 452, Тульская 531, Пензенская 354, Нижегородская 367 и проч.

Сибирская цифра не можетъ служить мѣриломъ нравственности еще и потому, что во власти помѣщиковъ оставалось право отдачи неугодныхъ людей въ солдаты съ зачетомъ за рекрута во всякое время, и правомъ этимъ, какъ памятно всѣмъ, они пользовались съ замѣтною охотою. Это—одна изъ причинъ, почему, между прочимъ, сибирская цифра (въ процентныхъ отношеніяхъ) получила склоненіе на сторону сосланныхъ на житье женщинъ. На ослабленіе точной цифры дѣйствовали также, въ сильнѣйшей степени, самовольные побѣги въ разное время и въ разныя мѣста, каковыми на памятное намъ всѣмъ время, на правахъ Америки для Европы, считались у крестьянъ и дворовыхъ южныя степи, гдѣ городъ Одесса получилъ значеніе Нью-Іорка, Херсонъ уподобился Чикаго. Крѣпостное право было одною изъ причинъ бродяжества и бродяжество предотвращалось тѣмъ преступленіемъ, которое носитъ въ тобольскихъ табеляхъ названіе „возмущенія и неповиновенія помѣщикамъ“.

Неповиновеніе помѣщикамъ въ абсолютной цифрѣ выразилось слабѣе возмущеній противъ власти, но съ тою особенностью, что число неповиновавшихся женщинъ слишкомъ въ 3 раза меньше числа возстававшихъ противъ властей мужчинъ. Годовыя цифры показываютъ, что тамъ, гдѣ неповиновеніе помѣщикамъ обнаруживалось массами, участье женщинъ почти равносильно участью мужчинъ. Въ одномъ 1846 году всѣхъ случаевъ возмущеній насчитываютъ до 27-ми, но тобольскій приказъ не выдѣлилъ ихъ и, смѣшавъ съ неповиновавшимися установленнымъ властямъ, отнялъ возможность идти къ опредѣленнымъ выводамъ. Изъ другихъ годовъ крупнѣе выдаются 1837 и 1845. Въ 1837 г. много выслано изъ Пермской и Оренбургской губерній, гдѣ въ это время существовали столь извѣстные башкирскіе бунты; въ 1845 и слѣдующемъ крупныя цифры по преступленіямъ противъ порядка управленія—въ губерніяхъ Пермской и Оренбургской между заводскими крестьянами. Выводовъ можно сдѣлать немного. Крупные крестьянскіе бунты бывали явленіемъ періодическимъ; въ памяти народной смуты эти сохранились подъ общемъ именемъ „дубинщины“.

Крестьяне сильнѣе другихъ сказались также въ преступленіи, называемомъ членовредительствомъ, сдѣлавшимся равно обязательнымъ для всѣхъ сословій, подлежащихъ рекрутской повинности. Владѣльческіе крестьяне превосходятъ въ этомъ всѣ другія сословія снова въ силу того же обстоятельства, что назначеніе въ рекрута основано было на произволѣ владѣльцевъ, такъ какъ для мѣщанъ и крестьянъ государственныхъ такое назначеніе подчинялось болѣе строгимъ законнымъ уставамъ *). Все число сосланныхъ за поврежденіе членовъ въ 20 лѣтъ равняется 854 человѣкамъ. Въ тѣхъ сословіяхъ, гдѣ оно вызывалось рекрутскою повинностью, преступленіе не выразилось ни однимъ случаемъ ни въ служиломъ, ни въ вольномъ дворянствѣ, ни въ духовенствѣ и купеческомъ сословіи, ни въ шляхетствѣ, ни у военныхъ поселянъ и только по одному случаю во всѣ 12 лѣтъ высказалось въ сословіи однодворцевъ и у казаковъ, отбывающихъ эту повинность по народному и политическому принципу.

Въ средѣ самихъ господъ, дворянъ служащихъ и неслужащихъ, и въ средѣ чиновниковъ, сильнѣе обнаружились преступленія по службѣ, побѣги за границу, лихоимство; при этомъ нѣкоторыя, какъ преступленія государственныя (возмущеніе и неповиновеніе законной власти, подцѣлка документовъ), отличаются наивысшимъ процентомъ сравнительно съ другими сословіями. Преступленія по службѣ составляютъ исключительную особенность крестьянскихъ владѣльцевъ, представителей привиллегированныхъ и счастливыхъ классовъ. По нѣкоторымъ родамъ, какъ, напримѣръ, по наклонности къ убійству родителей, дворяне отличаются больше и при этомъ у дворянокъ она сильнѣе не только всѣхъ женщинъ, но и мужчинъ всѣхъ сословій (исключая одного—нѣкогда дворянскаго, а теперь однодворческаго). Сосланные за изнасилованіе со-

*) По числу преступниковъ за 12 лѣтъ въ такомъ порядкѣ: мѣщанъ 20 (въ этомъ числѣ евреевъ только 2); государственныхъ крестьянъ 108; помѣщичьихъ крестьянъ 419 мужч.; военныхъ 22 м.; дворовыхъ (за 9 лѣтъ)—13 чел. Преимущественно же часто поврежденіе членовъ у заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ. Временами появлялась отдѣльная графа сосланныхъ за подлоги въ отправленіи рекрутской повинности, но эта цифра малозначительна.

перничаютъ процентомъ только съ военнымъ сословіемъ. Если государственныя преступленія не особенно часты, то поддѣлка документовъ—самое частое преступленіе, наравнѣ съ преступленіями по службѣ. Послѣдній родъ, вмѣстѣ съ кляузничествомъ, сильнѣе высказался на сибирской цифрѣ у чиновниковъ. Для нихъ же имѣлись въ тобольскихъ табеляхъ особыя графы: „похищеніе актовъ изъ присутственныхъ мѣстъ, составленіе подложныхъ грамать и указовъ, распространеніе вредныхъ слуховъ и составленіе пасквилей“. Каждый видъ этихъ преступленій, по своей исключительности, давалъ по небольшему числу жертвъ, которыя потомъ сочли за нужное смѣшать въ общей цифрѣ преступленій по службѣ.

Останавливаясь на послѣднихъ, не разобранныхъ нами преступленіяхъ, и на этотъ разъ собственно дворянскихъ, мы видимъ, между прочимъ, что за ябеды, доносы и лживые поступки сослано всего въ 20 лѣтъ 358 чел. (327 м., 31 ж.), за растрату казеннаго имущества 157 и за побѣги за границу 184 (174 м., 10 ж.) и за государственныя преступленія (по первымъ двумъ пунктамъ) 443 (439 м., 4 ж.). За побѣги за границу всего больше ушло изъ губерній пограничныхъ: Бессарабской (39 м.), Волынской (29 м., 4 ж.), Виленской (17 м., 3 ж.), Оренбургской (15 м., 1 ж.), Подольской (14 м.). Ябедничествомъ и доносами всего больше отличается дворянство служащее и участь этого обвиненія раздѣляетъ только съ мѣщанами. Наибольшее число за эти роды преступныхъ дѣйствій изъ губерній: Оренбургской (30 м., 1 ж.), Владимирской (19 м., 5 ж.), Тульской (16 м., 1 ж.), Казанской (16 м.), Пензенской (12 м., 3 ж.), Новгородской (11 м., 1 ж.), Тверской и Вятской (по 11-ти). Сравнительно слабое по отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, мало распространенное и безсильное для Россіи, оно является съ замѣчательно серьезнымъ значеніемъ для Сибири, какъ страны, которая съ самыхъ давнихъ временъ считается страною кляузъ и подьяческаго ябедничества, а со временъ Екатерины, какъ извѣстно, находилась подъ запрещеніемъ и сильнымъ подозрѣніемъ, въ силу котораго нѣкоторое время не принимались отъ сибиряковъ просьбы. Безчисленныя, разнообразныя и самыя тяжелыя притѣсненія отъ тогдашнихъ властей, пользовавшихся удаленіемъ края отъ высшихъ властей: Пестели, Трескины, Кохи, Чичерины, Нѣмцевы, Нарышкины, Милекины и множество другихъ, имъ же имя легіонъ, выродили эту особенную черту въ сибирякахъ, какъ послѣдовательное явленіе отъ встрѣчи достатка, съ одной стороны, и алчности, съ другой. Въ ссыльныхъ грамотныхъ приказныхъ Сибирь умѣла находить пособниковъ въ старыя времена и не мало тяготится теперь сама отъ поселенія этихъ кляузниковъ преимущественно въ городахъ. Какая-то непосѣдливая и неугомонная докучливость въ сношеніяхъ съ начальствомъ и людьми одинаковаго воспитанія, но свободными, является характерною чертою этихъ людей. Съ одной стороны, черта эта представляется сходною съ тою, которая извѣстна у потерянныхъ, испившихся московскихъ подьячихъ, пристающихъ къ прохожимъ за милостынею и нерѣдко вызывающихъ на обиду, чтобы получить срывку за безчестіе. Съ другой стороны, въ этой чертѣ характера видна та неумѣлость и неспособность примириться съ несчастьемъ, которая такъ сильна въ ссыльныхъ изъ простого люда. Въ несчастныхъ чиновникахъ ссылка умѣетъ обнажить недостатки воспитанія и отсутствіе прочныхъ честныхъ правилъ во всей ужасной наготѣ. Чиновники въ ссылкѣ дѣйствительно становятся несносными, безпокойными людьми и не возбуждаютъ никакого уваженія, не пользуются у туземцевъ ни малѣйшимъ сочувствіемъ. У горнаго начальства ссыльные изъ дворянъ далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ, да и сами того не заслуживали. Близко стоявшій къ нимъ и знавшій ихъ свидѣтельствуетъ, что худшіе изъ нихъ дѣлались еще большими негодяями. Не пріученные воспитаніемъ ни къ какому труду, всѣми способами они старались избавиться отъ работы, употребляли всевозможныя усилія попасть въ лакеи, въ разсыльные при канцеляріяхъ и полиціи. Подлое угодничество являлось въ ихъ быту самою яркою чертою характера. Оставаясь въ средѣ простаковъ, эти люди подстрекали довѣрчивыхъ людей на разныя мерзости, обыгрывали въ карты и т. д. Они казались или очень жалкими или возбуждали къ себѣ презрѣніе. Доносы этихъ людей заставляли начальство не одинъ десятокъ разъ пристрожить содержаніемъ другихъ товарищей, ни въ чемъ неповинныхъ. Между тѣмъ, съ ними старались поступать, по возможности, человѣколюбиво и обращались, вообще, хорошо. Ихъ почти никогда не посылали на работу и если не было особаго предписанія, то даже не содержали и въ тюрьмахъ, а помѣщали на гауптвахтахъ, позволяли заниматься обученіемъ дѣтей и разными ремеслами. Сосланные, хотя и за важныя преступленія, но не кладущія пятна на человѣческую честь, положительно не употреблялись ни въ какую черную работу. Не измышляя никакой своей работы, ссыльные изъ чиновниковъ и дворянъ все время предавались безпредѣльному пьянству, обыкновенно одной изъ застарѣлыхъ привычекъ и причинъ ихъ ссылки. Пьянство рѣдко не имѣло формы запоевъ и положительно всегда вело къ нервному разстройству, которое характеризировалось или неугомоннымъ безпокойствомъ или, въ нерѣдкихъ случаяхъ, покушеніями на самоубійство. Въ тобольскомъ острогѣ, на пути въ Нерчинскъ, въ

какихъ нибудь три-пять недѣль отдыха, они успѣваютъ обнаружить самую богатую и разнообразную серію всевозможныхъ пороковъ. Передъ ними черный народъ—люди высокой нравственности. Порча послѣднихъ сомнительна, испорченность первыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ тобольскомъ острогѣ, въ 1853 году, караульный офицеръ Путьковскій отпустилъ одного чиновника въ городъ, а когда тотъ не во время вернулся въ замокъ — всыпалъ ему 300 ударовъ розгами. Чиновникъ не жаловался, но когда дошло объ этомъ до начальства, то оно имѣло несчастье узнать, что таковъ былъ взаимный уговоръ. Въ тѣхъ камерахъ, гдѣ сидѣли два товарища изъ ссыльныхъ чиновниковъ, ссоры и драки являются неизбѣжными, обыкновенными. Разсказами объ нихъ испещрена лѣтопись происшествій въ острогахъ и разбирательствомъ подобныхъ домашнихъ дѣлъ занята большая часть времени смотрителей. Хотя Сибирь не представляется теперь страною особенныхъ неурядицъ, вызывающихъ жалобы, но не такъ давно могла указать на такіе пункты, гдѣ ябедничество наиболѣе рѣзко выдавалось. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія славился этимъ Иркутскъ, но къ серединѣ столѣтія губернаторъ Трескинъ ослабилъ эту страсть высылкою безпокойныхъ подъячихъ въ Якутскъ. За то съ 40-хъ годовъ и едва ли не до сего дня стала рѣзко бросаться въ глаза эта городская и чиновничья страсть въ этомъ городѣ. Здѣсь эта страсть къ ябедамъ и жалобамъ съумѣла перейти отъ сосланныхъ къ русскимъ туземцамъ и заразить даже якутовъ. Хитрый, коварный, мстительный, но даровитый и переимчивый народъ якутскій сталъ, отъ благопріобрѣтенныхъ наслѣдствъ, докучливымъ въ ябедахъ и кляузахъ до крайней степени невозможности. То же явленіе заразы, вызванное тѣми же самыми причинами, сильно обнаружилось въ Тобольскѣ, такъ что за Сибирью, въ сравненіи съ ея метрополіею, ябедничество и кляузничество остаются какъ однѣ изъ характерныхъ чертъ, проявляются и теперь примѣтно чаще и значительно рѣзче. Это даже какъ будто родъ какой-то болѣзни.

ГЛАВА XIII.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ.

Валовое число ссыльныхъ.—Распредѣленіе ихъ по родамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ.—Наиболѣе преступныя сословія.—Слабая преступность владѣльческихъ крестьянъ.—Распредѣленіе ссыльныхъ по наиболѣе обобщеннымъ категоріямъ преступленій. — Роды преступленій, сильнѣе господствующіе въ сословіяхъ.—Преступность инородцевъ, населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, башкиры и инородцы финскаго племени. — Преступленія евреевъ и евреекъ.—Безгрѣховность мусульманокъ. — Преступленія нѣмцевъ и вообще лютеранъ. — Католики.—Православные.

Постараемся подвести къ предыдущимъ наблюденіямъ слѣдующіе краткіе и заключительные итоги.

Въ теченіи тридцати восьми лѣтъ (съ 1823 по 1861) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоего пола лицъ 289.514, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая пришедшихъ по волѣ женъ и дѣтей. Послѣднихъ (за мужьями женъ и дѣтей и за матерями дѣтей) за все это время ушло въ Сибирь 23.764 лица обоего пола. Въ этомъ числѣ сослано въ каторжныя работы 39.601 мужч. и 4.330 женщ. и на поселеніе 207.604 мужч. и 37,979 женщ. Принимая въ соображеніе однихъ ссыльныхъ, мы увидимъ, что ежегодно среднимъ числомъ ссылалось по 7.618 человѣкъ; распредѣляя же ссылку по обоимъ способамъ ея, ясно опредѣляется то обстоятельство, что число сосланныхъ по суду уступаетъ числу сосланныхъ административнымъ порядкомъ; при чемъ волѣ помѣщиковъ принадлежитъ наиболѣе видное мѣсто.

Главную массу ссыльныхъ, по абсолютному количеству, составляютъ бродяги и бѣглые (т. е. бѣжавшіе съ каторги, мѣстъ поселенія, отъ военной службы, отъ помѣщичьей власти) и выключенные за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ. За ними слѣдуютъ владѣльческіе крестьяне съ дворовыми людьми; затѣмъ государственные, удѣльные и другіе казенные крестьяне; потомъ нижніе воинскіе чины всѣхъ вѣдомствъ, мѣщане, отставные и неслужащіе; духовные: духовенства бѣлаго и монахи; дворяне обоихъ видовъ службы (военной и гражданской); шляхтичи и именовавшіе себя таковыми, купцы, люди всѣхъ другихъ свободныхъ состояній и—наконецъ, иностранцы.

Для доказательства возьмемъ общую сложность 19-ти извѣстныхъ намъ лѣтъ съ 1838 по 1848 и съ 1852 по 1861.

	мужчинъ	женщ.
Изъ бродягъ и бѣглыхъ . . .	29.333	6.181
„ выключенныхъ за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ .	19.203	1.594

		муж.	женщ.
Изъ	владѣльческихъ крестьянъ и дворовыхъ людей	18.320	5.017
„	государственныхъ, удѣльныхъ и вообще казенныхъ крестьянъ	16.582	3.406
„	нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ вѣдомствъ (унтеръ-офицеровъ, солдатъ, казаковъ, военныхъ поселянъ)	5.214	877
„	мѣщанъ	3.679	559
„	отставныхъ и неслужащихъ	784	108
„	духовенства бѣлаго и монаховъ	523	35
„	дворянъ военной и гражданской службы	333	—
„	шляхтичей и именовавшихся таковыми	187	56
„	людей свободныхъ состояній	167	48
„	купцовъ	151	8
„	иностранцевъ	89	5

Распредѣляя ссыльныхъ по поламъ, мы увидимъ, что число мужчинъ равняется за всѣ извѣстныя намъ 38 лѣтъ 247.205, а число женщинъ 42.309, т. е. въ массѣ ссыльныхъ женщины составляютъ около шестой части сосланныхъ мужчинъ. Женщины, по наклонности къ различнымъ видамъ преступныхъ дѣяній, опредѣляемой сравнительнымъ процентнымъ отношеніемъ, являются впереди мужчинъ по убійству дѣтей и по плотскимъ преступленіямъ. Первое—почти исключительно женское преступленіе. Убійство мужей представляетъ также особенно опредѣлившуюся наклонность въ женской половинѣ ссыльнаго люда, наравнѣ съ поджогами. Послѣдніе точно также слѣдуетъ считать преимущественно женскимъ преступленіемъ. При слабой виновности въ убійствахъ вообще и въ остальныхъ преступленіяхъ, собственно мужскихъ, преступность женщинъ становится виднѣе между убійцами помѣщиковъ и родственниковъ при извѣстной облегченности сношеній и поводовъ и въ виду значительной стѣсненной общественной дѣятельности и при перевѣсѣ исключительно замкнутой домашней и семейной жизни. Потому-то виновность женщины и сильнѣе въ преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ, чѣмъ общественныхъ.

Разсматривая преступленія по возрастамъ, мы замѣчаемъ, что наибольшая преступность развита въ возрастъ наиболѣе ранній. Большая часть тяжкихъ преступленій совершается до 40 лѣтъ; причемъ ранніе возрасты (отъ 10 до 15 лѣтъ) выясняются для мальчиковъ въ поджогахъ (20 лѣтъ 77 человѣкъ), святотатствѣ (29), въ убійствѣ постороннихъ (19), въ участьи въ убійствѣ помѣщиковъ (6), въ изнасиловании (4). Для дѣвочекъ преступность за 20 лѣтъ высказывается въ поджогахъ же (54 чел.), въ убійствѣ постороннихъ (5), въ участьи по убійству помѣщиковъ (4). Затѣмъ уже преступность этого возраста ни въ чемъ не проявляется. Съ 16-ти лѣтъ для обоихъ половъ преступность становится одинаково присущею по всѣмъ видамъ своимъ и одинаково достигаетъ наибольшей абсолютной цифры, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, въ возрастъ отъ 20 до 30 лѣтъ. Свыше 60-ти лѣтъ преступныя наклонности мужчинъ слишкомъ въ 9 разъ сильнѣе таковыхъ же у женщинъ, но за то ранній женскій возрастъ (до 20 лѣтъ)—пора несдержанныхъ инстинктовъ, не установившагося развитія умственнаго въ противоположность старческому, отличается наклонностями къ наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ. Поджоги составляютъ принадлежность этой женской поры развитія. Убійство мужей чаще въ возрастъ свыше 30 лѣтъ; убійство дѣтей въ возрастъ раньше 30 лѣтъ. До 30-ти же лѣтъ женщины чаще ссылались за кровосмѣшеніе, чѣмъ мужчины, тогда какъ это же преступленіе сильнѣе возростаетъ для мужчинъ съ годами (за 40 лѣтъ) и не ослабѣваетъ въ старческій возрастъ (свыше 60-ти). Старики за 60 лѣтъ наиболѣе виновны въ воровствѣ, какъ одномъ изъ видовъ стяжанія, столь приличнаго старческому возрасту, и въ ереси и расколѣ, т. е. когда избытокъ и крѣпость личнаго убѣжденія требовали выхода на убѣжденія другихъ, т. е. совращенія. Люди отъ 50 до 60 лѣтъ, по преимуществу ссылались за лихоимство. Возмущенія противъ властей производились также усиленнѣе въ возрастъ отъ 50 до 60 лѣтъ, тогда какъ возмущенія дворовыхъ людей противъ помѣщиковъ одинаково часты и до 40, какъ и въ лѣта послѣ 50-ти. Разбои и грабежи, не посильные для стариковъ, сильнѣе въ возрастѣ до 40 лѣтъ и въ возрастъ отъ 40 до 50 въ особенности. У женщинъ во всѣ возрасты самое частое преступленіе—убійство; въ лучшую пору цвѣтущаго возраста—грабежи, святотатство и поджоги (грабежи до 20 лѣтъ—самое рѣдкое). Общая наклонность къ преступленіямъ у мужчинъ примѣтнѣе ослабѣваетъ послѣ 40 лѣтъ; у женщинъ послѣ 30-ти.

Въ виду того, что самая большая часть тяжкихъ (уголовныхъ) преступленій, по пропорціи, оказывается въ высшихъ сословіяхъ (всего болѣе въ духовенствѣ, затѣмъ въ военномъ сословіи и, наконецъ, у дворянъ),—владѣльческимъ крестьянамъ принадлежитъ четвертое мѣсто, а государственнымъ—шестое (купечеству—пятое, мѣщанамъ—седьмое). Духовенству принадлежитъ высшее мѣсто по обилію святотатцевъ, военному сословію по наклонности къ убійствамъ и грабежамъ; дворянамъ—по числу сосланныхъ за поддѣлку документовъ и государственныя преступленія. За крестьянами остается крупная виновность по убійствамъ (за государственными убійства род-

ныхъ и убійства супруговъ), по самоубійствамъ (у владѣльческихъ и дворовыхъ), по преступленіямъ противъ власти (за дворянствомъ немедленно слѣдуютъ господскіе крестьяне), по возмущеніямъ (у крестьянъ владѣльческихъ), по поврежденію членовъ (у владѣльческихъ), по корчемству виномъ (у владѣльческихъ), по воровству, какъ самой обыкновенной причинѣ ссылки всѣхъ сословій, за исключеніемъ военнаго и духовнаго, и по виновности въ дурномъ поведеніи. Крестьяне, сосланные административнымъ порядкомъ, составляютъ въ массѣ всѣхъ наказанныхъ: государственные 1/7 часть, владѣльческіе почти 1/4, дворовые почти 1/8. Изъ сосланныхъ за преступленія противъ собственности—крестьяне ссылались всего болѣе за грабежи; за грабежами слѣдуютъ поджоги, затѣмъ корчемство, святотатство и поддѣлка ассигнацій. При этомъ замѣчается, что вѣроятность ссылки сильнѣе въ крестьянскомъ сословіи для фабричныхъ и заводскихъ. Послѣдніе въ значительной степени принимаютъ на себя виновность въ убійствахъ чужихъ, родныхъ и въ убійствахъ супруговъ. Большую часть покушеній на самоубійство снимаютъ съ крестьянъ на себя дворовые, грабежи и разбои—заводскіе съ фабричными, поджоги—дворовые; въ фальшивыхъ монетчикахъ почти исключительно являются крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и занятые на заводахъ (въ особенности уральскихъ). Возмущеніе и неповиновеніе нѣсколько чаще заявляютъ дворовые и крестьяне заводскіе, чѣмъ прикрѣпленные къ землѣ и занятые исключительно земледѣліемъ. Земледѣльцы крѣпостные уступаютъ въ воровствѣ преимущество также дворовымъ и еще однодворцамъ и военнымъ поселянамъ. Членовредительство также сильно развито у заводскихъ и фабричныхъ; они же чаще содержатъ притоны для бродягъ и бѣглыхъ и, въ свою очередь, дѣлаются бродягами и бѣглыми. За дурное поведеніе сослано, по процентному отношенію, опять-таки наиболѣе дворовыхъ и заводскихъ съ фабричными, чѣмъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ общественнаго положенія и быта, представляются наиболѣе свободными отъ упрека въ преступныхъ наклонностяхъ. Господскіе крестьяне становятся наиболѣе испорченными и преступными только лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они искуственнымъ и насильственнымъ образомъ отрываются отъ земли и превращаются либо въ дворовыхъ, либо когда безземельными пролетаріями становятся къ фабричнымъ станамъ и машинамъ, къ заводскимъ печамъ и горнамъ. Государственнымъ крестьянамъ владѣльческіе крестьяне уступаютъ въ преступности убійствъ и грабежей, дворовымъ же людямъ въ общей наклонности ко всѣмъ преступленіямъ, даже въ дурномъ поведеніи, въ возмущеніяхъ, въ поддѣлкѣ документовъ и въ воровствѣ. Въ тѣсной рамкѣ деревенскихъ и семейныхъ отношеній, въ сосредоточенности трудового земледѣльческаго быта, внѣ соблазновъ городомъ, владѣльческій крестьянинъ уцѣлѣлъ въ замѣтной безгрѣховности. Обременяемый налогами и тяжестью искуственныхъ и произвольныхъ формъ быта, онъ иногда выражаетъ себя местью, сопротивленіемъ, но чаще отдѣлывается мирною формою побѣга и затѣмъ бродяжества. Его ловятъ на поджогахъ чаще, чѣмъ кого либо изъ лицъ другихъ сословій, и на крайній случай ловятъ съ фальшивымъ паспортомъ уже вдалекѣ отъ обогрѣтаго и насиженнаго имъ мѣста, въ видѣ бродяги, который при этомъ не умѣетъ еще такъ искусно скрывать свое происхожденіе, какъ дѣлаютъ это напр., мѣщане и, въ особенности, дезертиры-солдаты и дворовые люди. Нѣсколько сильнѣе лишь обнаруживается преступная наклонность въ женской половинѣ владѣльческихъ крестьянъ, чѣмъ въ крестьянкахъ государственныхъ, да поврежденіе членовъ—одно изъ наиболѣе мелкихъ преступленій у владѣльческихъ крестьянъ являлось на выручку и помощь при встрѣчѣ и борьбѣ съ однимъ изъ непріятелей тамъ, гдѣ у воина не доставало ни умственнаго развитія, ни достаточной воли, ни силы характера, какъ это наичаще случалось при отбываніи рекрутской повинности, при исполненіи полнаго числа тяжелыхъ урочныхъ работъ и проч. *).

Въ наибольшей степени крестьяне всѣхъ родовъ и наименованій являются виновными въ преступленіяхъ, направленныхъ противъ собственности частныхъ лицъ; гораздо слабѣе въ преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ и въ наименьшей степени въ преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ и противъ общественнаго благоустройства и благочинія.

Приводимъ таблицу преступленій, господствующихъ въ сословіяхъ (по разсчету 1 на 100 сосланныхъ) **).

Дворянство.

Государственныя преступленія — 2/3 всего числа сосланныхъ (9 проц. на 100 всѣхъ сосланныхъ: 13 проц. служащихъ по военному вѣдомству, 3 проц. по граж. вѣд.).

Преступленія служебныя — остальная треть сосланныхъ (3 проц. на сто).

*) Болѣе раннія сибирскія табели умѣли членовредительство отчасти освѣщать тѣмъ, что выдѣляли въ особую графу сосланныхъ за подлоги въ отправленіи рекрутской повинности. Цифра эта, однако, слаба: въ 10 лѣтъ сослано всего трое.

**) Таблица эта составлена по вычисленіямъ г. Анучина въ его изслѣдованіяхъ о процентѣ ссылаемыхъ въ Сибирь.

Поддѣлка документовъ: у чиновниковъ 23,5 проц., у служащихъ военныхъ 17 проц., у отставныхъ 14 проц. (у духовенства 7 проц., у мѣщанъ 3,75 проц., у владѣльч. крест. 3,5 проц., у купцовъ 3,5 проц., у дворовыхъ 3,25 проц., у однодворцевъ около 3 проц., у казаковъ и солдатъ около 2 проц.).

Оскорбленіе родителей: дворяне, служащіе въ гражд. службѣ 1 проц., дворяне не служащіе 0,53 (купечество 0,72, казаки 0,21, мѣщане 0,12).

Кляузничество (ябеды): дворяне, служ. по гражд. вѣдом. 4,5 проц., не служащіе 1,5 проц., (военные 0 проц., мѣщане 0,75, купечество 0,72, государственные крестьяне 0,27, помѣщ. крестьяне 0,21, дворовые 0,18, духов. 0,16, казаки 0,11, солдаты 0,10, однодворцы 0,08).

Мздоимство и лихоимство 0,28 (купечество 0,4).

Духовенство.

Святотатство: 34 проц. на сто сосланныхъ (солдаты 3 проц., купцы около 3 проц., дворяне, не служащіе и отставные, около 2,5 проц., мѣщане около 2 проц., казаки 1,81 проц., дворяне служащіе около 1½ проц.).

Дурное (соблазнительное) поведеніе: 91 проц. (у владѣльч. крестьянъ 24,5 проц., т. е. заводск. и фабричн., у мѣщанъ 15 проц., у государственныхъ крестьянъ около 15 проц., у купцовъ 5 проц., у военнаго сословія 3,5 проц., у дворянъ около 3 проц.).

Мѣщане.

Воровство: около 58 прц., за исключеніемъ однодворцевъ (62 проц.), (купечество 53 проц., дворяне 49 проц., государственные крестьяне около 47 проц., казаки 44 проц., дворовые 39 проц., владѣльческіе крестьяне 38 проц., дворяне не служащіе и отставные 36 проц., духовенство 27 проц., солдаты 21 проц., дворяне служащіе 18 проц.).

Контрабанда: 0,61 проц. (казаки 0,53, государственные крест. 0,47 проц., владѣльч. крест. 0,11 проц.).

Купечество.

Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и монетъ: 6½ проц.; у солдатъ около 4 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, 2,5 проц., у мѣщанъ 1,76 проц., у казаковъ 1,25 проц., у дворянъ не служащихъ и отставныхъ и у дворянъ, служащихъ по гражданскому вѣдомству, 1 проц., у духовенства около 1 проц., у государственныхъ крестьянъ нѣсколько менѣе, у владѣльческихъ, у однодворцевъ, у дворовыхъ почти равная степень наклонности.

Преступленія религіозныя 2,25 проц. (у однодворцевъ почти 1,5 проц., у духовенства 1,25 проц.).

Пристанодержательство 2,25 проц. (солдаты 1,5 проц., гражд. чиновники 1,5 проц., однодворцы около 1,5 проц., крестьяне госуд. 1,25 проц., духовные 1,25). Военные поселяне завинялись наименьше, затѣмъ изъ крестьянъ— заводскіе и фабричные.

Военное сословіе.

Смертоубійство всѣхъ видовъ: у солдатъ слишкомъ 22 проц., у казаковъ около 21 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, 16 проц. (у государственныхъ крестьянъ 15,5 проц., у владѣльческихъ 13,25 проц., у дворянъ не служащихъ 11,75 проц., у купечества 11,5 проц., у дворовыхъ 11,25 проц., у однодворцевъ 11 проц., у духовенства 10,25 проц., у чиновниковъ гражданскихъ 7,25 проц.). Дѣтоубійство (высшій процентъ) у солдатокъ. Убійство мужей у заводскихъ и фабричныхъ, затѣмъ у однодворцевъ, дворянъ и военныхъ поселянъ. По убійству родственниковъ у дворянъ процентъ наивысшій. Убійство родныхъ— у фабричныхъ съ заводскими.

Грабежъ: у казаковъ 10,25 проц., у солдатъ около 9 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, около 11,25 проц., (у купцовъ около 6 проц., у государ. крест. 5,25 проц., у однодворцевъ около 5 проц., у мѣщанъ 4,25 проц., у владѣльческихъ крест. 3,5 проц., у дворянъ не служащихъ около 2 проц., у дворовыхъ 1,5 проц., у духовенства около 1,5 проц.).

Побѣги и бродяжество: у солдатъ 15,5 проц., у казаковъ 2,5 проц. (у владѣльч. крест., фабричн. и завод., около 2,5 проц., у мѣщанъ 2,25 проц., у государст. крест. 1,5 проц., у дворовыхъ около 1,5 проц., у духовенства болѣе 1,25 проц., у дворянъ военныхъ нѣсколько болѣе 1,25 проц., у однодворцевъ почти 1 проц.).

Поджоги: дворяне военной службы около 5 проц., солдаты 2,25 проц., казаки 2,25 проц. (дворовые 3 проц., владѣльч. крест. около 3 проц., купцы 2,25 проц., госуд. крест. 2,25 проц., однодворцы 1,5 проц., мѣщане 1,25 проц., дворяне не служащіе 1 проц.).

Плотскія преступленія: дворяне военныхъ чиновъ 3,75 проц., казаки 2,75 проц., солдаты 1,75 проц. (граждан. чинов. 1,5 проц., государственные крестьяне 1,25 проц.). Изнасилованіе въ военномъ сословіи имѣетъ высшій процентъ.

Кража золота: солдаты 0,31 (помѣщич. крест. 0,25, государст. 0,23, дворовые 0,18).

Дворовые.

Возмущеніе и неповиновеніе: 5,5 проц. (чиновники гражд. около 4 проц., владѣльч.

крест. 3,75 проц., солдаты 3,25 проц., государ. крест. 3 проц., купцы 2,25 проц., мѣщане около 1 проц.).

Самоубійство: 0,48. За дворовыми и помѣщ. кр.,—солдаты; затѣмъ казаки, государств. крестьяне и мѣщане.

Помѣщичьи крестьяне.

Поврежденіе членовъ (членовредительство) 1,75 проц. (преимущественно у заводскихъ, фабричныхъ и пахотныхъ съ намѣреніемъ избѣжать военной службы).

Корчемство виномъ: 2 проц. (государств. крестьяне 1,75 проц. и однодворцы 1,5 проц.; корчемство солью столь ничтожно характеризуется ссылкою, что въ 20 лѣтъ, напр., является сосланныхъ только 5 человѣкъ).

Разсматривая преступленія по отношенію къ населяющимъ Россію инородцамъ, мы увидимъ, что татары и евреи (мѣщане) даютъ большую цифру сколько по сравнительной количественности своей, столько же и по многимъ племеннымъ условіямъ. Татаринъ и еврей, если, вообще, не на хорошемъ счету у русскаго народа, то, во всякомъ случаѣ, наблюденія убѣждаютъ въ томъ, что на татаръ, по преимуществу, падаютъ преступленія самыя тяжкія, каковы смертоубійства, грабежи и разбои; на евреевъ менѣе тяжкія, каковы преступленія противъ собственности.

Татаринъ—по народной примѣтѣ и пословичному выраженію—либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ. Въ послѣднемъ случаѣ убійства ихъ отличаются большою жестокостью, разбои—большою ловкостью и отчаянностью, грабежи—крайнею дерзостью и изворотливостью. Воровство у татаръ, сравнительно, рѣдко и оно, въ большей части, направлено на тотъ пунктъ, на которомъ у нихъ только два соперника: цыганъ и башкиръ; это конокрадство. Такъ, напр., за воровство въ періодъ 6-ти лѣтъ сослано татаръ всего только 20, за то убійствъ сдѣлано 42, грабежей произведено 51, разбоевъ 9 (80 мужчинъ и 3 женщины сосланы въ это же время за такъ называемое развратное поведеніе). Татаринъ часто бѣжитъ отъ службы, бродяжничаетъ, не смотря на незнаніе русской грамоты и письменности, не прочь составить фальшивый видъ, поддѣлать монету; онъ вообще не дурной хлѣбосолъ, а потому не ускользнулъ и изъ ссыльныхъ-пристанодержателей. Татары охотнѣе укрываютъ бѣглыхъ, чѣмъ какіе либо другіе инородцы, исключая, можетъ быть, однихъ только тептярей. Татары примѣтно ослабляютъ, своимъ участьемъ и вмѣшательствомъ, общія цифры дѣтоубійцъ, кровосмѣсителей, отцеубійцъ, святотатцевъ. Въ средѣ братоубійцъ у нихъ только одни соперники—башкиры. Рѣзко выдается въ татарскомъ населеніи наклонность къ членовредительству, какъ опредѣленное стремленіе къ избѣжанію отъ военной службы по рекрутской очереди. Татары же вмѣстѣ съ башкирами чаще многихъ другихъ успѣваютъ убѣгать изъ-подъ стражи, не выдерживая пытки неволи. Ихъ превосходятъ въ такихъ дѣлахъ и поползновеніяхъ одни лишь кавказскіе горцы.

Какъ будто еще до сихъ поръ живутъ, сильно дѣйствуютъ и долго не изсякнутъ въ природныхъ свойствахъ всѣхъ многочисленныхъ осколковъ монгольскихъ племенъ, свойства, воспитанныя дикою жизнью азіатскихъ степей и горъ и широкимъ просторомъ для воли въ глуши лѣсныхъ и степныхъ губерній восточной Россіи. Здѣсь еще много въ народѣ тѣхъ элементовъ, которые родятся въ степи и воспитываются ею, оправдываются въ понятіяхъ и законахъ номадовъ. Элементы эти, выдвинутые на видъ и поставленые на судъ осѣдлаго народа, оказались проявленіями дикой и необузданной воли, преступленіями. Баранта оказывается самымъ нахальнымъ и отчаяннымъ грабежемъ и разбоемъ съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ смертоубійствъ; упорное отстаиванье степной воли является также преступленіемъ и называется „возмущеніемъ противъ закономъ установленныхъ властей“; народное удальство, степное молодечество обзываются разбоемъ или грабежемъ и получали оцѣнку на торговыхъ площадяхъ подъ ударами сначала кнута, потомъ плетей и палокъ. Вотъ почему безпокойная неуживчивость съ порядками господствующаго народа, не успѣвшая выразиться открытымъ недовольствомъ, но достаточно надоѣвшая начальствамъ, по преимуществу ведетъ инородцевъ въ ссылку подъ темнымъ именемъ ссыльныхъ „за развратное поведеніе“. Калмыки, киргизы, черкесы, чеченцы, лезгины, куртины преимущественно попадаются въ ссылкѣ подъ названіемъ возмутившихся противъ закономъ установленныхъ властей, за грабежи и убійства исключительно. Вотъ почему ногайцы, наиболѣе другихъ сохранившіе свойства степныхъ кочевниковъ, хотя и рѣдко появляются въ спискахъ ссыльныхъ, но всегда идутъ за грабежъ. Грузины идутъ за убійства, за вспышки своего горячаго южнаго темперамента. Онъ же уводитъ въ изгнаніе и башкиръ весьма часто за тѣ же убійства и грабежи. Чуваши, вотяки, мордва, черемисы—флегматики по темпераменту, не умѣвшіе племеннаго недовольства довести до открытыхъ бунтовъ и вооруженныхъ возстаній и ограничившіеся лишь ропотомъ, обвиняются въ такъ называемомъ развратномъ поведеніи, которое, по тягучести своего значенія, совсѣмъ не опредѣленнаго этою рубрикою таблицъ приказа, вмѣщаетъ въ себѣ и вольныя и невольныя противоборства закону: и неумѣнье примириться съ русскими законоположеніями, и неспособность подчиниться мѣстнымъ административнымъ распоряженіямъ, и

прочее, тому подобное. Все это на темпераментѣ монгольскихъ племенъ, разжигаемомъ фанатическимъ ученіемъ корана, выразилось открытыми возстаніями у киргизъ и башкиръ, какъ у кавказскихъ горцовъ убійствами гяуровъ. Разсматриваемые нами года представляютъ одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ элементовъ въ племени башкиръ, туго привыкавшихъ къ законамъ государственной организаціи, въ прошломъ столѣтіи принимавшихъ самое дѣятельное участье во всѣхъ народныхъ волненіяхъ по Волгѣ и за Волгою, въ нынѣшнемъ затѣвавшихъ бунты въ доказательство своей неуживчивости и своего недовольства русскими порядками. Теперь они огражданились. На сцѣну изъ выступилъ очередной вопросъ колонизирующаго начала надъ степными киргизами, которые, въ свою очередь, въ наши дни успѣли дать немалое количество національныхъ консерваторовъ, угодившихъ въ ссылку. Въ шесть только лѣтъ башкиръ за возмущеніе противъ властей выслано 77 мужч. и 4 женщ.

За то же число лѣтъ сосланныхъ за возмущеніе дали: 41 калмыкъ, 11 чел. киргизовъ, 10 черкесовъ.

Смертоубійствъ учинено: 42 башкирами, 7 черкесами, 8 киргизами.

Грабежей надѣлано: 11 башкирами, 10 черкесами.

За воровство-кражу сослано: киргизъ 12, башкиръ 20.

За развратное поведеніе башкиръ сослано болѣе всѣхъ инородцевъ — именно: въ 6 лѣтъ 77 мужч. и 4 женщ. (въ этомъ числѣ 5 тептярей).

Татары, при своей абсолютной многочисленности (по сравненію со всѣми другими инородческими племенами), даютъ опредѣленіе себя въ слѣдующей таблицѣ:

За развратное поведеніе	80	мужч.	3	женщ.
„ воровство	191	„	5	„
„ смертоубійство	55	„	3	„
„ грабежъ	46	„	5	„
(въ томъ числѣ 2 ногайца)				
За пристанодержательство	9	мужч.	5	женщ.
„ разбой	9	„	—	„
„ поджоги	3	„	1	„

При этомъ на инородцахъ монгольской расы лежатъ упрекомъ столь тяжкія и рѣдкія преступленія, какъ отцеубійство, братоубійство. Кровосмѣшеніемъ они также выдаются изъ ряда.

Нельзя не замѣтить, что въ женской половинѣ мусульманскаго населенія Россіи преступная наклонность несравненно слабѣе всѣхъ женщинъ другихъ господствующихъ исповѣданій. Степные обычаи успѣли такъ уединить женщину отъ общественной жизни, а коранъ такъ закрѣпилъ ее у домашняго очага и въ затворѣ, что она можетъ грѣшить передъ закономъ лишь хлѣбосольствомъ, т. е. пристанодержательствомъ, но едва ли и здѣсь не та же апатія, не то же тупое равнодушіе, какъ слѣдствіе примѣчательной неразвитости. Продажная вещь, рожавшая героевъ, сама никогда во всѣ вѣка не доростала до героини, не имѣла средствъ и случаевъ выразиться какимъ либо сильнымъ рельефнымъ порывомъ, хотя бы даже и на какое нибудь преступное дѣяніе.

Женщина у евреевъ, умѣвшая выбиться изъ затвора и завоевать своими дарованіями право на участье во всѣхъ хлопотливыхъ и меркантильныхъ дѣлахъ мужа, представляетъ собою болѣе видное явленіе. Рѣзкой границы между мужемъ и женою въ еврейскомъ племени не существуетъ. Скажемъ больше: еврейка во всѣхъ дѣлахъ продажи и купли, гдѣ не требуется хлопотливой, нервозной дѣятельности факторства и непосѣдливой бѣготни, въ лавочной и домовой торговлѣ—съ достоинствомъ занимаетъ мѣсто мужчины и еще не рѣшено, чьи способности опредѣленнѣе и сильнѣе: хлопотливаго ли, вѣчно бѣгающаго мужа, или сидящей за прилавкомъ жены. Вотъ почему еврейка является уже съ болѣе крупною наклонностью къ преступности, чѣмъ мусульманка, хотя и рѣже женщинъ всѣхъ другихъ исповѣданій. Воровство представляется одною изъ крупныхъ причинъ къ преступленію, за которую являются еврейскія женщины въ ссылку; затѣмъ уже стоитъ изъ соучастье въ различныхъ преступныхъ поползновеніяхъ мужей *).

Евреи и сибирскими цифрами, столько же какъ и общественнымъ мнѣніемъ, завиняются исключительно и самымъ характеристическимъ образомъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя направлены противъ чужой собственности. Прежде и сильнѣе всего евреи заявляютъ наклонность къ воровству-кражѣ. По наклонностямъ къ грабежу, къ поддѣлкѣ ассигнацій, къ контрабандѣ чувствуется въ этомъ племени то же присутствіе хищнической наклонности, хотя бы и въ болѣе широкихъ и утонченныхъ размѣрахъ. Мы не исключаемъ отсюда и поджоговъ, которые, по сибирскимъ цифрамъ, ложатся пятномъ на еврейское племя, потому что по опыту еврей сожигаетъ самъ тотъ домъ, который заложенъ далеко выше номинальной своей стоимости. Подобные поджоги, нерѣдко практукуемые, хорошо и подлинно извѣстны во всѣхъ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ кишитъ еврейское населеніе и гдѣ

*) По особенному складу еврейской жизни, деспотически руководимой талмудомъ, у евреекъ наклонность къ смертоубійству, довольно распространенному повсюду преступленію, на столько слаба, что не можетъ даже идти въ сравненіе съ наклонностью къ тому же злодѣянію, напр. вообще безгрѣховныхъ мусульманокъ. Поддѣлка же ассигнацій и грабежъ не избавляютъ евреекъ отъ упрека.

ою имѣетъ недвижимую собственность. Постоянныя гоненія, неустанное презрѣніе, какими обставляется несочувственная жизнь еврейскаго племени среди христіанъ, послужили основою къ той сосредоточенности отчаянія, которая выразилась на фактѣ стяжаніемъ богатствъ, завистью къ чужому благосостоянію и къ чужой собственности. Явленіе это стало характернымъ, исканіе чужого добра лихорадочно-усиленнымъ въ виду вѣроятія голодной смерти для племени, которое — по темпераменту не способно къ настоящему настойчивому труду и по политическому положенію—не умѣло стать вполнѣ осѣдлымъ и гражданственнымъ, не успѣло согласоваться съ общечеловѣческими и народными требованіями и привиллегіями. Неутомимый еврей, весь вѣкъ обязанный закупать свои всякія права, устремился на стяжаніе денежныхъ богатствъ какимъ бы то ни было способомъ и—потому и въ возстаніи, охватившемъ весь край, имъ населяемый, онъ является въ числѣ политическихъ преступниковъ лишь „за тайный провозъ оружія изъ-за границы“, вдохновленный и поддержанный, во всякомъ случаѣ, коммерческими цѣлями, а не политическимъ увлеченіемъ. Слаба въ евреяхъ наклонность къ смертоубійству (и только озлобленный ссылкою и каторгою еврей нерѣдко становится злодѣемъ). Еврей никогда не уличается въ преступленіяхъ противъ власти, которой онъ льститъ и которую подкупаетъ безразлично, смотря лишь на степень силы и стойкость этой власти. Въ политическихъ преступленіяхъ замѣшался одинъ только еврей и то успѣвшій воспитаніемъ превратиться въ нѣмца. Подъ гнетомъ и силою талмуда еврей, по коммерческимъ соображеніямъ успѣвающій жениться въ раннихъ лѣтахъ и пользующійся широкимъ правомъ развода, рѣдко завиняется въ такъ называемыхъ плотскихъ преступленіяхъ. За то онъ — первый контрабандистъ, недурной дѣлатель фальшивыхъ денегъ и переводчикъ краденныхъ металловъ съ промысловъ, пріисковъ и розсыпей; За то ни въ одномъ изъ иновѣрцовъ не развита въ такой степени наклонность къ преступленію воровства, какъ въ еврейскомъ населеніи Россіи. Онъ, въ этихъ случаяхъ, готовъ даже измѣнять своей политически-воспитанной трусости характера и нерѣдко попадается на томъ видѣ воровства, которое требуетъ и дерзости и храбрости и которое называется грабежомъ, и видоизмѣняется въ глазахъ судей въ тотъ видъ воровства, который для еврея—воровство-кража, а для православныхъ и иныхъ христіанскихъ исповѣданій—святотатство.

Изъ числа другихъ инородцевъ нѣмцы, при существованіи собственнаго привиллегированнаго суда въ остзейскихъ губерніяхъ, не только сами не даютъ возможности судить ихъ по степени наклонности къ преступленіямъ, но даже отнимаютъ возможность производить тѣ же наблюденія надъ безусловно-подчиненными имъ другими инородческими племенами Россіи (каковы эсты, ливы, латыши). По этой причинѣ въ нѣмецкомъ населеніи, присылающемъ въ Сибирь случайныя жертвы ссылки, можно видѣть слабую наклонность ко всѣмъ видамъ преступленій. Исключеніе составляетъ одна только контрабанда. Не видать ни виновницъ въ плотскихъ преступленіяхъ, ни виновниковъ въ похищеніи казны и, вообще, во всякихъ многоразличныхъ ущербахъ ея интересамъ и другомъ прочемъ. Съ нѣкоторою отчетливостью выясняется въ лютеранскомъ населеніи остзейскаго края, податномъ и земледѣльческомъ, наклонность къ поджогамъ, выражающимся наибольшимъ процентомъ для женщинъ. Наибольшій процентъ сосланиыхъ за дурное поведеніе лютеранъ (конечно, эстовъ, ливовъ и, въ особенности, латышей) доказываетъ лишь силу домашняго произвола и безконтрольность суда остзейскихъ собственниковъ надъ ихъ вассалами—крѣпостными рабочими. Очень можетъ быть, что въ этомъ проблескѣ правды, отчасти освѣщаемомъ тобольскими табелями, можно подозрѣвать и оправданіе поджоговъ, какъ мщенія за притѣсненія, и тому подоб. Наклонность къ поджогамъ у женщинъ лютеранскаго исповѣданія сильнѣе, чѣмъ у женщинъ католичекъ и православныхъ.

Инородцы финской расы отличаются такою же слабою наклонностью къ преступленіямъ, какъ нѣмцы и русскіе поданные лютеранскаго закона, не смотря на то, что обѣ расы стоятъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ умственнаго и нравственнаго развитія *). Чрезвычайно непримѣтно мелькаютъ самоѣды заурядъ съ другими инородцами финскаго племени, какъ виновные въ кражѣ. Мордву, черемисъ, чувашей, вогуловъ позднѣйшія тобольскія табели перестали даже выдѣлять изъ общаго числа ссыльныхъ. Хотя эти племена наиболѣе успѣли слиться съ сосѣдями и затонуть въ славянскомъ морѣ, тѣмъ не менѣе въ ихъ племенныхъ обычаяхъ, въ темпераментѣ, въ условіяхъ быта, утверждаемаго еще до сихъ поръ на кое какихъ осколкахъ древнихъ законовъ номадовъ—слѣдуетъ искать оправданіе очень многихъ причинъ ссылки. Едва ли въ виду этихъ данныхъ можетъ что либо опредѣлившееся и характерное подсказать вѣроисповѣданіе, за которымъ можетъ спрятаться живой и пылкій темпераментъ рядомъ съ вялымъ и флегматическимъ; рядомъ съ грамотнымъ и развитымъ нѣмцомъ, испорченнымъ городскою жизнью зачтется за-

*) Иностранцы завиняются и ссылаются всего чаще за поддѣлки всякаго рода актовъ, за переходъ за границу, за тайный ввозъ иностранныхъ товаровъ. Въ послѣднемъ случаѣ довольно примѣтны между русскими евреями евреи-иностранцы. Женщины-иностранки ссылаются въ Сибирь исключительно за развратное поведеніе.

битый, задержанный въ развитіи тѣми же нѣмецкими баронами какой нибудь деревенскій эстъ или латышъ; съ осѣдлымъ и развитымъ касимовскимъ и казанскимъ татариномъ подъ мусульманиномъ пройдутъ степные дикари вродѣ ногайца и киргиза, или дикари горные, вродѣ чеченца или лезгина. Этимъ племеннымъ свойствамъ должны уступить свое мѣсто вліянія религіозныя, которыя, при всей тщательной разработкѣ этого вопроса по тобольскимъ табелямъ, подсказываютъ весьма немногое. Онѣ говорятъ, напр., что затворница-мусульманка наименѣе всѣхъ наклонна къ преступленіямъ, однако, въ равной же степени процентныхъ отношеній находятся въ безгрѣховности домосѣдки православнаго исповѣданія: купчихи и жены лицъ духовнаго званія —попадьи, дьяконицы и дьячихи, но наибольшую часть сытыя и хорошо обезпеченныя. По тобольскимъ табелямъ католикамъ наиболѣе присущи государственныя преступленія, но подъ католиковъ попали поляки, потерявшіе свое очечество и въ поискахъ его свободы дѣйствительно увлекшіе своихъ ксендзовъ, — представителей вѣры, и дѣйствительно, въ костелахъ и церковныхъ пѣсняхъ съумѣвшихъ найти наилучшія мѣста и предства къ политическому возбужденію. Правда, что индифферентные въ вѣрѣ, обезличенные уніею обитатели западныхъ окраинъ Имперіи виновны въ святотатствѣ, но виновы они столько же, какъ и евреи, для которыхъ преступность святотатства въ національномъ, религіозномъ смыслѣ исчезаетъ въ преступленіи простого воровства. Если въ преступленіяхъ противъ самой религіи наибольшая виновность остается за православными, то и въ этомъ случаѣ она далеко не въ равной степени распредѣляется между сѣверными и южными жителями Россіи: великоруссы, отличающіеся наибольшею пытливостью въ дѣлахъ вѣры, числомъ ссыльныхъ несравненно превосходятъ индифферентныхъ малороссовъ и бѣлоруссовъ, какъ въ преступности по богохуленію и отвлеченію отъ вѣры, такъ и по ересямъ, расколамъ, скопчеству и т. под.

Русскіе подданные православнаго исповѣданія, во всякомъ случаѣ, заявляютъ наибольшую наклонность лишь къ бродяжеству и тѣсно съ нимъ связанной поддѣлкѣ документовъ (т. е. фальшивыхъ паспортовъ). Сильная виновность православнаго населенія Россіи замѣчается еще въ преступленіяхъ убійства и въ поддѣлкѣ ассигнацій, но въ наклонности къ убійствамъ, православные уступаютъ мусульманамъ, у которыхъ она сильнѣе, а по процентнымъ отношеніямъ поддѣлывателей ассигнацій и монеты надъ русскими преобладаютъ евреи. Виновность въ бродяжествѣ ослаблена для русскихъ въ настоящее время совершившимся великимъ фактомъ — освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости. Послѣдняя была основною и несомнѣнною причиною этого исключительнаго русскаго преступленія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ и ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Политическіе ссыльные. Государственные преступники. Исторія каторги.

ГЛАВА I.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ.

Ссылка поляковъ въ Сибирь.—Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ.—Крыжановскій.-Ловеласъ—воевода Обуховъ.—Польскіе конфедераты.—Злодѣйства надъ ними.—Состояніе администраціи въ Сибири.—Цестель.—Трескинъ.—Исправникъ Лоскутовъ.—Сперанскій.—Нѣмцовъ и разбойникъ Гондюхинъ.—Собачья оспа.—Кохъ.—Уширванскій полкъ.—Народные притѣснители.—Чудакъ Нарышкинъ. — Горные начальники: Рычковъ, Барботъ-де-Марни, Милекинъ.—Фришъ, Черницынъ.—Шведскіе плѣнные.—Татищевъ.—Беневскій—извѣстный искатель приключеній.—Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя похожденія вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскарѣ.—Судьба его товарищей.

Переходя теперь къ такъ называемымъ политическимъ и государственнымъ преступленіямъ, мы на этотъ разъ останавливаемся на ссыльныхъ за политическія преступленія, т. е. п о л я к а х ъ, и по задачѣ нашей работы на тѣхъ чертахъ и особенностяхъ, которыми характеризуется ихъ ссылка въ Сибирь. Сосланнымъ за государственныя преступленія, по исключительному отношенію къ лицамъ русскаго происхожденія и также къ значенію ихъ на мѣстахъ ссылки въ Сибири, предназначается слѣдующая статья.

Сибирь сдѣлалась мѣстомъ политической ссылки и временнаго пріюта для политическихъ ссыльныхъ, въ значеніи карательной мѣры, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ судьбы Польши тѣснѣе соединились съ судьбами Россіи. Постоянная и притомъ систематическая и ежегодная высылка людей, недовольныхъ этимъ возсоединеніемъ, началась со временъ Екатерины, т. е. съ перваго раздѣла Польши. Вмѣстѣ съ ними, съ этого же времени, начали появляться въ Сибири поляки, ссылаемые и за всѣ другіе роды преступленій, возмѣщаемыхъ ссылкою. Преступники послѣднихъ видовъ освобождали свою родину въ подчиненіи общимъ законамъ человѣческой преступности, не представляя рѣзкихъ и характерныхъ особенностей. Преступники политическіе, появленіемъ своимъ въ Сибири, стали представлять большую или меньшую степень политическаго возбужденія умовъ въ царствѣ, лишенномъ правъ на самостоятельную государственную жизнь. Наибольшее скопленіе польскихъ патріотовъ въ ссылкѣ, выражаемое значительнымъ возростаніемъ цифры ссыльныхъ, стало указывать на предшествовавшіе государственные кризисы Польши, когда она противъ русскаго владычества въ краѣ поднимала возстанія и платилась затѣмъ изгнанниками „за бунтъ и измѣну, за преступленія по первымъ двумъ пунктамъ, за неповиновеніе и за оставленіе отечества". Цифры по годамъ стали указывать на историческія эпохи завоеваннаго и побѣжденнаго народа и, группируясь въ числовые итоги, съумѣли выразить въ ссылкѣ три различныхъ періода ссыльной жизни поляковъ въ Сибири. Къ первому періоду относится время отъ появленія въ ссыльной странѣ первыхъ поляковъ — барскихъ конфедератовъ, съ послѣдующею затѣмъ высылкою поляковъ изъ войскъ Костюшки до времени освобожденія тѣхъ и другихъ императоромъ Павломъ. Время до 26 года нынѣшняго столѣтія протекло безъ излишнихъ жертвъ для польскаго народа, но послѣ возстанія 1831 года выразилось въ Сибири быстрымъ увеличеніемъ числа изгнанниковъ, которые оставались въ Сибири до восшествія на престолъ Императора Александра Николаевича. Кромѣ замѣшанныхъ въ какихъ либо новыхъ преступленіяхъ на мѣстахъ ссылки, всѣ, находившіеся въ Сибири, политическіе изгнанники были возвращены на родину; осталась незначительная часть. Въ теченіи шести послѣдующихъ лѣтъ политическихъ ссыльныхъ въ Сибири не было, но съ весны 1863 года стали

прибывать первыя, но новыя и значительныя партіи поляковъ, такъ что къ концу 1866 г. общее число ссыльныхъ поляковъ возросло до 18.000 душъ обоего пола. Для ссыльной Польши наступилъ третій, современный намъ періодъ. Разсмотримъ каждый изъ этихъ періодовъ отдѣльно, для болѣе яснаго представленія исторической картины политической ссылки поляковъ.

Далеко до временъ Екатерины, до обнаруженія болѣе яркихъ и характерныхъ чертъ польской ссылки въ тѣ времена, когда русскіе казаки кончали свои завоеванія въ Сибири (выстроивъ остроги на Ленѣ, пробирались въ Камчатку) и промышленные люди забрались уже на Амуръ, въ тѣ времена безразсчетныхъ завоеваній и безконечныхъ похожденій и приключеній, въ сибирскихъ лѣтописяхъ является имя перваго ссыльнаго поляка—Никифора Черниговскаго. Насколько можно вѣрить свидѣтельству лѣтописи о польскомъ происхожденіи этого человѣка, носящаго не польскую фамилію и русское имя, Черниговскій почти единственное лицо, представлявшее поляка въ то темное и малоизслѣдованное время сибирской исторіи. Личность эта, впрочемъ, характерна тѣмъ, что съ нею соединяется исторія первыхъ нашихъ заселеній на Амурѣ. Если въ немъ не выражался типъ польскаго удальца тѣхъ славныхъ воинственныхъ временъ Польши, временъ Яна Собѣсскаго, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ выяснился одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ завоевателей, которыми богата была Сибирь въ тотъ вѣкъ окончательнаго ея покоренія подъ высокую руку московскихъ царей. Имя Черниговскаго встало на ряду съ именами Хабарова, Атласова, Пояркова и проч.

Откуда этотъ полякъ былъ родомъ, какія судьбы привели его въ ссылку и поселили на Ленѣ, былъ ли онъ военноплѣннымъ, взятымъ на войнѣ 1658 года, начатой за принятіе Россіею подъ свое покровительство Малороссіи—лѣтописи и преданія не говорятъ. Жилъ онъ въ Устькутскомъ острогѣ и былъ досмотрщикомъ за соляными промыслами. При немъ нѣкто Сорокинъ, успѣвшій собрать въ Верхоленскѣ партію головорѣзовъ въ 300 человѣкъ, съ эсауломъ Краснояромъ и Петровымъ пробирался на суднѣ вверхъ по Ленѣ на Амуръ. Дорогою шайка грабила купцовъ и промышленныхъ людей; въ острогѣ, на устьѣ Куты, ограбила казну, била и пытала купцовъ и служилыхъ людей; поджидала ѣхавшаго съ рѣки Илима воеводу, но, потерявъ терпѣніе, отправилась на устье рѣки Олекмы, чтобы и здѣсь ограбить казенные запасы и именно тѣ, которые снаряжены были для отправки на Амуръ, въ Албазинъ. Въ Тугурскомъ острогѣ Сорокинъ отыскалъ порохъ, зарытый въ землю, пробрался на Амуръ, ограбилъ тамъ всѣхъ, кого нашелъ, но тѣмъ и покончилъ; часть шайки его истребили амурскіе жители, другую—голодъ; третья часть разсѣялась по старымъ знакомымъ мѣстамъ на Ленѣ.

Въ это время (1665 г.) въ Устькутскій острогъ успѣлъ благополучно прибыть илимскій воевода Лаврентій Обуховъ; успѣлъ отдохнуть, оглядѣться; осмотрѣвшись, удалось ему запримѣтить, что у соляного надзирателя Черниговскаго жена хороша, да такая, что онъ, не бывавшій въ Польшѣ и притомъ долго голодавшій на сибирскомъ лѣсномъ безлюдьи, много не думалъ. Класть на вѣсы свои воеводскія права съ правами ссыльнаго сибирскій воевода счелъ за грѣхъ и за большое для себя преступленіе. Безчисленные примѣры были у него передъ глазами: самъ знаменитый завоеватель Амура, Ерофей Павловичъ Хабаровъ, слабый въ эту сторону, не клалъ на себя охулки и владѣлъ чужими женами, никого не спрашиваясь. Обуховъ отнялъ жену у Черниговскаго и, кончивъ дѣла на Ленѣ, поплылъ съ красивою полькою вверхъ по Кутѣ въ Илимскъ. Но что Хабарову съ рукъ сходило (онъ отломалъ бока якутскимъ крестьянамъ, присланнымъ въ Киренскъ на его заимку для поселенія, и ничего съ нимъ за то сдѣлать не смѣли), что Хабарову удавалось и чѣмъ другимъ воеводамъ счастливило, на томъ Обуховъ оборвался. Черниговскій рѣшился мстить: собралъ товарищей, напалъ на воеводу, убилъ его и прислугу, захватилъ имущество, не разобравъ казеннаго отъ воеводскаго, и такъ какъ въ это время шатались безъ дѣла свободные люди изъ шайки Сорокина и много другихъ удальцовъ, то Черниговскому и не мудрено было сбить большую шайку. Съ нею, само собою разумѣется, отправился онъ обычною въ тѣ времена и торною дорогою съ бывалыми и знающими языками на тотъ же Амуръ, о которомъ не переставали ходить баснословные слухи. Пошелъ онъ туда именно въ то несчастное время, когда преемники и послѣдователи Хабарова успѣли испортить дѣла до того, что русскіе люди стали уходить съ Амура назадъ. Степановъ былъ убитъ, часть казаковъ пустилась черезъ хребты въ Якутскъ, другая по рѣкѣ добралась до Шилки, тамъ отыскала Пашкова и поступила къ нему на службу. Амуръ опустѣлъ.

Черниговскій вышелъ на Амуръ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ до тла раззоренный китайцами Албазинъ. Наскоро построилъ онъ тутъ же деревянную крѣпость (18 саж. длины и 13 ширины); на стѣнѣ къ рѣкѣ укрѣпилъ двѣ башенки, на нагорной къ лѣсу—одну, но со въѣздными воротами. Избъ для своихъ удальцовъ внутри крѣпости онъ не строилъ (какъ сдѣлалъ это Хабаровъ и дѣлали прочіе сибирскіе казаки-завоеватели); казацкія жилища приладилъ онъ внѣ, въ сторонѣ; внутри крѣпости соорудилъ только одну кладовую. Построивъ острогъ, Черниговскій принялся за обычныя дѣла тѣхъ мѣстъ и того времени: сталъ соби-

рать съ тунгусовъ ясакъ крупными и пушистыми, знаменитыми и въ наши дни, албазинскими соболями, но, памятуя объ убійствѣ воеводы и по примѣру Ермака, сталъ отсылать ясакъ въ Нерчинскъ, къ воеводѣ. Потомъ уже онъ прямо отъ себя съ нарочными отправилъ въ Москву и отборный ясакъ и повинную. 15-го марта 1672 года, по первому приговору въ Москвѣ, Черниговскаго съ сыномъ приговорили къ смертной казни, а 46 человѣкъ его первыхъ устькутскихъ товарищей къ жестокому тѣлесному наказанію, но, по бывалымъ примѣрамъ, черезъ два дня приговоръ отмѣнили и вмѣсто казни сказано Черниговскому милостивое государево слово: за вину прощеніе и грѣха разрѣшеніе, да сверхъ того положена была награда въ двѣ тысячи рублей. Изъ Нерчинска присланъ отъ воеводы приказчикъ, въ 1681 году отъ царя изъ Москвы воевода Толбузинъ; товарищи Черниговскаго выстроили Покровскую слободу и занялись хлѣбонашествомъ. Русская жизнь на берегахъ Амура опять закипѣла и прилядилась уже настолько прочно, что нѣкій старецъ, іеромонахъ Ермогенъ, заложилъ неподалеку отъ города, на Брусяномъ камнѣ, монастырь во имя Спаса. Прибыли крестьяне и Покровская слобода стала походить на настоящее дѣловое селеніе. Почннъ Черниговскаго возымѣлъ блестящій успѣхъ: Амуръ опять потянулъ на русскую руку (но тянулъ недолго). Самъ Черниговскій сошелъ со сцены и исчезъ во мракѣ историческихъ временъ: имя его больше не повторялось, что сталось съ нимъ, съ этимъ первымъ полякомъ въ Сибири, покрыто мракомъ неизвѣстности. Точно также и послѣдующіе военно-плѣнные литовцы, вмѣстѣ съ московскими стрѣльцами, присылаемые изъ Москвы, съ самыхъ древнихъ сибирскихъ временъ, поступали въ казаки и въ этомъ сословіи исчезали безслѣдно. Изъ нихъ на сибирскія письменныя памяти удалось выдѣлиться одному: Юрію Крыжановскому, оказавшемуся въ 1677 году ясачнымъ сборщикомъ у тунгусовъ. Сборщикъ этотъ такъ притѣснялъ этихъ мирныхъ инородцевъ, что они вышли изъ терпѣнія, стали мстить: перебили казаковъ и въ количествѣ тысячи человѣкъ осадили Охотскъ и пошли валомъ на приступъ острога. Крыжановскій не успѣлъ спрятаться въ острогѣ и былъ осажденъ въ собственномъ домѣ. Тунгусы выломали окно у избы, подъ стѣну наклали огня, засѣвъ въ казачьихъ домахъ слободы, стрѣляли по острогу. Приказный Ярышкинъ не могъ помочь Крыжановскому, напрасно вопившему о помощи. Приступъ, однако, не повторился. Явились слѣдователи, начался судъ. Оказалось, что Крыжановскій лучшихъ соболей отбиралъ себѣ; въ казну складывалъ поплоше, бралъ у инородцевъ женъ и дѣтей на блудное дѣло и проч. Его съ Ярышкинымъ нещадно били кнутомъ и сослали въ даурскіе остроги съ тѣмъ, чтобы тамъ обоихъ ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять *).

Выходя изъ мрака XVII в. въ ближайшія къ намъ времена прошедшаго (XVIII) столѣтія, мы встрѣчаемъ въ концѣ его слѣдующихъ поляковъ группами, сначала, какъ мы сказали, въ видѣ барскихъ конфедератовъ—выселенцевъ генерала Кречетникова и прусскаго полковника Сюлли (1769 г.), потомъ приверженцевъ Костюшки (1794 г.). По указу 20 іюня 1795 г. присланы были поляки „обитатели древнихъ россійскихъ областей, къ Имперіи возвращенныхъ“ по одному человѣку въ Пелымъ, Якутскъ, Тобольскъ, Нерчинскъ, Селегинскъ и Березовъ и 9 человѣкъ въ другіе отдаленные города **). Первыхъ изъ нихъ (конфедератовъ) преданіе приводитъ изъ Польши измученными на родинѣ различными варварскими истязаніями: съ отрубленными носами и ушами ***); сибирскій губернаторъ Шеншинъ встрѣтилъ ихъ, судя по народному же преданію, съ чувствомъ затаенной злобы и непонятнаго мщенія. Онъ, говорятъ, привязывалъ ихъ къ длиннымъ и толстымъ деревяннымъ круглымъ колодамъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и приказывалъ, такимъ образомъ, спихивать съ высокой горы тобольскаго кремля. „Обрубокъ, катясь съ крутой горы, разбивалъ несчастнымъ головы и на лучшій конецъ сокрушалъ кости“. Несомнѣнно одно, что Сибирь не только въ прошломъ, но и въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка представляла страну, страдающую отъ произвола властей, отъ ихъ жестокаго корыстолюбиваго нрава и дикихъ чертъ характера въ такой степени, что съ трудомъ вѣрится жалобамъ очевидцевъ и сказаніямъ современниковъ. Еще Геннигъ пи-

*) При царѣ Алексѣѣ сосланъ въ Сибирь извѣстный Крижаничъ, родомъ хорватъ, латинскій попъ за неправославіе, за выходки противъ грековъ и русскихъ. Тамъ написалъ онъ сочиненіе, драгоцѣнное по изображенію въ немъ состоянія Московскаго государства («Русское государство въ половинѣ XVII вѣка»; другое сочиненіе его «О промыслѣ»). Не былъ ли этотъ хорватъ Юрій Крыжаничъ однимъ и тѣмъ же Юріемъ Крыжановскимъ—рѣшить не беремся, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ.

**) Одного шляхтича «за убійство русскаго драгуна» сослали вѣчно на каторгу; на житье въ отдаленные города между прочими — извѣстнаго ксендза Булгака и бывшаго поручика пинской бригады Іосифа Копца, оставившаго записки о своемъ пребываніи въ Сибири. Въ слѣдующемъ году Павелъ I всѣхъ освободилъ указомъ 29 ноября.

***) Барскимъ конфедератамъ, подполковнику Реку и маіору Древичу, за нарушеніе реверса, т. е. продолжавшимъ послѣ отреченія участвовать въ конфедераціи, но снова попавшимся въ плѣнъ съ оружіемъ, обрубливали руки и ноги. Замѣчательно сцѣпленіе случайныхъ обстоятельствъ: въ Сибирь барскихъ конфедератовъ велъ (молодымъ человѣкомъ) тотъ самый Лепарскій, который впослѣдствіи и уже дряхлымъ старикомъ былъ комендантомъ декабристовъ.

салъ Петру I изъ Екатеринбурга: „А ты, государь, пожалуйста, не слушай, что тебѣ говорятъ о Сибири. Всѣ они тамъ мошенники и взяточники, вѣрь такъ! Съ чего мнѣ тебя обманывать“? И не обманывалъ: князя Гагарина, властителя Сибири, Петръ принужденъ былъ вызвать въ Петербургъ и повѣсить въ 1721 году „за его неслыханное воровство“. Кому неизвѣстенъ сибирскій герой Пестель, одиннадцать лѣтъ управлявшій Сибирью изъ Петербурга, съ клевретомъ своимъ, иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ; люди начала нынѣшняго столѣтія! Пестель управлявшаго тобольскою провіантскою коммиссіею, генералъ-маіора Куткина, за то, что тотъ на званомъ обѣдѣ позволилъ себѣ въ чемъ-то не согласиться съ нимъ, всемогущимъ генералъ-губернаторомъ, гналъ до конца жизни: отдавъ подъ военный судъ, девять лѣтъ томилъ подъ строжайшимъ присмотромъ въ его собственномъ домѣ и, разлучивъ съ семействомъ, не позволялъ свиданій; дочь отъ слезъ ослѣпла. Самъ отецъ умеръ подъ стражею и оправданъ сенатомъ уже послѣ смерти. Семейство Куткина (жена съ нѣсколькими дочерями) доведено было до крайней степени нищеты; какой-то добрый человѣкъ, женившійся на одной изъ дочерей больше изъ состраданія, вывезъ несчастное семейство въ Россію уже послѣ смерти страдальца. Въ то же время Трескинъ тѣ же 11 лѣтъ изъ Иркутска управлялъ Пестелемъ въ Петербургѣ, а на мѣстѣ былъ жестокимъ тираномъ и деспотомъ: министерскихъ предписаній не слушался, частныхъ правъ не уважалъ. Зашалившійся на выходкахъ произвола, онъ заставлялъ не только старшихъ чиновниковъ, но и самого вице-губернатора снимать и подавать себѣ шубу и, замѣчая неловкость, бранилъ ихъ тутъ же на чемъ свѣтъ стоитъ. При помощи жены своей, ему невѣрной и жадной взяточницы, онъ съумѣлъ поставить дѣла управленія на ту ногу, что они стали всѣмъ ненавистны и невыносимы. Вмѣстѣ съ Пестелемъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ крѣпокъ и оба вмѣстѣ они были едва побѣдимы. Трескинъ отставилъ отъ службы одного совѣтника казенной палаты и выслалъ его изъ Иркутской губерніи съ требованіемъ ко властямъ не позволять ему жить въ одномъ мѣстѣ больше десяти дней. Пестель прибавилъ къ этому то, чтобы не выпускать гонимаго изъ предѣловъ Сибири: несчастный чиновникъ съ семействомъ, на цыганскихъ и бродяжьихъ правахъ, всю жизнь свою принужденъ былъ странствовать по Сибири. „Народъ стеналъ отъ несправедливостей и поборовъ, но его стенанія заглушались тою же силою, которая ихъ возбуждала“. Жаловаться было невозможно: на сибиряковъ наложена была Екатериною эпитимія, сибиряки признаны были кляузниками, людьми безпокойными, ябедниками. Въ одномъ указѣ ея было выговорено слѣдующее: „Читано передъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго Якобіевскаго дѣла, изъ котораго мы ничего иного не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетенъ и кляузъ“, и проч. Якобій былъ извѣстенъ сибирякамъ за безжалостнаго тирана. Положенное на Сибирь клеймо дѣлало послѣдующихъ тирановъ безопасными, способствуя имъ расширять произволъ и встать не только внѣ закона, но и здраваго смысла. За жителей Иркутской губерніи счелъ обязанностью заступиться даже и тогдашній архіерей Михаилъ. Можно судить, насколько было тяжело ссыльнымъ уже изъ одного того, что судьба ихъ была ввѣрена такому человѣку, какъ Лоскутовъ (нижнеудинскій исправникъ), которому поручено было устройство дороги между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Дорогу онъ проложилъ превосходную; селенія выстроилъ огромныя; изъ бродягъ сдѣлалъ хлѣбопашцевъ и устроилъ дѣла такъ, что, по преданію, выроненнаго проѣзжимъ по дорогѣ кошелька никто не смѣлъ утаить. Каковы были прикладныя средства и въ чемъ состоялъ ихъ секретъ, можно понять изъ того, что слухъ объ его жестокостяхъ проникъ даже до Петербурга. На мѣстѣ одно имя Лоскутова обдавало всѣхъ ужасомъ. Суровый и самовластный, какъ и его начальникъ Трескинъ, Лоскутовъ иначе не въѣзжалъ въ селеніе, какъ съ казаками, которые везли возъ розогъ и прутьевъ. Осматривая избы, заглядывая въ печи, въ чуланы, впутываясь насильно во всякую подробность домашняго быта, онъ безжалостно наказывалъ за всякое уклоненіе отъ предписанныхъ имъ правилъ. Если хлѣбъ былъ дурно выпеченъ, онъ немедленно сѣкъ хозяйку розгами; если квасъ былъ киселъ или въ лѣтнее время тепелъ, сѣкъ и хозяина. Ботфорты его, которыхъ онъ не снималъ съ себя и ночью, хорошо помнятъ до сихъ поръ. Когда онъ узналъ о приближеніи ревизоровъ, то по всему уѣзду отобралъ бумагу, перья и чернила; однако, два старика осмѣлились написать прошеніе и вручить его Сперанскому. Когда Сперанскій, въ присутствіи самого Лоскутова, велѣлъ читать секретарю своему это прошеніе вслухъ, старики упали ницъ и не вставали, выжидая, что громовыя силы разобьютъ ихъ на мѣстѣ. Когда Сперанскій тутъ же отрѣшилъ исправника отъ должности и арестовалъ и когда приведенныхъ въ чувство просителямъ объявилъ это рѣшеніе, они, трясясь всѣмъ тѣломъ и схвативъ ревизора за полу, умоляли его шепотомъ не губить себя: „Что ты дѣлаешь? не было бы тебѣ самому за насъ чего худого. Вѣдь это Лоскутовъ, вѣрно ты его не знаешь“. Тѣмъ не менѣе, имущество исправника, доходившее цѣною до 80.000 руб. (въ деньгахъ, серебрѣ и мѣхахъ), было заарестовано и самъ онъ отправленъ съ

передовымъ въ Иркутскъ. Союзъ друзей, трехъ исправниковъ, всѣхъ столько же злыхъ и отважныхъ, какъ и первый изъ нихъ, Лоскутовъ, былъ, такимъ образомъ, разрушенъ.

Сибирь въ это время была свободна отъ политическихъ изгнанниковъ. На ихъ долю выпали тиранническіе порывы и деспотическія выходки людей предшествовавшаго вѣка, столько же жестокихъ и несправедливыхъ отъ недостатка образованія и нравственнаго развитія. Иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ или, какъ онъ самъ подписывался, „со властью губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ", учреждаетъ какую-то глухую команду, ѣздитъ съ нею по городу и наводитъ страхъ на мирныхъ жителей; находится въ дружбѣ съ извѣстнымъ разбойникомъ Гондюхинымъ; разъ зазываетъ гостей на пикникъ за городъ, гдѣ нападаетъ на нихъ этотъ разбойникъ съ шайкою и грабитъ до послѣдней нитки. Мелкихъ подчиненныхъ Нѣмцовъ бьетъ своими руками. Одного изъ чиновниковъ покрупнѣе велитъ привязать къ столбу и держитъ на привязи долго въ страхъ и поученіе прочимъ. Объѣзды охотскаго коменданта Козлова-Угреина по его области долго вспоминались въ Камчаткѣ подъ именемъ „собачьей оспы". Другой охотскій начальникъ оставилъ о себѣ память въ извѣстной поговоркѣ: „На небѣ Богъ, а въ Охотскѣ—Кохъ". Народъ такъ былъ увѣренъ въ несокрушимой истинѣ подобныхъ поговорокъ и той, что „до Бога высоко, а до Царя далеко", что охотливо поступалъ по примѣру той сибирской горожанки, у которой воеводша отняла куръ съ цыплятами и обиженная утѣшилась тѣмъ, что поставила въ церкви къ иконамъ свѣчу за обидящихъ. Купцы и порядочные посадскіе, удостоенные чести приглашенія къ столу начальниковъ въ большіе праздники и именины, уходя домой, считали обязанностью своею оставлять хозяину за угощеніе по полтинѣ и по рублю. За однихъ утѣсняемыхъ гражданъ попробовалъ заступиться городской голова, пожаловался министру и былъ за то ближайшимъ начальствомъ высланъ въ Нерчинскъ (братъ его въ Жиганскъ), гдѣ оба скоро умерли. Другого именитаго купца довели до сумасшествія, посадили въ домъ умалишенныхъ, откуда онъ пропалъ безъ вѣсти. Въ Иркутскѣ не остановились даже надъ самимъ архіереемъ: вызвали его на судъ, судили его судомъ священниковъ, заставляли ѣздить въ маскарадъ и любоваться фарсами масокъ, скакавшихъ и плясавшихъ передъ нимъ. И такъ далѣе—въ безконечность.

Переходя отъ высшихъ къ низшимъ, мы видимъ цѣлый полкъ, расположенный въ западной Сибири, превратившимся въ организованную огромную шайку грабителей: за притѣсненія, грабежи и безчинства надъ обывателями сибиряки прозываютъ этотъ полкъ—Ширванскій—Уширванскимъ *). „Сибирь,—по выраженію соликамскаго лѣтописца:—была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, коммиссарами, приставами, для коихъ украсть, ограбить, даже убить человѣка изъ-за денегъ, продать душу за алтынъ, считалось ни во что". Горные начальники, будучи независимыми отъ губернатора, за темными лѣсами, за высокими горами, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ Россіи, пользовались такою обширною властью, что охотно употребляли ее во зло. Они могли производить въ чины до капитана, могли награждать и наказывать чиновниковъ и вотъ, одинъ изъ такихъ, пріѣхавшій въ нерчинскіе заводы въ 1775 году, Вас. Вас. Нарышкинъ, человѣкъ древняго боярскаго рода, крестный сынъ Екатерины II, произвелъ въ офицерскіе чины, на мѣсто исключенныхъ имъ прежнихъ чиновниковъ, новыхъ изъ каторжныхъ. Произвелъ изъ таковыхъ 120 человѣкъ и, въ томъ числѣ, въ офицеры двухъ барскихъ конфедератовъ, которые сосланы были сюда въ солдаты рабочаго горнаго батальона (Перхуровича и Викентія Касаковскаго). Этотъ Нарышкинъ съ самаго пріѣзда одиннадцать мѣсяцевъ просидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, никуда не выходя, никому не показываясь. Рѣшившись покончить съ затворничествомъ и выйдя на свѣтъ Божій въ Свѣтлое Воскресеніе, началъ цѣлый рядъ чудачествъ и сумасбродныхъ выходокъ: вмѣсто заутрени на Пасху велитъ слу-

*) Кстати нѣсколько словъ объ немъ: полкъ становился на квартирахъ въ наилучшихъ деревняхъ широко и прихотливо, отъѣдался до отвалу; шагу не дѣлалъ пѣшкомъ—всегда на крестьянскихъ подводахъ, съ изобиліемъ съѣстной провизіи, доставленіе которой лежало тяжестью на крестьянахъ. Шествіе полка въ лагерь нескончаемыми обозами уподоблялось походу двухъ цѣлыхъ армій или цѣлой губерніи, идущей на переселеніе въ обѣтованныя мѣста. Въ лагерѣ солдаты въ палаткахъ не жили, пристроиваясь въ деревняхъ и только видны были офицеры, перебѣгавшіе по лагерю въ шлафрокахъ. Нижніе чины казались исполинами и красавцами; старика ни одного; ростъ начинался съ 2 арш. 6 вершк. и оканчивался 2 арш. 13 вершк. Сбруя блестящая съ набоомъ, называемая галантерейною лавкою; лошади всѣ одной масти. Щегольство въ одеждѣ было замѣчательное: перевязи, портупеи, ратровые ремни и сапоги чистились подъ лакъ; пуговицы и пряжки были полированы. Все это на счетъ сибиряковъ-крестьянъ, все это ради наружнаго блеска. На самомъ дѣлѣ вотъ какъ характеризировалъ это воинство въ 1833 году генералъ съ опытнымъ строевымъ глазомъ. «Выправка и стройка неправильны и некрасивы; маршировка на каблукахъ (все толстяки) со вздернутыми носками; шагъ коротокъ и потому качки и стуку много, ружейные пріемы сильны, но ловкости и развязки въ рукахъ нѣтъ; стрѣльба залпами хороша, но рядами слаба и шумятъ во фронтѣ, суетятся, толкаются».

жить прежде обѣдню, въ церковь ведутъ его двѣ толстыя женщины, онъ идетъ, приплясывая и припѣвая свою любимую пѣсенку („Батюшко богатъ, черевички купилъ“); идущіе сзади чиновники ему подпѣваютъ. Принявшись за дѣла, онъ приблизилъ къ себѣ пятерыхъ секретныхъ арестантовъ, изъ которыхъ двухъ сдѣлалъ секретарями; за вины билъ батожьемъ и не сказывалъ за что: „извѣстно-де мнѣ единому“; въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся, отчета объ нихъ и самихъ денегъ въ Петербургъ не посылалъ. Когда не хватило казны, онъ взялъ деньги у богатаго купца Сибирякова, имѣвшаго нѣкоторые заводы на арендѣ. Когда въ другой разъ Сибиряковъ отказалъ, Нарышкинъ явился передъ его домомъ съ пушками и угрозою стрѣлять, если купецъ не выдастъ потребнаго; Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ положены были затребованныя пять тысячъ. Учредилъ какой-то новый праздникъ („Открытіе новой благодати“), приказывалъ всѣмъ каяться во грѣхахъ, изстрѣлялъ много пороху, того самаго, который столько необходимъ при горныхъ работахъ. Набралъ войско, присоединилъ къ нему вновь организованный гусарскій полкъ изъ тунгусовъ и двинулся съ пушками и колоколами походомъ изъ Нерчинскаго завода черезъ городъ Нерчинскъ, Братскую степь и Верхнеудинскъ на Иркутскъ. По дорогѣ останавливалъ купеческіе обозы, отбиралъ товары, выдавая росписки. Хотѣлъ завладѣть Иркутскомъ, но это предпріятіе ему не удалось. Самодуръ, названный въ указѣ шалуномъ, успѣлъ натворить много бѣдъ, оставилъ на слѣдахъ своихъ много всякихъ глупостей, чудачествъ и приключеній. Въ Верхнеудинскѣ его арестовали хитростью, увезли въ Иркутскъ, гдѣ онъ снова еще долгое время чудачилъ, пока не увезенъ былъ въ Петербургъ (см. ниже „Исторію каторги“). Послѣдовавшіе за нимъ (исключая Барбота-де-Марни) горные начальники были немногимъ лучше его. Рычковъ хотя и былъ образованнымъ и умнѣйшимъ человѣкомъ, но въ то же время суровымъ до того, что забивалъ людей палками до смерти, хотя смертная казнь и уничтожена была еще Елизаветою. Начальникъ Кутомарскаго завода, Милекинъ, жестокимъ обращеніемъ своимъ навелъ на всѣхъ такой страхъ, что во время прогулокъ его по улицамъ, дѣти убѣгали прочь и старики прятались за углами домовъ, а когда ходилъ по селенію, живой души не было видно, всякій боялся встрѣчи съ нимъ. Другой изъ приставниковъ, еще меньше званіемъ и мельче знаніемъ (урядникъ Кулаковъ) походилъ на рѣшительнаго звѣря: всякій разъ, когда онъ шелъ на мѣсто работъ, за нимъ несли пуки розогъ. Если онъ бывалъ въ непріятномъ расположеніи духа и кто нибудь не понравился ему на первыхъ шагахъ, приказывалъ сѣчь розгами, одного за другимъ, всю громаду работниковъ; нѣкоторыхъ уносили прямо въ лазаретъ. Поднимаясь по чинамъ обратно выше, мы наталкиваемся на одного изъ такихъ, который изъ доворщиковъ уральскихъ за то, что забилъ палками одного работника за криво вкопанный въ землю столбъ, былъ присланъ въ начальники нерчинскаго рудника. Горный начальникъ Теодоръ Фришъ, котораго жена водила за носъ, попускалъ слабостью своею настолько, что злая женщина позволяла себѣ наказывать подчиненныхъ и любила сама присутствовать при наказаніи. Другой горный начальникъ, кривой Черницынъ, былъ настолько жестокъ, что не ходилъ и не ѣздилъ безъ плети. Въ дорогѣ требовалъ, чтобъ его везли не иначе, какъ вскачь, и если ямщикъ останавливался, онъ самъ выходилъ изъ экипажа и производилъ собственноручную жестокую расправу. Много лошадей пало подъ нимъ; много страху и всякихъ обидъ натерпѣлись отъ него всѣ, надъ кѣмъ ему доводила судьба начальствовать; разъ вскинулся на крестьянина за то, что тотъ во время разговора съ его помощникомъ обратился къ самому Черницыну спиною, и избилъ его такъ, что невинный крестьянинъ черезъ два дня умеръ.

Но эти послѣдніе дѣятели увели насъ изъ прошлаго столѣтія въ настоящее (Черницынъ начальствовалъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго); возвращаемся назадъ, въ прошлое, чтобы досказать о судьбѣ первыхъ польскихъ ссыльныхъ въ Сибири.

Народная почва, къ довершенію несчастій первыхъ политическихъ ссыльныхъ, была еще не готова. Имъ на первыхъ же порахъ привелось столкнуться съ самымъ крупнымъ народнымъ предразсудкомъ, основаннымъ на религіозномъ предубѣжденіи, а потому вдвойнѣ опаснымъ. Для православныхъ сибиряковъ поляки были поганые обливанцы. Когда появились въ Сибири первые иновѣрцы въ видѣ плѣнныхъ шведовъ изъ войскъ Карла XII, ни одна сибирячка не рѣшалась выходить за нихъ замужъ. Въ 1714 году въ Тобольскѣ ихъ гнали съ квартиръ, выбрасывали на улицу ихъ пожитки, осыпали бранью. У начальства они не находили защиты, получали даже пощечины. Русскіе считали ихъ нехристями, священники не вѣнчали. Хотя нѣкоторымъ шведамъ и удалось жениться на православныхъ, но женъ у нихъ отнимали и выдавали за другихъ мужей. В. Н. Татищевъ, извѣстный устроитель уральскихъ заводовъ, принужденъ былъ выговорить себѣ право дозволять на р. Исети (гдѣ теперь Екатеринбургъ и гдѣ онъ полагалъ основать заводъ) селиться желающимъ изъ шведскихъ плѣнниковъ съ тѣмъ, чтобы имъ позволено было жениться на русскихъ дѣвушкахъ безъ перемѣны религіи. Это требованіе вызва-

ло указъ синода, разъяснившій, что бракъ съ иновѣрцами безгрѣшенъ *). Браки установились, но не было такого высшаго правительственнаго мѣста, которое владѣло бы силою разъяснять и ослаблять другіе общественные предразсудки. Положеніе первыхъ политическихъ ссыльныхъ было весьма не блестящее.

Изъ группы первыхъ ссыльныхъ поляковъ ярче другихъ выступаетъ одна замѣчательная личность, съумѣвшая своими похожденіями значительно оживить вообще однообразную исторію политическихъ ссыльныхъ и наполнить разсказами о себѣ не только Сибирь и Россію, но и Европу. Имя его стало для Сибири настолько историческимъ, что и до сихъ поръ тамъ жива о немъ память, не смотря на то, что сцена дѣйствій—одинъ изъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ угловъ Сибири. Это Морицъ-Августъ Беневскій, именовавшій себя въ Камчаткѣ венгерцемъ Бейноксомъ и называвшійся тамошнимъ народомъ „Августъ-Полякъ". Судьба его такъ интересна, что мы рѣшаемся остановиться здѣсь, чтобы возстановить правду событія по сказаніямъ сибиряковъ-свидѣтелей дѣла въ сопоставленіи съ разсказомъ самого героя, неумѣренно лживаго и не безрасчетно хвастливаго **).

Беневскій съ прочими конфедератами, въ силу правила, обрекавшаго въ ссылку только тѣхъ поляковъ, которые не сдержали даннаго слова и, будучи выпущены изъ плѣна, вновь пойманы съ оружіемъ, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ русскихъ ***). На его долю выпала Казань, куда онъ былъ посланъ на житье вмѣстѣ съ плѣннымъ шведомъ и тоже конфедератомъ Адольфомъ Винбладомъ. Здѣсь—по свидѣтельству ген.-прокурора Вяземскаго—„онъ дѣлалъ разными ухищреніями и дерзкими поступками между своими единомышленниками возмущеніе, отъ чего и былъ удержанъ"; но на этомъ не остановился. Съ подложнымъ паспортомъ онъ ушелъ изъ Казани въ Калугу, гдѣ на то время также содержались нѣкоторые „изъ знатнѣйшихъ польскихъ арестантовъ". Изъ Калуги, тщательно скрывая свое имя, Беневскій отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ Винбладомъ. „Въ семъ столичномъ городѣ перемѣнялъ свое имя и видъ, до тѣхъ поръ скрываясь по трактирамъ, пока, по увѣдомленіи изъ Казани, узнанъ и взятъ былъ полиціею подъ караулъ" въ то время, когда готовъ былъ сѣсть на корабль и плыть за границу. „А какъ изъ его разспросовъ и внѣшняго его страннаго вида усмотрѣнъ онъ человѣкъ не только злонамѣренный, но и отчаянный", то и приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ Сибири для опасныхъ преступниковъ, каковыми считались въ тѣ времена политическіе и государственные, полагались самыя отдаленныя крѣпости, а самымъ моднымъ мѣстомъ (съ половины прошлаго столѣтія до начала нынѣшняго) считалась Камчатка, а потому Беневскому и указана была эта мѣстность.

Спутниками ему въ дорогѣ и товарищами въ ссылкѣ оказались государственные преступники: маіоръ (изъ шведовъ) Винбладъ, гвардіи поручикъ Василій Пановъ, арміи капитанъ Ипполитъ Степановъ, бывшій артиллеріи полковникъ Батуринъ и сенатскій секретарь Иванъ Сольмановъ. Пановъ и Степановъ, кажется, сосланы за сопротивленіе наказу о сочиненіи Уложенія при Екатеринѣ II. Съ ними и повезли Беневскаго, въ декабрѣ 1769 г., вдоль Сибири, за 13 тысячъ верстъ отъ Петербурга, черезъ Тобольскъ (гдѣ знаменитый сибирскій администраторъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, хорошо принялъ ихъ и обласкалъ) на Охотскъ. Здѣсь начальникъ порта, полковникъ Пленисперъ также обошелся ласково, а купцы снабдили разными вещами и припасами. На частномъ суднѣ тотемскаго купца Холодилова ссыльные въ іюлѣ 1770 года отплыли въ Камчатку и 1.440 верстъ успѣли проплыть въ девять дней, совершивъ весь путь въ полтора года. На пути по морю до Камчатки Беневскій думалъ запереть стражу внизу, завладѣть судномъ и направиться въ испанскія владѣнія. Но было поздно и намѣреніе отложено. Судно пристало въ Большерѣцкѣ—столицѣ тогдашней Камчатки, уступившемъ впослѣдствіи старѣйшинство свое Нижнекамчатску, а потомъ Авачѣ или Петропавловску.

Устьемъ широкой рѣки, называемой Большою

*) Татищевъ объявилъ этотъ указъ на заводахъ священникамъ и плѣннымъ и тѣхъ, которые женятся, не велѣлъ считать невольниками. Много шведовъ жило, кромѣ Тобольска и Соликамска, на казенныхъ уральскихъ заводахъ Уктусскомъ и Алапаевскомъ и на Демидовскихъ (Невьянскомъ, Верхне-Тагильскомъ, Шуралинскомъ и друг.). Иные изъ нихъ занимались ремеслами, другіе мелочною торговлею, многіе заводскими работами. Татищевъ нашелъ Шенстрема, который имѣлъ въ Швеціи свои собственные желѣзные заводы и, будучи знатокомъ въ металлургіи, во многомъ помогъ своими совѣтами первому устроителю уральскихъ заводовъ. Артиллеристъ Шульцъ составилъ ему карту заводскихъ земель и приписныхъ къ нимъ слободъ и деревень (и получилъ за то 25 рублей, сверхъ прогонъ и 5 руб. подъемныхъ). Миръ со Швеціею освободилъ всѣхъ, кромѣ добровольно пожелавшихъ остаться; такихъ на заводахъ оказалось двое: Берглинъ и Шедарь (первый въ Кунгурскомъ уѣздѣ завѣдывалъ рудничными работами, второй былъ смотрителемъ Уткинской пристани).

**) Кромѣ слѣдственнаго дѣла о Беневскомъ, сохранилась, между прочимъ, записка канцеляриста Рюмина, ходившаго съ нимъ до Китая и представившаго ее русскому резиденту въ Парижѣ Хотинскому.

***) Взятъ онъ въ плѣнъ въ 1768 году и выпущенъ на честное слово, что въ эту кампанію не станетъ драться, но въ маѣ 1769 г. снова попался въ плѣнъ къ полковнику Бринкину.

и давшею свое имя крѣпостцѣ, мимо небольшого селенія, стоящаго у самаго устья рѣки со складочными амбарами для казеннаго провіанта, подошли новые ссыльные къ самому городку Большерѣцку, расположенному на краю свѣта въ отдаленномъ и, можно сказать, дикомъ мѣстѣ. На берегу ихъ встрѣтилъ самъ начальникъ Камчатки, арміи капитанъ Ниловъ. Опросивъ прибывшихъ ссыльныхъ, онъ съ тѣми же разспросами обратился и къ Беневскому.

— Кто ты таковъ?—спросилъ онъ его.

— Солдатъ, бывшій нѣкогда генераломъ, а теперь невольникъ,—отвѣчалъ Беневскій *).

Отвѣтъ капитану понравился. Задичалый на безлюдьѣ Ниловъ бойко выдѣлившагося изъ толпы Беневскаго приблизилъ къ себѣ и, подъ впечатлѣніями самобытной и богатой натуры образованнаго, смѣлаго и бывалаго человѣка, очутился вскорѣ въ томъ положеніи, когда простое сближеніе переходитъ въ дружбу и привязанность. Начальникъ съ ссыльнымъ конфедератомъ стали неразлучны: Беневскій обучалъ начальническаго сына иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Насколько былъ искрененъ въ своихъ отношеніяхъ къ ссыльному простодушный и довѣрчивый армейскій капитанъ, настолько была сомнительна къ нему привязанность бывшаго генерала, прошедшаго сквозь огонь и воду. Самую тѣсную и нелицемѣрную дружбу завязалъ Беневскій съ Петромъ Хрущевымъ, капитаномъ гвардіи, сосланнымъ по указу 6 декабря 1763 года—человѣкомъ отличнаго ума и большихъ познаній. Къ нему Беневскій былъ помѣщенъ на квартиру. Взаимная привязанность съ этой стороны была прочнѣе, такъ какъ основывалась она, при одинаковомъ уровнѣ образованія, на обоюдной симпатіи, порождаемой сходствомъ участи, страданіями и лишеніями ссылки. Друзья занимались обученіемъ дѣтей, собирались даже завести школу русскаго языка для камчадаловъ, читали книги и, между прочимъ, прочли путешествіе лорда Ансона. Дочитавшись до описанія Mapиніанскaгo острова Тиніана, они увлеклись до того, что стали задумываться надъ возможностью бѣгства въ ту соблазнительную страну, не боясь всякаго рода приключеній, на которыя столь охотливо ходили въ то мремя отважные люди всѣхъ націй. Въ томъ же Большерѣцкѣ, пятью-шестью годами позднѣе, маіоръ Бемъ угощалъ спутниковъ знаменитаго Кука (Гора и Кинга) такъ, что заставилъ ихъ передъ лицомъ всего свѣта превозносить русскихъ похвалами за ихъ гостепріимство и пособія. Черезъ десять лѣтъ позднѣе, и сюда же, приходилъ Лаперузъ.

Примѣръ европейцевъ, между которыми Ансонъ былъ не первымъ, укрѣпилъ европейца Беневскаго въ мысли на возможности кругосвѣтнаго плаванія, а Хрущева на возможности заговора въ средѣ людей недовольныхъ и озлобленныхъ ссылкою. Хрущевъ сталъ во главѣ, какъ человѣкъ, успѣвшій присмотрѣться къ камчатскимъ дѣламъ и возбудившій къ себѣ общую любовь и довѣріе. Опытнымъ и осторожнымъ камчатскимъ заговорщикамъ все благопріятствовало: Большерѣцкъ только носилъ имя города. На самомъ дѣлѣ это было маленькое селеніе съ деревянною церковью, худшею, чѣмъ обыкновенная сельская, съ казеннымъ домикомъ коменданта, казармою, амбарами и десятками кое-гдѣ разбросанныхъ избушекъ. Въ нихъ жили семейства казаковъ, старыхъ и малыхъ 70 человѣкъ, но изъ этого числа нѣкоторая часть находилась въ раскомандировкѣ по полуострову за разными казенными дѣлами. Крѣпость защищалась только ветхими стѣнами самихъ строеній, но Беневскій, оставившій описаніе своихъ похожденій въ книгѣ, изданной въ Парижѣ въ 1791 году *), хвастливо представлялъ мѣсто своихъ камчатскихъ похожденій въ самомъ ложномъ видѣ, называя капитана Нилова—губернаторомъ, казацкаго офицера —

*) Графъ Морицъ-Августъ Беневскій—магнатъ королевствъ польскаго и венгерскаго, сынъ кавалерійскаго генерала имперской службы, род. въ 1741 г. въ венгерскомъ комитатѣ Нейтра и началъ службу австрійскимъ лейтенантомъ во время семилѣтней войны, причемъ участвовалъ въ бояхъ подъ Прагою и Швейдницемъ. Въ 1758 г. его вызвали въ Литву, гдѣ ему приходилось получить значительное наслѣдство; выйдя въ отставку, Беневскій отправился путешествовать, побывалъ въ Гамбургѣ, Амстердамѣ и Плимутѣ, гдѣ ознакомился съ морскимъ дѣломъ. Возвратясь въ Польшу, принялъ участье въ краковской и барской конфедераціяхъ, произведенъ въ кавалерійскіе полковники и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ. Въ 1765 г. получилъ значительное наслѣдство отъ дяди, но узнавъ, что имѣніемъ этимъ завладѣли его двоюродные братья, уѣхалъ въ Венгрію, вооружилъ людей, съ огнемъ и мечемъ завладѣлъ землями (суда не искалъ). Братья счастливо ускользнули изъ плѣна и пожаловались правительству. Поступокъ Беневскаго сочли за бунтъ, приказали отнять имѣніе и предать его суду. Беневскій бѣжалъ изъ Австріи и окончательно поселился въ Польшѣ; въ 1767 г. думалъ отплыть въ Индію, но, снова получивъ приглашеніе отъ польскихъ магнатовъ, вступилъ въ конфедерацію съ прежнимъ чиномъ полковника, а 6 іюля 1768 г. за храбрость получилъ чинъ генерала.

*) Voyages et mémoires de Maurice August comte de Benjowsky. Коцебу сдѣлалъ изъ этого романа драму, которая переведена на русскій языкъ, три раза напечатана и нѣкоторое время давалась на петербургскомъ нѣмецкомъ театрѣ (но потомъ запрещена). Самое путешествіе переведено было на англійскій, нѣмецкій и другіе языки и пользовалось въ Европѣ огромною извѣстностью. Между прочимъ, Беневскій вплелъ цѣлый романъ о своихъ отношеніяхъ къ Аѳанасіи Ниловой, дочери капитана, который ихъ обручилъ; дѣвушка не захотѣла разставаться съ своимъ возлюбленнымъ и приняла участье въ его бѣгствѣ, но въ Макао умерла на рукахъ Беневскаго.

гетманомъ, гнилой палисадъ — крѣпостью, канавку, черезъ которую могъ перепрыгнуть ребенокъ—рвомъ, нѣсколько человѣкъ престарѣлыхъ казаковъ—сильнымъ гарнизономъ и проч. Заговорщикамъ удалось склонить на свою сторону недовольныхъ изъ ссыльныхъ до 65 человѣкъ (по другимъ 70, по Беневскому 96) и, кромѣ того, казенныхъ штурмановъ и подштурмановъ. Заговоръ и намѣренія свои съумѣли удержать они въ величайшей тайнѣ; ждали только случая привести его въ исполненіе. Обстоятельства, между тѣмъ, продолжали слагаться благопріятно.

Изъ Охотска вышелъ купецъ Чулошниковъ на суднѣ въ 150 тоннъ для звѣринаго промысла на Алеутскихъ островахъ, но плылъ неудачно; едва дошелъ онъ до камчатскаго берега, какъ судно его было выброшено на прибрежныя отмели. Пѣшкомъ кое-какъ добрался промышленникъ до Большерѣцка и остановился тутъ на зиму. Команда, тѣмъ временемъ, пришла въ уныніе, упала духомъ и. наконецъ, вышла изъ повиновенія. Чулошниковъ обратился къ начальству, прося помощи и содѣйствія; недовольство возросло. Беневскій успѣлъ въ этой мутной водѣ наслѣдить рыбу: заявивъ о своихъ намѣреніяхъ, подобралъ партію для весьма заманчиваго предпріятія. Недовольные обратились къ нему депутаціею, прося покровительства. Онъ отдѣлался оракульскимъ отвѣтомъ, но такимъ, который всю команду расположилъ въ его пользу.

Для возбужденія сочувствія въ простыхъ людяхъ, заговорщики внушали имъ, что Беневскій и привезенные съ нимъ арестанты страждутъ невинно за государя великаго князя Павла Петровича. На этотъ случай у Беневскаго имѣлся зеленый конвертъ, каковой онъ неоднократно показывалъ, выдавая печать за царскую и увѣряя, что подъ нею письмо къ римскому императору о желаніи Павла вступить въ бракъ съ его дочерью, съ каковымъ Морицъ и ѣхалъ, но былъ схваченъ на дорогѣ и сосланъ; драгоцѣнный залогъ высочайшаго довѣрія сохранитъ онъ до конца жизни и доставитъ.

Въ январѣ, въ квартирѣ Беневскаго, начались частыя сходбища. Новый приказчикъ, смѣнившій Чулошникова (Ст. Торговкинъ), пришелъ къ Нилову съ жалобою на команду и съ указаніемъ на поляка, какъ на главнаго виновника смутъ. Беневскій сдѣлался осторожнымъ. Когда Ниловъ собрался осматривать Авачу, онъ пришелъ къ нему съ просьбою принять планъ колоніи на южной оконечности Камчатки, на мысѣ Лопаткѣ; обезпечивалъ вѣроятіе успѣха, при хорошемъ, благопріятномъ климатѣ, на заведеніе хлѣбопашества и говорилъ:

— Мы уже сдѣлали между собою всѣ нужныя приготовленія и осмѣлились наименовать новое селеніе наше въ честь вашу Ниловкою. Теперь остается намъ испросить послѣднюю милость: пожаловать какое нибудь судно для отвоза вещей.

Простой, добродушный, довѣрчивый и нетрезвый Ниловъ плѣнился предложеніемъ и согласился отпустить Беневскаго для предварительнаго осмотра мѣстности. Беневскій съ шестью товарищами уѣхалъ. Возвратившись черезъ 11 дней, онъ получилъ радостное извѣстіе, что Хрущевъ успѣлъ подговорить штурмана Гурина (командира пакетбота), готоваго идти въ началѣ мая въ море. Согласіе Гурина—безповоротно и надежно въ томъ отношеніи, что другого выхода ему не представлялось: идти въ Охотскъ онъ не могъ, безъ стыда и опасностей, по случаю неоплатныхъ долговъ своихъ; согласіе же свое онъ далъ подъ впечатлѣніями недовольства своего на начальство, предавшее его суду за неповиновеніе и развратное поведеніе.

Въ ожиданіи ледохода заговорщики принялись обезпечивать возможность предпріятія съ другихъ сторонъ. Между прочимъ, сочинили и распространили басню о какомъ-то островѣ вблизи Камчатки, до того богатомъ золотомъ, что имъ легко нагрузить цѣлый корабль. Говорили:

— Мы придемъ туда скоро, нагребемъ на гальотъ золота. Кто не захочетъ идти съ нами въ Европу, того высадимъ ни камчатскій берегъ.

Ниловъ ничего не подозрѣваетъ, обойденный предложеніемъ устройства Ниловки; доносамъ не вѣритъ, не вѣритъ даже и старику Петру Ивашкину, сосланному Елизаветою въ 1742 г. за дерзкія слова, сказанныя имъ въ трактирѣ *). Ивашкинъ много разъ предупреждалъ командира о грозившей ему опасности и существованіи заговора, совѣтуя содержать Беневскаго и Батурина подъ крѣпкимъ карауломъ. Ниловъ предостереженіямъ не повѣрилъ и совѣтовъ не послушался. Не повѣрилъ и одному изъ чиновниковъ, когда тотъ явился къ нему уже весною (25 апрѣля) вмѣстѣ съ казачьимъ сотникомъ и говорилъ, что число бунтовщиковъ увеличивается съ каждымъ днемъ, что они могутъ завладѣть Камчаткою, что надо принять скорыя и крутыя мѣры и проч. Беневскій же къ этому времени успѣлъ разбить свою партію на три части: одну поручилъ шведу Винбладу, другую—Хрущеву, третью часть оставилъ за собою. Едва онъ успѣлъ распорядиться, какъ пришелъ къ нему сержантъ Нилова съ приказаніемъ явиться. Беневскій, оправдавшись болѣзнью, не пошелъ. Явился за нимъ казачій сотникъ, опять звалъ къ начальнику, но и этотъ получилъ тотъ же отвѣтъ. Сотникъ вздумалъ пристращать:

— Если не пойдешь добровольно, прикажу казакамъ тащить тебя.

Два казака уже и вошли было исполнить приказаніе, но товарищи Беневскаго, выскочивъ изъ-за перегородки, всѣхъ троихъ пришедшихъ связали. Вечеромъ Ниловъ прислалъ

*) Объ Ивашкинѣ и Батуринѣ и другихъ государственныхъ преступникахъ—въ слѣдующей главѣ.

приказъ выпустить сотника и придти Беневскому. Получивъ въ отвѣтъ обѣщаніе придти завтра, Ниловъ ждетъ терпѣливо до 11 часовъ утра. Заговорщики всю ночь не спали, опасаясь внезапнаго нападенія, и въ эту ночь успѣли обдумать все.

Ниловъ, не дождавшись, велитъ собраться солдатамъ и идти схватить ослушника. Приходитъ капралъ съ шестью человѣками, требуетъ сдачи; Беневскій зоветъ его выпить чашку чая; капралъ соглашается—входитъ. Беневскій приставляетъ къ груди его пистолетъ и заставляетъ вызывать людей съ улицы въ избу поодиночкѣ. Вызвавъ ихъ, связали товарищи его веревками и всѣхъ потомъ посадили въ погребъ. Къ тому времени собираются остальные товарищи, Беневскій разбиваетъ ихъ на двѣ партіи: одну посылаетъ овладѣть канцеляріею, съ другою идетъ самъ въ крѣпость.

Квартиру Нилова оберегаютъ 8 человѣкъ, но они всѣ спятъ. Заговорщики стучатъ и не достучатся. Проснувшійся сынъ Нилова даетъ знать отцу о приходѣ многихъ людей, но въ это время крюкъ отъ дверей былъ сорванъ, пришедшіе ворвались съ неистовыми криками. Ниловъ успѣлъ было схватить Беневскаго за галстухъ, но самъ палъ съ разбитымъ пулею черепомъ, съ порѣзанною лѣвою рукою и глубокою раною въ ногѣ. Трупъ его вытащили въ сѣни и бросили. Подчиненные Нилова, не участвовавшіе въ заговорѣ, поспѣшили броситься вонъ изъ крѣпости. Одинъ казакъ пролежалъ все время подъ столомъ. Наибольшее сопротивленіе оказалъ сынъ сотника Чернаго, который изъ собственнаго дома стрѣлялъ въ мятежниковъ изъ ружья. Его обезоружили и посадили подъ караулъ въ крѣпости. Въ крѣпость приходитъ Хрущевъ съ извѣстіемъ, что канцелярія взята безъ всякаго сопротивленія. Рѣшено: Панову съ 22 человѣками идти собрать дѣтей и женщинъ въ церковь, обложить ее кругомъ соломою и объявить остальнымъ жителямъ, что, при малѣйшемъ противодѣйствіи съ ихъ стороны, жены и дѣти ихъ будутъ сожжены. Буйные промышленники купца Холодилова бросились было грабить и хотѣли убить приказчика, но Беневскій далъ ему случай спастись бѣгствомъ и укротилъ буйныхъ. Затѣмъ отправился въ канцелярію, сѣлъ за судейскій столъ и приводилъ народъ къ присягѣ новому императору.

Пановъ и Ватуринъ дѣлаютъ опись деньгамъ въ казначействѣ и всѣмъ казеннымъ вещамъ, отбираютъ изъ послѣднихъ тѣ, которыя намѣрены взять съ собою *). Когда сосчитаны были деньги, Беневскій сталъ раздавать ихъ единомышленникамъ и разнымъ купцамъ, находившимся въ Большерѣцкѣ: одному Кузнецову (котораго назначилъ своимъ адъютантомъ) далъ три тысячи. Въ 9-мъ часу вечера велѣлъ принести привезенное изъ Охотска казенное хлѣбное вино. Винбладъ принесъ двѣ фляги, которыя тутъ же и были роспиты; остальнымъ виномъ Беневскій поилъ какъ своихъ, такъ и всѣхъ жителей, находившихся подъ карауломъ. Выйдя изъ канцеляріи, поставили около нее заряженныя ядрами и картечами пушки и мортиру и значительное число вооруженныхъ людей на всю ночь.

На другой день (27-го апрѣля) Беневскій похоронилъ Нилова самъ, подлѣ Успенской церкви. Затѣмъ тотчасъ же велѣлъ готовиться къ походу: къ 28-му числу были изготовлены пароны и для того собраны боты и лодки (числомъ 11-ть), принадлежавшіе тамошнимъ казакамъ и жителямъ; погружены порохъ и артиллерійскіе снаряды, казенное остаточное вино, провіантъ и рухлядь (кромѣ соболей и лисицъ); посажены всѣ люди, какъ аманаты (кромѣ малолѣтнихъ). Сообщники его, между тѣмъ, грабили кого хотѣли, отчего многіе жители бѣжали и нѣкоторое время скрывались въ тундрахъ. 30-го апрѣля Беневскій былъ уже въ Чекавинской гавани, вблизи устьевъ Большой рѣки, и занялся приготовленіемъ гальота „Св. Петра", бывшаго еще во льду. На немъ-то онъ и ушелъ кругомъ свѣта черезъ 12-ть дней (12 мая 1771 г.). Доносчиковъ канцеляристовъ онъ взялъ съ собою и одному изъ нихъ, болѣе другихъ виновному, велѣлъ исправлять тяжелую работу коха. На гальотѣ водружено было знамя императора; вся пустившаяся въ плаваніе шайка называлась „собранною компаніею для имени его императорскаго величества Павла Петровича". Всѣ дали присягу защищать знамя до послѣдней капли крови. Затѣмъ они составили объявленіе для отсылки черезъ Большерѣцкъ въ правительствующій сенатъ и подписались всѣ заговорщики, кромѣ Хрущева. Въ объявленіи кратко излагалось, что законный государь Павелъ Петровичъ незаконно лишенъ престола, что разорительная война съ Польшею ведется для одного Понятовскаго, что народная собственность, вино и соль, отданы на откупъ немногимъ; что отъ монастырей взяты крестьяне на воспитаніе незаконныхъ подкидышей, что у депутаціи для составленія законовъ отнято право свободнаго обсужденія; что подати необычайны и оброкъ безразлично собирается съ калѣкъ и младенцевъ, какъ бы со здоровыхъ; что несправедливые, криводушные судьи наказываются только денежнымъ штрафомъ; что добытымъ золотомъ пользуются только одни царскіе любимцы; что народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и страждетъ; что Камчатка раззорена своевольными начальниками.

*) Въ цейхгаузѣ, вмѣстѣ съ пороховою казною, артиллерійскими припасами и другими военными снарядами, нашли и ясачную казну, собранную съ ясачныхъ камчадаловъ. Беневскій говоритъ, что однихъ бобровъ было 748, [illegible]ъ 268 и 1.900 соболей.

Какъ до сихъ поръ помогалъ Беневскому умъ, удержавшій въ толпѣ ненадежныхъ людей тайну заговора въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и постигнувшій возможность достичь изъ Камчатки въ Китай, такъ теперь начинаетъ дѣйствовать отвага, разсчитывающая совершить опасное морское плаваніе при пособіи кое какой карты, приложенной къ путешествію Ансона. Тѣмъ не менѣе, придерживаясь береговъ, на шестой день плаванія искатели приключеній завидѣли первый островъ (островъ оказался четвертымъ изъ Курильскихъ, Мазикакомъ). На немъ бѣглецы пекли хлѣбы, сушили сухари, исправляли судно, шили флаги и вымпелы и творили судъ надъ тѣми, которые рѣшились „всѣхъ тѣхъ злодѣевъ на суднѣ погубить и, овладѣвъ судномъ, идти обратно въ Большерѣцкъ“. Троихъ изъ нихъ Беневскій высѣкъ нещадно кошками, но оставилъ на суднѣ. Трое другихъ (штурманскій ученикъ Измайловъ и камчадалъ Парончинъ съ женою), высѣченные кошками, оставлены были на пустомъ островѣ съ нѣкоторымъ запасомъ ржаной муки. Какъ они потомъ ни кричали, сколько ни плакали, Беневскій оставался въ своемъ рѣшеніи непоколебимымъ *). Подъ англійскимъ вымпеломъ гальотъ „Св. Петра“ пошелъ въ море дальше. Свѣжею водою при слѣдующей стоянкѣ наливался гальотъ уже на одномъ изъ японскихъ острововъ, не смотря на то, что жители, стоя на берегу, отмахивали ихъ лодку отъ берега. Сухари пекли и снова наливались водою, подъ защитою артиллеріи, на берегу новаго японскаго острова Танао-Сима. Слѣдующая стоянка не посчастливила: жители не только не пустили на берегъ, но еще затѣяли перестрѣлку. Островъ этотъ былъ уже Формоза. На немъ изъ прибывшихъ за свѣжею водою туземцы троихъ убили (и, между прочимъ, Василія Панова), троихъ ранили стрѣлами. Беневскій жестоко отомстилъ имъ за то тѣмъ, что изъ первыхъ попавшихся плывшими мимо на лодкѣ троихъ застрѣлилъ, за другими двумя послалъ погоню, которая и изрубила ихъ въ куски. Трупы товарищей похоронили, шалаши и лодки сожгли и, выбросивъ на островъ 21 ядро, поплыли дальше. Пять дней бродили, не зная своего мѣста. Пристали къ китайскимъ берегамъ и здѣсь, въ городѣ Макао, при содѣйствіи португальцевъ, Беневскому удалось продать гальотъ губернатору за 4.500 піастровъ. О приставаніи корабля въ Макао пограничное сибирское начальство узнало отъ миссіонера Августина, дало знать въ Иркутскъ уже въ то время, когда императрица частнымъ образомъ узнала о камчатскомъ событіи и о возвращеніи Беневскаго въ Европу. Въ Макао русскіе узнали обманъ, до котораго себя допустили. Беневскій, живя у губернатора острова и продавъ гильотъ какъ свою собственность, объявилъ ему, что его отечество Венгрія, почему и всѣмъ русскимъ велѣлъ также называться унграми, запретилъ имъ креститься и молиться образамъ. Винбладъ и Степановъ съ нимъ разсорились, но Беневскій успѣлъ оклеветать всѣхъ въ намѣреніи произвести бунтъ и завладѣть городомъ. Ихъ разсадили по тюрьмамъ, всѣ принуждены были смириться, кромѣ Степанова, не хотѣвшаго дать подписки на подданство римскому императору; онъ предпочелъ за лучшее остаться въ заточеніи. Беневскій его съ собою не взялъ. На дальнѣйшемъ плаваніи его умеръ Батуринъ и оставлено больными еще семь человѣкъ; пять человѣкъ умерли во Франціи. Часть команды (15 человѣкъ изъ 70) умерла отъ лихорадки и горячки, другая часть помѣстилась на двухъ французскихъ фрегатахъ и немедленно отправилась изъ Кантона въ море. Въ мартѣ 1772 г. бѣжавшіе изъ Камчатки русскіе пристали къ французскому острову Иль-де-Франсу. Въ концѣ марта слѣдующаго года пробирались они пѣшкомъ въ Парижъ и явились тамъ къ резиденту Хотинскому, который обласкалъ ихъ и удовольствовалъ. 30-го сентября того же 1773 года кругосвѣтные плаватели приплыли въ Кронштадтъ; 3 октября ихъ отправили въ Сибирь, въ сопровожденіи двухъ сенатскихъ курьеровъ и съ извѣщеніемъ новому камчатскому коменданту о томъ, что „по дошедшимъ ко двору извѣстіямъ, Беневскій (извѣстный въ Камчаткѣ подъ именемъ венгерца Бейснокса) явился во Франціи и нашелъ себѣ покровительство, какъ у державы, къ Россійской имперіи не доброхотствующей“. „Французскій дворъ (пишетъ далѣе генералъ-прокуроръ Вяземскій), вооружа для него фрегатъ и малую флотилію, отправляетъ его съ 1.500 человѣкъ войска, якобы въ Остъ-Индію для завоеванія тамъ новаго у варваровъ селенія, въ самомъ же дѣлѣ, по примѣчаніямъ, прямое намѣреніе его экспедиціи укрывается. Данное отчаянному оружіе въ руки, сколько ни кажется смѣха и презрѣнія достойнымъ, благоразуміе однакожъ заставляетъ и противъ безумнаго стремленія остерегаться, тѣмъ паче, когда оно отчаянною головою въ дѣйство производится. Но какъ притомъ помянутаго Беневскаго во время арестованія въ Петербургѣ самъ я видѣлъ человѣкомъ, которому жить или умереть все едино, то изъ сего не безъ основанія и подозрѣвать можно, что онъ, зная свободный проѣздъ до Камчатки и имѣя о берегахъ и о жителяхъ ея свѣденія, не покусился бы когда сдѣлать и на нее какіе либо поиски“.

Опасенія были напрасны: Беневскій предла-

*) Судьба сжалилась надъ этими нашими Робинзонами тѣмъ, что во время одного изъ обходовъ ими острова привела на четвертый день къ судну русскихъ промышленниковъ купца Протодьяконова. Измайловъ во все это время питался однѣми ракушками, морскою капустою и кореньями.

галъ французскому правительству завести колонію на Формозѣ, но двору хотѣлось занять Мадагаскаръ. Туда онъ и отправился на счетъ правительства. Полтора года провелъ онъ тамъ въ борьбѣ съ жителями и съ начальникомъ острова Иль-де-Франса, но борьбы и интригъ не выдержалъ и бѣжалъ въ Лондонъ. Здѣсь написалъ мемуары свои, наполненные всякаго рода заманчивыми баснями; издатель Магелланъ познакомилъ его съ богатымъ торговымъ американскимъ домомъ въ Бальтиморѣ. Въ 1784 году Беневскій былъ тамъ и успѣлъ согласить на завоеваніе Мадагаскара. Двѣ пушки привѣтствовали его, какъ стараго знакомаго на этомъ островѣ съ крѣпости Луибурга 20 сентября 1784 года. Вступивъ на берегъ, онъ вскорѣ началъ усиливаться до того, что версальскій кабинетъ, при содѣйствіи англичанъ, рѣшился вытѣснить его оттуда и отправилъ фрегатъ съ ротою солдатъ; солдаты Беневскаго затѣяли съ французами свалку. Беневскій не хотѣлъ сдаваться, засѣлъ въ замкѣ, имъ же самимъ построенномъ. Боясь засады, французы четыре дня не рѣшались идти; войдя, увидѣли три трупа и между ними трупъ красавца Беневскаго съ орденами св. Духа и Людовика на груди; въ карманѣ—полпіастра, въ сердцѣ—пуля, пущенная, говорятъ, 23 мая 1786 г. однимъ изъ туземцевъ, не хотѣвшимъ бороться съ французами.

Возвращаемся въ Камчатку на горячіе слѣды бѣглецевъ. 83 человѣка приказныхъ, военныхъ и купцовъ выбрали начальникомъ, до прибытія командира, штурманскаго ученика Софьина и приняли присягу на вѣрность императрицѣ. Оставшись безоружными, поспѣшили выпросить помощь изъ Верхнекамчатска, состоящую въ двухъ орудіяхъ и 12-ти солдатахъ. Послѣдніе не должны были входить въ Большерѣцкъ до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ, что непріятеля тамъ нѣтъ. Двухъ недѣль достаточно было для того, чтобы вся Камчатка пришла въ тревогу. Въ большерѣцкой канцеляріи ежедневно производились допросы. Съ ними, съ запечатаннымъ конвертомъ Беневскаго на имя сената, съ окровавленною постелью Нилова, съ вѣдомостями о расхищенномъ и уцѣлѣвшемъ казенномъ имуществѣ отправился Софьинъ на гальотѣ въ Охотскъ. Командиръ порта, старикъ Пленисперъ, счелъ за нужное дополнить слѣдствіе и опустилъ время: рапортъ, сберегая казенный интересъ, отправилъ съ попутчикомъ, который, вдобавокъ, долго промедлилъ въ Якутскѣ. Въ Петербургѣ извѣстіе о камчатской катастрофѣ получено черезъ 8 мѣсяцевъ, по сухому пути, когда свѣденія, облетѣвшія кругомъ свѣта, успѣли уже вызвать различныя мѣры: назначено было за каждаго изъ пойманныхъ бунтовщиковъ по сто рублей тому, кто ихъ приведетъ живыми или мертвыми; приказано промышленнымъ людямъ стараться перевязать бѣглецовъ и проч. Пленисперъ отрѣшенъ отъ должности за слабость надзора за государственными преступниками во время ихъ пребыванія въ Охотскѣ и за медленное донесеніе начальству о произведенномъ ими бунтѣ.

Изъ спутниковъ Беневскаго не вернулись назадъ, кромѣ умершихъ на пути, четверо: шведъ Винбладъ остался въ портѣ Людовика и потомъ возвратился въ Швецію; Хрущевъ вступилъ во французскую службу капитаномъ, Кузнецовъ— поручикомъ, Майдеръ—лекаремъ. Изъ возвратившихся: канцеляристу Судейкину и Рюмину съ женою опредѣлено быть въ Тобольскѣ, штурманскому ученику Бочарову въ Иркутскѣ на свободѣ, матросамъ Ляпину и Бересневу служить въ Охотскомъ портѣ, матросу Сафронову дать отставку и имѣть ему пребываніе тамъ же, равно какъ и камчадалу Попову и коряку Брехову, а прочимъ 8-ми работникамъ купца Холодилова поступить въ иркутское купечество. Священнику Симеону, приводившему къ измѣннической присягѣ, и прочимъ 27, не соблюдшимъ своего долга, вмѣнено въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе (они снова были приведены къ присягѣ). „Хотя,—объявлялъ генералъ-прокуроръ 31 марта 1774 года:—священникъ Уфтюжаниновъ и навлекъ на себя подозрѣніе дружескою связью съ измѣнниками, но какъ онъ сдѣлалъ сіе по примѣру большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ наученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ нимъ и тюремнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе *). Розданныхъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать и все дѣло предать забвенію". Милостивое прощеніе возвратившимся выдано было съ приводомъ всѣхъ вновь къ присягѣ на вѣрность, на томъ основаніи, что они „довольно за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и получивъ свой животъ на морѣ и на сухомъ пути; но видно, что русакъ любитъ свою Русь, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна". Такъ писала Екатерина генералъ-прокурору, препровождая ему письмо резидента Хотинскаго. Узнавъ, что сосланный въ 1762 году Семенъ Гурьевъ не только не присталъ къ злодѣямъ, но даже потерпѣлъ отъ нихъ побои, императрица возвратила его въ калужскія деревни братьевъ его подъ ихъ присмотръ. Ту же милость она оказала двумъ братьямъ его, поселеннымъ въ Якутскѣ.

*) Сынъ священника Уфтюжаниновъ остался съ Беневскимъ и ходилъ съ нимъ въ морскую экспедицію, по порученію французскаго правительства.

ГЛАВА II.

ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ.

Обрусеніе ссыльныхъ поляковъ.—Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ.—Польскія возстанія и заговоры въ Сибири, Россіи и Польшѣ.—Участье русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ.—Вліяніе поляковъ на страну изгнанія. — Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ.—Встрѣча прибылыхъ и обращеніе съ оставшимися.—Вліяніе декабристовъ.—Польскій огулъ.—Венжикъ.—Набоженьства.—Касса поляковъ.—Товарищество.—Кедровое масло.—Пчелы.—Савичевскій.—Братья Далевскіе.—Обученіе дѣтей.—Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксендза Сииониискаго и доктора Шокальскаго.—Громадный заговоръ.—Самоубійства.—Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способы этого производства.—Побѣгъ въ гробу.—Альбина Мигурская. — Побѣгъ и похожденія Руфина Піотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа.

Дѣянія Веневскаго произвели на Петербургъ такое сильное впечатлѣніе, что Камчатку съ тѣхъ поръ перестали считать хорошимъ ссыльнымъ мѣстомъ; не только государственныхъ, но и никакихъ преступниковъ не стали посылать туда. Слухъ объ его подвигахъ и, особенно, объ удачѣ, быстро облетѣвшій всю Сибирь и съ особеннымъ участіемъ и вниманіемъ принятый въ ссыльныхъ мѣстахъ, произвелъ на его товарищей по польскимъ войнамъ такое впечатлѣніе, что тѣ изъ барскихъ конфедератовъ, которые находились въ нерчинскихъ рудникахъ, рѣшились послѣдовать его примѣру. Сорокъ человѣкъ согласились попытать подобнаго счастья уплыть по Амуру до океана, съ надеждою встрѣтиться тамъ съ европейскими мореплавателями. Не смотря на смѣлость замысла, на сомнительный успѣхъ предпріятія, они, съ величайшими предосторожностями, успѣли выстроить на Шилкѣ судно и заготовить съѣстные припасы. Бѣглецы готовы были уже отплыть, какъ въ Даурію пришла вѣсть о смерти Екатерины и вступленіи на престолъ Павла. Время побѣга было отложено; поляки стали разсчитывать на помилованіе и въ немъ они не ошиблись; вскорѣ пришло всѣмъ польскимъ политическимъ ссыльнымъ дозволеніе возвратиться изъ Сибири на родину, въ Польшу.

Возвратились не всѣ. До сихъ поръ между фамиліями коренныхъ сибиряковъ-старожиловъ сплошь и рядомъ попадаются фамиліи польскія и при нихъ семейныя преданія, указывающія прямо на происхожденіе отъ ссыльныхъ поляковъ. При этомъ преданія не восходятъ дальше дѣдовъ и въ рѣдкихъ случаяхъ нисходятъ ближе къ намъ отъ временъ Екатерины II, богатыхъ высылкою шляхты изъ Заднѣпровья и Польши, изъ Литвы и Бѣлоруссіи и изъ губ. Смоленской. Не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми группами распоряжалась ссылка въ тѣ времена съ такимъ успѣхомъ, что обрусеніе ссыльныхъ поляковъ представляется въ Сибири явленіемъ осязательнымъ и безспорнымъ. Въ Западной Сибири, около Семипалатинска, въ красивой и богатой мѣстности на плодородной землѣ, укрѣпились двѣ деревни, образованныя изъ польскихъ потомковъ, до сихъ поръ умѣющихъ говорить по польски и существующихъ любимымъ бѣлорусскимъ промысломъ —пчеловодствомъ. Въ 20 верстахъ отъ Тары (Тоб. губ.), недалеко отъ Екатерининскаго завода, волостной голова (Пановскій), сохраняя польскій типъ лица и молодцоватую осанку, имѣлъ дѣдомъ конфедерата. Въ самой Тарѣ у двухъ братьевъ, торгующихъ мѣщанъ (Грабіанскихъ), былъ полякомъ отецъ, но они считали себя коренными сибиряками и вовсе не умѣли говорить по польски; въ Березовѣ — Новицкій, Шенявскій; въ казакахъ Западной Сибири: Костылецкіе, Яновскіе, Хлыновскіе и проч. Въ Восточной Сибири, за Байкаломъ, на Ингодѣ, гдѣ такъ цѣльно сохранили свою національность малороссы, во многихъ деревняхъ съ польскими фамиліями живутъ коренные сибиряки, а на Ононѣ (между прочимъ въ Усть-Илинскомъ селеніи) цѣлыя семейства (напримѣръ, Барановскіе) происходятъ отъ барскихъ конфедератовъ. Іосифъ Копецъ, барскій конфедератъ, ѣхавшій въ ссылку въ Камчатку въ 1794 г., въ Иркутской губ. нашелъ цѣлую колонію, составленную изъ ссыльныхъ поляковъ и русскихъ и наз. Кирьюга. Между чиновниками-тузевцами попадаются даже съ такими знаменитыми фамиліями, какъ Ходкевичи (по всему вѣроятію, потомки тоже какого нибудь конфедерата). Внукъ конфедерата Хилковскій, кромѣ фамиліи и памяти, что дѣдъ его былъ полякомъ, ничего польскаго въ себѣ не имѣетъ *). Примѣровъ такого рода настолько много, что наблюдавшіе за подобными превращеніями могли придти къ тому выводу, что дѣти, рожденныя отъ отца-поляка и матери-сибирячки, употребляя языкъ матери, только въ чертахъ лица либо въ характерѣ успѣваютъ сохранять слѣды польскаго происхожденія. Но стоитъ этому метису жениться на сибирячкѣ, чтобы во внукахъ самый пристрастный и увлекающійся полякъ не нашелъ уже ни малѣйшихъ признаковъ польской крови. Какъ бы то ни было, но всѣ поляки, слѣдившіе за такими превращеніями на мѣстѣ, твердо убѣждены въ

*) Слѣдующія фамиліи также совершенно обрусѣли: Юдицкіе, Тарновскіе и Казановскіе—потомки барскихъ конфедератовъ; Зелинскіе, Войцеховскіе, Зенкевичи, Бржозовскіе (Березовскіе) и Домашевскіе — потомки сосланныхъ за повстаніе Костюшки.

томъ, что главная причина такого явленія заключается въ этихъ смѣшанныхъ бракахъ, обусловленныхъ правительственнымъ узаконеніемъ, чтобы дѣти исповѣдывали грекороссійскую вѣру, и черезъ то „обрекались на одно изъ главныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ утратѣ собственной народности,—средствъ постепеннаго и медленнаго обрусенія людей, надъ которыми владычествуетъ Россія“. „Знали мы (говоритъ одинъ изъ поляковъ, долго прожившій въ Сибири) очень много дѣтей супружествъ, въ которыхъ одна особа была православной вѣры; за малыми исключеніями, всѣ тѣ дѣти не обладали польскою народностью и часто въ душѣ были русскими“.

Доказанная опытомъ сила вліянія брачныхъ союзовъ на обрусеніе поляковъ въ Сибири, дѣйствительная для холостыхъ и вдовыхъ изъ желающихъ, отразилась на судьбѣ другихъ ссыльныхъ временъ Екатерины съ подспорьемъ и при участіи другихъ мѣстныхъ причинъ, которыя были одинаково сильны и не менѣе очевидны. Обрусеніе производилось надъ людьми, не имѣвшими надеждъ къ возвращенію на родину при отсутствіи примѣровъ подобнаго рода въ предшествовавшія времена. Судьба ихъ находилась въ рукахъ людей, видѣвшихъ въ системѣ ссылки одну только сторону карательную, убѣжденныхъ прежними опытами въ томъ, что мятежниковъ и политическихъ ссыльныхъ слѣдуетъ считать, по преимуществу, людьми опасными и вредными, и убѣждаемыхъ при всякой новой присылкѣ ихъ въ томъ, что они преступники „великоважные“, что и самая Сибирь съ трудомъ можетъ быть принимаема для нихъ за страну полнаго возмездія и кары. Минихъ томился въ Пелымѣ; Меньшиковъ и Остерманъ умерли въ Березовѣ. Фика, закованнаго въ тяжелыя ручныя и ножныя кандалы, сослали въ самый отдаленный якутскій острогъ, но вскорѣ перевезли еще дальше на сѣверъ за полторы тысячи верстъ—въ Зашиверскъ. Но и это мѣсто показалось слишкомъ слабымъ для полнаго мщенія: его перевезли въ Средневилюйское зимовье, имѣвшее три бревенчатыхъ юрты якутовъ и лежавшее въ страшной глуши болотистой тундры. Князя Черкасскаго, смоленскаго губернатора, заточили на вѣчное житье въ Жиганскомъ зимовьѣ и выпускали на воздухъ только днемъ, но и то за присмотромъ двухъ солдатъ. Вицеканцлеръ Головкинъ очутился въ Собачьемъ острогѣ на отдаленной Колымѣ подъ 67° с. ш., въ бревенчатой хатѣ, оберегаемой ночью часовыми. Менгденъ поселенъ еще дальше его, на самой окраинѣ тундры, всего въ 76 верстахъ отъ Ледовитаго океана, на самыхъ устьяхъ Колымы; Ивашовъ попалъ въ Камчатку въ Большерѣцкій острогъ. Самыя отдаленныя трущобы съ трудомъ удовлетворяли мщенію, самыя тяжелыя страданія тамъ едва успѣвали успокоивать мстителей. Приказывали всемѣрно опасаться ихъ не допускать ни до какихъ разговоровъ. Людей, оказавшихъ имъ какія либо услуги, жестоко наказывали кнутомъ и засылали еще дальше; предписывали кормить только въ такихъ размѣрахъ питья и пищи, чтобы ссыльные не умерли съ голоду; приказывали стараться забывать даже ихъ имена и, содержа въ вѣчномъ темномъ и сыромъ заточеніи, считали и называли ихъ нумерами.

Подъ такими-то впечатлѣніями воспитывались дозорщики, укрѣпляемые и руководимые въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на политическихъ ссыльныхъ тѣми предписаніями, которыя шли отъ Бирона, Шишковскаго, Вяземскаго и другихъ! Подъ вліяніемъ и надзоромъ такихъ-то людей направлялась жизнь первыхъ ссыльныхъ поляковъ, убѣжденныхъ и убѣждаемыхъ въ томъ, что Сибирь для нихъ новая родина, что тѣмъ и другимъ путемъ слѣдуетъ въ ней укрѣпиться въ единственныхъ надеждахъ на ее одну. Средствъ много, большого труда для умѣлыхъ и сильныхъ рукъ не представляется! Въ молодой странѣ почти ничего нѣтъ, кромѣ естественныхъ скрытыхъ богатствъ и жизнь подчиняется законамъ случайностей, болѣе и чаще образцамъ дикарей-туземцевъ и меньше и рѣже рутиннымъ пріемамъ, полученнымъ прежними пришельцами на родинѣ; они либо сдѣлались промышленниками и звѣроловами либо, придержавшись рѣкъ, исключительно землепашцами. Ремесла, оставаясь въ пренебреженіи, такъ и не возрождались въ Сибири и въ наши времена представляются въ прежнемъ жалкомъ, отчаянномъ состояніи *); и безъ нихъ богатая страна кормила пришельцевъ здоровою пищею. Предметы ремеслъ Россіи въ обмѣнъ на сырыя произведенія Сибири развили въ новой странѣ огромное количество торговаго люда; торговля расплодила богатые города на русской украйнѣ, у самыхъ воротъ Сибири, и выродила тутъ ярмарку, немного уступающую крупнѣйшимъ ярмаркамъ метрополіи. Пришельцы изъ польскихъ городовъ и мѣстечекъ, организовавшихся по образцамъ европейскихъ городовъ, при замѣчательномъ развитіи ремесленныхъ занятій, въ удовлетвореніи насущныхъ и настоятельныхъ потребностей земледѣльческаго и промысловаго сибирскаго люда, нашли и первое дѣло и надежное обезпеченіе на будущую жизнь. То и другое выразилось въ такихъ размѣрахъ, что большую часть потомковъ барскихъ конфедератовъ и костюшковцевъ мы находимъ въ хорошо обезпеченномъ бытовомъ состояніи. Всѣ вышеупомянутыя нами лица—люди зажиточные, богатые.

*) Въ описываемыя нами времена не только у сибирскихъ, но и у казаковъ (на большую часть русскихъ пришельцевъ) не было, напримѣръ, портныхъ и солдатское платье шили киргизскія бабы.

пользующіеся почетомъ и уваженіемъ сосѣдей на столько, что служатъ выборными не ниже званія волостныхъ головъ. Не меньшая часть успѣла проникнуть и укрѣпиться въ слоѣ туземнаго служилаго, чиновничьяго сословія, не смотря на всю трудность долговременнаго прохожденія всѣхъ разрядовъ ссыльныхъ сословій отъ званія ссыльно-каторжнаго до того свободнаго состоянія, въ которомъ предоставляется возможность обучить сына въ казенномъ учебномъ заведеніи и затѣмъ видѣть во внукѣ полковника. Длинная перспектива къ улучшенію положенія для поляковъ, назначенныхъ на каторгу, кончалась только на дѣтяхъ. Короче былъ путь для поселенцевъ, имѣвшихъ право и возможность поселиться вблизи и внутри сибирскихъ городовъ, сильно нуждающихся въ ремесленникахъ и людяхъ, владѣющихъ иными полезными и прикладными знаніями. Значительному числу изъ трудолюбивыхъ, находчивыхъ и умѣлыхъ удалось настолько воспользоваться своими знаніями къ обезпеченію собственнаго быта, что, по объявленіи имъ права къ возврату на родину, весьма многіе остались въ Сибири жить на всегда. Указъ Павла на значительное число ссыльныхъ поляковъ перваго періода ссылки не произвелъ никакихъ впечатлѣній. То же самое выразилось и черезъ 15 лѣтъ послѣ того весьма многими поляками, изъ числа военноплѣнныхъ послѣ войнъ съ Наполеономъ, присланныхъ въ Сибирь на службу: изъ 900 человѣкъ, служившихъ въ кавалеріи и поступившихъ въ сибирскіе казаки, по объявленіи въ 1815 году имъ высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ отечество, остались добровольно на всегда въ казакахъ 160 человѣкъ. Значительнымъ соблазномъ для многихъ изъ этихъ поляковъ послужилъ городъ Омскъ, а добрымъ пріютомъ для нихъ оказался организованный въ то время генераломъ Броневскимъ оркестръ казачьей музыки. Чехи, нѣмцы и поляки удивили Омскъ, отъ сложенія міра не слыхавшаго музыки. Въ 1815 году нѣкоторые поляки возвратились на родину, но значительную часть удалось уговорить остаться на всегда за нѣкоторую прибавку къ содержанію. Также поступили многіе за Байкаломъ *).

Конечно, времена измѣнились; люди Александровскаго времени являлись въ Сибирь съ гуманнымъ образованіемъ, съ болѣе умягченнымъ нравственнымъ настроеніемъ; самая система правленія отличалась терпимостью, желаніями и стремленіями уничтожать неправду и злоупотребленія. Дошла очередь и до Сибири: Сперанскій присланъ былъ карать сибирскихъ притѣснителей и истреблять многочисленные и крупные слѣды произвола, насилій и жестокостей. Появленіе его считается тою эпохою, когда совершился первый переломъ въ сибирской жизни и крутой поворотъ на новую стезю отъ дикой жизни прежнихъ временъ и суровыхъ отношеній ко всякаго рода ссыльнымъ. Сибирь въ администраціи испытала коренныя преобразованія, ими заданъ былъ другой тонъ, а если временами слышались дисонансы, то уже какъ исключенія изъ общаго строя. Люди административные стали не тѣ; и какъ бы сурово ни высказывались взгляды на политическихъ ссыльныхъ впослѣдствіи, какія строгія мѣры ни предписывались, и въ новыхъ приставникахъ и въ самомъ сибирскомъ населеніи организовалась противодѣйствующая сила. Если политическимъ ссыльнымъ не сдѣлалось хорошо, то, во всякомъ случаѣ, стало несравненно легче. Между первыми временами, когда сибиряки не хотѣли не только принимать въ семейства и отдавать дочерей за плѣнныхъ шведовъ, присланныхъ Петромъ I изъ-подъ Полтавы, но даже и пускать къ себѣ въ избы,—между этими временами и послѣдними годами царствованія Александра лежала уже огромная пропасть. Польскимъ людямъ слѣдующаго втораго періода политической ссылки досталась несравненно лучшая доля. Плѣнные изъ войскъ Понятовскаго уже не жили въ изгнаніи больше двухъ лѣтъ; политическая ссылка престала быть безсрочною и возъимѣла характеръ временной мѣры, стала питать и подкрѣплять страдальцевъ надеждами; сдѣлалась привиллегированнымъ исключеніемъ въ системѣ всѣхъ другихъ видовъ ссылки. Такими свойствами выразились годы Александровскаго царствованія, благопріятнаго для политической самостоятельности Польши. Даже члены „товарищества патріотовъ“, организованнаго въ послѣдніе годы жизни Александра I при дѣятельномъ участьи Лукасинскаго и въ согласіи съ цѣлью и намѣреніями Пестеля, были осуждены и сосланы уже послѣ смерти любимаго

*) Одни изъ таковыхъ сдѣлались впослѣдствіи офицерами; между ними Квятковскій установилъ школу трубачей, такъ что всѣ казачьи полки въ Сибири стали получать приготовленныхъ трубачей. Извѣстный русскій композиторъ, сосланный въ Сибирь изъ Москвы, Алекс. Алекс. Алябьевъ, авторъ пьесъ, ушедшихъ въ народъ (Соловей, Вечеркомъ румяну зорю и Вечерній звонъ), довелъ омскій оркестръ до замѣчательной степени совершенства. Полякъ Волицкій, бывшій офицеръ польской арміи, образовавшій себя въ парижской академіи музыки въ превосходнаго учителя и дирижера, въ значительной степени поддержалъ въ омскомъ оркестрѣ алябьевскую славу, такъ что до сихъ поръ духъ этихъ талантливыхъ людей не перестаетъ жить въ омскомъ казачьемъ оркестрѣ. Вотъ имена первыхъ замѣчательныхъ артистовъ въ началѣ омскаго оркестра: Радбольскій, Гиденскій, Голомбетскій, Флекъ, Ганъ. За Байкаломъ обломокъ войскъ польскихъ 1812 года находился въ Кяхтѣ; это былъ выслужившійся солдатъ, носившій знаменитую фамилію Понятовскаго, человѣкъ, умѣвшій дѣлиться послѣднимъ черствымъ кускомъ своего хлѣба со всякимъ неимущимъ и нуждающимся.

Польшею императора *). При Александрѣ I значительное большинство поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь, принадлежало обыкновеннымъ преступникамъ, осужденнымъ за уголовныя преступленія.

Ссылкою членовъ патріотическаго общества начался новый, второй періодъ польской ссылки.

17-го ноября 1830 года началась польская революція, кончившаяся въ слѣдующемъ году штурмомъ Варшавы (6-го и 7-го сентября); въ 1832 году стали появляться въ предѣлахъ Сибири первые польскіе изгнанники, передніе ряды ссыльныхъ меньшей степени виновности, рядовые люди, изъ царства и трехъ уѣздовъ Виленской губерніи. Въ 1833 году прибылъ въ Восточную Сибирь и Петръ Высоцкій, начавшій возстаніе, одинъ изъ дѣятельныхъ начальниковъ его, на 20 лѣтъ каторги. Всѣ суждены были военнымъ судомъ по полевому уголовному положенію. Людей низшаго званія, взятыхъ съ оружіемъ, слѣдомъ за ушедшими на каторгу и въ крѣпостныя работы, прислали на службу въ сибирскіе линейные батальоны. Въ 1834 г. начали прибывать эмиссары за справу 1833 г., силившуюся организовать новое повстаніе, а вмѣстѣ съ ними и въ большомъ количествѣ и тѣ, которые оказывали этимъ эмиссарамъ сочувствіе и содѣйствіе, выразившіяся въ томъ, что одни давали притонъ, другіе носили въ лѣсъ пищу и проч. За эмиссарами прибыли въ Сибирь поляки изъ справы Симона Конарскаго, разстрѣляннаго въ Вильнѣ въ 1838 году. Въ 1839 г. вмѣстѣ съ руководителями своими (Венжикомъ и Эренбергомъ) явились въ Сибири члены „товарищеской организаціи польскаго народа“ (Stowarzyszenie ludu polskiego), представлявшей въ Варшавѣ отдѣлъ большого заговора Конарскаго. Вмѣстѣ съ ними пришли въ Сибирь и тѣ, которые вели систематическую пропаганду демократической науки и собирались для бесѣдъ въ соборѣ св. Креста (почему и назывались swietokrzyzcami). Въ 1840 году присланы эмиссары, бѣжавшіе въ 1831 году за границу и явившіеся, между прочимъ, изъ Англіи и изъ Турціи; за ними участники заговора Каспера Машковскаго, организовавшаго такъ называемый „союзъ Волынскій“; потомъ сообщники „союза пропаганды“ ксендза Сцѣгѣннаго (1843 г.) **); въ 1844 году члены варшавскаго „союза соединенія польскаго народа“, затѣяннаго Гзовскимъ *), въ 1846— члены варшавскаго демократическаго союза; за ними сѣдлецкіе и галицкіе повстанцы. Въ 1846 г. дѣло извѣстнаго автора Коменскаго; въ томъ же году высылаются въ Сибирь изъ Варшавы студенты гимназіи, предложившіе убійство Паскевича и знавшіе о имѣющемъ совершиться въ 1846 г. возстаніи. Тогда же выдаетъ Австрія эмигрантовъ изъ Галиціи, затѣявшихъ тамъ пропаганду освобожденія Польши; выдаетъ и Пруссія, высылаютъ эмиссаровъ изъ Литвы. Въ 1846 году повстаніе въ повѣтѣ Сѣдлецкомъ, подъ начальствомъ Потоцкаго, и повстаніе въ повѣтѣ Мѣховскомъ. Въ 1847 году пойманы, суждены и сосланы повстанцы 1831 года, эмигрировавшіе за границу и явившіеся въ роли эмиссаровъ въ Польшу передъ революціями 1848 года. Въ 1848 году вспыхиваетъ возстаніе великопольское, основанное въ надеждахъ на Венгрію, и, въ то же время, независимо отъ варшавскаго, организовался въ Вильнѣ союзъ литовской молодежи (Zwiazek mlodziezi litewskiej), питавшій надежды, что венгерцы и поляки изъ Венгріи придутъ въ Польшу со знаменемъ возстанія,—союзъ, превратившійся вскорѣ въ заговоръ. Заговоръ приготовлялъ повстаніе на великій четвергъ подъ руководствомъ братьевъ Далевскихъ, но былъ открытъ въ 1850 году. Во множествѣ солдатъ, принявшихъ участье въ мятежахъ, приходили въ Сибирь и такіе, которые суждены были вмѣстѣ съ тѣмъ и за побѣги изъ русскихъ войскъ въ повстанскія, и за отбитіе рекрутовъ въ дорогѣ, попадались во второй разъ и такіе (какъ Розанскій), которые уже побывали въ сибирской ссылкѣ, и въ первый разъ являлись въ Сибирь изъ тѣхъ, которымъ предстояла иная участь (напримѣръ, солдатская служба на Кавказѣ), но которые съ дороги бѣжали и были пойманы; приходили и такіе, которые увлеклись европейскими смутами 1848 года и бѣжали за границу. Присылали и за оставленіе отечества, и за оборону себя оружіемъ при арестѣ, и за покровительство эмиссарамъ, и въ 1855 году тѣхъ, которые отбили рекрутовъ и намѣревались вмѣстѣ съ ними бѣжать къ французамъ въ Крымъ. Нѣкоторые явились въ Сибири просто за политическіе замыслы; другіе за перевозъ корреспонденцій заговорщикамъ. Послѣдней преступности люди были большею частью (но сравнительно въ ничтожномъ количествѣ) изъ еврейскаго населенія царства Польскаго и западнаго края Россіи **). Вмѣстѣ

---

*) Въ томъ числѣ, между прочими, графъ Мошинскій (въ 1827 г.), одинъ изъ организаторовъ «общества соединенныхъ славянъ», отличавшійся въ Сибири своею благотворительностью. Поляки успѣли такъ ловко повести дѣло и скрыть дѣйствія польскаго революціоннаго общества, что отправлены въ Сибирь только немногіе: кромѣ Мошинскаго—Крыжановскій и Янушкевичъ.

**) Заговоръ имѣлъ цѣлью основать повстаніе на освобожденіе крестьянъ.

---

*) Этихъ за разговоры о политическихъ п[illegible]нахъ всѣхъ обратили въ солдаты сибирскихъ линейныхъ батальоновъ.

**) Изъ числа ссыльныхъ въ Сибирь евреевъ только одинъ былъ сосланъ за политическое дѣло—Робертъ Файнбергъ, родомъ изъ Митав[illegible] [illegible]ръ. За дѣятельное участье въ берлинск[illegible] [illegible]іи 1848 года выданъ былъ прусаками и [illegible]нъ на работы въ Екатерининскій заводъ

съ ними за польскую справу ушелъ одинъ только русскій—прапорщикъ Караваевъ (черезъ нѣсколько лѣтъ пересланный изъ Сибири на Кавказъ, гдѣ ему снова позволено было вступить въ военную службу), одинъ французъ Шарль де-Люсенэ, такъ же какъ и Караваевъ, участвовавшій въ заговорѣ Конарскаго въ Вильнѣ, и одинъ латышъ (Янна Реке), сосланный за повстаніе 1831 года также въ нерчинскіе рудники. За участье въ заговорѣ Михаила Воловича изъ Слонима (намѣревавшагося поднять народъ, напасть на Слонимъ, отбить арестантовъ и возвѣстить повстаніе) присланы въ Сибирь, между прочимъ, нѣсколько крестьянъ бѣлоруссовъ. Малороссы юго-западнаго края явились въ Сибири за повстаніе въ видѣ дворовыхъ холоповъ и иныхъ чиновъ панскихъ экономій; были даже торбанисты и пѣсенники.

Прапорщикъ Кузьминъ-Караваевъ служилъ въ Новоингерманландскомъ полку, квартировавшемъ въ Вильнѣ. Въ заговоръ замѣшался онъ по любви къ полькѣ (дѣвицѣ графинѣ Олизаръ), требовавшей этой жертвы съ его стороны. Руководился онъ тѣми же желаніями и планами, которые внушены ему были послѣдователемъ Конарскаго Гильдебрантомъ. Вмѣстѣ съ собою увлекъ Караваевъ офицеровъ Эстляндскаго полка, вступившаго въ караулъ, когда уже Караваевъ сидѣлъ подъ арестомъ: прапорщика Герасимова и де-Люсенэ. Всѣ они помогали Гильдебранту и Мошинскому, арестованнымъ въ кляшторѣ Базиліановъ, выходить по ночамъ въ городъ, давали имъ свои мундиры, сами одѣваясь въ арестантское платье; допускали къ нимъ дамъ и, между прочими, Снядецкую—одну изъ пламенныхъ патріотокъ, изступленную послѣдовательницу пропаганды Конарскаго. Де-Люсенэ искалъ даже бумагъ для побѣга Гильдебранта съ Мошинскимъ. Караваевъ, содержась на арсенальной гауптвахтѣ, въ одной тѣсной комнатѣ вмѣстѣ съ караульными офицерами, дѣятельно велъ свою пропаганду и вызвалъ участіе къ своей судьбѣ: прапорщикъ Герасимовъ нѣсколько разъ выпускалъ его ночью въ городъ; Баривицъ велъ по польски переписку. Судъ рѣшилъ смотрѣть на все это вмѣшательство въ дѣла польскія русскихъ людей—вмѣшательство, выразившееся, главнымъ образомъ, въ покровительствѣ арестованнымъ послѣдователямъ Конарскаго, какъ на затѣю сумасшедшихъ. По этой причинѣ положено было заключить ихъ въ домъ умалишенныхъ, имѣніе отобрать въ казну, пока выздоровѣютъ, а потомъ для испытанія послать ихъ въ Сибирь на поселеніе. Такъ и было поступлено съ Караваевымъ и де-Люсенэ. Остальныхъ офицеровъ рѣшено было послать на покаяніе на Кавказъ и не повышать ихъ чиномъ, пока не образумятся (поручикъ Огонь-Догановскій, прапорщики Барнвицъ и Герасимовъ, потворствовавшіе арестованнымъ и прислушивавшіеся къ урокамъ ихъ пропаганды).

Во всякомъ случаѣ, громадное большинство политическихъ ссыльныхъ принадлежало къ кровнымъ полякамъ, наибольшею частью уроженцамъ царства Польскаго, преимущественно шляхетскому роду и исключительно людямъ римско-католическаго вѣроисповѣданія *).

подъ Тарою. Когда его товарищи были уволены на родину, а онъ нѣтъ, Файнбергъ отъ тоски впалъ въ сумасшествіе и, перевезенный изъ Тары въ Тобольскъ, умеръ тамъ въ 1860 году, въ лазаретѣ. Изъ небольшого числа евреевъ, замѣшавшихся въ послѣднемъ возстаніи, всѣ уличены въ тайномъ провозѣ оружія изъ-за границы, стало быть, увлеклись коммерческими барышами, а вовсе не политическими теоріями.

*) Для примѣра отношеній царства къ другимъ шляхетскимъ окраинамъ его приводимъ нѣсколько цифръ. Изъ 59 случаевъ ссылки за бунтъ и государственную измѣну въ 1839 г.: 31 принадлежитъ Кіевской, 11 Виленской, 1 Гродн., 16 городу Варшавѣ; въ 1846 году изъ 28 случаевъ 23 принадлежатъ г. Варшавѣ; въ 1847 изъ 24—23 г. Варшавѣ (т. е. царству Польскому) и т. д. Точно также за эмиграцію эмиссаровъ («за оставленіе отечества», какъ сказано тобольскими табелями) наибольшее число сослано изъ Варшавы (26 въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1846; 12 изъ Бессарабіи, 7 изъ губ. Виленской, 6 изъ Волынской, 3 изъ Подольской, по 1 изъ Ковенск., Гродн., Витебск.). Наибольшее число эмиссаровъ пришло въ Сибирь въ 1834 г. (34 чел.), въ 1839 (18), въ 1840 (15), въ 1838 (8), въ 1841 только одинъ, въ 1845 и 1846 ни одного. Двадцатилѣтняя цифра убѣждаетъ въ томъ же, что, кромѣ царства Польскаго, наибольшее число эмигрантовъ оказалось въ Бессарабіи и губ. Волынск., Виленск. и Подол. Соображенія цифръ за 20 лѣтъ въ тѣхъ же семи губерніяхъ западныхъ (Вил., Гродн., Могил., Кіевск., Волынск., Подольск. и Бѣлостокск. обл.). убѣждаютъ въ томъ, что число сосланныхъ отсюда въ Сибирь за государственныя преступленія составляетъ почти $^2/_3$ всего числа остальныхъ 39 губ. русскихъ; что изъ числа послѣднихъ 16 губ. не дали ни одного подобнаго сорта преступника; что послѣ западныхъ губ. наибольшимъ числомъ ссыльныхъ отличались двѣ губерніи столичныя (и въ особенности Петербургская) и что изъ западныхъ шляхетскихъ губерній всего больше прислано въ Сибирь изъ губ.: Виленск., Гродн., Кіевск. и Бѣлостокск. обл. Наивысшая наклонность къ государственнымъ преступленіямъ по возрастамъ обнаруживалась въ первомъ періодѣ возмужалости, т. е. послѣ 30-ти лѣтняго возраста. Въ числѣ другихъ Грузія выслала 1 въ 1842 г., 1 въ 1845 и 3 въ 1846 г.

По губерніямъ политическія преступленія и эмиграція въ сибирскихъ цифрахъ выразилась такою таблицею.

	Государств. преступл.		Оставленіе отечества.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Виленская	45	4	17	13
Гродненская	39	—	3	--
Кіевская	38	—	2	—
Бѣлостокск. обл. . .	26	—	2	—
Минская	12	—	—	—
Волынская	11	—	29	4
Подольская	10	—	14	—
Могилевская	9	—	—	—
Витебская	3	—	3	—
Бессарабск. обл. . .	1	—	·39	—

Почти ²/з всего числа сосланныхъ за политическія преступленія принадлежитъ дворянству; на нихъ долю приходится 10% изо всего числа ссыльныхъ этого сословія и большинство всегда остается за шляхтою западныхъ губерній (смѣшанною въ сибирскихъ табеляхъ подъ общею и неопредѣленною рубрикою дворянъ неслужащихъ). Послѣ дворянъ сильнѣйшая наклонность къ преступленіямъ этого рода замѣчается у солдатъ, но и здѣсь процентъ ссыльныхъ почти въ 20 разъ меньше процента дворянъ. Такъ говорятъ цифры 20-ти лѣтъ (съ 1827 по 1846 гг.).

Тѣ же двадцатилѣтнія цифры увѣряютъ и въ томъ, что сильная наклонность къ преступленіямъ противъ власти и, въ особенности, политическимъ составляетъ отличительную черту католиковъ, для которыхъ вѣроятіе ссылки несравненно сильнѣе, чѣмъ для лицъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій (въ этомъ случаѣ католики къ православнымъ, напримѣръ, относятся какъ 29,5: 1).

Въ подчиненіи различнымъ степенямъ наказанія и разрядамъ ссылки политическіе изгнанники второго періода размѣщались въ Сибири въ такихъ категоріяхъ: одни сосланы были на два, на пять и болѣе лѣтъ подъ надзоръ полиціи безъ потери достоинствъ и имущества, притомъ съ надеждою на возвращеніе подъ родную стрѣху или, по крайней мѣрѣ, въ ея сосѣдство. Такихъ было очень мало; изъ таковыхъ нѣкоторымъ приводилось выѣзжать изъ Сибири, до возврата на родину, въ русскія губерніи менѣе отдаленныя (Владимирская, Калужская, Рязанская и другія).

Вторая категорія изгнанниковъ, сосланныхъ на поселеніе, сравнительно больше первой, не представляла собою наибольшей количественной величины и съ наименьшею надеждою на возвратъ (хотя нѣкоторому числу удалось дослужиться до чиновъ и поступить на государственную службу); эта вторая категорія находилась въ самомъ худшемъ житейскомъ положеніи. Политическіе поселенцы, происходившіе изъ шляхты и приговоренные къ конфискаціи имуществъ, получали помощь отъ правительства въ размѣрѣ 57 руб. на годъ; старикамъ и калѣкамъ доставалось ежегодно 114 руб. Тѣ, которые происходили изъ класса мѣщанъ либо крестьянъ и также приговорены были къ конфискаціи имуществъ, не имѣли права на правительственное вспоможеніе. Въ Западной Сибири имъ не позволяли, по силѣ закона, выѣзжать за предѣлъ 10 верстъ отъ деревни или города, въ которыхъ указано ихъ водворить. Въ Восточной Сибири имъ предоставлена была большая свобода; тамъ политическіе поселенцы, съ дозволенія властей, могли разъѣзжать по всей Восточной Сибири. Само собою, тутъ и тамъ дѣти поселенцевъ принадлежали къ сословію крестьянскому, до 17 лѣтъ освобождены отъ податей и не отбывали рекрутской повинности. Сами отцы въ первые два года не платили подушнаго, и если въ теченіи 10 лѣтъ не нарушили ничѣмъ благонамѣренности, не провинились передъ начальствомъ, не были штрафованными, они могли черезъ 10 лѣтъ записываться въ крестьяне или купцы. Само собою разумѣется, болѣе счастливый поселенецъ—изъ людей простыхъ и самый несчастный—изъ высшихъ слоевъ общества.

Третья категорія поляковъ была назначена въ арестантскія роты и работала (тоже не въ большомъ количествѣ) въ крѣпостяхъ сибирскихъ, всего чаще по границамъ Западной Сибири. Положеніе ихъ немногимъ рознилось отъ каторжнаго, хотя по степени взысканія между крѣпостнымъ и каторжнымъ состояніемъ законъ установлялъ разницу; кое-кому удавалось освобождаться и поступать либо въ писцы при канцеляріяхъ, либо въ домашніе учителя на условіяхъ вольнаго и весьма дешеваго найма.

Четвертый разрядъ ссыльныхъ предназначенъ былъ въ полковую службу, т. е. въ сибирскіе батальоны простыми солдатами, либо на всю жизнь, либо на 15 и 20 лѣтъ безъ выслуги, но съ надеждою возврата на родину, не иначе какъ на такую же солдатскую службу до самой смерти. Не смотря на то, что солдатскій разрядъ полагался слабѣйшею мѣрою взысканія изо всѣхъ видовъ сибирской ссылки, онъ на практикѣ оказался однимъ изъ тягчайшихъ. Наибольшимъ количествомъ побѣговъ (и притомъ большими шайками, скопомъ и заговорами) отличился передъ другими этотъ разрядъ; наибольшую тяжесть наказанія выдержали поляки въ этомъ разрядѣ. При безцѣльной жизни, безъ будущаго и надеждъ, солдаты-поляки предавались въ Сибири безграничному пьянству. Многіе изъ нихъ казались до такой степени деморализованными и потерянными, что утратили какъ чувствованія и впечатлѣнія сердца, такъ благородство вида и игру физіономіи. Нѣкоторымъ удалось опиваться до смертельныхъ апоплексическихъ ударовъ, не смотря даже на то, что товарищество поляковъ умѣло внимательно слѣдить за таковыми и считало своею обязанностью удерживать ихъ отъ окончательнаго паденія. На бѣду товарищество не всегда доводило свое участіе до конца: трудно исправимыхъ оно исключало изъ своей среды и предоставляло самимъ себѣ и полному вліянію надломленной испорченной воли *).

Самая строгая категорія каторжныхъ, сосланныхъ на 2, 3, 5, 15 лѣтъ, либо на цѣлую жизнь, самымъ учрежденіемъ своимъ показываетъ всю тяжесть взысканій, невыносимую для

*) Такъ, между прочими, за Байкаломъ поступили съ Марціевскимъ, человѣкомъ весьма независимаго характера и образа мыслей.

людей развитыхъ и образованныхъ (каковыми оказалась наибольшая часть присужденныхъ къ самымъ тяжкимъ каторжнымъ работамъ). До Тобольска такихъ везли еще въ кибиткахъ съ жандармами *). По Сибири ссыльные уже шли въ партiяхъ со всѣми другими преступниками и въ кандалахъ.

Когда ссыльные 1831 года въ 33-мъ году пришли на нерчинскiе рудники, тогдашнiй горный начальникъ велѣлъ представить ихъ къ себѣ. Принявъ строгiй видъ, сильнымъ, отрывистымъ и повелительнымъ голосомъ онъ сказалъ имъ:

— Ежели и здѣсь будете мыслить противъ правительства, то ожидаетъ васъ не веревка, не пуля, но палки, которыми прикажу васъ заколотить.

Слова эти были произнесены такимъ тономъ, что одинъ изъ прибывшихъ поляковъ, не воздержавшись отъ смѣха, улыбнулся. Начальникъ это замѣтилъ, пришелъ еще въ большiй гнѣвъ, топалъ ногами, брызгалъ и кричалъ:

— Знайте разъ на всегда, что вы пришли въ страну, гдѣ смѣяться не позволено.

Затѣмъ быстро возобладавъ собою и, не давъ въ соотвѣтствiи тону своему хорошенько размыслить пришельцамъ о тяжести будущей жизни въ рудникахъ, горячiй начальникъ перешелъ въ тонъ мягкiй и спокойный. Онъ кротко разспрашивалъ каждаго о занятiяхъ и лѣтахъ, о ремеслѣ и знанiяхъ. Узнавъ въ Подгородзинскомъ богатаго человѣка и опросивъ уже ученаго Бопрэ, говорилъ первому, указывая на второго, въ такомъ смыслѣ:

— Если бы ты былъ ученымъ, какъ этотъ, я бы не удивился, что ты принадлежалъ къ союзу. Но чего же ты хотѣлъ? Конечно, при богатствѣ твоемъ тебѣ было и безъ этого хорошо. Вотъ-то глупость, настоящая глупость!

И начальникъ качалъ головою и долго не могъ совмѣстить обѣ мысли въ одну; послѣ различныхъ вопросовъ, снова возвращался къ тому же недоумѣнiю и удивленiю своему.

Между прочимъ, обратилъ онъ вниманiе на европейскiй, городской костюмъ ссыльныхъ, приказалъ нѣкоторымъ обрить бороды, какъ не присвоенныя людямъ каторжнаго состоянiя; велѣлъ оголить бакенбарды и подбородки, замѣтивъ, что такое украшенiе принадлежитъ людямъ честнаго званiя. Долго потомъ муштровалъ, осматривалъ, ласкалъ и бранился въ одно время и на одномъ и томъ же мѣстѣ; наконецъ, отпустилъ.

Разославъ ссыльныхъ поляковъ по различнымъ нерчинскимъ рудникамъ, начальникъ объѣзжалъ ихъ потомъ. Въ одномъ мѣстѣ кричалъ на чиновниковъ за то, что посылаютъ поляковъ на работы, заставъ многихъ изъ нихъ при разбиванiи руды, и дивился, что подчиненные его не умѣютъ уважать людей съ образованiемъ и отдѣлять ихъ отъ остальныхъ преступниковъ. Ревизуя рудники во второй разъ, призывалъ горныхъ чиновниковъ и сердился на нихъ за то, что послабляютъ столь опаснымъ людямъ, что не назначаютъ ихъ на рудниковыя работы и проч.

Но этотъ начальникъ былъ послѣднимъ изъ могиканъ. Въ немъ уже боролись два направленiя, два противоположныхъ взгляда на ссыльныхъ въ такомъ разногласiи, что дѣлали изъ него чудака. Въ послѣдующихъ начальникахъ гуманный взглядъ и мягкiя отношенiя взяли перевѣсъ. Подобному чуду превращенiя гнѣва на милость всѣ ссыльные обязаны влiянiю декабристовъ на ихъ коменданта Лепарскаго, который къ тому же былъ самъ полякомъ. Когда поляки начали прибывать за Байкалъ, влiянiе декабристовъ на комендантское управленiе было уже настолько сильно, что поляки встрѣтили самый мягкiй прiемъ и комендантъ не препятствовалъ декабристамъ подать имъ помощь значительными деньгами, вещами и книгами. Такимъ образомъ, первое пособiе поляки получили не отъ своихъ и не изъ Польши, а изъ каземата декабристовъ. Не забудемъ, что заводы въ отношенiи ко всѣмъ ссыльнымъ, а тѣмъ болѣе относительно „политическихъ“, были подчи-

*) Жандармы обязаны были не давать ссыльнымъ въ руки ни ножа, ни другой какой либо острой вещи, а потому они на станцiяхъ разрѣзали мясо и отбирали даже кости, обязаны были не отходить отъ ссыльнаго ни на шагъ, не позволять никому изъ посторонннихъ подходить и разговаривать; обязаны были смотрѣть, чтобы не убѣжалъ, и стараться живымъ доставить на мѣсто назначенiя. Если ссыльный заболѣетъ въ дорогѣ, жандармы обязаны стараться всякими средствами довезти до ближайшаго губернскаго города, а если болѣзнь острая и сильная, то до ближайшаго уѣзднаго города. Если болѣзнь продолжается дольше мѣсяца, тогда жандармы отдаютъ арестанта подъ надзоръ мѣстныхъ властей, отъ которыхъ берутъ письменное свидѣтельство и возвращаются къ мѣсту служенiя. На паромахъ, на мостахъ, при переѣздахъ черезъ рѣки не позволялось вылѣзать изъ телѣги и даже сами жандармы должны были сидѣть въ это время по бокамъ. Одно изъ этихъ правилъ нарушалось въ Сибири, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ для разговоровъ, утѣшенiй и напутственнаго успокоенiя собирались бывалые изгнанники съ совѣтами и наставленiями вновь прибывающимъ. Судьба сближаетъ людей у почтовыхъ станцiй: на встрѣчу политическимъ ссыльнымъ изъ поляковъ собирались не одни только поляки. По приходѣ въ Иркутскъ, польскiе солдаты, повстанцы 1831 г., приняты были дружески тѣми изъ гвардейскихъ солдатъ-семеновцевъ, которые за бунтъ 1825 года сосланы были въ Сибирь и разсортированы по тамошнимъ батальонамъ. Семеновцы и поляки составили двѣ дружескiя группы; защищали другъ друга, не позволяли, безъ своей воли, ни одного солдата наказывать; негодяевъ исключали изъ своей среды. На первыхъ шагахъ поляковъ въ солдатской неволѣ семеновцы были истинными благодѣтелями.

нены вѣденію Лепарскаго—коменданта нерчинскихъ рудниковъ. „Послѣ стало легче“ (свидѣтельствуетъ одинъ изъ поляковъ, жившихъ на каторгѣ, вообще недружелюбный къ Россіи и озлобленный противъ Сибири, сохранившій приведенное нами преданіе о первой встрѣчѣ поляковъ за Байкаломъ *); „Болѣе человѣчными сдѣлались отношенія (говоритъ онъ дальше); тиранія и варварство въ тѣхъ рудникахъ стали уменьшаться. Старики, помнящіе старыя времена, говорятъ о тогдашнихъ начальникахъ, какъ о грубыхъ тиранахъ, поступавшихъ съ людьми звѣрски. Нынѣшнее обращеніе—терпѣливое, отношеніе къ польскимъ ссыльнымъ милостивое, деликатное и мягкое. По закону ни одна категорія поселенцевъ, даже политическихъ, не освобождена отъ тѣлеснаго наказанія, но не было ни одного примѣра, чтобы наказали политическаго поселенца безъ суда (какъ это дѣлается съ прочими) и чтобы котораго нибудь изъ нихъ записали въ цехъ слугъ“.

Другой полякъ въ Западной Сибири зналъ и также за границею писалъ, что „сосланныхъ въ Нерчинскъ обыкновенно въ рудникахъ не заставляли работать, т. е. ихъ не опускали во внутрь шахты, но въ рабочіе часы должны они выходить съ тачками и возить въ нихъ землю, либо добытую руду; однако, трудъ имъ былъ не черезъ силу“. „Поляковъ охотно принимали въ избранныя общества, имъ дозволялись сходки для увеселеній. Совершенно нельзя вѣрить тому, что въ нерчинскихъ заводахъ политическихъ ссыльныхъ называютъ только нумерами и что они носятъ только арестантскую форму. Въ самомъ дѣлѣ называютъ ихъ настоящими именами и они носятъ такое платье, какое могутъ“ **).

„Съ ссыльными обходятся снисходительно и готовы раздѣлить съ ними послѣднюю копейку и кусокъ (пишетъ бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Броневскій, въ 1836 г., служившій до того долгое время и въ Западной) ***). Ссыльные и живутъ, такъ сказать, на счетъ обитателей Сибири; никто не хочетъ доискиваться, что былъ ссыльный и что онъ за преступникъ, знаютъ всѣ его подъ общимъ именемъ „несчастный“. Ни происхожданіе, ни религія, ни нація не имѣютъ различія въ обхожденіи съ ними, хотя и часто видимы были разительныя доказательства неблагодарности нѣкоторыхъ“.

„Съ сосланными изъ дворянъ (говоритъ другой свидѣтель нерчинскихъ порядковъ, высланный по дѣлу Петрашевскаго) и, вообще, съ политическими преступниками обращались по большей части хорошо. Ихъ почти никогда не посылали на работу и, если не было особаго предписанія, не содержали и въ тюрьмахъ (а на гауптвахтахъ). Начальство было съ ними вѣжливо, привѣтливо. Наши дворяне далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ начальства (да и того и сами не заслуживали)“. Въ Култумѣ, напримѣръ, поляки жили въ особомъ большомъ домѣ, нарочно для нихъ построенномъ. „Большею частью они ссылались на короткіе сроки на каторгу и, выходя на поселеніе, занимались мелкою торговлею, подрядами и хозяйствомъ; большая часть—небогатая шляхта, всѣ набожные католики, всѣ мало сближались съ русскими, кромѣ подрядчиковъ. Въ послѣднее время (передъ освобожденіемъ по манифесту покойнаго Государя) нѣкоторые поляки по подрядамъ нѣсколько зарисковались, но у народа пользовались довѣріемъ. Для всѣхъ политическихъ преступниковъ было общее названіе поляковъ и главною особенностью для распознаванія полагалось не нарѣчіе, а образованіе. Многіе серьезно занялись своимъ развитіемъ и успѣли образовать себя замѣчательно“.

Въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, на денежную складчину всѣхъ ссыльныхъ поляковъ, составлена была замѣчательная по составу сочиненій и по количеству томовъ (три тысячи) библіотека, часть которой временами отдѣлялась для пользованія ссыльныхъ другихъ рудниковъ (между прочимъ, одинъ изъ такихъ отдѣловъ библіотеки существовалъ въ Култумѣ). Основаніе библіотекѣ положили четыре поляка (Бопрэ, Машковскій, Боровскій и Чапскій), сосланные по дѣлу Конарскаго; они составили между собою за Байкаломъ товарищество, прозванное Ogôl. Впослѣдствіи подъ этимъ именемъ долгое время существовала община забайкальскихъ изгнанниковъ, которая владѣла библіотекою, выписывала газеты, выдавала письма и была хранительницею кассы, составлявшейся изъ добровольныхъ взносовъ имущихъ. Сессія для повѣрки отчетовъ и происшедшихъ тратъ и для соображенія будущихъ расходовъ происходила обыкновенно въ Большомъ заводѣ на праздникъ Рождества Христова. Власти знали о сессіяхъ и объ Огулѣ, но не преслѣдовали. Товарищеское согласіе и взаимная помощь, развиваясь подъ самыми благопріятными условіями, сложилось въ нѣчто такое, что достойно уваженія и подражанія. Въ участникахъ дѣла и въ дѣятеляхъ по товариществу успѣли выясниться замѣчательные люди, стоявшіе къ товарищамъ самыми завѣтными сторонами прекрасной души и въ дѣлахъ помощи и благотворенія въ нерѣдкихъ случаяхъ заявившіе энергію до самопожертвованій и самоотверж-

*) Агатонъ Гиллеръ, написавшій за границею три тома: «Описаніе Забайкальской украйны въ Сибири» (Лейпцигъ, 1867, Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberyi).

**) Руфимъ Піотровскій: „Pamictniki z pobytu na Syberyi“. Poznan, 1860.

***) Въ неизданныхъ рукописныхъ запискахъ о службѣ.

нія. Въ особенности замѣчателенъ былъ въ этомъ отношеніи Александръ Венжикъ, бывшій основатель варшавскаго товарищества Св. Креста. Вотъ что говоритъ о немъ хорошо знавшій его Гиллеръ:

„Венжикъ былъ сосланъ на легкія работы въ рудникахъ. Посылаемый на луга для уборки сѣна, онъ, сидя въ шалашѣ со своимъ товарищемъ, зачитывался произведеніями Гельвеція и другихъ философовъ XVIII вѣка. Въ нихъ, однако, онъ не нашелъ матеріаловъ для себя въ достаточной мѣрѣ, а между тѣмъ праздность не переставала мучить этого человѣка, нравственный организмъ котораго требовалъ труда и искалъ цѣлей, каковыя бы измѣнили все его существо. Онъ созданъ былъ для дѣятельности, для высокихъ цѣлей и для крупныхъ предпріятій, а не для полумѣръ. Безъ высшихъ занятій, въ недѣятельности, онъ не могъ быть покойнымъ и придти въ себя. Въ такомъ положеніи люди либо падаютъ, либо крѣпнутъ больше прежняго. Венжикъ также находился на пути къ паденію. Во время внутренней борьбы и душевныхъ тревогъ онъ узналъ красивую крестьянскую дѣвушку и, всей душой полюбивши ее, привязался къ ней. Если бы она не была русскою, онъ женился бы на ней, но ея вѣра стала преградою. Долго онъ боролся съ собою, долго колебался въ выборѣ средствъ, но въ концѣ превозмогъ любовь и пожертвовалъ ею для товарищей“. „Мысли и начала свои онъ оторвалъ отъ исключительной, эксцентричной почвы и утвердилъ ихъ на твердомъ основаніи сильныхъ и широкихъ убѣжденій: не сдѣлавшись фанатикомъ, онъ сталъ человѣкомъ религіознымъ“. Съ этой поры всю свою жизнь Венжикъ посвятилъ товарищамъ по ссылкѣ, не раздѣляя политическихъ отъ присланныхъ за гражданскія и уголовныя преступленія, лишь бы только то были поляки. Онъ разыскивалъ крайнихъ бѣдняковъ между ними, поддерживалъ колебавшихся, поднималъ упавшихъ и потерявшихся. „Не было селенія самаго отдаленнаго, гдѣ бы не являлся онъ, неся матеріальную помощь деньгами и нравственную въ словѣ Христовомъ. Чтобы соединить всѣхъ съ Богомъ, возбудить въ нераскаявшихся раскаяніе и исправленіе, онъ въ главнѣйшихъ селеніяхъ Дауріи устроилъ общія молитвы между католиками. Передъ алтарикомъ, устроеннымъ въ квартирѣ кого либо изъ товарищей для произнесенія молитвъ и литаніи, собирались, подъ предводительствомъ политическаго ссыльнаго, всѣ католики изъ рудника *). На Пасху и Рождество собиралъ онъ всѣхъ каторжныхъ поляковъ и дѣлился съ каждымъ узникомъ освященнымъ яйцомъ либо оплаткою; разспрашивалъ о нуждахъ и всегда помогалъ, неизбѣжно имѣя на устахъ слово Божіе, подкрѣпляющее въ несчастьяхъ и несущее надежду упавшимъ. Образъ его въ рудникахъ представляется намъ образомъ миссіонера“! Этотъ видъ богослуженія (особое набоженьство), эти молитвы устояли за Байкаломъ и послѣ смерти Венжика въ 1853 году. На могилу его товарищи положили доломитовый камень и, найдя въ имуществѣ 1 тыс. злотыхъ, постановили увеличить эту сумму добровольными взносами для того, чтобы возможно было въ околицѣ его родины купить землю, основать колонію и отдать ее во владѣніе родственнику какого либо заслуженнаго въ бою или отличившагося въ ржондѣ крестьянина. Прожилъ Венжикъ, отказывая себѣ во многомъ и ничего не жалѣя для другихъ; держалъ себя скромно, не хвастливо, бѣгалъ въ убогой одеждѣ, писать не любилъ; дѣятельная жизнь совершенно оторвала его отъ пера. Временами, въ веселомъ настроеніи духа, въ кучѣ пріятелей, импровизировалъ либо писалъ стишокъ, куплетикъ, который потомъ, пропѣтый товарищами, служилъ приправою бесѣдъ и поводомъ къ веселымъ шуткамъ товарищескихъ собраній.

Большой нерченскій заводъ въ два великихъ праздника (въ Рождество и Пасху) служилъ мѣстомъ обширнаго собранія всѣхъ поляковъ и, вообще, этотъ заводъ можно было считать важнѣйшимъ и главнымъ пунктомъ польскаго изгнанія въ Сибири; его называли „столицею забайкальскихъ польскихъ изгнанниковъ“. Изъ дальнихъ мѣстъ спѣшили къ этимъ днямъ всѣ ссыльные для свиданія съ товарищами и для исполненія на великіе дни богослужебныхъ и празничныхъ обрядовъ, указанныхъ религіею и народными обычаями. Это были и времена заявленій каждаго о личныхъ нуждахъ, планахъ и намѣреніяхъ. Тогда начинала свои дѣйствія общественная касса.

Касса польская, образуемая изъ взносовъ самихъ ссыльныхъ и отъ присылокъ изъ Польши, всегда владѣла нѣсколькими тысячами рублей *).

*) Для уставщиковъ такого «набоженьства» Венжикъ написалъ инструкцію подъ названіемъ «Uwagi o potrzebach nabożeństwa bajkalskiej parafii». Впрочемъ, и само правительство строго требовало исповѣди у ксендзовъ, обязанныхъ составлять списки исповѣдникамъ. Кто не попадалъ въ нихъ, о тѣхъ наводились справки; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ строго наказывали. Забайкальскій католическій приходъ заключалъ въ себѣ въ 1860 году 1.635 прихожанъ; за пять лѣтъ до того ихъ было 758 и въ томъ числѣ 150 политическихъ преступниковъ. Приходъ этотъ устроенъ въ 1840 году по желанію и просьбамъ ссыльныхъ этого періода; до тѣхъ поръ Забайкалье принадлежало къ иркутскому приходу.

*) Сооруженію въ заводѣ каплички съ малымъ органомъ и снабженію ея всѣмъ необходимымъ способствовала много Грохольская, изъ Подольской губерніи, высланная за то въ Ярославль. Впослѣдствіи на деньги, собранныя съ прихожанъ и на Волынѣ и Украйнѣ Раковскою, предположено было выстроить костелъ въ Читѣ съ тѣмъ, чтобы упразднить существовавшій въ

наблюдалась она особымъ кассиромъ, ежегодно избираемымъ на эту должность (Венжикъ безсмѣнно состоялъ таковымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ). Изъ кассы брали помощь старики, больные, либо остававшіеся безъ занятій; она же давала и займы для устройства быта и различныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. На вспомоществованіе ея имѣлъ право каждый членъ ссыльной колоніи, этой польской общины за Байкаломъ; не пользовались же этимъ правомъ только поляки, сосланные не за политическія преступленія, какъ не признанные въ составѣ общины, не пользовались не платившіе процентовъ (не вносившіе денегъ) и тѣ изъ политическихъ, которые успѣли жениться на сибирячкахъ, какъ добровольно исключившіе себя изъ нее черезъ нарушеніе одного изъ коренныхъ правилъ колоніи. „Община была и есть утѣхою жизни поляковъ въ ссылкѣ. Взаимная помощь и взаимный контроль уладили ссыльныхъ, облегчили имъ жизнь, спасли ихъ достоинство, возвысили помыслы и сдѣлали то, что поляки имѣли здѣсь неограниченный кредитъ, довѣріе и уваженіе, какъ выразились по отношенію къ нимъ мягкимъ и снисходительнымъ обращеніемъ властей, исканіемъ торговыхъ, товарищескихъ и иныхъ сношеній со стороны тамошняго народа“. Кромѣ того, въ Большомъ заводѣ, черезъ браки поляковъ между своими, образовалось нѣсколько польскихъ семейныхъ домовъ, гдѣ изгнанники не мало встрѣчали утѣшеній и помощи. Гостепріимство, искренность и прелесть пріема, какими всегда отличаются польки, умѣли не одного изгнанника перенести воспоминаніями на далекую родину, тѣмъ болѣе, что и народные обычаи въ этихъ семействахъ свято соблюдались.

Такимъ же пунктомъ для сходокъ товарищескихъ и для обмѣна мыслей служилъ нѣкоторое время Акатуйскій рудникъ, гдѣ ссыльные поляки группировались около Высоцкаго. Подъ вліяніемъ этого замѣчательнаго человѣка умѣла также уберегаться польская національность, склонная не дружиться съ русскою, не смотря на благопріятныя условія, предлагаемыя добровольно и безъ принужденія и даже извѣстнаго рода необходимыя. Въ Акатуй къ Высоцкому, во время житья его на поселеніи, изъ ближнихъ странъ нерчинской ссылки собирались товарищи изгнанія и здѣсь, въ его скромномъ жилищѣ, торжественно справляли памятную годовщину 29 ноября. Высоцкій гостепріимно встрѣчалъ всѣхъ званыхъ и незваныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; временами кто нибудь запѣвалъ веселыя народныя пѣсни, всегда въ день св. Сатурнина раздававшіяся въ жилищѣ общаго любимца всѣхъ польскихъ изгнанниковъ*), Этою тѣсною дружбою, этою готовностью ко взаимной помощи и поддержкѣ прославились поляки между сибиряками въ видѣ поразительнаго исключенія и замѣчательнаго образца. Въ Тобольскѣ встрѣчала ихъ помощь Петра Мошинскаго, сосланнаго туда на житье, и князя-богача Романа Сангушки, надѣлявшаго деньгами каждаго изъ проходившихъ въ этапной партіи, и проч. *). Всякій вновь прибывшій въ рудники ссыльный находилъ у старыхъ пріютъ, обязательную помощь и необходимые совѣты на предстоящую жизнь, какъ бы отъ родныхъ братьевъ, кровныхъ друзей. Рѣдкій изъ ссыльныхъ поляковъ не зналъ или не имѣлъ понятія объ остальныхъ товарищахъ по изгнанію: Высоцкій зналъ положительно каждаго и ни одному изъ своихъ соотечественниковъ не отказывалъ въ гостепріимствѣ и совѣтахъ. Въ обязательствахъ такого всевѣденія предполагалась та возможность вліянія на упавшихъ духомъ, которая выражалась, между прочимъ, въ стремленіяхъ не давать смѣшиваться польской крови съ русскою. Браки съ сибирячками считались измѣною отчизнѣ и незримый контроль и наблюденіе всегда являлись съ отговорами, мольбами и запрещеніями вездѣ и тотчасъ тамъ, гдѣ житейскія обстоятельства и сердечныя стремленія завязывали узы Гименея. „Такихъ общественное мнѣніе сурово карало, однако, старанія товарищей не всегда были успѣшны“. Сохраненіе національнаго чувства и патріотическихъ вѣрованій, съ самыми крайними и странными проявленіями, низведенными до тонкихъ мелочей, было одною изъ характеристическихъ особенностей и однимъ изъ главнѣйшихъ сознательныхъ стремленій всѣхъ политическихъ ссыльныхъ этого втораго періода ссылки. Успѣхъ задался въ такой степени, что изо всего множества политическихъ ссыльныхъ Восточной Сибири, говорятъ, только 27 остались доживать здѣсь свой вѣкъ послѣ всемилостиваго прощенія. „Община (огулъ) такъ устроила дѣла изгнанниковъ Восточной Сибири, что они вернулись на родину, не сломивши духа и не уронивши характера представителей Польши“ свидѣтельствуетъ Аг. Гиллеръ.

Жили поляки, подъ вліяніемъ товарищества и при содѣйствіи общественной кассы, различ-

нерчинскомъ заводѣ иркутскій костелъ, построенный гр. Литтою.

*) Нѣкоторые поляки, какъ Петръ Сцѣгѣнный съ братьями (въ Александровскомъ заводѣ), пробовали жить товариществомъ на равныхъ, коммунистическихъ правахъ, но попытка ихъ не удержалась на практикѣ.

*) Романъ Сангушко числился солдатомъ въ тобольскомъ батальонѣ и жилъ на волѣ. Впослѣдствіи, по ходатайству родственниковъ, переведенъ въ кавказскія войска съ дозволеніемъ выслуги. Когда дослужился, онъ уже очень мало видѣлъ и оглохъ. Глухимъ онъ встрѣтилъ и глухимъ остался къ послѣднему польскому возстанію, живя въ своихъ имѣніяхъ въ Волынской губ. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ въ Тобольскѣ полковникъ Крыжановскій, отличавшійся въ наполеоновскихъ войскахъ въ Испаніи, другъ генерала Хлопицкаго, человѣкъ высокообразованный.

ными способами труда, приспособляемаго на большую часть по образцамъ и требованіямъ мѣстнымъ: по заказамъ, подрядамъ и при содѣйствіи купцевъ, по наймамъ и подъ руководствомъ чиновниковъ; поляки искали либо частной службы, либо казенной. Наибольшее число ихъ Сибирь видѣла мелкими торговцами, купеческими приказчиками, либо станціонными смотрителями и писарями; охотливѣе всего искали они выгодныхъ мѣстъ волостныхъ писарей. Привиллегія грамотности и умѣнье писать составляли основную причину польскихъ успѣховъ во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ: близкія взаимныя связи, вслѣдствіе одноплеменности и соузничества, всегда (какъ и вездѣ на свѣтѣ) выражались тѣмъ, что тамъ, гдѣ удалось укрѣпиться одному, находилась возможность къ обезпеченію и другого поляка. Исключенія являлись только въ силу неодолимыхъ препятствій, предусмотрѣнныхъ законами физики или запрещеніями начальствъ, временами налагаемыми. Въ заводскихъ конторахъ писали обыкновенно трое, но и такому числу бумажныхъ работъ приходилось по горло: писали съ 8 до 12-ти, потомъ обѣдали, въ два часа опять садились писать и снова писали часовъ до 10 и 11-ти. Не было работы—ходили въ конторы сидѣть и снова писали уже отъ бездѣлья и сверхъ сыта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опытные и образованные люди умѣли вызнавать и приспособлять такіе новые способы производствъ, о которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ до того времени мало разумѣли или не догадывались. Особеннымъ успѣхомъ пользовались знатоки различныхъ техническихъ производствъ, распространенныхъ въ Польшѣ, а наибольшую пользу сибирской странѣ оказали тѣ, которые, занявшись земледѣліемъ, приспособляли различные способы раціональнаго сельскаго хозяйства.

Между первыми особенными выгодами въ матеріальномъ отношеніи воспользовались тѣ, которые обратили вниманіе на превосходное дерево сибирскаго кедра, рѣдко ростущаго сплошнымъ лѣсомъ, но замѣчательно распространеннаго по цѣлой Сибири. Плоды его, шишки съ орѣхами, составляли только любимый кормъ бѣлокъ и любимое лакомство сибирячекъ, превратившихъ щелканье кедровыхъ орѣховъ въ обязательное и ежедневное препровожденіе времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ предѣлахъ Западной Сибири, орѣхи-меледа составляли предметъ торговли и въ сыромъ видѣ вывозились за Уральскій хребетъ, продавались на Ирбитской ярмаркѣ. За Байкаломъ масло кедровыхъ орѣховъ составляло продуктъ русскаго приготовленія. Масло было лучше, потому что орѣхи чистились лучше, но за то не могло быть предметомъ серьезной торговли. Грызли орѣхи обыкновенно дѣвочки-подростки, но грызли онѣ такъ искусно, что, раскалывая скорлупу, не касались зубами орѣховъ. За Байкаломъ нѣкоторые поляки основали небольшой заводъ для добыванія изъ орѣховъ масла, для очистки скорлупы и выжимки изъ мякоти продукта; одинъ изъ нихъ (Савичевскій) занялся усерднѣе другихъ, устроилъ даже и мыльный заводъ *). Кедровое масло изъ этой маслобойни тотчасъ обратило на себя вниманіе не столько какъ вещество новое, сколько какъ добротный продуктъ. Когда такой же опытъ произведенъ былъ Морачевскимъ въ Западной Сибири и масло дошло до Москвы, то, по свѣжести, цвѣту и другимъ качествамъ, оно найдено было соотвѣтствующимъ тому, на которое существуетъ въ православной Россіи такое огромное и повсемѣстное требованіе и громадный расходъ. Издавна, какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ спросъ неизмѣримо превышаетъ фабрикацію привознаго продукта и деревянное или оливковое масло издавна приправляется всякими примѣсями другихъ маслъ, между которыми сурепному принадлежитъ первое мѣсто. При всегдашнихъ замѣшательствахъ по недостатку суррогатовъ, кедровое масло, свѣтлое и сладкое и близко подходящее къ привозному оливковому, показалось московскимъ оптовымъ торговцамъ рѣшительнымъ кладомъ. Замѣченный недостатокъ смолистаго вкуса отъ доставки его въ сосновыхъ бочкахъ вскорѣ устраненъ былъ сибирскими заводчиками-поляками тѣмъ простымъ способомъ, что кедровое масло стали доставлять въ кедровыхъ бочкахъ. Дѣла заводчиковъ быстро поднялись: продуктъ ихъ продолжалъ сдабривать деревянное масло вопреки православному обычаю зажигать въ лампадахъ елей чистый и безпримѣсный. Успѣхъ увѣнчалъ начинанія съ большою выгодою для поляковъ Западной Сибири, хотя съ наименьшею для заводчиковъ Забайкалья, но уже по причинамъ географическимъ.

Въ Сибири, какъ извѣстно, нѣтъ вовсе въ лѣсахъ вяза, клена и ясени; за Байкаломъ въ озерахъ и болотахъ—піявокъ, въ лугахъ и лѣсахъ—пчелъ. На медъ, какъ на продуктъ, весьма дорого стоющій въ православной Сибири, которая соблюдаетъ посты и сильно потребляетъ чай и пряники, также обращено было вниманіе въ Западной Сибири. Разведенію пчелъ содѣйствовали также ссыльные поляки, исконные знатоки и любители этого промысла, сильно

*) Савичевскаго поддержалъ кяхтинскій купецъ Ив. Як. Спѣшиловъ. Предпріятіе было, однако, не совсѣмъ удачно. Масло стало горько оттого, что у крупныхъ орѣховъ скорлупа вдавливалась въ мякоть, а мелкіе проскакивали съ цѣлою скорлупою между жерновами. Грохоты и жерновъ придуманы въ казематѣ декабристами, отсюда и взяты И. Я. Спѣшиловымъ. Цѣна на масло не уменьшалась, однако; масло ручного производства было такъ дешево, какъ никогда не бывало при машинномъ производствѣ, потому что избоина шла въ кушанье.

развитого въ бѣлорусскихъ и литовскихъ лѣсахъ, содѣйствовали по инициативѣ начальника алтайскихъ заводовъ, полковника Аршеневскаго, богатаго человѣка и любителя сельскаго хозяйства. Въ 1790 году онъ выписалъ изъ Россіи два улья въ свой полковой штабъ. Съ легкой его руки воспитаны были пчелы около Семипалатинска, въ Устькаменогорскомъ и Бухтарминскомъ краяхъ при содѣйствіи поляковъ и литовцевъ, поселенныхъ деревнями или опредѣленныхъ въ казачьи войска. Теперь пчеловодство сильно развилось и ворочаетъ сотнями тысячъ рублей на всемъ югѣ Томской губерніи, преимущественно въ Війскомъ округѣ (медъ отсюда везутъ даже въ Иркутскъ); начинаютъ также разводить пчелъ и въ богатыхъ липовыхъ лѣсахъ по р. Тартасу въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи *).

На сибирское огородничество, вообще находящееся въ зачаточномъ состояніи, поляки вліяли главнымъ образомъ тѣмъ, что, выписывая изъ Польши сѣмяна, ознакомили съ нѣкоторыми неизвѣстными и распространили лучшіе сорты овощей и плодовъ. Въ маленькихъ щеголеватыхъ огородахъ, даже у самыхъ бѣдныхъ изгнанниковъ, сибиряки увидѣли макъ, пѣтрушку, сельдерей, порей, цвѣтную капусту, фасоль, арбузы и дыни и имѣли возможность, черезъ подражаніе и при указаніяхъ, распространить возростаніе ихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ (макъ, напримѣръ, хотя и хорошо родится на сибирской землѣ, но весьма мало воспитывался). Сибиряки, между прочимъ, глубоко убѣждены были въ томъ, что арбузы и дыни, кромѣ парниковъ и оранжерей, нигдѣ родиться не могутъ. Воспитанные тамъ плоды эти продавались въ Иркутскѣ отъ 5 до 10 р. асс. Но Вл. Ѳед. Раевскій (декабристъ) сталъ разводить арбузы въ 80 вер. отъ Иркутска въ Олонкахъ на особыхъ грядахъ и безъ особенныхъ хитростей. Тамошнія бабы выучились, стали подражать, ихъ примѣру послѣдовали бабы въ Александровскомъ заводѣ и теперь на иркутскій рынокъ натаскиваютъ арбузовъ цѣлые воза, такъ что арбузъ стоитъ уже отъ 10 до 50 копеекъ **).

Какъ ссыльные на мысѣ Доброй Надежды развели виноградъ, эмигранты-французы основали въ восточныхъ предѣлахъ Лондона шелковыя фабрики и научили саксонцевъ выдѣлывать сукна и шляпы (издѣлія, составлявшія до того времени монополію Франціи), такъ, между прочимъ, плѣнные шведы въ Орловской губерніи выучили косить пшеницу, а въ Сибири основали первыя школы *). Поляки кое-гдѣ за Байкаломъ и во многихъ мѣстахъ обѣихъ Сибирей познакомили съ плугомъ. Въ остальной Сибири съ плугомъ и литовками ознакомили туземцевъ добровольные переселенцы Малороссіи, казаки. Поселенцы косили косою и горбушею, смотря, кто изъ какого мѣста былъ. Самая лучшая за Байкаломъ пшеница называется полька, а у семейскихъ старовѣровъ—кубанка, выписанная впервые изъ Польши и присланная черезъ почту. Подъ Большимъ нерчинскимъ заводомъ у изгнанниковъ былъ образцовый фольваркъ (хозяинъ его Бульдескулъ). Нѣкоторые разводили лошадей, каковыхъ сибиряки охотно покупали, увѣренные въ томъ, что лошади, выхоленныя по европейскимъ образцамъ, крѣпки, красивы и быстры, и до сихъ поръ помнятъ, что между поляками Валецкій искусно способствовалъ улучшенію породы туземныхъ лошадей. Шведы и финны въ томъ же Забайкальѣ, какъ и въ остальной Сибири, познакомили крестьянъ съ приготовленіемъ чухонскаго масла и тѣ же поляки основали фабрики сыровъ польскихъ и швейцарскихъ **). Была даже маленькая фабрика, приготовлявшая си-

*) Между прочимъ, сибирскій медъ—такого качества, что подобнаго ему трудно найти въ Россіи.

**) Огородничество процвѣтало задолго до поляковъ у раскольниковъ Забайкалья и на Алтаѣ и распространено въ лучшихъ видахъ у декабристовъ задолго до прибытія поляковъ, которые вначалѣ даже и сѣмянами пользовались изъ каземата. Въ Иркутскѣ задолго до поляковъ были у губернатора Цейдлера, а особенно у купца И. И. Баскина образцовыя оранжереи, которыя были бы замѣчательны и вездѣ. Въ Минусѣ разводились арбузы издавна, а въ Западной Сибири славились ташкентскіе огурцы, какъ въ Восточной китайскіе, имѣющіе ту выгоду, что можно было ихъ выращивать на окнахъ, на трельяжахъ и т. д.

*) Въ Тобольскѣ, между прочимъ, жили Дитмаръ, секретарь Карла XII, и полковникъ Страленбергъ, успѣвшій объѣздить съ ученою цѣлью многія мѣста Сибири. По возвращеніи изъ плѣна въ Стокгольмъ, онъ написалъ книгу (на нѣм. яз.): «Сѣверо-восточная часть Европы и Азіи, содержащая въ себѣ географическія, этнографическія и историческія свѣденія о Сибири и отчасти объ европейской Россіи, съ картою Сибири». Татищевъ написалъ на эту книгу замѣчанія.

**) На Чикоѣ, въ деревнѣ Шембеликъ, полякъ Савичевскій имѣлъ два завода: мыльный и масляный (изъ кедровыхъ орѣховъ). Въ 1859 г. выработано имъ было масла на 12 тыс. руб. Савичевскій имѣлъ также чайную торговлю въ Кяхтѣ. Швейцарскіе сыры варили въ Петровскомъ заводѣ братья Карпинскіе. По возвращеніи ихъ въ 1857 году на родину, сыроварня эта исчезла безъ слѣдовъ. Сыръ, какъ извѣстно, возятъ за Байкалъ изъ Москвы за 6 тысячъ верстъ; порядочное мыло, пригодное для стирки бѣлья, за $4^1/_2$—5 тыс. верстъ изъ Казани; даже простыя сальныя свѣчи идутъ въ Иркутскъ и далѣе изъ Томска за $1^1/_2$, 2, $2^1/_2$ тыс. верстъ. Приготовленіе обыкновеннаго польскаго сыра составляло необходимую принадлежность всякаго хозяйства польскихъ поселенцевъ. Въ Александровскомъ заводѣ Пасербскій и Вокульскій имѣли свѣчной заводъ. Мыло варили задолго до поляковъ. Казанское привозили оттого, что оно было въ славѣ и провозъ за Байкалъ былъ необычайно дешевъ (напр., отъ моря (Байкала) до Читы 45 коп. асс. съ пуда).

гары изъ монгольскаго и нерчинскаго табаку.

Съ выѣздомъ поляковъ изъ Сибири упала добротность кедроваго масла, вызвавшая теперь въ Москвѣ сожалѣніе, къ тому же вывозъ масла уменьшился, сверхъ того, вслѣдствіе вздорожанія за Байкаломъ и въ Сибири всѣхъ работъ, въ томъ числѣ и добыванія орѣховъ, а особенно вслѣдствіе вздорожанія въ пять разъ и болѣе провоза. Исчезло безъ слѣда сыроваренiе *). Не укрѣпился секретъ Валецкаго воспитывать лошадей, не пустила глубокихъ корней выдѣлка березовыхъ трубокъ, на которыя особенно охотливы и искусны были забайкальскіе поляки; не распространились по городамъ ремесла, не смотря на то, что сапожниковъ и башмачниковъ прислано было изъ Польши много, не смотря на то, что между слесарями и кузнецами поляками находились истинные артисты своего дѣла и, вообще, техническія производства и ремесла на городскую и дворянскую руку имѣли въ полякахъ замѣчательно хорошихъ представителей. Первая въ томъ краю вѣтряная мельница, построенная въ нерчинскомъ Большомъ заводѣ, то же недолго похлопала крыльями и не нашла покровителей: вѣтры не крѣпки. Крупнаго вліянія и сильнаго впечатлѣнія дѣла и затѣи ремесленниковъ изъ поляковъ не произвели на ссыльныя страны; не произвели и потому, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ желанія и цѣлей приспособлять свои ремесленныя знанія въ широкихъ размѣрахъ къ мастерству и школѣ, и потому, что всякій работалъ изъ-за насущнаго куска хлѣба. Воспользоваться ихъ знаніями и обратить ихъ на пользу туземцевъ никому и въ голову не приходило: омская весьма успѣшная и иркутская не совсѣмъ удачная попытка образовать поляками полковыхъ музыкантовъ, вмѣстѣ съ разведеніемъ пчелъ подъ Семипалатинскомъ, стоятъ одиноко и остались безъ подражателей *). Всякій работалъ самъ для себя и самъ про себя. И Высоцкій варилъ въ Акутуѣ мыло, но издѣлія его, въ маленькихъ квадратныхъ выпуклыхъ печаткахъ (съ надписью P. W. Akatuja), не употреблялись по назначенію, а раскупались для храненія на память обожавшими его земляками. Мыло поляка Хлопицкаго приманило было сначала своимъ бѣлымъ видомъ, но когда оказалось не мылко, то и потеряло скоро кредитъ. И братья Далевскіе лили сальныя свѣчи, и на р. Аргуни двое поляковъ основали кожевню, но издѣлія первыхъ вовсе не расходились дальше хатъ Газимурскаго селенія, а издѣлія вторыхъ удовлетворяли только мѣстнымъ нуждамъ контрабандистовъ. Цезиковскія же глиняныя статуэтки, вазы и трубочки весьма мало нашли себѣ подражателей и продолжателей. Съ большею охотою пускались поляки на мелкія работы: шили башмаки, дѣлали деревянныя чашки, ложки, ведра, кадушки, глиняные горшки; на Шилкѣ и Аргуни занимались рыбною ловлею, охотою; у купцовъ жили въ поварахъ, въ приказчикахъ, бухгалтерами, учителями при дѣтяхъ (особенно большую помощь нашли поляки у богатыхъ купцовъ Кандинскихъ). Между прочимъ, поляки любили разносную торговлю коробейнымъ товаромъ; нѣкоторымъ при этомъ приходилось, по вызову и требованіямъ туземнаго населенія (какъ въ Западной Сибири), гадать за яйца для пущаго успѣха на царѣ Соломонѣ, колдовать, ворожить и лечить всякими вѣдомыми и невѣдомыми снадобьями. Нѣкоторымъ удалось отъ торговли и различныхъ подрядовъ разбогатѣть до забвенія о родинѣ, а нѣкоторымъ послѣ того и разориться (какъ случилось въ Восточной Сибири — именно за Байкаломъ, когда переименовали крестьянъ въ казаковъ и въ вознагражденіе за пожертвованія при этомъ воспретили имъ платить купцамъ долги *).

Несомнѣнно прочнѣе и плодотворнѣе было вліяніе тѣхъ изъ поляковъ, которые посвятили себя обученію дѣтей грамотѣ, тѣмъ болѣе, что это занятіе принадлежало значительному числу ихъ, а притомъ въ такихъ далекихъ мѣстахъ и глухихъ захолустьяхъ, гдѣ безъ этихъ случайныхъ гостей дѣло грамотности коснѣло бы при старыхъ порядкахъ. Недовѣрчивость и упорство, высказавшееся на встрѣчу полякамъ на первыхъ шагахъ ихъ, имъ удалось усилять терпѣніемъ и настойчивостью и, во всякомъ случаѣ, при обстоятельствахъ, болѣе благопріятныхъ (въ городахъ, мѣщанскихъ и купеческихъ семействахъ), ссыльнымъ полякамъ удалось значительно предотвратить и восполнить недостатокъ воспитателей. Съ точностью опредѣлить ихъ услугу и найти ея границы невозможно только потому, что параллельно съ ихъ дѣятельностью на поприщѣ обученія шла таковая же готовная, неустанная, правильная и честная дѣятельность декабристовъ **). Вліяніе этихъ

*) Впрочемъ, польскій сыръ былъ очень плохого качества.

**) Въ составъ иркутскаго оркестра вмѣстѣ съ поляками поступили, между прочимъ, ссыльные дворовые гр. Аракчеева, сосланные по дѣлу убійства извѣстной графской любовницы Настасьи.

*) Богатый домъ Кандинскихъ съ этого времени пошелъ быстро къ паденію и банкротству. Пострадали отъ этой мѣры и два извѣстныхъ поляка: Гжовскій и Грушевскій. Послѣдній жилъ въ Култумѣ и велъ обширную торговлю, имѣя большое хозяйство; на р. Газимурѣ не было человѣка, который но состоялъ бы у него въ долгахъ. Самыми выгодными предпріятіями и спекуляціями считали поляки тѣ, которыя приводилось имѣть съ казною, по причинамъ, всѣмъ хорошо извѣстнымъ и не требующимъ объясненій.

**) Яснѣе выражалось вліяніе поляковъ въ передачѣ знаній французскаго языка и другихъ иностранныхъ, на преподаваніе которыхъ они охотливѣе соглашались, чѣмъ на преподаваніе

общихъ усилій очевидно: количество грамотныхъ въ казачьемъ сословіи, между заводскими крестьянами и городскими мѣщанами несравненно выше соотвѣтствующихъ имъ сословій России. Сибирское купечество вообще отличается наибольшею развитостью въ политическихъ взглядахъ, наибольшимъ такъ называемымъ энциклопедическимъ образованіемъ, чѣмъ, напр., то же купечество, которое покупаетъ у нихъ чай и мѣха и отпускаетъ имъ ситцы, сукна, готовые сапоги и готовое платье, заготовляемые Москвою. Гостепріимно отворяя двери изгнанникамъ, въ нравственномъ отношеніи сибиряки много выиграли, судя по личнымъ нашимъ наблюденіямъ и по свидѣтельству всѣхъ, имѣвшихъ съ ними дѣла и встрѣчи. Снисходительность и терпимость сибиряковъ, развитыя опытомъ и вызванныя необходимостью, даже сильнѣе въ этомъ случаѣ, чѣмъ въ долготерпѣливой и незлопамятной России. Этимъ-то свойствомъ обязаны сибиряки сближеніемъ съ политическими ссыльными и пріобрѣтеніемъ отъ нихъ возможныхъ услугъ и помощи. Во всякомъ случаѣ, политическіе изгнанники оставили въ Сибири слѣды глубокіе и примѣтные.

Полякамъ привелось, вслѣдъ за другими, будить мысль, поднимать самосознаніе и направлять самодѣятельность. Общими усиліями всѣ политическіе ссыльные, главнымъ образомъ, достигли до того уваженія у туземцевъ и до той сибирской терпимости, которая имъ же самимъ послужила на пользу, пойдетъ вооруженная готовностью и на будущія времена. Мы не говоримъ уже о той пользѣ странѣ, которую принесли, между прочимъ, поляки, явившіеся съ врачебными знаніями, съ каковыми многіе (какъ Шокальскій), не смотря на запрещеніе имъ практики, шли на безвозмездную и готовную помощь сибирскимъ людямъ, предоставленнымъ судьбою въ пользованіе ламъ и шамановъ **).

Несомнѣнно почувствовала бы Сибирь еще большую помощь и пользу отъ изгнанниковъ и сами они устремились бы въ эту сторону съ большею энергіею и готовностью, если бы не стояли на пути предвзятыя сепаративныя національныя стремленія соблюсти и сохранить себя послѣдовательными своимъ идеямъ. Поляки уронили себя въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что сдѣлались участниками всѣхъ злоупотребленій администраціи и увлекли снова на дурной путь евреевъ, которые въ Сибири начали было отставать отъ своихъ прежнихъ привычекъ. Несомнѣнно поляки принесли бы большую пользу странѣ, если бы не замыкались въ свои товарищества, искали, а не сторонились бы отъ сибирскаго общества, если бы въ чужой странѣ между поляками (преимущественно высшихъ слоевъ и образованными) не развивалась жестокая болѣзнь тоски по родинѣ. Не мало силъ, не мало людей утратили политическіе ссыльные въ своей средѣ на борьбу съ частыми и сердитыми припадками этой болѣзни, особенно чувствительной въ промысловой и земледѣльческой Сибири для горожанъ и особенно опасной для людей высшаго образованія, показавшихъ столько любви къ родинѣ и пожертвовавшихъ для нее своею свободою. Исканіе этой свободы, стремленіе достичь того положенія, при которомъ вѣроятна помощь и служба отчизнѣ, составляютъ одну изъ яркихъ и существенныхъ особенностей въ ссылкѣ втораго періода, предшествовавшаго настоящему, современному намъ. Не смотря на громадныя географическія препятствія, не смотря на неудачныя попытки прежнихъ временъ, могущія служить урокомъ, новыя попытки побѣговъ повторились съ замѣчательною настойчивостью, но съ тою же непрактичностью пріемовъ, однако, съ тѣмъ же единодушіемъ и въ разсчетѣ надеждъ на ту же Францію.

Очутившись въ положеніи сказочнаго богатыря, передъ которымъ протянулись четыре дороги: „прямо ѣхать, — головы не снесть, направо ѣхать—коня сгубить“, ссыльные поляки совѣтовъ бывалыхъ не спрашивались, указанія туземцевъ не доискивались; по волѣ личной фантазіи и по указаніямъ кое какихъ учебныхъ географическихъ картъ, рисовали самые смѣлые планы, врачевали свою острую болѣзнь многоразличными призраками. Такъ, одному изъ такихъ богатырей, руководившися картою, представлялись различныя средства врачеванія. Пять дорогъ лежитъ передъ глазами, изъ предѣловъ Западной Сибири:

Одна на востокъ, въ глубь Сибири, къ Охотску; тамъ море и корабли, на корабляхъ путь на берега Америки въ Калифорнію и Соеди-

русскаго языка. Точно также сибиряки много обязаны полякамъ въ обученіи музыкѣ. Музыкѣ они учили также съ замѣчательною охотою. Въ Кяхтѣ они сильно распространили игру на фортепіано. Уже въ 1836 году въ Иркутскѣ молодые купцы танцовали французскую кадриль и принимали самое живое участье на балахъ, входившихъ въ моду, и на музыкальныхъ вечерахъ, начинавшихъ интересовать общество. У весьма многихъ купцовъ, въ то же время, существовали уже значительныя библіотеки съ хорошими книгами и имѣлись кабинеты съ рѣдкими и изящными вещами. «Жены и купеческія дочери, по свидѣтельству самовидца, блистали богатыми нарядами, выходцами Кузнецкаго-Моста». Въ Кяхтѣ поляки весьма нерѣдко давали музыкальные концерты; одинъ изъ такихъ артистовъ остался директоромъ оркестра въ иркутскомъ театрѣ.

**) Между прочимъ, нѣкоторые поляки по примѣру литвы и жмуди, пробовали заводить, на Ленѣ, въ окрестностяхъ Киренска, общества трезвости. Попытка кое-гдѣ привилась. Въ Иркутскѣ подобная же попытка не имѣла успѣха, по несочувствію властей и духовенства; за Байкаломъ такихъ же приспособленій никто не пробовалъ дѣлать.

ненные Штаты, оттуда въ Европу — и во Францію!

Другая дорога на Киргизскую степь въ Бухару; черезъ Персію и Кабулъ до англійскихъ поселеній въ Индіи, либо черезъ Персію въ Турцію, въ Европу—во Францію!

Третья дорога на юго-западъ; дойдя до горъ Уральскихъ, взять на лѣво, дойти до истоковъ рѣки Урала и плыть по ней до Каспійскаго моря (?!). Дойдя до черкесовъ, остаться у нихъ, либо черезъ Перісю и Турцію—опять въ Европу, во Францію!

Либо, перейдя Уральскія горы, не брать на лѣво а ставъ на высотѣ губернскаго города Уфы, доплыть до Волги рѣкою, въ нее впадающею, потомъ Волгою доплыть до канала, соединяющаго ее съ Дономъ (?), и черезъ Новочеркасскъ до Таганрога, гдѣ сѣсть на корабль и Чернымъ моремъ въ Европу до Франціи. Либо, если это не удастся, изъ Таганрога черезъ донскихъ казаковъ, черезъ губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую, Молдавію и Валахію до Турціи, и оттуда—во Францію.

Наконецъ—прямо на западъ до Уральскихъ горъ; съ высоты Тобольска взять вправо на сѣверъ, рѣками Печорою и Вычегдою доплыть до Двины, а этою рѣкою до Архангельска. Тамъ, сѣвъ на какой нибудь европейскій корабль, достигнуть Швеціи либо Англіи, а оттуда—во Францію!

Всѣ эти пути одинаково смѣлы до дерзости, одинаково невѣрны и не безопасны.

Руфиму Піотровскому удалось бѣжать послѣднимъ путемъ, самымъ кривымъ и окольнымъ, и разсказать изумительныя подробности на любопытство постороннихъ и холодныхъ слушателей, на страхъ и сомнѣніе желающимъ подражать. Отъ бѣгавшихъ въ южную сторону на монгольскія и киргизскія степи, изъ Восточной и Западной Сибири, разсказы всѣ одни и тѣ же: кочевники, замѣтивъ идущаго въ степи вооруженнаго человѣка, не нападаютъ на него прямо и вовсе не имѣютъ намѣреній его убивать. Монголы или киргизы въ такомъ случаѣ, изъ боязни потерять кого либо изъ товарищей во время стычки съ бѣглымъ, обыкновенно собираютъ облаву и издали замыкаютъ бродягу въ подвижную колонну. Отрядъ этотъ ни на минуту не спускаетъ глазъ съ идущаго и подвигается слѣдомъ за нимъ въ ту же сторону, въ которую направится онъ. Въ то же время они свой грозный кругъ стягиваютъ все болѣе и болѣе. Нѣсколько дней такая облава имѣетъ терпѣніе мучить бѣглаго, наблюдая за тѣмъ, чтобы онъ не могъ укрѣпиться. Уже совсѣмъ измученнаго и страшно оголодавшаго берутъ кочевники безъ боя и непремѣнно въ ближайшемъ пограничномъ караулѣ выдаютъ живьемъ военному русскому начальству. Начальство при этомъ обременяется значительными хлопотами и большою перепискою съ пограничными китайскими властями, иногда обязывается значительными платежами за все украденное вдесятеро, согласно мирному трактату.

На Киргизскую степь, на вторую невѣроятную дорогу, бросились поляки Западной Сибири по проэкту ксендза Сироцинскаго и жестоко поплатились за попытку. Она имѣла сильное и неблагопріятное вліяніе на судьбу всѣхъ сибирскихъ поляковъ, уже успѣвшую подчиниться большому хладнокровію и обычному равнодушію присяжныхъ приставниковъ и блюстителей. Вотъ что извѣстно объ этой попыткѣ.

Ксендзъ Сироцинскій, бывшій пріоръ базиліановъ въ Овручѣ (на Волыни), за участье къ ноябрьскомъ возстаніи лишенъ былъ капеланскаго званія и, сдѣлавшись изъ пріора простымъ казакомъ, очутился въ Омскѣ. Когда образовалось здѣсь казачье училище и понадобился учитель, вспомнили, что Сироцинскій былъ профессоромъ и наблюдателемъ за школами. Ему дали мѣсто, а съ нимъ и наибольшую свободу. На свободѣ онъ сдружился съ ссыльнымъ докторомъ Шокальскимъ и составилъ большое тайное общество въ средѣ поляковъ, сосланныхъ въ линейныя и казачьи войска. Цѣль заговора: постараться оторвать Сибирь отъ Россіи, освободить всѣхъ „несчастныхъ“ отъ тяжкихъ каторжныхъ работъ и поднять поселенцевъ на мѣстахъ водворенія. Омскъ съ артиллерійскими запасами, аммуниціею, оружіемъ, денежною казною и прочимъ возбуждалъ сильный соблазнъ. Къ этому обществу успѣли примкнуть и татары и русскіе, свободные и невольники. Положено было, въ случаѣ неудачи большого бунта, бѣжать всѣмъ, вооруженною рукою, черезъ Киргизскую степь въ Ташкентъ, гдѣ предполагалось много католиковъ, и въ Бухару. Отсюда, если бы того потребовала окончательная необходимость, направиться въ англійскую Индію. Въ Омскѣ и его окрестностяхъ собралось поляковъ тысячъ до двухъ; Киргизская степь, тотчасъ по ту сторону Иртыша, манила неодолимымъ соблазномъ искателей сильныхъ ощущеній и приключеній.

Въ назначенный день вечеромъ должна была начаться революція. Но нашлось трое поляковъ, солдаты повстанія 1830 года (Кнакъ изъ Варшавы и Гаевскіе изъ конгрессовой Польши), которые, явившись къ полковнику Деграве, разсказали все: что заговоръ распространился по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Сибири, что въ самыхъ глухихъ онъ встрѣтилъ сочувствіе. что если не принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, онъ обхватитъ всю страну и непремѣнно удастся. Они указали на Сироцинскаго, какъ на вождя, и на многихъ другихъ сообщниковъ, какъ на имѣвшихъ наибольшую власть, вліяніе и значеніе. Всѣ таковые,

какъ жившіе либо въ Омскѣ, либо въ ближайшихъ его окрестностяхъ, были тотчасъ арестованы. Изданы были строжайшія приказанія и разосланы распоряженія по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Западной Сибири съ тѣмъ, чтобы наискорѣйшимъ образомъ арестовать всѣхъ подозрительныхъ и вліятельныхъ лицъ: русскихъ, поляковъ, сибиряковъ, поселенцевъ и крестьянъ. Нахватано было сначала до тысячи человѣкъ. Доктору Шокальскому съ полякомъ Зубчевскимъ и русскимъ Мелодинымъ удалось ускользнуть на первый день арестовъ и бѣжать на почтовыхъ по тракту въ Оренбургскую губернію. Шокальскій игралъ въ дорогѣ роль войскового доктора, Зубчевскій — фельдшера, Мелодинъ—лакея. Въ Прѣсновской станицѣ бѣглецы узнаны и, подъ сильнымъ конвоемъ, возвращены были въ Омскъ, гдѣ на то время слѣдствіе было въ полномъ разгарѣ. Аресты производились и въ концѣ 1834 г. и въ началѣ 1835. Дано было знать въ Петербургъ. Двѣ слѣдственныя коммиссіи, одна за другой, распутывали дѣло и разошлись, не постановивши никакого рѣшенія. Третья коммиссія была прислана изъ Петербурга: она работала три года и довела-таки слѣдствіе до конца. Нѣкоторыхъ, по невинности ихъ, выпустили на волю, признанныхъ виновными предали суду. Въ ожиданіи суда главный виновникъ не упадалъ духомъ: въ тюрьмѣ писалъ стихи, передъ судомъ ничего не повѣдалъ, на слѣдствіи также ничего не могли отъ него узнать. „Разъ родила мати—разъ пропадати“, говорилъ Сироцинскій всѣмъ свою украинскую поговорку. Стихи его были распространены между сибирскими поляками: ими онъ оживлялъ энергію, возбуждалъ надежды и укрѣплялъ патріотическій духъ невольниковъ. Дѣло было начато въ широкихъ размѣрахъ и наполнило страхомъ цѣлую Сибирь. Подъ вліяніемъ этого страха и по окончаніи дѣла поляковъ подозрѣвали, преслѣдовали. Между прочимъ, въ Прѣсновской станицѣ заподозрили поляковъ въ поджогахъ и въ умыслахъ на продолженіе замысловъ Сироцинскаго: четверыхъ наказали ссылкою въ Усть-каменогорскую крѣпость, гдѣ пять лѣтъ заставляли работать въ кандалахъ, а въ 1845 г. послали солдатами въ Нерчинскъ. По окончаніи омскаго дѣла, съ заводовъ Западной Сибири стали переводить на заводы Восточной. Въ Иркутскѣ до такой степени боялись поджоговъ, что польскіе солдаты въ тамошнемъ гарнизонѣ окружены были самыми строгими наблюденіями. Ихъ товарищамъ-солдатамъ приказано было имѣть заряженныя ружья и вязать всѣхъ поляковъ въ казармѣ, лишь только послышится звонъ набатнаго колокола. Многихъ поляковъ, по подозрѣнію, успѣли запереть на гауптвахты; многихъ разослали по забайкальскимъ городамъ: въ Верхнеудинскъ и Кяхту. Пирофобія въ Сибири никогда не была такъ повсемѣстна и столько опасна, какъ въ это время. Всякій пожаръ приписывался поджогамъ поляковъ; страхъ изъ Сибири успѣлъ даже перейти за Уральскій хребетъ и распространиться по Россіи. Положеніе политическихъ преступниковъ ухудшилось. Въ 1848 году особенно сильное движеніе между всѣми ссыльными произвело запрещеніе имѣть собственность. Если при увольненіи нѣкоторыхъ произошла неформальность, велѣно снова возвращать на каторгу. Такъ всѣ, пробывшіе 10 лѣтъ, но сосланные на 20, успѣвшіе жениться и обзавестись хозяйствомъ, обязаны были вернуться снова на каторгу доработывать 10 лѣтъ.

Приговоръ по омскому дѣлу былъ утвержденъ въ такомъ смыслѣ: шестерыхъ присудили къ 7.000 палокъ и затѣмъ велѣно на всю жизнь сослать въ тяжкія работы на нерчинскихъ рудникахъ. Остальныхъ присудили къ 3-мъ, 2-мъ и 1-ой тысячамъ палокъ либо розогъ, а потомъ первыхъ на всю жизнь въ тяжкія работы, либо на ограниченное число лѣтъ, либо прямо на поселеніе. Послѣднихъ велѣно разослать въ разные отдаленные сибирскіе батальоны и отряды. День, назначенный для экзекуціи, 7 марта 1837 г., былъ морозный: на площади, засыпанной снѣгомъ, поставлены были два тысячныхъ батальона солдатъ, вооруженныхъ палками такой толщины, чтобы три могли войти въ дуло ружья. Батальоны выровнялись, вытянувшись, вопреки устава, въ широко-разставленныя шеренги; солдаты должны были стоять вольно въ тѣсныхъ рядахъ; ударяя, они обязаны были недалеко отбивать локоть отъ боку и не выставлять своихъ ногъ изъ рядовъ. Первымъ повели Шокальскаго съ обнаженною по поясъ спиною, съ привязанными къ прикладу ружья руками, за которые держались два унтеръ-офицера. Находившійся при экзекуціи докторъ заступился за собрата и, идя сзади его, шепталъ солдатамъ бить легче, имѣть состраданіе: „безсиленъ и хворъ, не выдержитъ“. Когда послѣ 5 тыс. палокъ Шокальскій упалъ и когда на совѣтъ коллеги отходить послѣднюю тысячу и разомъ кончить экзекуцію не согласился, докторъ настоялъ на томъ, чтобы прекратили наказаніе и отправили больного въ лазаретъ. Послѣднимъ водили Сироцинскаго. Подходя къ рядамъ, крѣпительныхъ капель онъ не принялъ, когда услышалъ приказъ начинать,—, сталъ говорить на распѣвъ покаянный псаломъ: Miserere mei Deus, secundam magnam misericordiam tuam и проч. Слабый, исхудалый въ заточеніи, Сироцинскій наказанія не выдержалъ; не выдержали и другіе товарищи. Отдохнувшій въ лазаретѣ Шокальскій отходилъ потомъ послѣднюю тысячу и на другой же день увезенъ былъ въ нерчинскіе рудники.

Здѣсь его не употребляли въ работы. Жилъ

онъ на Карѣ, занимался торговлею и отъ нее кормился; лечилъ безвозмездно. Его коричневый самодѣльный сюртукъ съ воротникомъ, опушеннымъ собольимъ мѣхомъ, до сихъ поръ помнятъ тамъ, помнятъ потому, что видѣли его и въ норахъ каторжныхъ жилищъ, и на самомъ промыслѣ, и въ 7 и болѣе верстахъ отъ него (насколько позволялъ законъ). Днемъ и ночью шелъ Шокальскій на помощь и избавленіе къ каторжнымъ и богатымъ и особенно счастливъ былъ на леченіе ранъ всякаго рода. Радъ онъ былъ, если за практику получалъ отъ бѣдняковъ въ награду чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, но и получая подарки отъ богатыхъ на улучшеніе костюма—никакихъ измѣненій въ немъ не дѣлалъ; любя простоту, жилъ самымъ скромнымъ образомъ *).

„Это была натура крѣпкая (говоритъ Гиллеръ со словъ знавшихъ его), праздность была для него смертью. Ничѣмъ не сокрушенный, и на Карѣ онъ еще успѣлъ составить цѣлый новый планъ побѣга. Всѣмъ товарищамъ сообщилъ онъ планъ общаго поголовнаго спасенія рѣкою Амуромъ до береговъ Великаго океана. Всю свою душу онъ отдалъ на выработку этого плана, но когда планъ оказался невозможнымъ и рухнули всѣ надежды, докторъ впалъ въ тихую меланхолію. Сначала онъ заперся въ своей комнатѣ и ходилъ по ней быстрыми шагами, развивая въ мысляхъ какія-то намѣренія. Одинъ изъ его товарищей, возвращавшійся домой и подошедшій къ окну доктора, замѣтилъ его возбужденное состояніе, но, увидавши въ углу ружье, понялъ въ чемъ дѣло. Просилъ доктора отпереть двери, но получилъ отказъ; рѣшившись приподнять окно, слышалъ угрозы; когда побѣжалъ за помощью—докторъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь.

„Ружье заряжено было изломаннымъ гвоздемъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ вошла полиція, выломавши двери, то нашла Шокальскаго растянувшимся на полу: изъ груди ручьемъ била кровь, а собака его, Филяръ, положивши морду на грудь въ предчувствіи смерти благодѣтеля, жалобно выла. Полиція хотѣла оттащить собаку, но пришедшій въ себя Шокальскій сказалъ: „не трогайте, прошу васъ, пусть простится со мною мой наивѣрнѣйшій товарищъ и другъ“!

„Послѣ выстрѣла онъ жилъ еще съ недѣлю. На вопросы о поводахъ къ самоубійству, отвѣчалъ одно: „я стрѣлялъ въ себя отъ любви“, и ничего больше не хотѣлъ говорить полиціи. Товарищамъ же своимъ сообщилъ, что выстрѣлилъ въ себя отъ тоски по родинѣ“ **).

Та же тоска неволи вызвала новое происшествіе уже въ предѣлахъ Восточной Сибири. Двумя годами позднѣе омскаго дѣла (въ 1836 г.), когда еще не былъ произнесенъ приговоръ надъ товарищами Сироцинскаго и еще не началось поголовное перемѣщеніе поляковъ изъ одной Сибири въ другую—задуманъ былъ поголовный побѣгъ тѣхъ поляковъ, которые находились на заводахъ Восточной Сибири. Началось движеніе на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ подъ Иркутскомъ. Начиналъ его бывшій полковникъ польскаго восстанія 29 ноября 1830 года Петръ Высоцкій, сложившій исполинскій планъ бѣгства черезъ Сибирь, Саянскія горы, Джунгарію и Туркестанъ до Индіи, откуда надѣялся онъ на англійскихъ корабляхъ достигнуть Европы. Онъ предварительно нарисовалъ карту цѣлой Азіи, проложилъ по ней дороги черезъ лѣсъ, горы и степи между дикими народами, и рѣшился лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ несбыточнаго плана и дольше оставаться въ неволѣ. Сдѣлавъ запасъ съѣстныхъ припасовъ, насколько можно было запасти, Высоцкій всемеромъ выбралъ моментъ для побѣга тотъ, когда запирали ихъ тюрьму. Побѣгъ задался: они выскользнули изъ завода и когда одинъ изъ нихъ захворалъ, товарищи вели его подъ руки нѣсколько верстъ до Ан-

*) Кромѣ Шокальскаго, пользовались уваженіемъ и извѣстностью и оказывали врачебную помощь за Байкаломъ Левицкій и Бопре, сосланный по дѣлу Конарскаго. По рецептамъ послѣдняго, аптеки выдавали лекарства безъ подписи (на каковую ссыльный не имѣлъ права); больныхъ возили къ нему изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ.

**) Случаи самоубійствъ и сумасшествій между поляками рѣдки, не смотря на крутое положеніе ссылки, порождающей пессимизмъ. Кромѣ Шокальскаго, извѣстенъ еще самоубійца Васильевскій, присланный въ 1831 году польскій крестьянинъ, успѣвшій жениться на сибирячкѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ ходилъ по знакомымъ (чего никогда въ жизни не дѣлалъ) и просилъ: «Дайте милостыню дѣтямъ, просятъ одежды и пищи». Вскорѣ потомъ нашли его на сѣновалѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Кромѣ того, замѣчено за Байкаломъ нѣсколько случаевъ умопомѣшательства, характеризировавшихся глубокою меланхоліею, вслѣдствіе тоски по родинѣ. Одинъ, напр., весельчакъ и сказочникъ промолчалъ все время изгнанія на всѣхъ товарищескихъ бесѣдахъ и такимъ уѣхалъ на родину; другой ничѣмъ и ни у кого не хотѣлъ одолжаться даже пищею, не смотря на крайно бѣдное и голодное житье свое, и возвратился изъ изгнанія окончательно помѣшаннымъ. Третьимъ доказанное помѣшательство, въ силу врачебныхъ удостовѣреній, помогло возвратиться по ходатайству женъ и семействъ на родину, прежде сроковъ и въ видахъ исключенія.

На оловянно-серебряномъ рудникѣ «Тайна» (близъ газимурскаго завода) въ шахтѣ, два поляка и одинъ русскій разбивали кирками оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрою. Огонь, разведенный на днѣ шахты, вскорѣ наполнилъ удушливыми газами атмосферу всѣхъ корридоровъ. Поляки вышли на свѣжій воздухъ, но одинъ изъ нихъ, вспомнивъ о третьемъ товарищѣ вернулся за нимъ и назадъ не возвращался. Второй полякъ отправился за нимъ и, увидѣвъ въ безпамятствѣ, взялъ на плечи и понесъ вверхъ по лѣстницѣ. На половинѣ пути дурнота заслѣпила ему глаза, силы оставили его и онъ вмѣстѣ съ товарищемъ упалъ внизъ, гдѣ разбилъ себѣ объ камень голову.

гары. За нею, въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ, они намѣревались соединиться съ тамошними земляками. Дойдя до рѣки, для переправы на другую ея сторону, они соорудили плотъ изъ лиственницы, но переѣхать не могли, потому что плотъ, сколоченный изъ свѣжаго дерева, тонулъ на водѣ. Тогда они одного изъ товарищей послали за лодкою. Явился крестьянинъ, спустилъ лодку на воду и управилъ ее въ самую середину облавы, которая уже успѣла на погибель ихъ, по указаніямъ измѣнившаго имъ и намѣренно вызвавшагося за лодкою товарища. Быстрое теченіе Ангары давало бѣглецамъ нѣкоторую возможность на спасеніе, но облава изъ команды и каторжныхъ, засѣвшая въ кустахъ на берегу Усольскаго острова, начала стрѣлять. Пули свистали надъ головами и одна изъ нихъ попала Высоцкому въ руку; лодки отъ берега придвинулись къ нимъ и вблизи острова кругомъ ихъ оцѣпили. „Поляки, кромѣ оружія, имѣли другое дѣйствительное орудіе, то есть деньги, но ничто не помогло. Каторжные первыми ихъ связали и представили полковнику Злобину, обобравъ ихъ, что называется, какъ липку“ *). Въ Иркутскѣ приковали ихъ къ тачкамъ и судили цѣлый годъ. Высоцкій получилъ одну тысячу палокъ (не плакалъ, не стоналъ); Багуньскій — 500; остальные были наказаны розгами, а всѣ переведены въ нерчинскіе рудники—въ Акатуй.

Въ Акатуѣ Высоцкій прикованъ былъ къ тачкѣ, ходилъ съ товарищами въ теченіи двухъ лѣтъ на работу въ горы копать руду и жилъ сначала въ одиночномъ заключеніи. Выпущенный изъ тюрьмы, онъ жилъ при рудникѣ на поселеніи, изъ Акатуя никуда не выѣзжалъ. Къ концу изгнанія и его сильную натуру постигла болѣзнь меланхоліи: онъ часто хворалъ до того, что нерчинское начальство принуждено было ходатайствовать въ Петербургѣ объ освобожденіи его изъ тюрьмы, но разрѣшенія не получило. Высоцкій сталъ задумчивъ, избѣгалъ товарищества, не хотѣлъ никого знать, ни съ кѣмъ не говорилъ. Недовѣріе къ людямъ овладѣло его душою до того, что онъ запирался въ квартирѣ и казалось, что всѣ чувства въ немъ окаменѣли. Одинъ изъ товарищей его (Хлопицкій) преданъ былъ ему до самоотверженія, о себѣ не думалъ, думалъ только о Высоцкомъ, его славою и добродѣтелями жилъ, его страданіями и несчастьями болѣлъ. Въ то время, когда еще Высоцкій содержался въ тюрьмѣ и былъ прикованъ къ тачкѣ, этотъ Хлопицкій съ четырьмя товарищами сговорился отбить Высоцкаго изъ каземата и вмѣстѣ съ нимъ бѣжать черезъ Монгольскую степь и Китай на англійскіе корабли. Такъ какъ всѣ заговорщики были самые бѣдные люди (шили женскіе башмаки чиновничьимъ женамъ; кое-кто, запасшись лошадкою, возилъ дрова въ казну), а предпріятіе требовало денегъ, то и рѣшились они предварительно надѣлать фальшивыхъ бумажныхъ ассигнацій, на нихъ накупить мунгальскихъ товаровъ, запасаемыхъ на монгольскую руку нерчинскими купцами, закупить лошадей, намѣнять серебра и по возможности золота, подкупить сторожей. Затѣмъ, когда все будетъ заготовлено „и денегъ въ массѣ до ста тысячъ рублей, ночнымъ временемъ надобно подкрасться къ часовому во фронтѣ, схватить его за горло и отдать нашимъ прочимъ товарищамъ на руки, а самимъ взять съ фронта ружья и подойти тихими стопами къ дверямъ, сбить замокъ и выпустить арестантовъ, а вмѣстѣ схватить Высоцкаго, посадить на почтовыхъ и отправиться“ *). При обыскахъ найдено и поличное: прессъ, фланелевые лоскутья, вымытая бумага, обтянутыя кожею колодки, мяльная машинка, квашня съ мятою бумагою, отпечатки на кожѣ и бумагѣ ассигнаціи 25 руб. достоинства. При допросахъ были очевидны доносы одного изъ заговорщиковъ (Бирона) и безпощадные взаимные оговоры остальныхъ участниковъ. Показанія дѣлались обширныя, разнорѣчивыя. Очныя ставки показывали боязливыя и усердныя стремленія одной стороны съ цѣлью выгородить себя, не щадя прочихъ товарищей. Выдавались самыя сокровенныя тайны, обусловленныя страхомъ смерти на случай измѣны; но, въ то же время, во время производства самого преступленія, замѣчательное терпѣніе и единодушіе и при этомъ изумительная осторожность съ настойчивостью дойти до конца, не смотря на громадныя затрудненія.

Показанія участниковъ и взаимные оговоры накопили огромный томъ запутаннаго дѣла, въ трущобахъ котораго съ большою ясностью выясняются слѣдующія обстоятельства (на пунктахъ единогласныхъ показаній, подтвержденныхъ и очными ставками и слѣдствіемъ).

Задуманная цѣль настойчиво преслѣдовалась въ теченіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ, не смотря на всѣ препятствія, зависѣвшія и отъ административнаго надзора и отъ географическихъ причинъ: одинъ жилъ на Благодатскомъ рудникѣ, другой — на Кадаинскомъ, третій — въ Акатуйскомъ. Для свиданія и дѣйствій отпрашивались то за покупкою хлѣба въ Аргунскій острогъ (на 15 дней), то за покупкою товаровъ въ г. Нерчинскъ (на цѣлый мѣсяцъ), то подъ видомъ исполненія казеннаго подряда на покупку дровъ. Двое признались въ томъ, что вступили въ бракъ съ сибирячками для того, чтобы „отклонить подозрѣніе начальства отъ обдуманнаго заранѣе побѣга на родину“. Одинъ, узнавшій во время слѣдованія въ Сибирь по

*) Изъ записокъ современника, С. Б. Броневскаго.

*) Дѣло 1839 года, хранящееся въ архивѣ нерчинскаго Большого завода.

этапамъ, что сѣтка для ассигнацій дѣлается изъ самой тонкой проволоки, каковая бываетъ на канительныхъ струнахъ или офицерскихъ эполетахъ, жертвуетъ для покупки эполетъ собственнымъ капотомъ, полученнымъ сукномъ отъ купца, для котораго сдѣлалъ планъ мельницы. Другой составляетъ фальшивое письмо отъ имени польскаго магната, жившаго въ Тобольскѣ — письмо съ обѣщаніемъ высылки 400 руб. денегъ, и на это письмо беретъ у имущихъ товарищей въ долгъ деньги; „и всѣ высосалъ, у нихъ теперь ни копейки не осталось". Третій пользуется лошадью съ сѣдломъ товарища, пріѣхавшаго повидаться, и закладываетъ ее цѣловальнику. Сдѣлавъ денежный запасъ на покупку необходимыхъ предметовъ и уговорившись, что „хотя и попадемся трое или четверо, прочіе останутся лишить жизни доказчика" — принялись за работу. Александрійскую бумагу купили въ Нерчинскомъ заводѣ въ кабакѣ за простую. Желѣзный винтъ для пресса пріобрѣли въ числѣ прочаго желѣзнаго лома; дерево къ прессу, гайки и пунсонъ сдѣлали сами; рѣзцомъ и пилою запаслись еще раньше; лайку (каковая долго задерживала работы) купили у татарина, сосланнаго за поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій. На покупку лайки употребили даже такую драгоцѣнность, какъ компасъ, пріобрѣтенный для того, чтобы, во время побѣга, не блуждать дорогою. Прежде лайки пускали въ дѣло (хотя и неудачно) лоскутки отъ брюкъ и бѣлаго сукна; для пріобрѣтенія фланели изрѣзали собственную фуфайку; винтъ „достали съ великою опасностью". Производилась фабрикація въ Кадаинскомъ рудникѣ, въ домѣ Хлопицкаго, женившагося передъ тѣмъ на сибирячкѣ. Вещи отъ нее прятали подъ половицу въ чуланѣ, а когда она увидала разъ ручной прессъ и спросила: „Для чего это"? мужъ отвѣчалъ: „Для того, чтобы любопытнымъ отвертывать головы". Работа шла неудачно: измѣнили гитарные баски—потребовались эполеты; печатныя формы нѣсколько разъ принуждены были передѣлывать: „орелъ хорошъ, но имѣлъ возвышенныя крылья; по отпечатаніи другой ассигнаціи маленькій орликъ подъ большимъ орломъ на концѣ скипетра оказался неправильнымъ". А рѣзалъ опытный и умѣлый рѣзчикъ Броновскій; и гербъ у штемпеля, и украшенія небольшими рѣзцами, а сѣтку съ обѣихъ сторонъ чеканилъ стальнымъ пудцомъ. Пробовалъ сначала на свинцѣ, но „какъ оный по мягкости оказался негоднымъ, то послѣ сдѣлали форму изъ мѣди, вырѣзанной изъ стараго мѣдняка: наложенный свинцовый штемпель подъ прессомъ испортился и никакого оттиска не далъ". Наконецъ, наладились. Для приготовленія бумаги поступили такъ: не найдя почтовой, пустили въ ходъ случайную александрійскую, разбирая ее очень мелко и размачивая въ горшкѣ, изъ котораго выливали потомъ въ приготовленный боченокъ. Въ немъ „стоячимъ валикомъ съ пальцами размѣшивали бумажную мякоть до жидкости, похожей на сливки; потомъ растворъ наливали на четвероугольные фланелевые лоскутья такъ, чтобы бумажки выходили величиною въ ассигнацію, для чего по краямъ фланели прикладывали мѣдную четвероугольную рамку. Когда же вода сквозь фланель процѣживалась, то мѣдную рамку накладывали на другой лоскутъ фланели, а тотъ, который съ растворомъ назначался для ассигнаціи, накрывали простою бумагою. Сдѣлавъ 5 или 6 листовъ, сжимали ихъ прессомъ, потомъ сушили и отдѣляли отъ простой бумаги, между которой эти листы были прослоены. Бумага выходила грубою и толстою. Въ прессъ сначала клали штемпель, намазавъ краскою изъ сажи, тщательно растертой на олифѣ, потомъ клалась бумага, на нее лайка, наконецъ, кожаная подушка, которая нажималась. Не могли мы никакимъ образомъ подписать руку кассира, хотя на справедливой ассигнаціи по чертамъ подписи проводили чернилами и на чистую бумагу накладывали, гдѣ и оставалась, хотя не правильная, но похожая на подпись кассира. Поправивъ перомъ, прикладывали на фальшивую и увидѣли, что довольно хорошо. Брали трехъ сортовъ чернила, но еще оказались слишкомъ черны и дѣлаютъ большое подозрѣніе. Теперь приготовлено къ другому отпечатанію 10 тыс. руб., въ которыхъ постараемся наблюдать всю правильность при печаніи". „Хороши ли эти?" спрашивалъ одинъ у другого. гого. „Довольно хороши и искусно сдѣланы". При этомъ онъ вынулъ изъ ящика на 6 тыс. руб. бумажекъ 25-ти-рублеваго достоинства. Я, увидѣвши ихъ, началъ присматриваться, хвалилъ ихъ искуство, не подавая никакого виду и оказывалъ большую радость".

Единодушіе ихъ выручало. „Для товарищей тысячи рублей не пожалѣю", только и слышалось ото всѣхъ. Доносъ и на этотъ разъ сгубилъ ихъ всѣхъ (женѣ Хлопицкаго удалось, однако, припрятать самыя главныя и опасныя изъ вещественныхъ доказательствъ). Виновные, по суду, были приговорены къ наказанію, которое и приведено въ исполненіе въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ: двое наказаны кнутомъ, одинъ плетьми. Впрочемъ, положеніе Высоцкаго вскорѣ было облегчено: онъ выпущенъ на свободу и могъ заняться хозяйствомъ и мыльнымъ заводомъ. Нѣкоторые изъ его товарищей умерли, не дождавшись освобожденія. Высоцкій возвратился на родину въ 1857 г., гдѣ вскорѣ и умеръ.

Неудачная попытка друзей Высоцкаго къ освобожденію себя и товарищей изъ неволи далеко не была врачующимъ средствомъ для

поляковъ, мучившихся тоскою по родинѣ. Въ томъ же Акатуѣ далеко потомъ зародился новый планъ бѣгства, имѣвшій цѣлью воспользоваться временемъ восточной войны 1854 и 1855 годовъ и крейсерствомъ англо-французскихъ кораблей на водахъ Восточнаго океана. Бѣглецы, руководимые однимъ изъ братьевъ Далевскихъ, предполагали въ солдатскихъ шинеляхъ добраться до Аргуни, чтобы на лодкахъ выплыть по ней на Амуръ до его устьевъ, сжечь тамъ всѣ магазины и казенныя сооруженія, приготовленныя противъ непріятеля, а потомъ, на тѣхъ же лодкахъ, дойти до англійскихъ и французскихъ кораблей. Старые и бывалые ссыльные старались противодѣйствовать планамъ и отклонить отъ исполненія проэкта увлекавшихся молодыхъ авантюристовъ, но напрасно. Приготовленія производились самымъ дѣятельнымъ образомъ: припасена была лодка, сплетены рыболовныя сѣти, закуплено довольное число солдатскихъ шинелей и заготовлены ружья. Но въ это время пришло извѣстіе о мирномъ парижскомъ трактатѣ, разрушившемъ планы ссыльныхъ поляковъ на соединеніе съ англичанами.

Эта попытка была послѣднею по времени въ большомъ скопѣ ссыльныхъ, но одиночные побѣги были безпрерывны (и также неудачны), а побѣги партіями не останавливались ни передъ какими препятствіями, не отпускалось изъ виду ни малѣйшихъ поводовъ и случаевъ къ тому, даже безъ предварительной оглядки и подготовки. Такъ, извѣстенъ случай побѣга (еще изъ первыхъ лѣтъ этого второго періода польской ссылки) съ этапной дороги изъ Томской губерніи. Достаточно было обнадеженія на успѣхъ предпріятія, выраженнаго хлѣбосольными татарами, довольно было увѣренія со стороны ихъ въ томъ, что Бухара приметъ бѣглецовъ гостепріимно, чтобы 240 поляковъ изъ польскихъ войскъ 1831 года, шедшихъ въ Иркутскъ, повѣрили и серьезно принялись выработывать планъ побѣга. Все дѣло остановилось только за тѣмъ, что не нашлось достаточнаго количества оружія.

Не только урочища и разныя мѣстности передаютъ преданія о неудачныхъ попыткахъ поляковъ, даже надробные памятники на польскихъ кладбищахъ въ Сибири краснорѣчиво и настойчиво говорятъ о томъ, что побѣгами испещрена исторія польскихъ изгнанниковъ, что на нихъ истрачено понапрасну не мало силъ и времени не только въ Сибири, но и въ Россіи. Въ нерчинскомъ Большомъ заводѣ одинъ такой надгробный камень прикрываетъ могилу Альбины Мигурской—истинной героини во всей исторіи польской неволи. Эта молодая женщина презрѣла всѣ общественныя связи, богатство родителей и не обратила вниманія на совѣты родныхъ и друзей, на невзгоды дальняго пути, на грустную будущность—и поѣхала въ городъ Уральскъ къ своему жениху, сосланному въ тамошній линейный батальонъ солдатомъ. Здѣсь она вступила съ нимъ въ бракъ и сдѣлалась для него дѣйствительною усладою и путеводною звѣздою въ сумрачной ночи неволи. Она родила двухъ дѣтей, но дѣти вскорѣ умерли, оставивъ матери старую тоску на сердцѣ и усиленное желаніе освобожденія себя и мужа отъ неволи. Однажды казаки принесли къ ней съ берега Урала платье мужа и письмо его, въ которомъ онъ проситъ у нее прощенія за то несчастье, которому подвергъ ее, бросившись въ воду отъ тоски по отчизнѣ и оставивъ ее на чужой сторонѣ въ неизвѣстности положенія. Печаль и слезы несчастной женщины были столько искренни и сильны, что въ Мигурской приняли самое сердечное участіе всѣ уральскія дамы и начальство. Визиты были часты, долговременны и въ концѣ начали уже мучить ее, потому что мужъ, спрятанный въ сосѣдней комнатѣ, могъ ежеминутно выдать ее чиханіемъ, кашлемъ, какимъ либо безвременнымъ движеніемъ. Адскія пытки переносила она во все время, пока ходила просьба о дозволеніи ей возвратиться на родину. Тайна была сохранена, даже служанка, привезенная изъ Польши, съумѣла свято соблюсти ее. Когда получено было разрѣшеніе на отъѣздъ, Мигурская заявила желаніе вырыть изъ казачьей земли трупы дѣтей и увезти ихъ кости въ польскую землю. Сложила она эти кости въ одинъ гробъ и туда же спрятала мужа. На дорогу ей дали въ проводники казака. Гробъ съ живымъ Мигурскимъ поставленъ былъ подъ козлы и, такимъ образомъ, благополучно выѣхалъ изъ предѣловъ уральскаго войска. Въ Саратовской губерніи казаку удалось подслушать разговоръ супруговъ и донести по начальству. Въ Саратовъ супруги явились уже плѣнными и тамъ еще до сихъ поръ помнятъ тотъ потрясающій моментъ, когда супруги Мигурскіе вошли въ костелъ и пали на колѣни передъ гробомъ своихъ дѣтей: она—въ траурѣ, онъ—въ кандалахъ. Мигурская сдѣлалась предметомъ разговоровъ; тамошніе поляки смотрѣли на нее, какъ на святую, на колѣняхъ испрашивая у нее благословенія. Манифестъ по поводу бракосочетанія покойнаго Императора Александра II освободилъ Мигурскаго отъ наказанія; его отправили не въ работу, а только въ сибирскія войска и помѣстили въ Нерчинскомъ заводѣ. Здѣсь Мигурская впала въ чахотку и умерла *).

Большими удачами воспользовался Піотровскій, бѣжавшій изъ-подъ Тары съ Екатеринин-

*) Уральскій побѣгъ подробно описалъ В. И. Далемъ въ разсказѣ: «Небывалое въ бываломъ и былое въ небываломъ» («Отеч. Зап.» 1846. т. XCVI).

скаго винокуреннаго завода *). Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ ему удалось ускользнуть изъ завода переодѣтымъ, въ парикѣ и въ мѣстномъ нарядѣ. Пѣшкомъ по льду Иртыша, глубокими снѣгами и въ сильные морозы, добрался онъ до г. Тары. Здѣсь въ первомъ домѣ нанялъ лошадей по тракту на Ирбитъ, сказываясь купеческимъ приказчикомъ изъ Томска, нагоняющимъ своего хозяина. На дорогѣ, въ одномъ кабакѣ его обокрали; въ другомъ мѣстѣ заблудившійся ямщикъ вывезъ его обратно туда же, гдѣ онъ его нанялъ. Послѣ многихъ страховъ вблизи завода и опасностей въ окрестностяхъ его, Піотровскому удалось добраться черезъ Ишимъ и Тюмень до Ирбита на бойкихъ сибирскихъ лошадкахъ; въ трое сутокъ сдѣлалъ тысячу верстъ. Въ Ирбитѣ солдатъ у заставы первымъ дѣломъ потребовалъ паспортъ, но удовольствовался вмѣсто бумаги двугривеннымъ. Изъ Ирбита онъ вышелъ пѣшимъ, съ мѣшкомъ за плечами. Въ попутныхъ деревняхъ паспорта, разумѣется, не спрашивали; въ крайнихъ избахъ онъ старался разспрашивать о дорогѣ. На ночь уходилъ онъ съ дороги въ лѣсъ и тамъ, по обычаю остяковъ, выгребая въ снѣгу яму, дѣлалъ постель и ложился спать. Укрывался полушубкомъ, обращая шерсть его наружу; просыпался съ тяжелымъ чувствомъ, на ходу согрѣвался, становился снова веселымъ. Еловыя лапки указывали дорогу прямо на Верхотурье. Въ деревняхъ сказывался рабочимъ, идущимъ на казенные Богословскіе заводы. Имѣя на тѣлѣ три рубашки: двѣ бѣлыхъ и одну красную, и снимая ихъ на ночь, въ одной деревнѣ возбудилъ подозрѣніе. Мужики потребовали паспортъ и, получивъ фальшивый, успокоились. Пошелъ снова пѣшкомъ и воспользовался на ночь тѣмъ улучшеніемъ, что придумалъ ложиться спать не въ снѣжную яму, а въ тѣ, которыя образуются около древесныхъ пней; въ снѣгъ зарывался совсѣмъ и только палкою пробивалъ отдушину. Ноги, которыя всего скорѣе зябли, сталъ такъ же зарывать въ снѣгъ; стало тепло и удобно. Чуя въ тѣлѣ ознобъ, вскакивалъ и шелъ, не разбирая ночи. Встрѣчая извозчиковъ, возвращавшихся изъ Ирбита съ ярмарки, подсаживался къ нимъ на облучекъ или, идя сторонкою, разспросами добирался до необходимыхъ ему свѣденій: о дорогѣ, о мѣстныхъ обычаяхъ, о городахъ. За Верхотурьемъ встрѣтилъ коноваловъ-мезенцовъ, шедшихъ на заработки въ Сибирь. Встрѣча эта рѣшила ему дорогу на Архангельскъ. Въ одной деревнѣ ночью узналъ онъ, что находится уже въ заводѣ Павдинскомъ, и сказывался, что идетъ въ Соликамскъ въ работу на солеварню по письму пріятеля. Перешелъ Уралъ. Подсѣлъ къ ямщикамъ, ѣхавшимъ изъ Ирбита въ Чердынь. Отсюда черезъ Соликамскъ, Кай и Лальскъ, узенькими лѣсными дорогами, гдѣ двоимъ санямъ нельзя разъѣхаться, добрался до Великаго-Устюга, въ качествѣ богомольца, идущаго въ Соловки. Отъ Кая шелъ онъ уже въ толпѣ настоящихъ богомольцевъ. По лѣсамъ лѣсныя избушки, гдѣ всегда оставляютъ много огня, выручали отъ бѣдъ голодовки и замерзанія. Подъ Устюгомъ нашелъ рѣки покрытыми льдомъ, но уже вѣяло весною. Въ Устюгѣ толпа богомольцевъ увеличилась, наняли лодку до Архангельска и поплыли Двиною. Приказчикъ отобралъ паспорты и, взглянувъ на фальшивый и увидѣвъ печать, смѣшалъ его съ сотнею другихъ.

Побывалъ Піотровскій въ Соловецкомъ, переплылъ въ городъ Онегу и по рѣкѣ Онегѣ пошелъ пѣшкомъ на Каргополь, рекомендуясь соловецкимъ богомольцемъ, возвращающимся черезъ Потербургъ въ Новгородъ съ тѣмъ, чтобы оттуда добраться до Кіева. Плылъ по Вытегрѣ, Онежскому озеру, Свирью, Ладожскимъ каналомъ, Невою. Вошелъ въ Петербургѣ, съ коробкомъ и въ сопровожденіи двухъ корелокъ, прямо на Невскій проспектъ. Надъ корелками проходящіе посмѣялись; Піотровскій погулялъ дня четыре по Петербургу, поглядѣлъ на него, кое съ чѣмъ ознакомился. На Сѣнной приняли безъ паспорта, а когда показалъ, сказали, что не надо ходить въ полицію: „все равно, черезъ три дня уѣдешь“. Доискался онъ судна, уходившаго въ Ригу; опять сунулся предъявить паспортъ и началъ доставать, развязывая платокъ, въ который, по крестьянскому обычаю, паспортъ былъ спрятанъ. Паспорта не смотрѣли, велѣли приходить завтра получать билетъ на пароходъ. Тогда явился на помощь менторъ, взялъ деньги, паспортъ, купилъ билетъ и послѣ третьяго звонка пихнулъ на палубу. Поплыли 3-го іюля 1846 года. Въ Ригѣ купилъ бритву, обрился, продалъ полушубокъ, обзавелся одеждою ливонскаго крестьянина и размѣнялъ деньги на иностранныя. Черезъ Митаву и Полангенъ добрался до прусской границы, сталъ выбирать мѣсто для прохода. Купаясь съ таможеннымъ солдатомъ, узналъ о контрабандистахъ, о слабыхъ мѣстахъ границы, о слабостяхъ солдатъ. Зная прусскій обычай вездѣ въ домахъ и корчмахъ первымъ вопросомъ спрашивать: haben Sie Pass?—рѣшился нигдѣ въ домахъ не ночевать; ночевалъ, по сибирски, на поляхъ и въ лѣсахъ. Въ Кролевцѣ (Кенигсбергѣ), выдавая себя за француза, попался. За скверный нѣмецкій выговоръ посадили подъ арестъ, допрашивали: гдѣ паспортъ?— Потерялъ. Чѣмъ занимаетесь?— Ouvrier en coton

*) Зато Розанскій, несчастливо бѣгавшій съ дороги въ Минскъ и сосланный въ нерчинскіе заводы, снова бѣжалъ оттуда; счастливо прошелъ половину Сибири, но въ Тарѣ былъ узнанъ и схваченъ. Его снова возвратили въ рудники, но, кромѣ ареста, другихъ наказаній не налагали, и Розанскій, никому не вѣдомый, скромно исполнялъ обязанности сторожа кухни каторжныхъ.

(фабричный съ бумагопрядильной фабрики). Послали во Францію за справками, а самого посадили въ тюрьму; упорно отстаивая свое французское происхожденіе, онъ не хотѣлъ указывать на Россію; но, объявившись полякомъ, получилъ совѣтъ поскорѣе выбираться изъ Пруссіи. Случайной снисходительности нѣмецкихъ властей Піотровскій обязанъ былъ тѣмъ, что 22-го октября 1846 года онъ былъ уже, черезъ четыре года, снова въ Парижѣ, въ томъ городѣ, изъ котораго выѣзжалъ въ Польшу эмиссаромъ, побывалъ въ Сибири и сталъ въ настоящее время эмигрантомъ, живя гдѣ-то учителемъ.

Вступленіе на престолъ Императора Александра II ознаменовано было въ 1855 и 1856 годахъ прощеніемъ и освобожденіемъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ второго періода ссылки поляковъ. Кромѣ тѣхъ, которые новыми преступленіями увеличили для себя сроки ссылки, кромѣ тѣхъ, которые поступили на государственную службу или, увлекшись потокомъ сибирской жизни, обзавелись семействами, хозяйствомъ, коммерческими дѣлами и проч., всѣ остальные поляки возвратились на родину. Немногіе вернулись въ Сибирь за участье въ новомъ повстаніи. Нѣкоторые, побывавъ на родинѣ, возвратились въ Сибирь, увлеченные соблазнами промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій.

ГЛАВА III.
ВРЕМЕНА АЛЕКСАНДРА II.

Ссылка поляковъ съ 1863 года.—Степень участья различныхъ сословій въ повстаніи.—Участье иностранцевъ.—Сосланные на житье и для водворенія.—Причины замкнутости ссыльныхъ и необезпеченность ихъ водворенія.—Отношенія къ нимъ туземцевъ.—Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ.—Мастерскія въ Тобольскѣ.—Импровизированные земледѣльцы.—Благопріятныя данныя.—Обрусеніе шведовъ.—Запорожцы.—Шляхта.

Съ весны 1863 года стали направляться въ Сибирь и прибывать въ Тобольскъ передовыя значительныя партіи ссыльныхъ поляковъ. Съ того времени по 20 декабря 1866 года всего поступило въ Сибирь, со включеніемъ и добровольно пришедшихъ за ссыльными женъ и дѣтей, 18.623 обоего пола.

Въ 1863 году . .	524	чел.
„ 1864 „ . .	10.649	„
„ 1865 „ . .	4.671	„
„ 1866 „ . .	2.829	„

Изъ этого числа ушло на каторгу 3.894, на поселеніе 2.153, прислано на житье 2.254 и для водворенія 8.491 (добровольно пришедшихъ 1.830 чел. *).

Стало быть, присужденные къ тяжкимъ наказаніямъ составляютъ почти $^1/_4$ ч.; присужденные къ легкимъ (на житье и водвореніе) болѣе $^1/_2$. Изъ нихъ всего больше распредѣлено въ Западной Сибири (10.407), чѣмъ въ Восточной (8.199), съ тою разницею, что въ первую пришли съ легчайшею виновностью, во вторую ушли приговоренные къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ (на каторгу и поселеніе) **).

Сосланные на каторгу, поселеніе и житье распредѣлились по сословіямъ въ такихъ цифровыхъ отношеніяхъ:

Дворянъ	4.252	чел.
Духовенства.	226	„
Горожанъ	1.148	„
Крестьянъ	849	„
Солдатъ	249	„
Иностранцевъ	385	„

Изъ водворенныхъ почти всѣ принадлежатъ къ низшимъ сословіямъ; дворянство составляетъ $^1/_4$ ч. (около 25%), не смотря на то, что въ общей массѣ народонаселенія дворяне составляютъ не болѣе $^1/_{20}$ ч., т. е. 5%. Такимъ образомъ, ссылка лишила царство и западныя губерніи (за вычетомъ дѣтей и женщинъ) въ дворянскомъ сословіи $^1/_{80}$ ч., въ рабочихъ силахъ $^1/_{80}$ ч. и въ духовенствѣ $^1/_{30}$ *). Распредѣляя уменьшеніе дворянства по губерніямъ, мы увидимъ, что всего больше (почти 3%) своихъ силъ потеряли литовскія губерніи и на 2% уменьшилось дворянство изъ Юго-Западнаго края

*) За пять лѣтъ съ 1854 по 1859 г. за государственныя преступленія всего изъ цѣлой Россіи было 83 муж.

**) Въ такомъ числовомъ отношеніи: по Тобол. 4.101, Томск. 6.306, Енис. 3.719, Иркутск. 4.424, по Якутск. обл. 56. При этомъ надо замѣтить, что все это люди, приговоренные военно-судными коммиссіями прямо въ Сибирь. Между ними нѣтъ тѣхъ, которые первоначально водворены были въ Россіи, а потомъ переведены въ Сибирь. Эти послѣдніе присылались въ тобольскій приказъ безъ всякихъ документовъ. Наводить же справки о нѣсколькихъ тысячахъ подобнаго люда въ горячее время ссылки не было никакой возможности. И безъ того приказъ едва успѣвалъ принимать, распредѣлять и снаряжать ссыльныхъ.

*) Принимая все населеніе въ 15$^1/_2$ милл. и считая количество духовныхъ римско-католич. испов. въ 9 западн. губ. въ 3.952 чел.

въ Волынской губерніи. Произошло это уменьшеніе, стало быть выразилось и участье въ мятежѣ лицъ дворянскаго сословія въ такомъ видѣ:

Въ	Ковенской	губ.	на	1/36	ч.
„	Виленской	„	„	1/30	„
„	Гродненской	„	„	1/40	„
„	Витебской	„	„	1/60	„
„	Минской	„	„	1/50	„
„	Могилевск.	„	„	1/65	„
„	Волынской	„	„	1/45	„
„	Кіевской	„	„	1/50	„
„	Подольской	„	„	1/44	„

На каторгу изъ всего числа сосланныхъ дворянъ (4.252) ушло—1.699 чел., т. е. 1/3 или 40 проц. Пропорція эта по мѣстностямъ распредѣляется такимъ образомъ:

Изъ Ц. П. сосл. 1.244;	на кат.	506,	или 40 %
„ Сѣв.-З. кр. с. 2.092;	„	590,	„ 28 „
„ Юго-З. кр. с. 916;	„	603,	„ 66 „

Стало быть, не смотря на то, что въ Юго-Западномъ краѣ мятежъ не развился шире польскаго и Сѣверо-Западнаго края и при меньшей числительности дворянства, сослано лицъ этого сословія въ каторжную работу не только не менѣе, но даже больше.

Изъ каждыхъ ста дворянъ Сѣв.-Западн. края ушло только 28 проц.

Изъ каждыхъ же ста Юго-Зап. края на ту же каторгу ушло 66 проц.

Слѣдовательно, одно изъ трехъ: либо на югѣ приговоры дѣлались строже, либо на сѣверѣ мѣстныя средства возмездія умѣли парализировать число присужденныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ въ сибирской каторгѣ, либо, наконецъ, содѣйствіе сельскаго населенія къ арестованію и представленію по начальству своихъ взбунтовавшихся пановъ въ средѣ малороссійскаго народа выразилось фактически сильнѣе и ярче, чѣмъ таковое же народное участье къ подавленію мятежа въ средѣ бѣлорусскаго народа. Само собою разумѣется, сибирскія данныя окончательнаго опредѣленія каждой причины и разграниченія всѣхъ трехъ между собою дать намъ не могутъ.

Изъ 3.399 человѣкъ, присужденныхъ къ тяжкимъ работамъ на каторгѣ, сословія встали въ такихъ отношеніяхъ по абсолютнымъ цифрамъ и по пропорціямъ:

Дворянъ	1.699	чел.	или	50	проц.
Духовныхъ . . .	98	„	„	3	„
Мѣщанъ	676	„	„	20	„
Крестьянъ . . .	705	„	„	21	„
Солдатъ	212	„	„	6	„

Стало быть, городскія сословія приняли участье въ мятежѣ гораздо сильнѣе обывателей сельскихъ; мѣщанамъ и крестьянамъ принадлежитъ почти равная степень участья, не смотря на громадное числовое превосходство послѣднихъ передъ первыми. Дворянству между всѣми принадлежитъ половинное число.

По вѣроисповѣданіямъ изъ сосланныхъ на каторгу, поселеніе и житье, кромѣ католическаго, всѣмъ остальнымъ принадлежитъ только около 3 проц. или 221 чел. въ такихъ отношеніяхъ: православныхъ 124, уніатовъ 17, протестантовъ 37, евреевъ 43. Въ 124 православныхъ замѣшалось 47 дворянъ бѣлорусскихъ юго-западныхъ губерній, 4 лица духовнаго сословія, 6 мѣщанъ, 10 крестьянъ и 57 солдатъ (преимущественно изъ дезертировъ).

Всего сослано на каторгу:

Изъ 1.785 ч. царст. Польск.: высшихъ сословій 565 ч., т. е. 32%, низшихъ сословій 1.220 ч., т. е. 68%; изъ 927 ч. Сѣверозап. края: высшихъ сословій 625 ч., т. е. 67%, низшихъ сословій 302 ч., т. е. 33%; изъ 687 ч. Югозападн. края: высшихъ сословій 607 ч., т. е. 88%, низшихъ сословій 80 ч., т. е. 12%.

Такимъ образомъ, низшія сословія увлеклись сильнѣе въ царствѣ Польскомъ, чѣмъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а здѣсь гораздо сильнѣе Юго-Западнаго, указывая на разницу литовскаго племени жмудяковъ-католиковъ отъ православныхъ малороссовъ, помнящихъ угнетенія за свою вѣру отъ того же католичества. Ничтожное количество евреевъ (всего 43 человѣка) достаточно свидѣтельствуетъ о той холодности и равнодушіи, съ какими отнеслось къ дѣламъ Польши это многочисленное племя, облѣпившее всѣ деревни, мѣстечки и города всего края, поднявшаго возстаніе. Большая часть изъ всего числа 43 евреевъ, судя по статейнымъ спискамъ ихъ, высланы были въ Сибирь за содѣйствіе мятежу посредствомъ провоза оружія изъ-за границы и другія подобныя преступленія, т. е. скорѣе за увлеченія коммерческими разсчетами, чѣмъ политическими планами.

Иностранные подданные, угодившіе въ Сибирь, въ общемъ числѣ 385-ти, распредѣлялись въ такихъ размѣрахъ:

Австрійскихъ (преимущественно изъ Галиціи) поляковъ	259
Прусскихъ (преимущественно изъ Познани) поляковъ	102
Италіанцевъ (гарибальдійцевъ) . . .	10
Французскихъ подданныхъ (коренныхъ французовъ).	10
Англійскихъ подданныхъ	2
Гессенъ-дармштадтскихъ нѣмцевъ . .	1
Саксонскихъ нѣмцевъ	1

Исторія Россіи не представляетъ другого примѣра административной и судебной высылки по политическимъ преступленіямъ въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь. Поэтому, само собою разумѣется, и въ законодательствѣ остались не предусмотрѣнными и достаточно не разрѣшен-

ными тѣ условія, въ какія должны встать сосланныя и переселенныя лица въ новыхъ мѣстахъ ихъ жительства. Рядъ административныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ въ разное время, казался удовлетворительнымъ и не представлялъ особыхъ затрудненій тогда, когда число лицъ опредѣлялось десятками и едва доходило до сотни. Теперь, когда высланныхъ считаютъ тысячами, прежнія распоряженія являются далеко неполными и недостаточными. Это, естественнымъ образомъ, влечетъ за собою цѣлый рядъ затрудненій и стѣсненій какъ для мѣстной администраціи, такъ и для самихъ ссыльныхъ.

Не останавливаемся долѣе на сосланныхъ въ тяжкія работы, отношенія которыхъ къ самимъ ссыльнымъ неизбѣжно должны были выражаться въ старыхъ, нисколько не измѣненныхъ рамкахъ, до подробностей тѣхъ же поголовныхъ стремленій къ свободѣ (вродѣ исторіи на Круго-Байкальской дорогѣ), хорошо извѣстныхъ всѣмъ по сообщеніямъ газетъ. Обратимся къ тѣмъ, которые высланы на житье и для водворенія. Для примѣра беремъ Тобольскую губернію, какъ такую, гдѣ въ разсматриваемые нами года лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія только 50 человѣкъ, всѣ же остальные лишены только нѣкоторыхъ правъ.

Вотъ чѣмъ выразилось въ этой губерніи положеніе новыхъ ссыльныхъ.

Въ Тобольской губерніи лишенныхъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ оказалось 591; лицъ, находящихся подъ надзоромъ—1.175 чел. Въ числѣ послѣднихъ болѣе 35 проц. (419 чел.) принадлежало молодымъ людямъ отъ 16 до 25 лѣтъ; между ними оказались сосланными даже такіе, которые въ Тобольскѣ съ увлеченіемъ пускали бумажнаго змѣя, играли мячикомъ и, однако, считались и называли себя политическими преступниками. Въ Тобольской губерніи такихъ оказалось 27 человѣкъ (сверхъ 61 дѣтей при родителяхъ *). Въ числѣ первыхъ 591 чел., присланныхъ для водворенія на казенныхъ земляхъ, оказались, большею частью, горожане; между ними находились хорошіе музыканты, живописцы и танцоры. Всѣмъ имъ предстояла одинаковая участь съ польскими крестьянами взять клочекъ земли и заниматься хозяйствомъ.

Общія черты сходства для людей обоихъ этихъ разрядовъ выразились тѣмъ, что въ большинствѣ своемъ они пришли не только безъ приличнаго, но даже и достаточнаго одѣянія (наичаще въ томъ самомъ, въ какомъ были взяты къ суду); нищета въ самыхъ крайнихъ ея предѣлахъ возбуждала всеобщее сострадание. Не имѣя возможности достать хлѣба на предстоящій день, безъ дневного пріюта, безъ языка, не зная за что приняться—люди эти, выпущенные изъ тюрьмы, представлялись на первыхъ порахъ брошенными рѣшительно на произволъ судьбы съ семью копейками суточнаго пособія, разсчитывающаго на квартиру, пищу, одежду и удовольствія.

Общія черты различія для обоихъ разрядовъ выразились, при практическомъ примѣненіи, тѣмъ, что судьба слабѣе наказуемыхъ оказалась худшею, чѣмъ судьба лицъ, обреченныхъ на сильнѣйшія мѣры взысканія; положеніе сосланныхъ для водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ сдѣлалось сравнительно лучшимъ, чѣмъ положеніе сосланныхъ собственно подъ надзоръ. Этотъ „надзоръ“, при возможности наблюденія только внѣшняго, хлопочетъ лишь о томъ, чтобы такой-то не выѣзжалъ изъ предѣловъ указаннаго района, не производилъ наружныхъ безпорядковъ; полицейскій надзоръ имѣетъ право быть довольнымъ собою, если ему удается достигнуть только однѣхъ этихъ цѣлей. Въ практическомъ примѣненіи къ судьбамъ политическихъ ссыльныхъ этотъ надзоръ въ Сибири выразился такимъ явленіемъ: запрещеніе отлучекъ уничтожило почти всякую возможность къ прочному устройству жизни и къ пріисканію какого либо рода дѣятельности, при 2 р. 10 коп. ежемѣсячнаго казеннаго содержанія. Чтобы сдѣлаться промышленникомъ, нужны кое какія права состоянія, чтобы стать торговцемъ—необходимо, чтобы разъѣздамъ не полагались границы одною мѣстностью; службѣ у частныхъ лицъ суровый контроль мѣшаетъ тѣмъ, что поселяетъ и поддерживаетъ въ послѣднихъ недовѣріе и затрудняетъ имъ входить съ ссыльными въ какія либо соглашенія или приглашать ихъ для какихъ либо торговыхъ занятій. Письменныя занятія по вольному найму, разрѣшенныя впослѣдствіи, при множествѣ политическихъ ссыльныхъ, оказались мѣрою палліативною. Занятія же ремесленныя и земледѣльческія не обезпечены никакими средствами. Отсюда механическая связь пришельцевъ съ туземцами и безнадежность полнаго органическаго слитія. Между тѣмъ, общество готово, безъ предразсудковъ, отдѣлять ихъ отъ остальныхъ ссыльныхъ и обезпечивать работами. Временныя пособія со стороны правительства (безвозвратныя), дробясь между сотнями лицъ, для каждаго въ отдѣльности настолько ничтожны, что не достигаютъ никакой цѣли. И современные ссыльные поляки принуждены дѣлать складчины, не только добровольныя, но и обязательныя, т. е. для богатыхъ взносы имѣли значеніе подати. Та же замкнутость и отдѣльность отъ общей жизни, безпомощное положеніе и невозможность существованія единичными средствами, наконецъ, простое человѣческое сочувствіе естественно выразили это благотворительное дѣло, направленное для поддержки крайне бѣдныхъ товарищей. Эти товарищества составляли продолженіе тѣхъ

*) Между прочимъ 110-ти-лѣтній старикъ-ксендзъ.

которыя устанавливались между ссыльными самими начальствами во всей Россіи, во время пути слѣдованія поляковъ въ Сибирь. Начальства избирали старость и отдавали партіи въ полную ихъ зависимость, внутренно сознавая, при недостаткѣ воинскихъ командъ, невозможность двигать въ порядкѣ эти громадныя толпы. На этапахъ и въ тюрьмахъ были сотни примѣровъ наказанія товарищей самими старостами и выборными за малѣйшіе проступки. Этотъ самосудъ или собственно контроль удержался и на мѣстахъ водворенія, помогая ссыльнымъ воздерживать преступныя наклонности и устранять, ослабляя тѣ подозрѣнія туземцевъ, которыя, между прочимъ, и на этотъ разъ выразились подозрѣніями въ поджогахъ. Общинный надзоръ во многомъ сослужилъ службу полицейскому.

Вотъ какъ типируетъ одинъ изъ мѣстныхъ администраторовъ положеніе ссыльнаго, воспитавшагося подъ надзоромъ и не освобожденнаго отъ него по требованіямъ мѣстныхъ условій быта:

„Политическій ссыльный приноситъ убѣжденіе, что весь итогъ прожитой жизни утраченъ безвозвратно, и потому или кажется совершенно равнодушнымъ ко всему окружающему, или является раздражительнымъ, безпокойно-нервнымъ. Если онъ еще лелѣетъ надежду возврата, то, тѣмъ не менѣе, эта надежда, оживляя его, мѣшаетъ труду, прочной осѣдлости: Сибирь— почтовая станція, минутная остановка жизни, не стоитъ и браться ни за что серьезное. Это время для политическихъ ссыльныхъ—время утопій, несбыточныхъ надеждъ и идеаловъ; всѣ уроки, всѣ ошибки прошлаго забыты, утратили свое поучительное значеніе. Съ постепенною потерею практическаго смысла, всякій жизненный вопросъ обобщается до чего-то безусловнаго: примиренія съ настоящимъ нѣтъ, оттого или всегдашняя болѣзненная раздражительность или невозмутимое равнодушіе. Но, по мѣрѣ того, какъ года идутъ впередъ, ослабляя надежду и силу, эти люди становятся сумрачнѣе; раздражительность, при бездѣйствіи, усиливается, недовольство внѣдряется еще глубже и переходитъ въ злобу. Продолжительный надзоръ, ежеминутный страхъ контроля не прошли даромъ, они выучили удивительному умѣнью владѣть собою: ни одно слово не пропадаетъ даромъ, ни одинъ мускулъ своимъ движеніемъ не измѣняетъ внутреннему сердитому настроенію духа. Сдержанность и замкнутость остаются на всегда характерными чертами этихъ людей во всѣхъ ихъ сношеніяхъ съ остальными.

„Кому изъ политическихъ ссыльныхъ не удалось столкнуться съ практическою жизнью, тѣ казались наблюдателю изношенными, обнаруживали страшную нравственную пустоту, которая, при узкихъ взглядахъ и пониманіи, характерна была лишь однимъ упорствомъ въ отстаиваньи своихъ утопій, мелкимъ самолюбіемъ и болѣзненною раздражительностью. Тѣ же, которые вталкивались въ промышленную и торговую дѣятельность, отрезвлялись сразу: теряли свой исключительный оттѣнокъ, понятія постепенно космополитизировались, жизнь со всею мелочностью охватывала ихъ всецѣло. Искавшіе утѣшенія въ прошедшемъ доживали до консервативнаго упорства, выходъ изъ замкнутаго круга считался у нихъ слабостью и даже измѣною. Въ силу такихъ соображеній, главною задачею правительства должна быть забота о томъ, чтобы дать ссыльнымъ занятія, облегчить возможность труда и приспособленія способностей".

Въ Тобольскѣ за послѣднее время (1864 по 67 гг.), сдѣланы были *) опыты учрежденія мастерскихъ. Не смотря на недоброжелательство и происки рутины или невѣжества, устроены были прачешная, столярная, сапожная, слесарная, котельное производство, кузницы, швейная, булочная, открытъ пивоваренный заводъ, заведены мелочныя лавки, общая столовая для стариковъ и хворыхъ на 140 чел. (между ними на 70 поляковъ). Въ этихъ заведеніяхъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ мѣстнымъ требованіямъ, занято было большинство ссыльныхъ. Городское населеніе привѣтливо встрѣтило ихъ; сосланные начали, мало по малу, заручаться надеждами на будущее, привыкать къ настоящему своему положенію, примиряться съ нимъ и даже выписывать оставленныя на родинѣ семейства. Въ результатѣ изъ всего этого, изъ числа 220 человѣкъ, 35 человѣкъ пользовались казеннымъ пособіемъ, всѣмъ остальнымъ доставлена возможность работать и честнымъ трудомъ пріобрѣтать себѣ средства для жизни. Изъ Тобольской губ. во все это время бѣжалъ только одинъ, изъ Томской бѣжали десятками. Конечно, на всю губернію такое вліяніе не могло распространиться; конечно, оно подвержено такимъ же случайностямъ, какъ и самая человѣческая личность и, стало быть, не прочно.

Эти начинанія въ особенности замѣчательны тѣмъ, что они сдержали безполезный наплывъ на сибирскія деревни польскихъ горожанъ— принужденныхъ, импровизированныхъ земледѣльцевъ; въ то же время эти начинанія служили единственнымъ радикальнымъ средствомъ при безвыходномъ положеніи; нѣкоторая безтактность репрессивныхъ мѣръ обнаруживалась, внѣ этихъ условій и пріемовъ, во всей своей наготѣ. Всѣ опыты насильнаго водворенія горожанъ на землѣ, внѣ доброй воли и правильныхъ экономическихъ комбинацій, всегда приводили къ отрицательнымъ результатамъ. Въ той же Западной Сибири земледѣльцами сдѣлались люди, пришедшіе по волѣ, а за Байкаломъ—порочные

*) Губернаторомъ А. И. Деспотъ-Зеновичемъ.

нижніе воинскіе чины, приписанные въ крестьяне, указали на полную безнадежность мѣръ подобнаго рода. Бродяжество, наймы по городамъ, на суда, на золотые пріиски—вотъ результаты подобныхъ начинаній. Къ тому же, и сами польскіе ссыльные наотрѣзъ отказались, въ послѣднее время, принять участки земли, заявивъ категорическій отвѣтъ, что такимъ путемъ они рѣшительно не въ состояніи обезпечивать своего существованія. Конечно, вмѣстѣ съ безнадежностью совладать съ землею, много мѣшала, въ данномъ случаѣ, и боязнь закрѣпостить себя на землѣ и потерять, такимъ образомъ, надежду возвратиться на родину. Понудительныя мѣры тутъ безсильны: польскіе крестьяне и безъ того встали въ болѣе или менѣе удовлетворительное положеніе: они почти всѣ нашли заработки у крестьянъ, не смотря на то, что въ Сибири спросъ на личную услугу, во время полевыхъ работъ, не великъ, наемъ рабочей силы невыгоденъ и замѣняется искони усиленнымъ семейнымъ трудомъ. Для желающихъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, Сибирь представляетъ богатый и неисчерпаемый рудникъ. Страна эта замѣчательна тою свою оригинальностью, что въ ней нѣтъ частной поземельной собственности и общинныя начала сохранились въ цѣлости. Огромныя, пустынныя и незаселенныя пространства земель даютъ возможность каждому крестьянину пахать землю тамъ, гдѣ онъ захочетъ и найдетъ болѣе удобнымъ; 15 десятинъ земли—въ правахъ каждаго, даже изъ ссыльныхъ. Пастбища при селеніяхъ для всѣхъ общія и лежатъ обширныя огороженныя пространства (поскотина), спеціально предназначенныя для пастьбы скота. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ каждый, безъ всякаго дозволенія, можетъ накосить столько травы, сколько захочетъ. Лѣса также общинная либо казенная собственность, не дѣлятся и никому не принадлежатъ, каждый можетъ рубитъ деревья безъ контроля, когда ему понадобится (въ казенныхъ только платятъ попенныя). Позволенія на торговлю и промыселъ, производимые мѣстно, никто не спрашиваетъ, за патенты никто не платитъ; въ этомъ отношеніи по Сибири больше свободы, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Человѣкъ имѣетъ тутъ больше свободы, чѣмъ въ Россіи (въ трудѣ и его примѣненіяхъ). Поземельныхъ податей никто не платитъ, кромѣ мѣщанъ, обязанныхъ земскими повинностями, которыя, къ тому же, общинная свобода значительно ограничила. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этими правами, уживаются права бюрократіи и чиновничій произволъ и нападенія на слабыя мѣста сопровождаются нерѣдкими и губительными притѣсненіями. Если недостатокъ средствъ и незнакомство съ мѣстными условіями на первыхъ порахъ затрудняютъ польскихъ крестьянъ и замедляютъ улучшеніе ихъ быта, то, тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ въ сибирскихъ деревняхъ далеко выгоднѣе положенія горожанъ, назначаемыхъ не въ города, а въ селенія *).

Боязнь опасныхъ послѣдствій отъ измѣненія существующихъ формъ напрасна и исторически не оправдывается примѣрами той же самой Сибири (въ Россіи подобные примѣры безчисленны). Не только поляки и малороссы, но и шведы изъ войскъ Карла XII слились со славянскою народностью Сибири до тождества съ нею и поглощены безъ слѣда. На память о шведахъ остались въ Тобольскѣ только такъ называемый „Прямскій взвозъ“ съ каменною аркою и стѣною надъ нимъ; стѣна же кремля, построеннаго плѣнными, давно уже разсыпалась и разобрана; да по дорогѣ въ Якутскъ станція Усть-Ордынская сохранила прозваніе „Шведъ“, можетъ быть, по имени одного, можетъ быть, отъ имени многихъ поселенныхъ тутъ шведовъ. Въ Сибири евреи, въ особенности молодые, измѣняются настолько, что можно ихъ смѣло назвать сибирскими, какъ особенный типъ, значительно не похожій на тотъ, который господствуетъ въ западной половинѣ имперіи, и весьма близко подходящій къ настоящимъ сибирякамъ: тотъ же языкъ, костюмъ, обычаи и даже иногда вѣра.

Тамъ, гдѣ исчезли безъ слѣда и тѣ 138 запорожскихъ казаковъ, которые присланы были въ 1770 году за причиненныя въ Польшѣ разворенія, свободно и скоро превратились въ сибиряковъ тѣ изъ поляковъ, которымъ удалось личными интересами согласно соединиться съ требованіями страны и ея интересами. Особенно счастливыхъ результатовъ обрусенія достигали съ того времени, когда поляковъ стали приселять къ казачьимъ войскамъ большими группами и одиночками. Та же участь ожидаетъ и новыхъ пришельцевъ, если успѣютъ благоразумно устранить все то, что до сихъ поръ мѣшало сближенію вслѣдствіе стремленій видѣть въ ссылкѣ одну только карательную сторону. Въ Сибири становится дѣятелемъ только тотъ, кто перестаъ чувствовать себя наказуемымъ. Законъ этотъ неизмѣнно выразился для всѣхъ національностей. Сначала, плѣнившись сходствомъ родного языка съ русскимъ, забываютъ отечественную рѣчь; потомъ, увлекшись дѣвицею-сибирячкою, женятся и подъ вліяніемъ среды и обаяніемъ жены отстаютъ и отъ обычая; въ итогѣ—сынъ поляка уже человѣкъ православной вѣры и коренной сибирякъ, а самъ отецъ

*) Въ Томской губ. горожанъ - поляковъ старались селить въ деревняхъ, ближайшихъ къ городамъ, чтобы ремесленники и вообще люди, не способные къ земледѣлію, не сдѣлавшись настоящими деревенскими пролетаріями, могли сбывать въ городахъ произведенія своихъ трудовъ. Тамъ имъ были дозволены и отлучки въ эти города для обезпеченія себя заработками.

на склонѣ дней человѣкъ національно-обезличенный. Въ особенности искусно дѣйствовала на обрусеніе поляковъ государственная служба.

Сибирь, со своими крупными особенностями, съ исключительными требованіями, умѣла превращать въ сибиряковъ безразлично инородцевъ и иноземцевъ. Такъ, напримѣръ, на пространствѣ между Усть-Каменогорскою крѣпостью и Змѣевскимъ рудникомъ—однимъ изъ старинныхъ на Алтаѣ—въ настоящее время живутъ выселенцы временъ Екатерины, потомки шляхты изъ Сѣверо-Западнаго края, помѣщичьи люди и крестьяне, выведенные изъ Польши въ 1764 году и опредѣленные въ Сибирскія войска; они уже не сберегли никакихъ воспоминаній о прошломъ и потомки ихъ только съумѣли сохранить нарядъ, рѣзко оттѣняющійся отъ обычнаго сибирскаго. Въ особенности, замѣчателенъ нарядъ женщинъ, умѣющихъ щеголевато и искусно вышивать бумагою и шелкомъ полотенца, нагрудники, оплечья на рубахахъ; дѣвушки до сихъ поръ уберегаютъ въ косахъ старинные пятачки чеканки временъ Екатерины —послѣдніе остатки ихъ національныхъ особенностей.

На подобную участь слиться съ туземнымъ населеніемъ впослѣдствіи, во второмъ или третьемъ поколѣніи, обречены были, во время ближайшаго къ намъ польскаго возстанія, тѣ болѣе десяти тысячъ обитателей западной части имперіи, которые присланы въ Сибирь.

Пойманные съ оружіемъ и за то приговоренные по суду, о которыхъ впереди была рѣчь наша, составляютъ отдѣльный контингентъ отъ тѣхъ, которые присланы не на каторгу и поселеніе, а на такъ называемое водвореніе. Сюда впослѣдствіи поступили многіе изъ тѣхъ, которые были судимы и приговорены къ арестантскимъ ротамъ на сроки. По окончаніи сроковъ арестантскихъ ротъ и они включены въ число водворяемыхъ, если только не принадлежали къ привиллегированнымъ сословіямъ. Это—большею частью земледѣльцы, обыватели деревень и шляхта западныхъ губерній, обыватели такъ называемыхъ застѣнковъ и околицъ. Вмѣстѣ съ шляхтичами пришли и воспитавшіеся въ значительно одинаковыхъ съ ними условіяхъ экономическаго и общественнаго быта: мѣщане—исключительно обыватели городовъ и мѣстечекъ, отставные солдаты, однодворцы и такъ называемые панцырные бояре—потомки родовъ, въ древности принадлежавшихъ Россіи и занятыхъ службою по крѣпостямъ, взысканіемъ податей и развозкою писемъ, тотъ классъ, изъ котораго свободно выдѣлялись въ шляхетство, мѣщанство, въ классъ свободныхъ крестьянъ и, при особенныхъ подвигахъ, во дворянство. Причина высылки ихъ безразлично заключалась: либо въ косвенномъ участьи въ мятежѣ посредствомъ укрывательства бѣжавшихъ и спасавшихся при разгромѣ бандъ, либо въ томъ (какъ случалось нерѣдко), что въ деревняхъ этихъ останавливались банды, мимо околицъ этихъ случайно проходили они въ лѣсъ и изъ лѣсу, либо около нихъ скрывались эти банды и искали здѣсь средствъ для временной вещественной поддержки своей на стоянкахъ. Система переселенія на правахъ водворенцевъ внѣ правъ свободнаго и добровольнаго выбора мѣстъ и способовъ передвиженія и осѣдлости, съумѣла уравнять эти толпы высланныхъ изъ родины, не смотря на несходство проступковъ. Административный способъ ссылки на этотъ разъ успѣлъ достигнуть болѣе крупныхъ (суровыхъ) послѣдствій, въ противоположность требованіямъ суда и болѣе или менѣе доказаннаго обвиненія въ виновности. Когда присужденнымъ на каторгу и поселеніе съ опредѣленіемъ сроковъ и съ правами на милостивое прощеніе, представлялась и осуществлялась возможность возврата изъ Сибири,—для этихъ такъ называемыхъ водворенцевъ, черезъ прикрѣпленіе къ землѣ, на всегда отнималось это право. Переселеніе, со всѣми его нравственными условіями и задачами на вѣчную утрату родины, приняло, такимъ образомъ, значеніе наивысшей мѣры наказанія для людей наименьшей виновности. Разница на этотъ разъ заключалась, можетъ быть, лишь только въ томъ, что одни изъ шляхты водворены были въ предѣлахъ Россіи, но за то другіе уведены за Уральскій хребетъ. Для шляхетскихъ околицъ Могилевской губерніи Рогачевскаго уѣзда (Антуши, Сѣножатки, Тертежъ), снятыхъ съ мѣста въ цѣломъ составѣ *), новою родиною оказалась Оренбургская губернія; для другихъ губерній—ближайшія къ Сибири со свободными казенными землями; для околицъ болѣе глубокихъ мѣстностей западной окраины мѣста для водворенія выбраны въ Сибири: сначала губерніи Енисейская и Томская, а потомъ, когда кончено въ ней водвореніе и мѣста, назначенныя здѣсь, были заняты, и губернія Тобольская. И сюда, въ Сибирь, явился этотъ живой народъ шляхетской природы немного беззаботный, разгульный, задорный до сварливости и хвастливый, но, въ то же время, словоохотливый и хлѣбосольный. Пришелъ онъ на свободныя земли, къ обязательствамъ усидчиваго тяжелаго земледѣльческаго труда на первобытной нетронутой почвѣ, и, надо сознаться, пришелъ не туда, куда влечетъ людей призваніе, гдѣ находятъ люди свое мѣсто и прилагаютъ свои способности. Онъ даже по внѣшнему виду не

*) На мѣстѣ этихъ трехъ околицъ—какъ извѣстно — выстроено новое селеніе, подъ названіемъ Царской слободы, изъ отставныхъ солдатъ. Правильно распланированное, по нормальнымъ чертежамъ, съ форменнымъ видомъ, слободка эта замѣнила собою прежнія неправильно раскиданныя околицы, всегда имѣющія видъ отдѣльныхъ хозяйствъ съ кривыми улицами, закоулками и переулками.

похожъ на того, отъ котораго можно требовать исполненія подневольныхъ заказныхъ трудовъ. Въ сибирскихъ деревняхъ долженъ поселиться меньше всего земледѣлецъ, а скорѣе горожанинъ, обрившій бороду и отпустившій классическіе усы, одѣтый въ городской черный камзолъ вродѣ однобортнаго длиннаго сюртука, въ широкія шаровары, въ неизмѣнный черный картузъ во свидѣтельство своихъ наклонностей бѣлоручки, успѣвшаго отшатнуться отъ роли земледѣльца и, лишь съ сохраненіемъ званія землевладѣльца, съумѣвшаго и въ деревнѣ жить съ городскими привычками и обстановкою. На родинѣ онъ успѣлъ отбоевать родовитость и гоноръ и оставить за собою стремленіе въ противоположную сторону отъ работъ, которыя награждаютъ мозолями на рукахъ. На родинѣ они бросались на государственную службу, учились грамотѣ, кончали гимназическій курсъ, искали мѣстъ управляющихъ, поступали въ чиновники, иные богатѣли и дѣлались панами; изъ этой шляхты образовалось почти все мѣстное православное и католическое духовенство. Разсчитывать на такихъ сельскихъ хозяевъ у Сибири мало правъ, дожидаться отъ нихъ вѣрнаго и твердаго земледѣльческаго населенія нѣтъ никакихъ основаній. Шляхтичъ, и на родинѣ очень часто не владѣвшій собственными угодьями, вѣкъ кочевалъ, переходя съ земли одного владѣльца къ другому. Ему некогда было привыкнуть къ усидчивому труду, сдѣлаться земледѣльцемъ; онъ стоялъ на перепутьѣ между деревенскимъ и городскимъ жителемъ и возымѣлъ наклонность болѣе къ городскому быту. Онъ только потому не дворянинъ, что не доказалъ своихъ правъ, утерявъ документы или, прогоняемый поднятою платою съ воздѣланнаго имъ уволока земли, предпочелъ записаться въ крѣпостные. Есть много достаточныхъ основаній предполагать, что эта шляхта, жившая на наемныхъ земляхъ, въ городахъ элементъ наиболѣе безопасный при облегченномъ надзорѣ и заработкахъ. И проживъ въ деревнѣ, онъ не утратилъ характера горожанина. Земледѣльцы они были плохіе и на мѣстахъ родины, гдѣ приходилось имъ перемѣнять мѣсто, хозяйство ихъ было скудно, неряшливо. Вмѣсто обыкновенныхъ шляхетскихъ горенокъ они жили въ клѣтушкахъ съ землянымъ поломъ, безъ оконъ, если только можно считать за окна узенькія, продолговатыя щели съ осколками стеколъ; крыша прорвалась, заборъ разсыпался, ворота покосились; нагорожено-налѣпано. Въ деревнѣ онъ живетъ (что въ томъ краю величайшая рѣдкость) на деревянныхъ полахъ съ красными окнами, уставленными бальзаминами, геранью и гортензіями. Настоящія городскія горенки служили обыкновеннымъ жилищемъ шляхты. Шляхтянки наряжаются въ бѣлыя какъ снѣгъ юбки, щеголяютъ въ перчаткахъ, въ праздничное время распускаютъ зонтики; онѣ не поютъ народныхъ пѣсенъ и употребляютъ всѣ силы, чтобы, какъ масло на водѣ, отдѣляться отъ крестьянокъ всѣмъ и во всемъ. Шляхтичи, въ сношеніяхъ съ сосѣдями-крестьянами, оказывались всегда людьми высшей породы. Шляхтичъ въ корчмѣ требуетъ почета, говоритъ громко, не прочь и подраться (бѣлоруссъ ему уступаетъ, старовѣръ споритъ), но за то шляхтичъ владѣетъ всѣмъ тѣмъ искуствомъ выиграть передъ высшимъ городскимъ обществомъ искуствомъ, въ которомъ у него мало соперниковъ. Для сибирскихъ городовъ у него всѣ блестящіе задатки. Но не то судила ему безразсчетная и слѣпая судьба. Для Сибири обстоятельствъ этихъ не взвѣсили и, не смотря на указанія и предостереженія свѣдущихъ и опытныхъ людей, поступили иначе.

Сибирскіе города, находящіеся на низкомъ промышленномъ уровнѣ, въ виду представлявшейся возможности при помощи этихъ людей подняться въ вопросѣ промышленности обрабатывающей, сибирскіе города не надѣлены этимъ полезнымъ классомъ водворенцевъ, стоящихъ на степени высшаго развитія. Въ то время, когда эти люди, въ массѣ которыхъ преобладаютъ ремесленники, могли бы найти средства въ два-три года сдѣлаться полезными гражданами, — ихъ безполезно и безслѣдно прикрѣпили къ деревнямъ. Между ними оказались получившіе образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже воспитавшіеся въ высшихъ и, стало быть, поставленные въ обидную, чуждую и безнадежную среду крестьянской обстановки и деревенскаго быта. Шляхтичъ, сидѣвшій на приготовленной землѣ, очутился, такимъ образомъ, въ Сибири на новыхъ участкахъ, требующихъ — какъ извѣстно — долговременнаго опыта, громаднаго терпѣнія и необычайныхъ трудовъ, при расчисткѣ вѣковыхъ залежей, такъ называемыхъ новей. Только такія мѣста, поросшія мелкимъ березнякомъ и осинникомъ сибирскія общества приняли за обычай выдѣлять прибылымъ и готовыхъ земель для нихъ не отрѣзываютъ. „Новый пришелецъ долженъ занимать и новый участокъ“ — таково старожилое правило, съ которымъ въ Сибири нѣтъ никакой возможности спорить. Два года тяжелыхъ усилій для того, чтобы воспользоваться только первымъ плодомъ своихъ трудовъ представляются обязательными даже для того замѣчательнаго меньшинства, которое владѣетъ привычкою и умѣньемъ воздѣлывать землю. Плодоносная земля лежитъ въ Сибири подъ лиственнымъ лѣсомъ; его надо срубить, оставить пенья сохнуть, чтобы на будущій годъ имѣть силы и возможность ихъ выкорчевать, пройтись сохою, посѣять и лишь на третій годъ получить жатву. Такимъ образомъ, для польскихъ водворенцевъ ссудный хлѣбъ на три года (и лишь по малой мѣрѣ на два)

сталъ для казны обязательнымъ. Прибавилась лишняя тягость.

Переселенцевъ, для успѣха водворенія, казна сочла нужнымъ снабдить пособіями. Эти пособія состояли: въ выдачѣ 55 руб. на семейство,—суммы, обыкновенно опредѣляемой переселенцамъ изъ государственныхъ крестьянъ, 35 руб. на обзаведеніе домомъ и 20 на пріобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій, въ снабженіи одеждою (въ случаѣ надобности) и подводами до самыхъ мѣстъ водворенія. Въ дорогѣ взрослые получали по 16 коп. въ день, малолѣтніе по 8 (всѣ эти расходы отнесены на 10-проц. сборъ въ западныхъ губерніяхъ и на суммы Царства Польскаго). Для водворенія указаны волости со свободными казенными землями и въ нихъ положено водворять либо образованіемъ изъ переселенцевъ отдѣльныхъ деревень, либо припискою къ существующимъ уже. Въ томъ и другомъ случаѣ сдѣлано обязательнымъ избѣгать сосѣдства городовъ и большихъ трактовъ, но принято водворять въ мѣстностяхъ, изобилующихъ свободными и удобными угодьями, годною для пользованія водою, не ощущающими недостатка въ лѣсѣ для строеній. Таковы были распоряженія общія.

Частныя распоряженія по водворенію, каковыя сдѣланы были по Тобольской губерніи (судя по напечатанной инструкціи), заключались, между прочимъ, въ заблаговременномъ обезпеченіи продовольствія, въ заготовленіи подводъ, въ стараніяхъ и хлопотахъ установить мирныя и кроткія отношенія между пришельцами и старожилами, въ домахъ которыхъ размѣщались на первое время прибылые водворенцы. По водвореніи уступлено было гуманное право отлучекъ на рынки и торжки а въ другіе округа губерніи для сбыта ремесленныхъ издѣлій или сельскихъ произведеній. Одиночкамъ дозволено соединяться по двое на первое время *), признанные неспособными къ устройству самостоятельнаго хозяйства (старики и малолѣтки) назначены для призрѣнія въ семейства самихъ переселенцевъ или къ старожиламъ, съ выдачею за взрослаго 10 руб., за малолѣтняго до десяти-лѣтняго возраста 5 руб. въ годъ съ правомъ занимать посильными работами. Изъ ближайшихъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ выдавался хлѣбъ и для продовольствія и для обсѣмяненія полей; въ первомъ случаѣ на каждые три мѣсяца впередъ. Тотъ и другой хлѣбъ выдавался заимообразно. Частныя распоряженія съумѣли облегчить уплату займа на болѣе продолжительные сроки (въ четыре года послѣ первыхъ шести необходимыхъ для знакомства съ требованіями новой страны). Переселенцы-домохозяева, наравнѣ съ прочими крестьянами, пріобрѣтали право участья въ мірскихъ угодьяхъ и оброчныхъ статьяхъ, и проч.

*) Потомъ по устройству хозяйства они обязаны были раздѣлиться жить отдѣльными хозяйствами.

Но не всѣ волости и угодья, назначенныя для водворенія, оказались удобными и соотвѣтствующими требованіямъ Западнаго комитета. Томская коммиссія, водворявшая этихъ переселенцевъ, нашла, что пособіе, вообще недостаточное и для переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ, для польскихъ выходцевъ еще сильнѣе и безвыходнѣе усиливало затрудненія. Переселенцы внутреннихъ губерній приходили совершенно обезпеченными, приводили скотъ (лошадей) или приносили деньги, вырученныя отъ продажъ его и назначенныя для той же цѣли на новыхъ мѣстахъ; польскіе водворенцы ничего этого не имѣли. Рабочую лошадь — основное подспорье земледѣлія—должны они покупать, истрачивая не менѣе 25 руб. изъ 55, и въ то время, когда пріобрѣтеніе топора, заступа, пилы, телѣги, саней и для земледѣлія сохи и бороны (непремѣнно съ желѣзными зубьями по требованіямъ первобытной сибирской земли), а также и сбруи—по сибирскимъ цѣнамъ на 30 руб. пріобрѣсти нѣтъ никакой возможности. Увеличеніе денежнаго пособія, по крайней мѣрѣ на цѣну не предусмотрѣнной лошади, должно было сдѣлаться, при практическомъ осуществленіи проэкта, неизбѣжнымъ и настоятельнымъ. Затѣмъ осуществленіе въ Сибири правилъ о попенныхъ деньгахъ и, вслѣдствіе того, примѣтное уменьшеніе лѣсной промышленности и высокія цѣны на лѣсъ дѣлаютъ невозможною покупку готоваго сруба за 15 руб., а черезъ это укрѣпляютъ необходимость увеличенія пособій еще на лишнія прибавки денегъ до ста рублей на лѣсистыя мѣстности и свыше ста на южныя безлѣсныя.

Подъ такими-то крупными и неблагопріятными условіями приводилось селить польскихъ водворенцевъ по цѣлой Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи. Въ Сибири достигнута только одна цѣль: переселенцы водворены въ округахъ, наиболѣе дающихъ благопріятныя данныя для земледѣльческаго труда, если не принимать въ разсчетъ того, что на этотъ благородный, но тяжелый трудъ приглашены люди, не владѣющіе достаточными способностями, на большую часть безъ призванія, безъ охоты, что называется безъ рукъ. Приведены они въ Сибирь или отдѣльными партіями или въ общихъ арестантскихъ партіяхъ на устройство быта по случайнымъ законамъ, которые обыкновенно на практикѣ говорятъ всегда на-двое. Размѣщались они, до распредѣленія, или въ особыхъ казармахъ, или на правахъ обыкновенныхъ ссыльныхъ, при тѣснотѣ и по невозможности въ самыхъ тюремныхъ замкахъ въ соединеніи съ прочими преступниками. На мѣста водворенія ихъ переправляли также на правахъ пересыльныхъ арестантовъ: подъ багажъ 12

человѣкъ полагалась одна одноконная подвода, подъ слабыхъ и дряхлыхъ одна на двухъ, одна же для пяти малолѣтковъ и по одной подводѣ для двухъ женщинъ съ грудными дѣтьми. Пришли они, большею частью, безъ семействъ, оставшихся на родинѣ въ разсчетѣ, что высылка ихъ—только временная мѣра наказанія. Не смотря на всѣ внушенія начальствъ, они сначала ни подъ какимъ видомъ не хотѣли выписывать своихъ семей, говоря, что не желаютъ подвергать ихъ тому же неизвѣстному будущему, какому они сами подвергнуты. У всѣхъ твердо укрѣплена была вѣра, что со временемъ возвратятся на родину и трудиться считали здѣсь лишнимъ. Когда ослабѣла подобная вѣра и исчезла надежда, они стали выписывать семьи; болѣе другихъ упорные и залѣнившіеся высланы въ Восточную Сибирь. Однако, на мѣстахъ они получили категорическое заявленіе о томъ, что приведены сюда для водворенія на казенныхъ земляхъ и для занятій земледѣліемъ, что они зачислены въ сословіе государственныхъ крестьянъ, что имъ не только воспрещена приписка къ городскимъ состояніямъ и житье въ городахъ, но даже отлучки далѣе черты той волости, въ которой водворены. Все это внушало имъ земское начальство съ предвареніемъ, что нерадивые и пренебрегающіе земледѣліемъ будутъ безъ всякаго послабленія подвергаться наказаніямъ, какъ-то назначеніямъ въ общественныя работы, арестамъ, тѣлесному наказанію и, наконецъ, удаленію изъ обществъ для неисправимыхъ въ отдаленныя мѣста Сибири. Для того, чтобы водворенцы не имѣли возможности распространять здѣсь какія либо вредныя идеи и затѣвать опасные замыслы, надъ ними установленъ надзоръ. Насколько послѣдній затруднителенъ и мало ведетъ къ цѣли, мы уже имѣли случай объяснить выше по поводу сосланныхъ на поселеніе. На сколько затруднительна система принудительнаго земледѣльческаго труда доказываютъ сами водворенцы стремленіями своими въ ту среду городской жизни, гдѣ не безъ точнаго основанія мелькаютъ для нихъ надежды на вѣрное и практическое примѣненіе ихъ ремесленныхъ и научныхъ знаній. Въ городахъ — наибольшая сумма врачующихъ средствъ противъ той болѣзни, которую на этотъ разъ предположено лечить ссылкою и водвореніемъ, но которую то и другое еще болѣе раздражаетъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ высланныхъ водворенцевъ въ Тобольской губерніи поселены въ семи многоземельныхъ волостахъ Ишимскаго округа, въ Тарскомъ, какъ не представляющемъ также особенныхъ неудобствъ, въ Омскомъ и Тобольскомъ; въ послѣднемъ на тѣхъ немногихъ удобныхъ земляхъ, которыя остались свободными.

Теперь опытъ указалъ на подобныя неудобства и они мало по малу устраняются.

Къ числу благотворныхъ мѣропріятій, каковыя привелось испытать новѣйшей системѣ политической ссылки, должно отнести, прежде всего, многочисленные случаи прощенія, имѣвшаго послѣдствіемъ значительную сумму облегченій и не остановившагося передъ дарованіемъ полной свободы тамъ, гдѣ это имѣло возможность.

Прежде, всего освобождены всѣ тѣ молодые люди, не достигшіе 20-лѣтняго возраста, для которыхъ облегченіе участи нашло оправданіе въ уступкахъ неопытной молодости, склонной къ увлеченіямъ, но далекой отъ закоренѣлой и опасной преступности. Во вторыхъ, получили свободу всѣ иностранные подданные, замѣшавшіеся въ мятежѣ, всѣ эти искатели приключеній, большею частью люди безъ крова и опредѣленныхъ профессій, ненужные и безполезные въ ссылкѣ; за исключеніемъ тѣхъ, которые успѣли закрѣпить связи, въ одно время, посредствомъ браковъ и при обезпеченіи себя какимъ либо ремесломъ и занятіемъ. Таковыхъ примѣтное число осталось, по доброй ихъ волѣ, въ Сибири. Болѣе двухъ тысячъ иностранцевъ (считая въ томъ числѣ по тяжкой преступности попавшихъ въ Сибирь) освободили Россію, возвратясь на попеченіе своихъ правительствъ.

Все число приговоренныхъ къ каторжной работѣ, начиная съ 1866 года, постоянно ослабѣвало черезъ уменьшеніе сроковъ, которыми облегчалась участь ихъ сначала на половину, потомъ на ⅓ до значительно ускореннаго права выхода на поселеніе. Тѣ же неоднократныя распоряженія, и въ то же время, сокращали сроки для приговоренныхъ на поселеніе къ выходу ихъ на житье и къ поступленію въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Для другихъ категорій, сосланныхъ съ меньшею виновностью, льготныя послабленія простирались до дозволеній приписки къ городамъ изъ селеній, къ выѣзду изъ Сибири въ Россію и, наконецъ, къ праву житья въ царствѣ Польскомъ. Изъ таковыхъ ссыльныхъ въ Сибирь или отдаленные города Россіи около двухъ тысячъ получило свободу изъ арестантскихъ ротъ и до пяти тысячъ изъ сосланныхъ административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи. Въ послѣднемъ случаѣ можно разсчитывать еще на большія льготы и ожидать новыхъ прощеній, когда кончитъ свои работы особая коммиссія для лицъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ, о назначеніи которой было своевременно сообщено въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

ГЛАВА IV.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Древніе способы исканія правды.—Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ.—В. Н. Романовъ и его страданія.—Матвѣевъ.—Распопъ Лазарь.—Растрига Ѳедосъ (Ѳеодосій Яновскій).—Ссыльный колоколъ. — Тюрьмы для великоважныхъ преступниковъ. — Остроги. — Монастырскія каюты. — Ссылка во время междуцарствія, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. — Ссылка малороссовъ.—Гетманы.—Гвинтовка. — Многогрѣшный. — Самойловичъ.—Сѣрко.—Войнаровскій.—Желѣзнякъ.—Діятьевъ.—Самозванцы 17 и 18 столѣтій.—Громадная ссылка стрѣльцевъ.—Враги Петра I. — Сообщники Талицкаго, царевича Алексѣя.—Ссылка при наслѣдникахъ Петра.—Враги Ѳеофана Прокоповича въ ссылкѣ.—Бироновщина.—Слово и дѣло.—Радищевъ.—Уральскій казакъ пугачевецъ Марушка.—Слово и дѣло въ Сибири и на каторгѣ.—Старецъ Никонъ.—Каурый.—Тверской крестьянинъ Ермолаевъ.—Ссыльный Артамоновъ.—Грузинскіе дворяне.—Семеновцы.—Экспедиторъ Степановъ.—Коцебу.—Измѣнникъ отечеству.

Древняя Русь, для удовлетворенія законовъ справедливости, считала неизбѣжнымъ: разбойниковъ и татей бить кнутомъ, а пущихъ заводчиковъ поднимать на висѣлицы по одному человѣку въ городѣ; зажигателей также вѣшала; дѣлателямъ фальшивой монеты отсѣкала обѣ ноги и лѣвую руку; женъ, за убійство мужей, закапывала живыми въ землю; бунтовщиковъ въ страхъ прочимъ вѣшала на плотахъ и спускала внизъ по рѣкѣ. Отступниковъ отъ вѣры, религіозныхъ мыслителей, заурядъ съ колдунами, ставили въ деревянные срубы и сожигали живьемъ. Государственныхъ преступниковъ колесовали, четвертовали или клали ихъ буйны головы на плахи липовыя (по словамъ пѣсенъ), „отрубали буйны головы по могутныя плечи, или брали лопаты желѣзныя, копали двѣ ямы глубокія, становили два столба дубовыхъ, забивали два крюка желѣзныхъ, клали жердочку кленовую, накладывали двѣ петелки шелковыя; выводили добра-молодца, очи ясныя черной тафтой ему завѣшивали, рѣзвы ноженки въ тяжелыя желѣзы заковывали“ и проч. *). Въ большинствѣ же случаевъ къ нимъ примѣняли ссылку въ самыя глухія и скудныя мѣста, въ разсчетѣ на медленныя муки нравственной тоски и одиночнаго заключенія и на вѣроятіе мучительной смерти отъ голода. „Здѣсь копали погребы глубокіе,—по словамъ народныхъ пѣсенъ:—задергивали рѣшетками желѣзными, желтымъ пескомъ призасыпывали, сѣрымъ хрящемъ-каменемъ призаваливали“. Досиживались же въ земляныхъ тюрьмахъ до того, что проростали тѣльные кресты во бѣлы груди.

Такими путями гонялись за правдою и полагали ее удовлетворенною во все время, пока неизвѣстна была Сибирь и мѣстами ссылки и заточеній могли служить сѣверные монастыри и пограничные остроги, но къ мѣрамъ короткой расправы прибѣгалъ еще и тотъ московскій царь, который впервые сталъ титуловаться сибирскимъ. Потухающими глазами одряхлѣвшаго старика, измучившій всѣхъ и самого себя до острой и смертельной болѣзни, взглянулъ Иванъ Грозный на соболей, привезенныхъ атаманомъ Кольцомъ отъ Ермака; успѣлъ выговорить казнь завоевателямъ цѣлаго татарскаго царства за разбои и грабежи на Волгѣ, за своеволія на Камѣ, но за приращеніе московской земли новымъ громаднымъ косякомъ плодородныхъ земель на Иртышѣ и Тоболѣ усталый и изнеможенный царь послалъ Ермаку съ своихъ надломленныхъ плечъ бархатную шубу и охотливо выговорилъ прощеніе на этотъ разъ,—во всю жизнь не терпя никакихъ своеволій. Затѣмъ, едва успѣлъ онъ послать въ Сибирь своихъ воеводъ, годъ одинъ повеличался въ московскихъ соборахъ сибирскимъ царемъ, въ началѣ марта 1584 года, тяжело занемогъ и, едва успѣвъ уже полумертвымъ постричься въ монахи, скончался. Сыну его досталась готовою страна во всѣхъ соблазнахъ

---

*) Во время пребыванія нашего въ Архангельскѣ, мы имѣли случай найти свидѣтельство о слѣдующемъ образчикѣ стариннаго судопроизводства и наказаній. Елисѣевъ, солдатъ гайдукскаго полка, пущенный на ночь сосѣдомъ своимъ и сослуживцемъ Костогоровымъ, ночью ножемъ кололъ хозяина и то же сдѣлалъ съ его женою, прибѣжавшею на помощь. Оправдывалъ себя тѣмъ, что будто бы жена Костогорова изурочила сына его, 13-ти-недѣльнаго младенца; сверхъ того, надѣялся найти деньги, а самого хозяина не застать дома. Убоясь криковъ израненнаго Костогорова: «Царевъ (т. е. караулъ), что ты вздумалъ, за что рѣжешь»?—Елисѣевъ засунулъ раненному руку въ ротъ, а когда тотъ выхватилъ у него изъ рукъ ножъ, выскочилъ въ окно и побѣжалъ въ городъ, а Костогоровы «рѣзанные отъ него остались еще живы». Убійца былъ пойманъ въ одной рубашкѣ, окровавленный, безъ сапогъ. За это произвели пытку (дали 42 удара кнутомъ), да 12 стрясокъ и семикратно жженъ каленными клещами и обливанъ водою горячею, ставленъ въ пристѣнокъ и, наконецъ, по царскому Петрову указу 28 окт. 1712 г., четвертованъ, т. е. попеременно отрублены руки, ноги и наконецъ, голова. Вины его всенародно читаны и былъ прибитъ къ столбу листъ.

нительныхъ условіяхъ лучшаго ссыльнаго мѣста въ цѣломъ свѣтѣ: въ 1592 г. основанъ одинъ изъ первыхъ сибирскихъ остроговъ Пелымъ и для заселенія его употреблены огуломъ первые ссыльные люди за государскія вины—угличане, сосланные по дѣлу царевича Димитрія. Черезъ десять лѣтъ въ городкѣ этомъ сидѣлъ уже новый сибирскій ссыльный—В. Н. Романовъ, сосланный за государственное преступленіе „за намѣреніе отравить ядомъ царя Бориса". Съ тѣхъ поръ возмездіе за государственныя преступленія стало считаться удовлетвореннымъ съ удаленіемъ виновныхъ людей въ самыя глухія мѣста Сибири въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ. Оставляя преступниковъ за приставами въ тяжелыхъ желѣзахъ, возмездіе находило предѣлъ собственному успокоенію въ лишеніи ссыльныхъ общенія съ людьми, облегченнаго урѣзываньемъ языковъ. Виновные стали получать патенты на ссыльное право съ вырѣзанными ноздрями, ушами и при иныхъ способахъ искалѣченія. Справедливость считалась отысканною и месть удовлетворенною, если ссылка умѣла подвергнутыхъ ей измучить до голодной смерти. Ограниченная дача пищи продолжала входить сюда, какъ непремѣнная принадлежность ссылки, на томъ же основаніи, какъ обязательно было до сихъ поръ это голодное право для всѣхъ, подвергавшихся монастырскому и острожному заточенію еще до предѣловъ Уральскаго хребта.

Молодой юноша Василій Никитичъ Романовъ, сосланный въ 1607 году по доносу холопа, къ утѣшенію тосковавшихъ „объ московскомъ винѣ и табакѣ" приставовъ, истаялъ отъ голоду въ одинъ годъ и умеръ въ душной землянкѣ въ оковахъ, не смотря на то, что—по преданію—пелымскіе жители выучили дѣтей своихъ, играя возлѣ тюрьмы, носить узнику въ дудочкахъ квасъ, молоко и подобные припасы. Приставъ поступалъ съ нимъ круто: держалъ скованнымъ въ избѣ, мимо которой прохожей дороги не было. Василій былъ боленъ все время, чуть живой на цѣпи, ноги опухли. „Я цѣпь снялъ (пишетъ приставъ). Сидѣлъ у него братъ Иванъ и дѣтина (слуга) Сенька. И я ходилъ и попа пускалъ". Когда умеръ, похоронилъ, далъ по немъ тремъ попамъ да дьячку да пономарю 20 рублей. Иванъ боленъ старою болѣзнью, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ (Ивана Никитича перевели потомъ въ Уфу и поверстали на службу въ Нижній). Старшій братъ его, любимецъ московскаго народа, посаженный въ земляную тюрьму въ селѣ Ныробѣ (въ 70 верстахъ отъ г. Чердыня Пермской губерніи), не прожилъ въ заточеніи и одного года, не смотря на то, что владѣлъ громадною физическою силою, о которой слава ушла въ преданіе, обладалъ высокимъ ростомъ и весьма плотнымъ тѣлосложеніемъ. Пока копали яму для тюрьмы и ссыльный стоялъ у саней, на которыхъ привезли его (говоритъ народное преданіе) и когда завалило его снѣгомъ, М. Н. Романовъ схватилъ обѣими руками сани и отбросилъ ихъ шаговъ на десять въ сторону, а сани едва трогали съ мѣста пять человѣкъ. До сихъ поръ въ Ныробской церкви показываютъ однихъ желѣзъ его на два пуда вѣсомъ: такъ называемый стулъ или плечныя желѣза въ 39 фун., ручныя желѣза въ 12 фун., кандалы или ножныя въ 19 и замокъ въ 10 фунтовъ. Когда крестьяне попробовали подсобить ему своими скудными съѣстными припасами, приставъ не замедлилъ шесть человѣкъ отослать въ Москву за крѣпкимъ карауломъ; при царѣ Шуйскомъ изъ нихъ вернулись домой только двое, остальные, послѣ жестокихъ пытокъ, умерли въ московскомъ заточеніи.

„Не постыдился бы я (пишетъ позднѣйшій заключенникъ вблизи устьевъ Печоры въ Пустозерскѣ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ), не постыдился бы я—свидѣтель мнѣ Господь Богъ—именемъ Его ходить и просить милостыню, да никто не подастъ и не можетъ подать ради нужды. Жители гладомъ таютъ и умираютъ. Избенка дана мнѣ, а другая червю моему сынишку, ей-ей!—обѣ безъ печи и во всю зиму рукъ и ногъ не отогрѣли, а иные дни мало что не замерзнемъ, а отъ угару безпрестанно умирали. А въ подклѣтишкѣ запасенко мой и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои да караульщики стерегутъ меня, чтобы не убѣжалъ. Таемъ гладомъ, а хлѣбъ привезли: мука, что отруби, и той не продаютъ". Сынъ страдальца, подкрѣпляя слова отца, свидѣтельствуетъ, что бывали времена, когда у нихъ оставалось только три сухаря; приставъ (Тухачевскій) удѣлилъ имъ изъ своего запаса половину, самъ получая всего шесть пудовъ ржаной муки и тѣмъ спасъ ихъ отъ смерти.

„А хлѣба даютъ намъ по полутору фунту на сутки (пишетъ въ посланіи царю Алексѣю другой пустозерскій заточникъ, товарищъ Аввакума, распопъ Лазарь), да квасу нужное даютъ. Ей ей, и псомъ больши сего пометаютъ, а соли не даютъ, а одежишки нѣтъ же, ходимъ срамно и наго". Впрочемъ, четыре товарища по ссылкѣ за государственныя и религіозныя преступленія отъ голодной смерти избѣгли смертью въ срубѣ и огнѣ, уже въ царствованіе Алексѣева сына—Ѳеодора.

„Мучаемъ животъ свой (пишетъ В. В. Голицынъ, любимецъ Софіи, изъ ссылки съ Пинеги) и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. И померетъ будетъ намъ томкою и голодною смертью".

Уходя изъ XVII въ начало прошлаго столѣтія, мы видимъ, что на той же окраинѣ (на устьяхъ Двины въ Никольскомъ Корельскомъ монастырѣ) надъ однимъ ссыльнымъ (пригорал-

скимъ архіепископомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ), разыгрывается продолженіе древней русской драмы, оканчивавшейся въ послѣднемъ актѣ тою же голодною смертью. Этому сопернику и врагу Ѳеофана Прокоповича, сосланному за дерзость противъ Екатерины I и за бранныя слова на дворцовый караулъ, удалось прожить въ заточеніи всего 7 мѣсяцевъ и 11 дней. Получалъ онъ только хлѣбъ и воду. Архангельскій губернаторъ (Измайловъ), навѣстившій „растригу Ѳедоса“ черезъ нѣсколько времени, отписывалъ въ Петербургъ, что онъ еще живъ. Ему отвѣчали: „Когда придетъ крайняя нужда къ смерти чернецу Ѳедосу“, губернатору отпереть и распечатать двери, духовнику причастить тутъ же въ тюремной кельѣ, двери которой послѣ того „по прежнему запереть и запечатать ему, губернатору, своею печатью и приказать хранить на крѣпко“, а придетъ смерть, похоронить въ томъ же монастырѣ. Когда велѣно было перевести его изъ-подъ церкви въ новую тюрьму и послѣдняя была готова, Ѳедосъ уже не имѣлъ силы перейти въ нее, его перенесли на рукахъ. Старецъ успѣлъ проговорить на переносѣ: „Ни я чернецъ, ни я мертвецъ, гдѣ судъ и милость“? Губернаторъ сказалъ ему „съ сердцемъ, дабы онъ лишняго не говорилъ, а просилъ бы у Бога душѣ своей милости“. Измайловъ спросилъ: не желаетъ ли онъ духовника? „И на тотъ вопросъ ничего онъ, Ѳедосъ, не сказалъ и глазъ своихъ, какъ они у него закрыты были камилавкою, не открылъ“. Съ тѣмъ губернаторъ и уѣхалъ. 3-го февраля получилъ онъ отъ фендрика рапортъ, что „оный Ѳедосъ, по многому клику для подания пищи, отвѣту не отдаетъ и пищи не принимаетъ“. Велѣно фендрику „еще покричать въ окно, какъ возможно громко, и ежели по многому крику отвѣту онъ не дастъ, то на другой день тюрьму, распечатавъ, отпереть и его, Ѳедоса, осмотрѣть“. Фендрикъ покричалъ, отперъ тюрьму, осмотрѣлъ и 5-го февраля съ нарочнымъ солдатомъ прислалъ губернатору объявленіе, что „оный Ѳедосъ умеръ“. Не удалось примѣнить первое столичное предписаніе (предусмотрѣть близость смерти и причастить узника), попробовали исполнить второе: похоронили тѣло при деревянной больничной церкви, гдѣ хоронятъ монаховъ; но петербургская тайная канцелярія этимъ не удовольствовалась! Велѣно „учинить анатомію, изъ Ѳедосова тѣла внутренности вынуть“, а если искусныхъ людей не обрѣтается (въ Архангельскѣ), то, „положа тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ Петербургъ на почтовыхъ лошадяхъ отъ гвардіи съ урядникомъ и съ двумя солдатами съ подтвержденіемъ, яко бы ѣдутъ съ нѣкоторыми вещьми“. Указъ о томъ послѣдовалъ 20-го февраля; 2-го марта писано: „мертвое тѣло не возить“, но было поздно. Кабинетскій курьеръ встрѣтилъ тѣло Ѳедоса въ 60 верстахъ отъ Каргополя, осмотрѣлъ его въ деревнѣ тайно, „не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ, и того не явилось“. 12-го марта 1726 г. тѣло похоронено въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ, новый вѣкъ выступалъ только съ тѣмъ новымъ прогрессомъ, что перестали ссылать колокола *) и земляныя тюрьмы стали смѣняться надземными. Въ ныробской каменной часовнѣ, подлѣ иконостаса, показываютъ въ каменномъ полу четыреугольное отверстіе, служившее окномъ для свѣта и мѣстомъ, черезъ которое подавали узнику Романову пищу. На лѣво отъ входа въ часовню по спуску, устроенному позднѣе, и по каменнымъ ступенямъ вводятъ въ яму вышиною въ 2½ аршина. И теперь въ подземельѣ такъ мало свѣта, что глазъ съ трудомъ успѣваетъ разглядѣть мокрыя и мрачныя стѣны, выведенныя сводомъ въ одинъ кирпичъ, на фундаментѣ изъ дикаго камня, и на лѣво чуть примѣтные остатки печи. Печь эту сложили—поясняетъ преданіе—вскорѣ, какъ привезли узника, когда морозы стали крѣпнуть. Народъ чтитъ желѣзныя оковы за святыя и надъ землянкою мученика выстроилъ каменную часовню, на мѣсто деревянной и древней, въ 1793 году, по указу Екатерины II. Въ теплой церкви, на мѣстѣ сгорѣвшей вмѣстѣ съ деревянною гробницею, хранится сдѣланная по образцу старой новая гробница. Уже для Аввакума съ товарищами, при благодушномъ царѣ Алексѣѣ, велѣно было рубить лѣсъ на Ижмѣ и сплавлять внизъ по Печорѣ въ Пустозерскъ; тамъ срубили четыре избы, пригодныя для человѣческаго жилья (судя по прописаннымъ въ указѣ размѣрамъ). Однако, и послѣ Петра, при заточеніи Ѳеодосіи Яновскаго, еще хлопотали Борисовымъ обычаемъ о томъ, чтобы и надзем-

*) До 3 іюня 1892 г. въ тобольскомъ кремлѣ, подлѣ архіерейскаго дома, въ особенномъ, огороженномъ мѣстѣ, висѣлъ ссыльный угличскій колоколъ, въ который били въ набатъ послѣ убіенія царевича Димитрія. Ссыльный колоколъ висѣлъ въ товариществѣ другихъ четырехъ, подобранныхъ подъ тонъ, но отличался отъ нихъ урѣзанными (отломанными) ушами, хотя съ цѣлымъ языкомъ, за то съ обгрызанными краями. Уши его надломлены и края обиты,—по русскому народному преданію:—въ наказаніе за преступленіе: билъ въ набатъ, звукъ давалъ, народъ собиралъ, народъ возмутился и злодѣйство учинилъ—кровь пролилъ въ самосудѣ. На колоколѣ надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку во градъ Тобольскъ, въ церковь Всемилостиваго Спаса, что на Торгу (теперь на Яру, на берегу Иртыша), а потомъ на Софійской (соборной) колокольнѣ былъ часобитный». На вопросъ нашъ встрѣчныхъ туземцевъ: за что колоколъ сосланъ?—мы получили въ отвѣтъ: «Пожаръ гдѣ-то былъ, такъ гулку онъ не давалъ, за то и сослали». Теперь колоколъ возвращенъ въ Угличъ и помѣщенъ въ музеѣ.

ная тюрьма походила на подземную. Борисъ выдерживалъ Филарета Никитича Романова въ Антоніевъ-Сійскомъ монастырѣ въ подцерковной кельѣ въ 2½ аршина длины и 1½ аршина ширины. Посланный при Екатеринѣ I ревизоръ изъ Петербурга нашелъ, что у Ѳедосовой кельи окно велико. Ревизоръ этотъ велѣлъ окошко закласть кирпичемъ, такъ что новое имѣло ¼ аршина въ вышину и ½ аршина въ ширину. Мостъ (т. е. половицы) изъ той кельи былъ выбранъ, узникъ покинутъ на сыромъ и холодномъ полу. Платья при немъ оставлено только что на немъ да постель; денегъ ему ничего не дано. Пріобщать его заказано разъ въ годъ въ Великій постъ, не въ церкви, а въ темницѣ. Въ темницѣ сидѣлъ онъ „за треми дверьми и замками и за печатьми и у послѣднихъ дверей поставленъ караулъ—одинъ часовой изъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ съ ружьемъ". Показалось, что и тутъ близко люди ходятъ, велѣли поискать такое мѣсто, чтобы не ходили мимо люди и тутъ построить другую тюрьму, гдѣ сдѣлать печи и наслать деревянный полъ, и печь топить съ надворья „и устье печное чтобъ близъ караула было".

Въ этомъ же вѣкѣ, и именно въ началѣ его (въ 1724 году), въ Березовѣ былъ выстроенъ изъ зданія Воскресенскаго монастыря острогъ, спеціально предназначенный для государственныхъ преступниковъ: въ 1727 году вошелъ въ него А. Д. Меньшиковъ съ семействомъ, а тотчасъ по выходѣ его и слѣдомъ за нимъ (въ 1730 году) князья Долгорукіе, потомъ въ 1743 г. графъ Остерманъ. Послѣ него острогъ былъ заброшенъ и снесенъ на другое мѣсто подъ присутственныя мѣста; вмѣсто Березова полюбилась Камчатка. Уже Петръ не придерживался окраинъ Западной Сибири и, радѣя о портахъ приморскихъ, сдѣлавшій изъ Рогервика (Балтійскаго-Порта) и Петербурга каторжныя мѣста посылалъ государственныхъ преступниковъ въ Охотскій портъ.

До Петра тюрьмами для государственныхъ лиходѣевъ служили еще остроги и острожки, одинъ за другимъ, какъ грибы, выроставшіе въ лѣстныхъ мѣстностяхъ дикой и новой Сибири. Въ остороги эти явились государственные преступники въ числѣ первыхъ обновлять тюрьмы и исправлять новоселье. Въ 1666 г. основанъ былъ за Байкаломъ Селенгинскій острогъ и, пока укрѣпляли его дубовымъ частоколомъ, пока внутри ограды успѣли построить церковь и деревянныя избы съ застѣнками—по московскимъ образцамъ—для пытокъ простыхъ ссыльныхъ, поспѣшили срубить и избу съ „темными каютами" для великоважныхъ преступниковъ. Въ селенгинской секретной избѣ въ 1673 г. сидѣлъ уже малороссійскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. Около 1630 года отстроенъ былъ Кузнецкій острогъ и долго подвергался опасностямъ отъ нападеній татаръ и киргизъ, но лишь смирились послѣдніе и стало безопасно, въ Кузнецкій острогъ привезли нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовку, и т. д. Въ началѣ XVII вѣка такихъ остроговъ въ Сибири было уже много: на „великой рѣкѣ Ленѣ" стоялъ острогъ Якутскій; въ дальнихъ Даурахъ—Нерчинскій и Селенгинскій и даже „на великой рѣкѣ Амурѣ"—Албазинскій, гдѣ пѣлъ первый молебенъ государственный ссыльный—протопопъ Аввакумъ Петровичъ. Сверхъ того, такія же сырыя и темныя тюрьмы стояли готовыми и въ монастыряхъ туруханскомъ (Троицкомъ), киренскомъ (Троицкомъ), иркутскомъ (Вознесенскомъ), селенгинскомъ (Троицкомъ, близь Байкала), нерчинскомъ (Успенскомъ) и даже въ якутскомъ (Спасскомъ). Для женщинъ выстроены были особыя тюрьмы съ желѣзными рѣшетками въ монастыряхъ женскихъ Богородицкихъ (тобольскомъ и енисейскомъ Рождественскихъ, далматовскомъ Успенскомъ и иркутскомъ Знаменскомъ).

Семнадцатый вѣкъ, кончившійся вспышками неудовольствій по поводу присоединенія Малороссіи, распрями съ раскольниками, нашедшими опору въ своевольныхъ стрѣльцахъ, передалъ новому вѣку много нерѣшенныхъ споровъ государственной важности. Восемнадцатый вѣкъ, къ тому же, начинался для Россіи громадною ломкою всего стараго отечественнаго и народнаго, распадавшагося подъ ударами тяжелой руки, направляемой и воспособляемой иноземцами. Сильно хлынувшая волна схватывала отсталыхъ и, изуродовавъ ихъ тѣла, выкидывала на пустынныхъ далекихъ берегахъ Сибири. Въ числѣ отсталыхъ и погибшихъ первыми и на большую часть оказались лица духовнаго званія, но больше монаховъ, чѣмъ людей изъ бѣлаго духовенства. Второй напоръ волнъ потопилъ людей, стоявшихъ во главѣ правленія и руководившихъ судьбами обновляемаго государства, потопилъ ихъ во время споровъ за престолонаслѣдіе и во время борьбы съ нѣмцами. Волна была неразборчива: съ равнымъ хладнокровіемъ хватала она противниковъ новизны, потащила слѣдомъ за ними и заводчиковъ новыхъ порядковъ. За ними, впослѣдствіи, понесла волна и мелкихъ людей, горожанъ и сельчанъ, людей слободскихъ и черносошныхъ, купцовъ и крестьянъ, злоупотребившихъ государевымъ „словомъ и дѣломъ", т. е. объявившихъ ихъ за собою и не доказавшихъ одного изъ слѣдующихъ къ тому пунктовъ. Восемнадцатый вѣкъ можно назвать исключительно такимъ, когда за государственныя преступленія ссылались, преимущественно, люди русскаго происхожденія и ссылались въ такомъ множествѣ, подобное которому можно найти только въ Испаніи и во Франціи. Въ отмѣну отъ текущаго прошедшій вѣкъ въ частностяхъ представляетъ еще ту особенность, что наибольшее количество нѣмцевъ сослано въ

Сибирь въ тѣ времена опредѣленной и энергической борьбы съ ними. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ нѣмцы въ ссылкѣ—поразительная рѣдкость, и нашъ вѣкъ, по роду государственныхъ преступленій, объявилъ перевѣсъ ссыльныхъ поляковъ надъ всѣми національностями, входящими въ составъ разноплеменнаго русскаго царства. Семнадцатый вѣкъ былъ безразличенъ.

Слѣдомъ за угличанами и Романовыми—ссыльными Бориса Годунова, въ молодую страну изгнанія и пущихъ страданій стали прибывать тѣ, которыхъ милости царевы избавляли отъ смертной казни. Борисъ прислалъ Богдана Бѣльскаго, предварительно выщипавъ ему по волоску густую длинную бороду. Съ главными заводчиками все-таки продолжали еще разсчитываться въ Россіи. Волотникова съ атаманомъ Нагибою Шуйскій утопилъ въ Каргополѣ; лже-Петра повѣсили; Заруцкаго посадили на колъ въ Москвѣ; Марина умерла въ тюрьмѣ, но сына Марины повѣсили; Шаховского, „всей крови заводчика“, заточили на Кубенскомъ озерѣ въ пустынѣ. Если Дмитрій Самозванецъ и вызвалъ изъ ссылки всѣхъ Романовыхъ, тѣла умершихъ въ Сибири перевезъ въ Москву и съ почестями похоронилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, то онъ же отправилъ въ Сибирь изъ Галича дядю Отрепьева, гласно объявлявшаго о настоящемъ происхожденіи царя; дворянина Петра Тургенева и калачника Өедора, толковавшихъ народу, что царь—обманщикъ и орудіе сатаны, Дмитрій казнилъ въ Москвѣ на той же площади, гдѣ они все это разсказывали. Казнили и дьяка Осипа Тимоөеева, дерзнувшаго уличить царя съ очей на очи.

При царѣ Михаилѣ отправили въ Сибирь изъ Казани воеводу Никанора Шульгина, внушавшаго войску, что не надо признавать новаго царя, такъ какъ онъ избранъ безъ совѣта съ Казанскимъ царствомъ. Сослали Салтыковыхъ за то, что государевой радости (женитьбѣ) причинили помѣху измѣною, когда царь хотѣлъ жениться на Марьѣ Хлоповой и она занемогла, и не смотря на то, что дядя невѣсты Гаврила приписывалъ болѣзнь племянницы неумѣренному употребленію сладкихъ яствъ на радостяхъ. Въ 1634 году услали въ Сибирь остальцевъ отъ казненныхъ смоленскихъ воеводъ, позволившихъ въ городѣ укрѣпиться полякамъ и говорившихъ о смерти Филарета Никитича много непригожихъ воровскихъ словъ, „чего и написать нельзя“: Семена Прозоровскаго и Михайлу Бѣльскаго безъ женъ и дѣтей. Одного сына Измайлова (Василья) простили, другого били кнутомъ и сослали въ сибирскую тюрьму за то, что, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ съ литовскими людьми, съѣзжался и говорилъ многія непригожія слова и литовскихъ людей дарилъ. За то же самое и туда же пошли Гаврила Вакинъ и Любимъ Ананьевъ (послѣдній жилъ во дворѣ у Шеина [illegible] нахъ и подслушивался и ссорилъ воеводу). Въ концѣ царствованія Михаила появленіе двухъ новыхъ претендентовъ, оспаривавшихъ у царя московскій престолъ, вызвало толпу довѣрчивыхъ людей, изъ которыхъ часть поплатилась за свою простоту ссылкою въ Сибирь, хотя и на этотъ разъ съ главными заводчиками успѣли раздѣлаться домашними средствами—казнею и Сибири имъ не судили. При сынѣ Михаила, Алексѣѣ, злое дѣло противъ государя обрекало на смертную казнь уже по прямому смыслу законовъ, собранныхъ въ Уложеніи. Самъ царь принялъ на себя право судебнаго приговора и въ томъ случаѣ, когда „кто учнетъ извѣщати великое гусударево дѣло, а свидѣтелей никого не поставитъ и ничѣмъ не уличитъ и сыскивати будетъ нечѣмъ“, и въ томъ случаѣ, когда „кто свѣдаетъ или услышитъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ“. Обо всѣхъ такихъ велѣно извѣщать государя, или его бояръ или ближнихъ людей, а въ городахъ воеводъ и приказныхъ людей. Разбойнику только, да вору, да татю (которые скажутъ за собою государево дѣло) не вѣрить и пытать за татьбу, а послѣ пытки уже разспрашивать.

При царѣ Алексѣѣ сибирскіе остроги, слѣдомъ за гилевщиками (ходившими къ царю въ Коломенское смутою и толпою съ жалобою на упадокъ мѣдныхъ денегъ), увидѣли новыхъ довѣрчивыхъ людей, повѣрившихъ новымъ самозванцамъ: Стенькѣ Разину на Волгѣ и самозванцу царевичу Симеону Алексѣевичу въ Запорожьѣ. Анкудинова (Тимошку), выдававшаго себя за сына Василія Шуйскаго въ Швеціи и не успѣвшаго найти сообщниковъ въ Россіи, четвертовали въ Москвѣ, но товарищей донского казака Өедьки Шелудяка сослали въ Сибирь. Сибирскіе остроги въ это царствованіе начали мало по малу пріобрѣтать значеніе государственныхъ тюремъ и въ концѣ царствованія этого государя обладали большимъ запасомъ политическихъ ссыльныхъ. На послѣднее обстоятельство въ значительной степени повліяло присоединеніе Малороссіи и тѣ замѣшательства, какими сопровождались непривычныя и не опредѣлившіяся отношенія добровольно п[illegible] соединившагося края по смерти Богдана Хмѣльницкаго. Въ 1671 году малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго за то, что писалъ хульныя рѣчи на государя и государство и обѣщалъ отдаться турецкому султану и служить ему, привезли въ Москву съ сообщниками: протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ, Грибовичемъ и есауломъ Гвинтовкою. Бояре присудили имъ смертную казнь, привезли на Болото за кузницами, положили головы на плаху, но царь прислалъ гонца: пожаловалъ по упрошенію дѣтей своихъ, велѣлъ Демку да

Ваську (брата его), Грибовича и Гвинтовку сослать въ дальніе сибирскіе города на вѣчное житье. На другой день велѣлъ дать имъ въ милостыню: старшему брату 5 рублей, младшему 10, Грибовичу и Гвинтовкѣ по пяти и отдать гетману всю его рухлядь. Бояре приговорили отпустить съ ними ихъ женъ и дѣтей; съ Демьяномъ отправились жена его Настасья, сыновья Петръ и Иванъ, дочь Елена, племянникъ Михайло Зиновьевъ и двѣ работницы. Съ Гвинтовкою жена и двое сыновей (Ефимъ и Өеодоръ). Въ Тобольскѣ указано ихъ держать за крѣпкимъ карауломъ скованными, но сибирскія крѣпости не сдержали Василья Грибовича, онъ изъ Сибири бѣжалъ, схоронился отъ ссылки въ Запорожьѣ, но усугубилъ тѣмъ муки неволи для товарищей. Велѣно было разослать ихъ по дальнимъ острогамъ въ пѣшую казачью службу и держать скованными въ тюрьмахъ: Демьяна Многогрѣшнаго съ женою и однимъ сыномъ— въ Якутскѣ (гдѣ онъ потомъ жилъ на свободѣ и оттуда, по просьбѣ, переведенъ въ Селенгинскій острогъ); брата гетмана, черниговскаго полковника—въ Красноярскій острогъ, нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовку съ семействомъ—въ Кузнецкій острогъ. Въ томъ же году и по тѣмъ же городамъ разосланы изъ боярскихъ дѣтей пять человѣкъ съ женами и дѣтьми, каковые всѣ, послѣ бѣгства Павла Грибовича, въ Туринскѣ разсажены были по тюрьмамъ, а когда изъ нихъ успѣли нѣкоторые также бѣжать, пойманныхъ бѣглецовъ велѣно бить кнутомъ въ Тобольскѣ и отослать въ дальніе сибирскіе города. Въ Якутскъ, на мѣсто Многогрѣшнаго, присланъ былъ въ ссылку другой малороссійскій гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ съ сыномъ Яковомъ, гдѣ оба и умерли (одинъ въ 1692, другой въ 1695 г.). Къ нимъ не допускали людей, не давали ни чернилъ, ни бумаги; невѣстка гетмана, урожденная Швейковская, заключена была въ енисейскомъ Рождественскомъ монастырѣ, но по смерти мужа возвращена на родину. Возвращенъ изъ Сибири и знаменитый запорожецъ Сѣрко, страшный Крыму, но показавшійся опаснымъ тѣмъ, что казаки хотѣли его выбрать на мѣсто Многогрѣшнаго. Впослѣдствіи въ Якутскій острогъ, послѣ разныхъ казачьихъ смутъ, присланы были: полковникъ Конюховскій, андрусовскій полковникъ Деценъ, кіевскій Семенъ Третьякъ, ирклеевскій Маляшъ, много казачьихъ головъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, войсковыхъ писарей и другихъ лицъ. При Петрѣ въ Енисейскій острогъ былъ посаженъ полковникъ Семенъ Палѣй, какъ измѣнникъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Карломъ XII и загубленный Мазепою *). Въ 1708 году онъ былъ возвращенъ изъ Сибири, но слѣдомъ за нимъ отправленъ былъ въ Якутскій острогъ племянникъ Мазепы Андрей Войнаровскій, расплатившійся этою ссылкою за бѣжавшаго за границу дядю.

Такимъ образомъ, передовыми выборными людьми отъ народа и его любимцами проторенъ былъ путь въ Сибирь изъ Малороссіи, начатый при царѣ Алексѣѣ, не заброшенный и при его трехъ преемникахъ до времени самаго меньшаго изъ его сыновей—Петра. Этими ссылками Великая Россія заявила свои владѣльческія права; въ нихъ Малая Россія получила первые уроки подданнической вѣрности и крупными жертвами искреннихъ и устойчивыхъ патріотовъ низведена была до того уровня, гдѣ ея права очтились въ зависимости и подчиненіи правамъ и стремленіямъ централизирующей Москвы. Сибирь, посреди этихъ разсчетовъ двухъ главныхъ и основныхъ племенъ своей территоріи, нашла для себя несомнѣнную выгоду въ томъ, что сторожевая казачья служба въ молодой странѣ выиграла пріобрѣтеніемъ людей опытныхъ и способныхъ, встала въ наилучшія условія боевой жизни. Черкасскіе люди, пріуроченные къ сибирской странѣ на вѣчно и принужденные слить интересы личной безопасности съ государственными выгодами страны, не помня зла, пособили кореннымъ сибирскимъ казакамъ отбить набѣги враждебныхъ инородческихъ племенъ. Тотъ же Демьянъ Многогрѣшный, на долю котораго выпала такая многострадальная жизнь и первые удары дальняго заточенія, съумѣлъ отстоять забайкальскія страны отъ набѣговъ самаго воинственнаго изъ сибирскихъ народовъ монгольскаго племени— бурятовъ. Подъ тѣмъ же Селенгинскомъ, гдѣ онъ нашелъ конецъ своимъ мученіямъ, до сихъ поръ сохраняется въ памяти народа гора **Убіенная**, названная такъ потому, что здѣсь на свиту посла Ө. А. Головина, ѣхавшаго въ 1689 году въ Нерчинскъ для переговоровъ съ китайцами, напали буряты, били его людей, тѣснили войска; самому послу грозили великою опас-

*) Въ 1708 г. при Петрѣ ушли въ Сибирь избавленные отъ висѣлицы сообщники Булавина (успѣвшаго застрѣлиться). Пострадали казаки; казачеству нанесенъ былъ сильный ударъ. Въ 1709 году разгромлена была Запорожская сѣчь и нѣкоторые изъ запорожцевъ примкнули къ составу служилыхъ людей сибирскихъ остроговъ. Въ Селенгинскѣ, въ старомъ городѣ, хранится подъ навѣсомъ деревянный крестъ съ выпуклымъ изображеніемъ Спасителя и съ надписью назади тропаря: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко» и проч. Внизу креста замѣчается надпись: «строилъ ятманъ (гетманъ) Діятьевъ (1690)», вѣроятно, одинъ изъ множества запорожскихъ казаковъ, поселенныхъ за Байкаломъ. Крестъ вырытъ въ песчаныхъ буграхъ стараго города, гдѣ былъ старинный острогъ и гдѣ теперь вѣтеръ насыпалъ высокіе бугры и заставилъ перенести городъ на новое мѣсто. Народное преданіе называетъ Діятьева знахаремъ, лечившимъ народъ отъ болѣзней; крестъ почитается чудотворнымъ.

мостью, но изъ селенгинской крѣпости вышелъ тамошній гарнизонъ подъ начальствомъ Многогрѣшнаго. Умѣлый гетманъ разбилъ бурятъ на голову; впослѣдствіи отразилъ набѣги монголовъ и табунгутскихъ сойотовъ и, исполняя такія дворянскія службы, успѣлъ сдѣлать то, что съ тѣхъ поръ бурята—мирные сосѣди русскаго города. За службу отца сына Сергѣя, родившагося уже въ Сибири, пожаловали въ сыны боярскіе. 180 человѣкъ запорожскихъ черкасъ, выселенныхъ при царѣ Михаилѣ на Лену за Киренскъ вмѣстѣ съ чугуевскими, курскими и воронежскими выходцами, положили основаніе Подкаменской волости, состоящей изъ 145 деревень, носящихъ старыя названія, завѣщанныя на память о родинѣ: Чугуевка, Гребенская и проч. Жители поражають всѣхъ наивною простотою, патріархальностью и теперь въ новомъ поколѣніи представляютъ смѣсь русскихъ, тунгусовъ и запорожцевъ. То же явленіе и на сибирской линіи, населенной 138 запорожцами, присланными за участье въ набѣгахъ Максима Желѣзняка съ Гонтою и Швачкою. Гонту поляки четверовали, Желѣзняка судила Россія: по наказаніи кнутомъ, его сослали въ Сибирь. За ними ушли всѣ тѣ, которые уцѣлѣли отъ ужаснаго польскаго суда въ Кондѣ, рубившаго руки и ноги, вѣшавшаго, четвертовавшаго и пускавшаго ползать по міру и внушать тѣмъ народу страхъ и повиновеніе.

На сколько малороссійскому казачьему элементу удавалось оживлять, освѣжать и усиливать старожилое сибирское казачество и, вмѣстѣ съ нимъ, служить всякія службы, на столько (если даже не больше) тому же старожилому населенію сибирскихъ остроговъ послужили новые выселенцы изъ Россіи—московскіе стрѣльцы въ тѣхъ остаткахъ, которые уцѣлѣли отъ многочисленныхъ казней и многообразныхъ разселеній по отдаленнымъ пунктамъ Россіи. При Алексѣѣ началось и при Екатеринѣ II, разрушившей сѣчь, на 138-ми запорожскихъ казакахъ въ 1775 году кончилось вліяніе малороссовъ, высылаемыхъ за государственныя преступленія; при Петрѣ Сибирь начала заручаться стрѣльцами и увидѣла ихъ въ такомъ множествѣ, подобнаго которому ни до того, ни послѣ Сибирь не видала. Петромъ же, положившимъ конецъ крамольному войску, кончена была и стрѣлецкая высылка, ознаменовавшаяся тѣмъ, что не стало безъ ссыльныхъ стрѣльцовъ ни одной крѣпости, ни одного острога, даже такихъ неудобныхъ и далекихъ, какъ Удскій, Анадырскій, Колымскій, Охотскій, Братскій, Илимскій, Балаганскій, Тункинскій. Стрѣльцами положено было основаніе первымъ изъ нихъ и на стрѣльцахъ въ прошломъ вѣкѣ завершились крупныя высылки ссыльныхъ огромными толпами за государственныя преступленія.

Первые 30 стрѣльцовъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Ѳеодора Шакловитаго, послѣ его казни, явились въ различныхъ сибирскихъ острогахъ на вѣчное житье „за злодѣйское покушеніе на жизнь малолѣтняго царя Петра“, послѣ того, какъ въ Москвѣ клали ихъ головы на плахи, урѣзывали языки и били кнутомъ. Слѣдомъ за этими (въ 1690 г.) 13 менѣе виновныхъ сообщниковъ съ женами и дѣтьми прибыли въ Сибирь на службу и поступили, въ какую пригодились. Нѣкоторымъ удалось бѣжать изъ Москвы и объ нихъ по разнымъ городамъ посланы были памяти о сыскѣ: трехъ человѣкъ Стремяннаго полка, двухъ Жукова полка, одного Сухарева, одного Циклерова полка. Всѣ замышляли матьцарицу, святѣйшаго отца Іоакима, бояръ и близкихъ людей побить до смерти. Въ 1697 г. объявлена, вмѣсто казни, политическая смерть и послѣ нещаднаго битья на козлѣ кнутомъ и урѣзанья языковъ—ссылка на вѣчное житье въ сибирскіе города съ женами и дѣтьми сообщникамъ Ивана Циклера, составившаго второй заговоръ на жизнь Петра вмѣстѣ съ окольничимъ Соковнинымъ и стольникомъ Ѳеодоромъ Пушкинымъ. Главные злоумышленники четвертованы, второстепенные приговорены въ ссылку; между прочимъ, ушелъ туда ни въ чемъ не повинный отецъ казненнаго Матвѣй Степановичъ Пушкинъ со всѣмъ семействомъ. Старика лишили въ Москвѣ боярской чести, въ Сибири—заключили въ тюрьму въ Енисейскѣ, жену и дѣтей его въ тамошнемъ Рождественскомъ женскомъ монастырѣ. По праздникамъ дозволялось имъ свиданіе; впослѣдствіи Пушкина поверстали въ городовую службу.

Въ 1698 году начались въ Москвѣ казни, направленныя къ наказанію возмутившихся стрѣлецкихъ полковъ во время пребыванія царя за границею; одновременно съ ними производилась высылка стрѣльцовъ въ отдаленные сибирскіе остроги, имѣвшая цѣлью въ корень истребить мятежное старорусское войско. До пріѣзда царя бояре успѣли сослать главныхъ застрѣльщиковъ: одного въ Дауры, а двухъ въ Западную Сибирь. По розыску Шеина 74 человѣка были въ іюлѣ 1698 г. повѣшаны, 140 чел. наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку, 26 малолѣтковъ оставлены безъ наказанія, 1965 ч. разосланы по русскимъ городамъ съ провожатыми въ тюрьмы. Осенью этого года началась расправа и начались новыя казни въ присутствіи самого царя. 19 сентября изъ 341 приговоренныхъ къ смерти приговоръ исполненъ надъ 201 человѣкомъ; сто малолѣтковъ (отъ 15 до 20 лѣтъ) наказали кнутомъ, заклеймили въ правую щеку и погнали въ сибирскіе города. Съ 3 по 18 октября изъ приговоренныхъ къ смертной казни только 93 несовершеннолѣтнимъ дарована пощада. Трупы казненныхъ 5 мѣсяцевъ валялись не прибранными. Въ началѣ 1699 г. начались новыя казни: изъ 508, оставленныхъ для розыска.

137 колесованы, четвертованы и повѣшены, 285 малолѣтковъ, по наказаніи кнутомъ, сосланы на каторгу, 86 опять оставлены для новыхъ розысковъ. 9-го февраля 1700 года изъ этого числа отобраны 40 человѣкъ для казней, 25 частью отправлены на каторгу, частью въ Сибирь (9 оправданы). Въ 1701 г. произошла расправа съ послѣдними: Маслова, за вѣроятное сокрытіе царевнина письма, казнили; Жукова и Михляева сослали въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми. Въ 1705 году пошли въ Сибирь астраханскіе стрѣльцы вмѣстѣ съ тамошними казаками за бунтъ, поднятый ими за русскую старину противъ государя. Сибирь стрѣльцовъ не смирила, затѣвались попытки соединиться всѣмъ ссылочнымъ въ полки и идти на Москву; ихъ угомонили тѣмъ, что, размельчивъ стрѣлецкія группы, разослали одиночками ихъ въ самыя неудобныя и дальнія мѣста, носившія названія зимовьевъ: Колымское, Анадырское, Удское. Поселенные здѣсь отъ крайнихъ лишеній голодовки сбивались въ шайки и изыскивали пропитаніе грабежами каравановъ и обозовъ торговыхъ людей и разбоями по рѣкамъ и дорогамъ. Много урочищъ сохранило память объ этихъ подвигахъ. Грабежи и разбои прекратились съ тѣхъ поръ, когда стрѣльцы переселены были южнѣе и когда острожную службу смѣнили на пашенную, какъ сдѣлали это съ стрѣльцами Братскаго и Балаганскаго остроговъ, водворенными на р. Ангарѣ (въ нынѣшней Яндинской волости). При лучшихъ условіяхъ климата и почвы стрѣльцамъ удалось выродиться въ здоровое, рослое и даровитое племя коренныхъ сибиряковъ; при данныхъ, менѣе благопріятныхъ, привелось перелодиться въ племя вялое, мелкое, глуповатое и безпечное, по подобію жителей Орленской волости, отличающейся зобами иногда такъ, что одинъ зобъ наростаетъ на другомъ (особенно въ деревняхъ Дядиной, Голой и Шамановой). За то въ началѣ теченія Лены и особенно ниже (Витимской волости) народъ боекъ, смѣтливъ, богатъ; до сихъ поръ носитъ московскую шапку, коротенькій армякъ до колѣнъ и, называя его свысока шемелью (шинелью), до сихъ поръ отличается мягкимъ говоромъ, особенно рѣзко выдающимся среди крутого новгородскаго говора—коренного для цѣлой Сибири. Въ дальнихъ Даурахъ стрѣлецкіе слѣды замело налетомъ ссыльныхъ, а въ Западной Сибири, пробиваются они такъ рѣдко и слабо, что подобную находку можно полагать за большую диковинку.

Царствованіе Петра, ослабившаго ссылку въ Сибирь обычныхъ преступниковъ и восполнившаго этотъ недостатокъ высылкою цѣлыхъ сотенъ государственныхъ преступниковъ въ видѣ стрѣльцовъ, осталось памятнымъ для Сибири, между прочимъ, и тѣмъ, что слѣдомъ за стрѣльцами и вмѣстѣ съ ними ссылались за государственныя вины различныя отдѣльныя лица разныхъ служилыхъ сословій. Въ 1701 году, по указу царя и по боярскому приговору, сосланы въ Сибирь единомышленники типографщика Григорія Талицкаго, печатавшаго воровскія письма и называвшаго въ нихъ Петра антихристомъ, 7 человѣкъ и вмѣстѣ съ ними 5 вдовъ, оставшихся послѣ смертной казни мужей ихъ, въ дальніе города, выбитые кнутомъ и запятнанные. Въ 1715 г. оказались виновными въ такихъ же дѣлахъ Левинъ, керженецкіе раскольники и многіе другіе. Въ 1718 г., за подобныя же писанія, колесовали на смерть подьячаго Ларіона Докукина и сослали тѣхъ, которые прислушивались и вѣрили его разговорамъ и подметнымъ письмамъ, вызывавшимъ противъ царя возмущеніе въ народѣ. Этими десятками ссыльныхъ, сдѣлавшихся извѣстными, благодаря усердной разработкѣ матеріаловъ той эпохи, опредѣляются сотни такихъ лицъ, которыя поплатились Сибирью за недовольство нововведеніями и исторія которыхъ обрѣтается еще подъ спудомъ въ архивныхъ грудахъ. Крутая расправа со стрѣльцами въ началѣ Петрова царствованія не предотвратила недовольства народнаго и ссылка, вмѣсто прежнихъ массъ располагавшая единицами, въ концѣ Петрова царствованія стала карать безразлично людей всѣхъ сословій—отъ монаховъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ монастырей до приверженцевъ заточенной царицы Евдокіи и казненнаго царевича Алексѣя *). Въ той же мѣрѣ, въ какой укрѣплялись нововведенія, измѣнявшія старый порядокъ, возростало число недовольныхъ, распространялись въ народѣ подметныя тетрадки, сочиняемыя и старовѣрами и монахами. Самая подозрительность въ концѣ Петрова царствованія возростала прогрессивно, свидѣтельствуя о великихъ опасностяхъ, мнимыхъ и дѣйствительныхъ. „Слово и дѣло“ до Петра проявлялось весьма рѣдко и всегда по убѣжденію, изъ ревности къ царю, государству, вѣрѣ. Съ Петра, при усилившемся требованіи на „слово и дѣло“, съ увеличеніемъ важности значенія словъ и дѣлъ, начались злоупотребленія, стали объявлять ихъ за собою изъ личной мести, вражды, съ пьяна и по другимъ личнымъ видамъ. Главнѣйшимъ же образомъ въ народѣ воспиталась страсть къ доносамъ и отъ этой страсти увеличилось количество ссыльныхъ, какъ новое и неожиданное явленіе въ народной жизни. Въ 1713 г. царскій указъ предписывалъ смертную

*) По дѣлу царевича Алексѣя сослано было въ Сибирь много и, между прочими, въ Соликамскъ фельдмаршалъ Вас. Влад. Долгорукій за слишкомъ вольныя осужденія дѣйствій царя; дальше за Камень: псаломщикъ Семенъ Ивановъ, битый батогами вмѣсто кнута «по малолѣтству»; подъячій Анфимовъ, зять царевичева духовника Якова Игнатьева съ женою и дѣтьми, и проч.

казнь всѣмъ преступникамъ и повредителямъ государственныхъ интересовъ; въ 1714 году Петръ принужденъ былъ ограничить значеніе „слова и дѣла", опредѣляя ихъ дѣлами, касающимися государева здоровья и высокомонаршей чести, бунта и измѣны. Сказавшіе или написавшіе государево „слово и дѣло", помимо этихъ причинъ, застращивались великимъ наказаніемъ, раззореніемъ и ссылкою на каторгу. Въ 1715 году указъ облегчалъ доносчикамъ подходы: они могли идти прямо ко двору государеву, объявлять караульному сержанту, а этотъ уже представлялъ челобитную самому царю; но доносчики продолжали во множествѣ докучать царю, „не давая покою вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ", не смотря на страхъ жестокихъ наказаній. Дѣла о „словѣ и дѣлѣ" изъ Суднаго приказа переведены были въ Преображенскій приказъ, поручены были вѣдѣнію крутого и немилосерднаго князя-папы Ромодановскаго, рѣшались имъ безъ аппелляціи, но страсть къ доносамъ была уже такъ глубока въ народѣ, что оставалось только отчасти сдерживать ее и регулировать въ возможно доступныхъ предѣлахъ. Страхи Преображенскаго приказа никого не смущали; съ тѣхъ же поръ, какъ доносчику въ Пензѣ въ 1722 году дано было 300 руб., позволено торговать безпошлинно и велѣно его охранять отъ всякихъ обидъ, доносчики стали появляться въ великомъ множествѣ. Въ томъ же году священниковъ обязали объявлять объ открытыхъ имъ на исповѣдяхъ преднамѣренныхъ злодѣйствахъ, а челобитчиковъ съ государственными великими дѣлами дозволено принимать и во время божественнаго пѣнія и чтенія. Значеніе „слова и дѣла" стало возростать съ годами до тѣхъ предѣловъ, въ какихъ оно явилось при Аннѣ Ивановнѣ и Биронѣ, и возростало соотвѣтственно вызову различныхъ обстоятельствъ. При Петрѣ, въ 1722 году, „нѣкоторый человѣкъ, пришедъ въ г. Пензу, кричалъ всенародно многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести царя, на которой крикъ сошлось людей немалое число". Послѣ Петра, при Екатеринѣ, въ 1726 году „явились противники устава о престолонаслѣдіи, избравшіе наслѣдника и мечтавшіе выслать государыню за границу: Антоній Девіеръ, Толстой съ сыномъ, Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ". Въ сущности же, всѣ пятеро разговаривали о воспрепятствованіи браку молодого императора съ дочерью Меншикова. Послѣдній поторопился судомъ и приговоромъ и докладъ о мнимыхъ преступникахъ поднесъ къ подписи въ самый день кончины императрицы Екатерины. Докладъ говорилъ, что эти лица осмѣлились по своему желанію опредѣлить наслѣдника престола и замышляли противиться преднамѣренному по волѣ ея величества супружеству великаго князя. Обвиненныхъ услали въ Сибирь: зятя Меншикова Девіера, со Скорняковымъ — въ Охотскъ (Елизавета ихъ возвратила), Девіера, освобожденнаго отъ смертной казни, Писарева высѣченнаго кнутомъ (Толстой заточенъ въ Соловкахъ съ сыномъ, велѣно ихъ пускать только въ церковь и довольствовать братскою пищею), Бутурлина послали въ дальную деревню, Долгорукаго написали въ полевые полки и проч. Въ 1728 г. (17 іюня) велѣли сибирскому губернатору возвратить араба Авраама—крестника Петра. Тогда же и тѣмъ же Меншиковымъ отправленъ былъ въ Сибирь бывшій оберъ-церемоніймейстеръ графъ де-Санти, „явившійся въ тайномъ дѣлѣ весьма подозрительнымъ". Въ слѣдующемъ году, за пять мѣсяцевъ до смерти государыни, „объявились въ разныхъ городахъ, уѣздахъ, селахъ и деревняхъ многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ покойнаго царя и владѣющей императрицы". Въ 1728 г., при Петрѣ Второмъ, за непристойныя слова послали въ Сибирь морского капитанъ-поручика Казанцева, гренадера Алексѣева, солдата Кротскаго, прядильщика Лобанова и матроса Чапынскаго. Въ то же время боярская партія Долгорукихъ низвергла временщика князя Меншикова и вмѣстѣ съ дочерью, невѣстою молодого императора, сослала въ Березовъ. При Аннѣ, въ свою очередь, пострадала партія верховниковъ, особенно князья Долгорукіе, когда Биронъ сталъ временщикомъ и свирѣпо сокрушалъ противниковъ. Въ 1731 году Анна услала въ ссылку Долгорукихъ, Барятинскаго, Столѣтова за то, что „не только полезныя государству учрежденія непристойно толковали, но и персону поносительными словами оскорбляли". Слѣдомъ за ними и вскорѣ (въ томъ же 1731 году) схватили Алексѣя Алексѣевича Шубина, сержанта Семеновскаго полка, первое лицо при дворѣ цесаревны Елизаветы, за то, что онъ, любя царевну, хотѣлъ тайно освободить Долгорукихъ и, съ помощью ихъ, возвести на престолъ Елизавету. Его пытали, заключили въ каменный мѣшокъ, потомъ наказали кнутомъ, вырѣзали языкъ и сослали въ Камчатку, гдѣ принудили жениться на камчадалкѣ. Въ слѣдующемъ году (1732) привезенъ былъ въ Якутскъ бывшій любимецъ Петра I, президентъ камеръ-коллегіи ст. сов. Фикъ, названный въ бумагѣ великоважнымъ преступникомъ, замѣшаннымъ по дѣлу о призваніи на престолъ курляндской герцогини Анны Ивановны. Въ 1735 г. привезли смоленскаго губернатора князя Алек. Анд. Черкасскаго за зѣло тяжкіе и наиважнѣйшіе измѣнническіе и возмутительные противъ государыни умыслы въ Джигайское зимовье. Съ нимъ вмѣстѣ высланы были управитель Алек. Пребышевскій, поручикъ Ив. Аршеневскій и шляхтичъ (шуринъ Чечерскаго) Семенъ Корсакъ съ женою (въ Гижигу). Десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны, такимъ образомъ, является (по

отношеніямъ къ исторіи русской ссылки за государственныя вины) однимъ изъ обильныхъ количествомъ жертвъ. Оно соперничаетъ со временемъ Петра и не уступаетъ своего значенія ни одному изъ послѣдующихъ царствованій всего XVIII столѣтія. Не только Биронъ, но и Ѳеофанъ Прокоповичъ, содѣйствовавшій низложенію и гибели верховниковъ, присоединилъ свое дѣятельное участье къ населенію Сибири государственными преступниками. Личныхъ враговъ своихъ онъ, по увлеченію духомъ времени, умѣлъ обвинять въ государственныхъ дѣлахъ и всѣми правдами и неправдами, въ силу своего громаднаго вліянія на церковныя дѣла, успѣвалъ завинять до ссылки въ отдаленные сибирскіе монастыри духовныхъ лицъ, а друзей и приверженцевъ ихъ до ссылки въ самыя далекія каторжныя мѣста. Архіерея Георгія Дашкова, заподозрѣннаго въ косвенномъ участьи въ устраненіи Анны отъ престола (затѣянномъ Родышевскимъ), Ѳеофанъ сослалъ въ Нерчинскій монастырь и не велѣлъ слушать никакихъ отъ него объявленій, хотя бы о государевомъ „словѣ и дѣлѣ“. Слѣдомъ за ними отправилъ Ѳеофанъ распопа Родіона въ Охотскій монастырь на вѣчные и неисходные труды, братьевъ Никитиныхъ съ женами и дѣтьми туда же на житье вѣчно за карауломъ; Яковлева съ тѣми же правами въ Охотскій портъ; печерскаго старца Исаію, распопа Васильева, Морозова—туда же, Горбунова на серебряные заводы; всѣхъ за какія-то недоказанныя и неопредѣленныя подметныя письма, нѣкоторыхъ за дѣйствительные пасквили на государыню и Ѳеофана. Между прочими подвернулся заѣзжій грекъ Серафимъ Аріонъ — шпіонъ, продававшій себя всякому правительству и явившійся въ Россію для спекуляцій на имя угнетенныхъ турками грековъ; его сослали въ Охотскій острогъ. Вся дѣятельность Ѳеофана, такимъ образомъ, при Аннѣ была поглощена тайною канцеляріею. Ему оставалось выбирать одно изъ двухъ: или погибнуть самому или обороняться тѣмъ же оружіемъ, съ которымъ стояли на готовѣ его противники. Онъ выбралъ послѣднее и, на этомъ основаніи, неустанно запугивалъ государыню бунтами и революціями, указывалъ на своихъ враговъ и держалъ въ страхѣ и подъ своею властью всѣхъ министровъ. Болтинъ такъ рисуетъ бироновское время: „Въ городахъ бряцаніе кандаловъ, жалобные гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій многія тысячи крестьянъ, не менѣе 250 тысячъ, бѣжавъ съ женами и дѣтьми, поселились въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи, и даже за Дунаемъ въ Булгаріи“. Тобольскій лѣтописецъ увѣряетъ, что въ теченіи 10 лѣтъ по 9 ноября 1740 г. сослано въ Сибирь дворянъ и чиновниковъ 20 тысячъ. Въ это страшное время для несчастнаго народа, пожертвовавшаго сотнями сосланныхъ въ Сибирь — кабинетъ-министръ Артемій Волынскій, дерзнувшій возстать на временщика, поплатился за свою попытку головою, дочь и сынъ его были сосланы въ Сибирь; туда же посланы сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ съ вырѣзаннымъ языкомъ, кабинетъ-секретарь Эйлеръ и Сойминовъ, наказанные кнутомъ, и секретарь Волынскаго, Зуда (въ Камчатку,) битый плетьми за переводъ историческихъ книгъ для Волынскаго. Когда фельдмаршалъ Минихъ, по смерти Анны Ивановны, провозгласилъ принцессу браушвейгскую Анну Леопольдовну правительницею, Эрнстъ Биронъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ братьями, Густавомъ и Карломъ, и генераломъ Бисмаркомъ и всѣ сосланы въ Пелымъ съ женами и дѣтьми. За приверженность къ Елизаветѣ, Анна Леопольдовна успѣла еще сослать въ Камчатку Петра Калачева, капитана Азовскаго полка. Когда, въ свою очередь, провозглашена была императрицею дочь Петра Елизавета, Минихъ, Остерманъ, Головкинъ, Менгденъ и Тимирязевъ, устранившіе отъ престола Елизавету, были сосланы въ Сибирь. Въ 1742 году прапорщика Преображенскаго полка, Ивашкина, Елизавета сослала въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ, товарищей его, сержанта Сновидова и камеръ-лакея, бывшаго камердинера правительницы, Ал. Дм. Гурчанинова — перваго въ Нижнекамчатскъ, второго въ Охотскъ; всѣхъ троихъ за дерзкія рѣчи противъ Елизаветы, выговоренныя въ трактирѣ. Всѣхъ троихъ наказали кнутомъ, всѣмъ вырвали ноздри, а камеръ-лакею, сверхъ того, за произнесенныя ими великоважныя, непристойныя слова, отрѣзали языкъ. Ивашкинъ повинился въ томъ, что намѣревался ночью умертвить императрицу Елизавету, по восшествіи ея на престолъ, а съ нею вмѣстѣ и великаго князя Петра Ѳеодоровича, а лейбъ-кампанію заарестовать. Гурчаниновъ сознался, что, слыша о томъ, не донесъ, а самъ совѣтовался какъ бы принца Іоанна сдѣлать императоромъ, а принцессу Анну правительницею и склонялъ къ тому двухъ гвардіи унтеръ-фицеровъ, говоря, что сдѣлали-де Елизавету государынею лейбъ-компанцы за винную чарку, да и Екатеринѣ I быть государынею не надлежало, а сдѣлалъ ее тѣмъ генералъ Ушаковъ, котораго министры устрашились. Сновидовъ оказался участникомъ обоихъ. Въ 1743 году, за злые умыслы на особу императрицы, туда же отправлены были: Степанъ Лопухинъ съ женою и сыномъ, графиня Анна Гавриловна Бестужева, Ив. Мошковъ, кн. Ив. Путятинъ, Александръ Зыбинъ, Софія Лиліенфельдъ— желавшіе избрать императоромъ принца Ивана Антоновича. За ними приговоренъ былъ къ лишенію чиновъ и ссылкѣ въ деревню канцлеръ Бестужевъ „за оскорбленіе величества“. Въ 1749 году поручикъ Бутырскаго полка,

осафатъ Батуринъ, посланъ былъ въ Камчатку за то, что предложилъ свои услуги великому князю Петру Θеодоровичу возвести его на престолъ при жизни тетки.

Екатерина II, въ самый годъ вступленія своего на престолъ, сослала въ Сибирь оскорбителей величества, совершившихъ умыселъ къ общему возмущенію: Петра Хрущова и трехъ Гурьевыхъ; затѣмъ сообщниковъ различныхъ самозванцевъ, начиная съ казака Пугачова (18 человѣкъ *), казака Ханина, крестьянина Іова Мосягина до солдата Кремнева (2 чел.), казака Богомолова (9 чел.) и солдата Чернышева, изъ которыхъ три послѣднихъ сами, вмѣстѣ съ сообщниками, отправились въ вѣчную работу въ Нерчинскъ (Пугачевъ четвертованъ, Мосягина указано повѣсить, если онъ производилъ убійства, или, наказавъ кнутомъ, содержать въ заточеніи, если онъ убійства не совершилъ). Казакъ Богомоловъ, наказанный кнутомъ, умеръ на дорогѣ въ Сибирь. Во время путешествія Екатерины по Россіи, разыгралось въ Шлиссельбургѣ извѣстное дѣло Мировича, желавшаго воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы возвести на престолъ Ивана Антоновича, сидѣвшаго въ крѣпости. Мировичъ кончилъ жизнь на эшафотѣ; ему отсѣкли голову и, „оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сожгли оное потомъ купно съ эшафотомъ“. Сообщниковъ его сослали въ Сибирь въ вѣчные солдаты (около 50-ти человѣкъ) и на вѣчныя работы (3 солдата и три капрала, прогнанные сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ десять разъ а одинъ болѣе виновный двѣнадцать). Екатерина же сослала въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе, по лишеніи орденовъ и дворянства, Александра Радищева, за книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (въ 1790 г.). А. Н. Радищевъ, прожившій въ Тобольскѣ 7 мѣсяцевъ въ ожиданіи семейства (свояченицы съ тремя дѣтьми), принятый во всѣхъ лучшихъ домахъ города и обласканный губернаторомъ Алябьевымъ, въ Илимскомъ острогѣ помѣщенъ былъ въ обширномъ воеводскомъ домѣ, со службами и садомъ. Когда домъ оказался холоднымъ, но былъ исправленъ плотниками, прибывшими изъ Иркутска, то онъ на полномъ просторѣ имѣлъ возможность заняться науками, обученіемъ дѣтей и гончарнымъ ремесломъ и началъ опыты оспопрививанія. Опытъ Радищева, если вѣрить сибирскому преданію, былъ не только первымъ въ Сибири и Россіи, но нѣсколькими годами предупредилъ даже изобрѣтеніе знаменитаго Дженнера, начавшаго привитіе оспы въ 1799 году (Радищевъ возвращенъ изъ Сибири императоромъ Павломъ и въ 1797 г. былъ уже въ Россіи; извѣстно также, что Дженнеръ началъ свои изслѣдованія надъ оспою еще въ 1776 году) Въ Сибири къ Радищеву пріѣзжали сибиряки для леченія изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Въ свободные часы отъ занятій со своими и чужими дѣтьми, А. Н. Радищевъ успѣлъ написать въ Сибири: „Разсужденіи о человѣкѣ и смертности его и о безсмертіи души“, „Письмо о китайскомъ торгѣ“; началъ „Исторію покореніе Сибири“ и историческую повѣсть „Ермакъ“. Сочиненія эти, написанныя въ Сибири и конченныя по возвращеніи въ Россію, въ деревнѣ, изданы Бекетовымъ въ Москвѣ въ 1807 — 1811 г. Въ Сибири онъ женился на свояченицѣ своей. Въ 1794 г. ушелъ въ вѣчную каторжную работу черноморскій капитанъ-лейтенатъ Монтагю за государственную измѣну („за шпіонство“).

Екатерина Вторая, въ указѣ 19-го октября 1762 г., поспѣшила высказаться такъ: „Ненавистное выраженіе, а именно „слово и дѣло“, не долженствуетъ значить отнынѣ ничего и мы запрещаемъ употреблять оное кому нибудь. А если кто употребитъ отнынѣ въ пьянствѣ или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотъ часъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники“.

Если до сихъ поръ „слово и дѣло“ въ Россіи представлялось желаннымъ для усердствовавшихъ и выгоднымъ для охотниковъ къ доносамъ, то „слово и дѣло“ на мѣстахъ ссылки въ Сибири явилось соблазномъ для каторжныхъ въ томъ отношеніи, что выговоренныя гдѣ бы

*) Двоихъ пугачевскихъ друзей четвертовали, одному отсѣкли голову, восьмерымъ вырвали ноздри и сослали на каторгу, десятерыхъ, послѣ кнута, на поселеніе. Но и послѣ того ссылка не прекращалась; по свидѣтельству одного указа, «подозрительные люди продолжали обнаруживать тѣ же наклонности». Въ нерчинскихъ рудникахъ осталось въ памяти преданіе о пугачевскомъ приверженцѣ уральскомъ Марушкѣ. Онъ жилъ еще въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Култумѣ имѣлъ собственный домикъ, жилъ холостымъ, давалъ подъ заклады деньги и въ цѣлой окрестности слылъ за богатаго человѣка. Марушка, не смотря на почти столѣтній возрастъ, отличался необыкновенною физическою силою. Когда слухъ о богатствахъ привлекъ въ его домъ разбойника и онъ, спускавшійся съ чердака по лѣстницѣ, упалъ, оглушенный ударомъ косы въ голову, то злодѣю не удалось его задушить. Подъ тяжелымъ кулакомъ убійцы Марушка успѣлъ очнуться и, почуявъ свою силу, сбилъ съ себя разбойника, повалилъ на земь, связалъ и представилъ въ полицію. Богатый скряга Марушка сохранилъ и ревность къ старой вѣрѣ и вѣру въ старыя убѣжденія, послужившія причиною насчастій. Онъ любилъ разсказывать о бунтѣ Пугачова, о которомъ такъ толковалъ: «Не пытали мы, кто былъ Пугачовъ, и знать того не хотѣли. Бунтовали же потому, что хотѣли побѣдить, а тогда заняли бы мѣсто тѣхъ, которые насъ утѣсняли. Мы были бы господами, и вѣра свободною. Проиграли мы, что жъ дѣлать? Ихъ счастье, наше несчастье. Выиграй мы, имѣли бы своего царя, произошли бы всякіе ранги, заняли всякія должности. Господа теперь были бы въ такомъ же угнетеніи, въ какомъ и насъ держали».

то ни было освобождали на время отъ тяжести каторжныхъ работъ. Объявившаго за собою государево слово немедленно отдавали сержанту и приказывали вести пѣшкомъ въ Иркутскъ, изъ другихъ каторжныхъ мѣстъ—въ ближайшіе большіе города, держать крѣпко и только въ случаѣ изнеможенія сажать на подводу. Тамъ допрашивали доносчика, потомъ оговоренныхъ имъ; въ случаѣ разногласія, давали очную ставку, затѣмъ пытали доносчика, если объявляемый не сознавался, пытали обвиняемыхъ, если доносчикъ продолжалъ обвиненіе. Обыкновенно каторжные сознавались въ томъ, что клепали напрасно, или со зла или съ пьяна; наичаще признавались въ томъ, что поступали такъ, отбывая наказанія прочихъ штрафовъ, желая получить награду и, во всякомъ случаѣ, воспользоваться предварительнымъ отдыхомъ и возможною утечкою съ дороги. „Слово и дѣло" государевы ссыльные съумѣли превратить въ особаго рода спекуляцію. Спекулировали этимъ съ тѣхъ поръ, когда заводились на Руси первыя и настоящія каторги. Такъ, въ указѣ Петра слышатся жалобы на то, что, при основаніи Петербурга, каторжные этого города то и дѣло сказываютъ за собою „слово и дѣло" и объявляютъ до тайной канцеляріи нужду. Тѣ же жалобы на то же самое, на неуспѣхъ въ работахъ, на воровство и побѣги осужденныхъ слышатся на петербургскую каторгу и гораздо позднѣе, при Елизаветѣ (какъ видно по указу ея 1756 года 12 апрѣля *). По сенатскому указу 20-го сентября 1723 г. видно, что въ Тобольскѣ каторжные непрестанно кричать на командировъ государево слово, „коихъ командировъ и выслано въ Москву скованныхъ немало". По архивнымъ дѣламъ Западной Сибири видно, что въ „слово и дѣло" входили и такія заявленія, которыя прямо свидѣтельствовали о невинныхъ цѣляхъ отдыха и ничего другого не искали. Ссыльная дѣвка Петрова объявляетъ „слово и дѣло" на крестьянку Иванову, а на допросѣ въ Усть-Каменогорскѣ оказывается, что Иванова, укоряя Петрову за промыселъ развратомъ, сказала эй: „У васъ де, у ссыльныхъ, деньги дешевы — вы-де монетами и г.... подтираете". Послѣ очныхъ ставокъ Петрова объявила, что по злобѣ на Иванову хотѣла обвинить ее въ оскорбленіи монеты и герба. Въ 1731 году Нотебургскаго полка солдатъ Пермяковъ выкричалъ такое слово и дѣло: „Въ бытность мою за акіяномъ-моремъ нашелъ я мѣста рожденія крупнаго жемчуга и три мѣста тумпасныя". Въ Якутскомъ монастырѣ старецъ Никонъ говоритъ за собою такое великихъ государей и святительское дѣло: „Поставлена церковь безъ святительскаго благословенія и въ ней убился человѣкъ; промышленный человѣкъ привезъ съ моря руду серебряную и тое руду плавилъ и изъ той руды родилось серебро". На судѣ оказалось, что руда, взятая въ Индигиркѣ рѣкѣ, у бору, на камнѣ, не серебряная. Старца Никона побили шелепами, „чтобы впредь не повадно было инымъ такія затѣйныя слова говорить и никакихъ великихъ государей дѣлъ не заводить" и проч. Нѣкоторымъ „слово и дѣло" помогло: помогло проходимцу Козыревскому, котораго взбунтовавшіеся въ 1711 году камчатскіе казаки выбрали атаманомъ и подъ его руководствомъ натворили много бѣдъ. Лихой удалецъ этотъ выстроилъ на грабежныя деньги судно, провѣдалъ Курильскіе острова, награбилъ новую добычу, но и ясакъ не спасъ: онъ сѣлъ въ тюрьму, а ясакъ соблазнилъ самого воеводу. Въ 1717 году онъ съ горя сдѣлался монахомъ, а для этого самъ и монастырь основалъ въ Камчаткѣ (Успенскій). Пожилъ не долго, монастырь ограбилъ и съ вкладами ушелъ въ Якутскъ, гдѣ подрядился выстроить желѣзодѣлательный заводъ. Завода не построилъ и въ 1724 году опять сѣлъ въ тюрьму. Изъ тюрьмы ушелъ, попалъ въ закадычные друзья къ якутскому воеводѣ; опять нашалилъ и опять сѣлъ въ тюрьму, пойманный съ фальшивымъ паспортомъ на пути въ Тобольскъ. Но Козыревскій сказалъ государево слово на якутскаго архимандрита и дѣло объ островахъ, будто бы открытыхъ имъ противъ устьевъ Лены. Островов поискали, никакихъ не нашли, Однако, Козыревскій, вмѣсто висѣлицы, очутился въ Москвѣ и тамъ началъ новый рядъ разнообразныхъ приключеній. Въ нерчинскихъ заводахъ тянулся нескончаемый рядъ секретныхъ дѣлъ о „словѣ и дѣлѣ" Анны Ивановой и въ нихъ указанія на такія измышленія каторжныхъ: „непріятель идетъ на Россію: у китайцевъ войска собираются; мунгалы ружья приготовляютъ" (оказалось, что монголы дѣлали облаву на лосей).

*) Указъ этотъ, составляющій характерную черту изъ исторіи Петербурга, какъ каторжнаго мѣста, говоритъ между прочимъ: «Будучи на работахъ, за слабостью караульныхъ солдатъ, ссыльные у прохожихъ и проѣзжающихъ просятъ милостыню, чѣмъ немалое безславіе здѣшнему резидирующему городу наносятъ, ибо между тѣмъ нерѣдко случается, что и чужестранныя персоны мимо ихъ проѣзжаютъ. Имѣя же при семъ на работахъ ломы и желѣзныя пѣшни и другіе вредные инструменты, они даже разбойничаютъ на улицахъ: въ 1751 году у одного каторжнаго Никиты Алексѣева найдено въ мѣшкѣ ядро чугунное, которымъ онъ билъ за Синимъ мостомъ въ переулкѣ по головамъ трехъ купцовъ, съ двухъ сорвалъ шапки, у третьяго отнялъ шапку и рукавицы, хотѣлъ также убить маіора Тютчева, смотрѣвшаго за работами. Въ 1752 г. тотъ же Алексѣевъ, у Адмиралтейской крѣпости, близъ Невскаго проспекта, вынулъ изъ палисадника балясину и другую отъ Зимняго дворца, иноземку ударилъ въ лобъ и содралъ съ нея атласную голубую юбку съ серебряною сѣткою». Съ этого года каторжныхъ стали отправлять въ Рогервикъ, а полиція стала производить свои работы вольнонаемными людьми.

Вчинались въ Нерчинскѣ дѣла и такого рода: сгоряча и съ сердцовъ бранятъ ссыльные каторжную работу. Напримѣръ, одинъ забылъ въ рудникѣ лопату, товарищъ сталъ помогать ее отыскивать, а приставникъ замѣтилъ: „Ты исправь прежде государеву работу, а потомъ ищи мужичью лопату“. У оговореннаго сорвалась съ языка брань—и начались допросы, пытки, судъ и осужденіе. На фабрикѣ Дучарскаго завода канатный подмастерье Лопшаковъ разсказываетъ прочимъ ссыльно-каторжнымъ слѣдующее (24-го ноября 1805 г.): „Поднимается на нашего государя иноземецъ, у того иноземца силы до 600 тысячъ, а у нашего императора до 250-ти тысячъ“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Кандальники были посажены за рѣшетки въ тюрьму, но вечеромъ продолжали толковать о выслушанномъ. Одинъ изъ нихъ (ссыльный въ оковахъ), Иванъ Коурый, говорилъ: „Дай Богъ, чтобъ иноземецъ своею силою завоевалъ наше государство для того, что чернымъ людямъ никакой милости не предвидится“.—„Что ты, дуракъ, рачишь (sic), чтобъ бусурманъ завоевалъ нашу землю, и не дай Богъ“! замѣтилъ на это ссыльный Аѳанасій Анцыферовъ. Но Коурый отъ ругательныхъ рѣчей не отсталъ. Двое служителей „показали во всемъ сходственно“; показанія, сверхъ того, утвердили одинъ ссыльный и одинъ канатный подмастерье, но Коурый заперся какъ въ личномъ своемъ одиночномъ показаніи, такъ и на очной ставкѣ. На третьемъ спросѣ обозвалъ онъ Анцыферова воромъ за то, что утаивалъ подаваемую въ тюрьму милостыню, „за что-де и имѣлъ Коурый съ нимъ ругательства“. Начальникъ нерчинскихъ заводовъ, Эллерсъ, велѣлъ, во время производства слѣдствія, держать Коураго въ особенномъ мѣстѣ въ оковахъ и подъ строгимъ карауломъ, безъ употребленія въ работы. 7-го іюля 1807 года сибирскій губернаторъ Пестель далъ знать, что министръ юстиціи (кн. П. В. Лопухинъ) сообщилъ ему, что на докладъ его, по донесенію правительствующаго сената, его императорское величество повелѣть соизволилъ: Коураго освободить отъ законнаго наказанія, подтвердя ему, чтобы впредь постарался исправиться, въ противномъ же случаѣ не избѣгнетъ онъ строгаго наказанія по законамъ.

Взгляды на дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ въ нынѣшнемъ вѣкѣ измѣнились. Въ 1817 г. крестьянинъ Тверской губерніи Ермолаевъ, за непристойныя рѣчи про государя, приговоренъ былъ палатою къ наказанію кнутомъ 40 ударами, рѣшено было вырвать ему ноздри, поставить повелѣнные знаки и сослать на каторгу. Тверской губернаторъ Всеволожскій, извиняя крестьянина пьянствомъ, присудилъ побить виновнаго на міру батогами и оставить въ деревнѣ подъ крѣпкимъ надзоромъ. Сенатъ сдѣлалъ губернатору выговоръ, но утвердилъ рѣшеніе палаты, исключая только вырѣзанія ноздрей, такъ какъ указомъ 25-го декабря 1817 г. такое наказаніе было отмѣнено. Государь въ 1819 году соизволилъ положить слѣдующую резолюцію: „Быть по сему. А крестьянина Ермолаева, объявя ему приговоръ, простить“. 9-го апрѣля 1818 г. ссыльный Семенъ Артамоновъ, бывшій въ работѣ при Уровскомъ казенномъ зимовьѣ у разбивки конопли, придя въ зимовье, бросилъ топоръ, рукавицы и шапку и изругался. Будучи спрошенъ, кого ругаетъ, отвѣчалъ: „Тѣхъ, кто безвинныхъ ссылаетъ“. Государь рѣшилъ: оставить Артамонова въ нынѣшнемъ положеніи, но безъ наказанія. Вообще, должно сказать, что уже при восшествіи на престолъ Александра I замѣтно сильное движеніе въ дѣлахъ нерчинскихъ заводовъ: многіе были возвращены, о многихъ наводились справки къ возвращенію, выдавались подорожныя и паспорты.

Въ царствованіе Александра I за государственныя преступленія сосланы были (въ 1819 г.) грузинскіе дворяне, изобличенные въ измѣнѣ, и размѣщены на поселеніи, большею частью, въ окрестностяхъ г. Селенгинска. Въ 1820 г., въ октябрѣ, солдаты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка забыли долгъ присяги и дерзнули самовольно собраться въ позднее вечернее время для принесенія жалобъ на своего командира (полковника Шварца), а когда за это буйство рота отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ повиновенія. Восемь рядовыхъ, какъ зачинщиковъ всѣхъ безпорядковъ, въ примѣръ другимъ, указано было прогнать шпицрутенами сквозь батальонъ по шести разъ, съ отсылкою въ рудники. 3-ью роту назначили въ полки кавказскаго корпуса; 172 человѣка въ оренбургскій корпусъ, 164 человѣка 1-ой фузелерной роты и 52 человѣка 2-ой, виновныхъ въ явномъ возмущеніи противъ начальства и въ продолженіи неповиновенія до отвода ихъ въ крѣпость, — указано распредѣлить безъ наказанія въ полки и батальоны сибирскаго корпуса. Въ спискахъ нерчинскихъ заводовъ за государственное преступленіе въ 1807 году числился всего одинъ: коллежскій ассесоръ Степановъ, бывшій экспедиторъ военно-походной канцеляріи. „Онъ выдалъ еврею Мейровичу нѣкоторые важнаго содержанія документы для списанія съ нихъ копій. Онъ подлежалъ смертной казни, но „какъ въ жалованной дворянству грамотѣ сказано: тѣлесное наказаніе да не подлежитъ до благороднаго, то лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу“ *).

*) Государственная измѣна при Павлѣ (1799 г.) служившаго при Тосканскомъ дворѣ колл. асс. Дрозда-Боначевскаго, предавшагося французамъ и служившаго имъ, наказана была тѣмъ, что имя и дѣянія измѣнника прибиты были къ висѣлицѣ. При Павлѣ же заподозрѣнъ былъ въ

Печальное происшествіе 14 декабря 1825 г., омрачившее день обнародованія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, вызвало слѣдственную коммиссію. Слишкомъ пять мѣсяцевъ коммиссія ежедневно занималась ввѣреннымъ ей дѣломъ, повѣряла каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе. Оказавшіеся виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, „въ замыслахъ долголѣтнихъ, обдуманныхъ и упорныхъ, постоянно непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ“ — преданы были верховному уголовному суду, составленному изъ государственнаго совѣта, правительствующаго сената и святѣйшаго синода съ присоединеніемъ нѣсколькихъ особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. 13-го іюля 1826 г. объявленъ былъ именной указъ о государственныхъ преступникахъ, осужденныхъ къ различнымъ казнямъ и наказаніямъ „за умыселъ на потрясеніе имперіи, на ниспроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка“. 15-го іюля изданъ манифестъ о совершеніи приговора надъ государственными преступниками. 9-го августа объявленъ сенатскій указъ объ офицерахъ Черниговскаго полка, сужденныхъ въ Кіевѣ за участье въ мятежѣ; слишкомъ сто человѣкъ отправлено было въ Сибирь на каторгу и на поселеніе.

Этими ссыльными завершается для насъ рядъ государственныхъ преступниковъ, отдавшихъ свою судьбу сибирской странѣ и, въ свою очередь, поставленныхъ въ обязательство удѣлять ей свою долю вліянія. Въ семнадцатомъ вѣкѣ вліянію этому противодѣйствовалъ самый способъ ссылки, предполагавшій темную каюту, ограниченныя дачи провіанта, строгій надзоръ, хлопотливо стремившійся къ тому, чтобы ссыльные не имѣли никакого сношенія съ посторонними. Для этихъ ссыльныхъ Сибирь предлагала тѣ же тюрьмы, по подобію монастырскихъ и городскихъ русскихъ тюремъ, и оставалась внѣ всякаго вліянія пришлыхъ людей до тѣхъ поръ, пока царская милость не отворяла тюремъ, не снимала желѣзъ. Демьянъ Многогрѣшный, при такихъ льготахъ, показалъ наилучшій примѣръ незлобивыхъ отношеній къ странѣ собственныхъ несчастій и является едва ли не единственнымъ лицомъ, которому удалось принести свою долю участья тамъ, гдѣ этого требовали. Да и какую пользу могли приносить странѣ изгнанія тѣ люди, которые побывали на правежѣ подъ кнутомъ, повисѣли на дыбахъ; чѣмъ могли послужить тѣ руки, которыя вывихнуты были на встряскахъ, руки, которыя связывались близь ладоней длинною веревкою, подтягивались посредствомъ ворота къ самому потолку застѣнковъ и при быстромъ опусканіи внизъ ручныя кости выскакивали изъ чашекъ, потому что, падая, тѣла испытуемыхъ висѣли на воздухѣ, не доставая ногами до полу. Нѣкоторымъ доставалось такихъ встрясокъ и различныхъ пытокъ цѣлые десятки. Наибольшая часть непроизводительно исчезала безъ слѣда въ сырыхъ тюрьмахъ, на желѣзныхъ стѣнныхъ цѣпяхъ, служившихъ неизбѣжною принадлежностью не только колдуновъ, находящихся „въ тайномъ богомерзкомъ общеніи съ нечистою силою“, но и для преступниковъ государственныхъ, располагавшихъ иными тайными, невидимыми силами *). Восемнадцатый вѣкъ располагалъ небольшими знаніями и не отличался мягкостью отношеній къ преступникамъ. Въ этомъ смыслѣ цивилизующій государственный переворотъ сопровождался даже наибольшими жестокостями и вся первая половина прошлаго вѣка представляетъ такіе образцы крутого обращенія съ ссыльными, какіе съ трудомъ можно находить въ дѣяніяхъ предшествовавшаго ему столѣтія. Не смотря на то, что въ серединѣ XVIII вѣка уничтожена была указами смертная казнь, не смотря на то, что пытки признаны противными здравому, естественному разсужденію—и смертная казнь и пытки продолжали существовать съ тѣмъ же значеніемъ. Заботы объ уменьшеніи кровопролитія при пыткѣ, начатыя еще въ 1751 году, не привели ни къ чему. Счастливая доля уничтоженія ихъ принадлежитъ уже къ начальному году нынѣшняго столѣтія: въ 1800 году императоръ Александръ I уничтожилъ пытки.

измѣнѣ плодовитый драматургъ Августъ Коцебу. Арестованный на границѣ, на возвратномъ пути изъ Вѣны въ Петербургъ, онъ сосланъ въ Курганъ. Отсюда его вскорѣ возвратили въ Петербургъ, гдѣ Коцебу нѣсколько времени управлялъ нѣмецкимъ театромъ. Прощенъ онъ былъ, какъ извѣстно, за драму «Der Leibkutscher Peters des Grossen», которую Павелъ I получилъ въ русскомъ переводѣ. Пребываніе свое въ ссылкѣ Коцебу описалъ въ 2 томахъ (1801 г.) подъ заглавіемъ: «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens».

*) Извѣстно, наприм., что сосланному въ Якутскъ колдуну на вѣчное заточеніе не велѣно было давать воды, ибо-де онъ, Максимъ Мельникъ, многажды уходилъ въ воду.

ГЛАВА V.

УЧАСТЬ ССЫЛЬНЫХЪ.

Безправіе ссыльныхъ.—Кормовая дача.—Меншиковъ съ семействомъ.—Долгорукіе.—Наталья Борисовна Долгорукая.—Остерманъ.—Минихъ.—Головкинъ.—Ужасная участь ссыльныхъ, де-Санти Менгдена, Фика, Ивашкина. — Стряпчій Копытовъ. — Левшутинъ. — Соймоновъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (солдатъ Чернышевъ). — Секретные арестанты.—Анадырскій изгнанникъ Аѳанасій Петровичъ.—Дѣти Волынскаго.—Великоважность преступниковъ.—Сердечность отношеній сибиряковъ къ этимъ ссыльнымъ.

Во все продолженіе прошлаго вѣка несчастные продолжали выплакивать свои глаза до неизлечимой слѣпоты и вдумываться въ свою несчастную участь до острыхъ припадковъ бѣшеннаго сумасшествія. Опредѣленныхъ правилъ и пріемовъ для ссыльныхъ въ тѣ времена не существовало: не столько степени личной виновности, сколько произвольныя измышленія казней обвинителями полагали предѣлы возмездію ссыльныхъ за государственныя вины. Кормовая дача наиболѣе испытывала на себѣ вліяніе подобнаго произвола. Какъ въ XVII вѣкѣ А. С. Матвѣевъ жаловался на то, что ему дали на день по три деньги въ то время, когда Аввакуму, сосланному съ семействомъ въ Мезень, дали по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки („плачу, что ветхій сѣдиною, древенъ работами—сверстанъ кормомъ съ единолѣтнымъ"), такъ и въ XVIII вѣкѣ кормовыя дачи не подчинялись никакому правильно выработанному и установившемуся закону. Войнаровскому положено было въ сутки 1½ копейки, Петру Шафирову—33 коп. на день, Меншикову 2 рубля съ женою—сумму уже довольно значительную по тому времени, по рублю каждому изъ дѣтей и по 10 коп. на каждаго слугу (а такихъ отпущено съ нимъ 10 человѣкъ). Долгорукіе стали сначала получать по 25 коп. въ день на человѣка, потомъ только по двѣ и по два пуда муки въ мѣсяцъ. Сыну Волынскаго, Петру, давали въ день по 10 коп., за то канцлеру Бестужеву, по смерти Елизаветы, Екатерина II назначила 20 тысячъ рублей въ годъ пенсіону. Минихъ получалъ 3 руб.; Бироновъ и Бисмарка велѣно было довольствовать въ день безъ оскудѣнія (какъ сказано въ указѣ). Декабристы оставлены были въ кормовомъ довольствіи на общемъ положеніи 6-ти коп. мѣдью въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ. Нѣкоторыхъ отправляли даже и безъ кормовыхъ, такъ напримѣръ, Ивашкина и Гурчанинова, говорившихъ дерзкія рѣчи противъ императрицы Елизаветы.

Въ самомъ способѣ содержанія и надзора была та же непослѣдовательность, замѣчалось произвольное неравенство. Князь Меньшиковъ, сдѣлавшись временщикомъ при Екатеринѣ, съумѣлъ сослать графа де-Санти безъ суда и ордера, такъ что ссыльный даже не сразу нашелъ себѣ мѣсто заточенія. Его привезли сначала въ Якутскъ и семью солдатами стерегли отъ утечки подъ крѣпкимъ карауломъ, никого къ нему не пускали, чернилъ и бумаги не давали; но для большаго успокоенія сильнаго вліянія, мстительнаго и жестоко сердитаго герцога Ижорскаго, сочли за нужное перевести де-Санти въ Верхоленскій острогъ. Отсюда какими-то судьбами сталъ появляться онъ въ Иркутскѣ, пользоваться нѣкоторою свободою по снисхожденію вице-губернатора и даже успѣлъ жениться на дочери таможняго подъячаго; но въ Петербургѣ узнали про это и въ 1734 году де-Санти перевели въ Усть-Вилюйское зимовье. Жена за нимъ не поѣхала, участь его раздѣлялъ, по прежнему, старый слуга, которому, однако, не позволяли разговаривать съ господиномъ, не позволяли ходить за покупками для него на базаръ, каковаго, какъ извѣстно, въ пустынныхъ зимовьяхъ не бывало и въ поминѣ, и при этомъ запрещали также и слугѣ съ кѣмъ либо разговаривать. Ужасное положеніе жертвы слѣпого и безграничнаго мщенія въ подлинныхъ краскахъ описалъ его приставъ такимъ образомъ: „Живемъ мы, онъ, Сантій, я и караульные солдаты въ самомъ пустынномъ краю, а жилья и строенія никакого тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да и та ветхая. А находимся съ нимъ, Сантіемъ, во всеконечной нуждѣ: печки у насъ нѣтъ и въ зимнее холодное время еле-еле остаемся живы. Отъ жестокаго холода хлѣбовъ негдѣ испечь, а безъ печенаго хлѣба претерпѣваемъ великій голодъ и кормимъ мы Сантія и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муку на водѣ, отчего всѣ солдаты больны и содержать караулъ не кѣмъ. А колодникъ Сантій весьма дряхлъ и всегда въ болѣзни находится, такъ что съ мѣста не встаетъ и ходить не можетъ" *).

Судьба же самого Меншикова въ ссылкѣ обставлена была наибольшими льготами. Главные

*) Елизавета Петровна его, однако, освободила вмѣстѣ съ другими ссыльными предъидущихъ царствованій.

и тяжелые удары онъ перенесъ еще въ Россіи: тщеславію его, допустившему золотыя кареты, сто подводъ и множество экипажей при проѣздѣ въ ссылку, нанесенъ былъ первый ударъ тѣмъ, что его пересадили въ простыя повозки и, вмѣсто Раненбурга, велѣли ѣхать въ Сибирь, въ Березовъ. На дорогѣ, около Казани, въ Услонѣ, онъ потерялъ жену, но въ Березовъ привезъ необходимыя вещи и всѣ деньги и остался подъ надзоромъ офицера, которому дана была самая снисходительная инструкція *). Живя на свободѣ, онъ могъ на собственныя деньги выстроить деревянную церковь Рождества Богородицы, съ придѣломъ Иліи Пророка, подлѣ острога, вмѣщавшаго въ себѣ окруженное тыномъ невысокое, но длинное деревянное зданіе съ закругленными окнами, оставшееся отъ упраздненнаго Воскресенскаго монастыря. Меншикова смирили несчастья до того, что онъ ежедневно съ дѣтьми ходилъ молиться въ собственную церковь, при сооруженіи которой самъ бралъ въ руки топоръ и пилу. Онъ настолько пользовался свободою, что, выходя лѣтомъ изъ острога, далеко до начала обѣдни, садился на крутомъ берегу Сосвы и бесѣдовалъ со стариками березовскими о тщетѣ міра и о подвигахъ различныхъ святыхъ мучениковъ. За обѣднею въ собственной церкви исправлялъ должность дьячка, первымъ входилъ, послѣднимъ уходилъ. Время проводилъ въ постѣ и молитвѣ. Это обстоятельство дало поводъ народу, не знавшему объ его прежней тяжкой грѣховности, считать его за праведника. Таковымъ же въ понятіи березовцевъ онъ считается до настоящаго времени, когда открыли его гробъ и нашли останки его (въ 1821 г.) нетлѣнными черезъ 92 года. Смиреніе свое онъ довелъ до того, что надѣлъ армякъ, отпустилъ бороду и отдѣлялся отъ прочихъ крестьянъ только бархатною на ватѣ шапочкою. Религіозное смиреніе и покорность судьбѣ успѣлъ онъ завѣщать и дѣтямъ, которые продолжали ежедневно ходить молиться на могилу отца (умершаго въ 1729 г.) и впослѣдствіи устроили изъ своей церкви богадѣльню. Жили они уже въ собственномъ домѣ внѣ острога: старшей дочери удалось выйти замужъ за Ѳедора Долгорукова, явившагося въ Березовъ тайно подъ чужимъ именемъ съ заграничнымъ паспортомъ, но вскорѣ умереть отъ родовъ. Другая дочь, Александра, и сынъ Александръ въ 1731 году возвращены были въ Россію. Могилу отца ихъ подмыла Сосва, оборвавшая берегъ, и давно сгладила слѣды ея. Въ 1825 г. нашли лишь могилу Маріи Александровны Долгоруковой въ кедровомъ гробѣ, въ шелковомъ атласномъ платьѣ и съ тѣми атрибутами, которые свидѣтельствовали о весьма безбѣдномъ существованіи изгнанниковъ на мѣстахъ дальней ссылки.

Далеко не такая участь въ томъ же Березовѣ, въ томъ же самомъ острогѣ, ожидала семейство князей Долгоруковыхъ, свергнувшихъ Меншикова и, въ свою очередь, поплатившихся ссылкою при новомъ государственномъ переворотѣ и въ тотъ же самый годъ, когда семейство Меншикова возвращено было въ Россію. Престарѣлый князь Алексѣй Григорьевичъ съ женою (Прасковьею Юрьевною) не вынесли тяжести ссылки и умерли черезъ три года по пріѣздѣ. Молодыя силы 4 сыновей и 3 дочерей и невѣсты старшаго брата Ивана (воспѣтой поэтомъ Козловымъ Натальи Борисовны, урожденной Шереметьевой) устояли отъ невзгодъ суроваго климата и съ успѣхомъ боролись противъ суровыхъ невзгодъ, исходившихъ отъ злого временщика Бирона. Преслѣдованія его не знали устали и мѣры. На худомъ, продырявленномъ суднѣ, которое едва узниковъ не потопило, привезли ихъ въ Березовъ, кормили ихъ тамъ такимъ хлѣбомъ, что „часто зубы не брали, и давали щи, которыя, пока ѣшь, мерзли“. Пищу подавали всегда въ одинъ разъ на нѣсколько дней. Когда княжна Елена вздумала въ день своего ангела заказать обѣдню, протопопа (Авдѣя Михайлова) сослали за то подъ Иркутскъ въ Илимскій острогъ. Когда подъячій Тишинъ донесъ, что Долгорукіе говорятъ нескромныя рѣчи про Анну и Бирона, Долгорукихъ разлучили: Ивана посадили въ холодномъ амбарѣ (жена его Наталья Борисовна съ трудомъ выплакала позволеніе видѣться тайно ночью сквозь оконце и носить ему пищу). Князя Алексѣя съ его крѣпостнымъ дядькою заключили въ тѣсномъ холодномъ хлѣвѣ. Здѣсь нельзя было сдѣлать больше двухъ шаговъ и узники въ темнотѣ потеряли счетъ днямъ и ночамъ. Выпросивъ горсть гороху за послѣдній бриліантовый перстень, князь Алексѣй придумалъ съ дядькою особую игру. Разъ, во время этой игры въ горахъ, они оба, словно сговорившись, въ голосъ запѣли „Христосъ Воскресе“ а такъ какъ пѣніе было строго запрещено, то на Ѳоминой недѣлѣ въ среду обоимъ дали по 15 розогъ и записали въ штрафной журналъ колдунами: по гороху-де узнали о времени Пасхи. На этомъ мученія Долгорукихъ не кончились, ихъ увезли въ Тобольскъ, здѣсь судили и приговорили къ къ новой ссылкѣ. Князя Алексѣя услали въ Камчатку матросомъ; Николая, выбивъ кнутомъ и урѣзавъ языкъ, угнали въ Охотскъ; Александра, послѣ такихъ же истязаній, въ Камчатку; трехъ дѣвицъ-княженъ заточили въ женскихъ монастыряхъ *); князя Ивана увезли въ

*) У Меншикова, какъ извѣстно, было во владѣніи 91 тысяча душъ крестьянъ и 7 милліоновъ тогдашними деньгами, бриліантами и банковыми билетами.

*) Екатерину въ томскомъ Рождественскомъ, Елену въ тюменскомъ Успенскомъ, Анну въ

Новгородъ и тамъ колесовали и отсѣкли голову въ одно время съ двумя его дядями (Васильемъ Лукичемъ и Сергѣемъ Григорьевичемъ). Елизавета простила Долгорукихъ: княженъ освободила отъ монашескихъ обѣтовъ и выдала замужъ. Не такъ легко было простить и возвратить братьевъ. По обычаю того времени, начальства постарались забыть объ ихъ именахъ и мѣстахъ нахожденія. Сами они, увлеченные и поглощенные потокомъ ссыльной жизни, скрылись безслѣдно между туземцами и считались мертвыми. Алексѣй, только черезъ два года по воцареніи Елизаветы, случайно узналъ въ Камчаткѣ о своемъ прощеніи. Съ купцомъ Спиридоновымъ онъ явился въ Иркутскъ. Одѣтый въ армякъ и обросшій бородою, онъ не былъ признанъ губернаторомъ и самъ уже своевольно отправился пѣшкомъ въ Москву. Точно также одинъ изъ его братьевъ, вывезенный въ Иркутскъ и забытый въ острогѣ, былъ выпущенъ на волю для пропитанія. Когда прислано было предписаніе розыскивать политическихъ секретныхъ арестантовъ, къ губернатору явился старикъ, сторожъ церкви св. Харлампія, выдававшій себя за князя Долгорукова (Николая).

Освободивъ Долгорукихъ, Елизавета, какъ извѣстно, прислала въ Березовъ государственнаго канцлера графа Андрея Ивановича Остермана и выслала въ Пелымъ фельдмаршала графа Миниха, въ Собачій острогъ кабинетъ-министра Мих. Гавр. Головкина, въ Нижнеколымскъ (еще сѣвернѣе) президента коммерцъ-коллегіи барона Менгдена.

Старикъ Остерманъ, измученный жестокою подагрою, привезенъ въ Березовъ съ женою и остался тамъ въ памяти жителей своими бархатными сапогами и костылемъ; изъ бархата его сапоговъ мѣстные жители надолго потомъ сохраняли головные шамшуры и дѣтскія подвязки. Остерманъ прожилъ все время отшельникомъ въ своей комнатѣ, не выходя въ другія, наполненныя сторожами. Говорятъ, что березовскій климатъ ослабилъ припадки подагры къ концу его жизни. Въ 1747 году, черезъ три года, онъ умеръ здѣсь и легъ въ дубовый гробъ, обитый тафтою внутри, шелковою матеріею съ позументами снаружи. Иной памяти по себѣ не оставилъ. Жена, послѣ его смерти, возвратилась въ Москву, гдѣ и умерла въ глубокой старости.

Минихъ поселился въ Пелымѣ вмѣстѣ съ женою и пасторомъ Мартенсомъ въ двухъ-этажномъ домѣ съ балкономъ; изъ дому не выходилъ, казался нелюдимымъ, но на балконѣ нерѣдко видали старика сухого, крѣпкаго и бодраго. Днемъ онъ писалъ, чертилъ планы, ночной огонекъ показывалъ, что старикъ молился или продолжалъ еще заниматься военными и историческими науками (между прочимъ, писалъ гимны). Лѣтомъ заводилъ онъ небольшой огородъ, зимою обучалъ дѣтей грамотѣ, всегда казался веселымъ и затосковалъ лишь тогда, когда потерялъ вѣрнаго друга, пастора Мартенса, пробуждавшаго въ его душѣ чувства набожности и охоту къ мирнымъ трудамъ писателя. Воеводы, говоритъ преданіе, боялись Миниха, боялись его доносовъ ко двору и давали ему нѣкоторую свободу, меньшую, однако, той, которою пользовался до него и въ томъ же Пелымѣ Биронъ *) (сосланный при Аннѣ Леопольдовнѣ регентомъ Минихомъ). Передъ Бирономъ воевода стоялъ безъ шапки; герцогъ имѣлъ верховыхъ лошадей, часто ѣздилъ на охоту, держалъ многочисленную прислугу, ходилъ въ бархатномъ зеленомъ полукафтанѣ, подбитомъ и опушенномъ соболями. Народъ помнитъ, что онъ былъ высокаго роста и очень красивъ. Минихъ выжилъ въ Пелымѣ 20 лѣтъ и въ 1762 былъ возвращенъ изъ ссылки императоромъ Петромъ III.

Въ Собачьемъ острогѣ—несчастномъ зимовьѣ, послужившемъ впослѣдствіи основаніемъ Среднеколымску, не болѣе счастливому селенію, Головкинъ съ женою понесъ болѣе тяжкую участь, чѣмъ остальные его товарищи, не смотря на меньшую степень виновности и, вѣроятно, вслѣдствіе его наименьшаго ранга. И въ пустынномъ мѣстѣ его выпускали изъ дому не

верхотурскомъ Покровскомъ. Всѣхъ трехъ постригли въ монахини, пищею и одеждою велѣно содержать безъ всякой отмѣны. «Имѣющихся при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ также и дѣвокъ освободить и разослать въ разные сибирскіе города на вѣчное житье. Имѣющуюся мѣдную и оловянную посуду и платье, оставя потребное число, безъ всякаго излишества, прочую всю отобрать. Содержать ихъ подъ крѣпчайшимъ присмотромъ и никуда ни для чего отнюдь не выпускать и ни чѣмъ писать не давать и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не пускать и чтобъ никакихъ шалостей и непотребствъ отъ нихъ не происходило».

*) Биронъ, какъ извѣстно, жилъ въ Пелымѣ въ особенномъ домѣ, выстроенномъ по чертежу Миниха. Биронъ жилъ здѣсь не долго (пять недѣль), успѣлъ оставить въ народной памяти преданіе о своемъ гордомъ и неприступномъ поведеніи; въ 1742 г. его перевела Елизавета въ Ярославль вмѣстѣ съ братомъ Густавомъ (послѣдній даже не доѣхалъ до Пелыма и возвращенъ назадъ изъ Тобольска). Въ Сибири не осталось объ нихъ преданія, осталось таковое въ Москвѣ: когда везли регента съ братомъ и свояком въ трехъ закрытыхъ каретахъ черезъ этотъ городъ, чернь кинулась на нихъ и хотѣла растерзать; да въ Казани сохранилось всѣмъ извѣстное преданіе, что на мосту черезъ Булакъ встрѣтились два врага и, молча, раскланялись: Биронъ, возвращавшійся изъ Сибири, и Минихъ, ѣхавшій туда на обогрѣтое мѣсто. Третье преданіе сибирское утѣшаетъ себя тѣмъ урокомъ въ превратностяхъ судьбы, что Минихъ зажилъ въ томъ же домѣ, планъ котораго онъ сочинилъ для Бирона.

иначе, какъ подъ конвоемъ солдатъ съ ружьями, а ночью небольшой домикъ его всегда оцѣпляли часовыми. По праздничнымъ днямъ этого стараго и больного человѣка заставляли ходить въ церковь и слушать, какъ священникъ послѣ обѣдни произносилъ надъ нимъ анаѳему *). Въ своемъ изгнаніи онъ прожилъ почти 25 лѣтъ, слушая чтеніе разныхъ книгъ изъ устъ жены, и впослѣдствіи, когда усталъ дозоръ, занимался рыбною ловлею въ р. Колымѣ. Въ 1766 году онъ умеръ на мѣстѣ изгнанія и жена, получившая дозволеніе возвратиться, увезла его трупъ съ собою, заливъ его, по народному преданію, воскомъ.

Менгденъ привезенъ былъ въ Нижній-Колымскъ съ женою, дочерью, свояченицею, со служанкою и служителемъ. Сынъ съ теткою и слуги вернулись въ Россію, но баронъ умеръ съ женою на мѣстѣ ссылки, пользовавшись нѣкоторою свободою. Ему удалось послужить краю тремя службами, изъ которыхъ одна состояла въ отраженіи набѣга дикихъ чукчей, другая—въ разведеніи рогатаго скота и лошадей въ подспорье собакамъ и оленямъ, и третья—въ торговлѣ, которою занимался Менгденъ, выписывая товары изъ Якутска для ограниченныхъ потребностей бѣднаго и неподвижнаго мѣстнаго населенія.

То же странное распредѣленіе ссыльныхъ жеребьевъ отразилось какъ на судьбѣ этихъ четырехъ товарищей по изгнанію, такъ и на судьбѣ пятаго ихъ товарища, невѣстки канцлера, Анны Бестужевой. Въ то время, когда братъ ея, Мих. Гавр. Головкинъ, испытывалъ многообразныя стѣсненія въ Собачьемъ острогѣ, она, живя въ Якутскѣ на полной свободѣ, ѣздила по гостямъ, играла въ карты, обворожала всѣхъ пріятностью въ обхожденіи, жила роскошно, одѣвалась богато *). Хотя ей былъ отрѣзанъ языкъ, но, по народному преданію, въ такой степени, что разговоръ Бестужевой могли понимать слушатели.

Въ то же время для другихъ та же ссыльная жизнь и судьба обставлялись такими отчаянными подробностями: Фика—любимца Петра—цѣлую жизнь таскали изъ одного мѣста въ другое, намѣренно не давая ему ни отдыха, ни покоя. Сначала содержали его въ тобольской тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ перевезли въ Иркутскъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Иркутска въ прежнихъ тяжелыхъ цѣпяхъ въ Якутскъ. Якутскъ показался слишкомъ удобнымъ и веселымъ городомъ, отослали Фика за двѣ тысячи верстъ въ Зашиверскъ, но и эта крайняя глушь и отчаянная даль оказались въ Петербургѣ слишкомъ видными и людными. Фика перетащили въ Среднее зимовье на Вилюѣ, въ такое мѣсто, которое злому врагу и супостату могло бы показаться вполнѣ удовлетворительнымъ и безопаснымъ: убѣжать можно было только до первой трясины въ тундрѣ, говорить только съ приставниками; якуты, кромѣ своего языка, другого не понимали, кромѣ своихъ узкихъ звѣроловныхъ интересовъ, другихъ не признавали. И дѣйствительно, Фикъ прожилъ здѣсь десять лѣтъ, но лишенъ былъ свободы, выдерживался въ одиночномъ заточеніи безъ поддержки жены, родныхъ и привычныхъ слугъ, окруженный приставниками, озлобленными его несчастьемъ и живучестью. Въ 1742 году нашла его милость Елизаветы, но добралась до него окольными путями, къ довершенію его несчастій, не вдругъ; тобольская канцелярія не знала о мѣстѣ его жительства, наводила справки; узнавъ, отписывала въ Петербургъ о своей находкѣ, спрашивала, что дѣлать и какъ теперь поступить: несчастный Фикъ принужденъ былъ сидѣть и даже лишенъ былъ удовольствія товарищества съ де-Санти, когда послѣднему назначено было помѣщеніе въ томъ же зимовьѣ. „Понеже тамъ находится великоважный преступникъ Фикъ, то будетъ крайне опасно держать этихъ двухъ преступниковъ въ одномъ мѣстѣ“—отвѣчали безжалостные люди разжалобившейся судьбы.

Смирялись государственные люди: Скорняковъ-Писаревъ, слѣдомъ за Меншиковымъ, занимался хозяйствомъ, ловилъ рыбу, охотился за медвѣдями и сохатыми; Головкинъ далъ 50 рублей казаку, отобравшему верши изгнанника, поставленныя въ рукавѣ рѣки Колымы, и оговорилъ, что, если бы казакъ поступилъ такимъ образомъ въ Петербургѣ, онъ затравилъ бы его собаками. Князя Долгорукаго смирила ссылка до пономарской должности, Меншикова до работъ плотничьихъ съ топоромъ и проч. Не смирились крутые нравомъ, какъ Девіеръ (напускавшій страхъ на цѣлый Охотскъ), какъ Минихъ (напускавшій страхъ на воеводу); не смирялись располагавшіе надеждами на остатки силъ своихъ въ Петербургѣ, какъ Биронъ, передъ которымъ воевода стоялъ безъ шапки, какъ Прасковья Ѳедоровна Салтыкова—невѣста царя Ивана Алексѣевича, заставлявшая въ Енисейскомъ монастырѣ своего дядю воеводу стоять у косяка дверей, и проч. Не смирился Батуринъ въ Камчаткѣ, увлекшись планами бунта и побѣга, составленными конфедератомъ Беневскимъ, но Ивашкинъ предупреждалъ объ этомъ заговорѣ коменданта Нилова. Не смиряла духомъ ссылка людей молодыхъ и, въ особенности, не оказала она предполагаемой пользы исцѣленія надъ тѣми паціентами, которые вышли изъ простого народа. Доказательствъ много, приводимъ

*) По другому мѣстному преданію, ему однажды въ годъ читали какую-то бумагу, которую онъ обязанъ былъ слушать, скрестивъ на груди руки, къ каковой въ то же время солдаты приставляли ружейные штыки.

*) Въ Петербургѣ она пользовалась славою лучшей танцовщицы.

наиболѣе крупныя и характерныя, на первый разъ два: одно изъ начала прошлаго вѣка, другое изъ конца его; одно по великому государеву „слову и дѣлу“, другое по самозванству—по этимъ двумъ основнымъ главнымъ государственнымъ преступленіямъ, за которыя преимущественно ссылались въ Сибирь въ прошломъ вѣкѣ довѣрчивые простые люди—сообщники людей „продерзностныхъ“ и „самозванцевъ“.

При царѣ Ѳеодорѣ присланъ былъ въ Сибирь по царственному дѣлу, по приказу бояръ, стряпчій изъ дворцовыхъ волостей Терентій Васильевичъ Копытовъ. Въ 1712 году его отправляли изъ Тобольска по назначенію въ Нерчинскъ на судахъ. Въ Нарымѣ колодники зазимовали. Здѣсь Копытовъ разсказалъ товарищамъ, что онъ уже побывалъ въ Нерчинскѣ, узналъ тамъ многія царственныя дѣла и потаенную казну за нерчинскими жителями Турчаниновыми, выкричалъ тамъ „слово и дѣло“, былъ потребованъ въ Тобольскъ, просилъ отправить его въ Петербургъ передъ царское величество, но губернаторъ, все то утая, продержалъ его въ тюрьмѣ два года и вотъ теперь обратно шлетъ на старое мѣсто. „Хотя-де мы (говорилъ бывшій стряпчій) и въ Москву писали, да тамъ все воля боярская! что они, бояре, хотятъ, то и дѣлаютъ. Нынѣшній царь не печется о народѣ, а печется о нѣмцахъ, потому что онъ и самъ ихней породы, а не царскаго кореня. Истинно я это вѣдаю. Жилъ я въ Москвѣ и насъ было человѣкъ 12, и мы ночи сиживали надъ святыми книгами, а съ нами бесѣдовалъ верховой священникъ и сказывалъ мнѣ и товарищамъ моимъ: „Какъ-де воцарился государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и совокупился съ царицею Натальею Кирилловною и она-де, государыня, рожала царевенъ. И близъ рожденія онъ, государь, изволилъ ей, царицѣ, говорить: „ежели-де будетъ царевна, я-де тебя постригу“. И она, государыня, царица, призвавъ Артамона Сергѣевича (Матвѣева), сказала ему ту тайну, что царь на нее гнѣвенъ. И когда родила царевну, Артамонъ Сергѣевичъ учинилъ сокровенно—взялъ изъ нѣмецкой слободы младенца и подмѣнилъ вмѣсто того младенца, и понынѣ она въ нѣмейкой слободѣ жива; и по тому дѣлу ему, Артамону Сергѣевичу. великое время стало отъ нее, царицы, за такое умышленіе“. Слѣпой старикъ Копытовъ разсказалъ эту сплетню сначала одному (дозорщику Левшутину), потомъ и другимъ колодникамъ, приглашеннымъ Левшутинымъ въ свидѣтели тайно. Левшутинъ объявилъ нарымскому воеводѣ за Копытовымъ „слово и дѣло“, но получивъ въ отвѣтъ: „Пожалуйста помолчи здѣсь немного, мнѣ такихъ дѣлъ вѣдать не дано“,—сталъ искать случая отправиться въ Москву. Съѣхалъ онъ изъ Тобольска съ государевымъ желѣзомъ; послѣ сдачи его въ Сибирскомъ приказѣ получилъ пропускъ, но остался въ Москвѣ ожидать государя. Не дождавшись, пошелъ онъ въ низовые города для свиданія съ родными, а по пути зашелъ въ керженецкіе лѣса къ раскольникамъ. Здѣсь онъ натолкнулся на новыхъ недовольныхъ: говорили ученые керженецкіе старцы, что царь—антихристъ, архіереи—еретики, а всѣ господа по милости государевой—антихристовы слуги и грабители. Для подкрѣпленія своихъ словъ показывали и тетрадки разныя и книжки. На пыткахъ и допросахъ не отреклись отъ своихъ словъ, когда Левшутинъ снова выкричалъ на нихъ и въ Нижнемъ и въ Москвѣ государево великое слово. Левшутинъ также устоялъ на доносѣ и при мукахъ четырехъ пытокъ, и въ хомутѣ на подъемѣ и на дыбѣ подъ кнутомъ; двое оговоренныхъ на пыткахъ померли; третій устоялъ и былъ сосланъ на каторгу. Левшутина отпустили на волю шататься по лицу родной земли и только теперь можетъ быть выучили заграждать уста и не сказывать князю-панѣ Ромодановскому про тѣ тайныя дѣла, которыя слышали уши. Можетъ быть, въ Левшутинѣ и пропала страсть къ сплетнямъ на государево имя и угомонилась въ немъ пытливость въ сомнѣніяхъ на счетъ заслугъ Петра передъ народомъ, но не угомонила каторга другихъ убѣжденныхъ. Не въ нихъ была сила, не въ ихъ личномъ характерѣ поддержка, смѣлось и устойчивость, но въ общемъ предубѣжденіи, въ народной довѣрчивости, воспитанной духомъ времени и поддерживаемой стоустою молвою.

Самозванца солдата Кремнева, выдававшаго себя за Петра III, поддерживалъ мѣстный священникъ Левъ Евдокимовъ и не только (какъ сказано въ указѣ) самъ тому вѣрилъ, „но и всѣхъ вообще со всѣми вѣроятія недостойными и развращенными доказательствами подкрѣплялъ и увѣрялъ“. За такую довѣрчивость его наказывали кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ чинилъ увѣренія и подписи; возили его съ привязанною на груди доскою, гласившею: „помощникъ самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и свидѣтель“; выжгли ему на лбу знаки двухъ буквъ, означавшихъ „ложный свидѣтель“, и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу. Въ Нерчинскѣ Евдокимовъ присталъ къ новому самозванцу и снова довѣрчиво ему покорился, во всемъ помогалъ и всѣмъ о его ложномъ увѣреніи разсказывалъ. Въ свою очередь, и этотъ самозванецъ сдѣлался на каторгѣ таковымъ не впервые и также не былъ вразумленъ дальнею ссылкою и тяжелыми работами.

Этотъ самозванецъ (ускользнувшій отъ вниманія изслѣдователей замѣчательнаго явленія въ русской жизни, представляемаго самозванствомъ) былъ солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка и назывался Петромъ Чернышевымъ. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ домѣ попа Иванецкаго,

при немъ, при попадьѣ и дьячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Өедоровичемъ и потомъ увѣрялъ въ томъ же крестьянъ и при этомъ плакалъ. Чернышевъ избавленъ былъ отъ смертной казни, но жестоко наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно. За нимъ отправился туда же и распопъ Иванецкій. Въ 1763 году Чернышевъ, съ именемъ секретнаго арестанта, заключенъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Днемъ его выпускали на работу вмѣстѣ съ прочими колодниками, а на ночь запирали въ секретный казёматъ одного. На работахъ съ нимъ видались многіе, но говорили не всѣ. Ссыльный попъ Левъ Едвокимовъ пришелъ съ осьминой водки, подпоилъ виномъ сторожа и отъ секретнаго арестанта узналъ, что онъ— бывшій императоръ Петръ III. Двое другихъ ссыльныхъ (Карповъ и Өирсовъ) подтверждали то же самое: одинъ разсказывалъ, что въ бытность его въ услуженіи въ Москвѣ у грузинскаго царевича Георгія Петра III видалъ и что секретный арестантъ имѣетъ съ нимъ поразительное сходство; другой ссыльный сказывалъ, что Петра III видалъ въ 1763 году въ Петербургѣ въ тайной канцеляріи и что Чернышевъ на лицо таковъ же, какъ и императоръ. Самъ же Чернышевъ разсказывалъ всѣмъ, что, „бывши въ Воронежской губерніи для осмотра состоявшихъ въ оной полковъ, подъ видомъ солдата былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великій человѣкъ". Успѣхъ разсказовъ превзошелъ всякія ожиданія: не только повѣрили всѣ на заводѣ, но и изъ дальнихъ мѣстъ стали приходить крестьяне взглянуть на царя и принести ему всякіе подарки: приносили деньги, говядину, масло коровье, туши баранины; наконецъ, лошадей съ наказомъ, чтобы „какъ можно старался бѣжать, а хлѣбомъ не оставятъ". Подалъ о себѣ голосъ и распопъ Иванецкій, жившій въ Уровской деревнѣ, приславшій Чернышеву письмо такого содержанія: „Премилосердый мой государь, Петръ Өедоровичъ! желаю вамъ здравствовать на многія лѣта... Чрезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда, или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь будетъ мучиться"?.. Евдокимовъ за Чернышева написалъ такой отвѣтъ: „О чемъ вы изволите писать и слышать хочете о благополучіи, пріѣзжалъ генерала комисенской отъютантъ, ходилъ въ тюрьму, осмотрѣлъ Петра Өедорыча и и поѣхалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ, и писалъ къ Петру Өедорычу, что будь надеженъ и такъ буду стараніе прилагать"... Дѣйствительно, адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышева и опозналъ его императоромъ. Самъ генералъ Ивашовъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ и осматривалъ Чернышева. Молва неслась все дальше и выше и успѣла поднять сильныхъ войсками тунгусскихъ князей Гантимуровыхъ. Одинъ изъ братьевъ наказывалъ передать Чернышеву о своей готовности собрать тунгусовъ и взять его изъ тюрьмы разбоемъ: „Пріѣдемъ въ заводъ, у меня ни одинъ человѣкъ и въ окно выглянуть не смѣетъ". Чернышевъ, заручившійся обѣщаніями помощи, гвоздемъ отперъ замокъ цѣпи, на которую былъ посаженъ, увилъ платкомъ ножныя кандалы, чтобы не брящали, и по кушаку, съ помощью друзей, вышелъ на волю. Бродилъ онъ по окрестностямъ долго, заблудился, 11 дней шелъ голодомъ, пришелъ въ безсиліе и на 12-ый день, выйдя изъ всякаго терпѣнія, добровольно отдался въ руки судей. Въ нерчинскомъ заводѣ началось слѣдствіе, собрали всѣхъ причастныхъ къ дѣлу, дѣлали допросы и очныя ставки, путались въ трущобахъ разнорѣчивыхъ показаній и уловокъ, но не могли приступить къ суду за недостаткомъ твердыхъ убѣжденій. Къ тому же и князь Гантимуровъ сдержалъ свое слово, привелъ въ заводъ свою команду, болѣе ста вооруженныхъ тунгусовъ; въ коммиссію онъ не пошелъ, ссылаясь на то, что не принадлежитъ къ горной командѣ, отвѣтовъ никакихъ не давалъ и продолжалъ свободно гостить у генералъ-маіора Ивашова. Однако, дѣло кое-какъ довели до конца. Въ 1770 г. изъ Петербурга было написано оставить сообщниковъ безъ вниманія, кромѣ Өирсова, котораго велѣно наказать плетьми, но изъ-подъ караула освободить. Чернышева же указано наказать кнутомъ публично при заводскихъ жителяхъ, повѣрившихъ его разглашенію, потомъ заклеймить, какъ человѣка дерзкаго и злого, и сослать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣть употреблять его въ тяжкихъ работахъ. Въ 1771 г. приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, но Чернышевъ до Мангазеи не доѣхалъ; онъ умеръ по дорогѣ въ Енисейскѣ, оставивъ послѣ себя собственные пожитки: войлокъ, небольшую подушку и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрышки, „а и еще имѣлась приономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта подъ него подстилана, и что онъ гнилъ и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила и затѣмъ брошена" *).

Это событіе, со включеніемъ участья ссыльнаго въ Камчатку Батурина въ смѣломъ побѣгѣ Беневскаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ по всей Европѣ, служитъ дополненіемъ весьма немногихъ другихъ, оживляя однообразную жизнь изгнанниковъ за государственныя преступленія и освѣщая мрачную ночь. Остальные изгнанники остались для страны невѣдомыми, безполезны-

*) Подробный разсказъ объ этомъ событіи см. ниже въ статьѣ: «Исторія каторги. Нерчинскіе рудники и промыслы».

ми и лишними. Съ одинаковымъ удобствомъ ихъ могли бы довести до ускоренной смерти въ монастыряхъ и тюрьмахъ русскихъ и, конечно, старинному воззрѣнію на этихъ людей вовсе не нужно было такихъ героевъ, какъ Ивашкинъ, прожившій въ Камчаткѣ (въ Большерѣцкѣ) тридцать пять лѣтъ, и когда ему разрѣшена была свобода, не только не принявшій права, но и не имѣвшій никакого интереса въ возвратѣ. Онъ какъ милости просилъ дозволенія остаться въ странѣ, гдѣ выучился ловить себѣ рыбу для пищи и доставать деньги и припасы обученіемъ дѣтей грамотѣ и исправленіемъ должности дьячка. Въ 1780 г., за 15 лѣтъ до того, его еще интересовало возвращеніе и онъ писалъ о томъ просьбу къ губернатору; когда же ему перевалило за 60 лѣтъ—онъ могъ отвѣчать на милость только такими словами: „Куда мнѣ ѣхать при такой дряхлости! Я чувствую, что не переживу моего переселенія и умру на дорогѣ". Такихъ героевъ жестокосердый до утонченности вѣкъ не желалъ; симпатіи его обращались въ другую сторону, изъ которой доносились рапорты комендантовъ и отписки монастырскихъ настоятелей, что такой-то нумеръ (такой-то безъимянный секретный арестантъ) умеръ. Для этого извѣстія утѣснителямъ пріятно было назначать для жительства самыя голодныя мѣста (зимовья), самые глухіе остроги, которые до настоящаго времени представляютъ крайнее безхлѣбье и безлюдье. Старымъ вершителямъ человѣческихъ судебъ пріятно было забыть не только о событіяхъ, но и о лицахъ, по примѣру того, какъ 35 лѣтъ былъ забытъ Ивашкинъ, сказавшій, по увлеченію молодости и въ пьяномъ видѣ про Елизавету. Также забытъ былъ нѣкто Родіонъ Ковалевъ, 25 лѣтъ просидѣвшій на цѣпи въ Селенгинскомъ монастырѣ до того времени, когда, по уничтоженіи тайной канцеляріи, отворили монастырскія тюрьмы и выпустили заточниковъ. Ковалевъ, конечно, оказался сумасшедшимъ, какъ и всѣ другіе, остававшіеся въ живыхъ, но онъ, сверхъ того, разучился уже говорить до нѣмоты. Одна бумага сохранила его прежнее званіе и объявила, что онъ былъ подпоручикомъ Сибирскаго пѣхотнаго полка, но не было другой, которая сказала бы объ его винахъ, а въ жизни настоящей не было, конечно, ни единаго штриха, который могъ бы свидѣтельствовать о степени его вреднаго вліянія и великой важности преступленія. Многіе погибли безвѣстно: такъ, между сотнями таковыхъ, сосланныхъ при Аннѣ Бирономъ, одному усердному изслѣдователю ссыльной старины Сибири (Л. С. Сельскому) извѣстенъ одинъ изъ такихъ зачинщиковъ, сосланный въ Анадырскій острогъ безъ означенія имени и виновности. „Когда возникла переписка о всѣхъ, находящихся въ Камчаткѣ и Охотской области (говоритъ г. Сельскій *), то анадырскій изгнанникъ отмѣченъ умершимъ". Какая-то секретная арестантка (безъ означенія имени) числилась въ 1753 году въ Селенгинскѣ и осталась неизвѣстною въ описи дѣлъ, видѣнныхъ нами въ архивѣ бывшей ратуши этого города. Генералъ-прокуроръ Вяземскій принужденъ былъ прибѣгать къ строжайшимъ настояніямъ, чтобы отыскивали заключенниковъ и оказывали имъ милость, но на большую часть предписаній получалъ въ отвѣтъ, что узнать имена ссыльныхъ и мѣста заточенія нѣтъ никакой возможности. Иные являлись съ перемѣннымъ именемъ изъ Россіи, другихъ переименовывали на мѣстахъ ссылки. „Иногда (свидѣтельствуетъ Манштейнъ въ своихъ мемуарахъ) приказывали дѣлать такую перемѣну, не увѣдомляя о томъ и тайную канцелярію". Исчезли всякіе слѣды въ народной памяти о Лопухиной, сосланной Елизаветою, о Толстыхъ, Бутурлинѣ и проч. Объявились неизвѣстные, вродѣ бывшаго флигель-адъютанта де-ла-Тосоньера и проч., и оставались неизвѣстными ссыльные вродѣ Аѳанасія Петровича, извѣстнаго въ Сибири въ началѣ настоящаго столѣтія. Помнятъ, что онъ былъ старъ и бодръ и отличался хорошимъ платьемъ. Въ народѣ ходили различные толки **). Какъ въ прошломъ, такъ и въ предшествовавшемъ ему вѣкѣ отнимали у ссыльныхъ всякую возможность свободнаго употребленія своихъ силъ и способности въ пользу страны и въ исполненіе основной и существенной идеи всякой колонизаціи. Лишь только тамъ, гдѣ, по случайнымъ привиллегіямъ, предоставлялась какая либо свобода и оставался хотя малѣйшій просторъ для малѣйшей самодѣятельности ссыльныхъ, полезное вліяніе ихъ не медлило обнаруживаться. Впрочемъ, разведеніе Меншиковымъ огорода въ холодномъ и безплодномъ Березовѣ, учрежденіе богадѣльни его осиротѣлымъ семействомъ тамъ же, заведеніе школы Минихомъ въ пустынномъ Пелымѣ, школа Ивашкина въ Камчаткѣ, опыты разведенія лошадей и рогатаго скота въ тундрахъ Нижнеколымска—единственные памятные слѣды ссыльной жизни государственныхъ преступниковъ прошлаго вѣка ***). Обезпеченіе гра-

*) Въ статьѣ своей «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ».

**) Считали его бояриномъ, сосланнымъ Павломъ. Говорили, что когда везли его въ Петербургъ обратно и на день остановились въ Тобольскѣ, онъ, при видѣ губернатора Канцевича, стоявшаго у полуотворенной двери, сказалъ ему: «Ну, Канцевичъ, гатчинскій любимецъ! Ты еще не узналъ меня»?

***) Опытъ Менгдена не былъ удаченъ: лошадей развести ему не удалось въ неудобныхъ колымскихъ тундрахъ. Въ этомъ отношеніи былъ счастливъ другой ссыльный въ архангельскую тундру. В. В. Голицынъ, положившій основаніе крѣпкой породѣ мезенокъ, долгое время поль-

ницъ съ Китаемъ услугами гетмана Демьяна Многогрѣшнаго за Байкаломъ — единственное крупное явленіе въ исторической жизни ссыльныхъ, но и оно принадлежитъ ко временамъ болѣе глубокимъ, къ событіямъ XVII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ на „секретныхъ“ преступниковъ смотрѣли какъ на людей, преисполненныхъ презѣльнаго яда, боялись допускать ихъ до сношенія съ людьми даже въ случаяхъ необходимости, при недостаткѣ кормовыхъ, ходить по міру и просить подаянія, „чтобы колодники не разсказали въ народѣ тѣхъ словъ, за что они были сосланы“.

„Великоважность“ преступниковъ понималась приставниками или такъ, что поступали съ ними круто и безсердечно, или опасливостью, великими затрудненіями на крайніе случаи болѣзни и при необходимости подать какую либо помощь и оказать содѣйствіе. Долгорукіе въ Березовѣ получили 15 розогъ за игру въ горохъ и видали своего пристава, ходившаго на бесѣду со ссыльными дамами въ солдатской епанчѣ, накинутой на рубашку, и въ туфляхъ на босую ногу. „Дай Богъ (говоритъ Наталья Борисовна Долгорукая въ своихъ запискахъ), дай Богъ горе терпѣть да съ умнымъ человѣкомъ. Какой этотъ глупый офицеръ былъ! Ему казалось подло съ нами говорить; однако, со всею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Я была всѣхъ моложе и невоздержна, не могла терпѣть, чтобы не смѣяться, глядя на его смѣшную позитуру. Онъ, это видя, что я ему смѣюсь, какъ-то разъ ему пришлось примѣтить, говоритъ: „Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ“. Чего они боялись? Чтобы мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала невинность наша“. Когда пересылаемый въ Сибирь Ивашкинъ на дорогѣ заболѣлъ такъ, что сопровождавшій сержантъ донесъ рапортомъ, что онъ не перенесетъ дороги изъ Иркутска и умретъ,—врачъ Баксманъ не рѣшился ему помочь, хотя и нашелъ, что Ивашкинъ весь распухъ отъ внутренней болѣзни и имѣетъ отъ кандаловъ язвы на рукахъ и на ногахъ.

Болѣе счастливы были тѣ узники, которые, съ перемѣною правленія, считались оправданными и успѣвали дожить до воцаренія своихъ благодѣтелей. Въ такихъ случаяхъ нѣкоторыя милости не ограничивали себя тѣсными предѣлами: возвращенные (какъ Долгорукіе) приглашались снова на поприще государственной дѣятельности; ссыльныя женщины, обрекавшіяся на монастырское заточеніе и монашеское постриженіе, разстригались. Такъ съ постриженныхъ дочерей Артемія Волынскаго (Анны въ иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ и Маріи въ енисейскомъ Рождественскомъ) сняли монашескій чинъ и отпустили на житье въ Москву *). Ѳед. Ив. Соймоновъ, любимецъ Петра I, успѣвшій однажды спасти ему жизнь, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, первый, составившій карту Бѣлаго моря и описавшій впервые берега Каспійскаго, изъ вицепрезидентовъ адмиралтействъ-коллегіи въ 1740 г. попалъ въ Сибирь за участье въ дѣлѣ Волынскаго, наказанъ кнутомъ и сосланъ былъ Бирономъ въ каторжную работу на Охотскій солеваренный заводъ. Сосланъ онъ былъ съ вырванными ноздрями, которыя, однако—по преданію—искусный лекарь въ Сибири заростилъ кускомъ мяса, вырѣзаннымъ изъ лѣвой руки невиннаго страдальца. Елизавета Петровна, тотчасъ по восшествіи на престолъ, признала его невиннымъ, возвратила шпагу и позволила жить, гдѣ пожелаетъ. Соймоновъ, однако же, все-таки еще 16 лѣтъ послѣ того жилъ въ Сибири безъ всякаго званія, но не безплодно воспользовался свободою: въ 1753 году онъ измѣрялъ фарватеръ Шилки и развѣдывалъ первымъ пути по Амуру. Въ 1757 году, именнымъ указомъ, онъ изъ ссыльнаго, жившаго на пропитаніи, сдѣлался сибирскимъ губернаторомъ. Шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ въ этой должности, оставили глубокіе слѣды признательности въ преданіяхъ старожиловъ и крупныя доказательства его знаній и службы странѣ. Въ Миллеровомъ журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія“ сохранились замѣчательные ученые труды бывшаго изгнанника („Сибирь—золотое дно. Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ и письмо россійскаго навигатора къ молодому Зейману“). Въ Охотскѣ устроена была имъ морская школа, при Посольскомъ монастырѣ на Байкалѣ—маякъ и гавань; имъ же уничтоженъ Анадырскій острогъ для облегченія несчастныхъ коряковъ и камчадаловъ, обязанныхъ непосильною перевозкою туда провіанта и разныхъ припасовъ. Имъ положено начало устройству главнаго сибирскаго тракта черезъ Барабу, раздѣлявшую обѣ Сибири и Соймоновымъ оживленную населеніемъ ямщиковъ. Въ 1759 г. при немъ Омская линія была устроена такъ, что съ этого времени набѣги киргизовъ сдѣлались рѣже и южные округи края могли идти впередъ по пути развитія. Въ 1763 г. Соймоновъ, сдѣланный сенаторомъ, уступилъ свое мѣсто знаменитому и памятному сибирскому народу „батюшкѣ Денису“ (Д. Ив. Чичерину). Послѣ безполезнаго для края Салтыкова, сосланнаго въ Сибирь воеводою вмѣстѣ съ племянницею (впослѣдствіи женою царя Ивана Алексѣевича **), ссыльный Соймоновъ былъ

зовавшихся большою извѣстностью на всемъ сѣверѣ Россіи.

*) Анна вышла замужъ за Нарышкина, Марія осталась монахинею въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей.

**) Салтыковой изо всѣхъ ссыльныхъ женщинъ жилось лучше и свободнѣе: она пріѣхала съ

единственнымъ административнымъ лицомъ въ мѣстѣ изгнанія и послѣ Многогрѣшнаго—вторымъ по времени, оказавшимъ несомнѣнныя услуги ссыльному краю.

Для всѣхъ другихъ ссыльныхъ государственныхъ преступниковъ, намъ извѣстныхъ, тяжесть неволи, помимо строгости надзора, облегчалась участіемъ и помощью простыхъ сердецъ, видѣвшихъ мученія жертвъ и спѣшившихъ на помощь, насколько это было возможно. Многихъ изъ далекихъ зимовьевъ губернаторы брали на себя смѣлость переводить на житье въ губернскіе города. Камчатскій губернаторъ Козловъ уважалъ Ивашкина за отца и обязанъ былъ ему многими полезными совѣтами по дѣламъ управленія, въ чемъ лично убѣдился и о чемъ свидѣтельствуетъ знаменитый Лаперузъ. Впрочемъ, и здѣсь мщеніе издалека не медлило налагать свою тяжелую руку: одинъ изъ провожатыхъ казаковъ, доставившій письмо отъ Гурчанинова кому-то въ Якутскѣ, высѣченъ нещадно кнутомъ, „дабы для другихъ было неповадно“. Одинъ изъ жиганскихъ жителей, передавшій князю Черкасскому (сосланному въ 1734 г.) псалтырь, также наказанъ былъ кнутомъ и переселенъ въ дальнее зимовье. 31 человѣкъ изъ жителей Березова и Обдорска, приверженныхъ къ Долгорукимъ, темною и дождливою ночью были схвачены, посажены на судно и сплавлены въ Тобольскъ. Не смотря на личное ходатайство сибирскаго митрополита Антонія Стаховскаго, священнику Кузнецову вырвали ноздри, лишили сана и наказали кнутомъ; священниковъ Прохорова и двухъ Васильевыхъ и дьякона Кокоулина выбили плетьми и, безъ лишенія сана, сослали на каторгу въ Охотскій портъ. Елизавета ихъ возвратила; Долгорукіе пригласили ихъ съ собою, только березовскіе священники не согласились, рѣшившись дожить вѣкъ въ Березовѣ, но обдорскій священникъ и дьяконъ выѣхали въ Москву, въ домовую церковь Долгорукихъ.

Во всякомъ случаѣ, молва о страданіяхъ, о набожности, о смиренной покорности службѣ ссыльныхъ ушла въ преданіе. Разрыхлилась почва, предназначенная для будущихъ несчастныхъ этого рода въ такой мѣрѣ, что въ туземномъ населеніи приготовились иныя воззрѣнія на этихъ людей, извѣстныхъ въ Сибири подъ именемъ „секретныхъ“. При неусыпномъ надзорѣ они исторгли уваженіе даже среди униженій и страданій. Туземное населеніе, вопреки увѣреніямъ противной стороны и при видѣ частыхъ перемѣнъ судьбы этихъ ссыльныхъ къ лучшему и къ полному прощенію, воспиталось въ наибольшей готовности содѣйствія и помощи и укрѣпилось въ этомъ обязательствѣ въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ и крупныхъ добродѣтелей многихъ изъ ссыльныхъ. Настоящій вѣкъ, хвастливый своими гуманными доблестями, увидѣлъ это явленіе въ характерѣ сибиряковъ въ самыхъ яркихъ чертахъ и убѣдился въ его существованіи многочисленными ясными и безспорными доказательствами. „Мы видѣли,—говоритъ одинъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года:—сибирскихъ мужиковъ, стоявшихъ на дорогѣ на холодѣ (въ зиму 1826 г.), подъ открытымъ небомъ. Это былъ обычай жителей собираться изъ окрестныхъ деревень на большую дорогу и дожидаться „несчастныхъ“, чтобы продать имъ съѣстные припасы, теплые чулки и т. п. Бѣднѣйшіе получали эти предметы даромъ. Это бываетъ по два раза въ недѣлю. Я узналъ послѣ, что это христіанское обыкновеніе существуетъ съ древнѣйшихъ временъ“. Между петровскимъ временемъ, когда за плѣнныхъ шведовъ сибиряки гнушались выдавать своихъ дочерей и вызвали насильственныя мѣры, и настоящимъ вѣкомъ, обильнымъ ссылкою поляковъ, лежитъ уже цѣлая бездна. Томскіе жители, не принимавшіе къ себѣ на квартиру декабриста Батенкова, представляютъ единственный примѣръ, обладающій всѣми свойствами исключительнаго и страннаго явленія

штатомъ дѣвицъ, уѣхала съ великою честью. Могла держать себя гордо: не допускала къ себѣ никого, удостоивала честью посѣщенія только игуменью и не позволяла передъ собою садиться даже дядѣ воеводѣ. Содержалась она въ Енисейскомъ монастырѣ.

ГЛАВА VI.

ДЕКАБРИСТЫ.

Ссылка декабристовъ.—Путь ихъ по Россіи и Сибири.—Фельдъегери.—Встрѣчные.—Губернаторы.—Каинскій городничій.—Судьба первыхъ восьми.—Жизнь до Читы.—Волконскій.—Трубецкой.—Оболенскій.—Братья Борисовы.—Якубовичъ.—Волконская.—Трубецкая.—Ген.-губ. Броневскій.—Благодатскій рудникъ.—Свиданія.—Столкновенія.—Прапорщикъ Рикъ.—Приставъ Лепарскій.—Прибытіе остальныхъ декабристовъ.—Встрѣча.—Пребываніе въ Читѣ.—Помѣщеніе.—Казематы.—Поэтъ Одоевскій.—Новая тюрьма.—Работы.—Чита.—Болѣзнь неволи.—Исторія Сухинова.—Бунтъ въ Кличкинскомъ рудникѣ.—Судъ и казни.—Новыя правила.—Строгости.—Дубининская исторія.—Инструкція караульнымъ.—Смольяниновъ и его жена.—Штабъ Лепарскаго.—Клубъ.—Переписка съ родными.—Ослабленіе строгостей.—Общій столъ.—Домашнія занятія и самовоспитаніе.—Корниловичъ.—Мухановъ.—Никита Муравьевъ.—Пушкинъ.—Д. И. Завалишинъ.—Докторъ Вольфъ.—Арт. Зах. Муравьевъ.—Кюхельбекеръ.—Лунинъ.—Юшневскій.—Музыка.—Вороды.—Не-декабристы.—Религіозность.—Женщины героини.—Трубецкая.—Губернаторъ Цейдлеръ.—Волконская.—Правила для женъ.—Муравьева-Апостолова.—Нарышкина.—Фонвизина.—Давыдова.—Анненкова.—Янтальцова.—Розенъ.—Дѣти.

Представляемыя здѣсь свѣдѣнія собраны на мѣстахъ, въ самомъ источникѣ, какъ и всѣ тѣ, которыя вошли въ составъ этого сочиненія и которыя провѣрены подлинными документами, какъ это очевидно для внимательнаго читателя. На этотъ разъ возможность повѣрки матеріаловъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, обезпечивалась наибольшимъ успѣхомъ. Автору этой статьи привелось ознакомиться съ записками и сказаніями десяти узниковъ, по большей части говорящихъ въ одно и то же время объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; стало быть, при столь частыхъ противорѣчіяхъ, когда многимъ измѣняла память или индивидуальныя воззрѣнія, можно было доискиваться истины въ сопоставленіи различныхъ мнѣній и придерживаясь мнѣнія большинства. Сверхъ лично добытыхъ свѣдѣній, черезъ разспросы и справки въ архивахъ, авторъ дополнилъ и провѣрилъ свѣдѣнія по запискамъ слѣдующихъ декабристовъ: по печатнымъ—А. П. Оболенскаго, М. А. Бестужева, И. Д. Якушкина, автора книги „Мемуары декабриста"; по рукописнымъ запискамъ: Н. В. Басаргина, барона Соловьева, Д. И. Завалишина, барона Штейнгеля; по разсказамъ И. И. Горбачевскаго и по собственноручнымъ письмамъ Н. А. Бестужева. Сверхъ того, въ рукахъ автора этой статьи были рукописныя записки ген.-губ. Восточной Сибири С. Б. Броневскаго, многія печатныя свѣдѣнія (напр., Е. П. Ковалевскаго „Графъ Блудовъ и его время", мелкія замѣтки, разбросанныя по журналамъ) и, сверхъ того, многочисленные разсказы туземцевъ-современниковъ, собранные во время двухгодичной поѣздки автора по Сибири въ 1859—1861 гг. Наиболѣе другихъ въ этомъ исправленномъ изданіи авторъ пользовался матеріалами и данными, готовно и радушно переданными Дм. Ирин. Завалишинымъ.

То же состраданіе къ участи обреченныхъ въ ссылку, исходящее изъ непосредственныхъ чувствъ богатаго русскаго сердца, то же беззавѣтное участіе всѣхъ случайныхъ свидѣтелей встрѣтило и провожало до крайнихъ предѣловъ изгнанія и этихъ новыхъ ссыльныхъ 1826 года, получившихъ по дорогѣ въ Сибирь и въ самой странѣ изгнанія прозваніе „князей". На этотъ разъ это состраданіе и участіе, составляющія привиллегію русскаго народа, выразились съ большею полнотою и въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Если обыкновеннымъ „несчастнымъ" успѣваютъ пособлять только встрѣчные и „милостивцы" являются въ видѣ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, то на этотъ исключительный разъ тѣ же чувства готовно высказывались и со стороны высшихъ сословій, людей большаго образованія, способныхъ сознавать и давать отчетъ въ собственныхъ поступкахъ. На этотъ разъ христіанскія чувства успѣли обнаружиться даже на самыхъ первыхъ шагахъ въ неволѣ. Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора, избранный въ духовные отцы заключеннымъ и въ видахъ содѣйствія слѣдственной коммиссіи, сталъ единственнымъ и беззавѣтнымъ ихъ другомъ. Изъ постояннаго собесѣдника и утѣшителя онъ превратился для нихъ въ коммиссіонера, умѣвшаго среди опасностей риска, съ осторожностью, находившею силы въ искренности чувствъ христіанской любви, быть посредникомъ между заключенными и ихъ родными. Его содѣйствію, между прочимъ, обязаны были жены ссыльныхъ тѣмъ, что за день узнавали о тщательно скрываемыхъ срокахъ отправленія своихъ мужей и имѣли возможность видѣться съ ними на дорогѣ. Ему, въ благодарность за благодѣянія, завѣщалъ Рылѣевъ одну изъ своихъ золотыхъ табакерокъ.

Коменданты объявляли приговоръ о ссылкѣ со слезами на глазахъ, обращались учтиво, такъ что нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось выслушивать самую искреннюю и сердечную благодарность. Плацъ-адъютантъ крѣпости,

адъютанты военнаго министра (Татищева), посланные быть свидѣтелями отправленія приговоренныхъ въ Сибирь и обязанные слѣдить, чтобы ссыльные не имѣли при себѣ денегъ, передаютъ въ руки деньги свои собственныя и довѣренныя имъ родными приговоренныхъ и отобранныя при арестѣ. Передавая деньги, эти люди усердно просили дать имъ новую коммиссію, предлагали услуги передать какое либо порученіе роднымъ. Прощаясь, они обнимались и плакали. Солдаты и всѣ приставники сильно мирволили; одинъ офицеръ, водившій арестованныхъ гулять на берегъ Невы у крѣпости, рекомендовалъ даже иностранное судно для побѣга за границу и обязывался устроить побѣгъ за 2 тысячи рублей для всѣхъ заключенныхъ.

Фельдъегери, садясь на переднюю тройку для открытія поѣзда (съ четырьмя тройками назади, на которыхъ сидѣли ссыльные по одному въ экипажѣ, съ однимъ жандармомъ на каждаго), гнали во всю прыть только по Петербургу, за заставою же ѣхали обычною рысью; на станціяхъ намѣренно медлили во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для свиданія встрѣчались съ путешественниками ихъ жены и родные. Иногда останавливались ночевать; цѣпи на ночь позволяли снимать съ ногъ; служили поварами, завозили къ помѣщикамъ въ гости, когда заѣхали въ глушь Вятской и Пермской губерніи; были покорными слугами. Жандармы также прислуживали съ готовностью и радѣніемъ, оправдываясь тѣмъ, что приказано-де обходиться вѣжливѣе и беречь здоровье. Смотрители на станціяхъ старались угодить, чѣмъ могли, накормить и напоить всѣмъ, что имѣли.

Одну партію (4-хъ человѣкъ) на станціи за Шлиссельбургомъ встрѣтила со слезами кучка женщинъ, предлагавшихъ деньги, бѣлье, платье; это была случайно проѣзжавшая помѣщица, ѣхавшая изъ имѣнія съ дочерьми въ Петербургъ. Другая партія (также изъ 4 человѣкъ) на почтовой станціи въ Рыбинскѣ, получившая позволеніе отдохнуть, нашла одну изъ двухъ комнатъ, съ диваномъ и кроватью, занятою проѣзжими и потому размѣстились на полу первой. Но лишь только они успѣли лечь, отворилась дверь сосѣдней комнаты и проѣзжій вышелъ оттуда съ двумя мальчиками, изъ которыхъ одинъ несъ подушку, другой—узелъ. На извиненіе о безпокойствѣ, причиненномъ бряцаніемъ кандаловъ, проѣзжій учтиво отвѣчалъ: „Прошу васъ, господа, въ мое помѣщеніе, оно теплѣе и вы тамъ лучше отдохнете. Вашъ путь великъ, а мой только до Петербурга". Незнакомецъ этотъ былъ адмиралъ съ георгіевскимъ крестомъ, ѣхавшій отдавать своихъ сыновей въ Петербургѣ въ кадетскій корпусъ. Пока эта партія собиралась обѣдать въ гостинницѣ, въ городѣ Ярославлѣ, на площади собрался народъ. Въ 1/4 часа площадь переполнилась народомъ такъ, что яблоку упасть было некуда. Начальство приняло мѣры предосторожности: у воротъ извнѣ поставлены были съ обнаженными саблями жандармы; на тройки въ сани усаживались при запертыхъ воротахъ и, едва лишь послѣднія были отперты, съ быстротою птицы тройки полетѣли черезъ площадь. Одинъ изъ ѣхавшихъ едва успѣлъ поднять руку, чтобы снять шапку, какъ уже вся толпа обнажила головы и всѣ кланялись съ чувствомъ самаго искренняго участія. „О народной мести,— замѣчаетъ одинъ изъ свидѣтелей этой сцены:— и рѣчи быть не могло". Слѣдовавшую за этою партію народъ продолжалъ убѣждать въ противномъ; толпясь около телѣгъ и повозокъ, онъ бросалъ свои мѣдные гроши. Одну копеечку, полученную отъ нищей старухи, Николай Васильевичъ Басаргинъ хранилъ, какъ драгоцѣнность. Въ Ярославлѣ одной партіи разрѣшено было губернаторомъ пробыть 6 часовъ и все время провести въ свиданіи съ родными; фельдъегерь не противился проводамъ родныхъ этихъ до слѣдующей станціи и не мѣшалъ сдѣлать книжные запасы. Когда случайно съѣзжались двѣ партіи, нѣкоторые фельдъегери не задумывались согласиться ѣхать вмѣстѣ и не мѣшали обмѣну мыслей долго не видавшихся другъ съ другомъ товарищей въ теченіи не одного дня (въ Иркутскѣ давалось прожить въ тѣсномъ кружкѣ товарищей болѣе недѣли). Въ городахъ чиновники, на станціяхъ этапные офицеры—всѣ относились съ участіемъ; во всѣхъ это участіе было неподдѣльно. Ямщики привязывали къ санямъ кибитки, бережно обкладывали ноги сѣномъ. Въ одномъ городѣ Вятской губерніи одной партіи проѣзжихъ сдѣлали обѣдъ и балъ; другая партія сама воспользовалась послѣднимъ уже въ Сибири. Видя освѣщенныя окна и соблазнившись долетавшими до слуха музыкальными звуками, четверо товарищей подговорили фельдъегеря нарядиться „ряжеными", въ видѣ медвѣдя съ козою и проводниками, пришли на вечеринку, потанцовали, поужинали и, оставивъ хозяевъ въ недоумѣніи объ отличныхъ пришлыхъ танцорахъ, опять надѣли кандалы и поѣхали дальше на каторгу.

Дорогою путешественники избѣгали говорить по французски, зная, что фельдъегерямъ дано право, въ случаѣ нарушенія этого приказанія, оставить безъ обѣда. Тобольскій гражданскій губернаторъ, Бантышъ-Каменскій (издатель извѣстнаго въ литературѣ „Словаря"), дарилъ двухдневнымъ отдыхомъ, заботливо разспрашивалъ о нуждахъ, о здоровьѣ; полиціймейстеръ отлично угощалъ, предлагая до 12 сортовъ всякихъ рыбъ, живущихъ въ сибирскихъ рѣкахъ. Отъ Тобольска въ проводники выдавались уже чиновники, и Бантышъ, прощаясь съ проводниками, говорилъ послѣднимъ: „Примите арестантовъ, но помните, что вы имѣете дѣло

съ благовоспитанными людьми". Въ Тарѣ тѣмъ же гостепріимствомъ встрѣчалъ полицiймейстеръ Степановъ, кавказскій воинъ временъ Ермолова, который, будучи привлеченъ къ отвѣту, умѣлъ отвѣчать коротко, что руководился заповѣдью христіанской любви. Въ Красноярскѣ жители спорили за право чести принять у себя проѣзжихъ и угостить ихъ; угощалъ самъ губернаторъ, Алек. Петров. Степановъ (авторъ „Постоялаго двора" и „Описанія Енисейской губерніи). Купцы, добившіеся чести накормить „несчастныхъ", принимали въ лучшихъ комнатахъ, угощали по русски всѣмъ, что было въ печи, топили бани, снабжали на дорогу винами и закусками. Въ Иркутскѣ самую первую партію приняли съ тою же ласкою, какою пользовались остальныя. Исправляющій должность губернатора поговорилъ съ каждымъ съ участіемъ, но особенное вниманіе оказалъ чиновникъ, бывшій свидѣтелемъ разговора. Когда старшіе удалились, онъ остался: со слезами на глазахъ, едва внятнымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, молилъ каждаго изъ четырехъ не отказаться принять отъ него по 25 руб., не сдаваясь на убѣжденія, что въ деньгахъ путники не нуждаются. Одну изъ позднѣйшихъ партій въ Каинскѣ городничій, бывшій фельдъегерь, встрѣтилъ въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, несшихъ огромную корзину съ винами и съѣстными припасами всякаго рода, и также убѣдительно приглашалъ принять деньги, говоря: „Ради Бога, примите! Нажилъ не совсѣмъ чисто—взятками. Возьмите, на совѣсти легче станетъ... Семейства у меня нѣтъ, беречь некому; избавите меня, сдѣлаете доброе дѣло". Прочіе чиновники и купечество, по возможности, старались успокоить и доставить развлеченія во время короткаго пребыванія въ городахъ и „никакимъ словомъ, никакимъ поступкомъ не оскорбили въ насъ того чувства собственнаго достоинства, которое неизмѣнно нами сохранилось".

Первую партію обвиненныхъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года, первыхъ восемь отправили въ Сибирь черезъ 11 дней послѣ исполненія приговора верховнаго суда надъ пятью приговоренными къ лишенію жизни. Сначала повезли четырехъ: Евгенія Петровича Оболенскаго, Александра Ивановича Якубовича, Артамона Захаровича Муравьева, Василія Львовича Давыдова; потомъ остальныхъ четырехъ: Сергѣя Петровича Трубецкого, Сергѣя Григорьевича Волконскаго и двухъ братьевъ Борисовыхъ (Петра Ивановича и Андрея Ивановича). По пріѣздѣ двухъ первыхъ (Оболенскаго и Якубовича) отправили въ Иркутское-Усолье, на солеваренный казенный заводъ (за 68 верстъ отъ города), двухъ вторыхъ (Муравьева и Давыдова) въ Александровскій винокуренный (также вблизи Иркутска). Къ этимъ присоединили потомъ братьевъ Борисовыхъ, а Трубецкого и Волконскаго отправили въ Николаевскій винокуренный заводъ. Поселили на заводахъ Иркутскаго округа потому, что не было предписанія отправить непремѣнно въ нерчинскіе рудники. Тюремщики, на сколько возможно было, старались облегчать ихъ участь: не запирая въ тюрьму и не смѣшивая съ преступниками, они позволили имъ жить на вольныхъ квартирахъ, но невидимый полній надцейсказоръ наблюдалъ за ними. Надзоръ этотъ давалъ себя чувствовать въ видимыхъ знакахъ осторожныхъ шаговъ, приближавшихся къ дому, и двухъ глазъ, которые можно было замѣчать сквозь щели въ ставняхъ. Глаза эти видѣли немногое: либо обѣдъ и ужинъ, довольно, впрочемъ, сытные, хотя и не роскошные, иногда видѣли шашечную доску и шахматы; уши слышали: либо разсказы о прежней жизни, либо горячіе споры по поводу послѣднихъ событій, послужившихъ причиною несчастій.

Начальники старались быть не только ласковыми, но и внимательными, уступчивыми, снисходительными. Обязанные употреблять ссыльныхъ въ работу, старались заказывать ее только для формы; никакихъ притѣсненій не дѣлали. Съ казенными топорами ссыльные обыкновенно отправлялись на дровосѣки. Вслухъ приказывалось нарубить дровъ по заводскому положенію, а вслѣдъ за тѣмъ на ухо и шопотомъ объявлялось, что должны ходить туда для прогулки и что урокъ, вмѣсто нихъ, исполненъ будетъ другими. Особенно отрадны были эти утѣшенія для тѣхъ, которые попались на солеваренный заводъ и передъ ихъ глазами проходили настоящіе рабочіе, съ ногъ до головы покрытые солеными кристаллами, засохшими на бородѣ, на вискахъ и на платьѣ. Солеварщики работали безъ рубашекъ, по причинѣ необычайной жары, наполнявшей варницу съ накаленнымъ до красна чреномъ (сковородою) и подвергались всѣмъ опасностямъ ревматизмовъ, отсутствія аппетита и проч. и всѣмъ тяжестямъ труда, требовавшаго выливать изъ соленаго источника большое число ушатовъ разсола въ варницу ежедневно, безъ праздничихъ дней. Передъ поселенными на винокуренныхъ заводахъ стараго допотопнаго дѣла такіе же живые люди цѣлые дни стояли въ удушливомъ жару въ жиганахъ около печей или въ заторщикахъ у квашни, когда намоченныя руки зябнутъ ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, а вся одежда покрывается инеемъ, куржавѣетъ, показывая въ перспективѣ лихорадки, постоянную дрожь во всемъ тѣлѣ и то же отсутствіе аппетита. Эта чаша прошла мимо. Особенно искусно отстранялъ ее Крюковъ—начальникъ Усолья, съумѣвшій вызвать благодарность слова на память потомству отъ обоихъ лицъ, довѣренныхъ его дозору и воспользовавшихся его вполнѣ гуман-

нымъ обращеніемъ. Такимъ льготамъ суждено было продолжаться не долго; срокъ перваго назначенія тянулся лишь одинъ мѣсяцъ съ нѣсколькими днями, вскорѣ всѣхъ восьмерыхъ свезли снова въ Иркутскъ и порадовали только взаимнымъ свиданіемъ. Успѣли ихъ угостить чаемъ, завтракомъ—и на свѣжихъ тройкахъ немедленно отправили въ нерчинскіе рудники, черезъ Байкалъ. Однихъ успѣли перевести на двухмачтовомъ низенькомъ суднѣ, другихъ—по такъ называемой „кругоморской дорогѣ“ сухопутьемъ и подъ дозоромъ тѣхъ же добрыхъ людей казаковъ, „готовыхъ оказать всякую помощь и всякую услугу“, привезли всѣхъ въ Благодатскій рудникъ. На дорогѣ ссыльные успѣли воспользоваться еще кое-какими знаками участія: въ одномъ мѣстѣ, за Верхнеудинскомъ, на перевозкѣ и на ночлегѣ получили хлѣбъ-соль отъ одного старика-старожила; въ другомъ мѣстѣ (въ селѣ Бянкинѣ) тамошній богачъ (знаменитый въ Сибири Кандинскій) угостилъ роскошно съ полнымъ радушіемъ, и только опасеніе не ввести проводниковъ (казачьихъ офицеровъ) въ отвѣтственность помѣшала проѣзжимъ воспользоваться радушіемъ богатыхъ хозяевъ вполнѣ.

Въ Благодатскомъ рудникѣ оказалась для пріѣзжихъ новая казарма, нарочно для нихъ приготовленная. Здѣсь ожидало ихъ грубое обращеніе начальника нерчинскихъ заводовъ, сожалѣвшаго о томъ, что ему приказано было заботиться о здоровьѣ государственныхъ преступниковъ; однако, три дня дали отдохнуть и оглядѣться. Казарма оказалась строеніемъ состоящимъ изъ двухъ избъ: передняя—для караульныхъ, задняя—тюрьма съ огромною русскою печью на лѣво и съ тремя чуланами на право, отдѣленными другъ отъ друга досчатыми перегородками. Въ чуланы вели двѣ ступеньки, каждый былъ снабженъ дверью. Двери не запирались; обѣдали, пили чай и ужинали всѣ 8 вмѣстѣ; въ чуланахъ размѣстились такъ, какъ дозволяла тѣснота и неудобства. Въ этихъ своихъ конурахъ они съ трудомъ могли двигаться и испытывали тѣ муки, какія доставляютъ тюремныя насѣкомыя, буквально покрывавшія ихъ въ новомъ зданіи съ ногъ до головы. По разсказамъ этихъ страдальцевъ, они доставали скипидару, натирали имъ все тѣло и лишь добивались новыхъ мукъ, когда все тѣло горѣло и кожа лоскутьями сходила прочь. Внутренній караулъ изъ горнаго унтеръ-офицера съ тремя рядовыми назначенъ былъ для безсмѣннаго наблюденія. На работахъ были раздѣлены: всѣхъ распредѣлили по разнымъ шахтамъ тотчасъ, какъ кончился срокъ трехдневнаго отдыха. Дали каждому по каторжному въ товарищи и руководители, на каждую такую пару по сальной свѣчкѣ въ фонарѣ, одному—кирку, другому товарищу—молотъ. „Работа предлагалась не хитрая и была не тягостна,—увѣряетъ одинъ изъ 8-ми:—подъ землею вообще довольно тепло, но когда нужно было согрѣться, я бралъ молотъ и скоро согрѣвался“. Руководители и наставники превратились въ помощниковъ и за глазами дозорщиковъ не разъ, въ порывѣ усердія, исполняли за нихъ урочную работу; и все это дѣлали безъ надежды возмездія. Знаменитый разбойникъ, красивый богатырь Орловъ, всякій разъ при приближеніи „князей“, запѣвалъ съ товарищами звучнымъ и серебристымъ голосомъ заунывную пѣсню, предугадывая мысли и перенося слушателей въ далекую покинутую родину *). „Въ одинадцать часовъ звонокъ возвѣщалъ окончаніе работы и мы возвращались въ казарму (выходя изъ нее въ 5 часовъ утра). Начинались приготовленія къ обѣду, артельщикомъ былъ нами выбранъ Якубовичъ, какъ самый опытный по военно-кухонной части“. Изъ отобранныхъ денегъ выдавали часть на нужды и требовали отчетъ. „Денегъ осталось весьма мало, всякій отдавалъ изъ своихъ, что хотѣлъ, и никто не требовалъ большаго противъ того, что было нами показано“. „Большое утѣшеніе для насъ было то, что мы были вмѣстѣ; тотъ же кругъ, въ которомъ мы привыкли, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, мѣняться мыслями и чувствами, перенесенъ былъ изъ петербургскихъ палатъ къ нашу убогую казарму. Все болѣе и болѣе мы сближались и общее горе скрѣпило еще болѣе узы дружбы, насъ соединявшей“. Весь вечеръ для заключенныхъ былъ свободенъ.

Сюда же, вслѣдъ за мужьями, прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытіе ихъ благодѣтельно подѣйствовало на всѣхъ, съ ними образовалась семья. При ихъ участьи началась и укрѣпилась связь съ покинутыми родными и близкими сердцу посредствомъ извѣстій и тайной переписки; своими руками онѣ шили все, что находили необходимымъ для каждаго изъ 6-ти чужихъ; онѣ же выдумывали и приносили въ тюрьму импровизированныя блюда (когда и „недопеченный хлѣбъ казался вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника“); онѣ же хлопотливо закупали все, что нужно было товарищамъ. „Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіи столькихъ лѣтъ, которые ими посвящены были попеченіямъ о своихъ мужьяхъ, а вмѣстѣ съ ними и объ насъ; словомъ, здѣсь, въ Благодатскомъ рудникѣ, эти первыя („высокія по сердцу и по характеру“) русскія женщины начали первые шаги къ той великой миссіи служенія, которая, въ лицѣ ихъ, обнаружила неисчерпаемое богатство русской женской природы,

*) Князьями называли по тому, что во многихъ партіяхъ были князья: Оболенскій, Барятинскій, Щепинъ-Ростовскій, Трубецкой, Волконскій, Шаховской, Одоевскій, еще Оболенскій.

способной на человѣколюбіе и помощь до жертвы, на любовь до самоотверженія. Въ лицѣ ихъ русскія женщины имѣютъ наилучшихъ представительницъ, душевныя качества достигли въ нихъ до апогея. Въ дни и часы, дозволенные для свиданій, онѣ своимъ присутствіемъ оживляли тѣсныя и душныя клѣтки; въ другіе свободные часы имъ выносили два стула на улицу: онѣ садились противъ единственнаго окна и проводили часъ и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями. Однажды одна изъ нихъ (Екат. Иван. Трубецкая) пришла на свиданіе съ мужемъ въ изношенныхъ, истертыхъ ботинкахъ и, въ трескучій морозъ, зазнобила ноги; все это оттого, что изъ новыхъ и теплыхъ ботинокъ она сшила одному изъ товарищей мужа шапочку для головы, снабдивъ уже таковою мужа, чтобы уберечь волосы отъ руды, которая сыпалась при каждомъ сотрясеніи горы ударами молотомъ.

Оба эти явленія поучительны въ жизни нашихъ ссыльныхъ; и высокая миссія женщинъ, поднявшая нравственныя силы изгнанниковъ, и организація внутренней общины съ артельнымъ началомъ, вполнѣ обезпечившая матеріальный бытъ,—съ наибольшею полнотою и въ совершенной законченности обнаружились позднѣе на все то время, когда всѣ товарищи соединены были вмѣстѣ, сначала въ Читѣ, потомъ въ Петровскомъ заводѣ. До этого соединенія участь первыхъ восьми, до извѣстной степени облегченная въ началѣ, къ концу времени пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ, вопреки законамъ укрѣпленія и возростанія гарантій, сдѣлалась болѣе тягостною; произволъ одного изъ горныхъ офицеровъ, Рика, назначеннаго для ближайшаго надзора, прекратилъ сношенія товарищей тѣмъ, что заперъ чуланы и запретилъ общій столъ и ужинъ. Отчаяніе одиночества въ душныхъ клѣткахъ (по 3 аршина длины и по 2 ширины) вынудило рѣшительную мѣру: заключенники рѣшились не принимать пищи. Это рѣшеніе принято было за бунтъ; горячій приставникъ велѣлъ уже солдатамъ пустить въ дѣло штыки и приклады. Въ глазахъ горнаго начальника (Бурнашева) представлялась цѣлая опасная бездна отвѣтственности, но находчивость и благоразуміе взяли верхъ. Горный начальникъ поспѣшилъ показаться грознымъ въ виду свидѣтелей, но чуланы отперъ, а вскорѣ поспѣшилъ удалить и виновника непріятности, давъ ему другую командировку. Мужьямъ облегчено свиданіе съ женами въ ихъ собственной квартирѣ, весною дано позволеніе всѣмъ на прогулки въ окрестностяхъ завода, даже на 9 верстъ до береговъ Аргуни, но работа измѣнена и сдѣлалась болѣе тягостною и трудною. На мѣсто подземной назначена новая на поверхности горы въ рудораздѣльной свѣтлицѣ; вечеръ перестал быть свободнымъ. Ссыльные обязаны были носить въ уродливыхъ и тяжелыхъ носилкахъ руду съ мѣста раздѣла на складочное. Надо было проходить шаговъ 200, перетаскать до 30 носилокъ и, считая по пяти пудовъ въ каждой, полтораста пудовъ могли казаться возможными только для привычныхъ и сильныхъ. Не всѣ были въ состояніи исполнить урокъ: въ 11 часовъ работа кончалась, но въ часъ звонокъ призывалъ на новую до 5 или 6 часовъ вечера. Прогулки на Аргунь прекратились, на ихъ мѣсто сталъ обязателенъ необходимый отдыхъ. Когда назначенъ былъ для всѣхъ государственныхъ преступниковъ новый комендантъ Лепарскій, ихъ свели въ кузницу и заковали въ ножные кандалы. Военный караулъ былъ усиленъ: изъ 3 казаковъ стало 12; горный начальникъ и чиновники стали бояться оказывать снисхожденіе; казаки почувствовали ту же самую необходимость. Между военными и горными властями установился, такимъ образомъ, взаимный контроль, отразившійся на узникахъ наибольшими стѣсненіями, хотя Лепарскій, посѣтившій Благодатской рудникъ, былъ учтивъ и ласковъ и далъ надежду на улучшеніе участи. Такъ текли дни за днями, пока строился новый острогъ въ Читѣ и наполнялся товарищами, свозимыми туда изъ разныхъ крѣпостей Россіи. Въ то время, когда этихъ 8 препроводили въ Сибирь, нѣкоторыхъ другихъ изъ переполненной Петропавловской крѣпости перевезли въ крѣпостныя тюрьмы въ Шлиссельбургъ, въ Роченсальмъ, Свеаборгъ, Нейшлотъ, Свартгольмъ, Выборгъ и на Аландскіе острова *). Оставлены были въ крѣпостяхъ, въ видѣ милости, пятеро: Батенковъ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ — поэтъ, Іосифъ Поджіо, В. Норовъ и Дивовъ (послѣдній въ крѣпости и умеръ); первый пробылъ въ одиночномъ заточеніи 20 лѣтъ, трое другихъ около 10-ти **). Они свидѣлись съ товарищами уже

*) Такъ, между прочими: Ив. Дмит. Якушкина, Матв. Ив. Муравьева-Апостола, Алек. Алек. Бестужева (Марлинскаго), Антона Петр. Арбузова и Тютчева перевезли въ Роченсальмъ. Здѣсь ихъ содержали въ фортѣ «Слава» весьма дурно, въ сырыхъ, темныхъ казематахъ; кормили гнилою ветчиною, хлѣбъ давали не всегда выпеченный, вѣтеръ съ моря солонилъ воду единственнаго колодца. У Бестужева и Муравьева оттого появились солитеры. Когда Бестужевъ угорѣлъ до обморока, рѣшились не запирать казематы. Въ Выборгѣ Мих. Сер. Лунинъ отъ скорбута потерялъ всѣ свои зубы, кромѣ одного. Вмѣстѣ съ Лунинымъ содержались въ Выборгѣ Митьковъ и Мухановъ; въ Кексгольмѣ: Поджіо, Вадковскій, Барятинскій, Горбачевскій, Вил. Кюхельбекеръ; въ Шлиссельбургѣ: Юшневскій, Н. и М. Бестужевы, Дивовъ, Пестовъ и Пущинъ. Изъ форта «Слава», по случаю рожденія великаго князя Константина Николаевича, освободили А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Муравьева и увезли сначала Бестужева (въ Якутскъ на поселеніе вмѣсто каторги), потомъ Матвѣя Иван. Муравьева-Апостола.

**) Г. С. Батенковъ не отправленъ въ Сибирь, потому что имѣлъ тамъ связи, какъ сибирякъ и какъ служившій тамъ.

въ Сибири. Въ Читѣ имъ жить не привелось.

Послѣ коронаціи учрежденъ былъ особенный комитетъ (Чернышевъ, Дибичъ, Бенкендорфъ и др.) для составленія устава относительно заключенія и содержанія государственныхъ преступниковъ. Мѣстомъ для заключенія былъ избранъ Акатуйскій серебряный рудникъ, въ немъ былъ уже заложенъ фундаментъ острога, но такъ какъ постройка тюрьмы должна была продолжаться года два или три, то поэтому и назначили на время Читу. Мыслью помѣститься всѣмъ вмѣстѣ обязаны были товарищи, какъ думаютъ они, генералъ-губернатору Лавинскому, случайно бывшему въ Петербургѣ. Лавинскій умѣлъ объяснить необходимость сосредоточенія всѣхъ въ одномъ казематѣ для лучшаго надзора. Разъединенные по заводамъ, какъ первые 8, при недостаткѣ и трудности наблюденія, они, по мнѣнію Лавинскаго, могли быть не безопасными для всего края. Та же коммиссія выработала правила для содержанія государственныхъ преступниковъ, каковыя и переданы были вызванному въ Москву Лепарскому, только что произведенному въ генералъ-майоры.

Станиславъ Романовичъ Лепарскій былъ назначенъ комендантомъ съ большими уполномочіями. До того времени онъ былъ командиромъ конно-егерскаго Сѣверскаго полка, котораго шефомъ былъ императоръ Николай Павловичъ, будучи великимъ княземъ. Онъ лично зналъ Лепарскаго за человѣка, отличавшагося образованностью и теплымъ сердцемъ; если въ какомъ либо полку случались непріятности, вынуждавшія переводъ офицеровъ, то всегда такъ называемыхъ безпокойныхъ головъ переводили къ нему въ полкъ, онъ со всѣми умѣлъ ладить, никого не оскорбляя, и не имѣлъ враговъ. Лепарскій былъ уже очень старъ: при Кагулѣ онъ былъ въ ординарцахъ у Румянцева, въ конфедератскую войну былъ уже майоромъ. Полякъ по происхожденію, человѣкъ знатной фамиліи по рожденію, онъ воспитывался въ полоцкой іезуитской школѣ и былъ человѣкомъ ловкимъ и образованнымъ: зналъ латынь, свободно выражался по французски и по нѣмецки. Еще въ молодости ему поручено было вести въ Сибирь польскихъ конфедератовъ и онъ такъ ловко исполнилъ это порученіе, что извѣстность его въ этомъ отношеніи была именно такова, что не приводилось дѣлать выбора помимо его. „Въ Сѣверскомъ полку онъ былъ извѣстенъ, какъ кроткій, снисходительный начальникъ и, вообще, былъ любимъ и сослуживцами и подчиненными“. „Не смотря на то, что всю жизнь провелъ въ отдаленныхъ гарнизонахъ, онъ все-таки шелъ впередъ, благодаря своему хорошему образованію“. „Не смотря на преклонность лѣтъ и на странность пріемовъ, онъ былъ человѣкъ очень не глупый и умъ у него былъ еще свѣжъ, а что и того лучше, сердце у него было совершенно на мѣстѣ, нисколько не стариковское“. Излишнюю, иногда мелочную придирчивость ему прощали; прощали и грубость, которую нерѣдко позволялъ онъ въ отношеніяхъ съ бѣднѣйшими изъ товарищей. Это многимъ дало поводъ находить, что онъ мало заботился о матеріальномъ положеніи массы и былъ лицепріятенъ лишь къ избраннымъ, сильнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Самъ онъ не имѣлъ надобности корыстоваться, будучи 80 лѣтъ, не имѣя семьи и получая содержаніе больше генералъ-губернаторскаго, но не умѣлъ преграждать злоупотребленій своихъ приближенныхъ. При постройкѣ Петровскаго каземата въ его глазахъ произведено самое безцеремонное воровство. Въ Россіи его узнали за такого исполнителя, который не отступитъ ни передъ чѣмъ, не задумается привести въ исполненіе никакое предписаніе. Такъ было онъ пробовалъ дѣлать сначала, осуществляя правило: какъ можно меньше дѣлать для массы, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣлать исключенія для нѣкоторыхъ; вполнѣ устоять ему въ этомъ не удалось. Такъ понимали его люди, зависѣвшіе отъ него, и такъ характеризировалъ его бывшій иркутскій генералъ-губернаторъ С. Б. Броневскій: „Онъ прослужилъ въ кавалеріи 50 лѣтъ, извѣстенъ всей арміи отличными заслугами, честностью и добротою. Лучшаго выбора невозможно было сдѣлать. Это была эмблема доброты и кротости при твердомъ и непоколебимомъ исполненіи долга. При сдѣланномъ ему предложеніи ѣхать въ такую даль,нисколько не колебался. При бремени лѣтъ (ему было болѣе 75-ти), при бремени ранъ и болѣзней, онъ хладнокровно говорилъ, что ему кости свои суждено сложить за Байкаломъ, и за нѣсколько лѣтъ до кончины на горѣ, висѣвшей надъ казематомъ (въ Петровскомъ заводѣ), приготовилъ себѣ могилу и утвердилъ крестъ. Предчувствіе не обмануло его *). Онъ получалъ порядочное содержаніе и частыми черезъ годъ наградами онъ и его штатъ забыты не были“.

Снабженный строгими предписаніями отъ комитета, Лепарскій былъ отправленъ въ Читу, чтобы распорядиться тамъ помѣщеніемъ декабристовъ. Въ Иркутскѣ, по его требованію, была сформирована команда съ приличнымъ числомъ офицеровъ; назначенъ священникъ собственно для этихъ ссыльныхъ и команды и врачъ. Черезъ три дня, чтобы не задерживать почтовыхъ лошадей и не затруднять содержателей и проѣзжихъ, стали отправлять новыя партіи, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ отправки первыхъ двухъ партій. Партіи эти снова состояли изъ пяти троекъ и четырехъ человѣкъ обвиненныхъ.

Съ тѣми же подробностями разъ установившихся пріемовъ отправляли коменданты крѣ-

*) Онъ кончилъ жизнь въ 1837 году.

постей каждую партію, объявляя приказаніе исполнить приговоръ верховнаго суда и отправить въ Сибирь, но безъ заявленія о мѣстѣ назначенія. До Иркутска ссыльные не знали о послѣднемъ и только тамъ объявилась имъ Чита, и то при содѣйствіи людей, расположившихся въ ихъ пользу и рѣшавшихся тайно объявить имъ объ этомъ секретѣ. Сообщали офицеры, солдаты семеновцы, высланные за извѣстную исторію этого полка (осенью 1821 года), мѣстные чиновники, казаки и сами приставники. Сажали въ сани (была уже зима), надѣвъ предварительно кандалы, которые для удобства позволяли подвязывать бичевками, снятыми съ перьевъ *). Неимущимъ выдавали казенное бѣлье, тулупы и чемоданы съ 2 парами шерстяныхъ носковъ, теплыми сапогами, шапкою, курткою и брюками изъ толстаго солдатскаго сукна; на другихъ, богатыхъ, собственные франтовскіе сюртуки, фраки отъ перваго портного (Бату), теплыя медвѣжьи шубы, на ногахъ овчиныя одѣяла и проч. Везли съ особенною поспѣшностью и скупились на отдыхъ въ той мѣрѣ, насколько позволяли силы невольниковъ, ставшія въ тѣ же условія съ силами провожатыхъ. На личномъ произволѣ фельдъегерей лежали тѣ или другія льготы, изъ которыхъ главныя состояли въ томъ, что по дорогѣ перестали разсаживать товарищей въ отдѣльные экипажи. Изъ личныхъ разсчетовъ фельдъегери сокращали число троекъ до четырехъ, а прогоны за пятую опускали въ собственной карманъ. Не мало загнали лошадей по дорогѣ, не мало избили ямщиковъ, не мало надѣлали непріятностей содержателямъ и смотрителямъ, хотя губернаторы продолжали спрашивать о томъ, какъ ведутъ себя фельдъегери. Многіе отличались жестокостью и сребролюбіемъ; не рѣдко препровождаемые ими платили за то, чтобы фельдъегери не замучивали крестьянскихъ лошадей. За деньги же они служили поварами, завозили къ помѣщикамъ въ гости и проч. Особенно отличался фельдъегерь Черновъ: прогонъ не платилъ, кормилъ однимъ молокомъ и простоквашею, нигдѣ не давалъ отдохнуть, гоня въ хвостъ и гриву, такъ что, наконецъ, путники потребовали у него инструкцію и если въ ней нѣтъ положительнаго приказанія убить, то обѣщались жаловаться въ первомъ же городѣ. При угрозахъ онъ на одинъ день стихалъ, но потомъ снова принимался за свое и проч. Исключеніе составлялъ Воробьевъ, не извлекавшій себѣ выгоды изъ порученія и не продававшій своихъ заботъ за деньги. Народъ продолжалъ оказывать сострадательное участіе, власти—вниманіе, умѣвшее переходить изъ общаго мѣста оффиціальныхъ вопросовъ въ самые факты благотворной помощи.

Первымъ партіямъ, прибывшимъ въ Читу въ январѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1827 г. *), досталось старое строеніе, очень низкое, темное и сырое; послѣдующимъ—маленькій тѣсный домикъ на другомъ концѣ селенія. Оба дома были обнесены высокимъ частоколомъ. По мѣрѣ прибытія новыхъ партій изъ финляндскихъ крѣпостей въ августѣ 1827 г., помѣщеніе въ этихъ домикахъ сдѣлалось очень тѣсно; казематъ еще не былъ готовъ. Новый казематъ оказался недостаточно помѣстительнымъ, такъ что и прежніе дома оставались все время занятыми. Лазаретъ былъ устроенъ сначала въ маленькомъ домѣ крестьянина Голубева, на одной половинѣ. Онъ состоялъ изъ одной комнаты и не могъ служить болѣе, какъ для двухъ человѣкъ. Въ него ходили по очереди, чтобы отдохнуть отъ тѣсноты и шума. Такимъ образомъ, подъ конецъ въ Читѣ были три каземата, № 1, 2 и 3, и лазаретъ съ аптекою въ домѣ, особо выстроенномъ уже въ слѣдующемъ году. Здѣсь помѣстился отдѣльно отъ прочихъ товарищей докторъ Вольфъ.

Прибывавшихъ въ Читу принимали: капитанъ линейнаго батальона, плацъ-адъютантъ, писарь и нѣсколько караульныхъ. Они отбирали деньги, драгоцѣнности, свидѣтельствовали вещи, мѣшки, книги и все записывали и сдавали въ канцелярію. При разспросахъ старались обходиться грубо:

— Что тамъ у тебя на пальцѣ?—грубо кричалъ линейный капитанъ одному изъ прибывшихъ.

— Обручальное кольцо.

— Долой его!

Пріѣзжій учтиво возразилъ, что ему дозволялось носить кольцо въ Зимнемъ дворцѣ, въ крѣпости и что, вообще, носить его не запрещено.

*) Способъ препровожденія послужилъ предметомъ долговременныхъ несогласій; предпочли почтовыя тройки потому, что предполагали ослабить надежду и вѣроятіе побѣговъ, разсчитывали избавить отъ дальняго похода; другіе полагали спасти отъ народной мести; многіе одобрили этотъ быстрѣйшій способъ въ разсчетѣ предотвратить распространеніе въ народѣ революціонныхъ идей. Тѣмъ не менѣе, офицеры Черниговскаго полка, члены южнаго общества, отправлены были въ Сибирь пѣшкомъ, по этапамъ. Такъ, между прочимъ, шли по этапу Игельстромъ, Вигелинъ и полякъ Рукевичъ; они прибыли въ Читу передъ отправленіемъ 7-го разряда на поселеніе.

*) Прибыли въ Читу сначала сидѣвшіе въ отдаленныхъ крѣпостяхъ, потомъ содержавшіеся въ Петропавловской. Вотъ отчасти партіонное сотоварищество, въ составѣ котораго везли узниковъ въ Сибирь. Одна партія: Якушкинъ, Арбузовъ, Бестужевъ (Марлинскій), Тютчевъ, М. Муравьевъ. Другая: Пущинъ, Поджіо, Мухановъ: третья: М. А. Бестужевъ, Н. А. Бестужевъ, Баратинскій, Горбачевскій; четвертая: Фонвизинъ, Вольфъ, Басаргинъ, Фроловъ; пятая: Нарышкинъ, Лореръ, два брата Бѣляевы и Розенъ; шестая: Рѣпинъ, Глѣбовъ, Кюхельбекеръ; и т. д.

— Долой его, говорю тебѣ!
— Возьмите кольцо вмѣстѣ съ пальцемъ!

Этотъ же человѣкъ, нагрубивъ другой партіи пріѣзжихъ, ввелъ въ комнату, приставилъ къ ней караулъ и комнату заперъ, оставивъ всѣхъ безъ огня. Слыша за стѣною знакомые голоса товарищей, ихъ разговоръ, ничѣмъ не могли уклонять свиданія съ ними.

Къ стѣсненіямъ извнѣ вскорѣ не замедлила присоединиться тѣснота внутри жилищъ, изъ которыхъ одно наскоро было превращено въ каземат изъ наемной крестьянской избы, огороженной высокимъ заборомъ. Между нимъ и избою оставался двухсаженный промежутокъ, съ трудомъ исполнявшій роль мѣста для прогулокъ, затрудненныхъ, сверхъ того, неуклюжими кандалами. Въ одной комнатѣ въ 8 аршинъ длины и въ 5 ширины жило 16 человѣкъ; въ другой такого же размѣра—то же число; въ маленькой третьей—четверо. Всѣ курили табакъ, воздухъ былъ тяжелый и становился невыносимымъ, когда послѣ солнечнаго заката запирались двери и окна. Спали на нарахъ, на войлокахъ, подъ которыми прятали свои чемоданы и сапоги; на нарахъ каждому приходилось не болѣе 3/4 аршина, такъ что перевертывавшійся съ боку на бокъ толкалъ и будилъ сосѣдей. Цѣпи оставались на ногахъ и снимались только на то время, когда водили въ баню и къ причастію. Въ казематахъ шумъ отъ нихъ мѣшалъ разговорамъ. Когда въ концѣ мая оттаяла земля и могли приступить къ работамъ, земляныя работы на свѣжемъ воздухѣ показались истиннымъ блаженствомъ, удвоеннымъ еще, сверхъ того, возможностью свиданія съ товарищами, сидѣвшими въ тѣснотѣ и духотѣ второй тюрьмы. Свиданіе повторялось по два раза въ день: утромъ отъ 8 час. до 12-ти и вечеромъ отъ 2-хъ до 5-ти. На работы изъ всѣхъ казематовъ отправляли подъ конвоемъ по 16-ти человѣкъ. Заставили рыть фундаментъ для новой тюрьмы и частоколъ и ямы для погребовъ. Когда не всѣхъ привезли, работы не было послѣ обѣда въ суботу для бани, когда же число работниковъ увеличилось, то ходили въ баню по очереди, по четыре человѣка и въ пятницу и въ суботу *). Приносили заступы, тачки, носилки, лопаты, молоты и проч., и такъ какъ работа эта напоминала ту, которою были обязаны швейцарцы, нѣкогда принужденные строить для самихъ себя тюрьму, то и печально читинское зданіе получило названіе Цвингъ-Ури. Только воскресенье и пятница были днями свободными отъ этихъ работъ. Когда былъ вырытъ фундаментъ и ямы для ограды, заставили закопать оврагъ на большой дорогѣ пескомъ и землею. Но такъ какъ Чита, вслѣдствіе своего исключительнаго возвышеннаго положенія, вмѣстѣ съ чистымъ воздухомъ и почти постоянно яснымъ небомъ отличается августовскими грозами съ проливными дождями, то и земляная работа въ рытвинахъ могла казаться безконечною: въ нѣсколько часовъ дождь затоплялъ улицы, а вода, несшаяся по скату горы, на которой была неладно прилажена эта Чита, разрывала глубокія лощины и уносила послѣдніе слѣды трудовъ цѣлаго лѣта. Чтобы обезпечить ихъ, принуждены были выстроить бревенчатую плотину. Это мѣсто оврага получило на языкѣ ссыльныхъ прозваніе Чертовой могилы; съ мая до сентября зарывали эту могилу. Съ сентября до мая водили по два раза въ день въ особенное строеніе, гдѣ прилажены были ручные жернова: на нихъ каждый обязанъ былъ смолоть два пуда муки; не желавшіе сами работать нанимали сторожей. Чтобы спорилась работа, чтобы не надрывала сердце шуркотня жерновов, пѣли пѣсни подъ руководствомъ товарища, отличавшагося капельмейстерскими способностями. Лучше всего удавалось пѣніе церковныхъ композицій Бортнянскаго, но Александръ Ивановичъ Одоевскій, извѣстный въ литературѣ поэтъ, на голосъ русской пѣсни: „Во саду ли, въ огородѣ“, придумалъ особенную, спеціально прилаженную къ этому невинному, но и нелегкому занятію; пѣли италіанскую пѣсню „Un pescator del onde“ и проч., съ темпомъ тихаго марша, и проч. *).

Въ сентябрѣ 1827 года окончена постройкою новая тюрьма и въ нее переведена была наибольшая часть заключенниковъ: изъ ближняго перенесли вещи на рукахъ, изъ дальняго (вслѣдствіи № 3) привозили вещи на телѣгахъ. Перешли безъ всякой церемоніи, переходили порознь, каждый при своихъ вещахъ. Вскорѣ присоединены были къ этимъ и тѣ восемь, которыхъ привезли изъ Благодатскаго рудника. Ихъ принималъ плацъ-маіоръ, племянникъ Лепарскаго, часовые дали свободный путь въ ворота и они бросились въ объятія друзей и товарищей. Теперь оказались всѣ налицо и всѣ вмѣстѣ; ихъ распредѣлили по пяти отдѣленіямъ тюрьмы, но не по порядку категорій, а уже по произволу коменданта. Въ одной комнатѣ сгруппированы были всѣ прибывшіе изъ Благодатска, ее назвали Псковомъ—пригородомъ Новгорода: жильцы ея заранѣе отказались отъ голоса и объявили себя согласными во всемъ съ Новгородомъ; другую назвали Москвою или барскою комнатою, потому что большая часть въ ней жильцовъ были богатые, съ

*) Баня была наемная въ крестьянской избѣ.

*) Въ одномъ изъ прежнихъ казематовъ оставлено было 15 человѣкъ, другой старый казематъ или губа, состоящая изъ двухъ большихъ комнатъ, вмѣщала за перегородкою аптеку. Въ средней маленькой поселился докторъ Вольфъ. Въ немъ же дозволялись свиданія женъ съ мужьями, что, впрочемъ, вскорѣ дозволено было на собственныхъ квартирахъ женъ, куда мужья отсылались подъ конвоемъ.

барскими наклонностями; третью назвали Новгородомъ, за то, что въ этомъ казематѣ столько же говорили и шумѣли о политическихъ вопросахъ, какъ нѣкогда на вѣчахъ, и сгруппировались люди независимые. Четвертая комната названа была Вологдою: въ ней жили изъ общества „Соединенныхъ славянъ“ — люди наименьшаго образованія сравнительно съ прочими товарищами. Новыя помѣщенія стали опрятнѣе, но не были просторными; мѣсто нарь заступили кровати, сдѣланныя на собственный счетъ заключенными. Можно было подметать полъ, но между столомъ и кроватями было такъ тѣсно, что когда шелъ на улицѣ дождь и загонялъ всѣхъ въ комнату, имъ приходилось сидѣть на своихъ мѣстахъ. Большой казематъ былъ невообразимо дурно построенъ: рамы съ желѣзными рѣшетками были непосредственно вставлены въ стѣну и стекла зимою покрывались всегда толстымъ слоемъ льду, увеличивавшимъ полумракъ казармы. Она состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ темными сѣнями; каждая половина изъ двухъ большихъ комнатъ, не имѣющихъ сообщенія помимо коридора. Пятая комната была собственно столовая; но для облегченія тѣсноты позволили и въ ней помѣститься. Въ каждой помѣщалось отъ 15 до 20 человѣкъ, у каждаго — особая кровать и столикъ, въ серединѣ — большой столъ и скамейки. Всѣ эти неудобства оправдывали тѣмъ, что читинскіе казематы строены неумѣлыми руками плохихъ сибирскихъ плотниковъ, къ тому же не добровольно принявшихся за топоръ, а по вызову и приказу начальниковъ. Въ сущности, казематъ этотъ не возбуждалъ серьезныхъ заботъ начальства потому, что онъ также былъ временный. Въ это же время строили большой и новый въ другомъ мѣстѣ. По донесеніямъ и настояніямъ Лепарскаго о неудобствахъ заточенія въ Акатуѣ, мысль объ этомъ была оставлена. Акатуйская яма показалась Лепарскому и страшною и нездоровою. Самому коменданту предоставленъ былъ выборъ мѣста: онъ остановился на Петровскомъ желѣзномъ заводѣ и постройка каземата началась тамъ въ годъ прибытія ссыльныхъ въ Читу, а окончилась лѣтомъ 1830 г. Къ несчастью, выборъ мѣста произведенъ былъ Лепарскимъ издали, съ горы: зеленый лугъ оказался мокрымъ болотомъ. Такимъ образомъ, большинству привелось прожить въ Читѣ три года и 7 мѣсяцевъ. Чита изъ бѣдной деревушки, носившей въ оффиціальныхъ бумагахъ названіе острога, а на языкѣ мѣстныхъ жителей имя плотбища *), превратилась въ порядочное селеніе, обязанное своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ личнымъ трудамъ декабристовъ, прорывшихъ канавы, засыпавшихъ овраги, а внутреннимъ замѣтно поднявшимся благосостояніемъ жителей, бѣдныхъ заводскихъ крестьянъ, тѣми денежными пособіями, которыя переливались къ нимъ за удовлетвореніе насущныхъ нуждъ и различныхъ потребностей заключенниковъ. Селеніе это найдено было послѣдними состоящимъ изъ 300 душъ, жившихъ въ маленькихъ избахъ и занимавшихся кое-какъ и про себя земледѣліемъ и рыбною ловлею; за казенную землю они обязаны были жечь уголь и сплавлять его въ Нерчинскій заводъ. Все населеніе тѣсно и бѣдно помѣщалось въ 26-ти лачугахъ, которыми командовали три порядочныхъ дома, занятыхъ горными чиновниками и пригодившихся потомъ коменданту и плацъ-маіору. Мѣстечко на рисункахъ одного изъ декабристовъ (Ник. Александровича Бестужева) является уже довольно красивымъ городкомъ, съумѣвшимъ собрать и употребить на собственную пользу значительныя средства изъ тѣхъ, которыя отпускались временнымъ читинскимъ гостямъ отъ казны и присылались богатыми родственниками. Одна улица города успѣла сохранить за собою даже до настоящаго времени прозваніе Дамской, т. е. такой, на которой поселились въ частныхъ домахъ и до извѣстной степени способствовали приличному виду и внутреннему устройству пріѣхавшія за мужьями жены. Впослѣдствіи это мѣстечко не задумались избрать главнымъ городомъ для вновь организованной Забайкальской области и передать ему первенство, принадлежавшее до того городу Нерчинску.

Читинская жизнь заключенниковъ тянулась въ безутѣшномъ однообразіи: книгъ сначала было очень мало, писать строго воспрещалось, шахматная игра была единственнымъ развлеченіемъ между работою и сномъ. Въ хорошую погоду играли на дворѣ въ городки и бабки, не смотря на то, что ножныя казенныя украшенія мѣшали во многомъ этому гимнастическому упражненію. Хотя можно было достать еще карты, но игру эту заусловились изгнать и, положивъ строгій запретъ на нее, съумѣли на томъ устоять со всею твердостью героизма. Въ большомъ казематѣ стало веселѣе и разнообразнѣе уже по той причинѣ, что всѣ, соединившись вмѣстѣ, могли направить соединенныя силы на того опаснаго врага, который называется тоскою заточенія, лишеніемъ свободы и выходитъ на оплошныхъ съ помощью такого сильнаго товарища, который зовется тоскою по родинѣ. Противъ этихъ враговъ читинское товарищество вышло на борьбу, опираясь на тѣ общія силы, которыми красно и крѣпко всякое товарищество, и побѣда была одержана блистательнымъ образомъ. Въ этой борьбѣ и въ

*) За то, что сюда, въ эту низменность или долину, образовавшуюся при сліяніи рѣки Читы съ Ингодою, стаскивался вырубленный лѣсъ и изъ бревенъ сбивались плоты для сплавокъ по рѣкамъ Ингодѣ и Шилкѣ для Шилкинскаго завода (дрова, уголь) или въ Бянкину для нерчинскихъ заводовъ (провіантъ, желѣзо и проч.).

этой побѣдѣ и женскія силы, признаваемыя слабыми, оказали геройскія чудеса храбрости и стойкости. Товарищи успѣли вызнать себя и сблизиться въ дружескіе кружки, изъ которымъ выдѣлились два: одинъ, названный въ шутку конгрегаціею, заключилъ въ себѣ людей, обратившихся къ чтенію религіозныхъ книгъ и группировавшихся около набожнаго, отличавшагося многостороннимъ умомъ П. С. Бобрищева-Пушкина, и другой кружокъ изъ членовъ Славянскаго общества, во главѣ котораго оказался П. И. Борисовъ. „Бывали и другіе кружки, составлявшихся безъ опредѣленныхъ цѣлей, по личнымъ симпатіямъ. Небольшія ссоры прекращались охотливымъ посредничествомъ товарищей и никогда соръ изъ избы не выносили".

Первые симптомы острой болѣзни неволи и заточенія, выражающіеся для всѣхъ лишенныхъ свободы исканіемъ ея, называемымъ на оффиціальномъ языкѣ побѣгомъ, выразились до нѣкоторой степени и на этихъ несчастныхъ, помѣщенныхъ совершенно отдѣльно, внѣ всякихъ связей и сношеній съ тѣми, у которыхъ не захваченные во время первые припадки превращаются въ хроническую болѣзнь бродяжества. Сначала много толковали о возможности освободиться по Амуру до Сахалина; тамъ предполагали выстроить судно и отправиться въ Америку. Другимъ рисовался путь на югъ, въ Китай. Для исполненія плана казалось необходимымъ: задержать на время коменданта и офицеровъ, а для успѣха его представлялся вѣрный разсчетъ на 70 молодыхъ, здоровыхъ силъ, способныхъ обезоружить караулъ и выйти изъ каземата. Тамъ, за стѣнами его, остальные солдаты представляли отрядъ изъ ста человѣкъ, расположенныхъ къ заключеннымъ. „Пока бы дали знать въ Иркутскъ, мы бы успѣли и судно выстроить, и нагрузиться и уплыть". Читинскіе казенные склады обезпечивали дальнѣйшія надежды „пылкой молодежи, надъ которою взяли верхъ осторожные товарищи", видѣвшіе невозможность подобнаго предпріятія и не обращавшіе на затѣи особеннаго вниманія. „Вскорѣ и молодежь отступила передъ необходимостью прибѣгать къ силѣ оружія, брать на свою совѣсть пролитіе крови", наконецъ, подвергнуть отвѣтственности оставшихся товарищей и ихъ женъ, успѣвшихъ уже обнаружить огромные запасы силъ, способныхъ ослабить крѣпость узъ и тяжесть неволи. Чтобы достигнуть Амура, понадобится помощь бурятъ—самая ненадежная и опасная помощь. На границѣ Китая поставлено 50 казаковъ съ исключительною цѣлью преслѣдованія бѣглыхъ днемъ и ночью. Третій путь черезъ 4.000 вер. выводилъ въ Европейскую Россію; четвертый—въ мертвыя тундры сѣвера, гдѣ вязнетъ нога даже легкаго на ходу оленя. „Хотя мы и знали, что нѣкоторымъ ссыльнымъ черкесамъ удалось счастливо бѣжать въ родныя горы черезъ Аральское море и Каспій, но намъ ничего не оставалось, какъ только подчиниться закону необходимости". Побѣгъ казался возможнымъ: подговоры шли постоянно отъ самихъ солдатъ и отъ поселенцевъ, которые говорили, что расположеніе къ побѣгу всего населенія таково, что если бы „китаецъ" принималъ, а не выдавалъ бѣглыхъ, то въ Забайкальѣ не осталось бы никого. Они говорили, что съ такими господами всѣ готовы идти, зажмуря глаза. Разстроилось же предпріятіе потому, что въ основѣ его лежали у разныхъ лицъ совершенно разныя побужденія. Одни считали дозволеннымъ побѣгъ для того, чтобы имѣть возможность продолжать служеніе дѣлу, нисколько не заботясь о своей личности, о своихъ страданіяхъ; другіе же рѣшались на него потому, что положеніе было невыносимо, и они говорили, что все равно уже умереть: въ тюрьмѣ ли навѣрное или при освобожденіи. Женатые, въ особенности, употребляли силу своего вліянія, чтобы отклонить отъ побѣга рѣшительныхъ и пылкихъ. Къ тому же денежныя средства не были въ рукахъ заключенныхъ: утаить что либо было трудно, потому что все не только осматривали, но и распарывали. Добыть ихъ, однако, можно было переводомъ на артель, выписывая на имя купца за припасы (болѣе всего за сахаръ, кофе, чай и проч.) въ артель. О побѣгѣ перестали думать и толковать въ Читинскомъ острогѣ; по независимости и вдалекѣ отъ него та же дума подняла на дѣло и погубила другихъ. Жертвою увлеченія палъ одинъ изъ членовъ Южнаго общества, бывшій офицеръ Черниговскаго полка, Ив. Ив. Сухиновъ.

Послѣ стычки подъ Бѣлою-Церковью, когда главные члены общества (Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и другіе) отправлены были въ Петербургъ, надъ остальными наряжена была военно-судная коммиссія въ Кіевѣ. Военный судъ приговорилъ виновныхъ къ четвертованію, но этотъ приговоръ былъ замѣненъ политическою смертью. Приговоръ исполненъ былъ въ Васильковѣ: виновные приведены были закованными и разставлены впереди войска на большомъ другъ отъ друга разстояніи. Когда прочли приговоръ, палачъ бралъ каждаго поочередно за руку, велъ черезъ площадь къ висѣлицѣ и, обойдя ее три раза, передавалъ казненныхъ въ команду внутренней стражи. Въ Сибирь эти осужденные (Быстрицкій, Соловьевъ, Модзалевскій и Сухиновъ) отправлены вслѣдъ за петербургскими тройками и товарищами пѣшкомъ, по этапамъ, шли 1 годъ и 7 мѣсяцевъ *).

*) Шелъ также пѣшкомъ, по этапамъ, баронъ Штейнгель. Слѣдомъ за офицерами Черниговскаго полка сосланы и солдаты, бывшіе подъ Васильковымъ и виновные въ возмущеніи этого полка. Такъ, напримѣръ, въ Екатерининскомъ

въ Читѣ ихъ, вмѣстѣ съ единомышленниками не оставили. Препроводивъ въ Большой нерчинскій заводъ, разослали по ближайшимъ рудникамъ: троихъ послѣднихъ поселили въ 15 верстахъ отъ Большого завода, въ Зерентуйскомъ рудникѣ. Здѣсь они наняли квартиру у одного изъ сосланныхъ солдатъ Семеновскаго полка; потомъ купили себѣ собственный домъ и перешли въ него. Съ участью своею они успѣли примириться, исключая Сухинова, который еще дорогою по этапамъ успѣлъ убѣдить товарищей, что несчастье съумѣло зародить въ его сердцѣ жажду мщенія. На дорогѣ же онъ успѣлъ сообщить объ этомъ дамамъ, которыя ѣхали къ мужьямъ и догнали ихъ. Упорнымъ молчаніемъ отвѣтилъ онъ на просьбы другихъ дамъ, встрѣтившихъ ихъ у тюрьмы въ Читѣ и умолявшихъ Сухинова не приводить намѣренія въ исполненіе. Въ Зерентуйскомъ рудникѣ онъ поспѣшилъ познакомиться съ Голиковымъ, казарменнымъ старостою, бывшимъ фельдфебелемъ учебнаго карабинернаго полка, Бочаровымъ, сыномъ астраханскаго купца, Бондаревымъ, бывшимъ фельдфебелемъ гвардейскаго полка, и Птицинымъ цѣловальникомъ, бывшимъ юнкеромъ гусарскаго полка. Съ помощью ихъ доставалъ себѣ вооруженіе, порохъ и свинецъ. Лили пули, надѣлали до тысячи патроновъ. Совѣты товарищей не помогли. Сухиновъ продолжалъ ласкать ссыльныхъ и особенную довѣренность и любовь къ себѣ возбудилъ въ семеновцахъ, которые ежедневно ходили къ нему; съ ними ежедневно же уходилъ онъ на охоту, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, но за глазами товарищей успѣлъ завести дѣло далеко. Пренія съ товарищами доходили до ссоры, бесѣды съ соумышленниками довели до опредѣленнаго плана освобожденія всѣхъ заключенныхъ въ ближайшихъ рудникахъ: Зерентуйскомъ и Кличкинскомъ. Намѣревались напасть на казармы и, завладѣвъ оружіемъ, идти на Благодатскій рудникъ ($1^1/_2$ версты), на Большой заводъ и на другіе заводы, какъ для обезоруженія военныхъ командъ, такъ и для присоединенія ссыльныхъ. Намѣревались прекратить почтовыя сношенія, послать отрядъ для отобранія оружія по всѣмъ казеннымъ карауламъ; потомъ идти на Нерчинскъ, завладѣть артиллеріею, оттуда на Читу, освободить государственныхъ преступниковъ и условиться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Намѣренія эти Сухиновъ велѣлъ скрывать отъ сожителей своихъ до послѣдней минуты, приказалъ въ присутствіи ихъ быть осторожными, говоря, что во время бунта онъ самъ ихъ увѣдомитъ, и если согласятся, то присоединитъ ихъ; если нѣтъ, они первыми будутъ убиты. Товарищамъ-черниговцамъ продолжалъ говорить одно: „Оставьте дѣйствовать меня по своей волѣ, я васъ не замѣшаю“. Цѣловальникъ Птицинъ, на случай возстанія, обѣщалъ нѣсколько бочекъ водки, а до того времени подпаивалъ главныхъ заговорщиковъ, которые въ пьяномъ видѣ успѣли до нѣкоторой степени обнаружить свои намѣренія: въ какой-то праздничный день на могильныхъ памятникахъ написали угрозы начальству. Полякъ Тиръ, сосланный изъ виленскихъ студентовъ, успѣлъ объявить управляющему рудникомъ, что это дѣло государственныхъ преступниковъ и изъявилъ свои подозрѣнія на заговоръ. Произведенные осмотры и дознанія не оправдали подозрѣнія. На радости команда Сухинова начала пить непомѣрно, безпрестанно шаталась мимо оконъ квартиры товарищей, десятками не выходили изъ кабака и произносили разныя неумѣстныя выраженія. Въ это время нѣкто Казаковъ, проходя въ пьяномъ видѣ мимо квартиры управителя, объявилъ ему, что многіе готовы къ бунту и что въ этомъ участвуютъ секретные (т. е. государственные преступники). О доносѣ Алексѣя Казакова передано было заговорщикамъ и двое изъ нихъ (Голиковъ и Бочаровъ) взяли водки, пригласили Казакова въ лѣсъ, напоили его и убили. Бочаровъ бѣжалъ. По двумъ доносамъ произведено слѣдствіе, назначена коммиссія, дано было знать въ Петербургъ. Въ Благодатскомъ рудникѣ возстаніе, такимъ образомъ, успѣли предупредить, въ Кличкинскомъ же рудникѣ ссыльно-рабочіе успѣли уже произвести буйство и оказать сопротивленіе военной и горной командамъ. 19 іюня 1828 г. въ лагерѣ при Шумлѣ Николай I изволилъ написать собственноручно на докладной запискѣ о кличкинскомъ вооруженномъ возстаніи: „Всѣхъ судить военнымъ судомъ, что и впередъ исполнять съ ними, когда будутъ противиться военной силѣ“. Комендантъ Лепарскій получилъ высочайшее повелѣніе, данное въ Одессѣ 13-го августа 1828 г., въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Я повелѣваю вамъ приказать отыскать непремѣнно Василія Бочарова и всѣхъ предать немедля военному суду и впредь въ подобныхъ случаяхъ разрѣшаю руководствоваться симъ же правиломъ“. Подъ стражу взято было 22 человѣка; слѣдствіе шло неудачно: Сухиновъ ни въ чемъ не сознавался, другіе, что показывали сегодня, то отвергали завтра. Допросы начали побоями, продолжали жестокостями. Одна коммиссія смѣняла другую, но главная и послѣдняя открыла не больше первоначальной. Случилось, что собака принесла человѣчью руку и, такимъ образомъ, открыла убійство Казакова. Въ то же время случайно былъ пойманъ бѣжавшій Бочаровъ. Кончался второй мѣсяцъ, а слѣдственное дѣло не подвигалось. Горная экспедиція отозвала членовъ и назначила въ Большомъ заводѣ третью коммиссію. Виновныхъ перевезли

заводѣ, близъ Тары, содержался унтеръ-офицеръ Шутовъ.

туда. Товарищамъ Сухинова позволили видѣться съ нимъ, и „если бы,—говоритъ одинъ изъ нихъ:—у насъ были деньги, то могли бы дать совсѣмъ другой оборотъ дѣлу, по корыстолюбію нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи". Читинскіе товарищи присылали нарочнаго съ обѣщаніемъ денежной помощи, но письмо не дошло и военный судъ состоялся. Сухинова судъ приговорилъ къ 400 ударамъ кнута, слѣдующимъ девяти—кнутъ, остальнымъ—плети; но потомъ это рѣшеніе измѣнилось: Сухинова и пятерыхъ съ нимъ велѣно разстрѣлять. Сухиновъ, во время слѣдствія два раза принимавшій ядъ и, не не достигнувъ цѣли, разстроившій свое здоровье, казался спокойнымъ и веселымъ. Въ ночь, предшествовавшую экзекуціи, онъ упросилъ одного изъ арестантовъ сказывать сказки. Когда всѣ уснули, Сухиновъ отвязалъ ремень отъ кандаловъ, привязалъ его къ деревянному колу, низко вбитому надъ нарами, спустился съ наръ и почти въ лежачемъ положеніи удавился. Кто-то изъ арестантовъ наткнулся на него въ потьмахъ: зажгли огонь и тотчасъ послали за ключами отъ цѣпей къ батальонному командиру и за лекаремъ. Сухиновъ оставался въ петлѣ. Къ жизни его не возвратили. Товарищи его (Соловьевъ и Модзалевскій) были привлечены къ слѣдствію, закованы, посажены въ тюрьму, но оправданы и освобождены, какъ не причастные къ дѣлу. Ихъ, послѣ экзекуціи, сочли за необходимое соединить съ прочими товарищами и перевели въ читинскую тюрьму. Вмѣстѣ съ ними перевели въ Читу всѣхъ, кто былъ въ заводѣ изъ дворянъ, хотя бы и не былъ политическимъ преступникомъ. Комендантъ не хотѣлъ принимать ихъ отъ испуганнаго горнаго начальства и одного изъ присланныхъ, который былъ осужденъ за намѣреніе поджечь городъ для грабежа, долго держалъ отдѣльно. Этотъ наплывъ съумѣлъ не разъ вредить потомъ доброй славѣ каземата.

Лепарскій, по вызову сухиновскаго дѣла, принужденъ былъ издать новую инструкцію. За всею командою, особенно за карауломъ, велѣлъ имѣть особенное смотрѣніе; за людьми наблюдать, „не есть ли они въ непозволительныхъ сношеніяхъ съ жителями и арестантами". „Государственные преступники не могутъ имѣть ни съ кѣмъ никакого свиданія и для того, кромѣ караульныхъ, никого къ нимъ не допускать. При нихъ долженъ быть днемъ въ передней комнатѣ изъ рядовыхъ одинъ за сторожа безъ аммуниціи для смотрѣнія за ними и котораго при смѣнѣ караула всякій день смѣнять другими, избирая для сего людей надежныхъ. На ночь арестантская, чуть станетъ смеркаться, должна быть заперта замкомъ, а ключъ отъ онаго долженъ имѣть при себѣ караульный старшій унтеръ-офицеръ въ карманѣ, котораго никому не повѣрять. По утру же, какъ сдѣлается видно, онъ, взявъ съ собою ефрейтора и двухъ караульныхъ, отпираетъ арестантскую и повѣряетъ арестантовъ. Ночью же, ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ отпирать и выпускать арестантовъ, развѣ если случится близь пожаръ; тогда весь караулъ идетъ къ арестантамъ и, построивъ карэ, беретъ ихъ въ середину, отводя на безпечное мѣсто. Осматривать лично поутру и ввечеру ежедневно палаты арестантскія; причемъ велѣть повѣрять подъ нарами и посмотрѣть: въ цѣлости ли полы въ палатѣ и оковы на арестантахъ, а также повѣрить во всемъ караульныхъ, т. е. нѣтъ ли пьяныхъ и всѣ ли на лицо". „Преступниковъ никуда и днемъ даже изъ арестантской не выпускать, кромѣ подъ присмотромъ часового или сторожа для натуральной нужды. Буде кто изъ преступниковъ тяжко заболитъ, то одного отдѣлить отъ арестантовъ въ особую палату для пользованія, и при больномъ быть днемъ и ночью особому часовому и сторожу и ночью имѣть въ оной палатѣ свѣчу. Хотя государственные преступники должны быть посылаемы на работы по распоряженію горнаго начальства, но оныхъ, вмѣстѣ съ прочими ссыльными, не водить, а водить особо подъ приличнымъ конвоемъ". Тогда же издано наставленіе и унтеръ-офицеру: „Чтобы люди не ложились, не раздѣвались и не валялись на полу и всегда готовы бѣжать по крику часового: вонъ! На ночь быть свободно одѣтымъ". „Въ случаѣ бунта арестантовъ долженъ имъ угрожать, что, если не уймутся, велитъ колоть и тотчасъ посылаетъ ефрейтора дать знать начальству. Если же арестанты будутъ усиливаться и вступать въ драку съ караульными, то, не дожидаясь повелѣнія, приказываетъ колоть зачинщиковъ или болѣе упрямыхъ и дерзкихъ безъ всякой пощады, не опасаясь подвергнуть себя и тѣхъ солдатъ за убитыхъ и раненныхъ какой либо отвѣтственности" *).

*) Изъ дальнѣйшихъ подробностей болѣе интересны слѣдующія наставленія: «Караульные и всѣ часовые отъ арестантовъ ничего не должны принимать, даже изъ съѣстного отъ нихъ солдатамъ ничего не брать, ибо были примѣры, что арестанты отравливали караульныхъ, другихъ обкармливали дурманомъ, подмѣшивая въ пищу порошокъ, отчего весь караулъ безъ чувствъ засыпалъ, а между тѣмъ арестанты всѣ уходили». «Никакихъ напитковъ хмѣльныхъ, какъ-то: вина ренскаго, меду, пива не допускать къ нимъ; если же кто, по доброй волѣ, доставитъ имъ какую пищу или квасъ, то караульному унтеръ-офицеру, осмотрѣвъ строго, отдать въ цѣлости черезъ караульныхъ преступникамъ, объявя имъ, кто имъ что прислалъ». «Не дозволяется собираться народу въ караульню; если кто имѣетъ дѣло къ караульнымъ, то долженъ часовой остановить того при входѣ и кричать: «ефрейторъ, вонъ»! Онъ не допускаетъ никому говорить, разсуждать, забавляться съ арестантами, ни постороннимъ людямъ, ни своимъ солдатамъ». «По пробитіи зори, карауль-

Новыя строгости съ наибольшею настойчивостью устремлены были на тотъ пунктъ, который казался самымъ щекотливымъ. Свиданія дамъ съ мужьями, по общему положенію, были ограничены двумя разами въ недѣлю и всякій разъ не болѣе, какъ на нѣсколько часовъ. Обычай установилъ свиданія эти ежедневными: всякій день жены подходили къ частоколу, чтобы взглянуть на своихъ супруговъ и простоять съ ними нѣсколько часовъ. Новое предписаніе, дававшее широкія права вмѣшательству часовыхъ, успѣло сдѣлать опасными эти свиданія, установленныя обычаемъ. Нерѣдко случалось, что часовой, исполняя приказъ, оттонялъ прикладомъ; встрѣчая упорство со стороны дамъ, прицѣливался. Одна изъ дамъ разговаривала съ мужемъ по французски; пьяный офицеръ Дубининъ потребовалъ русскаго разговора и грубо обругалъ. Дама (А. Г. Муравьева) бросилась бѣжать, онъ за нею; на дорогѣ бѣжавшая упала въ истерикѣ. Товарищи, узнавъ объ этомъ, стали укорять Дубинина. Этотъ съ крикомъ: „бунтъ"! велѣлъ караулу сомкнуть штыки. Плацъ-адъютантъ, услыхавъ шумъ, остановилъ солдатъ и прекратилъ опасную исторію. Лепарскаго не было въ Читѣ. Возвратившись, онъ велѣлъ не пускать всѣхъ на работы, чтобы прекратить всякія свиданія, но передъ обиженною извинился, просилъ всѣхъ на будущее время быть осторожными; Дубинина перевелъ въ другую команду, племяннику своему (плацъ-маіору) намылилъ голову, дѣло замялось— о происшествіи никто не узналъ. Благополучнымъ исходомъ вся исторія обязана была начальнику горнаго округа Семену Ивановичу Смольянинову, человѣку замѣчательной честности, пользовавшемуся ото всѣхъ глубокимъ уваженіемъ (еще за 25 лѣтъ до всеобщей эмансипаціи, онъ, по собственному побужденію, отпустилъ своихъ крестьянъ на волю). Онъ одинъ во все время, отъ начала до конца, былъ ровенъ въ обхожденіи съ государственными преступниками, обращаясь съ ними съ полною учтивостью и готовностью къ услугамъ, когда другіе были грубы и не исполняли даже слѣдуемаго по закону. Вообще, весь подборъ штаба былъ самый неудачный и не при одной постройкѣ Петровскаго каземата были злоупотребленія. Молодые люди самымъ безчестнымъ и самымъ нахальнымъ образомъ корыствовались отъ своихъ и безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія.

Вскорѣ, по обычному закону, и всѣ другія предписанія пошли въ разладъ съ дѣломъ. Предписаніе говорило: „преступники ни кому писемъ писать не могутъ, потому не должны имѣть бумаги, чернилъ, карандашей, для чего строго ихъ осматривать, и буде впослѣдствіи времени у нихъ что найдется, равно деньги и вещи, коихъ прежде не было, то строго изслѣдовать, отъ кого что они получили; если будутъ къ нимъ присланы письма, то, не отдавая ихъ, оставить у себя и иныя представить г. начальнику заводовъ". Обыски дѣлались безпрерывно. Особенно часто подвергался имъ Д. И. Завалишинъ по своимъ учебнымъ занятіямъ. Такъ какъ не давали ни бумаги, ни карандашей, онъ сдѣсдѣлалъ карандашъ изъ куска свинца отъ чайнаго цибика, а писалъ на бумажкахъ отъ содовыхъ порошковъ. Все это отбиралось, но при новомъ обыскѣ находили все возобновленнымъ. Наконецъ, удалось убѣдить коменданта, что эти занятія для образованныхъ людей составляютъ такую существенную потребность, что будутъ искать удовлетворенія ея во что бы то ни стало, тогда какъ для него она не составляетъ никакой опасности. Коменданту не разъ приходилось выслушивать упреки, иногда очень жестокіе, но онъ умѣлъ говорить со вспыльчивыми: „Позвольте! мнѣ теперь некогда, приходите лучше ко мнѣ, мы затворимъ двери и тогда браните меня, сколько будетъ угодно". Опытъ и практика переломали дѣло такъ: сначала Лепарскій принужденъ былъ дозволить грифельныя доски, потомъ появилась бумага и карандаши. Затѣмъ Лепарскій, входя въ казематы и видя чернильницы, бумагу и перья, сталъ со снисходительною улыбкою говорить всякій разъ: „Я этого не вижу". Огромное лишеніе писать письма къ роднымъ сначала восполнено было участьемъ дамъ (черезъ три мѣсяца стали получать отвѣты и денежныя пособія), потомъ приспособленіемъ различныхъ хитростей при участьи случайныхъ стороннихъ пособниковъ. Одинъ изъ соузниковъ—Дружининъ, отправленный на поселеніе, повезъ изъ Читы табакъ для доставленія въ Иркутскъ въ ящикѣ съ двойнымъ дномъ,—подъ верхнимъ дномъ огромное количество писемъ для отправленія въ Россію. На дорогѣ табакъ пересыпалъ онъ въ бумагу, а ящикъ подарилъ священнику для сбора денегъ въ церкви; узнавъ о своей ошибкѣ, онъ досталъ ящикъ обратно и доставилъ по назначенію *). Наконецъ, передатчиками читинскихъ корреспонденцій въ Россію являются на сторонѣ: жена горнаго начальника (Фелицата Осиповна Смольянинова), присылавшая на работы своей стряпни завтраки, принимала участье и въ пересылкѣ

нымъ помыться, опрятно одѣться, подтянуть штаны на помочи, оправить аммуницію и людей, построивъ въ караульнѣ, все осмотрѣть». Остальныя приказанія отличаются общимъ мѣстомъ и хлопочатъ о внѣшнемъ лоскѣ.

*) Этотъ Дружининъ переселенъ былъ къ декабристамъ впослѣдствіи изъ нерчинскихъ заводовъ, куда сосланъ былъ изъ Оренбурга вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, составившими тамъ тайное общество и осужденными по доносу одного изъ товарищей, и именно того самаго, который организовалъ это общество.

писемъ. Она замѣчательна была глубокимъ участіемъ и всякаго рода услугами заключеннымъ и ихъ дамамъ. Она безплатно снабжала казематы всѣмъ изъ своего хозяйства. Разъ она отправила одно письмо въ Москву, но письмо тамъ было вскрыто, въ письмѣ нашлось указаніе на нее и Лепарскій получилъ приказаніе посадить ее на недѣлю подъ арестъ. Разъ самъ комендантъ сдѣланъ былъ, противъ воли, передатчикомъ радостнаго извѣстія о соединеніи всѣхъ въ одной тюрьмѣ, отправленнаго отъ дамъ, находившихся въ Благодатскомъ рудникѣ, къ читинскимъ дамамъ. Письмо это комендантомъ было прочитано, найдено невиннымъ, сообщавшимъ описаніе природы красивой и дикой Аргуни, виды которой заставляли припоминать стихъ Байрона (стихъ былъ приведенъ въ подлинникѣ на англійскомъ языкѣ). На другой день по прочтеніи письма коменданту доложено было о необыкновенно веселомъ и радостномъ настроеніи духа заключенныхъ, о томъ, что причиною этого общаго оживленія послужило извѣстіе о присоединеніи благодатскихъ товарищей. Тщательные розыски и дознанія обидѣвшагося коменданта не привели ни къ чему. Далеко позже, когда дѣло стало прошлымъ, узналъ онъ, что извѣстіе, тщательно скрываемое имъ, привезъ самъ же онъ, и что стихъ Байрона не принадлежалъ поэту, а заключалъ въ себѣ прозаическое извѣстіе: „in a fortnight we leave this dreedful place“, т. е. черезъ двѣ недѣли мы оставляемъ это ужасное мѣсто. Это обстоятельство, когда объяснилось потомъ, послужило поводомъ Лепарскому требовать особливаго чиновника для чтенія писемъ на тѣхъ языкахъ, которыхъ онъ не зналъ.

Работа на ручныхъ мельницахъ въ нѣсколько жернововъ, обязывавшая перемолоть 4 пуда ржи ежедневно всѣмъ (т. е. по 10 фунтовъ на каждаго), производилась сначала посмѣнно, такъ какъ у каждой мельницы могли работать только два человѣка. Впослѣдствіи стали молоть сами сторожа и конвойные наблюдатели. Обязательные рабочіе въ сосѣдней комнатѣ (шинельной) курили, играли въ шахматы. Здѣсь, мало по малу, образовался маленькій клубъ: обмѣнивались мыслями и чувствами, читали газеты, съ жадностью слѣдя за политическими событіями Европы и, въ особенности, за дѣйствіями нашихъ войскъ въ персидскую войну, въ которой принимали участье многіе изъ прежнихъ товарищей и друзей читинскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Нѣкоторые достигли такого искуства въ быстротѣ просмотра газетъ (какъ Д. И. Завалишинъ), что, успѣвая пробѣгать нумера газетъ прежде другихъ, умѣли сообщать собравшемуся клубу самыя крупныя новости немедленно. Комендантъ пріученъ былъ смотрѣть на это сквозь пальцы; работать усиленно не заставлялъ и, при засыпкѣ рва Чертовой могилы, рабочіе, успѣвая свезти нѣсколько тачекъ для моціона, бросали лопаты и тутъ же составляли новый подвижной клубъ съ тѣми же бесѣдами и чтеніемъ иностранныхъ газетъ, выписываемыхъ и доставляемыхъ дамами *. Впослѣдствіи и урядники, входя въ казарму, говорили: „Господа, не угодно ли кому на работу“?—и въ самомъ дѣлѣ, шли только тѣ, которые охотились и искали разнообразія. Лѣтомъ, когда стало тепло, раза два въ недѣлю водили заключенныхъ купаться въ очень маленькомъ притокѣ рѣчки Читы и притомъ загороженномъ частоколомъ. Купались безъ кандаловъ; водили человѣкъ по 15-ти за одинъ разъ. Потомъ и это оставили: стали водить на Ингоду, версты за двѣ отъ каземата.

Строго ограниченное и сильно стѣсненное сначала свиданіе съ женами въ самыхъ казематахъ смѣнено было дозволеніемъ ходить съ конвоемъ въ собственныя квартиры дамъ, а послѣ дубининской исторіи безъ постороннихъ свидѣтелей. Дозволили получать письма отъ родныхъ и почтовый день сдѣлался днемъ праздничнымъ, не смотря на то, что письма шли черезъ коменданта и доставлялись распечатанными и прочитанными. Тѣмъ же путемъ дозволялась и отправка отвѣтовъ, которые писали дамы, имѣвшія право переписываться съ кѣмъ имъ угодно и обыкновенно въ такой формѣ: „такой-то просилъ меня сообщить вамъ“ и проч. Въ этомъ случаѣ, каждая дама имѣла нѣсколько человѣкъ въ казематѣ, за которыхъ она постоянно писала, переписывая передаваемыя ей черновыя письма и прибавляя въ началѣ приведенную выше общую фразу. Трудъ дамъ въ этомъ случаѣ былъ немаловаженъ: „Одна княгиня Трубецкая еженедѣльно переписывала и отправляла къ коменданту болѣе десяти писемъ; ему самому передъ каждымъ отправленіемъ и послѣ каждаго прибытія почты приходилось прочесть писемъ до ста“.

Установившаяся при содѣйствіи дамъ связь съ покинутымъ міромъ, съ любимыми и любящими, это—по выраженію М. А. Бестужева—„политическое существованіе за предѣлами политической смерти“,—существеннымъ образомъ выразилось помощью отъ родныхъ. Къ несчастью, по разсказамъ того же свидѣтеля, поч-

*) Изъ иностранныхъ: Journal des Debats, Constitutionnel, Journal de Francfort, Revue encyclopédique, Revue britannique, R. des deux mondes R. de Paris, Preussische Staatszeitung, Гамбургскій корреспондентъ, Аугсбургская газета и почти всѣ русскіе журналы и газеты. Изъ ученыхъ журналовъ выписывались: J. des savants, Annales de chimie, An. des voyages, Bibliothèque universelle de Genève и проч. Однако, сначала Лепарскій выдавалъ только подъ большимъ секретомъ получаемые имъ «Телеграфъ» и «Инвалидъ», но разъ пересталъ посылать послѣдній по самому невинному поводу.

та обижала ихъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Онъ говоритъ, что вмѣсто прекрасныхъ золотыхъ часовъ, завѣщанныхъ ему съ братомъ (Н. А.) и посланныхъ послѣ смерти ихъ брата Александра (Марлинскаго) они получили какое-то подобіе часовъ. Александръ Муравьевъ разъ вмѣсто бобровой получилъ изношенную шапку. Бѣлье часто получали сдѣланное по казеннымъ подрядамъ для лазаретовъ; дамскія шляпки и головныя уборы подмѣняли поношенными, нерѣдко въ однихъ верескахъ и лоскутьяхъ. Ивашовъ давно ожидаемую имъ посылку съ дамскими и дѣтскими уборами и лентами получилъ въ одномъ ящикѣ съ избитыми и измятыми крымскими яблоками: отполовинили изъ обоихъ ящиковъ и сложили въ одинъ. Въ утѣшеніе обиженныхъ почтовая оговорка гласила одно и то же: „Разбившаяся въ дорогѣ укупорка замѣнена новою, за которую просятъ взыскать и выслать слѣдующія деньги“ *).

Съ одной стороны просили одного: не оскорблять дерзкимъ обращеніемъ, и за этимъ ультиматумомъ обѣщали исполнять все съ покорностью и безропотно; съ другой стороны говорилось нѣкоторымъ наединѣ и по секрету: „Что обо мнѣ напишутъ въ Европѣ? назовутъ меня безсердечнымъ тюремщикомъ, палачемъ, притѣснителемъ, приравняютъ къ Гудсонъ-Лоу. Я берегу мѣсто единственно для васъ, господа, чтобы избавить васъ отъ притѣсненій и несправедливостей безсовѣстныхъ чиновниковъ. Что мнѣ отъ того, что ношу кресты и ленты, которыхъ даже и смотрѣть здѣсь некому! Я желалъ бы освободиться отсюда, но не иначе, какъ вмѣстѣ съ вами“. Съ третьей стороны за комендантомъ былъ строгій контроль со стороны читинскихъ дамъ, умѣвшихъ отстаивать его въ Петербургѣ и говорившихъ ему въ глаза самыя жесткія и колкія слова. „Пожалѣйте меня,—говаривалъ Лепарскій дамамъ:—вы требуете того, чтобы меня разжаловали“.—„Ну, что же? Будьте лучше солдатомъ, генералъ, но будьте честнымъ человѣкомъ“.—Послѣ экзекуціи надъ Сухиновымъ и его сообщниками, Лепарскій долгое время избѣгалъ встрѣчи съ дамами и нѣсколько дней не выходилъ изъ дому. Послѣ того, какъ его вылечили отъ смертельной болѣзни казематскіе доктора, Лепарскій рѣшился написать въ Петербургъ. „Не я ихъ стерегу, а они меня берегутъ“. Имѣя обыкновеніе отвѣчать на всѣ просьбы „не могу“ (за что и былъ прозванъ въ шутку „господиномъ Немогу“), онъ началъ кончать тѣмъ, что исполнялъ просьбы, хотя и послѣ долгой „комбинаціи“ (какъ онъ самъ выражался), справки съ законами и инструкціею. Онъ любилъ говорить часто: „Я увѣренъ, что имѣю дѣло съ благородными людьми, поберегите меня“. Въ силу такихъ взаимныхъ уступокъ, такихъ строгихъ и неизбывныхъ отношеній значительно ослаблено было вліяніе съ четвертой стороны—и читинское заточеніе стало принимать видъ обыкновенной человѣческой общины и мало по малу приближаться къ тому идеалу ея, гдѣ нѣтъ мѣста для искуственныхъ и непрочныхъ скрѣпленій. Взаимныя уступки и обоюдная помощь съумѣли сдѣлать то, чего бы ни въ какомъ случаѣ не удалось достигнуть притѣсненіемъ свободной воли человѣка. Совершилось большое чудо: сотня людей разнообразныхъ характеровъ и наклонностей сплотилась въ тѣсное, согласное и дружное товарищество и при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ быта ни разу не измѣнило себѣ и ни на одну іоту не потребовало измѣненій въ предварительномъ ультиматумѣ. Всѣ сдержали слово съ тѣмъ достоинствомъ, что ни одинъ изъ безчисленныхъ доносовъ не оправдался, ни одинъ петербургскій ревизоръ не нашелъ ничего новаго, на чемъ бы онъ могъ выслужиться и чѣмъ бы въ состояніи былъ повредить приставу и дозираемому имъ товарищу. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, С. Б. Броневскій, въ своихъ запискахъ оставилъ сильные слѣды восторга, полученнаго имъ при посѣщеніи тюрьмы государственныхъ преступниковъ, и о честныхъ взаимныхъ отношеніяхъ ихъ и коменданта со штабомъ его свидѣтельствовалъ лично передъ императоромъ Николаемъ I *). Бывшій генералъ-

*) Особенно оригинальна была впослѣдствіи переписка товарищей, жившихъ на поселеніи, между собою и съ заключенниками, прибѣгавшимъ къ помощи оффиціальной почты. Письмо, прежде назначенія по адресу, шло въ Петербургъ, тамъ прочитывалось и отправлялось обратно въ Сибирь. Письмо Рѣпина къ Розену пропутешествовало съ Лены въ Петровскій заводъ 12 тысячъ верстъ и принесло извѣстіе о здоровьѣ и надеждахъ на будущее, когда сгорѣвшій Рѣпинъ былъ давно уже похороненъ. Само собою, въ случаяхъ важныхъ прибѣгали къ оказіямъ, имѣли возможность заручиться постоянными коммиссіонерами, готовно и охотно исполнявшими порученія на огромное большинство случаевъ безвозмездно. Впрочемъ, эти средства не всегда были непрерывными. Мы слышимъ жалобу одного въ такихъ выраженіяхъ: «Наши письма, писанныя въ духѣ самой строжайшей осторожности, были такъ цензурованы, что, наконецъ, вывели насъ изъ терпѣнія и мы рѣшились не писать болѣе другъ къ другу».

*) Самъ С. Б. Броневскій такъ говоритъ объ этомъ: «Каково ведутъ себя политическіе преступники»? спросилъ меня государь императоръ въ Зимнемъ дворцѣ. Я отвѣчалъ: «Очень одобрительно, ни одинъ ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ, а что у нихъ на сердцѣ, отъ насъ сокрыто». Осмѣлился доложить, что простого народа изъ осужденныхъ Сибирь можетъ принять еще болѣе теперешняго. Они, дѣлая преступленія по различнымъ побужденіямъ, иногда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, благоговѣютъ къ предержащей власти, но политическихъ преступниковъ нужно бы водворять въ другіе края Россіи. Государь изволилъ со вниманіемъ выслушать мое замѣчаніе и от-

губернаторъ Сулима вынесъ тѣ же отличныя впечатлѣнія. Когда государь повелѣлъ снять оковы съ болѣе достойныхъ и вполнѣ заслуживающихъ такую милость, Лепарскій, явившійся въ полной формѣ, съ крестами и въ лентѣ, объявилъ, по прочтеніи бумаги, что онъ находитъ всѣхъ того достойными. Оковы были сняты и спрятаны, но нашлась возможность потомъ доставать ихъ, чтобы дѣлать изъ нихъ браслеты и кольца и отсылать эти издѣлія на память роднымъ, оставшимся въ Россіи. Отсылали съ тѣмъ нарочнымъ, который ежегодно увозилъ изъ нерчинскихъ рудниковъ серебро. Разъ такая посылка открыта была въ Петербургѣ и Смольяниновъ, хранившій желѣза, былъ посаженъ на гауптвахту.

Съ этого времени самое заточеніе стало наименѣе строгимъ и тюремная община декабристовъ еще сильнѣе укрѣпилась въ своихъ правахъ и дѣйствіяхъ. Къ казеннымъ работамъ присоединились свои собственныя, вызванныя требованіемъ взаимной помощи и содѣйствія. Загорожено было большое мѣсто подъ огородъ и всѣ, каждый день, съ наступленіемъ весны, ходили туда работать на нѣсколько часовъ. Въ первый годъ урожай былъ плохой, но все-таки осенью и зимою въ артельной похлебкѣ оказалось по нѣскольку своего картофеля, рѣпъ и моркови. Это особенно имѣло значеніе въ Читѣ, до прибытія декабристовъ не имѣвшей достаточнаго количества числа огородовъ и довольствовавшейся привозными овощами или дико ростущими въ лѣсахъ и лугахъ кореньями и цвѣточными луковицами. На слѣдующій годъ урожай на огородѣ былъ до того обиленъ, что на зиму заготовленъ былъ весь нужный запасъ овощей и посолено въ большихъ винныхъ бочкахъ до 60.000 огурцовъ—продукта до того времени весьма мало извѣстнаго за Байкаломъ *). Избытками запасовъ товарищество, сверхъ того, могло подѣлиться съ неимущими читинскими бѣдняками, а картофелемъ съумѣли подспорить скудную трапезу горныхъ крестьянъ, издавна пользовавшихся, за недостаткомъ хлѣба, всевозможными суррогатами его.

Въ читинской тюрьмѣ стала налаживаться та общинная артель, которая съ такимъ совершенствомъ выработалась окончательно въ Петровскомъ заводѣ. Въ Читѣ—столъ былъ общій: къ обѣду приносили огромную латку артельныхъ щей, на другой латкѣ—накрошенную говядину. Хлѣбъ приносили нарѣзанный ломтями, такъ какъ, по тюремнымъ положеніямъ, не давали ни ножей, ни вилокъ (и отобрали даже свѣчные щипцы). Всякій имѣлъ свою ложку: костяную, оловянную или деревянную; серебряныя ложки запрещались. Недостатокъ тарелокъ дополнялся чайными деревянными китайскими чашками. Обѣденный столъ приготовлялся изъ козелъ, приносимыхъ въ казематъ на то время и накрываемыхъ доскою. Супъ или щи, каша съ масломъ приносились въ деревянныхъ ушатахъ и разбирались прямо отсюда каждымъ отдѣльно въ собственныя китайскія чашки. Пища была проста и здорова: одна и та же для тѣхъ, которые привыкли въ походахъ къ сытной и обильной трапезѣ богатой Малороссіи, и для тѣхъ, которыхъ не всегда удовлетворяла въ Петербургѣ французская изысканная кухня съ ежедневнымъ шампанскимъ. „Между нами было много гастрономовъ; всѣ они были согласны въ томъ, что не терпѣли въ Читѣ голода, но и не были совершенно сыты". На столъ и содержаніе, сверхъ казенныхъ 6 копеекъ мѣди въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ, въ содѣйствіе тѣмъ, которые были безъ средствъ или забыты помощью, получали общій столъ и денежныя пособія отъ богатыхъ товарищей и дамъ.

Эти взносы, сдѣлавшіеся впослѣдствіи для всѣхъ обязательными, въ Читѣ послужили основаніемъ артельнаго капитала, который и расходовался на общія потребы. Дамы присылали кофе, шеколадъ и кушанья, какъ лакомства. Для завѣдыванія суммами на каждые три мѣсяца избирался староста, получившій на языкѣ декабристовъ названіе хозяина, и другое лицо, завѣдующее артельнымъ огородомъ—огородникъ. Хозяина выбирали первый разъ въ 1828 г. по причинамъ дурного состоянія кухни. Первымъ хозяиномъ былъ Ив. Сем. Повало-Швейковскій, но онъ кормилъ довольно плохо, молодежь была имъ не довольна. Онъ просилъ освобожденія, выборы пали на И. Д. Якушкина, но онъ отказался. Согласился быть хозяиномъ Розенъ и дѣла по хозяйству пошли лучше. Въ 1829 году на мѣсто Розена избранъ былъ Пущинъ, при которомъ объявились даже излишки огородныхъ запасовъ. Хозяинъ (одинъ только) имѣлъ право выходить изъ каземата для посѣщенія разныхъ лавокъ, изъ которыхъ иныя помѣщались въ жилыхъ домахъ (какъ, напр., всѣ еврейскія). Въ Петровскѣ эта заманчивая обязанность перенесена на вновь созданную должность закупщика, не представлявшую особеннаго труда и отвѣтственности.

О читинскомъ хозяйствѣ декабристовъ у насъ имѣются слѣдующіе документы первоначальнаго дѣйствія по устройству общины. Передаемъ съ буквальною точностью протоколъ о результатахъ.

вѣчалъ: «Да, это такъ; но они успѣваютъ входить въ связи съ начальствомъ (тогда былъ доносъ на Иркутскъ въ этомъ родѣ); ихъ близко держать невозможно, но мнѣ еще этого никто не говорилъ».

*) Точно также и дыни, взрощенныя въ парникахъ декабристами, были первыми на забайкальской почвѣ, какъ и огурцы.

„Мая 23-го 1829 года.

„П. В. Аврамовъ просилъ вчерашняго числа о назначенiи изъ каждой горницы большого каземата, изъ казематовъ № 2 и 3 уполномоченныхъ для принятiя отъ него нѣкоторыхъ сообщенiй касательно хозяйственной должности.

„Получившiе на сiе довѣрiе своихъ товарищей собрались въ числѣ пяти человѣкъ, изъ коихъ трое за свои комнаты, а двое—каждый за двѣ; и хотя нѣкоторые изъ нихъ были отправлены не отъ полнаго числа *), но по повѣркѣ всѣ вмѣстѣ оказались соединяющими довѣрiе большинства голосовъ.

„Имъ г. Аврамовъ, сообщивъ всѣ бумаги, касавшiяся какъ до опредѣленiя обязанностей хозяина, такъ и до выбора новаго (хозяина), просилъ:

„1) Относительно опредѣленiя условiй хозяйства разсмотрѣть и представить для общаго свѣденiя, на которой сторонѣ большинство голосовъ.

„2) Опредѣливъ по поданнымъ голосамъ кандидатовъ **) и представивъ на баллотировку, увѣдомить его, кто будетъ утвержденъ, для сдачи ему хозяйства къ 1-му числу iюня.

„Самъ же г. Аврамовъ совершенно отказался, какъ отъ разсмотрѣнiя голосовъ по симъ двумъ пунктамъ, такъ и отъ извлеченiя слѣдствiй изъ оныхъ.

„Назначенные отъ товарищей, исполнивъ все возложенное на нихъ, представляютъ при семъ къ общему свѣденiю

„Протоколъ о составѣ коммиссiи.

„Члены коммиссiи.

„I. Съ правомъ двухъ голосовъ:

„Дм. Завалишинъ 1—за казематъ № 2 и за горницу большого каземата № 4 или аристократическую.

„Н. Безстужевъ за горницы № 2 и 3.

„II. Съ правомъ одного голоса:

„А. Бюляевъ за горницу № 1.

„Игельштромъ, за горницу № 5.

„Мухановъ, за казематъ № 3.

„По повѣркѣ полномочiй выбраны: предсѣдателемъ коммиссiи Дм. Завалишинъ 1. Секретаремъ Мухановъ.

„Протоколъ о результатахъ подачи голосовъ о новомъ устройствѣ общины.

„По разсмотрѣнiи голосовъ и мнѣнiй, по даннымъ касательно правилъ хозяйства (причемъ были спрашиваемы всѣ тѣ, коихъ мнѣнiя могли быть не очень поняты—для отклоненiя всякаго недоразумѣнiя ***) оказалось:

„1) Желающихъ, чтобы все осталось на прежнемъ основанiи—32.

„2) Желающихъ поясненiя или опредѣленiя обязанности хозяина и проч.—20.

„(Остальные 20 не подавали голоса или потому, что не участвовали въ артели, или отказались отъ подачи голосовъ).

„При семъ, когда большинство голосовъ оказалось на сторонѣ желавшихъ остаться на прежнемъ положенiи, г. Басаргинъ отказался отъ артели, причемъ, по его просьбѣ, прилагается (къ дѣлу) объясненiе его собственной руки о причинахъ его, къ сему побудившихъ. Сверхъ того, отказался отъ артели г. Барятинскiй по причинамъ, поясненнымъ въ прилагаемой здѣсь копiи его мнѣнiя.

„Примѣчанiе. (Барятинскiй худо писалъ и потому просилъ копiю съ его подлинника, чтобы удобнѣе могли прочитать его мнѣнiе).

„Протоколъ о протестахъ противъ нѣкоторыхъ послѣдствiй прежняго порядка.

„Поелику большинство голосовъ осталось за удержанiе прежняго порядка, то приступая къ изложенiю дѣла касательно выбора новаго хозяина, на прежнемъ основанiи, коммиссiя долгомъ считаетъ предувѣдомить имѣющаго быть избраннымъ въ сiю должность, что имѣются нѣкоторые голоса, желающiе, дабы, если хозяинъ будетъ что либо говорить отъ общества съ начальствомъ, то если бы это было и по большинству голосовъ, но если они не давали на то своего согласiя, въ такомъ случаѣ въ сношенiи съ начальствомъ исключать ихъ поимянно“.

На каждую комнату назначалось двое дежурныхъ, обязанныхъ мыть и прибирать посуду, наблюдать за чистотою, накрывать столъ, приносить кушанье, ставить самовары, разливать чай. Разливавшiе чай постоянно избавлялись отъ обязанностей очередныхъ дежурствъ. Дежурнымъ помогали нанятые мальчики (по одному на комнату). Всѣмъ дѣлились между собою по братски: деньгами и лишенiями. Платьемъ и бѣльемъ запасались сами, но богатые покупали необходимые предметы и дарили бѣднѣйшимъ. Для облегченiя запаснаго артельнаго капитала, предназначеннаго, преимущественно, на столовые припасы, въ товариществѣ нашлись готовые мастера. Переплетнымъ мастерствомъ и картонажемъ занимались: Д. И. Завалишинъ, М. А. Бестужевъ и Ан. Ив. Борисовъ. Лучшими портными были: Павелъ Пушкинъ, Павелъ Мозганъ, Антонъ Арбузовъ. Чулки штопалъ лучше всѣхъ Трубецкой; лучшiй токарь былъ Артам. Зах. Муравьевъ, столяръ—Громницкiй, закройщикъ—Евгенiй Оболенскiй. Лучшiя фуражки шили: братья Бестужевы (Николай и Михаилъ), Петръ Фаленбергъ; они же вязали носки и чулки, а Ник. Алек. Бестужевъ, сверхъ того, снабжалъ всю артель отличными,

*) По причинѣ того, что многiе вовсе отказались отъ подачи голосовъ.

**) Разумѣется, въ должность хозяина.

***) Все заключающееся въ скобкахъ находится въ такомъ видѣ въ текстѣ протокола, а не то, чтобы здѣсь только представлялось для поясненiя.

крѣпкими башмаками, для чего комендантъ дозволилъ устроить ему вродѣ антресолей полати съ маленькимъ окномъ на верху. Здѣсь, подлѣ свѣта, этотъ надѣленный богатыми и разнообразными талантами человѣкъ завелъ самую многосложную мастерскую: починялъ сапоги, рисовалъ портреты товарищей, училъ шить башмаки, исполнялъ для дамъ обязанность ювелира, чинилъ часы дамамъ и коменданту, снималъ виды окрестностей, точилъ изъ дерева различные подарки дамамъ въ отплату за лакомства, занимался слесарнымъ мастерствомъ; разослалъ, между прочимъ, всѣмъ знакомымъ въ Россіи, по желанію ихъ, желѣзныя кольца, кресты и браслеты собственной работы изъ тѣхъ кандаловъ, которые выносили товарищи его на ногахъ въ теченіи двухъ лѣтъ (а нѣкоторые и долѣе). Кольца подкладывались золотомъ и вошли въ Сибири въ такую моду, что требованіе усилилось и въ удовлетвореніе его объявилась поддѣлка, началась торговля подложными кольцами.

Черезъ своего старосту государственные преступники передава и о своихъ личныхъ нуждахъ коменданту; при этомъ почитали неприличнымъ вмѣшивать начальство въ свои частныя дѣла. Староста распоряжался денежными суммами, покупалъ запасы, но не имѣлъ ни копейки въ рукахъ; его расходы выплачивались комендантскою канцеляріею. Онъ имѣлъ дозволеніе въ теченіи дня ходить на кухню столько разъ, сколько ему было нужно. Въ 50-ти шагахъ отъ тюрьмы находилась кухня и запасныя кладовыя. По истеченіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, при избраніи новаго старосты, ходилъ по рукамъ листъ, на которомъ каждый обозначалъ свои средства для общаго расхода. На общую же пользу устремлены были всѣ нравственныя силы товарищей: всѣ, за малымъ исключеніемъ, учились и учили другихъ. Всѣ выучились по французски, другіе по англійски; немногіе занимались даже древними языками, не смотря на то, что тѣснота помѣщенія, шумъ отъ кандаловъ, требовавшій привычки, мѣшали отдѣльнымъ занятіямъ. „Хочешь заняться, унесешься мыслями на родину, вдругъ распахнется дверь и молодежь съ топотомъ влетитъ въ комнату, танцуя мазурку и бряча кандалами. Кто искалъ уединенія для занятій, тѣ имѣли лѣтомъ маленькія палаточки во дворѣ у частокола. Въ предотвращеніе помѣхъ установлены были общія чтенія и занятія: въ тюрьмѣ нашлись и на это дѣло приготовленные и готовые дѣятели. Корниловичъ, вмѣстѣ съ Куницынымъ, имѣвшій свободный доступъ къ государственному архиву и, въ особенности, успѣшно изучившій исторію Россіи прошлаго вѣка, въ длинные зимніе вечера занималъ товарищей чтеніемъ публичныхъ лекцій объ эпохѣ царствованія императрицъ. Петръ Мухановъ, на правахъ его адъюнкта, развивалъ слушателямъ предшествовавшія картины русской исторіи прежнихъ вѣковъ *). Никита Муравьевъ, имѣвшій въ собственной библіотекѣ (послужившей основаніемъ артельной библіотеки) прекрасныя военныя карты и планы, читалъ стратегію и тактику; онъ же хорошо зналъ греческій языкъ. Пушкинъ 2-ой преподавалъ математику, Д. И. Завалишинъ высшую математику, астрономію по сочиненіямъ Лапласа каждый четвергъ отъ 6 до 8 часовъ, астрономію же—Вадковскій, греческій языкъ Лунинъ, Оболенскій и П. Борисовъ. Лучшими математиками были А. И. Барятинскій, Ѳ. И. Вадковскій, Бобрищевъ-Пушкинъ и Басаргинъ. Алек. Ив. Одоевскій преподавалъ русскую литературу (онъ же нѣмцевъ училъ русскому языку); Фердинандъ Вольфъ, штабъ-докторъ 2-ой арміи, читалъ изъ химіи и анатоміи и онъ же, помимо назначеннаго чиновнаго врача, былъ врачемъ не только для товарищей, но и для коменданта, для офицеровъ коменд. штаба и для пріѣзжихъ изъ Кяхты, Иркутска и Нерчинска; такъ велика была его слава *). Когда въ девять часовъ, по положенію, запирались двери казематовъ и тушились свѣчи, на мѣсто правильно организованныхъ бесѣдъ выступали импровизированныя, въ содѣйствіи которыхъ наиболѣе выдѣлялся бывалый М. К. Кюхельбекеръ, объѣхавшій кругомъ свѣта.

Всѣ эти чтенія, весь этотъ постоянный обмѣнъ умственнымъ богатствомъ имѣли огромное вліяніе на тѣхъ изъ товарищей, которые прежде не имѣли ни времени, ни средствъ на развитіе себя въ научномъ отношеніи. Особенно рѣзко

*) Черезъ полгода тотъ же фельдъегерь, который привезъ изъ Шлиссельбурга Вадковскаго, увезъ изъ Читы Корниловича, снова въ Петропавловскую крѣпость, для допросовъ о тайномъ польскомъ обществѣ. Корниловича въ Читу уже не возвратили, а отправили на Кавказъ солдатомъ, гдѣ ему довелось участвовать въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и черезъ два года умеръ отъ злокачественной лихорадки.

*) Комендантъ дозволялъ ему свободно выходить изъ тюрьмы во всякое время съ конвойнымъ. Вольфу удалось спасти Лепарскаго отъ близкой и неизбѣжной смерти. Впослѣдствіи, въ Петровской тюрьмѣ, въ сосѣднемъ нумерѣ съ нумеромъ Вольфа помѣщена была артельная аптека съ лекарствами, инструментами и лучшими медицинскими сочиненіями, которыя выписывались и доставлялись дамами. Аптекою завѣдывалъ Арт. Зах. Муравьевъ по составленію и отпуску лекарствъ. Онъ же и устроивалъ аптеку. Фроловъ помогалъ въ черныхъ работахъ, мылъ посуду и проч.; помощникомъ Вольфа по хирургическимъ операціямъ былъ Артамонъ Захар. Муравьевъ, охотно вызвавшійся на это дѣло. Онъ рвалъ зубы, пускалъ кровь, перевязывалъ раны и слѣдомъ за Вольфомъ и впереди конвойнаго имѣлъ право свободнаго выхода изъ тюрьмы на помощь страждущимъ. Вообще заключенники, какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ, пользовались здоровьемъ благодаря климату и регулярной жизни при простой умѣренной пищѣ.

выдѣлялся изъ прочихъ Д. И. Завалишинъ, изучившій, кромѣ греческаго и латинскаго, еще до восьми европейскихъ языковъ. Въ особенности онъ былъ очень свѣдущъ въ священномъ писаніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ чрезвычайною энергіею стремился пріобрѣтать наибольшія познанія. Для облегченія себѣ занятій онъ шелъ къ изученію языковъ съ помощью Библіи—этого легкаго ключа и всеобщаго словаря; съ фонъ-деръ-Бригеномъ читалъ латинскихъ классиковъ и переводилъ Тацита, съ Лунинымъ — латинскихъ отцевъ церкви; съ Вольфомъ и Ал. Крюковымъ (воспитанникомъ петербургской Peter-Schule) прочелъ всѣхъ нѣмецкихъ авторовъ. 18 часовъ въ сутки онъ употреблялъ на занятія, подчинивъ себя необычайной діэтѣ. Отрывался отъ ученія только тогда, когда довѣріе товарищей призывало его къ общественной дѣятельности. Кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, онъ зналъ еврейскій такъ, что перевелъ съ еврейскихъ подлинниковъ все священное писаніе и прочелъ въ подлинникахъ всѣхъ отцевъ церкви и весь кругъ богослужебныхъ книгъ. Нѣкоторые въ казематѣ изучили иностранные языки, какъ Бесчасновъ, не имѣвшій возможности выучиться имъ ни дома, ни въ казенномъ заведеніи. Онъ сдѣлался лучшимъ знатокомъ французскаго языка, такъ что къ нему же обращались и тѣ, которые научились только салонной болтовнѣ, когда дѣло шло о томъ, чтобы правильно написать что нибудь дѣльное по французски. Нѣкоторымъ удалось выучиться играть на музыкальныхъ инструментахъ подъ руководствомъ умѣлыхъ товарищей, изъ которыхъ многіе оказались виртуозами: А. П. Юшневскій, отличный игрокъ на роялѣ, съ Вадковскимъ, отличнымъ скрипачемъ, и двумя віолончелистами, Н. А. Крюковымъ и П. Н. Свистуновымъ, составляли квартетъ. „30-го августа 1828 года, когда мы справляли одновременно 16 имянинъ, нашъ оркестръ въ первый разъ игралъ въ тюрьмѣ“. Сыгрывались и учились музыкѣ въ особенномъ домикѣ, съ тремя отдѣльными комнатами, который позволили выстроить на тюремномъ дворѣ черезъ годъ по прибытіи въ Читу. Въ одной комнатѣ стояли рояль и фортепіано для аккомпанимента игрокамъ на флейтѣ, чеканѣ, скрипкѣ и гитарѣ. Въ другой комнатѣ поставлены были токарный и столярный станки и прессъ для переплета книгъ къ услугамъ искусниковъ по этимъ работамъ (братьевъ Бестужевыхъ, Борисова, Фролова, Пушкина). Переплетали книги богатой библіотеки Никиты Муравьева, дополненной книгами, привезенными слѣдомъ за Трубецкимъ и Волконскимъ изъ ихъ домашнихъ библіотекъ и потомъ освѣжаемой новыми присылками. Новыя книги поступали въ пользованье по просмотрѣ комендантомъ и съ его надписью, которая нерѣдко гласила: „читалъ“, на греческихъ и латинскихъ лексиконахъ, но потомъ была замѣнена болѣе вѣрною и близкою къ дѣлу отмѣткою: „видалъ“.

Въ церковь водили одинъ разъ въ годъ, въ Великомъ посту, для причащенія св. таинъ *) (для чего снимались кандалы). Наканунѣ большихъ праздниковъ приходилъ священникъ въ тюрьму и служилъ всенощную. „Я никогда не забуду (говоритъ одинъ изъ заключенниковъ, лютеранинъ), какъ трогательно и торжественно совершена была служба въ великую суботу 1828 года, когда въ 9 часовъ, передъ зарею, раздался со всѣхъ сторонъ возгласъ: „Христосъ воскресе“! и когда бросились въ объятія другъ другу товарищи, загремѣвъ цѣпями. Мысленно мы обнимали въ то время нашихъ далекихъ родныхъ и друзей, которыхъ мы вспомнили въ молитвахъ“. „Нѣкоторые (говоритъ Броневскій, навѣстившій узниковъ въ Петровскомъ казематѣ) стали носить бороды, не по требованіямъ юной Франціи, а такъ... изъ смиренія, и предались религіозности, употребляя свое время главнѣйше на молитву и хожденіе въ церковь Божію“ **). Въ Читѣ каждое воскресенье узники читали религіозныя сочиненія, оригинальныя и переводныя, сдѣланныя лингвистами-товарищами; воскресный и праздничный день кончали чтеніемъ главъ изъ Евангелія и посланій апостольскихъ. Лучше всего удавалось церковное пѣніе по композиціямъ Бортнянскаго; пѣніе ирмосовъ и тропарей встало на мѣсто пѣнія свѣтскихъ романсовъ и пѣсенъ. Религіозное настроеніе можно было назвать общимъ у всѣхъ; для нѣкоторыхъ выразилось оно крайностями мистицизма, успѣвшаго увлечь двухъ дамъ, отличившихся наибольшею набожностью. М. С. Лунинъ жилъ отдѣльно, не принималъ участья въ общемъ столѣ и держалъ постъ по обычаямъ католической вѣры, въ которую онъ перешелъ, служивъ въ гусарахъ въ Варшавѣ, и сдѣлался ученикомъ и приверженцемъ извѣстнаго Мейстера. Одну треть комнаты его отдѣляла занавѣска, позади которой, на возвышеніи въ нѣсколько ступенекъ, стояло освященное папою распятіе, присланное ему сестрою изъ Рима. Днемъ изъ его комнаты доносились до слуха товарищей его латинскія молитвы, но, во всякомъ случаѣ, онъ не былъ ханжею и въ общество товарищей входилъ

*) Говѣли поочередно на 3, 4, 5, 6 и 7 недѣляхъ, предварительно составляя списки говѣльщиковъ. Въ Петровскомъ заводѣ артель положила отъ себя священнику, пасторамъ и на церковь 200 руб. Здѣсь уже дозволялось говѣть всякій постъ, а потомъ и просто ходить къ обѣднѣ, только съ тѣмъ, чтобы стоять на хорахъ или въ алтарѣ.

**) Бороды носили вовсе не по смиренію, а потому, что сначала не позволяли самимъ бриться; послѣ многіе оставили бороды: кто для удобства, чтобы не хлопотать съ бритьемъ, кто отъ простуды, какъ К. П. Торсонъ; кто для красы, какъ Александръ Викторовичъ Поджіо.

остроумнымъ и шутливымъ *). Едва ли, впрочемъ, и нужны были наружные знаки и новыя вещественныя доказательства христіанскихъ чувствъ тамъ, гдѣ подробности самаго образа жизни сложились такъ, что старый знакомецъ заключенниковъ, протоіерей Мысловскій, назвалъ эту жизнь апостольскою и плѣнялъ ея деталями, полученными отъ Корниловича, всѣхъ тѣхъ женъ, которыя не успѣли отправиться за мужьями.

Въ религіозномъ отношеніи должная мѣра была опредѣлена, а въ казематскомъ опытѣ оправданъ извлеченный изъ изученія исторіи законъ, что истинная должная мѣра и въ религіи, какъ и во всемъ, не можетъ быть результатомъ внѣшней сдѣлки, а есть только внѣшнее проявленіе правильности внутренней силы, которая одна можетъ опредѣлять правильность рѣшеній въ приложеніи къ даннымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Вотъ почему, когда мистически-фанатическое настроеніе, такъ называвшей самое себя религіозной партіи, усиливаясь и увлекаясь, дошло до того, что не хотѣло уже удовлетвориться возможностью безпрепятственнаго удовлетворенія личной, душевной религіозной потребности,—задумана была постройка церкви внутри казематской ограды. Это произвело одно изъ самыхъ сильныхъ движеній въ казематскомъ обществѣ. Послѣ ожесточенныхъ споровъ, религіозная партія и ея противники пришли, наконецъ, къ нижеслѣдующему соглашенію.

Справедливость не позволяетъ дѣлать ничего, что можетъ имѣть невыгодное послѣдствіе не только для настоящихъ, но и для будущихъ заключенныхъ въ казематахъ. Постройкою церкви въ казематѣ мы можемъ, съ одной стороны, упрочить самое существованіе государственной тюрьмы, а съ другой—лишить заключенныхъ единственной связи съ живымъ міромъ, которую теперь составляетъ церковь. Но что хуже всего, мы можемъ дать начальству поводъ къ полицейскому надзору въ дѣлѣ религіи и къ понужденію къ лицемѣрному исполненію внѣшней обрядности, что совершенно противорѣчитъ понятію объ истинной вѣрѣ. Наконецъ, такъ какъ многія лица обвиняются прямо въ томъ, что, основываясь на сдѣланныхъ ими пожертвованіяхъ на постройку церкви, заранѣе считаютъ себя какъ бы хозяевами и распорядителями въ ней, то это неминуемо сдѣлается источникомъ большихъ неудовольствій и соблазна. А потому и будетъ гораздо благоразумнѣе, отказавшись отъ постройки церкви въ казематѣ, пожертвовать собранныя деньги на постройку новой церкви въ Петровскомъ заводѣ, такъ какъ настоящая церковь очень ветха, а заводъ собственныхъ средствъ для постройки своей церкви не имѣетъ. Это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для завода и для окрестныхъ деревень. Рѣшеніе это было принято большинствомъ 27 голосовъ противъ 11, и собственныя деньги были отданы на новую церковь въ заводѣ, которая и была построена безъ замедленія.

Другое благоразумное рѣшеніе общины, въ религіозномъ отношеніи, относилось къ присланнымъ изъ Петербурга книгамъ религіознаго содержанія, для раздачи „наиболѣе религіознымъ“ изъ заключенныхъ. Коменданту объявили, такъ какъ религія есть дѣло совѣсти, то было бы несправедливо съ его стороны взять на себя опредѣлять, кто религіозенъ. На предложеніе же его, чтобы взяли „желающіе“, отвѣчали, что кто желалъ имѣть религіозныя книги, давно ужъ пріобрѣлъ ихъ или черезъ родителей или черезъ товарищей, и ни въ какихъ даровыхъ не нуждается.

Наконецъ, когда одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ пожелало посѣтить казематъ по обязанности „посѣщать темницы для утѣшенія и участія“, то просили коменданта отклонить это посѣщеніе, по самому уваженію къ этому духовному лицу, чтобы онъ не очутился въ неловкомъ положеніи и чтобы не вышло изъ этого непріятности. Комендантъ такъ и отвѣчалъ ему словами казематскаго общества: „Въ утѣшеніи они не нуждаются и оно можетъ показаться имъ смѣшнымъ. Въ религіозномъ отношеніи они сами знаютъ все, что имъ могутъ сказать, а если увѣщанія касаются политики, это можетъ повести къ спорамъ и непріятностямъ, при которыхъ легко можетъ нарушиться уваженіе къ духовному сану“.

Пріѣхавшія за своими мужьями жены совершили тѣ евангельскіе подвиги, подобіе которымъ мало представляютъ европейскія исторіи. Если за семью женихами не поѣхали въ Сибирь уже обрученныя съ ними невѣсты, если къ восьми другимъ не поѣхали жены и даже нѣкоторыя вступили въ бракъ, за то тѣ, которыя выстрадали себѣ право сожительства въ Сибири, вступили на стезю высокихъ христіанскихъ подвиговъ и служеніемъ своимъ пріобрѣли то прозваніе ангеловъ-хранителей, которое сдѣлалось для нихъ общимъ у всѣхъ соузниковъ. Уже въ 1829 году Александръ Ивановичъ

*) Такой же оригинальный образъ жизни велъ онъ и въ деревнѣ Урикѣ подъ Иркутскомъ на поселеніи: вокругъ домика выстроилъ высокій заборъ; двери постоянно держалъ на запорѣ, довѣрялся одному только слугѣ буряту. Здѣсь его арестовали во второй разъ за напечатаніе статей въ англійской газетѣ (журналистъ продалъ тайну) и за разборъ донесенія слѣдственной коммиссіи (по оплошности переписчика) и сослали въ Акатуй, гдѣ онъ и умеръ семидесятилѣтнимъ старикомъ. Ксендзъ Тибурцій Павловскій, бывшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ его капелланомъ, съ другими ссыльными проводилъ его гробъ до могилы, на которой впослѣдствіи сестра М. С. Лунина поставила каменный памятникъ.

Одоевскій писалъ въ альбомъ кн. М. Н. Волконской (въ день ея рожденія 25-го декабря) стихи, представляющіе въ поэтической картинѣ подвигъ этихъ женщинъ и въ одинаковой степени относящіеся ко всѣмъ дамамъ безразлично:

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.
Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.
И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта:
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,—
Не сбросили покрова своего.

Первыми дамами, отправившимися за мужьями, были: кн. Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная гр. Лаваль, и Марья Николаевна Волконская, урожденная Раевская. Трубецкая проторила первую дорогу, по которой съ неменьшею безбоязненностью прошли слѣдомъ за нею и другія. На Трубецкую пали всѣ тѣ неудобства, которыя выпадаютъ на долю передовыхъ піонеровъ. Желаніе ея слѣдовать за мужемъ, тотчасъ же по его высылкѣ въ Сибирь, встрѣтило наибольшія испытанія на томъ главномъ обстоятельствѣ, что начальствомъ приказано было всѣми мѣрами стараться отклонить женъ слѣдовать за мужьями. Е. И. Трубецкую, воспитанную въ роскоши при нѣжной любви отца (эмигранта) и матери (изъ богатой фамиліи уральскихъ мѣдныхъ заводчиковъ Казацкихъ), постигли тяжелыя испытанія уже въ Иркутскѣ. До него добралась она среди различныхъ дорожныхъ неудобствъ: въ Красноярскѣ заболѣлъ ея проводникъ (секретарь ея отца), она отправилась одна; на дорогѣ сломался дорожный экипажъ, она пересѣла въ перекладную почтовую телѣгу. Въ Иркутскѣ она уже не нашла мужа, онъ былъ отправленъ въ Николаевскій заводъ. Въ Иркутскѣ ей сказали, что его скоро привезутъ въ этотъ городъ, но никто не рѣшился ей объявить правды объ окончательномъ назначеніи мужа. Когда его привезли въ Иркутскъ, начальство не хотѣло допускать свиданія и наскоро приготовили тройки. Сколько ни медлили товарищи, лошади тронулись: „Въ это время пріѣхала Е. И. на извозчикѣ, успѣла соскочить и закричала мужу. С. П. въ мгновеніе ока соскочилъ съ повозки и былъ въ объятіяхъ жены; слезы текли изъ глазъ обоихъ. Полиціймейстеръ суетился около нихъ, просилъ ихъ разстаться другъ съ другомъ, но напрасны были его просьбы. Наконецъ, однако же, послѣднее „прости" было сказано и вновь тройки умчали насъ съ удвоенною быстротою". Оставшись въ неизвѣстности о судьбѣ мужа, Трубецкая обратилась съ требованіемъ дозволенія слѣдовать дальше. Иркутскій гражданскій губернаторъ (Б. И. Цейдлеръ) поспѣшилъ сначала представить ей страшную картину жизни среди 5.000 закоренѣлыхъ преступниковъ, въ одной казармѣ, безъ собственной прислуги, на правахъ жены ссыльнокаторжнаго. Говорилъ, что „вмѣстѣ съ тѣмъ, она принимаетъ на себя обязанности переносить все то, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, когда даже само начальство не въ состояніи будетъ защищать ихъ отъ ежечастныхъ могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену преступника, несущаго равную съ ними участь, себѣ подобною. Оскорбленія могутъ быть даже насильственныя, закоренѣлымъ злодѣямъ не страшно наказаніе". Эти страхи не смутили Трубецкую. На слѣдующій день ей объявлено было, что она должна дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что отказывается отъ всѣхъ правъ дворянства на движимыя и недвижимыя имущества, принадлежащія ей теперь и могущія достаться ей по наслѣдству; съ отъѣздомъ въ Нерчинскъ уничтожится право на крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ нею. Трубецкая согласилась и на это. Нѣсколько дней сряду губернаторъ отказывалъ ей въ пріемѣ, ссылаясь на нездоровье. Въ это время пріѣхала въ Иркутскъ М. Н. Волконская. „Обѣ соединились въ одной мысли и дѣйствовали въ одномъ и томъ же рѣшительномъ духѣ, не отступая ни передъ угрозами, ни передъ убѣжденіями. Терпѣливо выждавъ время пріема, Трубецкая снова слышала отъ Цейдлера совѣты покинуть намѣреніе. Онъ говорилъ, что заводское начальство можетъ даже требовать отъ нее и личной услуги, какъ-то: мытья половъ и тому подобнаго,—наконецъ объявилъ, что если такъ твердо ея намѣреніе, то она можетъ отправиться къ мужу, но не иначе, какъ съ ссыльно-каторжными, отправляемыми еженедѣльно, связанная веревкою и по этапамъ. Трубецкая приняла и это условіе. Тогда Цейдлеръ, не сумѣвъ овладѣть собою, заплакалъ и объявилъ, что она поѣдетъ къ мужу. Самъ Лепарскій, проѣзжавшій въ это время черезъ Иркутскъ, такъ былъ тронутъ рѣшимостью Трубецкой, что постарался предупредить дальнѣйшія затрудненія для нее и для Волконской.

Трубецкую отклоняла мать, Волконскую отецъ герой 12-го года (Н. Н. Раевскій), страстно

ею любимый. Сверхъ того, у нее былъ грудной сынъ-первенецъ. Сына оставила она у бабушки, отцу объявила, что ѣдетъ только повидаться, но въ Иркутскѣ высказала рѣшительное намѣреніе слѣдовать за мужемъ и не усомнилась утвердить своею подписью, слѣдомъ за Трубецкою, тѣ условія, которыя были ей предложены. Въ числѣ этихъ условій заключились, между прочимъ правилами, два такого рода: „дѣти, прижитыя въ Сибири, поступятъ въ число казенныхъ заводскихъ крестьянъ"; „ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собою взять не дозволяется; равно воспрещается имъ получать оныя отъ кого либо и впослѣдствіи. Собственныхъ денегъ онѣ могутъ имѣть столько же, сколько дозволено имѣть и мужьямъ ихъ, т. е. до 2.000 руб. на первое обзаведеніе и до 1.000 руб. ежегодно на содержаніе себя, и то не иначе, какъ черезъ посредство коменданта нерчинскихъ рудниковъ и который будетъ выдавать имъ оныя по частямъ по мѣрѣ надобности". Кромѣ того, съ каждой требовалась особая подписка. Вотъ въ чемъ заключалась эта подписка, которую впослѣдствіи отбиралъ Лепарскій въ Читѣ со всѣхъ дамъ, послѣдовавшихъ за мужьями: „Желая раздѣлить участь моего мужа и жить въ томъ селеніи, гдѣ онъ будетъ содержаться, не должна я: 1) отнюдь искать свиданія съ нимъ никакими происками и никакими посторонними способами, но единственно по сдѣланному на то отъ г. коменданта дозволенію и токмо въ назначенные для того дни и не чаще, какъ черезъ два дня на третій; 2) не должна я доставлять ему никакихъ вещей, денегъ, бумаги, чернилъ, карандашей безъ вѣдома коменданта или офицера. Равнымъ образомъ, не должна принимать отъ него вещей, особливо же писемъ, записокъ и никакихъ бумагъ для отсылки; 3) не должна ни подъ какимъ видомъ никому писать и отправлять моихъ писемъ и другихъ бумагъ иначе, какъ токмо черезъ г. коменданта, равно если будутъ присланы черезъ родныхъ или постороннихъ людей, должна я ихъ ему же, коменданту, при полученіи объявлять; 4) изъ числа вещей, при мнѣ находящихся и коихъ регистръ имѣется у коменданта, я не въ правѣ безъ вѣдома его продавать ихъ, дарить кому или уничтожать. Деньгамъ же моимъ собственнымъ обязуюсь вести приходо-расходную книгу и въ оную записывать всѣ мои издержки, сохраняя, между тѣмъ, сію книгу въ цѣлости. Въ случаѣ востребованія г. комендантомъ, оную ему немедленно представлять. Если окажутся вещи и деньги сверхъ тѣхъ, которыя были мною скрыты, я подвергаюсь за противоучиненный проступокъ законному сужденію; 5) также не должна я мужу моему присылать никакихъ хмѣльныхъ напитковъ: водки, вина, пива, меду, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, да и тѣ доставлять ему черезъ старшаго унтеръ-офицера, а не черезъ людей моихъ, коимъ воспрещено личное свиданіе съ мужемъ моимъ *); 6) обязуюсь имѣть свиданіе съ мужемъ моимъ не иначе, какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ въ назначенное для того время, а не говорить съ нимъ ничего излишняго и паче чего либо не принадлежащаго. Вообще, имѣть съ нимъ дозволенный разговоръ на одномъ русскомъ языкѣ; 7) не должна я нанимать себѣ никакихъ иныхъ слугъ или работниковъ, а довольствоваться только послугами предоставленныхъ мнѣ одного мужчины и одной женщины, за которыхъ также отвѣтствую, что они не будутъ имѣть никакого сношенія съ моимъ мужемъ и вообще за ихъ поведеніемъ **); 8) наконецъ, давши таковое обязательство, не должна и сама никуда отлучаться отъ мѣста, гдѣ пребываніе мое будетъ, равно и посылать куда нибудь слугъ моихъ по произволу моему безъ вѣдома коменданта или, въ случаѣ отбытія его, безъ вѣдома старшаго офицера" ***).

Женщины съ меньшимъ запасомъ душевныхъ силъ поколебались бы, могли бы замедлить дѣло перепиской съ петербургскими властями (сначала не было подробной инструкціи для сибирскихъ начальствъ), могли бы, такимъ образомъ, неблагопріятно повліять на рѣшимость другихъ; но Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская поселились съ мужьями въ Зерентуйскомъ рудникѣ, вытерпѣли недостатки во всемъ необходи-

*) Водку носили пить для здоровья фельдшера. Комендантъ самъ посылалъ ее Арт. Муравьеву и Вольфу для аптеки.

**) Этотъ § относился особенно къ тѣмъ дамамъ, которыя не привезли съ собою крѣпостныхъ людей. За богатыми послѣдовали ихъ крѣпостные слуги, на которыхъ онѣ теряли владѣльческое право. Въ правилахъ для женъ государственныхъ преступниковъ сказано, между прочимъ: «§ 3. Изъ числа крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ ними, позволяется имъ оставить при себѣ одного человѣка или одну женщину, и то въ случаѣ собственнаго сихъ послѣднихъ на то согласія, что они обязаны подтвердить подпиской за собственноручнымъ подписаніемъ; въ случаѣ же незнанія грамоты таковой оставляемый слуга долженъ объявить о томъ лично въ присутствіи мѣстнаго начальства. Прочіе люди могутъ возвратиться въ Россію. Отсюда изъемлются, однако, тѣ изъ женъ преступниковъ, кои, рѣшившись раздѣлить участь мужей своихъ, пожелаютъ жить вмѣстѣ съ ними въ острогѣ: таковыя не могутъ уже имѣть при себѣ никого для прислуги. § 5. Тѣ изъ крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ женами преступниковъ, кои не захотятъ долѣе оставаться съ ними, могутъ возвратиться въ Россію, но дѣти ихъ, въ Сибири родившіяся, должны оставаться тамъ».

***) Однако, эти отпуски не были легки для Лепарскаго. Ему довелось получить строгій выговоръ за то, что смѣлъ отпустить Волконскаго на минеральныя Туркинскія горячія воды съ офицеромъ. Впослѣдствіи Ребиндеръ испросилъ напередъ разрѣшеніе на подобные случаи и отпустилъ на воды четверыхъ.

момъ, нѣсколько мѣсяцевъ переносили холодъ и голодъ, довольствовались однимъ блюдомъ, сами стирали бѣлье. Въ Читѣ положеніе ихъ улучшилось: стала на людяхъ и смерть красна. Въ Читу за мужемъ (Никитою Мих. Муравьевымъ) послѣдовала третья героиня, Александра Григорьевна, урожденная гр. Чернышева. Въ Читѣ она была первою и первою приняла на себя всѣ невзгоды непривычнаго положенія, не выясненнаго въ достаточной степени и для острожнаго начальства. Въ Россіи она оставила сына и двухъ дочерей на попеченіи бабушки, смѣнивъ заботу объ нихъ на заботу о мужѣ; въ Читѣ она была жестоко разочарована, когда комендантъ показалъ ей инструкцію, строго воспрещавшую совмѣстную жизнь и допускавшую свиданіе не болѣе часа по два раза въ недѣлю и то въ присутствіи дежурнаго офицера. Свиданіе она восполняла тѣмъ, что ежедневно смотрѣла въ окно, когда мимо ея квартиры водили мужа и брата (Зах. Григ. Чернышева) на работу. Ей было 24 года; для всѣхъ она была поразительна своею внѣшнею красотою, но еще болѣе привлекла къ себѣ общую любовь душевною красотою и своими несчастьями. „При мужѣ она была покойна, даже весела, съ цѣлью не печалить его, но какъ скоро оставалась одна, то тотчасъ же у нея являлась тоска по дѣтямъ". Черезъ годъ послѣ разлуки съ ними предчувствія ея сбылись: умеръ единственный ея сынъ, а дочери растеряли здоровье въ постоянной тоскѣ и ожиданіи свиданія. Три года строго соблюдали въ Читѣ правила затрудненныхъ свиданій съ мужьями, и хотя въ Петровскомъ заводѣ они были упрощены и облегчены, но Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой-Апостоловой не долго удалось пользоваться этимъ правомъ, составлявшимъ главную цѣль послѣднихъ лѣтъ ея жизни. Сдѣлавшись беременною, она крѣпко простудилась, оставаясь долго на дворѣ, гдѣ пила чай, затѣмъ не слушалась совѣтовъ Вольфа и ходила легко одѣтою изъ каземата на свою квартиру; послѣ неудачныхъ, преждевременныхъ родовъ, она скончалась, оставивъ четырехлѣтнюю дочь. Потеря ея была для всѣхъ ударомъ; наиболѣе всѣхъ другихъ она отличалась дѣлами благотворенія, ея кошелекъ былъ открытъ для всѣхъ. Когда для больныхъ, по ея мысли и при ея помощи, прочія дамы выстроили больницу, „незабвенная и праведная" Александра Григорьевна выписала изъ Москвы превосходную аптеку и разные хирургическіе инструменты. Товарищи почтили ея память на могилѣ неугасимою лампадою, Н. А. Бестужевъ собственноручно сдѣлалъ ей деревянный гробъ со всѣми винтами и украшеніями и даже вылилъ свинцовой ящикъ, въ которой и былъ поставленъ гробъ.

Въ ту же Читу и слѣдомъ за А. Г. Муравьевою прибыла Елизавета Петровна Нарышкина и Александра Васильевна Янтальцева— обѣ бездѣтныя, но за то послѣдовавшая за ними (въ 1828 г.) Наталья Дмитріевна Фонвизина и Александра Ивановна Давыдова также оставили для мужей своихъ дѣтей въ Россіи *). Обязательство это вмѣнено было имъ въ Россіи на томъ основаніи, что „въ законѣ указано на дозволеніе слѣдовать за осужденными родителями дѣтямъ только крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ и дозволеніе не можетъ быть распространено на дворянскихъ дѣтей, какъ по точному смыслу законовъ, такъ и по тому уваженію, что дѣти его, принадлежа къ высшему сословію въ государствѣ, должны получить приличное роду ихъ образованіе для вступленія со временемъ въ службу. Отцы же, находясь въ ссылкѣ, не только лишены способовъ дать имъ воспитаніе, но еще могутъ подать имъ примѣръ худой нравственности".

Въ Читу же пріѣхала невѣста И. А. Анненкова, Прасковья Егоровна, дочь эмигранта-полковника, убитаго въ Испаніи гверильясами. Передъ отправкою жениха она успѣла снабдить его деньгами, вырученными отъ продажи шалей, чтобы купить ему все необходимое для дороги. Рѣшившись ѣхать сама, въ Вязьмѣ она на маневрахъ подала просьбу императору о дозволеніи слѣдовать за женихомъ. Государь принялъ ее съ участіемъ, далъ разрѣшеніе и 3.000 рублей изъ собственныхъ денегъ на прогоны. Черезъ три дня по пріѣздѣ въ Читу она была обвѣнчана съ женихомъ, съ котораго на время обряда сняли желѣза, но, по совершеніи его, надѣли опять и увели мужа въ тюрьму, поставивъ въ общее положеніе со всѣми, т. е. дозволяя свиданіе только два раза въ недѣлю.

Такимъ образомъ, въ Читѣ семь женщинъ несли на себѣ тяжелый крестъ, добровольно ими на себя принятый, и являлись на помощь вездѣ тамъ, гдѣ видѣли на другой сторонѣ несостоятельность силъ, гдѣ замѣчали какія либо уклоненія въ сторону отъ согласно налаженнаго пути, гдѣ предчувствіями предполагали необходимость участія или содѣйствія. Въ предшествіи ихъ, подъ ихъ охраною и защитою, отправилась товарищеская семья на новое мѣсто жительства, изъ Читы въ Петровскій заводъ. гдѣ та же спасительная и живительная помощь съ ихъ стороны укрѣпилась еще болѣе и уси-

*) Нат. Дм. Фонвизина, урожденная Апухтина, недавно умерла въ Москвѣ. Она въ молодости послужила идеаломъ Пушкину для Татьяны въ «Онегинѣ»; сначала хотѣла идти въ монастырь, потомъ вышла за генерала Фонвизина. По возвращеніи изъ Сибири въ Россію и по смерти мужа вышла за мужъ за Ив. Ив. Пущина, товарища ея по изгнанію. Ив. Ив., какъ извѣстно, былъ также другомъ и товарищемъ А. С. Пушкина по лицею.

лилась новыми сотрудницами *). Когда новые казематы въ Петровскомъ заводѣ оказались очень темными и въ нихъ позволено было жить заключеннымъ съ женами, товарищи одного отдѣленія говорили: „Зачѣмъ намъ окна, когда у насъ четыре солнца“ **). Лѣтомъ 1830 г. кончена была эта новая тюрьма, и въ іюлѣ начались приготовленія къ переселенію въ нее.

ГЛАВА VII.

ДЕКАБРИСТЫ (окончаніе).

Переходъ изъ Читы въ Петровскій заводъ.—Н. А. Бестужевъ. — Фонвизинъ.—Шахматы.—Дамская улица.—Жизнь въ Петровскомъ заводѣ.—Новый казематъ.—Община и артели.—Занятія.—Обязанности хозяина, закупщика, казначея и огородника.—Выборы.—Бесчасновъ.—Взносы.—Положеніе холостыхъ и семейныхъ.—Вліяніе декабристовъ на страну изгнанія.—Жизнь ихъ на поселеніи.—Декабристы на Кавказѣ.—Марлинскій въ Якутскѣ.—Сгорѣвшіе.—Занятія на поселеніи.—Изобрѣтеніе декабристовъ.—Послѣдующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ. — Основанныя ими школы. — Горбачевскій. — Братья Бестужевы.—Торсонъ.—Всепрощеніе.

По предварительному распоряженію коменданта, всѣ декабристы были расписаны на двѣ партіи. Первая должна была идти подъ начальствомъ плацъ-маіора (подполковника Лепарскаго, племянника коментанта) и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ плацъ-адъютанта К.; вторую партію, черезъ три дня послѣ, вывелъ самъ старикъ-комендантъ съ плацъ-адъютантомъ Р.

7-го августа по утру выступила первая партія, подъ предводительствомъ шедшаго впереди одного изъ товарищей въ круглой шляпѣ, съ величайшими полями и въ какомъ-то черномъ костюмѣ собственнаго изобрѣтенія, похожаго на квакерскій. „Въ правой рукѣ, выше его, палка, въ лѣвой—книга, которую онъ читалъ. Другой въ курткѣ à l'enfant; третій въ женской кацавейкѣ; нѣкоторые въ долгополыхъ пономарскихъ сюртукахъ, другіе въ испанскихъ мантіяхъ, иные въ блузахъ. Проѣзжій французъ подумалъ бы, что это изъ дома съумасшедшихъ вывели погулять. Это насъ забавляло“.

Вторая партія выступила 9-го августа по утру, въ 9-мъ часу, тихо и въ стройномъ порядкѣ. „Взводъ солдатъ въ авангардѣ, другой въ аріергардѣ, конвойные по сторонамъ: всѣ съ примкнутыми штыками и, сверхъ того, нѣсколько конныхъ казаковъ съ пиками (и бурятъ съ луками и стрѣлами); мы въ серединѣ около своихъ возовъ. Для перевозки поклажи были наняты фургоны, на которыхъ позволялось ѣхать тѣмъ, у кого были раны или кто былъ слабаго здоровья“. Отправляясь въ путешествіе, всѣ поспѣшили запастись карандашами, перьями и записными книжками для записыванья впечатлѣній, у большей части книги и бумаги пришли въ Петровскій заводъ безукоризненно

*) На дорогѣ декабристовъ изъ Читы въ заводъ встрѣтили: жена Розена—Анна Васильевна, и жена Юшневскаго—Марья Казимировна. Жена И. Д. Якушкина (Настасья Васильевна) на нѣсколько просьбъ получила отвѣтъ, что ѣхать нельзя, опустила срокъ,—своевременно не воспользовалась. Вѣра Гр. Чернышева, сестра А. Г. Муравьевой, просила жену Розена взять ее съ собою подъ видомъ горничной, чтобы она могла помочь своей сестрѣ въ Сибири. Къ Вас. Петр. Ивашеву пріѣхала невѣста, Эмилія Петровна Ледантю. Въ Сибири же вступили въ бракъ: Ник. Вас. Басаргинъ съ Ольг. Ив. Мендель, Дм. Ирин. Завалишинъ съ Аполлинаріею Семеновною Смольяниновою—дочерью горнаго полковника, М. А. Бестужевъ, Е. П. Оболенскій, А. М. Муравьевъ, Сутгофъ, П. Н. Свистуновъ, оба брата Кюхельбекеры, Модзалевскій, Муравьевъ-Апостолъ, Александръ Викторовичъ Поджіо.

**) Исключеніе было сдѣлано для тѣхъ, которыя имѣли дѣтей. Такъ какъ дѣтей не дозволялось приводить съ собою и послѣ вечерней зари нумера запирались и гасили огонь (дѣти оставлялись внѣ всякой помощи со стороны), то имѣвшія дѣтей уходили на ночь на квартиры. Дни проводили съ мужьями. Всѣ эти передвиженія, лишенія и неудобства, а также и заточеніе мужей не прошли даромъ,—многіе роды были несчастливы: изъ 25 родовъ въ Читѣ и заводѣ было 7 выкидышей, за то изъ 18 живорожденныхъ умерли только 4. На послѣднее обстоятельство имѣло вліяніе искуство врача (Вольфа) и климатъ. «Въ Читѣ мы всѣ поздоровѣли», свидѣтельствуютъ сами заключенники. Въ Петровскомъ заводѣ умеръ Александръ Семеновичъ Пестовъ: съ вередомъ на спинѣ онъ сходилъ въ баню, карбункулъ и антоновъ огонь развились такъ быстро, что больной черезъ два дня умеръ. Всѣ товарищи проводили его на заводскій погостъ, неся его тѣло до церкви на рукахъ, перемѣняясь поочередно. Организовавшаяся окончательно на то время артель похороны А. С. Пестова приняла за свой счетъ (издержала 21 р. 84 к.) и, сверхъ того, со всѣхъ собрана была сумма (100 р.) на сооруженіе ему памятника. Всѣ вещи покойнаго комендантъ предоставилъ въ полное распоряженіе общества товарищей, но всѣ отказались. Выдѣлили награду двумъ служителямъ, а когда кое-какія вещи (книги, очки, самоваръ, серебряную ложку) нѣкоторые изъявили желаніе купить на память о покойномъ, то вырученныя деньги постановили употребить въ пользу мальчиковъ, находившихся въ обученіи у товарищей. Всѣ вещи, годныя къ употребленію, отправлены къ находящимся на поселеніи (Веденяпину и Шимкову).

чистыми: у других заполнены самыми свѣжими впечатлѣніями. Послѣднія сохранили свою живость и вѣрность у барона Штейнгеля, у Басаргина и у Розена. Послѣдній не полѣнился, насколько было возможно, запастись свѣдѣніями и о бурятах и семейских старообрядцах.

Провожая ту и другую партію, народ толпился у ворот; служившіе прощались и плакали, провожая до перевоза, дальше 3-х верст от селенія. Ту и другую партію провожала ненастная погода, но, не смотря на дождь и грязь, почти всѣ шли пѣшком, предполагая выпить чашу, не проронив ни капли. Впереди предстояло 700 верст; поход объявлен был пѣшій: разсчитывали на 48 дней, принимали, послѣ тюремнаго сидѣнья, поход за прогулку.

На каждую партію полагался один выборный староста-хозяин (в первой Александр Николаевич Сутгоф, во второй Розен). Хозяева, под присмотром солдат, выѣзжали за день вперед, обязываясь заготовлять самовары, обѣды и ужины. Переход на каждый день полагался в 20—30 верст. С мѣста выходили в 3 часа утра, к 8-ми и 9-ти часам по полудни кончали переход, стараясь становиться около рѣчек. Отдохнув, шли купаться, затѣм ложились пить чай и бесѣдовать до обѣда. Один из пятерых дежурил, т. е. разливал чай, убирал посуду. Обѣды разносила с кухни прислуга. Послѣ обѣда часа 2—3 отдыхали, а когда спадал жар, шли гулять по ароматным лугам роскошной Братской степи. Через три дня назначался суточный отдых; через 12—15 верст — на час отдых для завтрака, с рюмкою водки, куском курицы или холодной телятины; все это держали в запасѣ дамы, все время слѣдовавшія вмѣстѣ с партіями. На ночлегах и дневках находили бурятскія юрты — конусообразныя, войлочныя палатки, вмѣщавшія в себѣ не болѣе 4—5 человѣк; в каждой юртѣ полагался каморник мужчина. Всѣ десять юрт ставили в один ряд и на равном друг от друга разстояніи; крайняя занималась командою; 11-ая назначалась для офицера, 12-ая ставилась поодоль для коменданта. Кругом цѣпь часовых, заженные костры, сторожевая перекличка; все это дѣлало стоянки декабристов похожими на военный лагерь. В полчаса всѣ были готовы к походу. Проводниками служили бурята, которых исправник успѣл предувѣдомить в том, что идут злые люди, знающіеся с шайтаном и за то сосланные в неволю, но не снабдил бурят необходимым: не имѣя ни хлѣба, ни других съѣстных припасов, они два раза в день партіями уходили в лѣс и там в полчаса утоляли свой голод брусникою. Во всякое другое время эти бурята исполняли должность слуг.

Пищу себѣ путешественники варили под открытым небом, в дождь накрывали котлы крышкою из хвороста с переплетом. Вообще, дорожное продовольствіе было гораздо лучше, чѣм в Читѣ. На привалах затѣвались шахматы и шашки, на дневках чтеніе газет и книг. Читинская жизнь перенесена была на кочевку сначала по горам и долинам, потом по гладкой степи до Верхнеудинска, от Верхнеудинска по берегам разнообразной и красивой Селенги на богатыя и сытыя селенія семейских старовѣров. Когда дорога от дождей испортилась, проложили другую, прорубив лѣс. Дорогою этою Нарышкина успѣла проѣхать в каретѣ. На этом пространствѣ юрты были покинуты; стали ночевать в избах хлѣбосольных и тароватых хозяев. В концѣ пути физическое утомленіе взяло перевѣс: дамы начали выходить из терпѣнія и мало по малу уѣзжали вперед. Дорога становилась все труднѣе и непривлекательнѣе: красивая видами стала утомлять мелкими подробностями. Впечатлѣній немного, развлеченій еще меньше, хотя о послѣдних временами хлопотал Лепарскій, по привычкѣ и опыту заботившійся в этом отношеніи о походных людях, дѣлающих такой длинный переход. На первой половинѣ их интересовали кочевники-бурята, на второй поразили путников домовитые и богатые старовѣры.

Степныя впечатлѣнія начались с того, что близь станціи Домно-Ключевской, в топком мѣстѣ, их встрѣтили верхами посланные тайшею бурята и перевозили их на лошадях. „Вездѣ мосты, видна заботливость, чтобы не подмочили ног, это нас забавляло“. На одной дневкѣ привезли шамана: „но как тут был тайша сам, то он, по видимому, и не смѣл развернуться“. Немножко поскакал, пропѣл „менду-менду“, постучали его ассистенты в бубны, как в лукошки, и тѣм этот глупый фарс кончился. Примѣтно, что тайша смѣялся так, чтобы видѣли, что он шаманству не вѣрит“. Когда двое шахматных игроков (Трубецкой и Вадковскій) садились за стол, их окружала толпа бурят: восклицаніями и указаніями убѣждали в том, что эта игра им хорошо извѣстна. В Доминском зимовьѣ Иван Александр. Фонвизин, узнав, что один зайсан из свиты тайши хорошо играет, пригласил его на партію и был побѣжден: бурят играл бѣгло и разсчетливо и объяснил, что игра перешла к ним от китайцев. Переправа через рѣку Ону под наблюденіем самого коменданта дала послѣднему случай припомнить и сказать, что в девяностых годах он также вел и переправлял через рѣку конфедератов. „Это нас

позабавило дорогою". М. С. Лунинъ, имѣвшій право за ранами ѣхать въ фургонѣ, обилъ его клеенкою, спалъ ночью и никогда не оставлялъ днемъ; любопытство бурятъ не имѣло предѣловъ: таинственный незнакомецъ не показывался и представлялся имъ главнымъ преступникомъ, рисовался въ воображеніи ихъ чудовищемъ. Съ неменьшимъ любопытствомъ встрѣчали путешественниковъ и въ русскихъ селеніяхъ, умѣя присоединять къ тому вещественныя доказательства состраданія и участія. Многіе приносили посильныя жертвы: снабжали мясомъ, провизіею, предлагали баню, служили чѣмъ могли и смѣли.

Впечатлѣнія горныхъ мѣстностей начались подъ Верхнеудинскомъ тѣмъ, что на привалѣ за 5 верстъ до города появились на дорожкахъ тамошнія дамы зѣвать на прохожихъ; онѣ же смотрѣли вмѣстѣ съ верхнеудинскими дэнди съ галлереи, когда партія шла черезъ городъ. Передъ городомъ „прочли намъ словесное приказаніе коменданта, какъ идти завтра чрезъ городъ, т.-е., чтобы всѣ были при своихъ повозкахъ и не далѣе двухъ шаговъ; трубокъ бы не курили и даже въ рукахъ чубуковъ не держали. Солдатамъ же приказано не разговаривать и показывать свирѣпый видъ. Намъ это дало случай посмѣяться". Передъ городомъ встрѣтила полиція; по возвышеніямъ кучками толпился народъ; комендантъ стоялъ у моста въ позѣ полководца, ведущаго армію. На пути по берегамъ Селенги вся эта парадность была снова оставлена. „Комендантъ, ѣхавшій впереди, насъ оставилъ. Ник. Бестужевъ далъ совѣтъ хозяину попутной мельницы, какъ устроить плотину. Семейскіе радушно насъ встрѣтили". Въ ихъ селеніяхъ позволялось ходить изъ избы въ избу, съ квартиры на квартиру, но разъ позволеніе это было отмѣнено по случаю фельдъегеря. „Вскорѣ узнали, что онъ привезъ только письмо къ Марьѣ Николаевнѣ (Волконской) вслѣдствіе ея просьбы о дозволеніи ѣхать съ мужемъ по случаю ея беременности". „Узнали, что фельдъегерь уѣхалъ обратно, но не слышно, чтобы онъ привезъ что либо поважнѣе дозволенія Марьѣ Ник. видѣться дорогою съ мужемъ *). Пріѣхала она показать полученное ею письмо, мало добраго обѣщающее". „При выступленіи изъ Харауза Фонвизинъ сообщилъ подробности изъ газетъ объ абдикаціи Карла X. Это извѣстіе всѣхъ оживило". „Достали гдѣ-то двѣ-три бутылки шипучаго и выпили по бокалу". „Это было для нашего новоселья хорошимъ предзнаменованіемъ". Къ заводу приближались веселыми. Дамы, уѣхавшія впередъ, выѣхали на встрѣчу мужей. При посредствѣ коменданта и содѣйствіи мѣстныхъ купцовъ дамы успѣли уже обезпечить себя въ заводѣ постройкою собственныхъ домовъ, образовавшихъ улицу, до сихъ поръ также носящую названіе „Дамской".

„Дорога вела въ междугоріе и тѣснины, все какъ бы предвѣщало приближеніе къ мрачной тюрьмѣ, но всѣ шли съ веселымъ духомъ. На половинѣ сдѣлали привалъ". „Послѣднія версты дорога вилась лѣсомъ, рѣдѣвшимъ по мѣрѣ приближенія къ Петровску; за лѣсомъ слѣдовало опушка—кустарники—и болото; на сѣверѣ и востокѣ потянулись высокія горы. Въ глубокой долинѣ намъ показалась большая деревня: церковь, фабричное строеніе съ многочисленными трубами, ручей и позади его красная крыша тюрьмы: неуклюжее зданіе на каменномъ фундаментѣ, выстроенное въ формѣ висѣлицы съ большимъ количествомъ кирпичныхъ трубъ; стѣны же были безъ оконъ". „Остановились, чтобы дать солдатамъ надѣть ранцы. Мы съ пригорка смотрѣли на нашу будущую обитель, и—шутили! При вступленіи въ заводъ множество народу высыпало насъ смотрѣть. Насъ встрѣтилъ заводскій полиціймейстеръ и поѣхалъ впередъ. На заводскомъ мосту, подъ которой надо было проходить, стояло также множество зрителей чиновницъ и чиновниковъ, съ любопытствомъ на насъ зѣвающихъ. У дома Алекс. Григ. (Муравьевой) наши дамы вкупѣ ожидали своихъ мужей *). Весело вошедъ въ стѣны своей бастиліи, бросились въ объятія товарищей, съ коими 48 дней были въ разлукѣ; сдѣлали 31 переходъ и 15 было дневокъ".

„Вскорѣ насъ размѣстили. Мы вступили въ тюрьму, какъ въ преддверіе гроба, но сердца были спокойны, душа тверда. Товарищи разсказывали намъ, что имъ, по вступленіи сюда, читали правила о порядкѣ, какой впредь будетъ здѣсь наблюдаться. Правила возбудили между нами всеобщій хохотъ и всѣ твердили: „отъ запертія до отпертія", а поэтому вѣроятно намъ никакихъ правилъ уже не показывали. Не только мы, но даже солдаты смѣялись тѣмъ наставленіямъ, которыя имъ читали на гауптвахтѣ. Во всякое отдѣленіе дали по сторожу изъ солдатъ. Совершенно темные нумера, желѣзные запоры, четырехъ-саженный тынъ, не допускающій ничего видѣть, кромѣ неба, должны были ужаснуть каждаго, но таковое слѣдствіе привычки, мы были равнодушны ко всему. Я вспомнилъ зайцовскаго ямщика, который въ 1819 году, подъѣзжая къ Бронницамъ, на вопросъ мой: „Начинаютъ ли военно-поселенцы привыкать къ новой своей жизни"?—отвѣчалъ: „Да, батюшка баринъ, велятъ, такъ и въ аду привыкнешь". Какъ сильно и какъ справедли-

*) Вѣрнѣе: «фельдъегерь привезъ разрѣшеніе оставить въ Читѣ С. Г. Волконскаго, пока не родитъ его жена, а какъ она родила преждевременно, то и выѣхала вмѣстѣ съ мужемъ.

*) Изъ дамъ впередъ уѣхали тѣ, которыя имѣли дѣтей; другія тянулись за партіями въ собственныхъ экипажахъ.

во! Я тогда не воображалъ, что опытомъ узнаю истину сей русской остроты. Могу ли предузнать, что еще впередъ испытать предназначено?... да будетъ воля Твоя"!.. *).

Балегинскій Петровскій желѣзный заводъ оконченъ былъ постройкою въ 1789 и въ первой половинѣ настоящаго столѣтія представлялъ людное селеніе, оживленное ссыльными рабочими всякаго рода, которые тянули проволоки, ковали шинное желѣзо, отливали разныя желѣзныя вещи. Стояла еще при заводѣ пильная мельница съ водянымъ приводомъ, но стояла нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣла, ибо механизмъ испортился и всѣ считали его уже вовсе неисправимымъ. Но прибыли новые жильцы, въ средѣ которыхъ нашлись два замѣчательные механика: Н. А. Бестужевъ и К. П. Торсонъ, съѣздили на мельницу, посмотрѣли и, черезъ нѣсколько часовъ, къ удивленію чиновниковъ, мастеровъ и фабричныхъ, мельница начала пилить снова. Эта мельница и сама желѣзная фабрика остались въ сторонѣ и внѣ другихъ правъ и вліяній новыхъ пришельцевъ: тутъ и тамъ работали каторжные, сосланные не за государственныя преступленія. Для нихъ и тюремное помѣщеніе издавна существовало особо. Для новыхъ заводскихъ обывателей выстроена была новая ручная мельница, на подобіе читинской, и новый казематъ, имѣвшій видъ покоя (П). На такой же точно сырой и болотистой почвѣ, на которой приладилась новая Дамская улица **), на самомъ низменномъ мѣстѣ всей той впадины между горами, въ которой помѣстился заводъ, выстроено было одно-этажное зданіе съ кордегардіями на главномъ фасѣ. Въ стѣнахъ кордегардій были узенькія щели бойницъ, сквозь которыя выстрѣлы предполагались быть перекрестными. Эти кордегардіи, выдвинутыя нѣсколько впередъ главной линіи, имѣли по обѣимъ сторонамъ амбразуры, черезъ которыя предполагалось обстрѣливать разомъ оба фаса зданія на случай побѣга заключенныхъ,

Въ серединѣ главнаго и передняго фаса помѣщалась единственная гауптвахта и былъ единственный входъ въ казематы. Крытыя ворота приводили на дворъ прямо къ особому зданію съ кухнею, кладовою и обширною столовою. Вся внутренность двора, обстроенная съ трехъ сторонъ зданіемъ казематовъ и забранная съ четвертой тыномъ *), представлялась разгороженною такими же отвѣсными бревнами на 8 отдѣльныхъ дворовъ съ особыми воротами. На эти дворы выходили двери 12-ти отдѣленій каземата прямо изъ корридора, на которой вели двери уже изъ самыхъ 64-хъ нумеровъ. Къ каждому отдѣленію принадлежало пять нумеровъ. Такихъ отдѣленій было 8 съ 5-ью комнатами, въ 4 отдѣленіяхъ (угольныхъ) было до 6 комнатъ, выходившихъ въ общій корридоръ своего отдѣленія. Слѣдующіе пять нумеровъ, образующихъ сосѣднее отдѣленіе, отдѣлялись толстою капитальною (деревянною) стѣною съ тяжелою дверью, которая запиралась уже четырьмя замками. Ключь отъ дверей отдѣленій хранился у коменданта и эти двери отпирались только передъ нимъ и другими вліятельными лицами (какъ Сулима, Броневскій, адъютанты военнаго министра и пр.); тогда все зданіе можно было обойти кругомъ корридоръ прерывался только караульною и воротами. Огмежеванный для каждаго отдѣленія внутри двора небольшой четвероугольный дворикъ, забранный тыномъ, преслѣдовалъ ту же мысль отдѣленія товарищей другъ отъ друга. Здѣсь, однако, узники успѣли завести зайцевъ, козуль, журавлей. Какъ по отдѣленіямъ въ корридорахъ могли видаться только жильцы пяти сосѣднихъ нумеровъ, выходившихъ дверями въ корридоръ, такъ точно на внутреннихъ дворикахъ встрѣчались жильцы или того же отдѣленія или трехъ сосѣднихъ. Такимъ образомъ, для четырехъ отдѣленій 1, 2, 11 и 12 (считая съ послѣдняго изъ боковыхъ) были особые дворы; для 3, 4, 5—одинъ общій, для 8, 9 и 10—тоже общій, а для двухъ среднихъ (6 и 7), находившихся по бокамъ входныхъ воротъ, одинъ большой дворъ, общій съ кухоннымъ строеніемъ. Каждое отдѣленіе, не сообщаясь съ другимъ въ корридорѣ, имѣло особый входъ со двора, по единственной лѣстницѣ, поднимавшейся съ дворика и приводившей въ корридоръ отдѣленія, имѣвшей сажени $1^1/_2$ ширины, и сажень 5 длины. Корридоръ былъ теплый, изъ него топились печи (одна на два нумера). Каждая келья имѣла 7 шаговъ длины и 6 ширины (нумера, очутившіеся на углахъ, были побольше; срединные, шедшіе по фасу—меньше, но одинаковой величины между собою). Кельи были высоки, казались просторными, когда на каждую назначалось по одному человѣку, но имѣли тотъ недостатокъ, который сначала неожиданно и мучительно поразилъ пришельцовъ: кельи бы-

---

*) Комендантъ Лепарскій получилъ за походъ Владиміра 2 степени со звѣздою.

**) Изъ дамъ имѣли свои дома: Трубецкая, Волконская и Анненкова. Муравьева, Нарышкина и Давыдова нанимали дома, которые сами же и выстроили на свой счетъ. Дома были, большею частью, двухъэтажные со свѣтелками.

*) По первоначальному проэкту и эту сторону предполагали застроить казематами, но убыль ушедшихъ на поселеніе по различнымъ милостивымъ манифестамъ остановила это дѣло. Такимъ образомъ, петровскіе казематы, вмѣстѣ съ огороднымъ мѣстомъ, составляли прямоугольный равнобедренный четырехъугольникъ. Пустое огороженное пространство служило мѣстомъ для прогулокъ. Тутъ зимою устроивались горы и катки для конькобѣжцевъ.

ли почти вовсе темны, получая свѣтъ изъ коридора черезъ рѣшотчатое стеклянное оконцо надъ дверями. Въ свѣтлый день нельзя было не только читать, но и разобрать цифры на часовомъ циферблатѣ. Къ тому же близилось время зимнее и осеннее, обязывавшее или сидѣть въ потьмахъ или жечь свѣчи цѣлый день; нѣкоторымъ приводилось прожить такимъ образомъ еще 12 лѣтъ срочныхъ, назначенныхъ приговоромъ. Комендантъ, внѣдряя жильцовъ, входилъ въ нумеръ, запиралъ дверь, вынималъ бумагу, читалъ и говорилъ: „Очень темно"! Когда ему возражали, что можно привыкнуть, онъ устаивалъ на своемъ „очень темно" и устоялъ фактически въ представленіи своемъ, посланномъ въ Петербургъ. Въ представленіи этомъ онъ выставлялъ опасность умопомѣшательствъ и простодушно увѣрялъ, что есть уже и замѣчена нѣкоторая наклонность къ тому. До времени разрѣшенія онъ дозволилъ отворять въ корридоръ двери и приставлять къ дверямъ столы для занятій. Нѣкоторые ухитрялись, какъ Н. А. Бестужевъ, пристроивать подмостки, чтобы воспользоваться скуднымъ количествомъ свѣта, достигавшаго изъ окна корридора черезъ наддверную скважину, называвшуюся окномъ. Такіе подмостки приладены были всѣми, кто желалъ заниматься. Въ корридорѣ съ обыкновенными окнами, обращенными на улицу, было свѣтло, но зимою стало невыносимо холодно; начали заниматься въ нумерахъ при свѣчахъ и въ теченіе зимы многіе успѣли разстроить зрѣніе и прибѣгнуть къ помощи очковъ. Читинскія дамы, вліятельныя въ Петербургѣ своими связями, написали о темныхъ жилищахъ къ роднымъ; комендантъ, съ своей стороны, прибавилъ начальству, что темнота каютъ разслабляетъ здоровье и предрасполагаетъ къ меланхоліи. Въ апрѣлѣ 1831 года вышло разрѣшеніе прорубить окна. Объявлено было всѣмъ собраннымъ заключеннымъ, какъ о милости, черезъ военнаго министра (Чернышева) и, между прочимъ, напоминали о первой милости: о кандалахъ, снятыхъ въ Читѣ. Окна прорубили подъ крышею наружнаго фаса такъ высоко, что человѣкъ большого роста (какъ Якубовичъ) могъ видѣть одно только небо. Въ казематахъ происходили почти въ продолженіи цѣлаго года безпрестанныя поправки: многія печи пришлось сломать и сложить новыя. Наскоро сложенное зданіе, отъ сырости и неумѣлой постройки, сѣло по угламъ, сдѣлавъ угловые нумера и сосѣднія съ ними холодными, неудобными для жилья. Отъ дурной постройки (вслѣдствіе воровства) стѣны состояли изъ коротенькихъ обрубковъ. Былъ случай, что одинъ такой обрубокъ руками вынули совсѣмъ изъ стѣны; стѣны корридора выпучило наружу; ничѣмъ не отдѣленныя отъ печей, нѣкоторыя стѣны не разъ загорались. Вмѣсто одного стали жить въ нумерахъ по двое (братье Андрей и Петръ Иванов. Борисовы, Бестужевы, Бѣляевы, Крюковы). Основаніе распредѣленія вышло отъ самого казематнаго общества, которое настояло на отмѣнѣ росписанія коменданта и требовало предоставить самимъ размѣститься по справедливости. Помѣстили по двое тѣхъ, которыхъ сроки были меньше и которымъ, стало быть, недолго приходилось переносить неудобства помѣщенія вдвоемъ. Старшій разрядъ весь жилъ по одиночкѣ. Когда начали штукатурить корридоръ и казематы, то привелось жить еще болѣе въ стѣсненномъ положеніи. Прежде въ каждомъ нумерѣ полагались въ одномъ углу нары,—теперь и другой уголъ былъ стѣсненъ этимъ неуклюжимъ ложемъ; въ третьемъ углу добавляла тѣсноту печь. Желѣзныя рѣшетки новыхъ оконъ ослабляли свѣтъ и не давали его въ желаемомъ и необходимомъ количествѣ. Товарищи считали для себя стѣсненіе обязательнымъ и пріятнымъ лишь на то время, когда дамамъ позволено было жить съ мужьями въ казематахъ. Женатые стали жить въ двухъ нумерахъ, за то по вечерамъ устроивались семейныя бесѣды. Это продолжалось около года. Когда начались передѣлки, дамы выбрались и мужья съ ними. Дамы уже не приходили въ тюрьму; мужьямъ дозволено ходить, когда пожелаютъ, и только ночевать должны были въ камерахъ. Подъ конецъ разрѣшено постоянно жить съ женами на квартирахъ и женатые даже ночевать не приходили въ тюрьму, сначала Нарышкинъ, жена котораго занемогла простудною горячкою, потомъ Ник. Муравьевъ, который самъ занемогъ гнилою горячкою. Дамы страдали неволею: одна отъ скуки разсыпанный бисеръ разныхъ цвѣтовъ подбирала цвѣтъ къ цвѣту въ разныя коробочки и приводила тѣнями въ порядокъ, отъ мучительной скуки. Лѣтомъ въ надворныхъ садикахъ устроили дорожки, по которымъ можно было гулять во всякую погоду; развели гряды съ огурцами; къ наружнымъ дверямъ корридора, вмѣсто лѣстницы, приладили насыпь съ откосами, покрытыми булыжникомъ. На среднемъ дворѣ отгорожено было мѣсто для сада, но садъ никогда не былъ засаженъ. Въ большой комнатѣ у кухни, назначенной для богослуженія, скоро приладился читинскій клубъ, съ тѣмъ же удобствомъ переносимый на мельницу. Въ Петровскомъ заводѣ страстно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ-Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе были у каждаго почти настольными книгами. Изъ современныхъ писателей пользовался наибольшимъ уваженіемъ Бальзакъ. Библіотека состояла изъ ученыхъ книгъ, спеціальныхъ журналовъ и сочиненій. На мельницѣ по прежнему зимою продолжали вымалывать нѣсколько фунтовъ такой муки, которая потомъ никуда не годилась, а лѣтомъ занимались проложеніемъ

дорогъ и огородничествомъ. Столярная установилась по старому *). Торсонъ приготовлялъ модели машинъ: пильной, жатвенной и молотильной. Сверхъ того, изготовлялись стулья, столы, кресла, комоды сколько для себя въ нумера, столько и для дамъ, на квартиры. Въ нумерахъ у братьевъ Борисовыхъ собиралась ботаническая коллекція сибирской флоры, начатая въ Благодатскомъ рудникѣ, дополнявшаяся въ Читѣ и обогащенная экскурсіями по Братской степи, и по дорогѣ изъ Читы въ Петровскъ. У Андр. Ив. приготовлялась энтомологическая коллекція, возбудившая собою впослѣдствіи въ Москвѣ серьезный интересъ въ спеціалистахъ; Петръ Ив. составилъ коллекцію рисунковъ забайкальской флоры и орнитологію. Снятіемъ видовъ занимались М. А. и Н. А. Бестужевы, а П. И. Фаленбергъ производилъ топографическія съемки и самъ сдѣлалъ для этого планшетъ. Андреевичъ въ своемъ нумерѣ написалъ масляными красками огромный запрестольный образъ для читинскаго собора. Занятіе литературою можно считать однимъ изъ основныхъ и любимыхъ; къ казематѣ жили признанные поэты (Одоевскій), извѣстные авторы и издатели журналовъ (Корниловичъ—издатель журнала „Русская Старина“, Лунинъ, Бестужевъ, Кюхельбекеръ и друг.). Большая часть явилась сюда литературно подготовленною съ любовью къ ней и знаніемъ (И. Д. Якушкинъ, случайно встрѣтившись съ А. А. Бестужевымъ въ Иркутскѣ въ банѣ, нѣсколько минутъ случайнаго свиданія посвящаетъ разговору о вышедшихъ тогда „Цыганахъ“ Пушкина). На досугѣ, подъ вліяніемъ товарищей и впечатлѣній заточенія, обратились къ литературнымъ занятіямъ даже и тѣ, которые считали до тѣхъ поръ это дѣло для себя чуждымъ и постороннимъ и на свободѣ ничего не писали. Авторство успѣло увлечь многихъ и свидѣтельство о томъ мы встрѣчаемъ почти въ каждой изъ завѣщанныхъ узниками запискѣ,—относящихся разумѣется къ тому времени, когда въ Петровскомъ казематѣ окончательно отвоеваны были чернила и бумага. П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, при глубокой вѣрѣ сохранившій до конца жизни свѣтлый и многосторонній умъ, писалъ остроумныя басни и переводилъ псалмы и посланія апостольскія. Ивашевъ написалъ эпосъ „Стенька Разинъ“, Одоевскій писалъ пѣсни, посланія и проговаривался остроумными эпиграммами; Лунинъ—критическія статьи, а многіе другіе узники воспоминанія о прожитой жизни и о событіи, увлекшемъ въ заточеніе. М. А. Бестужевъ написалъ цѣлый рядъ морскихъ повѣстей, изъ коихъ самыя лучшія—по его свидѣтельству—были сожжены Мухановымъ при домовомъ обыскѣ полиціи на поселеніи, по доносу одного чиновника. М. А. Бестужевъ написалъ „Записки моряка“ и критическія статьи, между которыми выдается своими достоинствами разборъ книгъ Н. И. Тургенева и сохранившійся въ письмахъ къ С. Г. Волконскому.

Константинъ Петровичъ Торсонъ, на свободѣ до ссылки, составившій проэктъ о преобразованіи флота, также возстановлялъ свои воспоминанія о морскомъ путешествіи и впечатлѣніяхъ въ литературно отдѣланной формѣ. „Житье въ Петровскомъ заводѣ была самая цвѣтущая эпоха стихотвореній, повѣстей, разсказовъ и мемуаровъ“—свидѣтельствуетъ М. А. Бестужевъ въ своихъ запискахъ.

Въ это же время изготовленъ былъ тотъ существенный и весьма важный трудъ политической исповѣди въ объясненіе цѣлей и намѣреній, послужившихъ причиною 14-го декабря. Этотъ самый важный литературный трудъ, т. е. описаніе событій, относящихся къ роковому дню, составленъ былъ по словеснымъ и письменнымъ, свидѣтельствамъ всѣхъ казематскихъ узниковъ. Все это въ готовомъ видѣ передано было М. С. Лунину, который хотѣлъ переслать сестрѣ и черезъ ея посредство напечатать за границею, а копію долженъ былъ хранить. Эту копію переписывалъ Громницкій и зарылъ ее гдѣ-то въ лѣсу. Но Лунина посадили въ Акатуй, Громницкій скоропостижно скончался, а съ нимъ умеръ и секретъ, гдѣ была зарыта его рукопись. Хотя многіе послѣ и надували заключенниковъ, выпрашивая деньги, чтобы указать мѣсто, но все-таки дѣло уже было навсегда потеряно. Н. А. Бестужевъ вычисленіями додумывался до усовершенствованія хронометра съ ничтожною девіаціею (но привелъ свою мысль въ исполненіе уже въ Селенгинскѣ—на поселеніи). „Комендантъ любилъ нами хвастаться передъ пріѣзжими и обыкновенно возилъ ихъ на гору, съ которой можно видѣть расположеніе казематовъ“. Когда пріѣхалъ изъ Петербурга адъютантъ военнаго министра и разспрашивалъ обо всемъ, что дѣлалось, особенно о содержаніи въ казематахъ, хитрый старикъ „очень ловко предложилъ ему сообщить самыя вѣрныя свѣденія объ насъ и нашихъ женахъ и тѣмъ прекратилъ тайные розыски“. Генералъ - губернатора Броневскаго (какъ младшаго чиномъ) даже и не провожалъ онъ самъ по казематамъ, поручивъ это дѣло плацъ-маіору. „Генералъ-губернаторъ заходилъ

*) Въ читинской столярной Н. А. Загорѣцкій, съ помощью простого столяра, изготовилъ прекрасные стѣнные часы изъ кострюль и картона, съ помощью одного ножичка и пилочки и подъ мракомъ таинственности. Всѣ острыя орудія были запрещены: не давали ни ножей, ни вилокъ и даже обламывали кончики щипцовъ. Н. А. Бестужевъ всѣми неправдами добылъ себѣ ножъ и маленькій подпилокъ, устроилъ токарный станокъ и сдѣлалъ часы, которые и подарилъ А. Гр. Муравьевой. Комендантъ, какъ извѣстно, разрѣшилъ ему впослѣдствіи пользоваться инструментами.

въ иные нумера, а въ другіе только заглядывалъ съ тѣмъ любопытствомъ, съ какимъ обыкновенно заглядывали въ желѣзныя клѣтки посѣтители, осматривающіе никогда не виданный ими звѣринецъ". Тѣмъ не менѣе Броневскій написалъ въ запискахъ своихъ такія строки: „Замокъ—деревянное квадратное строеніе съ обширнымъ дворомъ, имѣющее съ внутренней стороны галлереи, а съ внѣшней—комнаты преступниковъ, для каждаго по одной. Сообщеніе ихъ между собою, прогулки въ галлереяхъ и на дворѣ—свободны. Столъ изъ общей артели сытный. Платье не скудное, у всякаго по состоянію; у нѣкоторыхъ убранство комнатъ весьма пристойное". Такъ какъ Лепарскому трудно было прожить въ глуши свое содержаніе, то онъ употреблялъ его на устройство сада, въ видахъ общей пользы. Садъ занималъ большое пространство, украшался быстрою рѣчкою; дороги, мосты, бесѣдки съ затѣйливымъ разнообразіемъ, капризы, гроты и цвѣтники были роскошные. Не пощажено ни денегъ, ни искуства, въ которомъ нѣтъ тамъ недостатка, и все это единственно для одной прогулки всѣмъ и каждому. Хозяйственной разсчетливости отъ садовъ сибирскихъ, гдѣ не родятся никакіе фрукты, быть не можетъ. Еще и та бѣда, что старикъ гулять не могъ по слабости ногъ. „Онъ проѣзжалъ иногда верхомъ по дорожкамъ и радовался, видя, что другіе у него гуляютъ". Комендантъ и при ухудшеніи тюремнаго помѣщенія не измѣнилъ и не ухудшилъ своихъ отношеній, посѣщалъ нерѣдко и обращался вѣжливо; „никогда не войдетъ въ затворенную комнату, не постучавшись и не спросивши позволенія". „Всѣ просьбы исполнялъ съ удовольствіемъ и если былъ недоволенъ какимъ либо проступкомъ, то никогда не выговаривалъ виновному, а принималъ какую нибудь общую противъ всѣхъ мѣру, чтобы дать знать виновному, что онъ вредитъ не только себѣ, но и товарищамъ. Плацъ-маіоръ ежедневно обходилъ и принималъ просьбы—обыкновенно выйти куда нибудь изъ замка,—и не только былъ ласковъ, но и почтителенъ". „Работы были не утомительны и очень часто прекращались на мѣсяцъ и на два подъ самыми пустыми предлогами: или по случаю мороза, сильнаго жара, дурной погоды или эпидеміи".

При гарантіяхъ извнѣ, обезпеченное уже многими завоеванными правами, читинское товарищество, успѣвшее хорошо спознать другъ друга, въ Петровскомъ заводѣ устремилось на развитіе внутренней силы своей общины. Въ читинской жизни, сплотившей всѣхъ въ одну семью, было то главное неудобство, что бѣднѣйшіе товарищи становились въ зависимость отъ богатыхъ; не имѣя своего, они все нужное получали отъ другихъ до тѣхъ поръ, пока эти полученія не задерживались, пока не видѣлось иныхъ средствъ для выхода. Возникли неудовольствія, образовался кружокъ протестовавшихъ, видѣвшихъ, что общинному устройству съ равномѣрными правилами для каждаго грозитъ опасность подчиненія небольшому кружку аристократовъ, ихъ произволу. По сохранявшимся долгое время письменнымъ документамъ, которые намъ удалось видѣть, оказывается, что развитіе общественнаго устройства въ казематскомъ обществѣ, насколько это развитіе выражалось во внѣшнихъ актахъ, происходило слѣдующимъ образомъ. Сначала, подъ вліяніемъ горячаго чувства и соотвѣтственно тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ находились заключенные, все было общее. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, когда и женатые и богатые жили въ одной комнатѣ со всѣми остальными. Никакое отдѣльное пользованіе не было тогда и возможно. Присылали ли жены мужьямъ кушанье, негдѣ было его ѣсть особливо, некуда было даже поставить, какъ на общій столъ. Присылались ли вещи, ихъ выдавали въ присутствіи другихъ. Приносили ли книги и газеты, ихъ и читать было невозможно иначе, какъ всѣмъ вмѣстѣ. Нельзя было ничѣмъ пользоваться отдѣльно отъ другихъ, потому что и неловко было выказывать свое преимущество, находясь постоянно съ другими, когда ихъ лишенія кололи бы глаза привиллегированнымъ. Понятно, что, при такомъ общемъ владѣніи, никакое особенное и опредѣленное устройство не казалось нужнымъ, а всякое сомнѣніе въ прочности дружескаго чувства считалось оскорбленіемъ обществу.

Однако, и съ самаго начала были люди предусмотрительные, которые считали нужнымъ установить какія нибудь правила, во первыхъ, для упроченія самого дружескаго чувства удаленіемъ и предупрежденіемъ всѣхъ поводовъ къ искаженію отношеній между товарищами. Съ другой стороны, это было необходимо и съ точки зрѣнія экономической, потому что общее пользованіе было самое безразсчетное и ставило, отъ недостатка предусмотрительности, въ зависимость отъ случайности не только прочное обезпеченіе выходящихъ на поселеніе, но и удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ потребностей самого казематскаго общества. Не разъ случалось, что и самые богатые были безъ гроша, а огромные запасы терялись отъ расхищенія прислугою. Не смотря на это, мы увидимъ, какъ долго продолжалось сопротивленіе всѣмъ попыткамъ къ переходу отъ патріархальныхъ, такъ сказать, отношеній къ положительно выраженнымъ постановленіямъ, потому что и казематскому обществу, по наблюденію одного изъ его участниковъ, неизбѣжно было пройти всѣ фазисы, которые проходитъ всякое живое, саморазвивающееся общество.

Первый поводъ къ проявленію общественной

дѣятельности въ осязаемой, такъ сказать, формѣ, въ приложеніи ко внутреннему устройству, подало одно необдуманное дѣйствіе одного изъ хозяевъ, бывшихъ въ началѣ. Надо сказать, что при назначеніи перваго хозяина не имѣлось въ виду ничего болѣе, какъ наблюденіе надъ кухнею, бывшею до тѣхъ поръ въ завѣдываньи унтеръ-офицера и гдѣ нечистота и расхищеніе припасовъ дошли до крайней степени. Поэтому не было даже никакого правильнаго выбора, а назначеніе сдѣлано было возгласомъ (par acclamation), какъ бываетъ въ началѣ развитія всякаго общества. Никакого другого порученія на хозяина и не возлагалось; это не былъ даже староста, какъ у простыхъ ссыльныхъ. Къ сожалѣнію, первый хозяинъ неосторожно принялъ на себя передачу обществу приказанія коменданта, относившагося ко внутреннимъ распоряженіямъ общества. Общество встревожилось, видя приближавшуюся опасность вмѣшательства во внутреннія дѣла. Рѣшено было составить коммиссію, которая разсмотрѣла бы и обсудила дѣйствія виновнаго хозяина и предложила бы мѣры къ предупрежденію подобныхъ случаевъ въ будущемъ. Очень понятно, что при этомъ случаѣ возникли всѣ обычные вопросы по отношенію къ праву голоса, къ порядку выбора, къ правамъ коммиссіи и пр. и пр. Въ коммиссію выбраны были съ правомъ двухъ голосовъ: Д. И. Завалишинъ за комнату „Москву" большого каземата и казематъ № 2-ой и Н. Бестужевъ, за двѣ малыя комнаты большого каземата, и съ правомъ одного голоса: Мухановъ, за каземать № 3-ій, А. Бѣляевъ, за комнату № 1-ый и Игельштромъ, за комнату № 5-ый. Коммиссія же избрала предсѣдателемъ Д. И. Завалишина и секретаремъ Петра Ал. Муханова.

Но едва была назначена коммиссія, какъ произошла реакція на возвратъ къ патріархальности. Люди, которые обыкновенно благодушествуютъ по отношенію ко всему, начали говорить: къ чему все это? Другіе осмѣивали „эту игру въ конституцію"; третьи опасались созданія какой-то судебной власти и говорили, что достаточно для огражденія въ будущемъ нравственнаго урока, который получилъ одинъ изъ первыхъ хозяевъ. Поэтому, когда коммиссія, по разсмотрѣніи и обсужденіи дѣла, предложила или уполномочить ее или созвать новую коммиссію для составленія нѣкоторыхъ правилъ, то община большинствомъ 32-хъ голосовъ противъ 20-ти рѣшила все оставить по старому. Однако, же предсѣдатель коммиссіи успѣлъ заявить и коммиссія единогласно приняла его заявленіе, что „необходимо установить положительныя правила, какъ для пользованія всѣмъ въ казематѣ, начиная отъ денегъ, пищи, одежды и проч. до книгъ и газетъ, такъ и для обезпеченія выходящихъ на поселеніе и состоящихъ на поселеніи, а для распоряженія всѣмъ этимъ назначить должностныхъ лицъ, со строго опредѣленнымъ кругомъ дѣйствія".

Между тѣмъ, измѣненіе внѣшнихъ условій и положенія происходило въ такомъ видѣ, что вело неминуемо къ усиленію до очевидности малозамѣчаемыхъ прежде злоупотребленій общаго пользованья и личныхъ отношеній. Прежде всего опредѣлилось положеніе женатыхъ, которыхъ стали отпускать въ дома ихъ женъ и которые нашли тамъ возможность пользоваться отдѣльно своими богатыми средствами и менѣе замѣчать недостаточность и нужды товарищей, которые не кидались уже имъ въ глаза, потому что не имѣли ихъ постоянно на виду. Потомъ стали давать позволенье (подъ предлогомъ уменьшенія тѣсноты) богатымъ строить отдѣльные домики внутри казематской ограды, что допустило также пользованье своими средствами отдѣльно отъ товарищей и, сверхъ того, образовало кружки около привиллегированныхъ личностей. Наконецъ, съ переходомъ въ Петровскій казематъ,—когда каждый, получивъ отдѣльную комнату, могъ слѣдовать своимъ привычкамъ, и стали вставать, ложиться, пить чай и обѣдать когда кто хотѣлъ—рушились сами собою, мало по малу, и общій чай и общій столъ. Съ другой стороны, когда можно было уже и не видать товарищей и имѣть предлогъ, что не знаютъ ихъ нуждъ, пособіе богатыхъ бѣднымъ деньгами и одеждою зависѣло уже отъ прямой просьбы бѣдныхъ, причемъ, разумѣется, болѣе всего терпѣли наиболѣе деликатные. Самое пользованье журналами и книгами дошло до того, что у иного накоплялись цѣлыя груды ихъ, которыхъ ему за другими развлеченіями некогда было и читать, а другіе по цѣлымъ недѣлямъ не могли достать ничего, подвергаясь непріятности ходить выпрашивать и слышать непріятный отвѣтъ, что самъ-де еще не читалъ.

Между тѣмъ, тюремное заключеніе лишало недостаточныхъ возможности извлекать средства изъ своего труда и искуства, а было очевидно, что 1 рубля 98 к. асс. деньгами и пайка 2 п. муки въ мѣсяцъ недостаточно для пищи и одежды. Слѣдовательно, оставалось одно изъ двухъ: или найти опредѣленное обезпеченіе всѣмъ внутри себя или требовать содержанія и одежды отъ казны. Но послѣднее обсуждалось, какъ унизительное, а всякое принужденіе богатыхъ къ опредѣленному взносу въ общину представлялось какъ посягательство на собственность. Изъ такого положенія не представлялось, по видимому, никакого выхода и раздраженіе между богатыми и не имѣвшими ничего дошло до крайней степени.

Тогда очевидно стало, что средство соглашенія можетъ выйти только отъ такихъ лицъ, которыя независимы по своему положенію, или

такъ называемой средней партіи, т. е. отъ такихъ, которые получали столько отъ родныхъ, сколько необходимо было для нихъ самихъ. Они не нуждались, слѣдовательно, въ пособіи другихъ, но и сами могли удѣлить другимъ, развѣ только лишая уже самихъ себя необходимаго. Они, стало быть, не могли ни выиграть, ни проиграть ни при какомъ устройствѣ, а потому и могли быть безпристрастными судьями и посредниками. И дѣйствительно, отъ такихъ людей и вышло удовлетворительное разрѣшеніе вопроса.

Иванъ Семеновичъ Повало-Швейковскій, Александръ и Николай Александровичи Крюковы, Александръ Ивановичъ Вегелинъ, жившіе въ одномъ отдѣленіи съ Дм. И. Завалишинымъ, а также нѣкоторые другіе пришли къ послѣднему съ просьбою отложить на время свои ученыя занятія и, взявъ общественное дѣло въ свои руки, отыскать справедливое основаніе для общаго соглашенія.

Для человѣка безпристрастнаго найти его было не трудно. Такимъ основаніемъ представлено было имъ слѣдующее: такъ какъ, по общему правилу, правительствомъ допускается получить одиночному только 500 р., а женатымъ только 2.000 р., сверхъ же этого позволяется получать болѣе только подъ условіемъ, что это назначается для вспоможенія товарищамъ, не имѣющимъ ничего отъ родныхъ, то это вспоможеніе является уже обязательнымъ и нѣтъ никакого посягательства на собственность въ требованіи обязательнаго взноса *). Если же они не желаютъ употребить получаемое сверхъ положенія на вспоможеніе товарищамъ, то не имѣютъ и права дѣлать предлогъ для полученія излишка изъ такого дѣйствія и условія, которое ими не исполняется. Потомъ, въ случаѣ отказа ихъ, не имѣющіе ничего имѣютъ право объявить коменданту, что не получаютъ вспоможенія отъ товарищей и требовать казенное содержаніе.

Какъ ни ясно было дѣло, получившее такое выраженіе, но и тутъ сначала выказалось, съ одной стороны, сильное сопротивленіе, а съ другой—нерѣшительность; прежде возбудили сильную бурю и поспѣшнымъ удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе шумѣвшихъ неимущихъ успѣли отвлечь отъ настоятельнаго требованія казеннаго содержанія. Но справедливость высказаннаго основанія для рѣшенія дѣла до такой степени была очевидна, необходимость прочнаго соглашенія и обезпеченія, которымъ обусловливались спокойствіе общины и душевное состояніе каждаго, были до такой степени настоятельны, что послѣ нѣкотораго кратковременнаго колебанія сдѣлалось слишкомъ ясно, что дѣло никакъ нельзя отлагать надолго. Проникая постепенно въ убѣжденіе высказаннаго выше основанія, пришли, наконецъ, къ избранію коммиссіи для составленія устава артели. Въ коммиссію были избраны между прочими: Д. И. Завалишинъ, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, Пав. А. Мухановъ, А. И. Одоевскій и др. Къ ней присоединили, для объясненій по части хозяйства, чередного въ тотъ годъ хозяина. Дѣлопроизводителемъ коммиссіи былъ избранъ Дм. Ив. Завалишинъ. Засѣданія коммиссіи были публичны и привлекали огромное число слушателей не только изъ товарищей, но даже изъ дамъ и изъ служащихъ. Самъ Лепарскій два раза слушалъ разсужденія, заходя въ залу, гдѣ собиралась коммиссія, и останавливаясь мимоходомъ за ширмами **).

Комендантъ до такой степени испугался доведенія до правительства требованія казеннаго содержанія и, слѣдовательно, допущенной имъ неправильности въ полученіи излишнихъ денегъ на пособіе товарищамъ (которое не производилось и, такимъ образомъ, только обманывалось правительство), что самъ всѣми средствами ускорялъ установленіе внутренняго устройства добровольнымъ рѣшеніемъ. Онъ не только оффиціально дозволилъ употребленіе бумаги, чернилъ и перьевъ для занятія коммиссіи, но и разрѣшилъ ночныя засѣданія ея въ общей залѣ.

Коммиссія занималась, буквально, безъ отдыха и быстро окончила свое порученіе. Когда уставъ былъ составленъ и подписанъ членами коммиссіи, всѣ собраны были вечеромъ въ общую залу, гдѣ онъ и былъ прочитанъ членами коммиссіи. Уставъ не подлежалъ голосованію и получилъ окончательную силу отъ коммиссіи. Общее примиреніе отпраздновано было празднествомъ, продолжавшимся всю ночь.

На другой же день произошли выборы должностныхъ лицъ на основаніи новаго устава ***).

Когда, такимъ образомъ, каждый членъ общины

*) Объ этомъ обязательномъ ограниченіи сообщалъ самъ комендантъ. Это же послужило основаніемъ и для опредѣленія артельнаго довольствія; это же ограниченіе установлено было потомъ и для вышедшихъ изъ каземата на поселеніе.

**) Коммиссіи дано было полномочіе «учредительнаго собранія» (constituante). Рѣшенія ея были окончательныя и впослѣдствіи уставъ могъ измѣняться только по правиламъ, опредѣленнымъ въ самомъ уставѣ. Коммиссія, однако, пользовалась своимъ полномочіемъ очень либерально: не только засѣданія были гласныя, но и внѣ засѣданій члены коммиссіи въ своихъ отдѣленіяхъ обсуждали со всѣми каждый пунктъ. Можно сказать, что обсужденіе было общее и каждый пунктъ устава былъ несомнѣнно выраженіемъ большинства мнѣній.

***) Мы видѣли подлинникъ этого устава съ собственноручными подписями членовъ учредительной коммиссіи: Бобрищевымъ-Пушкинымъ, Бесчасновымъ, Завалишинымъ 1-мъ, Миньковымъ, Мухановымъ, Одоевскимъ и Поджіо. Послѣдній подписалъ уставъ на правахъ очередного хозяина, участвовавшаго въ коммиссіи для объясненій по хозяйственной части.

получилъ обезпеченныя денежныя средства, то можно было приступить къ устройству учрежденія для обезпеченія выходящихъ на поселеніе, вродѣ страхового общества. Поэтому вскорѣ послѣ учрежденія общей артели, для обезпеченія на время пребыванія въ казематѣ, Дим. Ир. Завалишинъ, Ив. Ив. Пущинъ и Петръ Ал. Мухановъ учредили артель для обезпеченія на на время поселенія. Эта артель обыкновенно называлась малою, для отличія отъ общей, получившей съ тѣхъ поръ названіе большой. Желающіе участвовать въ малой вносили извѣстный процентъ съ получаемыхъ ими денегъ, за что имъ обезпечивалась выдача извѣстной суммы при отъѣздѣ на поселеніе. Капиталъ малой артель увеличивался, кромѣ того, пожертвованіями и коммерческими оборотами, составляя ссудный банкъ. Записки должностныхъ лицъ обѣихъ артелей имѣли въ заводѣ значеніе кредитныхъ билетовъ.

Наконецъ, для введенія правильности и справедливости въ распредѣленіи чтенія газетъ и журналовъ, Д. И. Завалишинъ, Мих. Фотіевичъ Митьковъ, и Сергѣй Гр. Волконскій составили журнальную артель. Желающіе участвовать въ чтеніи вносили ежегодно опредѣленную сумму, на которую дѣлалась общая выписка и, сверхъ того, доставляли въ артель журналы, получаемые иными на собственное имя. Выписываемые журналы и газеты артелью доставлялись немедленно по полученіи съ почты къ распорядителю чтенія; получаемые лично—черезъ извѣстный срокъ. Въ чтеніи наблюдалась очередь, а въ распредѣленіи соблюдалось, чтобы очередь чтенія разныхъ газетъ начиналась съ разныхъ лицъ, чтобы доставить чтеніе разомъ большему числу, и чтобы разные журналы не приходились въ одно время одному и тому же лицу. На чтеніе газеты опредѣлялось два часа, для книжки журнала назначалось два дня; можно было просить выдачи по прочтеніи всѣми. Газеты и книжки пришивались къ папкѣ, къ которой пришивали и списокъ очереди. Въ полученіи росписывались; распорядителемъ чтенія былъ избранъ Д. И. Завалишинъ. Онъ, для скорѣйшаго удовлетворенія любопытныхъ, тотчасъ, по полученіи газетъ, приносилъ ихъ въ общую залу и, пока составлялся списки и производилась пришивка, дозволялъ всѣмъ просматривать газеты. Случалось, что если находили въ какой газетѣ что либо особенное, то отправлялись гурьбою къ тому, съ кого въ тотъ день начиналось чтеніе этой газеты.

Большая артель такъ вѣрно обезпечила матеріальную жизнь и такъ хорошо была придумана, что „никто во все время не нуждался ни въ чемъ и не былъ ни отъ кого зависимъ“. „Каждый становился на свое мѣсто; артель нравственно уравняла тѣхъ, которые имѣли средства, съ не имѣвшими таковыхъ и не дозволяла первымъ смотрѣть на товарищей какъ на людей низшихъ“. Все это дѣлалось съ вѣдома коменданта и было имъ одобрено. Артель установила, прежде всего, общій столъ; обѣдать въ назначенную столовую не ходили: обѣдали по отдѣленіямъ въ корридорѣ; сторожъ прислуживалъ и тутъ же кормился и самъ. Женатые, не имѣя права на общій столъ, получали кушанья изъ квартиръ женъ и гораздо лучше и болѣе разнообразныя *). Богатыя дамы могли снабжать отъѣзжавшихъ товарищей такими дорогими винами, какъ венгерское и токайское, и притомъ хорошо выстоявшееся въ петербургскихъ погребахъ богатыхъ и роскошныхъ домовъ.

Такъ какъ при первоначальномъ начертаніи постановленій для артели служили теоретическія соображенія, время же и опытъ показывали, до какой степени послѣднія согласовались съ возможностью и удобствомъ исполненія, то товарищеская община нѣсколько разъ принуждена была измѣнять и дополнять артельныя правила. Въ основаніе устава артели положены нижеслѣдующіе поводы и причины:

„Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ необходимости имѣть всегда на-лицо опредѣленную сумму денегъ, которая могла бы служить какъ для обезпеченія общественныхъ потребностей, такъ и для удовлетворенія потребностей каждаго лица. Положительное назначеніе суммы на наступающій годъ, во-1-хъ, доставляетъ хозяину возможность располагать оною съ большею выгодою для артели и сдѣлать годовыя и срочныя закупки; во-2-хъ, можетъ нѣкоторымъ образомъ отвратить затруднительное положеніе, въ какомъ артель и каждый участникъ иногда находились въ замедленной присылкѣ денегъ. Для этой цѣли составлялась годовая общественная сумма (§ 2) подпискою на взносы (§ 3), жалованьемъ отъ казны, суммою отъ продажи экономической муки; подписка оканчивалась (§ 4) къ 1 февраля.

Сумма изъ 500 руб. (§ 5) принята необходимою на полное годовое содержаніе (и не было ни одного года, въ который бы не доставалась каждому члену артели вся эта сумма сполна). На основаніи этого правила подписка производилась троякимъ образомъ: 1) всѣ участники, получающіе 500 р., подписывали ихъ сполна; 2) получающіе менѣе отдавали всѣ присылаемыя имъ деньги; 3) полу-

*) Процедура снабженія пищею женатыхъ производилась такъ: въ обѣденный часъ поваръ или кухарка приносили кушанья въ караульную, оттуда часовые приносили въ корридоры отдѣленій; корридорные сторожа ставили на столъ. Приходили жены и обѣдали вмѣстѣ; дѣтямъ не дозволялось; слугъ заключенныхъ не показывали. Впослѣдствіи, когда все перемололось—все и переломалось и измѣнилось на лучшее и болѣе упрощенное.

чающіе болѣе подписывали непремѣнно 500, а свыше этой суммы по желанію. На практикѣ послѣднее исполнялось такъ, что получавшіе болѣе 500 р. вносили въ 1½—2 раза противъ получаемаго изъ артели: кто 800, а кто и тысячу руб. Женатые ничѣмъ не пользовались изъ артели и, между тѣмъ, подписывали значительные ежегодные взносы: Трубецкой отъ 2 до 3 тыс., Волконскій до 2 тыс., Муравьевы отъ 2 до 3 тыс., Ивашовъ, Нарышкинъ и Фонвизинъ до 1 тыс. При подпискѣ (§ 6) означались вѣроятнѣйшіе сроки взносовъ.

Подписная сумма обращалась въ дѣйствительную слѣдующимъ образомъ: 1) Подписавшіе 500 руб. и менѣе вносили деньги немедленно по полученіи; подписавшіе больше вносили, если возможно, въ срокъ, ими назначенный (§ 7). Сложность общественной суммы раздѣлялась на три части: хозяйственную, частную и экономическую. Хозяйственная сумма, предназначавшаяся на продовольствіе всѣхъ участниковъ артели (§ 8), опредѣлялась (§ 9) наибольшимъ количествомъ денегъ, назначаемыхъ на годовое продовольствіе одного лица, помноженнымъ на число потребляющихъ лицъ, и обращалась (по § 16-му) единственно на хозяйственныя закупки. Частная сумма, слѣдовавшая на удовлетвореніе потребностей отдѣльнаго лица, составлялась (по § 10-му) изъ остающейся отъ опредѣленной на полное годовое содержаніе по вычетѣ всей хозяйственной суммы; дѣлилась (по § 17) на равные участки по числу лицъ, состоящихъ въ артели, и поступала навсегда въ неприкосновенную собственность каждаго участника. Экономическая (§ 11) составлялась изъ 5% общей суммы, немедленно отдѣляемыхъ по переводѣ денегъ изъ собственности подписчиковъ въ общую сумму. 2) Изъ избытка дѣйствительной суммы, опредѣленной въ полное годовое содержаніе артели, и 3) изъ экономіи хозяйственной суммы. Экономическая дѣлилась на закупную и запасную. Первая (§ 12) опредѣлялась изъ 5% подписной, изъ половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на годовое содержаніе и изъ половины экономіи хозяйственной суммы. Закупная назначалась заимообразно на хозяйственные обороты и должна была состоять въ наличности къ 1 февр. каждаго года; она образовалась изъ другой половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на полное годовое содержаніе и изъ другой половины сбереженія хозяйственной суммы. Запасная назначалась для выдачи отъѣзжающимъ изъ острога на поселеніе, а потому всегда была въ наличности *).

Всякая подписная сумма, поступившая въ наличность, становилась безвозвратно общественною собственностью (§ 13). По поводу раздѣленія всей общественной суммы, артельный уставъ говорилъ: „§ 14. Раздѣленіе наличной суммы, общества бываетъ правильнымъ и неправильнымъ. Правильное должно быть соразмѣрно опредѣленному въ смѣтѣ годовому раздѣленію суммъ, а именно на 32 части (по исключеніи 5% въ экономическую сумму), 237 руб. на каждаго участника въ хозяйственную и 248 въ частную (плюсъ 80 коп. въ частную же). Неправильное раздѣленіе есть несоразмѣрное годовому раздѣленію суммъ. § 15. Если на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей достаточно будетъ суммы, отчисляемой по правильному раздѣленію, то оно и должно быть правильно; если же недостаточно, то въ такомъ случаѣ оно становится неправильнымъ и производится сообразно съ таблицею, составленною на текущій годъ“.

Годовое управленіе и обороты общественныхъ суммъ зависѣли отъ двухъ коммиссій: временной, дававшей суммамъ годовое направленіе, т. е. утверждавшей смѣту, составленную хозяиномъ на наступающій хозяйственный годъ (съ 1 марта по 1-ое марта), и постоянной коммиссіи, наз. хозяйственной, которая завѣдывала распредѣленіемъ и движеніемъ суммъ на основаніи смѣты, утвержденной временною коммиссіею.

Временная коммиссія состояла изъ 5-ти избранныхъ членовъ, собиралась обыкновенно передъ выборами хозяина и казначея. Она повѣряла общественныя счетныя книги, разсматривала уставъ и предлагала необходимыя въ немъ измѣненія на общее разрѣшеніе, распоряжалась при выборахъ въ общественныя должности и передавала хозяйство новоизбраннымъ лицамъ. Исполнивъ эти обязанности, эта коммисія расходилась *).

Хозяйственная коммиссія (постоянная) со-

*) Впослѣдствіи §§ 11 и 12 замѣнены были такимъ образомъ:

§ 11. Если по дѣйствительномъ сборѣ всей подписной суммы, за вычетомъ хозяйств. и част. изъ общественной, будетъ какой либо остатокъ, то оный обращается въ остаточную сумму. Сверхъ того, въ составъ оной входитъ все, что, по окончаніи года, остается отъ суммы хозяйственной.

§ 12. Сія сумма считается дѣйствительно остаточною, если новая подписка удовлетворительна для полнаго годового содержанія. Въ противномъ случаѣ вся она или часть оной обращается на пополненіе новой годовой подписки. Если же будетъ нужна только часть, то все остальное обращается въ остаточную сумму. Вновь предложенный §: «для опредѣленія выдачи денегъ изъ запасной суммы отъѣзжающимъ на поселеніе, собирается временная коммиссія» — отвергнутъ былъ большинствомъ голосовъ (въ 1832 г.).

*) На всѣ три года, пока казематъ и артель были въ полномъ составѣ, Д. И. Завалишинъ выбирался постоянно членомъ временной коммиссіи (даже когда былъ и самъ хозяиномъ) и былъ всегда дѣлопроизводителемъ.

стояла изъ 3-хъ лицъ: хозяина, закупщика и казначея, не терявшихъ права голоса и во временной коммиссіи при составленіи и утвержденіи смѣты. Она распредѣляла общественную сумму на хозяйственную и частную, обращала часть этой суммы на гуртовыя закупки, разрѣшала ссуды изъ запасной суммы; предварительно разсматривала условія и контракты, заключаемые хозяиномъ и закупщикомъ; ежемѣсячно повѣряла счетныя общественныя книги (по окончаніи повѣрки хозяинъ и закупщикъ подписывали счеты). Этой же коммиссіи вмѣнено было въ обязанность заботиться о размѣнѣ звонкой монеты, если она будетъ прислана на имя кого либо изъ участниковъ. Передъ истеченіемъ хозяйственнаго года она дѣлала оцѣнку припасамъ, оставшимся отъ годового содержанія, и причисляла ихъ цѣнность къ экономической суммѣ. Составъ ея изъ трехъ членовъ уравновѣшивался тѣмъ, что хозяинъ былъ блюстителемъ общественныхъ нуждъ; закупщикъ—нуждъ частныхъ, а казначей—посредникомъ между ними.

Хозяинъ избирался на годъ; принималъ по описи отъ предмѣстника все, входящее въ составъ общественнаго хозяйства; составлялъ смѣту на наступающій годъ и представлялъ на утвержденіе временной коммиссіи. Если цѣны возростали и превосходили смѣтную, онъ имѣлъ право недостатокъ суммъ восполнять соразмѣрнымъ уменьшеніемъ выдачи сахару и чаю, но ни въ какомъ случаѣ не могъ выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ смѣтою. Приступая къ закупкѣ чая и сахара, обязанъ былъ спросить: не желаетъ ли кто выписывать эти припасы на собственныя деньги, или: не желаетъ ли кто, вмѣсто чая и сахара натурою, получить на свою долю деньгами. Выдавалъ чай и сахаръ въ общественной комнатѣ (подлѣ кухни) въ день, имъ предварительно объявленный *). На обязанности хозяина лежалъ выборъ выгоднаго времени года для продажи экономической муки изъ казенной дачи. О количествѣ вырученныхъ денегъ онъ письменно извѣщалъ казначея. Хозяинъ велъ валовую домашнюю книгу прихода и расхода и тому же казначею сообщалъ для выписки; велъ очередь наблюдающимъ за чистотою на кухнѣ и увѣдомлялъ за недѣлю того, чье дежурство наступало. Всѣ служители при кухнѣ и банѣ находились въ полномъ его распоряженіи. Онъ обязывался, при наймѣ служителей, объявлять имъ, что они немедленно должны исполнять всякое частное приказаніе, имѣющее цѣлью услугу для внезапно заболѣвшаго въ ночное время кого либо изъ участниковъ артели. Каждый хозяинъ обязывался представлять временной коммиссіи къ первому засѣданію, при открытіи ея, подробный отчетъ обо всѣхъ бывшихъ закупкахъ: въ какое время, въ какомъ количествѣ, какіе товары, по какимъ цѣнамъ и на какія деньги, займомъ ли добытыя или инымъ образомъ; были ли закупки выгодны или невыгодны и по какимъ причинамъ. У него хранился подлинный уставъ артели (двѣ копіи выдавались въ частныя руки). Въ случаѣ кратковременной болѣзни хозяина его должность исправлялъ казначей. Въ случаѣ продолжительной болѣзни того или другого приступали къ новымъ выборамъ.

Закупщикъ имѣлъ дозволеніе нѣсколько разъ въ недѣлю выходить изъ каземата для покупки всего нужнаго для частныхъ лицъ и имѣлъ на посылки въ своемъ распоряженіи сторожа. Онъ обязывался предварительно спросить у каждаго объ его надобностяхъ и справиться съ книгами о наличности частной суммы (этотъ § впослѣдствіи уничтожили). Никто не имѣлъ права требовать отъ него покупки товаровъ въ долгъ. Артельный уставъ возлагалъ на него слѣдующія обязанности: „§ 38. Вести книгу всѣмъ закупкамъ; показывать и раздавать вещи въ общественной залѣ, въ извѣстный день и часъ, имъ самимъ назначенный, единожды на цѣлый годъ. § 39. Покупающій обязанъ былъ выдавать ему уплатныя записки. Вести очередь всѣмъ выходящимъ на работу. § 40. Если дежурный офицеръ объявитъ ему, что не всѣ вышли—онъ представляетъ ему списокъ очереди находящихся на работѣ. Если потребуется большее число рабочихъ, онъ отсчитываетъ изъ слѣдующей очереди требуемое число лицъ по порядку списка и повѣщаетъ ихъ о томъ. На другой день очередь начинается уже съ перваго, оставшагося въ этой очереди". Какъ скоро какая нибудь очередь дошла до мѣста работы, она на слѣдующій день не выходитъ, по какой бы причинѣ ее ни воротили (новый § устава 1831 г., единогласно утвержденный 8 мая 1832 г.). Закупщикъ (по § 41) обязанъ былъ имѣть въ своей конторѣ столъ для отправленія дѣлъ и храненія товаровъ и ящикъ подъ замкомъ для записокъ о покупкѣ товаровъ. При кратковременной болѣзни его (§ 42) исправляетъ должность хозяинъ; въ случаѣ продолжительной—новые выборы.

Казначей начиналъ отправленіе должности собираніемъ подписки на наступающій годъ и представлялъ ее временной коммиссіи на разсмотрѣніе для утвержденія по ней смѣты. Онъ переводилъ подписанныя деньги изъ собственности лицъ въ общественную сумму, немедленно по присылкѣ, получивъ предварительно согласіе подписавшихся на сумму свыше 500 р. и менѣе; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, онъ

*) Чай и сахаръ оказались продуктами наиболѣе дорогими и разорительными для артели. По бюджету 1832 года видно, что пшеничная мука стоила 900 руб., говядина по 4¼ пуда въ день—2.336 руб. въ годъ, а одинъ сахаръ 2.850 и чай на 1.456 р. въ годъ же.

извѣщалъ о томъ подписчика. По раздѣленіи наличной частной суммы на участки, казначей каждое 25-ое число объявлялъ каждому лицу о суммѣ, причитающейся на его мѣсячную долю, означая ее на черной доскѣ въ общественной залѣ. Никто, кромѣ казначея, не имѣлъ права выписывать изъ общественныхъ суммъ и только по этимъ суммамъ онъ входилъ въ сношеніе съ горнымъ начальствомъ. Онъ дѣлалъ выписки изъ всѣхъ суммъ, входящихъ и не входящихъ въ составъ общественной суммы (т. е. хозяйств., участк., эконом. и личной). Выписку по частнымъ издержкамъ онъ производилъ три раза въ недѣлю: изъ хозяйственной—по запискамъ хозяина, изъ участковой наличной—по запискамъ закупщика и частныхъ лицъ, обязанныхъ доставлять ему эти записки, по крайней мѣрѣ, за два часа до выписки. Такъ какъ никто въ казематѣ денегъ не могъ имѣть у себя на рукахъ и всѣ частные расходы производились черезъ казначея, то три раза въ недѣлю приходилъ писарь горнаго вѣдомства съ особою книгою. Въ ней, со словъ казначея, онъ записывалъ, кому и что слѣдовало заплатить, и обозначалъ, изъ чьихъ денегъ, подписанныхъ въ артель, слѣдовало произвести уплату. Если кто желалъ не расходовать своего участка, но оставлялъ его временно въ общественной частной суммѣ, то казначей обязанъ былъ требовать отъ того лица означенія положительнаго срока, когда онъ хочетъ получить свой участокъ въ общественное распоряженіе (а ранѣе казначей не могъ ему выдавать участка). Для отвращенія застоя въ одной суммѣ и задержки выдачи изъ другой, казначей могъ переводить изъ кредита одного счета въ дебетъ другого, съ тѣмъ, одако же, чтобы сумма, поступающая въ дебетъ, была совершенно обезпечена подпискою; но онъ не могъ переводить денегъ изъ одного участка въ другой безъ письменнаго согласія самого участника. Казначей не обязывался входить въ личныя сдѣлки и записывать, кто кому долженъ. Хозяинъ снабжалъ его переплетенными счетными книгами; казначей обязывался вести ихъ по двойной бухгалтеріи, соотвѣтственно установленной формѣ подъ № 1-мъ—книги общественной подписки, № 2—книги общественнаго прихода и расхода, № 3—книги хозяйственной, № 4—частной (составленной изъ тетрадей по числу участниковъ подъ № и при алфавитномъ спискѣ именъ) и № 5—книги кассоваго журнала. Онъ обязывался имѣть 6-ую и 7-ую книги, когда образовалась запасная и закупная сумма. Каждую суботу счетныя книги (за исключеніемъ № 4 алфавитной) выкладывались, на время отъ 3 до 6 часовъ по полудни, въ общественной залѣ для желающихъ сдѣлать справки *). Книгу подъ № 4 казначей обязанъ былъ давать для справокъ каждую недѣлю два раза въ тѣ дни и часы, которые онъ самъ назначитъ однажды на цѣлый годъ. Показывать, впрочемъ, обязанъ былъ только тѣ тетради изъ прихода и расхода, которыя принадлежатъ лицамъ, желающимъ справляться. Въ конторѣ у него былъ столъ для храненія артельныхъ книгъ и ящикъ подъ замкомъ для уплатныхъ записокъ.

Огородникъ избирался, по установленному порядку, хозяйственною коммиссію. На обязанности его, по уставу, лежало составленіе смѣтъ огородныхъ издержекъ. По утвержденіи ея хозяйственною коммиссіею, онъ получалъ назначенную ему сумму. При посѣвѣ соглашался съ хозяиномъ, какихъ и сколько овощей требовалось на общественное продовольствіе. Пока овощи были на грядахъ, огородникъ располагалъ ими независимо отъ хозяина, но увѣдомлялъ за нѣсколько дней до снятія съ грядъ, сколько и какихъ овощей можно было собрать для общественнаго стола. Въ Петровскомъ казематѣ на артельномъ огородѣ никогда не было обильнаго урожая; рѣдкій годъ даже картофель не побивало морозомъ. Впрочемъ, всѣ овощи доставлялись въ обиліи окрестными крестьянами. Впослѣдствіи опытъ убѣдилъ въ томъ, что овощи въ заводѣ покупать было выгоднѣе, чѣмъ по деревнямъ, гдѣ крестьяне прижимали. На бѣду въ заводъ не привозили въ достаточномъ количествѣ и, къ тому же, въ богатый казематъ ничто почти дешевое не доходило, развѣ совершенно случайно. Поэтому артель всегда находилась въ необходимости закупать часть овощей по деревнямъ и дороже заводскаго **).

Относительно всѣхъ другихъ закупокъ Петровскій заводъ оказался несостоятельнымъ. Общихъ правилъ старые хозяева въ руководство новымъ извлекать не могли. Цѣны подвержены были случайностямъ; выгоднѣе были закупы внѣ завода, но и тамъ съ каждымъ годомъ становились труднѣе, какъ по причинѣ переторжки, такъ и образа уплаты. Въ началѣ хозяйства потребность суммъ была очень велика, необходимо было сдѣлать займы. На нихъ должна была производиться большая часть закуповъ, а такъ какъ взносъ былъ довольно медленный, то и впослѣдствіи, въ теченіи опытнаго года, должны были производить

*) Зала состояла подъ наблюденіемъ хозяина и раздѣлялась на 2 части: въ меньшей была устроена контора хозяйственной коммиссіи; большая оставалась для общественныхъ нуждъ: богослуженія, баллотировки, для учебныхъ классовъ и проч.

**) Сверхъ должностей хозяина, закупщика, казначея и огородника, на членахъ артели лежали обязанности дневальныхъ на кухнѣ. По читинскому положенію, это дѣлалось за вознагражденіе желающими, въ Петровскомъ заводѣ установлена была валовая очередь понедѣльно. Читинское дежурство вознаграждало избавленіемъ отъ казенныхъ работъ, въ Петровскомъ заводѣ это было отмѣнено.

займы. Вслѣдствіе того, въ Петровскомъ заводѣ общеотвѣтный сборъ очень увеличили; все, что прежде тратилось на частныя вспоможенія, въ Петровскѣ подписывалось въ артель *). Опредѣливъ то, что приходилось каждый мѣсяцъ на каждаго человѣка, за общимъ расходомъ на чай, сахаръ и обѣдъ, опредѣлившаяся сумма, предоставленная въ распоряженіе участниковъ, прекратила зависимость однихъ лицъ отъ другихъ. „Чтобы каждый изъ участниковъ имѣлъ болѣе денегъ въ своемъ распоряженіи, обѣдъ очень ограничился: на мѣсяцъ выдавалось на каждаго человѣка по 1/8 ф. чая и по 2 ф. сахару и по двѣ, не болѣе, пшеничныхъ булки на день. Обѣдъ состоялъ изъ тарелки щей и очень небольшого куска жареной говядины. Сколько нибудь того и другого необходимо было удѣлять для сторожа, который питался отъ нашихъ крохъ. Ужинъ былъ еще скуднѣе обѣда и случалось очень часто вставать отъ трапезы полуголоднымъ. Нѣкоторые за столъ, чай и обѣдъ получали деньги изъ артели и сами пеклись о своемъ продовольствіи". Весь этотъ порядокъ существовалъ все время, недовольныхъ было меньшинство. Большинство же, стараясь дѣлать уступки и измышляя различныя исправленія и дополненія въ уставѣ, довело артель до конца и воспользовалось всѣми выгодами ея, жертвуя частностями общему.

Общія правила артели состояли въ нижеслѣдующемъ: артель управлялась по правиламъ, составленнымъ временною коммиссіею и утвержденнымъ положительнымъ большинствомъ голосовъ, но никакія предложенія, хотя бы и принятыя большинствомъ голосовъ, если были сдѣланы не черезъ посредство временной коммиссіи, не имѣли обязательной силы для лицъ несогласныхъ. Всѣ участники имѣли равныя права на общественную сумму. Всѣ общественныя заведенія учреждались и поддерживались общественными суммами; хозяину возбранялось всякаго рода подписка на общественныя издержки. Всякій почитался обязаннымъ нести общественныя должности, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя не пользовались выгодами, доставляемыми артели отправленіемъ этихъ должностей. Несшіе однажды общественную должность по выбору, имѣли право отказываться отъ подобной должности въ теченіи трехъ лѣтъ. Немедленно по открытіи временной коммиссіи всѣ лица, занимавшія въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ и занимавшія какія либо должности въ истекшемъ хозяйственномъ году, если не желали вновь подвергнуться избирательству, извѣщали о томъ временную коммиссію письменными объясненіями; въ противномъ случаѣ ихъ молчаніе принималось за согласіе снова принять какую либо изъ должностей и тогда всякій былъ въ правѣ подавать имъ свой голосъ, а они не могли уже отказываться отъ избранія *). Каждому изъ отъѣзжающихъ артель обязывалась выплатить все, что, за исключеніемъ употребленныхъ на него издержекъ, останется отъ полнаго годового содержанія. Когда запасная сумма сдѣлалась дѣйствительною, выдача отъѣзжающимъ назначалась по единогласному опредѣленію хозяйственной коммиссіи; на случай внезапнаго отъѣзда кого либо изъ участниковъ, она уполномочена была выдавать изъ запасной суммы до 300 руб. **). Плата за мытье бѣлья, по причинѣ разности въ количествѣ, выдѣлялась изъ хозяйственной суммы и возлагалась на каждаго участника.

Всякому предоставлялось право дѣлать замѣчанія на уставъ артели и на исполненіе общественныхъ обязанностей; эти мнѣнія хранила хозяйственная коммиссія до передачи во временную; если же число замѣчаній по одному и тому же предмету возростало до 1/8 всѣхъ участниковъ, то немедленно собиралась временная коммиссія. Предложенія свои коммиссіи всѣ обязаны были писать и выражать такъ, чтобы можно было отвѣчать словами „да" или „нѣтъ". Замѣчанія и оговорки членовъ писались на особомъ листѣ. Если предложеніе состояло изъ нѣсколькихъ пунктовъ, то каждый пунктъ писался отдѣльно ***).

Выборы извѣщались записками съ вопросомъ: кто будетъ подавать голосъ на предстоящее

*) Сверхъ смѣтнаго расхода, предназначаемаго въ артель, временами собирались съ каждаго подписка на единовременные добровольные взносы, напримѣръ, на памятникъ Пестову, на вспоможеніе ссыльнымъ полякамъ, на помощь исключенному изъ артели и общества товарищу. Въ общество, сверхъ декабристовъ, приняты были присланные изъ Оренбурга за составленіе тамъ тайнаго общества Ипполитъ Завалишинъ, Дружининъ, Колесниковъ и Таптыновъ. Въ Петровскомъ заводѣ Завалишинъ былъ принятъ въ артель. Тамъ же приселили къ нимъ слѣпого старика Сосиновича, изъ поляковъ, и какого-то разжалованнаго маіора Кучевскаго. Ихъ не спросили, кто они, и приняли въ артель на общемъ положеніи. Они пользовались выгодами этого учрежденія, выгодами вещественными, но не были дѣйствительными членами, то есть не пользовались никакими правами членовъ артели. Сосиновичу отчасти помогалъ Лепарскій (Сосиновичъ одинъ изъ всѣхъ эмиссаровъ, судившихся въ Гроднѣ по дѣлу Воловича, былъ приговоренъ на каторгу).

*) Этотъ § былъ пріобщенъ къ уставу впослѣдствіи, въ 1835 году.

**) Впослѣдствіи изъ большой артели выдѣлилась малая, предназначенная исключительно для пособія отъѣзжавшимъ на поселенія.

***) Впослѣдствіи временной коммиссіи предоставлено было право предлагать на общее утвержденіе только тѣ предложенія, которыя найдетъ полезными, а безполезныя оставлять безъ представленія къ общему свѣдѣнію. Это представленіе, вызвавшее безусловное и общее согласіе, внесено было въ уставъ новымъ параграфомъ.

избраніе временной коммиссіи *). Затѣмъ число избирателей дѣлилось на 5 отдѣловъ по порядку нумеровъ и остатокъ, если случался, причисляли къ послѣднему отдѣлу. Хозяинъ, закупщикъ и казначей, каждый порознь, ходили по отдѣленіямъ съ особеннымъ пакетомъ для каждаго и съ числомъ билетовъ по числу избирателей. Послѣдніе подъ своими именами писали имя лица избираемаго и вкладывали билетики эти въ пакетъ своего отдѣла. Члены хозяйственной коммиссіи разсматривали билеты: получившій положительное большинство въ своемъ отдѣлѣ (въ четномъ числѣ избирателей половину этого числа плюсъ одинъ голосъ) объявлялся членомъ временной коммиссіи. Послѣ третьяго неопредѣленнаго выбора члены какого либо отдѣла выбирали уже между кандидатами другихъ отдѣловъ. Если ни одинъ изъ нихъ не получилъ положительнаго большинства въ этомъ отдѣлѣ, тогда предлагали имъ на выборъ двухъ кандидатовъ, имѣвшихъ большее число голосовъ. Если же и въ этомъ случаѣ голоса дѣлились поровну, то выборы рѣшалъ уже жребій. На слѣдующій день члены временной коммиссіи повѣряли свои уполномочія въ общественной залѣ и распоряжались при выборѣ и баллотировкѣ хозяина и казначея (хозяйственная распоряжалась выборомъ и баллотировкою закупщика и огородника, если выборы этихъ послѣднихъ не совпадутъ съ выборами первыхъ). Когда всѣ выбирались въ одно время, тогда наблюдалась очередь: сначала выбирали хозяина, потомъ казначея, далѣе закупщика и, наконецъ, огородника. Коммиссіи за два дня извѣщали всѣхъ, въ какую должность предстоятъ выборы; собирали голоса: подача голоса означала согласіе съ большинствомъ. Если никто не имѣлъ положительнаго большинства, то два лица, соединившія большее сравнительно число голосовъ, становились кандидатами и баллотировались. Если по причинѣ равенства голосовъ два кандидата не будутъ опредѣлены, то баллотировка рѣшала между имѣющими равенство. Наканунѣ ея коммиссія объявляла имена кандидатовъ и порядокъ избранія. Всѣ, подавшіе голоса при избраніи, обязывались находиться и при баллотировкѣ; кто не приходилъ, тотъ располагалъ своими шарами письменно черезъ одного изъ членовъ коммиссіи. Баллотировались только тѣ, которыхъ избирали. Въ залѣ, въ день баллотировки, одинъ изъ членовъ коммиссіи роздавалъ шары, выдавая каждому на каждаго избираемаго порознь бѣлый и черный; получившій шары подходилъ къ двумъ ящикамъ, другой членъ коммиссіи, стоявшій при нихъ, объявлялъ, который сосудъ для кого назначенъ. Когда всѣ шары были положены, коммиссія считала число бѣлыхъ и черныхъ каждаго кандидата. Получившій положительное число голосовъ въ отношеніи къ числу баллотирующихъ и сравнительное относительно къ другому кандидату объявлялся избраннымъ. Если оба имѣли положительное большинство, но равное между собою, то баллотировались снова. По третьей неопредѣленной баллотировкѣ рѣшалъ жребій. Если оба не получали большинства бѣлыхъ шаровъ, то избиратели приступали къ новымъ выборамъ.

**) Избирательные листы посылались по нумерамъ казематовъ съ надписью наверху просьбы передавать дальше безотлагательно.

Заботливо хлопоча объ увеличеніи ручныхъ участковъ, артель усиленно стремилась къ возростанію запасного капитала, понуждаемая тѣми страхами, которые рисовались въ самомъ непривлекательномъ видѣ для всѣхъ, выходившихъ на поселеніе и не имѣвшихъ собственныхъ средствъ. Съ этою цѣлью прибѣгали ко всевозможнымъ сокращеніямъ въ бюджетѣ расходовъ: когда количество хлѣба и квасу превысило личную потребность, опредѣлили ограниченную выдачу 1¼ фун. на день на человѣка; квасъ опредѣлили двумя бутылками на день. Ограниченіе выдачи хлѣба вызвано было не достатками, а для учета, потому что начали злоупотреблять требованіемъ и расходомъ хлѣба. Такъ, державшіе особливую лично для себя прислугу стали кормить ее изъ общей артели; Модзалевскій, занимавшійся и получавшій за то деньги, кормилъ двухъ портныхъ изъ солдатъ изъ общей артели. „Артель тѣмъ и выгодна,— говоритъ Н. А. Бестужевъ на особомъ листѣ, долженствовавшемъ выразить его голосъ при собираніи мнѣній:—артель тѣмъ и выгодна, что излишество потребленія одного человѣка вознаграждается меньшею потребностью другого; слѣдовательно, если поставить вѣсъ (хлѣба) на каждаго и каждому отпускать по положенію, то выйдетъ, что всѣ лишатся выгодъ, доставляемыхъ артелью, потому что лишнее количество надобно будетъ покупать, тогда какъ у другихъ избытокъ будетъ пропадать безъ пользы. Увѣренъ, что среднимъ числомъ хлѣба, вообще, не выйдетъ по 1¼ ф. на человѣка, но увѣренъ также, что раздача каждому по такому участку большей половины будетъ онаго не достаточно, и думаю, что вниманіе хозяина при надлежащемъ присмотрѣ лучше опредѣлитъ потребность каждаго, не стѣсняя всей артели этою общею мѣрою“. Мнѣніе это подано на нижеслѣдующій запросъ временной коммиссіи: „Количество расходуемаго хлѣба и кваса превышаетъ личную потребность артели и, съ другой стороны, раздѣленіе расхода на сіи предметы не въ точной мѣрѣ соотвѣтствуетъ потребленію каждаго лица и какъ сверхъ того не малая часть хлѣба и квасу расходится на прислугу, не равно распредѣленную на лица, хотя и равно платящія“, то и предлагаетъ временная коммиссія на общее разрѣшеніе: „1) постано-

вить ли опредѣленную выдачу хлѣба по $1^{1/4}$ ф. на день на человѣка, на каждаго изъ насъ, предоставляя желающимъ имѣть большее сего количество получить оное за деньги (какъ, напр., получали прежде излишнюю, а нынѣ одну булку) и перенести вслѣдствіе сего содержаніе прислуги на счетъ тѣхъ, коимъ находящіеся въ личномъ услуженіи люди будутъ служить, и 2) опредѣлить выдачу квасу по 2 бутылки на человѣка въ день или оставить то и другое по прежнему положенію"? Желавшій получать большее количество, обязанъ былъ платить деньги. Содержаніе прислуги перенесли на счетъ тѣхъ, которые ее держатъ, оставили заботу только о пищѣ солдатъ, такъ какъ ихъ услуга была общая, а не частная. Исключили изъ хозяйственнаго бюджета жалованье брадобрѣю, потомъ расходы на мыло для бани *). Отмѣнены булки и жареное на нѣкоторое время и успокоили себя тою лишь заботою, чтобы умѣренность пищи вознаграждалась качествомъ и опрятностью приготовленія, чтобы хлѣбы пеклись лучше, супы были чище и квасъ не такъ дуренъ. Для поощренія служащихъ на кухнѣ и для чистоты самой кухни нашли выходъ въ томъ, что выдавали сверхсмѣтныя деньги, по желанію, въ распоряженіе хозяина. Убавили однимъ служителямъ къ банѣ, распредѣливъ жалованье сообразно труду каждаго: инымъ надбавили, другимъ уменьшили, но, во всякомъ случаѣ, достигли той цѣли, что въ отношеніи расходуемыхъ денегъ произошло значительное уменьшеніе **). Подобныя сокращенія были неизбѣжны въ виду того, что съ отъѣздомъ третьей категоріи число людей и средства значительно сократились; кромѣ того, и снабженіе отъѣзжающихъ потребовало излишнихъ расходовъ.

Когда нѣкоторые отдѣлились отъ общаго стола и вмѣсто кушанья стали получать деньгами, они уже не могли требовать артельнаго кушанья въ теченіи года и не иначе могли заставлять людей, нанятыхъ для общей кухни, работать, какъ по добровольному согласію. Хозяева не обязывались снабжать артельными припасами тѣхъ, которые не пользовались общимъ столомъ, хотя за долгъ поставляли себѣ стараться по возможности ихъ удовлетворять. Временная коммиссія разрѣшила таковымъ выдачу артельной муки на дрожжи для булокъ. Для улучшенія общественнаго стола и соблюденія экономіи нѣкоторые предлагали личныя услуги (какъ Тютчевъ), состоявшія въ томъ, что вызвавшіеся сами занимались приготовленіемъ кушаньевъ. Впослѣдствіи, для улучшенія пищи, прибавили къ отпускаемымъ 2 пуд. 20 ф. мяса еще 8 ф., и постановили, чтобы хозяинъ непремѣнно избѣгалъ экономіи удержаніемъ изъ положеннаго количества припасовъ, а старался бы достигать цѣли посредствомъ дешевыхъ закупокъ. Когда артельныя свиньи оказались невыгодными для хозяйства— ихъ уничтожили. Сахаръ стали покупать въ Иркутскѣ и на верхнеудинской ярмаркѣ, а не въ заводѣ, чай стали брать изъ первыхъ рукъ и у богатыхъ купцовъ; соль запасали гуртовымъ пріобрѣтеніемъ и проч. *).

Чтобы окончательно утвердиться на мысли, посредствомъ собраннаго капитала предупредить и даже обезпечить нужды тѣхъ членовъ общины, которые будутъ вывезены изъ тюрьмы, составилась новая артель, маленькая. Она, не вредя главной цѣли, стремилась также къ достиженію членамъ выгодъ, какія только можно извлечь изъ подобнаго учрежденія. Въ нее могъ поступить всякій, желавшій внести 25 р., принятыхъ за минимумъ и вносимыхъ въ 11 мѣсяцевъ по 2 р. Третья, журнальная артель выписывала журналы и газеты, общимъ числомъ до 22-хъ, и давала ихъ за небольшую плату для чтенія (1 р. 50 к. въ мѣсяцъ). Въ ней участвовали лица, не бывшія ни въ большой, ни въ малой артеляхъ, какъ напримѣръ, Анненковъ, Давыдовъ и друг. Маленькая давала займы. Займы наличными деньгами отдавались таковыми же; въ противномъ случаѣ, платился лишній 1%. При займѣ принадлежащихъ артели лицъ полагался 1% со ста въ мѣсяцъ, а съ непринадлежащихъ—2% **). Капиталомъ

*) Баня топилась еженедѣльно въ суботу, но постамъ—въ пятницу. Кто желалъ заказывать для себя въ другой день недѣли, тотъ платилъ въ артель; если заказчиковъ было менѣе 5-ти, одинъ рубль, пять и болѣе—$1^{1/2}$ руб.

**) На жалованье служителямъ петровская артель тратила ежегодно 774 р.: на содержаніе бани 15 руб., на содержаніе кухни 100 р., на соль 100 р., на мясо 630 р., на бумагу для книгъ и счетовъ 30 р., на овощи 400 р., на праздники 150 р., на огородъ 210 р., на крупу 100 р., молочные скопы 75 р. и проч.

*) Самыми дѣятельными хозяевами были Д. И. Завалишинъ и В. А. Бесчасновъ. Нѣкоторые рѣшительно отказывались на новые выборы. Бывали случаи отказовъ и отъ артели, но по просьбамъ товарищей оставались, доказывая доброе расположеніе къ обществу. Должность хозяина сопряжена была съ большими затрудненіями: каждому желалось угодить товарищамъ, соблюсти общіе интересы и удовлетворить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и частнымъ. Не мало затрудняло измышленіе кушаньевъ для однообразія, раздѣленіе стола въ постные дни и, въ особенности, выгодный закупъ, чего не могли они достигнуть, поднявъ петровскія цѣны своимъ крупнымъ запросомъ. Такъ, между прочимъ, коровье масло принуждены были выписывать изъ Читы: тамошнее оказалось лучше и съ провозомъ дешевле петровскаго.

**) При выдачѣ занимаемой суммы за первый же мѣсяцъ вносились проценты наличными или купономъ на большую артель; за слѣдующіе же мѣсяцы всегда къ 1 числу каждаго мѣсяца; эти проценты платились всегда за цѣлый мѣсяцъ, не смотря на меньшій срокъ займа. За желаніе промѣнять выписныя на всякаго рода наличныя платился 1%. Въ обезпеченіе представлялся или купонъ или свидѣтельство пору-

и оборотами завѣдывалъ казначей, избиравшійся положительнымъ большинствомъ голосовъ на цѣлый годъ. Онъ заботился, чтобы капиталъ артели, за исключеніемъ сохранной суммы, находился въ безпрестанномъ оборотѣ, и превращалъ капиталъ въ наличныя деньги. Такъ какъ артельный годъ для бюджета начинался вмѣстѣ съ большою артелью, т. е. 1-го марта, то казначей обязывался представлять списки о выборахъ 3 членовъ въ коммиссію; самъ въ ней не засѣдалъ. Вносившій ежегодно 25 руб. считался дѣйствительнымъ членомъ съ правомъ на равную долю со всѣми. Единовременные вклады вещами и деньгами, считаясь чистыми приношеніями въ пользу артели, не давали своему вкладчику права участья въ раздѣлѣ капитала. Желавшій выйти, получалъ на руки 25 руб., т. е. минимумъ ежегоднаго вклада; остальныя же деньги, причитавшіяся по раскладкѣ, пребывали его собственностью, оставаясь, между тѣмъ, въ капиталѣ артели. Остатокъ съ процентнымъ приращеніемъ единственно изъ собственнаго его оборота не иначе выдавался въ руки владѣльца, какъ по отъѣздѣ его изъ тюрьмы. Отъѣзжавшій могъ отказаться отъ своего участка только въ пользу общественнаго капитала, а не лица. Такая сумма умножила капиталъ послѣдующаго года и отнюдь не служила приращеніемъ уже объявленнаго участка лицъ, входящихъ въ одно и то же время съ жертвователемъ. Пожертвованныя вещи казначей оцѣнивалъ съ двумя членами по очередному списку; затѣмъ оповѣщалъ о продажѣ и если не находилось покупщиковъ, онъ продавалъ кому бы то ни было, но не дешевле оцѣнки. Всякій, ввѣрявшій артели для ея оборотовъ деньги, получалъ за то ежемѣсячно 1°/o на сто и въ томъ случаѣ, когда ввѣренная сумма дѣйствительно находилась въ оборотѣ (могли удостовѣриться въ томъ изъ казначейскихъ книгъ). Вкладчикъ напередъ долженъ былъ объявлять срокъ; если понадобились ему деньги ранѣе, въ такомъ случаѣ онъ обязывался предупредить казначея за мѣсяцъ. На первый годъ по учрежденіи артель отвѣчала не болѣе 800 рублей и свыше этой суммы въ оборотъ ничего не принимала.

Маленькая артель получила свое начало въ 1832 г., когда уже нѣкоторые разряды ссыльныхъ уѣхали на поселеніе. Въ Читѣ, въ апрѣлѣ 1828 г., истекъ срокъ послѣднему, седьмому разряду (осужденнымъ на два года каторги коронація сбавила срокъ на годъ). 11 человѣкъ оставили тюрьму и отправились на поселеніе единственно при содѣйствіи читинскихъ дамъ, снабдившихъ ихъ бѣльемъ, платьемъ, книгами и деньгами. Лѣтомъ 1831 года въ Петровскомъ заводѣ семья заключенныхъ снова испытала потерю товарищей, вышедшихъ на поселеніе изъ 5-го разряда. Этимъ помогала еще большая артель; маленькая вышла ей на помощь уже въ то время, когда приблизились сроки въ 1833 г. четвертому разряду, въ 1836 г. второму и въ 1839 году первому разряду. Съ перваго марта 1833 г. до 1834 смѣтный разсчетъ артели составлялся уже на 38 порцій. Обѣ артели обоюдными силами и средствами въ состояніи были удѣлять на временное пособіе отъѣзжающимъ по 600 до 800 рублей ассигнаціями на каждаго. Библіотека неимовѣрно увеличилась: для научнаго и серьезнаго образованія она начала давать большой просторъ, ученый отдѣлъ ея былъ бо-

---

чителя. За положительную цѣнность купона принимались $2/3$ годового ручного участка, объявляемаго большою артелью. Мѣсячный купонъ былъ вообще $1/12$ часть объявляемаго годового и, подобно ему, цѣнилась также въ $2/3$. Лица, не состоящіе въ большой артели, имѣли право на заемъ только $1/4$ части ежегодно получаемой ими суммы и предоставляли въ обезпеченіе росписку, дающую право казначею большой артели вычесть по ней сполна изъ первыхъ, получаемыхъ ими по займу денегъ. Если кто изъ членовъ постоянной (хозяйств.) коммиссіи большой артели желалъ сдѣлать заемъ для оборотовъ касательно ввѣренной ему должности, то представлялъ въ поручительство подпись всѣхъ трехъ членовъ своей коммиссіи. Тѣ, которые занимали сумму, превышающую сумму, обезпеченную купонами, равно и лица, не состоящія въ большой артели, въ случаѣ просрочки, платили: за 1 мѣсяцъ одинъ добавочный процентъ, за 2-й два и т. д., до окончательной уплаты занятой ими суммы. Разъ случилось такъ, что потребовалось удовлетворить отъѣзжающихъ, между тѣмъ за нѣкоторыми членами оставались невнесенными подписныя деньги,—поступили такимъ образомъ: такъ какъ деньги (652 р.) не могутъ быть скоро внесены, а съ другой стороны, получены сверхъ подписки, не входившіе также въ разсчетъ 299 руб., то за вычетомъ ихъ, остающіеся 253 руб., не достающіе до полной подписки, должны быть разложены на всѣхъ получающихъ купоны. 5 р. 6 к., причитающіеся на одного, должны быть вычтены изъ слѣдующихъ каждому изъ отъѣзжающихъ добавочныхъ денегъ. Сверхъ того, отъ нихъ слѣдуетъ вычесть и жалованье за мѣсяцъ, входившее въ разсчетъ при бюджетѣ (въ 1833 году).

Сохранилась слѣдующая таблица, показывающая степень обезпеченія.

Мѣсяцъ.	Год. обезп.	Мѣс. обезп.	Макс. займа.
Апрѣль . .	177 руб.	14 р. 50 к.	29 р. — к.
Май	162 „	14 „ 50 „	29 „ — „
Іюнь . . .	132 „	14 „ 50 „	29 „ — „
Іюль	118 „	14 „ 50 „	58 „ — „
Августъ . .	107 „	14 „ 50 „	58 „ — „
Сентябрь .	88 „	14 „ 50 „	58 „ — „
Октябрь . .	64 „	14 „ 50 „	58 „ — „
Ноябрь . .	59 „	14 „ 50 „	58 „ — „
Декабрь . .	44 „	14 „ 50 „	43 „ 50 „
Январь . .	30 „	14 „ 50 „	29 „ — „
Февраль . .	15 „	14 „ 50 „	14 „ 50 „

Мартъ—смотря по присылкѣ въ большую артель денегъ и по соображеніямъ цѣнности купона, который былъ объявляемъ. Сверхъ означенныхъ обезпеченій, каждый членъ общества могъ представить на этотъ предметъ 25 р., т. е. минимумъ своего вклада.

гать *). Кромѣ того, впослѣдствія могли положить пособіе и тѣмъ изъ прислуги, которые все время не оставляли своими услугами заключенниковъ **). Въ 1836 году обѣ артели кончили свое существованіе, когда петровскій казематъ значительно опустѣлъ и въ немъ остались доживать по большей части люди достаточные. Въ 1840 г. петровскій казематъ былъ уже совершенно свободенъ отъ тѣхъ жильцовъ, ради которыхъ совершено было его сооруженіе. Послѣ отправленія въ 1839 году первой категоріи декабристовъ оставались нѣкоторое время въ работѣ, хотя уже и не заключенными въ казематѣ, черниговцы Соловьевъ и Маралескій да изъ оренбургскихъ Ипполитъ Завалишинъ. Всѣ остальные были уже на мѣстахъ поселенія. Въ Петровскомъ заводѣ оставался доживать свой вѣкъ сначала въ званіи ссыльнаго поселенца, потомъ потомственнаго дворянина — только Горбачевскій, скончавшійся тамъ въ 1889 году въ должности мирового посредника.

— —

Одновременно съ первыми восемью посланными въ нерчинскіе рудники и слѣдомъ за ними отправлены были на поселеніе всѣ тѣ 14 человѣкъ восьмой категоріи, которымъ приговоръ верховнаго уголовнаго суда присудилъ этотъ родъ наказанія ***). Ихъ увозили по четверо, но поселяли по одиночкѣ въ самыхъ сѣверныхъ сибирскихъ мѣстностяхъ, на пространствѣ между Обдорскомъ и Средне-Колымскомъ. Когда они пробыли здѣсь годъ—ихъ перевели южнѣе на пространствѣ по линіи между Якутскомъ и Березовымъ. Первое время они были совершенно одни, „ихъ не согрѣвали ни солнечные лучи, ни присутствіе друзей". Бестужеву-Марлинскому удалось отвести душу при встрѣчи въ Якутскѣ съ докторомъ Эрдманомъ, пріѣзжавшимъ наблюдать силу земного магнетизма. Впрочемъ, одиночное житье въ Якутскѣ не прошло для этого талантливаго человѣка безслѣдно. Онъ изучалъ языки, между прочимъ латинскій, для чего Н. И. Гречъ высылалъ ему классиковъ, изучалъ край, нравы жителей; отъ скуки писалъ стихи. Въ полномъ собраніи его сочиненій 1832 года видны результаты его наблюденій во время житья въ Якутскѣ, въ статьяхъ: „Отрывки изъ разсказовъ о Сибири" и „Сибирскіе нравы Исыхъ". Якутскіе стихи А. А. Бестужева также были напечатаны, но уже послѣ его смерти. Отсутствіе товарищеской семьи и дружеской поддержки, которыя такъ благотворно подѣйствовали на заключенныхъ вмѣстѣ, для многихъ изъ этихъ одиночекъ выразилось самыми несчастными крайностями: одни предались отчаянію, ускорившему смерть (Шахиревъ, Фохтъ и Фурманъ въ Сургутѣ), другіе сошли съ ума (Шаховской въ Енисейскѣ и Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ въ Туруханскѣ, Варницкій и Янтальцевъ въ Ялуторовскѣ *). М. А. Назимова увезли въ Средне-Колымскъ на собакахъ при 30° морозѣ. Казаки, получивъ предписаніе держать его подъ строгимъ карауломъ и въ то же время беречь его здоровье, не знали, что съ нимъ дѣлать. Они заперли его въ одну изъ юртъ и отправили гонца въ Якутскъ съ донесеніемъ, что „секретный" заболѣлъ и имъ нечѣмъ его кормить, а вяленую рыбу онъ не ѣстъ. Черезъ нѣсколько времени вышло разрѣшеніе перевести Назимова въ небольшую деревушку на Ленѣ, гдѣ стало лучше, но больной долгое время страдалъ жестокимъ ревматизмомъ обѣихъ конечностей, отъ котораго впослѣдствіи едва могъ избавиться. Чижовъ также былъ переведенъ изъ Гижиги въ другое мѣсто. Освободившіеся въ апрѣлѣ 1828 г. изъ Читы 11 человѣкъ седьмой категоріи также вывезены были въ сѣверные города: Чернышевъ одинъ отправился въ Якутскъ, Кривцовъ и Загорѣцкій вдвоемъ— на Лену, Ив. Абрамовъ и Лисовскій—въ Туруханскъ, Выгодовскій—въ Нарымъ, Тизенгаузенъ—въ Сургутъ, Черкасовъ—въ Березовъ, фонъ-Бригенъ—въ Пелымъ и Лихаревъ—въ Киндинскъ (оба послѣдніе потомъ переведены были въ Курганъ). Толстой изъ Читы былъ отправленъ прямо на Кавказъ солдатомъ къ товарищамъ, присужденнымъ къ этому наказанію приговоромъ суда изъ послѣднихъ четырехъ категорій (8, 9, 10 и 11-ой).

*) Для чтенія газетъ существовалъ порядокъ и очередь; установлена строгость и правильность: для чтенія газетъ предоставлялось два часа, для чтенія журнала 2 и 3 дня. Сторожа безпрестанно разносили изъ № въ № газетные листки, на которыхъ каждый отмѣчалъ время полученія и отправки.

**) Такъ, между прочимъ, для банщика скопилось въ артели 480 руб. Когда распустили казематы, онъ получилъ деньги эти на руки; могъ бы жить безбѣдно: баня подарена была ему также въ собственность и казематскій быкъ, возившій воду. Ссыльный не выдержалъ, бѣжалъ, на дорогѣ его обокрали товарищи; тогда онъ явился съ повинною.

***) Увезенные впередъ поселенцы имѣли возможность при свиданіи съ послѣдующими объяснить имъ отчасти то, что ихъ впереди ожидаетъ, и помогать имъ различными услугами. Въ Верхнеудинскѣ встрѣчалъ ихъ Ал. Ник. Муравьевъ съ женою и свояченицею; въ Иркутскѣ, въ банѣ, успѣлъ свидѣться съ братьями А. А. Марлинскій-Бестужевъ, увозимый въ Якутскъ на поселеніе и переведенный въ 1829 году на Кавказъ въ солдаты, съ правомъ выслуги, гдѣ онъ и погибъ. Передъ Иркутскомъ встрѣчалъ Владим. Ѳеодосеев. Раевскій, принадлежавшій къ Южному обществу, но раньше товарищей своихъ сосланный изъ дивизіи Мих. Орлова (2 арміи), гдѣ В. Ѳ. завѣдывалъ школою взаимнаго обученія, заведенною впервые въ Россіи по инициативѣ М. Орлова. Раевскій слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и попалъ подъ судъ и на поселеніе въ Олонки.

*) Въ Петровскомъ заводѣ изъ 50-ти сошли съ ума двое: Андреевичъ и Андрей Борисовъ; на поселеніи изъ 14-ти—пять.

Изъ этихъ категорій нѣкоторые поступили въ крѣпостныя работы и по Сибири. Ихъ отправляли послѣ приговоренныхъ на поселеніе. Изъ поселенцевъ седьмой категоріи нѣкоторымъ разрѣшено было впослѣдствіи вступить въ службу солдатами на Кавказъ; другихъ перевели поюжнѣе, Тизенгаузена и А. Ѳ. Янтальцова въ Ялуторовскъ и т. д.; при отправленіи на поселеніе читинскія дамы успѣли облегчить имъ своими пособіями дорогу и первое время поселенческаго житья *).

Лѣтомъ 1831 года изъ Петровскаго завода выѣхали на поселеніе двое изъ пятаго разряда: Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ въ Баргузинъ и Н. И. Рѣпинъ въ деревушку Марзурку (на Ленѣ) **). Лѣнивый Кюхельбекеръ, весь преданный товарищамъ во время житья въ казематахъ, на поселеніи принялся трудиться для своего пропитанія. Въ первые годы онъ собственными руками расчистилъ и распахалъ нѣсколько десятинъ и засѣялъ хлѣбомъ. Но такая дѣятельность не спасла его отъ искушеній. Сблизившись съ одною баргузинскою мѣщанкою, онъ сперва крестилъ у нее ребенка, а потомъ на ней женился. Крестникъ его умеръ, но обыскъ включенъ былъ въ метрику, изъ-за чего, по доносу дьячка, синодъ призналъ бракъ незаконнымъ, Кюхельбекеръ, разлученный съ женою, переведенъ былъ въ Смоленскую волость подъ Иркутскомъ (за 500 верстъ отъ Баргузина). Тутъ онъ написалъ отчаянное письмо къ сестрѣ съ жалобами на жестокость. Это письмо возвратило его въ Баргузинъ, но обязали не жить съ женою, а жить съ дочерьми, отъ нее прижитыми, которыхъ было семь. Рѣпинъ недолго жилъ на поселеніи. Когда везли Андреева на Кавказъ въ солдаты, онъ заѣхалъ къ своему другу и остановился на ночь въ его помѣщеніи, занимаемомъ имъ въ домѣ одной крестьянки (въ Марзуркѣ за 200 верстъ отъ Иркутска). Бесѣда была праздникомъ, свиданіе длилось далеко за полночь. Служанка, разбуженная запахомъ дыма, осмотрѣла избу хозяйки и, не найдя ничего, вмѣстѣ съ нею отправилась въ помѣщеніе Рѣпина черезъ сѣни, постоянно наполнявшіяся дымомъ. Стучали въ дверь, колотили въ окна и когда вошли въ комнату, увидѣли уже два обгорѣлые трупа. Несчастныхъ похоронили въ одномъ гробѣ на сельскомъ погостѣ. Самъ граж. губернаторъ Цейдлеръ пріѣзжалъ произвести слѣдствіе, но ничего опредѣлительнаго не нашелъ; виновныхъ розыскивали народные слухи. Слѣдствіе находило причину пожара и въ незагашенной свѣчкѣ и въ невыколоченной трубкѣ съ табакомъ, но народные слухи увѣряли, что поджогъ товарищей сдѣланъ слугою Рѣпина—поселенцемъ, надѣявшимся поживиться деньгами обоихъ. Поселенецъ этотъ къ тому же успѣлъ убѣжать, какъ увѣряетъ преданіе.

Изъ освободившихся отъ тюремнаго заточенія въ 1834 году четвертаго разряда ссыльныхъ Розенъ, Нарышкинъ и Лореръ отправились въ Западную Сибирь, въ Курганъ, остальные 11—по деревнямъ Восточной Сибири (Глѣбовъ въ с. Кабанское и проч.). Тогда уже было позволено селиться по двое. Впослѣдствіи перевели въ Красноярскъ и Павла Бобрищева-Пушкина для соединенія его съ сумасшедшимъ братомъ (помѣшательство религіозоманія и пріапизмъ). Въ этомъ разрядѣ Александру Муравьеву дозволено пробыть на каторжной работѣ весь срокъ, назначенный его брату Никитѣ Михайловичу. Волконскаго изъ 1-го разряда, въ уваженіе просьбы статсъ-дамы кн. Волконской (его сестры и супруги министра), государь приказать соизволилъ послать на поселеніе. Волконскій просилъ, какъ милости, позволенія остаться въ Петровскѣ, гдѣ слабая здоровьемъ жена и дѣти могли имѣть врачебныя пособія (отъ Вольфа), тогда какъ въ Баргузинѣ, куда онъ былъ назначенъ, не было ни аптеки, ни доктора и никакихъ удобствъ для жизни. Дозволеніе было дано. Отъѣзжавшихъ товарищей остающіеся снабжали, помимо артелей, всѣмъ своимъ наличнымъ отъ трудовъ и сбереженій. Женѣ Розена Ал. Гр. Муравьева подарила складной дорожный стулъ, предложила тысячу разныхъ предметовъ и, между прочимъ, корову для ребенка во время переѣзда на суднѣ черезъ Байкалъ. Оболенскій сшилъ искусно пальто ребенку; Конст. Петр. Торсонъ устроилъ ребенку парусинную койку; Ник. Алек. Бестужевъ винты и ремни съ пряжками, которыми прикрѣпилъ койку, назначенную для жены во время переѣзда, къ верхней части коляски. Насколь-

*) Передъ отправленіемъ 7-го разряда прибыли въ Читу Игельштромъ, Вегелинъ и Рукевичъ, отъ Тобольска шедшіе пѣшкомъ въ цѣпяхъ съ этапными партіями. Пѣшкомъ же шли, какъ сказано, Соловьевъ, Сухиновъ, Модзалевскій, Выстрицкій.

**) Одинъ изъ 6-го разряда, А. Н. Муравьевъ, присужденный на 7 лѣтъ каторги, сосланъ на житье въ Иркутскъ, потомъ перемѣщенъ былъ въ Верхнеудинскъ, потомъ снова въ Иркутскъ на службу полиціймейстеромъ; затѣмъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. Впослѣдствіи. въ недавнее время, былъ военнымъ губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; скончался въ 1863 году въ Москвѣ уже въ званіи сенатора. Шестой разрядъ составлялъ еще другой ссыльный Люблинскій, присужденный къ каторгѣ тоже на пять лѣтъ, но не прощенный. Двухъ изъ 7-го разряда, вмѣсто двухлѣтней каторги, сослали въ крѣпостныя работы на 2 года (полк. Бестреля и поруч. Булгари, послѣдняго по молодости лѣтъ). Изъ 8 разряда лейтенантъ Бодиско, вмѣсто поселенія, записанъ былъ въ матросы; изъ 5-го братъ его мичманъ Бодиско, вмѣсто 8 лѣтъ каторги, сосланъ въ крѣпостныя работы. Изъ 1-го разряда Тургеневъ скрылся за границу; за границею спаслись Яковъ Толстой и Чаадаевъ; Булатовъ и Поливановъ сошли съ ума еще въ Петровской крѣпости, Пассекъ умеръ еще въ 1825 году.

ко они умѣли внушить къ себѣ уваженіе, можетъ коротко и ясно доказать то обстоятельство, что за однимъ изъ уѣзжавшихъ въ Верхнеудинскѣ бѣжалъ, стараясь догнать, Визгуновъ, георгіевскій кавалеръ, бывшій въ Читѣ и Петровскѣ караульнымъ и теперь умолявшій взять съ собою хотя на край свѣта. Остановился онъ лишь на томъ, что и самому уѣзжавшему мѣсто назначенія было неизвѣстно. Подобный случай не послѣдній.

При отправленіи 18-ти человѣкъ въ 1836 году въ іюнѣ мѣста для поселенія не были извѣстны. Отправлявшіеся сбились въ товарищества и выпросили позволеніе жить вмѣстѣ. Братья Никита и Александръ Михайловичи Муравьевы, Вольфъ и Ив. Дм. Якушкинъ согласились было такимъ образомъ, но ихъ раздѣлили. Семейные не могли тотчасъ отправиться. Муравьевы (Алек. и Ник. Мих.) поселились въ Урюкѣ близъ Иркутска, а когда Никита Мих. умеръ и его дочь увезли въ Россію, то Александръ перешелъ въ Тобольскъ; Артамонъ же Захаровичъ Муравьевъ поселенъ былъ въ Разводной, близъ Иркутска, гдѣ умеръ. Торсонъ послѣ срока недолго оставался въ Петровскомъ заводѣ, онъ поселился сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Тобольскѣ, гдѣ жилъ мало, вскорѣ умеръ. Торсонъ поселился въ Селенгинскѣ, куда къ нему пріѣхали мать и сестра; Торсонъ тамъ и умеръ. Близъ Иркутска поселенъ былъ Ѳ. Ѳ. Вадковскій. Ал. Муравьевъ остался съ братомъ, Вольфъ съ товарищами въ заводѣ для врачебныхъ пособій. Десять человѣкъ отправлены въ Иркутскъ на перемѣнныхъ подводахъ, при офицерѣ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ. Холостые ѣхали всѣ вмѣстѣ, женатые особо. Ив. Дм. Якушинъ поселился въ Ялуторовскѣ, Ник. Васил. Басаргинъ съ Васильемъ Петровичемъ Ивашовымъ въ Туринскѣ, Тобольской губерніи, Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ подъ Иркутскомъ въ деревушкѣ и т. д. На уменьшеніе сроковъ наказанія вліяли какія либо событія въ царственной семьѣ; въ день рожденія великаго князя Михаила Николаевича сбавлены были пять лѣтъ; во второй разъ по 2 года, при исполненіи десятилѣтія съ 14-го дек. 1824 года. Въ память путешествія по Сибири государя наслѣдника, позднѣе императора Александра II, послѣдовали, по его милостивому ходатайству новыя облегченія. Между прочимъ, жившіе на поселеніи переведены на Кавказъ рядовыми въ отдѣльный корпусъ, на положеніи инвалидовъ. Кривцовъ, Цебриковъ, Валер. Голицынъ, А. А. Бестужевъ дослужились до офицеровъ. Нарышкинъ, Розенъ, Одоевскій, Мих. Назимовъ, Захаръ Чернышевъ, Оржицкій, Коновницынъ и проч. оставались на Кавказѣ солдатами, потомъ выпросились въ отставку и получили дозволеніе жить на родинѣ подъ присмотромъ полиціи. Одоевскій же на Кавказѣ и умеръ отъ желчной горячки, на рукахъ Н. А. Загорѣцкаго. На житьѣ на родинѣ, подъ присмотромъ полиціи, кончалась судьба всѣхъ декабристовъ, оставшихся живыми въ Сибири и на Кавказѣ: для однихъ раньше, для другихъ позже.

Кавказская жизнь декабристовъ, въ полнѣйшемъ контрастѣ съ сибирскою, прошла безъ слѣдовъ той осязательной общественной пользы, которая задержана была самымъ способомъ обязательствъ. Солдатская служба задана была имъ со всею строгостью боевыхъ обязанностей, съ тою разницею, что для однихъ лямка натянута была туже, для другихъ она ослаблялась уступчивостью, которая, однако, была произвольна и для исполнителей вовсе необязательна. Въ то время, когда Бестужевъ-Марлинскій въ Дербентѣ и въ ежевыхъ рукахъ гарнизоннаго подполковника „бурбона" съ тяжелымъ ранцемъ выстаивалъ на часахъ до изнеможенія силъ подъ палящимъ кавказскимъ солнцемъ,—нѣкоторымъ другимъ товарищамъ удалось изъ солдатскихъ казармъ и лазаретовъ попасть и въ солдатской шинелѣ въ общество офицеровъ. Генералъ Раевскій, жившій на правахъ отряднаго начальника въ Тифлисѣ, бывшій членъ тайнаго общества и другъ А. С. Пушкина, наполнилъ свой штабъ большею частью изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. На это сдѣланъ былъ доносъ въ Петербургъ. Раевскому присланъ строгій выговоръ и приказъ разослать всѣхъ по разнымъ крѣпостямъ и подвергнуть обязанностямъ гарнизонной службы. Въ числѣ прочихъ пришлось поплатиться своею судьбою одному изъ братьевъ Бестужевыхъ, Петру Александр. Въ силу этого обстоятельства кавказская ссылка оказалась строже сибирской, всѣмъ ссыльнымъ въ тревожно-воинственной странѣ досталась добрая доля походовъ противъ горцевъ, походовъ, на которые въ то боевое время такъ охотливы были всѣ командиры. Нѣкоторые походы вызывали людскія жертвы для выслуги какого либо матушкина сынка, снабженнаго крупною протекціею въ Петербургѣ, для чиновъ и славы котораго ходили въ рядахъ и ссыльные декабристы. Нерѣдко для послѣднихъ другіе командиры избирали малѣйшіе поводы для того, чтобы дать отличиться и заслужить милость. Въ то время, когда всѣ были уже унтеръ-офицерами, Толстой въ 1835 г. произведенъ въ офицеры. Дольше всѣхъ не везло Марлинскому, который произведенъ въ офицеры въ 1836 г. вмѣстѣ съ бывшимъ лейтенантомъ Акуловымъ. Марлинскій въ 1837 году убитъ былъ въ отрядѣ охотниковъ во время десанта въ цѣпи. Въ Дагестанѣ, со многими другими, умеръ отъ враждебнаго лихорадочнаго климата историкъ Корниловичъ. Братъ Бестужевыхъ, Петръ Александровичъ, сосланный на Кавказъ разжалован-

нымъ въ солдаты послѣ шестилѣтней солдатской службы, обязавшей его участьемъ во многихъ экспедиціяхъ, особенно же послѣ тяжелой раны, сошелъ съ ума. Ему разрѣшено было въ этомъ положеніи возращеніе на родину на попеченіе матери и сестеръ. На попеченіе родныхъ выѣхали потомъ и всѣ другіе, за исключеніемъ лишь Сутгофа, который, кажется, одинъ изъ всѣхъ остался жить на Кавказѣ, находясь тамъ и по настоящее время. Только для Марлинскаго кавказская жизнь не прошла безслѣдно, обогативъ его темами для повѣстей, литературною славою и деньгами на помощь ссыльнымъ петровскимъ братьямъ и матери. Тревожная боевая жизнь преимущественно увлекала его до сочиненія походныхъ солдатскихъ пѣсенъ, до крайней непосѣдливости на извѣстныхъ боевыхъ пунктахъ восточнаго и западнаго Кавказа. Начиналъ онъ ссыльную жизнь въ горахъ у Каспійскаго моря, нашелъ свою смерть на берегу Чернаго моря. Съ замѣтнымъ намѣреніемъ „вывести себя въ расходъ", въ его живой и впечатлительной натурѣ выродилась твердая рѣшимость искать смерти, чтобы избавиться отъ тяжестей жизни и тоски неволи. Однако, и въ немъ не исчезло то стремленіе къ самообразованію, которое было столь присуще всѣмъ его товарищамъ. Бестужевъ-Марлинскій овладѣлъ языкомъ татарскимъ до свободнаго объясненія на немъ, изучилъ языкъ арабскій и принялся было уже за персидскій. Въ этомъ отношеніи живые люди не потерялись и на Кавказѣ.

Прощаясь съ комендантомъ, уѣзжавшіе старались выразить ему благодарность теперь, не считая умѣстнымъ свидѣтельствовать ее прежде. Лепарскій, прослезившись, отвѣчалъ: „Вы вели себя такъ, что если бы на вашемъ мѣстѣ были все Вашингтоны, то они не могли бы лучше сдѣлать это. Мнѣ ни разу не случалось прибѣгать къ мѣрамъ, не согласнымъ съ моимъ сердцемъ, и вся моя заслуга состоитъ въ томъ, что я понялъ васъ и, вполнѣ на васъ надѣясь, слѣдовалъ его внушеніямъ". „Мы обнялись и въ послѣдній разъ простились. Черезъ годъ онъ скончался". Назначенъ новый командиръ, полковникъ Ребиндеръ, новый плацъ-майоръ Казимірскій и другіе плацъ-адъютанты. Прежніе офицеры возвратились въ Россію, получивъ большія награды. Ребиндеръ уравнялъ всѣхъ, соединилъ на общихъ правахъ. При немъ всѣ ходили изъ каземата куда кто хотѣлъ и онъ приглашалъ къ себѣ безъ различія всѣхъ.

Въ 1839 году оставили казематъ и заводъ остальные изъ первой категоріи, въ каковую попали двое изъ второй (братья Бестужевы, Н. А. и М. А.), какъ вмѣстѣ съ четвертою былъ освобожденъ одинъ (Розенъ) изъ пятаго разряда *). Бестужевы выбрали для себя городъ Курганъ, но оставлены въ Селенгинскѣ за Байкаломъ, вблизи Петровскаго завода, гдѣ соединились съ К. П. Торсономъ; въ заводѣ остался И. И. Горбачевскій. Д. И. Завалишинъ уѣхалъ въ Читу; въ деревнѣ Оекъ подъ Иркутскомъ С. П. Трубецкой; въ Разводной, также близь Иркутска — Александръ Ив. Якубовичъ; близь Иркутска въ Смоленской волости—Бесчасный; около Иркутска: С. Г. Волконскій, А. П. Юшневскій, Алекс. Виктор. Поджіо; въ Тобольской губерніи—Ив. Алек. Анненковъ, пробывъ нѣкоторое время въ Бельскѣ. Петръ Никол. Свистуновъ **), Ив. Александ. Фонвизинъ, Краснокутскій, Барятинскій, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (поэтъ, умершій въ Тобольскѣ отъ чахотки), В. К. Вольфъ, Мухановъ въ Братскомъ острогѣ на Ангарѣ. Въ Туруханскѣ (Енис. губерніи): И. А. Абрамовъ и Лисовскій убиты были въ дорогѣ, ѣдучи по торговымъ дѣламъ по довѣренностямъ отъ купцовъ. Въ Иркутской губерніи умеръ отъ паралича одинъ изъ Борисовыхъ, Петръ Ивановичъ; сумасшедшій братъ (Андрей Ивановичъ) пробовалъ возвратить его къ жизни, пуская бритвою кровь. Всѣ бумаги предварительно сжегъ и когда на дымъ сбѣжались люди, нашли Борисова повѣсившимся. Александръ Ивановичъ Якубовичъ (въ Енис. губерніи) умеръ, плывя по рѣкѣ; А. П. Юшневскій отъ удара, идя за гробомъ товарища Вадковскаго; Ник. Алексѣев. Пановъ—отъ сахарной мочи. Въ Ялуторовскѣ умеръ Янтальцевъ съ женою, въ Красноярскѣ: Тютчевъ, Вас. Львов. Давыдовъ, Спиридовъ, Митьковъ. Въ Тобольской губерніи умерли: Краснокутскій, В. К. Кюхельбекеръ, А. М. Му-

*) Третій разрядъ составляли двое: Штейнгель и Гаврила Семеновичъ Батенковъ. Первый уѣхалъ на поселеніе въ Тару (Тоб. г.) въ іюнѣ 1836 г. вмѣстѣ съ четвертымъ разрядомъ, а Г. С. Батенковъ, просидѣвъ въ Петропавловской крѣпости 12 лѣтъ, вывезенъ былъ въ Томскъ, когда тотъ разрядъ, въ которомъ онъ считался, былъ также отправленъ на поселеніе изъ каземата. Въ этомъ городѣ онъ былъ поселенъ одинъ и первымъ и когда явился съ именемъ секретнаго, всѣ отъ него сторонились, никто не хотѣлъ пускать на квартиру. Велъ онъ сначала цыганскую жизнь. Нашелся сердобольный гостинщикъ съ красными вѣками, показавшій себя въ Россіи за альбиноса, выпросившій 100 руб. въ мѣсяцъ только за квартиру, тогда какъ Батенковъ получилъ въ видахъ исключенія отъ товарищей 1200 р. асс. Наконецъ, нашлось доброе семейство старожиловъ: одинъ братъ служилъ и умеръ при Коряковскихъ соляныхъ промыслахъ, оставившій семейство свое на рукахъ другого брата съ клятвою не покидать. На бѣду этотъ братъ полюбилъ дѣвушку и клятва встала препоною. Батенковъ принялъ на себя клятву и заботился о вдовѣ и сиротахъ, живя на собственномъ хуторѣ за чертою г. Томска. Выселившись въ Россію, Гаврила Семеновичъ взялъ туда съ собою и это семейство.

**) Свистуновъ и Анненковъ поступили въ Тобольскѣ въ службу. Бригенъ поступилъ канцеляристомъ въ курганскій окружной судъ и черезъ десять лѣтъ получилъ первый чинъ.

равьевъ, Барятинскій, Башмаковъ, Вольфъ, Семеновъ. Въ Иркутской губерніи умерли: Никита Мих. Муравьевъ, Ѳед. Ѳ. Вадковскій, Юшневскій, Бесчасный, Поджіо, М. Н. Глѣбовъ, Артам. Зах. Муравьевъ, Мих. Кар. Кюхельбекеръ, Модзалевскій, оба Борисовыхъ. За Байкаломъ въ Селенгинскѣ: К. П. Торсонъ и Ник. Ал. Бестужевъ. Въ Туринскѣ Ивашовъ съ женою, въ Акатуѣ—М. С. Лунинъ. Затѣмъ по возвращеніи въ Россію: въ Москвѣ Мих. Алек. Фонвизинъ, въ Бронницахъ—Ив. Ив. Пущинъ, въ Костромѣ—Дмитрій Александ. Щепинъ-Ростовскій, въ Москвѣ—Иванъ Дмитр. Якушкинъ. Въ Калугѣ А. С. Батенковъ и А. П. Оболенскій; въ Орлѣ Алекс. Иванов. Черкасовъ; Кривцовъ, въ Орловс. губ.; П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ въ Москвѣ, и т. д., до 7-ми или 8-ми, оставшихся въ живыхъ до шестидесятыхъ годовъ.

Наибольшая часть читинскихъ и петровскихъ заключенниковъ на мѣстахъ поселенія принуждена была обратиться къ тѣмъ занятіямъ, которыя указывала самая цѣль поселенія. Они принуждены были заняться хозяйствомъ и въ устройствѣ его искать тѣхъ средствъ къ жизни, которыя въ тюрьмѣ доставлялись общиною, а теперь, при болѣе свободномъ состояніи, были затруднены для нихъ крупными причинами, лежащими въ основаніи ихъ первоначальнаго воспитанія. Новое общественное положеніе на поселеніи стало несравненно тяжелѣе и если бы не нравственные запасы въ тюрьмѣ, облегчившіе до нѣкоторой степени приступы къ практическимъ занятіямъ—положеніе ихъ было бы безъисходнымъ. Сенатскій указъ 29 мая 1827 г., по представленіи бывшаго сиб. ген.-губ. Сперанскаго, позволявшій выдавать крестьянамъ изъ посельщиковъ свидѣтельства на торговлю, не распространялъ этого дозволенія разъѣздовъ внѣ мѣстъ ссылки на тѣхъ, которые ей подвергнуты по приговору верховнаго уголовнаго суда. Правила для жизни были стѣснительны и противорѣчивы. Такъ, для отлучки далѣе 6 верстъ требовалось испрашивать разрѣшеніе изъ Петербурга и, въ то же время, дозволялось ѣздить по своей волости, которая въ иныхъ мѣстахъ тянулась въ одну сторону на 200 верстъ. Значительно облегчилось положеніе новыхъ поселенцовъ также и тѣмъ, что они поселены были по трое и даже до шести въ одномъ мѣстѣ. На этомъ взаимномъ, живомъ обмѣнѣ мыслей, а также при письменныхъ совѣтахъ болѣе даровитыхъ и опытныхъ товарищей, кое-какъ улаживалась поселенческая жизнь декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, она преисполнилась наибольшихъ затрудненій и лишеній, чѣмъ даже въ самыхъ казематахъ.

Поселенные въ маленькихъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ, всѣ взяли назначенныя имъ по закону 15 десятинъ земли и завялись сельскимъ хозяйствомъ. Нѣкоторымъ удалось довести свое домашнее хозяйство до высокой степени совершенства (какъ Д. И. Завалишину въ Читѣ); очень многіе, въ восполненіе лишеній городской жизни, прибѣгли къ тому способу существованія, который обезпечивался для нихъ въ Сибири скудною платою за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ этомъ отношеніи государственные преступники принесли краю несомнѣнную и громадную пользу, поднявъ уровень сибирскаго образованія значительно выше того, какой имѣется для Россіи. Особенными способностями на этомъ поприщѣ отличались между прочими: А. П. Юшневскій и А. В. Поджіо въ Иркутскѣ, Д. И. Завалишинъ—въ Читѣ, И. Д. Якушкинъ въ Ялуторовскѣ. Послѣдній устроилъ двѣ школы (одну мужскую въ 1842 году, другую для дѣвочекъ въ 1846 г.). Обучалъ онъ въ ней дѣтей по Ланкастеровской системѣ въ теченіи 14 лѣтъ, не смотря на привязчивость и доносы штатнаго смотрителя училищъ, но, благодаря снисходительности властей, эта школа успѣла приготовить не только грамотныхъ, но приготовила и учителей. Одна изъ дѣвицъ, воспитывавшихся въ школѣ, имѣла возможность поступить въ нее преподавательницею. Въ теченіи 14 лѣтъ (съ 1842 по 1856 гг.) къ школѣ, основанной И. Д. Якушкинымъ, перебывало 1.600 человѣкъ учениковъ. Восточной Сибири въ этомъ и другихъ отношеніяхъ посчастливилось гораздо болѣе Западной Сибири, по случайности поселенія въ ней болѣе даровитыхъ и способныхъ людей. Въ то время, когда въ Западной наибольшая часть принуждена была прибѣгнуть къ содѣйствію купцовъ и, въ качествѣ ихъ коммиссіонеровъ и приказчиковъ, изыскивать кое-какія средства для жизни,—въ Восточной Сибири дѣятельность декабристовъ явилась въ болѣе разнообразной и практической формѣ.

Въ Западной Сибири Тизенгаузенъ поселился въ Ялуторовскѣ, построилъ домъ, но домъ подожгли; онъ выстроилъ второй—его опять подожгли; выстроилъ третій, но и этотъ сожгли. Въ четвертомъ ему удалось укрѣпиться на пожарищѣ большихъ домовъ прежнихъ въ маленькомъ. Здѣсь онъ прилежно занялся садомъ и воспитывалъ такіе плоды и ягоды, которые до него никогда не созрѣвали. Онъ постоянно жаловался на слабое здоровье и бездѣльную жизнь и, въ самомъ дѣлѣ, казался поврежденнымъ въ умственныхъ способностяхъ, что примѣтно было и въ способѣ домовыхъ построекъ и въ самомъ образѣ жизни. Въ Курганѣ Назимовъ, Нарышкинъ, Лихаревъ, фонъ-Бригенъ, Розенъ, Лореръ и Фохтъ получили по 15 десятинъ земли и занимались хозяйствомъ *). Нарыш-

*) Изъ нихъ фонъ-Бригенъ, почему-то получившій право ѣхать вмѣстѣ съ товарищами на Кавказъ солдатомъ, впослѣдствіи поступилъ писцомъ въ курганскій судъ и черезъ 10 лѣтъ получилъ первый гражданскій чинъ.

кинъ въ подспорье занятіямъ имѣлъ возможность выписать изъ Москвы дорогихъ и крѣпкихъ лошадей. Остальные товарищи передали Розену свои участки и онъ занялся хозяйствомъ, удобряя неплодородную землю золою, которую безплатно получалъ изъ тамошнихъ мыловаренъ, и въ два года показалъ туземцамъ, какъ можно этимъ способомъ дѣлать землю плодородною. При помощи безплатнаго труда помочами или утолоками, требовавшими за работу только угощенія, Розену удалось справиться со всею массою земли, хотя и не привелось извлечь изъ земледѣлія выгоды. Если онъ не получалъ барышей отъ хлѣба, не имѣющаго цѣны въ томъ плодородномъ краѣ, если ему не удалось выростить ни картофеля ни гималайскаго ячменя, за то хозяйственные труды его съ достаткомъ вознаградилъ горохъ, имѣвшій цѣну на заводахъ въ посты и доставлявшій траву для корма скота. Скотоводство поддержало малоопытнаго курганскаго поселенца и доставило ему наибольшія выгоды. Жена ему во всемъ помогала: пекла и варила кушанье для приходившихъ на „утолоки", заготовляла пиво, закупала кедровые орѣхи для дѣвушекъ, угощала виномъ. Въ Олонкахъ, близъ Александровскаго завода и въ 8-ми верстахъ отъ Иркутска, Влад. Ѳедос. Раевскій на особыхъ грядахъ и безъ излишнихъ хитростей воспиталъ арбузы. Съ его примѣра и подъ его руководствомъ заводскія бабы воспитаніе арбузовъ превратили въ промыселъ: теперь на иркутскомъ базарѣ арбузъ стоитъ 10—50 коп., тогда какъ прежде оранжерейные продавались отъ 5—10 р. ассиг. за штуку. Предубѣжденіе сибиряковъ исчезло. Остаткомъ отъ прихода поселенцы дѣлились съ неимущими. Эта сторона характера наиболѣе рельефно выдавалась надъ всѣми другими и матеріальная помощь доставила помогавшимъ всеобщее уваженіе, которое перешло и въ потомство. Имя благотворителей этихъ стало народнымъ преданіемъ. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи не имѣла предѣловъ: съ равнымъ участіемъ и готовностью выходили они съ помощью и къ свободнымъ несчастнымъ и къ ссыльнымъ; въ Ялуторовскѣ, у почтоваго двора ссыльныхъ поляковъ, привозимыхъ въ нерчинскіе рудники, встрѣчали жившіе въ этомъ городѣ декабристы и спѣшили повидаться, чтобы утѣшить и успокоить напутственными совѣтами. Въ Петровскомъ заводѣ Ив. Ив. Горбачевскій приспособлялъ свои благотворенія къ лучшимъ изъ поселенцевъ тѣмъ, что выстраивалъ домикъ, высматривалъ добродѣтельнаго и стоющаго изъ ссыльныхъ, выходившихъ на пропитаніе, бралъ его къ себѣ (иногда двухъ и трехъ вмѣстѣ), подъ видомъ личныхъ услугъ, но собственно на испытаніе. Если послѣдніе задавались, выборъ былъ удаченъ, Иванъ Ивановичъ, убѣдившись въ честныхъ правилахъ поселенца, передавалъ ему домикъ въ собственность, самъ для себя строилъ другой, третій до десятаго; эту десятую хатку, на нашъ пріѣздъ въ январѣ 1861 года, онъ приготовилъ также для исправившихся ссыльныхъ. Занимался онъ исполненіемъ различныхъ не крупныхъ подрядныхъ лѣсныхъ работъ для завода. Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ онъ скончался мировымъ посредникомъ, среди всеобщаго уваженія. Такъ дѣйствовали недостаточные. Въ Тобольскѣ богатые съумѣли организовать даже цѣлое благотворительное общество, оставившее самые яркіе слѣды въ преданіяхъ и оказавшее несомнѣнныя заслуги тамошнему населенію. Наталья Дмитріевна Фонвизина, съ молодыхъ лѣтъ отличавшаяся набожностью, въ зрѣлыхъ лѣтахъ эту религіозность примѣнила въ Тобольскѣ исключительно къ дѣламъ христіанскаго милосердія. Съ помощью Прасковьи Егоровны Анненковой, она успѣла дѣла благотворенія поставить на широкую ногу (участье послѣдней весьма памятно также и тѣмъ ссыльнымъ „петрашевцамъ", которыхъ провезли въ Нерчинскъ черезъ Тобольскъ въ 1849 году). О благотворительности Батенкова въ Томскѣ мы имѣли случай разсказать. Среди трудныхъ опытовъ опытовъ личнаго обезпеченія хозяйственными трудами поселенцы не покидали науки и, по мѣрѣ силъ, старались служить ея интересамъ. И. Д. Якушкинъ устроилъ въ Ялуторовскѣ гальваническій аппаратъ и весьма удачно занимался гальванопластикою. Онъ же содѣйствовалъ много къ развитію научныхъ свѣденій о физикѣ и механикѣ въ самоучкѣ-мѣщанинѣ Росмановѣ, который подъ руководствомъ И. Д. устроилъ электрическую машину, гальваническую бунзеновскую батарею, пружинный термометръ, гигрометръ, изящной работы стѣнные часы и вѣтромѣръ, заказанный руководителемъ. Много времени Ив. Дм. истратилъ на переписку своего огромнаго труда „Учебникъ географіи", составленный по особому плану, и имѣлъ возможность составить гербарій ялуторовской флоры.

Въ Восточной Сибири также значительная часть государственныхъ преступниковъ, при поступленіи на поселеніе, принуждена была для своего пропитанія выпросить себѣ законный надѣлъ 15-ти десятинъ земли. Бесчасновъ въ Смоленщинѣ—селеніи на рѣкѣ Ушаковкѣ (впадающей въ Ангару въ Иркутскѣ) приспособилъ впервые опыты посѣвовъ конопли—продукта своей плодородной родины (Малороссіи), и добился тѣхъ результатовъ, что въ настоящее время вся Смоленская волость—одна изъ самыхъ производительныхъ мѣстностей подъ Иркутскомъ, воздѣлывающая пеньку въ большомъ количествѣ. Онъ же, въ компаніи съ однимъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельныхъ сибирскихъ купцовъ (покойнымъ Андреемъ Ва-

сильевичемъ Бѣлоголовымъ) устроилъ маслобойку и Сибирь впервые увидѣла свое мѣстное масло, не привозное черезъ всю Сибирь изъ Ирбита и Россіи. Между сельскими хозяевами Восточной Сибири наиболѣе выдѣлились братья Бестужевы (Н. А. и М. А.), поселившіеся около г. Селенгинска. Въ особенности замѣчательна была дѣятельность старшаго брата (Ник. Алек.). „Хотѣли было завести мельницы, пріобрѣтя въ собственность при домѣ толчею, бывшую при кожевенномъ заводѣ, но отложили до времени; задумались было надъ возстановленіемъ самой кожевни, но дознались, что какъ ни велико селингинское скотоводство—Кяхта поглощаетъ всѣ кожи на обшивку чаевъ и платитъ за нихъ очень дорого, такъ что выдѣлка становится очень дорога для заводчика, обязаннаго покупать кожи кяхтинскою цѣною“. Забайкальскія кожевни Бестужевыхъ (и Колесова) шли до тѣхъ поръ, пока тарскіе, тюменскіе и кунгурскіе заводы не разсчитали, что ихъ кожи и съ провозомъ будутъ отправляться за границу дешевле забайкальскихъ. Какъ скоро опытъ былъ сдѣланъ и оправдалъ разсчетъ, кожи Западной Сибири пробили себѣ вѣрную дорогу на востокъ и въ Китай. „Съ тѣхъ поръ наши заводы упали (пишетъ Н. А. Бестужевъ). Осталось для насъ земледѣліе и скотоводство“. Зуевская падь (долина), доставшаяся Бестужевымъ, отъ неправильнаго народнаго хозяйства пришла въ то состояніе, что новые поселенцы принуждены были прибѣгнуть къ искуству и, съ помощью его, успѣли сохранить на землѣ траву и получить отличныя пастбища для скота. Овцеводство оказалось самымъ выгоднымъ занятіемъ по хозяйству вслѣдствіе требованій китайцами забайкальской мерлушки предпочтительно передъ русскою. Весною, послѣ жестокихъ зимъ, у мѣстныхъ хозяевъ, послѣ недостаточнаго зимняго корма, овцы, переходя на траву, падали цѣлыми станами отъ насморковъ, ноносовъ, и катарровъ, у Бестужевыхъ же и Торсона, къ удивленію всѣхъ, стадо уцѣлѣло по простой причинѣ заготовленія сѣна, какъ красугольнаго камня, на которомъ зиждется основаніе хозяйства. Стадо товарищей состояло изъ 300 барановъ; въ хозяйствѣ, сверхъ того, находились 4 лошади и 2 коровы. На пастбищѣ поставлена была маленькая избушка съ овчарнями (чтобы не держать овецъ въ городѣ при домѣ, что, по разсчетамъ, не приносило никакой выгоды); туда переселился даровитый хозяинъ и жилъ философомъ, пасъ овецъ и заготовлялъ сѣно для ихъ поддержанія, а не для содержанія всего скота (какъ дѣлали рутинные хозяева). Хлѣбъ у нихъ былъ свой и свой домъ, купленный въ долгъ, но раціонально веденное хозяйство дало возможность вскорѣ заплатить долгъ. Другимъ многочисленнымъ затѣямъ, на которыя былъ такъ скоръ и богатъ многосторонній умъ Н. А., обогащенный обширными свѣдѣніями, помогали сестры (Елена и Марья Алек., вскорѣ пріѣхавшія изъ Россіи и по смерти матери переселившіяся къ братьямъ въ Селенгинскѣ *). Торсонъ въ это же время знакомилъ туземцевъ съ улучшенными хозяйственными машинами, поставилъ мельницу и устроилъ молотилку. Торсоновская мельница и конная молотилка съ веревочнымъ приводомъ, требовавшія одной только лошади, потребовали двухъ для приведенія машины въ дѣйствіе; Н. А. Бестужевъ долго задумывался надъ такою разностью и, предположивъ, что приводная веревка очень тонка и много растягивается (черезъ что лошадь теряла часть своей силы), приспособленіемъ толстой бичевы устранилъ погрѣшность. М. А. Бестужевъ придумалъ двуколку, удобную для поѣздокъ по горнымъ дорогамъ, и завѣщалъ ее въ повсемѣстное употребленіе туземцамъ подъ именемъ „сидѣйки“. До сихъ поръ подобныя сидѣйки пользуются такимъ же предпочтеніемъ по всему гористому Забайкалью, какъ знаменитая долгуша по всему востоку Россіи. Въ то же время Н. А., въ свободные часы отъ хозяйственныхъ занятій, занимался приготовленіемъ астрономическихъ часовъ безъ компенсанціи, выработкою самаго вѣрнаго хронометра, надъ которымъ и производилъ пробы въ чуланѣ высокою и низкою температурою. Завѣщавъ флоту, еще во время службы на немъ, способъ значительнаго упро-

*) Когда въ 1848 г. сестры Бестужевыхъ пріѣхали въ Селенгинскъ, все населеніе города вышло къ нимъ на встрѣчу. Пріѣзжія съ большими усиліями могли пробиться сквозь густую толпу въ объятія братьевъ, выбѣжавшихъ къ нимъ на встрѣчу. Въ лицѣ одной изъ сестеръ братьевъ Бестужевыхъ (Еленѣ Александровнѣ) является новый благодѣтельный геній, дополняющій циклъ тѣхъ, о которыхъ мы уже имѣли случай разсказать выше. Съ молодыхъ лѣтъ, когда она потеряла пятерыхъ братьевъ, она заступила ихъ мѣсто для младшихъ сестеръ и больной матери. Любовь къ братьямъ Ел. Алек. сначала выразила свиданіями и посѣщеніями ихъ, не смотря на массу препятствій, въ страну изгнанія посылала все необходимое, исполняла всѣ порученія. Для брата Александра (Бестужева-Марлинскаго) она была коммисіонеромъ во всѣхъ его авторскихъ сношеніяхъ со Смирдинымъ и другими издателями; для лишившагося разсудка брата Павла она испросила прощеніе и, вмѣстѣ съ ролью страдалицы, приняла на себя заботы о послѣдующей судьбѣ его. Когда Елена Александровна похоронила братьевъ и мать, когда исполнилась ея миссія въ Россіи, она распродала все свое и съ двумя сестрами поѣхала въ Сибирь отдать свою жизнь, любовь и силы двумъ остальнымъ братьямъ, оставшимся въ живыхъ, и какъ бы для того, чтобы закрыть глаза на вѣки еще одному, кровному другу. «Отрадно быть братомъ этой души высокой», справедливо говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ А. А. Бестужевъ-Марлинскій объ этой «хлопотальницѣ за всѣхъ», объ этомъ «образцѣ сестеръ».

щенія въ уборкѣ и вооруженіи корабля *), онъ намѣревался снабдить еще астрономическими часами и хронометромъ съ самою ничтожною девіаціею. „Одно желаніе быть полезнымъ бѣднымъ мореходцамъ, которые не въ состояніи платить по 2 и 4 тысячи за хронометры, а отъ того самаго на половину, а можетъ быть, и болѣе гибнутъ, не имѣя вѣрнаго счисленія—руководило Н. А. Бестужевымъ. Онъ хотѣлъ, чтобы хронометръ, по большей мѣрѣ, стоилъ не болѣе 300 или 400 руб. асс., и для этого придумывалъ самое простое устройство. Онъ былъ уже близокъ къ осуществленію мысли. Онъ разобралъ хронометръ въ послѣдній разъ, но смерть прекратила работу и разобраннаго хронометра ни одинъ механикъ, не обладая секретомъ изобрѣтателя, собрать не могъ. Одни часы ходили у него уже четыре года хорошо; другіе выдержали въ чуланѣ двѣ жестокія зимы, идучи не останавливаясь, и хотя суточное измѣненіе, при замерзаніи ртути, не превышало 4", однако, изобрѣтатель оставался ими недоволенъ и сталъ добиваться суточной разности въ десятыхъ доляхъ секунды. Отличный портной, башмачникъ, столяръ—онъ былъ хорошимъ слесаремъ, рисовальщикомъ; имъ написанъ для селенгинскаго Покровскаго собора для царскихъ дверей масляными красками образъ Благовѣщенія. Онъ написалъ очень много статей и книгу „Записки моряка“, сочиненіе съ крупными литературными достоинствами. Домашніе опыты надъ неудачными печами привели его къ изобрѣтенію такой печи, которая поразила своею практичностью лучшаго знатока этого дѣла, извѣстнаго архитектора И. И. Свіязева. Бестужевская печь при 30° Р. морозу при 15 футахъ дровъ сохранила на другое утро тепла еще 10°; 30 футовъ, при той же температурѣ, въ продолженіи дня почти не давали дотрогиваться и печь сохранила 15°. Когда у всѣхъ валились трубы и трескались печи, у Бестужевыхъ оказались экономическія, невиданнаго и незнаемаго устройства **). Состоя и на поселеніи и живя на свободѣ, товарищи не переставали сноситься другъ съ другомъ и оказывать другъ другу услуги и совѣтомъ и дѣломъ. Намъ удалось читать интересную переписку Дм. Ир. Завалишина съ Н. А. Бестужевымъ. У Н. А. спрашивалъ совѣтовъ относительно разведенія дынь и арбузовъ читинскій товарищъ его, Д. И. Завалишинъ, самъ отличный хозяинъ и садовникъ, и получалъ цѣлыя тетрадки практическихъ совѣтовъ, основанныхъ на опытныхъ успѣхахъ удачнаго приспособленія. Въ свою очередь, Н. А. Бестужевъ просилъ Д. И. Завалишина пріискать теоретическія формулы высшихъ вычисленій математики для оправданія и научнаго основанія своихъ практическихъ соображеній. Сооружая парники и взращивая на изученіе другимъ арбузы, дыни и китайскіе огурцы, Н. А. Бестужевъ не покидалъ научныхъ опытовъ и, между прочимъ, воспользовавшись вулканическою мѣстностью Селенгинска, производилъ опыты надъ направленіемъ землетрясеній частыхъ, хотя и незначительныхъ. Онъ повѣсилъ на проволокѣ 20-фунтовое ядро со шпилькою внизу, которая, будучи опущена концомъ въ ящикъ съ мелкимъ пескомъ, при каждомъ землетрясеніи чертила его направленіе, и затѣмъ шелъ къ выводамъ и къ улучшенію самого инструмента. Хозяйство не задавалось долгое время по причинѣ постоянныхъ засухъ, преслѣдовавшихъ начинанія и заставлявшихъ выходить изъ границъ должныхъ экономій. Выпросивъ себѣ позволеніе (въ 1840 г.) на разъѣзды по округу (въ Кяхту, Верхнеудинскъ и Петровскій заводъ), даровитый Бестужевъ нашелся въ томъ, что въ Кяхтѣ сталъ заниматься живописью за деньги. Деньги употреблялъ на поддержку упавшаго хозяйства, полагая про себя, что „остановиться въ хозяйствѣ—все равно, что бросить его совсѣмъ“. Съ такимъ человѣкомъ разнымъ несчастьямъ бороться было мудрено.

На поселеніи, само собою разумѣется, литературныя занятія, столь любимыя въ казематѣ, многими оставлены не были, но наступила пора разочарованій, строгаго отношенія къ себѣ—этихъ честныхъ порывовъ самосознанія, въ которыхъ слѣдуетъ искать причинъ тому, что многіе литературные труды декабристовъ не появились на свѣтъ, „погрузились въ Лету“, какъ выразился одинъ изъ нихъ. Къ этому примѣшивалось еще воспрещеніе публиковать свои сочиненія: поселенцы по закону не имѣли этого права. Во взаимной товарищеской перепискѣ мы не разъ выслушивали эту грустно-настроенную и безъ раздраженія ноту трезваго, спокойнаго отношенія къ себѣ. Многіе высказывались такими откровенными исповѣдями: „Въ 25 лѣтъ тюремной нашей жизни свѣтъ очень далеко подвинулся впередъ и мы остановились на одномъ мѣстѣ. Ни по языку, ни по интересу изложенія, ни по скудости фактовъ записки (одного изъ товарищей) не могутъ увлечь публику; а въ теперешнюю эпоху одно увлеченіе и можетъ играть роль. Тяжело, а должно было ему дать понять и приготовить его къ неудачѣ. Кажется, онъ согласился, если не измѣ-

*) Бестужевскій способъ давалъ просторъ командѣ и сокращалъ издержки. Впервые примѣненъ былъ этотъ способъ при вооруженіи корабля «Эмгейтена».

**) Огонь пропускался изъ горнила вверхъ, оттуда оборотами книзу и потомъ снова оборачивался колодцемъ кверху; такимъ образомъ, труба приходилась надъ этимъ послѣднимъ колодцемъ, вопреки общимъ пріемамъ сибирскихъ печниковъ. Устройство печи стало проще и дешевле. «Самъ я былъ и есмь бѣденъ,—говаривалъ Н. Ал.:—а потому знаю, каково бѣднякамъ на свѣтѣ».

ній своихъ мыслей послѣ" и проч. „Сколько событій совершилось въ 30 лѣтъ, что мы сошли со сцены свѣта (пишетъ другой) и сколько еще совершится неожиданнаго до нашей смерти! Теперь мы въ 5 лѣтъ болѣе проживаемъ, нежели прежде во сто". „У меня теперь сохранились черновыя трехъ повѣстей (сознается третій), но онѣ уже потеряли цѣну современнаго колорита". Устоялъ на своихъ литературныхъ занятіяхъ больше другихъ А. А. Бестужевъ (Марлинскій) и успѣлъ въ свое время воспользоваться, какъ извѣстно, неслыханнымъ до того времени литературнымъ успѣхомъ при крупномъ и несомнѣнномъ вліяніи на читающую русскую публику. Онъ имѣлъ возможность литературнымъ гонораромъ помогать братьямъ и отложить 50 тыс. руб. асс. въ банкъ.

Товарищи изъ богатыхъ, поселившіеся близь Иркутска, благодаря своимъ столичнымъ связямъ, привлекли къ себѣ вниманіе одного изъ губернаторовъ Восточной Сибири. По указаніямъ первыхъ удалось послѣднему отмѣтить для своей дѣятельности не одинъ слабый пунктъ, требовавшій ремонтовъ или капитальныхъ перестроекъ. Вліянію иркутскихъ поселенцевъ не мало обязана Восточная Сибирь въ преобразованіяхъ, затѣянныхъ энергическимъ дѣятелемъ; и эта служба ссыльныхъ памятна мѣстному населенію и передается подробно и охотно всѣмъ желающимъ про то слышать и вѣдать. Эта заслуга тѣмъ болѣе важна была въ Сибири—странѣ, гдѣ злоупотребленія всякаго рода превосходили мѣру вѣроятія. Со всѣхъ сторонъ неслись жалобы на угнетеніе и мольбы о пощадѣ. Не одинъ Селенгинскъ, избавленный отъ притѣсненія кляузнаго и безсердечнаго городничаго, но и многія другія мѣстности почувствовали на себѣ участіе людей высоко образованныхъ, возбудившихъ уваженіе мѣстныхъ властей и хорошо успѣвшихъ познакомиться со страною, пріютившею ихъ, и съ людьми, встрѣтившими ихъ съ любовью и гостепріимно. Тѣми же административными заслугами отблагодарилъ хлѣбосольному и гостепріимному краю другой товарищъ декабристовъ, отличавшійся наибольшими свѣденіями о краѣ въ томъ же Забайкальѣ, гдѣ онъ началъ ссыльную жизнь, но продолжалъ долгое время и свободную. Когда Чита назначена была областнымъ городомъ, Д. И. Завалишинъ приложилъ не мало труда, заботъ и личныхъ способностей къ ея устройству при новомъ назначеніи; опытные совѣты его, основанные на знаніи тамошняго народа, у всѣхъ на глазахъ (при первомъ забайкальскомъ наказномъ атаманѣ Запольскомъ) превращались въ живое дѣло при устройствѣ области и казачьяго быта. Ему же удалось сдержать безразсчетныя увлеченія при заселеніи Амурскаго края, вновь пріобрѣтеннаго, и прежде всѣхъ опредѣлить настоящее его значеніе далеко не въ смыслѣ обѣтованнаго рая, въ чемъ силились увѣрять общество мѣстные поэты, призванные и не призванные. Гораздо позднѣе, когда по случайности, этой сибирской общественной службѣ положенъ былъ предѣлъ, Д. И. Завалишинъ, на мѣстѣ иной своей дѣятельности (въ Москвѣ), не перестаетъ дѣлиться запасомъ образованія, опытности и энергіи въ разнообразныхъ дѣлахъ благотворенія, отъ вспоможенія бѣднымъ до обрученія неимущихъ, независимо отъ тѣхъ порученій, которыя возлагаетъ на него довѣріе разныхъ ученыхъ обществъ. Долгое время онъ состоялъ членомъ и секретаремъ московскаго комитета грамотности и проч.

Вотъ съ какою просьбою обращался М. А. Бестужевъ къ С. Г. Волконскому, жившему въ Иркутскѣ: „Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что за низкая креатура нашъ городничій, назначенный къ намъ въ градоначальники изъ жалкаго сословія иркутскихъ квартальныхъ... Онъ далъ торжественное обѣщаніе намъ и всѣмъ гражданамъ нашего города жить миролюбиво, но снова началъ низкое поприще кляузъ (приводятся примѣры). Мы теперь такъ стѣснены, что не имѣемъ права перестроить бани или поставить новый курятникъ безъ разрѣшенія иркутской строительной коммиссіи, мы, которые живемъ внѣ всякаго гражданскаго міра, въ степи, въ притыкѣ неприступныхъ горъ... Если вы будете имѣть возможность представить все это на видъ г. губернатору, то я свидѣтельствую о благодарности всѣхъ нашихъ согражданъ, ежели избавите городъ отъ этой язвы, отравляющей нашу атмосферу". На письмо это послѣдовалъ отвѣтъ: „Сдѣлано распоряженіе къ освобожденію Селенгинска отъ городничаго, что и будетъ сдѣлано въ теченіи не болѣе двухъ недѣль, черезъ что городъ можетъ быть спокоенъ".

Н. А. Бестужевъ пишетъ къ Д. И. Завалишину (20 мая 1852 года): „Матушка Торсона имѣетъ теперь 88 лѣтъ отъ роду и получаетъ пенсію въ 325 руб. асс. послѣ покойнаго мужа. Пенсія эта переходитъ на дочь послѣ ея смерти. Сверхъ того, онѣ обѣ получаютъ ежегодно вспомоществованія 500 руб. асс. Но этой помощи далеко для ихъ существованія недостаточно, особенно потому, что болѣзненное состояніе покойнаго вовлекло ихъ въ долги и разстроило кое-какъ заведенное хозяйство. Сверхъ того, постоянные неурожаи въ продолженіи 10-ти лѣтъ до прошедшаго года были раззорительны для всѣхъ сельскихъ хозяевъ, а для нихъ еще болѣе по недостатку нужной мужской помощи. Нынѣ же, по увеличивающемуся здѣсь военному народонаселенію, цѣны на все удивительно какъ возвысились. Вотъ вкратцѣ тѣ нужды, которыя представляются на благоусмотрѣніе великодушію его п—ва (Запольскаго). Къ этому прибавить должно, что желательно очень, чтобы земля, отведенная покойному, осталась за его

матушкою и сестрою. Я упоминаю объ этомъ потому, что въ указѣ о надѣленіи насъ землею сказано, что это дѣлается по примѣру государственныхъ крестьянъ, а какъ у нихъ земли, по согласію мірскому, у вдовъ не отбираются, если всѣ на то согласны, то, кажется, и въ этомъ случаѣ можно поступить такимъ образомъ".

Отъ 22 апрѣля 1854 г.: „Я не перестаю тебя безпокоить своими письмами, но что же дѣлать? Бѣдный здѣшній народъ такъ напуганъ прежде бывшими здѣсь злоупотребленіями, что думаетъ и теперь безъ покровительства чьего нибудь нельзя никакого дѣла сдѣлать" (слѣдуетъ просьба о рекрутѣ при сдачѣ).

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 г. просьба о томъ же, но для новаго лица. Въ письмѣ отъ 11 окт. 1854 г. „Старинный нашъ знакомый Хамба-Лама (толстякъ) непремѣнно хотѣлъ имѣть отъ меня къ тебѣ письмо, чтобы возобновить съ тобою знакомство, ежели вы были знакомы, и познакомиться, ежели не были. Какъ я ни увѣрялъ его, что это вовсе не нужно для такого предмета (на поѣздку Хамба-Ламы—главнаго ламы бурятскаго, въ Читу), но азіатцы крѣпко вѣруютъ во всякій лоскутокъ бумаги болѣе, нежели самымъ убѣдительнымъ словамъ, и вотъ по этому случаю снова безпокою тебя этимъ посланіемъ. Я всю эту зиму прохворалъ; пришла и моя очередь состарѣться и припадать къ постелѣ. Меня оживили добрыя извѣстія о славныхъ дѣлахъ нашихъ моряковъ, но горизонтъ омрачается. Не знаю, удастся ли намъ справиться съ англичанами и французами вмѣстѣ, но крѣпко бы хотѣлось, чтобы наши поколотили этихъ вѣроломныхъ островитянъ за ихъ подлую политику во всѣхъ частяхъ свѣта Надобно поскорѣе занимать Сахалинъ и ближайшіе къ нему берега, а иначе англичане влезутъ къ намъ въ карманъ. Будемъ ждать, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ—сказалъ Богданъ Хмѣльницкій. Жаль только, что новости до насъ достигаютъ только тогда, какъ на мѣстѣ, гдѣ онѣ происходили, все уже перемѣнилось или давно уже сдѣлалось стариною".

Еще письмо отъ 28 дек. 1840 г., съ отвѣтомъ на запросы Д. И. Завалишина о разведеніи дынь,—совѣты, обличающіе опытнаго хозяина и изложенные въ такой упрощенной формѣ, что такъ рѣдко пишутся для практическихъ хозяйствъ книги.

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 года онъ же (Н. А. Бестужевъ) пишетъ къ Д. И. Завалишину: „Покойный Рупертъ выхлопоталъ для нашего стараго города (Селенгинска) позволеніе переселиться на другой берегъ Селенги и далъ этому новому городу гербъ: феникса, возникающаго изъ своего пепла. Теперь, когда нашъ фениксъ состарѣлся, не достигши зрѣлаго возраста, и даже умираетъ, думаю, что гербъ этотъ приличнѣе бы было перенести на вашу Читу. Я слышалъ, что точно читинскія развалины устраиваются прекраснымъ городомъ. Не будешь ли и ты строить себѣ новаго дома?.. Прошу не забывать меня старика (я крѣпко состарѣлся)" проч.

Конечно, нѣтъ ничего, можетъ быть, труднѣе, какъ прослѣдить во всѣхъ сферахъ и представить въ наглядныхъ фактахъ то полезное вліяніе, какое имѣли такъ называемые декабристы на Сибирь; но что оно было и неизбѣжно должно было имѣть мѣсто,—это несомнѣнно. И мы очень рады, что прежде, нежели сообщимъ факты, намъ лично сдѣлавшіеся извѣстными, мы можемъ привести здѣсь извѣстное свидѣтельство Е. П. Ковалевскаго о декабристахъ (изъ его извѣстнаго сочиненія „Графъ Блудовъ и его время" *).

Мы узнали декабристовъ уже въ то время, когда они, искупивъ свои заблужденія тяжелымъ испытаніемъ, жили на поселеніи, распространяя добро между окрестными жителями; или своими знаніями, особенно въ техническомъ отношеніи, или тѣми ограниченными матеріальными средствами, которыя иные изъ нихъ имѣли,—уважаемые и пользовавшіеся довѣріемъ и свободою.

Что же касается до тѣхъ фактовъ, которые стали извѣстны намъ лично, то остановимся, по крайней мѣрѣ, на слѣдующихъ.

Для всѣхъ мѣстныхъ жителей, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не было разумѣется никогда тайною, что въ Петровскомъ заводѣ существовала въ казематѣ большая школа, гдѣ дѣти мѣстныхъ жителей, начиная отъ достаточныхъ чиновниковъ до неимущихъ ссыльныхъ, получали, соотвѣтственно потребностямъ каждаго, приличное образованіе, начиная отъ высшаго классическаго до начальнаго и ремесленнаго; такъ что между тѣмъ, какъ, напр., Завалишинъ преподавалъ греческій и латинскій языки дѣтямъ духовнаго званія, приготовляя ихъ въ семинарію, Н. А. Бестужевъ и другіе обучали иныхъ дѣтей столярному, слесарному, портному, сапожному и проч. ремесламъ: тогда какъ одни изъ дѣтей чиновниковъ приготовлялись для поступленія въ высшія учебныя заведенія, другія дѣти обучались грамотѣ, но, разумѣется, по усовершенствованнымъ методамъ и проч.

*) Кромѣ того, есть еще одно обстоятельство, особенно характеризирующее декабристовъ и подтвержденное общимъ свидѣтельствомъ: это—совершенное отсутствіе озлобленія противъ судьбы и людей. Въ этомъ отношеніи декабристы не были похожи на революціонеровъ другихъ странъ и не держались никогда правила: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» и «все худо, что дѣлается на волѣ». Совершенно напротивъ, они брались вездѣ исправлять зло, быть полезными вездѣ, гдѣ бы ни были невольно закинуты судьбою, содѣйствовать добру, хотя бы оно дѣлалось не черезъ нихъ.

Поводомъ къ учрежденію школы была необходимость составлять хоръ пѣвчихъ для заводской церкви. И вотъ, сначала стали обучать дѣтей пѣнію, потомъ явилась необходимость для лучшаго обученія самому пѣнію поучить дѣтей грамотѣ и т. д.—остальное пришло постепенно само собою. При совершенномъ отсутствіи въ заводахъ другихъ средствъ къ образованію, особенно въ приготовленіи къ высшему для дѣтей чиновниковъ, комендантъ вынужденъ былъ уступить неотступнымъ просьбамъ родителей дозволить поучить дѣтей въ казематѣ, что для бѣдныхъ имѣло еще и то значеніе, что учившихся въ казематѣ дѣтей кормили тамъ и одѣвали. До того времени комендантъ отдѣлывался своими завѣтнымъ и неизмѣннымъ „не могу“ и, разрѣшивъ хоръ пѣвчихъ, сначала дозволилъ учить только читать. Пѣнію учили П. Свистуновъ и Н. Крюковъ, а грамотѣ два брата Бестужевыхъ.

Надо замѣтить, что обученіе дѣтей въ казематѣ выдавалось рѣзко двумя особенно благотворными для нихъ послѣдствіями. Первое было то, что прежде въ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, куда отвозились иныя дѣти для высшаго образованія, было предубѣжденіе противъ дѣтей Забайкальскаго края, относящее неуспѣхи ихъ въ наукахъ къ недостатку у нихъ способностей, тогда какъ это было просто слѣдствіемъ только плохой подготовки. Когда же былъ представленъ въ первый разъ въ одно изъ высшихъ заведеній въ Петербургѣ воспитанникъ казематской школы, то онъ такъ удивилъ экзаменаторовъ и объемомъ и отчетливостью своего знанія, что экзаменаторы полюбопытствовали узнать, гдѣ и кѣмъ онъ могъ быть такъ приготовленъ. Предсѣдательствовавшій при экзаменѣ начальникъ, который лично бывалъ въ Петровскомъ заводѣ и самъ зналъ секретъ, остановилъ любопытствующихъ, сказавъ имъ: „Господа! наше дѣло оцѣнить его знанія, а не допытываться, откуда онъ ихъ получилъ“.

Другая выгодная сторона казематскаго обученія заключалась въ томъ, что даже и тѣ, кому выпадала скромная доля вещественнаго труда, уважали свое занятіе, хотя по развитію умственному, вслѣдствіе полученнаго въ казематѣ образованія, могли бы имѣть притязаніе на родъ дѣятельности, считающейся обыкновенно высшею. До какой степени эта цѣль была достигнута, можно судить по слѣдующему примѣру. Много, десятки лѣтъ спустя послѣ того, какъ съ отъѣздомъ послѣднихъ декабристовъ изъ Петровскаго завода прекратилось существованіе школы въ казематѣ, одинъ изъ рабочихъ, получившихъ и ремесленное и грамотное образованіе въ казематѣ, узнавъ изъ газетъ о пребываніи Завалишина въ Москвѣ, писалъ къ нему въ Москву и благодарилъ его за то уваженіе, которое вселили ему къ труду. Онъ говорилъ, что вотъ онъ давно уже женатъ, имѣетъ дѣтей, что Богъ благословилъ его достаткомъ такъ, что онъ въ состояніи не только давать образованіе дѣтямъ, но и выписывать книги и даже газеты и журналы, но что при всемъ этомъ онъ не покидаетъ, однако же, своего тяжелаго (кузнечнаго) ремесла. и старается внушить и дѣтямъ такое же уваженіе къ труду, какое умѣли внушать и ему въ казематѣ. И конечно, примѣръ людей высшаго происхожденія и образованія, не пренебрегавшимъ никакимъ ремесломъ, никакимъ тѣлеснымъ трудомъ, лучше всего дѣйствовалъ на людей, чтобы и въ ихъ глазахъ облагородить тотъ трудъ, на который привыкли смотрѣть только, какъ на тяжелую и часто безотрадную ношу.

То же дѣло образованія во всѣхъ его видахъ и распространеніе уваженія къ труду наглядныхъ доказательствомъ собственнаго примѣра продолжали декабристы, когда разселились по всему пространству необъятной Сибири. Вездѣ заводились школы, вездѣ бѣдные получали образованіе безплатно; вездѣ являлся примѣръ раціональной хозяйственной дѣятельности, до тѣхъ поръ почти неизвѣстной въ Сибири. Вездѣ представлялся контрастъ дѣловой жизни высшаго происхожденія и образованія людей съ невѣжествомъ и пустымъ препровожденіемъ времени большой части достаточныхъ выскочекъ и даже крупныхъ чиновниковъ. Декабристы являются вездѣ лучшими и практическими дѣятелями, лучшими наблюдателями и знатоками края, чѣмъ мѣстные старожилы; всегда дѣятельными, не тяготящимися никакимъ занятіемъ и облагораживающимъ всякое. Всѣ видѣли, напр., въ Читѣ, что одно и то же лицо (Завалишинъ) обучало и высшимъ предметамъ учениковъ, готовившихся въ высшіе классы высшихъ учебныхъ заведеній, и не тяготилось обучать грамотѣ самыхъ маленькихъ дѣтей. доставляя этимъ самымъ уваженіе и всякому другому лицу, посвящавшему себя на тяжелый трудъ начальнаго преподаванія.

У него и мальчики и дѣвочки, и дѣти чиновниковъ и крестьянскія дѣти, учились иностраннымъ языкамъ и по латынѣ; и дѣвицы кончали геометрію, тригонометрію, алгебру и всѣ получали понятія о механикѣ, физикѣ и химіи. Но, въ то же время, крестьянскія дѣти отпускались на полевыя работы въ деревни, о которыхъ по возвращеніи должны были давать обстоятельный отвѣтъ, а городскія дѣти должны были работать въ огородѣ и всѣ знать средства разведенія и приготовленія лекарственныхъ растеній. Его ученики нерѣдко бывали первыми въ корпусѣ, а ученицы первыми въ институтѣ. Далѣе: всѣ видѣли въ образцовомъ хозяйствѣ Д. Ир. въ Читѣ, хозяйствѣ.

изумлявшемъ своимъ совершенствомъ не только мѣстныхъ жителей, но и пріѣзжихъ изъ Россіи, вполнѣ знакомыхъ съ раціональнымъ хозяйствомъ, всѣ видѣли наглядное доказательство, что не только не существуетъ никакого антагонизма между теоретическимъ знаніемъ и практическимъ искуствомъ, но что, напротивъ, соединеніе того и другого могучимъ образомъ содѣйствуетъ и тому и другому. Пріѣзжіе видѣли одного и того же человѣка, одинаково плодотворно занимавшагося и высшими предметами человѣческаго вѣденія, и самыми тяжелыми работами хозяйственнаго труда, отъ сохи и косы въ полѣ, отъ обработки огорода и ухода за скотоводствомъ до постройки образцоваго дома *), до всѣхъ подѣлокъ и исправленій плотничныхъ, столярныхъ, слесарныхъ и проч. по дому. Потому и должны были по неволѣ всѣ вѣрить, что разумная теорія всегда бываетъ плодотворна и въ практическомъ приложеніи, а разумная практическая дѣятельность, точность наблюденія, личный практическій опытъ, даютъ единственный надежный матеріалъ для правильныхъ выводовъ и теоріи.

Если мы перейдемъ теперь къ чисто нравственной дѣятельности, въ видѣ пособія, нравственной поддержки совѣтомъ и утѣшеніемъ, защитѣ и проч., то тутъ вліяніе декабристовъ въ Сибири является и еще въ болѣе очевидномъ и благопріятномъ свѣтѣ. Независимо отъ врачебнаго и всякаго другого рода пособія, отъ посѣщенія больныхъ и страждущихъ, декабристы являются защитниками народа противъ злоупотребленій администраціи двоякимъ дѣйствіямъ: или представительствомъ высшей администраціи, которая всегда могла смѣло положиться на добросовѣстное ихъ указаніе, или обуздывая низшую администрацію нравственнымъ своимъ вліяніемъ, такъ какъ были примѣры, что люди, самые закоренѣлые въ злоупотребленіяхъ, совѣстились передъ ними, когда боялись, что дѣйствія ихъ будутъ открыты. И вотъ, по такому нравственному значенію ихъ, они, внѣ всякаго оффиціальнаго званія или положенія, были во многихъ мѣстахъ настоящими мировыми посредниками и судьями, какъ бы оффиціально признанными самимъ главнымъ начальствомъ, и были, во всякомъ случаѣ, лучшими совѣтниками и покровителями народа и даже людей стоящихъ выше его.

Постепенное улучшеніе быта декабристовъ, жившихъ на поселеніи, выражалось нѣкоторыми милостями. Между прочимъ, вдовы умершихъ, лишенныя права возвращенія въ Россію (такъ, напримѣръ, отказано было въ этомъ Юшневской и Янтальцевой *), впослѣдствіи получили дозволеніе вернуться на попеченіе родныхъ (какъ Нарышкина, урожденная Коновницына, когда мужа ея перевели на Кавказъ). Дѣти, прижитыя до ссылки и оставленныя въ Россіи, поступали на попеченія родственниковъ другихъ людей, пожелавшихъ заняться ихъ воспитаніемъ (такъ, напримѣръ, сынъ Розена жилъ у полковника Волконскаго въ Тифлисѣ и отецъ, проѣзжавшій въ Бѣлые-Колодцы, не могъ видѣть его изъ боязни подвергнуть воспитателя отвѣтственности). Дѣти, прижитыя въ Сибири, должны были вступить въ сословіе заводскихъ крестьянъ, но въ 1842 году, государь, по случаю бракосочетанія государя наслѣдника, соизволилъ обратить высочайшее вниманіе на поступки женъ, послѣдовавшихъ въ заточеніе, и рѣшился, въ уваженіе ихъ, оказать свое милосердіе къ дѣтямъ ихъ, родившимся въ Сибири. Комитетъ, изыскивавшій средства привести въ исполненіе волю государя, положилъ: „По достиженіи дѣтьми узаконеннаго возраста, принять ихъ на воспитаніе въ одно изъ казенныхъ заведеній, для дворянскаго сословія учрежденныхъ, если отцы на то согласны будутъ; при выпускѣ же возвратить имъ права, утраченныя отцами ихъ, когда они поведеніемъ своимъ и успѣхами въ наукахъ окажутся того достойными, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишить ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именовать ихъ по отчеству“. Трубецкой далъ отвѣтъ, что дочерей онъ боится отдать, предполагая, что разлука съ матерью будетъ для нихъ смертельнымъ ударомъ. Въ 1845 году разрѣшено было женѣ Трубецкого проживать съ дѣтьми въ Иркутскѣ до излеченія ея отъ болѣзни, а мужу по временамъ пріѣзжать къ ней на свиданіе „съ дозволенія генералъ-губернатора Восточной Сибири, каковое дозволеніе давать ему съ должною осмотрительностью“. 19-го іюня 1845 года государь разрѣшилъ помѣстить въ учрежденный въ городѣ Иркутскѣ дѣвичій институтъ „двухъ внучекъ дѣйствительной тайной совѣтницы Лаваль, рожденныхъ въ Сибири отъ дочери ея, состоящей въ замужествѣ за находящимся на поселеніи въ Иркутской губерніи въ селѣ Оекъ государственнымъ преступникомъ Трубецкимъ“.

Восшествіе на престолъ государя императора Александра Николаевича ознаменовалось

*) Не смотря на сибирскіе морозы, доходящіе въ Читѣ до 35°, у Дм. Ир. въ домѣ не было зимнихъ рамъ на сѣверной сторонѣ, со всѣмъ тѣмъ тепло держалось до 16°. На всѣхъ окнахъ стояли цвѣты, а на полу кадки съ деревьями представили изъ комнатъ родъ оранжереи. Подробное описаніе всѣхъ чудесъ его хозяйства къ усовершенствованію породы скота, полеводству, огородничеству, цвѣтоводству, по устройству лечебныхъ пособій, которыми пользовались не только мѣстные, но и всѣ окрестные жители издалека, заняло бы слишкомъ много мѣста.

*) Послѣдняя прожила въ Ялуторовскѣ девять лѣтъ по смерти мужа въ 1846 г. Жена Юшневскаго не могла раздѣлить тюремной участи мужа.

въ сибирской исторіи государственныхъ преступниковъ, сосланныхъ за возмущеніе 14-го декабря 1825 года, всеобщимъ прощеніемъ ихъ, забвеніемъ прошедшаго и возвращеніемъ правъ потомственнаго дворянства и права возвращенія на родину, въ Россію. Низшимъ категоріямъ возвращены и титулы; изъ первой же категоріи только Тургеневу возвращены чины и ордена. Въ Сибири оставались только трое за неимѣніемъ средствъ къ выѣзду (Завалишинъ, М. Бестужевъ и Ив. Ив. Горбачевскій *). Многіе выѣхали въ разсчетѣ на помощь и содѣйствіе родныхъ. Другіе лишены были того и другого отъ корыстолюбивыхъ родственниковъ, воспользовавшихся ихъ достояніемъ; нѣкоторые принуждены были прибѣгнуть, по прежнему, къ личнымъ трудамъ и заботамъ. Между ними Андрей Быстрицкій не нашелъ въ живыхъ ни одного изъ родственниковъ и, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію, ходатайствовалъ о продолженіи ему того пособія, которымъ пользовался въ Сибири, то есть 15 десятинъ пахатной и луговой земли, 114 рублей деньгами и, сверхъ того, на одежду и паекъ отъ 18 до 30 рублей, сообразно существующимъ цѣнамъ на хлѣбъ (то есть всего деньгами отъ 132—142 рублей).

Исторія пребыванія въ Сибири государственныхъ преступниковъ, участвовавшихъ въ заговорѣ Петрашевскаго и сосланныхъ въ 1846 г., разсказана нѣкоторыми изъ самихъ ссыльныхъ по этому дѣлу. Ѳ. М. Достоевскій, о пребываніи своемъ и товарища его Дурова въ Омской арестантской ротѣ, разсказалъ въ „Мертвомъ Домѣ“, извѣстномъ всей читающей русской публикѣ. Ф. Г. Толь, о пребываніи своемъ на заводѣ Западной Сибири, написалъ „Записки о К..... заводѣ“ и помѣстилъ статьи въ журналѣ „Вѣкъ“ 1861 года. Ѳ. Н. Львовъ о житьѣ своемъ въ нерчинскихъ рудникахъ напечаталъ нѣсколько статей въ „Современникѣ“ (1861 г. № 9 и 1862 г. № 1).

ГЛАВА VIII.

ИСТОРІЯ КАТОРГИ.

Находка рудныхъ богатствъ.—Чужія работы.—Серебро.—Работы рудниковыя.—Исторія нерчинскихъ рудниковъ.—Побѣги рабочихъ.—Начальники: грекъ Левандіанъ, Суворовъ.—Самозванецъ Чернышевъ, дѣло объ немъ и послѣдующая судьба его.—Нарышкинъ.—Его безчисленныя чудачества и выходки.—Лекарь Томпловъ.—Купецъ Копосовъ.—Воинственный походъ Нарышкина—Взятіе имъ Верхнеудинска.—Воевода Тевяшовъ.—Нѣмцовъ.—Аршеневскій, Барботъ де-Марни, Черницынъ.—Народныя преданія о послѣднемъ.—Теодоръ Фришъ и его жена.—Тираны: Рычковъ, Аистовъ, Татариновъ.—Золотая лихорадка.—Добыча золота.—Богатства Нерчинскаго края.—Карійское золото.—Разгильдѣевъ.

I.

НЕРЧИНСКІЕ СЕРЕБРЯНЫЕ РУДНИКИ И ЗОЛОТЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Обскіе звѣроловы открыли старныя заброшенныя копи рудъ на Алтаѣ. Два брата тунгуса, въ 1601 году, нашли около р. Аргуни слѣды подобныхъ же работъ въ Нерчинскихъ горахъ.

По словамъ остяковъ направилъ свою горнозаводскую дѣятельность сынъ знаменитаго Никиты Демидыча, Акинфій Демидовъ; находка братьевъ тунгусовъ объявлена была въ посольствѣ Головина, пріѣхавшемъ за Байкалъ для переговоровъ съ китайцами о мирѣ.

У Демидова оказались черезъ десять лѣтъ (въ 1739 году) въ собственности два завода, 17 рудниковъ мѣдныхъ и 30 со свинцомъ и золотистымъ серебромъ (между прочими Воскресенскій, изъ котораго выплавлено первое русское серебро). Въ 1744 году Демидовъ выписанными изъ-за границы саксонскими мастерами добылъ 27 фунт. 18 золотн. серебра и отправилъ его въ Петербургъ.

Нерчинскія руды прямо попали въ казенныя руки, вѣдались нерчинскимъ воеводою (Мусинымъ-Пушкинымъ) и управлялись грекомъ Левандіаномъ. Въ 1700 году греки на рѣкѣ Алтачѣ выстроили Нерчинскій заводъ и въ 1704 году съумѣли выплавить и отправить въ Москву только 1 ф. 24 зол., къ 1711 году нерчинскаго серебра оказалось въ наличности только отъ 8 до 11 пудовъ въ то время, когда Демидовъ на Алтаѣ, черезъ тѣ же 11—12 лѣтъ, въ состояніи былъ представить въ Петербургъ 44 пуда 12 фун. чистаго серебра, изъ котораго отдѣлено было 12 фун. и 32 золот. золота.

*) Ив. Ив. Горбачевскій остался потому, что иркутскій чиновникъ воспользовался тѣми деньгами, которыя высланы были Горбачевскому по завѣщанію его умершаго брата, для устройства на поселеніи, а также и потому, что не хотѣлъ встать въ зависимое отъ другихъ положеніе.

Работами у Демидова завѣдывалъ нѣмецъ (бригадиръ) Беєръ съ Булгаковымъ. Работы въ Нерчинскомъ заводѣ производили тѣ же самые греки съ Левандіаномъ, которые съумѣли отозваться убыточностью производства на Алтаѣ и негодностью руды тамъ, гдѣ въ настоящее время добывается ежегодно свыше тысячи пудовъ серебра и больше ста пудовъ золота.

Путеводителями и указателями въ тѣхъ и другихъ мѣстахъ служили курганы и ямы, носившіе у русскихъ туземцовъ общее имя чудскихъ. Въ одномъ курганѣ на Алтаѣ (въ Змѣиногорскомъ рудникѣ) нашли цѣлаго Чудака, задавленнаго горною выработкою вмѣстѣ съ инструментами: кайломъ, похожимъ на нынѣшнее, но круглымъ и оканчивавшимся на подобіе выгнутаго долота. Инструменты были либо мѣдные, либо каменные. При этомъ мѣдь оказалась отличной чистоты; въ кожаномъ мѣшкѣ древняго доисторическаго рудокопа сохранились богатѣйшія охры. При очисткѣ одной такой же древней копи попались двѣ мѣдныя гири съ руническимъ письмомъ и нѣсколько сотъ пудовъ серебряной руды, закрытой землянымъ пластомъ толщиною въ аршинъ.

Тѣ же верховыя горныя выработки на подобіе ямъ или каменоломенъ (не глубже 5 саженъ), извѣстныя у сибиряковъ подъ общимъ именемъ „чудскихъ разносовъ", указывали на сокровища Нерчинскихъ горъ и вели по руднымъ признакамъ (землистой мѣдной лазури) къ необходимости устройства фабричныхъ заводовъ на слѣдахъ чудскихъ работъ, называемыхъ култукскими (по имени горы). Отсюда добывались нерчинскія руды и свозились на двѣ фабрики Нерчинскаго завода, устроенныя въ 1721 году вмѣсто пятичетвертовыхъ очковыхъ печей. Въ 1747 году такихъ рудниковъ имѣлось уже 6; между 1747 и 1765 присоединились еще 5, къ 1777 году открыто новыхъ 4, къ 1801 году еще 4; въ 1834 считалось всего 12 рудниковъ. Въ 1792 году при нихъ было уже 8 заводовъ. Въ 1740 году открыты были Агинскіе мѣдные пріиски, потомъ ртутные и сѣрные, затѣмъ оловянные и, наконецъ, съ 1850 г., въ три года, золотоносныя розсыпи въ урочищахъ по рѣкамъ Куенгѣ и Курлычѣ,(на лѣвомъ берегу р. Шилки въ Гурбанишвирской долинѣ.

Въ горныхъ покатяхъ и отрогахъ, отдѣляющихся отъ главнаго хребта и достигающихъ одинаковой съ нимъ высоты, гранитъ поднялъ на себѣ и выдвинулъ известковыя скалы. Пространство, находящееся между гранитомъ и известнякомъ, заполнилось въ трещинахъ рудами оловянно-серебряными. Жилы съ такимъ осадкомъ представляютъ тотъ основной пунктъ, отъ котораго тянутся въ различныхъ направленіяхъ другія жилы. По такимъ жиламъ—дорогамъ—доходятъ до рудныхъ залежей, нагроможденныхъ въ одномъ мѣстѣ значительною массою. Серебро, обыкновенно, находится въ рудѣ оловянной, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ желѣзной руды; но встрѣчается также и въ желѣзной рудѣ, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ олова. Послѣдняя порода жилъ принадлежитъ къ мало-процентнымъ, потому что такую жилу труднѣе добыть изъ скалы и труднѣе, чѣмъ изъ первыхъ, отдѣлять серебро. Слѣды оловянно-серебряныхъ рудъ въ верхнихъ пластахъ земли попадаются очень часто; присутствіе сереброносныхъ рудъ открывается очень часто при пробитіи шахтъ и прорытіи штоленъ въ горахъ. Какъ только попадали на такую жилу, тотчасъ закладывали рудникъ, не справляляясь ни съ направленіемъ, ни съ благодарностью жилъ; оттого въ Нерчинскихъ горахъ оказалось ихъ тамъ много (до 40) и между ними напрасная трата времени, капиталовъ и тяжелаго людского труда приспособлена была къ такимъ рудникамъ, въ которыхъ работы существовать могли одинъ только годъ.

Самою богатою рудою считается кристаллизированная, прозрачная и безцвѣтная, но на такія руды въ нерчинскихъ рудникахъ попадаютъ рѣдко; чаще нерчинская серебряная руда встрѣчается въ смѣси большого количества олова и плавится легко. Руда, соединенная съ охрою, имѣетъ кровянисто-желтый цвѣтъ и заключаетъ въ себѣ немного олова и еще меньше серебра. Кромѣ этихъ, руды оловянно-серебряныя попадаются еще въ смѣсяхъ съ сѣрою, съ желѣзомъ, кварцомъ и мышьякомъ.

Выкопанныя и добытыя изъ рудника руды сортируются. Крестьяне и женщины, всѣ физически слабые, толкутъ и разбиваютъ руды молотками. Пустыя породы, какъ кварцъ, бросаютъ прочь, а освобожденныя руды ссыпаютъ въ кучи. Убогія руды превращаются въ порошокъ въ толчеяхъ, потомъ провѣваются сквозь сита и перевозятся въ жолоба, гдѣ вода отдѣляетъ и уноситъ обыкновенныя и легчайшія части, не содержащія въ себѣ металла, и, кромѣ того, увеличиваетъ въ рудѣ пропорцію серебра. Сѣрно-оловянныя руды не подвергаются промывкѣ, но сушатся на огнѣ въ большихъ кучахъ.

Приготовленныя такимъ образомъ, руды свозятся, въ заводы, каковыхъ выстроено было въ Нерчинскихъ горахъ 8 *). Въ заводахъ руды

*) Кромѣ Большого нерчинскаго (давно уже не дѣйствующаго), построеннаго въ 1704 г., были слѣдующіе заводы: на рѣкѣ Кулукчѣ, въ 40 верстахъ отъ Большого, въ 1760 Кулукчинскій, названный потомъ Борзинскимъ и, наконецъ, Дучарскимъ; въ 1764—Кутомарскій, въ 1769—Шилкинскій; въ 1776 ниже Кутомарскаго Екатерининскій, первый водо-дѣйствующій; въ 1778—Газимурскій; всѣ 7 казенные. Въ 1816 году пріобрѣтенъ въ казну и Воздвиженскій заводъ на сляніи рѣки Записанной съ Аргунью, выстроенный въ 1776 г. частнымъ заводчикомъ Сибиряковымъ.

ссыпаются слоями, пересыпаемыми мелкимъ просѣяннымъ углемъ въ печи, называемыя шахтовыми, сложенныя въ одинаковыхъ размѣрахъ изъ кирпича. Такихъ печей на заводѣ бываетъ по нѣсколько (въ Кутомарскомъ, напр., ихъ было до 16-ти). Каждая печь обладаетъ собственными свойствами, причинъ которыхъ выслѣдить невозможно, но каковыя знаетъ только работникъ, всегда работающій при одной печи: иныя печи скорѣе плавятъ руду, если въ нихъ разомъ насыплятъ много руды и угля въ меньшомъ количествѣ. Шахтовыя печи имѣютъ въ вышину двѣ сажени и наверху отверстіе. На одной изъ стѣнъ внутрь идетъ одно, а въ боковой стѣнѣ два отверстія одно надъ другимъ; нижнее во время плавки залѣпляется. Отъ стѣны передней насыпаютъ руду и уголь, отъ задней насыпаютъ самый уголь. Ссыпаютъ въ печь руду не одной породы, но взятой изъ разныхъ мѣстъ, и главная заслуга мастера заключается въ томъ, чтобы умѣть смѣшать руды такъ, чтобы онѣ легко плавились. Мѣхъ, воспламеняющій и увеличивающій печной огонь, двигается либо водянымъ, либо коннымъ приводомъ. Когда уже руда расплавится и придетъ въ жидкое состояніе, олово и серебро, какъ вещества тяжелѣйшія, сквозь всѣ слои угля сплываютъ на низъ, а шлакъ или окалина, черезъ верхнее отверствіе выплываетъ изъ печи. Два раза на день нижнее отверствіе пробиваютъ и выпускаютъ черезъ него олово въ формы, сдѣланныя изъ земли. Шахтовая печь, разъ затопленная, не остуживается до тѣхъ поръ, пока не испортится, что обыкновенно бываетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сообразно тому, сколько вытекаетъ окалины и олова, всыпаютъ въ печь въ то же время угля и руды.

Отдѣленіе серебра отъ олова производится въ плавиленныхъ печахъ, сложенныхъ куполомъ и обмазанныхъ внутри огнеупорною глиною; съ боковъ печи имѣютъ нѣсколько отверстій, въ самой же серединѣ печи находится прямоугольная впадина, глубиною въ $1^1/_2$ дюйма; средняя величина печи бываетъ 2 сажени. Тутъ же, сбоку плавиленной печи, находится обыкновенная печь, въ которой безпрестанно горятъ дрова; мѣхи же гонятъ изъ нее въ первую печь воздухъ и пламя, которыя въ ней неустанно, какъ въ аду, кружатся и представляютъ эффектное зрѣлище.

Олово, добытое въ значительномъ числѣ въ шахтовыхъ печахъ, кладется въ плавиленную и на него обращаютъ пламя. Олово растопляется скоро и жидкая масса его не скоро окисляется (т. е. соединяется съ кислородомъ воздуха), а такъ какъ недокись олова есть проба легчайшая, то уносится вверхъ черезъ небольшой желобокъ, твердѣя въ главныхъ дверцахъ, и всплываетъ при помощи людей. Люди его вытаскиваютъ и переносятъ въ маленькою печку, имѣющую едва кубическій аршинъ, плотно закрытую и наполненную горячими угольями; здѣсь недокись олова окисляется и затѣмъ уже получается чистое олово въ отвердѣломъ видѣ. Операція окисленія совершается въ плавиленной печи въ 3 либо 4 дня. Серебро, которое трудно соединяется съ воздухомъ, упадаетъ на низъ и осѣдаетъ во впадинѣ, о которой упомянуто выше. Признакомъ окисленія олова служитъ очень сильный блескъ серебра; когда уже олово совсѣмъ окислится и серебро получитъ чрезвычайный блескъ, гасятъ огонь и вливаютъ въ печь воды для скорѣйшаго охлажденія, а изъ впадины выдергиваютъ серебряную бляху, которая называется бликомъ. Каждый бликъ имѣетъ наверху различной величины пузырьки, изъ которыхъ, когда они лопнутъ, выливается серебро. При свободномъ охлажденіи печи бликъ встряхивается и видно, какъ на его поверхности появляются пузырьки. Въ серебрѣ попадаются частицы золота, которое выдѣляютъ уже въ Петербургѣ.

Къ этимъ-то печамъ, наполненнымъ бѣлокалильнымъ жаромъ, въ эти-то штольни, идущія по направленію серебряныхъ жилъ, на яркій жаръ заводовъ и въ темный сумракъ рудниковъ начали посылать съ 1721 года преступниковъ изъ Россіи, приговоренныхъ въ каторжныя работы. 10 февраля 1722 года именной указъ, объявленный черезъ сенатъ, велѣлъ освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначенныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальніе города, „послать и впредь таковыхъ посылать съ женами и дѣтьми въ Дауры на серебряные заводы“. До 1712 года правильной ссылки въ рудники не было и всѣ работы производились приписными крестьянами, переселенными изъ разныхъ мѣстъ Сибири въ видѣ рекрутъ *). Такъ, между прочимъ, при нерчинскихъ рудникахъ, въ 1708 году, водворены были 104 человѣка крестьянъ съ рѣки Енисея. въ 1722 году 900 семей изъ разныхъ сибирскихъ губерній. Въ 1759 году такихъ заводскихъ рабочихъ считалось уже 2.132 души, число которыхъ снова увеличено 3.398 душами. переселенными изъ Томскаго, Енисейскаго, Иркутскаго и другихъ уѣздовъ и нѣкоторыхъ сибирскихъ городовъ, не положенныхъ въ подушный окладъ и показанныхъ подъ именемъ посадскихъ и цѣховыхъ, а также не занимавшихся торгами и промыслами. Тогда же отъ нерчинской канцеляріи приписаны къ заводамъ Удинская слобода и Аргунскій острогъ со всѣми жителями. Мастеровые изъ Екатеринбурга, въ видѣ рекрутовъ, дополнили число опытныхъ, знающихъ горное дѣло рабочихъ. Въ 1833 году число приписныхъ крестьянъ считалось уже

*) Ссылка на Колывано-Воскресенскіе (т. е. Алтайскіе заводы) прекращена въ 1762 году (сенатскимъ указомъ 22 января).

17.709 душъ мужского пола; сверхъ того, 4.124 каторжныхъ мужчинъ и женщинъ въ работахъ, 220 дѣтей въ счетѣ будущаго, 900 рабочихъ находилось на своемъ пропитаніи (изъ нихъ дѣтей 221), во временномъ увольненіи 116 (при нихъ дѣтей 8) и дряхлыхъ 96. Къ 1777 году выплавливали серебро отъ 500 до 600 пудовъ (изъ 300 т. руды отъ 35 до 200 пудовъ *).

Новоприбылые рабочіе крестьяне обязаны были рубить куренные дрова, разламывать кучи и возить изъ куреней на заводы уголь, рубить дрова для обжиганія флюсовъ, возить съ рудниковъ добытую готовую руду на заводы, также пески и всякіе флюсы, потребные къ выплавкѣ рудъ, дѣлать и починять плотины, поврежденныя наводненіемъ или пожаромъ. На рубку дровъ назначено было время съ 15 февраля по 20 апрѣля. Подъ опасеніемъ пени запрещалось употреблять крестьянъ въ другія работы, но запрещеніе это осталось на бумагѣ. Тяготя состояла не въ этомъ и не въ томъ, что, для противодѣйствія пьянству, запрещено было имѣть въ сибирскихъ заводахъ винные и пивные заводы и самую продажу производили только по праздникамъ,—нравственная тяжесть состояла въ томъ, что заводскіе крестьяне обязаны были работами вѣчными, безъ отдыха и награды и, освобожденные отъ подушнаго, они все-таки обязаны были предоставлять и дѣтей своихъ въ распоряженіе заводовъ. Рабочіе побѣжали вонъ, начали дѣлать мелкіе проступки неповиновенія. Пробовали раздѣлить заводскіе селенія на кварталы и учредить перемѣнные денные и ночные караулы; построены были будки и сдѣланы при въѣздахъ въ селенія рогатки. Предполагали со временемъ окружить всѣ селенія рвами и обставить такими же рогатками, но бѣды не отвратили нисколько. Сталъ извѣстенъ начальству всякій новоприбылой, но не только не пресѣклись разныя злоумышленія развратниковъ, старавшихся склонить заводскихъ и горныхъ людей къ преступпленіямъ и побѣгамъ, но и въ самыхъ селеніяхъ не было ни благоустройства, ни безопасности. У воротъ въ сторожахъ сѣли старики, еще находившіеся въ силахъ и, во всякомъ случаѣ, свой братъ. Прибѣгали ко всевозможнымъ крутымъ мѣрамъ, но заводскіе—противъ собственной вины—устояли на своемъ правѣ, отбились отъ рукъ и архивныя дѣла вскорѣ начинаютъ ясно убѣждать въ томъ, что о людяхъ перестали думать. Начальство преусердно занялось рудами на видъ, на славу и удовольствіе высшихъ начальствъ и на приращеніе собственныхъ дырявыхъ кармановъ.

Въ тоже время подлѣ источниковъ богатствъ, обокъ съ рудниками, выстроились селенія; такимъ образомъ, сталось такъ, что тамъ, откуда бѣжали даже кочевники, какъ случалось на Алтаѣ и въ Яблоновомъ хребтѣ, новые люди съ готовностью и изумительною быстротою выстроили новыя, постоянныя и прочныя жилища.

Горныя начальства разработывали старыя руды, пріискивали новыя, распространяли развѣдки въ дѣйствующихъ рудникахъ, пріобрѣтали новые руды. Нашедшій руду имѣлъ право на полученіе (но не всегда получалъ) по полушкѣ съ пуда или по серебряному рублю съ каждаго фунта выплавленнаго серебра. За каждый пудъ полученныхъ изъ рудъ: ртути по 5 руб., олова по 1 руб., мѣди по 1 руб., свинца по 50 коп. и желѣза по 15 коп. асс. По 2 р. 50 к. асс. съ фунта положено было за выплавки чистаго золота до тѣхъ поръ, пока весь рудникъ не будетъ выработанъ. За открытіе пріиска или рудника ближе 500 саженъ отъ начальныхъ работъ дѣйствующаго рудника установлено было единовременное вознагражденіе, смотря по благонадежности мѣстонахожденія. Начальство посылало за поискомъ рудъ и нарочныя команды, принимало и готовыя отъ разныхъ рудоконовъ съ товарищами; тратило большія деньги на покупку хлѣба для рабочихъ и оставило въ архивахъ множество дѣлъ, трактующихъ объ недостаткѣ хлѣба у того или другого пристава, въ томъ или другомъ мѣстѣ. Мѣстные неурожаи, иногда по нѣскольку лѣтъ сряду, увеличивали бѣдствія голодовокъ и наполняли тяжелыми разсказами первыя страницы исторіи нерчинскихъ заводовъ: то выпустятъ ссыльныхъ на поруки, то служащимъ лицамъ уменьшатъ пропорцію провіанта до половины, холостымъ до 1 пуда, женатымъ до 1½ пуда въ мѣсяцъ. Тянулась длинная война съ рабочими по вызову побѣговъ со стороны послѣднихъ безъ уступокъ и перемирій *). За-

*) Въ нерчинскомъ заводѣ 446 муж. и 7 жен.; при кожевенной фабрикѣ, въ 17 верстахъ отъ завода, построенной на р. Аргуни въ 1789 г., ссыльныхъ рабочихъ 21; при суконной фабрикѣ въ томъ же селеніи, гдѣ и заводъ, устроенной въ 1832 г. и выдѣлывавшей шерстяную пестрядь или сукманину—14 муж. и 21 жен.; въ Дучарскомъ заводѣ (въ 40 верстахъ отъ Нерчинскаго, въ 30 отъ Калтумы, основ. въ 1760 г.) 279 м. и 1 ж.; въ Кутомарскомъ (1764 г.), въ 70 вер. отъ Нерчинскаго и въ 3 отъ Екатер. зав., 330 м. и 3 ж.; въ Газимурскомъ (1778 г.), 107 в. отъ Нерчин., 58 м. и 1 ж.; въ Александровскомъ (1792 г.) 120 м. и 1 ж.; въ Шилкинскомъ (1769 г., въ 170 в. отъ Нерчинска) 125 м. и 1 ж. По рудникамъ работало ссыльныхъ 1.931 м. и 28 ж.; на Воздвиженской дистанціи 373 м. и 7 ж., на Благодатской 165 м. и 2 ж., на Зерентуйской 255 м. и 4 ж., на Михайловской 51 м. и 1 ж., на Кадаинской 113 м. и 4 ж., на Кличинской мастеровыхъ и ссыльныхъ 363, на Алгачинской 238 м. и 2 ж., на Газимурской дистанціи 297 м. и 4 ж., Кулгуминской 41 м. и 4 ж., Шилкинской 18 м., на Ононскихъ оловянныхъ пріискахъ 2 м.

*) Высылали и 50 человѣкъ тунгусскихъ казаковъ для поимки бѣглыхъ, учреждали и цѣлый полкъ (Селенгинскій), между прочимъ, для той же

тѣвалась изрѣдка борба со своими по поводу тайной хищнической выплавки казенной руды (такъ, напр., писецъ Юренскій тайно плавилъ богатыя руды при Кутомарскомъ заводѣ). Слышатся непрестанныя жалобы на падежъ скота и, преимущественно, лошадей, истомленныхъ заводскими работами, не пользовавшимися еще въ тѣ времена приспособленіемъ водяныхъ машинъ. Начальство хлопотало о постройкѣ церквей при заводахъ, о засѣвахъ овса и конопли и о защитѣ заводскихъ работъ пушками отъ набѣговъ воровъ съ китайской стороны**), прилагало стараніе и о пресѣченіи появившейся между крестьянами французской болѣзни, но, въ то же время, о наборѣ рекрутъ, о взысканіи съ крестьянъ, не бывшихъ у исповѣди, штрафныхъ денегъ; дѣла усложнялись, положеніе заводовъ ухудшалось. Пробовали освобождать колодниковъ на поручительство „по малоимѣнію хлѣба"—отчасти облегчали ихъ участь, какъ будто давали имъ возможность набираться силами, но казенные заводы на казенныхъ рукахъ съ обязательными подневольными работниками не улучшались, съ того самаго времени, какъ управлялъ ими грекъ Левандіанъ. Пробовали пересаживаться по способу крыловскаго квартета, но и этимъ не достигли цѣли во всѣ времена, и когда съ 1700 г. управлялъ нерчинскими (тогда назвавшимися аргунскими) заводами рудный приказъ, съ 1711 г.—иркутское начальство, и когда съ 1115—1719 г. опять рудный приказъ, съ 1719 г. государственная бергъ-коллегія, съ 1736 г. бергъ-директоріумъ, а съ 1742 г. опять бергъ-коллегія; въ дѣлахъ заводскихъ былъ полный неуспѣхъ, они текли медленно, заводы упали.

цѣли; выслали изъ Россіи и мещеряцкихъ казаковъ. Тунгусскіе казаки явились въ своемъ національномъ платья изъ козлиныхъ кожъ съ луками, стрѣлами и при сабляхъ, но ссыльныхъ не испугали и дороги имъ въ лѣсъ не преградили.

**) Въ 1759 году рекомендовалось нерчинскимъ заводомъ предосторожность; въ 1765 году прикомандирована была гарнизонная рота для охраненія заводовъ отъ китайцевъ и непріятельскихъ набѣговъ. Впрочемъ, опасливость была излишная и напрасная съ той поры, когда Головинъ, нерчинскимъ трактатомъ, прекратилъ несогласія съ Китаемъ, а ссыльный гетманъ Демьянъ Многогрѣшный разбилъ бурятъ на голову и застращалъ ихъ до вѣчнаго подданства. Несогласія позднѣйшія вызывали мелкіе набѣги и стычки со стороны мѣстныхъ жителей, вытѣсненныхъ съ култунскихъ копей (вблизи Большого нерчинскаго завода). Судя по оставленнымъ ими плавиленнымъ печамъ, монголы знали цѣну нерчинскому серебру и унесли въ степь за Аргунь живыя преданія о серебряныхъ добродѣтеляхъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи побаивались и венгерцовъ, явившихся со своими завѣтными и извѣстными на всю Русь ящиками съ контрабандными товарами и лекарствами; велѣли имѣть осторожность и отъ поляковъ, пріѣзжавшихъ въ той же обстановкѣ пѣшо-бродячей торговли. Въ томъ и другомъ случаѣ боязнь имѣла характеръ политической предосторожности на случай государственныхъ измѣнъ и возмущеній.

Въ 1761 году опредѣленъ былъ на заводы командиръ, генералъ-маіоръ Вас. Иван. Суворовъ, снабженный особою инструкціею сената, отъ котораго онъ единственно и зависѣлъ. Инструкція эта давала полную свободу его дѣйствіямъ и затрудненія могли быть имъ скоро разрѣшаемы. 12 лѣтъ управлялъ онъ заводами и успѣлъ ихъ оживить и улучшить. Онъ былъ независимъ отъ губернатора, имѣлъ право производить въ чины до капитана, награждать и наказывать чиновниковъ. Такая обширная власть, по причинѣ большого удаленія отъ столицы, легко могла быть употребляема во зло, но Суворовъ воспользовался ею въ той мѣрѣ, что остановилъ злоупотребленія горныхъ чиновниковъ и достигъ выработки серебра до 240 центнеровъ. При немъ возросло число рудниковъ; построены три самыхъ главныхъ и большихъ завода: Дучарскій, Кутомарскій и Шилкинскій; найдены новые пріиски: Калчинскій, Воздвиженскій, Шилкинскій, Екатерининскій, Тайнинскій. Частный предприниматель купецъ Сибиряковъ, жившій въ Нерчинскѣ, въ значительной степени развилъ производство, пріобрѣтя себѣ нѣсколько рудныхъ мѣсторожденій. Въ 1774 году открыты были имъ рудные пріиски и построенъ заводъ, названный Воздвиженскимъ. По заключенному съ бергъ-коллегіею договору, онъ имѣлъ на пріиски право собственности; работалъ на Михайловскомъ, Кильгинскомъ, Воздаянскомъ, Покровскомъ, Цаганъ-Зеренскомъ и друг. У Суворова онъ пользовался защитою и покровительствомъ *). Въ Нерчинскомъ краѣ, въ соотвѣтствіе алтайскому Демидову, Сибиряковъ въ то время былъ единственнымъ и дѣятельнымъ эксплуататоромъ рудныхъ богатствъ.

При командирѣ заводовъ Суворовѣ однообразная дѣловая жизнь горныхъ заводовъ подцвѣчена однимъ событіемъ, выходившимъ изъ ряда обыкновенныхъ, и притомъ вскорѣ по его пріѣздѣ за Байкалъ, а именно въ 1763 году.

*) Въ 1816 году какъ заводы, такъ и рудники съ пріисками куплены у наслѣдниковъ Сибирякова въ казну. На все имѣніе до этого времени наложенъ былъ секвестръ

II.

САМОЗВАНЕЦЪ ПЕТРЪ III.

Въ 1763 году въ нерчинскіе заводы прибылъ, въ партіи арестантовъ, солдатъ Петръ Чернышевъ. Колодникъ этотъ, подъ темнымъ именемъ секретнаго арестанта, заключенъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Никто, конечно, не зналъ его прошедшаго, а въ настоящемъ видѣли въ немъ только такого колодника, который требовалъ болѣе или менѣе осторожнаго и бдительнаго надзора. Употребляемый днемъ въ рудниковыя работы, наравнѣ съ другими, на ночь онъ отводимъ былъ въ особый, такъ называемый секретный казематъ, гдѣ его и запирали. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступали съ нимъ въ первое время по прибытіи въ заводы. Однако, не смотря на всю бдительность надзора, Чернышевъ успѣлъ завести знакомства не только съ соузниками (что было, конечно, весьма легко), но и съ людьми посторонними—крестьянами. Изъ этихъ знакомствъ болѣе интересное свелъ онъ съ Иваномъ Серебрянниковымъ, крестьяниномъ Уровской сотни, деревни Лежанкиной. Крестьянинъ этотъ въ великомъ посту пріѣзжалъ въ Дучарскій заводъ крестить сына и, для принятія новорожденнаго отъ купели, звалъ въ крестные отцы многихъ заводскихъ служителей, но всѣ они, за неимѣніемъ денегъ, отъ предложенной чести отказались. Серебряниковъ, вѣрный завѣтному прадѣдовскому обычаю, пошелъ по заводу искать въ кумовья перваго встрѣчнаго. Такимъ, по его словамъ, на его глаза показался солдатъ, стоявшій въ то время у заводской тюрьмы, съ двумя арестантами, изъ которыхъ Серебряниковъ не зналъ ни одного. Не зналъ онъ и солдата (Василія Шорохова), но, тѣмъ не менѣе, поспѣшилъ пригласить его въ кумовья; солдатъ, однако, отказался, хотя указалъ на одного изъ стоявшихъ съ нимъ арестантовъ, промолвивъ: „Зови-де вотъ Петра Чернышева“. Чернышевъ согласился; солдатъ Шороховъ привелъ его въ домъ къ священнику Павлу Федорову. Тамъ младенца окрестили; знакомство скрѣплено родствомъ и Серебряниковъ недѣли черезъ три-четыре, въ первый день Пасхи, послѣ заутрени, придя въ заводъ и къ тюремному острогу, сквозь тынъ передавалъ уже своему куму Чернышеву десятокъ яицъ и, пользуясь отсутствіемъ часового, говорилъ ему:

— Если тебѣ намѣреніе будетъ бѣжать, то ты иди прямо ко мнѣ. Я тебя на дорогу хлѣбомъ не оставлю, только ты меня не оговаривай.

Воспользовавшись приглашеніемъ кума, Чернышевъ изъ тюрьмы бѣжалъ, но вскорѣ былъ пойманъ. Для поимки его посланы были во всѣ нерчинскія команды строгіе приказы, съ предписаніемъ о возможно скорыхъ розыскахъ, арестантъ-де опасный, секретный. При этомъ бывшій въ дучарской канцеляріи первымъ присутствующимъ оберъ-бергмейстеръ Лодыгинъ высказался вслухъ очень многимъ тутъ бывшимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если бы кто онаго Чернышева сыскалъ и, не убивъ до смерти, представилъ, то бы я того человѣка наградилъ деньгами и прямой тотъ человѣкъ сынъ Божій“. Словами этими особенно заинтересовался ссыльный распопъ Левъ Евдокимовъ, который былъ опредѣленъ при томъ же заводѣ къ обученію служительскихъ дѣтей къ грамотѣ.

Вмѣшательство Евдокимова имѣло на дѣло крупное вліяніе, повернуло его на настоящую дорогу. Евдокимовъ въ подобныхъ дѣлахъ не новичекъ: онъ уже въ Россіи подчинялъ свою судьбу судьбѣ другого самозванца, бѣглаго солдата ландъ-милиціоннаго полка Кремнева. Обстоятельство это вынуждаетъ возвратиться нѣсколько назадъ.

Когда Кремневу удалось подобрать на Дону свиту, увѣрить по пути многихъ, „что рекрутъ и подушныхъ денегъ 12 лѣтъ брано не будетъ и винное куреніе будетъ вольное“, когда съ такими обнадеженіями явился онъ и въ Усманскій уѣздъ въ однодворческое село Приголоку, а потомъ въ село Новосолдатское, здѣсь мѣстный священникъ Левъ Евдокимовъ, въ числѣ первыхъ, повѣрилъ неграмотному солдату. Повѣрилъ онъ, какъ сказано въ указѣ, „безъ всякаго затрудненія паче первыхъ (т. е. выборнаго и десятскаго) по распутной и пьянственной жизни своей не только самъ, но всѣхъ еще вообще, хотя весьма ложными и совсѣмъ вѣроятія недостойными и развращенными доказательствами подкрѣпилъ и увѣрилъ“ *).

Дѣло (по словамъ указа) происходило такъ. Евдокимовъ пришелъ въ избу, гдѣ находился Кремневъ. Кремневъ говорилъ ему:

— Попъ, поминай государя Петра Ѳеодоровича!

— Дай Богъ ему здравствовать!—отвѣтилъ попъ и потомъ спросилъ:

*) При этомъ нельзя не замѣтить того важнаго обстоятельства, что и разглашенію Чернышева о себѣ, какъ объ императорѣ, помогалъ также второй священникъ Иваницкій и первыми повѣрили также лица духовнаго званія.

— Гдѣ онъ обрѣтается?

— Онъ подлѣ тебя сидитъ!—не задумавшись отвѣтилъ Кремневъ.

Евдокимовъ, при послѣднихъ словахъ, всталъ съ лавки и поклонился. Кремневъ снялъ со стѣны крестъ и велѣлъ Евдокимову цѣловать его, а равно руку и ногу. Левъ безпрекословно повиновался, а затѣмъ пѣлъ молебенъ о здравіи государя, поминалъ его на ектеніяхъ и на многолѣтіи и потомъ разсказывалъ всѣмъ своимъ прихожанамъ, что когда онъ былъ еще въ Петербургѣ дворцовымъ пѣвчимъ, то знавалъ императора маленькаго и нашивалъ его на рукахъ.

Увѣреніямъ священника изъ прихожанъ поддались до того, что стали приходить къ Кремневу, цѣловали у него руки и ноги и называли его императоромъ. Первыми поддались увѣреніямъ Евдокимова однодворецъ села Новосолдатскаго Осипъ Ѳедюнинъ, дьяконъ того же села Максимъ Игнатьевъ и дьяконъ Василій Ѳедоровъ, случайно пріѣхавшій въ село на то время, когда уже около избы Кремнева стояла толпа довѣрчиваго народа.

Толпа эта была велика. Въ ней, кромѣ мѣстныхъ крестьянъ, находилось весьма много и такихъ, которые пришли изъ окрестныхъ селъ и деревень. Были тутъ и крестьяне, были и отставные солдаты и, наконецъ, даже лица духовнаго званія. Между крестьянами или (какъ сказано въ указѣ) однодворцами рѣзче другихъ выдавались пять выборныхъ, два десятскихъ. Изъ отставныхъ солдатъ отмѣчены указомъ три сержанта, вахмистръ, два капрала, фурьеръ, подпрапорщикъ и даже одинъ поручикъ (также отставной). Изъ лицъ духовнаго званія завинены въ сочувствіи къ дѣлу Кремнева три попа, три дьякона, трое поповыхъ дѣтей, два церковника, дьячекъ. Сверхъ того, оказались причастными къ дѣлу двое цыганъ и одинъ воронежскій купецъ.

Примѣтная цифра лицъ духовнаго званія давала право заключить положительнымъ образомъ, что всѣ они привлечены были къ самозванцу разглашеніями Льва Евдокимова, который дѣйствовалъ на нихъ не только личнымъ участьемъ, но и черезъ посредство жены своей и жены однодворца Уколова *).

Къ собранной, такимъ образомъ, около квартиры Кремнева толпѣ вышелъ прежде всѣхъ одинъ изъ крестьянъ, прибывшихъ въ село Новосолдатское вмѣстѣ съ самозванцемъ. Выйдя къ народу, крестьянинъ этотъ закричалъ толпѣ: „Становись на колѣни"! Всѣ повиновались. Затѣмъ вышелъ изъ избы самъ Кремневъ, держа въ рукѣ крестъ. Всѣ, такимъ образомъ, цѣловали этотъ крестъ, цѣловали у Кремнева руку и потомъ ногу, не исключая поповъ, отставныхъ солдатъ, поручика Саввы Романова и женщинъ. Всѣ они были искренни въ своихъ движеніяхъ, исключая подпрапорщика Алексѣя Внукова, который, „хотя, по увѣренію распопа Льва, у самозванца руку вообще между множества народа и цѣловалъ", однако, въ то же время попу Евдокимову упомянулъ, что государь Петръ III умеръ, а выборному, изъ однодворцевъ совѣтовалъ послать нарочнаго, чтобы оповѣстить обо всемъ случившемся воеводу. Церковникъ Филиппъ Петровъ имѣлъ намѣреніе „испросить у самозванца паспортъ и не болѣе только, какъ посмотря самозванцу въ рожу, ушелъ въ домъ свой".

Устойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и самостоятельнѣе въ личныхъ убѣжденіяхъ передъ всѣми другими былъ все-таки Левъ Евдокимовъ. Когда изъ Воронежа, для поимки самозванца, прислана была воеводою Елинымъ гусарская команда и пріѣхалъ потомъ самъ воевода, Евдокимовъ не только самозванца не отдалъ, но и народу приказывалъ не выдавать. Дѣятельными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были поповы сыновья, изъ которыхъ Иванъ Ѳоминъ (послѣ того, какъ воевода собственноручно связалъ Кремнева) говорилъ самозванцу:

— Если бы я тогда былъ, какъ тебя воевода вязалъ, то я бы пятьдесятъ человѣкъ положилъ.

И затѣмъ не отставалъ онъ отъ самозванца до тѣхъ поръ, пока его взяли подъ караулъ. Точно такимъ же образомъ не покидалъ Кремнева и другой поповъ сынъ—Акимъ Поповъ. Онъ успѣлъ тайно уйти съ нимъ на другой дворъ, гдѣ обулъ его въ лапти.

Меньшее участье къ судьбѣ Кремнева (послѣ того, какъ онъ потерялъ свое дѣло) оказали отставные: четверо изъ нихъ „хотя къ отдачѣ онаго Кремнева и не способствовали, однако, совѣтовали другимъ, чтобы его отвести въ губернскую канцелярію" *). Отставной же капралъ Василій Пальчиковъ, не оказавъ никакого сопротивленія при арестованіи самозванца, согласился отвезти его въ Воронежъ, когда на другой день выборный сдѣлалъ ему это предложеніе („препозицію"—какъ сказано въ указѣ). Выборный Семенъ Черный, когда пришла команда, Кремнева не только не выдалъ, но и взятый у офицера приказъ держалъ у себя, а выйдя потомъ къ народу, выговорилъ, что онъ за Кремнева кровь прольетъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣло самозванца было проиграно, онъ скованнымъ былъ отвезенъ въ Воронежъ. За нимъ послѣдовали туда же и подъ караулъ всѣ его сообщники, въ числѣ 69 человѣкъ. Указъ Екатерины рѣшилъ освободить

*) Уколова дала самозванцу шубу и потомъ ѣздила съ попадьею въ другое село для разглашенія.

*) Одинъ изъ нихъ, Тибекинъ, былъ въ числѣ другихъ, разглашавшихъ о томъ, что въ селѣ между ними находится императоръ.

Кремнева отъ смертной казни, но повелѣлъ: „Въ страхъ другимъ такого отчаяннаго свойства людямъ, во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ показанныя ложныя разглашенія чинилъ, при собраніи народа, который ему безразсудно повиновался и легкомысленно вѣрилъ, сѣчь кнутомъ въ каждомъ селѣ по нѣскольку ударовъ. Въ обличеніе же явнаго его злодѣйства, привязать на грудь доску, съ надписью большими словами: Бѣглецъ и самозванецъ! а въ послѣднемъ селѣ, по наказаніи, выжечь на лбу Б и С и потомъ послать въ Нерчинскъ въ вѣчную работу.

„Евдокимовъ за всѣ возмутительныя преступленія, яко нарушитель присяги, народнаго блажества и спокойствія и не раскаявшійся о содѣянномъ злѣ человѣкъ, по правамъ и законамъ государственнымъ, достоинъ неминуемо жесточайшей смертной казни. Но мы, однако, по прирожденному въ насъ человѣколюбію и что онъ, распопъ, сіи всѣ злодѣянія чинилъ единственно отъ самаго вкоренившагося въ немъ пьянства и жадности къ оному, такъ и по распутной и развращенной жизни и невѣжеству, а сверхъ всего, что онъ въ ономъ своемъ злодѣяніи при разспросѣ, безъ истязанія, признался также, что сіе учиненное имъ зло никоимъ образомъ съ разумомъ и человѣчествомъ соображаемо не было,—отъ смертной казни (оставляя ему единственно послѣдніе дни жизни его о содѣянномъ имъ злѣ на раскаяніе) всемилостивѣйше освобождаемъ, а повелѣваемъ: во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ свои клятвопреступническія и измѣнническія чинилъ увѣренія и подписи, учинить наказаніе по нѣскольку ударовъ кнутомъ, привязавъ на груди доску, съ надписью большими литерами: Помощникъ самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и лжесвидѣтель. А по наказаніи въ послѣднемъ селѣ выжечь на лбу знаки, двухъ словъ первыя литеры, то есть ложный свидѣтель, а потомъ послать въ Нерчинскъ, въ работу вѣчно“ *).

Въ нерчинскихъ рудникахъ имя Кремнева пропало безслѣдно, но Левъ Евдокимовъ не измѣнилъ себѣ и о себѣ напомнилъ, сдѣлавшись участникомъ подобнаго же рода дѣла въ самозванствѣ солдата Петра Чернышева.

Отправляемся слѣдомъ за нимъ за Байкалъ на Дучарской горный заводъ.

Евдокимовъ этотъ, по личному сознанію, началъ въ Дучарскомъ примѣчать „и подлинно онъ, Чернышевъ, но отличный ли какой человѣкъ“. Разъ, когда Чернышевъ уже пойманъ былъ изъ бѣговъ, Евдокимовъ пришелъ въ мусорную, гдѣ на то время нашъ секретный арестантъ находился на работѣ. Съ нимъ изъ солдатъ никого не было, былъ только одинъ сторожъ изъ ссыльныхъ, Феклистъ. Евдокимовъ принесъ съ собою осмину вина, поилъ этимъ виномъ сторожа, поилъ больше Чернышева и спрашивалъ (вѣрнѣе подговаривалъ, прознавъ, что Чернышевъ—человѣкъ одного закала съ Кремневымъ).

— Какой ты подлинно человѣкъ?

Чернышевъ, съ велякою клятвою и со слезами на глазахъ, объявилъ, что онъ бывшій императоръ Петръ Третій, и при этомъ просилъ Евдокимова разглашать о томъ подъ рукою всѣмъ, кого онъ признаетъ болѣе благонадежными и опасливыми, примолвивъ:

— Ежели ты будешь разглашать, то намъ обоимъ будетъ нажиточно.

*) Били кнутомъ еще однодворца Федюнина (за то, что разглашалъ, будто бы онъ самозванца въ бытность въ Петербургѣ видалъ); били кнутомъ выборнаго Черпаго, но оставили обоихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства; били плетьми попова сына Попова, попова сына Фомина и обоихъ крестьянъ г. Кологриваго («яко помѣщичьихъ воровъ»—прибавлено въ указѣ). Поповъ по наказаніи освобожденъ, а крестьяне «отосланы на старое жилище, куда принадлежать». Изъ числа 25 крестьянъ пять человѣкъ, по жеребью, также высѣчены были плетьми и потомъ всѣ распущены. Четверо выборныхъ также наказаны были плетьми; восемь человѣкъ солдатъ изъ команды бывшаго фурьера Будинова велѣно наказать каждаго передъ своею ротою батогами слегка, опредѣлить въ службу попрежнему. Всѣхъ лицъ духовнаго званія (поповъ, дьяконовъ и церковниковъ) выдержать подъ карауломъ, въ тюрьмѣ, нѣсколько недѣль на хлѣбѣ и на водѣ, а потомъ «отослать къ епархіальному архіерею, для свидѣтельствованія—способны ли они впредь остаться въ прежнихъ своихъ званіяхъ и мѣстахъ»? Тотъ же арестъ въ тюрьмахъ, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ, присужденъ былъ и всѣмъ остальнымъ изъ обвиненныхъ: «Такъ какъ они къ послушанію самозванца приведены ложнымъ увѣреніемъ и свидѣтельствомъ распопа Льва, такожъ будучи ослѣплены такимъ же презрѣннымъ послушаніемъ приходовъ сихъ причетниками, коихъ они, по своей глупости, не менѣе считаютъ какъ людьми во всемъ передъ собою знающими, такъ какъ необыкновенное оные надъ ними пріобрѣтаютъ начальство». Двѣ женщины освобождены, безъ всякаго наказанія, вмѣстѣ съ подпрапорщикомъ Внуковымъ, сержантомъ Колесниковымъ и дьячкомъ Иваномъ Поповымъ. Отставной поручикъ Савва Романовъ былъ лишенъ двухъ чиновъ, содержался на хлѣбѣ и на водѣ двѣ недѣли и потомъ освобожденъ. Воронежскаго батальона фурьеръ Иванъ Бурдиновъ, за то, что повиновался и исполнялъ приказанія самозванца (ѣздилъ по селамъ и разглашалъ о пріѣздѣ императора, привлекъ на свою сторону 8 человѣкъ ввѣренной ему команды и, наконецъ, пріѣхалъ въ Воронежъ для занятія Кремневу квартиры)—былъ прогнанъ сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ шесть разъ и записанъ потомъ въ солдаты въ тотъ же батальонъ «для примѣру другихъ», какъ сказано въ указѣ. Пьянство, «жадность къ оному, необузданное, врожденное буйство, сопряженное съ глубокимъ невѣжествомъ, подлое немысленное состояніе людей непросвѣщенныхъ, слабый смыслъ, недоразуміе и легкомысліе»—вотъ тѣ облегчающія причины, которыя были признаны указомъ къ смягченію приговора и объявлены всѣмъ обвиненнымъ.

Евдокимовъ, разумѣется, не замедлилъ воспользоваться совѣтомъ и для этого поспѣшилъ заручиться товарищемъ. Попался бывалый и какъ разъ пригодный для дѣла. Одинъ ссыльный, Иванъ Карповъ, разсказывалъ, что, въ бытность его въ услуженіи у грузинскаго царевича Георгія въ Москвѣ, Петра III видалъ и что секретный арестантъ, Петръ Чернышевъ, имѣетъ съ нимъ поразительное сходство. Другой приписной изъ сыльныхъ, Кузьма Фирсовъ, увѣрялъ, что онъ дѣйствительно Петра III видалъ въ Петербургѣ, въ 1763 году, въ тайной канцеляріи, и что Чернышевъ „на лицо таковъ же, какъ и императоръ“.

Согласившись и столковавшись такимъ образомъ, эти двое изъ ссыльныхъ начали распространять подъ рукою и подъ секретомъ, что Чернышевъ не простой человѣкъ, и разсказывали это сначала исключительно въ одномъ заводѣ между мастеровыми и рабочими. Первымъ повѣрилъ ихъ словамъ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Въ началѣ 1768 года, находясь въ той же мусорной на работѣ, онъ, между прочими разговорами, спросилъ Чернышева.

— Какой ты человѣкъ бывалъ?

На что Чернышевъ отвѣчалъ, что онъ бывшій императоръ Петръ Третій.

— Какъ же ты попалъ сюда въ заводы?

— Бывши въ Воронежской губерніи, для осмотра состоявшихъ тамъ полковъ, подъ видомъ солдата былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великій человѣкъ.

То же самое сказывалъ Чернышевъ еще шести человѣкамъ.

Нѣсколько дней спустя, пришелъ въ плавильную фабрику Кузьма Фирсовъ и при тѣхъ же шести человѣкахъ долго и пристально смотрѣлъ на работавшаго Чернышева, а отойдя въ сторону, говорилъ мастеровымъ: „что-де этотъ колодникъ не Чернышевъ, но подлинно Петръ III“.

Всѣ эти разсказы возымѣли желанный успѣхъ. Въ тюрьму къ Чернышеву начали приходить многіе изъ заводскихъ служителей и дарить ему кто что могъ: одни приносили деньги, другіе—вещи. Всѣ эти подарки „чинены были единственно въ томъ чаяніи, ежели онъ освободится, то-бъ ихъ не оставилъ и отъ заводскихъ работъ уволилъ“. Въ этомъ же увѣрялъ ихъ и сообщникъ Чернышева — Евдокимовъ. Болѣе всѣхъ довѣрился обѣщаніямъ, какъ Чернышева, такъ и Евдокимова, заводскій служитель Бабинъ. Къ нему Чернышевъ хаживалъ неоднократно „чаю пить, обѣдать и получалъ другія вспомоществованія въ пропитаніи“, всегда увѣряя Бабина въ томъ, что когда освободится, то сдѣлаетъ его генераломъ. То же самое обѣщалъ Чернышевъ и другимъ и, между прочимъ, пробирному ученику Семену Бѣлому, пріѣхавшему въ то время изъ Большого нерчинскаго завода въ Дучарской на побывку къ отцу— „сереброраздѣлительному мастеру“. Отецъ Семена Ѳедоръ Бѣлой уже держалъ сторону Чернышева, водилъ съ нимъ хлѣбъ-соль и помогалъ ему во всемъ, чѣмъ только могъ.

Устроивъ знакомства въ заводѣ, заговорщики стали дѣйствовать смѣлѣе и открытѣе далеко на сторонѣ. Большую энергію въ этомъ дѣлѣ показывалъ, конечно, Евдокимовъ. Онъ водилъ въ тюрьму многихъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ случайно въ заводъ, и показывалъ имъ Чернышева. Между прочимъ, привелъ онъ къ нему крестьянина Городищенской слободы Петра Забѣлина, „называемаго, по народной модѣ, Шебаршею“. Шебарша видѣлъ Чернышева, далъ ему два рубля денегъ, долго съ нимъ разговаривалъ и, уходя, обѣщалъ ему помогать во всемъ. Въ тотъ же день приходитъ къ Чернышеву въ плавильную фабрику сынъ Шебарши съ казакомъ Тараскимъ. Оба они, „посмотря на Чернышева и не сказавши ему ничего, дали денегъ каждый по полуполтиннику“ и ушли.

Знакомство съ Шебаршею важно было для заговорщиковъ по тому обстоятельству, что Шебарша этотъ былъ крестьянинъ зажиточный самъ по себѣ и, сверхъ того, находился въ близкихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ съ тунгусскими князьями Гантимуровыми. Князья были сильны и богатствомъ своимъ и тою матеріальною поддержкою, которая заключалась въ войскахъ, находившихся въ командованіи и распоряженіи ихъ. Шебарша и въ заводъ Дучарскій (когда свелъ знакомство съ Евдокимовымъ и Чернышевымъ) пріѣзжалъ именно по дѣлу одного изъ этихъ князей (Алексѣя) со скотомъ, который поставлялъ Гантимуровъ для заводскихъ людей. Кромѣ того, Шебарша находился въ родственной связи съ крестьяниномъ Серебрянниковымъ, первымъ повѣреннымъ самозванца Чернышева.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Евдокимовъ, съ вѣдома и по согласію съ Чернышевымъ, приходилъ къ нему въ 1768 году въ Филипповъ постъ, въ кузницу, гдѣ Чернышевъ находился въ шабашное время на работѣ, когда другихъ рабочихъ тамъ не было, и говорилъ ему о своемъ намѣреніи послать нарочнаго съ письмомъ къ князю Гантимурову и къ крестьянину Шебаршѣ.

— Они,—увѣрялъ Евдокимовъ: — пришлютъ тебѣ, для пропитанія, денегъ и другихъ пожитковъ.

Чернышевъ согласился. Евдокимовъ привелъ къ нему приписного изъ ссыльныхъ въ Уровской сотнѣ Максима Косыхъ, который и писалъ эти письма подъ диктовку Евдокимова. Письма эти взялся доставить этотъ же Косыхъ—и доставилъ. Вернувшись въ тотъ же Филипповъ постъ, привезъ онъ къ этой кузницѣ и отдалъ Чернышеву 18 руб. деньгами, 1½ пуда говяжьяго

мяса, 35 фунтовъ коровьяго масла, двѣ туши бараньяго, бѣлой шерсти лошадь. При этомъ Косыхъ сказывалъ, что князь Гантимуровъ прислалъ 4 р. денегъ, тушу баранины, говяжье мясо и масло коровье безъ вѣсу; Шебарша — лошадь и 3 р. денегъ, остальное (по два руб. денегъ)—нерчинскіе казаки Григорій Тарской и Михей Курбатовъ и другіе люди. А князь-де Гантимуровъ приказывалъ сказать, чтобы Чернышевъ, „какая ему въ пропитаніи и одеждѣ нужда будетъ, прислалъ бы къ нему нарочныхъ, съ коими-де онъ и будетъ присылать къ нему все, потребное для него, и ни въ чемъ не оставитъ; ему же (князю) самому присылать нельзя. Если онъ (т. е. Чернышевъ) хочетъ на волю, то бы прислалъ отъ себя письмо, почему онъ, Гантимуровъ, соберетъ команды своей тунгусовъ и возьметъ его изъ тюрьмы разбоемъ, и что онъ будетъ повелѣвать—туда и повезетъ. „Если же и въ заводъ бы пріѣхали,—наказывалъ сказать Гантимуровъ: — тамъ у меня-де ни одинъ человѣкъ и въ окно выглянуть не посмѣетъ“ *).

Косыхъ за эту коммиссію получилъ денегъ 30 коп. да соврасую лошадь. Остальныя вещи Чернышевъ передалъ „для поклажи“ двумъ заводскимъ кузнецамъ. У нихъ же пряталъ онъ и другіе подарки, которые поступали къ нему въ большомъ количествѣ. Великимъ постомъ того же (1772) года навѣстилъ Чернышева его кумъ Серебряниковъ и принесъ ему въ подарокъ крупы. Чернышевъ, воспользовавшись такимъ благопріятнымъ случаемъ, просилъ Серебряникова сходить къ князю Гантимурову, на что тотъ согласился и, вернувшись вскорѣ въ заводъ, принесъ три туши бараньяго мяса, шубу и 12 руб. денегъ; кромѣ того, 5 фунтовъ коровьяго мяса и лисицу. Часть подарковъ шла отъ князя, часть отъ Шебарши и отъ неизвѣстныхъ. Чернышевъ, отпуская кума, велѣлъ ему сказать казаку Тарскому, чтобы онъ разглашенія объ немъ дѣлалъ исключительно между богатыми. Напутственные совѣты эти имѣли успѣхъ: Алексѣй Гантимуровъ прислалъ мерлушчатую шубу, крытую китайкою; два другихъ его брата, вмѣстѣ сложившись, отправили семь рублей денегъ, братскій лама прислалъ также деньги; нѣкоторые крестьяне подарили волковъ, шкуры которыхъ Серебряниковъ продалъ дорогою, а деньги, равно и всѣ вещи, отдалъ Чернышеву. Чернышевъ, въ свою очередь, часть подарковъ продавалъ, другою подѣлился со своими друзьями, изъ которыхъ все-таки Евдокимовъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе и неусыпнѣе. Онъ тѣмъ же временемъ продолжалъ отъ имени Чернышева собирать подаянія, которымъ велъ счетъ и счетъ этотъ записывалъ въ собственные свои печатные святцы вмѣстѣ съ именами „милостивцевъ“. Милостивцевъ этихъ привелось ему записать въ эти святцы свыше десяти человѣкъ, а по счету всѣхъ пожертвованныхъ денегъ оказалось на лицо болѣе 40 руб., кромѣ всякаго рода рухляди и живности.

Ободренные такимъ неожиданнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ, которому они предвидѣли скорый конецъ,—особенно послѣ того, какъ всѣхъ ихъ едва не предалъ пробирный ученикъ Семенъ Бѣлой,—заговорщики завели дѣятельную переписку со всѣми своими благотворителями. Самъ Чернышевъ, какъ оказалось впослѣдствіи, не умѣлъ ни читать, ни писать, хотя разъ и хвастался передъ кузнецами въ плавильной, что

---

*) Князья Гантимуровы наводили страхъ на горныя и другія начальства и пользовались почетомъ въ тѣ времена, когда еще не остыло уваженіе къ государственнымъ и политическимъ заслугамъ ихъ предковъ. Вотъ коротенькая исторія этого княжескаго рода. Въ 17 вѣкѣ одинъ изъ князей Гантимуровыхъ владѣлъ въ Китаѣ землями и получалъ, въ качествѣ вассала, три слитка золота и 1.200 ланнъ серебра. Во время войны китайцевъ съ русскими его послали впереди китайскаго и тунгусскаго войска на завоеваніе Камарскаго острога на Амурѣ. Гантимуръ безъ боя возвратился домой и, боясь наказанія, съ женами, родными, дѣтьми, въ количествѣ 500 душъ тунгусовъ, ушелъ въ Сибирь и принялъ русское подданство. Въ 1685 г. онъ крестился съ именемъ Петра, а сынъ его Катанъ назвался Ѳавломъ. Его обезпечили имѣніемъ и дали власть надъ 12-ью тунгусскими родами и съ титуломъ князя внесли въ книгу княжескихъ родовъ. Впослѣдствіи царь вызвалъ его въ Москву. Гантимуръ съ двумя сыновьями и Сахалтуемъ, однимъ изъ тунгусскихъ старшинъ, получившимъ потомственное дворянство, пустился въ путь. На дорогѣ, въ Нарымѣ, старикъ Гантимуръ умеръ, а сынъ его Катанъ съ братомъ Чикулаемъ и Сахалтуемъ благополучно прибыли въ Москву. Катанъ воротился въ Нерчинскъ и управлялъ тунгусами, а Чикулай вступилъ въ русскую службу и уже не возвращался въ Сибирь. Катанъ отъ крещеной жены имѣлъ сына Иларіона; онъ, какъ царскій стольникъ, получалъ ежегодной пенсіи 40 р. асс., 20 ведеръ водки, 40 четвертей хлѣба, 20 четвертей овса, соль и крупу. Богдыханъ, послѣ побѣга Гантимура, посылалъ къ нему пословъ, которые должны были склонить его къ возвращенію и привезли ему въ подарокъ золото, серебро, богатый поясъ и сбрую. Гантимуръ подарковъ не принялъ и не возвратился. Тогда выслано было войско схватить его; китайское войско встрѣтилось съ Гантимуромъ на горѣ Умыкей, въ 15 верстахъ отъ Нерчинска. Произошла битва: Гантимуръ былъ раненъ, а китайцы разбиты. При заключеніи Нерчинскаго трактата 1689 г. китайскіе послы настойчиво требовали выдачи Гантимура, но его отстояли. Тунгусы Гантимура получили земли на Шилкѣ, Газимурѣ, въ Куенгѣ, на степяхъ Аргунскихъ по Онону. Впослѣдствіи изъ тунгусовъ ононскихъ собрали казачій полкъ, который съ тѣхъ поръ и оставался подъ командою Гантимуровыхъ. Современный намъ князь тунгусскій служилъ въ военной службѣ, дослужился до капитанскаго чина и возвратился за Байкалъ въ деревню Урульгу, находящуюся на нерчинскомъ трактѣ за Читою въ 25 верстахъ отъ Кайдалова,—совершенно русскимъ человѣкомъ.

„умѣетъ по нѣмецки, по латыни и по русски“. Переписку за Чернышева вели другія лица: сначала самъ Евдокимовъ (который и пряталъ всѣ письма у себя въ школѣ подъ крышею), потомъ пробирный ученикъ Семенъ Бѣлой, и наконецъ, плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Другой же Карповъ (изъ ссыльныхъ) читалъ всѣ присланныя письма Чернышеву и онъ же съумѣлъ склонить на сторону самозванца другого богатаго и тароватаго крестьянина деревни Батаканской (Уросовской сотни) Осипа Коренева, носившаго прозваніе Дубленаго. Явился къ нему Карповъ просить милостыни. Дубленый далъ ему 50 коп. на всѣхъ колодниковъ, содержащихся въ Дучарскомъ заводѣ. Получая деньги, Карповъ выговаривалъ Дубленому:

— Для чего ты мало даешь, да и то на всѣхъ колодниковъ? Я прошу на одного только великаго человѣка, котораго я знаю и который не Чернышевъ, а подлинно императоръ Петръ III. Потому-то надо послать къ нему поболѣ и при нынѣшнихъ случаяхъ его не оставить, а онъ, когда освободится, тогда ничѣмъ не оставитъ и покажетъ милость: освободитъ отъ заводскихъ работъ и чѣмъ ни есть наградитъ. Я, Карповъ, для него ѣзжу и прошу у многихъ людей на него для пропитанія, почему и есть отъ многихъ довольная подача.

Сказавъ все это, Карповъ засвидѣтельствовалъ клятвою передъ образомъ. Кореневъ всему сказанному повѣрилъ и выдалъ для Чернышева 3 рубля денегъ. Черезъ полгода Карповъ пріѣзжалъ къ Дубленому во второй разъ и, сказавъ тѣ же обѣщанія, получилъ еще три рубля. Еще черезъ полгода пріѣзжалъ къ нему же другой посланный изъ тюрьмы отъ Петра Чернышева, крестьянинъ Серебрянииковъ *), который обѣщалъ Дубленому ту же свободу отъ заводскихъ работъ. Дубленый, принимая въ соображеніе, что сынъ его находился въ Дучарскомъ заводѣ на службѣ счетчикомъ и въ чаяніи будущей свободы, выдалъ Серебряникову еще пять рублей, а чтобы удостовѣриться въ истинѣ его словъ, самъ поѣхалъ въ заводъ повидаться съ сыномъ и посмотрѣть на Чернышева. На улицѣ въ заводѣ встрѣтился ему Карповъ, который тотчасъ же попросилъ у него на Чернышева хлѣба и, такимъ образомъ, выговорилъ у Дубленаго пудовъ до 5 ярицы. Съ Чернышевымъ Дубленый видѣлся наединѣ, долго разговаривалъ, обѣщалъ и впредь помогать. Но чтобы все это дѣло оставалось втайнѣ, рекомендовалъ ему посредника въ лицѣ регистраторскаго человѣка. Регистраторъ самъ—какъ оказалось впослѣдствіи,—принималъ косвенное участье въ дѣлѣ: хлѣбъ принимали его люди, продавали потомъ (по 35 коп. за пудъ) и деньги приносили регистратору (одинъ Дубленый переслалъ, такимъ образомъ, до 25 пудовъ). Регистраторъ молчалъ, давая тѣмъ возможность сообщникамъ Чернышева расширить предѣлы ихъ заговора.

Въ домѣ кузнецовъ, у которыхъ складывали заговорщики лишнюю подарочную рухлядь, сходились они по временамъ для попоекъ. Вино покупалось въ Бянкинѣ. За нимъ ѣздили поочередно Карповъ (плавильный мастеръ) и Серебряниковъ (крестьянинъ). Серебряниковъ на одной изъ этихъ пирушекъ, обратившись къ Чернышеву, говорилъ:

- Ты, Чернышевъ, какъ можно изъ тюрьмы бѣги и приходи ко мнѣ въ домъ; я хлѣбомъ не оставлю и провожу до князя Гантимурова, а онъ, по обѣщанію своему, тебя не выдастъ и взять у него уже некому. Князь наказывалъ мнѣ, чтобы ты прислалъ къ нему письмо своей руки, а чужимъ-де письмамъ онъ не вѣритъ. Тогда князь соберетъ тунгусовъ и казаковъ сотъ до трехъ, а можетъ и до пяти сотъ, и тебя сильно возьметъ и увезетъ сперва къ себѣ въ домъ, а потомъ представитъ въ Петербургъ“.

Послѣдніе совѣты спутали заговорщиковъ: во 1-хъ, невозможно было послать къ Гантимурову собственноручнаго письма Чернышева, а во 2-хъ, они опасались за крайній результатъ—именно представленіе самозванца прямо въ Петербургъ. Рѣшено было дѣйствовать иначе. Побѣгъ Чернышева признанъ былъ пока единственнымъ средствомъ къ приведенію въ исполненіе нѣкоторыхъ намѣреній, но не всѣхъ.

Ив. Карповъ (ссыльный), только что вернувшійся съ новыми подарками отъ Дубленаго (состоявшими изъ свѣжей рыбы, пшеничной муки и куриныхъ яицъ), совѣтовалъ прибѣгнуть къ посредству Дубленаго. Дубленаго онъ упросилъ скрыть ихъ на время въ безопасномъ мѣстѣ, на случай побѣга изъ завода. Дубленый обѣщался перевести ихъ черезъ Аргунь въ лодкѣ на китайскую границу, гдѣ найдетъ имъ такое мѣсто, что ихъ никто не найдетъ. Пищею также не оставитъ, только бы приходило ихъ съ Чернышевымъ немного. На тотъ конецъ сосѣдъ Дубленаго, приписной изъ ссыльныхъ Өедоръ Шулятевъ, въ ожиданіи ихъ прихода, обѣщался спать въ приготовленной для того лодкѣ. Денегъ этотъ Шулятевъ, по словамъ Карпова, прислать не могъ ни копейки, но письмо къ нему посланное получилъ.

— Потомъ, когда минется погоня, — говорилъ Карповъ по наказу Дубленаго:—Дубленый отвезетъ насъ къ Гантимурову на своихъ

*) Карповъ оказался впослѣдствіи неисправнымъ коммиссіонеромъ: денегъ не отдалъ, вещи распродалъ и полученное за нихъ расходовалъ лично на себя; Чернышеву же и сообщникамъ его обо всемъ этомъ не давалъ знать. Ходилъ Карповъ за подаяніемъ по фальшивому увольнительному виду, написанному Львомъ Евдокимовымъ.

лошадяхъ или куда бы Чернышевъ самъ похочетъ.

Эта вѣсть и, особенно, самое послѣднее обѣщаніе всѣмъ заговорщикамъ понравились. Рѣшено было произвести побѣгъ изъ кузницы, тѣмъ болѣе, что всѣ почти кузнецы были ихъ единомышленниками. Случай къ тому вскорѣ представился.

Выбрали для побѣга такъ называемое шабашное время, а именно тотъ день, „когда всѣ кузнецы невѣдомо для чего повѣщены были въ конторѣ“. Остались въ кузницѣ только Чернышевъ, кузнецъ Хромовъ и слесарный ученикъ Лебедевъ, „которые о побѣгѣ Чернышева какъ то догадались и въ тотъ часъ донесли управителю Протодьякову“. Управитель приказалъ Чернышева „къ ночамъ“ приводить въ контору и содержать тамъ на стѣнной цѣпи, но слѣдствія о причинахъ къ побѣгу не производилъ.

Эта неудача Чернышева возымѣла успѣхъ съ другой стороны. Съ того времени приношенія къ нему сдѣлались чаще и обильнѣе, сообщники и помощники его—ретивѣе: одинъ Серебряниковъ успѣлъ сходить къ 12 человѣкамъ и отъ каждаго изъ нихъ принести по подарку. Участіе къ судьбѣ Чернышева удвоилось съ той поры, какъ онъ вновь былъ заключенъ въ секретную комнату дучарской тюрьмы и когда посѣтилъ его адъютантъ генералъ-маіора Ивашева, Михайло Пановъ.

Пановъ этотъ пришелъ въ тюрьму вмѣстѣ съ шихмейстеромъ Грязновымъ и лекарскимъ ученикомъ Вешнинымъ. Пришелъ онъ посмотрѣть на Чернышева, который въ то время содержался при тюрьмѣ „въ особомъ чуланѣ“. Молча посмотрѣвъ на Чернышева, они всѣ трое вмѣстѣ вышли вонъ, но адъютантъ вернулся назадъ, потребовалъ Чернышева въ сѣни, караульнаго солдата Рудакова отослалъ прочь, говорилъ съ Чернышевымъ много и долго и вышелъ. По дорогѣ онъ спросилъ Грязнова:

— Можно ли Чернышеву подать милостыню?

На что Грязновъ ему отвѣчалъ, „что милостыню подать, кажется, противности никакой быть не можетъ“. Адъютантъ послалъ съ Вешнинымъ три „двоегривенника“.

Это пустое, по видимому, обстоятельство подѣйствовало на заговорщиковъ внушительно, но инымъ, неожиданнымъ образомъ. Кузьма Фирсовъ разсказывалъ всѣмъ, что-де адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышева и опозналъ его императоромъ, а потомъ и самъ генералъ Ивашевъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ, осматривалъ Чернышева и присылалъ къ нему потомъ (какъ самъ генералъ, такъ и его адъютантъ) письма. Больше другихъ повѣрилъ этому показанію пробирный ученикъ Семенъ Бѣлой, котораго Фирсовъ просилъ, при отъѣздѣ въ Нерчинскій заводъ, навѣдываться о дѣлѣ Чернышева и ихъ извѣщать. Бѣлой, по пріѣздѣ туда, хотѣлъ спросить самого генерала, „но не посмѣлъ, а подбросить письмо побоялся“. Разъ остановилъ онъ (Бѣлой) адъютанта на улицѣ и, спросивъ о Чернышевѣ, слышалъ слѣдующее: „Вотъ я нынѣ отправляюсь отъ коммиссіи въ Петербургъ и объ этомъ колодникѣ представлено будетъ, а я и самъ видалъ, что онъ не Чернышевъ“.

Все это было передано въ Дучарскій заводъ и распространено между всѣми тѣми, кому о томъ надлежало вѣдать. Особенно горячее участье показалъ въ этомъ дѣлѣ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ, вернувшійся въ Дучарскій заводъ изъ Большого нерчинскаго, куда былъ вытребованъ генералъ-маіоромъ Ивашевымъ для граненія ему камней. Этотъ Карповъ разсказывалъ всѣмъ:

— Я голову свою къ генералу Петру Семеновичу носилъ и въ приполѣ и объявлялъ ему о Чернышевѣ, что онъ подлинно Петръ Третій, императоръ, чѣмъ его, генерала, увѣрилъ. Онъ обѣщалъ, ежели подлинно Петръ Третій, пожаловать меня поручикомъ и объ Чернышевѣ хочетъ отписываться въ Петербургъ и посылаетъ нарочно съ представленіемъ адъютанта своего, господина Панова.

Чернышеву же говорилъ Карповъ, что Ивашевъ скоро будетъ за нимъ въ заводъ. Хотѣлъ бы говорить еще что-то, но разговору помѣшали караульные солдаты, которые Евдокимова и Карпова отъ тюрьмы отогнали, причемъ солдатъ Иванъ Корелинъ ударилъ Карпова кулакомъ по затылку.

Какъ бы то ни было, но этотъ Карповъ съ той поры дѣлается повѣреннымъ всѣхъ тайнъ сообщниковъ Чернышева: онъ ѣздитъ по благотворителямъ ихъ и собираетъ милостыни, покупаетъ вино, вмѣстѣ съ ними пьянствуетъ и снова ѣдетъ туда, куда его посылаютъ, безпрекословно, обязательно, хотя и не слишкомъ честно. Такъ, напримѣръ, онъ пропилъ въ кабакѣ платокъ, посланный Чернышеву какою-то женщиною; не отдалъ части денегъ и не показывалъ писемъ иныя изъ нихъ читалъ и не дочитывалъ Чернышеву. Все это побудило заговорщиковъ не довѣрять болѣе Карпову и положиться во всемъ на Евдокимова.

Евдокимовъ, однако, не пошелъ дальше того, на чемъ уже было разъ рѣшено. Евдокимовъ и въ этотъ разъ остановился на побѣгѣ; а чтобы успѣшнѣе произвести его, подговаривалъ слесарнаго ученика Лебедева, кузнеца Тараканова и ссыльнаго Меншенина. Каждому изъ нихъ обѣщалъ онъ привести по лошади, а лошадей надѣялся достать отъ Шулятева и Дубленаго (Коренева). Шулятевъ на то время успѣлъ уже самъ побывать въ заводѣ, повидаться и поговорить съ Чернышевымъ и передалъ ему черезъ караульныхъ солдатъ 50 копеекъ.

Число сообщниковъ увеличилось еще нѣ-

сколькими изъ дальнихъ крестьянъ, частью по письмамъ отъ Евдокимова, частью по стараніямъ и убѣжденіямъ Шебарши и Серебряникова. Серебряниковъ снова явился къ Чернышеву и снова обѣщалъ ему содѣйствіе и совѣтовалъ безотлагательно бѣжать. Евдокимовъ настаивалъ на томъ же, но нѣсколько измѣнилъ планъ. По новымъ соображеніямъ, они должны были отправиться къ Гантимурову съ тѣмъ, „чтобы отъ него идти въ россійскіе города, куда кому случай допуститъ".

Между тѣмъ, наступило теплое весеннее время, благопріятное для побѣговъ и любимое арестантами, рѣшившимися бѣжать въ лѣсъ. Чернышевъ сталъ учащеннѣе получать подарки отъ благотворителей своихъ и, въ большей части случаевъ, не вещами, а деньгами. Тѣ, которые посылали вещи, напр., Большаковъ — тулупъ, крытый шанхайскою китайкою, и два конца синей нелощеной китайки—совѣтовали своимъ довѣреннымъ вещи эти продавать и выдавать пособіе Чернышеву деньгами. То же велѣлъ сдѣлать Шебарша, пославшій съ Серебряниковымъ, въ милостыню Чернышеву, лошадь, которая и была продана въ городѣ Нерчинскѣ купцу за три рубля.

Но прошла весна и Чернышевъ, за бдительнымъ надзоромъ, не могъ выискать случая къ побѣгу. Случай этотъ представился ему уже въ то время, когда въ одномъ казематѣ съ нимъ заключены были два другихъ арестанта— Родіонъ Отопковъ и Андрей Пановъ. 29 іюня вечеромъ они рѣшились бѣжать вмѣстѣ и начать для этого нужныя приготовленія.

Отопковъ говорилъ: „У меня на Шилкѣ изготовлено хлѣба печенаго, сухарей, пуда съ два".

Пановъ: „У меня на Селенгѣ живетъ братъ, онъ насъ отвезетъ на звѣриный или на рыбный промыселъ, гдѣ-де жить хоть до смерти можно".

А Чернышевъ: „Да и мнѣ обѣщалъ кумъ Серебрянниковъ на дорогу хлѣба исправить".

— Ладно!—рѣшилъ Отопковъ:—Вотъ мы до Шилки тѣмъ хлѣбомъ и дойдемъ".

При этомъ разговорѣ никого изъ постороннихъ не было.

На другой день (30 іюня), въ шестомъ часу по полудни, Пановъ пошелъ съ караульнымъ солдатомъ за водою, а Чернышевъ съ Отопковымъ остались одни. Отопковъ, пользуясь случаемъ, отодралъ съ гвоздей доску у „казенки" (куда Чернышева запирали одного на ночь) и приставилъ ее къ той же казенкѣ „налепомъ", чтобы караульный не усмотрѣлъ. Вернулся Пановъ, вернулся и караульный. Караульный пошелъ въ солдатскую за смѣною, всѣ три арестанта остались одни и не медлили: общими силами они въ это время выломали доску около печи и заложили то мѣсто приготовленнымъ на тотъ конецъ войлокомъ. Тогда пришла новая смѣна: двое караульныхъ. Чернышева они увели въ казенку и, по обыкновенію, посадили на стѣнную цѣпь. Одинъ солдатъ легъ спать и заснулъ, другой сидѣлъ до полуночи и слушалъ сказки, которыя разсказывалъ ему Отопковъ. Подъ говоръ Отопкова и этотъ караульный также заснулъ. Замѣтивъ это, Пановъ тѣмъ временемъ слѣзъ съ печи, началъ ломать казенку и произвелъ шумъ. Отопковъ молча оттолкнулъ его и, вынувъ заранѣе отодраную ими около печи доску, самъ пошелъ въ казенку. Здѣсь гвоздемъ отпиралъ у Чернышева цѣпной замокъ въ то время, когда самъ Чернышевъ увивалъ платкомъ бывшіе на немъ кандалы для того, чтобы они не звенѣли. Снявъ такимъ образомъ цѣпи, они вышли изъ казенки. Отопковъ тѣмъ же гвоздемъ отперъ замокъ и снялъ кандалы съ собственныхъ ногъ. Затѣмъ, черезъ отверстіе подлѣ печи, они вылѣзли на дворъ, въ острогъ. Черезъ тынъ пересаживалъ ихъ Отопковъ, поддерживая сзади клюкою, по приставленной къ палямъ драницѣ, обвязанной для большаго удобства поперекъ тряпками. По внѣшней сторонѣ острога, на землю, спустились они на кушакѣ, который укрѣпилъ Пановъ, влѣзшій наверхъ прежде другихъ. Кончивъ эту операцію, „оттолѣ, во 1-хъ, пошли на гору мимо церкви, и взошедъ на гору и у имѣющихся на нихъ, Пановѣ и Чернышевѣ, желѣзъ расшибли кольца, а потомъ пошли по той горѣ вверхъ и, поверставшись прямо здѣшняго гофшпитала, тѣ желѣза бывшимъ у Отопкова долотомъ разбили и тутъ положили подъ камень. А оттолѣ пошли по хребтамъ и прочимъ лѣснымъ и пустымъ степнымъ мѣстамъ и по убѣгѣ на завтра (т. е. 1-го числа іюля) въ вечеру пришли въ падь Уровскія покати; какъ та падь называется— не знали: въ разстояніи отъ рѣки Урова напримѣръ версты съ двѣ, гдѣ у Отопкова (незадолго до этого времени бывшаго въ бѣгахъ) сдѣланъ былъ балаганъ, въ которомъ имѣлись его сухари съ полпуда примѣрно". Въ этомъ стану бѣглецы ночевали; весь слѣдующій день провели тутъ же. Вечеромъ пошли къ рѣкѣ Урову и, перейдя эту рѣчку въ бродъ, съ версту шли до сопки, на которой и ночевали. Утромъ слѣдующаго дня пошли внизъ по рѣчкѣ Урову пустыми „прикрытыми" мѣстами и, въ виду деревни, но не дойдя до ней, легли спать на сопкѣ. Между тѣмъ, наступила ночь. Бѣглые, пользуясь темнотою, отправились прямо въ деревню, для того, что Чернышевъ говорилъ имъ: „Пойдемъ опознавать крестьянина Ивана Серебряникова—моего кума и друга"!

Когда бѣглые стали подходить къ этой деревнѣ, то „тутошные жители или невѣдомо какіе другіе люди стали ихъ ловить, почему они всѣ трое и разбилися врозь": Пановъ побѣжалъ къ рѣкѣ Урову, Отопковъ за деревню на

сопку, а Чернышевъ обратно тѣми же мѣстами, какими пришли къ деревнѣ. Тѣ же люди, которые ихъ ловили, всѣ бросились за Пановымъ (Отопкова же и слѣдъ былъ затерянъ). Чернышевъ, между тѣмъ, пошелъ далѣе хребтами, также пустыми и степными, „и иными мѣстами, не заходя никуда въ жилыя мѣста и шелъ 11 дней голодомъ, оттого весьма истощился и пришелъ въ безсиліе". На двѣнадцатый день вышелъ онъ Газимурской сотни въ деревню Шелопугину и „самъ собою", по доброй волѣ, явился къ смотрителю, крестьянину Ивану Корсакову, который выслалъ его въ газимурскую приказную судную избу, а оттуда уже онъ препровожденъ былъ въ Дучарскій заводъ.

Вотъ что показывалъ Чернышевъ въ дучарской заводской конторѣ, куда онъ былъ потребованъ изъ тюрьмы къ допросу. Въ заключеніе этихъ показаній по формѣ онъ свидѣльствовалъ слѣдующее: „Будучи какъ прежде, такъ и нынѣ въ побѣгахъ, воровства, разбоевъ, смертныхъ убійствъ и дворовыхъ пожоговъ не чинилъ и за другими ни за кѣмъ того не знаетъ; становщиковъ и пристанодержателей никого не знаетъ и ни отъ кого онъ не слыхалъ бѣглыхъ, подобныхъ ему нигдѣ и никого не видалъ, ночевовъ и ночлеговъ нигдѣ и ни у кого не имѣлъ".

Пановъ противъ показанія этого свидѣтельствовалъ, что Чернышевъ посылалъ караульнаго солдата за покупкою вина, солдатъ принесъ осмину. Водкою этой Чернышевъ поилъ его, Панова и Отопкова. О побѣгѣ сговаривалися Чернышевъ съ Серебряниковымъ одинъ на одинъ въ тюрьмѣ, куда впускалъ крестьянина солдатъ Бубенщиковъ. Чернышевъ говорилъ: „Отъ кума-де пойдемъ къ крестьянину Урульгинской слободы Максиму Плюшнину, а оттуда къ крестьянину Большакову: онъ-де меня знаетъ и мнѣ подарки присылалъ; а оттуда пойдемъ къ князю Павлу Гантимурову въ Городищенскую слободу: князь 12 рублей денегъ съ племянникомъ своимъ прислалъ и лошадь подарилъ". Деньги Чернышевъ отдавалъ кузнецу Батеневу и мастеру Ксенофонту Данилову, которые на тѣ деньги покупали вино, а Чернышевъ у нихъ гостилъ и тѣмъ виномъ товарищей подчивалъ. Серебряниковъ въ чиненіи разговоровъ не сознался, но отъ подачи милостыни на допросѣ не отказывался".

Отобранный допросъ писанъ былъ начерно. Бывшій управитель Дучарскаго завода шихмейстеръ Казимировъ показанію ссыльныхъ не давалъ особеннаго значенія и дѣло бросилъ безъ изслѣдованія; новый же управитель Протодьяконовъ, разбирая дѣла предмѣстника своего и найдя въ допросахъ ссыльнаго Андрея Панова важное показаніе, рѣшился дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ. Показаніе это заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „Еще до побѣга Чернышевъ увѣрялъ Панова, Отопкова и Ивана Карпова, что указъ о Петрѣ III, императорѣ, яко бы онъ умре, написанъ ложно, а я-де дѣйствительно Петръ III, императоръ, о чемъ онъ многихъ людей, а особливо кузнецовъ Данилова и Бзтенева, также и Зыкова склонялъ и приводилъ въ свою волю".

„Въ производствѣ этого дѣла,—пишетъ Протодьяконовъ въ нерчинскую канцелярію:—здѣшняя дучарская контора приступить смѣлости не имѣетъ".

Такимъ образомъ, по случайному поводу, началось все это дѣло, подробностямъ котораго мы дали мѣсто.

Въ Нерчинскій заводъ свезены были причастные къ дѣлу (хотя и не всѣ) и разсажены были за крѣпкимъ карауломъ по тюрьмамъ. Началось слѣдствіе, а за нимъ и та путаница, которая до сихъ поръ характеризируетъ всѣ дѣла о ссыльныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ крючкотворства и всѣхъ подьяческихъ увертокъ. По мѣрѣ усиленія слѣдствія, увеличивалось и число подсудимыхъ и арестованныхъ. Дошло, наконецъ, дѣло до того, что горное начальство стало опасаться возможности бунта. Не хватало солдатъ въ командѣ для постояннаго и бдительнаго надзора за арестантами; самыя работы заводскія примѣтно ослабѣли и чуть-чуть не прекратились вовсе. Дѣла слѣдствія шли, въ большей части случаевъ, неуспѣшно. Нѣкоторые изъ оговоренныхъ не явились къ допросу; такъ, напр., Шебаршу долго не могли отыскать и принуждены были ограничиться заочнымъ его показаніемъ, которое онъ адресовалъ, въ видѣ жалобы, въ нерчинскую воеводскую канцелярію и все-таки не въ нерчинскую горную *). Но всѣ вмѣстѣ подсудимые старались—по обыкновенію—притягивать какъ можно больше постороннихъ людей, съ единственною цѣлью затянуть дѣло на безконечные сроки и возможно затруднить слѣдователей. Ко всей этой путаницѣ допросовъ и переспросовъ, показаній на бумагѣ и изустныхъ присоединилось еще болѣе запутывающее обстоятельство: найдена была переписка. Переписка эта завинила многихъ новыхъ и, между прочими, указывала на одного, какъ на главнаго, но о которомъ до сихъ поръ всѣ другіе

*) Вотъ смыслъ прошенія Шебарши: «Ко мнѣ пріѣзжали солдаты и вооруженные люди и хотѣли вести меня сильно. Я былъ на то время въ собственномъ полѣ, при посѣвѣ хлѣба. Солдаты ночевали у меня. На другой день требовали обѣда, и когда имъ дали постное, то разложили огонь на дворѣ, начали варить скоромное и чуть не сожгли весь домъ. Уѣзжая, сильно грозились на меня; а дѣлали все это ради корыстолюбія, ибо-де онъ, Шебарша, съ заводскимъ начальствомъ никакихъ дѣлъ не имѣетъ, а оно знаетъ его достатки и многихъ богатыхъ успѣло раззорить поборами, взятками». Боясь вторичнаго нападенія начальства, Забѣлинъ (т. е. Шебарша) тайно выѣхалъ въ Нерчинскъ, подъ защиту воеводы.

молчали. Этотъ новый былъ нѣкто Семенъ Иванецкій, также ссыльный, нѣкогда другъ и благодѣтель Чернышева, пришедшій въ ссылку вмѣстѣ съ нимъ изъ Россіи. Теперь обстрѣленный, Иванецкій велъ дѣла съ большею осторожностью и не выказывалъ той энергіи, какая выразилась въ неустанномъ и неугомонномъ товарищѣ другого русскаго самозванца, приставшемъ и къ этому. Этотъ Иванецкій жилъ въ Уровской деревнѣ и еще осенью 1768 года писалъ къ Чернышеву письмо слѣдующаго содержанія: „Премилосердный мой государь, Петръ Ѳедоровичъ! Желаю вамъ здравствовать на многія лѣта, да притомъ же о себѣ увѣдомляю, что въ маломъ здравіи нахожусь отъ тяжкой печали и великой болѣзни, малое число глазами вижу. Старость меня постигнула, купно же и нищета: ни рубахъ, ни одѣянія не имѣю. Отъ вашего здравія вѣдомости никакой не имѣю. Чрезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь мучиться? Деньгами меня не оставьте по своей милости, ежели у васъ имѣются“ *). Въ тѣхъ же бумагахъ слѣдователи нашли отвѣтъ, писанный рукою Евдокимова, слѣдующаго содержанія: „О чемъ вы изволите писать и слышать хочете о благополучіи, пріѣзжалъ генералъ комисенскій отютантъ, ходилъ въ тюрьму осмотрѣлъ Петра Ѳедорыча и поѣхалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ и писалъ къ Петру Ѳедорычу, что будь надежденъ и такъ буду стараніе предлагать, какъ Богу такъ и тебѣ буди благонадеженъ и молись, проси у Создателя нашего, можетъ вашихъ молитвъ Господь да послушаетъ“ **).

Иванецкій потребованъ былъ къ допросу. На немъ отъ посылки двухъ писемъ: одного къ Петру Ѳедорычу, а другого къ Евдокимову (которое, однако же, не найдено, спрятано-де было подъ половицу и закладено гдѣ-то мохомъ) не отказывался; напротивъ, указалъ даже на крестьянина Николая Кайгородова, который возилъ эти письма. Кромѣ того, Иванецкій показывалъ слѣдующее: пріѣзжавшіе въ Усть-уровскую деревню въ 1768 году тунгусы неоднократно сказывали, что князь ихъ Гантимуровъ посылаетъ въ подарокъ къ Петру Ѳедорычу, по письмамъ его, денегъ рублей по сту и по пятидесяти; дарилъ ему лошадей, шубы и другія потребныя для него вещи и увѣряется и имъ сказываетъ, что то Петръ Третій, и хочетъ собрать ихъ, тунгусовъ, и Петра Ѳедорыча силою изъ тюрьмы взять. Нѣкоторые изъ тунгусовъ сказывали, что князь ихъ (но который, Иванецкій не знаетъ) уѣхалъ въ Петербургъ, а другіе тунгусы приговаривали, что онъ-де ѣдетъ изъ Петербурга и съ нимъ для взятья Петра Ѳедорыча идетъ одинъ полкъ регулярнаго войска и велѣно-де его взять съ честью. И слышали-де (тунгусы), что и онъ, Иванецкій, присланъ съ тѣмъ колодникомъ вмѣстѣ и по одному дѣлу. На что Иванецкій тѣмъ тунгусамъ совѣтовалъ не вѣрить. „Чая, что у Чернышева много денегъ и другихъ пожитковъ, то о присылкѣ денегъ писалъ письмо въ томъ разсужденіи: вѣдая онъ объ немъ, Иванецкомъ, что въ ссылку онъ посланъ за него, Чернышева, то, можетъ, вспомня, къ нему изъ оныхъ пришлетъ. А честнымъ отцомъ распопа (Евдокимова) называлъ для общаго успѣха въ дѣлѣ“.

Наслѣдивъ, такимъ образомъ, главнаго двигателя заговора въ лицѣ князя Гантимурова, канцелярія Нерчинскаго завода и тутъ, при всѣхъ своихъ хлопотахъ и усиліяхъ, ничего не могла сдѣлать. Прибѣгла къ пыткамъ— и онѣ не помогли *). Требовала она отъ князя Степана показаній, но показаній онъ не давалъ, хотя и жилъ въ то же время въ заводѣ, въ гостяхъ у главнаго члена коммиссіи, генералъ-маіора Ивашева; просили его придти въ канцелярію, онъ съ грубостью говорилъ посланному унтеръ-офицеру, что находится у главнаго своего начальника. Въ то же время и самъ Ивашевъ сказалъ посланному, что Гантимуровъ состоитъ въ командѣ его и въ канцелярію и къ здѣшнему командиру ходить ему не велитъ **). Взять силою князя Степана Гантимурова заводское начальство не рѣшилось изъ боязни, ибо Гантимуровъ вызвалъ въ заводъ съ пограничныхъ карауловъ болѣе ста человѣкъ вооруженныхъ казаковъ, которыхъ и держалъ (съ вѣдома Ивашева) въ заводѣ по 20-ое число апрѣля, какъ бы для защиты и охраны своей личности. „А тѣхъ казаковъ онъ вытребовалъ безъ всякаго увѣдомленія, вдругъ, нечаяннымъ образомъ, когда въ нихъ никакой надобности не состояло и представляло нѣчто чрезвычайное; а надъ оными казаками и кочующими тунгусами имѣетъ онъ начальство“.

При такой запутанности дѣлъ и при тѣхъ трудностяхъ, какими обставилось слѣдствіе въ самомъ началѣ, слѣдственная горная коммиссія успѣвала дѣлать немногое. Все главное едва ли не ускользнуло изъ ея рукъ и вѣденія. Главнаго узла всего этого дѣла она не нашла,

*) На подлинникѣ письма этого написано было рукою самого Иванецкаго «Sub secreto».

**) Таковое правописаніе подлинника. На немъ помѣтка: «Дучарской, октября 3-го 1768 года».

*) Такъ, напр., били плетьми плавильнаго мастера Ив. Карпова и добились только того, что заставили его показать согласно съ Чернышевымъ. Относительно писемъ узнали только, что они дѣйствительно были присылаемы и читались Чернышеву у кузнечнаго горна. Но во всѣхъ письмахъ этихъ находили только намеки; всѣ они писаны съ великою осторожностью, въ нихъ заговорщики ни въ чемъ не проговорились.

**) Командиръ нерчинскихъ горныхъ заводовъ генералъ-маіоръ Василій Ивановичъ Суворовъ, отецъ знаменитаго героя.

а тѣмъ болѣе не могла его распутать. Евдокимовъ ловко отвертывался и далеко пряталъ концы. Остановившись на собранныхъ показаніяхъ, слѣдственная коммиссія додумалась только до очныхъ ставокъ, но и ставки эти доставили ей новую путаницу. Съ трудомъ она, наконецъ, могла наслѣдить только одно и рѣшить для себя два главныхъ вопроса:

1. Назывался ли солдать Петръ Чернышевъ императоромъ Петромъ Третьимъ?

„Называлcя неоднократно и сказывался таковымъ всѣмъ, его знавшимъ и приходившимъ къ нему съ разспросами".

2. Что побудило Чернышева на подобное разглашеніе о себѣ?

„Разглашалъ все это не для чего иного, какъ только изъ желанія получать отъ довѣрчивыхъ людей деньги! Разглашать о себѣ велѣлъ другимъ—также только для своего прибытка, чтобы „привести здѣшнихъ жителей въ сожалѣніе" (возбудить ихъ сочувствіе); а возбуждалъ это сочувствіе опять-таки исключительно для того, „чтобы подавали ему деньги и къ пищѣ потребные припасы присылали".

На этихъ показаніяхъ слѣдственная коммиссія и успокоилась, признавъ дѣло съ своей стороны завершеннымъ *). А между тѣмъ, вотъ что говорило прошедшее этого несчастнаго человѣка.

Онъ былъ нѣкогда солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка, изъ котораго отпущенъ былъ въ отпускъ на родину въ Орловскій уѣздъ, въ однодворческое село Васильевское, срокомъ на двѣ недѣли. Къ сроку этому рядовой Петръ Чернышевъ въ полкъ не явился. На родинѣ укралъ лошадь. Изъ полка посланы были за нимъ солдатъ и капралъ, но Чернышевъ, дойдя съ ними до слободы Куньей, бѣжалъ съ дороги и очутился въ Изюмскомъ уѣздѣ въ селѣ Купенкахъ. Здѣсь онъ сошелся съ попомъ (потомъ распопъ и ссыльный) Иванецкимъ. Въ дому у этого Иванецкаго Чернышевъ, разъ напившись пьянъ, при попадьѣ и при дьячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Объ этомъ же самомъ увѣрялъ онъ ихъ всѣхъ въ домѣ какого-то крестьянина и при этомъ притворно плакалъ. Сдружившись съ попомъ Иванецкимъ, онъ заставлялъ его пѣть молебны и всенощную; на эктеніяхъ упоминался какъ императоръ и, будучи въ церкви, ходилъ въ царскія врата. Вскорѣ, однако, онъ былъ пойманъ, отданъ подъ караулъ и отосланъ къ бригадиру Зоричу. Здѣсь, на допросахъ, Чернышевъ упорствовалъ въ сознаніи, много лгалъ, „а что императоромъ себя называлъ, то это-де въ пьяномъ видѣ, и замышлялъ выманить у Иванецкаго платье". Называться такимъ образомъ научилъ его одинъ солдатъ, который, за смертоубійство, отправленъ въ Сибирь въ ссылку. На этомъ же допросѣ сказывалъ, что разъ уже былъ наказанъ за воровство шпицрутенами и батожьемъ. Уличенный, такимъ образомъ, въ преступленіяхъ, Чернышевъ за ложно вымышленное разглашеніе, „яко возмутитель блаженнаго народнаго спокойствія и государственной тишины, а равно и за учиненное воровство (лошади) и побѣгъ и за ложныя въ допросахъ показанія" избавленъ былъ отъ смертной казни. Вмѣсто нее велѣно было въ селѣ Купянкахъ наказать его жестоко кнутомъ и сослать въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно *).

Подробности этого событія сдѣлались извѣстными канцеляріи нерчинскаго горнаго начальства уже гораздо впослѣдствіи, черезъ отношеніе генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго. До той поры слѣдователи смутно догадывались о дѣлѣ Чернышева и не могли дать себѣ яснаго отчета объ его разглашеніи. Эта неясность и запутанность взгляда и мнѣній перешла и въ самый докладъ, который изготовила коммиссія и представила въ сенатъ. Мы представляемъ теперь только начало и конецъ этого „доношенія" съ буквальною точностью, въ доказательство нашей мысли и въ образецъ того, какъ казенная форменность слога вообще могла затемнять способъ изложенія и безбожно искажать въ то же время живой, богатый и законченный нашъ родной языкъ.

„Понеже, — пишетъ канцелярія нерчинскаго горнаго начальства: — изъ производимаго въ здѣшней канцеляріи дѣла оказалось, что присыльный сюда Чернышевъ самъ выдумалъ, его сообщники разглашали объ немъ, яко бы онъ бывшій императоръ Петръ III, чѣмъ многихъ уже изъ находившихся здѣсь крестьянъ и другого званія людей и увѣрили, которые по своему легкомыслію и давали ему великіе подарки и намѣревались его увезти, въ чемъ многіе и сами добровольно признались, а объ ономъ же про Чернышева важномъ разглашеніи знали и находящіеся въ нерчинскомъ вѣдомствѣ тунгусскій князь Алексѣй да князь-Павла сынъ, Степанъ Гантимуровы, также крестьянинъ Забѣлинъ, онъ же и Шебарша, и прочіе, а паче, что всѣ тѣ, кои у нихъ съ тѣмъ ложнымъ разглашеніемъ были, показываютъ, что изъ нихъ князь Алексѣй Гантимуровъ хотѣлъ означеннаго Чернышева изъ-подъ караула сильно увести и представить въ Санктъ-Петербургъ или отвести, куда онъ велитъ; о чемъ и оный крестьянинъ Шебарша сообщнику Чернышева,

*) Во всемъ остальномъ очныя ставки выводили наружу однѣ только мелочи; такъ, подъ письмомъ, отосланнымъ къ Большакову, было подписано только «Петръ Ѳедоровъ», а не добавлено Чернышевъ. Писемъ онъ не писалъ самъ по неумѣнью; подсудимые не говорили прежде многаго, изъ боязни наказанія, и т. п.

*) Тогда же и за то же, вѣроятно, сосланъ былъ и попъ Иванецкій въ сосѣдство къ Чернышеву по нерчинскимъ заводамъ.

ссыльному же Евдокимову, какъ онъ показываетъ, объявлялъ; также и казакъ Григорій Тарскій крестьянину Серебряникову объ томъ же, обще съ онымъ Гантимуровымъ къ Чернышеву приказывали, а его, Серебряникова, подучали, дабы онъ упоминаемаго Чернышева увелъ потаенно и къ нимъ доставилъ съ немалымъ обнадеживаньемъ; а сверхъ того, оный же князь Алексѣй и объявленный князь-Павла сынъ Степанъ Гантимуровы посылали къ оному Чернышеву письмо и какъ они, тамъ часто упоминаемый крестьянинъ Шебарша давали ему, Чернышеву, великіе подарки, чего всего имъ какъ для ссыльнаго, когда бъ они заподлинно его, Чернышева, такъ не почитали—чинить никакой надобности не было по разсужденію, что оный Серебряниковъ не подозрительный, то и болѣе показаніе его принять должно; да и самый оный Чернышевъ и всѣ его въ томъ сообщники и которые тѣ подарки отъ нихъ носили, объявляютъ согласно; почему бъ ими Гантимуровыми, Тарскимъ и Шебаршею, яко намѣревающимися произвести весьма противное, и надлежало изслѣдовать, ибо ежели все оное справедливо, какъ на нихъ показано, то они, конечно, безъ тягчайшаго штрафы оставлены быть не должны; но хотя изъ оныхъ Шебарша черезъ нарочнаго и требованъ былъ отъ нерчинской воеводской канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой онъ состоитъ, но токмо и онъ самовольно выѣхавшею изъ здѣшняго завода слѣдственною коммиссіею и за показаніемъ объ немъ, что онъ потребенъ для великоважнаго дѣла удержанъ и еще съ непринадлежащимъ на здѣшнюю канцелярію, яко бы она его требуетъ для своего корыстолюбія, поношеніемъ, то и воеводской канцеляріи, безъ всякихъ въ томъ основательныхъ причинъ, предписала. Чтожъ принадлежитъ до объявленныхъ князей Гантимуровыхъ и казака, то уже здѣшняя канцелярія и требовать ихъ почитаетъ за единое въ рѣшеніи сего дѣла продолженіе, ибо когда означенная коммиссія прежде писаннаго крестьянина Шебаршу удерживала, то уже, конечно, объявленныхъ князей Гантимуровыхъ безъ удержанія не оставитъ же *).

„...Слѣдовало бы,—говоритъ далѣе доношеніе: обратить бдительное вниманіе на адъютанта главнаго штаба и члена коммиссіи Панова, но сдѣлать этого канцелярія не можетъ: во 1-хъ потому, что, за множествомъ дѣлъ и за неимѣніемъ достаточнаго числа приказныхъ служителей, канцелярія съ трудомъ управляется и текущими дѣлами (а дѣло Панова, по важности его, не всякому можно довѣрить); а во 2-хъ, если всѣхъ оговоренныхъ людей забрать, то не хватитъ мѣстъ для помѣщенія, не достанетъ и людей для караула, и теперь уже съ большимъ затрудненіемъ содержатся арестованные по этому дѣлу и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бъ ихъ и содержать не должно. По неимѣнію же военныхъ служителей употребляется въ караулъ „по крайной неминуемости" большая часть заводскихъ служителей. Многіе изъ нихъ отправлены въ Петербургъ съ серебромъ и еще не возвратились и всѣ весьма потребны для заводскихъ работъ, а паче, что именнымъ ея императорскаго величества указомъ, состоявшимся 1762 года о уничтоженіи тайной канцеляріи, повелѣно: буде доноситель имѣетъ и доказательства и свидѣтелей, что доносъ его правъ, и свидѣтели съ нимъ объявляютъ единогласно, то и доносителя и свидетелей и тѣхъ или того, на кого доносъ, забрать подъ крѣпкій караулъ, тотчасъ доносить со всѣми обстоятельствами въ правительствующій сенатъ и ожидать указу. Объявленное дѣло касается и до обоихъ, изображенныхъ въ томъ указѣ пунктовъ, почему бы здѣшняя канцелярія, въ силу онаго указу, и должна была изыскать о всѣхъ подробностяхъ того происшествія, но по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ болѣе производства по сему дѣлу чинить не можетъ... Того ради" и проч.

Представленіе это послано было 3 іюля 1770 г. съ нарочнымъ въ С.-Петербургъ *).

Всѣ арестованные по дѣлу Чернышева (17 человѣкъ) размѣщены были по разнымъ тюрьмамъ: одни въ Кутомарѣ, другіе въ нерчинскомъ Большомъ заводѣ, третьи въ Дучарскомъ, скованными за крѣпкимъ карауломъ. Нѣкоторыхъ назначено было употреблять въ заводскія работы, но также за крѣпкимъ и безопаснымъ карауломъ, до разговоровъ съ ними допускать никого не велѣно. Чернышевъ содержался въ Большомъ заводѣ отдѣльно отъ всѣхъ. Къ нему

*) Слѣдуетъ запутанный разсказъ объ упорствѣ Гантимурова явиться въ канцелярію горнаго начальства и дать отвѣты и изъясненіе опасеній канцеляріи дѣйствовать наступательно: «ибо у нихъ (Гантимуровыхъ) кочующихъ тунгусовъ подъ командою состоитъ немалая тысяча человѣкъ и народъ весьма легкомысленный и склонный къ продерзостямъ»!

*) Прогоновъ назначено было 41 рубль до Петербурга (1204 версты до Иркутска, 5420 до Новгорода, 186 до С.-Петербурга), а на обратный путь на 6624 версты 75 руб. 98 коп., «ибо лѣтнимъ путемъ отправленія быть не уповательно». Въ инструкціи, выданной посланному солдату, замѣчательны §§ 3-ій и 4-ый. Въ нихъ сказано: «будучи въ ономъ нигдѣ пути, никакихъ обидъ, налоговъ и напрасныхъ прибытковъ не чинить и до взятковъ ни подъ какимъ видомъ и ни на единую полушку не касаться и повёрстныя деньги ямщикамъ платить сполна, по указу, безъ малѣйшаго удержанія; въ волокиты также по не принадлежащимъ ни кому изъ живущимъ по пути обывателямъ, состоявшихся указовъ и собою вымышленныхъ лживыхъ и тебѣ того не извѣстнаго не разсказывать. Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже сюда, кромѣ настоящихъ доношеніевъ».

также никого не допускали; кто имѣлъ до него нужду—тѣхъ подробно опрашивали, кто приносилъ подарки—тѣхъ задерживали. Чернышевъ никого не видалъ.

4 сентября 1770 года состоялся именной указъ императрицы Екатерины на имя главнаго командира нерчинскихъ серебро-плавильныхъ заводовъ, генералъ-маіора В. И. Суворова:

„Нашему генералъ-маіору Суворову. Изъ присланнаго отъ васъ къ нашему генералъ-прокурору мая отъ 7, числа сего года рапорта, мы усмотрѣли, что сосланный по нашему указу на нерчинскіе заводы природою крестьянинъ Чернышевъ, который чинилъ о себѣ ложное и вымышленное между таковыми же крестьянами разглашеніе, а нынѣ еще оный Чернышевъ и на заводахъ чинилъ таковое же ложное о себѣ разглашеніе. Чего ради повелѣваемъ онаго ссыльнаго Чернышева, если дѣйствительно отъ него то разглашеніе чинено было, за сію его дерзость наказать публично, при тамошнихъ заводскихъ жителяхъ, при коихъ онъ то о себѣ разглашеніе и дѣлалъ и кои ему, можетъ быть, по сущей простотѣ своей или, лучше сказать, малодушію тому его ложному разглашенію повѣрили, кнутомъ и, заклеймя, какъ человѣка злаго и дерзкаго, послать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣть его употреблять въ тяжкихъ работахъ. Какъ же оное его разглашеніе по здравому разуму, достойно сущаго презрѣнія, то и слѣдствія никакого о томъ не производить. Екатерина“.

Въ то же время (5 сентября) и генералъ-прокуроръ (князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій) писалъ къ тому же Суворову: „Государь мой, Василій Ивановичъ! Хотя изъ присланнаго къ вашему превосходительству высочайшаго ея императорскаго величества указа, по рапорту вашему о наказаніи ссылочнаго Чернышева, ваше пр-во и можете увидать, что разглашеніе его достойно презрѣнія, и потому и слѣдствія никакого производить не повелѣно, но какъ изъ того жъ рапорта вашего видно и то, что уже ваше пр-во объ ономъ разглашеніи начали производить слѣдствіе, а потому и уповательно, что можетъ быть по оному дѣлу забраны люди подъ караулъ и содержатся, то ея имп. вел. высочайше повелѣть соизволила къ вашему пр-ву отписать, чтобъ, по полученіи сего, всѣхъ тѣхъ людей, кои по сему дѣлу къ слѣдствію были привлечены, изъ-подъ караула освободить и, освободя ихъ, а равно и кто именно забраны были по оному дѣлу подъ караулъ и по какимъ подозрѣніямъ, для донесенія ея имп. вел-ву ко мнѣ отписать; при семъ же прилагаю изображеніе винъ помянутаго ссыльнаго Чернышева, которое, какъ онъ выведенъ будетъ на публичное мѣсто къ наказанію, изволите приказать, при собраніи народа, вслухъ ему прочитать и по тому повелѣнное наказаніе учинить, ибо чрезъ сіе самое народъ узнаетъ и прежнія его плутовства. Впрочемъ, пребываю и проч.“.

13 октября того же года и тотъ же генералъ-прокуроръ дѣлалъ дополнительное предложеніе и писалъ изъ Петербурга Суворову въ Нерчинскъ совѣты *). Но уже было поздно: Суворовъ поспѣшилъ привести указъ императрицы въ исполненіе.

2 ноября получили свободу всѣ тѣ изъ арестованныхъ по дѣлу Чернышева, которые содержались подъ карауломъ въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, таковы: плавильный мастеръ Иванъ Карповъ, ссыльные: Левъ Евдокимовъ, Кузьма Фирсовъ, Θедоръ Кореневъ (онъ же Дубленый). Затѣмъ распущены были по домамъ и остальные люди, размѣщенные по тюрьмамъ кутомарской и дучарской. Отъ каждаго изъ нихъ взяты были подписки, „дабы они отнюдь впредь такому ложному разглашенію не вѣрили и объ ономъ, почему они содержались, никому не сказывали, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неопустительнаго штрафа“.

4 ноября совершена была въ заводѣ казнь надъ Чернышевымъ „при собраніи здѣшняго завода жителей, и изображеніе винъ прочитано и наказаніе кнутомъ учинено“. На третій день (6 ноября) Суворовъ поспѣшилъ совершить надъ Чернышевымъ и второе наказаніе: дѣятельно озаботился отправкою его на мѣсто новой ссылки. Для сопровожденія Чернышева назначены были фурьеръ Лазаревъ и солдатъ

*) Вотъ что писалъ, между прочимъ, князь Вяземскій къ Суворову: «1) Какъ уже о учиненіи означенному Чернышеву, за показанную вину, наказанія, а равно и о свободѣ содержащихся по сему дѣлу людей, минувшаго сентября 5-го высочайшій ея имп. велич. указъ ген.-маіору Суворову данъ, то нынѣ объ ономъ Чернышевѣ и резолюцію вновь нужды давать не остается; 2) изъ произведеннаго же слѣдствія усмотрѣно, что ссыльный Кузьма Фирсовъ, будучи столь безсовѣстенъ, что не только разглашалъ и утверждалъ это Чернышева разглашеніе за истинное, именно же тѣмъ, яко бы онъ самъ, будучи въ Петербургѣ, его видалъ, чего никогда въ самомъ дѣлѣ не было, да и быть не могло; однако же, самъ своимъ ложнымъ и вымышленнымъ увѣреніемъ показанныхъ по дѣлу людей довелъ до тюремнаго заключенія,—чего ради за таковой его умыселъ ложный и что, чрезъ сіе самое, утвердилъ онъ и въ прочихъ болѣе вѣроятія; такъ же, дабы и впредь онъ таковыхъ ложныхъ плевелъ разсѣвать не отважился, наказать его, Фирсова, публично плетьми и изъ-подъ караула освободить; 3) что же по оному слѣдствію открыто было, хотя отъ недостойныхъ вѣры людей, яко бы генералъ-маіоръ Ивашовъ, а равно и его адъютантъ о разглашеніи Чернышевымъ о себѣ были извѣстны, чего въ самомъ существѣ быть не можно, да и самые сіи оклеветатели въ томъ ложномъ разглашеніи признались, то и оное предать совершенному забвенію». Предложеніе это приведено было въ Нерчинскомъ заводѣ въ исполненіе 27 января 1771 года.

Рудаковъ. Имъ выдано жалованье и аммуниція впередъ за цѣлый годъ (по 1 руб. 12½ коп. на мундиръ и 1 руб. 59¾ коп. за выплавленное соребро; всего по 2 руб. 72¼ коп.). Чернышевъ получилъ шубу, рукавицы („голицы съ ворогами") и на чулки серяжнаго сукна три аршина. Для дороги, на казенный же счетъ, заготовлено было двое саней („обшевней"), фурьеру Лазареву--по формѣ—выдана была инструкція, въ которой, между прочимъ, приказано: „Принять Чернышева скованнаго и вести таковымъ подъ крѣпкимъ карауломъ, съ коимъ никого ни до какихъ разговоровъ не допускать и самимъ о неподлежащемъ не разговаривать и отъ утечки хранить неослабно, а для пропитанія давать по двѣ копейки на день; звать въ Мангазеѣ въ воеводскую канцелярію" и проч.

При отправленіи Чернышева, нерчинское горное начальство встрѣтило весьма важное затрудненіе: оно не знало количества верстъ до мѣста назначенія Чернышева, смутно имѣя представленіе о томъ, что надо его вести по направленію къ Иркутску. Нерчинская канцелярія изъ этого недоразумѣнія и невѣденія выпуталась такимъ образомъ: она выдала прогонныя деньги до Иркутска, гдѣ просила губернатора (генералъ-маіора Бриля) выдать прогоны до Мангазеи. Но и въ Иркутскѣ рѣшились выдать ихъ только до Енисейска (на 1.137 верстъ) и уже енисейская провинціальная канцелярія должна была снабдить приставниковъ Чернышева деньгами до Мангазеи *).

18 февраля 1771 года канцелярія нерч. горн. нач. рапортовала генералъ-прокурору Вяземскому слѣдующее:

„Чернышевъ, по учиненіи повелѣннаго наказанія, отправленъ былъ съ нарочнымъ въ Мангазею, который, по привозѣ въ городъ Енисейскъ отъ тамошней канцеляріи, за приключившеюся ему болѣзнью и что отъ Енисейска до Мангазеи зимняго тракта нѣтъ,—удержанъ былъ до будущаго весною отправленія въ ономъ Енисейскѣ; а сего февраля 17 дня она, енисейская канцелярія, присланнымъ рапортомъ объявляетъ, что оный Чернышевъ, съ самаго въ Енисейскъ привозу, будучи содержанъ въ тюремномъ острогѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. находясь въ болѣзни, на 6 число минувшаго января сего 1771 года умре, который надлежащимъ порядкомъ и погребенъ".

Излишняя ли скорость поѣздки или излишнее рвеніе мѣстныхъ начальствъ были причиною такой скорой смерти Чернышева—рѣшить мы не имѣемъ данныхъ. Знаемъ только, что ему было отъ роду всего только 36 лѣтъ, а по рапорту енисейской канцеляріи, что въ Енисейскъ онъ прибылъ безъ теплой одежды и уже серьезно больнымъ. Остановленъ онъ былъ въ тюрьмѣ сколько потому, что до Мангазеи нѣтъ зимняго пути (большую половину котораго ходятъ на лыжахъ или ѣздятъ на собакахъ), столько же и потому, что предполагали будущею раннею весною отправить Чернышева на казенныхъ баркахъ, которыя каждогодно отправляются съ казенною солью.

Чернышевъ погребенъ былъ за вечернею при енисейской Богородицкой церкви. Послѣ него остались собственные его пожитки: войлокъ, небольшая подушка и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрышки; всѣ эти вещи опредѣлено распродать, „а и еще имѣлась при ономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта, подъ него подстилана и что онъ гнилъ и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила и затѣмъ брошена" (темно и запутано, но, тѣмъ не менѣе, краснорѣчиво писала 19 января 1771 года енисейская провинціальная канцелярія въ канцелярію нерчинскаго горнаго начальства *).

По отъѣздѣ Суворова власть и административная сила въ рукахъ сумасброднаго, полупомѣшаннаго преемника его Нарышкина (Вас. Вас.) превратилась въ орудіе самаго бестолковаго и безобразнаго произвола. Командованье Нарышкина до такой степени своебразно, что мы рѣшаемся говорить о немъ подробнѣе.

*) На рѣкѣ Тазѣ, около 1.800 верстъ отъ рѣки Енисея, черезъ тундру, гораздо сѣвернѣе Туруханска, вблизи океана, существовалъ этотъ острогъ Мангазея. Названіе свое онъ получилъ отъ перваго русскаго хлѣбнаго магазина (магазеи), построеннаго въ прошломъ столѣтіи, тотчасъ по занятіи того края русскими и когда еще хлѣбъ въ сѣверную Сибирь доставлялся изъ Архангельска черезъ Обскую губу. Лѣтъ слишкомъ сто тому назадъ эта Мангазея сожжена юраками, враждовавшими съ остяками и за то, что русскіе вступились за остяковъ. Вслѣдствіе этихъ несогласій, земли были разграничены: правые берега р. Оби и Таза отданы были юракамъ, а лѣвые—остякамъ. Теперь на мѣстѣ Мангазеи не видать не только русскихъ избъ, но даже и инородческихъ юртъ.

*) Въ современномъ архивѣ современнаго нерчинскаго горнаго правленія хранится все это дѣло о Чернышевѣ съ надписаніемъ: «Секретное дѣло о каторжномъ Петрѣ Чернышевѣ съ 1770 года (начато по рапорту дучарской заводской конторы), преданное вѣчному забвенію». Въ ряду другихъ Чернышевъ—седьмой самозванецъ на одно и то же имя.

III.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НАРЫШКИНЪ.

Черезъ четыре года послѣ разсказаннаго нами событія, на мѣсто знакомаго уже намъ генералъ-маіора В. И. Суворова, пріѣхалъ изъ С.-Петербурга въ нерчинскіе заводы новый главный командиръ ихъ—коллежскій совѣтникъ В. В. Нарышкинъ—бывшій прокуроръ комерцъ-коллегіи. Суворова нашелъ онъ еще въ заводѣ и, тотчасъ же по пріѣздѣ, озаботился выдачею ему прогонныхъ денегъ на 10 подводъ (на 7009 верстъ—всего 544 руб. 97½ коп.) до Петербурга, куда просилъ себѣ Суворовъ увольненія за болѣзнью.

2 мая 1775 года пріѣхалъ Нарышкинъ въ Большой нерчинскій заводъ—центральное мѣсто всего управленія, а 4 мая уже вступилъ въ командованье заводами и занялся его дѣлами съ изумительною ревностью. Ровно одинадцать мѣсяцевъ не выходилъ онъ изъ своей квартиры и никто его, кромѣ должностныхъ лицъ и докладчиковъ, никогда и нигдѣ не видѣлъ. Какъ это все дѣйствовало на арестантовъ и заводскихъ служителей, по дѣлу о Нарышкинѣ не видно, но, по дальнѣйшимъ его распоряженіямъ, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что затворничество главнаго командира не прошло для заводовъ безъ благодѣтельныхъ улучшеній и болѣе или менѣе разумныхъ распоряженій на первое время.

„Разсматривая состояніе заводскихъ крестьянъ,—писалъ онъ въ нерчинскую заводскую контору:—нашелъ я нѣкоторыя ихъ селенія утѣсненными и недостаточными въ земляхъ, а напротивъ того зная, что заводскіе офицеры (получая отъ казны съ жалованьемъ и раціоны, равно какъ и самъ я) пользуются землями для своихъ пашенъ и сѣнныхъ покосовъ, то дабы крестьяне получать могли возможныя выгоды и не терпѣли бы въ земляхъ недостатка, коимъ, по всей справедливости, онѣ принадлежатъ больше всякаго состоянія людей, отнынѣ запрещается всякому офицеру или въ службѣ находящемуся человѣку, сверхъ своего опредѣленнаго жалованья, владѣть землями, что наблюдать при заводахъ и рудникахъ управителямъ; землю офицеры обязаны нанимать повольно у крестьянъ; изъ сего правила исключаются мѣста, лежащія въ отдаленіи и въ совершенной пустотѣ".

Такимъ рѣшительнымъ распоряженіемъ началъ Нарышкинъ свое управленіе заводами, устремляя вниманіе преимущественно на крестьянъ, быть которыхъ его особенно заботилъ. Видя трудность ихъ положенія относительно платежа податей и исправленія заводскихъ работъ, онъ поспѣшилъ привести все это для себя въ ясность. По его соображеніямъ и по разсчету оказалось, что заводскіе крестьяне платили впятеро больше, чѣмъ сосѣдніе государственные крестьяне. Чтобы облегчить ихъ участь съ этой стороны, онъ отдалилъ сроки для сбора подушныхъ денегъ и вмѣсто мая назначилъ іюнь, а съ другой—упразднилъ право располагать крестьянскими работами, направленіе которыхъ до этого времени зависѣло отъ заводскихъ конторъ. Въ то же время освободилъ онъ заводскихъ крестьянъ отъ излишнихъ работъ, назначаемыхъ тѣмъ изъ нихъ, за которыми осталась казенная недоимка. При этомъ Нарышкинъ высказался, во всеобщее извѣстіе, слѣдующимъ образомъ: „Должность начальника не только въ томъ есть, чтобы пользоваться лестною при первомъ видѣ казнѣ выгодою, но примѣчать того: не ведетъ ли оная съ собою, на настоящее и будущее время какого неудобства и, вмѣсто пользы, не можетъ ли произвести вредъ".

На основаніи этихъ убѣжденій, онъ поспѣшилъ сложить съ крестьянъ всѣ заводскія работы, опредѣленныя на 1777 годъ, и съ тѣмъ, однако же, чтобы настоящія они „исправили въ положенное время неотмѣнно", обѣщая неисправныхъ употребить въ каторжную работу. Возить руду со всѣхъ рудниковъ и во всѣ заводы дозволилъ каждому крестьянину, прибавивъ по два рубля на каждую тысячу пудовъ, и деньги за возку приказалъ „выдавать стараться безъ малѣйшаго промедленія, чтобы этимъ самымъ больше возчиковъ пріохотить". Для устраненія злоупотребленія, назначилъ надежныхъ смотрителей.

„Для сохраненія лучшаго и добраго порядка между крестьянами",онъ учредилъ въ помощь старостамъ, должности двухъ судей, которыхъ выбираютъ сами крестьяне, а начальство только приводитъ къ присягѣ. 4 іюня того же 1777 года, указомъ своимъ уничтожилъ въ селеніяхъ приказныя избы, переименовавъ ихъ въ земскіе суды. Судамъ этимъ далъ наставленія относительно земледѣлія и сельскаго хозяйства. Въ „наставленіяхъ" этихъ Нарышкинъ успѣлъ показать въ себѣ практическаго и знающаго человѣка. Говоря о хозяйствѣ, входитъ въ мельчайшія подробности и обличаетъ въ себѣ большого знатока дѣла и замѣчательнаго практика,

хотя въ правилахъ о домообзаводствѣ разсыпалъ много утопій, но, въ то же время, высказалъ много дѣльныхъ замѣтокъ *). Наставленія и правила эти онъ велѣлъ читать крестьянамъ по церквамъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церквей нѣтъ, предписалъ собирать крестьянъ въ земскіе суды.

Уходя дальше въ своихъ заботахъ о земледѣліи, Нарышкинъ увеличилъ число запасныхъ магазиновъ, но хлѣбъ предполагалъ складывать только на одинъ годъ. Хлѣбъ закупалъ самъ и продавалъ его неимущимъ по казеннымъ цѣнамъ; нерѣдко отпускалъ въ долгъ. Заботился о разведеніи въ Аргунскомъ острогѣ конопли и собственноручно писалъ правила и руководства для ея мочки. Исправныхъ старшинъ, являвшихся въ канцелярію съ дѣльными, правдивыми и честными отчетами, угощалъ у себя въ въ квартирѣ и обдаривалъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, обо всѣхъ таковыхъ публиковалъ во всеобщее извѣстіе.

Въ Аргунскомъ острогѣ Нарышкинъ намѣревался построить для престарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ богадѣльню, а въ Нерчинскомъ заводѣ прилагалъ сильное стараніе къ тому, чтобы существовавшую тамъ школу привести въ лучшій порядокъ „колико возможно, и учеными людьми завестися“. Всѣхъ учащихъ и учащихся собрано было до 77 человѣкъ. 21 апрѣля 1778 года училище было открыто и поручено въ дирекцію способнѣйшему человѣку, Николаю Иринархову **).

Таковъ краткій перечень всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя характеризируютъ заботливость новаго нерчинскаго командира о заводскихъ крестьянахъ. Насколько они имѣли успѣха въ практическомъ примѣненіи—по дѣлу о Нарышкинѣ не видно. Извѣстно только то важное и характеристическое обстоятельство, что Нарышкинъ, черезъ полтора года послѣ своего пріѣзда въ заводъ, получилъ отъ крестьянъ Уровской сотни благодарственное письмо и двѣ „кормленныхъ коровы“ въ подарокъ. Крестьяне писали ему: „Мы отъ тебя наставленія получили, мы то узнали о Богѣ, государѣ и ближнемъ, чего не только не слыхали, но и никто намъ о сихъ вещахъ не сказывалъ. Вы всѣхъ своихъ, позвольте сказать, овецъ питаете собственнымъ обѣдомъ, не занимая отъ насъ ни фунта хлѣба, съ разбрасываньемъ не мало намъ же денегъ, поя притомъ виномъ“. На эти весьма замѣчательныя строки Нарышкинъ отвѣчалъ также подаркомъ (двумя империалами) и письмомъ. Въ письмѣ своемъ онъ пишетъ, между прочимъ: „Упоминаете вы, что въ бытность мою здѣсь, не требуя я отъ васъ хлѣба и всего, тому подобнаго даромъ, но собственно самъ угощаю васъ наивозможнымъ образомъ,—повѣрьте, друзья мои, что я здѣсь, по власти царствующей надъ нами государыни, не раззорять пришелъ, но доставить каждому изъ изъ васъ, колико могу, благополучную жизнь и добрую надежду“.

Въ своихъ хвастливыхъ увѣреніяхъ Нарышкинъ, по своему, былъ правъ, правъ именно въ тѣхъ убѣжденіяхъ, къ которымъ онъ пришелъ послѣ внимательнаго знакомства съ состояніемъ заводовъ и послѣ разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ, относящихся до общественнаго быта какъ крестьянъ, такъ и каторжныхъ. Вотъ къ какимъ положеніямъ пришелъ Нарышкинъ и вотъ что объявлялъ онъ, въ одномъ изъ своихъ указовъ, во всенародное извѣстіе:

„Прежде, нежели я вступилъ на степень здѣшняго правленія, земледѣльцы не имѣли способнаго для нихъ земскаго правленія, но всегда управляемы были посылаемыми отъ канцеляріи здѣшняго горнаго начальства управителями и приказчиками, изъ коихъ многіе (какъ мнѣ извѣстно по доходившимъ до меня просьбамъ) не какъ вѣрные рабы своей государыни и истинные сыны отечества, учреждали свои поступки къ пользѣ и спокойствію врученныхъ имъ согражданъ, но, предводительствуемы будучи однѣми страстями и порочнымъ самолюбіемъ, отягощали бѣдныхъ землевладѣльцевъ гнуснымъ своимъ корыстолюбіемъ и взятками“. Управители не только не старались поощрять крестьянъ къ работѣ и приводить земледѣліе въ цвѣтущее состояніе, но, „продолжая алчность богопротивнаго имянолюбія“, отрывали крестьянъ отъ обыкновенныхъ работъ и тѣмъ доводили земледѣльца до унынія и нерадивости. „И какъ надлежало земледѣльцу чудныя натуры руководствомъ продолжать свое преполезное отечеству дѣланіе, т. е. пахать землю и сѣять хлѣбъ не пропустя времени, дабы оный успѣлъ къ своему созрѣнію въ удобное время“, эти начальники находили для себя

*) Въ этихъ наставленіяхъ особенную заботу онъ прилагаетъ къ удобренію полей и посѣвамъ. Такъ, совѣтуетъ мочить сѣмяна черезъ ночь въ навозномъ соку и пересыпать лежалою на воздухѣ известью. Выжженныя поля и нови совѣтуетъ проходить нарѣзною сохою вдоль и поперекъ столько разъ, сколько потребно для разсѣченія корней, которые потомъ легко вывалятся. Мѣста, гдѣ хлѣбъ худо родится, предлагаетъ пахать на быкахъ, ибо-де одна лошадь не имѣетъ силы противъ двухъ быковъ, а пара быковъ не дороже хорошей пахотной лошади. Сѣять хлѣбъ предполагаетъ мельче, «мельче сѣянный,—говоритъ онъ:--родится лучше глубоко сѣяннаго»; самъ дѣлалъ опыты и счастливый результатъ остался на его сторонѣ. Запахивать посѣянный хлѣбъ (какъ это дѣлаютъ крестьяне) не совѣтовалъ, но полагалъ срѣзывать стебли озимыхъ веходовъ даже до 4-хъ разъ. Даетъ нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ для леченія заболѣвшаго скота и нѣсколько гигіеническихъ для предотвращенія скота отъ болѣзней, и проч. и проч.

**) Въ учители назначены: унтеръ-шихмейстеръ Хоппа и ссыльный, находящійся въ работѣ, Семенъ Лицкинъ.

таковые дни золотою жатвою. Прицѣпившись несправедливымъ образомъ, они нагло „вымучивали деньги и скота, и считая, что крестьянинъ, имѣя нужное время въ своемъ земледѣліи, не пощадитъ отдать послѣдняго имущества, дабы успѣть въ своемъ богоугодномъ предпредпріятіи". Отъ этихъ проволочекъ, въ самое нужное для посѣву время, крестьяне остались безъ пропитанія, въ отягощеніе обществу, а истощивъ послѣднее имущество на пищу, „не имѣли чѣмъ заплатить государственныя положенныя подати". „Отъ таковыхъ поступокъ столь почти далеко произросло все вышеписанное зло, что не осталось почти сотой части крестьянъ, которые бы не состояли за нѣсколько лѣтъ обыкновенныхъ податей подъ недоимкою. Отъ сего иногда государственная казна терпитъ недостатки и въ случаѣ нужныхъ для пользы отечества учрежденій терпитъ остановки. Сверхъ того, ежели паче чаянія (чего Боже сохрани!), въ случаѣ недоимки, то не думаю, чтобы во всемъ здѣшнемъ вѣдомствѣ могло сыскаться таковыхъ сто семей, которыя бы, черезъ годичное время, могли пропитать свое семейство. Изъ чего ясно можно видѣть (въ разсужденіи отдаленности здѣшняго мѣста отъ всѣхъ, обитаемыхъ земледѣльцами мѣстъ), какая можетъ произойти гибель человѣческаго рода, а государству ущербъ".

Не щадя далѣе самыхъ льстивыхъ и мудреныхъ выраженій, чтобы возбудить къ себѣ народную привязанность и довѣріе, Нарышкинъ не щадитъ заводскихъ чиновниковъ. Не щадитъ онъ ихъ и фактически, на самомъ дѣлѣ. Уставщика Семена Бѣлаго, который „отважился препятствовать хорошей плавкѣ рудъ и сдѣлалъ вмѣсто назначенной ему другую смѣсь, чтобы лучше прежняго не было—велѣлъ Нарышкинъ прислать „бездѣльника скованнаго". Такимъ образомъ, преслѣдуя взятки, похлѣбства и въ дѣлахъ понаровки, одного чиновника разжаловалъ въ рабочіе за то, что нашелъ у него поклонное: деньги, соболей, лошадей и штофъ французской водки. Прапорщика Тыркова, уличеннаго въ дѣланьи кредитныхъ билетовъ и въ распространеніи ихъ въ народѣ, заковалъ въ цѣпи. Шихмейстера Боршина лишилъ чиновъ и записалъ въ рудокопщики третьей статьи.

Открывъ въ Шилкинскомъ заводѣ злоупотребленія по утайкѣ рудъ (когда пріемщики приписывали излишнее количество рудъ и угля, а избытокъ записывали въ расходъ), Нарышкинъ рѣшился серьезно подумать объ искорененіи злоупотребленій. Мѣрою для этого онъ предположилъ прибавку служителямъ и чиновникамъ жалованья, что и привелъ въ исполненіе *), но не имѣлъ успѣха. Вскорѣ онъ убѣдился въ томъ, что зло пустило корни гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и потому прибѣгнулъ къ другому средству. Въ секретари себѣ онъ выбралъ двухъ секретныхъ колодниковъ—Алексѣя Исакова и Ивана Жихарева, назначивъ имъ обоимъ по 60 руб. въ годъ жалованья, и придалъ имъ въ помощники еще трехъ человѣкъ и также изъ числа секретныхъ арестантовъ (Трифона Карпова, Матвѣя Семенова и Замятнина) и также съ приличнымъ жалованьемъ, хотя и на половину противъ прежнихъ двухъ *). Изъ остальныхъ ссыльныхъ 331 человѣка съ обыкновенной трехденежной платы въ день свелъ въ окладное жалованье. Многихъ производилъ въ чины и опредѣлялъ въ писарскія и другія должности по своему усмотрѣнію. Вообще, въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся, велъ себя какъ самовластный и неограниченный повелитель, дралъ батожьемъ и не сказывалъ за что, „извѣстно-де мнѣ единому". Указомъ запретилъ ссыльныхъ называть **варнаками**, **храпами**, **арканниками** и **чалдонами** и „тѣмъ безъ нужды, напоминая колкія слова, не отваживались бы, а кто сіе учинитъ, такой, яко не повинующійся, жестоко наказанъ будетъ, ибо ссыльные люди имѣютъ такое же чувство, какъ и всѣ прочіе, хотя они передъ Богомъ и государынею прегрѣшили". По поводу одного бѣглаго изъ Дучарскаго завода онъ писалъ: „Я всякому, во всѣхъ командахъ имѣющимъ, отъ притѣсненій и неудовольствій бѣжать къ покрову императорскому позволяю. Я самый исполнитель воли всеавгустѣйшей Екатерины II и подъ покровъ ея всѣхъ страждущихъ, обижаемыхъ и стѣсняемыхъ пріемлю и дѣлаю справедливыя разбирательства. Всякій бездѣльникъ, ябедникъ и клеветникъ, не хотящій трудиться въ своей должности, такъ какъ недостойный возрѣнія императорскаго, не будетъ принятъ подъ покровительство, а какъ богоотступникъ, извергъ человѣческаго рода, по мѣрѣ своего преступленія, неупустительно накажется".

Насколько Нарышкинъ былъ искрененъ въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, можно судить по тому, что тотчасъ по пріѣздѣ быстро выстроилъ, по желанію императрицы, около Кутомарскаго завода вододѣйствующій заводъ, въ самомъ же заводѣ соорудилъ храмъ во имя св. Екатерины, „въ честь великой и славной царствующей государыни", какъ выразился онъ въ объявленіи, назначенномъ во всенародное извѣстіе.

*) Получавшіе прежде 60 рублей, при Нарышкинѣ стали брать 96; получавшіе 48—84 р. и проч. Прибавлялъ Нарышкинъ къ прежнимъ окладамъ отъ 36 руб. и до 2-хъ руб. въ годъ (ниже двухъ не опускался).

*) Нарышкинъ привезъ съ собою въ Петербургъ одного штабъ и шесть человѣкъ оберъ-офицеровъ и лекаря, сверхъ положенныхъ въ штатѣ до того времени. Чиновниковъ этихъ онъ взялъ не по выбору, но по вызову.

Заводъ водяной оконченъ былъ къ 29 іюня—дню восшествія Екатерины на престолъ *).

Установляя собственные праздники **) и освобождая ссыльныхъ отъ работъ на недѣлю, на 10 дней и болѣе (съ сохраненіемъ жалованья), Нарышкинъ, въ оправданіе себя, говоритъ, что онъ дѣлаетъ это, „дабы всѣ были въ великой радости и возсылали молитвы о многолѣтнемъ монархини нашей здравіи, пекущейся о тишинѣ и спокойствіи".

Съ особенною торжественностью праздновалъ Нарышкинъ день рожденія Екатерины, 21 апрѣля 1776 года, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ рѣшился оставить свое уединеніе и показаться народу ***).

Послѣ обѣдни въ заводской церкви сдѣлалъ производство въ классные чины: маркшейдера Головачева—въ коллежскіе ассесоры, четырехъ гиттенфервальтеровъ—въ секундъ-маіоры, четырехъ бергъ-гешвореновъ—въ премьеръ-маіоры, восемь шихтмейстеровъ—въ бергъ-гешворены (изъ которыхъ одного въ бергъ-гешворены и капитаны, а другого—въ бергъ-гешворены и поручики); двухъ гиттенфервальтеровъ—въ бергъ-гешворены, трехъ унтеръ-шихмейстеровъ—въ шихмейстеры; нѣкоторыхъ канцеляристовъ—въ регистраторы, нѣкоторыхъ копіистовъ—въ канцеляристы, регистраторовъ—въ аудиторы и проч. и проч. Всего, такимъ образомъ, произведено имъ 127 человѣкъ. Всѣ они, послѣ обѣдни, приведены были Нарышкинымъ къ присягѣ. Торжество это привлекло потомъ къ дому главнаго командира огромное количество окрестнаго народа и всѣхъ до единаго заводскихъ жителей. Нарышкинъ вышелъ къ народу, говорилъ ему рѣчь „о Богѣ, о государѣ, о должности къ ближнему, о повиновеніи къ начальникамъ". Послѣ этой рѣчи всѣмъ собравшимся онъ поднесъ по стакану вина, каждому далъ по три аршина тонкаго холста и посадилъ за столы, приготовленные на 600 человѣкъ. За малымъ столомъ послѣ обѣдалъ самъ Нарышкинъ и съ нимъ вмѣстѣ по два человѣка ссыльныхъ, заводскихъ служителей и солдатъ „самыхъ дурнѣйшихъ". „Причемъ услужены были (т. е. услуживали имъ) штабъ и оберъ-офицерами, достойными сей человѣколюбивой чести", какъ сказано въ описаніи, составленномъ по приказанію Нарышкина и приложенномъ къ дѣлу о немъ, изъ котораго мы и беремъ всѣ эти подробности.

Послѣ обѣда Нарышкинъ, въ своихъ покояхъ, угощалъ на 90 кувертовъ „знатнѣйшихъ сего мѣста особъ" *). Всѣмъ обѣдавшимъ за прочими столами онъ выдалъ каждому по 10 копеекъ денегъ, какъ служителямъ и солдатамъ, такъ равно и всѣмъ ссыльнымъ. Послѣ этой раздачи палили нещадно изъ пушекъ, стрѣляли изъ ружей. Вечеромъ въ домѣ главнаго командира открылся балъ, во время котораго также не мало выброшено было народу денегъ. Балъ кончился на разсвѣтѣ. „Приведенная изъ здѣшняго батальона рота производила черезъ всю ночь пальбу" и получила за то награжденіе въ 350 руб. Послѣ пробитія вечерней зари зажжена была иллюминація.

Всѣ эти поступки Нарышкина, какъ растрата казенныхъ денегъ, такъ и униженіе чиновничьяго достоинства, естественнымъ образомъ вскорѣ же породили ему многихъ враговъ. Первымъ изъ нихъ заявился заводскій лекарь Томиловъ. Томиловъ, разъ поссорившись за что-то съ сыномъ своимъ, шихмейстеромъ Александромъ, началъ его бить. Александръ Томиловъ выговаривалъ отцу:

— Батюшка! что же ты меня бьешь и для чего бранишь? Я нынѣ офицеръ, пожалованъ главнымъ командиромъ Василіемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ.

— Главный командиръ,—отвѣчалъ на это лекарь:—пріѣхалъ сюда не дѣла дѣлать, а только казну расточать, да порохъ разстрѣливать и пьянствовать.

Рѣчи эти доложены были Нарышкину, признаны непристойными и лекарь посаженъ былъ въ тюрьму. Здѣсь вынудили у него сознаніе, что онъ все это говорилъ въ пьяномъ видѣ.

Затѣмъ Нарышкинъ, желая показать себя великодушнымъ, писалъ во всеобщее извѣстіе:

„Какъ съ одной стороны разсужденія лекаря Томилова, яко весьма неважной особы, никакъ

*) Уѣзжая до того времени въ Иркутскъ, Нарышкинъ писалъ къ управителю Губанову и бергъ-гешворену Казимирову: «Ежели онаго завода я не получу, то долженъ буду терзать свою совѣсть и мучиться, и безъ шутокъ напишу обоихъ васъ въ рудокопщики».

**) Напр., установилъ праздникъ «Открытіе новой благодати»; приказалъ, чтобы всѣ каялись во грѣхахъ, и для этого остановилъ всѣ заводскія работы.

***) Въ первый разъ, по пріѣздѣ въ Сибирь и послѣ 11-ти-мѣсячнаго добровольнаго заключенія дома (причемъ не приказывалъ отворять ставни), Нарышкинъ вышелъ въ первый день Пасхи, какъ увѣряетъ народное преданіе, вообще къ нему недружелюбное. Оно говоритъ, что Нарышкинъ заставилъ попа служить прежде заутрени обѣдню и затѣмъ ходилъ потомъ въ церковь ежедневно. При этомъ двѣ чиновницы вели его подъ руки; онъ шелъ, приплясывалъ и пѣлъ любимую свою пѣсню: «Батюшка богатъ—черевички купилъ». Такъ, между прочимъ, народъ еще сохранилъ изъ странностей и выходокъ Нарышкина одну также въ преданіи: сну его мѣшалъ голосистый ретивый пѣтухъ; Нарышкинъ, чтобы избавиться отъ докучливаго сосѣда, въ силу присвоенной ему командирской власти, приказалъ пѣтуха заковать въ кандалы.

*) Описаніе прибавляетъ при этомъ: «За столомъ, между прочими, посажены были на верхнемъ мѣстѣ достойный и ревностный Шагинской сотни староста Шестаковъ и безаконно пострадавшій и увѣченный сереброраздѣлительный подмастерье Шипуновъ».

не могутъ вредить чести моей, то я всѣми его разсказами презираю, а съ другой стороны, внушая подчиненнымъ своимъ кротость и великодушіе и будучи самъ христіанинъ и человѣкъ, снисходя къ слабостямъ человѣческимъ, прощаю въ примѣръ другимъ лекаря Томилова въ обидѣ, касающейся до моей особы, соболѣзнуя, что сей человѣкъ, не чувствуя всѣ дѣлаемыя мною увѣщеванія, до такой крайности напивается, что, потерявъ разсудокъ, говоритъ дѣла, о которыхъ въ трезвомъ умѣ не помышляетъ и помышлять никакихъ причинъ не имѣетъ, кромѣ взятія мною изъ казны нѣкоторой суммы денегъ, о которой уже ея императорскому величеству донесено. Почему лекаря Томилова, обще со всѣми, по его дѣлу подъ арестомъ содержащимися, освободить" (мая 5 дня 1776 г.).

Высказавшись такимъ образомъ въ бумагѣ этой, какъ избалованный и гордый придворный расточительныхъ временъ Екатерины, Нарышкинъ и при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ своихъ не стѣснялся въ личномъ произволѣ, какъ бы доказывая тѣмъ, что онъ никого не боится и что въ Петербургѣ при дворѣ у него покровительствующая сила. Преданіе говоритъ, что Нарышкинъ былъ крестникомъ императрицы, а дѣла его—что онъ былъ столько же избалованъ широкимъ размахомъ тогдашней придворной жизни, сколько и самъ надѣленъ былъ отъ природы широкою, такъ называемою русскою натурою. Выйдя изъ уединенія на свѣтъ, Нарышкинъ какъ будто съ этой поры измѣнился, сталъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ тотъ, какимъ мы видѣли его до сихъ поръ въ административныхъ его распоряженіяхъ. Отъ обаянія ли собственной власти въ отношеніи къ заводамъ или подъ вліяніемъ протежирующей силы при петербургскомъ дворѣ, Нарышкинъ съ этой поры началъ дѣйствовать съ большою рѣшительностью. Рѣшительность эта увлекла его въ безумный произволъ, а произволъ сдѣлался и нелогичнымъ и повелъ за собою неправильные поступки. Неправильные поступки ввели его въ преступленія противъ закона и правъ человѣческихъ и—Нарышкинъ погибъ подъ тяжестью собственныхъ дѣяній, запутавшись, въ то же время, въ тенетахъ, разставленныхъ многочисленными его врагами, въ которыхъ онъ видѣлъ до конца своихъ искреннихъ и нелицемѣрно преданныхъ друзей. Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Купецъ Копосовъ у вдовы Шепетковой за долгъ (пяти руб.) отнялъ домъ. Вдова жаловалась главному командиру. Нарышкинъ заплатилъ купцу долгъ изъ собственныхъ денегъ, но Копосовъ предъявилъ къ вдовѣ долгу още 9 р. Тогда Нарышкинъ велѣлъ его бить батожьемъ „яко притѣснителя бѣдныхъ, какъ недостойнаго быть въ здѣшнемъ обществѣ", и выгналъ его изъ завода. Затѣмъ онъ разослалъ по всему пути (который долженъ былъ совершить Копосовъ) ордеры, чтобы заводскіе управители высылали купца изъ заводскаго вѣдомства. „А между тѣмъ, чтобы сей корыстолюбивый стяжатель не пользовался торгомъ здѣшняго мѣста", Нарышкинъ приказалъ маркшнейдеру Головачеву описать товары и лавку Копосова и съ нимъ вмѣстѣ изо всего заводскаго вѣдомства эти товары выслать „съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ дорогою никто у сего гнуснаго и самовольнаго обидчика не покупалъ". Управитель Городищенской слободы обязанъ былъ выпроводить Копосова изъ границъ Читинскаго острога. Передъ отправленіемъ изъ Нерчинскаго завода, Копосову выдана была подорожная, но за двойные прогоны. Обо всемъ этомъ (21 мая 1776 года) публиковано было во всѣ мѣста нерчинскаго вѣдомства.

Гоненіе на купцовъ Нарышкинъ этимъ не кончилъ. Зная, что заводскіе обыватели покупали все у пріѣзжихъ купцовъ дорогою цѣною и, платя серебромъ, впадали въ крайность; принимая также въ разсчетъ и то, что купцы деньги увозятъ съ собою, а особенно серебро, „отчего вся оная отдаленная часть государства остается безъ денегъ и крестьяне, вмѣсто возможнаго обогащенія, раззоряются",—Нарышкинъ выдумалъ новыя крутыя мѣры. Мѣры эти, не основанныя ни на какихъ особенно дѣльныхъ и практическихъ основаніяхъ, состояли въ томъ, чтобы купцы записывались при заводахъ на житье. Съ 1777 года онъ рѣшилъ не дозволять больше торговать „этакимъ наѣзднымъ образомъ". „Правленіе заводовъ,—пишетъ Нарышкинъ:—лучше предоставитъ себѣ стараться о продовольствіи жителей, нежели согласится оставить ихъ торгъ на нынѣшнемъ основаніи. Люди (но отнюдь не бѣглые, а такіе, которые бы способствовали возстановить благосостояніе общества своимъ добрымъ заведеніемъ торгу) поступаютъ подъ защиту и особенное покровительство заводскаго начальства".

Увлеченный, такимъ образомъ, только внѣшнею поверхностною стороною дѣла, безъ изслѣдованія внутреннихъ причинъ, Нарышкинъ бумажно, теоретически, можетъ быть, и былъ правъ. Въ практическомъ же примѣненіи своихъ распоряженій онъ былъ окончательно несчастливъ. Въ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій, написанныхъ въ пользу крестьянъ и ссыльныхъ, съ одной стороны видно сильное желаніе быть фактически полезнымъ, но за то съ другой—всѣ его наставленія и совѣты отзываются почасту блестящею и кудрявою фразою и мало ведутъ за собою настоящаго дѣла, основаннаго на твердой и прочной почвѣ. Видно, что Нарышкинъ знакомъ съ ученіемъ энциклопедистовъ—моднымъ въ то время; замѣтно, что онъ дошелъ до нѣкоторыхъ соціальныхъ убѣжденій,

но все это легло въ его головѣ безъ всякаго порядка и незаконно спуталось съ мрачными тенденціями ханжи и лицемѣра. Такъ, напримѣръ, додумавшись до необходимости внушенія колодникамъ истинъ вѣры и составивъ по этому случаю особое толкованіе, онъ предполагалъ возможность черезъ это конечнаго исправленія не только уличенныхъ преступниковъ, но даже и тѣхъ, которые еще намѣривались впасть въ преступленіе. Вдобавокъ ко всему, Нарышкинъ велѣлъ читать это наставленіе виновнымъ только въ присутствіи, передъ допросомъ. Не смотря на всю толковость и понятливость для простого народа его краткаго наставленія, оно не имѣло успѣха *). Не имѣли успѣха—и потому именно, что также были непрактичны—и тѣ указы Нарышкина, которые онъ разослалъ во всѣ приказныя избы по поводу пристанодержательства бѣглыхъ. Строго предписывая, чтобы никто изъ крестьянъ не держалъ у себя бѣглыхъ, называющихъ себя прохожими людьми, никто бы не отваживался давать имъ хлѣба, Нарышкинъ забывалъ при этомъ, что хлѣбосольство—коренное народное убѣжденіе и что крестьяне въ бѣглыхъ видѣли дешевыхъ работниковъ, которыхъ иначе они нигдѣ и никогда въ то время не могли получить ни за какія деньги. Напрасно старался онъ внушить крестьянамъ необходимость требовать письменные виды у всѣхъ тѣхъ, кто довѣрчиво приходитъ къ нимъ въ избы; гостепріимство на это не обязываетъ. Напрасно также голословно толковалъ онъ крестьянамъ, что укрывательство ищущихъ у нихъ покрова „поступокъ слабый, корый не только не можно за человѣколюбивый почесть, но больше они тѣмъ составляютъ вредъ обществу и прогнѣвляютъ самого Бога", хотя. конечно, Нарышкинъ и справедливъ въ своемъ заключеніи, что „такимъ пропускомъ бѣглецовъ крестьяне даютъ способъ къ исполненію злодѣйскихъ намѣреній, ко своимъ и ближнихъ огорченіямъ".

Таковъ былъ Нарышкинъ въ своихъ административныхъ стремленіяхъ. Болѣе послѣдовательнымъ является онъ въ частныхъ распоряженіяхъ, хотя и возбуждаетъ уже меньшее къ себѣ сочувствіе. Избалованный роскошною жизнью въ Петербургѣ и поставленный потомъ въ дальнюю и еще дикую среду нерчинской жизни, онъ искалъ развлеченій, былъ расточителенъ; не вѣдая контроля, онъ въ этомъ и другомъ отношеніи доходилъ до излишества и, судя по народнымъ преданіямъ, до какого-то страннаго и сосредоточеннаго чудачества. Растративъ всю заводскую казну на празднества и разбрасыванье денегъ въ народъ, онъ прибѣгалъ къ частнымъ займамъ, но избалованный столичною повадкою, долговъ своихъ не платилъ. Главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ его родной братъ Алексѣй, а главною и пока исключительною мишенью всѣхъ его нападеній ради денегъ былъ богачъ Михайла Сибиряковъ, который, съ дозволенія бергъ-коллегіи, выстроилъ (въ 1744 г.) сереброплавильный заводъ, употребивъ на него 50 тысячъ. Въ распоряженіи этого Сибирякова находилось до 600 тысячъ пудовъ руды. Нарышкинъ хорошо зналъ все это и потому часто, не ограничиваясь подарками, бралъ у него деньги въ большомъ количествѣ. Послѣ многихъ удачныхъ опытовъ и наѣздовъ на карманъ и сундуки богатаго Сибирякова, Нарышкинъ,—расточительный, самонадѣянный, избалованный, не знавшій мѣры въ собственныхъ желаніяхъ,—потребовалъ отъ Сибирякова еще 5 тысячъ на какую-то коммерческую компанію (можетъ быть для продажи въ Иркутскѣ привозимыхъ на Кяхту китайскихъ шелковыхъ товаровъ). Сибиряковъ отказалъ ему, говоря, что самъ накопилъ много казеннаго долгу, да и денегъ-де нѣтъ и взять негдѣ. Нарышкинъ—прибавляетъ народное преданіе—собралъ наличную артиллерію, зарядилъ пушки и окружилъ домъ Сибирякова, обѣщая стрѣлять, если Сибиряковъ не дастъ ему денегъ. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на который выложилъ затребованную сумму, и съ низкими поклонами вручилъ ее Нарышкину. Нарышкинъ отпустилъ команду и пушки и, войдя въ домъ Сибирякова, до поздней ночи пировалъ съ нимъ шумно и весело.

Такая нужда въ деньгахъ, помимо разбрасыванья въ народѣ, объясняется въ Нарышкинѣ тѣмъ, что онъ началъ заводить кое-какія собственныя хозяйства: такъ, на рѣчкѣ Чалбучѣ при деревнѣ онъ выстроилъ домъ и при

*) Наставленію этому Нарышкинъ предпослалъ такое предисловіе: «Какъ должность истиннаго христіанина, польза каждаго сына отечества, а паче благосостояніе и непоколебимость священнѣйшаго престола требуетъ того, чтобы всѣ впадающіе удобо-пополозновеннымъ естествомъ въ противныя Богу, священнымъ монаршескимъ уставамъ и должности честнаго человѣка преступленія, безъ всякаго кровопролитія и излишняго истязанія, раскаявшись во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, могли чистосердечно открывать всѣ свои преступническія дѣла, и какъ здѣшнее мѣсто опредѣлено къ принятію и содержанію всѣхъ присылаемыхъ за свои преступленія и изъ оныхъ таковые есть, которые столь окаменѣлы въ своихъ сердцахъ, что никакою жестокостью, никакими истязаніями къ раскаянію приведены быть не могутъ, то въ такомъ случаѣ потребно представлять таковымъ лишеннымъ Божіей благодати нижеслѣдующее (слѣдуетъ 5 пунктовъ или §§)». Въ толкованіяхъ объ истинахъ вѣры колодникамъ, Нарышкинъ ведетъ къ понятію о грѣхѣ историческимъ разсказомъ священной исторіи Ветхаго Завѣта и къ понятію объ искупленіи отъ грѣха подробностями явленія Христа на землѣ съ Новымъ Завѣтомъ. Толкуетъ о покаяніи такъ, какъ бы могло толковать только духовное лицо и, притомъ, образованное въ истинномъ смыслѣ этого слова.

немъ водяную мельницу. Объ устройствѣ этого хозяйства онъ сильно заботился и черезъ каждыя двѣ недѣли получалъ рапорты объ его благосостояніи и о всѣхъ работахъ. Работами завѣдывалъ нерчинскаго батальона сержантъ Иванъ Жеребцовъ. Домъ этотъ въ бывшемъ Успенскомъ монастырѣ строился поспѣшно и съ немедленною ежедневною выдачею плотникамъ денегъ. Въ два мѣсяца (іюнь и іюль) домъ этотъ былъ отстроенъ *). При немъ заводилось хозяйство: приведенъ табунъ лошадей (22) и стадо рогатаго скота (до 20 головъ); сдѣланы запасы корму, какъ для нихъ, такъ и для собакъ. Мельница пущена въ ходъ, причемъ одинъ изъ довѣренныхъ Нарышкина лицъ, именно Кесслеръ, палилъ изъ пушекъ „за здравіе вашего высокородія и благополучное путешествіе безпрерывно“, какъ рапортовалъ онъ своему главному командиру **).

Расширивъ такимъ образомъ свою дѣятельность, Нарышкинъ выѣхалъ изъ Нерчинскаго завода въ Иркутскъ, оставивъ на мѣсто себя маркшейдера Дмитрія Головачева. Цѣль этого путешествія Нарышкинъ объяснялъ всенародно 12 іюля 1776 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„По опредѣленіи меня на нерчинскіе сереброплавящіе заводы главнымъ командиромъ, до отправленія еще въ оные изъ С.-Петербурга, согласились мы съ опредѣленнымъ въ Иркутскую губернію со властью губернаторскою господиномъ бригадиромъ Нѣмцовымъ, знавъ намѣренія ея императорскаго величества, чтобъ обитающихъ здѣсь братскихъ и тунгусовъ привести въ вѣру греческаго закона по собственному ихъ желанію, чего я и не начиналъ производить до пріѣзду господина Нѣмцова, не надѣясь на прежде бывшаго Бриля въ разсужденіи нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ. А какъ извѣстно уже было до сего, почти во всѣхъ мѣстахъ по сю сторону Байкалъ-моря недѣли за три или болѣе, что я, слѣдуя съ нерчинскихъ серебροплавящихъ заводовъ въ Иркутскъ, по пути, изъ усердія къ Богу и къ службѣ ея императорскаго величества, имѣлъ счастье по многимъ увѣщаніямъ и приложеннымъ моимъ трудамъ, во 1-хъ, тунгусскихъ зайсановъ и ихъ подчиненныхъ привесть въ св. крещеніе, коихъ чрезъ короткое время, въ проѣздѣ моемъ, по собственному ихъ желанію и дѣйствительно человѣкъ до ста воспріяли вѣру греческаго исповѣданія, а потомъ и братскіе начали было нѣсколько имѣть къ тому охоту, изъ нихъ также нѣкоторое число человѣкъ приняло святое крещеніе и за помощью Божіею надежность оказывали“.

Такъ писалъ Нарышкинъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, онъ поилъ тайшей и тунгусовъ виномъ *), снискивалъ расположеніе тайши Иринцеева, для чего выдалъ ему тысячу руб. сер. монетою и, покупая у него лошадей и скотъ, платилъ за то высокою цѣною, въ тѣхъ краяхъ и на то время неслыханною **). Чтобы склонить тунгусовъ къ принятію христіанской вѣры, отъ имени императрицы обѣщалъ имъ большія льготы: сложеніе недоимки, уменьшеніе податей до 3 руб. въ годъ и съ тѣмъ, чтобы уже больше никто изъ частныхъ начальниковъ съ нихъ не требовалъ ***).

Тогда же Нарышкинъ задумалъ, съ согласія тайши Данбы Дугаръ-Иринцеева, составить изъ братскихъ и тунгусовъ четыре гусарскихъ полка и успѣлъ уже сформировать одинъ эскадронъ, при помощи ротмистра Подзорова и подъ наблюденіемъ подполковника Кесслера. Эскадрону этому дано было названіе Даурскаго гусарскаго краснаго.

Коммиссара Тархова за выдачу казенныхъ денегъ произвелъ изъ подпоручиковъ въ бергъ-гешворены. Изъ тамошней же гарнизонной артиллеріи взялъ пушки, порохъ и канонировъ, не встрѣтивъ же, къ тому препятствія со стороны подпоручика Кулигина, произвелъ его также въ бергъ-гешворены. Ѣдучи дальше по направленію къ Иркутску, онъ сзывалъ народъ разными средствами, какъ, напр., въ селахъ звономъ въ колокола при церквахъ, пушечною пальбою и барабаннымъ боемъ тамъ, гдѣ церквей не было. Собранный такимъ способомъ народъ поилъ виномъ, усиленно захваченнымъ въ питейныхъ домахъ, и бросалъ въ толпу казенныя деньги, взятыя имъ—какъ извѣстно—въ нерчинскомъ коммиссарствѣ. Шествіе Нарышкина по Братской степи уподоблялось военному походу: для него непріятельская страна была Иркутская провинція съ ея ханомъ Нѣмцовымъ; по пути лежала вассальная земля—верхнеудинскій округъ съ вице-королемъ, воеводою Тевяшевымъ. За новымъ Батыемъ, выходившимъ изъ самыхъ ближайшихъ мѣстъ къ родинѣ Чингизъ-хана, за Нарышкинымъ везли колоко-

*) Въ отстроенный домъ приведены были двѣ борзыхъ собаки и 4 лисенка. Къ смотрѣнію за ними приставленъ былъ мальчикъ, съ платою по 10 руб. въ годъ.

**) Сколько самъ Нарышкинъ любилъ палить изъ пушекъ, столько же не щадили казеннаго пороху и его приближенные. Такъ, напр., тотъ же Кесслеръ палилъ 28 іюня «до самаго вечера во здравіе государыни», затѣмъ уѣхалъ въ Дучарскій заводъ и тамъ палилъ. «Все изъ любви къ вамъ,—писалъ самъ Кесслеръ:—и господа офицеры, взявши на свой счетъ пороху, произвели довольную стрѣльбу».

*) Такъ Кесслеръ доносилъ ему, что получилъ отъ повѣреннаго 50 ведеръ простого вина.

**) Такъ, напр., за быковъ платилъ 6 руб. 50 коп., а за лошадей по 250 руб.

***) На льготы эти соблазнились тунгусы родовъ: дулигацкаго, баягирскаго и чипчинуцкаго. Они просили крещенія.

ла и пушки. По дорогѣ онъ останавливалъ купеческія клади и отбиралъ товары съ выдачею росписокъ на свое имя. Въ степи на отдыхахъ кипѣли огромные котлы съ водою, куда сваливали пудами чай и сахаръ; вино стояло цѣлыми бочками, сукно, дабу, китайки, холстъ брали всѣ даромъ, безъ всякаго счета. Попалась ему на дорогѣ почта съ книгами и церковными вещами, посланными иркутскимъ архіереемъ Михаиломъ, Нарышкинъ на Шилкѣ присвоилъ ихъ себѣ. Не отвѣчая на нѣсколько писемъ архіерея, Нарышкинъ книги удержалъ за собою, и проч. Нуждаясь въ деньгахъ для всѣхъ этихъ предпріятій, онъ выплавленное серебро не посылалъ въ Петербургъ, растрачивая его на пенсіи приближеннымъ, на различныя награды и на серебряныя пуговицы сформированнаго изъ тунгусовъ и бурятъ гусарскаго полка. Не имѣя уже никакихъ суммъ въ заводскомъ казначействѣ, Нарышкинъ, подъ видомъ закупа для заводовъ разныхъ необходимыхъ припасовъ, взялъ 60.476 руб. въ нерчинскомъ коммиссарствѣ. Въ селеніи Гантимуровомъ (Урульгѣ) крестилъ тунгусовъ, „утопающихъ въ пьянствѣ", возя съ собою бочки вина, расточая вездѣ императорскую сумму и „дѣлалъ таковыя великія издержки, не имѣя средства откуда получить болѣе (ибо заводскую сумму расточилъ всю, какъ и было каждому примѣтно, что служители заводовъ не получали близь двухъ третей жалованья)—опрокинулся къ отнятію у встрѣчающихся ему купцовъ товаровъ и денегъ". Потомъ на Братской степи у харинцевъ онъ заставлялъ тайшу и старшинъ преклонять передъ собою знамена, дарованныя этому роду братскихъ за вѣрную ихъ службу. Когда тайша отказывался отъ крещенія, Нарышкинъ покушался его умертвить. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ повсюду старался увѣрить, что исполняетъ все это именемъ императрицы (котораго дозволенія, однако, никогда не имѣлъ).

Такимъ образомъ, двѣ власти встрѣтились въ одномъ и томъ же пунктѣ, какъ бы для состязанія и съ цѣлью помѣряться силами: Нарышкинъ въ чужомъ вѣдомствѣ, опираясь на свою силу въ столицѣ, иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ—въ своемъ вѣдомствѣ, рѣшаясь испробовать силу общихъ государственныхъ узаконеній: на столько ли они лицепріятны передъ случайнымъ человѣкомъ, сколько самонадѣянны и рѣшительны поступки ихъ нарушителя. Ничего не подозрѣвая, Нарышкинъ, возвратившись въ Нерчинскій заводъ, имѣлъ огорченіе слышать, что многія изъ его начинаній начали мало по малу разрушаться. Сотникъ Новоселовъ, отправленный имъ съ 36-ью лошадями и 12-ью гусарами къ губернатору Нѣмцову, доносилъ, что тунгусы-гусары, отправившись къ тайшѣ Иринцееву „для своихъ надобностей, назадъ не возвратились и оставили за собою насѣченную серебромъ узду", принадлежавшую самому Нарышкину. Вскорѣ за тѣмъ писалъ къ нему бергъ-гешворенъ Ник. Гантимуровъ, что, по пріѣздѣ его въ городъ Удинскъ, онъ былъ потребованъ въ удинскую провинціальную канцелярію, гдѣ воевода Тевяшевъ со своимъ товарищемъ и прокуроромъ велѣлъ его заковать въ колодку, посадилъ подъ караулъ, а черезъ день отправилъ въ Иркутскъ, за что—неизвѣстно. Тогда же командиръ гусарскаго полка, ротмистръ Злобинъ, доносилъ Нарышкину, что удинская канцелярія взяла изъ его команды сержанта съ женою и дочерью и отправила ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они прежде находились. Отобраны были также артиллеристы, такъ что у Злобина осталось всего 52 человѣка изъ цѣлаго эскадрона.

Нарышкинъ началъ уже смутно понимать наступательность дѣйствій Нѣмцова, но все еще довѣрялъ дружбѣ удинскаго воеводы Тевяшева, къ которому относился съ любезными и заискивающими письмами, на которыя онъ такъ хорошо былъ подготовленъ своею прежнею придворною жизнью. Тевяшева онъ хвалилъ за ревностную службу, тотъ въ своемъ письмѣ благодарилъ за комплименты, но просилъ „оставить народъ, не принадлежащій до вашего (т. е. Нарышкина) распоряженія, ибо-де вся уже провинція пришла въ смятеніе".

Нарышкинъ, однако, на этомъ не успокоился: ему крайне нужны были деньги, а потому онъ потребовалъ ихъ отъ удинской канцеляріи на счетъ заводовъ. Канцелярія въ требуемой суммѣ отказала, предписывая ему оставаться въ узаконенныхъ положеніяхъ; для оправданія же во всѣхъ дѣлахъ предписывала Нарышкину ѣхать въ Иркутскъ къ губернатору Нѣмцову. Тогда только Нарышкинъ увидѣлъ изъ-за спины верхнеудинской канцеляріи то лицо, которое такъ давно и такъ смѣло вызывало его на единоборство.

Разгнѣванный Нарышкинъ отправилъ въ заводы свое оправданіе въ тѣхъ будто бы клеветахъ, которыя возводила на него верхнеудинская канцелярія, но не ѣхать въ Иркутскъ у него не хватило силы, храбрости и самостоятельности *).

---

*) Съ дороги (съ рѣки Оны) онъ писалъ въ народъ, между прочимъ, слѣдующее: «Встрѣтившіяся къ немалому сожалѣнію никогда не ожидаемыя противныя и лжесоставленныя вредныя предпріятія удинской провинціальной канцеляріи присутствующихъ и съ ними согласившагося удинскаго коменданта Аппеллегреина, всѣ благоугодныя Богу и монархинѣ, мною начатыя предпріятія помѣшаны и почти совсѣмъ остановлены, ибо означенная канцелярія, указами харинскихъ родовъ тайшѣ и подполковнику Диибѣ Иринцееву не велѣла ни въ чемъ меня слушать. Чрезъ это помянутые братскіе не знающіе и не просвѣщенные народы начали имѣть

Онъ отправился, не зная того, что посланные имъ въ Верхнеудинскъ (бергъ-гешворены Баннеръ и Тенкинъ) и опредѣленные имъ на мѣста присутствующихъ въ провинціальной канцеляріи, явясь, отдались во власть воеводы Тевяшева. Этотъ же Тевяшевъ сталъ дѣйствовать въ Верхнеудинскѣ и на Нарышкина совѣтами и „попечительнымъ своимъ тщаніемъ и искуснымъ распоряженіемъ“ успѣлъ сдѣлать такъ, что Нарышкинъ выѣхалъ на Иркутскъ. На дорогѣ *) онъ былъ задержанъ и подъ присмотромъ отправленъ въ Иркутскъ къ Нѣмцову. Нѣмцовъ же, „найдя поступки Нарышкина столь важными“, отослалъ его, 29 авг., за присмотромъ штабъ-офицера Воинова и подъ конвоемъ въ С.-Петербургъ и тогда же отправилъ курьера съ донесеніемъ о незаконныхъ и дерзкихъ дѣлахъ его“. Въ Тобольскѣ встрѣтилъ Нарышкина сенатскій регистраторъ съ командою, который принялъ его отъ Воинова и затѣмъ повезъ въ столицу, подъ важною стражею. Обо всѣмъ этомъ Нѣмцовъ извѣщенъ

колеблющіяся въ томъ мысли и опасаясь, чтобы не было имъ за то какого штрафа или вящѣе того наказанія, начали тѣ добрыя и полезныя намѣренія оставлять. Вчерашняго числа присланнымъ та провинціальная канцелярія ко мнѣ рапортомъ объявляетъ, что оное представлено къ господину бригадиру—управляющему Иркутскою губерніею съ тѣмъ, яко бы открылось предъ симъ скрываемое мною набираніе и съ помянутыхъ народовъ неполезность государству, наипаче въ зловредность оному по причинѣ коего изъ заводу выѣзду и по непринадлежности мнѣ такого формированія въ Иркутской губерніи, яко не въ своей командѣ въ противность законовъ, и что та провинція отъ своей главной команды объ ономъ учрежденіи никакого повелѣнія и свѣденій не имѣетъ, а по дошедшимъ же къ той удинской провинціальной канцеляріи извѣстіямъ, она меня почитаетъ злодѣемъ имперіи Россійской: 1) что я будто бы набираю въ гусарскіе полки самыхъ неимущихъ пропитанія и бродягъ, которые при мнѣ слѣдуютъ въ немаломъ числѣ и съ забранными изъ неизвѣстныхъ мѣстъ пушками; 2) въ доказательство еще того нѣтъ послушанія моимъ предложеніямъ тою канцеляріею о выдачѣ денегъ на счетъ нерчинскихъ заводовъ, всего съ пятьдесятъ тысячъ, когда посланнымъ отъ меня къ удинскому коменданту Аппеллегренну ордеромъ велѣно присутствующихъ той канцеляріи сковать, а ему велѣно вмѣсто ихъ въ правленіе вступить—имѣютъ къ тому, ежели де градоначальниковъ не будетъ, то удобнѣе можно овладѣть Удинскомъ или всѣми сей провинціи принадлежащими мѣстами, а особливо пользуясь такими легкомысленными людьми и вѣроятными извѣстіями, будто я началъ ослѣплять народъ пьянствомъ и хотя либо, по прибытіи моемъ тайша Иринцеевъ и былъ къ сему благоугодному намѣренію согласенъ и я, по его приглашенію, намѣренъ былъ его посѣтить, но онъ, отпросясь вчерашняго дня впередъ въ свой улусъ, сегодня чрезъ посланнаго бергъ-гешворена Новоселова въ своей ставкѣ не найденъ, да и жены его также и никого братскихъ здѣсь не оказалось. И потому чрезъ сіе публикуется, что ежели тотъ тайша и всѣ братскіе, кои уже собраны были, чрезъ два дня не явятся, то непремѣнно именемъ ея императорскаго величества тайша, лишась чиновъ, жестоко будетъ наказанъ, да и съ прочими поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Я все сіе именемъ ея императорскаго величества опредѣляю и всѣмъ возвратившимся ея высочайшую милость обѣщаю. Не повинующіеся же угодному ея величеству дѣлу и намѣренію да накажутся правосуднымъ ея божественнымъ гнѣвомъ. И сіе объявленіе за подписаніемъ руки, съ приложеніемъ герба моего печати, не только что публиковаться и въ народъ разбросано, но и по командамъ, куда слѣдуетъ, разослано будетъ».

*) Иркутскій лѣтописецъ иначе передаетъ это событіе. Онъ говоритъ, что воевода Тевяшевъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ пригласилъ Нарышкина въ церковь для слушанья молебствія, по случаю его прибытія, а по выходѣ изъ церкви арестовалъ, посадилъ на лодку и отправилъ рѣкою Селенгою въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ Нарышкинъ, до времени отправки, пользовался полною свободою; жилъ онъ тамъ 2 мѣсяца. Народное преданіе говоритъ, что онъ все время ходилъ по кабакамъ и харчевнямъ, поилъ и кормилъ на свой счетъ собиравшихся тамъ людей и тратилъ на это огромныя суммы. Его всѣ считали сумасшедшимъ. Подробности похожденій Нарышкина въ Верхнеудинскѣ разсказалъ Калашниковъ въ своемъ романѣ «Дочь купца Желобова» (см. ч. IV, глава IV). Калашниковъ основывалъ свой разсказъ на народныхъ преданіяхъ, тогда еще очень живыхъ и состоятельныхъ въ правотѣ своей. Верхнеудинскій воевода—по этимъ преданіямъ—писалъ Нарышкину, чтобы онъ со своею свитою не въѣзжалъ въ его провинцію, посылалъ къ нему лазутчиковъ, въ городѣ удвоилъ караулы, а въ 10-ти верстахъ поставилъ отрядъ войска съ артиллеріею, тайно вытребованною изъ Селенгинска. Нарышкинъ не испугался, послалъ своего посла съ требованіемъ золота и серебра въ десять тысячъ; когда воевода отказалъ, Нарышкинъ потребовалъ сорокъ тысячъ; когда же и на это требованіе получилъ отказъ, командировалъ двухъ чиновниковъ. Наконецъ, ночью пріѣхалъ самъ къ воеводской канцеляріи, кричалъ, чтобы отперли ворота, называя воеводу и товарища его ворами и бунтовщиками. Военная команда, стоявшая на дворѣ, начала уже колебаться, перешептываться, заявлять, что она не имѣетъ письменнаго приказа, а потому хотѣла пустить Нарышкина. Но одинъ старикъ закричалъ: «Кто бы вы ни были, въ ночные часы пускать никого не велѣно». Послѣ этихъ словъ Нарышкинъ отошелъ къ фронту стоящаго подъ ружьемъ гарнизона. Сюда явился воевода, уговорилъ его и убѣдилъ отправиться на отведенную ему квартиру. На завтра Нарышкинъ началъ требовать денегъ и вина. Приказано отвѣчать, что воевода денегъ не даетъ, а пьянства не любитъ. Нарышкинъ пошелъ въ церковь и «собственно-гласно отпѣлъ молебенъ». Кругомъ церкви уже поставлены были солдаты. Собравшемуся, въ чаяніи денегъ, народу воевода далъ приказаніе разойтись. Всѣхъ изъ свиты Нарышкина, выходившихъ изъ церкви, велѣлъ хватать и сажать подъ арестъ. Вышелъ и Нарышкинъ. Увидя солдатъ, онъ отдалъ саблю, признавая себя арестованнымъ. Воевода вѣжливо просилъ его съ нимъ отобѣдать на приготовленномъ суднѣ; Нарышкинъ согласился и, послѣ обѣда, отправленъ въ Иркутскъ.

былъ именнымъ указомъ (полученнымъ имъ 11-го января 1778 года), въ которомъ, между прочимъ, нерчинскіе сереброплавящіе заводы, для исправленія и приведенія въ лучшее состояніе, переданы были въ зависимость и подчиненіе тому же бригадиру Нѣмцову, находившемуся въ Иркутской губерніи съ властью губернаторскою *).

Нѣмцовъ началъ свое управленіе съ того, что сочинилъ и издалъ „къ общему всѣмъ свѣденію публикацію“:

„Къ чувствительному оскорбленію верховной власти,—говоритъ онъ въ началѣ этой публикаціи:—бывшаго заводовъ начальника, статскаго совѣтника Нарышкина, беззаконныя содѣянія столь многочисленны, что я нѣкоторыя умолчу, а о другихъ за нужное почитаю, во всѣ заводскаго вѣдомства присутственныя мѣста и частнымъ начальникамъ вѣденія заводовъ, обнародовать“.

Затѣмъ Нѣмцовъ подробно исчисляетъ всѣ поступки Нарышкина съ примѣтнымъ озлобленіемъ и злорадствомъ. Остановившись на проѣздѣ Нарышкина изъ завода въ Верхнеудинскъ, а именно на его угощеніяхъ народа, Нѣмцовъ увѣряетъ, что Нарышкинъ, „обольстя симъ средствомъ (т. е. виномъ) непросвѣщенное то скопище (т. е. крестьянъ)“, отвелъ многихъ отъ домостроительсгва и хлѣбопашества. „А пропустивъ они время, потеряли часть лучшаго своего состоянія, а нѣкоторые и вовсе раззорились“. Не стѣсняясь въ подборѣ всяческихъ бранныхъ эпитетовъ къ поступкамъ Нарышкина, Нѣмцовъ вступаетъ до нѣкоторой степени въ смягченный тонъ тамъ, гдѣ планъ бранчиваго повѣствованія выводитъ его изъ предѣловъ Иркутской губерніи и вталкиваетъ въ описаніе распоряженій Нарышкина по заводамъ. Здѣсь Нѣмцевъ, основываясь на рапортѣ секундъ-маіора Барбота-де-Марни **), находитъ, что заводы требуютъ наискорѣйшаго возстановленія „по безпутному Нарышкина управленію“ и для того Нѣмцовъ самъ поспѣшилъ отправиться на мѣсто. Разсматривая тамъ дѣла канцеляріи, Нѣмцовъ нашелъ (по собственному его увѣренію), что „всѣ они оказались въ несогласныхъ съ законами поступкахъ, какъ-то: въ выдачахъ и издержкахъ казенныхъ денегъ и другихъ обстоятельствахъ“. Между этими „другими обстоятельствами“, кромѣ произвольной раздачи чиновъ и наградъ, занимательно также и слѣдующее: понимая всю силу нравственнаго значенія на заводахъ образованнаго секундъ-маіора Барбота-де-Марни, Нарышкинъ, для привлеченія его на свою сторону, не задумался произвести его сына, пятилѣтняго ребенка, сначала въ вахмистры, потомъ въ корнеты и наконецъ въ бергъ-гешворены. Затѣмъ Нарышкинъ свои производства исключительно сосредоточивалъ на лицахъ, до тѣхъ поръ не бывшихъ на службѣ, часть этихъ лицъ онъ привезъ съ собою, часть вытребовалъ съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и большую часть нашелъ уже между жившими долгое время въ Нерчинскомъ заводѣ. Изъ послѣднихъ преимущественное его вниманіе обратили на себя сосланные въ заводы польскіе конфедераты: двухъ изъ нихъ (Касаковскаго и Перхуровича) онъ опредѣлилъ въ солдаты. Извѣстныхъ намъ по дѣлу Чернышева князей Гантимуровыхъ (Степана и Николая—нерчинскихъ дворянъ, не бывшихъ на службѣ) онъ произвелъ прямо въ бергъ-гешворены и приблизилъ къ себѣ. Особенную же щедрость къ раздачѣ чиновъ онъ оказывалъ тѣмъ, на дружбу и расположеніе которыхъ вполнѣ полагался: между ними особенно рѣзко выдаются два ясашныхъ тунгуса, крещеныхъ Нарышкинымъ: одному изъ нихъ (Петру Нарышкину) онъ далъ два чина (корнета и подпоручика), другому (Григорію Суворову) четыре чина (унтеръ-шихмейстера, шихмейстера, бергъ-гешворена и поручика). Въ заводскомъ вѣдомствѣ (Гантимуровской сотни въ деревни Каигинской) поселены были 32 человѣка бывшихъ яицкихъ казаковъ, присланныхъ сюда по дѣлу Пугачева; Нарышкинъ выдалъ имъ 160 рублей (по 5 рублей на каждаго) для покупки лошадей и затѣмъ предписалъ начальству строго наблюдать, чтобы казаки лошадей непремѣнно купили.

Всѣ эти событія совпадаютъ одновременно съ выѣздомъ Нарышкина изъ завода для сформированія гусарскихъ полковъ и всѣ они располагаются на двухъ весеннихъ мѣсяцахъ 1776 года. Вотъ почему отчасти становится для насъ понятнымъ теперь темный намекъ въ публикаціи Нѣмцова: „что Нарышкинъ стре-

---

*) Иркутская лѣтопись такъ описываетъ Нѣмцова: онъ былъ человѣкъ неблагонамѣренный, употреблявшій непомѣрную строгость собственно для того только, чтобы болѣе брать взятокъ и нажить болѣе денегъ; съ подчиненными служащими обходился неблаговидно и опредѣлялъ къ должностямъ не иначе, какъ взявъ значительные подарки. Употреблялъ разныя жестокости для своего корыстолюбія. Мелкихъ подчиненныхъ билъ своими руками. Какого-то Бурцева приказалъ за что-то привязать къ столбу и держалъ на привязи долго, чтобы навести страхъ на другихъ. Имѣя знакомство съ извѣстнымъ тогда разбойникомъ Гондюхинымъ, учредилъ въ городѣ какую-то глухую команду, которая, разъѣзжая по городу дозоромъ, вмѣсто охраны, дѣлала буйства и грабежи. Нѣмцовъ тайкомъ уѣхалъ изъ Иркутска черезъ два года послѣ Нарышкина (1 февраля 1779 г.). Вслѣдъ Нѣмцову изъ Иркутска посылались многія жалобы.

**) Этотъ Барботъ-де-Марни находился прежде при Суворовѣ въ заводскомъ батальонѣ. Нарышкинымъ произведенъ былъ въ полковники и назначенъ потомъ, на мѣсто его, главнымъ командиромъ нерчинскихъ заводовъ.

мился обольстить непросвѣщенныя сердца и, по непредвидѣнiи ихъ, уловить души вѣрноподданныхъ и произвесть худыя слѣдствiя.

На этомъ предположенiи, что Нарышкинъ хотѣлъ основаться на народномъ расположенiи и на крѣпости и силѣ значительнаго коннаго войска и артиллерiи съ тѣмъ, чтобы со временемъ произвести возмущенiе въ народѣ и со всѣмъ Забайкальемъ отложиться отъ русской короны, и съ этимъ же подозрѣнiемъ имя Нарышкина ушло въ потомство и осталось въ народной памяти *).

Нѣмцовъ, прежде всего, по арестованiи Нарышкина поспѣшилъ захватить его имѣнiе и сдѣлать вещамъ его опись **). Затѣмъ членовъ заводской канцелярiи, произведенныхъ и назначенныхъ Нарышкинымъ, отъ службы немедленно отрѣшилъ. На мѣсто ихъ управленiе заводами поручилъ маiору артиллерiи и отъ армiи подполковнику Тевяшеву. Въ помощь ему назначилъ секундъ-маiора иркутскаго батальона Ивава Глазунова и бергъ-гешворена Степана Губанова ***).

Вернувшись въ Иркутскъ, Нѣмцовъ (17 января 1787 г.) поспѣшилъ отнестись ко всѣмъ съ тою публикацiею, содержанiе которой мы привели выше. Въ концѣ ея онъ говоритъ слѣдующее: „Заводскимъ же управителямъ и опредѣленнымъ при разныхъ должностяхъ (въ разсужденiи, что здѣшнее мѣсто въ упадокъ приведено) стараться должно каждому, въ званiи своемъ, въ пользѣ и приращенiю высочайшаго интереса прилагать неусыпное и ревностное попеченiе, оставя всякiй родъ коварства и ухищренiя. И помнить то, что не оправдитъ каждаго по беззаконнымъ поступкамъ бывшаго ихъ начальника въ повиновенiи — замѣнить увеличеннымъ своимъ раченiемъ, дабы и по слѣдующимъ отъ вышняго правительства взысканiямъ исходатайствовать я могъ посредствомъ раченiя каждаго и донесть самой августѣйшей монархинѣ ревностные поступки".

Любопытны дальнѣйшiе совѣты и предположенiя недальновиднаго Нѣмцова. Нижнiе служители и крестьяне, виновные—по его убѣжденiю—въ томъ, что Нарышкинъ успѣлъ разбросать въ народъ казенныхъ и частныхъ денегъ сто сорокъ шесть тысячъ семьсотъ одинадцать рублей, обязаны были удвоить силы и возить руду „какъ можно больше". Нѣмцовъ наивно думалъ, что „тѣмъ самымъ прiумножится выплавка казеннаго серебра, которое отъ нестаранiя бывшаго начальника въ знатный упадокъ произошло; такъ что въ выплавкѣ уменьшенiе серебра передъ прошедшимъ годомъ сто сорокъ девять пудовъ". Тою же усиленною и чрезмѣрною вывозкою рудъ Нѣмцовъ полагалъ обезпечить „упавшее состоянiе крестьянъ и видимыя ихъ выгоды". Нарышкинъ, при вступленiи въ управленiе заводами (8-ью), получилъ 282.882 пуда серебросодержащихъ рудъ (да по 4-мъ частнымъ заводамъ 61.055 пудовъ), казеннаго свинцу 4.664 пуда 12½ фунтовъ (и частнаго 5.184 пуда 11 фунтовъ). При этомъ также разумѣлось серебро — въ бликахъ и крокахъ; а свинецъ—рудный, гертовый и глетовый.

На мѣсто Нарышкина главнымъ командиромъ опредѣленъ былъ бригадиръ Иванъ Венедиктовичъ Аршеневскiй, темный дѣятель и неизвѣстный дѣлатель, прожившiй въ заводахъ съ 1777 г. по 1780, когда на смѣну ему опредѣленъ былъ генералъ-маiоръ Векельманъ—тоже мало примѣтная и неизвѣстная личность. Лучшее воспоминанiе оставилъ по себѣ Барботъ-де-Марни, родомъ французъ, человѣкъ свѣтлый, кроткiй и образованный. Доказательствомъ послѣдняго свойства его осталась послѣ его смерти библiотека, составленная изъ лучшихъ спецiальныхъ сочиненiй, послужившая крупнымъ и твердымъ фундаментомъ для библiотеки горнаго управленiя. Подъ руками живого человѣка завелись и частныя школы для обученiя мальчиковъ, выписаны саксонцы для руднаго дѣла и проч. На глазахъ этого человѣка и постройки сдѣланы столь прочно и добросовѣстно, что еще въ 1835 году онѣ стояли непоколебимо, сохранившись цѣлое полустолѣтiе, по подобiю Большого нерчинскаго завода, выстроеннаго Барботомъ изъ лиственичнаго дерева. При перестройкѣ, черезъ 50 лѣтъ, потребовалось подвести только нижнiе вѣнцы новыми. При немъ заводскiе крестьяне стали отличаться отъ прочихъ обитателей Забайкалья особымъ костюмомъ: шинелями съ короткими крагенами. Длинные волосы ниспадали до плечъ со временъ барботовскихъ до времени появленiя за Байкаломъ декабристовъ. Заводскихъ крестьянъ нашли очень чистоплотными (они жили опрятно, не коптясь въ дыму) и хотя очень богатыхъ и

*) Опредѣлить съ точностью, на сколько это подозрѣнiе справедливо, по дѣламъ нерчинскаго архива нельзя. Два тома дѣлъ о немъ, попавшiеся намъ въ руки изъ архива нерчинскаго горнаго правленiя, были далеко не полны. Чья-то хищническая рука (можетъ быть какого нибудь антикварiя) сократила эти дѣла до примѣтной неполноты и разрозненности.

**) По этой описи видно, что гардеробъ Нарышкина не былъ особенно богатъ, состоя изъ остатковъ прежней придворной роскоши. Нарышкинъ начиналъ заводить кабинетъ китайскихъ вещей и имѣлъ небольшую библiотеку (до 300 томовъ), состоявшую изъ книгъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ. Большая часть книгъ—сочиненiя энциклопедистовъ и разнаго рода словари, описанiя путешествiй и проч.

***) Замѣчательно при томъ, что этотъ послѣднiй изъ небывшихъ на службѣ самимъ же Нарышкинымъ произведенъ въ одно лѣто въ маркшейдерскiе ученики, затѣмъ въ унтеръшихмейстеры, шихмейстеры и, наконецъ, въ бергъгешворены.

бѣдныхъ не было, но всѣ были трудолюбивы; безъ рукодѣлья никогда ихъ не видали даже на завалинахъ ихъ домовъ, и даже ѣдущихъ верхомъ видали съ какимъ нибудь шитьемъ, вязаньемъ и другимъ рукодѣльемъ. Обычай этотъ былъ введенъ Барботомъ-де-Марни. Онъ окончилъ свою жизнь на заводахъ. На его мѣсто поступилъ начальникомъ Черницынъ. Съ Черницына нерчинская исторія, въ лицѣ начальниковъ, развертываетъ другія картины: выработка серебра стала упадать, обращеніе съ ссыльными становится суровѣе, начальники стали показываться съ оттѣнками и поползновеніями прежнихъ тирановъ. Черницынъ начиналъ этотъ списокъ.

О Черницынѣ народныя преданія сохранили такія крупныя черты: онъ любилъ ѣздить какъ бѣшеный; лошади должны были бѣжать отъ станціи до станціи вытяжнымъ галопомъ, а потому по дорогѣ падало ихъ всегда очень много. Въ этомъ случаѣ кривой Черницынъ былъ для лошадей настоящею моровою язвою. Если ямщикъ въ дорогѣ ослабѣвалъ, Черницынъ приказывалъ остановиться и начиналъ бить ямщика нагайкою, которую всегда возилъ съ собою въ сундучкѣ, лежавшемъ въ ногахъ. Самыя лучшія лошади не выдержали бы такой ѣзды, если бы не пособлялъ имъ обычай Черницына черезъ каждыя 7 верстъ кричать: „стой"! выпивать, не торопясь, водки, закусывать, не спѣша, кускомъ мяса и потомъ уже ревѣть на ящика: „пошелъ"! Разсказываютъ, что разъ лошади набѣжали на гололедицу и, смутивъ ямщика, остановились какъ вкопанныя, будучи не въ силахъ одолѣть преграду. Черницынъ пробудился и, узнавъ въ чемъ дѣло, зычно закричалъ: „кнутовъ"! Лошади приняли эти слова на свой счетъ, быстро рванулись на зыкъ съ мѣста и перелетѣли гололедь съ быстротою вихря. Ни одна не спотыкнулась, ни одна не упала, до такой степени энергиченъ былъ бѣгъ ихъ со страху. Другой разъ засѣкъ онъ до смерти крестьянина, осмѣлившагося обратиться къ нему спиною въ то время, когда съ нимъ вступилъ въ разговоръ помощникъ начальника въ той же самой комнатѣ, гдѣ находился и одноглазый Черницынъ.

Изъ другихъ начальниковъ осталась память о Теодорѣ Фришѣ, у котораго была жена, водившая его за носъ и управлявшая чиновниками и цѣлымъ горнымъ округомъ. Была она женщина злая: крестьянъ и слугъ своихъ наказывала собственноручно и находила въ этомъ несказанное удовольствіе, какъ и въ прозвищѣ „царицы сибирской", которое далъ ей съ выгодою для себя одинъ изъ ея слугъ, положенный на землю для наказанія. Вспоминаетъ преданіе о Милекинѣ (бывшимъ начальникомъ, кажется, въ Кутомарскомъ заводѣ), при появленіи котораго на улицѣ дѣти бѣжали прочь и старики прятались по угламъ. Когда онъ проходилъ по селенію, живой души на улицахъ не было, потому что всякій зналъ о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя получалъ начальникъ при созерцаніи наказуемыхъ. Всякій помнилъ, что любовника жены, бывшаго адъютанта, онъ заковалъ въ кандалы, посадилъ въ тюрьму, вывелъ на площадь и на эшафотѣ далъ ему 50 кнутовъ, обсыпая избитыя плечи ѣдкимъ нашатыремъ, далъ столько же во второй разъ со вторичнымъ опытомъ той же присыпки. Тиранъ повторилъ бы экзекуцію и въ третій разъ, если бы начальникъ Дучарскаго завода не вырвалъ изъ его рукъ несчастнаго ex-адъютанта, влюбившаго въ себя и жену и дочь Милекина. Вылечилъ этого Милекина, говоритъ преданіе, писарь—его пріемышъ и воспитанникъ. Каждымъ писаніемъ его начальникъ былъ недоволенъ, при всякомъ случаѣ билъ его по щекамъ и по зубамъ. Однажды онъ выразилъ свое неудовольствіе въ то время, когда писарь считалъ себя правымъ и былъ уже осмѣянъ товарищами за необычайное терпѣніе. Милекинъ хотѣлъ его бить, но писарь-пріемышъ, выхвативъ изъ-за пазухи ножъ, закричалъ: „Я буду каторжнымъ, но ты уже бить никого не будешь". Испуганный Милекинъ далъ клятву смириться для всѣхъ и, говорятъ, будто бы сдержалъ ее, а учителя наградилъ большими деньгами.

Деспотическими суровыми выходками отличался и горный начальникъ Рычковъ, смѣнившій Ив. Ив. Эллерса*) и умершій въ заводахъ въ 1817 году. Не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ своего времени, преданіе сохранило о немъ память, какъ о человѣкѣ суровомъ и безжалостномъ: онъ, говорятъ, забивалъ людей до смерти. Послѣ Рычкова мелькаетъ въ въ архивныхъ спискахъ имя главнаго начальника Анстова; за нимъ является въ ближайшія къ намъ времена, въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, начальникомъ Бурнашовъ, пострадавшій за послабленіе декабристамъ, и полковникъ Ст. Петр. Татариновъ, о которомъ генералъ-губернаторъ Броневскій написалъ въ своихъ мемуарахъ такія строки: „При немъ примѣтно стало человѣколюбивое обращеніе съ ссыльными; подчиненные его всѣ уже воспитались въ горномъ корпусѣ". Съ этимъ улучшеніемъ въ нравственномъ смыслѣ на заводахъ уже глубоко вкоренились задатки худшаго, задатки паденія серебрянаго промысла. Расходы на заводы и рудники стали превышать цѣнность до-

*) Эллерсъ содѣйствовалъ первымъ ученымъ изслѣдованіямъ путей на Амуръ, предпринятымъ китайскимъ посломъ Ю. А. Головкинымъ и производимымъ полковникомъ д'Овре въ 1806 году, составивъ нарочно для нихъ особенную путевую карту. Онъ предупреждалъ нужды и распорядился такъ, что посольство воспользовалось многими успѣхами.

бываемаго серебра, а добыча золота представлялась во всемъ привлекательномъ соблазнѣ подъ впечатлѣніями надеждъ и обѣщаній, исходившихъ отъ горнаго начальника г. Разгильдѣева. Серебро выплавлялось только на Кутомарскомъ заводѣ, добывалось изъ немногихъ рудниковъ и, между прочимъ, на нашихъ глазахъ въ Зерентуйскомъ рудникѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Большого завода, гдѣ дѣлалась подъ наблюденіемъ горнаго начальника О. А. Дейхмана новая штольня „Надежда". Слухи о золотыхъ розсыпяхъ въ разныхъ углахъ Забайкалья помрачали блескъ серебра и выработка золота, дозволенная частнымъ лицамъ, въ наши дни сильно оттираетъ на задній планъ разработку серебряныхъ сокровищъ богатыхъ и далеко еще не разработанныхъ Нерчинскихъ горныхъ отроговъ Яблоноваго хребта. Въ бытѣ рабочихъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ обязательныхъ казенныхъ работъ, произошли крупныя перемѣны; наступило новое время и старое просится на помощь ему своими ошибками, а потому мы останавливаемся здѣсь, чтобы обратиться къ урокамъ прошедшаго и досказать вторую половину исторіи каторги, по вызову золота и подъ впечатлѣніями сердитой сибирской болѣзни, называемой тамъ общимъ именемъ золотой лихорадки.

Слабы и неясны были признаки золотой лихорадки въ прошломъ вѣкѣ, хотя и нельзя было упрекнуть нерчинскія начальства въ ревности угождать высшимъ и кстати расчитывать на высылку крохъ, имѣющихъ такую прочную и почтенную цѣнность. Еще въ 1777 году архивныя дѣла свидѣтельствуютъ о хлопотахъ по найденному золотому пріиску; въ 1782 году заботились о разработкѣ золотыхъ пріисковъ по теченію р. Шилки, на лѣвой ея сторонѣ, въ 16½ верстахъ выше Срѣтенскаго острога въ Крестовой горѣ, противъ деревень Епифановой и Заозерной. Тѣмъ не менѣе, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія во всемъ Забайкальѣ разрабатывался единственный казенный пріискъ Куенскій, дававшій 68 долей золота изъ ста пудовъ песку; содержаніе столь ничтожное, что частный человѣкъ и рукъ бы не сталъ марать, но казна работала въ разсчетѣ и при опорѣ на дешевыя каторжныя силы, работала самымъ грубымъ стариннымъ способомъ. Пески пропускали сквозь желѣзные грохоты въ чаны, наполненные водою; вода съ грязью выпускалась вонъ и осадокъ со дна накладывался въ ящики на двухъ высокихъ колесахъ особаго устройства, которыя одною лошадью, съ значительною тяжестью, катились довольно легко по наклонному горизонту. Эта жидкая грязь, въ которой золота и подозрѣвать невозможно, выкладывалась въ длинные лари. Вдоль ларей горизонтально навѣшивался валикъ съ желѣзными граблями; приводъ воды постепенно наполнялъ лари, а обращаемый людьми валикъ граблями ворочалъ пески; вода уносила муть. Когда въ ларѣ мало оставалось песковъ, ихъ вынимали на тачки, вѣсъ которыхъ былъ извѣстенъ, и сдавали на вашгерты для окончательной промывки. Вашгертъ есть ни что иное, какъ деревянный ящикъ, діагонально установленный на землѣ; въ верхней его части имѣлся ящикъ, наполнявшійся изъ особаго привода водою, которою распоряжался промывщикъ, пуская, по надобности, большее или меньшее количество. Пески, въ видѣ жидкостей и грязи, кладутся на дно вашгерта и вода, втекая въ нихъ, мало по малу размѣшивалась руками, уносила все съ поверхности и оставляла, наконецъ, на днѣ небольшое желтое пятнышко. Это было уже чистое золото въ видѣ мелкихъ крупинокъ, иногда въ формѣ довольно сплюснутыхъ пластинокъ. Золото сгребали на деревянную лопаточку и со вниманіемъ и осторожностью уносили въ контору. Тамъ золото просушивали въ печи и потомъ, въ присутствіи чиновниковъ, взвѣшивали на самыхъ чувствительныхъ вѣскахъ. Частички золота съ 12-ти вашгертовъ Куенскаго золотого пріиска записывались въ книгу. На частныхъ золотыхъ промыслахъ рабочіе заработывали отъ 300 до тысячи рублей, а счастливые на старательскихъ работахъ пріобрѣтали еще болѣе (особенно, если попадались самородки), на казенныхъ же пріискахъ ссыльные рабочіе находились въ тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ страшно противѣла работа и выяснялась передъ глазами соблазнительная дорога въ лѣсъ на волю.

Къ серединѣ нынѣшняго столѣтія за Байкаломъ стало ясно, что вездѣ гдѣ господствуютъ по восточнымъ отклонамъ Яблоноваго хребта гранито-сіэниты, золотоносная система почти сплошная, но золото принадлежитъ нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ: Карійской и Шахтаминской розсыпямъ. Золото въ Нерчинскомъ уѣздѣ находится всегда въ долинахъ, въ которыхъ выступили гранито-сіэниты и тальковые сланцы, наичаще же въ долинахъ малыхъ рѣкъ и ручьевъ; на большихъ рѣкахъ золото находятъ рѣдко; точно также рѣдко попадается оно въ горахъ и раздолахъ. Отсюда пришли къ вѣроятному предположенію, что золото первоначально находилось въ жилахъ въ сіэнитовомъ гранитѣ и въ кварцѣ, которые, при плутоническомъ переворотѣ, были разбиты и золото стекло въ долины. Въ видѣ порошка находится оно между сдвинутыми слоями сіэнита (Кара), либо въ щеляхъ гранитныхъ (Култума); въ слояхъ же извѣсти и гранита золота никогда не находили. Самый большой кусокъ самороднаго золота, найденный за Байкаломъ, вѣсилъ ½ фунта. Слои, скрывающіе золото, покрыты урожайною землею и называются турфомъ. Турфъ снимаютъ и свозятъ въ кучи. Такимъ же образомъ поступаютъ съ другимъ слоемъ, состоя-

щимъ изъ песку, глины, смѣшанной съ сіэнитовыми каменьями, и круглыми сланцами, называемыми здѣсь галькою. По снятіи верхнихъ слоевъ въ каждомъ полуфутѣ грунта ищутъ золота. Тотчасъ же въ третьемъ грунтѣ, глубиною на 7 либо 10 футовъ, находится золото, смѣшанное съ чернымъ блестящимъ пескомъ магнитнаго желѣзняка и съ глыбами желѣзной руды, очень богатой, имѣющей 60% желѣза. Содержаніе золота во всей той массѣ, какую снимаютъ, составляетъ пропорцію 1:400.000; одинъ только разъ найдено было отношеніе 1:40.000 въ Карѣ и этотъ слой признанъ былъ очень богатымъ. Въ глинѣ глыбы предполагается наилучшее золото и весь слой носитъ общее названіе песку. Золотой песокъ свозятъ въ тачкахъ на машины, очищающія его отъ лишнихъ примѣсей и камней; потомъ снова очищаютъ его отъ песку, отъ порошка магнитнаго желѣза, отъ порошка киновари и мелкихъ гранитныхъ зеренъ, въ сосѣдствѣ съ которыми такъ любитъ жить золото. Песчинки золота бываютъ такъ мелки и тонки, что поднимаются и относятся водою; такимъ образомъ, при промывкѣ теряется его довольно много. Самый простой способъ промывки золота на Карѣ слѣдующій, общій цѣлой Сибири: на ровную покатость, имѣющую съ двухъ сторонъ двѣ прибитыя досчечки, сыплютъ песокъ, а на него пускаютъ воду. Работникъ лопатою отгребаетъ песокъ, уносимый водою къ верху, и вынимаетъ обмытые и ополосканные камни. Части легчайшія, какъ-то: песокъ и глину уноситъ вода, а въ жолобѣ остается золото и магнитный желѣзнякъ; послѣдній оттираютъ щетками либо отбиваютъ отъ золота палками. Если же совсѣмъ отдѣлить золото отъ магнитика, тогда надо золото сушить и разсыпать на бумагѣ, а желѣзо отдѣлять отъ него магнитомъ. На большихъ пріискахъ такой способъ не примѣнимъ, а потому для промывки золота въ нерчинскихъ рудникахъ приспособлено средство, придуманное инженернымъ подполковникомъ Разгильдѣевымъ.

Разгильдѣевская машина состоитъ изъ трехъ этажей. На первомъ этажѣ лошади вращаютъ простой цилиндръ, отвѣсно помѣщенный въ машинѣ; на другомъ этажѣ помѣщено большое желѣзное рѣшето, десяти футовъ въ діаметрѣ, на которое ссыпается съ тачекъ пріисковый песокъ. Среди рѣшета, отвѣсно къ нему, вращается валъ, а къ нему, въ незначительномъ другъ отъ друга разстояніи, прикрѣплено восемь бревешекъ, съ которыхъ въ длинныхъ рамахъ свѣшиваются и опираются на рѣшето желѣзныя грабли, мотыки, желѣзныя башмаки и тому подобныя орудія, предназначенныя для движенія и пересыпки песку со всѣхъ сторонъ, что при помощи вала устроивается само собою. Немного повыше восьми бревешекъ находятся корыта и деревянные каналы, на которые обильно стекаетъ вода изъ резервуаровъ и кропитъ дождемъ песокъ, накладенный на рѣшетѣ. Камни, сдѣлавшіе въ рѣшетѣ одинъ оборотъ, достаточно облегчаются, чтобы упасть въ отверстіе, изъ котораго отвозятъ ихъ въ особыя кучи; часто же болѣе мелкія и легкія выплываютъ сквозь рѣшето на первый этажъ, на которомъ имѣется гладкая покатость. Ровная покатость состоитъ въ этой машинѣ изъ двухъ частей: первая сильнѣе наклонена, другая же менѣе поката и имѣетъ нѣсколько саженъ длины. На ровной покатости сдѣлано три порога или уступа; вода, унося песокъ, осаждаетъ его въ углубленіе, находящееся подъ порогомъ. Надъ каждымъ порогомъ вращается двухсторонній валикъ съ желѣзными шпилями, прибитыми въ равныхъ разстояніяхъ. Песокъ съ мельчайшими камешками и вода спадаютъ на покатость, вплываютъ въ углубленіе, изъ котораго, подталкиваемые шпилемъ, легчайшія части уноситъ съ собою вода, а золото и желѣзо осѣдаютъ на дню; но потомъ еще повороченныя шпилемъ, выплываютъ черезъ другой порогъ до другого углубленія, дальше до третьяго, изъ котораго, какъ и изъ двухъ прежнихъ, отвозятъ ихъ на большой вашгертъ. Золото въ этомъ періодѣ промывки еще смѣшано съ желѣзомъ и оловянными рудами, въ которыхъ пропорція золота бываетъ какъ 1:2.000 или 1:3.000. На вашгертѣ также три порога. Здѣсь золото освобождается отъ обыкновенныхъ частицъ мотыками и водою, а потомъ отвозится на маленькій вашгертъ, въ которомъ руками и щетками отдѣляются въ водѣ обыкновенныя частицы. Такимъ образомъ добытое золото все еще соединено съ нѣкоторымъ шлихомъ магнитнаго желѣза, которое отдѣляется просушкою золота на сковородахъ и остатки магнитнаго желѣзняка выдѣляются съ помощью магнита. У промывки въ вашгертахъ стоитъ караульный казакъ и унтеръ-шихмейстеръ изъ горныхъ, наблюдающіе всѣхъ и самихъ себя, чтобы никто не укралъ золота. Однако, имѣются такіе способы кражи, отъ которыхъ никто уберечь золота не можетъ. Работы на промыслахъ начинаются въ маѣ и продолжаются все лѣто до октября. Нерчинское золото имѣетъ весьма высокую пробу, карійское—самое чистое: въ немъ только 5 частей выпадаетъ на серебро и мѣдь, находящіяся въ золотѣ. На этотъ-то металлъ и устремлены были работы горныхъ и ссыльныхъ въ то время, когда 25-ти-копеечная цѣнность золотника серебра поднялась до 50 коп., а алтайское серебряное дѣло превзошло нерчинское своими доходами.

Разгильдѣевъ сначала поднялъ высоко добычу золота: въ 1853 году добыто имъ на Карійскихъ промыслахъ 6.857 фун., 11 золотн. и 2 доли (почти 172 пуда)—и это время составляетъ эпоху въ золотомъ промыслѣ Россіи,

но за то въ 1856 г. добыто было на всѣхъ нерчинскихъ прiискахъ 2.400 фун., т. е. 60 пудовъ, въ 1857 г. 2.245 фун. Съ тѣхъ поръ продолжалось ежегодное уменьшенiе золотой добычи; первая и такая богатая была форсирована тѣмъ, что все наличное количество каторжныхъ, сосланныхъ въ эти года изъ Россiи, находившееся до того въ тюрьмахъ забайкальскихъ, привлечено было къ этому дѣлу и собрано на четырехъ промыслахъ карiйскихъ: Верхнемъ, Среднемъ, Нижнемъ и Лунжанкинскомъ. Въ 1850 году отъ громаднаго скопленiя каторжныхъ рабочихъ началась на Карѣ сильная тифозная горячка. Каторжные, запертые въ тѣсныхъ и сырыхъ тюрьмахъ, работавшiе въ болотистыхъ и сырыхъ мѣстахъ, валились, какъ мухи, иногда подлѣ самыхъ тачекъ. Погибло ихъ больше тысячи человѣкъ въ одинъ годъ и длинное зданiе лазарета на берегу Шилки остается нѣмымъ свидѣтелемъ этой неблагополучной добычи знаменитыхъ ста пудовъ золота. Въ наши дни настала надобность въ прекращенiи работъ и уменьшенiе золота ставитъ горное начальство въ обязательство снова возвратиться къ серебру. Всѣ четыре селенiя, пристроившiяся къ золотымъ промысламъ на Карѣ, и между ними Нижнекарiйское, выстроенное почти по щучьему веленiю Разгильдѣевымъ, будутъ застаиваться, разрушаться и гнить по примѣру всѣхъ другихъ горныхъ селенiй за Байкаломъ, среди огромныхъ даурскихъ богатствъ, сила которыхъ въ достаточной степени не вызнана и еще далеко вся не изслѣдована. Во многихъ мѣстахъ находятся мѣдныя руды; имѣются оловянныя, добытыя и сложенныя въ складахъ въ видѣ кирпичей либо прутьевъ, разъ успѣли уже вывѣтриться и превратиться въ порошокъ, пока строили оловянный заводъ наОнонѣ. Въ щеляхъ горъ находятъ испортившiйся купоросъ; галмей попадается обыкновенно въ оловянныхъ рудникахъ (пробовали нѣсколько разъ вытапливать изъ него цинкъ, но нигдѣ не выработано въ достаточномъ количествѣ); построенъ былъ рудникъ даже руды ртутной, но давно уже запущенъ, хотя и надобится ртуть для амальгамацiи золота. Желѣзныя руды за Байкаломъ— самыя обыкновенныя: онѣ образуютъ цѣлыя горы, но желѣзный заводъ одинъ, съ трудомъ удовлетворяющiй даже мѣстнымъ потребностямъ. Сѣры родится въ нерчинскихъ горахъ очень много; копаютъ ее при Зерентуйскомъ оловянномъ рудникѣ; графита цѣлыя горы, на Байкалѣ нефть, надъ Аргунью и Чикоемъ значительныя залежи каменнаго угля и проч. Выработка серебра въ горныхъ дистанцiяхъ Зерентуйской и Алгачинской (Нерч. округа) обезпечивается крупными надеждами и вѣрными разсчетами по современнымъ даннымъ; по разсчетамъ людей компетентныхъ, она представляется болѣе, чѣмъ вѣроятною и въ другихъ, въ особенности въ Кадаинской дистанцiи. До сихъ поръ извлекали руды изъ мѣстъ, прилегающихъ къ поверхности земли, и не ходили на глубину, которая иногда обнаруживаетъ здѣсь мѣсторожденiя болѣе, чѣмъ въ 60-ти саженяхъ отъ поверхности. Разработка нерчинскаго серебрянаго промысла, во всякомъ случаѣ, далеко не оскудѣла, но лишь испорчена неправильною системою, которая искала скорой добычи и не умѣла вполнѣ оцѣнить этихъ отечественныхъ сокровищъ.

Другую картину представляетъ Кара, выработанная и малоблагонадежная. Она уже и теперь обязываетъ излишнiя незанятыя руки употреблять на другiя дѣла, уже и теперь горное начальство каторжныхъ, оставшихся не у дѣлъ на Карѣ, отправляло въ качествѣ вольнонаемныхъ рабочихъ на другiе золотые промысла (напр., на Урюмскiе) и позволяло другимъ пропитываться въ Нерчинскомъ округѣ своимъ собственнымъ умѣньемъ и по ихъ личному усмотрѣнiю. При этомъ золотопромышленныя работы таковы, что, растягиваясь на большiя пространства, онѣ идутъ все вглубь золотоносныхъ мѣстностей и ни въ какомъ случаѣ не могутъ обезпечивать постоянной группировки ссыльно-каторжныхъ на долгое время въ одномъ мѣстѣ. Тюрьма должна кочевать и, по способу бурятской кибитки или тунгусской юрты, должна совершенно измѣнить свой настоящiй видъ и вполнѣ противорѣчить своему назначенiю, чтобы приладиться къ золотому промыслу, особенно же въ виду тѣхъ современныхъ требованiй, которыя стали обязательны для всякой тюрьмы, какъ исправительнаго заведенiя, а тѣмъ болѣе каторжной тюрьмы.

IV.

СИБИРСКІЕ ЗАВОДЫ.

Желѣзо.—Петровскій заводъ.—Соль.—Селенгинскій заводъ.—Усть-Кутскій заводъ.—Добыча соли.—Каторжныя работы.—Троицкій солеваренный заводъ.—Иркутское-Усолье.—Способы выварки соли.—Молотобойная фабрика.—Винокуреніе.—Евреи.—Ссыльные.—Винокуренные заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Воготольскій, Ентарскій, Успенскій, Каменскій.—Уничтоженіе этого вида каторги.

1) Желѣзныя руды одного изъ отроговъ Яблоноваго хребта, залегшія на мысу, омываемомъ небольшими рѣчками Балягою и Солдаткою, соблазнили купца Бутыгина. Онъ устроилъ заводъ нѣсколько выше впаденія рѣчки Мукырта въ Балягу, въ 22 верстахъ отъ мѣста добычи рудъ, получившаго впослѣдствіи названіе Балягинскаго рудника. Въ 1790 году, 29 ноября въ 4-мъ часу по полудни, началась на заводѣ, прозванномъ впослѣдствіи Петровскимъ, первая плавка желѣзныхъ рудъ въ доменномъ горнѣ, причемъ сдѣланъ выпускъ на штыковый чугунъ и частью отливка нѣкоторыхъ вещей въ песокъ и опоки; въ 1791 году штыковой чугунъ поступалъ въ передѣлку подъ кричные молота на желѣзо. Въ этомъ году заводъ поступилъ въ казну. Съ тѣхъ поръ всѣ его чугунныя издѣлія и желѣзо разныхъ сортовъ поступало преимущественно на снабженіе заводовъ и рудниковъ нерчинскихъ, какъ равно на потребности собственнаго этого завода и для вольной продажи по установленнымъ цѣнамъ. Заводъ дѣйствуетъ водою р. Мукырта; прудъ разливается вверхъ по рѣчкѣ на 400 саженъ, имѣя въ ширину до 50-ти. Заводъ пользуется землями, отведенными изъ принадлежащихъ 11-ти родамъ харинскихъ бурятъ; лѣсъ заводскій тянется на 7 верстъ. Мѣстоположеніе возвышенное, гористое, мѣстами съ обнаженными утесами и розсыпями; въ вершинахъ падей находится довольно болотистыхъ мѣстъ. Горы, окружающія самый рудникъ, состоятъ изъ гранита, а при основаніи изъ порфира. Мѣсторожденіе на 250 саженъ отъ юга къ сѣверу, толщиною отъ 5 до 8 саженъ; содержатся наиболѣе разные виды бураго желѣзнаго камня, магнитный желѣзнякъ и затвердѣлыя и рыхлыя охры. Первоначальный разносъ засыпало щебнемъ, главный разносъ дѣйствуетъ до сихъ поръ, давая заводу работу и занимая руки сосланныхъ на каторгу. Для нихъ, какъ и при всякомъ рудникѣ, при Петровскомъ заводѣ существовала тюрьма, которая переведена потомъ въ тюремный казематъ, покинутый декабристами. Петровское желѣзо настолько не удовлетворяло мѣстнымъ требованіямъ, что желѣзо привозили сюда съ Урала, а издѣлія каторжныхъ рукъ до того плохи и рыхлы, что доставленные на Амуръ топоры разсыпались по слоямъ на первыхъ ударахъ; сошники же и другія желѣзныя издѣлія никуда не годились. Петровскій заводъ за послѣднее время обратился въ общее посмѣшище. И въ этомъ случаѣ изъ казенныхъ рукъ вывалилось дѣло, не смотря на нѣкоторое усердіе и временами хлопотливость: въ 1806 году выбраны были 10 человѣкъ молодыхъ служителей и посланы въ Петербургъ для изученія разныхъ мастерствъ; однако, ни одно изъ нихъ въ заводѣ не привилось. Заводъ изготовлялъ и желѣзо для Охотскаго порта и сошники для бурятъ и тунгусскихъ казаковъ, когда пытались (неудачно) пріучить ихъ къ земледѣльческимъ работамъ. Для работъ присылали ссыльныхъ съ 1818 года, всякій разъ по сто, партіями по 25 человѣкъ, приходившими прямо изъ Иркутска, по вызовамъ и назначеніямъ заводскаго начальства. Въ 1833 году число ссыльныхъ простиралось до 550 человѣкъ, не считая бѣжавшихъ, количество которыхъ было также велико: изъ Петровскаго завода, больше чѣмъ изъ всѣхъ другихъ каторжныхъ мѣстъ, чинились побѣги. Учинившіе побѣгъ приковывались къ тачкамъ. Таковыхъ въ 1831 году было въ заводѣ свыше ста человѣкъ; въ 1848 г. содержалось 13 человѣкъ прикованными на стѣнныя цѣпи; для поимки бѣглыхъ при заводѣ организована была особая команда изъ вольнонаемныхъ охочихъ людей служительскаго званія. Тяжесть каторги для каторжныхъ и заводскихъ крестьянъ лежала и здѣсь въ одинаковой степени суровости и умѣла перейти съ отцовъ на дѣтей, но здѣсь съ тѣмъ различіемъ, что съ 1823 года тринадцатилѣтнихъ мальчиковъ опредѣляли на службу въ рудобойщики. За то въ 1828 году въ Петровскомъ заводѣ произошелъ между рабочими такой бунтъ, о которомъ сохранилось преданіе въ окольномъ народѣ. Обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри ихъ, служила причиною постояннаго скорбута, какъ бы привиллегированной болѣзни Петровскаго желѣзнаго завода. Зданіе безъ ремонта дошло до такой степени дряхлости, что заводскій лѣкарь потерялъ голову, между прочимъ, совѣтуя осушить болотистый грунтъ цѣлаго селенія. Въ 1829 году приведено было 100 человѣкъ ссыльныхъ изъ Иркутска, для постройки полуказармы, предназначенной для государственныхъ преступниковъ (декабристовъ); въ

1829 году пригнали для той же цѣли еще двѣсти человѣкъ. Лѣтомъ 1830 года была приготовлена казарма холодная и темная, но притомъ такая, что черезъ годъ потребовалась въ ней перекладка печей, а вскорѣ и самыя капитальныя передѣлки. Казематъ разсѣялся въ разныя стороны и на углахъ грозилъ полнымъ разрушеніемъ. Подневольныя работы и на этотъ разъ успѣли выразить свой характеръ. Въ Нерчинскомъ краю и горномъ округѣ Петровскій заводъ былъ единственнымъ желѣзнымъ, какъ Селенгинскій былъ единственнымъ солеваренным: оба съ каторжными работами, оба для ссыльныхъ въ Сибирь имѣли значеніе мѣстъ первой категоріи наравнѣ съ рудниками, промыслами и серебряными заводами. Въ настоящее время Петровскій заводъ, при ограниченности своего производства, перестало нуждаться въ ссыльно-каторжныхъ, спеціально предназначенныхъ для работъ на заводѣ.

2) Селенгинскій солеваренный заводъ находился между двумя забайкальскими городами: въ 40 верстахъ отъ Селенгинска и въ 96 отъ Верхнеудинска. О началѣ его, какъ и многихъ сибирскихъ заводовъ, свѣденій не имѣется: всѣ они либо растрачены либо погибли при архивныхъ пожарахъ. Извѣстно только, что этотъ заводъ въ 1719 году отданъ изъ казеннаго въ частное содержаніе селенгинскому служилому человѣку Вас. Брянскому, отъ котораго переходилъ къ разнымъ людямъ; въ 1789 г. былъ въ рукахъ верхнеудинскаго купца Пахолкова, работалъ на него 15 лѣтъ, но годъ отъ году слабѣлъ силами и, наконецъ, прекратилъ работы и снова принятъ въ казну въ 1803 году (за 7.762 р. 52¹/₄ к.). Нахолковъ принялъ двѣ варницы, сдалъ въ казну 5, изъ которыхъ одна въ казнѣ сгорѣла (въ 1816 г.). Четыре остальныя продолжали варку соли по 1825 годъ. До 1831 г. заводъ находился въ бездѣйствіи; на короткое время его снова пускали въ работу (начальникъ Дейхманъ), но казна не помогла и работы были оставлены до 1835 г. Купецъ Злобинъ началъ на немъ новое дѣло и кое-какъ повелъ его до 1839 г. Съ тѣхъ поръ заводъ окончательно смолкъ. Три раза свидѣтельствовали, замѣчали безпорядки, но ни къ чему положительному не пришли: разсолы ослабѣли отъ истощенія въ работахъ. Вызванъ онъ былъ въ этомъ мѣстѣ горько-соленымъ озеромъ, имѣющимъ отъ в. къ з. до 500 и ширины до 300 саженъ. Сначала, по преданіямъ, оно было самосадочное и ломкою соли занимались поселившіеся по близости, послѣ войны съ бурятами, казаки. Когда селенія размножились, а садка соли прекратилась, соль вываривали казаки изъ разсола, находившагося на поверхности озера; варили въ чугунныхъ котлахъ, которые ставили на камни, сложенные въ видѣ очаговъ. Озеро лежитъ за горами въ степи, на которой изрѣдка ростетъ кустарникъ. Низменности этого пространства покрыты пылью вывѣтрившейся горькой соли. Съ сѣверной стороны въ это озеро вливается много прѣсныхъ ключей, которые, растворяя глауберову соль (представляющую на озерѣ кору), до такой степени этимъ горькосоленымъ растворомъ понижаютъ въ процентномъ содержаніи растворъ поварэнной соли, что выварки послѣдней въ лѣтнее время становится невозможною. Съ наступленіемъ холоднаго времени горькая соль извергается, вода застываетъ, а разсолъ поваренной соли обогащается, оставаясь въ видѣ проталинъ въ жидкомъ состояніи, оттого и выварка соли начиналась въ ноябрѣ и продолжалась до апрѣля. На одномъ изъ такихъ мѣстъ въ 1762 году предполагали, что ключи поваренной соли пробиваются изъ почвы озера и дѣлали опыты добычи, но неудачно. Остальная масса не нужная горькосоленая кора бываетъ толщиною до 3 аршинъ и двухъ видовъ: либо въ видѣ замороженнаго кваса и наз. гужиромъ, либо въ видѣ стеклеца, т. е. когда этотъ гужиръ, при вліяніи теплоты, сольется въ плотную, прозрачную, стеклистую массу; гужиръ въ теплѣ сырѣетъ и расплывается, стеклецъ отъ умѣренной теплоты и вліянія свѣта превращается въ порошокъ. Съ поступленія завода въ казну въ работы стали употреблять ссыльно-каторжныхъ. До 1818 г. ихъ бывало отъ 120 до 147 человѣкъ (6 солеваровъ, 10 подварковъ, 20 льяльщиковъ, 8 кузнецовъ, 8 молотобойщиковъ, 3 конюха, 17 плотниковъ и при разныхъ другихъ задолженіяхъ чернорабочихъ 75 человѣкъ). Въ 1822 г. число ссыльно-рабочихъ было увеличено до 317 человѣкъ. Горное, начальство уменьшило комплектъ до 180, такъ что, въ 1829 г. оставалось людей за бѣгами и раскомандировками только 10 человѣкъ для присмотра и охраненія казеннаго имущества. Въ 1835 г., съ увеличеніемъ работъ, число команды возросло до 96. Сыновья ссыльныхъ рабочихъ приписывались до 1834 г. въ число заводской команды, а по достиженіи совершеннолѣтія составляли классъ людей, самыхъ способныхъ при техническихъ работахъ. Въ 1834 г. по 8 ревизіи, всѣхъ ихъ велѣно было причислить въ крестьяне ближайшихъ волостей. Горное вѣдомство, получивъ въ свое вѣденіе (въ 1822 г.) Селенгинскій заводъ, старалось пріохотить ссыльныхъ къ мѣсту, но дѣла не подвигались и заводское селеніе не распространялось. Какъ только кончился ссыльнымъ срокъ работъ и они получили право выхода на собственное пропитаніе или выписывались за неспособностью, всѣ спѣшили перепродать свои дома другимъ рабочимъ и перейти на житье въ тѣ волости, къ которымъ были при-

писаны. Въ свою очередь, новые собственники поступали точно также. Отъ этого каждый, зная шаткія основы завода, о своей жизни здѣсь не радѣлъ: не расширялъ усадьбы, не расчищалъ удобныхъ земель для покосовъ и пашенъ, которые, сверхъ того, требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для вешней и лѣтней поливокъ. Того же самого требуютъ и сѣнокосы, если только онѣ не на лугахъ, заливаемыхъ водою. Какъ только казна остановила свои работы, селеніе превратилось въ пустырь и вся окольность, богатая озерами, осталась снова во владѣніи кочующихъ бурятъ, у которыхъ на этомъ мѣстѣ (на Гусиномъ озерѣ) стоитъ ихъ главный дацанъ (храмъ) и живетъ глава ихъ духовенства—хамба-лама. Не удержали населенія и рыбныя ловли въ озерахъ Гусиномъ и Щучьемъ, о которыхъ такъ хлопотало горное начальство, а пребываніе послѣдняго въ этихъ мѣстахъ ознаменовалось лишь тѣмъ, что въ 1839 г. на восточномъ берегу Гусинаго озера найдены были обнаженный пластъ каменнаго угля, столь не цѣнимаго въ богатой лѣсами Сибири.

На Селенгинскомъ заводѣ кончаются каторжныя мѣста за Байкаломъ. Солеваренные заводы и при нихъ каторжныя работы приводятъ насъ на сю сторону Байкала и, въ подчиненіи работъ нашихъ хронологическому порядку, въ крайнюю даль Восточной Сибири.

3) Въ 665-ти верстахъ отъ Иркутска, въ 264 отъ Киренска, въ Якутской области, на правомъ берегу устья рѣки Куты (впадающей въ Лену), внизъ по ея теченію, расположенъ былъ, у небольшого озера, Усть-Кутскій солеваренный заводъ. На серединѣ озера находятся соляные ключи, надъ которыми устроены были колодцы. Источники эти нѣкогда составляли собственность будущаго завоевателя Амура, сольвычегодскаго промышленника Ерофея Хабарова и воеводою Поярковымъ отобраны были въ 1641 году въ казну. Хабаровъ выѣхалъ изъ завода и поселился въ шести верстахъ отъ г. Киренска, гдѣ до сихъ поръ сохраняется деревушка, носящая имя Хабарова. Съ этого пепелища своего онъ снялся на р. Амуръ для новыхъ промышленныхъ предпріятій, успѣвъ избить якутскихъ крестьянъ, присланныхъ въ Киренскъ на его заимку для поселенія. Завладѣвъ чужою женою, Хабаровъ, вынужденный неудачами на Ленѣ, сдѣлался героемъ на Амурѣ, но могилу нашелъ себѣ въ Илимскѣ (при устьѣ р. Илима, впадающаго въ Лену). До 1751 г. заводъ его находился въ вѣденіи казны, но въ этомъ году отданъ иркутскому купцу Ворошилову, который и содержалъ до 1780 года, когда заводъ перешелъ къ его наслѣдникамъ. Въ 1800 г. заводъ, по духовному завѣщанію, перешелъ къ дочери Ворошилова, надв. совѣт. Вейтоновой, которая впослѣдствіи оказалась несостоятельною и неисправною (не смотря на то, что казна, по указу 7 декабря 1801 года, къ 20 ссыльнымъ прибавила ей еще десять). Варницы снова были отобраны въ казну и въ 1803 г. отданы киренскому купцу Сычеву. Въ 1823 г. онѣ находились во владѣніи внука Сычева; въ 1829 г. Малѣева, въ 1836 г. жены его. Соляные источники Усть-Кутскаго завода—самые богатые въ Иркутской губ. и варка соли, при изобиліи разсола (по солемѣру 18½ лотъ), можетъ производиться во всякое время года, но варили соль только весною и лѣтомъ, т. е. когда разсолъ становился крѣпче. Варили въ двухъ варницахъ: спасскомъ и знаменскомъ и до 1838 г. получали ежегодно до 25 т. пуд. Для производства работъ было положено имѣть 35 человѣкъ и для каторжныхъ работъ: у рубки дровъ и при заготовленіи лѣса. Соль сплавлялись по Ленѣ черезъ подрядчиковъ отъ казны на баркахъ и гужомъ въ стойки Киренскаго округа. По нахожденіи завода въ малонаселенной странѣ, онъ приносилъ казнѣ ничтожныя выгоды, потому она рѣшилась и съ нимъ покончить дѣло и уничтожить. Селенія и здѣсь не выросли и не укрѣпились. Въ заводѣ, даже и во время работъ, не было церкви, а стояла часовня, выстроенная въ 1822 г.; требы исполнялъ священникъ Усть-Кутскаго селенія, отстоящаго отъ завода въ 4 верстахъ.

4) На берегу рѣчки Усолки (Енис. губ. Канскаго округа), въ разстояніи 193 верстъ отъ г. Канска, существовалъ четвертый заводъ Восточной Сибири, наз. Троицкимъ. Первые соляные ключи открыты были тунгусами, объявившими (въ началѣ 17 столѣтія) о томъ единственнымъ въ то время и въ тамошнемъ краю торговымъ людямъ—мѣщанамъ г. Енисейска Хромовымъ. Хромовы разработали нынѣшній средній колодезь (въ немъ разсолъ 6), варили соль въ котлахъ, а потомъ устроили и варницу, полагая начало завара съ Покрова и продолжая варку до времени весенняго разлива Усолки. Предприниматели эти, часто имѣя нужду въ деньгахъ, занимали ихъ у жившихъ здѣсь монаховъ енисейскаго Спасскаго и туруханскаго Троицкаго монастырей. Впослѣдствіи, будучи не въ состояніи уплатить долговъ, Хромовы передали все заведеніе въ монастырщину. У монаховъ солевареніе улучшилось: выходъ соли часто доходилъ до 80-ти пудовъ. Въ 1764 г. заводъ принятъ въ казенное вѣдомство. Казна выстроила три новыя варницы (въ 1778, 1780 и 1800 гг. *) и устроила три новыхъ колодца (одинъ содержаніемъ въ 15°, другой до 24°). Выварка соли поднялась до 88

*) Варница этого года устроена по вызову того обстоятельства, что въ этомъ году прекратилась садка соли на Минусинскомъ самосадочномъ озерѣ.

пудовъ, когда въ 1827 г. заводъ взяло въ свои руки горное вѣдомство и выварка соли увеличилась до 126 пудовъ. Хозяйство расширилось: „чтобы избѣжать покупки желѣза дорогими цѣнами и отъ вольныхъ людей“, казна распорядилась построить желѣзный заводъ. Руды добывались въ окрестностяхъ при рѣчкѣ Копотиловкѣ и плавилось въ печахъ, получалось кричное желѣзо, которое превращали въ сортовое тутъ же *). При этихъ условіяхъ казна успѣла въ 10 лѣтъ выстроить тутъ новое селеніе (въ эти десять лѣтъ прибыло 63 дома). Работы производились арестантами, присылавшимися гражданскими начальствами во временную работу въ ожиданіи собиранія справокъ (отъ 50—100 челов.); присылались и ссыльно-каторжные. Въ 1838 г. ихъ было 313 человѣкъ, имѣвшихъ 120 домовъ собственныхъ (другіе размѣщены были въ нарочно для нихъ устроенныхъ казармахъ). Ссыльные употреблялись для выварки соли на работы уже истинно каторжныя, по старинному способу веденія ихъ. Перевозка дровъ, починка и постройка чреновъ и приготовленіе инструментовъ производились людьми вольнонаемными.

5) Одновременно съ Усть-Кутскими открыты были соленые источники на берегу р. Ангары, въ 68 верстахъ отъ Иркутска, на мѣстѣ, гдѣ теперь существуетъ Иркутскій солеваренный заводъ или по просту Иркутское-Усолье. Все техническое устройство находится на островѣ р. Ангары, наз. Варничнымъ (прежде Вознесенскимъ). До 1765 г. соляной промыселъ состоялъ въ вѣденіи иркутскаго Вознесенскаго монастыря, съ приписными крестьянами отъ деревень нынѣшней Бодайской волости. Въ 1765 г. Усолье поступило въ казенное управленіе и съ того времени стали присылать сюда для работъ ссыльно-каторжныхъ. Казна въ 1772 г. имѣла уже здѣсь 4 варницы и вываривала на нихъ соли до 55 т. пудовъ. Съ 1782—85 г. заводъ содержался на арендѣ тобольскимъ купцомъ Дьяконовымъ, по смерти котораго опять поступилъ въ казну. Разсольные источники находятся преимущественно на островѣ Варничномъ и частью на лѣвомъ берегу Ангары, близъ селенія. Прежде разсолъ былъ гуще (въ $7^1/_2$ и $9^1/_2$ °), но бывшія землетрясенія понизили ихъ содержаніе (въ 1833 г. отъ 1 до $^1/_2$ °, а въ 1839 и еще почти на $1^1/_4$ °), отчего соль 1838 и 40 гг. вываривалась уже изъ разсоловъ въ $5^1/_4$ и въ $6^3/_4$ ° (въ 1841 разсолы обогатились на половину этого пониженія **).

Выходы соляныхъ рудниковъ не глубоко залегаютъ отъ поверхности земли, отчего и самые колодцы, скопляющіе разсолъ, не глубоки. Изъ этихъ колодцевъ разсолъ поднимается бадьями въ зунфы посредствомъ насосовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе конною силою. Изъ зунфовъ пускается разсолъ по жолобамъ въ лари, устроенные въ самыхъ варницахъ, а изъ ларей напускается уже, по мѣрѣ надобности, въ чрены. Въ ларяхъ разсолъ, по наполненіи, часовъ до 12 отсаживаетъ илъ (разсолъ протекаетъ мутнымъ) и изъ нихъ пускается по жолобамъ въ въ чрены, устроенные въ серединѣ варницъ и сшитые изъ листовъ поличнаго желѣза. Чрены повѣшены на крючьяхъ: подчренныя печи складены изъ кирпича, устье ихъ или чело печи имѣетъ вышины около $1^1/_2$ ар. и ширины 2 ар. и снабжено желѣзною дверью, которая служитъ также для управленія огнемъ. На сторонѣ, противоположной устью, у задней стѣны, выкладывается невысокая труба, называемая сопуха, имѣющая заслонку также для управленія огнемъ или подчреннымъ жаромъ. Кромѣ того, въ варницѣ настилаются палати съ ящиками для складки и просушки соли, набрасываемой изъ чреновъ. Въ чрены до напуска разсола напускается бурдукъ (смѣсь муки съ разсоломъ), который запаиваетъ и замазываетъ тѣ мѣста, гдѣ капель или течь. Это собственно и называется напускомъ; затѣмъ слѣдуетъ наводка, т. е. сгущеніе разсола. Во вторые сутки повышается напускъ разсола и въ первые сутки соли почти никогда не получается, во вторые— весьма немного и то мелкой и грязной, смѣшанной съ пригорѣлою мукою, сажею, иломъ и пескомъ. Эта соль поступаетъ въ переваръ. Три или четыре соли по заварѣ бываютъ тя-

---

*) У деревни Яковлевой открыты были мѣдныя руды и, кромѣ того, существуютъ вблизи завода желѣзистыя минеральныя воды, а въ 6 верстахъ отъ него углекислыя.

**) Состояніе разсоловъ измѣняется: въ сухое лѣто они богаче, но притокъ ихъ недостаточенъ на продовольствіе дѣйствующихъ чреновъ. Ощутительно же понижаются они въ своей густотѣ во время разливовъ р. Ангары отъ чрезвычайно-быстраго притока нагорныхъ водъ рѣкъ: Иркута, Ушаковки, Тойсона и Китоя, что бываетъ, по большей части, въ іюнѣ и началѣ іюля и во время рѣкостава Ангары въ декабрѣ и январѣ. При этихъ случаяхъ нерѣдко затопляется весь Варничный островъ и прѣсная вода, стекая съ поверхности въ колодцы, разводитъ разсолъ, дѣлаетъ его негоднымъ къ солеваренію. Изубоженный притокомъ водъ разсолъ не пускается въ дѣло до того времени, пока вода Ангары не пойдетъ на убыль. Воду отливаютъ, даютъ время концентрироваться въ колодцахъ разсолу, и— солевареніе вновь начинаютъ. Особенно было сильно наводненіе въ 1772 году: вода стояла до половины дверей разсольныхъ колодцевъ и варницъ, заливалась даже въ чрены, снесла съ острова бани, мостъ черезъ протокъ Усолку, сломала всѣ жолобья, затопила соляные магазины и унесла болѣе тысячи саженъ дровъ. При заводѣ своя лѣсная дача. Для дровъ предпочитаютъ круглыя, наз. [illegible], какъ болѣе удобныя для того, чтобы легче подкатывать ихъ подъ сковороды. Въ 1823 году варницъ было 9, въ 1836 уже 1 . Шестьдесятъ пуд. соли требуютъ цѣлую кубическую сажень дровъ.

желы на вѣсъ, не чисты и, лежа въ магазинѣ, даютъ весьма значительную утечку *). Каждая варя продолжается около сутокъ, а изъ 20 и болѣе варей составляется отряска, въ теченіи которой на полотнѣ чрена, въ видѣ твердаго камня, накипаетъ столько поваренной соли, что, въ предупрежденіе пригара, этотъ камень (ширей) отбиваютъ. Работа такая (наз. околотка) производится молотками (наз. клевакъ). Затѣмъ производится дня 2—3 починка; чрены дѣйствуютъ отъ 20 до 22 сутокъ; общая поправка производится черезъ 2—2½ мѣсяца; въ октябрѣ солевареніе прекращается, въ концѣ февраля или въ началѣ марта начинается. Работа въ варницахъ въ сильномъ жару, заставляющемъ снимать рубахи до гола съ разсчетомъ на простуду и на растраву ранъ и даже мелкихъ порѣзовъ въ соляномъ пару—поистинѣ каторжная. Многія варницы, каковыя всегда строятся осьмиугольными, отъ неправильнаго устройства пролетовъ накопляли такой дымъ, что рабочіе, для направленія огня, и ползать не могли по землѣ. Чтобы они не задыхались въ вѣтряное время, сдѣланы плотно законопаченныя будки, куда люди входили со двора и сквозь оконца смотрѣли за огнемъ, будучи избавлены отъ безвременнаго страданія и боли глазъ, но все-таки не избавились отъ близости простуды и вѣроятія отравы соляными парами до потери аппетита. Въ этихъ сѣняхъ, придѣлываемыхъ съ наружнаго входа, складываются дрова; въ лѣтнее время здѣсь рабочіе имѣютъ убѣжище отъ нестерпимаго жара варницъ; сѣни служатъ препоною для сильнаго притока воздуха со двора въ варницы, гдѣ онъ, въ соединеніи съ дымомъ и паромъ, особенно при напускахъ разсола въ холодное время, производитъ почти непроницаемую темноту и отвращаетъ сильное горѣніе въ подчренныхъ печахъ. Кѣмъ-то и когда-то при иркутскомъ заводѣ устроено было въ незначительномъ видѣ желѣзное производство ручными молотами на обыкновенно кузнечныхъ горнахъ. Въ 1795 г. построена была кузница съ пятью горнами, а въ 1801 г. устроена была на р. Тельминкѣ молотовая фабрика. На ней изъ разнаго лому выковывались гвозди и подгвоздки (желѣзныя кружки съ дирою) для чреновъ. Впослѣдствіи искали рудныхъ мѣсторожденій и нашли ихъ, но не благонадежныя—гнѣздовыя, и замыслы оставлены. Въ 1835 году, по близости найденъ новый пластъ и плавка производилась въ сыродувныхъ печахъ, но за недостаткомъ воды работы прекратились, но увѣнчались тѣмъ результатомъ, что во флейцовой горѣ (наз. Балдуйской) подъ песчанникомъ нашли пластъ каменнаго угля до 1½ саж. толщиною. Заводъ довольствуется теперь желѣзомъ алтайскимъ и Петровскаго завода *). Съ примѣненіемъ въ Восточной Сибири новой соляной системы, солеварнымъ заводамъ выпадаетъ неизбѣжная участь быть упраздненными или перейти въ частныя руки, если только таковыя увѣренно разсчитаютъ на выгоду разработки и, во всякомъ случаѣ, предпочтутъ вольнонаемный трудъ. Примѣръ частнаго владѣльца Николаевскаго завода, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи до послѣдняго времени небольшое число каторжныхъ, въ этомъ отношеніи единиченъ и исключителенъ.

Солеваренные заводы, такимъ образомъ, можно полагать каторгою первой степени. Гораздо легче ихъ была каторга на винокуренныхъ заводахъ, до измѣненія въ послѣднее время системы акцизныхъ сборовъ на вино, когда всѣ казенные винокуренные заводы были уничтожены, т. е. либо проданы на дѣло и на сломъ, либо сданы въ арендное содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ частная предпріимчивость въ существованіи ихъ признала законное и безошибочное право.

Винокуреніе въ началѣ производилось винокурами, избираемыми изъ ссыльныхъ, которые знакомы были съ этимъ дѣломъ въ Россіи или пріучались уже въ заводѣ (имъ давали по 250 р. асс. въ годъ и, сверхъ того, въ видѣ награды, по 8 коп. съ каждаго ведра излишне выкуреннаго вина). Производство шло, по старинному, весьма дурно: въ деревянныхъ бражныхъ кубахъ, устроенныхъ по обыкновенію кантаковъ; при жестокихъ морозахъ терялась спиртуозность, вылетавшая въ спаи досокъ. При морозахъ (въ дек. и янв.) выходы вина уменьшались: морозы мѣшали быстрой работѣ, мѣшала дѣлу и посуда, не успѣвшая обдержаться. Винокуры часто мѣнялись за злоупотребленія, которыя происходили частью по ихъ неопытности, частью злонамѣренно. Изъ четверти хлѣба не выкуривалось больше 6 ведеръ; явившіеся изъ Россіи евреи успѣли выучить добывать 7 ведеръ, впослѣдствіи дошли до 7½ и до 7⅗. Выкурка вина не превышала 100 тыс. ведеръ въ благопріятное время и упадала даже до 6 тыс. въ неудачное. Отъ того, что бочки приготовлялись изъ лиственичнаго лѣса, усышка и утечка возростали до 7½ ведра на сто. Голодные и голые рабочіе, для поддержки своего утлаго существованія, принуждены были измышлять различныя хитрости, чтобы уворовать вино, бѣжать съ нимъ изъ завода и на-

*) Чистая, хорошо высушенная поваренная соль влаги не притягиваетъ. Если въ соли содержится хлористый кальцій или магній, имѣющіе сильное сродство съ водою, соль растворяется въ притягиваемой изъ воздуха влагѣ и тогда утечка; если въ соли сѣрно или углекислый натръ или сѣрнокислая магнезія, то соль вывѣтривается, т. е. происходитъ усышка.

*) Былъ еще солеваренный заводъ въ Охотскѣ, дѣйствовавшій очень долгое время и уничтоженный въ 1839 году.

чать корчемничать гдѣ либо по сосѣдству. Воровали спиртъ и полугаръ, просверливая дыры въ трубахъ, по которымъ идетъ вино. Бывали времена, что, по причинѣ скуднаго урожая хлѣба, придумывали для рабочихъ хлѣбъ изъ барды; бывали времена, что и самый хлѣбъ, при плохомъ хозяйствѣ, для Восточной Сибири принуждены были закупать въ Западной *).

На винокуренные заводы вышла мода. Стали выстраивать ихъ не тамъ, гдѣ обнаруживался мѣстный вызовъ, поддерживаемый обиліемъ хлѣба и мѣстными требованіями, а въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя клалъ надежды кабинетный разсчетъ, желающій похвастаться своею попечительностью о казенныхъ прибыляхъ и своимъ прилежаніемъ и заботою о народныхъ нуждахъ. Мало заботились (да и не были въ состояніи сдѣлать это), не хотѣли разсчитывать на то, чтобы за новыми заводами упрочить существованіе ихъ на будущее время. Достигли одной цѣли: количество каторжныхъ мѣстъ увеличили на извѣстное время, но промышленныхъ заведеній, прочно стоящихъ на твердыхъ экономическихъ основахъ, не установили. Мѣстныя условія не замедлили обнаружить свое вліяніе и огромныя суммы, затраченныя на устройство, оказались безплодно потерянными; заводы, работавшіе въ ущербъ себѣ и увеличившіе цѣну вина, убѣдили въ своей несостоятельности и были уничтожены: Михайловскій за Байкаломъ, Николаевскій (въ 1832 г.), Ильгинскій (1845 г.) въ Иркутской губ., Каменскій въ Енисейской. Александровскій заводъ, соединивъ съ собственнымъ винокуреніемъ производившуюся до тѣхъ поръ выкурку вина въ этихъ заводахъ, сталъ безъ затрудненія удовлетворять потребности всѣхъ мѣстъ, подчиненныхъ вліянію упраздненныхъ заводовъ. Онъ избавилъ казну отъ лишнихъ издержекъ и выкуривалъ вино съ меньшими противъ нихъ расходами. Хлѣбъ привозили сюда окрестные крестьяне и инородцы (бурята) прямо на базаръ и съумѣли сдѣлать подручный рынокъ, избавлявшій отъ необходимости сложныхъ операцій по закупкѣ. Иркутскій и нижнеудинскій округъ снабжали заводъ хлѣбомъ въ такомъ достаткѣ, что бывали времена, когда пудъ хлѣба продавался менѣе 10 коп. въ урожайные годы, отъ 24 до 25 въ года средняго урожая и только до 90 коп. доходилъ въ неурожайные. Заводъ былъ въ состояніи выкуривать свыше 500 тысячъ ведеръ и казна, за исключеніемъ издержекъ на приготовленіе вина, получала выгоды около милліона рублей. Въ 1860 году въ дачахъ завода считалось 12.503 десятины лѣсныхъ угодій; 526 дес. сѣнокосныхъ мѣстъ, 366 дес. пахатныхъ земель и 240 дес. выгону,—количество угодій, роскошно обезпечивающихъ существованіе мѣстнаго заводскаго селенія. До поступленія завода въ казну (1787 г.), въ немъ были рабочіе люди изъ ссыльныхъ; съ поступленіемъ въ казну опредѣлено имѣть, кромѣ дроворубовъ и бочкарей, 154 чел. каторжныхъ. Но такъ какъ потребность въ людяхъ гораздо превышала назначенное число, то оно, постепенно увеличиваясь, въ послѣднее время, а именно передъ отдачею завода въ арендное содержаніе Медовикову въ 1853 г., возросло слишкомъ до тысячи человѣкъ. Послѣ же передачи число рабочихъ уменьшено на половину.

Съ передачею заводовъ на коммиссіонерскомъ правѣ въ аренду ссыльные стали раздѣляться на два разряда: одни остались за казною, другіе были переданы контрагенту. Положеніе тѣхъ и другихъ измѣнилось: на Александровскомъ заводѣ казенные ссыльные получали 3 руб. асс. и два пуда муки въ мѣсяцъ; контрагентскіе стали получать двойной плакатъ (до 3 р. сер.). Вышло, однако, такъ, что казенные, оставшись на задѣльной платѣ, стали жить лучше, въ особенности тѣ, которые знали какое либо мастерство. Не-мастеровые старались приписаться къ кому либо изъ семейныхъ; жители завода охотно принимали ихъ къ себѣ на квартиру и довольствовали ихъ харчевымъ содержаніемъ безъ платы, получая отъ нихъ одинъ только провіантъ. Кромѣ того, ссыльные обязывались половиною свободныхъ во время дѣйствія винокуренія сутокъ содѣйствовать въ помощь домашнему хозяйству сторожиловъ. Крмѣ того, ссыльные имѣли еще выгоду зимою оработать въ заводѣ по вольнымъ цѣнамъ (50 коп. въ сутки), а лѣтомъ (когда съ половины мая до половины августа прекращается винокуреніе) большая часть изъ нихъ находится въ дровосѣкѣ и при вырубкѣ бочечнаго лѣса и получаетъ отъ 4 до 6 руб. въ мѣсяцъ *). Усердные изъ рабочихъ, проживя одинъ или два года въ заводѣ, имѣли возможность купить домикъ и завести собственное хозяйство. При этомъ каторжные, по преимуществу, женились на дочеряхъ каторжныхъ же, раньше поступившихъ въ заводъ и обзаведшихся домами и семействами **).

*) Такъ, напр., для Александровскаго винокуреннаго завода привозили въ 1802 г. изъ Тобольской губ., когда и самое куреніе вина пріостановили, такъ что казна потерпѣла громадные убытки.

*) Избиравшіеся по благонадежности ссыльные для отправленія особыхъ обязанностей по заводу получали и особое жалованье, согласно штату, напр. нарядчикъ 70 руб., мѣдяки 150 р., кузнецы по 60 р., плотники, мельники и солодовщики 50 руб., браговары, иагребщики и затрубные по 40 руб. въ годъ.

**) Въ 1839 г. домовъ, принадлежащихъ ссыльнымъ, было 178, къ нимъ въ этомъ году пристроилось новыхъ 2, въ 1840—3, въ 1841—4, въ 1842 ни одного не выстроено, ни одного не куплено; въ 1839 куплено 5, въ 1840—5, въ 1841—4, въ 1843 построено 7 и куплено 8. Огороды

Между тѣмъ, ссыльные отъ контрагентовъ наичаще пускались въ бѣга: довѣрители не давали имъ порядочной одежды, въ самые сильные морозы водили почти босыми. Получая по 6 р. асс. въ мѣсяцъ, ссыльные платили по 4 руб. за харчи и за квартиру; одежда выдавалась изъ конторы подъ самое жалованье. Такимъ образомъ, заводское начальство лучшею мѣрою къ прекращенію побѣговъ полагало улучшеніе пищи и одежды; находящимся при работахъ на виницѣ винокуръ обязанъ давать винную порцію. Заведенъ былъ овощный огородъ; выдавались капуста, говядина, крупа и картофель, по временамъ покупалось молоко. Семейнымъ и обзаведшимся хозяйствомъ на содержаніе свиней выдавалась барда; свиное мясо служило подспорьемъ въ пищѣ; барда выдавалась также и для лошадей. Хозяева составляли особый разрядъ—коннорабочихъ. Получая пособіе отъ казны въ лѣсѣ и матеріалахъ, а также лошадьми, ссыльные были въ состояніи нанимать для пособія при возкѣ дровъ другихъ ссыльныхъ, бѣднѣйшихъ. Этою мѣрою содержали на заводскихъ работахъ и дѣтей ссыльныхъ, захотѣвшихъ въ 1835 году выбыть изъ завода для приписки по 8-ой ревизіи въ крестьяне. Въ свободное время оставляли за ссыльными право наниматься у крестьянъ, сдающихъ хлѣбъ, носить мѣшки въ магазины за добровольную плату.

Подобное же учрежденіе заводовъ, не соотвѣтственно потребности и силамъ края, вызвало уничтоженіе винокуренныхъ и въ Западной Сибири: Боготольскаго, Ентарскаго и друг., и въ Восточной Сибири—Каменскаго и другихъ. Каменскій (въ 24 верстахъ отъ г. Енисейска) еще въ 30 годахъ работалъ съ постоянною убылью для казны и существовалъ только для того, чтобы занимать работами 600 чел. каторжныхъ *). Въ другихъ мѣстахъ неумѣстное учрежденіе казенныхъ виницъ вызвало сильную дороговизну хлѣба съ непомѣрнымъ стѣсненіемъ для жителей, особенно, когда устроены были два завода, Екатерининскій и Успенскій, въ малохлѣбородномъ сѣверномъ краю (первый подъ Тарою, второй подъ Тюменью). Екатерининскій, основанный при Екатеринѣ II и названный ея именемъ, представлялъ небольшое селеніе, помѣстившееся среди лѣса, на правомъ берегу Иртыша. Огромная каменная винокурня отстояла отъ селенія саженъ на 300; самое селеніе представляло рядъ домовъ, выстроенныхъ тамъ, гдѣ указало начальство на линіи улицъ. И здѣсь точно также работы производились каторжными, часть которыхъ (200 чел.) находилась въ веденіи казны, другая меньшая (100 чел.) была въ распоряженіи контрагентовъ. Казна выкуривала до 120 тыс. ведеръ, но частные предприниматели увеличили выкурку до 200 тыс. ведеръ полугара, пѣнника и спирта, расходившихся по Тоб. и Томск. губ., на тысячу верстъ въ окружности. И здѣсь, какъ и вездѣ, одни каторжные набирали муку, другіе возили ее, третьи ссыпали въ заторы, приготовляли солодъ на гонку вина, качали машиною воду въ сосуды, спускали брагу изъ одного сосуда въ другой, качали машиною брагу изъ нижней десятни въ верхнюю; заготовляли лѣсъ находились при носкѣ дровъ, другіе были въ жиганахъ у печей, у пилки полѣньевъ, при бочкахъ въ бондаряхъ; работали по каторжному положенію день и ночь, а въ рабочее время винокуренія имѣли отдыхъ только на Рождество и на Пасху. Плата бондарямъ шла отъ штуки и они могли заработать руб. по 15 асс. и больше; другіе рабочіе получали не больше 10 руб. асс. и не меньше 5-ти. Каторжные отдавали домовладѣльцамъ муку, работали около ихъ дома и имѣли за то столъ и право спать въ тѣсной, но теплой избѣ. Жившіе въ казармахъ жили пьяно, распутно, часто затѣвали кровавыя драки. Наказывать рабочихъ ни винокуръ, ни довѣрители не имѣли права, но только смотритель, въ помощь которому и здѣсь былъ данъ гарнизонъ изъ солдатъ. Противъ лѣниваго, непослушнаго или наглеца, смотритель призывалъ солдатъ и розгами розыскивалъ и возстановлялъ правду. Однако, бить по щекамъ, таскать каторжнаго за волосы могъ всякій безнаказанно. Сильно тосковали по родинѣ, а потому бѣжали, сильно пьянствовали, а притомъ и страшно воровали; словомъ и здѣсь тоже, какъ двѣ капли воды, что и на всѣхъ сибирскихъ заводахъ, соляныхъ и винныхъ, желѣзныхъ и серебряныхъ. Говорить о другихъ заводахъ Западной Сибири—повторять старое: таково было, таково же жилось и на Успенскомъ въ Тюменскомъ округѣ въ 326 верстахъ отъ Тобольска. Заводъ успѣлъ также выроста въ довольно большое селеніе и также пользовался работами ссыльныхъ, обреченныхъ на 20-ти-лѣтнюю заводскую работу и получавшихъ за то ежемѣсячно неизмѣнные 3 руб. асс. и 2 пуда ржаной муки въ провіантъ.

Государственный совѣтъ, при новой реформѣ акцизнаго сбора за вино, увидѣвъ, что казенные винокуренные заводы приносятъ казнѣ еже-

---

съ 155 возросли до 237. Прогрессивно увеличивалось и число скота: лошадей, коровъ, барановъ, свиней.

*) Этотъ Каменскій заводъ, такъ же какъ сибирскій бродяга, переходилъ отъ одного хозяина къ другому и добился только одного: совершеннаго уничтоженія. Онъ—по преданію—основанъ былъ подъ низкими, но крутыми возвышеніями при устьи рѣки Каменки, въ 1663 году какимъ-то Скрепковымъ, отъ него перешелъ къ графу Шувалову, потомъ къ Походяшину, потомъ къ Лобанову и, наконецъ, въ казну. Заводскій архивъ говоритъ, что онъ снова отданъ былъ въ аренду тому же Лобанову съ Кремневымъ, опять очутился въ казенныхъ рукахъ томской казенной палаты, опять былъ отданъ въ аренду Лѣнивцову, въ 1813 г. снова поступилъ въ казну, и проч.

годно большіе убытки, постановилъ продать заводы въ частныя руки съ тѣмъ разсчетомъ, что потребное количество вина будетъ заготовляться съ большимъ успѣхомъ. Для успѣховъ, при развитіи частной предпріимчивости, казна пожертвовала значительными уступками и продала заводы, стоившіе нѣсколько сотъ тысячъ, гораздо ниже настоящей ихъ стоимости. Такъ, напр., Павловскій заводъ проданъ за 10 тыс., а Михайловскій за 14 т. руб., но выгадано въ томъ, что частные покупщики не замедлили дать наибольшее развитіе промышленности и убѣдить въ томъ, что тамъ, гдѣ казна при крѣпостномъ трудѣ получала убытки, частные промышленники, при вольной цѣнѣ за трудъ и безъ увеличенія цѣнности продукта, получили барыши и развили дѣло на прочныхъ и широкихъ основаніяхъ. Между тѣмъ, въ видахъ правительства ясно было выражено желаніе продать заводы на сломъ и только пригодныя зданія передать для волостныхъ надобностей въ вѣденіе палатъ государственныхъ имуществъ. Въ этихъ разсчетахъ уничтоженія казенныхъ винокуренныхъ заводовъ исчезла и надобность въ работахъ ссыльныхъ и каторжныхъ. Слѣдомъ за уничтоженіемъ рудниковыхъ работъ, исчезъ еще новый видъ каторжныхъ работъ въ Сибири по примѣненію къ многочисленнымъ сибирскимъ винокурнямъ.

V.

СИБИРСКІЯ ФАБРИКИ.

Купецъ Куткинъ.—Полотняная фабрика.—Контракты. - Купецъ Солдатовъ.—Фаянсовая фабрика. — Суконная фабрика Векшина. — Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика. — Тельминская суконная фабрика. — Стеклянный заводъ. — Омская суконная фабрика.—Пользованье трудомъ ссыльныхъ.

Способъ приспособленія обязательныхъ работъ ссыльно-каторжныхъ остался въ тѣхъ же условіяхъ и по примѣненію къ тѣмъ фабричнымъ производствамъ, на которыя соблазнялась казна и расчитывали частные предприниматели. Съ непремѣннымъ обязательствомъ приспособлялся трудъ каторжныхъ тотчасъ, какъ заводила казна фабрику, какъ завела двѣ таковыхъ для выдѣлки суконъ на линейныя и казачьи войска: Тельминскую подъ Иркутскимъ для войскъ Восточной Сибири и Омскую въ самомъ городѣ Омскѣ для войскъ Западной Сибири. Съ готовностью и охотою уступала казна трудъ каторжныхъ и на воспособленіе предпріятій частныхъ лицъ, какъ сдѣлано это при заведеніи фаянсовыхъ и стеклянныхъ фабрикъ подъ Иркутскомъ и полотняной фабрики въ Тобольскѣ. Условія, постановленныя при поощреніи послѣдней фабрики, послужили потомъ руководящимъ образцомъ для другихъ послѣдующихъ.

Въ 1791 году ст. совѣт. Куткинъ завелъ въ Тобольскѣ, въ собственномъ домѣ, небольшую полотняную фабрику, которая, распространяясь мало по малу, сдѣлалась, наконецъ, заведеніемъ, обратившимъ на себя вниманіе правительства. Въ 1797 году оставлено при ней для работъ изъ сосланныхъ за вины въ Сибирь 59 человѣкъ; въ 1803 году подъ фабрику отведено было 300 дес. земли и заведеніе переведено было за 9 верстъ отъ города. Въ 1808 г. Куткину разрѣшено выбрать изъ сосланныхъ русскихъ фабричныхъ знающихъ ткацкія работы нужное число людей, имѣющихъ отъ 20 до 40 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы число рабочихъ, съ имѣющимися на лицо, составило 60 человѣкъ. На случай наибольшаго распространенія фабрики дозволено увеличить число фабричныхъ до ста человѣкъ. Постановлено: мастеровыхъ этихъ впредь 3 года въ подушной окладъ не полагать, а въ теченіи 20 лѣтъ не брать съ нихъ рекрутъ, чтобы они не могли въ это время обзавестись хозяйствомъ. По прошествіи первыхъ трехъ льготныхъ лѣтъ Куткинъ обязывался платить подушныя и всѣ повинности наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами, а по прошествіи 20 лѣтъ давать отъ фабрики за рекрута 500 руб. Если „кто изъ дѣтей фабричныхъ окажется распутной жизни, отъ него къ исправленію надежды не будетъ, или безпечность столь будетъ велика, что никакія побужденія и поощренія не подѣйствуютъ, таковыхъ отдавать въ зачетъ рекрута отъ фабрики“. Мастеровые должны быть помѣщены въ жилыя и хорошо выстроенныя свѣтлицы, отъ мая до сентября получать платы по 24½ коп. въ день, въ прочее время года по 18 коп., а женщины, безъ раздѣленій времени, по 9½ коп. Всѣмъ женатымъ Куткинъ обязанъ былъ дать въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ по коровѣ и по двѣ овцы, отвести подъ огороды по полудесятинѣ земли и по стольку же сѣнокоса. „Лошадей имъ не полагается, потому что въ тамошнемъ краю частымъ онѣ подвержены падежамъ, а вмѣсто того всѣ работы при фабрикѣ отправлять на волахъ, которыхъ и давать мастеровымъ въ началѣ весны отъ фабрики безъ всякаго отлагательства въ нужное къ тому время. Состарившихся мастеровыхъ упо-

треблять для присмотра и карауловъ съ платою въ мѣсяцъ отъ 2 до 3 руб. Когда же застигнетъ дряхлость, производить пенсіи по 12 руб. въ годъ и выдавать провіантъ противъ работника въ половину. Малолѣтнихъ сиротъ до 12 лѣтъ воспитывать и одѣвать на счетъ фабрики, обучая, между тѣмъ, и занимая легкими рукодѣльями. Для предотвращенія дороговизны въ пропитаніи, содержатель обязанъ имѣть всегда при фабрикѣ запасъ хлѣба, „поелику сіи необходимые жизненные припасы (какъ-то мука и крупа) въ городѣ Тобольскѣ и окрестностяхъ онаго всегда бываютъ въ изобиліи и продаются цѣнами умѣренными“. На волю фабричныхъ отдается брать оный у него (Куткина) или довольствоваться покупкою на сторонѣ. Мелочныя ссоры между мастеровыми, ихъ женами и дѣтьми разбирать въ воскресные дни по утрамъ тремъ человѣкамъ выборнымъ, кого они сами назначатъ. Имъ же отдавать для исправленія лѣнивыхъ, непослушныхъ и пр. Винная продажа при фабрикѣ и на земляхъ ея воспрещена; не дозволено также ни подъ какимъ видомъ ѣздить съ выставками временными или подвижными. За вычетомъ праздниковъ и одного лѣтняго мѣсяца для уборки сѣна и обработки огородовъ, рабочіе занимаются въ теченіи года 248 дней, полагая въ сутки по 12 рабочихъ часовъ. Призрѣніе больныхъ зависитъ отъ фабрики; для исполненія христіанскаго долга мастеровые въ воскресные и праздничные дни въ церковь могутъ ходить въ городъ, но только съ дозволенія управляющаго, а безъ дозволенія отнюдь не отлучаться, и проч.

Такими же правилами обязанъ былъ и купецъ Солдатовъ, получившій мастеровыхъ и рабочихъ людей изъ ссыльныхъ, съ отводомъ ему земли (въ 1814 году) подъ фаянсовую фабрику въ предмѣстьи Иркутска. Фабрику эту Солдатовъ купилъ отъ купца Полевого и вызвалъ поощреніе правительства, между прочимъ, и по тому — какъ сказано въ положеніи комитета министровъ—что изъ приготовляемой посуды сдѣлалъ даже статью торговли съ китайцами. Ему назначено было отъ 30 до 40 ссыльныхъ, а въ томъ числѣ, сколько можно, женатыхъ, лѣтами отъ 15 до 40, каковые и были причислены къ фабрикѣ на общемъ основаніи и съ тѣмъ, что если владѣльцы отъ фабрики откажутся или ослабятъ на ней дѣйствіе, отведенная подъ фабрику земля и приписанные къ ней люди перейдутъ въ казенное вѣдомство *).

Такъ случились, какъ съ Солдатовскою, такъ и съ Куткинскою фабриками. Дольше и крѣпче держались казенныя фабрики, между которыми наибольшею извѣстностью пользовалась Тельминская.

Тельминская фабрика (на р. Тельмѣ, въ 58 вер. отъ Иркутска) получила свое начало также въ частныхъ рукахъ, она построена въ 1751 г. купцомъ Бобровскимъ; въ 1793 г. куплена въ вѣдомство иркутскаго коммиссаріатскаго коммиссіонерства и производила въ то время отъ 4 до 9 тыс. аршинъ сукна въ годъ. Въ 1797 году набрано въ Сибири до 6 тыс. рабочихъ людей, воздвигнуты наскоро необходимыя зданія и началось производство, но издѣлія оказались несовершенными и фабрика могла выработывать только 1/4 часть предполагаемаго количества суконъ. Между тѣмъ, присмотръ за рабочими, раздача жалованья и домашній бытъ мастеровъ находились въ ужасномъ безпорядкѣ до ревизіи фабрики сенаторомъ Селифонтовымъ. Генералъ Новицкій былъ уволенъ отъ управленія, фабрика на два года взята въ гражданское вѣдомство и когда стала изготовлять до 37 тыс. аршинъ сукна, 5.000 каразей, 3.855 шляпъ при 500 рабочихъ, снова была передана въ коммиссаріатъ, а въ 1808 году передана въ вѣденіе Пестеля (генералъ-губернатора). Въ 1811 году приступлено къ разнымъ постройкамъ и, въ теченіи 10 лѣтъ, кромѣ старыхъ, устроены: стеклянный заводъ, гранильная для стеклянной посуды, фабрика фламскаго полотна, шерстомойный дворъ и множество другихъ фабричныхъ заведеній. Въ 1820 году открыты работы на машинахъ чесальныхъ, прядильныхъ и мотовильняхъ, которыя до того времени оставались безъ всякаго употребленія. Тканье сукна производилось на 57 самолетныхъ и на 11 простыхъ двуручныхъ станкахъ. Въ 1827 г. сенатскимъ указомъ предписано было воспособлять работамъ ссыльными женщинами, которыхъ велѣно всѣхъ обращать сюда (кромѣ ссыльныхъ за смертоубійства, грабежи и разбои). Фабрика доведена была до возможной степени совершенства во всѣхъ отношеніяхъ при ген.-губер. Лавинскомъ, но съ начала 50 годовъ быстро пошла къ паденію. Въ 1860 г. мы видѣли заводъ, безъ ремонта, пришедшимъ въ отчаянную ветхость, не позволявшую надѣяться найти на нее какого либо охотника для покупки, машины всѣ пришли въ крайнюю негодность. На стеклянный заводъ еще находились желающіе, потому что и производство проще и машинъ особенныхъ не требуется. Мастеровые—потомки ссыльныхъ, оказались хорошо пріученными къ дѣлу и затѣмъ ни къ чему уже другому не способными. Тяжелѣе досталась

*) Кромѣ Солдатовской, дѣйствовали, при помощи каторжныхъ, подъ Иркутскомъ, въ 28 верстахъ, Векшина посессіонная суконная фабрика и также посессіонная Тальцынская фарфоровая, фаянсовая и стекляная, содержавшаяся купеческою компаніею въ 30 верстахъ отъ Иркутска. Въ самомъ Иркутскѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, стояла близь острога небольшая суконная фабрика, мастеровые на которой были также ссыльно-каторжные.

работа и короче жизнь тѣмъ, которые постоянно нажимали грудь у ткацкаго станка, оттого они были сухи, казались разломанными; рабочіе же стекляннаго завода казались здоровѣе, были веселѣе. Между тѣмъ, и селеніе образовалось въ видѣ порядочнаго городка, но стало непрочно и оно, на сколько не затрудненъ послѣдующій быть дѣйствительно несчастныхъ потомковъ прежнихъ несчастныхъ работниковъ. Тѣмъ не менѣе, на Тельминской фабрикѣ каторжное племя выродилось и уже третье колѣно представляется вполнѣ благонадежнымъ.

Такимъ же образомъ упала и не существуетъ въ настоящее время казачья суконная фабрика въ Омскѣ, приспособленная къ выдѣлкѣ простыхъ суконъ на войсковыя потребности, уступая мѣсто частной предпріимчивости и болѣе своевременному и правильному вызову.

VI.

СИБИРСКІЯ КРѢПОСТИ.

Охотскъ.—Чинирряхъ.—Омская крѣпость.—Крѣпости: Семипалатинская и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская.—Цурутухайтъ.—Арестантскія роты и работы.—Безпорядочность ихъ.—Упадокъ каторжныхъ работъ и затрудненіе, отсюда происшедшее.

Какъ въ XVII вѣкѣ противъ сѣверныхъ бродячихъ инородцевъ русскіе люди, овладѣвшіе Сибирью, строили остроги и московское правительство ссыльными полагало основу ихъ заселенія, такъ точно въ XVIII вѣкѣ, когда Петръ Великій, противъ кочующихъ монгольскихъ племенъ началъ сооружать крѣпости или такія укрѣпленныя мѣста, которыми можно овладѣвать только посредствомъ правильной осады, въ число первыхъ работниковъ и обитателей назначались ссыльно-каторжные. Петръ ослаблялъ высылку подобнаго сорта людей до нѣкоторой степени тѣмъ, что, торопясь защищать Россію, высылалъ ихъ на работы въ Петербургъ, Шлиссельбургъ, Рогервикъ, Азовъ, Кизляръ и проч. Затѣмъ высылка въ сибирскія крѣпости ссыльныхъ при преемникахъ Петра сдѣлалась болѣе или менѣе постоянною и продолжалась очень долго относительно крѣпости Омской, преимущественно по примѣненію къ преступникамъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Тѣмъ же Петромъ начато въ Сибири основаніе портовъ и приведеніе мѣстъ, удобныхъ для произведенія дессанта, въ оборонительное положеніе и постройка приморскихъ крѣпостей, вродѣ Охотска, Нижнекамчатска и Петропавловска или Авачи. Точно также, при его преемникахъ, ссылка въ эти послѣднія мѣста преступниковъ получила извѣстнаго рода систему, каковая и примѣнялась къ нимъ до начала нынѣшняго столѣтія, когда и она, по примѣру ссылки въ крѣпости Иртышской линіи, была прекращена. Охотскъ, стоящій въ ямѣ, окруженный горами, со сквернымъ портомъ безъ рейда, и безъ залива, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, болѣе знаменитъ тѣмъ упрямствомъ, съ которымъ отстаивали его существованіе. Суда съ древнихъ временъ отстаивались вводимыми въ рѣку Кухтуй. Вѣчные дожди и туманы дѣлали изъ него мѣсто, никогда не посѣщаемое иностранцами; хлѣбъ въ немъ не родился и уничтоженіе его было самымъ разумнымъ явленіемъ во всей его исторической жизни. Петропавловскъ, не менѣе неудобный, охотливо смѣненъ былъ на амурскій Николаевскъ. Слабымъ и безсистемнымъ продолженіемъ ссылки можно считать учрежденіе ея въ ближайшія къ намъ года въ Николаевскомъ портѣ на Амурѣ (на такъ наз. Чинирряхѣ) и организованную въ обширнымъ размѣрахъ ссылку на островъ Сахалинъ (въ такъ называемые порты Дуэ и Косунай).

Ко временамъ Петровыхъ преемниковъ въ Сибири стояли уже готовыми: Омская крѣпость, построенная въ 1708 году, и приведенная въ порядокъ въ 1759 году инженернымъ генералъ-маіоромъ Людвигомъ по идеямъ и планамъ Вобана. Укрѣпленія были достаточны для отраженія киргизскихъ хищниковъ (современная Омской, Оренбургская крѣпость, выдержала осаду отъ пугачевскихъ шаекъ съ польскими инженерами весьма удачно), но теперь кажется смѣшною и массивная арка вмѣсто воротъ и земляные валы и рвы. Все это тѣсно, неудобно, все это ждетъ истребленія, какъ ненужное и никому не страшное. Омская крѣпость сохраняетъ внутри себя Воскресенскій соборъ, корпусный штабъ, казармы, военное училище и, между прочимъ, крѣпостные казематы, получившіе подъ талантливымъ перомъ Ѳ. М. Достоевскаго прозваніе „Мертваго Дома“.

Въ 1718 году построена Семипалатинская крѣпость, но, по нездоровому мѣстоположенію, перенесена въ 1776 году на новое мѣсто, къ подножію семи древнихъ чудскихъ палатъ. Въ 1720 году генералъ-маіоромъ Лихаревымъ, на р. Иртышѣ, на низменномъ и ровномъ мѣстѣ, окруженномъ горами, построена была Усть-Каменогорская крѣпость, дѣйствительно у устья громады каменныхъ горъ, здѣсь кончающихся. Иртышъ, выходя изъ ущелья, которымъ несется отъ самой Бухтармы, становится тотчасъ шире

и начинаетъ течь медленнѣе, образуя многіе острова и отмели. Въ 1752 г. заложена Ишимская крѣпость, черезъ 18 лѣтъ переименованная въ городъ. При окончательномъ устройствѣ нынѣшней военной линіи, въ томъ же 1752 году сооружены были крѣпости: Петропавловская, Прѣсновская, Прѣсногорьковская, Звѣриноголовская, Песчаная и проч. Въ 1791 году заложена была въ одномъ изъ лучшихъ трактовъ рѣки Бухтармы, при ея устьѣ въ Иртышѣ, Бухтарминская крѣпость съ валомъ, рвомъ и кирпичными воротами, для охраненія открытаго тогда богатаго серебрянаго рудника Зыряновскаго, самаго знаменитаго на Алтаѣ. На восточной границѣ съ Китаемъ, на югѣ Забайкалья, одновременно съ первыми крѣпостями въ Сибири, основана была въ 1727 году иллирійскимъ графомъ Саввою Владисл. Рагузинскимъ крѣпость Троицо-Савская, названная такъ по имени основателя и по имени первой въ ней церкви св. Троицы. Пограничный округъ этой крѣпости заключалъ въ себѣ, кромѣ нее, еще 7 крѣпостей, между которыми Цурухайтуевская, Чиндантъ и Акша пользовались наибольшею извѣстностью, но мало представляли подобія настоящихъ крѣпостей; укрѣпленія Цурухайтуя, начатыя изъ камня, даже не были и окончены.

Всѣ поименованныя крѣпости не оправдали цѣли своихъ учрежденій, ни одной изъ нихъ не удалось достичь военной славы и со стороны сосѣднихъ народовъ враждебныя отношенія были слишкомъ слабы, и значеніе крѣпостей было только отчасти предупредительное. Тотчасъ же за ихъ основаніемъ подъ самыми крѣпостными пушками, на площадкахъ подлѣ воротъ, устроились базары—мѣста взаимныхъ обмѣновъ продуктами. Нѣкоторымъ пунктамъ удалось занять впослѣдствіи самыя видныя мѣста по крупнымъ торговымъ оборотамъ: въ Петропавловскѣ установился знаменитый на всю Сибирь мѣновой дворъ, пристроилась сильная торговля баранами и разными русскими и среднеазіатскими товарами (на ежегодную сумму 500 т. р.). Вблизи Троицко-Савска выросла знаменитая русская Кяхта съ китайскимъ Маймаченомъ. Въ Бухтарминской крѣпости производится размѣнъ товаровъ Западнаго Китая съ русскими, обѣщающій въ будущемъ очень многое. Къ Усть-Каменогорской издавна подходятъ для торга ташкенцы, кашгарцы и бухарцы (изъ Малой Бухары) со своими и китайскими товарами (съ 1754 г. здѣсь существуетъ мѣновой дворъ и таможня). Въ Семипалатинскѣ мѣновой дворъ и таможня существуютъ еще съ 1734 г. и торговля съ ташкенцами, бухарцами и киргизами приняла большіе размѣры (до милліона рублей отпускъ, до 700 т. р. привозъ). Съ такимъ оборотомъ дѣлъ значеніе крѣпостей для работъ ссыльныхъ утратилось тотчасъ же, когда укрѣпленія были окончены. Но тамъ, гдѣ укрѣпились каторжныя работы (какъ въ Омской) и ссылка не утратила своего значенія для политическихъ ссыльныхъ (какъ въ мелкихъ крѣпостяхъ по Иртышской линіи), каторжныя работы ложились на людей съ неменьшею тяжестью, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Арестантскія роты, рабочіе дома—всѣ подобныя заведенія, сдѣлавшіяся принадлежностью крѣпостей подъ именемъ крѣпостныхъ ротъ, стали самыми изъ тягчайшихъ мѣстъ, когда либо придуманныхъ для наказанія преступниковъ. По увѣреніямъ старожиловъ-наблюдателей, по словамъ самихъ заключенниковъ, по сравненіи этихъ каторжныхъ мѣстъ съ другими, наконецъ, по примѣненію къ крѣпостнымъ заточеніямъ самой строгой военной дисциплины — крѣпостныя работы встали на первомъ мѣстѣ работъ каторжныхъ. Представляя исключительный пріютъ для преступниковъ изъ военнаго сословія, но не служа исключеніемъ и для другихъ,—крѣпостныя рабочія роты были тѣми учрежденіями, ослабленію которыхъ всего больше должны радоваться человѣколюбивое чувство современнаго человѣка, не способнаго видѣть начала новыхъ страданій тамъ, гдѣ кончились многочисленныя тяжелыя предъидущія испытанія. Въ Сибири крѣпостныя работы были для ссыльныхъ еще и тѣмъ тяжелы и невыносимы, что за крѣпкими крѣпостными запорами самовольныя стремленія ко временнымъ отдыхамъ, т. е. побѣги, были крайне затруднены и считались примѣтнымъ исключеніемъ. Въ арестантскихъ ротахъ, между прочимъ, практиковалось правило раздѣлять арестантовъ на десятки и, въ случаѣ побѣга одного, заковывать въ кандалы весь десятокъ. Въ то же время работы отличались полною безпорядочностью и, веденныя безъ всякой системы, не приводили ни къ чему: работы назначались большею частью тамъ, гдѣ онѣ были вовсе не нужны, а потому и непроизводительны, и предпринимались и измышлялись собственно для того, чтобы занять время и истратить напрасно силы арестантовъ. Всѣ эти работы уличныя, всѣ безплатныя—за скверную арестантскую пищу, на платье и притомъ для знающихъ ремесло на большую часть, въ пользу ближайшаго начальства въ то время, когда оно, примѣненіемъ строгой военной дисциплины, успѣло возбудить къ себѣ ненависть и поселить отвращеніе. Арестантская работа, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, давно уже усвоила за собою привиллегію на на названіе праховой, никуда не годной. Учрежденіе арестантскихъ ротъ съ ремеслами и мастерствами въ губернскихъ городахъ нашихъ, нуждающихся въ мастерахъ и ремесленникахъ, встрѣченное на первыхъ порахъ полнѣйшимъ сочувствіемъ городскихъ обществъ,

съумѣло вскорѣ оказать свою несостоятельность именно по тому, что дѣло поручено было рукамъ, охотливѣе каравшимъ, готовнѣе злоупотреблявшимъ чужими знаніями и силами, не способнымъ и не приготовленнымъ къ тому, что направлять ихъ хотя бы по способу тѣхъ же пенитенціарныхъ тюремныхъ системъ государствъ европейскихъ. Арестантскія роты, смирительные и рабочіе дома, поселенческія рабочія роты (вродѣ существовавшей въ г. Омскѣ) оказали свою несостоятельность именно въ томъ же самомъ видѣ, который требуетъ капитальнаго измѣненія.

Такимъ образомъ, мѣста заточенія съ карательною цѣлью, въ силу историческихъ судебъ и экономическихъ причинъ, приняли въ настоящее время такой видъ. Крѣпостныя роты военнаго вѣдомства, по закону 1868 года, обращены въ исправительныя роты того же вѣдомства съ назначеніемъ сюда каторжныхъ 2-го разряда. Рудники покинуты, въ разсчетѣ на болѣе соблазнительныя выработки золота на промыслахъ и пріискахъ, и стоятъ залитые водою; разработываемыя серебряныя руды добываются при помощи вольнаго труда и для ссыльныхъ, назадъ тому 25—26 лѣтъ, потеряли устрашающую силу значенія. Невыгода обязательнаго труда и казеннаго управленія не замедлили обнаружиться въ приспособленіи каторжныхъ работъ и къ золотымъ промысламъ, а развитіе частной предпріимчивости въ томъ же Забайкальѣ и въ ближнемъ сосѣдствѣ съ казенными промыслами, указало на вольнонаемный трудъ, какъ на несомнѣнно преимущественный способъ эксплуатаціи горныхъ сокровищъ. Слѣдомъ за рудниками исчезла возможность работъ каторжнымъ и на золотыхъ промыслахъ. Винокуренные заводы казною проданы и частные заводчики уже не заявляютъ желаній и надеждъ на содѣйствіе обязательныхъ работъ ссыльныхъ и ссыльно-каторжныхъ. Солеваренные тѣмъ же способомъ могутъ обходиться безъ нихъ, и въ мѣстномъ населеніи вѣрнѣе находятъ болѣе надежныя, несомнѣнно опытныя и вполнѣ трудолюбивыя силы. На крѣпостныхъ валахъ съ большимъ удобствомъ уже прилаживаются тѣнистые бульвары для мирныхъ прогулокъ вольныхъ обывателей и крѣпости, превратившись въ мѣновые дворы и сильные базары, готовы преобразиться въ города по способу древнѣйшихъ мѣстъ заточенія и ссылки—сибирскихъ остроговъ. Въ концѣ концовъ, каторжныя работы въ Сибири исчезли и въ настоящее время предстоитъ серьезная дума о приспособленіи карательныхъ мѣръ въ Сибири, особенно въ виду того, что современные гласные суды увеличили количество обрекаемыхъ въ Сибирь на ссылку. Двѣсти лѣтъ опыта, пятнадцать различныхъ способовъ карательныхъ мѣръ возмездія за преступленія, вся исторія прошлаго съ его ошибками и недоразумѣніями представляютъ обиліе такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ вѣроятна надежда на лучшія системы и безъошибочные способы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

стр. стр

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.